

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07855451 0

160
1865

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. КРАЕВСКИМЪ И С. ДУДЫШКИНЫМЪ.

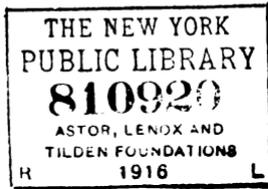

ТОМЪ СЛХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. А. КРАЕВСКАГО (Литейная, № 38).

1865.

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ. 28 апрѣля 1865 года.

УЧЕБНИКЪ
АРИТМЕТИКИ
СЪ ПРАКТИЧЕСКИМЪ
УЧЕБНИКОМЪ

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТО-ШЕСТИДЕСЯТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

	Стр.
ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЦОВЫ. Романъ въ шести частяхъ. <i>Часть четвертая. Заключеніи. Главы I—XVII.</i> В. В. Крестовскаго. . . . . . 1 и 335	X
О ДАНТЕ. По поводу шестисотлѣтняго юбилея. М. Пинто, профессора с.-петербургскаго университета. . . . . 71 и 391	✓
НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ. Романъ Чарльза Дик- кенса. <i>Книга третья. Главы I—VI.</i> . . . . . 105 и 589	X
МЕЖДУ СТАРЫМЪ И НОВЫМЪ. (Повѣсти, рассказы и очерки Н. Помяловскаго. Т. I и II). <i>Статья вторая и последняя. Incognito.</i> 133	✓
РУСАНОВЪ. Раскольничій лже-архіерей. (Изъ острожныхъ). Очеркъ. <i>Окончаніе.</i> Ө. Ливанова. 155	✓
ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НАШЕЙ АРМІИ И КОМПЛЕКТОВА- НІЕ ЕЯ ОФИЦЕРАМИ. Д. В. Шатилова. . . . . . 203 и 365	
ТАЙНЫ ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ НЕАПОЛѢ. Запис- ки Энриетты Бараччолю. Переводъ съ итальянска- го. <i>Окончаніе.</i> . . . . . 223 и 456	X
ОТРЫВОКЪ ИЗЪ «ИСТОРИИ ЮЛІЯ ЦЕЗАРЯ», Наполеона III. 257	X
АЗАРТНЫЯ ИГРЫ ВЪ ЕВРОПѢ И У НАСЪ. Н. П. М....А. 284	✓

✓ ВОПРОСЪ ОБЪ ИСКУСТВѢ. <i>Статьи первая и вторая.</i> «Эстетическія отношенія искусства къ дѣятельности». Изда- ніе второе. 1865 года. Н. И. СОЛОВЬЕВА. . . . 307 и 468
✓ СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛІЯ. Повѣсть. Главы I — XVI. В. П. АВЕНАРИУСА. . . . . . 422 и 493
ДИКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПЕДАГОГИ. Листы изъ вакаціонныхъ замѣтокъ. Е. Д. МАЛЪКОВА. 568
✓ ГИЗО, О СУЩНОСТИ ХРИСТИАНСТВА. <i>Méditations sur</i> <i>l'essence de la religion chrétienne.</i> Н. И—ОВА. . 631
✓ ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ. Романъ изъ американской жизни и нра- вовъ. Главы I—II. 649

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. . . . . 1, 79, 79 и 219
ОВОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ. . 19, 95 и 257
ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. . . . . 30, 127, 127 и 275
ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ И У НАСЪ. . . . . 52, 111 и 235
НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ. . . . . 77, 137 и 289
КУРЬОЗЫ. 208

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть четвертая.

ЗАКЛЮЧЕННИКИ.

—

I.

Дядинъ домъ (*).

Между петербургскими каналами, есть одинъ, называемый Крюковымъ. Отличительныхъ достоинствъ не имѣеть, если не считать достоинствомъ его ноголомную набережную. Каждый добросовѣстный петербуржецъ, движимый чувствами человеколюбія, конечно, не посовѣтуетъ ни одному вновь-пріѣзжему прогуляться темнымъ вечеромъ по этой гранитной набережной, если только, изъ личнаго мщенія, не пожелаетъ, чтобы тотъ свернулъ себѣ шею. Эта достопримѣчательная набережная имѣеть столь своеобразный видъ, что любой человѣкъ, незнакомый съ геологическими свойствами петербургской формаціи, ни на минуту не усумнится отнести Крюкову набережную къ плачевнымъ слѣдамъ недавняго землетрясенія — дотога осѣлись въ глубь, разщелились и повывадились торчащими косяками ея массивныя гранитныя плиты. Это — память 7-го ноября 1824 года (**).

Крюковъ каналъ служить границей между нарядной, показной частью города и тою особенной стороной, которая извѣстна подъ именемъ Коломны.

(*) Первые одиннадцать главъ четвертой части не заключаютъ въ себѣ исключительно романческаго интереса. Это — такъ-сказать, этнографическій очеркъ быта и жизни петербургской тюрьмы. Такое же значеніе отчасти имѣють и тѣ главы, которыя впоследствии коснутся женскаго отдѣленія тюремнаго замка. Дядинимъ домомъ, на воровскомъ argot, называется тюрьма; сидѣть у дяди на порукахъ — сидѣть въ тюремномъ заключеніи.

(**) Наводненіе.

Морскіе солдаты, да ластовые рабочіе, часто подъ хмѣлькомъ; лабазники изъ Лптовскаго рынка, которые пруть передъ собою двухколесныя ручныя тележки, съ кладью; театральныя мастодонты-колымаги, развозящія съ респетицій балетныхъ статистовъ и оперныхъ хористовъ; мелкій чиновничекъ съ ковардой на фуражѣ, гурьба гимназистовъ, гудящій «майстровой чловѣкъ» да фабричный съ Бердова завода—вотъ характерныя признаки уличнаго движенія Коломны. Впрочемъ, и здѣсь есть обитатели весьма комфортабельныхъ бельэтажей, даже красуются пять-шесть барскихъ домовъ, напоминающихъ «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій», но главный-то слой населенія все-таки составляютъ тѣ классы, представителей которыхъ мы только что показали читателю.

Чуть перевалитесь вы черезъ любой изъ горбатыхъ, неуеюжихъ мостовъ Крюкова канала, особенно вечеромъ, какъ разомъ почувствуете, что васъ охватываетъ иной міръ, отличный отъ того, который оставили вы за собою. Вы ѣдете по Офицерской: улица узкая, сплошныя каменныя громады, въ окнахъ газъ, бездна магазинчиковъ и лавочекъ, по которымъ сразу видно торговлю средней руки; посерединѣ улицы то и дѣло свуютъ извозники, по неширокимъ тротуарамъ еще чаще сталкивается озабоченный, разночинный народъ — и это вѣчное движеніе ясно говоритъ вамъ про близость къ городскому центру, про жизнь дѣятельную, всепоглощающую, промышленную—однимъ словомъ, про жизнь большого, многолюднаго города. Но вотъ узкая улица съ ея шумомъ и суетней впала въ овраину громадной площади. Тутъ движеніе еще сильнѣй, еще быстрѣе. Огни газовыхъ фонарей цошли еще чаще. Ярко освѣщенные подъѣзды и еще ярче залитые свѣтомъ ряды оконъ двухъ огромныхъ театровъ, быстрый топотъ рысаковъ, отовсюду торопливое громыханіе каретъ, ряды экипажей, «берегись» и «пади» кучеровъ да начальственный крикъ жандармовъ—все говоритъ вамъ, что эlegantный Петербургъ торопится убивать свое многообильное праздностью время. Но чуть перевалялись вы за горбъ литовскаго моста, какъ вдругъ запахло не центромъ, а близостью къ окраинѣ города. Офицерская улица, кажись, и та же — да не та. Пошла она гораздо шире, просторнѣе; дома въ общей массѣ менѣе высоки и громадны, ннде виднѣются сады, ннде постройки деревянныя. Свѣту—вдесятеро меньше, народу тоже, и нѣтъ ни этого снованья, ни этого грохоту экипажей.

Въ самомъ дѣлѣ, какой рѣзкій контрастъ! Тамъ, за вами —

шумъ и движеніе, блескъ огней и блескъ суетливой жизни, балетъ и опера, всѣ признаки веселья и праздности; а здѣсь—тишина, и мракъ, и безлюдье; здѣсь первое, чтѣ встрѣчаетъ васъ за мостомъ—это казенно-угрюмое зданіе городской тюрьмы, которую вечеромъ, подъѣзжая къ одному изъ двухъ театровъ, и не замѣтите вы въ окутавшемъ ее мракѣ.

Еслибы кто вздумалъ вообразить себѣ нашу тюрьму чѣмъ-нибудь въ родѣ Ньюгетъ или Бастильи, тотъ жестоко бы ошибся. Внѣшность ея совсѣмъ не носитъ на себѣ того грандіозно-мрачнаго характера, который вѣетъ воспоминаніями и стариной, этимъ ихомъ и плесенью исторіи, этою поэзіей мрачныхъ легендъ былого времени и эпизодами картинныхъ страданій. Наша тюрьма, напротивъ, отличается сѣро-казеннымъ, казарменнымъ колоритомъ обыденно-утвержденнаго образца. Такъ и хочется сказать, что «все, молъ, обстоитъ благополучно»—при взглядѣ на эти безконечно-скучныя прямыя линіи, напоминающія своею правильностью одну только отчетливую правильность ружейныхъ темповъ «разъ-два!» Но знаете ли, мнѣ кажется, что впечатлѣніе нашей тюрьмы чуть ли не будетъ еще потяжелѣе впечатлѣнія, производимаго лондонскимъ Ньюгетъ, или какой либо другой изъ средневѣковыхъ европейскихъ тюремъ. Тамъ—эта архитектура, эти воспоминанія наводятъ на васъ хотя и тяжелое, но все-таки, благодаря нѣкоторымъ изъ картинныхъ историческихъ эпизодовъ, своего рода поэтическое впечатлѣніе. Здѣсь же ничего подобнаго нѣтъ, и вотъ именно эта-то самая казенность и давить вашу душу каменъ-то тягуче-скучнымъ гнетомъ.

Неправильный и не особенно высокій четырехугольникъ, нѣчто въ родѣ каменнаго ящика, съ выступающими пузатымъ полукругомъ наугольными башнями, низкими, неуклюжими—зданіе, выкрашенное сѣровато-бѣлою краскою; ряды черныхъ оконъ за толстыми, желѣзными рѣшотками; внизу—форменныя будки и апатично бродящія часовые—таковъ наружный видъ главной петербургской тюрьмы. Только два ангела съ крестомъ, на фронтонѣ переднаго фаса, нѣсколько разнообразятъ этотъ обще-казенный, скучный видъ всего зданія. Въ передней башнѣ, выходящей къ литовскому мосту, вдѣланы низкія и тяжелыя ворота, обокъ съ ними—образъ Спасителя въ темницѣ и въ узахъ, да нѣсколько кружекъ «для арестантовъ, Христа-ради», и надъ воротами—черная доска съ надписью: «тюремный замокъ». Въ народѣ, впрочемъ, онъ слыветъ исключительно подъ именемъ «литовскаго

замка» — название, данное отъ сосѣдства съ литовскимъ рынкомъ.

Надъ домомъ вѣчнаго повора
 Стоять два ангела съ крестомъ,
 И часовые для дозора
 Внизу съ заряженнымъ ружьемъ.
 Сѣро, мрачно... Въ окнѣ рѣшетка,
 За нею—воля впереди —
 Но звукъ шаговъ считаешь четко,
 То будто звукъ: «сиди, сиди, сиди»!...

Такъ когда-то сложили стихи про тюремный замокъ одинъ изъ арестантовъ, и стихи эти сдѣлались весьма популярны въ средѣ заключенниковъ.

Около трехъ часовъ пополудни со скрипомъ растворились ворота литовскаго замка, за ними завизжали на несмазанныхъ петляхъ ворота внутреннія—жельзныя, рѣшетчатыя—и въ низкую, полутемную подворотню вѣхалъ запряженный понурою клячей четырехколесный, черный ящикъ съ номеромъ, окруженный шестью штыками военного эскорта. Не успѣлъ арестантъ въ послѣдній разъ черезъ маленькое рѣшетчатое оконце ящика бросить взоръ «на волю», то-есть на мѣръ затюренный, на эту жизнь городскую, какъ ворота снова захлопнулись, съ грохотомъ жельзнаго засова — и въ сводчатой подворотнѣ стало еще темнѣе.

Конвойный унтер-офицеръ отомкнулъ жельзную задвижку въ дверцѣ ящика и крикнулъ:

— Живѣе, вы!... Маршъ, въ контору!

Изъ двери выдѣлали три-четыре человекъ, въ безобразныхъ сѣрыхъ шапкахъ, а одинъ — въ своемъ «вольномъ» партикулярномъ платьѣ.

Пока тюремный служитель, извѣстный въ замкѣ подъ именемъ Подворотни, осматривалъ внутренность фургона и ощупывалъ возницу: нѣтъ ли чего запрещенаго, въ родѣ бартъ, табаку или водки — военный эскортъ повелъ пріѣхавшихъ арестантовъ по звучному корридору.

— Отвести на второй этажъ! (*) распорядился письмоводитель

(*) На второмъ этажѣ тюремнаго замка помѣщаются камеры *татбнаго отдѣленія*, куда сажаютъ по жельзнымъ преступленіямъ. Первый этажъ занятъ бродяжничимъ отдѣленіемъ, тамъ же и татаре. Третій этажъ — по подозрѣнію въ воровствѣ, мошенничествѣ и кражѣ; четвертый — по воровству, мошенни-

тюремной конторы, прочтя бумагу, при которой был присланъ молодой арестантъ въ «вольномъ» платьѣ.

— При себѣ ничего имѣть? отнесся онъ къ послѣднему.

— Ничего.

— Осмотрѣть! кивнулъ письмоводитель.

Одинъ изъ сторожей выворотилъ карманы арестанта и приказалъ разуть ему ноги. Оказались: карандашъ, клочка четыре бумажки, какал-то веревочка и въ старомъ портмоне рублевая ассигнація да копеекъ шесть мѣди.

Всѣ эти вещи, за исключеніемъ мѣдяковъ, были записаны и оставлены въ конторѣ (*).

Дежурный повелъ арестанта черезъ главный тюремный дворъ, посрединѣ котораго стоитъ голубятня, поставленная на собственный счетъ однимъ изъ «благородныхъ» подсудимыхъ, ради общаго развлеченія заключенныхъ. Кое-гдѣ, за рѣшетками оконъ видяются ихъ невеселыя лица. Вокругъ двора идетъ бревенчатый палисадъ, болѣе двухъ сажень вышиною; за нимъ разбиты маленькіе садки, отгороженные одинъ отъ другого точно такими же высокими палисадомъ, и служащіе единственнымъ официальнымъ развлеченіемъ арестантовъ. То тамъ, то самъ, въ разныхъ концахъ огромнаго двора прохаживались часовые съ ружьями, а «первое частное» съ красными воротниками на сѣрыхъ пиджакахъ, пилило дрова и таскало ихъ на всю тюрьму, по камерамъ (**).

честу и кражѣ. Второй, третій и четвертый слынутъ въ тюрьмѣ просто подъ именемъ этажей.

(*) Деньги, менѣе рубля, отдаются на руки арестанту, съ рубля же отбираются въ конторѣ. Арестантъ ежедневно можетъ брать нѣкоторую сумму на свои житейскія потребности, на чай, булку и т. п. Мелкія вещи, кѣмъ нибудь или ничего нестоющія, отбираются сподна, особенно бумага чистая, хоть будь это простой клочекъ. Почему, для чего послѣдняя строгость? — неизвестно, тѣмъ болѣе, что по намеренію бумага все-таки есть, и иногда въ извѣстномъ количествѣ.

(**) Отдѣленія означаются по воротникамъ: татѣбное отдѣленіе—черный воротникъ. По этому случаю татѣбныхъ называютъ «егарами». По подозрѣнію въ воровствѣ—синій; по воровству—желтый. Первыхъ зовутъ «гарнизонкомъ», послѣднихъ—«улашниками».

1-е частное отдѣленіе, куда забираютъ по преимуществу безпаспортныхъ, изъ Веземскаго дома и т. п., носятъ красные воротники. Военнаго названія не имѣетъ, но, какъ видно изъ одной арестантской рукописи, находящейся у автора, прозывается «мрачнымъ свѣтомъ».

2-е частное отдѣленіе—малиновый воротникъ, извѣстно подъ именемъ «старога благороднаго»; называютъ его также «безхлѣботнымъ». Сидятъ тамъ иностранцы, купцы, мѣщане и даже крестьяне случаются; но попасть на это от-

— Деньги есть? вполголоса обратился «проводжатай» къ своему спутнику, покосясь на него въ полоборота, что явно обозначало интимно-секретное свойство вопроса.

— Отобрали, коротко отвѣчалъ арестантъ.

— Экой дурень! И чему васъ, право, учать въ этихъ сибиряхъ по частямъ?... Отобрали!... А того не знаетъ, что на экое дѣло мутузка (*) есть: замоталъ въ нее сигнацію да и обвязи поясомъ по тѣлу: тамъ не шупаютъ!... Дурень, право дурень! А сколько денегъ-то? спросилъ онъ еще тише.

— I рубль... да шесть копеекъ еще—этихъ не взяли.

— Фю! презрительно свиснулъ солдатъ:—шесть копеекъ! Туды же деньгами величается!... Ну, да богъ съ тобой, давай ужъ и ихъ что-ли сюда, а я словцо такое замолвяю за тебя приставнику.

дѣленіе преимущественно можно по протекціи, потому что со второго частнаго не гоняютъ ни на какую работу и позволяютъ ходить въ собственномъ «вольномъ» платьѣ.

Бродяжное—воротникъ зелѣный—«чтобъ, значить, вольныя поля да лѣса напоминало», говорятъ арестанты.

Подсудимое отдѣленіе — сѣрый; прозывается, по той же рукописи, «хамовымъ отродьемъ», потому что изъ этого отдѣленія назначаются люди въ прислугу на благородное и секретное отдѣленія, въ банщики, кашевары, портные, хлѣбопѣки, сапожники.

На благородномъ отдѣленіи — черные пиджаки съ чернымъ, отложнымъ воротникомъ; допускается также и свой собственный костюмъ. Тюремная работа заключается въ качаньи воды да въ пиланьи и разноскѣ дровъ. Третій и четвертый этажи таскаютъ сами на себя; для прочихъ же отдѣленій—эту обязанность исполняетъ первое частное. А работаютъ первые два «по перемянкамъ»: сегодня 4-й, напримѣръ, воду качаетъ, а 3-й пилитъ дрова; завтра наоборотъ. Этничъ только и διαφοобразится работа по замку.

(*) Мутузка—поясокъ, которымъ служитъ веревочка тоненькая. Есть два способа протаскивать съ собою деньги. О наиболее употребительномъ, благодаря его оригинальности, нѣтъ никакой возможности сказать что-либо не въ строго-спеціальномъ трактатѣ. Второй же способъ представляетъ именно мутузку или мутузочку. Вокругъ нея свертывается ассигнація и заматывается ниткою. Впрочемъ, для арестантовъ невыгодно брать съ собою болѣе крупныя деньги, потому денежное воровство сильно развито между арестантами и часто соединяется даже съ открытымъ грабежомъ. Былъ случай, что одинъ, съ помощью нецелзурнаго способа, протаскалъ съ собою на этажъ триста рублей и зашилъ ихъ тамъ въ жилетку. Объ этомъ провѣдали трое арестантовъ и подкараулили его однажды въ корридорѣ, при выходѣ изъ ретираднаго мѣста. Они кинулись на него, двое схватили за руки, третій—сорвалъ жилетку и затѣмъ давши ему тумака въ голову, отъ котораго тотъ упалъ безъ чувствъ, грабители успѣли скрыть жилетку. Все это дѣлается на глазахъ приставниковъ и корридорныхъ, которыхъ ни въ грошъ не ставятъ арестанты, и которые, состоя частенько въ сообщей делѣжкѣ, находятъ, что такая кража весьма даже законное явленіе, «потому не бери съ собою много денегъ, коли начальство запретило». Ну, опытные арестанты и точно не берутъ, а не то прачуть такъ ловко и осторожно, чтобъ ужъ никто не догадался.

Арестантъ отдалъ, не прекослова.

— Живѣе, маршъ! прикрикнулъ дежурный, подымаясь съ нимъ по лѣстницѣ, на площадѣ которой у дверейhalb видѣлась каска и штаны часового—спеціальная привилегія татейнаго отдѣленія, куда сажаютъ «по тяжкимъ преступленіямъ», и тутъ сдалъ приведеннаго съ рукъ на руки приставнику, дюжему солдату, съ черными погонами и въ высокой фуражкѣ. Корридорный, по приказу послѣдняго, выкликнулъ изъ камеры старосту, «сидѣлаго человѣка» съ широкими калмыцкими скулами, и поздравилъ его «съ новымъ жильцомъ». Приставникъ показалъ старостѣ «новичка», переговорилъ гдѣ поспособнѣе посадить его, то-есть въ какомъ номерѣ вмѣстѣ незанятая койка и, получивъ надлежащее свѣдѣніе, вмѣстѣ съ «сидѣлымъ человѣкомъ» провелъ «новаго жильца» по корридору, въ дверь небольшой конурки, которая зовется «приставницкой». Сюда же былъ «выкликанъ» и «дневальный» той камеры, гдѣ предполагалось помѣстить приведеннаго (*). Въ приставницкой обыкновенно совершается переодѣваніе «въ новые виды», то-есть первое посвященіе въ жизнь заключенную. Новичка заставили снять съ себя вольное платье съ бѣльемъ, а взамѣнъ выдали костюмъ арестантскій.

Черезъ минуту молодой человѣкъ очутился въ толстѣйшей дерюгъ-сорочкѣ, сѣрыхъ штанахъ грубаго сукна и такомъ же пиджакѣ.

— Вотъ, ты, стало быть, въ егаря поступилъ, замѣтилъ солдатъ, указавъ на черный воротникъ пиджака, и выдалъ ему пле-

---

(*) На каждое отдѣленіе полагается по одному приставнику, который играетъ роль гувернера при арестантахъ: присутствуетъ при ихъ обѣдѣ, два раза въ сутки ходитъ въ лавочку за припасами для желающихъ, выгоняетъ на работу, соблюдаетъ въ рекреационное время, на прогулкѣ по садикамъ, по средамъ и кутникамъ сопровождаетъ въ контору желающихъ писать о себѣ прошенія. У него есть два помощника: корридорный и подчасокъ, обязанность которыхъ главнѣйшимъ образомъ заключается въ томъ, чтобы во время обходовъ начальства, двери въ камерахъ, ради порядка, были заперты на ключъ. Во внутреннемъ управленіи арестантовъ искони ведется выборное начало. Большинство голосовъ на каждое отдѣленіе выбирается староста, а въ каждой камерѣ—дневальный и поддневальный. На работу она не ходитъ, за то обязанъ приходить на свое мѣсто «новичковъ», получаютъ бѣлье на свою камеру, ходятъ за хлѣбомъ, принимаютъ со старостой подаванье, каждый день пометаютъ у себя полъ, а по субботамъ моютъ его. Обязанность старости довольно нудная: онъ—судья и вершитель междуособныхъ недоразумѣній и споровъ, отвѣтчикъ передъ начальствомъ за духъ своего отдѣленія и за разныя промешательства, проступки и т. п. Ему нужно потрафлять и на начальство и на арестантовъ, чтобы и то, и другіе были довольны, по пословицѣ: и волки сати, и овцы цѣлы.

тенны лапти съ неуклюжею сѣрою шапкой.—Береги вещи, потому онѣ казенныя: взымать будутъ. Видишь?

И онѣ ткнулъ пальцемъ на номеръ и клеймо, выставленное на каждой принадлежности костюма: «РАЗ. Т. З.».

— Это значить, ты — «разночинецъ тюремнаго замка» — такъ оно и обозначено. Понимаешь? пояснилъ дневальный.—А теперь пойдемъ на «татѣбное», къ милымъ пріятелямъ, познакомиться.

За арестантомъ затворилась дверь предназначенной для него камеры — и хрипое шелканье запираемаго замка возвѣстило ему окончательное вступленіе въ міръ новый, своеобразный, оригинальный и мало кому знакомый «на волѣ».

У вновь приведеннаго помутилось въ глазахъ: егошибло этою духотою и вонью, этимъ прокисло-затхлымъ и спертнымъ воздухомъ тюремной камеры. Дневальный далъ ему толстую суконную подстилку да тощій тюфячокъ съ подушчѣнкой и указалъ мѣсто на одной изъ свободныхъ коекъ, которыя тѣсно идутъ по двумъ противоположнымъ стѣнамъ. Почти бессознательно сталъ онѣ оглядывать настоящее свое жилище, избѣгая взглянуть на лица новыхъ товарищей.

Это была не особенно просторная комната, въ два окна съ давно-потускнѣвшими стеклами, съ низкимъ закоптѣлымъ сводомъ и желѣзною печью въ углу. Кое-гдѣ, по стѣнкамъ, торчали убогія, маленькія полочки съ хлѣбомъ и «подаянными» сайками да разной посудой, въ родѣ чашекъ и кружекъ; кое-гдѣ надъ койками красовались прилѣпленныя картинки и вырѣзанные изъ бумаги пѣтушки, то и другое — издѣлія самихъ арестантовъ. На передней стѣнѣ висѣлъ темный образъ и лампада, замѣняющая собою ночникъ; въ углу — боченокъ съ водою, а на дверяхъ, повыше надзирательской форточки, росписаны были ряды цифръ и слѣдующіе знаки:

В. П. В. С. Ч. П. С.

Это — календарь, лежащій, по приговору членовъ камеры, на обязанности дневальнаго, который отмѣчаетъ мѣломъ начальныя буквы дней недѣли, и подъ каждую ставитъ цифру. На утро каждаго дня стирается цифра, обозначавшая вчерашнее число, и такъ до конца мѣсяца. Въ камерѣ помѣщалось тридцать человекъ заключенныхъ. На двухъ побрякивали цѣпи. Это — «рѣшонные»; сидятъ и ждутъ себѣ скорого и дальняго странствія въ палестины забайкальскія. Иныя спятъ въ растяжку какимъ-то тяжелымъ,

безжизненнымъ сномъ, какой мнѣ случалось подмѣчать досадѣ у
 однихъ арестантовъ, да у людей натруженныхъ. Иные «дуются»
 въ шапки, «на антересь», которымъ служить грошъ, или милор-
 стынная булка. Шашечницу устроить нехитро: взялъ ножъ да и
 наскоблилъ имъ клѣтки на коечной доскѣ, а изъ соснового полѣ-
 на повырѣзываетъ кружки да квадратники—и готово дѣло. Нѣсколь-
 ко человекъ книжку читаютъ и предаются этому занятію съ ви-
 димымъ наслажденіемъ. Книжками снабжаетъ ихъ тюремный свя-
 щенникъ; но «божественныя» если и читаютъ арестанты, то боль-
 ше подъ враздникъ, а въ мірскіе дни предпочитаютъ чтеніе «съ
 воли» и ищутъ въ немъ то, что позанятнѣе. А съ воли можетъ
 проташить книжку, хоть тюремный солдатъ, хоть любой посѣти-
 тель; и тутъ есть всякая книжка: и историческая, и номеръ стараго
 журнала, и путешествіе, и романъ, какой попадется; все это погло-
 щается съ равнымъ удовольствіемъ, которое выражается въ свое-
 образныхъ комментаріяхъ и поощрительныхъ возгласахъ. Иногда
 очень ужъ занятую книжку цѣлая камера, какъ одинъ человекъ,
 слушаетъ, никто слова сторонняго не шепнетъ, никто не спитъ,
 никто даже въ кости не играетъ, а объ картахъ, на этакую пору,
 и помнуну нѣтъ (*).

А лица, а фізіономіи? Какихъ тутъ только нѣтъ, между эти-
 ми тридцатью существами, которыхъ случайная судьба свела, на
 неопредѣленное время, подъ низкіе своды тѣсной камеры и за-
 ставила денно и ночью пребывать всѣхъ вкупѣ, нерадѣльно!
 Лица старыя и молодыя, по которымъ угадаешь всѣ степени че-
 ловѣческаго возраста, за исключеніемъ дѣтскаго да глубоко-стар-
 ческаго, угадаешь разныя національности и оттѣнки личнаго ха-

---

(*) Это показываетъ, какъ сильна у арестантовъ потребность къ чтенію и
 вообще къ умственной дѣятельности. Между прочимъ, надо замѣтить, что аре-
 станты очень любятъ стихи читать. Я знаю нѣсколькихъ, которые говорили
 мнѣ наизусть стихотворенія нѣкоторыхъ современныхъ поэтовъ, а одинъ валялъ
 даже въ прозѣ цѣлый отрывокъ изъ «Мертваго дома» Ф. Достоевскаго.
 Замѣчательно еще то, что предпочитаютъ стихи не юмористическіе, которы-
 ми такъ богаты нынѣшніе сатирическіе листы, а сентиментальныя, чувствител-
 ьныя, элегическіе, или же такіе, гдѣ говорится по горю людское, страдающа,
 невольн; особенно въ ходу Лермонтовъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, По-
 лежневъ, наравнѣ со своими собственными тюремными произведеніями. Пре-
 мущественно же литература и потребность чтенія развита на четвертомъ и
 третьемъ этажахъ. Это даже можетъ замѣтить каждый случайный наблюдатель—
 стоять только, для сравненія, хоть разъ обойти всѣ отдѣленія зѣмка.
 А между тѣмъ тюремной бібліотекѣ не нѣбется, да едва-ли и думаетъ кто
 объ этомъ, кромѣ священника, снабжающаго книгами духовно-нравственнаго
 содержанія.

рактера въ каждомъ. Вотъ открытая, добродушная и красивая фізіономія молодого парня. Это—убійца. Спросите его, не офиціально, а по душѣ, за что онъ содержится?

— А изъ ружья стрѣлили, откровенно отвѣтитъ вамъ парень, если только на ту пору будетъ въ добромъ юморѣ и захочетъ отвѣтить.

— Какъ стрѣлили? кого?

— А начальства свою стрѣлили—потому жонку скралъ, подѣ свою милость. Теперичи рѣшенья ждемъ.

Рядомъ съ нимъ чухна изъ-подъ Выборга. Этого какъ ужъ ни спрашивай, вѣчно молучишь одинъ только отвѣтъ: «*еймуста*, ничего не знаю!» А содержится «по подозрѣнію» будто въ убійствѣ. Но стоитъ только взглянуть на эту неуяложе-обтесанную, словно дубовый обрубокъ, приземистую, коренастую и крѣпкую фигурку, ростомъ меньше чѣмъ въ два аршина, на этотъ приплюснутый книзу черепъ, на эти узенькія, маленькія щелки-глаза и апатично-животное выраженіе лица, чтобы съ полнымъ внутреннимъ убѣжденіемъ сознать въ немъ убійцу.

Вонъ тамъ, въ углу, растянувшись, руки подѣ голову, лежатъ на койкѣ литвинъ, промышлявшій на пограничномъ кордонѣ смѣлою контрабандой. Что за беззаботно-отважная фізіономія! А тамъ вотъ нѣмецъ, *Bairische Unterthan*, который сидитъ-себѣ сиднемъ семь лѣтъ уже въ одной и той же камерѣ; поступилъ—ни слова не зналъ порусски, а теперь рѣжетъ, какъ истинъ русакъ, безъ малѣйшаго акцента—въ тюрьмѣ научился.

Далѣе выглядываетъ тоненькій носикъ черненькаго жидка: на фальшивой монетѣ попался.

А это что за крупныя, сладострастно очерченныя губы? Что за ненормальное развитіе задней части черепа! И спрашивать нечего! Съ разу угадаешь тебя, богатырь Чурило Оленковичъ. Только ты не тотъ хорошій Чурило, не древній Дон-Жуанъ земли русской; никакая-то княжая жена Опраксія у души своей тебя не держала, и не было у тебя своей Катерины Микулични, Бермятвонной жонки купецвой; и когда поведутъ тебя, раба божьяго, на мѣсто лобное, высокое, такъ кievскія бабы не взмолятся: «оставь-де Чурилу намъ хоть на семена!» не взмолятся потому, что не горѣла въ тебѣ ни одна-то душа бабья, ни одно сердце дѣвичье, хотя и тебя, какъ древняго Чурилу, тоже, быть можетъ, погубила какая-нибудь дѣвка-чернавка. А не горѣла ничья душа потому, что ужъ больно неказистъ ты съ полнчья; сластолюбіе

твоё было и есть въ тебѣ явленіе уродливое, болѣзненное: лю-
тишь звѣремъ на межѣ да въ пералѣскѣ выдался ты на прокошю,
волюнцѣ ее себѣ не красными словами, не хваткой молодец-
кою, а насильствомъ да ножовой угрозою. Ну, за то за самое,
другъ любезный, и обрѣтаешься теперь въ «домѣ дядиномъ» выѣ-
сто дома сумасшедшаго.

Рядомъ съ Чурилой, пригорюнился еще одинъ обитатель тѣ-
режня. Этотъ—краснаго пѣтуха пуцалъ на всю деревню роди-
мую, когда стала она для него пуще ворога лютаго. Было вре-
мя, что вились его кудерки, вились - завивались, да пришла на
кудри черная невзгода, сбрили съ головы его красу свѣтиорусую
и повели въ городъ во солдаты. Изъ города нарень убѣгъ; осен-
нею ночью на деревню вернулся, ступнулъ подъ окошко, бран-
нулъ во колючку: «пустите, родимые, сына—обогрѣться!» — Не
пустилъ батюшко—бурмистра вснужался, не пошрла матушка—
хозяйина побоялась.—«Ты жь гори огнемъ, батюшкино подворье,
пропадай пропадаемъ, матушкина свѣтлица!»—И пошелъ митарить-
ся по бѣлу-свѣту, разные виды на себя принимать, пока не ны-
мали въ городѣ Петербургѣ. Что-то думаетъ онъ да гадаеть,
про то знаетъ одна голова его забубенная, а что напередъ при-
ключится и чѣмъ кончится—про то Богъ святой вѣдаетъ.

Всаваго народу въ этой камерѣ вѣсталь, и есть вредставите-
ли многихъ родовъ преступленья. Тутъ и свитотатны, и корчем-
ники, и убогой мужичонко, что казенную сосѣншку съ казен-
наго бора срубилъ, и покустели на самоубійство; сидятъ и за во-
ровство большое и за «угонъ скамеекъ», то-есть лошадей, и за гра-
бежъ съ разбоемъ; тутъ же и отцеубійца-раскольникъ, котораго
мать родная, старуха древняя, сама уврѣсомъ-просила отвести ее
въ меленную и тамъ порѣшить топоромъ дуну ея ованную,
многогрѣшную, чтобы черезъ страсотериную кончину праведную
мученичeskій вѣнецъ пріати. Онъ такъ и исполнилъ матерній
завѣтъ, да и самъ помнилъ о такомъ же блаженномъ концѣ
черезъ своего сына, какъ до старости доживеть, а тутъ началь-
ство, на грѣхъ, не следобило: таскало, гоняло по разнымъ су-
дамъ и острогамъ, пока не попалъ, какими-то судьбами, въ пе-
тербургскій.

И на каждой изъ этихъ фізіономій своя печаль и своя дума—
а дума одна: какъ бы вынрнуть изъ дѣла да изъ коттеи острож-
ныхъ. Ини лица, впрочемъ, кромѣ полнѣйшей, безразличной
аватн, ничего не выражаютъ; на другихъ—животенная тупость;

иныя же дышуть такимъ добродушіемъ и откровенностью, что невольно рождается вопросъ: «да ужь полно, точно ли это преступникъ?» Но за то есть и такого сорта фізіономіи, на которыхъ явно лежитъ печать отверженія. Приплюснутый сверху черепъ, съ сильнымъ развитіемъ задней его части, на счетъ узкаго, низкаго и маленькаго лба, узкіе же глаза изподлобья, широкія, вздутыя ноздри, широкія скулы и крупно выдавшіяся губы являются по большей части характерными признаками такихъ преступниковъ. Это—преступники грубой, звѣрской силы и животныхъ инстинктовъ—совершенный контрастъ съ мошенниками и ворами городскими, цивилизованными, изъ которыхъ, если вы спросите любого: кто онъ таковъ? — то можете почти навѣрное услышать въ отвѣтъ: «кронштадтскій мѣщанинъ». Мнѣ кажется, что больше трети петербургскихъ мошенниковъ называютъ себя кронштадтскими мѣщанами. Почему ужь у нихъ такая особенная привязанность къ Кронштадту? — навѣрное не знаю, но чуть-ли не оттого, что легка приписка въ общество этого города. Контрастъ между фізіономіей убійцы или грабителя по профессіи, и между фізіономіей плутаги-мошенника, то-есть такъ-называемаго «мазурика», слишкомъ легко замѣтенъ: у этого послѣдняго умный, хитрый, уклончиво-бѣгающій и пронырливый взглядъ, который и всему лицу придаетъ выраженіе пронырливаго ума, изворотливой хитрости и смѣтки.

Но каковы бы ни были эти тюремныя фізіономіи, сколь бы ни разнообразенъ являлся ихъ характеръ, однако на всѣхъ ихъ лежитъ нѣчто общее, и это именно — тотъ болѣзненный, сѣрый колоритъ съ легкимъ изъзелена-желтымъ оттѣнкомъ, который устанавливается на лицѣ, вслѣдствіе тюремнаго заключенія. Воздуху, свѣту, движенія просить организмъ, а ихъ-то вотъ и нѣтъ, въ надлежащей степени. Впрочемъ, верхніе этажи тюремнаго замка, относительно, представляютъ нѣсколько болѣе выгодныя условія для свѣтля, по-крайней-мѣрѣ, въ отношеніи свѣта. Но попробуйте войти въ этажъ подвальный, куда вводитъ васъ низкая дверь съ надписью надъ нею: «*по бродяжеству*» — вы очутитесь въ темномъ и узкомъ корридорѣ, въ который еле-еле западаетъ слабый дневной свѣтъ, проходя черезъ рядъ маленькихъ стѣнныхъ трубъ, примыкающихъ къ крохотнымъ оконцамъ (не болѣе четверти въ квадратѣ), находящимся выше уровня корридорнаго потолка. Комната, въ одно окно, весьма щедро заслоненное желѣзною рѣшеткой, и въ этой комнатѣ живетъ порою до

двѣдцати и болѣе человекѣвъ. Рядомъ — камера татарская, гдѣ группируютъ ихъ въ одну семью «на высѣдкахъ» (*).

II.

ТЮРЕМНЫЙ ДЕНЬ.

Да, невеселая это жизнь. Скучно, томительно-однообразно тянется день заключенника—вчера, какъ сегодня, сегодня, какъ вчера—и такъ проходить многіе недѣли и мѣсяцы, а для иныхъ даже и многіе годы.

Чуть остановится поутру стрѣлка замковыхъ часовъ на цифрѣ VII—во дворѣ раздаются три удара въ колоколь. Тюремный день начался—прозвонили утреннюю провѣрку. Унтер-офицеръ отъ военного караула вмѣстѣ съ Подворотней (**) обходятъ всѣ отдѣленія замка. На двери каждой камеры прибита снаружи красная доска, съ цифрой, которая показываетъ число заключенныхъ. Отмыкается замокъ, и Подворотня начинаетъ считать людей, свѣряясь съ надверною цифрой. Если случился ночной побѣгъ, отвѣчаетъ офицеръ караульный; за побѣгъ же, совершенный въ теченіе дня, вина падаетъ на тюремное начальство. Впрочемъ, арестанты знаютъ «добрыхъ» офицеровъ и стараются приспоровливать дѣло такъ, чтобъ ужъ если бѣжать, то бѣжать, коли можно, въ «злое дежурство» — «чтобы, значить, добраго да хорошаго человека въ отвѣтъ подь сумленіе не ввести».

Изъ прѣлой температуры, которая въ теченіе ночи сдѣлалась совсѣмъ уже банною въ этой герметически закупоренной камерѣ, выбѣгаетъ распотѣвшій народъ въ настуженныя сѣни—мыться у мѣдныхъ умывалень, и это выбѣганье на холодокъ очень нравится арестанту, потому послѣ долгой ночи, даже и воздухъ сѣней покажется необыкновенно чистымъ и живительнымъ: «по крайности хоть вздохнешь послободиѣ.» А дневальный въ это время по обязанности подметаетъ полъ. Пока арестантъ умылся да лобъ перекрестилъ—глядишь—прошелъ уже часъ времени, и вотъ въ восемь «книпятокъ звонять». У кого есть щепотка чаю да кусокъ сахару, тотъ бѣжитъ на кухню съ посудиною; у кого

(*) «На высѣдкахъ» на тюремномъ argot значить заключеніе на извѣстный срокъ, по приговору суда.

(**) Прозваніе, данное помощнику фельдфебеля тюремной команды, которе ое вошло въ тюремный argot, какъ общее нарицательное имя для служителя, исполняющаго обязанность главнаго привратника.

нѣтъ—добрый человѣкъ изъ товарищей подѣлится, напоить. Послѣ «кнпятка»—кто хочетъ—въ шкелу, а остальные дрова налить да воду качать, до одиннадцати часовъ. Въ школу, которую служить столовая замка, ходитъ какой-то чиновникъ, якобы учить, а въ сущности только перья да бумагу раздавать учащимся, потому арестантъ предпочитаетъ учиться у своего же брата арестанта-грамотѣя. И ходятъ туда они добровольно, по своей охотѣ, когда десять, когда двадцать, а когда и пятьдесятъ человѣкъ. А тѣ, что выгнаны къ дровамъ на работу, отбиваютъ свое дѣло по задачѣ: на каждахъ четырехъ человѣкъ полагается урокъ—распилить полсажени дровъ, и кто отбылъ задачу раньше одиннадцати часовъ, тотъ продираетъ себѣ въ садикъ своего отдѣленія. Эти садники очень пришлились по нраву заключеннымъ: они, въ большинствѣ своемъ, очень любятъ ухаживать за тощенькими кустиками на садовыхъ клумбахъ; иные достаютъ себѣ съ воли разныхъ сѣмянъ и по веснѣ сажаютъ ихъ въ землю, растятъ и колятъ молодые всходы съ необыкновенной заботливостью, и — странное дѣло! — есть неоднократные примѣры, что самые зачерствѣлые преступники съ искреннимъ удовольствіемъ предаются этому буколическому уходу за своими цвѣтами.

Вотъ какъ описывается тюремный садикъ въ одной рукописи, создавшейся въ тюрьмѣ и весьма популярной между арестантами четвертаго этажа, гдѣ и слагались помѣщенныя въ ней пѣсни: (*)

Сѣлъ къ окну я.—Голубь спозкрытый
 Прилетѣлъ и что-то мнѣ воркуеть;
 О голубкѣ, вѣрно, все о милой —
 Какъ и я, онъ, бѣдненькій, тоскуеть.
 Взялъ я хлѣба, на окно поспиналъ —
 Не клевалъ онъ, къ крошкамъ не касался...
 Я заплакалъ — и кусокъ вдругъ выпалъ —
 И вспорхнулъ мой голубь, испугался.
 А внизу-то садикъ зеленѣетъ
 На кусточкахъ свѣжіе листочки —
 И желтѣютъ, вижу, и алѣютъ
 Раскрасавчици цвѣты-цвѣточки.
 Въ томъ садочкѣ узники гуляютъ:
 На скамейкахъ тамъ сидятъ ине,
 А другіе въ косточки играютъ —
 Много ихъ — все больше молодые;
 Лица желты, лица у нихъ блѣдны —
 Не красива сѣрая одежда! и т. д.

(*) Рукопись эта называется «Домъ позора». О ней нѣсколько говорится впоследствии, въ самомъ текстѣ романа.

Любимое занятіе арестантовъ, во время этихъ послѣдурочныхъ прогулокъ въ садикѣ — игра въ кости; ей отдается столько же симпатіи, сколько и уходу за двѣтами... Вокругъ зеленой скамейки «отабунятся» нѣсколько человекъ, и изъ среды ихъ то и дѣло вылетаетъ взрывъ горячихъ восклицаній: «очко!... куш! двѣнадцать очковъ! вятка! шестокъ!» и все это съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, съ азартомъ, въ которомъ выражается — то удовольствіе отъ удачи, то крѣпкая досада на проигрышъ.

— А что, нынче гороховый день? интересуются арестанты, забывъ, что время близится къ обѣденному сроку.

— Не надо быть гороховому: день сегодня, кажись, у Бога скоромный стоитъ: вторникомъ проаывается.

— То-то; совсѣмъ ужъ смотался съ пищей-то съ этой, ажно и забыли. Стало быть, щи?

— Кабы щи! хоть и сѣряки они—эти щи-то наши, а все жь нутро чувствуетъ, какъ чемоданъ нагрѣшь. А то вотъ Гриньва Саоговъ на кухню бѣгалъ, сказывалъ—потѣмчиха! (*)

— Ой, ее къ чорту! совсѣмъ щенячья это пища, а не людская, право!

— Это точно что! соглашаются арестанты и, въ ожиданіи потѣмчихи, апатично тянутъ время до обѣденнаго часа.

Бьетъ одиннадцать—и раздается звонокъ къ обѣду. Народъ валитъ въ столовую, захвативъ съ собою изъ камеръ деревянныя ложки и свои порціи хлѣба (**). На столахъ уже дымятся горячимъ паромъ большіе мѣдные баки — на восемь человекъ по одному—между баками разставлены жестянки съ квасомъ.

— Го-гд! ребята, щами пахнетъ, словно бы вкуснѣе: не столь блсдъ.

— Начальство будетъ... вѣрно начальства ждуть...

— Ой-ли? радости-веселости мои! давай, на счастье, сламу лопить, ребята — только чуръ, по разу! не плутуй! (***) раздается

(*) Этимъ прозваніемъ окрестили арестанты похлебку изъ овсяной крупы съ картофелемъ, которая введена была предварительно на женскомъ отдѣленіи, и которую заключенники весьма неодобряютъ. Распределение блюдъ на недѣлю таково: понедѣльникъ — щи, вторникъ — потѣмчиха, среда, постный день—горохъ и т. д., а въ воскресенье—щи да каша и то, впрочемъ, не всегда, а смотря по обилію приношеній, которыя дѣлаются иногда и припасами.

(**) Хлѣбъ черезъ дневальныхъ получается отдѣльно на каждую камеру дневными порціями по 2½ фунта на человѣка.

(***) Это—одинъ изъ арестантскихъ обычаевъ: берется складной ножикъ, а за

говоръ между арестантами, въ разныхъ концахъ столовой, пока гурьба усаживается на длинныя скамейки.

— Ну-у! селитра (*) привалила! съ явнымъ неудовольствіемъ замѣчаютъ кое-гдѣ по столамъ, при входѣ военнаго караула.

Въ столовой появляются восемь человѣкъ солдатъ, съ ружьями и офицеромъ. Четверо становятся у однихъ дверей, четверо у другихъ, противоположныхъ. Таково тюремное обыкновеніе, котораго весьма не жалуютъ арестанты: оно оскорбляетъ ихъ самолюбіе.

— Чтой-то, словно въ тигрѣ какой лютой приставляютъ!... И зачѣмъ это, право?

— А зачѣмъ, чтобъ память не отшибло съ ѣды: пожалуй, забудешь, что у дяди на порубахъ сидишь. Глади еще, бунту затѣешь какою.

— Какъ же, *гарнизонъ* да *улами*, что ни есть, первые бунтовщики; это ужъ завсегда; на то ихъ и караулятъ.

И много еще слышится у нихъ, промежь себя, замѣчаній въ подобномъ же родѣ. Офицеръ, межъ тѣмъ, шагаетъ-себѣ по среднему проходу, вдоль столовой, и часто поневолѣ, урывками слышитъ недовольныя рѣчи; поэтому, многіе изъ нихъ зная, что большой караулъ выказываетъ точно бы какое-то недовѣріе къ арестантамъ, входятъ въ столовую не съ восемью, а только съ четырьмя людьми, и то лишь ради соблюденія формальности. Арестанты — какъ дѣти: имъ льститъ это довѣріе, они дѣняютъ его, ибо очень тонко умѣютъ понимать человѣчность отношеній къ себѣ, которая служитъ для нихъ первою отличкой «добраго, хорошаго офицера».

Тюремный начетчикъ Китаренко (изъ заключенныхъ же), стоитъ у наложки и толково читаетъ, своимъ внятнымъ, монотоннымъ голосомъ Четы-миней, которыхъ, однако, ни одна душа спасенная не слушаетъ, потому — либо занимается она ѣдою, либо разговоръ пріятный съ сосѣдями ведетъ; Китаренко же читаетъ такъ-себѣ, «для близиру», чтобъ начальство убагодушествовать, по-

неніемъ его ложка и погружается въ бакъ со шами. Это — лотерея на кусокъ говядины, которая попадаетъ не въ особенномъ изобиліи, а иногда и вовсе не обрѣтается въ бакѣ. Довать на счастье, и потому каждый погружаетъ ножикъ или ложку только по разу, при чемъ остальные семь человѣкъ наблюдаютъ, чтобъ «ловитель» не старался выскрывать мясо, а въ какое мѣсто погружалъ, съ того непосредственно и вынимай наружу.

(*) Такъ заключенные и смѣльные называютъ гарнизонныхъ и этаныхъ солдатъ.

тому оно разъ ужъ такъ постановило, и значить, нечего тутъ разсуждать.

Отъ обѣда, до двухъ часовъ — время вальготное. Двери въ камерахъ не на замкъ, а только приперты для виду. Арестанты дѣлають визиты: приходятъ, по сосѣдству изъ камеры въ камеру, сидять, балагурять, сплетничаютъ. Люди смирные занимаются чтеніемъ, либо спать завалются на койки, а для людей азартныхъ— существуютъ карты, да кости, да пашки въ придачу. И вотъ, раздается хоровая дѣсна. Это запѣвало Симакинъ, собралъ охдчихъ людей въ одну камеру, и заправляетъ голосами. А дѣсны здѣсь не вольныя, а свои тюремныя, арестантскія — и первая дѣсна поется про Ланцова; слышно, будто онъ самъ про себя и сложилъ ее, на утѣху заключенниковъ. Вторая дѣсна, про общую недолю тюремную, про то, какъ

Сидить воронъ на березѣ,
Кричать воинъ про войну.

А третья дѣсна называется «душевною». Но если вы услышите послѣднюю, то навѣрное придете въ немалое удивленіе. Это ни болѣе ни менѣе, какъ Farewell байроновсваго Чайльд-Гарольда, въ искаженномъ видѣ. Какими судьбами попали эти стихи въ заключенный міръ, а оттуда перешли на волю, въ міръ мошенниковъ, и — главное — почему они такъ сильно пришили имъ всѣмъ по душѣ, что даже самая дѣсна получила названіе «душевной»? (*)

(*) Вотъ эти три арестантскія дѣсны:

Дѣсна про Ланцова.

Звонить звонокъ—на счетъ собирайся!
Ланцовъ задумалъ убѣжать.
Не сталъ зори онъ дожидаться,
Поспѣшно печку сталъ ломать.
Въ трубу онъ тѣснунъ пробрался—
И на церковный на чердакъ;
По стѣнкѣ тихо прокрадался
На стариковскій банный дворъ.
Пришлось на разумъ распротяться,
Послѣдній разъ взглянуть на дворъ:
Прощай ты, главная абахта!
Прощай губернский корридоръ!
Трубу обвязывалъ, самъ трясся —
Съ ограды страсть было смотрѣть.
Перекрестился, сталъ слушаться —
Солдатъ увидѣть, закричалъ.
Въ казармахъ сдѣлалась тревога,
На-бвахтѣ пробилъ барабанъ.

Всѣ три издавна уже составляютъ любимое пѣніе всѣхъ арестантовъ. Попоютъ они себѣ до двухъ часовъ, а тамъ — отъ

Въ частяхъ давно было извѣстно:
Ланцовъ изъ замку убѣжалъ.
Казакъ на сѣрнѣи на конѣ
Съ конвертомъ къ князю посылалъ.
И онъ бѣжалъ до самыхъ парокъ (?)
Потомъ и скрылся въ темный дѣсъ.
Три года онъ по волѣ шлеяса—
Что пилъ, что ѣлъ онъ, что хотѣлъ;
Съ п... д... онъ связался,
Черезъ нее опять попалъ:
П... д... доказала—
Ланцова взяли во полночь.
Тутъ руки-ноги заковали,
Потомъ отправили въ острогъ.—
Тутъ дѣлать нечего Ланцову,
Давай секреты отырывать:
Въ семи душахъ онъ повинился,
Потомъ подъ слѣдствіе попалъ;
Недолго слѣдствіе ходило—
И скоро выслушалъ указъ.

Въ хору арестанты поютъ ее обыкновенно до словъ: «Ланцовъ изъ замку убѣжалъ», а въ одиночку—всѣ до конца. Ланцовъ, молодой человекъ, по преданію, былъ писарь кавалергардскаго полка и сложилъ эту пѣсню про свой побѣгъ изъ московскаго замка. Эту тюремную эпопею доводилось мнѣ слышать и «на волѣ» отъ «жоржей», которыхъ научили, конечно, «сидѣшме». Она довольно-таки распространена въ этой часті общества.

Вторая пѣсня болѣе всѣхъ популярна и давно уже прошла даже въ народъ; заключенники называютъ ее «арестантскою». Вотъ она:

Сидитъ воронъ на березѣ,
Кричитъ воинъ про войну.
Запропалъ бѣдный мальчишка
Въ чужой дальней сторонѣ.
Ты зачѣмъ, зачѣмъ, мальчишка,
Своей родины бѣжалъ?
Никого ты не спросился,
Кромѣ сердца своего.
Жилъ мальчишка, веселился,
Какъ имѣлъ свой капиталъ,
Капиталу я рѣшился—
Во неволю жить попалъ.
Трудно, трудно жить въ неволѣ,
Да кто знаетъ про нее?
(Вар. Хороша она, неволя,
Кто не знаетъ про нее).
Насъ не видно за стѣнами,
Каково мы здѣсь живемъ.
Богъ, Творецъ небесный съ нами—
Мы и здѣсь не пропадемъ.

двухъ до четырехъ — либо воду качать, либо дрова пилить, да «на этажъ» таскать ихъ. Въ четыре опять «кпятокъ прозвонятъ»,

Одни охватываютъ пѣсню на этомъ стихѣ, а иные поютъ и далѣе:

Свѣтъ небесный только возсіяетъ,
 Поутру рано встаемъ;
 Корридорный двери отворяетъ,
 Писарь съ требованьемъ идетъ,
 Всѣхъ по имени называетъ,
 По мѣстамъ назначаетъ.

Третья пѣсня — байроновское Fagewell; основаніемъ ея послужилъ переводъ Ивана Козлова. Называется она:

ДУШЕВНАЯ.

Последній день красы моей
 Украсилъ божій свѣтъ.
 Увижу море, небеса,
 А родины ужъ нѣтъ.
 Отцовскій домъ спокинулъ я —
 Травомъ зарощонъ,
 Собачка вѣрная моя
 Залазетъ у воротъ.
 На кровлѣ филинъ прокричалъ—
 Раздайся по лѣсамъ!
 Занѣтъ сердце, загруститъ—
 Не будетъ меня тамъ,
 Ахъ, въ той странѣ, странѣ родной,
 Въ которой я рожденъ.
 Терплю мученья безъ вины,
 На вѣки осужденъ.
 Малытки спросятъ про меня—
 Расмачется жена,
 Потомъ и вся семья.
 Судьба несчастная моя
 Къ разлугѣ привела—
 И разлучила молодца
 Чужая сторона.

Голосъ, которымъ ее поютъ — протяжный, грустный, заунывный, прежалостный голосъ, ровно что жизнь наша. Такъ комментировалъ эту пѣсню передавшій мнѣ арестантъ.

Крош этихъ трехъ, по преимуществу тюремныхъ пѣсень, поютъ еще лермонтовскіе: «По синимъ волнамъ океана», «Отворите мнѣ темницу», «Спи, младенецъ мой прекрасный» и двухсмысленную пѣсенку, надѣліе московскихъ грачѣнскихъ погребковъ: «Что ты черенъ воронъ вѣшься надъ моею головою». Вообще арестанты очень любятъ пѣніе; а лѣтомъ, когда окна растворены и въ нихъ долетаютъ мотивы бродящихъ по сосѣднимъ домамъ музыкантовъ или маршъ проходящихъ солдатъ—арестанты чутко и съ удовольствіемъ начинаютъ прислушиваться, часто бросая все, чѣмъ бы до той минуты ни занимались. Звукъ, повидимому, вліяетъ на нихъ очень мягко и благотворно.

и хоть спи, хоть гуляй до шести, когда вторично наступаетъ штыковій церемоніаль въ столовой, за ужиными щами, либо горохомъ; а тамъ, послѣ ужина — вечерняя провѣрка, да вывличка — кому назавтра ѣхать въ судъ или къ слѣдствію; затѣмъ — внести дневальный парашку (ушать), и — дверь на запоръ, на всю долгую ночь, до утренней переключки.

Въ этомъ порядкѣ и протекаетъ тюремная жизнь. Изрѣдка развѣ навѣститъ начальство какое-нибудь, обойдетъ два-три этажа — все, конечно, обстоитъ благополучно — и начальство уѣзжаетъ... Въ недѣлю разъ или два подаваніе кто-нибудь изъ купечества сайбами принесетъ, да изрѣдка буйство произойдетъ какое-нибудь, или согрубленіе — согрубителя, сутокъ на пять, въ «карцюзю» посадятъ, хотя вообще, буйному народу вальготнѣе живется, чѣмъ смиренному; къ буйному — и приставникъ, и корридорный уваженіе даже какое-то чувствуютъ, потому, надо полагать, боятся: съ шальнымъ человѣкомъ, въ недобрый часъ не шути. А въ «карцызѣ» житье неприглядное: первое дѣло — потѣмки, второе — пройтися негдѣ, третье дѣло — ни скамейки, ни подстилки нѣтъ: валяйся на каменномъ полу, какъ богъ приведетъ, да услаждайся хлѣбомъ съ водою. И все-таки, несмотря на всѣ эти неудобства, случаются желающіе «на посѣдки». Иной нарочно, мимоидущему начальству (своему тюремному) закричитъ вдогонку: «блинникъ!» или сгрубитъ чѣмъ-нибудь, или въ корридоръ покурить выйдетъ — лишь бы только посадили его въ «карцюзю». Дѣло понятное: сидитъ-сидитъ человѣкъ, денно и ночью, все въ томъ же самомъ разновалиберномъ обществѣ тридцати человѣкъ — индо одурь возьметъ его: уединенія хочется, которое въ этомъ случаѣ является чисто психической потребностью. Какъ попасть въ уединеніе? Просить, чтò ли? — Никто во вниманье не приметъ. Одно только средство: пакость вакую-нибудь сдѣлать. Ну, такъ и дѣлають.

И вотъ въ этомъ заключается все дневное разнообразіе тюремной жизни.

Но чуть, послѣ вечерней повѣрки, щелкнетъ послѣдній затворный поворотъ двернаго замка — въ камерѣ спочинается развеселая жизнь заключенника. Покой, просторъ, отсутствіе приставничьяго глаза — «гуляя арестантская душа во всѣ лопатки!»

III.

ПРОДАЖА ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

— Вотъ вамъ, заключеннички почтенные, начальство милое новаго жилья жалуется! обратился дневальный къ обитателямъ одной изъ камеръ татейнаго отдѣленія, введя туда молодого человѣка, послѣ переодѣванья въ приставнической, и указавъ ему койбу.

— Нашего полку прибыло, замѣтилъ на это одинъ изъ сидящихъ. Прочіе ничего не сказали. Иные, ради форсу, даже не удостоили его взглядомъ, а иные, кто полюбопытнѣе, стали молча, каждый со своего мѣста, глазѣть на приведеннаго.

— А тебѣ, другъ, продолжалъ дневальный, обратясь уже непосредственно къ новичку: — коштѣтъ — не робѣтъ, судиться — не печалиться, терпѣтъ — не жалиться, потому, у насъ такой заказъ, чтобы пѣла, да не ѣла, съ пѣсни сыта была (*). Слышишь?... Какъ звать-то тебя?

Молодой человѣкъ, пришибленный впечатлѣніемъ новаго своего жилища съ его атмосферой и обитателями, сидѣлъ, какъ ошарашенный, и либо не слыжалъ, либо не понималъ вопроса дневальнаго, который ткнулъ его въ бокъ, для пущаго вразумленія, и спросилъ вторично:

— Какъ звать?... Иванаъ Вересовъ, отвѣтилъ тотъ, очнувшись отъ наплыва своихъ тяжелыхъ ощущеній.

— Ты за кѣмъ сидишь? за палатой, аль за магистратомъ, аль можетъ за голодной? (**)

— Подъ слѣдствіемъ... изъ части.

— А за какія дѣла?

— Не знаю.

— Ой, врешь, гусь! Чудакъ-человѣкъ, врешь! никакъ этому нельзя быть, чтобъ не зналъ; взять же вѣдь ты въ какомъ подозрѣніи... Ты не скрывайся—народъ у насъ теплый—какъ разъ научимъ по всѣмъ статьямъ и пунктамъ отвѣтъ держать—гляди, чистъ выйдешь, съ нашимъ нижайшимъ почтеніемъ отпустить, только и всего! (***) Недаромъ нашъ дядинъ домигъ ниверсите-

(*) Одна изъ арестантскихъ поговорокъ.

(**) Голодной называется у арестантовъ уголовная палата.

(***) «Отпущенъ съ нашимъ почтеніемъ»—на байковомъ языкѣ мошенниковъ

томъ, слыветь, мазовой академіей называется. Мы съ тобой въ недѣлю всю курсу пройдемъ.

Вересовъ не подался на увѣщаніе дневальнаго, и это возбудило противъ него неудовольствіе арестантовъ.

— Ишь-ты, брезгуешь, ворчливо замѣтили иные: — погоди, кума, поживешь — такова же будешь, къ намъ же придешь да поклонись! Оставь, Сизой! Ну, его!... Не видишь, что ли, что самъ на рогожѣ сидитъ, а самъ съ ковра мѣчетъ!

Сивой отошелъ отъ Вересова, тоже видимо оскорбленный.

Все это не предвѣщало ничего хорошаго новому арестанту.

Когда онъ нѣсколько поуспокоился и приобыкъ къ настоящему своему положенію, къ нему лисицей подсѣлъ человѣчекъ среднихъ лѣтъ, съ меланхолической фізіономіей, по имени Самонъ Фаликовъ, по профессіи крупный воръ и мошенникъ.

— Чтѣ ты, словно статуя какой сидишь, милый человѣкъ, не двинулись? началъ онъ съ участіемъ: — ты скажи, по чемъ у тебя душа горитъ, да чтѣ за дѣла твои? Всѣ мы — люди-человѣчки, иной и безъ вины копитъ; стыда въ этомъ промежъ себя нѣту никакого.

Фаликовъ говорилъ тихо, и явно билъ на то, чтобы придать разговору своему интимное значеніе. Остальные дѣлали видъ, будто не обращаютъ на него никакого вниманія, а тотъ, пользуясь этимъ, очень искусно строилъ жалкія рожи и говорилъ жалкія слова, приправляя ихъ слезкой и сочувственными вздохами.

Вересову показалось очень жалкой и несчастенькой фигурка человѣчка Фаликова. Ему давно уже не приходилось слышать ласковое слово, обращенное лично къ нему—въ памяти оставались свѣжи только официальные допросы слѣдователя да нуканье полицейскихъ солдатъ, такъ-что теперь, послѣ жалкихъ словъ Самона Фаликова, онъ весьма склоненъ былъ видѣть въ немъ такого же несчастнаго, какъ и самъ, и рассказать ему свое горе. Такъ и случилось.

— Эхъ, милый человѣкъ, тебѣ еще горе—не горе, а только полгоря! вздохнулъ Фаликовъ:—ты—какъ перстъ, одинъ-одинешенекъ, а у меня семейство: баба да ребяткохъ четверо, такъ мнѣ-то каково оно сладко?

Вересовъ сочувственно покачалъ головой.

значить: оставленъ въ подозрѣніи; «съ нежайшимъ почтеніемъ»—въ сильномъ подозрѣніи.

— Слышь-ко, голубчикъ, съ таинственнымъ шопотомъ подвинулся къ нему арестантъ: — сотвори ты мнѣ, по христіанству, одолженіе! Ты—человѣкъ молодой, одинокій... Мы тебя выручимъ, сгорѣть не дадимъ... Ужь будь ты надеженъ, наши пріатели такъ подстроять дѣло, что сухо будетъ; много-много, коли подъ подозоръ обществѣ маленько предоставятъ тебя; такъ вѣдь это не бѣда. А теперича по твоему дѣлу невѣсть еще куды хуже рѣшать тебя: можетъ, запрещенъ въ столицѣ будешь, а можетъ, и тово...

Фаликовъ приостановился, наблюдая, какое впечатлѣніе производятъ слова его на Вересова; но этотъ, не понимая, въ чемъ еще дѣло, смотрѣлъ на него недоумѣлыми глазами.

— А я—человѣкъ семейный, хворый человѣкъ; дѣтямъ пропитанье нужно, продолжалъ еще тише Фаликовъ: — на волю хочется: помрутъ вѣдь безъ родителя... Будь ты мнѣ другомъ, купи ты мое дѣло!... Я тебѣ пятьдесятъ рублей за него съ рукъ на руки дамъ. Выручи ты меня теперь, христа-ради, а ужъ мы потомъ, всё купишь, тебя выручать станемъ.

— То-есть какъ же это купить? не понялъ Вересовъ

— А вотъ я теперича, примѣромъ сказать, быдто бы за кражу содержусь — ну, и... таскаютъ меня по судамъ, принялся объяснять Фаликовъ: — я тебѣ, съ добраго согласія, и продаю свое дѣло; ты, значить, прими на себя мою кражу и объявись о томъ слѣдственному... Меня, стало быть, выпустятъ на поруки, а не то и совсѣмъ слободать; а тебѣ вѣдь всё единственно, по одному ли, али по двумъ дѣламъ показанья давать... Потомъ за-всегда отречься можешь, скажи: въ потемнѣиіи разсудка, молъ, показаніе на себя ложное далъ. Они за меня, конечно, тутъ хватятся; а меня — *фю!* ищи-свищи! И дѣлу капутъ!

Вересовъ молчалъ. Онъ, по неопытности своей, никакъ не ждалъ отъ несчастнѣваго челоуѣчка такого подхода и молча удивлялся.

— Такъ что же, душа, берешь, что ли, за пятьдесятъ-то цѣлковыхъ? обнялъ его Фаликовъ:—я тебѣ, значить, все дѣло скажу и всё дѣла—какъ быть, то-есть, надо—заразъ покажу. Есть тутъ у меня одинъ арестантикъ, самъ напрашивается, христомъ-богомъ: продай да продай; а я не хочу, потому если ужъ дѣлать такое одолженіе, такъ я, по крайности, любезному мнѣ челоуѣку сдѣлать желаю. А охочихъ-то людей на куплю эту у насъ на-

всегда много найдется! Такъ какъ же, другъ, по рукамъ ударишь, что ли?

— Нѣтъ, ужь ты лучше тому, другому продавай, а я не хочу, рѣшительно отклонился Вересовъ.

Арестантъ поглядѣлъ на него пытливо и присвистнулъ.

— Эге, да ты видно тово... на молокъ-то жѣнный! дерзково-вызывающимъ тономъ проговорилъ онъ, разомъ скидая съ себя личину угнетенной забитости и несчастія, которая, своей кажущейся искренностью, успѣла-было обмануть Вересова на первыхъ порахъ.

Какъ у осмысленныхъ въ Сибирь, есть обыкновеніе продавать на пути охочему товарищу свое имя и съ именемъ дальнѣйшую участь, такъ и у тюремныхъ подсудимыхъ арестантовъ водится продажа дѣла, то-есть преступленія. На эту продѣлку ловятся обыкновенно неопытные новички, которыми пользуются люди, основательно «прошедшіе курсу», убажывая ихъ обѣщаніемъ денегъ и надеждой выпутать впоследствии изъ дѣла. Если согласіе получено, начинается обученіе: какъ и что показывать, кого запутывать въ дѣло, кого чѣмъ уличать и какъ, наконецъ, отвертываться отъ прямыхъ статей закона, примѣняя въ свою пользу разные пунеты и закорючки. Словомъ, начинается основательный курсъ «юридическаго образованія», которымъ постоянно отличаются и даже весьма гордятся мошенники, «откопѣвшіе свой терминъ у дяди на порукахъ».

V.

Развеселая жизнь.

... Вечеръ. Слышно, часъ десятый въ исходѣ. Дверь давно ужь на замкѣ, и коли подойти къ ней да послушать въ тишинѣ— можно различить, какъ похрапываетъ-себѣ корридорный, обреченный по службѣ на неукоснительное бдѣніе. Въ камерѣ тоже започивали ужь иные, только мало: бѣльшая часть ловить свои свободныя минуты и предпочитаетъ выснаться днемъ. На одномъ изъ смѣшныхъ «ножные браслетники» позвякиваютъ, какъ перевернется во снѣ съ боку на бокъ.

Передъ образомъ тускло мигаетъ лампада и при ея слабомъ освѣщеніи въ одномъ углу собрались игроки. На полу разсыялся тѣсный кружокъ, за нимъ навалились зрители, и съ увлеченіемъ

ладно слѣдятъ, какъ тѣ рѣжутся «въ три листика» — любимую игру арестантовъ.

— Ну, свинь, что ли, конь, да затѣмни ставку — по чѣреду! раздаются оттуда азартныя восклицанія.

— Козыря вскрышные: вѣни! бардадымъ — крѣсти!

— Прошелъ! возвѣщаетъ одинъ, и бѣдаетъ на конь семтку.

— Съ нашимъ! отвѣтствуетъ противникъ, бросая четыре копейки.

— Жирмашникъ подь васъ (*).

— Ой, баринъ, пужать хочешь! У самого, гляди, пустая! Ну, да ладь подь васъ ламышникъ (**).

— Сталь-быть, въ гору? Да нешто и впрямь тридцать-два съ половиной? Ой, гляди, зубы заговариваешь, по ярославскому закону!

— Это ужь наши дѣла!

— Замирилъ!

— То-то! Кажь карты!

— Тузъ, краля, бардадымъ!

— Фаля!

— Хлюсть, лядь его дери!

— Проюрдонилъ!

— Мишка! Разломай! Водки да табаку давай сюда, псыра! (***)

И Мишка Разломай съ большой предупредительностью отпускаетъ играющимъ свои спеціальныя продукты, получая тутъ же за нихъ и наличную плату. Больше всѣхъ одушевленъ одинъ молодой арестантикъ, прозванный товарищами «Вулочкой» за то, что не имѣя ни гроша за душою, сталъ однажды играть на булку подающую, и съ этой булки въ годъ разжился игрою на семьдесятъ рублей — деньги, для тюрьмы, весьма-таки немалыя; поэтому смышленный Разломай ему и особенное «поваженье съ величательностью оказываетъ». Разломай — пронира-человѣкъ: онъ майдавъ содержитъ, то-есть отпускаетъ въ долгъ разные припасы, а за деньги водку, вино и карты, иногда вѣрнаго человѣка и взаимы ссудить непрочъ за жидовскіе проценты, а запрет-

(*) Гривенникъ.

(**) Полтинникъ. Все это—техническіе термины игры, обозначающіе возмѣшеніе ея.

(***) Собака.

ные продукты свои получаетъ особымъ, контрабанднымъ образомъ (*).

Вересову не спится. Заложивъ руки подъ голову, лежитъ онъ пластомъ на своей убогой койкѣ. Въ душѣ какое-то затишье, въ головѣ—ни одной неотвязной думы, словно она устала мыслить, а душа занываетъ тоскою, да и самъ-то онъ словно бы жить усталъ, подъ этимъ гнетомъ неволи, даже тѣло—такъ и то какая-то усталая потягота разбираетъ, а сна между тѣмъ нѣтъ какъ нѣтъ. Лежитъ-себѣ человекъ и поневолѣ прислушивается къ говору арестантовъ.

Это часть, въ которой они особенно любятъ потѣшаться сказками да похвалбой о бывалыхъ приключеніяхъ на волѣ.

— Теперича эти самые фараоны (**)—тфу! вниманія нестоющее! никакого дѣла не сваришь съ ними, потому порча какая-то напала на нихъ: маленькимъ людишкомъ нашимъ брезгуютъ, сътуетъ жиденкій Фалиновъ, среди собравшейся около него вучки:—а вотъ въ прежніе годы—точно, замиряли дѣла отми́нные! Былъ этта, братцы мои, годовъ съ десятокъ тому, пріятель у меня кварталный, Тимошейкинымъ прозывался. Такъ вотъ ужъ жилъ за нимъ, что у Христа за пазухой—помирать не надо! И какія мы съ нимъ штуки варганили—то-ись просто чертамъ на удивленіе! Раздобылся я разъ темными финажками и прихожу къ нему: такъ и такъ, ваше благородіе, желательно клей хорошій заварить?—«Заваримъ, говорить, я не прочь.» Прошлися мы съ нимъ по пунштамъ. Вѣдь вотъ тоже, хотя и власть-человѣкъ былъ, а простой; нашимъ братомъ-мазурикомъ не брезгалъ. Показалъ я ему финаги (***)—все какъ есть трѣки да синьки (****), и

(*) Мышка Разломая и «дворянскій поварь» татаринъ Бабай — были тюремные ростовщики и снабдители запретнымъ плодомъ. У мошенниковъ даже до сихъ поръ осталась поговорка: «Къ Бабаю на блины», что равносильно выраженію «къ дѣду на порукки». Нельзя сильно обвинять за это арестантовъ. Водка въ тюрьмѣ очень дорога, сравнительно со средствами, и ночное пьянство развито въ весьма почтенномъ количествѣ, собственно потому, что вино—плодъ запретный. Между тѣмъ, рюмка водки передъ обѣдомъ—для большей половины составляетъ органическую потребность; точно также и табакъ, который, при настоящихъ гигиеническихъ условіяхъ нашей тюрьмы, былъ бы даже до извѣстной степени полезенъ, какъ противоскорбутное средство. Иные арестанты говорили, что если бы въ замкѣ была допущена свободная продажа вина отъ маританта, въ умѣренномъ количествѣ и даже подъ официальнымъ надзоромъ, пьянство значительно уменьшилось бы, сравнительно съ нынѣшнимъ — «потому иной нарочно оттого и напивается, что запрещено».

(**) Полицейскіе.

(***) Ассигнаціи.

(****) Трехрублевья и пятирублевья.

до сотни ихъ у меня было. «Какой же ты съ ними оборотъ шевелить думаешь?» спрашиваетъ. — «А продавать станемъ, ваше скородіе! Я продавать, а вы — накрывать насъ по закону, сламъ пополамъ, а барыши выгорать хорошіе.» — Разцаловаль меня, право! «Тебѣ бы, говорить, по твоему разуму, не жохомъ, а министромъ фннанцы быть!» — «Много чувствительны, говорю, на ласковомъ словѣ.» — И стали мы съ нимъ это дѣло варганить. Подыщу я покупателя — все больше по торговцамъ: хочешь, моля, за полтину пять рублей приобрьсть? — «Какъ такъ?» — «А такъ, моля, темныя, да только вода такая, что и не различшь съ настоящей-то, а у тебя сойдеть — въ сдачѣ покупателю подсунешь.» — Ну, плугага-торговецъ и радъ. Условимся назавтра объ мѣстѣ, куда то-ись товаръ принести. А Тимоѳейкинъ при продажѣ-то и тутъ какъ тутъ! — «Здравія, моля, желаемъ, на уголовномъ дѣлѣ накрываемъ!» — Ну, покупатель, извѣстно, ужъ и платитъ, только не губи, родимый, потому подъ плети живая душа идетъ. И этакъ мы съ нимъ гдѣ пять рублей продадимъ, тамъ сто возьмемъ, а ино и больше случалось.

— Важнець-дѣло! Волшебно, право волшебно! съ истиннымъ удовольствіемъ замѣчаютъ арестанты, которымъ необыкновенно нравятся подобнаго рода «развивающіе» и умудряющіе человѣка рассказы.

— Взятки онъ шибко бралъ, бестія, продолжаетъ поощренный Фаликовъ: — въ квартирѣ у него вещей этихъ разныхъ, ровно что въ любомъ магазинѣ. Такъ вотъ тоже клѣвыя дѣла съ этими вещами-то у насъ бывали. Отдасть онъ мнѣ, примѣрно, либо часы, либо ложки серебряныя съ вензелемъ своимъ, либо изъ одежды что, ну, и пойдешь съ этимъ самымъ товаромъ на толкунъ, продавать; коли не продашь, такъ ухитришься въ лавку подбросить, въ темное мѣсто, а онъ потомъ нагрянетъ и — обыскъ. «А, моля, такой-сякой, ты краденое перекупать? Лавку печатать! въ тюрьму тебя, злодѣя!» Ну, и тутъ, конечное дѣло, сдереть, сколько душа пожелаетъ, тоже вѣдь окулки на руку не клалъ. Никто себѣ не врагъ — и дѣлился потомъ, честно дѣлился! Да бѣда, званія рѣшили и со службы долой, а кабы не это — не сидѣть бы мнѣ съ вами, братцы! А ты вотъ слушай да учись у старшихъ, наука-то эта пригодится! обратился онъ въ заключеніе къ молодому парнишкѣ, лѣтъ шестнадцати, который содержался за то, что въ ссорѣ съ товарищемъ хватилъ его въ грудь булыжникомъ, чуть не до смерти.

— Поди-ка, скоро двѣнадцать часовъ, замѣчаетъ кто-то.

• — Полночь... скоро домовой пойдетъ.

— А можеть, ужъ и пошелъ... Страсть вѣдь теперь на четвертомъ-то этажѣ: вѣдь какъ разъ надъ ними.

— Н-да, коптѣль я разъ тамъ: натерпѣлся... Кажинную ночь, какъ пойдетъ этта по чердаку—ровно ядра батаеть, возня подниметя—страсть... Одначе, тамъ ужъ привыкли.

— Ой, не приведи ты, господи! (*)

— А что, братцы, кабы этакъ сказку послушать какую, пока сонъ не смориль? предлагаетъ кто-то изъ слушателей, зѣвая и «печатая» ротъ врестнымъ знаменіемъ.

— Чтò сказку, лучше разговоры!

— Нѣтъ, сказку смурлыкать невпримѣръ лучше! почти общимъ голосомъ откликается кружокъ, необыкновенно охочій до этого дѣла. — Иная сказка десяти разговоровъ стоитъ, да и заснешь подъ нее хорошо—покрайности, во снѣ увидишь.

— Ну, сказку, такъ сказку! Это все едино... Облако! валай!—міръ приговорилъ!

Кузьма Облако, человекъ лѣтъ подъ тридцать, съ нѣскольکو задумчивымъ, симпатичнымъ лицомъ, необыкновенный мастеръ связывать сказки. За чтò онъ сидитъ въ тюрьмѣ—этого и самъ хорошенько не знаетъ, только сидитъ давно ужъ, лѣтъ около осьми, и потому въ шутку говорить, что давно позабылъ свои провинности. Все, чтò выжилъ онъ въ заключеніи — это тюремныя сказки, которыя составляютъ исключительное достояніе тюрьмы: въ ней онѣ задумались, въ ней онѣ сложились, отлились въ извѣстную форму и черезъ старожиловъ, въ родѣ Кузьмы Облака, передаются изъ одного тюремнаго поколѣнія въ другое (**).

Кузьма Облако любитъ сказки и отъ мірскаго приговора никогда не отказывается. Онъ хоть цѣлую ночь радъ говорить, лишь бы слушали. Поэтому и теперь, встряхнувъ волосами, Кузьма пріосанился, вздохнулъ какъ-то особенно и началъ.

(*) Арестанты увѣряютъ и искренно божатся, что сами слышали, какъ надъ четвертымъ этажемъ, на чердакѣ, каждый разъ, около полуночи, начинается шумъ и возня. Отчего этотъ шумъ—неизвѣстно. Арестанты говорятъ, что домовой ходитъ. Фактъ.

(**) Двѣ тюремныя сказки переданы здѣсь почти съ буквальной точностью, такъ, какъ были записаны мною со словъ рассказчика, со всѣми ихъ полуживыми оборотами. Ту и другую едва-ли кому доводилось слышать гдѣ-либо за стѣнами тюремнаго замка, и кажется, что обѣ онѣ совсѣмъ неизвѣстны «на волѣ».

V.

СБАЗКА ПРО ВОРА ТАРАСКУ.

У одного господина былъ поварь Тараска. Тараскѣ—что хлѣбъ сожрать, то вещь своровать. Чтѣ ни дѣлалъ господинъ, чтобы отучить Тараску отъ скверной его привычки къ воровству—ни что не беретъ! «Ну, думаетъ господинъ, либо совсѣмъ отучить, либо совсѣмъ погубить!»—Зоветь къ себѣ Тараску.

— Что, Тараска, хорошо ли научился воровать?

— Хорошо, да не совсѣмъ. А вотъ ежели бы вы отдали меня въ ученіе къ дядѣ моему жоху, извѣстному вору, тогда бы я точно-что, вполне научился.

Господинъ весьма этому обрадовался, чтобы, значитъ, сбыть Тараску съ рукъ, и на другой же день, снабдивъ его всѣмъ нужнымъ, отправилъ съ богомъ въ дорогу. Случился Тараска съ дядею жохомъ и предался практиковѣ своего искусства. Послѣ непродолжительнаго времени бездѣйствія, наконецъ дядя предлагаетъ Тараскѣ въ лѣсѣ сходить. Пошли. Отыскалъ дядя жохъ нужное для себя дерево, и указывая на макушку дерева, началъ говорить:

— Видишь на макушкѣ дерева воронье гнѣздо?

— Ну, хорошо, дядя жохъ, вижу.

— Въ которомъ, значитъ, ворона на яицахъ сидитъ?

— Ну, хорошо, дядя жохъ, на яицахъ сидитъ.

— Она, теперича спитъ, и нужно сподъ-ней яица тѣ украсть.

— Ну, хорошо, дядя жохъ, украсть—такъ украсть.

— Сталъ-быть, учись у меня: я полѣзу на дерево и скраду ихъ такъ, что ворона воснѣхъ и не услышитъ.

Полѣзъ. Ни мало, ни много—пять минутъ прошло—глядь—яица въ рукахъ у дяди.

— Молодецъ, дядя жохъ! У сонной вороны не штука яица скрасть; а вотъ ты и не спалъ-не дремалъ, а гдѣ у те подметки сподъ-сапогъ?

Дядя глядь—анъ подметогъ и нѣтути! Пока онъ лазилъ, Тараска подметки сгладилъ, попросту, отрѣзалъ жуликомъ (*).

— Ну, братъ Тараска, тебя нечему учить—ты самъ поучить любого маза можешь.

• •

(*) Маленькій острый ножикъ.

Черезъ нѣкоторое время, дядя жохъ позвалъ Тараску на клей въ монастырь, недалеко-стоящій (*). И короче сказать, обчистили они обитель спасенную, и чуть выбрались за ограду — Тараска въ задоръ: давай на мѣстѣ добычу тырбанить! Дядя—уговаривать, потому безразсудно дѣлать на мѣстѣ похищенное, а можно раздѣлать въ мѣстѣ безопасномъ. Но, однако, Тараска упрямя—на своемъ стоитъ. Нечего дѣлать, начали дѣлѣжку, подѣлили весь клей — дошелъ чередъ до настоятельской шубы. Дядя говоритъ: «моя!» а Тараска: «моя! потому я краль, а ты только принималъ кражу». А дядя завѣряетъ, что не тотъ воръ, который воруетъ, а тотъ, который принимаетъ, бабкой-повитушкой при кражѣ состоитъ.

— Когда такъ, говоритъ Тараска: — пойдемъ къ настоятелю, пушай онъ насъ по божеской правдѣ разсудить; и кому, значить, самъ онъ предназначить, тотъ и владай!

Пошли. А настоятель любилъ, чтобы ему на сонъ грядущій сказки сказывали, и объ ту самую пору какъ придти дядѣ съ Тараской къ кельѣ настоятельской, изъ оней монахъ-сказочникъ выходитъ. Дядя съ племянникомъ и шастъ туда украдучись. Настоятель совсѣмъ ужъ засыпаетъ, а Тараска и хлопъ его логонько по плечу:

— Ну, такъ слышь, отецъ святой, говоритъ ему:—жили-были дядя съ племянникомъ и задумали монастырь, обитель честную обокрасть. Выкрали между прочимъ и шубу настоятельскую. Пошелъ изъ-за шубы споръ, кому то-ись владать ею. Одинъ говоритъ: «моя, потому краль», а другой: «моя, потому принималъ». Ну, такъ слышь, отецъ святой! Ты чу, какъ думаешь, по правдѣ божеской, по закону, кому вкраденной шубой владать?

— Кто краль, тотъ и владай, мычитъ воснякъ настоятель.

Какъ порѣшилъ онъ, такъ дядя жохъ съ Тараской по этому разсчету и подѣлились честно.

Пошелъ Тараска къ прежнему своему господину. Не по вкусу тому этотъ гость, и зоветъ онъ къ своей милости Тараску.

— Ну, что, Тараска, хорошо-ль теперь умѣешь воровать?

(*) Мы, ради удобства читателя, поневолѣ принуждены повторить объясненія нѣкоторыхъ словъ, уже прежде нами приведенныхъ. Клей — ворованныя вещи.

— Хорошо ли, худо ли—не хвалюсь, а только не влады плохо.

— А что я велю тебѣ украсть, ты украдешь ли?

— Съ нашимъ удовольствіемъ, охулки на руку не положимъ.

— Ну, хорошо. Украдешь—твоя фортуна, не украдешь—въ солдаты сдамъ. Видишь, вонъ попъ корову ведетъ? Выкради ты мнѣ корову, чтобы поповскіе глаза того не видѣли.

— Можно, говорить Тараска:—только дайте мнѣ пару маленькихъ сапожковъ.

Дали ему, и пошелъ Тараска. Вотъ, попъ ведетъ корову по дорогѣ, а воръ забѣжалъ пролѣскомъ, и не доходя пона сажень пятьдесятъ, выбросилъ сапожковъ на дорожку. Поднялъ его попъ.

— Ой, кабы парочка—такъ моему поповскому сыну годилось бы, а какъ одинъ, такъ пусть его тутъ и остается.

А Тараска, слѣдомъ за нимъ, поднялъ сапожковъ съ дороги и побѣгъ впередъ пролѣскомъ. Забѣжалъ впередъ, и не доходя пона сажень пятьдесятъ, выбросилъ сапожковъ на дорожку. Поднялъ его попъ:

— Экой дурень, не подобралъ давшняго! Вотъ, была бы пара! Ну, да я его найду!

И за словомъ, привязалъ корову въ дереву, а самъ побѣгъ взадъ по дорогѣ. Тараска, тѣмъ часомъ, веревку пополамъ, корову за рога и привелъ на господскій дворъ.

— Ну, молодецъ Тараска! говоритъ баринъ:—на тебѣ отпущную, ступай, воришь себѣ на волѣ. Такъ вотъ Тараска оттолкъ и благодумствуетъ (*).

(*) Далѣе, эта сказка варьируется слѣдующимъ образомъ:

Послѣ того, какъ Тараска привелъ попову корову, баринъ ему и говоритъ: «а украдешь ли у меня со стола серебро за обѣдомъ?» А Тараска отвѣчаетъ: «безпрѣмѣнно украду».—«Ладно, коли украдешь—молодецъ, не украдешь—въ солдаты!» На другой день въ барскомъ домѣ много было гостей. Тараска суетися на кухнѣ, обѣдъ готовилъ, а самъ промежду-тѣмъ нужнаго чловѣчка для себя изготовилъ. Вымазалъ его медомъ, вывалилъ въ пуху да въ перья птаться, и велѣлъ ему загнѣть въ трубу и сполнять все такъ, какъ онъ ему приказеть. Вотъ садятся гости обѣдать, садится и настоятель, тотъ самый, что трубу свою праведно присудилъ. А сълз онъ насупротивъ каминна, гдѣ въ трубѣ-то чловѣкъ Тараскинъ загнѣвши. Вотъ только послѣ кулебяки благословенной, изъ каминна и выглини чучела. Настоятель-то и замѣтъ. Черезъ мало времени чучела опять оттолкъ перье свое кажеть да языкомъ настоятеля дразнить. Настоятель перекрестился и думаетъ-себѣ: «Ужь не удостоился ли, молъ, а Господу, что сподобился нечестуу силу видѣть?» Не успѣлъ онъ еще и до конца это додумать, какъ чучела выскочили изъ каминна да и ну бѣгать вокругъ стола! Дамы всѣ: «ахъ, ахъ!» господа всѣ: «страхъ, страхъ!» инны въ омаврокъ попадали. Хозяинъ схватилъ пистолеть и побѣгъ за чучелой, а за нимъ и

— Важная сказка! одобряють арестанты, только эта ужь больно занятая: никакъ не заснешь съ нея, а ты смурлычь другую,

всѣ остальные. Но чучела успѣлъ скрыться, а Тараска тѣмъ часомъ все серебро смахнулъ со стола — и правъ. Приходить хозяинъ съ гостями въ столовую обѣдъ дождать — глядь — анъ чисто! Позвалъ баринъ Тараску: — «Честь, моги, имѣю ракомондоваться, по вашему приказу барскому строгомъ сполнено!» Гдѣ же серебро? спрашиваетъ баринъ. «Да продалъ». А деньги гдѣ? — «Да пропилъ. Ну, дѣлать нечего, отвѣтъ коротокъ. Зоветь баринъ опять къ себѣ Тараску: «Укради ты у меня шкатулку съ деньгами и тогда она твоя, и отпусти я тебя на волю, а не съумѣешь украсть, тогда запорю до смерти и сдамъ въ солдаты». — Рады стараться! говоритъ Тараска и пошелъ въ свое мѣсто. Баринъ ходитъ, руки потираетъ: теперь-то я тебя спапаю, думаетъ. Пришла пора спать ложиться, взялъ онъ шкатулку съ деньгами и — въ спальню. Въ спальнѣ жена его започивала уже; разбудилъ, совѣта спрашиваетъ, гдѣ лучше спрятать. «Давай ее ко мнѣ, у меня не отыщеть». Ну, и отдалъ онъ, а самъ подлѣ нея легъ, и положилъ на столъ пистолетъ вмѣстѣ съ саблей, и не спитъ — дожидается ночныхъ приключеньевъ. Тараска межъ-тѣмъ ободралъ барана и сдѣлалъ изъ него чучело, потомъ налилъ кровью бутылку, а товарища своего, дяду жоха, одѣлъ въ исправничкомъ платьѣ, послѣ чего, въ половинѣ ночи, отправились они къ барскому дому. Дѣло было лѣтнее, окно раскрытое; Тараска и ну, потихонько въ окно баранью чучелу вязать. Баринъ взялъ саблю, подкрался къ косяку: «ниш ты, чортово рыло, думаетъ, бараномъ вырядиться вздумалъ! Нѣтъ, братъ, теперь не надуешь, покѣнись только — давай и хвачу по башкѣ, чтобы разлетѣлась въ дребезги; этимъ, покрайности, думаетъ, отдѣлаюсь отъ тебя». Только что показалась за тѣмъ чучела, баринъ его трахъ саблей по головѣ! за чѣмъ послѣдовалъ страшный стонъ. — «Что такое случилось?» закричалъ дяда жохъ, въ исправничкомъ платьѣ, и подошелъ къ окну: «послушайте, моги, подъ вашимъ окномъ человѣка убили, а вы помочъ оказать не хотите? Не угодно ли вамъ пожаловать сюда?» Нечего дѣлать, надо барину выдти на улицу. Видитъ полицію, видитъ чучелу: верхъ бараній, низъ человѣчій — ну, и думаетъ взаправду человѣка зарубилъ, а дяда жохъ крови-то изъ бутылки порядкомъ и на землю и на башку баранью полилъ. Перепугался баринъ, что и отгнѣчать не знаетъ. «Ступайте въ земскую избу, говоритъ жохъ, приготовьте, все чтобы показанья дѣлать да актъ составить, а я за понятными пойду на деревню». А Тараска тѣмъ часомъ пробрался въ домъ, одѣлъ въ кибинетъ бариновъ халатъ да въ спальню. Ночь, извѣстное дѣло — темно, онъ и ну, шопотомъ успокоивать бариню: «ничего-де, душенька, не бойся». Самъ ласкаетъ ее да целуетъ, а самъ спрашиваетъ: «подай мнѣ шкатулку, теперь ужь воръ Тараска не украдетъ». Бариня намиловѣвшись-то вволю, и отдала. Тараска ей и говоритъ: «а пойду, душенька, въ кибинетъ отнесу ее». — «Ступай, душенька, да приходи скорѣй, а то мнѣ скучно одной». Тараска тѣмъ часомъ, халатъ за дверью долой да черезъ окно къ себѣ на кухню! и спряталши шкатулку, завалился себѣ спать, какъ ни въ чемъ не бывало. Бариню, межъ тѣмъ, насучило ждать, потому, видить — никто нейдетъ: «дай, схожу, посмотрю, цѣла ли шкатулка?» Приходить. — «Гдѣ, душенька шкатулка?» — «Да вѣдь ты же взялъ ее, душенька, намиловѣвшись со мною». — «Ахъ, я старый баранъ!» схватился тутъ баринъ за голову: «такъ этотъ распроканальскій воръ Тараска украдъ у меня и шкатулку съ деньгами, да ему же, вору Тараскѣ, на правду пошла и жонкина ласка! Важно!...» Видитъ баринъ, что ничего не подѣлаешь; наградилъ Тараску — только молчи, значить, и отпустилъ его на волю. Съ тѣхъ поръ Тараска вольнымъ воровъ слыветъ.

про Ваньку-горюна; покрайности, поучительная ну, и... сонъ по-сворѣй одолѣеть.

Кузьма Облако снова встряхнулся, снова отващлялся, вздохнулъ и началъ:

VI.

ВАНЬКА-ГОРЮНЪ ГОРЕГОРЬСКАЯ ГОЛОВА.

Въ нѣвкоторомъ огромномъ и могучемъ царствѣ, жилъ парешо-мужичо-гъ. А жилъ онъ ужъ болѣ ста лѣтъ назадъ. И былъ онъ бобыль, такой бѣдный, такой бѣдный, какихъ и теперь очень много. И звали его Ванькой-горюномъ горегорьской головой, а хозяйства у него—всего навсего одна лошаденка да одна тележонка. Промышлялъ онъ извозомъ, жимши близко города, изъ кѣнва купцы ѣздили по базарамъ, въ разные села торговать. Возилъ Ванька-горюнъ одного скареда сѣдаго и зналъ, что у него казна куды богатая водилась! И казну ту скаредъ всегда при себѣ, на тѣлѣ содержалъ.

Любилъ Ванька-горюнъ одну дѣвку на селѣ, а она ему: «не пойду замужъ за бѣднаго, пойду за богачея. Накопи казны да добра всякаго, тогда и повѣнчаемся».

Повезъ однажды горюнъ своего скареда на ярмонку. Дорога шла лѣсомъ—версть съ десятокъ, если не болѣ. И вдругъ, пришла ему благая фантазія—убить старика. Дрожь беретъ Ваньку—страшно. А дьяволъ шепчетъ въ лѣвое ухо: «убей да убей—у него казна богатая; а и Парашва—дѣвка красивая». Призадумался Ванька. «Что жъ, думаетъ: вѣдъ скаредъ куды старъ да древень, скоро помретъ—на что ему деньги? а я человѣкъ молодой, живъ онѣ попригодѣе будутъ». А духъ добра андель-божій шепчетъ въ правое ухо: «грѣхъ, Ванька-горюнъ, великій грѣхъ! человѣкоубійцей наречешься! Анаема-проклять тебѣ будетъ и отъ людей, и отъ бога!» А дьяволъ-то шепчетъ: «убей да убей, ты царень молодой, жизнь-то еще большая, грѣхъ замолить успѣешь, въ монахи на старости можешь пойти! А отъ людей—бѣдности не ждатель почѣту; любовь—и та, за бѣдность не любить!»—«И то правда!» думаетъ Ванька. Соскочилъ онъ съ облучка, ровно бы въ облеченіе лошади, и идетъ себѣ сзади телеги, вкutomъ цвѣтики лазоревы постегиваетъ. А старикъ сидитъ да дремлетъ. «Вали! подтолкнулъ дьяволъ: — не то проснется сейчас!» Скочилъ Ванька на задокъ и набросилъ петлю старикву на шею. На темную пошелъ, значить. А петля изъ вкута у него

приготовлена была. Лѣсъ зашумѣлъ, старикъ захрапѣлъ, а воронѣ-то, воронѣ закаркало — сила! не приведи ты господи, страсть какая! Тутъ заразъ къ старнику и курносая подкатила (*). Схватилъ Ванька теплый трупъ, бросилъ его на дорогу и два раза нарочито переѣхалъ телегой поперегъ старика. Потомъ обратно вскинулъ его на телегу, и ну, шарить подъ сибиркой да подъ сорочкой! Нащупалъ гайтанъ, на гайтанѣ крестъ крещонный да шмель золоченный висить (**). Его-то Ванькѣ и надо! Оборвалъ этта гайтанчикъ-то, да какъ развернулъ — батюшки-свѣты! Радужныя, пестрыя, красныя, синія, золото чистое, сѣребро звонкое — такъ все это и посыпалось изъ шмеля!

Дрожить, трасется убійца проклятый, а везетъ свою жертву въ городъ. Объявилъ. «Уснулъ, говорить, дорогой, да и упалъ съ передка подъ колёса». Глянулъ на Ваньку исправникъ и позвалъ въ кибинетъ свой. Ни много, ни мало они тамъ поговоривши, выходятъ оттудова вмѣстѣ. «Поѣзжай себѣ, мужичокъ, съ богомъ домой — говорить исправникъ — а дня черезъ два я тебѣ вызовъ дамъ». Только призывалъ ли его, либо нѣтъ — и по сей день неизвѣстно.

Зажилъ Ванька на славу. Праздникъ былъ на Ванькиномъ селѣ, дѣвки хороводы водили. Гуляетъ и Ванька-горюнь; самъ гуляетъ, а самъ Паранькѣ на ухо шепчетъ: «приходи ужотко на задворки, къ старому дубу». — Приду, безпремѣнно.

Вотъ стала, этто, теметь. Устали парни, уморились дѣвки — разошлись себѣ, кто по домамъ, кто по кабакамъ, а кто и по горѣхамъ, да по старымъ овинамъ...

Стоитъ древній дубъ, словно великанъ какой, стоитъ да сучьями пѣ вѣтру качаетъ — ни дать, ни взять, какъ-быдто руками самъ съ собой о чемъ разсуждаетъ.

А подъ дубомъ — Иванъ-горюнь горе-горькая голова, съ Параней расприкнутой.

— Пойдешь, что ли, за меня?

— Не пойду я, дѣвка, за бѣднаго, пойду за богача. Накопи казны да добра всякаго, тогда и повѣнчаемся.

И показалъ тутъ ей Ванька-горюнь казну свою богатую, приступленіемъ добытую. Пристала: «скажи, душа, не утай, откуда взялъ экую кучу?» Крѣпился Ванька, крѣпко крѣпился, однако,

(*) Курносая — смерть.

(**) Гайтанъ — тесьма, на которой виситъ натѣльный крестъ или натѣльная яса съ деньгами.

облачила дѣвка, лаской всю правду подноготную вывѣдала. А вывѣдавши, сама говорить Ивану:

— Потоль не пойду за тебя, поволь на могилу купца не сходишь, и всю ночь до зори тамъ не промолишься, и тѣмъ прощенье себѣ отъ Бога и отъ убиеннаго выпросишь.

Согласился горюнь горе-горькая голова, и пошелъ въ городъ на кладбище. Ночь—ни зги божіей не видать. Спотыкнулся объ могилу, объ свѣжую. Въ могилѣ—жертва, надъ жертвою—крестъ новъ-тесовъ деревянный поставленъ. Дрожь проняла убійцу овааннаго. Съ трепетомъ сталъ Иванъ на колѣнны и молится. Самъ молится, а самъ шепчетъ:

— Прости ты мена, жертва бѣдная, кровь неповинная, что я тебѣ убительски убилъ!

Какъ сказалъ онъ это—земляной бугоръ на могилѣ осѣлся.

— Отпусти ты мнѣ грѣхъ анаемскій! Я затѣмъ къ тебѣ пришелъ помолиться, чтобы душу свою облегчить. Прости ты мена, жертва, потому и убійцѣ даже зла за гробомъ не помять.

Какъ сказалъ онъ это—черкнула по небу молонья, взгрянулъ громъ и крестъ на могилѣ покачнулся.

Не земля стономъ стонетъ, не вѣтеръ воемъ воетъ—то гудить изъ могилы голосъ:

«Кровь за кровь, голова за голову! Черезъ пятьдесятъ лѣтъ ты будешь наказанъ, со всѣмъ родомъ и потомствомъ твоимъ».

И тутъ сдѣлалось землетрясеніе. Горемыка ничкомъ лежитъ на могилѣ безъ всякаго чувства, а какъ пришелъ въ себя—утро красное настало. И пошла горе-горькая голова домой—и что головушка думала, то знаютъ только мысли ея тайныя.

Женился Ванька на Парашѣ. А стали звать его ужъ не Ванькой-горюнькомъ горе-горькой головой, а Иванъ-свѣтъ-Иванычемъ. Сосѣди и начальство—всякое уваженъе и величатность ему показываютъ, на житье его завидуютъ. Всего-то у Иванъ-свѣтъ-Иваныча волю: домъ—не домъ, хоромы—не хоромы; самъ въ лисьей шубѣ купецкой щеголяетъ, и жена въ парчѣ, да въ атласѣ. Ну, и дѣти чередомъ пошли—славные ребята, просто заглядѣнье. Патриархомъ въ семьѣ, головой-мудрилой на міру сталъ Иванъ-свѣтъ-Ивановичъ. Не житье ему, а масляница. Держитъ онъ, между прочимъ, дворъ постоялый.

Заѣзжаетъ къ нему однажды какой-то священникъ, старичокъ сѣденькій, благочестливый:

— Ну, хозяинъ, обогрѣй, накорми, напои мена, человекъ заѣзжаго!

Пока пошли ему пищю приготовить, старикъ сидитъ за столомъ и книжку божественную читаетъ, а книжка та называется «Требникъ».

Вдругъ, эгга, взгрянулъ громъ съ молоньей и послышался съ улицы голосъ:

— Отецъ Иоаннъ! Видь изъ сего дома! — домъ сей анаема-проклять есть!

Поблѣднѣла хозяйка, почернѣлъ хозяинъ.

Священникъ глянулъ въ окно — теметь, хуже осенней ночи — и опять-себѣ тихо за книгу.

Пуще громъ, пуще молонья, а того пуще голосъ:

— Отецъ Иоаннъ! Вонъ изъ дома каинскаго, да не погибнетъ доброе съ недобрымъ! Пятьдесятъ лѣтъ прошло!

Вышелъ священникъ со своимъ извощикомъ изъ дому, и поѣхали они, не оглянувшись, куда имъ слѣдовало. А ѣхали они за требой.

Вдругъ дорогой и вспомнилъ старецъ, что Требникъ-то забылъ второпяхъ на дворѣ на стояломъ.

Вернулись, глядять — а на томъ мѣстѣ, гдѣ стоямый дворъ стоялъ, теперича стоитъ огромное казенное зданіе, съ желѣзными рѣшотками. У желѣзныхъ воротъ часовые съ ружьями ходять. А недалеко отъ часовыхъ — столъ и на столѣ книга лежитъ, та самая, что старикомъ позабыта была.

И лежитъ эта книга, раскрыта на той самой страницѣ, гдѣ читалъ священникъ.

И въ этой самой книгѣ огненными бубвами написана, невѣдомо кѣмъ, эта самая повѣсть.

И при ней сказано:

«Убийцы, душегубцы, святотатцы, воры, обманщики, негодяи и всѣ подобные имъ люди, должны жить въ такихъ мрачныхъ домахъ, какъ этотъ самый.

«И гдѣ есть такіе люди, тамъ должны быть и такіе дома.

«И дома эти должны называться острогами и тюрьмами, а люди въ нихъ сидящіе — арестантами». (*)

На этихъ словахъ Кузьма Облако скончалъ свою сказку.

(*) *Вариантъ*: «когда священникъ воротился, то на томъ самомъ мѣстѣ увидѣлъ большушее озеро воды, и на тьмѣмъ озерѣ плаваеетъ столпъ, на столпѣ лежитъ та самая книга-требникъ, въ которой, на раскрытой страницѣ, напечатано огненными словами и т.д.

VII.

ПАЛЕСТИНЫ ЗАВУГОРНЫЯ.

— Это что ваши-то сказки! потирая поясницу, обратился къ слушателямъ Дрожинъ, пятидесятилѣтній старикъ, который только что отошелъ отъ играющей въ углу группы, гдѣ онъ продулъ все, до послѣдней копейки, и даже *будущую* подаванную сайку. Дрожинъ—высокій и лысый старикъ, съ брѣдко-сѣдою, жидковатою бородой-клинкомъ, казался гораздо старѣе своихъ лѣтъ. Морщинистое лицо его носило на себѣ слѣды многихъ страстей и несчастій, хотя и до сихъ поръ сохраняло ваяную-то удалую осанку. На лбу и на щекахъ его можно было разглядѣть слѣды ваторжныхъ клеймъ; а спина—ею въ иные минуты любилъ съ гордостью похвалиться этотъ старикъ—носила на себѣ буровато-синія перекрестныя полосы—печать палача, которую онъ, по словамъ Дрожина, неоднократно прикладывалъ къ этой выносливой спинѣ человѣческой. Дрожинъ отличался силой, и эта сила, вмѣстѣ съ печатями палача и богатою приключеніями жизнью, давали ему какое-то нравственное превосходство передъ остальными товарищами по камерѣ и право на первенство между ними, на общее ихъ уваженіе. Многіе, не шутя, побаивались Дрожина за его силу.

— Это что ваши-то сказки! заговорилъ онъ:—одно слово — тфу нестойшее!... Сидятъ въ тюрьмахъ, что бабы на печи да побасками занимаются! Нашъ братъ-варнакъ сказокъ не сложить, потому наша бывальщина, что твоя сказка! Чудно да и только!

— На то ты и жиганъ (*), чтобы всю суть тебѣ произойти; такая, значить, планида твоя, замѣтилъ ему на это Облако, нѣсколько задѣтый за живое этимъ высокоумнымъ отношеніемъ къ его сказкамъ.

— Жиганъ... Не всякъ-то еще жиганомъ можетъ и быть!... Ты поди да дойди-ка сперва до жигана, а потомъ и толкуй, съ гордостью отвѣтилъ, въ свою очередь задѣтый Дрожинъ:—ты много ли, къ примѣру, душъ хрестыанскихъ затемнилъ?

— Отъ этого пока Господь Богъ миловалъ.

— Ну, стало быть, и молчи!

— А ты нешто много?

— Я-то?... Что хвастать—миѣ же доводилось, не привелъ Гос-

(*) *Жиганъ* — сибирское прозваніе ваторжниковъ.

подъ, а вотъ есть у меня на томъ свѣтѣ, у Бога пріятель, тоже стрѣлецъ савотѣйный былъ за буграми (*), такъ тотъ, не хвалючися, самъ покаялся мнѣ въ двадцати-семи. Вотъ это ужъ жиганъ — такъ жиганъ, на всю статью!

— Дѣй-чего же каяться въ этакомъ дѣлѣ? возразилъ чухна изъ-подъ Выборга.

— А дѣй-того, что передъ смертью исповѣдь держалъ. Поди чай, на томъ свѣтѣ, къ чертамъ-то тебѣ тоже вѣдь не хочется на крюкъ? ась?... Вотъ то-то же и есть!... А впрочемъ, вы—нехристи, чухны, вамъ вѣдь все едино, не то, что хрестыанамъ!... Н-да, братцы вы мои, это не то, что ваша тюряшная жисть! продолжалъ Дрожинъ, послѣ минутнаго раздумья, медленно поглаживая рукой по волѣну и сосредоточенно устава взоръ свой на пальцы вытянутой ноги, словно бы передъ нимъ проносились теперь картины прошлаго. — Я вотъ теперь — куклимъ четырехугольной губерніи (**), и всегда былъ и есть куклимомъ; въ томъ и всѣ мои вѣины состоятъ государскія. Спородила меня мать подъ ракиновымъ кустомъ, сказывали добрые люди, а кто такова—про то и вѣдать невѣдаю. Стало быть, я—божій. Забрали мнѣ было лобъ, а я не будь глупъ, да и въ бѣгѣ! Изымали. Кто таковъ? спрашиваютъ.—«Иванъ, непомящій родства». Пытали, пытали—ничего не допытались. Ну, постебали маменько и отправили съ посельской за бугры. Поселили меня покрай тайги сибирской. Голодно, холодно, рукъ зацѣпить незашто—я и убѣгъ. Опять же изымали и плетью постебали, и положили таую ризалющюю, чтобы мнѣ ужъ не въ поселцы, а на каторгу. Тутъ и пошла моя жисть прогӯльная. Кажинную вѣсну бѣгали изъ каторги на охоту—савотѣекъ стрѣлять. Изымали опять, и опять постебали, да спровадили за море, въ Нерчинской...

— Экъ, тебя часто какъ! перебилъ его Облако, чувствовавшій себя въ нѣкоторомъ родѣ оскорбленнымъ, такъ-какъ Дрожинъ перехватилъ теперь его монополію—занимать общество:—это чело-вѣку помереть надо!

— Не бойсь, щеня, отъ миногъ курносая не сгрѣбаешь! по-

(*) *Бугры*—Уральскія горы, и горы вообще. *Сюртъ въ бугры*—уйти въ Сибирь. *Савотѣйки*—сибирскія бугки. *Отрѣалтъ савотѣекъ*—отправиться въ бѣгъ по Сибири. *Стрѣлецъ савотѣйный или савотѣйникъ*—бѣглый, сибирскій бродяга.

(**) *Куклимъ четырехугольной губерніи*—бродяга, непомящій родства.

хвальбой отвѣтилъ Дрожинъ:—я ужъ, почитай, и счетъ позабылъ, сколько разъ меня тово...

— Да вѣдь страсть? съ живымъ сочувствіемъ возразилъ молодой арестантъ, что помѣщика изъ ружья стрѣлилъ.

— Никакой страсти тутъ нѣту, съ компетентнымъ видомъ авторитета отвѣтствовалъ Дрожинъ:—первые раза, съ непривычки—точно что... щекотно. А потомъ—я даже люблю, какъ этапъ по спинушкѣ-то пробирать начнутъ—жарко, покрайности!

— Ну, ври, дядя жиганъ!

— Чего «ври»?—Вотъ какъ передъ истиннымъ!... Потому—привычка. Сказывали, будто скоро народъ пороть не будутъ: это нехорошо, потому, больше помирать стануть, а поротный невпримѣръ выносливѣй. Да вотъ, хошь я теперь, къ примѣру: меня ни зима студеная, ни жары горючія, ни лихomanка голодная—ништо, ни какъ тонсъ болѣзнь не возьметъ. А почему-што—поротный. Такъ-то оно! и ты, младъ-человѣкъ, испѣрва старшаго послушай, да потомъ и споръ, поучившись-то!

Вересовъ невольно приподнялся на своей подушкѣ и во всѣ глаза, съ изумленіемъ сталъ глядѣть на стараго жигана. Теперь ему во очію сдѣлалось ясно, до какого моральнаго и физическаго отупѣнія и безчувственности можетъ доводить человѣка страшное наказаніе плетью, если въ этомъ истязаніи человѣкъ мало-по-малу становится способнымъ видѣть какой-то родъ своеобразнаго сладострастія и находить пріятнымъ ощущеніе тяжкой боли. Вотъ она гдѣ высшая ступень уродливой порчи и нравственнаго омертвенія!

— Да ты, дядя жиганъ, про Сибирь разскажи, потому не равно кому туды въ гости на побывку смахать придется, такъ чтобы, по крайности, знатѣе было, замѣтилъ кто-то изъ слушателей.

— Сибирь... Про которую Сибирь? возразилъ жиганъ:—у насъ, по настоящему, Сибири-то двѣ. Первымъ дѣломъ—батюшка Сибирь-тобольскій, а второе -- мать Сибирь-забайкальская. Такъ я тебѣ, милый человѣкъ, про матушку нашу разсказывать стану.

... Широки, братъ, эти палестины забугорныя!... Рѣки у насъ широкія—Волга супротивъ нашихъ — тфу! Горы наши, слышно, самъ чертъ громоздилъ, какъ мѣсиво мѣсилъ, чтобы стѣны въ аду шукатурить, а лѣса-то, лѣса—ухъ, какіе потѣмные, привольные! Иной на двѣсти верстѣ, словно черная туча, тебѣ тянется, и скончанья, кажись, ему нѣтъ. И дерево растетъ тажъ крѣпкое да высокое; всякое дерево, а больше все кедръ. Этотъ самый

кедръ напередъ всѣхъ вращенъ былъ у Бога; потому, слышно, ему и прозваніе такое по писанію есть: кедр ливанскій.

... Сидимъ мы, братъ, по зимамъ-зимскимъ въ острогахъ, жремъ пищу казенную, сѣрую, да и съ тою умудрямся жиру да силы себѣ набираться, чтобы, значить, къ веснѣ бѣжать посподручнѣе было. А какъ придуть эта весновки, снѣга сибирскіе таать почнуть, рѣки потопа на десятокъ версть тебѣ пустять, ты значить, и выжидай своего случаю. Выгонять куды ни на есть на работу изъ острога, въ поле дерну копать, али въ лѣсъ ломать вѣники — тутъ ты и удирай. Такое ужъ у насъ абнакновеніе, чтобы по веснѣ безпремѣнно савотѣекъ стрѣлять. И утевѣемъ мы партіями: два-три товарища. Запася хлѣбушкомъ дня этакъ на четыре порцней—и правъ. Въ Нерчинскомъ-то работа чишолая: руду копать, а на волѣ хотъ и съ голоду мрѣшь, да все жъ она, бакая ни на есть, а воля прозывается. Главная статья—до моря (*) добратся, потому нашъ братъ-жиганъ въ бѣгахъ, все больше къ Икрутскому путь держить, чтобы поближе, значить, къ Рассѣюшкѣ любезной. Только до моря-то неблизкій путь. Перво-на-перво черезъ яблонвые бугры перебираться нужно — глушь такая, что не приведи ты Господи! Одиѣ ноги-то — во какъ поискалечишь себѣ! а потомъ, какъ значить, перевалился за бугры—тутъ тебѣ еще того хуже поидеть—самое распровлятое мѣсто братская степь. За степью лѣса непродѣрмые. А ты все больше по лѣсамъ этимъ самымъ скитаешься, потому иначе изымають. Нашему же брату ловля по осени нужна, а весной она совсѣмъ не резонть. Господи-Боже ты мой, мѣва-то мученская какая! Иное мѣсто буряты эти—самый что ни есть разсибирный народъ!—словно супротивъ звѣря лютаго облаву на тебя держать. А ты, знай, иди-хоронись себѣ по лѣсамъ потѣмнымъ. Другой разъ, гдѣ опасново, и на дерево влѣзешь, да ночь просидишь, потому — звѣрьѣ. Много нашего брата звѣрь лютый потравляетъ, кабанъ да медвѣдь, потому онъ, звѣрь этотъ до мозговъ человѣчыхъ лакомъ, ну и до тѣла тоже, значить, жретъ: мясо-то наше сладкое, говорятъ, ровно что голубиное. А пуще чѣмъ отъ звѣря еще, съ голоду мрѣтъ савотѣйникъ. Пищи никакой, окромя черемши—трава такая вонючая по лѣсамъ растетъ—водой больше питаешься, а съ воды брюхо пучить; ну и слабѣтъ человекъ. И какъ только пошагалъ ты на бугры, такъ тебѣ рѣдкій день безъ того не

(*) Озеро Байкалъ извѣстно у сибиряковъ и, особенно у ссыльныхъ, подъ именемъ моря.

пройдеть, чтобы на мертвеца не наткнуться. И на степи, и въ лѣсу потомъ, и по берегу морскому все мертвецы попадаются. И это все голодный мертвецъ. Лежить-себѣ синь-синёшенекъ, оскалмшись, ровно бы смѣется надъ тобою... Иной ободранный, это значить, звѣрь его голодалъ; смрадъ идетъ... Страсти, прости!... Перекрестись за упокой да и продираешь себѣ мимо. «Вотъ, не нынче-завтра, думаешь, самому то же будетъ!» а самъ все далѣ и далѣ бредешь. Обувь порвалась, никуда-негодная — нужды нѣтъ, потому ужъ планида твоя такая, чтобы муку эту пріймать.

... Вотъ такъ-то разъ и шли мы съ Коряевымъ, пріятель-то мой. Девять дѣнь не ѣмши были. Я-то еще пободрѣй, а онъ совѣсть ужъ черезъ силу ноги двигаетъ. На восьмой день, сѣлъ подъ дерево и... не видалъ бы, не повѣрилъ!—горько всплакался. «Видно, говорить, помирать мнѣ тутъ! Не могу больше идти.» Взглянулъ ему я на ноги: въ кровь появлени, распухли всѣ, и самъ-то отъ голоду пухнуть началъ. Защемило во мнѣ—жалъ его, бѣднягу, стало; бросить живьемъ—совѣсть зазрѣла: человекъ вѣдь, опять же и товарищъ. Чтѣ тутъ дѣлать? Самъ слабъ, того гляди, свалишся; иначе, сгрѣбалъ я его въ охабку, взвалилъ на плечи да и поволѣвъ... Какъ ужъ волѣкъ, худо ли, хорошо ли, а только, съ роздыхами, день протащилъ на себѣ. Заночевали въ лѣсу. Наутресь полегчало ему — «самъ, говорить, пойду, спасибо за послугу.» Ну, и пошли. А кругомъ-то лѣсъ, трущоба такая, что ни тропинки нѣтъ, ни слѣда человѣчьяго. Нога во мху, что въ пуху тонетъ, трава высокая, почитай до носу тебѣ—когѣнни да руки захлѣстываетъ; путаешься въ ней на каждомъ токъ шагу, а тутъ еще сучья эти сухіе да вѣтви колючія; все лицо хвоемъ поранишь... Упалъ мой Коряевъ—«помираю», говорить. Взглянулъ я—точно, какъ быть надо, взаправду умираетъ человекъ.—Что жъ, говорю, отходи себѣ съ богомъ, а я пойду. «Нѣтъ, постой, сповѣдаться передъ смертью желаю; будь ты мнѣ, говорить, замѣсто отца духовнаго, а потомъ на духу весь мой грѣхъ батюшкѣ передай; пушай его разрѣшить, коли можно... Я, говорить, убивца, я двадцать-семь душъ хрестьянскихъ загубилъ... мнѣ мѣсто у дьявола въ когтяхъ, потому кровь на мнѣ...» Сказалъ онъ это и померъ, мало времени спустя. А меня голодъ морить разъанаемскій, просто! И нашель тутъ на меня соблазнъ: топоръ при себѣ былъ—«дай, думаю, отрублю кусокъ мяса у покойника да поѣмъ!» Иначе, совѣсть зазрѣла. Все едино околѣвать-то придется, такъ пошто, думаю, лишній грѣхъ великій на

душу брать? Перекрестилъ я тутъ пріятеля и пошелъ. Не доходя дни за два до моря, встрѣнулся я съ товариствомъ—тоже бѣглецы были, восемь человѣкъ, и доплелись мы кое-какъ до Байкала, собираючись съ голоду травой этой самою да лукомъ полевымъ. Скрали мы себѣ ночью лодку негожую. Чтѣ будетъ, тѣ будетъ! Колп не скрѣпчаетъ вѣтеръ—переплывемъ, а подымутся волны—къ дну пойдѣмъ. Поплыли. Четверо гребутъ, пятеро воду выкачиваютъ, потому коли не выкачивать, въ минуту и со скорлупой-то своей дыривой потонѣшь. Ну, добрались кое-какъ до другого берега—тутъ ужъ повальготнѣе стало, полуднѣе и народъ-то все милосерднѣе живѣтъ, свои православные. Только нѣтъ того, чтобы грабить, или разбойство чинить какое, а все имень христовымъ просишь. И ежели украсть, или чего хуже ограбить, такъ свои же бродяги, не токма что селенцы, убьютъ безпрѣмѣнно, потому идѣшь не ты одинъ, а и за тобою, кажиное лѣто, много народу ходитъ, и стало-быть изъ-за тебя всѣ другіе пристанища и хлѣба куска должны рѣшиться. Поэтому мы въ Сибири очень смиренны и любятъ насъ за то православные, савотѣйки, и деньгу подають, и въ избу къ себѣ примутъ, а ты имъ за это на покосахъ, аль на жнитвѣ помогаѣшь, да бабы еще колдовать просятъ и подарки за то носить—мы тамъ за колдуновъ слышемъ—и всѣ много довольны. Такъ-то и бродимъ до осени, а какъ утреннички осенніе пойдутъ, тутъ ужъ ты самъ нарочишь, чтобы начальство тебя изымало да въ острогъ до весны засадило. Вотъ, таковы-то онѣ есть наши палестины забугорныя!

... Много разъ, этакимъ-то манеромъ, зататѣ задавалъ я по Сибири, кажинную вѣсню почитай! Разъ я до Томскаго доходилъ, разъ до Перми, а вотъ на старости лѣтъ Господь привелъ и въ бѣлокаменной побывать, да и съ вами въ Питерѣ покоптѣтъ. Распрятый этотъ Питеръ! Ужъ какъ вѣдь кажетъ хоронилса, анъ нѣтъ-таки, изловили звѣря матерова, волка сѣро-травленаго. Такъ-то оно, братцы!...

— Да кой чортъ тебя дергалъ бѣгать-то? Сидѣлъ бы себѣ смирен на каторгѣ! съ участіемъ проговорилъ Кузьма Облако.

— Э, милый человѣкъ, ужъ и какъ тебѣ это сказать, самъ того не знаю! развелъ руками Дрожня:—вся жистъ моя, почитай, въ бѣгахъ происходитъ, потому—люблю!... до смерти люблю это, и голодъ, и холодъ, и страхъ-то, какъ облавать тебя нѣвпору, а ты хитростью, не хуже лисицы, хвостомъ вялѣешь—любо мнѣ все это, и только! Теперича меня опять на Владимірку, значить,

безотмѣнно рѣшать, и я до матери-Сибири пойду. Я и дойду, а только съ первымъ случаемъ убѣгу—какъ-Богъ святъ, убѣгу—не могу я иначе: человекъ ужъ такой, значить, калѣный.

— Да что жъ тебя это тянетъ въ бѣги-то?

— Какъ «что»?—воля! Теперича тебѣ хочется изъ тюрьмы-то этой на волю? Ну, и мнѣ тоже, потому, говорю, любезное это самое дѣло!

Мало-по-малу арестанты улеглись и скоро въ камерѣ настала сонная тишина, часто впрочемъ прерываемая азартными возгласами доразсвѣтныхъ записныхъ игроковъ.

— Хлюсть!.. Фал!.. Съ бардадимоу! раздавались хриплые, осерчавше голоса, до самой утренней провѣрки, не давая ни на минуту сомнѣть глаза новому жильцу Вересову, который послѣ всѣхъ этихъ сценъ и разказовъ находился подъ какимъ-то нервно-напряженнымъ, болѣзненнымъ впечатлѣніемъ.

VIII.

АРЕСТАНТСКІЯ ИГРЫ.

На другой день, послѣ тюремнаго обѣда, Вересовъ, по вчерашнему, лежалъ на своей койкѣ. Послѣ разговора съ Фаликовимъ, онъ ни слова ни съ кѣмъ не сказалъ, и съ нимъ никто не заговаривалъ. Онъ робѣлъ и дичился, а они, повидимому, не обращали на него ни малѣйшаго вниманія. Вересову какъ-то дико и странно казалось первому заговорить съ ними: какъ начать, что сказать имъ? потому, чувствовалъ онъ, что между нимъ и его товарищами по заключенію, словно стѣна какая-то поставлена, которая совсѣмъ отдѣляетъ его отъ ихъ міра, отъ ихъ интересовъ. Между ними, этими тридцатью заключенниками, какъ-будто есть что-то общее, единое, а онъ—круглый особнякъ посреди ихъ. И въ то же время это отчужденное одиночество среди людей, среди случайнаго общества, съ которымъ предстояло неразлучно прожить, быть можетъ, долгое время—начинало тяготить, и все больше и больше давило Вересова.

— А что, братцы, поиграть бы намъ, что ли, какъ? обратился Фаликовъ ко всей камерѣ:—скука вѣдь!

— Дѣй-чего нѣтъ? Вотъ и жильцу-то новому тоже скучновато, кажись, лежать безъ дѣла, согласились нѣкоторые.

Вересову стало какъ-то легче, свободнѣе, когда услышалъ онъ этотъ первый знакъ вниманія къ своей особѣ.

— Эй, чудакъ, вставай!... полно дичиться — народъ-то все свой да божій, дернулъ его за рукавъ Дрожинъ.

— Ходи, что ли, поиграть съ нами, ласково обратился къ нему же и дневальный Сизой:—за одно съ ребятами познакомишься.

— А послѣ игры уже баста дичиться! прибавилъ Фаликовъ:— тогда мы всѣ съ тобой милыми дружками будемъ.

Вересовъ охотно поднялся съ койки.

— Что же, братцы, какъ присудите? снова обратился Фаликовъ ко всей камерѣ: — надо бы сперва, чтобы новый жилецъ присягу принялъ на вѣрноподданство по замку?

— Ну, это опосля! авторитетно порѣшилъ Дрожинъ:—сперва давай покойника отпѣвать! Правильно ли мое слово, ребята?

— Правильно, жиганъ; покойникъ не въ примѣръ занятнѣе будетъ, а присягу на закуску оставимъ, согласились почти всѣ остальные члены камеры.

— Кто же попомъ у насъ будетъ?

— Попомъ-та? А хоша Фаликовъ!

— Фаликовъ! — ну, ладно!... быть такъ, ребята?

— Быть!

— Стало-быть, коли на міру порѣшили. А упокойничкомъ кого положимъ?

— Да хошь тебя самого, жигана стараго.

— Ладно! мнѣ все-едино помирать! Ну, теперича вы, пѣвчіе— по обѣ стороны становись: на два влира, значить. А ты, Сизой, какъ есть ты дневальный — человѣкъ начальний, такъ ты — къ форточкѣ на стрѣму! Да зѣмка стреми, чтобы начальство милосливое не тово...

Въ минуту вся камера раздѣлилась на двѣ половины, Фаликовъ свилъ себѣ изъ полотенца крѣпкой и толстой жгутъ, а на плечи навинулъ арестантское одѣяло, старому жигану бросили на полъ подушку, на которую онъ легъ головой, какъ покойникъ, сложивъ на груди руки, закрывъ глаза — и затѣмъ началось отпѣваніе.

— «Помани, господа, душу усопшаго раба твоего!» заговорилъ на церковный распѣвъ Самонъ Фаликовъ, становясь въ ноги у покойника, и принимаясь кадить жгутомъ, какъ словно бы настоящимъ кадиломъ.

Присутствующіе набожно перекрестились.

— Умеръ родимый нашъ, умеръ нашъ Карповичъ, продолжалъ тѣмъ же речитативомъ Фаликовъ, обходя вокругъ лежащаго Дрожина — какъ обыкновенно дѣлается при отпѣваніи.

Государь ты нашъ батюшка, Сидоръ Карповичъ,
Какъ тебя, сударь, прикажешь погребать? —

затянулъ правый клиръ какимъ-то мрачнымъ, похороннымъ нагѣвомъ.

Въ гробъ, батюшки, въ гробикъ,
Въ могилъ, родимые, въ могилушкѣ —

дружно откликнулась лѣвая сторона.

А попъ все ходитъ вокругъ покойника, ходитъ, крестится съ поклонами да кадитъ своимъ жгутищемъ.

Государь ты нашъ батюшка, Сидоръ Карповичъ,
Чѣмъ тебя, сударь, прикажешь зарывать? —

начинаютъ опять тѣмъ же порядкомъ правые.

Землею, батюшки, земляцею,
Землицею, родимые, кладбищенскою —

подхватываетъ въ голосъ лѣвый клиръ, отдавая, при окончаніи каждаго стиха, поклонъ сторонѣ противоположной.

Государь ты нашъ батюшка, Сидоръ Карповичъ,
Какъ съ тобой проматься-разставаться?
Все съ рыданьемъ, батюшки, съ надгробнымъ,
Съ цалованьемъ, родимые, съ разставошнымъ.

При этомъ послѣднемъ стихѣ попъ положилъ надъ покойникомъ земный поклонъ и подаловалъ его лобъ. За нимъ поодиночкѣ стали подходить остальные арестанты. Каждый крестился, кланялся въ землю, и простираясь надъ Дрожиннымъ, цаловалъ его лобъ или губы, смотря по своему личному вкусу, и сопровождая все это хныканіемъ, которое долженствовало изображать горкій плачь и рыданіе.

А два клира, межъ тѣмъ, поочередно продолжаютъ свое мрачное, монотонное отпѣванье:

Государь ты нашъ батюшка, Сидоръ Карповичъ,
А и чѣмъ тебя, сударь, прикажешь поминать?

Водочкой, батюшки, водочкой,
Сивухою, родные распрегорьюю.

Государь ты нашъ батюшка, Сидоръ Карповичъ,
А и чѣмъ прикажешь намъ закусывать?

— Новаго жильца съ почетомъ! обратился къ двумъ сторонамъ Фаликовъ — и по слову его, два дюжіе арестанта взяли подъ руки Вересова, такъ что онъ даже — хоть бы и хотѣлъ —

а не могъ шелохнуться въ ихъ мускулистыхъ лапищахъ—и подвѣдъ его къ покойнику, насильно положили ничеомъ на этого послѣдняго.

Миногами, батюшки, миногама,
Миножама, родимые, горячимъ —

fortissimo откликнулся лѣвый клиръ, и вслѣдъ за этимъ возгласомъ, покойникъ внезапно облапилъ Вересова за шею, цѣпно оплѣлъ его ногами — и на спину новаго жильца посыпались частые нещадные удары жгута. Толпа хохотала. Многіе торопились наскоро свивать изъ полотенцевъ новые жгуты, стараясь принести в свою посильную лепту въ пользу спины несчастнаго Вересова.

— Это для того, чтобы вѣчная память была, наклонясь къ его уху, прокричалъ Фаликовъ, и вслѣдъ за тѣмъ, по его знаку, оба хора завыли «вѣчную память», цодъ акомпаниментъ хохота остальной камеры.

Истязаніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ не натѣшились въ волю.

— Это, милый, не бѣда, что вздули, сказалъ Дрожинъ, отпуская Вересова изъ своихъ медвѣжьихъ объятій: — потомъ самъ надъ другими будешь то же дѣлать.

Вересовъ все время не издалъ ни единого звука, но теперь—весь блѣдный, дрожащій, поднялся съ полу и, какъ звѣрь, не разбирая ринулся на перваго попавшагося арестанта.

— Го-го!... Да ты драться еще! весело воскликнулъ Фаликовъ.—Ребята! отабунься! (*) Колоколъ лить!

Въ то же мгновение новаго жильца плотно окружили десять человѣкъ, сцѣпясь другъ съ дружкой руками—такъ что онъ очутился какъ-бы въ живой клѣткѣ — а къ нимъ вскоробались на плечи еще трое арестантовъ — и вся группа образовала родъ акробатической пирамиды. Это было дѣломъ одной минуты. Раздался пронзительный крикъ боли, тотчасъ же заглушенный пѣсней:

Пошъ Мартынь!
Повадъ Маланья!
Сянь ли ты?
Звони въ колокольчикъ!
Бимъ! бамъ! бомъ!
Ти-ли, ти-ли, бомъ!

(*) *Отабунится*—собраться въ вучу.

Верхніе трое, для ступней которыхъ служили пьедесталомъ плечи десяти нижнихъ арестантовъ, вѣдѣлись въ волосы Вересова, и приподнявъ его такимъ образомъ вверху, на воздухъ, стали раскачивать въ стороны и постукивать объ полъ его ногами. Изъ глазъ несчастнаго сыпались искры и выбрызнули крупныя слезы. Волоса его трещали подъ руками мучителей; грудь выдавливала изъ себя глухіе, короткіе стоны, отъ нестерпимой боли этой чудовищной, варварской пытки.

— Лихо языкъ болтается, да и звонить-то гулко! острилъ Самонъ Фаликовъ: — пушай это ему за то, что дѣла моего кушить не желалъ, окаанный!

— Вотъ, вѣдь оно тиранство—а люблю! деллетантически замѣтить Дрожинъ, съ разныхъ сторонъ любуясь на картину пытки: — право, люблю! Меня самого еще куды тебѣ жутче твранили! Пушай и другой знаетъ, каково оно жарко!

— Двадцать-шесть! (*) громко выкрикнулъ Сизой, быстро отсочивъ отъ своего наблюдательнаго поста, у дверной форточкы.

Верхніе мигомъ спрыгнули съ плечъ, нижніе подхватили почти безчувственнаго Вересова и бросивъ его на койку, разбѣжались, какъ ни въ чемъ не бывало. (**)

(*) *Двадцать-шесть!*—предостерегательное восклицаніе тюремнаго argot, то же самое, что у «вольныхъ» мошенниковъ «стрѣма» — берегись.

(**) Вотъ перечень тюремныхъ игръ:

а) *«Кириши портреть»*. Новичка спрашиваютъ: «Хочешь Кириши портреть поглядѣть?»—«Хочу.»—«Ну, ладно, повидь на минуту за двери». Новичокъ выходитъ, а въ это время арестанты вымазываютъ въ трубѣ сажею новичкову шапку и подкарауливаютъ у двери его возвращеніе. При входѣ, внезапно маралъ шапкой лицо и подводитъ къ зеркальцу: «Смотри, молъ, вотъ онъ, кириши портреть!» Новичокъ ругается, остальные смѣются. — Это — самая веселая и самая мягкая изъ арестантскихъ игръ.

б) *«Присяга на ступноподаство по замку»*.

с) *«Палъто шить»*—двѣ игры до того дичныя, что нѣтъ ни малѣйшей возможности передать ихъ печатно.

д) *«Покойника отпѣвать»*.

е) *«Колоколъ лить»*.

ф) *«На оленяхъ прокатить»*. Становится два человѣка, шотно другъ къ другу спиною, и около пояса связываютъ себя полотенцемъ, потомъ каждый наклоняется въ свою сторону. Ихъ накрываютъ одѣяломъ и — олени готовы. Старые арестанты садятся на нихъ поочередно и катаются по камерѣ. Доходитъ очередь до новичка, но чуть садеть онъ на оленей — связанные арестанты распрямляются и начинаютъ жать его, какъ словно въ тискахъ, а остальные начинаютъ избивать его жгутами.

г) *«Голоса слушать»*. Каждый становится на свою койку и начинаетъ издавать музыкальныя ноты. Очередь доходитъ до новичка — его схватываютъ, дерутъ за уши и за волосы, бьютъ и пинаютъ, и когда онъ начнетъ кричать,

IX.

Р а м з я.

Дверь въ камеру отворилась—и въ корридорѣ побазался снѣ-
дый острожникъ староста, вмѣстѣ съ дюжимъ приставникомъ и
новымъ арестантомъ.

Это былъ человѣкъ высокаго роста; на видъ ему казалось
года сорокъ-три-четыре, и вся наружность его: глубоко впалые,
задумчивые глаза сѣраго цвѣта, высокій, нѣсколько лысый лобъ,
широкая черная борода, подернутая значительною просѣдью —
имѣла въ себѣ что-то доброе, душевное и въ то же время сано-
витое. Взглянувъ на него, нельзя было не угадать присутствія
страшной, желѣзной физической силы въ этомъ сухомъ, муску-
листомъ тѣлѣ; но вообще, въ немъ сказывался скорѣе человѣкъ
духа, чѣмъ плоти.

Вызвали дневальнаго Сизѣго, и вчетверомъ, по обычаю, отпра-
вились въ приставницкую.

— Ну, стало быть, двухъ теиерь къ присягѣ поведемъ—любо,
ей-богу! потеръ себѣ руки старый жиганъ.

— Къ присягѣ?... Почеши ногу, (*) братъ, этого къ присягѣ не
подведешь! съ достоинствомъ прочнаго убѣжденія замѣтилъ мо-
лодой убійца «начальства свою».

— Ой ли? Чтѣ же онъ, воронъ какой, али нехристь?

— Ни воронъ, ни нехристь; а только не подведешь.

— Да ты чего?... Ты его знаешь, что ли?

— Не зналъ бы, не сказывалъ.

арестанты говорятъ, что у него голосъ лучше всѣхъ. «Такъ лихо поешь, что
всѣмъ подошше послушать хочется». И бьютъ, покуда не натѣшатся. Арестан-
ты до тѣхъ поръ не успокоиваются въ отношеніи новаго своего сочлена, пока
не продѣлаютъ надъ нимъ всѣ вышеназванныя игры. Это какъ-бы своего
рода искусь: «арестантскія мытарства пусть каждый пройдетъ сперва, а по-
томъ ужъ будь ты намъ другъ и товарищъ».

h) «Игра съ жгуты»—общая арестантская. Одинъ садится на койку и владеть
себѣ подушву на колѣни. Остальные выдаютъ «жеребья». Кому вынется
последнему, тотъ наклоняетъ голову въ подушву, а прочіе становятся во-
вругъ со жгутами. Кто нибудь ударяетъ «уткнутого» по спягѣ; уткнутый
долженъ отгадать—кто. Коли попалъ—угаданный становится на его мѣсто, а не
попалъ—оставайся до тѣхъ поръ подъ жгутами, пока не угадаешь ударившаго.

Таковъ характеръ всѣхъ тюремныхъ, арестантскихъ игръ.

(*) «Почеши ногу» на тюремномъ argot почти то же, что на байковомъ
«труба», а на обыкновенномъ русскомъ—выраженіе: какъ же, дождайся!
Дудки! не хочешь ли чего послаще! и т. п.

— А что онъ за птица? какъ прозывается?

— Рамза.

— Не слыхалъ таковской; надо такъ думать—заморская.

— Поближе маленько: олонецкая.

— Мм!... Каковъ же таковъ человѣкъ онъ есть?

— А ужъ это, милость твоя—благодѣшнѣй человѣкъ, не намъ чета: благодѣтель.

— Фу, ты, ну, ты—кочевряга! А ты какъ его знаешь?

— Рамзю-то?—Сами съ тѣхъ мѣстъ, олонецкіе.

— Олонецкіе? Это, значить, тѣ самые молодцы, что не бьются, не дерутся, а кто больше съѣстъ, тотъ и молодецъ? съ презрительной ироніей замѣтилъ Дрожинъ. Вообще, весь послѣдній разговоръ его отзывался какимъ-то весьма высокомернымъ тономъ. На душѣ у стараго жигана какъ-то беспокойно и завистливо стало: онъ почти мелькомъ только видѣлъ вновь приведеннаго арестанта; но съ перваго же взгляда, разомъ почувалъ въ немъ нравственно сильнаго, могучаго человѣка, который невольно, хоть и самъ, быть можетъ, не захочетъ, а навѣрно возьметъ первый голосъ и верхъ надъ камерой, вмѣстѣ со всеобщимъ уваженіемъ, которое до этой минуты попреимуществу принадлежало старому жигану.

— Что жъ такое дѣлалъ Рамза-то этотъ, что въ благодѣтели попалъ? спросилъ онъ прежнимъ тономъ, только съ значительной долей раздраженія, накопившейся послѣ минутнаго раздумья.

— А то дѣлалъ, что вотъ, примѣромъ, у меня теперича коша бы коровенка пала, принялся объяснять олончанинъ, съ тѣмъ же достоинствомъ прочнаго убѣжденія:—онъ узнаетъ тамъ стороною, что вотъ, молъ, у Степки Бочарника коровенка пала, и ты, значить, черезъ это самое нужду терпишь—пойдетъ, купить коровку-то гдѣ ни на есть, да и приведетъ къ тебѣ: на, вотъ, владай теперь ея; а нѣтъ—вотъ тебѣ деньгъ; подѣ да купи. Въ какой человѣкъ-то онъ!... кормилецъ, одно слово... Да это что: теперь хлѣбушка нѣтъ у мужика — мужикъ подѣ къ нему: онъ дастъ, а не то, опять же деньгу тебѣ дастъ. Совсѣмъ благодѣтель нашъ былъ, по всему, какъ есть, право!

— Коли такъ, за что же его опосля этого въ тюрьму-то забрили? раздумчиво, но уже безъ желчи, спросилъ дядя жиганъ.

— А вѣрно ужъ за то за самое и забрили, предположилъ Степка Бочарникъ:—потому человѣкъ господамъ согрубленіе дѣлалъ;
Т. СЛХ. — Отд. 1.

опять же и супротивность всякую... А только онъ благодѣтель намъ: вѣчно Бога молить станемъ, право...

Сизой ввелъ уже переодѣтаго арестанта. Рамзя вошелъ съ тѣмъ кротко-строгимъ, сдержаннымъ видомъ, который всегда отличалъ его сановитую фигуру; первымъ дѣломъ, перекрестился на образъ и молчаливо отдалъ степенный поклонъ на обѣ стороны.

Арестантамъ, непривычнымъ къ такого рода вступленію въ тюремную жизнь, показалось довелъзя страннымъ благочестивое движеніе Рамзи. Многіе фыркнули, а многіе и прямо захохотали. Рамзя словно бы и не слыхалъ, и съ полнымъ достоинствомъ, спокойно обратился къ Сизому, за указаніемъ своей койки.

— Сизой! перебилъ его жиганъ: — ты что это, лѣшій, изъ-за чортъ-знать чего двадцать-шесть орешъ? Мы думаемъ: начальство, а тутъ всего-то навсе какого-то мазуру оголтѣлаго привели.

Эта выдержка, и строгое достоинство, которыя съ перваго шагу проявилъ въ себѣ Рамзя, снова подняли въ старомъ жиганѣ всю желчь раздраженія и боязнь за утрату своего первенства. Онъ чувствовалъ, что если самымъ убѣдительнымъ способомъ не поддержать все свое вліяніе и значеніе теперь же, на первыхъ порахъ, то — того и гляди — утратишь ихъ безвозвратно. Поэтому-то Дрожинъ и пустилъ съ днику дерзкую, оскорбительную выходку противъ Рамзи.

Но этотъ послѣдній, не удостоив своего противника ни однимъ словомъ, только оглядѣвъ его тихимъ, спокойнымъ взглядомъ своимъ, и помѣстился на указанное ему мѣсто, рядомъ съ Вересовымъ.

— Ну, что жъ, теперь пора и за присягу, предлагалъ Фаликовъ.

— Вотъ, за одно и другаго жильца приведемъ, откликнулся Дрожинъ, съ ироніей кивнувъ на Рамзя. — Булочка! становись-ко по правилъ, да крестъ на спину! продолжалъ онъ, обратясь къ молодому, ожирѣлому арестантѣ, съ бабьимъ лицомъ, который пользовался особеннымъ и даже ревнивымъ покровительствомъ стараго жигана.

Булочка снялъ съ себя все верхнее платье, растегнулъ воротъ сорочки, завинувъ съ груди на спину свой натѣльный крестъ, сталъ среди камеры, упираясь въ полъ руками и ногами.

— Ну, вставай, дѣвчонка!

Дрожинъ сдернулъ съ койки ослабѣвшаго Вересова.

— Фаликовъ, выжи ему глаза полотенцемъ!

— Братцы!... не бейте меня... помилуйте... Христа-ради! черезъ силу простоналъ Вересовъ. На глазахъ его показались слезы.

— Бить не станемъ, только подь присягу подведемъ — и ко-
нецъ, утѣшилъ его Дрожинъ.

Фаликовъ подошелъ уже къ нему со сложеннымъ полотенцемъ.

Вересовъ тревожно обвелъ вокругъ камеры взоръ, помучѣн-
ный тоскою... Положеніе было безысходно. Случайно, съ роб-
кою мольбой и смутной надеждой скользнули его глаза по вновь
приведенному арестанту и, словно обезсиленные, опустились къ
землѣ, вмѣстѣ съ поникшею на грудь головою.

Рамза поднялся со своей койки.

— Оставь его, сказалъ онъ ровнымъ, тихимъ, спокойнымъ
голосомъ, взявъ за руку Дрежина.

Жиганъ никакъ не ждалъ такого внезапнаго и прямого под-
хода. Отъ неожиданности онъ даже оторопѣлъ нѣсколько, въ
первую минуту.

Вся камера, живо заинтересованная началомъ столь необычно-
веннаго столкновенія, стала въ напряженномъ, молчаливомъ вни-
маніи.

— Да ты что мнѣ за указчикъ?! азартно поправился Дрожинъ:—
что хочу, то и дѣлаю!

— Самъ надъ собою дѣлай что хочешь, а этому — не бывать,
съ прежней спокойной увѣренностью сказалъ Рамза, отводя отъ
него Вересова, котораго заслонилъ собою.

— Да ты что? ты чего? бѣбу захотѣлъ, что ли? взъялся жи-
ганъ, показавъ ему свой кулачище: — кшпки выпущу!... Проходи
лучше, незамай!... Видали мы и не таковскихъ!

— Видали-ль, не видали-ль — про то важъ знать. А надъ
слабымъ челоуѣкомъ не велика честь свою силу казать; ты надъ
ровней покажи.

— Это правильно!... Что дѣло — то дѣло!... Резонтъ говорить!
замѣтили нѣкоторые изъ арестантовъ.

Для Дрожина наступилъ роковой моментъ: его значеніе начало
колебаться.

— Да ты что ко мнѣ съ проповѣдами-то? Ты мнѣ смѣртный
конецъ, аль духовный отецъ? Прочь, вразь! Плевкомъ разшибу—
не попахнетъ! Пусти его! бѣшено кинулся Дрожинъ на Вересова.

Рамза схватилъ его за вистъ руки и не выпуская, опустилъ ее
внизу.

Жиганъ съ размаху шибко хватилъ его въ грудь кулачищемъ;
но противникъ, пошатнувшись немного, только сдвинулъ слегка
свои брови и сжать суховатой, жилистой рукою вистъ руки Дрожина.

На лицѣ послѣдняго мгновенно промелькнуло чувство страда-
нія; но онъ пересилилъ себя, скрывъ свою боль, и ради посто-
роннихъ глазъ, заставилъ свои личные мускулы принять мрачно-
спокойное выраженіе.

Между тѣмъ желѣзная рука Рамзи сжимала все сильнѣй и
сильнѣе.

Глухо раздался второй ударъ въ грудь — и Дрожинъ заскреже-
талъ, съ какимъ-то давящимся отъ бѣшенства рыканьемъ, какъ
раненный звѣрь; но противникъ, попрежнему слегка пошатнув-
шись, твердо стоялъ на своемъ мѣстѣ. Только чуть замѣтное
судорожное движеніе передѣрнуло его спокойныя брови.

Въ камерѣ царствовало глубокое, напряженное молчаніе —
слышно было, какъ тяжело, перерывчато дышалъ старый жиганъ,
какъ изрѣдка покрустывали суставы его пальцевъ. По лицу раз-
лилась болѣзненная блѣдность, а онъ еще старался улыбнуться.

— Ишь ты... жарко... черезъ силу проговорилъ онъ, заклѣбы-
ваясь хриплыми звуками своего голоса, и кривя ротъ насильствен-
ной улыбкой — ради поддержанія своего достоинства въ глазахъ
всѣхъ арестантовъ. Рука его снова замахнулась, но описавъ по
воздуху какое-то безсильное движеніе, какъ плеть опустилась
книзу. Рамзя, ни на йоту не измѣняя своему сосредоточенному
спокойствію, постепенно все болѣе и болѣе усиливалъ свое сжи-
манье. Казалось, эта рука, съ каждой минутой, какъ-то цѣпко
впивалася въ руку жигана, словно какая-то высшая, нервная сила
управляла силой его могучихъ мускуловъ.

Изъ-подъ ногтей Дрожина просочились алмазныя капли крови...

А блѣдность все сильнѣй и сильнѣй покрывала его лицо зеле-
новато-мертвеннымъ отгѣнкомъ; налитые кровью глаза начинали
безжизненно тускнеть; посинѣлыя губы кривило конвульсивною
дрожью.

Съ глухимъ стономъ онъ упалъ предъ Рамзей на колѣна, и
надорванно прошепталъ: «руку... руку... христа-р...ади» — безъ
чувствъ повалился на полъ.

Рамзя тихо разжалъ свои пальцы, тихо отошелъ къ своей
койкѣ, и сѣлъ на нее, въ спокойномъ раздумьи, подперевъ ла-
донями лобъ.

Рука безчувственного Дрожина была разможжена, и налилась
сине-багровыми полосами—тамъ, гдѣ приходились сжимавшіе ее
пальцы.

Изъ арестантовъ никто не шелохнулся. Надъ ними еще все-

властно царило впечатлѣніе неожиданной сцены. Они были изумлены, поражены, раздавлены спокойною силою и волей незнакомаго имъ человѣка — и теперь, стоя отъ него въ почтительномъ отдаленіи, безъ словъ, но общимъ единодушнымъ сознаніемъ, каждый про себя, признали его первенство. Одинъ Фаликовъ перетрусилъ до смерти, и — тише воды, ниже травы — дрожалъ и прятался за спинами товарищей.

— Плесните, братцы, водой на старика-то, кротко кивнуль головой Рамзя, бросивъ взглядъ на все еще безчувственного Дрожина.

— Эко дѣло какое... вѣдь мнѣ, пожалуй, теперь отвѣчать за него, пробурчалъ себѣ подъ-нось дневальный Сизой, смачивая водою темя и виски жигана.

— А за этого не отвѣчать? строго спросилъ Рамзя, указавъ ему глазами на Вересова.

— Да что жъ... мы, ваша милость, его не били: мы съ нимъ маненько играли только, оправдывался Сизой.

— Знаю я ваши игры — хорошія игры!... И вамъ не совѣстно, братцы? вскинулъ онъ свой глубокой, неотразимый взоръ на всю камеру.

Большая часть арестантовъ потупили головы; кто почесалъ въ затылкѣ, а кто ухмыльнулся какою-то застѣнчиво-оправдательной ухмылкой.

— Жаль мнѣ васъ, братья... забыли вы, что людьми прозываетесь, вздохнулъ Рамзя, съ грустной укоризной покачавъ головою.

— Да вѣдь скука, ваша милость, несмѣло замѣтилъ кто-то изъ болѣе шустрыхъ арестантовъ: — сидишь-сидишь — индо одурь возьметъ; со скуки больше и бѣсишься.

— А ты какой вѣры? внушительно задалъ ему вопросъ Рамзя. Арестантъ смутился.

— Вѣры-то?... Да тутъ всякой есть, ваша милость... А мы всё, почитай, больше русской... вѣры-то.

— Русской... Слыхалъ я, что точно, всякія вѣры бываютъ на свѣтѣ, а экого закона, чтобы ближняго своего ради потѣхи мучить — не слыхалъ ни въ одной вѣрѣ человѣческой... Волякъ волка — и тотъ не зарѣжетъ мучительно занапрасно, а вы — люди, братцы!

— Какіе мы люди!... мы — арестанты! съ горечью вырвалось у Кузьмы Облака.

Строгое, простое и прямое слово Рамзи, казалось, видимо подействовало на человѣческія струны заключенниковъ. Многіе не шутя задумались надъ его укоромъ.

— А за старика не бойся, прибавилъ Рамзя, обратясь къ Сизому:—за него, коли что, я самъ своей головой отвѣчу.

Между тѣмъ Дрожина привели въ сознаніе. Не смѣя глазъ поднять на людей, отъ жгучаго чувства стыда и оскорбленнаго самолюбія, онъ какъ-то стѣсненно, неловко сѣлъ на первую койку, словно бы ощущая устремленные на него взоры всей камеры—и мрачно задумался.

Этотъ человѣкъ, стоически переносившій на своей спинѣ удары палача и еще накануне искренно похвалявшійся неестественной любовью къ плети, удовольствіемъ при процессѣ полосованія своего собственного мяса — сегодня, въ глазахъ тридцати товарищей, упалъ въ обморокъ отъ пожатія руки. Но... обезсилѣло его не столько чувство страшной и совсѣмъ еще невѣдомой доселѣ боли, сколько невозможность сломить своего противника, обезсилѣло сознаніе нравственнаго превосходства этого противника, сознаніе потери своего первенства, значенія и вліянія на своихъ сотоварищей. Вотъ чего не вынесла закаленная душа стараго жигана! Коса нашла на камень—и камень сломилъ ее.

— Охъ, кабы топорь!... съ глубокой, тоскливой горестью, глухо и словно бы самъ съ собою заговорилъ понурый Дрожинъ:—взять бы мнѣ теперь эту самую руку да и отхватить ее по локоть!... Не выдержала, проклятая—выдала старика.... Свидите, братцы, въ больницу: неможетъ... А не то, пожалуйста лучше на меня приставнигу, хоть за буйство, примѣрию—пушай меня въ карцюю заперуть.

Дрожину невыносимо тяжело было оставаться на глазахъ товарищей, свидѣтелей его пораженія — хотѣлось замкнуться наединѣ, съ самимъ собою, чтобы не видѣть лица человѣческаго, пока не перегоритъ это чувство стыда, пока не угомонится уязвленное и униженное самолюбіе — а угомонится оно вѣрно нескоро.

— Пойдемъ, что-ли, я сведу тебя, подошелъ къ нему Сизой.

Дрожинъ поднялся медленно, тяжело, какъ человѣкъ, подавленный исключительно своимъ глубоко-горькимъ чувствомъ, и не подымая глазъ, обратился ко всей камерѣ:

— Коли ежели что—начальство, такъ скажите, что самъ невзначай чѣмъ нибудь... ну, хоть дверью прищемилъ. Слышите?

— Ладно, дядя жиганъ, скажемъ.

— То-то, не забудьте, да... Простите, воли чѣмъ изобидѣлъ кого...

Послѣ этихъ словъ, Дрожинъ замедлился въ какомъ-то нерѣшительномъ раздумѣ.

— Прости ужь что-ль и ты, добрый человекъ! поклонился онъ Рамзѣ, весь зардѣвшись при этомъ поклонѣ.

Рамзя отвѣтилъ ему тѣмъ же.

— Не попомни, братъ, и ты на мнѣ, отпусти зло мое, совѣстливо и тихо сказалъ онъ:—что жь дѣлать, не хотѣлъ я тебя обидѣть—самъ того пожелалъ... А мнѣ теперь, можетъ, еще тяжельче твоего... Прости, братъ!

И послѣ этихъ словъ его, дядя жиганъ, избѣгая взглянуть на кого либо, вышелъ изъ камеры.

X.

Исторія Рамзи.

Черезъ нѣсколько дней и Вересовъ, и Рамзя свыклись съ обиходомъ тюремной жизни. Старый жиганъ все еще не показывался въ камеру: ему лечили въ больницѣ переломленные суставы. Арестанты безусловно уважали Рамзю, но не боялись, какъ прежде стараго жигана: они полюбили его. Ни въ споры, ни въ карты никогда не мѣшался Рамзя. Никто не слыхалъ отъ него ругательства, насмѣшки или празднаго, скромнаго слова: со всѣми онъ былъ тихъ и ласковъ, никого не чуждался, никого не презиралъ. Это именно было спокойное благодушіе великой силы. Объ одномъ только скучалъ онъ, что праздно время коротать приходится, потому что изъ татейнаго отдѣленія не гоняютъ ни на какую тюремную работу, а кабы дрова пилить или воду качать—онъ бы одинъ за троекъ справлялся—такова ужь натура у человекъ была. Въ церкви, отъ которой никогда не увертывался Рамзя, онъ не молился, а если и молился, что весьма вѣроятно, то наружно не показывалъ виду, но стоялъ все время съ глубокимъ, строгимъ и сосредоточенно-благоговѣйнымъ вниманіемъ. Голосъ былъ у него высокій и чистый, симпатичный. Часто въ садикѣ, или сѣда на своей койкѣ, погруженный въ какую-то грустно-свѣтлую, мечтательную задумчивость, онъ негромко затагивалъ пѣсню, не тюремную пѣсню, а изъ тѣхъ,

что пѣвалъ когда-то на широкой волѣ. Любилъ онъ также *стихи* пѣть, что калики-перехожіе по Руси разносятъ — про книгу голубиную, про Асафа-царевича да про Иосифа странника прекраснаго:

Ты поди, младъ юношь, во чисто поле,
Ты поди, прекрасный, ко своей братьи,
Снеси ты имъ хлѣба на трапезу
Снеси имъ родительско прощенье
Ты прощенье имъ, благословенье,
Чтобы жили братья во совѣтѣ,
Во совѣтѣ жили бы во любви,
Другъ друга они бы любили,
За едино хлѣбъ-солъ вкушали.

Такъ-какъ случай привелъ его заступиться за Вересова въ первую минуту своего вступленія въ жизнь острожную, то Рамзя и на все послѣдующее время приглубилъ его около себя. Больше всѣхъ любилъ онъ водить разговоры съ нимъ да еще съ Кузьмой Облакомъ и съ олончаниномъ Степкой Бочарникомъ, котораго еще прежде знавалъ когда-то на волѣ.

Часто ночью, когда у майданщика Мишки Разломая море идетъ разливанное, и «три листива» въ полномъ разгарѣ соберутъ въ «игральный уголь» многочисленную кучку любителей — они въ четверомъ усядутся себѣ на двухъ койкахъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ этого завѣтнаго угла — и пойдутъ у нихъ тихіе разговоры. Рамзя потому удалялся отъ Разломая, что водки онъ не пилъ и табачнаго духу сильно-таки недолюбливалъ.

— Ахъ, ужъ скоро-ли меня рѣшать-то! съ затаенною тоскою, вырвался у него однажды вздохъ, во время одной изъ такихъ полуночныхъ бесѣдъ:—кажись, самъ вѣдь во всемъ повинился, ни одного своего преступленья не сталъ—чего бы еще?—Нѣтъ-таки, въ Питеръ вотъ пригнали зачѣмъ-то; здѣсь еще, слышно, слѣдоваться да судиться будемъ. А ужъ мнѣ—хоть бы и въ Сибирь скорѣй!...

— Чай, не хочется? замѣтилъ Кузьма Облако.

— А пошто не хотѣться-то? возразилъ Рамзя:—вѣстимо дѣло, родного мѣста жалко, да вѣдь и въ Сибири люди—живи только побожески, вездѣ сподручно будетъ... Срогъ ваторги отбудешь, а тамъ на поселеніе...

— Да вѣдь идти-то долго и тяжело: въ кандалахъ вѣдь, сказалъ Вересовъ.

— Эхъ, родимый!... Намъ ли еще о тѣлесахъ своихъ такую заботу принимать!... Отцы святые во все житіе свое въ желѣз-

ныкъ веригахъ ходили, и Господа еще славословили; а тутъ, намъ-то, нешто по грѣхамъ своимъ и въ кандалахъ не пройдемъ? —Пройдемъ!... на то и испытаніе.

— За что жъ тебя погонять? Зла вѣдь ты никому никакого не сдѣлалъ?

— Нѣтъ, видно, что сдѣлалъ, коли вотъ забрали. Безъ того— по совѣсти надо полагать—не погонять въ Сибирь нашего брата... Работалъ я на мѣрь, продолжалъ Рамзя, съ какимъ-то, свойственнымъ одному ему спокойнымъ увлеченіемъ: — однихъ отъ обиды огорожалъ, а другихъ въ обиду вдавалъ—на томъ-то и зло мое... Знаю и самъ, что рукоумѣсло мое съ одного бока непохвальное, да что станешь дѣлать? Видно ужъ, на что душа родилася, того богъ и далъ.

— Ты господскій былъ, аль нѣтъ? спросилъ Облаво.

— Господскій...

— Что жъ ты не жилъ въ ладу съ господами? жилъ бы себѣ почтеннымъ образомъ до старости лѣтъ; дѣтей бы, внуковъ выросталъ, съ участіемъ заговаривалъ Вересовъ.

— Хм... это точно что такъ... А вотъ ты, чай, въ книжкахъ читаешь, такъ тамъ сказано... Божественныя читаешь?

— Случается.

— А читалъ, что связано: «никто же можетъ двема господинома работати: либо единого возлюбить, а другаго возненавидитъ, или единого держитса, о друземъ же нерадѣти начнетъ».—Это великое слово—такъ ты и знай!... Работалъ я на мѣрь, и мѣрь возлюбилъ, а мамонѣ ужъ опослѣ этого и работать не приходится.

Вересова порядкомъ-таки озадачилъ этотъ смышленный отвѣтъ, который показывалъ въ Рамзѣ глубокую силу убѣжденія.

— Ты вотъ — хоть и никогда еще самъ не связывалъ — а я такъ думаю, что надо быть, грамотный, Авимъ Степанчычъ? спросилъ Облаво.

— Грамотный. Съ измаламалства еще къ грамоти въ наугъ пошелъ, отвѣчалъ Рамзя.—Отецъ у насъ былъ, покойникъ, старецъ благочѣсливый, и домъ въ страхѣ божіемъ соблюдалъ, и какъ готовилъ насъ больше по торговой части, такъ и грамотѣ безпремѣнно учиться наказалъ:—перво, говорить, божественное дѣло будешь смыслять, а второе дѣло—по торговой части безъ грамоты конѣ ни шагу ступить... Такъ я и обучался у дьячка у приходскаго...

— Ну, и какъ же ты отъ отца остался? жилъ-то послѣ какъ? съ любовитствомъ подсѣлъ къ нему поближе Бересовъ.

Рамзя поглядѣлъ на него тихимъ, благодущнымъ взоромъ и слегка улыбнулся.

— Тебѣ, вижу я, началъ онъ: — исторію мою послушать хочется?... Не столь-то я охочь рассказывать исторію-то эту. Ну, да вы люди простые, незлобные; опять же и свой братъ-заклученникъ не начальство какое. Да съ чего же начать-то — никакъ не сообразишь... Нешто про тѣ, какъ я на свою дорогу вышелъ?...

И онъ, на нѣсколько времени, задумчиво подперся рукою.

— Это самое дѣло, какъ бы припоминая, съ глубокимъ вздохомъ, началъ Рамзя:—почитай, что съ измальства пошло... Былъ у насъ дѣдо—ужь лѣтъ подѣ сто старику было, иначе бодрый, и въ памяти... Бывало, какъ подойдетъ это весна, станеть древо листово одѣваться, цвѣкорей замахровѣть—такъ дѣдо тотчасъ въ лѣсъ, и въ лѣсу это у него пчельникъ... Пчѣлка жужжить, тишина такая и благоуханіе!... Тамъ и келейка была у него срублена, и мѣсто изгородью огорожено—хорошо было обвѣшную пору!... Бывало, идетъ дѣдо на пчельникъ и мѣня возьметъ съ собою. Перво-на-перво, молитву сотворить; отецъ Гервасій мелебень ему отслужить и все мѣсто на четыре страны, и кажинный улей пѣтой водой окропить, затѣмъ, чтобы пчѣлка ромлась благодатливо...

Тамъ, бывало, мы съ дѣдкой и днюемъ, и ночуемъ, вплоть до самыхъ заморозковъ, какъ ульи въ амшаникъ хоронить время приспѣеть.

И такъ мнѣ полюбился душевно этотъ самый лѣсъ, что, кажется, и не вышелъ бы оттолѣ никогда: такъ вотъ и тянетъ, такъ вотъ и тянетъ!... Моченьки моей нѣтъ въ деревнѣ — все бы мнѣ это къ лѣсу да къ лѣсу! все бы мнѣ это на тишь да благодать лѣсную очами своими дивоваться и время такъ проводить...

Пустыня ты, мати прекрасная!
 Ты прими меня, мати возлюбленная!
 Какъ придетъ на свѣтъ весна красная—
 Одѣнутся дрѣвесы райскими листьями,
 Запоютъ птицы голосами архангельскими—
 И я възъ пустыни вонъ не выду,
 А тебѣ, мати пустыни, я же покину.
 Разгуляюсь я, младъ въюношъ, во дубравушкѣ,

Частия древа со мной будуть думу думати,
Мелкіе листьа со мной стануть говорити,
Райскія птицы стануть распѣвати—
Меня, мада вьвюноша, потѣвати.

Вотъ эта самая пѣсня въ тѣ поры у меня съ ума не сходила— все, бывало, съ дѣдкой и поёмъ ее. Оттоль-то я и стихи пѣть полюбить, какъ у него научился.

И одно время такое это было, что просто и не вѣсть что со мной сдѣялось: сталъ ровно полоумный какой—по шестнадцатому году было. Какъ взыгралася только эта весна, такъ меня ровно силой какой въ лѣсъ да въ поле! Сбѣжалъ парень съ села, совсѣмъ сбѣжалъ; куда и про что—того и самъ не разумѣть, а и на селѣ никто невѣдаеть.

Дня черезъ два отыскали меня наши ребята, къ отцу привели. Засадилъ меня онъ дома за работу. Работаю день, работаю два, а самого такъ и томить истома кабая-то, словно тошно становится—ажно обомлѣлъ весь: и все-то бы мнѣ къ лѣсу... Палъ я отцу въ ноги—«пусти, говорю, батюшка-осударь, отпусти во пчельникъ, на дѣдино мѣсто! Пчѣлка безъ присмотру, безъ прихоль, а мнѣ не въ моготу дома!» (Дѣдко-то объ егорьевѣ днѣ богу душу отдалъ). Подумалъ отецъ, да и отпустилъ меня въ лѣсъ. Такъ я лѣто цѣльное въ лѣсу провождалъ, за пчѣлкой ходилъ. И вовсе мнѣ это занятіе не скучно было: взялъ я съ собою книжекъ божественныхъ разныхъ; читаю, какъ свободное время выдася, а свободнаго времени въ лѣсу-то много...

Читаю это я, а самому словно чудятся это обители всякія благословенныя, иноки благообразныя, и древа, и цвѣтики тутъ всякіе; кресты на обителяхъ позлащенныя, и житіе мирное, сподобливое... Все это въ юности моей такое помышленіе на умѣ у меня было, чтобы мнѣ это безпремѣнно въ иноки идти; и кажинный праздникъ я все, бывало, на клиросѣ пою и читаю—значить, такъ ужъ самъ собою, съ измальства къ божественному житію приобычался... Ну, а потомъ и ничего: къ торговому дѣлу все приглядую имѣлъ—отецъ въ городъ посылалъ торговать, значить.

Вель это самое дѣло я умѣючп. Не поставьте, братцы, въ похвалбу, а только скажу, не хвастаясь: не оболгалъ никого насчетъ товару, и въ обманъ, али въ сумленіе какое, никого не вводилъ, а вель дѣло по цѣнѣ, на чистоту—и потому самому больше—купцы въ городѣ любили со мною эту камерцню водить.

Только отецъ объ зимнемъ Николѣ преставился. Мы съ братомъ въ раздѣлъ пошли. Раздѣляли добро честно, похристіански,

и на томъ порѣшили промежъ собой, чтобы мнѣ — какъ я, значить, холостой — жить съ братомъ вкушѣ. Къ женитьбѣ я тогда пристрастія не имѣлъ никакого — такъ и жили мы. Лѣто я на пчельникѣ, а зиму въ торгахъ; а братъ при домашнемъ обиходѣ.

Надъ отцомъ я и псалтирь читалъ, и опослѣ этого сталъ больше еще къ божественному чтенію приникать — потому сожалѣніе и печаль въ ту пору такая меня брала, что въ томъ все свое и утѣшеніе полагалъ. Сталъ читать я евангеліе святое — и напало тутъ на меня такое раздумье горькое, что я тебѣ, милый человекъ, и сказать не умѣю. И все-то изъ сердца у меня нейдетъ то, что тамъ сказано: «аще хочешь совершенъ быти — иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ» — вотъ все это и мерещется мнѣ; потому, знаю, какъ самъ Господь сказалъ: «аще кто хочетъ по мнѣ идти, да отвержется себѣ, и возьметъ крестъ свой и по мнѣ грядетъ» — такъ и не могу спокойно дома сидѣть...

— Вѣдь вотъ ты, Иванъ Осипычъ, и въ книгахъ лучше нашего читаешь, прибавилъ Рамза, относясь къ Вересову, со своей обычной строгой и въ то же время привѣтно-кроткой улыбкой: — а знаешь ли, что хоть бы это значило: «возьми крестъ твой и по мнѣ гряди?» Такъ вотъ и не кори меня за то, что пошелъ я по своему пути...

А на ту пору неурожай былъ, да погорѣло у насъ на селѣ дворовъ съ тринадцать. Сталъ я смевать, что тутъ на мѣръ поработать надо — ну, и продалъ имѣніе свое, и роздалъ нищимъ.

Такъ вотъ отъ той поры это самое дѣло и пошло со мной...

Сталъ братъ доmekать, что я свое добро расточаю. Изъ этого самаго въ семьѣ у насъ эта свѣра пошла. Думаю себѣ: непригоже намъ, братьямъ единокровнымъ, ровно псамъ какимъ, нечестиво лаяться. Нечего дѣлать, въ раздѣлъ идти надобно. Пошли въ раздѣлъ. Я свои остатки забралъ, и въ годъ съ двумя мѣсяцами самъ остался нищъ и убогъ.

Думалъ я себѣ это насчетъ монастыря, чтобы, значить, въ иноки идти; однако, послѣ такое размышленіе на меня нашло, что думаю: человекъ я мірской и міру пользу приносивъ, равно брату единоутробному; про что же мнѣ отщепить себя отъ міра? Въ иночествѣ мнѣ для своей души спасеніе, а міру помощи никакой нѣтъ. И надумалъ я себѣ, чтобы сначала на мѣръ порадѣть, а потомъ, коли Богъ грѣхамъ потерпитъ, о душѣ своей грѣшной

помыслить. Еще пуше навело меня на эту мысль то безобразіе, которое надъ міромъ чинилось.

Работа на міръ — дѣло хорошее: «и сынъ человѣческій не прииде да послужать ему, но послужити и дати душу свою изъбавленіе за многихъ». Ты вотъ это уразумѣй!...

А безобразіе вижу я такое, что вотъ хоть бы иной мужикъ, раздобрѣвши да разбогатѣвши, своего же брата мужака гѣснить да презираеть—потому стяжаніе имѣеть многое и самъ въ купцы норовить.

Придетъ къ нему разоренный за помощью, а онъ насмѣется ему и прогонитъ, а не то на жидовскихъ процентахъ отпустить. А что теперича бурмистры, гóловы эти самыя чинять худа нашему брату, мужику сѣрому, особенно который побѣдѣи да побезотвѣтнѣи—и исчислить-то, такъ престо нѣсть тому конца.

За что же, думаю, терпять мужикъ ото всѣхъ? ужь не говорю, отъ господъ нныхъ, либо отъ земскихъ, а то отъ своего же брата мужака? Какая тому причина есть, и за что одинъ кичится, а другой преклоняется, когда и въ писаніи сказано: «довлѣеть ученику да будетъ яко учитель его, и рабъ, яко господъ его?»... Вижу я, что все это въ мірѣ противу божескихъ писаній творится, дьявольскимъ поущеніемъ; ибо забыли люди, что сказано: «ниже бо вознесетъ—смирится, и смиряйся—вознесетъ... Всякая гора да унижится и всякъ доль да возвысится»...

Вотъ, господинъ ты мой, такъ я и помятовалъ себѣ про то, что Господъ низложитъ сильныя со престолъ и вознесетъ смиренныя; а позабылъ Христовы же слова великія: «претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ». За то-то вотъ за самое и терплю я теперь, по грѣхамъ своимъ.

— Ну, а преступленье же ты какое сгрѣшилъ? перебилъ рассказчика Кузьма Облако, которому совсѣмъ чуднымъ дѣломъ казалось, что такой человѣкъ попалъ къ острожникамъ на татѣбное отдѣленіе, какъ тяжкій преступникъ.

— А такое преступленіе, пояснилъ ему Рамзя:—что ужь больно мнѣ стало отвратно все это нечестіе да безобразіе глазами своими зрѣть, и слова единого не измочь вымолвить противу него. Помочь ужь ничѣмъ не могъ я, по той причинѣ, что самъ былъ нищъ и убогъ, и опять же на себя великое нареканіе за то за самое отъ брата и отъ господъ своихъ принималъ, что имѣніе свое расточилъ понапрасно и глупо...

Смирения во мнѣ мало было, а больше все удалъ бродила и гордость: озлился я противу всего—да во темны лѣса!...

Отъ тѣхъ поръ и сталъ рукоумѣломъ своимъ заниматься.

Рамзя опустил свою голову и задумался. Когда же черезъ минуточку онъ поднялъ се снова, глаза его стали еще свѣтлѣе, задумчивѣе и вротче. Онъ вздохнулъ, облегчающимъ грудь, глубокимъ вздохомъ и продолжалъ:

— Только не загубилъ я ни одной души человѣческой, и не уворовалъ тайно и подло, яко тать въ нощи, ни у кого даже зерна единого, а шель на прямую!... И все больше именемъ Христовымъ вымогалъ, потому наставить на путь истинный всегда желалъ, и ужъ рѣдко-рѣдко когда кистенемъ пригрозилъ—и то ужъ на такого ярода, который многу пакость чинить, да еще тою пакостью похваляется и о имени Христовомъ въ соблазнѣ вводить. Да и то самого потомъ за кистень-то совѣсть мучаетъ-мучаетъ—индо мѣста нигдѣ не найдешь.

И не было у меня разбору никому: господинъ ли ты, земской ли, священнаго ли ты званія, али воинъ, али нашъ же братъ мужикъ—это все едино... Памятовалъ я только одно: «всеи же вы братья есте. И отца не назовите себѣ на земли, единъ бо есть отецъ вашъ, еже на небесехъ». Одно слово: коли ты обидчикъ, лихоимецъ или тѣснитель—повиненъ есть! И никого я не опасался. Одно только, что жить ужъ мнѣ открыто на деревнѣ было нельзя, а принужденъ былъ больше по лѣсамъ скитаться—а лѣсато мнѣ куды какъ мило вѣдь! либо у мужиковъ тайно притонъ имѣлъ, и то больше на зиму. Любили они меня, потому какъ и я ихъ всѣмъ сердцемъ своимъ и помышленіемъ возлюбилъ, и на пользу міру животь свой радъ былъ положить.

И какъ прослышу, бывало, что такой-то господинъ избидѣлъ, въ примѣру, мужика своего, такъ я выберу часъ посподручнѣе—и шастъ къ нему! разузнавши на перво, какъ и чѣмъ избиденъ мужикъ.

— Войду такъ, чтобы не запримѣтилъ меня никто и чтобы онъ, значить, тревоги какой поднять не могъ. Войду, перво на перво, по обычаю, на образъ перекрещусь трижды, потомъ самому поклонъ, и говорю: «здравствуй, господинъ честной! я, молъ, Рамзя». Какъ узнаетъ онъ, что—Рамзя, такъ ажно и обомлѣетъ весь! Потому имя мое далече страшно было, и слухъ такой обо мнѣ повсюду прошелъ, что золь человѣкъ имени одного моего трепеталъ и слышать не могъ.

«Такъ и такъ — говорю, бывало — ты, мошь, мужичка своего тѣмъ-то и тѣмъ избидѣль».

— Грѣшенъ, говорить, избидѣль.

«А коли такъ, подавай мужику то, чѣмъ избидѣль ты его». Ну, и прочту тутъ ему натацью-то эту... А который шумъ поднимать захочеть, да заупрямится, такъ ты ему вистенемъ пригрозишься—ну, и примолкнетъ...

Возьму деньгами съ него, сколько тамъ понадобится, а не то хлѣбомъ, или скотинкой, глядя по тому, чѣмъ избидѣль. Ну, и отдасть, и не перечить; такъ и проводить съ поклономъ. На глазахъ у всей дворни проводить вѣдь!—вотъ оно что!... И хоть бы кто пальцемъ тронулъ — ни одинъ! потому, значить, дворня чувствовала и любила меня по простотѣ. Муки, бывало, куля три отложу, такъ вѣдь, что бы ты думаль?—подводу дасть и человѣку еще проводить приважеть. Вотъ каковы-то дѣла дѣлавались!

Такимъ-то родомъ всѣ и боялись меня, а мужикъ благодарствовали.

Денегъ водилось у меня много, только не про себя, а держаль больше про тотъ случай, какъ понадобится кому, такъ чтобы тутъ же ему и помочь безотмѣнно. На себя же ни единой копейки, ни единого зерна не потратилъ, а кормили Бога-для люди добрые; они же и одѣвали, и обували доброхотно, у кого отъ достатковъ своихъ хватало; а коли нѣтъ—я не спрошу, и хожу себѣ въ чемъ Богъ сподобялъ. И не одну зиму студеную въ дырявомъ зипунишкѣ зубами прощелкалъ, иначе же ничего: живъ и здоровъ, потому нутро у меня крѣпкое. Спать же, на то Господь и испытаніе человѣку посылаетъ.

Но такъ-какъ чувствовалъ я, что рукомѣсло мое, съ одного бока все-таки непохвальное, такъ я старался тѣло свое изнурять служей и гладомъ, и молитвою — тѣмъ и въ печали своей облегченіе получалъ...

Такимъ-то способомъ, девять лѣтъ промышлялъ я — до прошлой зимы, пока не изловили меня.

Сталь ужъ больно лютъ я обидчикамъ нашимъ, и положили они на томъ, чтобы духу Рамзи не было. Такимъ-то манеромъ, исправникъ Глотовъ образъ со стѣны снималъ, что ужъ во что ни стало бы, а изловить меня, живаго или мертваго, безпремѣнно — ну, и изловилъ...

Была у меня мазанка въ лѣсу — дѣлс-то зимой было. Сплю я

это въ мазанкѣ, и вижу такой странный-престранный сонъ, будто лики небесныя невидимо поютъ: «блаженни плачущіе, яко тѣи утѣшатся», а я невѣсть гдѣ обрѣтаюсь, и за облакомъ распознать ничего не могу... И вдругъ, вельми громкій гласъ съ небеса возглашаетъ: «воспрани отъ сна, рабе Авиме! се, часть твоя приблизися!»

И воспрянулъ я, и тутъ же восчувствовалъ, что нынѣ быть мнѣ взяту. Перекрестился — да будетъ по слову твоему! — и выхожу изъ мазанки, чтобы волю господню на счетъ себя исполнить — гляжу, а тутъ исправникъ съ командой войскою. Я поклонился, да прямо и пошелъ къ нимъ: я, молъ, Рамза. Тутъ меня взяли; потомъ въ острогъ, съ годъ таскали по разнымъ мѣстамъ, по слѣдствіямъ да по судамъ, валили на меня то, чего и во снѣ-то мнѣ не грезилось — это все вѣроги-то; а теперь, вотъ, какъ самъ видишь: въ семь видѣ, межъ вами обрѣтаюсь. Вотъ и вся моя исторія...

Конечно, кабы жилъ я въ свое токмо удовольствіе, такъ ничего бы этого не было; жилъ бы я на селѣ, и самъ бы всякое безобразіе чинилъ, и потакалъ ему... Конечно, не наше дѣло самимъ творить судъ и расправу, да вѣдь и то же опять вспомнить надо, что въ писаніи сказано: «всякое убо древо, еже не творить плода добра, посѣвають е и во огнь вметають — тѣмъ же убо отъ плода ихъ познаете ихъ». Ну, да авось, богъ-дасть, все перемѣнится! Слышно, мужикамъ царская воля, не нынче-завтра выйдетъ, стало быть, моему дѣлу скончаніе пришло. Я такъ понимаю. Пословица говорить: все перемелится — мука будетъ, да недаромъ же и самъ Христось-то сказалъ: «мнози же будутъ первіи—последніе, а последніи — первіи». Когда же ни-будь и это время настанеть.

— Ну, да вѣдь много, чай, и тебѣ претерпѣть-то пришлось? раздумчиво замѣтилъ Облако.

— А мнѣ что терпѣть? съ силой глубокаго убѣжденія возразилъ Рамза: — мнѣ терпѣть нечего. Сказано: «не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить» — стало быть, тутъ и терпѣть-то нечего.

XI.

Выводъ изъ предъидущихъ главъ.

Кто бъ ни былъ ты, мой читатель — лицо ли властное и вліятельное, филантропъ, или нравозучатель, или же, наконецъ,

просто таѣ-себѣ, частный человекъ; но еслибы тебѣ пришла охота посѣтить тюремный замокъ, ради ли простого любопытства, или съ какой-нибудь предвзатою цѣлью — ты ничего не увидишь тамъ, кромѣ внѣшней, официальной обстановки, да блѣдно-сѣрыхъ, дрябловатыхъ лицъ арестантскихъ. Поразить тебя тяжелый воздухъ, остановить вниманіе нѣсколько характерныхъ, достопримѣчательныхъ фizioномій, взглянувъ на которыя, ты, подъ влияніемъ новаго для тебя впечатлѣнія, конечно, не замедлишь, съ проникательнымъ видомъ, воскликнуть: «какой отвѣщенный, злѣшней злодѣй! по лицу уже видно!» — и что же? почти навѣрное ошибешься, потому что, можетъ быть, двѣ трети поразившихъ тебя фizioномій будутъ принадлежать очень добрымъ, мирнымъ и честнымъ людямъ, попавшимъ сюда случайно, въ силу несчастнаго стеченія обстоятельствъ. Конечно, есть исключенія; но въ большинствѣ своемъ, фizioноміи самыхъ тяжелыхъ злодѣевъ, кромѣ тупой апатіи, или голой животности съ какимъ-то отѣнкомъ разврата — ничего болѣе не выражаютъ, ибо мрачно-картинныя, таѣ-сказать, академически-злѣшскія фizioноміи, суть величайшая рѣдкость.

Какъ бы ни напрягалъ ты свое вниманіе и свою наблюдательность, желая проникнуть въ *суть* тюремной жизни, тюремнаго быта, тюремныхъ нравовъ — тебѣ едва-ли удастся подмѣтить какую либо дѣйствительно-характерную, существенную черту. При обходѣ твоёмъ, равно какъ и при обходѣ каждаго начальственнаго, или филантропическаго посѣтителя, все будетъ обстоять благополучно, и благодѣтельный порядокъ будетъ царствовать — словомъ, тебѣ останется только умилиться духомъ твоимъ, посѣтовать, пожалуй, о «несчастныхъ» и затѣмъ — уѣзжать-себѣ съ богомъ, на чистый воздухъ. Внутренняя *суть*, то-есть все то, что ревниво укрывается отъ официальныхъ взоровъ начальства, для тебя останется неизвѣстно, оборотной стороны медали ты не увидишь, потому арестантъ — человекъ скрытный, и поболѣе тебя проникательный (неволя учить), человекъ себѣ на умѣ и, стало быть, вѣчно насторожѣ. И такъ, посѣщая ты тюрьму хоть десять разъ сряду, хоть и больше, тебѣ, волей-неволей, придется отложить всякое попеченіе: все и всегда передъ тобой, повторяю, будетъ обстоять благополучно.

А между тѣмъ, это — цѣлая жизнь; цѣлый своеобразный міръ кроется подъ оборотной стороной медали: здѣсь найдется своя исторія, свои преданія, пѣсни, сказки, пословицы, свои нравы и

законы, свой языкъ, который нѣсколько отличается отъ языка «вольныхъ» мошенниковъ, и наконецъ, своя тюремная литература, тюремное искусство.

Да, литература и искусство! Тутъ вращаются тюремныя пѣсни арестанта Симакина, рисунки образнаго чеканщика Нечевохина. Вотъ передо мною лежитъ теперь одна довольно толстая, отчетливо написанная рукопись: «Домъ позора. Панорама безъ картинъ и стеколъ. Тайныя записки арестанта. Соч. Г. Суцовскаго. Тюремный замокъ. 1863. Спб.»

Таково ея заглавіе. Вещь весьма оригинальная, тѣмъ болѣе, что будучи всецѣло созданиемъ тюрьмы, она совершенно наивно, непосредственно, хотя и весьма ярко передаетъ почти все нравственное міровоззрѣніе арестантовъ. Въ этомъ заключается ея главный интересъ. Читатель прочелъ уже изъ нея маленькій отрывокъ въ стихахъ «о зеленомъ садикѣ» (*). Конечно, цѣль этой вполне изолированной литературы, пословицъ и сказокъ и менѣе изолированныхъ пѣсенъ весьма невеликъ и немногобразенъ; но тѣмъ не менѣе, онъ есть, онъ существуетъ, онъ, какъ органическій продуктъ нашей тюрьмы, отражаетъ въ себѣ ту нравственную сторону жизни и души заключенника, которую не раскроютъ никакія формальныя слѣдствія, никакія присяги съ увѣщаніемъ и безъ онаго.

Въ самомъ дѣлѣ, странная эта нравственная сторона, и невольно призадумашься надъ нею. Какойнибудь старый жиганъ Дрожинъ, на шестомъ десяткѣ готовящійся къ третьему пѣшеходно-кандальному путешествію въ Сибирь. Поневолѣ остановишься надъ такою личностію. Вся жизнь человѣка проходитъ въ томъ, что онъ бѣгаетъ изъ какой-то необъяснимой любви къ бѣгамъ, изъ смутной, инстинктивной жажды «воли вольной». И онъ не жлетъ, когда говоритъ, что въ этомъ только всѣ вѣны его государскія заключаются. Вратъ ему нечего, потому что сидѣлье и бывалые арестанты любятъ скорѣе наклепать на себя въ камерѣ какоенибудь небывалое и непремѣнно жестокое преступленіе, ради пушлага значенія межъ товарищами, чѣмъ прикидываться смиренниками и «ничевѣшными». Человѣкъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, каждагодно рискуетъ своею спиною, мало того — рискуетъ умереть голодною

(*) Вслѣдствіи, въ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ статьяхъ, авторъ найдетъ гораздо ближе и основательнѣе познакомить читателя какъ съ воровскимъ языкомъ, такъ и съ тюремной литературной, при чемъ главную роль будетъ играть интересная рукопись «Домъ позора».

смертью, потонуть въ Байкалѣ, быть растерзану звѣремъ лю-
 тымъ — и все-таки бѣжить. У иного съ бѣгами соединяется на-
 дежда на что нибудь, на перемѣну состоянія, что ли; у Дрожи-
 на ничего этого нѣтъ: онъ бѣжить для того, чтобы только бѣ-
 жать. Чтò это за странная потребность? Какъ хотите, но—потреб-
 ность чисто-психологическая, а можетъ быть—и психіатрическая,
 и притомъ весьма-таки сродная русскому человѣку. Вѣдь Дро-
 жинъ не одинъ—Дрожинныхъ цѣлыя сотни, если не тысячи. Не жи-
 вется на мѣстѣ: въ лѣсъ танеть; въ лѣсу поймають, затѣмъ
 обычная судейская процедура, затѣмъ, бывало, спину всполосуютъ.
 И вотъ, дополосовался человѣкъ до дикой, неестественной, чудо-
 вищной любви къ плети, до сладострастья истязаній. Фактъ не-
 звѣротный, а между тѣмъ, все-таки, къ сожалѣнію, фактъ. Въ
 немъ сильно развиты какіе-то своего рода кровожадные инстинк-
 ты: онъ съ наслажденіемъ, дилетантически любитъ на пытку
 человѣка, наслаждается воплями страданья. Вѣдь базалось бы, это
 извергъ, чудовище, въ которомъ ничего нѣтъ человѣческаго—не-
 правда: какъ бы ни былъ нравственно безобразенъ, онъ все-таки
 человѣкъ. Тотъ же самый жиганъ, когда рассказываетъ про свои
 палестины забугорныя, вспоминаетъ мрачную поэзію своихъ бѣ-
 говъ—человѣкомъ становится. Тотъ же самый жиганъ, больной и
 голодный, стало-быть въ томъ положеніи, когда каждое существо
 наиболѣе склонно къ эгоизму и самохраненію—волочилъ на себѣ
 цѣлый день умирающаго товарища потому только, что человѣка
 пожалѣлъ въ немъ. Онъ же смягчается на мгновеніе, когда услы-
 шалъ короткій рассказъ Степки Бочарика про дѣянья Рамзи. Въ
 немъ же заговаривають человѣческія струны, послѣ его пораже-
 нія, при отходѣ въ больницу, при прощаньѣ съ Рамзею. Нѣтъ,
 старый жиганъ все-таки человѣкъ и не совсѣмъ еще заглохли въ
 немъ хорошія движенья. Но онъ человѣкъ надорванный, порчен-
 ный, и бездна въ немъ привитаго, наноснаго варварства. Онъ до
 сихъ поръ еще не былъ убійцей, но легко можетъ имъ сдѣлать-
 ся—и по холодному расчету, и по наслажденію убить человѣка.
 А какая причина тому? чтò изъ него выработало этакого звѣря?
 Полосованье, и только одно полосованье.

Замѣчательно то, что полосованные являются звѣрьми по пре-
 имуществу; отъ нихъ это качество, какъ зараза, переходитъ ма-
 ло-по-малу на остальныхъ товарищей по заключенію. Главная при-
 чина, стало-быть—сообщество; потому есть еще и другія, столь
 же, пожалуй, не маловажныя причины. Вообще, въ объективномъ

характеръ арестантовъ является странное сліяніе этого звѣрства съ чѣмъ-то дѣтскимъ, наивнымъ, довѣрчивымъ. Звѣрство же, само по себѣ, есть прямой продуктъ нашей, русской системы общаго заключенія. Понятно, почему первую роль въ камерахъ играетъ физическая сила, здоровый вулакъ и прошлое арестанта, богатое ловкими приключеньями и, главное, отчаяннымъ злодѣйствомъ. Такой человѣкъ, который и въ тюрьмѣ готовъ рѣшиться на все, что угодно, которому нипочемъ дальнѣйшая его судьба, всегда становится большакомъ не только по своей камерѣ, но и по всей тюрьмѣ. Онъ играетъ первую роль, пользуется общимъ уваженіемъ и почти безусловнымъ вліяніемъ на нравственную, непоказную официально сторону арестантовъ, которые, въ маскѣ своей, необыкновенно склонны подчиняться вліянію силы. Читатель видѣлъ уже, какъ слѣдила вся камера за исходомъ борьбы Дрожина съ Рамзею и какъ подчинилась она силѣ и авторитету послѣдняго, тотчасъ же послѣ обончанія единоборства. Но Рамзи попадаютъ очень и очень рѣдко, чаще же всего господствуютъ по камерамъ Дрожины—ну, а каковъ попъ, таковъ и приходъ, по пословицѣ. Рядомъ съ этимъ вліяніемъ идетъ общее озлобленіе арестантовъ на свое незавидное положеніе, лишеніе свободы и наконецъ, на суды, на эту часто невозможную медленность рѣшеній (*). Есть примѣры, что сидятъ по семи, восьми и болѣе годовъ. Эти уже на столько свыкаются со своей жизнью, что имъ даже тюрьма успѣетъ полюбитья; и вотъ они уже сами начинаютъ всячески затягивать дѣло, отдаляя срокъ рѣшенія, лишь бы только не разставаться со своимъ «дядинимъ домомъ». Большая часть дѣлали это тоже изъ страха плетей и длинной Владимірки. Вообще же, арестантъ, недавно посаженный, томится своей неволей, томится до болѣзненной тоски, на которую, разумѣется, никто не обращаетъ вниманія, томится до ожесточеннаго сдавленнаго озлобленія. На комъ всего безопаснѣе сорвать свое зло?—Конечно, на своемъ же братѣ, арестантѣ, и пуще всего, на новичкѣ, съ которымъ еще не опредѣлились нравственные связи и отношенія. Отсюда и вошли въ обыкновеніе ихъ игры, звѣрски-жестокія и полныя возмутительнаго цинизма, которыя служатъ имъ

(*) Все это господствовало при прежней системѣ судопроизводства и, вѣроятно, уничтожится при системѣ новой, тѣмъ болѣе, что въ данную минуту правительство обратило вниманіе на существенное преобразование нашихъ тюремъ, имѣя въ виду настоящіе ихъ недостатки.

однимъ изъ любимѣйшихъ развлеченій, представляя собою своего рода зрѣлища, спектакли.

Въ тюрьмѣ вѣдь скука смертная, работы почти никакой; а табачное отдѣленіе и совсѣмъ отъ нея избавлено. Это называется строгостью пристража за «тяжкими» преступниками. Сидятъ-сидятъ-себѣ люди въ полнѣйшей праздности и бездѣйствіи—ну, и точно, бѣсятся со скуки, болоболъ льютъ, пальто шьютъ, покойника отпѣвають. Эта праздная скука доводитъ иногда до весьма печальныхъ результатовъ. Вотъ примѣръ: однажды изъ окна былъ пущенъ «дождевикъ» въ одного изъ тюремныхъ начальниковъ. Къ счастью, булжничъ только сильно контузилъ его. Но какъ вы полагаете, ради чего былъ пущенъ камень? Одинъ арестантъ поддержалъ со скуки пари съ приятелемъ, на полтинникъ, что онъ убьетъ «дождевикомъ» перваго, кто пройдетъ, въ подходящемъ разстояніи, по двору. Скука убиваетъ на пари, за пятьдесятъ копеекъ, безъ мести, безъ злобы, перваго попавшагося человѣка! Вѣдь ужъ это, какъ хотите, фактъ такого аномальскаго свойства, который прямо указываетъ человѣку мѣсто не въ тюрьмѣ, а въ больницѣ умалишенныхъ.

Прямой результатъ изъ всего этого—лѣнь, отвычка отъ работы, затѣмъ уже идетъ боязнь труда и, наконецъ, неспособность къ труду. Выпускать изъ тюрьмы съ волчьимъ видомъ—что дѣлать? Легче всего — воровать. И это тѣмъ болѣе сподручно, что арестантъ въ тюрьмѣ необходимо приобрѣлъ всѣ нужныя знакомства, теоретическое знаніе дѣла, юридическую снаровбу въ казуистикѣ полицейскихъ и судейскихъ формальностей—словомъ, все, чтобы сдѣлаться отмѣннымъ воромъ. Недаромъ же вѣдь тюремные мазы почитаются высшими мазами, а самъ «дядинъ домъ» слыветъ у воровъ «мазовой академіей».

А результаты гигиеническіе?—Разстройство груди, тюремный тифъ, скорбутъ и неестественный тайный развратъ и порокъ, явно убивающій душу и тѣло.

Удивляются инне добрые, филантропическіе люди, почему это достаточно пробыть въ тюрьмѣ весьма незначительный срокъ, чтобы человѣкъ слабохарактерный, или безъ предварительной и прочной закваски нравственной, вышелъ оттуда формальнымъ негодяемъ, готовымъ на каждый низкій поступокъ и преступленіе? Удивляются добрые, филантропическіе люди и находятъ это страннымъ;—потому, кажется, и заботы надлежащія о нравственности арестантской они прилагаютъ, и въ церковь-то арестантовъ го-

няють, пастырь поученія читаетъ имъ, книжки душеспасительныя и назидательныя выдаетъ на руки. Нѣтъ, хоть что хочешь, ни что не беретъ!—Книжекъ этихъ арестанты почти не читають, а читають свои, «которые позанятнѣе», поученій уразумѣть не хотять—вообще народъ къ религiи холодный, хотя промежь себя и вѣруеть въ Бога—и къ пастырямъ особеннаго довѣрiя не оказываютъ.

— Ты гляди, на исповѣди не открывайся, учать они своихъ новичковъ:—неравно потомъ бѣды какой не вышло бы: вѣдь онъ для того и наручниковъ не надѣваетъ.

Вотъ и пооди тутъ съ ними!

А между тѣмъ, какойнибудь Акимъ Рамзя однимъ своимъ взглядомъ, однимъ своимъ словомъ, смѣло-прямымъ, хоть и негромко сказаннымъ, сразу повлiаетъ въ тысячу разъ болѣе и благотворнѣе, чѣмъ всевозможныя поученiя и предупредительно-нравственныя мѣры — «потому свой братъ, а не начальство», говорятъ арестанты.

Но, повторяемъ, Рамзя — очень рѣдкое исключенiе и, единственно благодаря его влiанiю, Иванъ Вересовъ не сдѣлался негодлемъ и успѣлъ сохранить свои честныя начала. Сама судьба какъ будто послала тутъ на выручку вѣрикаго человѣка Рамзю, а безъ того бытъ бы ему неповинною жертвой нашей системы общаго заключенiя. Впрочемъ, и наше одиночное вполнѣ стоитъ общаго, если даже не почище его, хотя, конечно, въ другомъ совершенно родѣ.

Но объ этомъ послѣ. Настоящая и безъ того уже длинная глава приняла неподходящiй къ романамъ характеръ публицистической замѣтки. Я вижу, какъ хмурится лицо иного читателя, и потому спѣшу принести его благосклонности мое чистосердечное извиненiе.

Воиволодъ Крестовскiй.

О ДАНТЕ (*).

По поводу шестисотлѣтняго юбилея.

Статья первая.

Наступившій 1865 годъ имѣетъ особенное и торжественное значеніе для Италіи. Онъ вызываетъ величавое воспоминаніе, довершаетъ великое событіе, упрочиваетъ славную судьбу.

Онъ вызываетъ воспоминаніе о Данте, шестисотлѣтній юбилей котораго приготовляются праздновать. Онъ довершаетъ событіе, заключающееся въ выполненіи желаній и пророчествъ великаго поэта. Онъ упрочиваетъ судьбу итальянскаго народа.

Данте Алигieri, родившійся во Флоренціи, но умершій въ изгнаніи, первый поднялъ знамя итальянскаго единства. Это единство онъ провозгласилъ, проповѣдывалъ и силою своего слова и ума заставилъ отечество трудиться надъ его осуществленіемъ. И нынѣ, на разстояніи двадцати поколѣній, итальянцы, тѣсно столпившись вокругъ своего короля, передъ изображеніемъ Алигieri, у подножія его памятника своими доблестями увѣнчиваютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи фактовъ: торжество итальянской національности посредствомъ сліянія въ одно общее и цѣлое законовъ и политики страны и перенесенія ея столицы. И такъ этотъ мечтатель былъ правъ! Этотъ, по словамъ Вольтера, безумецъ, является нынѣ мудрецомъ! Его мечта оказывается пророчествомъ, его безуміе—системой, его книга—оракуломъ.

Но подобное торжество не можетъ ограничиться берегами Арно или остаться въ предѣлахъ Апеннинскихъ горъ: такія событія находятъ себѣ отголосокъ въ цѣломъ мірѣ и составляютъ эпоху въ прогрессивномъ ходѣ общества. И Россія, подобно Англій и Фран-

---

(*) Статья эта есть извлеченіе изъ моего болѣе обширнаго труда; нѣкоторыя выписки изъ поэмы переданы мною въ извѣстномъ переводѣ г. Мина, другія же я представляю читателю въ прозѣ, которая, равно какъ и переводъ самой статьи, принадлежатъ г-жѣ С. Н. — М. Пинто.

ціи, подобно Германіи и другимъ странамъ, куда проникло образование, въ славный день рожденія Данте, безъ сомнѣнія, огласится его именемъ.

Прошло шесть вѣковъ; двадцать поколѣній исчезло съ лица земли, источники прежнихъ силъ изсякли, лучи новой цивилизаціи измѣнили все: науку, нравы, обычаи, общество и политику, многіе поэты, славные въ свое время, замолели на вѣки, а Данте Алигieri, этотъ гигантъ среднихъ вѣковъ, продолжаетъ стоять твердо, плѣняя слухъ всего образованнаго міра чудной гармоніей своего стиха и поражая умъ мыслящихъ людей могучимъ полетомъ своего гениа.

Цѣль, къ которой онъ стремился, состояла въ религіозной и гражданской реформѣ и въ политическомъ возрожденіи Италіи. Но сначала народъ оставался глухъ къ призыву великаго поэта, и только по мѣрѣ того какъ время оправдывало его пророчества, какъ мысль его, проходя вѣка, разрабатывалась и уяснялась людямъ, они начинали съ благоговѣніемъ передъ нимъ превлоняться и признавать въ немъ своего вождя.

Вообще славѣ Данте суждено было пройти черезъ многіе фазисы. При жизни изгнанникъ, онъ тотчасъ послѣ смерти сдѣлался предметомъ поклоненія своихъ соотечественниковъ, и *Божественную комедію* начали читать въ церквахъ и изъяснять съ каедръ. Но впечатлѣніе, производимое этими чтеніями, было столь сильно, что возбуждало опасенія духовенства и побудило приверженцевъ папской власти написать на нее комментаріи. Вслѣдствіе этого мысль поэта явилась міру въ искаженномъ видѣ и проклятіе св. отца готово было пасть на всякаго, кто осмѣлился бы открыть ея настоящей смыслъ. Не мудрено, что съ тѣхъ поръ поэма Данте имѣла мало читателей.

Въ XV вѣкѣ изученіе классическихъ произведеній древности стояло на первомъ планѣ, а итальянскій языкъ и поэзія были въ пренебреженіи. Нѣсколько позже, въ блестящій вѣкъ Льва X, суровое и величавое произведеніе Данте не могло имѣть успѣха: оно находилось въ совершенномъ разногласіи съ распущенными нравами и изысканнымъ, черезчуръ утонченнымъ вкусомъ эпохи. Все XVII столѣтіе прошло въ полномъ забвеніи національнаго достоинства, а слѣдовательно и Данте — забвеніи, которое тщетно старались прикрыть гениемъ Галилея и школой имъ основанной.

Только около половины прошлаго столѣтія «Божественная комедія» снова начала обращать на себя вниманіе. Но по странному стеченію обстоятельствъ, ей пришлось тогда же испытать нападки іезуита Беттинелли и скептика Вольтера. Они оба жестокими

насыщенными встрѣтили яркое свѣтло, которое, снова восходя на горизонтъ итальянской литературы, уже начинало разгонять покрывавшую его тьму и, казалось, предвѣщало зарю новой и блестящей будущности.

Мы говорили уже выше, что Данте есть поэтъ реформы. Его стремленія, преимущественно выраженные въ книгѣ «О монархii» и въ «Божественной комедii», могутъ быть опредѣлены слѣдующими словами: *христианство* и *единство*: порядокъ нравственный и политическій — первый воздвигнутый на евангельскихъ истинахъ, чуждыхъ всякаго эгоистическаго интереса—второй, основанный на монархическомъ началѣ, которое одно, по мнѣнiю Данте, могло положить предѣлъ злоупотребленiямъ духовенства, анархiи партiй и муниципальному соперничеству, терзавшему Италию. Оно одно могло соединить страну въ одно цѣлое и сдѣлать ее сильной внутри и уважаемой извнѣ.

Любовь и горе были главными элементами, изъ которыхъ въ эпоху смутъ и волненiй сложилась величественная личность Алигieri. Любовь къ Беатриче и изгнанiе изъ Флоренции были главными двигателями его умственныхъ силъ. Изъ любви къ Беатриче, говоритъ онъ самъ, «вылетѣла небольшая искра, которая разгорѣлась въ огромное пламя», и внушила ему «Божественную комедiю». Казалось бы, что смерть Беатриче должна была погасить это странное пламя и положить конецъ очарованiю. Но напротивъ: чувство, которое при ея жизни едва начинало пробуждать поэтическiй даръ Данте, послѣ смерти ея, охвативъ все его бытiе, съ непреодолимой силой повлекло его къ избранной цѣли.

Изгнанiе довершило то, что начала любовь. Вдали отъ родины и отъ общественныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ болѣе не могъ принимать участiя, Данте исключительно предался любимому труду. Онъ, по своимъ собственнымъ словамъ, «долженъ былъ покинуть все, что было дорого его сердцу, испытать какъ горекъ хлѣбъ изгнанника и какъ тяжело всходить и спускаться по ступенямъ чужой лѣстницы» (*). Но за то генiй его, заваленный въ страданiяхъ и возбуждаемый негодованiемъ, достигъ высшей степени развитiя.

(*) Пѣснь XVII Раи.

Dovei lasciare ogni cosa diletta
 Più caramente, e questo è quello strale
 Che l'arco dell'esilio pria saetta:
 E provai poi siccome sa di sale
 Lo pane altrui, e com'è duro calle
 Lo scendere e'l salir per l'altrui scale.

(Par. C. XVII).

Его испытующій умъ не побоялся проникнуть въ вѣчность, и заимствовавъ свѣтъ въ самомъ его источникѣ, онъ озарилъ чело- вѣчество лучомъ истины.

Впродолженіе двадцати лѣтъ трудился поэтъ надъ воплощеніемъ своей идеи. Обширная рама его поэмы вмѣщаетъ въ себѣ трагедію, драму, комедію, апологъ и сатиру. Личныя неприязни Данте, его патриотическое негодованіе и великодушные порывы, нѣжныя воспоминанія о друзьяхъ и наставникахъ—все находитъ себѣ въ ней мѣсто и какъ-бы опоясываетъ ее рядомъ прелестныхъ барельефовъ. Всѣ отрасли челоуѣческаго знанія послужили ему матеріаломъ при созданіи его поэмы: исторія, философія, политика, богословіе, астрономія, искусства, ремесла принесли ему въ даръ свои сокровища, а поэзія открыла свой неисчерпаемый источникъ богатства.

Что касается до языка «Божественной комедіи», слѣдуетъ замѣтить, что когда Данте задумалъ свой громадный трудъ, то у него не было для выраженія мысли никакихъ другихъ средствъ, кромѣ испорченнаго латинскаго и еще неустановившагося народнаго нарѣчія. Того и другаго было слишкомъ недостаточно для удовлетворительнаго выполненія задачи. Онъ не могъ заключить свою необъятную мысль ни въ истлѣвшую уже раму древняго языка, ни въ узкія и грубыя формы новѣйшаго. Для выраженія новыхъ понятій понадобились новыя слова и образы, и Данте ихъ самъ создалъ. Онъ собралъ всѣ древніе и новыя элементы отечественнаго языка, очистилъ ихъ, оживилъ прикосновеніемъ своего гения, и идея его вылилась въ форму, нарочно для нея приготовленную. Вслѣдствіе этого «Божественная комедія» получила совершенно особенный характеръ, который не поддается ни переводу, ни подражанію, и составляетъ отчаяніе критики.

Три различные рода сочиненій соотвѣтствуютъ политическимъ, литературнымъ и ученымъ превратностямъ, которыхъ Данте былъ жертвою.

«Трактатъ о Монархіи» (*) есть родъ ученой теоріи народнаго права Италіи. Въ этомъ произведеніи Данте является политическимъ философомъ; онъ отыскиваетъ происхожденіе общества и силы, имъ управляющей, и приходитъ къ тому заключенію, что то и другое происходитъ изъ замысловъ самого Провидѣнія.

«Новая жизнь» (**), исповѣдь юности автора; такъ-называемыя *риомы*; *мирическія произведенія*; *латинскія эклоги* и филологичес-

---

(*) De Monarchia.

(**) Vita Nuova.

кій трудъ *о народномъ нарѣчїи* (*) составляютъ чисто-литературныя произведенія Данте.

«Пиръ» (**) — книга, въ которой авторъ пытается сдѣлать доступнымъ какъ можно большому числу людей «привилегированный хлѣбъ науки».

Списокъ этихъ сочиненій заключается «Божественной комедїей», вѣнцомъ всѣхъ твореній Данте. Онъ написалъ ее среди тревогъ и волненій, и едва окончивъ ее, умеръ: задача его была выполнена.

Жизнь Алигїери такъ тѣсно связана съ событіями, въ его время волновавшими Италію, что для полнаго уразумѣнія его поэмы необходимо знать о нихъ нѣкоторыя подробности. Но сначала бросимъ взглядъ на колыбель и на любовь несчастнаго и великаго гражданина и поэта.

«Въ маѣ 1265 г. — говоритъ Петръ-Анджело Фіорентино — въ деревнѣ св. Іоанна Крестителя во Флоренціи было принесено дитя для совершенія надъ нимъ таинства крещенія. Ему дали имя Дуранта Алигїери. Господь коснулся его чела и ребѣнокъ, ставъ мужемъ, явилъ міру великія дѣла. Онъ сказалъ народу: «возстань!» и народъ внезапно воспрянулъ, страхнувъ съ себя прахъ, наложенный на него десятью вѣками варварства и невѣжества. Онъ сказалъ искусству: «иди впередъ» — и церкви, монастыри, кладбища украсились дивными произведеніями кисти и рѣзца. Его книга, новый залогъ надежды и славы, возвѣстила міру приближеніе нѣмыхъ и лучшихъ временъ. Его могучій голосъ, переходя изъ рода въ родъ, воззвалъ къ будущности, и она ему откликнулась. Изъ одной изъ его мыслей возникъ Макіавели, одно изъ его словъ вдохновило Микель-Анджело.»

Отецъ Данте, послѣ битвы при Монтеперто, долженъ былъ удалиться изъ отечества. Дворянинъ и ревностный гвельфъ, онъ происходилъ изъ древняго рода Каччіагвидо, родоначальникъ котораго былъ посвященъ въ рыцари Конрадомъ III и умеръ въ половинѣ XII вѣка. Альдигерія, дочь этого знаменитаго рыцаря, дала имъ всему семейству Альдигїери или Алигїери.

Данте очень рано лишился отца. Мать окружила его дѣтство самыми нѣжными попеченіями, и когда онъ сталъ приходитъ въ возрастъ, вѣрила заботу о его воспитаніи Брунетто Латини, одному изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, извѣстному ученому, философу и поэту. Ученикъ оказался вполне достойнымъ учителя. Боккаччо говоритъ, что Данте и тогда уже выказывалъ столько проникательности ума, разсудительности, силы

(*) De vulgari Eloquentia.

(**) Il Convito.

воли и такую зрѣлость мысли, что съ тѣхъ поръ можно было предвидѣть его будущую славу.

Данте прилежно изучалъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и древнюю философію, съ жаромъ читалъ латинскихъ авторовъ и собиралъ, гдѣ могъ, остатки греческо-римскаго образованія. Но любимой книгой его въ молодости была Энеида. Онъ питалъ къ ея автору, Виргилію, восторженную любовь и въ началѣ «Божественной комедіи» привѣтствуетъ его своимъ вождемъ, наставникомъ и авторомъ:

О, дивный свѣтъ, о, честь другихъ пѣвцовъ!
 Будь благъ ко мнѣ за долгое ученье
 И за любовь къ красѣ твоихъ стиховъ.
 Ты—авторъ мой, наставникъ въ пѣснопѣнь,
 Ты былъ одинъ, у коего я взялъ
 Прекрасный стиль, снискавший мнѣ хваленье (*).

Проникнувъ въ самыя глубокія тайны философіи, богословія, физики, медицины, геометріи, міеологіи, исторіи, географіи, астрономіи и увлекаемый неутомимой дѣятельностью своего духа, Данте искалъ ему новой пищи въ области искусствъ. Слава художника ему улыбалась, и кромѣ поэзіи, доставившей ему безсмертіе, онъ успѣшно занимался музыкой и живописью. Казелла, Одеризи, Чимабуэ, Джіотти помогали ему своими совѣтами, и Данте, въ благодарность, посвятилъ имъ въ Чистилищѣ нѣсколько прекрасныхъ стиховъ.

Итальянцы, подъ вліяніемъ своего жаркаго солнца и яркаго неба, развиваются очень быстро и сердце начинаетъ въ нихъ шевелиться очень рано. Богатая натура Данте почти на самомъ порогѣ жизни встрѣтила поэзію и любовь, и онъ постоянно въ нихъ почерпалъ мужество, которое поддерживало его въ изгнаніи и во всѣхъ печаляхъ, неразлучно сопровождавшихъ его въ продолженіе всей жизни. Любовь Данте совершенно исключительная: это почти не что иное, какъ влеченіе гения къ его идеалу. Чтобы вполне съ ней ознакомиться, намъ слѣдуетъ прослѣдить за Данте шагъ за шагомъ въ его небольшомъ сочиненіи «Новая жизнь». Это—прелестный образчикъ семейнаго романа, который нынѣ въ такой большой модѣ. Обращаемся къ мастерскому из-

(*) Адъ. II. I.

Oh, degli altri poeti onore e lume
 Valgomi'l lungo studio e'l grande amore
 Che m'han fatto cercar lo tuo volume.
 Tu se'lo mio maestro e il mio autore.
 Tu se'solo colui, da cui io tolsi
 Lo bello stile, che m'ha fatto onore.

(Inf. Can. I).

меченію, сдѣланному изъ «Новой жизни» Делеклюзомъ, и заимствуемъ изъ него небольшой отрывокъ.

«Во Флоренціи, въ началѣ весны, при открытіи майскихъ празднествъ, которыя обыкновенно справлялись съ особеннымъ торжествомъ, отецъ девятилѣтняго Данте повелъ его въ гости къ нѣкому Фолько Портинари. Тамъ, въ числѣ другихъ дѣтей, Данте встрѣтилъ дѣвочку, дочь хозяина, по имени Биче или Беатриче, которой едва минуло восемь лѣтъ. Оба маленькія существа, одаренныя преждевременною впечатлительностью, встрѣтись посреди дѣтскихъ игръ, понравились одно другому. Мальчикъ особенно, пораженный благородной красотой дѣвочки, унесъ о ней неизгладимое воспоминаніе.

«Годы текли своимъ чередомъ. Любовь молодого Данте, попрежнему чистая и робкая, возростала по мѣрѣ того, какъ расцвѣтала красота Беатриче. Вполнѣ предавшись своимъ страстнымъ восторгамъ, онъ однако не переставалъ хранить скромное молчаніе. Тѣмъ не менѣе въ городѣ начали ходить слухи о его привязанности къ Беатриче. Тогда, желая отвлечь вниманіе любопытныхъ и дать другой оборотъ возникшимъ толкамъ, Данте воспользовался кокетствомъ одной дамы, которая, стоя въ церкви недалеко отъ Беатриче, бросала на поэта многозначительные взгляды. Дѣлая видъ, будто онъ занимается этой особой, Данте написалъ въ ея честь нѣсколько стихотвореній.

«Слухи о мнимомъ непостоянствѣ поэта доходятъ до Беатриче и возбуждаютъ въ ней ревность. Желая показать ему, что она не одобряетъ даже и притворной вѣтренности, Беатриче отказываетъ ему въ поклонѣ. Наказаніе производитъ желаемое дѣйствіе: Данте сознаетъ свою вину и рѣшается никогда болѣе не впадать въ подобнаго рода проступки.

«Нѣсколько дней спустя, одинъ изъ друзей Данте повелъ его на свадьбу, гдѣ онъ, встрѣтись съ Беатриче, почувствовалъ столь сильное волненіе, что съ нимъ сдѣлалось дурно. Дамы, свидѣтельницы этой сцены, своими разспросами и насмѣшками до того усилили его смущеніе, что онъ принужденъ былъ удалиться домой. Впрочемъ, не столько докучливость гостей, сколько нападки самой Беатриче, неотстававшей отъ подругъ, причинили это необыкновенное волненіе. Съ сокрушеннымъ сердцемъ Данте упрекалъ ее въ нежеланіи понять, что она одна была причиной тревоги, которая, наполнивъ его сердце, такъ некстати отразилась на лицѣ.

«Съ этой минуты отбросивъ всякое притворство, онъ принялъ рѣшимость избрать даму своего сердца одну предметомъ своихъ глосвопній, и эта рѣшимость внушила ему рядъ прелестныхъ

стихотвореній, которыя одни могли бы упрочить за нимъ славу поэта.

«Одно печальное обстоятельство придало новую силу его привязанности къ Беатриче. Фолько Портинари умеръ (*) и горе, неожиданно поразившее Беатриче, глубоко отозвалось въ сердцѣ ея вѣрнаго поэта. Внезапная смерть Фолько наводитъ Данте на горькія размышленія о ничтожествѣ человѣческой жизни, и его поражаетъ мысль, что подобная же участь можетъ постигнуть Беатриче во цвѣтѣ молодости, красоты и силъ. Мысли его, постоянно устремленныя на одинъ и тотъ же предметъ, начинаютъ путаться. Онъ погружается въ лихорадочный сонъ и ему кажется, будто онъ присутствуетъ при кончинѣ своей возлюбленной. Въ ужасѣ онъ старается произнести ея имя, и просыпается. Но ударъ уже былъ нанесенъ: сновидѣніе приняло всю силу пророчества и Беатриче получила въ его глазахъ новую прелесть и величіе.

«Облеченная въ скромность — говоритъ онъ — сіяющая красотой, она шествуетъ среди похвалъ, какъ ангелъ, сошедшій на землю для того, чтобы явить міру зрѣлище своихъ совершенствъ. Ея присутствіе пріятно поражаетъ взоры, одинъ ея взглядъ разливаетъ отраду въ сердцахъ. Тотъ, кто ее не видѣлъ, не можетъ понять всей сладости ея присутствія. Вокругъ нея витаетъ духъ любви и какъ будто шепчетъ душѣ: вздыхай!»

И поэтъ вздыхалъ, и каждый изъ его вздоховъ превращался въ нѣжныя и чистыя звуки, которые составляютъ одно изъ драгоценнѣйшихъ сокровищъ итальянской лирической поэзіи. Но въ то самое время, когда Данте настроивалъ свою лиру для новыхъ пѣснопѣній, струны ея внезапно порвались и голосъ его потухъ среди рыданій. Когда же онъ снова раздался, то въ немъ звучали торжественная важность и неизмѣримая печаль. Сонъ поэта сбился: не стало Беатриче. Она робкой ногой едва коснулась земли, какъ смерть оледенила ее своимъ прикосновеніемъ и положила предѣлъ свѣтлымъ мечтамъ поэта.

Этимъ оканчивается эпизодъ, самимъ Алигieri названный его первой любовью. Отнынѣ начинается новая жизнь, въ которой Беатриче, не переставая быть попрежнему пламенно-любимой дочерью Фолько Портинари, въ то же время незамѣтно превращается въ существо исключительно духовное и мало-по-малу сливается въ понятіяхъ поэта съ самою чистою и высокою изъ средневѣковыхъ наукъ, съ богословіемъ или превѣчной мудростью. Пламенное воображеніе Данте переноситъ ее въ небеса, гдѣ она, воссѣдая въ лучахъ неугасимаго солнца, постоянно привлекаетъ его взоры.

(*) Фолько ди-Рикверо Портинари умеръ 31-го декабря 1289 г.

Беатриче была замужемъ за Симономъ ди-Барди. Она умерла въ 1290 г., едва достигнувъ двадцати-четырёхлѣтняго возраста. Умирая, она оставила мужу—незапятнанную репутацію, Данте—наслѣдство безграничной любви и чистыхъ воспоминаній.

Горе, такъ неожиданно поразившее Алигieri, было встрѣчено глубокимъ сочувствіемъ его соотечественниковъ. Вся Флоренція стремилась выразить ему свое участіе, знаменитѣйшіе граждане посѣщали его, красавицы самаго знатнаго происхожденія наперебивъ старались овладѣть его сердцемъ. Одна изъ нихъ успѣла привлечь на свою сторону мать Алигieri, который, послѣ продолжительнаго сопротивленія, наконецъ, рѣшился, въ угоду ей, вступить въ бракъ съ Джеммой, дочерью Манетто Донати (*). Но хотя впослѣдствіи онъ и сдѣлался отцомъ многочисленнаго семейства (**), тѣмъ не менѣе, его супружеская жизнь далеко не была счастлива.

Корсо Донати, глава семейства, изъ котораго происходила Джемма, питалъ къ Данте глубокую ненависть. За то братъ его, Форезе, и сестра, Пиварда, оставили въ душѣ поэта самое свѣтлое воспоминаніе.

Исторія Пиварды, или Рикарды, принадлежитъ къ самымъ трогательнымъ эпизодамъ «Божественной комедіи». Одаренная необыкновенной красотой, въ высшей степени набожная, она во цвѣтѣ лѣтъ удалилась въ монастырь св. Клары во Флоренціи и произнесла обѣтъ, навѣки разлучившій ее съ міромъ. Корсо Донати сталъ тогда во главѣ правленія города Болоньи и предназначилъ свою сестру въ супруги одному флорентинскому кавалеру, Рочеллино-делла-Тоза. Привыкнувъ деспотически управлять семействомъ и народомъ, онъ не терпѣлъ противорѣчій. Лишь только узналъ онъ о постриженіи Пиварды, какъ тотчасъ отправился во Флоренцію, съ шестью вооруженными товарищами ворвался въ монастырь св. Клары и похитилъ несчастную дѣвушку. Пиварда обратилась къ Богу съ горячей мольбой ниспослать ей смерть и такимъ образомъ избавить ее отъ страшнаго участія, которая ее ожидала. Молитва ея была услышана: она внезапно захворала и, нѣсколько дней спустя, умерла. Данте встрѣчаетъ ее въ раю, въ сферѣ духовъ, которые при жизни должны были, вопреки собственному желанію, нарушить обѣтъ, данный Богу (**).

Въ эпоху Данте Италия находилась въ томъ переходномъ состояніи, когда люди стремятся только разрушать настоящее, не

(*) Этотъ бракъ былъ заключенъ въ 1293 г.

(**) Дѣтей Данте звали: Піетро, Якопо, Габриелло, Алигерио, Елизео, Бернардо и Беатриче.

(***) Рай. П. III.

помышляя еще о новомъ зданіи, которое должно воздвигнуться на развалинахъ стараго. Оно пока живетъ только въ мечтѣ одного какого нибудь избраннаго ума и можетъ сдѣлаться общимъ достояніемъ только другихъ поколѣній. Мысль Данте, проникнутая религіей и философіей, запечатлѣнная нравами его вѣка и тѣсно связанная съ природою и личными стремленіями самого поэта, заключала въ себѣ зародышъ новой цивилизаціи. Возникнувъ съ нимъ, она развивалась съ нимъ и посредствомъ него въ эпоху, которая едва начинала выходить изъ средневѣковаго мрака и хаоса, когда все имѣло громадныя размѣры и люди, безсильные противиться влеченію страстей, слѣпо имъ повиновались. Всѣ чувствованія: любовь и ненависть, великодушіе и месть, добродѣтель и пороки, благочестіе и цинизмъ, не зная границъ, порождали поступки поразительнаго величія или ужасающаго безобразія. Это былъ одинъ изъ тѣхъ историческихъ моментовъ, о которыхъ можно говорить или съ восторгомъ, или съ отвращеніемъ, но о которыхъ умалчивать нельзя.

«Божественная комедія» — поэма по преимуществу историческая. Въ ней исторія и литература дополняютъ и изъясняютъ одна другую. Спускаясь вслѣдъ за Данте въ адскую пропасть, куда смерть низвергаетъ тщеславіе и гордыню сего міра, или восходя съ нимъ по ступенямъ чистилища въ райскому блаженству, мы встрѣчаемъ не отвлеченныя или вымышленныя существа, а живыя и дѣйствительныя личности, которыя трепещутъ отъ истинныхъ ощущеній муки, надежды или счастья. И потому намъ предстоптъ хоть слегка коснуться событій, характеризующихъ эту полуварварскую, полугероническую эпоху, въ которую произошло столкновеніе двухъ цивилизацій. Одна изъ нихъ — древняя, истощенная, медленно угасая, какъ за якорь спасенія упорно хваталась за классическія развалины Рима и Аѳинъ. Другая — новая, сильная и богатая надеждами, съ благоговѣніемъ преклоняясь на Форумъ и въ Пантеонъ передъ остатками уже исчезнувшаго міра, разрушала феодализмъ и съ довѣріемъ опиралась на символы религіи, исполненной истины и любви.

Италія, которая въ началѣ XII вѣка управлялась сама собою и находилась почти въ совершенной независимости отъ имперіи, подвергалась опасности лишиться своихъ правъ. Фридрихъ-Барбароса, коронованный въ императоры папой Адрианомъ IV (*), уничтожилъ въ вольныхъ городахъ званіе консуловъ и замѣнилъ ихъ судьями, которыхъ самъ избиралъ. Семь разъ посылалъ онъ въ Италію многочисленныя войска и разрушилъ Миланъ, не оста-

(*) 18-го іюня 1155 г.

внѣ въ немъ камня на камень, на подобіе тѣхъ проклятыхъ родовъ, о которыхъ говорится въ св. писаніи. Данте, воспламененный негодованіемъ, влагаеть въ уста Зено Веронскаго слѣдующія слова, исполненныя горькой проніи:

«Я былъ аббатъ монастыря Сан-Зено въ Веронѣ и жилъ въ царствованіе добраго Барбаросы, о которомъ Миланъ и понинѣ хранитъ тревожное воспоминаніе» (*).

Весь цвѣтъ молодѣжи палъ на полѣ брани; восемьдесятъ тысячъ дѣтей, женщинъ и стариковъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ существованію, принуждены были удалиться изъ отечества.

Но героическія усилія ломбардскаго союза, послѣ достопамятной битвы при Леньяно, даровали Италиі констанскій миръ и торжественно водворили въ ней новое общественное право (**). Впродолженіе пятнадцати лѣтъ ничто болѣе не угрожало независимости вольныхъ городовъ и не стѣсняло свободы, которая была возвращена имъ. Но тѣмъ не менѣе пламя войны, на минуту сдержанное, несовсѣмъ потухло и ожидало только малѣйшаго повода, чтобы снова вспыхнуть и разгорѣться огромнымъ пожаромъ. Спокойствію и порядку страны постоянно угрожало высокомѣріе дворянъ, раздраженныхъ потерей своихъ привилегій, и неудовольствіе народа, который не могъ простить дворянамъ ихъ стремленія къ господству. Смерть Генриха IV, возбудивъ духъ партій, послужила предлогомъ къ возобновенію жестокой борьбы. Гвельфы и гиббеллины, каждае со своей стороны, избрали ему преемника. Одинъ изъ нихъ, Филиппъ I, вскорѣ палъ жертвою личной мести, а соперникъ его, Отгонъ IV, поддерживаемый Инокентіемъ III, успѣлъ вступить на императорскій престолъ. Но едва достигнувъ верховной власти, онъ объявилъ себя противникомъ папы, занялъ Романью и приготовлялся идти на Неаполь. Тогда Инокентій III противопоставилъ ему опаснаго врага въ лицѣ Фридриха II, короля Обѣихъ Сицилій, сына Генриха IV и супруга прекрасной и знаменитой Констанціи.

Дочь Роже Нормандскаго, перваго короля Апуліи и Сициліи, Констанція, чувствуя влеченіе къ монашеской жизни, съ раннихъ лѣтъ посвятила себя Богу. Но, несмотря на произнесенный ею обѣтъ, она принуждена была покинуть палермскій монастырь, который избрала себѣ убѣжищемъ, и вступить въ бракъ съ Фридри-

(*) Част. Пѣс. XVIII.

J'fui Abate in San Zeno a Verona,
Sotto lo imperio del buon Barbarossa,
Di cui dolente ancor Melan ragiona.

(Pur. Can. XVIII).

(**) 25-го іюня 1183 г.

T. CLX. — Отд. I.

хомъ. Того требовали политическіе расчеты, вслѣдствіе которыхъ Констанція, принесла своему супругу въ приданое Неаполь и Сицилію, водворила тамъ Швабскую династію. Пикарда Донати говоритъ о ней Данте въ третьей пѣснѣ «Рая»:

«А эта новая слава, которую ты зришь направо отъ меня — что я говорила о себѣ, то самое и къ ней относится. Она была сестрой-монахиней, но священные покрывы были сорваны съ ея главы. Возвращенная міру посредствомъ насилія и вопреки собственному желанію, она въ сердцѣ постоянно оставалась вѣрной произнесенному обѣту. Это—слава великой Констанціи, которая была супругой втораго государя изъ горделиваго дома Швабіи и произвела на свѣтъ его третьяго и послѣдняго отпрыска» (*).

Впродолженіе всего царствованія Фридриха, Италия представляла печальное зрѣлище обширнаго поля сраженія, на которомъ раздавались крики двухъ враждующихъ партій, гвельфовъ и гиббелиновъ. Разказы объ ужасныхъ кровопролитіяхъ, описанія опустошенныхъ городовъ, разрушенныхъ замковъ и обращенныхъ въ пепель жилищъ мирныхъ гражданъ—вотъ все, что мы находимъ въ исторіи этого грустнаго періода времени. Римскій епископъ въ теченіе трехъ вѣковъ мало по малу исчезалъ подъ царской мантией, и свѣтскій властитель, наконецъ, совершенно заступилъ мѣсто духовнаго пастыря. Великая демократическая и антифеодалная идея, которая навела Григорія VII на мысль о міровой теократіи, была обращена его недостойными преемниками въ орудіе для осуществленія ихъ корыстолюбивыхъ плановъ.

Политика ихъ и всѣхъ клерикаловъ состояла въ томъ, чтобы возбуждать народъ противъ бароновъ, бароновъ противъ королей, королей противъ императора. По окончаніи борьбы папы принимали всегда сторону побѣжденнаго, ободряли его совѣтами и помощью и возбуждали его на новую борьбу съ побѣдителемъ.

(*) Рай. Пѣс. III.

E quest'altro splendor, che ti si mostra
Dalla mia destra parte, e che s'accende
Di tutto il lume della sfera nostra,

Ciò ch'io dico di me di sè intende:
Sorella fu, e così le fu tolta
Di capo l'ombra delle sacre bende.

Ma poi che pur al mondo fu rivolta,
Contro suo grado e contra buona usanza,
Non fu dal vel del cuor giammai disciolta.

Quest'è la luce della gran Costanza,
Che del secondo vento di Soave
Generò il terzo, e l'ultima passanza.

(Par. Can. III).

Тѣмъ самымъ постоянно ослабляя и разоряя Италію, духовенство собирало повсюду обломки падающихъ величій и на нихъ воздвигало зданіе своего двойного могущества.

Приверженцы папы, угадавъ послѣднюю мечту престарѣлаго Фридриха, который надѣялся, посредствомъ сліянія двухъ династій, соединить Италію въ одно могущественное государство, устремили всѣ свои усилія на то, чтобы не допустить осуществленія этой мечты. Они поспѣшили овладѣть наслѣдникомъ швабско-нормандскаго дома въ надеждѣ сдѣлать изъ него свое орудіе, извлечь изъ него всевозможную пользу, и потомъ разбить его. Но благородный и твердый характеръ молодаго Фридриха II, который тщательно воспитывался подъ опекой папы Иннокентія III, вскорѣ разрушилъ надежды клерикаловъ. Другъ и покровитель ученыхъ, артистовъ и поэтовъ, одаренный высокимъ умомъ и рѣдкой независимостью нрава, Фридрихъ не могъ и не хотѣлъ безпрекословно подчиниться вліянію римскаго двора. Его пылкое и великодушное сердце влекло его къ самостоятельной и богѣ полезной дѣятельности. Воинъ, законодатель и поэтъ, онъ принадлежить къ числу самыхъ замѣчательныхъ личностей среднихъ вѣковъ.

Римъ, который надѣялся воспитать себѣ въ немъ приверженца и защитника, испугался неожиданной смѣлости его поступковъ, и поспѣшилъ воздвигнуть на его пути неопределимыя преграды. Клерикалы возбуждали противъ него фанатизмъ монаховъ, разжигали къ нему ненависть германцевъ, и жителей итальянскихъ республикъ, и подстрекали къ измѣнѣ слугъ. Они даже старались подкупить секретаря Фридриха, Піетро делье-Виньи, съ тѣмъ, чтобы онъ его убилъ. Не щадя никакихъ средствъ, они для окончательнаго пораженія своего противника, созвали соборъ и послаая ему одно проклятіе за другимъ, наконецъ, достигли своей цѣли, и не допустили осуществиться соединенію Италіи въ одно независимое государство.

Фридрихъ не вынесъ всѣхъ этихъ оскорбленій и преслѣдованій. Онъ вступилъ въ открытую борьбу съ церковью, изгналъ изъ своего королевства всѣхъ доминиканцевъ и кордильеровъ, и въ припадкѣ гнѣва, приказалъ выколоть глаза Піетро делье-Виньи, котораго подозрѣвалъ въ измѣнѣ. Несчастный секретарь, въ отчаяніи разбилъ себѣ голову о стѣны своей тюрьмы. Съ достовѣрностью неизвѣстно, справедливы или нѣтъ обвиненія, взводимыя на Піетро делье-Виньи. Вся его предыдущая жизнь и неоднократно на дѣлѣ доказанная преданность королю, котораго онъ былъ гораздо болѣе другомъ, нежели слугою, скорѣе ихъ опровергають, нежели подтверждаютъ. Данте взялъ на себя трудъ оправдать

его въ глазахъ потомства. Вотъ что говоритъ самъ Пьетро делье-Винчи, когда поэтъ встрѣчаетъ его въ Аду:

Я тотъ, кому отъ сердца Фридерикъ
Вручилъ ключи, чтобъ отпиралъ по волѣ
И запералъ я думъ его тайникъ,
Для всѣхъ другихъ ужъ недоступный богъ;
Теряя сонъ и силы для трудовъ,
Я исполнялъ свой долгъ въ завидной долѣ.
Развратница, что съ кесарскихъ дворцовъ,
Бестыдныхъ глазъ во вѣкъ не отвращала —
Смерть общая и язва всѣхъ вѣковъ—
Противъ меня сердца воспаменяла
И, Августу то пламя передавъ,
Свѣтъ радости въ мракъ скорби обращала.
Тогда мой духъ, въ отчаяніе впавъ,
Мечталъ, что смерть спасетъ отъ поношенья,
И, правый, сталъ передъ собой не правъ.
Клянусь корнями юнаго растенья:
Всегда хранилъ я вѣрности обѣтъ
Монарху, столь достойному почтенья.
Когда жъ изъ васъ одинъ придетъ на свѣтъ,
Пусть честь мою спасетъ отъ поруганья
И отразитъ завистниковъ навѣтъ (*).

Какъ бы то ни было, звѣзда гогенштауфеновъ видимо блѣднѣла. Пораженіе при Вигербо, низложеніе съ престола Фридриха, вслѣд-

(*) Адъ. Пѣс. XIII.

J'son colui, che tenni ambo le chiavi
Del cor di Federigo, e che le volsi
Serrando e disserando si soavi,
Che dal segreto suo quasi uom tolsi:
Fede portai al glorioso ufizio,
Tanto ch'io ne perdei le vene e i polsi.
La meretrice, che mai dall'ospizio
Di Cesare non torse gli occhi putti,
Morte comune, e delle corti vizio,
Infiammò contra me gli animi tutti,
E gl'infiammati infiammor si Augusto,
Che i lieti onor tornaro in tristi lutti.
L'animo mio, per disdegnoso gusto,
Credendo col morir fuggir disdegno,
Ingiusto fece me contra me giusto.
Per le nuove radici d'esto legno
Vi giuro che giammai non ruppi fede
Al mio signor, che fu d'onor si degno.
E se di voi alcun nel mondo riede,
Conforti la memoria mia, che giace
Ancor del colpo che invidia le diede.

(Inf. Can. XIII).

ствіе приговора, провнесеннаго ліонскимъ соборомъ, избраніе новаго императора, возмущеніе Апуліи и роковая битва при Фоссальто принудили государя, нѣкогда стоявшаго во главѣ европейскихъ монарховъ, удалиться въ замокъ Фіорентино. Тамъ окончили онъ дни свои въ печали и уединеніи, томимый подозрѣніемъ, что умираетъ отъ руки любимаго сына (*). Изъ всѣхъ обширныхъ владѣній Фридриха II, только одинъ Неаполь достался его наслѣднику Конраду, который, впрочемъ, немногимъ его пережилъ.

По смерти Фридриха и Конрада, на сицилійскій престолъ вступилъ побочный сынъ Фридриха, Манфреда, который сначала управлялъ государствомъ, отъ имени своего племянника, Конрадина. Ему удалось вновь завоевать Апулію, отнятую отъ Неаполитанскаго королевства папой Иннокентіемъ III и уже вопедшукъ было въ составъ земель, принадлежащихъ къ наслѣдству Св. Петра.

Сильный вліяніемъ и любовью, которая успѣлъ приобрести, Манфреда захотѣлъ пересоздать Италію, и сдѣлать ее одинаково-независимою отъ Имперіи и отъ Рима. Настоящая минута казалась самою благоприятною для выполненія столь смѣлаго предпріятія. Германія была занята внутренними беспорядками; приверженцы папы, утомленные продолжительными войнами, не были въ силахъ противодѣйствовать вліянію Манфреда. Знамя гиббеллиновъ, уже развивавшееся въ Неаполѣ, со дня на день готово было водрузиться въ Ломбардіи.

Въ союзѣ съ Римомъ оставалась одна Тоскана, но и та начала колебаться въ своей преданности къ папѣ. Во Флоренціи, оппозиціонное движеніе первоначально обнаружилось въ наслѣдственной враждѣ между семействами патриціевъ римскаго происхожденія, и тѣми гражданами, которые вышли изъ Фіезолы. Данте, упоминая объ этомъ въ «Божественной комедіи», влагаетъ слѣдующія слова въ уста Брунетто Латини:

Но твой народъ жестокий, беззаконный,
Отъ Фіезолы свой ведущій родъ
И въ гордость скалъ доннихъ облеченный —
Тебѣ жъ во благо брань съ тобою начнетъ (*).

(*) Фридрихъ II умеръ 13-го декабря 1250 г. Нѣкоторые историки увѣряютъ, будто онъ былъ отравленъ своимъ побочнымъ сыномъ, Манфредомъ.

(*) Алъ. Пѣс. XV.

Ma quell'ingrato papolo maligno,
Che discese da Fiesole ab antico
E tiene ancor del monte e del macigno,
Fi si farà per tuo ben far nemico.

(Inf. Can. XV).

И гроза не замедлила разразиться. Поводомъ къ тому послужилъ разрывъ брака, предполагаемаго между главой семейства Буондельмонти, и дѣвицей дельи-Уберти. Родители послѣдней, желая отомстить жениху, убили его. Вся Флоренція взволновалась этимъ событіемъ, приняла въ немъ участіе, и раздѣлилась на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая, сражаясь подъ знаменами одного изъ враждующихъ семействъ, разоряла Италію, и обогрела ее кровью. Такимъ образомъ, изъ частной ненависти возникла страшная междоусобная война.

Гвельфы сначала принуждены были удалиться изъ Флоренціи. Но нѣсколько времени спустя, они не только возвратились назадъ, но еще успѣли стать во главѣ правленія всей республики. Впродолженіе ихъ десятилѣтняго господства, Флоренція пользовалась совершеннымъ спокойствіемъ, и въ полномъ смыслѣ слова процвѣтала. Но когда, по истеченіи этого времени, Манфреди, утвердись на престолѣ королевства обѣихъ Сицилій, началъ угрожать Риму, гиббелины, думая, что настала удобная минута для пораженія ихъ противниковъ, составили заговоръ. Но гвельфы во-время узнали объ угрожающей имъ опасности, и вытѣснили гиббелиновъ въ Сиенну.

Во главѣ этой партіи, стоялъ Фарината дельи-Уберти, краснорѣчивѣйшій ораторъ своего времени, и самый искусный воинъ во всей Тосканѣ. Онъ обратился за помощью къ Манфреди, получилъ отъ него значительный отрядъ войска, и сразился съ гвельфами при Монтаперто. Послѣ продолжительной борьбы, гиббелины одержали верхъ, благодаря измѣнѣ одного изъ своихъ противниковъ. Флорентинецъ Бокка дельи-Абати, подкупленный врагами, въ самомъ пылу сраженія, подошелъ къ знамени республики и отрубилъ ему рубу. Знамя Флоренціи упало, ужасъ овладѣлъ солдатами, и они потерпѣли полное пораженіе. Десять тысячъ гвельфовъ пало въ этой отчаянной стычкѣ, о которой Данте упоминаетъ въ десятой пѣснѣ Ада. Что же касается до измѣннива Бокка дельи-Абати, то поэтъ, осуждая его на жестокаго страданія, предаетъ имя его вѣчной ненависти потомства (*).

Въ то самое время, какъ гиббелины одерживали верхъ въ Тосканѣ, жители Падуи стремились избавиться отъ гнета жестокаго тирана. Эдзелино де-Онара, императорскій намѣстникъ въ Тревизанѣ, родился въ замкѣ ди-Романо, и былъ владѣтелемъ Падуи. Жестокости, какія онъ совершалъ, кажутся невѣроятными. Онъ посредствомъ насплія, присвоивалъ себѣ чужія имущества, разорялъ земли, жегъ города, грабилъ замки, уничтожалъ цѣлыя

(*) Алъ. Пѣс. XXXII.

семейства, побѣжденнымъ выкалывалъ глаза, и рѣзалъ носъ и уши, честныхъ гражданъ подвергалъ пыткамъ, дворянъ взводилъ на эшафотъ. Въ подвластныхъ ему народахъ всѣ тюрьмы были наполнены заключенными, и когда въ нихъ становилось слишкомъ тѣсно, палачъ, на удачу выбирая своихъ жертвъ, очищалъ мѣсто для вновь прибывшихъ.

Наконецъ, не будучи въ силахъ долѣе выносить подобныя жестокости, падуанцы попытались сбросить съ себя ненавистное иго. Но Эдзелино провѣдалъ о заговорѣ, и приказалъ всѣхъ принимавшихъ въ немъ участіе затворить въ большую ограду, гдѣ были собраны разные горючія вещества, и развести тамъ огонь. Число несчастныхъ простиралось до двадцати тысячъ, и эта масса человѣческихъ тѣлъ горѣла въ продолженіе трехъ дней. Въ концѣ третьяго дня, тиранъ увѣнчалъ свою месть страшнымъ сарказмомъ. Онъ отдалъ приказаніе, чтобы секретарь, по его желанію составлявшій списокъ осужденныхъ, былъ въ свою очередь брошенъ въ огонь. «Въ благодарность за оказанныя мнѣ услуги — связалъ Эдзелино — я послалъ дьяволу души этихъ бездѣльниковъ. Пусть же мой секретарь сопровождаетъ ихъ въ царство тьмы, и тамъ со спискомъ въ рукѣ докажетъ, что всѣ обѣщанныя мной души доставлены сполна».

Но подобныя зрѣлища еще не удовлетворяли кровожаднаго Эдзелино. Недоступный никакому нѣжному чувству, онъ оставался глухъ къ голосу природы, и преслѣдовалъ и терзалъ даже членовъ собственного семейства. Его братъ, племянникъ, тестъ и сыновья находились въ числѣ жертвъ, которыя были задушены въ веронскихъ тюрьмахъ. Одна сила могла положить предѣлъ подобнымъ злодѣяніямъ, и папа объявилъ полное отпущеніе грѣховъ тому, кто избавитъ Италію отъ столь ужаснаго бича. Ломбардское дворянство не замедлило отозваться на призывъ папы: Эдзелино вскорѣ былъ раненъ, взятъ въ плѣнъ, и заключенъ въ тюрьму, гдѣ умеръ отъ отчаянія, что не можетъ болѣе дѣлать зла. Данте помѣстилъ этого тирана въ седьмой кругъ Ада, гдѣ, томимый жаждою, онъ погруженъ въ кровавый потокъ, который его душитъ (*).

Послѣ битвы при Монтаперто, гиббелины, возвратясь во Флоренцію, подчинили еѣ власти Манфреди. Потомъ, собравъ въ Эмполи представителей другихъ городовъ Тосканы, преданныхъ ихъ партіи, они положили, для полнѣйшаго пораженія гвельфовъ, стереть съ лица земли Флоренцію, жители которой слишкомъ часто увлекались преданностью къ папѣ. Всѣ единодушно на это

(*) Адъ. Пѣс. XXXII.

согласились; одинъ побѣдитель при Монтанерто, храбрый Фарината, возвысилъ голосъ на защиту родимаго города, и отстаивалъ право его существованія.

Между тѣмъ, Римъ вида, какъ со всѣхъ сторонъ ему угрожала опасность, вѣрный своимъ политическимъ преданіямъ, по обыкновенію обратился за помощью къ иноземцамъ. Германія на этотъ разъ не могла быть употреблена въ дѣло, и потому пала Урбанъ IV, будучи самъ французскаго происхожденія, искалъ опоры во Франціи, и нашелъ ее въ лицѣ Карла Анжуйскаго.

Искусный воинъ, хитрый, жадный къ богатству и почестямъ, братъ Св. Лудовика съ радостью поспѣшилъ на помощь къ Урбану. Его жена, Беатриче, дочь Раймунда Тулузскаго, одержимая безграничнымъ честолюбіемъ и мечтавшая о королевской коронѣ, съ своей стороны много содѣйствовала успѣшному окончанію приготовленій для похода въ Италію. Заложивъ всѣ свои драгоценныя вещи, она доставила деньги, необходимыя для составленія тридцатитысячнаго войска, и во главѣ его сама отправилась въ Ломбардію. Карлъ предшествовалъ ей въ Римъ, и тамъ получилъ изъ рукъ Климента IV апулійскую и сицилійскую корону, и званіе римскаго сенатора.

Тщетно старались гиббеллины остановить въ Ломбардіи шествіе французовъ. Перейдя рѣку Оліо съ помощью измѣны Буозо-да-Довара, который въ Дантовомъ Аду претерпѣваетъ въ вѣчномъ лѣдѣ достойное наказаніе за свое вѣроломство (*), армія Карла Анжуйскаго вступила въ неаполитанское королевство.

Манфреди встрѣтился съ непріателемъ при рѣкѣ Калорѣ, близъ Беневенто. Французы, хотя и утомленные продолжительнымъ и труднымъ переходомъ, немедленно вступили съ нимъ въ борьбу, и этой поспѣшности были отчасти обязаны одержанной побѣдой. Кромѣ того, въ рядахъ войска Манфреди находилось много недовольныхъ: апулійцы, лишеныя государями швабской династіи нѣкоторыхъ изъ своихъ муниципальныхъ льготъ, и возбуждаемыя папскими эмисарами, дрались вяло и неохотно. Манфреди, сражавшійся во главѣ своей арміи, съ ужасомъ увидѣлъ, какъ французы ворвались въ ея середину. Въ то же мгновеніе серебряный орелъ, украшавшій его шлемъ, упалъ подъ ноги лошади. Сувѣріе прижмившись къ негодованію и стыду: «Это—знаменіе воли божьей!» воскликнулъ Манфреди, бросился въ среднну битвы и вскорѣ палъ подъ ударами непріятеля.

Трупъ его былъ найденъ три дня спустя, съ лицомъ, обезображеннымъ сабельнымъ ударомъ. Одинъ крестьянинъ, прива-

(*) Адъ. Пѣс. XII.

завъ его къ хвосту своего мула, возилъ его по лагерю и кричалъ: «кто хочетъ купить короля Манфреди?» Французы, возмущенные подобнымъ зрѣлищемъ, просили Карла воздать царственному трупу послѣдній долгъ, предписываемый религіей и законами рыцарства. Но гордый побѣдитель не только не согласился, но еще приказалъ бросить Манфреди въ яму, близъ Беневентскаго моста. Солдаты, уважавшіе въ немъ храбраго и искуснаго воина, наполнили яму землей и камнями, и образовали надъ ней родъ пирамиды. Но Климентъ IV приказалъ разобрать и этотъ незагнанный памятникъ и вынуть изъ могилы тѣло Манфреди. Получившіе остатки героя, который и по смерти еще казался страшнымъ своимъ врагамъ, были перенесены въ уединенную долину, и тамъ оставлены непогребенными на одномъ изъ рукавовъ Тронта. Данте посвятилъ памяти Манфреди нѣсколько прекрасныхъ стиховъ (*). Они дышатъ столь величавой и чистой красотою, преисполнены такой глубокой грусти и нѣжности, что вызываютъ изъ глазъ читателя невольныя слезы.

Такимъ образомъ, надежды на національное единство Италіи погибли въ самомъ зародышѣ. Но гиббеллины все еще не теряли мужества. Во тьмѣ, покрывшей политическій горизонтъ Италіи, они искали новой звѣзды, которая могла бы ихъ снова вывести на дорогу славы. Выборъ ихъ палъ на молодаго Конрадина, внука Фридриха II, память о которомъ хранилась въ народѣ съ благоговѣніемъ и любовью. Послѣдній потомокъ знаменитаго и нѣкогда могущественнаго рода, Конрадинъ жилъ съ матерью при баварскомъ дворѣ, казалось, всѣми забытый и вполне довольный своей судьбой. Но совѣты и просьбы старыхъ друзей и приверженцевъ его дома, блестящія обѣщанія и щедрые дары гиббеллиновъ не замедлили пробудить въ немъ честолюбіе, и заставили его предъявить свои права на неаполитанскій престолъ. Во главѣ десяти тысячнаго войска, онъ перешелъ черезъ Альпы, и вступилъ въ Италію. Гиббеллины вездѣ съ восторгомъ его привѣтствовали, и со всѣхъ сторонъ собирались подъ его знамена.

Конрадинъ напалъ на армію Карла Анжуйскаго въ долинѣ Тальякоццо, посреди абруцкихъ горъ, и нанесъ ей сильное пораженіе. Но подъ конецъ битвы, обманутый военной хитростью, и увлеченный собственнымъ пыломъ, онъ потерялъ свое выгодное положеніе и въ бѣгствѣ долженъ былъ искать спасенія. Хозяинъ дома, гдѣ онъ надѣялся укрыться отъ преслѣдованія, выдалъ его французамъ, которые привезли его въ Неаполь, подвѣрили суду и приговорили къ смертной казни.

(*) Част. Пѣс. III.

Конрадинъ вошелъ на эшафотъ съ достоинствомъ и мужествомъ, которыя почерпнулъ въ преданіяхъ своего семейства. Яснымъ взоромъ окинувъ многочисленную толпу, собравшуюся у подножія эшафота, видя слезы и слыша рыданія тѣхъ, которые оплакивали въ немъ свою послѣднюю надежду, онъ снялъ перчатку, бросилъ ее въ народъ, какъ-бы вызывая его на месть, и положилъ голову на плаху. Топоръ сверкнулъ въ рукахъ палача, и вмѣстѣ съ молодою жизнью Конрадина пресѣлся знаменитый родъ гогенштауфеновъ. Невинная кровь его легла на убійцахъ неизгладимымъ пятномъ, а потомство не замедлило отозваться на его вызовъ, и отмстило за смерть несчастнаго юноши страшнымъ днемъ Сицилійской вечерни. Данте устами Гуго Капета безпощадно порицаетъ Карла Анжуйскаго за это жестокое убійство и за отравленіе св. Ѳомы, въ которомъ его многіе не безъ основанія подозрѣваютъ (*).

Пораженіе при Тальякоццо и казнь Конрадина нанесли гиббелинамъ окончательный ударъ, и приготовили полное торжество ихъ противниковъ. Но со смерти папы Климента IV, политика гвельфовъ нѣсколько измѣнилась. Карлъ Анжуйскій, прикрываясь своей мнимой преданностью къ папскому двору, употребилъ гвельфовъ для осуществленія собственныхъ коварныхъ и честолюбивыхъ пѣлей. Римъ увидѣлъ слишкомъ поздно, что призвавъ его въ Италію, ничего не выигралъ. Его противники только перемѣнили названіе: Франція замѣнила Германію, анжуйцы — гогенштауфеновъ. Папа Григорій X, одаренный необыкновеннымъ умомъ и характеромъ твердымъ, но умѣреннымъ, старался уравновѣсить политическое значеніе гвельфовъ и гиббеллиновъ. И потому, чтобы хоть нѣсколько ослабить вліяніе, которое французы приобрѣли въ Италиі, онъ постѣпилъ положить конецъ междуарствію, терзавшему Германію, и содѣйствовалъ вступленію на императорскій престолъ Рудольфа Габсбургскаго.

Но преждевременная смерть Григорія X помѣшала ему выполнить его благодѣтельное намѣреніе. Иннокентій V и Адрианъ V, послѣ него по очереди занимали папскій престолъ, но во время своего кратковременнаго правленія мало заботились объ осуществленіе плановъ своего предшественника. И только Николай III, увлекаемый честолюбіемъ, съ рвеніемъ принялся приводить ихъ въ исполненіе. Но его пылкій и необузданный нравъ составлялъ полную противоположность обдуманнаго и осторожнаго характера Григорія X. Онъ началъ безпощадно преслѣдовать Карла, и всѣчески старался ограничить его власть. Вполнѣ преданный инте-

(*) Чист. Пѣс. XX.

ресамъ римской политики, Николай III еще былъ одержимъ страстью возвышать и обогащать членовъ собственного семейства, и въ пользу ихъ расхищалъ церковную собственность. Данте помѣстилъ этого папу (*) въ третьемъ кругѣ своего Ада, гдѣ онъ, погруженный головою внизъ въ пламенный и сирадный колодезь, искупаетъ свою преступную жизнь. Пѣснь эта, которая называется пѣсью о *симоникахъ*, принадлежитъ къ числу самыхъ поразительныхъ въ поэмѣ. Она даетъ полное понятіе о неблагоприятныхъ поступкахъ папъ, и объ отвращеніи, какое возбуждало въ современникахъ ихъ корыстолюбіе. Особеннаго вниманія заслуживаетъ воззваніе поэта, когда онъ въ порывѣ благороднаго негодованія порицаетъ духовенство за его потворство своимъ страстямъ и дурнымъ наклонностямъ, и за злоупотребленіе свѣтской власти.

Тѣмъ не менѣе идея Григорія X объ уравновѣшеніи политическаго значенія гвельфовъ и гиббеллиновъ готова была осуществиться, когда смерть, внезапно положивъ предѣлы жизни и корыстолюбивымъ замысламъ Николая III, снова разрушила надежды тѣхъ, которые стремились водворить въ Италіи миръ и спокойствіе.

Карль, опасаясь чтобы вновь избранный папа не былъ также изъ числа его враговъ, отправился въ Витербо, захватилъ трехъ кардиналовъ изъ дома Орсини, а другихъ принудилъ возложить тиару на главу Симона, бывшаго нѣкогда каноникомъ въ Турѣ, челоуѣка ему вполне преданнаго и извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ папы Мартина IV.

Вступая на престоль, Мартинъ IV имѣлъ въ виду одну цѣль: вполне посвятить себя интересамъ анжуйскаго дома и удовлетворенію собственной наклонности къ удовольствіямъ стола. Первымъ его дѣломъ было уничтожить всѣ положенія и учрежденія своего вредшественника, и потому онъ объявилъ несправедливыми притязанія на сицилійскій престоль Констанціи и отлучилъ отъ церкви ея супруга, Петра Аррагонскаго. Однимъ словомъ, всѣ дѣйствія Мартина IV клонились къ тому, чтобы лишить Италію всякой самостоятельности и отдать ее въ полное распоряженіе французовъ. Хроникеры того времени изобилуютъ, между прочимъ, разсказами о застольныхъ подвигахъ св. отца, намѣтъ на которые мы находимъ также въ Божественной комедіи. Мартинъ IV излишнимъ употребленіемъ пищи и питья нерѣдко разстроивалъ свое здоровье. Его любимымъ кушаньемъ было рагу изъ угрей, приготовленныхъ особеннымъ образомъ въ винѣ *vernacchio*, которое считалось наилучшимъ въ Тосканѣ.

(*) Николай III вступилъ на престоль въ 1277 г., а умеръ 19-го августа 1280 г.

«..... а тамъ, за нимъ видѣется другой, съ лицомъ еще болѣе изможеннымъ. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбы церкви и былъ изъ Тура. Нынѣ онъ постомъ искупаетъ излишнее употребленіе въ пищу угрей больсенскихъ и вина верначіо» (*).

Рассказываютъ также, какъ однажды, страдая отъ тяжелаго пищеваренья, Мартинъ съ набожнымъ и смиреннымъ влдомъ сложивъ руки на груди, тоскливо вздыхая, воскликнулъ: «O sancte Deus quanta mala patimur pro Ecclesia Dei!» (**)

Побровительство такого папы, конечно, не могло быть надежной опорой для Карла, и событія не замедлили доказать это.

Сицилійцы съ самаго начала владычества надъ ними французъ ясно понимали намѣренія прованскаго принца и никогда не были ослѣплены ни блескомъ его двора, ни несбыточными надеждами на его великодушіе. И дѣйствительно Карлъ Анжуйскій дѣлалъ все, чтобы заслужить всеобщую ненависть. Французскіе выходы, пришедшіе вмѣстѣ съ нимъ и постоянно недовольные своей частью въ общей добычѣ, проводили время въ распряхъ и не щадили побѣжденныхъ. Пользуясь довѣріемъ своего государя и свободные поступать по собственному произволу, они обращались съ сицилійскими своими вассалами согласно съ обычаями французскаго феодализма того времени. Все это, а болѣе всего дерзость и распущенность солдатъ, увѣренныхъ въ безнаказанности, наконецъ, истощили терпѣніе сицилійцевъ и побудили ихъ въ открытому сопротивленію. Народъ съ негодованіемъ смотрѣлъ не только на жестокихъ чужестранцевъ, но и на самую форму монархическаго правленія, и съ сожалѣніемъ вспоминалъ о своихъ старыхъ республиканскихъ учрежденіяхъ. Со всѣхъ сторонъ слышались жалобы на незаслуженны оскорбленія и уже начинали раздаваться угрозы. Воспоминанія о Манфреди и Конрадинѣ, съ любовью хранимыя въ народѣ, еще болѣе разжигали ненависть въ Карлу.

Гроза, медленно собиравшаяся, вскорѣ разразилась совершенно неожиданно для французовъ. Это произошло 30-го марта 1282 г., во вторникъ на св. недѣлѣ. Палермцы, слѣдуя древнему обычаю своей страны, вышли въ этотъ день за черту города праздно-

(*) Част. Пѣс. XXXIV.

....., ... e quella faccia
 Di là da lui, più che l'altre trapunta,
 Ebbe la Santa Chiesa in le sue braccia.
 Dal Torso fu, e purga per digiuno.
 L'anguille di Bolsena e la vernaccia

(Pur. Can. XXIV).

(**) Великій Боже, какія страданія не претерпѣваемъ мы ради церкви господней!

вать возвращеніе весны въ поляхъ, окружающихъ церковь Св. Духа. Всѣмъ сицилійцамъ было строго запрещено носить при себѣ оружіе и французы позволяли себѣ по этому случаю разныя вольности и злоупотребленія. Такъ и въ этотъ разъ: одна молодая дѣвушка благороднаго происхожденія шла къ вечерни въ сопровожденіи своего семейства и жениха. Французскій солдатъ, по имени Друэ, прельстясь ея красотой, осмѣлился коснуться ее подтѣмъ предлогомъ, что желаетъ удостовѣриться, нѣтъ ли на ней оружія. Оскорбленная и испуганная дѣвушка безъ чувствъ ушла на руки матери.

Внезапно раздался ужасный крикъ—крикъ цѣлаго народа, который, не имѣя силъ долѣе таить свою ненависть, съ яростью устремился на врага. Одинъ молодой человѣкъ, проходившій въ то время мимо Друэ, бросился на него съ быстротою молніи, вырвалъ у него саблю и пронзилъ его. Въ то же мгновеніе ударили въ колокола, призывая народъ къ вечерни. Это послужило сигналомъ ко всеобщему убійству. Въ нѣсколько часовъ погибло три тысячи французовъ. Гарнизонъ и чиновники, застигнутые въ расплохъ, не оказывали никакого сопротивленія; дѣти, женщины, старики, никто не находилъ себѣ пощады.

Мессина, увлеченная примѣромъ Палермо, не отставала отъ нея. Въ ея стѣнахъ погибло при звукахъ набатнаго колокола до четырехъ тысячъ французовъ, а вскорѣ и весь островъ обогрился ихъ кровью. Изъ всѣхъ французскихъ переселенцевъ спасся только одинъ человѣкъ, который успѣлъ снискать себѣ всеобщее уваженіе и любовь. Это былъ нѣкто Вильгельмъ Порселе: его отправили на корабль въ Марсель, лишь только раздалась первые зловѣщіе крики, призывавшіе къ убійству и мести.

Сбросивъ съ себя ненавистное иго, сицилійцы поспѣшили замѣнить монархическій образъ правленія союзомъ муниципальных городовъ, основаннымъ на самыхъ демократическихъ началахъ. Данте, которому во время достопамятной вечерни было семьнадцать лѣтъ, упоминая о ней въ «Божественной комедіи», говоритъ, что скипетръ сицилійскаго королевства гораздо долѣе оставался бы въ рукахъ анжуйцевъ, еслибы дурное правленіе, которое всегда возбуждаетъ въ побѣжденномъ народѣ желаніе избавиться отъ своихъ притѣснителей, не побудило и сицилійцевъ къ ихъ образцовой мести (*).

(*) Рай. Пѣс. VIII.

E la bella Trinacria...
Attesi avrebbe li suoi regi ancora,
Nati per me di Carlo e di Ridolfo;

Карлъ Анжуйскій, однако, не считалъ себя побѣжденнымъ. Восстаніе сицилійцевъ, правда, лишило его нѣсколькихъ тысячъ французовъ, но онъ не замедлилъ вознаградить себя за эту потерю, собравъ съ помощью французскаго короля новое семидесяти-тысячное войско. Надѣясь опять завоевать отложившіяся отъ него земли, онъ осадилъ Мессину.

Нападеніе это было сдѣлано такъ быстро и такъ неожиданно, что испугало сицилійцевъ и помѣшало восторжествовать у нихъ демократическому элементу. Дворянство, пользуясь всеобщимъ смятеніемъ, поспѣшило возстановить монархическій образъ правленія въ пользу Аррагонскаго дома, который находился въ родствѣ съ угасшей швабской династіей. Обстоятельства благопріятствовали этому новому измѣненію вещей, и пять мѣсяцевъ спустя послѣ революціи, совершившейся въ пользу республики, Петръ III, супругъ Констанціи Швабской, высаживался на берегъ въ Трапани и короновался въ палермскомъ соборѣ сицилійскимъ королемъ.

Къ этому времени относится замѣчательное событіе, которое ознаменовало послѣдніе дни нѣкогда блистательнаго политическаго существованія республики Пизы.

Вражда и соперничество, изстари существовавшія между этимъ народомъ и могущественной Генуей, получили новую силу вслѣдствіе споровъ за владѣніе островомъ Сардиніей. Неудовольствіе быстро возрастало и вскорѣ разрѣшилось войной, въ самомъ началѣ которой пизанцы потерпѣли жестокое пораженіе и лишились всего флота. Но движимые жаждой мести и воодушевляемые любовью къ отечеству, они не потеряли мужества, съ неимоверной быстротой составили новый флотъ изъ 103 кораблей и направились къ генуезскому порту.

Могущественныя соперницы встрѣтились близъ острова Мелоріи. Сраженіе было кровопролитно и долго оставалось нерѣшительнымъ, какъ вдругъ, въ самую критическую минуту, когда непріятель шелъ на абордажъ, одинъ изъ начальствующихъ надъ пизанскимъ флотомъ, графъ Уголино делла-Герардеска, совершенно неожиданно подаль сигналъ къ бѣгству и увлекъ за собою другихъ защитниковъ независимости Пизы. Поступокъ этотъ положилъ конецъ битвѣ и даровалъ побѣду Генуи.

Цѣль столь низкой измѣны заключалась въ томъ, чтобы осла-

Se mala signoria, che sempre accora
 Li popoli suggetti, non avesse
 Mosso Palermo a gridar: Mora, mora.
 (Par. Can. VIII).

бить пизанскую республику и разбить ее могущество, на развалинах котораго Уголино надѣялся самъ укрѣпиться.

Послѣдующія событія доказали, что онъ не ошибся въ своемъ расчетѣ. Пиза, одна изъ всей Тосканы, всегда оставалась вѣрной гиббеллинамъ. Гвельфы, питавшіе въ ней вслѣдствіе этого глубокую ненависть и выжидавшіе только удобнаго случая, чтобы унижить ее, воспользовались нанесеннымъ ей ударомъ и соединились съ Генуей для окончательнаго ея пораженія. Графъ Уголино, по происхожденію гиббеллинь, находился въ родствѣ съ гвельфами и приобрѣлъ на нихъ нѣкоторое вліяніе. Поэтому Пиза видѣла въ немъ человѣка, который одинъ могъ вывести ее изъ затрудненія и отвратить угрожавшую ей опасность. Такимъ образомъ Уголино, несмотря на недостойную роль, разыгранную имъ при Мелорин, былъ избранъ на десять лѣтъ правителемъ Пизы.

Достигнувъ власти, графъ началъ до такой степени самовольно и жестоко распоряжаться судьбой своего нѣкогда цвѣтущаго и свободнаго отечества, что вскорѣ сдѣлался ненавистнымъ обѣимъ партіямъ, которыя были въ его рукахъ только орудіемъ для выполненія его личныхъ замысловъ. Пиза уже нѣсколько времени стонала подъ его деспотическимъ управленіемъ, когда въ 1288 г. внутреннія смуты, морская война, необыкновенно суровая зима и послѣдовавшій за ней голодъ, окончательно ее истощили. Народъ, который всегда ищетъ на комъ нибудь выместить свои страданія, видѣлъ въ Уголино виновника всѣхъ своихъ несчастій и начиналъ ронять и волноваться. Онъ обвинялъ его въ томъ, что онъ будто бы утаиваетъ хлѣбъ, а потомъ продаетъ его по возвышенной цѣнѣ въ собственную пользу. Но Уголино внушалъ своимъ приближеннымъ столь сильный страхъ, что никто изъ нихъ долгое время не осмѣливался ему говорить о возникавшемъ противъ него неудовольствіи. Наконецъ одинъ изъ его племянниковъ рѣшился открыть ему глаза и посовѣтывалъ для возстановленія порядка пріостановить сборъ податей. Уголино пришелъ въ ярость, бросился на несчастнаго съ оружіемъ въ рукахъ, ранилъ его и убилъ на мѣстѣ другаго молодаго человѣка, племянника архіепископа Руджіери, который пытался смягчить его гнѣвъ.

Архіепископъ, нѣжно любившій своего родственника, былъ глубоко опечаленъ его смертью и поклялся отмстить убійцѣ. Однако, онъ на время успѣлъ скрыть свой гнѣвъ и отчаяніе и отложилъ мечь до болѣе удобной минуты, которая, впрочемъ, не заставила себя долго ждать. Терпѣніе народа истощилось и всеобщее негодованіе, достигнувъ крайнихъ предѣловъ, разразилось открытымъ возстаніемъ. Поводомъ къ тому послужили слухи о

намѣреніи Уголино призвать въ Пизу всѣхъ гвельфовъ, которые были изъ нея изгнаны. Архіепископъ Руджіери немедленно собралъ вокругъ себя своихъ друзей и приверженцевъ, велѣлъ ударить въ набатъ и во главѣ многочисленной и вооруженной толпы пошелъ противъ тирана. Застигнутый въ распахъ, но не теряя присутствія духа, Уголино защищался съ рѣдкимъ мужествомъ. Но тѣснимый со всѣхъ сторонъ, онъ тѣмъ не менѣе принужденъ былъ сдаться вмѣстѣ съ двумя сыновьями и тремя внуками.

Архіепископъ Руджіери, руководимый слѣпымъ желаніемъ мести, ввергнулъ ихъ всѣхъ въ тюрьму, ключи отъ которой бросилъ въ рѣку. Несчастные плѣнники были осуждены на голодную смерть. Патеро невинныхъ: двое молодыхъ людей во цвѣтъ силъ и надеждъ и трое дѣтей должны были искупить преступленіе одного человѣка, всѣ злодѣянія котораго блѣднѣютъ передъ этой жестокостью лица, облеченнаго въ духовный санъ. И Уголино представляетъ чуть ли не единственный на страницахъ исторіи примѣръ измѣнника, убійцы и тирана, воспоминаніе о которомъ вызываетъ въ потомствѣ состраданіе. Данте суровыми, но прекрасными и исполненными неподражаемаго величія стихами наложилъ клеймо позора на имя архіепископа Руджіери и въ раздирающей сердце картинѣ яркими красками изобразилъ страданія Уголино. Передъ нами отецъ, который, самъ истощенный шестидневнымъ голодомъ, присутствуетъ при агоніи своихъ дѣтей и, наконецъ, истерзанный отчаяніемъ, въ нестерпимыхъ мукахъ выпускаетъ послѣдній вздохъ. Приводимъ драматическое описаніе самаго поэта.

Мы прочь пошли, и въ ямѣ я узрѣлъ
Двоихъ замерзшихъ такъ, что покрываетъ
Глава главу—мученіи предѣлъ!

И какъ голодный жадно хлѣбъ сѣдаетъ,
Такъ верхній зубы въ нижняго вонзаетъ
У выи тамъ, гдѣ въ черепъ мозгъ вступаетъ...

«О, ты, который съ столь свирѣпымъ взоромъ
Грызешь главу сосѣду своему,
Скажи, за что?» спросилъ я: «съ уговоромъ,

Что если ты по праву мстишь ему,
То я, узнавъ о васъ, о вашей долѣ,
Предамъ его позорному клейму,

Коль не отсохнетъ мой языкъ дотогѣ!
Уста подъялъ отъ мерзостнаго брашна
Сей грѣшникъ, кровь отеръ съ нихъ по власамъ
Главы, имъ въ тылъ изгрызенной такъ страшно,

И началъ онъ: «Ты хочешь, чтобъ я самъ
Раскрылъ ту скорбь, что грудь томить, какъ бремя,
Лишь вспомню то, о чемъ я передамъ.

Но коль слова мои должны быть сѣмя,

Чтобъ шлодъ его злодѣю въ срамъ возникъ—
И рѣчь и плачь услышашъ въ то же время.

Не знаю, кто ты, какъ сюда проникъ;
Но убѣжденъ, что слышу гражданина
Флоренціи: такъ звученъ твой языкъ!

Ты долженъ знать, что графъ я Уголино,
А онъ — архіепископъ Руджеръ,
И почему сосѣдъ мой, вотъ причина.

Не говорю, какъ въ силу подлыхъ мѣръ
Довѣрчиво я вдался въ обольщенье
И какъ сгубилъ меня онъ, лицемеръ.

Но, выслушавъ, разсѣй свое сомнѣнье,
О томъ, какъ страшно я окончилъ дни;
Потомъ суди: то было ль оскорбленье!

Печальное отверстіе западни —
По мнѣ ей имя *Башня Глада* стало:
Поглибли въ мукахъ въ ней не мы одни! —

Семь разъ луны роженье мнѣ являло
Связозъ щель свою, какъ вдругъ злобщій сонъ
Съ грядущаго сорвалъ мнѣ покрывало

Приснилось мнѣ: какъ вождь охоты, онъ
Гналъ волка и волчатъ въ горѣ, которой
Для Пизы видъ на Лукку загражденъ.

Со стаей псидъ, голодной, чуткой, скорой,
Гваландъ, Сисмонди и Лафранкъ неслись
Предъ бѣшеннымъ ловцомъ, въ погонѣ скорой.

По малой гонкѣ — мнѣ потомъ приснился —
Отецъ съ дѣтми попалъ усталый въ сѣти
И псы влѣками въ ребра имъ впились.

Проснулся я и слышу на разсвѣтѣ:
Мучительнымъ встревоженныя сномъ,
Рыдалъ громко, просятъ хлѣба дѣти.

Жестокъ же ты, когда ужъ мысль о томъ,
Что мнѣ грозило, въ скорбь тебя не вводитъ!
Не плачешь здѣсь—ты плакалъ ли о комъ?

Ужъ мы проснулись; вотъ и часъ приходитъ,
Когда намъ въ башню приносили хлѣбъ,
Но страшный сонъ въ сомнѣнье всѣхъ приводитъ.

Вдругъ слышу: сверху забиваютъ слезъ
Ужасной башни! Я взглянулъ съ тоскою
Въ лицо дѣтей, безмолвенъ и свирѣпъ.

Не плакалъ я, окаменѣвъ душою;
Они жъ рыдали, и Ансельмъ мой:
«Что смотришь такъ, отецъ мой? что съ тобою?»

Я не рыдалъ, молчалъ я, какъ нѣмой
Весь день, всю ночь, доколѣ свѣтъ денницы
Не проблеснулъ на тверди голубой.

Чуть слабый лучъ проникъ во мглу темницы—
Свое лицо, ужасное отъ мукъ,
Я вмигъ узналъ, узрѣвъ ихъ страшныя лица,

И укусилъ я съ горя пальцы рукъ;
Они жъ, мечтавъ, что голода терзанье
Меня томить, сказали, вставши вдругъ:

«Отец! насытись нами: тѣмъ страданье
 Намъ уголишь; одѣвъ дѣтей своихъ
 Въ плоть обднуу, сними съ нихъ одѣянье».
 Я горе скрылъ, чтобъ вновь не мучить ихъ;
 Два дня молчали мы въ темницѣ мертвой:
 Что жъ не разверзлась, мать-земля, въ тотъ мигъ!
 Но только день лишь наступилъ четвертый,
 Мой Гадо палъ къ ногамъ моимъ, стена:
 «Да помоги жъ, отецъ мой!» и, простертый,
 Тутъ умеръ онъ, и какъ ты зришь меня,
 Такъ видѣлъ я: всѣ другъ за другомъ вскорѣ
 Отъ пятаго и до шестаго дня
 Понадали. Ослѣпнувъ, на просторѣ
 Бродилъ я три дни, мертвыхъ звалъ дѣтей...
 Потомъ... но голодъ былъ сильнѣй, чѣмъ горе!»
 Сказавъ, схватилъ съ сверканіемъ отей
 Несчастнй черепъ острыми зубами,
 Что какъ у пса окрѣпли для костей. —
 О, Пиза! срамъ предъ всѣми племенами
 Прекрасныхъ странъ, гдѣ сладко зі звучить!
 Когда сосѣдъ не мститъ тебѣ громами,
 То пусть Капраяя двинетъ свой гранитъ,
 Чтобъ устье Арно грудой скалъ заставить,
 И всѣхъ гражданъ волнами истребить!
 Коль Уголинъ себя могъ обезславить
 Позорной сдачей стѣнъ твоихъ врагамъ,
 За что жъ на казнь съ нимъ и дѣтей оставить?

(Адъ Пѣс. XXXIII).

Между тѣмъ какъ въ Тосканѣ совершалось столь ужасное злодѣяніе, Карлъ Анжуйскій продолжалъ упорно стоять за свои права на сицилійскій престолъ. Но когда сынъ его, впоследствии Карлъ II, попалъ въ плѣнъ въ руки Руджіеро ди-Лоріа, адмирала Петра Аррагонскаго, то онъ потерялъ всякую энергію, впалъ въ тяжкую болѣзнь и умеръ въ Фоджіи 7-го января 1285 года.

Карлъ II былъ приговоренъ къ смерти, но Констанція Швабская, великодушно забывъ, что его отецъ отказалъ въ погребеніи ея отцу, своимъ заступничествомъ спасла ему жизнь. Отвезенный въ Аррагонію, Карлъ II оставался тамъ до 1288 г., когда, благодаря вмѣшательству англійскаго короля Эдуарда, ему возвратили свободу, предварительно взявъ съ него клятву въ томъ, что онъ постарается склонить папу и французскаго короля къ признанію взаимной независимости неаполитанскаго и сицилійскаго королевствъ, изъ которыхъ первое должно было остаться за анжуйской династіей, а второе — за аррагонской. Но папа Николай IV и собственная сговорчивая совѣсть сняли съ него клятву и онъ вскорѣ началъ съ аррагонскимъ домомъ войну, которая продолжалась до его смерти безъ всякаго, впрочемъ, результата.

Около этого же времени флорентинцы рѣшились разъ навсегда покончить съ гиббеллинами въ Тосканѣ. Они разбили аретинцевъ при Камполдино и обратились съ своими союзниками противъ Пизы. Но послѣ двадцатидневнаго похода они успѣли овладѣть только замкомъ Капрона. Данте, принимавшій участіе въ обѣихъ экспедиціяхъ, упоминаетъ о нихъ въ пятой пѣснѣ Чистилища и въ двадцать-первой пѣснѣ Рая.

Нѣкоторые критики утверждаютъ, что Данте впервые задумалъ свою пѣснь о графѣ Уголино подѣ стѣнами Капроны въ видѣ воинственнаго гимна или поэтическаго проклятiя, направленаго противъ Пизы. Но предположеніе это, хотя и весьма правдоподобное, не вполне доказано. За то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что второй изъ двухъ самыхъ популярныхъ и трогательныхъ эпизодовъ Божественной Комедiи, эпизодъ Франческа ди-Римини, возникъ въ воображеніи поэта именно нѣсколько дней спустя послѣ взятiя Капроны.

Франческа, дочь Гвидо да-Поленты, владѣтеля Равенны, была уже впродолженіе двѣнадцати лѣтъ замужемъ за Джіаномъ, старшимъ сыномъ подестата Римини, Малатесты да-Верукио. Бракъ этотъ, основанный на политикѣ и на расчетѣ, представлялъ сочетаніе самыхъ противоположныхъ элементовъ. Франческа, одаренная отъ природы нѣжной и страстной душою, тонкимъ умомъ, рѣдкой граціей и красотою лица, казалась исключительно рожденной для любви. Джіанъ соединялъ съ отталкивающей наружностью крутой и мстительный нравъ, былъ золь, тщеславенъ и недовѣрчивъ, говорилъ рѣзко, поступалъ грубо и нерѣдко жестоко. Кромѣ того, онъ хромалъ, вслѣдствіе чего и получилъ прозваніе Чіотто (хромага).

Но природа, столь скупая въ отношеніи къ Джіану Чіотто или Ланчіотто, оказалась очень щедрой къ его младшему брату, надѣливъ его всѣми дарами и качествами, въ которыхъ отъказала ему самому. И дѣйствительно, Паоло отличался необыкновенной красотою и изяществомъ манеръ и представлялъ собою типъ настоящаго рыцаря. Его характеръ, нѣсколько склонный къ грусти, мечтательный умъ и пылкое сердце, имѣли неотразимую прелесть, которой никто не могъ противиться. Ланчіотто послалъ его въ Равенну ухаживать за Франческой и вести переговоры о своемъ бракѣ съ ней.

Франческа, сама того не замѣчая, была очарована красивымъ и нѣжнымъ Паоло. Когда же, очнувшись отъ сладкаго забытья, она могла отдать себѣ отчетъ въ своихъ къ нему чувствахъ, то было уже слишкомъ поздно для того, чтобы вырвать изъ сердца любовь, которая пустила въ немъ глубокіе корни. Тѣмъ не ме-

нѣе, вооружившись твердостью и сознаниемъ долга, она отвѣчала притворнымъ равнодушиемъ на привязанность, въ свою очередь возникшую въ сердцѣ Паоло, и безпрекословно повиновалась волѣ отца. Несчастную въ продолженіе многихъ лѣтъ поддерживали горячія молитвы и любовь къ дочери, которая была ея опорой, утѣшеніемъ и единственной отрадой въ жизни. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока политическія смуты и безпорядки, возникшія въ Римини, изгнавъ оттуда Ланчіотто и Паоло, не принудили ихъ всѣхъ удалиться въ Пезаро.

Слуга и тоска, овладѣвающія человѣкомъ въ изгнаніи, составляютъ одно изъ самыхъ тяжелыхъ испытаній въ жизни. Вдали отъ родины, отъ всего, чтѣ близко и дорого сердцу, посреди незнакомыхъ лицъ и предметовъ сильнѣе чувствуется пустота душевная, томительнѣе становится нравственное одиночество. Наболѣвшимъ сердцемъ изгнанника овладѣваетъ непреодолимая жажда любви и сочувствія; онъ ищетъ друга, съ которымъ могъ бы раздѣлить свое горе—сердца, которое бы его успокоило, согрѣло и открыло бы ему, взаимѣнъ потеряннаго счастья, новый источникъ надеждъ и утѣшеній.

Такое сердце было недалеко отъ Франчески: она знала о его присутствіи, она чувствовала его бѣшенія и не въ силахъ долѣе противиться нѣжнымъ мольбамъ и укорамъ Паоло, внезапно отдалась страсти, которую въ продолженіе десяти лѣтъ тщетно старалась побороть. Но въ то самое время, когда молодые люди въ безумномъ порывѣ радости забывъ весь міръ, дали волю своимъ пламеннымъ рѣчамъ и восторгамъ, они были застигнуты Ланчіотто. Оскорбленный мужъ въ припадкѣ бѣшенства бросился на нихъ съ оружіемъ въ рукахъ и почти однимъ и тѣмъ же ударомъ убилъ брата и жену. Души несчастныхъ любовниковъ, покидая землю, слились въ подалуѣ невыразимой сладости и вмѣстѣ вступили въ вѣчность (*). Тамъ встрѣтилъ ихъ Данте, и тронутый ихъ безпредѣльной любовью, запечатлѣнной кровью и столькими страданіями, обезсмертилъ ихъ дивными звуками своей лиры. Его трогательный и исполненный граціи и неподдѣльнаго чувства разсказъ извѣстенъ во всемъ литературномъ мірѣ и переведенъ на всѣ европейскіе языки. Франческо и Паоло, убитые вмѣстѣ, похоронены вмѣстѣ въ одномъ гробѣ. Когда два вѣка спустя открыли ихъ тѣла, то они какъ-бы силою чуда, совершеннаго любовью, оказались совершенно нетронутыми: они въ объятіяхъ одинъ другаго какъ будто покоились безмятежнымъ сномъ. Вотъ какъ тѣнь Франчески, и въ аду неразлучная со своимъ возлюб-

(*) Паоло и Франческа были убиты 4-го сентября 1289 г.

леннымъ, сама рассказываетъ поэту о несчастной участи, ее постигшей. Данте, обращаясь къ Виргилію, говорить:

«Поэтъ», я началъ, «мысль моя невольно
Устремлена къ четѣ, парящей тамъ,
Съ которой вихрь такъ мчится произвольно».
И онъ: «Дождись, когда примчтся къ намъ:
Тогда моли любовью, ихъ ведущей —
И прилетятъ онѣ къ твоимъ мольбамъ».

Какъ скоро къ намъ принесъ ихъ вѣтръ ревущій,
Я поднялъ гласъ: «Не скрой своей тоски,
Чета тѣней, коль то велитъ всесущій!»

Какъ, на призывъ желанья, голубки
Летятъ къ гнѣзду на сладостное лоно,
Простерши крылья, нѣжны и легки:

Такъ разлучась съ толпою, гдѣ Дидона,
Связозъ мракъ тлетворный къ намъ примчались вновь:
Такъ силенъ зовъ сердечнаго былъ стона!

«О, существо, поставшее любовь!
О, ты, который здѣсь во тьмѣ крошечной
Увидѣлъ насъ, пролившихъ въ міръ кровь!

Когда бъ Господь внималъ молитвѣ грѣшной,
Молили бъ мы послать тебѣ покоя
За грусть о нашей скорби неутѣшной.

Что скажешь намъ? что хочешь знать? открой:
Все выскажемъ и выслушаемъ вскорѣ,
Пока замолкъ на время вѣтра вой.

Лежитъ страна, гдѣ я жила на горе,
У взморья—тамъ, гдѣ мира колыбель
Находить По со спутниками въ морѣ.

Любовь, сердце прекрасныхъ связъ и цѣль,
Моей красой его обворожила
И я, лишась ея, грущу досель.

Любовь любимому любить судила
И такъ меня съ нимъ страстью увлекла,
Что, видишь, я и здѣсь не разлюбила.

Любовь къ одной насъ смерти привела;
Того, кѣмъ мы убиты, ждуть въ Кавнѣ!»
Такъ намъ одна изъ двухъ тѣней ревла.

Склонивъ чело, внималъ я о причинѣ
Мученій ихъ, не подымалъ главы,
Пока мой воздъ: «О чемъ ты мыслишь нынѣ?»

И, давъ отвѣтъ, я продолжалъ: «Увы!
Какъ много сладкихъ думъ, какія грѣзы
Ихъ низвели къ мученьямъ сей толпы?»

И къ нимъ потомъ: «Твоей судьбы угрозы
И горестный, Франческа, твой рассказъ
Въ очахъ рождаетъ состраданья слезы.

Но объясни: томленій въ сладкій часъ
Черезъ что и какъ неслыны влеченья
Уразумѣть страсть научила васъ?»

И мнѣ она: «Нѣтъ большаго мученья,

Какъ о порѣ счастливой вспоминать
 Въ несчастіи; твой вождь того же мѣнья.
 Ты хочешь страсти первый корень знать?
 Скажу, какъ тотъ, который вѣсть печали
 И говорить, и долженъ самъ рыдать.
 Однажды мы, въ мигъ счастія, читали,
 Какъ Ланчелотъ въ безуміи любилъ:
 Опасности быть вмѣстѣ мы не знали.
 Не разъ въ лицѣ румянца гаснулъ пылъ
 И взоръ его встрѣчалъ мой взоръ безпечный;
 Но злой романъ въ тотъ мигъ насъ побѣдилъ
 Когда прочли, какъ поцалуй сердечный
 Былъ приманенъ улыбкою къ устамъ,
 И тотъ, съ кѣмъ я ужъ не разстанусь вѣчно,
 Затрепетавъ, къ моимъ принякнулъ самъ...
 Былъ Галеотто авторъ книги гнусной!...
 Въ тотъ день мы дальше не читали тамъ!
 Такъ духъ одинъ сказалъ, межъ тѣмъ такъ грустно
 Рыдалъ другой, что въ скорби наконецъ
 Я обомлѣлъ отъ повѣсти изустной
 И палъ безъ чувствъ, какъ падаетъ мертвецъ.

(Адъ. Пѣс. V).

Послѣ Мартына IV; папскій престолъ занимали по очереди Горіорій IV и Николай IV (*), главной заботой которыхъ было обогащеніе собственныхъ семействъ. Они съ особеннымъ рвеніемъ предались пороку, созданному Николаемъ III и извѣстному въ исторіи подъ именемъ *непотизма*. Съ ихъ легкой руки порокъ этотъ сдѣлался необходимой принадлежностью папскаго престола и до конца прошлаго столѣтія составлялъ отличительную черту почти всѣхъ папъ.

За смертью Николая IV послѣдовало двухлѣтнее междуцарствіе, впродолженіе котораго кардиналы, собранные на конклавъ, не могли прійти ни къ какому удовлетворительному результату въ своихъ совѣщаніяхъ. Утомленные продолжительными преніями и не предвидя имъ успѣшнаго исхода, они пришли въ уныніе, которое вскорѣ еще болѣе усилилось, появившейся и начавшей быстро распространяться эпидеміей. Умы находились въ напряженномъ состояніи, когда внезапно раздался пророческій голосъ, грозившій смертью всѣмъ кардиналамъ, если они по истеченіи двухъ мѣсяцевъ еще не успѣютъ избрать папы.

Пророчество это было сдѣлано человѣкомъ, совершенно неизвѣстнымъ. Старый отшельникъ, Петръ Морроне, принадлежалъ къ монахамъ бенедиктинскаго ордена и жилъ въ совершенномъ

(* Мартынъ IV царствовалъ съ 1265 г. по 1267, а Николай IV умеръ въ 1292.

удивленія посреди Абруцкихъ горъ. Жизнь его была рядомъ безконечныхъ лишеній и молитвъ. Онъ слылъ за святого и въ народѣ ходили слухи о разныхъ чудесахъ, которыя онъ будто бы совершалъ. Рассказывали также, что онъ явился на свѣтъ въ монашеской одеждѣ; что ночью, когда наступалъ часъ молитвы, его будилъ невидимый колоколь и наконецъ что самъ Иисусъ Христосъ сходилъ съ неба и пѣлъ съ нимъ псалмы.

Предсказаніе Петра Морроне произвело тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что смертность, свирѣпствовавшая между кардиналами, какъ-бы оправдывала его слова. Въ испугѣ они поспѣшили отвратить угрожавшую имъ опасность быстрымъ избраніемъ папы и, странно сказать, выборъ ихъ палъ на самого пророка. Три важные духовные сановника были къ нему отправлены объявить ему о рѣшеніи конклава. Бѣдный отшельникъ долго не соглашался принять на себя высокое званіе римскаго первосвященника, но наконецъ принужденъ былъ уступить просьбамъ кардиналовъ. Съ сердцемъ, пренеполненнымъ страха и смиренія, онъ подъ именемъ Целестина V совершилъ торжественное вшествіе въ городъ Авиньонъ. Его сопровождали Карлъ II, король неаполитанскій, и сынъ его Карлъ-Мартель, король венгерскій; оба въ знакъ уваженія вели за поводья его мула. Простодушный и робкій Целестинъ чувствовалъ себя неловко въ своемъ новомъ положеніи. Онъ не могъ болѣе исключительно посвящать свое время на благочестивыя размышленія и предаваться пророческому вдохновенію. Почести и заботы, столь неожиданно выпавшія ему на долю, были для него тяжелымъ бременемъ и онъ усердно молилъ Бога избавить его отъ нихъ.

Такое настроеніе ума не могло долго оставаться тайной для окружающихъ и особенно для тѣхъ, которые смотрѣли на папскій престолъ какъ на добычу и вслѣдствіе стремились овладѣть ею. Кардиналъ Казтани, человекъ одержимый пылкими страстями и безграничнымъ честолюбіемъ, вздумалъ прибѣгнуть къ хитрости для того, чтобы окончательно сбить съ толку суевѣрнаго и уже безъ того слабаго старика и принудить его отречься отъ престола. Посреди ночи, въ то самое время, когда Целестинъ, стоя на коленяхъ съ воздвѣтыми къ небу руками, орошалъ слезами плиты своей молебни, онъ внезапно услышалъ голосъ, который повелѣвалъ ему сложить съ себя папскій санъ. Бѣдный отшельникъ, взволнованный, измученный, почти безумный отъ страха, передъ лицомъ Бога и людей объявилъ, что чувствуетъ себя неспособнымъ управлять судьбами церкви. Данте встрѣчаетъ Целестина въ Аду и строго упрекаетъ тѣмъ этого папы, который

Изъ низости великій даръ отвергъ (*).

Десять дней спустя послѣ отреченія Целестина, хитрый Казтани сталъ Бонифаціемъ VIII. Но эта легкая побѣда надъ полуумнымъ старикомъ еще не удовлетворила его вполне: ему хотѣлось во что бы то ни стало окончательно раздавить соперника подъ каблукъ своей папской туфли. Целестина окружили стражей, но онъ успѣлъ обмануть ея бдительность и убѣжать. Тогда его начали преслѣдовать какъ дикаго звѣря, гоняя по горамъ и лѣсамъ, пока онъ снова не попалъ въ руки Бонифація, который заключилъ его въ узкую тюрьму, гдѣ онъ не могъ ни встать, ни лечь и гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Бонифацій велѣлъ похоронить его какъ злодѣя, но когда восемнадцать лѣтъ спустя тѣло его открыли для того, чтобы поклониться ему какъ святому, то черепъ его оказался проткнутымъ гвоздемъ (**).

Флоренцію между тѣмъ терзала новая междоусобная война. Партіи *Бѣлыхъ* и *Черныхъ*, перейдя туда изъ Пистойи, продолжили десяти лѣтъ разоряли ее, обагрjali кровью и наконецъ сдѣлали ее добычей алчныхъ чужеземцевъ.

А Бонифацій VIII съ высоты Ватикана съ улыбкой смотрѣлъ на всѣ эти раны, терзавшія Италію, и только старался ихъ еще болѣе растравлять, надѣясь тѣмъ самымъ увеличить свою власть. Онъ началъ съ того, что вмѣшался въ споры партій въ качествѣ примирителя и посредника. Лястя *Бѣлымъ* на словахъ, въ тайнѣ и на дѣлѣ покровительствуя *Чернымъ*, онъ и не думалъ примирять ихъ, а только хотѣлъ приобрести ихъ довѣріе для того, чтобы послѣ успѣшнѣе ихъ обмануть. Но планъ этотъ ему не удался. Тогда онъ обратился къ иностранному вмѣшательству и старался интригами склонить Карла-Валуа, брата Филиппа-Красиваго, сдѣлать высадку въ Италію.

М. Пинто.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

(*) Адъ. Пѣс. III.

Che fece per viltade il gran rifiuto.

(Inf. Can. III).

(**) Извлеченіе изъ жизни Целестина V, сдѣланное Петромъ Альдако, кардиналомъ и современникомъ. Кн. 2, глава 15. Apud sturium, vitae sanctorum.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИКЕНСА.

Книга третья.

ДЛИННЫЙ ЗАКОУЛОКЪ.

— — —
I.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ ВЕСЕЛЯ.

Быль туманный день и туманъ отличался еще особенной тяжестью и густотою. Весь одушевленный Лондонъ съ расширенными глазами и раздраженными легкими шурился, кашлялъ, задыхался; неодушевленный же казался какимъ-то покрытымъ сажею призракомъ, недоумѣвающимъ—явится ли ему открыто на свѣтъ божій или невидимкой, и оставаясь потому полувидимымъ, полуневидимымъ. Газъ какъ-то угрюмо, мрачно горѣлъ въ лавкахъ, какъ-бы чувствуя, что онъ—ночная птица и не имѣеть права показываться при солнцѣ, хотя оно теперь только напоминало о своемъ существованіи багровыми кругами, смутно виднѣвшимися время отъ времени въ мрачной пеленѣ тумана. Даже въ окрестностяхъ города стоялъ туманъ, но тамъ онъ былъ сѣрый, а въ Лондонѣ, на рубежѣ предмѣстій, темно-желтый, далѣе все коричневѣе и коричневѣе, и, наконецъ, въ сердцѣ Сити, вокругъ церкви св. Маріи, ржаво-черный. Съ холмовъ, окружающихъ городъ съ сѣвера, видно было, какъ высочія зданія силились повременамъ поднять свои гордыя главы надъ океаномъ тумана, и особливо старался болѣе всѣхъ величественный куполъ св. Павла; но этого невозможно было замѣтить снизу, съ улицъ, ибо оттуда весь городъ казался лишь однимъ громаднымъ облакомъ пара, грозившимъ гигантскимъ катаромъ.

Въ подобное утро, въ девять часовъ, контора Пубсей и К^о, конечно, представляла не очень веселое зрѣлище, даже въ кварталѣ св. Маріи, далеко невеселомъ мѣстѣ: въ окошкѣ мерцалъ газовый рожокъ, унылое пламя котораго едва боролось съ облаками

тумана, врывавшимися въ замочную скважину наружной двери. Но вотъ огонь потухъ, дверь отворилась и Ріа вышла съ большимъ мѣшкомъ на улицу.

Почти въ ту же минуту онъ исчезъ въ мрачной мглѣ, исчезъ даже изъ глазъ св. Маріи. Только око повѣствователя можетъ вслѣдить его шаги по Корнгилю, Чипсайду, Флит-Стриту, Страду и Пикадили до Альбани. Онъ шелъ тихо, медленно, своей обычной, задумчивой поступью, съ посохомъ въ рукѣ и въ длинномъ платьѣ, волочившимся за нимъ по землѣ. Многіе проходящіе останавливались и съ недоумѣніемъ смотрѣли ему въ слѣдъ, когда уже его странная фигура исчезла въ туманѣ; имъ невольно казалось, что это былъ какой нибудь обыкновенный человѣкъ, которому только туманъ придавалъ фантастическія очертанія.

Прійдя къ дому, во второмъ этажѣ котораго жилъ его хозяинъ, Ріа взобрался на лѣстницу и остановился передъ квартирой очаровательнаго Фледжеби. Не прибѣгая къ помощи звонка, ни молоточка, онъ ударилъ въ дверь своимъ посохомъ и усѣлся на порогѣ, такъ же спокойно и смиренно, какъ его предки и отцы сидѣли въ тюрьмахъ, терпѣливо перенося все, что угодно судьбѣ низпослать имъ.

Долго сидѣлъ онъ такъ на холодной, мрачной лѣстницѣ, пока, наконецъ, до того озябъ, что сталъ дуть на свои пальцы; тогда онъ всталъ и снова постучалъ посохомъ, послѣ чего снова усѣлся на ступенькѣ. Три раза повторилъ онъ это дѣйствіе, прежде чѣмъ до его слуха долетѣлъ голосъ Фледжеби, кричавшаго изъ своей кровати:

— Полно шумѣть, я приду сейчасъ и отворю дверь! Но вмѣсто того чтобъ придти сейчасъ, очаровательный Фледжеби снова заснулъ и проспалъ болѣе четверти часа, впродолженіе котораго Ріа продолжалъ преспокойно сидѣть на лѣстницѣ и терпѣливо ждать.

Наконецъ, дверь была открыта и фигура Фледжеби, вся въ бѣломъ, поспѣшно ретировалась въ постель. Слѣдя за нею на почтенномъ разстояніи, Ріа прошелъ въ спальню, гдѣ огонь въ каминѣ весело пылалъ.

— А который часъ ночи, по вашему? спросилъ Фледжеби, закутываясь одѣяломъ и представляя собою соблазнительное зрѣлище для озябшаго старика.

— Сэръ, давно утро, уже половина одинадцатаго.

— Чортъ-возьми! Такъ должно быть, очень туманно?

— Да, сэръ, сильный туманъ.

— И мокро, вѣрно?

— Холодъ, стужа, отвѣчалъ Ріа, отирая платкомъ свое лицо

и длинную сѣдую бороду и устремля взглядъ на привлекательный огонь.

— Идетъ снѣгъ, дождь или тамъ какая другая гадость? спрашиваетъ снова Фледжеби, съ наслажденіемъ поворачиваясь въ своей теплой постелѣ.

— Нѣтъ, сэръ, погода совсѣмъ не такая гадкая, и на улицахъ довольно чисто.

— Нечего хвалить-то, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Фледжеби, которому хотѣлось, чтобъ контрастъ между его постелью и улицей былъ еще разительнѣе:—вы всегда что-нибудь да хвалите. Принесли книги?

— Вотъ онѣ, сэръ.

— Хорошо. Я обдумаю все дѣло, а вы покуда выньте книги изъ мѣшка и приготовьте все. Мнѣ не нужно много времени, минуты двѣ, не болѣе.

Съ этими словами Фледжеби отвернулся и снова заснулъ. Старикъ, исполнивъ его приказаніе, сѣлъ на кончикъ стула, и сложивъ руки на груди, поддался чарующему вліянію теплоты, и также задремалъ. Онъ очнулся, увидѣвъ передъ собою Фледжеби, вытянушагося во весь ростъ, въ турецкихъ туфляхъ, розовыхъ турецкихъ шароварахъ (купленныхъ очень дешево у кого-то, обманомъ доставшаго ихъ у другаго кого-то), въ халатѣ и шапочкѣ въ томъ же вкусѣ. Въ этомъ костюмѣ онъ былъ бы неподробенъ, еслибъ ему дать еще въ руки свѣчку и спички.

— Ну, старина, воскликнулъ Фледжеби:—чего вы тамъ сидите съ закрытыми глазами. Или заснули? Небось, жидка, что лисицу, не поймаешь спящимъ, только народъ надуваетъ.

— Нѣтъ, сэръ, увѣрю васъ, немного задремалъ, отвѣчалъ старикъ.

— Не повѣрю, замѣтилъ Фледжеби съ хитрой улыбкой:—эта хитрость вѣрно удастся со многими, но не со мной, меня въ распахъ не поймаешь. Впрочемъ, это недурная манера, когда заключаешь какую нибудь сдѣлку, хоть кого собьешь съ толку. О, хитрецъ!

Старикъ покачалъ головой, отрицая справедливость сказаннаго, и затаивъ тяжелый вздохъ, подошелъ къ столу, за которымъ уже Фледжеби наливалъ себѣ кофе изъ горшка, кипѣвшаго въ каминѣ. Трогательное зрѣлище представлялъ этотъ юноша, пьющій кофе въ покойныхъ креслахъ, и передъ нимъ сѣдой старикъ, стоящій въ почтительной позѣ, ожидая его приказаній.

— Ну! сказалъ Фледжеби:— считайте деньги да докажите по счетамъ, что ихъ столько, сколько нужно. Прежде же всего зажгите свѣчу.

Ріа повиновался, и вынувъ маленькій мѣшочекъ изъ-за пазухи, высыпалъ деньги на столъ и сосчиталъ ихъ, ссылаясь постоянно на представленныя счеты. Фледжеби снова ихъ пересчиталъ очень внимательно, бросая со звономъ каждую монету на столъ.

— Вы, вѣроятно, не почистили этихъ денегъ, сказалъ онъ, беря одну монету и разглядывая ее поближе: — но вѣдь это привычка у вашего брата жида. Вы вѣдь знаете, какъ поубавить маленькую монету, пооблегчить ее, а?

— Точно какъ вы, сэръ, отвѣчалъ старикъ, почтительно смотря на своего хозяина:—позвольте вы мнѣ сказать слово?

— Можете, отвѣчалъ снисходительно Фледжеби.

— Не смѣшиваете ли вы, сэръ, безъ всякаго намѣренія, конечно, безъ всякаго намѣренія, мои дѣйствительныя качества, выказываемыя мною съ честью въ вашей службѣ съ тѣми, которыя въ виду вашего интереса и по вашей воли принимаю на себя?

— Я не считаю нужнымъ входить въ такія тонкости и разбирать подробно этотъ вопросъ, отвѣчалъ сухо очаровательный.

— Вы не хотите сдѣлать этого изъ чувства справедливости?

— Чортъ съ нею!

— Даже изъ милосердія?

— Жидъ и милосердіе! Какъ это идетъ одно къ другому! воскликнулъ Фледжеби: — ну, доставайте ваши поручительства и не врите болѣе чепухи.

Поручительства были представлены и въ продолженіе добраго получаса мистеръ Фледжеби сосредоточилъ все свое вниманіе на нихъ. Все было найдено въ исправности, и какъ поручительства такъ и счетныя книги снова убраны въ мѣшокъ.

— Теперь поговоримъ о покупкѣ векселей, сказалъ Фледжеби:—я всего болѣе люблю эту отрасль нашихъ дѣлъ. Какіе те-теръ на рынкѣ сомнительныя векселя и по какой цѣнѣ? Вы привесли списокъ?

— Вотъ, сэръ, длинный списокъ, отвѣчалъ Ріа, вынимая изъ большаго, толстаго бумажника листъ, исписанный очень мелкимъ почеркомъ.

— Ага! воскликнулъ Фледжеби:—много-таки ихъ! А какъ они продаются, гуртомъ или партіями?

— Въ партіяхъ, какъ тутъ означено, отвѣчалъ Ріа, смотря на записку черезъ плечо Фледжеби:—или всѣ разомъ.

— Ну, можно навѣрно сказать, что половина—магалатурная бумага, замѣтилъ Фледжеби: — можно ихъ скупить на вѣсъ, какъ магалатурную бумагу?—вотъ въ чемъ вопросъ.

Ріа покачалъ головою, а Фледжеби устремилъ свои маленькіе

глаза на списокъ. Они мало-по-малу заблестѣли, и сознавая, что они заблестѣли, онъ обернулся, и взглянувъ на старика, серьёзно егидившаго за нимъ, отошелъ къ камину. Ставъ такимъ образомъ спиною къ старику и облокотившись на каминъ какъ на конторку, онъ продолжалъ просматривать по нѣсколько разъ одну и ту же строчку, словно она его очень интересовала. Въ подобныхъ минуты онъ взглядывалъ изподлобья въ зеркало, желая знать, замѣчаетъ ли это старикъ. Ріа, повидимому, не обращалъ никакого вниманія, и сознавая подозрительность своего хозяина стоялъ съ опущенными глазами. Мистеръ Фледжеби былъ еще занятъ этимъ дѣломъ, когда послышались шаги на лѣстницѣ и дверь поспѣшно отворилась.

— Это что! это ваше дѣло, старшій жидъ! воскликнулъ Фледжеби:—вы вѣрно не закрыли двери. Тутъ шаги послышались въ сосѣднихъ комнатахъ и голосъ мистера Альфреда Ламля громко вричавшаго:—Фледжеби, гдѣ вы? Очаровательный, приказавъ шопотомъ Ріа поддерживать его во всемъ, что бы онъ ни говорилъ, отвѣчалъ громко:—я здѣсь, и отворилъ дверь своей спальни.

— Взойдите, продолжалъ онъ:—этотъ джентльменъ Пубсей и К^о изъ прихода св. Маріи, я хлопочу въ пользу одного бѣднаго пріятеля, веселя котораго въ рукахъ Пубсей и К^о, но они такъ строги со своими должниками, что я, кажется, напрасно теряю время. Скажите же, мистеръ Ріа, неужели я не могу пойти съ вами на кухню нибудь сдѣлку отъ имени моего пріятеля?

— Я только представитель другого человѣка, сэръ, отвѣчалъ жидъ очень тихо:—я только исполняю приказанія моего хозяина. Не мой капиталъ въ дѣлѣ и не я пользуюсь барышами.

— Ха-ха-ха, засмѣялся Фледжеби:—а Ламль, ха-ха-ха!

— Ха-ха! отвѣчалъ такимъ же смѣхомъ Ламль. — Да, да, конечно. Мы знаемъ.

— Чертовски хорошо, Ламль! Ха-ха-ха! продолжалъ Фледжеби въ восторгѣ отъ никому непонятной шутки.

— Всегда одно и то же, отвѣчалъ Ламль:—мистеръ...

— Ріа, Пубсей и К^о изъ прихода св. Маріи, подсказалъ Фледжеби, отирая слезы, выступившія на его глазахъ—до того онъ радовался своей таинственной шуткѣ.

— Мистеръ Ріа обязанъ соблюдать формы, однажды на всегда установленныя для подобныхъ дѣлъ, сказалъ Ламль.

— Онъ только представитель другаго лица! воскликнулъ Фледжеби:—дѣлаетъ то, что ему велитъ его хозяинъ? Не его капиталъ въ дѣлѣ! Ха-ха-ха! Это ужъ слишкомъ! Ха-ха-ха!

Мистеръ Ламль присоединился къ Фледжеби, и они впродолженіе нѣсколькихъ минутъ вмѣстѣ хохотали; при этомъ Ламль

очень многозначительно, какъ-бы знаючи, подмигиваль Фледжеби, что еще болѣе увеличивало прелесть его шутокъ.

— Однако, произнесъ наконецъ очаровательный, снова отирая глаза:—если мы будемъ такъ продолжать, то пожалуй сочтутъ, что мы надсмѣхаемся надъ мистеромъ Ріа или Пубсей и К^о, или тамъ надъ кѣмъ-нибудь другимъ, тогда какъ мы очень далеки отъ подобнаго намѣренія. Мистеръ Ріа, еслибъ вы были такъ добры подождать въ слѣдующей комнатѣ, пока я скажу два слова мистеру Ламлю, то я бы еще разъ постарался на чемъ-нибудь съ вами покончить.

Старикъ, который во все время, что продолжалась шутка Фледжеби, ни разу не поднялъ глазъ, молча поклонился и прошелъ въ дверь, которую очаровательный отворилъ для него. Закрывъ ее, Фледжеби воротился къ Ламлю, который стоялъ спиною къ камину и щипаль безжалостно свои бакенбарды.

— Ну! поспѣшно произнесъ Фледжеби:—что-нибудь неладно.

— Вы почему знаете? спросилъ Ламль.

— Довольно на васъ посмотрѣть, отвѣчалъ очаровательный.

— Ну такъ дѣйствительно, неладно, да не что-то, а все.

— Какъ? медленно произнесъ Фледжеби, садясь въ кресла и устремивъ глаза на своего пріятеля.

— Я вамъ говорю, Фледжеби, повторилъ Ламль, махая правой рукой:—все неладно. Игра проиграна.

— Какая игра проиграна? такъ же медленно, но мрачнѣе спросилъ Фледжеби.

— Игра. Наша игра. Прочтите.

Фледжеби взялъ записку и прочелъ въ слухъ: «Адольфъ Ламлю, эсквайру. Сэръ, позвольте мистриссъ Подзнапъ и мнѣ выразить, какъ глубоко мы чувствуемъ то вниманіе, которое мистриссъ Ламль и вы оказываете нашей дочери Джорджіанѣ. Позвольте намъ также отказаться отъ этого вниманія впредь и сообщить вамъ наше твердое желаніе, чтобъ наши семейства прекратили съ сего времени всякое знакомство. Честь имѣю, сэръ, оставаться вашимъ покорнѣйшимъ и преданнымъ слугою *Джонъ Подзнапъ*». Фледжеби молча посмотрѣлъ на три бѣлыя страницы записки и потомъ точно такъ же молча взглянулъ на Ламля, который снова махнулъ рукой.

— Чья это работка? спросилъ очаровательный.

— Невозможно отгадать, отвѣчалъ Ламль.

— Быть можетъ, замѣтилъ Фледжеби задумчиво:—кто нибудь заговорилъ дурнаго о васъ Подзнапамъ.

— Или о васъ, прибавилъ Ламль, злобно улыбнувшись.

Мистеръ Фледжеби только что приготовлялся сказать кажу-

то колкость, какъ онъ нечаянно тронулъ рукою носъ, и вспомнивъ нѣчто касавшееся его носа, закрылъ его рукой и задумался. Ламль слѣдилъ за нимъ изподлобья.

— Ну, произнесъ наконецъ Фледжеби: — болтовней не поможешь. Если мы когда нибудь найдемъ человѣка, кто это сдѣлалъ, то воздадимъ ему съ лихвою. Нечего болѣе и говорить объ этомъ; развѣ только замѣтить, что вы взялись сдѣлать то, что обстоятельства не позволяютъ вамъ исполнить.

— И что вы взялись сдѣлать то, что могли исполнить, еслибъ поскорѣе пользовались обстоятельствами и не терали времени, промолвилъ сквозь зубы Ламль.

— Гм! Это еще вопросъ, отвѣчалъ Фледжеби, заложивъ руки въ карманы своихъ турецкихъ шароваръ.

— Мистеръ Фледжеби, началъ Ламль грознымъ тономъ:—долженъ ли я изъ этого понять, что вы считаете меня виноватымъ въ этомъ дѣлѣ или что вы недовольны моими дѣйствіями?

— Нимало, если вы только принесли вексель, данный мною вамъ, на случай успѣшнаго окончанія дѣла.

Ламль вынулъ изъ кармана вексель и подаль его, хотя и не очень охотно. Фледжеби посмотрѣлъ на подпись, призналъ ее за свою и бросилъ бумагу въ огонь. Они оба молча смотрѣли на нее пока она сгорѣла и въ видѣ пепла улетѣла въ трубу.

— Ну, мистеръ Фледжеби, сказалъ Ламль:—долженъ ли я понять, что вы бросаете на меня какую-нибудь тѣнь или недовольны мною въ этомъ дѣлѣ?

— Нѣтъ.

— Положительно и окончательно нѣтъ?

— Да, да.

— Фледжеби, вотъ моя рука.

Очаровательный взялъ протянутую ему руку и произнесъ:

— Если мы когда нибудь найдемъ человѣка, сдѣлавшаго это, воздадимъ ему съ лихвою. Теперь позвольте мнѣ вамъ сказать два слова, самымъ дружественнымъ образомъ. Я не знаю вашихъ денежныхъ обстоятельствъ и не спрашиваю о нихъ, но вы понесли въ этомъ дѣлѣ потерю. Многіе люди часто не по своей винѣ запутываются въ своихъ дѣлахъ и вѣдь это можетъ случиться съ вами, конечно, оно можетъ и не случиться. Но во всякомъ случаѣ, что бы вы ни дѣлали, въ какомъ бы вы положеніи ни были, Ламль, никогда не попадайтесь въ руки Пубсей и К^о., что сидитъ въ сосѣдней комнатѣ. Они просто грабители, они высосутъ изъ васъ послѣднюю каплю крови, любезный Ламль, прибавилъ Фледжеби съ особеннымъ удовольствіемъ, которое онъ конечно старательно скрывалъ: — они сдерутъ съ васъ кожу ио вершеч-

камъ, отъ макушки и до пятокъ, они сотрутъ въ порошокъ каждую вашу косточку. Вы видѣли, что за человекъ мистеръ Ріа. Никогда не попадайтесь имъ въ руки, Ламль, я прошу васъ, какъ друга.

Мистеръ Ламль, выказывая нѣкоторый испугъ при такомъ торжественномъ заклинаніи, спросилъ:—на кой чортъ ему когда-нибудь попадать въ руки Пубсей и К.?

— По правдѣ сказать, меня очень обезпокоило, какъ жидъ взглянулъ на васъ, услыхавъ ваше имя, отвѣчалъ добродушный Фледжеби:—мнѣ не понравился его взглядъ, но вѣдь это, можетъ быть, мнѣ только такъ показалось. Конечно, если вы увѣрены, что по свѣту не гуляетъ вашихъ векселей, которыхъ вы не въ состояніи уплатить, и которые могли попасть въ его руки, то вамъ нечего безпокоиться и я навѣрно ошибся. Но какъ хотите, все же его взглядъ мнѣ очень не понравился.

Ламль очень мрачно задумался и на его толстомъ носу показались быстро перебѣгавшія съ мѣста на мѣсто бѣлыя пятна, словно его щипалъ какой-то невидимый чертенокъ. Низкое, можно сказать подлое, лицо Фледжеби подергивало чѣмъ-то въ родѣ злобной улыбки, онъ пристально слѣдилъ за Ламлемъ и невольно казался тѣмъ самымъ невидимымъ мучителемъ, который такъ безжалостно преслѣдовалъ Ламля.

— Однако, я не долженъ очень его задерживать, сказалъ Фледжеби:—или онъ отомститъ за это на моемъ бѣдномъ пріятелѣ. Какъ здоровье вашей умной и пріятной жены? Она знаетъ, что все кончено?

— Я показалъ ей письмо.

— Она очень удивилась? спросилъ Фледжеби.

— Я думаю, она еще болѣе удивилась бы, еслибы вы принялись за дѣло пожизне, отвѣчалъ Ламль.

— А! Значить, она взваливаетъ всю вину на меня?

— Мистеръ Фледжеби, я не позволю извращать моихъ словъ.

— Не выходите изъ себя, Ламль, отвѣчалъ смиреннымъ тономъ Фледжеби:—это вовсе не нужно. Я только спросилъ, взваливаетъ ли она всегда вину на меня, вотъ и все.

— Нѣтъ, сэръ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Фледжеби, заключая изъ этихъ словъ, что мистриссъ Ламль дѣйствительно обвиняла его:—вляйтесь ей отъ меня. Прощайте.

Они пожали другъ другу руки и Ламль вышелъ изъ комнаты очень задумчивый, мрачный. Фледжеби, проводивъ его до лѣстницы, возвратился къ огню.

— У тебя, голубчикъ, бавенбарды, которые мнѣ никогда не

правилсь, бормоталъ себѣ подъ носъ Фледжеби: — и которыхъ нельзя купить за деньги. Ты хвалишься своимъ манерами и краснорѣчьемъ, ты хотѣлъ меня провести, и по твоей милости я потерпѣлъ неудачу, въ которой я самъ виноватъ, по мнѣнію твоей жены. Погоди, я тебя подкошу, хотя у меня и нѣтъ ни манеръ, ни краснорѣчія, ни бакенбардъ, прибавилъ очаровательный, проводя рукою по тому мѣсту, гдѣ они должны были расти.

Успокоивъ себя подобнымъ образомъ, Фледжеби влинулся старинку Ріа, ожидавшему въ сосѣдней комнатѣ: «Сэръ, а сэръ, пожалуйте сюда!» При видѣ мистера Ріа, онъ не могъ не сравнить его скромный, смиренный видъ съ тѣми качествами, которыя онъ ему только-что приписывалъ, и снова покатился со смѣху: «Отлично! Право, неподобно! Ай-да шутка! Ха-ха-ха!»

— Ну, старина, продолжалъ Фледжеби, когда онъ нахохотался вдоволь:—вы скупите тѣ партіи векселей, которыя я вотъ означу карандашомъ, и потомъ я готовъ биться объ закладъ, вы начнете сосать этимъ христіанъ, какъ подобаешь вашему брату жиду. Потомъ вамъ нужна, или вы говорите, что вамъ нужна отъ меня чека, потому что я убѣжденъ, что у васъ есть капитадецъ, хотя вы прежде дадите себя жарить и съѣсть, чѣмъ признаетесь въ этомъ— ну, дѣлать нечего, я чеку-то вамъ напишу.

Съ этими словами онъ отперъ ящикъ, изъ котораго вынулъ ключъ, и отперъ имъ другой ящикъ, снова досталъ новый ключъ и отперъ новый ящикъ, гдѣ хранилась книжка съ чеками. Вынувъ ее, онъ вырвалъ листокъ, подписалъ его и снова заперъ книжку тремя замками.

— Ну, старина, сказалъ онъ, отдавая ему чеку, которую тотъ спряталъ въ свой бумажникъ:—довольно теперь о моихъ дѣлахъ: поговоримъ-ка о другомъ, что прямо до меня не касается. Гдѣ она?

Не успѣвъ еще застегнуть своего верхняго платья, въ боковомъ карманѣ котораго онъ спряталъ бумажникъ, Ріа остановился въ изумленіи.

— Ага! воскликнулъ Фледжеби: — вы этого не ожидали. Куда же вы ее припрятали?

Ясно выказывая, что его схватили врасплохъ, старикъ посмотрѣлъ съ замѣтнымъ смущеніемъ на своего господина, который, казалось, очень этимъ былъ доволенъ.

— Находится она въ домѣ, который я нанимаю подлѣ церкви св. Маріи? снова спросилъ Фледжеби.

— Нѣтъ, сэръ.

— Или она въ саду на крышѣ—играетъ въ смерть или какую другую дурацкую игру? продолжалъ допрашивать очаровательный.

— Нѣтъ, сэръ.

Т. СЛХ. — Отд. 1.

— Такъ гдѣ же она?

Ria опустилъ глаза, словно размышляя, могъ ли онъ отвѣчать не нарушая даннаго слова, и потомъ безмолвно взглянулъ на своего господина, какъ-бы говоря, что совѣсть заставляетъ его молчать.

— Ну-ну, я не стану очень-то допытываться, произнесъ Фледжеби:—но я желаю знать одно, и это я требую, чтобы вы мнѣ сказали: какую вы роль тутъ играете?

Старикъ не понимая, на что намекаетъ Фледжеби, безмолвнымъ движеніемъ головы и рукъ просилъ объясненія.

— Вѣдь не можете же быть, чтобы вы ухаживали за этой дѣвчонкой, продолжалъ Фледжеби: — вы старій плутъ, дряхлый патріархъ! Не можете же вы быть влюблены въ Лизи?

— Ахъ, сэръ! сэръ! сэръ! воскликнулъ Ria.

— Такъ зачѣмъ же вы не признаетесь, по какой причинѣ вы запустили свою лапку въ эту исторію, отвѣчалъ Фледжеби, слегка покраснѣвъ.

— Сэръ, я вамъ скажу всю правду; но, простите меня, что я вамъ смѣю предлагать условія, вы сохраните это втайнѣ, я вамъ повѣрю эту тайну только на честное слово.

— Честное слово у жидовъ! воскликнулъ Фледжеби съ презрѣніемъ:—ну, ну, рассказывай.

— На честное слово, сэръ? повторилъ торжественно старикъ.

— Конечно. Честное слово, отвѣчалъ Фледжеби.

Старикъ, котораго ни разу не приглашали сѣсть, положилъ руку на стулъ молодаго человѣка и продолжалъ почтительно стоять, пока тотъ смотрѣлъ на огонь, ожидая съ любопытствомъ разсказа и приготовляясь поймать его и срѣзывать на каждомъ шагѣ.

— Ну, говорите же, воскликнулъ онъ:—да начинайте съ причины, которая побуждаетъ васъ дѣйствовать.

— Сэръ, у меня нѣтъ другой причины, какъ желаніе помочь нуждающимся въ помощи.

Мистеръ Фледжеби могъ выразить впечатлѣніе, произведенное на него этими неожиданными словами, только презрительно щелкнуть языкомъ.

— Какъ я узналъ и сталъ уважать эту дѣвицу, я вамъ уже объяснилъ, когда вы увидѣли ее въ моемъ бѣдномъ садикѣ на крышѣ дома.

— Неужели? сомнительно произнесъ очаровательный:—врочемъ, можетъ быть.

— Чѣмъ больше я ее зналъ, тѣмъ болѣе интересовался всѣмъ, что ея касается. Обстоятельства привели ее, наконецъ, къ кризису. Я нашелъ ее въ самомъ затруднительномъ положеніи:

съ одной стороны ее преслѣдовалъ неблагодарный, себялюбивый братъ и непризнанный вздыхатель, съ другой—иной вздыхатель, гораздо могущественнѣе перваго, окружалъ ее опаснѣйшими сѣтми обоюдной любви.

— Такъ она повисла на шею одному изъ молодцовъ?

— Очень естественно, что она его полюбила, онъ имѣлъ много хорошихъ качествъ, но онъ былъ неравнаго съ нею положенія въ свѣтѣ и никогда не думалъ на ней жениться. Опасности окружали ее со всѣхъ сторонъ, черныя тучи окружали ее небосклонъ—тогда я, который слишкомъ старъ и дряхлъ, какъ вы изволили выразиться, чтобы во мнѣ могли подозрѣвать другія чувства къ ней, какъ отцовскую любовь—я посоветовалъ ей спастись бѣгствомъ. Я сказалъ: «Дочь моя, есть минуты нравственной опасности, когда самое высокое, добродѣтельное дѣло — бѣгство, когда самый храбрый, мужественный шагъ—то же бѣгство». Она отвѣчала, что сама объ этомъ думала, но куда бѣжать? безъ помощи ей этого сдѣлать было невозможно, а у ней не было никого, кто бы ей помогъ. Я отвѣчалъ, что одинъ я могу ей оказать эту помощь—и она бѣжала.

— Что вы съ ней сдѣлали? спросилъ Фледжеби.

— Я помѣстилъ ее далеко, отвѣчалъ старикъ:—очень далеко—и онъ при этомъ описалъ рукой дугу—у моихъ соплеменниковъ, гдѣ она будетъ жить своимъ трудомъ, внѣ всякой опасности.

Фледжеби замѣтилъ движеніе руки старика и, повторивъ его, воскликнулъ, качая головою:

— Вы помѣстили ее въ томъ направленіи? о, круглый хитрецъ.

Ріа не отвѣчалъ ни слова и Фледжеби не сталъ спрашивать болѣе, куда именно помѣстилъ Ріа молодую дѣвушку, ибо онъ зналъ, что не поколеблетъ въ этомъ отношеніи твердой рѣшимости старика.

— Лизи, промолвилъ Фледжеби:—хм, Лизи—вы мнѣ не сказали ея фамиліи, когда я засталъ ее у васъ въ саду, но я буду откровеннѣе васъ и скажу, что знаю, какъ ее зовутъ—Лизи Гексамъ.

Ріа молча наклонилъ голову въ знакъ согласія.

— Знаете, сэръ, продолжалъ Фледжеби:—мнѣ кажется, я знаю кое-что и о счастливомъ вздыхателѣ. Онъ вѣдь адвокатъ?

— Да, онъ, кажется, пользуется этимъ званіемъ, но только номинально.

— Я такъ и думалъ. А зовутъ его Лайтвудомъ?

— Нимало.

— Ну, ну старина, воскликнулъ Фледжеби, взглянувъ на него:—говорите скорѣе имя.

— Вребурнь.

— Боже мой! произнесъ Фледжеби:— такъ это онъ. Я очень подозрѣвалъ Лайтвуда, но объ этомъ никогда и не помышлялъ. Я бы не прочь былъ, еслибъ вы бы обошли любого изъ нихъ: ужь очень они хитры на взглядъ; но такого скрытнаго человѣка, какъ вашъ Вребурнь, я и не видывалъ. Къ тому же онъ имѣетъ бороду и очень ей гордится. Хорошо, старина, хорошо. Продолжайте какъ начали, я вамъ желаю полного успѣха.

Обрадованный этой неожиданной похвалой, Ріа спросилъ: нѣтъ ли еще какихъ приказаній?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Фледжеби:— вы можете теперь убираться, старый жидъ, и пытаться тѣми приказаніями, которыя уже вамъ дали.

При этихъ милостивыхъ словахъ, старикъ взялъ свою широкую шляпу и посохъ и удалился изъ комнаты; прощаясь съ своимъ хозяиномъ, онъ казался скорѣе какимъ-то высшимъ существомъ, благословляющимъ Фледжеби, чѣмъ бѣднымъ слугою, откланнивающимся передъ своимъ господиномъ. Оставшись одинъ, Фледжеби заперъ дверь на лѣстницу и снова воротился къ камину.

«Молодецъ Фледжеби, хорошо ты ведешь дѣла», говорилъ онъ самъ себѣ: «правда, ты непроворенъ, идешь тихо, да вѣрно.» Повторивъ раза три тѣ же слова, онъ продолжалъ разсуждать самъ съ собою: «а ловкую шутку я сдѣлалъ, нечего сказать, жидъ перехитрилъ. Небось, когда я услышалъ исторію объ исчезновеніи этой дѣвочки, я не накинулъ съ-разу на старика, а повелъ дѣло помаленьку; я не люблю прыжковъ». (Въ этомъ онъ былъ совершенно правъ; онъ никогда въ жизни не дѣлалъ смѣлыхъ свачковъ, не бралъ ничего съ бою, а подкрадывался ко всему на четверенькахъ и завладѣвалъ хитростью или обманомъ).

«Я помаленьку вывѣдалъ все отъ него. Еслибъ Ламль или Лайтвудъ наткнулись бы на него, то они, конечно, спросили бы прямо, принималъ ли онъ какое нибудь участіе въ бѣгствѣ молодой дѣвушки. Я поступилъ гораздо лучше и съ разу поразилъ его, давъ почувствовать, что все знаю. О! противъ меня и жидъ ничего не сдѣлаетъ. Что жъ касается до христіанъ, берегитесь, братія христіане, особенно тѣ, которыхъ векселя ходятъ по бѣлу свѣту! У меня теперь ихъ въ рукахъ порядочное количество, и я задамъ вамъ себя знать. Ужь одно то, что можешь дѣлать, что угодно съ своими ближними, ни мало неподозрѣвающими твоей власти — такое удовольствіе, что стоило бы за него и дорого заплатить. А когда еще этпмъ путемъ и копейку высосешь пзъ васъ же, голубчикъ, такъ ужь это такое дѣлье, что мое почтеніе!

Съ этими словами мистеръ Фледжеби приступилъ къ своему утреннему туалету. Онъ снялъ свое турецкое облаченіе и надѣлъ христіанскую одежду; совершилъ свои обычныя умовенія и очень тщательно вымазалъ себѣ обѣ щеки и подбородокъ самымъ лучшимъ, вѣрнымъ средствомъ для рошенія волосъ (потому что очаровательный Фледжеби вѣрилъ однимъ только мудрецамъ на свѣтѣ, кромѣ, конечно, ростовщиковъ — шарлатанамъ, обѣщавшимъ исполнить его завѣтную мечту — выростить, на безплодной почвѣ его лица, густой лѣсъ бакенбардъ и бороды). Совершивъ все это, Фледжеби вышелъ на улицу и густой туманъ принялъ и скрылъ его въ своихъ хладныхъ мрачныхъ объятіяхъ. Еслибъ онъ никогда не выпускалъ его изъ этихъ объятій, то міръ не понесъ бы великой потери и легко замѣнилъ бы одного Фледжеби, другимъ подобнымъ же Фледжеби.

II.

Почтенный другъ съ новой точки зрѣнія.

Вечеромъ въ тотъ же туманный день, когда желтая занавѣска въ конторѣ Пубсей и К^о была опущена и работа кончена, старикъ Ріа снова вышелъ на улицу. Но теперь онъ не несъ мѣшка и не шелъ по дѣламъ своего хозяина. Перейда чрезъ Лондонскій мостъ, онъ снова воротился на Мидльсекскій берегъ Вестминстерскимъ мостомъ, и такъ продолжалъ свой путь до тѣхъ поръ, пока очутился у порога жилища кукольной швеи.

Миссъ Ренъ ожидала его. Онъ видѣлъ въ окошко, какъ она сидѣла передъ огнемъ, едва мерцавшемъ изъ-подъ золы, которой она прикрыла уголья, чтобы они медленнѣе горѣли. Она была уже въ шляпѣ и полудремала, погружившись въ свои мысли; она очнулась отъ легкаго толчка въ окно и поспѣшила отворить дверь, стуча своимъ маленькимъ костьюлемъ.

— Добраго вечера, крестная, сказала она старику.

Онъ засмѣялся и подаль ей руку, чтобы она на нее уперлась.

— Не войдете ли вы погрѣться, крестная маменька? спросила миссъ Джени Ренъ.

— Нѣтъ, если вы только готовы, милая моя Сандрильйона.

— Ну, воскликнула въ восторгѣ миссъ Ренъ: — вы дѣйствительно умный старина! Еслибъ мы давали призы въ нашемъ заведеніи, то вы бы получили первую серебряную медаль за то, что вы такъ скоро меня поняли.

Говоря это, миссъ Ренъ вынула ключъ отъ наружной двери, спрятала его въ карманъ и захлопнула дверь изо всей силы.

Убѣдившись, что ее открыть нельзя, она одной рукой оперлась на старика, а другой взяла костыль; но ключъ былъ такой громадный, что прежде чѣмъ они двинулись, Ріа предложилъ его понести.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я сама понесу, отвѣчала миссъ Ренъ:— Я ужасно валя и всегда наклонена на одну сторону, а тяжелый ключъ будетъ оттягивать и уравновѣситъ корабль. Вѣдь надо вамъ сказать секретъ, крестная: у меня карманъ-то нарочно съ высокой стороны.

Тутъ они отправились въ путь и медленно заковыляли.

— Да, честь вамъ дѣлаетъ, крестная, что вы меня такъ скоро поняли, начала снова миссъ Ренъ, съ видимымъ сочувствіемъ:— но вы ужасно походите на крестныхъ маменокъ, колдуній, о которыхъ пишутъ въ маленькихъ книжкахъ. Вы какъ-то отличаетесь отъ всѣхъ другихъ людей и точно приняли свою фигуру только въ данную минуту и съ благой цѣлью. Да, да, крестная, воскликнула миссъ Джени, прижимаясь къ самому лицу старика:— я вижу сквозь вашу маску и привязную бороду ваше настоящее лицо.

— Ну, а я могу дѣлать чудеса и измѣнять окружающіе предметы, или ваша фантазія не идетъ такъ далеко?

— Еще бы! Еслибъ вы только взяли мою палку и ударили ею по мостовой — вонъ по тому грязному камню — онъ тотчасъ обратился бы въ карету шестерней. Это такъ, я вѣрю и вы вѣрьте.

— Всей душой готовъ вѣрить, отвѣчалъ добрый старикъ.

— И знаете, что вы должны сдѣлать для меня, крестная. Я буду васъ просить, очень просить, чтобъ вы дотронулись жезломъ до моего ребѣнка и совершенно измѣнили его. Онъ такой нехорошій, нехорошій ребѣнокъ, особливо въ послѣднее время онъ совершенно вывелъ меня изъ терпѣнія. Я не знаю, что съ нимъ дѣлать. Въ цѣлые десять дней ни разу не принялся за работу. И потомъ онъ бѣсился, воображая, что хотять его бросить четыре залитыхъ мѣдью воина, въ огненную печь.

— Однако, это опасно, Джени.

— Опасно, крестная? Мой гадкій ребѣнокъ всегда грозитъ мнѣ какой-нибудь опасностью. Почему я знаю, можетъ, онъ въ эту самую минуту домъ поджигаетъ, и она обернулась, чтобъ посмотреть, нѣтъ ли на небѣ зарева.—Я, право, не знаю, кто послѣ такого примѣра захочетъ имѣть дѣтей! И какъ ни толкаешь его, ничего не помогаетъ. Ужъ я его толкала-толкала, даже изъ силъ выбилась, и все повторяла: — отчего ты не поступаешь по запо-

вѣдѣть и не уважаешь родителей, гадкій ребѣнокъ? Онъ только хныкалъ все время и молча смотрѣлъ на меня.

— Ну, а послѣ него, что еще надо измѣнить? спросилъ Ріа шутливымъ голосомъ.

— Я, право, боюсь признаться; но послѣ него надо принаться за меня, хотя это и очень эгоистично съ моей стороны. Я попрошу уже васъ, крестная, выправить мою спину и ноги. Для васъ, съ вашимъ могуществомъ, это бездѣлица, а для меня—важное дѣло, вѣдь мнѣ иногда очень больно.

Въ этихъ словахъ неслышно было никакой жалобы, никакого ропота; но тѣмъ не менѣе они неволью тронули старика.

— Ну, а потомъ? спросилъ онъ.

— Да вы сами знаете, крестная. Мы оба сядемъ въ карету шестерней и покатимъ къ Лизи. Это напоминаетъ мнѣ, что я хотѣла у васъ спросить очень важную вещь. Вы мудры, какъ нельзя быть мудрѣе, ибо васъ нянчили феи, такъ скажите—что лучше: имѣть хорошую вещь и потерять ее, или вовсе не имѣть ее?

— Объясните, милая крестница.

— Я чувствую себя теперь безъ Лизи гораздо болѣе одинокой; мнѣ гораздо скучнѣе и грустнѣе, чѣмъ прежде, когда я ее еще не знала. (Слезы показались на глазахъ Джени при этихъ словахъ).

— Всякій, милая моя, лишается въ жизни кого нибудь дорогаго, любимаго, произнесъ торжественно старикъ:— я потерялъ жену, красавицу дочь и надежду сына, но все же счастье было.

— Ахъ! тихо-задумчиво промолвила Джени, ни мало, однако, неубѣжденная словами старика:— въ такомъ случаѣ я вамъ скажу, съ чего надо начать ваши чудесный превращенія: обратите есть въ было и было въ есть, да закрѣпите навсегда что было, чтобъ оно никогда не уничтожилось.

— А для васъ было-ли бы это хорошо? Вѣдь тогда вы бы вѣчно страдали и мучились!

— Правда! воскликнула миссъ Рень:— вы уже сдѣлали меня гораздо умнѣе, хотя по истинѣ сказать, на это не требовалось много труда, прибавила она, и глаза ея заблестѣли и подбородокъ какъ-то вытянулся впередъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они перешли черезъ Вестминстерскій мостъ, и прошли по тѣмъ самымъ улицамъ, по которымъ такъ недавно шелъ Ріа; но очутившись на Лондонскомъ мосту, они свернули въ другую сторону и углубились въ густой туманъ, покрывавшій весь берегъ.

Но прежде еще этого Джени вдругъ остановила своего стараго

проводника передъ блѣстательно-освѣщенными окнами игрушечнаго магазина.

— Вотъ посмотрите, воскликнула она: — все моя работа.

Эти слова относились къ блестящему ряду куколъ, сѣвшихъ всѣми цвѣтами радуги и разодѣтыхъ по послѣдней модѣ и самымъ разнообразнѣйшимъ образомъ. Тутъ были туалеты и придворные, и балльные, и выѣздные, и гуляльные, и вѣнчальные, и амазонки, и всякіе-всякіе другіе: «Красиво, очень красиво!» сказала старикъ, хлопая въ ладоши: «и съ какимъ вкусомъ все отдѣлано!»

— Очень рада, что вамъ нравится, торжественно произнесла миссъ Ренъ: — но всего смѣшнѣе и забавнѣе, какъ я примѣряю свои платья на велпкосвѣтскихъ барыняхъ, хотя, правда, это самая трудная часть моихъ занятій, особливо съ моей спиной и ногами.

Старикъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ, не понимая, что она хотѣла сказать.

— Вѣдь мнѣ приходится рысать по городу во всякое время дня и ночи, продолжала Дженн: — еслибъ я могла сидѣть за своей скамейкой и броть да шить, такъ дѣло было бы легкое; но всего мучительнѣе эта примѣрка, эта возня съ барынями.

— Какъ, примѣрка?

— Какая же вы, однако, непонятная, крестная маменька, отвѣчала миссъ Ренъ: — слушайте! приемъ ли при дворѣ, или праздникъ въ паркѣ, или выставка, или большой балъ, гдѣ бы то ни было, я тутъ какъ тутъ; проберусь въ толпѣ и смотрю въ оба. Какъ только я увижу на какой-нибудь барынь подходящій для меня туалетъ, я тотчасъ пристально все высмотрю и бѣгу домой. Тамъ тотчасъ за работу: выкрою, сошью, пригону, да на слѣдующій разъ уже и прихожу примѣрять. Тогда я все и высматриваю свою барыню, которая часто замѣчаетъ, какъ я на нее пристально смотрю, но онѣ это любятъ, конечно не всѣ, но большинство. Пока она-то удивляется, отчего на нее такъ глазѣетъ нищая дѣвчонка, а я себѣ и говорю: — тутъ уточать, тамъ прибавить и т. д.—однимъ словомъ, примѣряю на ней платье по всѣмъ правиламъ. Вотъ балы для меня всего мучительнѣе; во первыхъ, потому, что видишь плохо въ торопяхъ въ маленькую дверь или ворота; а вовторыхъ, часто приходится бѣгать между лошадьми и меня когда-нибудь да задавать; но все же здѣсь есть порядочная выставка и балльныхъ нарядовъ. Эти барыни, выскакивая изъ экипажа и взбѣгая по лѣстницѣ, иногда замѣчаютъ мое лицо, высунувшееся изъ-за локтя какого-нибудь полисмена, и, вѣроятно, думаютъ, что я восхищаюсь ими и зави-

дую имъ, а, конечно, никому и въ голову не придетъ, что они работаютъ на монхъ куколь! Есть бабая-то леди Беллида Вайт-розъ; я ее однажды заставила въ одну ночь нести двѣ службы. Какъ только я ее увидѣла, выходящей изъ кареты, я тотчасъ сказала: «ты годишься, милая», и съ мѣстѣ побѣжала домой и сдѣлала выкройку. Когда это было готово, я вернулась назадъ, и ждала разъѣзда. Очень была холодная, свѣрная погода, но вотъ наконецъ кричатъ: «варету леди Беллиды Вайт-розъ!» Я тотчасъ за примѣрку и ужъ помучила ее порядочно; она садилась въ карету. Вотъ она виситъ, за талью, поскани внутрь. Напрасно только восбовую куклу ставить такъ близко къ огню.

Пройдя порядочное пространство по берегу, Ріа спросилъ у проходящихъ, какъ найти кабачокъ подъ выѣской «Шесть Веселыхъ Товарищей». Слѣдуя данному указанію, они послѣ двухъ или трехъ остановокъ, очутились наконецъ на порогѣ владѣній миссъ Аббэ Потерсонъ. Сквозь стеклянную часть двери они могли видѣть миссъ Аббэ, возсѣдавшую торжественно посреди всего великолѣпія буфета съ газетой въ рукахъ. Ріа отворилъ дверь и они почтительно предстали передъ нею.

Поднявъ глаза и остановившись, какъ-бы недоумѣвая, не слѣдуетъ ли ей кончить параграфъ, прежде чѣмъ пріиняться за всякое другое дѣло, миссъ Аббэ очень недовольнымъ тономъ спросила:

— Ну, что вамъ нужно?

— Нельзя ли намъ видѣть миссъ Потерсонъ? сказалъ старикъ Ріа, снимая шляпу.

— Нетолько что можно, но вы ее уже видите, отвѣчала хозяйка.

— Вы позволите сказать вамъ два слова?

Замѣтивъ маленькую фигурку Джени Рэнъ, миссъ Аббэ такъ ею заинтересовалась, что положила въ сторону газету и встала, чтобъ лучше разсмотрѣть ее черезъ отверстіе надъ прилавкомъ. Костыль, казалось, безмолвно просилъ, чтобъ его бѣдную, маленькую госпожу пустили погрѣться въ камину и миссъ Аббэ, словно отвѣчая на просьбу костыля, громко сказала:

— Да, войдите и присядьте у огонька.

— Меня зовутъ Ріа и я занимаюсь дѣлами въ Сити, произнесъ старикъ, почтительно кланаясь. — Моя юная сопутница, ..

— Позвольте! воскликнула миссъ Рэнъ: — я лучше дамъ этой барниѣ свою карточку.

Съ этими словами она подала карточку, доставъ ее изъ кармана послѣ довольно продолжительной борьбы съ громаднымъ

ключомъ, занимавшимъ весь карманъ; миссъ Аббэ съ видимымъ изумленіемъ взяла миниатюрный документъ и прочла слѣдующее:

Миссъ Джени Ренъ.

Кукольная швей.

Одѣваетъ куколъ по приглашенію.

— Боже мой! воскликнула миссъ Потерсонъ, широко открывъ глаза отъ удивленія и ровня карточку.

• — Мы осмѣлились васъ безпокоить, сударыня, началъ Ріа: — чтобъ исполнить порученіе Лизи Гексамъ.

Миссъ Потерсонъ, которая только что нагнулась, чтобъ развязать шляпку кукольной швей, гнѣвно взглянула на старика.

— Лизи Гексамъ очень гордая молодая дѣвушка.

— Она хотѣла бы гордиться тѣмъ, что вы ее уважаете, отвѣчалъ смѣло Ріа:—и потому прежде, чѣмъ уѣхать изъ Лондона...

— Куда, ужъ не на мысь ли Доброй Надежды? воскликнула миссъ Патерсонъ, полагавшая почему-то, что она вѣрно эмигрировала.

— Въ провинцію, отвѣчалъ съ замѣчательною осторожностью Ріа:—и передъ отъѣздомъ она взяла съ насъ слово, что мы придемъ сюда и покажемъ вамъ бумагу, которую она оставила намъ нарочно для этой цѣли. Я—преданный ея другъ, хотя и узналъ ее недавно, только съ тѣхъ поръ, что она переѣхала изъ вашего околотка. Она жила долгое время у моей спутницы и была ей лучшимъ другомъ и помощникомъ, а повѣрите, прибавилъ онъ вполголоса: — это бѣдное созданіе очень нуждается въ помощи. Если бы вы знали все, то легко бы мнѣ повѣрили.

— Я и такъ вѣрю, отвѣчала миссъ Аббэ, бросая нѣжный взглядъ состраданія на маленькую фигурку кукольной швей.

— И если тотъ человекъ гордъ, кто имѣетъ нѣжное сердце, ничѣмъ невозмутимое терпѣніе и самое ловкое умѣніе обходиться съ больными, то, конечно, она горда, воскликнула Джени, вся вспыхнувъ:—а если нѣтъ, то нѣтъ.

Ея смѣлая выходка, ея рѣзкое противорѣчіе миссъ Аббэ ни мало не оскорбило эту почтенную даму, напротивъ, оно вызвало самую милостивую улыбку.

— Вы хорошо дѣлаете, дитя мое, сказала она: — что заступаете за тѣхъ, кто достоинъ этого.

— Хорошо или худо, промолвила едва слышно миссъ Джени:—только я намѣрена такъ поступать, и вы это знайте, старуха.

— Вотъ бумага, сударыня, сказалъ Ріа, подавая документъ, написанный Рокситомъ и подписанный Ридергудомъ: — не будете ли вы такъ добры, чтобъ прочитать его?

— Но прежде всего, отвѣчала миссъ Аббэ, обращаясь къ Джени:—отвѣдывали ли вы когда нибудь *шрубъ*? (*)

Миссъ Ренъ покачала отрицательно головой.

— Желали ли бы отвѣдать?

— Да, если вкусно, отвѣчала кувольная швея.

— Я вамъ дамъ попробовать, и если вамъ понравится, то я вамъ сдѣлаю этого питья, смѣшавъ съ горячей водой. Протяните ваши бѣдныя ножки на рѣшотку. Ужасно холодная ночь и такъ сыро. Съ этимъ миссъ Аббэ помогла Джени повернуть стулъ, при чемъ ея шляпка упала на полъ.

— Ахъ, какіе прелестныя волоса, воскликнула миссъ Аббэ: — да и какое множество, ихъ хватить на парики всѣмъ кукламъ на свѣтѣ.

— Это вы называете множествомъ, отвѣчала миссъ Ренъ: — фи! Что же вы скажете объ остальныхъ волосахъ? И она, говоря это, развязала ленту и золотистый дождь упалъ на ея плечи, и скрылъ ее и стулъ. Восхищеніе миссъ Аббэ, казалось, увеличивалось пропорціонально съ ея изумленіемъ. Она подозвала знакомя къ себѣ старика, и доставая бутылку изъ шкафа, шопотомъ спросила:

— Ребѣнокъ или взрослая?

— Ребѣнокъ годами, взрослая по силѣ воли и вынесеннымъ испытаніямъ, отвѣчалъ Ріа.

«Вы говорите обо мнѣ, добрые люди», думала Джени, грѣя свои ноги: «я не могу разслышать, что вы говорите, но знаю всѣ ваши замашки и обычай!»

Напитокъ очень понравился кувольной швеѣ, и миссъ Потерсовъ приготовила его порядочное количество, такъ что досталось и на долю старика. Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій, миссъ Аббэ прочтала документъ принесенный ея неожиданными посѣтителеми. Впродолженіе этого чтенія она часто поводила бровями и каждый разъ какъ-бы въ тактъ, Миссъ Ренъ, слѣдившая за нею пристально, отпивала съ шумомъ немного питья.

— На сколько я смыслю, произнесла миссъ Аббэ, когда она перечела нѣсколько разъ документъ и обдумала его хорошенько: — это доказываетъ только то, что вовсе не требовало доказательствъ, что Ридергудъ подлець. Я имѣю даже подозрѣнія, что онъ одинъ совершилъ это дѣло; но я не надѣюсь, чтобы эти подозрѣнія когда нибудь были оправданы или опровергнуты надлежащимъ образомъ. Я вижу, что сдѣлала много зла отцу Лизи, но не самой Лизи, ибо когда обстоятельства были самыя мрачныя, я доказала,

(*) *Shrub*—напитокъ изъ рома съ апельсиновымъ сокомъ и сахаромъ.

что довѣряю ей, была съ нею откровенна и старалась всѣми силами уговорить ее поселиться у меня. Мнѣ очень жаль, что я несправедливо обошлась съ человѣкомъ, особливо когда этого нельзя исправить. Передайте, пожалуйста, Лизи мои слова и прибавьте, что если она придетъ къ Веселымъ Товарищамъ, то найдетъ и кровь, и друга, а прошедшее все забыто. Она знаетъ миссъ Аббэ, напомните ей только обо мнѣ, и она легко пойметъ, какой найдетъ себѣ здѣсь домъ и какого друга. Я всегда говорю коротко и сладко, или коротко и горько, какъ придется и какъ кому кажется, прибавила миссъ Аббэ: — вотъ все, что я хотѣла сказать, да и довольно ужъ, кажется.

Но прежде, чѣмъ былъ выпить весь шрубъ, миссъ Аббэ вдругъ вошло въ голову, что недурно было бы имѣть у себя копію принесеннаго документа.

— Онъ вѣдь не длинный, сказала она, обращаясь къ старпку: — п вамъ, быть можетъ, это не составило особенно большаго труда. Старикъ очень любезно падѣлъ очки, и подойдя къ копторѣ, на которой миссъ Аббэ писала свои росписки и гдѣ хранила свою образцовую посуду — написалъ копію чоткимъ, круглымъ почеркомъ. Пока онъ стоялъ тамъ, углубившись въ дѣло, а маленькая букольная швея, съ распущенными золотистыми волосами отдыхала въ креслѣ, миссъ Аббэ смотрѣла на нихъ съ удивленіемъ; ей все казалось, не сонъ ли это, не исчезнуть ли, когда она проснется, эти странная, необычная въ кабачкѣ фигуры.

Она два раза закрывала глаза и снова ихъ открывала, думая не найти уже болѣе своихъ чудесныхъ посѣтителей, но они были тутъ-какъ-тутъ на тѣхъ же мѣстахъ. Но вотъ вдругъ раздался шумъ въ общей залѣ. Миссъ Аббэ вздрогнула; ея посѣтители подняли головы и всѣ трое вопросительно посмотрѣли другъ на друга. Шумъ все усиливался, теперь уже слышался громкій говоръ и тяжелые поспѣшные шаги, потомъ съ шумомъ отворились всѣ окна и съ рѣш донеслись отчаянные вкри. Еще минута, и Бобъ Глибери бѣжалъ по корридору, безжалостно стуча своими тяжелыми, подбитыми гвоздями сапогами.

— Что такое? воскликнула миссъ Аббэ.

— Наѣхали въ туманѣ, опрокинули кого-то на рѣкѣ, судариня, отвѣчалъ Бобъ: — много народа пошло ко дну.

— Поставить всѣ котлы! воскликнула миссъ Аббэ: — смотри, чтобъ вода кипѣла. Вытащи ванну. Повѣсь къ огню простыни. Разогрѣй каменные кувшины. Да, не теряй головы, ступай внизъ и дѣлай все живѣе.

Пока миссъ Аббэ отдавала эти приказанія Бобу, котораго она для большаго вразумленія схватила за волосы и нѣсколько разъ

ударила головой о стѣну, вѣроятно съ дѣлью, чтобъ онъ не терялъ головы — все общество въ залѣ, толкая другъ друга и крича изо всей силы, выбѣжало на берегъ, такъ что шумъ снаружи усилился, а внутри дома наступила тишина.

— Пойдемъ посмотримъ, сказала миссъ Аббэ своимъ посѣтителямъ, и они всѣ трое отправились въ пустую залу и черезъ одно изъ отворенныхъ окошекъ вышли на деревянную галерею, выходившую на рѣку.

— Знаетъ ли кто нибудь, что случилось? спросила миссъ Аббэ повелительнымъ тономъ.

— Пароходъ, миссъ Аббэ, послышался голосъ изъ тумана.

— Это всегда пароходъ, миссъ Аббэ, воскликнулъ другой.

— Вонъ его фонари мерцаютъ, миссъ Аббэ, подхватилъ третій.

— Онъ выпускаетъ пары, миссъ Аббэ, и оттого-то таковой и шумъ, да и туманъ какъ-то гуще, объяснилъ четвертый.

Лодки отчаливали, факелы уныло мерцали тамъ и сямъ, люди со всѣхъ сторонъ бѣжали къ водѣ. Кто-то упалъ съ страшнымъ плескомъ и его вытащили мокраго при общемъ хохотѣ толпы. Притащили веревокъ. Кричали, требовали спасительную бочку. Невозможно было понять, что происходило на рѣкѣ, ибо каждая лодка, едва она отчаливала отъ берега, исчезала изъ глазъ въ мрачной, непроницаемой мглѣ. Одно было только ясно, что во всемъ былъ виноватъ пароходъ, ибо толпа не жалѣла брани и ругательства. Одни увѣряли, что это — *убійца*, отходившій на *Островъ Галеръ*, другіе — *душегубецъ*, спѣшившій въ *колонию каторжниковъ*; шкипера надо отдать подъ судъ, кричали третіе: — онъ всегда нарочно топить бѣдныхъ людей, ломаетъ лодки, поджигаетъ дома на берегу искрами — онъ всегда былъ и будетъ злымъ истребителемъ, грозящимъ опасностью и людямъ, и ихъ собственности, подобно всѣмъ своимъ собратамъ паровымъ суднамъ. Подобные восклицанія и упреки такъ и сыпались одни за другими. Между тѣмъ пароходные фонари все двигались взадъ и впередъ на одномъ мѣстѣ, словно они ожидали, чѣмъ кончится несчастье, какого бы рода оно ни было. Но вотъ изъ трубы показался снѣгъ, окружающая мгла, казалось, воспламенилась и мѣстами стали проглядывать тѣни лодокъ и людей. Послышались крики: «Вонъ! Правѣ! Еще! Еще! Ура! Смотри! Загребай! Отдай! Тащи!» Наконецъ пламя трубы освѣтило въ послѣдній разъ мрачныя облака тумана и снова наступилъ мракъ, колеса парохода завертѣлись и онъ плавно пошелъ къ морю.

Миссъ Аббэ и ея гостямъ показалось, что ужасно много времени прошло впродолженіе всей этой исторіи. Но вотъ вся толпа

бросилась внизъ съ берега къ самой водѣ, и только когда причалила первая лодка, узнали въ чемъ дѣло.

— Если это Томъ Тутль, воскликнула миссъ Аббэ, самымъ повелительнымъ тономъ: — то, чтобъ онъ сію минуту пришель сюда!

Послушный Томъ Тутль подошелъ къ галерейгѣ, сопровождаемой всей толпой.

— Что это, Тутль? спросила миссъ Аббэ.

— Иностранный пароходъ опрокинулъ лодку.

— Сколько людей въ лодкѣ?

— Одинъ, миссъ Аббэ.

— Найдень?

— Да. Онъ былъ долго подъ водой, миссъ, но тѣло словили.

— Пускай несутъ. Бобъ Глибери, запри дверь въ домъ, стой снаружи и не смѣй отворять, пока я скажу. Полиція есть?

— Здѣсь, миссъ Аббэ, отвѣчалъ официальный голосъ.

— Когда внесутъ тѣло, то не пускать толпу въ домъ, слышите? Помочь Бобу Глибери держать дверь!

— Слушаюсь, миссъ Аббэ.

Самодержавная повелительница удалилась въ буфетъ и поставила своихъ посѣтителей рядомъ съ собою за прилавокъ.

— Вы стойте тутъ по сторонамъ, сказала она: — вы все увидите и васъ не ушибутъ. Бобъ, стой у дверей.

Юный часовой, поправивъ второпяхъ воротнички рубашки, сталъ на мѣсто.

Извнѣ раздались приближающіеся шаги, шумъ, говоръ. Но вотъ все затихло и только послышалось два сухихъ удара въ дверь, словно мертвый, котораго несли на спинѣ, ударялъ пятками своихъ неподвижныхъ, оостенѣвшихъ ногъ.

— Это стучъ подножки или ставни; я не знаю, на чемъ они его несутъ, сказала миссъ Аббэ, которой ухо уже привыкло къ подобнымъ звукамъ: — отворяй дверь, Бобъ.

Дверь отворилась. Медленно-тяжело ступало нѣсколько человекъ, повидимому, несшихъ большую тяжесть. Они остановились. Толпа хлынула. Ей дали отпоръ. Дверь съ шумомъ захлопнулась. Крики и ругательства раздались извнѣ.

— Войдите! провознесла миссъ Аббэ, которая держала всѣхъ въ такомъ повиновеніи, что и носильщики ждали ея позволенія.

— Несите въ первый этажъ.

Корридоръ былъ низенькій, лѣстница низенькая, потому носильки пришлось держать очень низко, такъ что при проходѣ мимо прилавка, мертвецъ лежалъ на доскѣ, былъ въ уровнѣ съ нимъ.

Увидавъ тѣло, миссъ Аббэ съ ужасомъ попятилась.

— Боже мой! воскликнула она, обращаясь къ своимъ гостямъ:— да это тотъ самый человѣкъ, который написалъ бумагу, только что нами прочитанную. Это — Ридергудъ.

III.

Тотъ же почтенный другъ еще съ новой точки зрѣнія.

Дѣйствительно, это былъ Ридергудъ и никто другой или, лучше сказать, это была внѣшняя скорлупа, шкура Ридергуда и никого другаго. Изворотливый, легкоподвижный Ридергудъ лежитъ теперь неподвижно на доскѣ; его осторожно несутъ по лѣстницѣ въ комнату перваго этажа; но, однако, доска нѣсколько разъ наклоняется то въ ту, то въ другую сторону, и явная опасность грозила при поворотахъ, что тѣло скатится и рухнетъ внизъ.

— Послать за докторомъ, скомандовала миссъ Аббэ:— за дочерью, прибавила она черезъ минуту. И тотчасъ ея вѣрноподанные бросились исполнять ея приказанія.

Доктора поймали на полудорогѣ; онъ уже шелъ подъ прикрытiемъ полицiи. Осмотрѣвъ мокрый, бездыханный трупъ, онъ произноситъ, что хотя и безъ большой надежды, но стоитъ употребить всѣ усилiя для возвращенiя къ жизни уполненника. Тотчасъ приложены всевозможныя старанiя; всякiй торопится предложить свои услуги—свои руки, сердце, душу. Никто не питаетъ никакого чувства привязанности къ этому человѣку; напротивъ, они всѣ его избѣгали, презирали, подозрѣвали во всякихъ преступленiяхъ; но искра жизни въ немъ теперь кажется имъ отдѣльной отъ него, неизбѣжной съ нимъ ничего общаго, а этой искрѣ они живо, пламенно сочувствуютъ вѣроятно потому, что *это* жизнь, а они живутъ и должны когда нибудь умереть.

На вопросъ доктора, какъ это случилось и виновать ли кто-нибудь въ этомъ несчастiи? Томъ Тутль произноситъ свой приговоръ—непредвидѣнный, неизбѣжный случай, никто не виновать, кромѣ пострадавшаго.—Онъ проврался потихоньку въ лодкѣ, прибавилъ Томъ:—я не желаю порочить покойника, но ужъ у него была такая манера—и прямо наткнулся на носъ пороходъ, который и разрѣзалъ его пополамъ. — Мистеръ Тутль выражался фигурально, подразумевалъ, что разрѣзана была лодка, а не человѣкъ, ибо человѣкъ лежалъ передъ ними цѣлый.

Капитанъ Джо, постоянный посѣтитель кабака, съ толстымъ носомъ въ бутылку и въ лакированной шляпѣ, принадлежалъ къ старинной почтенной школѣ, и потому пробравшись въ комнату подѣ

тѣмъ предложомъ, что исполняетъ важное дѣло, торжественно неся галстухъ утопленника, предлагаетъ доктору мудрый совѣтъ; повѣснть тѣло внизъ головой, «какъ вѣшаютъ баранпну въ мясныхъ», объясняетъ онъ. Потомъ прибавляетъ тотъ же глубокомысленный и опытный совѣтникъ: «слѣдуетъ его положить на бочки и катать взадъ и впередъ, это—лучшее средство, чтобъ возвратить дыханіе». Эти образцы великой мудрости предковъ капитана возбуждаютъ такое презрѣніе къ нему въ миссъ Аббэ, что она въ ту же минуту и не говоря ни слова, схватываетъ несчастнаго за шиворотъ и выталкиваетъ за дверь.

Теперь для помощи доктору и Тому остаются только трое другихъ постоянныхъ посѣтителей кабакъ: Бобъ Гламеръ, Вильямъ Вильямсъ и Джонатанъ (его фамильная кличка, если есть таковая—покрыта мракомъ неизвѣстности). И этихъ совершенно довольно. Сама миссъ Аббэ посмотрѣвъ, что все нужное приготовлено, сходитъ внизъ и ожидаетъ результата въ обществѣ стараго жидъа и миссъ Джени Ренъ.

Если ты несовсѣмъ, не навсегда покинулъ землю, мистеръ Ридергудъ, то любопытно бы знать, гдѣ ты теперь находишься! Этотъ мокрый, слизистый кусокъ мяса, который мы съ такимъ усиліемъ стараемся привести къ жизни, не подаетъ о тебѣ никакихъ признаковъ. Если ты не на шутку покинулъ насъ, Ридергудъ, то вѣдь это—торжественная, великая минута; но если ты и вернешься опять къ намъ, едва-ли минута не торжественнѣе. Нѣтъ, передъ таинственнымъ вопросомъ: воротись-ли ты, ступешивается и великій вопросъ, гдѣ ты въ эту минуту; онъ придаетъ самой смерти еще болѣе торжественности, заставляетъ насъ, стоящихъ надъ тобою, трепетать, бояться взглянуть на тебя и не смотрѣть на тебя, заставляетъ всѣхъ внизу содрогаться отъ ужаса при малѣйшемъ скрипѣ старой доски въ полу.

— Стой! Вѣка дрогнула? такъ спрашиваетъ себя докторъ, притаявъ дыханіе и пристально слѣдя за мертвецомъ.

Нѣтъ.

— Повелъ воздрей?

Нѣтъ.

— Послѣ искусственнаго дыханія, не колышется ли незамѣтно грудь подъ моею рукою? спрашиваетъ себя снова докторъ.

Нѣтъ.

Снова и снова нѣтъ и всегда нѣтъ. Но попробуемъ опять, опять.

Чу! признакъ жизни! Несомнѣнный признакъ жизни! Искра эта можетъ погаснуть, но можетъ и разгорѣться въ пламя! Но что это! Грубые, необтесанные люди, стоящіе вокругъ, громко

плачутъ — и всѣ четверо. Ридергудъ ни живой, ни мертвый, ни на семь свѣтѣ, ни на томъ, не могъ бы ихъ заставить пролить единой слезы о немъ; но человѣческая душа борется между жизнью и смертью — вотъ о чемъ они плачутъ.

Онъ силится возвратиться къ жизни. Вотъ онъ уже почти между нами, нѣтъ, снова исчезъ. Опять возвращается все ближе, ближе. И, однако, какъ мы всѣ, когда приходимъ въ себя отъ обморока, какъ мы всѣ ежедневно просыпаясь, онъ какъ-то инстинктивно желалъ бы не возвращаться къ сознанию, а вѣчно оставаться въ забытѣ, еслибъ это было только возможно.

Бобъ Глибери приводитъ Плезантъ Ридергудъ, которую онъ съ трудомъ нашель, ибо ея не было дома. Голова ея была покрыта большимъ платкомъ и первое ея движеніе послѣ того, какъ она присѣла вся въ слезахъ, было поправить свою свалившуюся косу.

— Благодарствуйте, миссъ Аббэ, что вы пустили сюда отца, произнесла бѣдная молодая дѣвушка.

— Я должна вамъ сказать, что не знала въ первую минуту, съ кѣмъ случилось несчастье, отвѣчала миссъ Аббэ: — но, впрочемъ, еслибъ и знала, я думаю, поступила бы точно такъ же.

Бѣдная Плезантъ, выпивъ глотокъ водки, поднесенной ей самою хозяйкой для подкрѣпленія силъ, вошла въ комнату перваго этажа. Она не выказала бы бѣльшаго чувства къ отцу, еслибъ ей пришлось произнести торжественную рѣчь надъ его могилой, но она дѣйствительно всегда питала къ нему гораздо болѣе привязанности, чѣмъ онъ къ ней и потому, увидавъ его неподвижное, бездыханное тѣло, она залилась горькими слезами и, ломая руки, воскликнула:

— Развѣ нѣтъ надежды, докторъ? О, мой бѣдный отецъ! Онъ умеръ, бѣдный?

Докторъ, стоя на одномъ колѣнѣ подлѣ тѣла и пристально слѣдя за нимъ, не поворачиваясь, отвѣчаетъ:

— Если вы, моя милая, не можете быть спокойной и молчать, то я не позволю вамъ оставаться въ комнатѣ.

Плезантъ тотчасъ отираетъ слезы волосами и, заправивъ ихъ на затылкѣ, слѣдитъ съ испугомъ — съ напряженнымъ вниманіемъ, за всѣмъ, что происходитъ. Вскорѣ ея женскій инстинктъ даетъ ей возможность уже помогать доктору. Предугадывая, что ему понадобится, она тихонько приготовляетъ и подаетъ ему; наконецъ, ей поручаютъ держать голову ея отца.

Новое и пріятное чувство испытываетъ теперь Плезантъ, видя, что ея отецъ служитъ предметомъ сочувствія и интереса, что не только его присутствіе на свѣтѣ терпится окружающими, но

что его почти упрасивают, умоляют жить съ ними. Въ ея головѣ рождается мысль, что еслибъ могло такъ остаться надолго, то въ ихъ положеніи была бы очень радостная пере-мѣна. Еще ей мерещится, и она смутно надѣется, что все зло въ немъ вымерло, и если онъ снова возвратится въ бездушное тѣло, лежащее недвижимо на постелѣ, то будетъ совершенно инымъ человѣкомъ. Въ этомъ напряженномъ состояніи ума и сердца она пламенно палуетъ оконченныя уста и твердо вѣритъ, что охладѣвшая жестовая рука, которую она старается согрѣть, оживетъ доброй, любящей рукой, если ей суждено когда ожить.

Сладкое заблужденіе, Плезантъ Ридергудъ. Но они такъ усердно за нимъ ухаживаютъ, безпокойство такъ ясно написано на ихъ лицахъ, они такъ пристально слѣдятъ за нимъ, ихъ радость такъ чистосердечна при каждомъ новомъ признакѣ возвращающейся жизни, что какъ же ей было бѣдной неувлечься! И вотъ онъ начинаетъ дышать мало по малу и докторъ объявляетъ, что онъ возвратился изъ таинственнаго, необъяснимаго путешествія, въ которомъ онъ такъ долго останавливался на мрачной дорогѣ.

При этихъ словахъ Томъ Тутль, стоящій ближе всѣхъ къ доктору, съ жаромъ пожимаетъ ему руку. Бобъ Глибери, Вильямъ Вильямсъ и Джонатанъ, неизмѣющій клички, жмутъ руки другъ другу и доктору. Бобъ Глибери громко сморкается; Джонатанъ, что безъ клички, намѣренъ то же сдѣлать, но не имѣя платка, отказывается отъ этого способа выразить свое волненіе. Плезантъ проливаетъ слезы радости и ея блаженное заблужденіе достигаетъ своего апогея.

Глаза его открылись. Онъ удивляется и спрашиваетъ, гдѣ онъ.

— Отецъ, тебя опрокинули на рѣкѣ; ты у миссъ Аббэ Патерсонъ.

Онъ широко отерываетъ глаза отъ изумленія, смотритъ безсознательно на дочь, на всѣхъ окружающихъ, и снова закрывъ ихъ и, какъ-бы въ забытѣ, опускаетъ голову на руку дочери.

Мгновенная иллюзія, минутное заблужденіе быстро разсѣвается. Низкое, неприятное выраженіе снова является на этомъ лицѣ — является со два рѣби или другого какого роковаго дна. Чѣмъ болѣе возвращается къ жизни этотъ человѣкъ, чѣмъ теплѣе становится за минуту передъ тѣмъ оконченныи трупъ, тѣмъ холоднѣе относятся къ нему окружающіе его люди. Чѣмъ болѣе черты его смягчаются съ возвращеніемъ жизни, тѣмъ болѣе жестокое выраженіе принимаютъ ихъ лица, тѣмъ болѣе ожесточаются ихъ сердца.

— Ну, теперь оживъ, произноситъ докторъ, обмывая руки, и смотря на больного все съ возрастающимъ неудовольствіемъ.

— Много людей лучше его не были такъ счастливы, глубокомысленно замѣчаетъ Томъ Тутль, мрачно качая головой.

— Надо надѣяться, что онъ поведетъ лучшую жизнь, чѣмъ до сихъ поръ, говорить Бобъ Глибери.

— Хоть этого и трудно отъ него ожидать, прибавляетъ Вильямъ Вильямсъ.

— Не такой человѣкъ! вставляетъ свое слово и Джонатанъ, что не имѣетъ клочки.

Всѣ они говорить вполголоса ради того, что дочь въ комнатѣ, но она не можетъ не замѣтить, что они столпились въ гучку въ одномъ углу и видимо избѣгаютъ его, стараясь отойти какъ можно подалѣе. Нельзя подозрѣвать, чтобы они сожалѣли, что онъ не умеръ, когда онъ уже былъ такъ близокъ къ этому, но они, очевидно, желали бы имѣть болѣе достойный предметъ своихъ попеченій. Между тѣмъ послали донести о случившемся миссъ Аббэ, и она, явившись въ комнату, смотритъ издали на воскресшаго, шопотомъ разговаривая съ докторомъ. Искра жизни привлекала всеобщее вниманіе и сочувствіе пока она боролась за свое существованіе; но теперь, когда она окончательно остановилась въ тѣлѣ мистера Ридергуда, то всѣ, кажется, одинаково жалѣютъ, что эта искра не развилась во что нибудь другое, лучшее.

— Все же вы сдѣлали свое дѣло, какъ честные, хорошіе люди, произносить торжественно миссъ Аббэ: — и вамъ теперь лучше сойти внизъ и выпить чего нибудь на счетъ Веселыхъ Товарищей.

Всѣ охотно соглашаются и оставляютъ дочь одну караулить отца. Вскорѣ къ ней, однако, является Бобъ Глибери.

— Жабры-то у него свело, неправда ли? замѣчаетъ онъ послѣ довольно пристальнаго осмотра больного.

Плезантъ едва замѣтно киваетъ головой.

— А небось когда проспится, то ихъ еще дрѣиче сведетъ? Плезантъ надѣется, что нѣтъ, и спрашиваетъ, почему Глибери такъ думаетъ.

— Помилуйте, очень просто, когда онъ увидитъ себя здѣсь, объясняетъ Бобъ:—вѣдь миссъ Аббэ выгнала его отсюда и запретила приходить. Но то, что называютъ судьбою, привело-таки его сюда.

— Онъ бы не пришелъ, еслибы это зависѣло отъ него, отъ начала Плезантъ съ поползновеніемъ на гордость.

— Нѣтъ, замѣчаетъ Бобъ:—его бы не пустили, еслибъ онъ и пришелъ.

Мимолетная иллюзія теперь совершенно разсѣялась. Такъ же ясно, какъ она видитъ своего больного отца, опершагося на ея руку, такъ сознаетъ она и тотъ грустный фактъ, что всѣ накинута на него, какъ только онъ очнется. «Я лучше его уведу отсюда, какъ можно скорѣе», думаетъ она съ грустью: «ему всего лучше дома».

Вскорѣ всѣ снова возвращаются и ждутъ пока онъ придетъ въ сознаніе, чтобы разомъ отъ него отдѣлаться. Кое какія платья приготовлены для него, ибо его собственныя пропитаны насквозь водою, а теперь онъ завернуть въ однихъ простыняхъ.

Мало по малу онъ начинаетъ безпokoиться во снѣ и метаться, словно ему кто-нибудь подсказываетъ о чувствахъ, питаемыхъ къ нему всѣми присутствующими, наконецъ онъ открываетъ глаза и приподымается съ помощью дочери.

— Ну, Ридергудъ, какъ вы себя чувствуете? спрашиваетъ докторъ.

— Хвастаться нечѣмъ, отвѣчаетъ онъ рѣзко, возвратившись къ жизни въ чрезвычайно дурномъ расположеніи духа.

— Я не намѣренъ вамъ читать мораль, говоритъ докторъ, мрачно качая головою:—но я надѣюсь, что это приключеніе будетъ имѣть хорошее вліяніе на васъ, Ридергудъ.

Больной промышлялъ что-то въ отвѣтъ, но совершенно не слышно, хотя его дочь, еслибы захотѣла, конечно, могла передать его слова, смыслъ которыхъ состоялъ въ томъ, что онъ терпѣть не можетъ, когда вдругъ вздоръ какъ попки.

Черезъ минуту Ридергудъ спрашиваетъ рубашку и прехладнокровно ее надѣваетъ съ помощію дочери, словно онъ только что подрался съ кѣмънибудь.

— Это пароходъ? спрашиваетъ онъ, останавливаясь.

— Да, отецъ, отвѣчаетъ она.

— Я потяну ихъ въ судъ и заставлю заплатить! восклицаетъ Ридергудъ. Потомъ онъ очень мрачно застегиваетъ рубашку, останавливаясь нѣсколько разъ, чтобы посмотрѣть на свои руки, какъ бы ища на нихъ слѣдовъ драки. Рѣзко, надуто спросивъ остальное свое платье, онъ молча напяливаетъ его съ видомъ живѣйшей неприязни къ своему недавнему сопернику и всѣмъ зрителямъ. Ему почему-то кажется, что у него изъ носу течетъ кровь и онъ нѣсколько разъ проводитъ по немъ рукою и съ любопытствомъ смотритъ потомъ на руку, не остались ли на ней слѣды.

— Гдѣ моя мѣховая шапка? спрашиваетъ онъ, покончивъ свой туалетъ.

— Въ рѣкѣ, отвѣчаетъ кто-то изъ окружающихъ.

— И не нашлось честнаго человѣка, который словилъ бы ее? Конечно, нашлось, да онъ далъ тягу съ ней! Ужъ хороши вы всѣ, нечего сказать!

Выхвативъ съ гнѣвомъ изъ рукъ дочери какую-то шапку, которую одолжилъ одинъ изъ стоящихъ, Ридергудъ, ворча себѣ подъ носъ, нахлобучилъ ее на уши и вставъ съ постели тяжело налегъ на бѣдную дочь. — Ну, держись, чего закачалась-то? съ сердцемъ произносить онъ и медленно удаляется изъ комнаты, гдѣ за нѣсколько времени передъ тѣмъ вынесъ тяжелую роковую борьбу со смертію.

МЕЖДУ СТАРЫМЪ И НОВЫМЪ (*).

(Повѣсти, Разказы и Очерки Н. Г. Помяловскаго. Т. I—II).

II.

МОЛОТОВЪ. — БРАТЬ И СЕСТРА. — ОЧЕРКИ ВУРСЫ.

Для второй части «Мѣщанскаго счастья» у Помяловскаго не было написано ни одной строчки, когда онъ напечаталъ первую. За своего «Молотова» онъ принялся въ Обуховской больницѣ, и стало быть, тотчасъ, въ первыя же минуты отрезвленія отъ вина и горячки. Совершенно вѣроятно, что Помяловскій, въ то же время, почувствовалъ сильнѣйшую потребность отрезвиться и отъ многого другаго. Его повѣсть почти не оставляетъ сомнѣнія, что въ эти минуты тяжкаго похмѣлья и внезапнаго просвѣтленія, онъ съ отвращеніемъ взглянулъ и на свое собственное умственное шатаніе, и на всю эпидемію свистунства, которое въ то время было въ самомъ разгарѣ, казалось ему высшею мудростію и, однако, довело его до разочарованія. Очнувшись среди больничныхъ стѣнъ, на больничной койкѣ, быть можетъ, увидѣвъ себя въ рубашкѣ умалишонныхъ, онъ долженъ былъ призвать себѣ на помощь весь свой здравый, непосредственный смыслъ. Ему припомнились всѣ послѣднія слова и рѣшенія по всѣмъ вопросамъ, на которыхъ проявлялось въ то время безчинное свирѣпство нашего прогресса, и онъ не могъ не прийти къ рѣшенію, что лечиться нужно заодно. Онъ обжогся на дешевой мудрости послѣднихъ словъ слишкомъ горячо — до воспаления всей своей крови, до горѣнія мозга. Теперь, наванувъ выхода изъ больницы, ему было нужно, ему глубоко было нужно убѣдить самого себя—точно ли онъ не помѣшанный. И вотъ онъ спѣшитъ выработать себѣ новыя взгляды и на эмансипацію женщины, и на семейный строй, и на безсмертіе души, и на уголовную вмѣняемость, и по вопросу о Богѣ, и даже по вопросу о томъ, вполнѣ

(*) См. «Отеч. Зап.» № 7-й.

или не исполнѣ внѣшнія вліянія отнимають свободную волю у чело-вѣка. По всѣмъ этимъ вопросамъ онъ приходитъ къ такимъ умѣреннѣмъ рѣшеніямъ, что изъ нихъ ни одно не можетъ быть отвергнуто даже «Сыномъ Отечества». Такъ, напримѣръ, въ семействѣ онъ осуждаетъ только деспотизмъ, на самый же институтъ семейства смотреть совершенно поправославному, т.-е. съ признаніемъ главенства мужа. По вопросу о вмѣняемости, его герой однажды усомнился видѣть преступницу—въ несомнѣнной убійцѣ, и Помяловскій, устами другого своего лица, возражаетъ ему въ такомъ родѣ: «ваши чувства дѣлають честь вашему сердцу, но вѣдь этакъ у насъ завтра же ограбятъ всю губернію». Въ другомъ мѣстѣ, одному «надорванному», смотрящему на нашъ земной міръ, какъ на гнилую картофелину, гдѣ все ничего незначить—ни честь, ни подлость, ни трудъ, ни тунеядство, потому что «всѣ тлѣнно и скоропреходяще»—онъ заставляетъ уже героя своего отрѣзать приблизительно такъ: «поди и утопись; ты ничего лучшаго не скажешь и не сдѣлаешь въ этомъ мірѣ».

Замѣчательно, что именно такое діалектическое настроеніе Помяловскаго и сообщило нѣкоторую живость и теплоту его повѣсти; повидимому, оно должно бы было сгубить ее, а вышло напротивъ: «Молотовъ» ничего бы не значилъ, не подогрѣтый діалектикой. Онъ и теперь ничего не значить, потому что пора его прошла, вмѣстѣ съ журнальными рѣшеніями вопросовъ о сущности всѣхъ вещей; но то вниманіе, котораго онъ былъ удостоенъ назадъ тому три года, было отчасти заслуженное. Секретъ заключается въ томъ, что вы видите чело-вѣка въ самой живой схваткѣ съ своими сомнѣніями—чело-вѣка, которому трудно жить и которому представляется въ перспективѣ домъ умалишенныхъ, если онъ не выработаетъ себѣ мнѣній, согласныхъ съ здравымъ смысломъ, взаимнѣ своихъ прежнихъ шатаній; вы видите, что чело-вѣкъ этотъ за свои умственныя шатанія, нахватанныя безъ критики и по довѣрію къ авторитетамъ, въ которыхъ разочаровался, сжигается укоризнами совѣсти; вы, наконецъ, видите, что въ этомъ чело-вѣкѣ, на этотъ разъ, нѣтъ ничего или очень мало такого, что мы называемъ «напущеннымъ»; какого бы качества ни были его сужденія, но томленія его ума искренни; а при этомъ условіи, въ насъ не можетъ не возбуждать интереса и участія та душа, въ которой совершаются подобныя томленія, хотя бы предметомъ ихъ были вопросы о вмѣняемости и свободѣ воли. Вашъ интересъ, въ этомъ случаѣ, не можетъ быть ни упорнымъ, ни глубокимъ, ни продолжительнымъ, потому что предметъ его не достигаетъ художественнаго выраженія, и кромѣ того, онъ слишкомъ индивидуаленъ для того, чтобы сдѣлать ваше впечатлѣніе полнымъ и глубокимъ; сомнѣнія Помяловскаго не дѣ-

лаются вашими сомнѣніями; вамъ даже нѣтъ никакой возможности забыть, что это—сомнѣнія недоучки, который сомнѣвается не потому, что проглотилъ всю наличную мудрость, всѣ существующія ученія о предметѣ своихъ сомнѣній, и не нашелъ удовлетворенія, а только потому, что глубоко обиженный въ своемъ образованіи, онъ долго принималъ послѣдній вздоръ за послѣднюю мудрость, и теперь, образумленный цѣною бѣлой горячки, принужденъ хвататься за соломенку, то-есть обратиться къ силамъ своего собственного разума: словомъ, это не Оберманъ и не Фаустъ, это—одинъ изъ типовъ нашей третьегодичной молодѣжи, которая, подобно Помяловскому, тоже творила себѣ кумировъ изъ передовыхъ журнальныхъ статей, тоже пережила кризисъ разочарованія въ своемъ идолопоклонствѣ, и тоже взялась, наконецъ, за умъ, подходя теперь подъ исключеніе только въ лицѣ послѣднихъ изъ Могиканъ — въ Могиканахъ «Русскаго Слова». Все это правда. Но недостатокъ глубины въ умственныхъ шатаніяхъ Помяловскаго, какъ мы замѣтили, тѣмъ не менѣе искупается, до нѣкоторой степени, ихъ несомнѣнною искренностію; вы почти постоянно можете относиться къ нимъ только объективно, но все же не совершенно равнодушно, не такъ, какъ вы читаете многодумныя статьи «Русскаго Слова», если только вы ихъ читаете.

Одна искренность навела Помяловскаго на другую. Отрезвившись отъ одной фальши, онъ пришелъ къ другой здоровой мыслп, что нельзя быть сочинителемъ повѣстей по одной начиткѣ, и рѣшился, насколько для него было возможно, довѣриться одному себѣ. Слѣдствія такой его рѣшимости не могли быть блистательны, но натура Помяловскаго здѣсь опять представляется въ хорошемъ свѣтѣ. Фальшивить передъ собой и другими, рисовать незнакомый ему бытъ, изображать картины невиданной имъ природы, или природу невѣдомыхъ ему людей, или жизненныя положенія, о которыхъ онъ имѣлъ понятіе только изъ прочитанныхъ повѣстей и романовъ, ему показалось страннымъ, уродливымъ и зазорнымъ. А между тѣмъ кругъ жизни, доступной его наблюдательности, почти нисколько не расширился. Чтò же ему остается дѣлать? Никакое участіе къ подобному положенію не можетъ быть чрезмерно; передъ вами несомнѣнный талантъ, которому заказаны всѣ пути и закрыты всѣ выходы; при другихъ обстоятельствахъ, онъ проявился бы какъ сильный порывъ, который и васъ увлекъ бы за собою; теперь онъ останется ломовою силой, ступающей тяжелой поступью по невѣрной мостовой. Помяловскій лучше всего въ мірѣ знаетъ свою бурсу. Рѣшившись быть искреннимъ, онъ постоянно въ своей повѣсти будетъ выкрывать себѣ дѣйствующихъ лицъ по образу и подобию бурсака: кутящая молодѣжь, начальникъ отдѣленія, худож-

никъ, протоколисть, гарнизонный офицеръ, даже родоначальница его героини—Мавра Матвѣвна и, наконецъ, директоръ департамента — все это у Помяловскаго бурсаки. Въ его «Очеркахъ бурсы» можно даже узнавать довольно вѣрно прототипы персонажей его повѣсти. Такъ, отецъ героини—Дороговъ напоминаетъ собою отчасти *Бенеледова*, отчасти *Симча*, Мавра Матвѣвна очень похожа на бурсака-скопидома *Эмаху*, художникъ Череванинъ кажется взрослымъ и развившимся *Карасемъ*, директоръ департамента—это одинъ изъ «жениховъ бурсы». Кто въ этой повѣсти не бурсакъ, у того вовсе лица нѣтъ; оно замѣняется, какъ у героини повѣсти, простымъ книжнымъ сыладомъ. Другое подспорье своей безысходной неопытности Помяловскій открываетъ въ томъ, что гдѣ нужно изображать дѣйствіе, онъ обходится посредствомъ разсказа. Его герой долженъ пробить себѣ дорогу и сдѣлать себѣ положеніе; ми разсчитываемъ увидѣть, какъ силы его обнаружатся въ дѣйствіи. Въмѣсто того, при открытіи повѣсти, Молотовъ прямо стоитъ уже на пробитой дорогѣ, у конца своихъ ограниченныхъ желаній. О томъ, какъ ему приходилось пролѣзть сквозь игольные уши, проходить огонь и мѣдныя трубы—мы узнаемъ только изъ разсказа, отчасти—его самого, отчасти—его пріятеля Череванина.

Что герой повѣсти, Молотовъ — лицо неудавшееся, съ этимъ соглашались даже тѣ, которые самую повѣсть признаютъ событіемъ нашей литературы. Мнѣніе это вполне справедливое и вполне относится къ области празднословія. Тѣ, которые любятъ разсматривать вещи поглубже, доходили въ своемъ празднословіи даже до нѣкотораго излишества; напримѣръ, разсуждали о томъ, хотѣлось ли Помяловскому представить въ своемъ героѣ образцоваго человѣка, или только дюжиннаго. Разсуждали объ этомъ лишь для того, чтобы въ первомъ случаѣ признать Молотова вполне неудавшимся, а во второмъ—не вполне удавшимся, или наоборотъ. Разсужденіями этими, конечно, все-таки устанавливается фактъ художественнаго значенія; но говоря строго, они оканчивались именно тамъ, гдѣ главнѣйшій-то интересъ только начинается, потому мы считаемъ ихъ празднословными. Молотовъ, безспорно, неудался Помяловскому; но трагедія не въ этомъ, а въ томъ, что иначе не могло случиться; трагедія въ томъ, что въ Молотовѣ вы видите закодированную силу, напоминающую вамъ точь въ точь то положеніе, когда во снѣ вамъ хочется кричать, бѣжать или размахнуться — и вы ничего этого не можете сдѣлать; трагедія въ томъ, что изъ-за плечъ неуклюжаго Молотова вашему воображенію представляется другая фигура, напоминающая, въ нѣкоторомъ родѣ, Сампсона съ выколотыми глазами и привязаннаго на цѣпь; силачу хочется пустить свое дѣтище на вольный свѣтъ и онъ пытается дать ему такой толчокъ, чтобы его

дѣтище спихало съ ногъ всякаго встрѣчнаго; но у силача скованы руки и выколоты глаза, и онъ работаетъ только плечами и, вмѣсто двери, толкаетъ свое дѣтище въ стѣну. Трагедія въ томъ, что Помяловскій не зналъ, куда и зачѣмъ толкать своего Молотова; его полнѣйшее незнаніе жизни, совершенный недостатокъ бывалости, если можно такъ выразиться, для него были въ одно и то же время и слѣпотою, и стопудовыми кандалами. Это не вина его, но это судьба его.

«Молотовъ» всѣми своими строчками доказываетъ, что повѣсть эта въ мысли Помяловскаго была сильнѣй и размашистѣй, чѣмъ явилась въ исполненіи. Легко можно сказать, почему это предположеніе нужно считать вполне вѣроподобнымъ. Въ нашей литературѣ есть традиціонный образъ олицетворенной бездѣйственности, переходящій отъ поколѣнія къ поколѣнію. Надъ нимъ трудились всѣ лучшіе беллетристы наши, по примѣру нашихъ великихъ поэтовъ. Затаянная и, кажется, не вполне сознаваемая мысль ихъ была, при этомъ, та, чтобы показать ничтожество индивидуальной силы передъ лицомъ господствующаго порядка, снять съ человѣка упрекъ, которому онъ подвергался за свою пассивную покорность общему направленію времени. Достоинно замѣчанія, что такой взглядъ на человѣческую личность теоретически сознавался въ то время гораздо слабѣе, чѣмъ теперь, и почти вовсе не сознавался; а между тѣмъ, беллетристы наши въ своей практикѣ исповѣдывали его весьма глубоко и всегда находили сочувствіе въ обществѣ; теперь, напротивъ, мнѣніе это, какъ теоретическое, стало почти господствующимъ, но въ то же время требованія отъ человѣческой личности становятся все болѣе и все притязательнѣй; въ обоихъ случаяхъ теорія расходится съ практикой, поведеніе противорѣчитъ правилу: когда думали, что у человѣка не отнята воля — дѣлать все, тогда заключали, что человѣку нужно простить, если онъ не дѣлаетъ ничего; когда же стали думать, что человѣкъ не можетъ ничего, что у него даже вовсе нѣтъ воли, тогда начали съ него взмскивать, отчего онъ не отваживается на все. Помяловскому пришлось вступить въ литературу какъ разъ въ то время, когда, съ одной стороны, вѣра въ свободу воли у насъ была поколеблена, а съ другой, когда требованіе отъ людей гражданской доблести доходило, можно сказать, до наглости, до хватанія за воротникъ, до обличенія за покушку фунта икры, какъ очень счастливо выразился г. Щедринъ. Имѣя передъ собою такое направленіе умовъ, и не имѣя, притомъ, никакихъ другихъ понятій о жизни, кромѣ формальныхъ, вычитанныхъ, Помяловскій очень естественно остановился на формальномъ, традиціонномъ характерѣ, такъ долго леглянномъ нашей литературой въ безсмѣнную роли «героя *нашего* вре-

мени»; подобный сюжетъ, при отсутствіи въ Помяловскомъ содержанія, нажитого собственнымъ опытомъ, могъ казаться ему легче всякаго другого. Но само собою разумѣется, что онъ могъ стать только въ полемическое отношеніе къ этому характеру; изъ пассивнаго и покорнаго, онъ долженъ былъ, приспособляясь къ «геройству нашего времени», передѣлать его въ дѣятельнаго и воинствующаго, изъ чловѣка мысли или фразы—въ чловѣка дѣйствія. Среда и господствующій порядокъ слишкомъ долго заѣдали людей. Помяловскій возымѣлъ гордую мысль доказать намъ, что дрянъ тѣ люди, которые могутъ быть заѣдены. Вотъ какъ мы представляемъ себѣ «Молотова» въ зародышѣ, основываясь на всемъ содержаніи и планѣ этой повѣсти.

Но одно дѣло — возымѣть гордый замыселъ, и другое — исполнить его. Муки Тантаала начались для Помяловскаго еще въ первой части его повѣсти. Съ первыхъ же страницъ онъ долженъ былъ почувствовать, что ему хочется писать одно, а выходитъ другое, что въ умѣ у него эпопея, а на бумагѣ — ученическій опытъ, что для плаванія по житейскому морю онъ долженъ обладать опытностію искуснаго кормчаго, а между тѣмъ сциаллы и харибды этого моря ему знакомы только по романамъ г. Тургенева. Во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ еще довольно смѣлости, чтобы закончить первую часть порывомъ — вполне безсиленнымъ и беззвучнымъ, лишеннымъ всякаго выраженія, но все-таки порывомъ. Въ промежуткѣ между двумя частями повѣсти онъ самъ предался порыву, отъ котораго и безъ того заколдованная сила его еще раздвоилась. И въ этомъ самое патетическое мѣсто трагедіи, которое должно было отозваться, и отозвалось, на всемъ существѣ Молотова при появленіи его во второй части.

Ему сразу дается длинное прошедшее, слишкомъ въ десять лѣтъ. Это бы ничего; но за эти слишкомъ десять лѣтъ съ Молотовымъ случились всѣ испытанія, изъ которыхъ собственно и должна бы состоять его эпопея, и которыя, однако, переданы только полупамятками и въ разсказѣ; онъ прошелъ все поле дѣйствія, составилъ себѣ идеальное, въ своемъ родѣ, положеніе, которому недостаетъ только, чтобы оно увѣнчалось счастливой любовью: задача, исполненная Помяловскимъ, какъ замѣчено было еще прежде насъ, съ какою-то странною апатіей и какъ-будто съ досадой преждевременнаго старчества. Видно, что его мало занимаетъ собственно романъ этой любви; видно, что онъ не мирится съ необходимостью — разсказывать простую любовную сказку; видно, кромѣ того, что онъ сознаетъ, что по этой части онъ можетъ напомнить только объ искусствѣ медвѣя, показывающаго, какъ малые ребята горохъ воровали. Онъ упорствуетъ воплотить въ своего Молотова какое-то дру-

гое слово, которое бы не было такъ избито и даже было бы совершенно новое. Но развѣ довольно одного желанія, чтобы сказать такое слово? Знай Помяловскій подтверже и по собственному опыту входы и выходы того лабиринта, который называется жизнью, понимай онъ житейскія отношенія живымъ и существеннымъ образомъ, а не формальнымъ—тогда его Молотовъ, какъ человѣкъ дѣйствія, если бы и не выразилъ собою новаго слова, такъ-какъ это очень трудно, то непременно не остался бы безъ всякаго выраженія. А теперь всѣ приданные ему атрибуты и качества, по необходимости, виснутъ на немъ какъ на вѣшалкѣ, не проникая внутрь его и не становясь частію его природы. Въ самомъ дѣлѣ, ему, въ прошлое время, придется столько благороднаго, юношескаго увлеченія, что онъ не могъ быть даже переписчикомъ казенныхъ бумагъ, въ которыхъ видѣлъ уклоненіе отъ высшихъ началъ справедливости или гуманности; потомъ, по многому можно заключать, что и слишкомъ въ тридцать лѣтъ, какимъ мы встрѣчаемъ его въ повѣсти, онъ не сдѣлалъ уступки изъ своихъ правилъ и убѣжденій, а только умѣрилъ свое поведеніе; онъ настолько уменъ, образованъ и развитъ почеловѣчески, что, кажется, доступенъ всѣмъ лучшимъ интересамъ своего времени, онъ не пропускаетъ ни одной замѣчательной книги, и любитъ предметы искусства; но въ то же время, онъ таковой узкій, ограниченный, эгоистическій крокъ, что стремленіе къ домовитости—лучшая его добродѣтель, любовь къ своей норѣ—его господствующая страсть; онъ таскаетъ въ эту нору свою—книги, красивые подсвѣчники, ковры, бобры, эбраны, картины, прес-паше, гравюры, и даже самъ признается, что смотритъ на эти вещи съ одинаковымъ безразличіемъ, сознавая только одно, что онѣ одинаково удовлетворяютъ его жаждѣ благосостоянія; даже заставляетъ подозрѣвать себя, покупаетъ ли онъ эти вещи? Не приобретаетъ ли онъ ихъ ростовщицествомъ, такъ-какъ у него очутился откуда-то уже значительный капиталъ? Ему тридцать-три года; онъ только управляющій домомъ на Мойкѣ, и архиваріусъ въ департаментѣ; но это не мѣшаетъ ему утонать въ блаженномъ сознаніи, что ему—счастливому кроку—для украшенія своей норы, недостаетъ только кротихи. Самая кротиха ему уже нашлась, но чтѣ же этимъ сказано? Не болѣе, чѣмъ однимъ фактомъ изъ жизни самого Помяловскаго—фактомъ, про который мы узнаемъ изъ его биографіи: съ нимъ самимъ была пора, когда онъ съ удовольствіемъ мечталъ о дьяконскомъ мѣстѣ; рожденный бездомовнымъ ястребомъ, онъ тоже лелѣялъ въ себѣ чувства домовитой и скупидомной ласточки; было время, когда онъ даже готовъ былъ сдѣлать шагъ къ осуществленію такихъ мечтаній своихъ. Отчего Помяловскій рѣшался на подобный шагъ? Оттого, что всѣ другіе

выходы изъ его положенія для него были наполнены мрачнѣйшими потѣмками. Отчего онъ своего человѣка дѣйствія запрягалъ въ кротовую нору, и заставилъ его вращаться, какъ жерновъ, въ который не подсыпано зѣренъ и который мелеть самого себя? Все оттого же, что ему не были знакомы всѣ разнообразныя пути, на которыхъ люди, идя къ своимъ цѣлямъ, сталкиваются между собою, обгоняютъ одинъ другого, подшибаютъ другъ другу ноги, или помогаютъ одинъ другому и, въ концѣ всего, устанавливаются и уясняются вполне въ своихъ характерахъ.

Помяловскій скоро почувствовалъ свою немощь, и спѣшить отвести душу, отдохнуть на діалектикѣ. Онъ вытягиваетъ изъ своего Молотова все, что въ немъ есть заколдованнаго, все, что не поддалось художественному изображенію въ дѣйствіи, и изъ этого матеріала создаетъ Череванина. Въ біографіи Помяловскаго въ одномъ мѣстѣ замѣчено, что Череванинъ—это онъ самъ. Нѣтъ, это только половина его самого. Именно—лучшая половина, та самая, которою Помяловскій жилъ почеловѣчески, мучился, сомнѣвался, упивался «Современникомъ», увлекался и разочаровывался до бѣлой горячки, и теперь истязуетъ себя, чтобы придти окончательно въ состояніе трезвости и здравомыслія. Бесѣда въ кабачкѣ между Череванинымъ и Молотовымъ, въ которой совершается актъ самоистязанія, безъ сомнѣнія—самое искреннее мѣсто во всей повѣсти; по крайней мѣрѣ, мы прочитали «Молотова» въ то самое время, когда онъ только-что былъ напечатанъ, и намъ не понадобилось перечитывать, для настоящей статьи, только одну эту бесѣду; обо всемъ остальномъ уцѣлѣло только самое смутное представленіе: такъ оно сѣро и неспособно оставлять прочнаго впечатлѣнія. Но что же такое въ этой бесѣдѣ? Можно сказать—ничего, кромѣ искренности и глубокой сердечной исповѣди. Бесѣда происходитъ подъ пьяную руку; Череванинъ только-что вырвался изъ пьяной компаніи, предпринимавшей устроить «скандалиссимумъ», побить перваго встрѣчнаго, и заводитъ Молотова въ кабачокъ: эту черту мы признаемъ нелишней мастерства. Предметы бесѣды самыя обыкновенныя, или, пожалуй, самыя необыкновенныя: это вопросы о конечныхъ цѣляхъ—бытія вообще и человѣческаго бытія въ особенности. Свобода воли, безсмертіе души, любовь и эгоизмъ, само собою разумѣется, не могли быть, при этомъ, обойдены или забыты. Нетолько изъ словъ, но изъ самаго способа произносить ихъ видно, что Череванинъ больно и сильно зашибся объ эти вопросы. Будь онъ одного племени съ Манфредомъ или Фаустомъ, онъ непременно ударился бы въ колдовство или науку; но онъ—произведеніе родимой почвы, гдѣ послѣднія слова по самымъ первѣйшимъ вопросамъ вычитываются въ журнальныхъ книжкахъ, подъ рубрикою

«Литературныхъ мелочей», потому онъ ударился въ пьянство. Бойко, обдуманно и безъ запинки лютуютъ его шальные рѣчи, одно ярое сомнѣнiе съ какою-то пьяною послѣдовательностию взлѣзаетъ на другое, «волна на волну набѣгаетъ—волна погоняетъ волну»; но это не простая умственная гимнастика, не полное празднословіе равнодушнаго скептика изъ «Русскаго Слова»; вамъ чувствуется, что прежде чѣмъ произвести сотрясеніе въ воздухѣ, шальные слова эти всплываютъ на воспаленномъ мозгу Череванина зелеными огоньками зажженнаго спирта; вамъ чувствуется кромѣ того, что тотъ, кто заставляетъ говорить Череванина, не себя только истязуетъ, а еще и мститъ кому-то: трезвая его половина не заодно съ Череванинымъ.

«— Ей-богу, не понимаю, о чемъ мы толкуемъ, отвѣчалъ Молотовъ, когда Череванинъ послѣ долгой, полудушной рѣчи поникнулъ головою. — Никто такъ не говоритъ и не страдаетъ такими болѣзнями.

«— Такъ и зналъ: никто не страдаетъ, какъ ты; поэтому никому и нѣтъ дѣла до тебя. Всѣ въ отвѣтъ только и поютъ стихъ о страшномъ судѣ. Ужъ очень вамъ хочется, чтобы отъ насъ грѣшныхъ «было не слышати ни зыгу, ни крику, ни рыданія»...

«— Но, право, не понимаю, чѣмъ ты страдаешь. Неужели можно совсѣмъ потерять вкусъ къ жизни? Это невѣроятно.

«— А потерялъ же!.. Во мнѣ нетолько положительнаго, во мнѣ и отрицательнаго ничего нѣтъ, полное безразличіе и пустота! У меня такъ голова устроена, что я во всякомъ словѣ открываю безсодержательность, во всякомъ явленіи — какую-нибудь гадость. Торричеллиева пустота и сожѣнная совѣсть. Прежде, бывало, ломался и кричалъ: трудъ, отечество, любовь, свобода, счастье, слава и много иныхъ прекрасныхъ словъ; но и тогда уже чувствовалъ, что лгаль, а теперь ничего не хочу, кромѣ сна, забвенія, обморока...

«— Любовь, дѣва, луна, поэзія... перебиралъ Череванинъ.— На свѣтѣ нѣтъ любви, а есть только аппетитъ здороваго человѣка; нѣтъ дѣвы, а есть бабы; вмѣсто поэзіи въ жизни мерзость кабацкаго, скука и тоска неисходная; ну, луна, пожалуй, и есть, да мнѣ шевать на луну: какого чорта я въ ней не видалъ? Все мнѣ представляется ничтожнымъ до невѣроятности, потому что все на свѣтѣ «скоропреходяще и тлѣнно!»

«— Я никого не люблю, продолжалъ Череванинъ:—человѣкъ я честный и въ товариществѣ добрый, но ни къ кому я не привязанъ и никого мнѣ не надо... Дѣлалъ и я людямъ добро и никогда не любилъ тѣхъ, кому помогалъ.

«— Зачѣмъ же и помогалъ?

«— Себя тѣшилъ!.. Себя только люблю, продолжалъ художникъ:—одинъ эгоизмъ полный, безапелляціонный эгоизмъ!.. Да, нѣтъ, и не эгоизмъ... Тамъ, гдѣ дѣйствуетъ эгоизмъ, бываетъ полное довольство, сознаніе собственнаго достоинства, а я не жи-

ву и не умираю, и всегда самъ себѣ гадокъ. Для кого же, зачѣмъ я буду работать? Себя я не люблю, не уважаю, васъ тоже... О комъ же заботиться, для кого хлопотать? Ужь не для будущаго ли поколѣнія трудиться? Вотъ еще діалектической фокусъ, пунктъ помѣшательства, благодумная дичь! Часто отъ лучшихъ людей слышимъ, что они работаютъ для будущаго—вотъ странность-то!.. Вѣдь насъ тогда не будетъ?.. Благодарно будетъ будущее поколѣніе? Но вѣдь мы не услышимъ ихъ благодарности, потому что уши наши будутъ заткнуты землею»...

Вы изумляетесь, чего же этотъ человѣкъ ждетъ еще, отчего не повѣсится на первой попавшейся перекладинѣ? Оттого, что въ его больную голову приходили всякіе вопросы, кромѣ этого. И какъ только вопросъ въ этомъ родѣ былъ предложенъ ему, онъ тутъ же, съ дрожью человѣка, окунушагося въ крещенскую прорубь, вскрикиваетъ: «гадко! Не буду! Перестану и пить и завираться!» Неумолимая послѣдовательность мысли, которою онъ похвывается какъ своею, и честность, которая замѣняетъ для него всѣ другіе принципы и всякую вѣру и добродѣтель, отъ этого конечно страдаетъ. Вѣдь онъ сдѣлалъ признаніе, что потерялъ всякій вкусъ къ жизни. Слѣдственно, почему же ему можетъ казаться, что, напримѣръ, повѣситься гадко? А если это и гадко, ему все-таки слѣдовало бы сказать: «а плевать на то, что это гадко», подобно тому, какъ онъ плыветъ на луну. Ясно, что обѣщаніе Череванина — исправиться, при всей его искренности, нельзя принимать за твердое и непреклонное; оно — только временная уступка, вынужденная перспективой дома умалишенныхъ.

Есть другая причина недоувѣрять рѣшимости художника и считать его обреченной жертвой своего несчастнаго порока. Его привычка—во всякомъ словѣ открывать пустоту, во всякомъ явленіи—гадость, привела его къ тому, что онъ изъ своихъ гадостей выработалъ для себя родъ идеала, окруженнаго для него всѣми приманками; онъ искренно думаетъ о себѣ, что онъ пьетъ и сумасбродствуетъ потому, что «всегда честно мыслилъ»; слѣдственно, всѣ неприятели, всѣ истинно-разсудительные и дѣлающіе свое дѣло люди, всѣ, которые не созерцали, наравнѣ съ нимъ, нашъ земной міръ, какъ гнилую картофелину, ему представлялись глупцами и бездѣльниками. Теперь ему нуженъ сильный идеалъ совершенно обратнаго свойства. Гдѣ онъ возьметъ его? Его не дадутъ ему ни его умъ, ни его воображеніе, ни его рѣшимость, потому что идеалы не выдумываются, а наживаются. Неограниченныя способности самого Данте, безъ сомнѣнія, не создали ни одной такой черты для его Беатриче, не придали ни одной блаженной душѣ такой добродѣтели, которая бы не была вдохновлена ему дѣйствительностію.

Но мы знаемъ все прошедшее Череванина: оно было таково, что заразило его духомъ «кладбищенства». Знаемъ заколдованный кружокъ, въ которомъ онъ осужденъ вращаться: это компанія людей, которые подъ выпивкой не прочь устроить «скандалиссимумъ» на всю столицу — отмять бока первому встрѣчному. Мы видимъ всѣ предстоящія ему трудности выдти изъ этого кружка и покориться другимъ влияніямъ. Лучшій человекъ, какого встрѣчалъ Череванинъ, это Молотовъ. Но развѣ въ Молотова вложена хоть искра способности—давать инициативу? Онъ — хорошій примѣръ для начинающаго канцелярскаго писаря, для конторскаго мальчика; на него могутъ указывать, какъ на образецъ, всѣ отцы шаловливыхъ ребятшекъ или взрослыхъ шалопаевъ, но что же онъ для Череванина?

Такимъ образомъ, самое отреченіе Помяловскаго отъ своихъ умственныхъ пштаній не послужило ему къ добру. Онъ рѣшился отстать отъ нихъ; но недостатокъ положительнаго содержанія, отсутствіе лучшихъ идеаловъ, зависѣвшее въ немъ отъ незнанія жизни, будутъ попрежнему оставаться его кошмаромъ и держать всѣ духовныя силы его въ состояніи мукъ или апатіи. Вся энергія рассказанной нами вспышки привела его только къ убѣжденію, что если безысходная скука — непреложный законъ жизни, то надо мириться и со скукой.

Колоритомъ этого убѣжденія подернуть весь конецъ его романа, очевидно, сведеннаго усталой и неумѣлой рукою. Онъ вымышляетъ малое препятствіе къ женитьбѣ Молотова. Именно, создаетъ ему соперника въ лицѣ директора департамента, взятаго напрокатъ изъ «Очерковъ бурсы»: разница только та, что въ бурсацкихъ женитьбахъ начальство указываетъ невѣсть женихамъ, и предписываетъ о томъ мѣстнымъ благочиннымъ, а здѣсь подчиненный рапортуетъ его превосходительству, что въ исполненіе возложеннаго на него порученія, невѣста ему наплась, которой и благоволитъ онъ произвести смотрины. Романическая пряность, въ видѣ этого неожиданнаго препятствія любящимся сердцамъ, конечно, могла быть вырвана у Помяловскаго только тяжкой неволею, недостаткомъ болѣе дѣльнаго матеріала; въ какой степени сознаніе такой неволи давило самого Помяловскаго, видно изъ того, что онъ вовсе не умѣлъ скрыть отъ читателя, что предлагаемая имъ пряность, въ сущности — вещество очень прѣсное, что она даже въ его собственномъ мозгу не производитъ ни малѣйшаго возбужденія, въ его собственной крови — ни единого колыханія. Только подобнымъ настроеніемъ автора, чуждымъ вдохновенія и лишеннымъ самодовольства, только подобнымъ сознаніемъ своего безсилія, мы можемъ объяснить всѣ тѣ мѣста, дающія общій тонъ заключительнымъ страницамъ

романа и, слѣдственно, всему впечатлѣнію отъ него, въ которыхъ возрожденный Череванинъ является утѣшителемъ невѣсты Молотова. Онъ только о томъ и старается, чтобы понизить ея нравственный строй, чтобы убѣдить ее, что все это вздоръ и пошлость, и что въ ея положеніи даже невозможно и случиться чему-нибудь такому, что отзывалось бы подвигомъ или глубокимъ несчастіемъ, а не пошlostію. Какъ же намъ было не сказать, что въ возрожденіе Череванина невозможно повѣрить? Онъ рассуждаетъ съ возлюбленной своего пріятели:

«Если вы убѣждены, что подло идти за Подтяжина, то и не идите за него... Сидите себѣ спокойно въ комнатѣ и ждите, что будетъ. Что они съ вами сдѣлаютъ? Кормить что ли не будутъ? Страшнаго ничего не случится; выйдетъ, какъ и во всемъ, пошлость, надъ которой вы сами посмѣетесь. Какая тутъ трагедія? Событій-то даже мало будетъ. Въ трагедіяхъ участвуютъ боги, цари и герои, а вы—чиновникъ и чиновница; потому и романъ вашъ будетъ мирный, безъ классическихъ принадлежностей, безъ яду, бѣшеной борьбы, проклятій и дуэлей... Ваше положеніе уже таково, что ничего грандіознаго не можетъ случиться... Въ монастырь вы не пойдете, изъ окна не броситесь, къ Молотову не убѣжите и не обвиняетесь съ нимъ тайно—все это принадлежности высокихъ драмъ... Теперь, возьмите положеніе Молотова, то же самое что и ваше... Классическаго тоже ничего не предстоитъ. Ему даже дѣлать нечего. Вся эта пошлая туча мимо его пройдетъ, она будетъ носиться надъ вашей головой. Егоръ Ивановичъ можетъ только перебирать всѣ средства, какія употребляются людьми при связи, разорванной благочестивыми родителями, и видѣть, что онъ неприложимъ въ его положеніи. Нѣчто потѣшное выходитъ.»

Всѣ слова этихъ строчекъ выражаютъ неболѣе, какъ самую вилую апатію, громко говорящую о безсиліи. Это не пронипательность взгляда, а темная вода во взглядѣ, не опошленіе, а пошлость, не потеря вкуса къ жизни, а никогда не извѣданное ощущеніе того чувства, которое называется вкусомъ. «Суету суетъ», отсутствіе высоты и поэзіи, и вообще пошлость нашей человѣческой жизни исповѣдывали многіе мудрецы и поэты, въ стихахъ и въ прозѣ. Люди, хотя и осужденные жить единственно только почеловѣчески, а не иначе, всегда, однако, охотно мирились съ порицаніями мудрецовъ—древнихъ и новыхъ. Мирились, несмотря на то, что большую часть ихъ порицаній признавали за софизмы; но мирились потому, что въ выраженіи самыхъ этихъ софизмовъ видѣли самую высокую, и вмѣстѣ возвышающую, поэзію, какая только можетъ быть вдохновлена нашею человѣческою жизнью. Это понятно всякому смертному, и со стороны смертныхъ вполне разсудительно. Но если вамъ предлагаютъ опошленіе безъ поэзіи, безъ вдохнови-

тельной мудрости, вы можете только отвернуться отъ него, какъ отъ пошлости. И если вамъ говорятъ, что поэзія и возвышенность есть только удѣлъ царей и героевъ, вы въ правѣ отвѣчать тому, кто говоритъ это, что глубоко сожалѣете о его жалкой, природной посредственности, или о его жалко-посредственной судьбѣ.

Романъ, однако, кончается такъ, какъ было заранѣе предсказано, и какъ обезсиленному автору только и возможно было кончить его: смиренному кроту дается его кротиха, безъ луча поэзія въ придачу, и даже съ опошленіемъ и безъ того убогой его доли.

«Тутъ и конецъ мѣщанскому счастью. Эхъ, господа, что-то скучно!» — заключаетъ Помяловскій.

Не будемъ утверждать, что не скучно; но что же этимъ сказано? какой смыслъ у этой басни? Кому скучно, и отчего скучно? Если всѣмъ не-царямъ и не-героямъ, и именно оттого, что они не-цари и не-герои, то мы не можемъ представить ничего веселѣе, чѣмъ скука отъ подобной причины. А между тѣмъ другого, болѣе глубокаго смысла у этой басни нѣтъ. Потому-то мы и видимъ въ ней лишь доказательство безсодержательности Помяловскаго, до того глубокой безсодержательности, что ему не былъ покоренъ даже собственный умъ его: ему хотѣлось парить, а онъ принужденъ былъ пресмыкаться; ему хотѣлось выговорить что-нибудь свѣжее, молодое и ободряющее, а онъ могъ только, вмѣстѣ съ старыми старухами, повторить старую пѣсню: «скучно!»

Успѣхъ «Молотова» былъ, однако, такъ значителенъ, что Помяловскій, какъ увѣряетъ его біографъ, «сразу сталъ наряду съ нашими лучшими беллетристами». Здѣсь мы кстати позволимъ себѣ позаимствовать изъ его біографіи не одно только указаніе на обширность его успѣха, а и нѣсколько послѣдующихъ строкъ, которыя характеризуютъ личность такъ быстро прославившагося писателя, и которыя какъ нельзя ближе подходятъ къ нашему взгляду на него, а между тѣмъ, написаны его другомъ и глубокимъ почитателемъ.

«Послѣ этого — говорится въ біографіи нашего писателя — всѣ редакціи наперерывъ приглашали его къ себѣ, просили сотрудничества; пришлось даже ему побывать въ нѣкоторыхъ великосвѣтскихъ гостинныхъ. Но Николай Герасимичъ скоро впрочемъ отшатнулся отъ этихъ гостинныхъ; въ нихъ ему показалось и скучно и душно. По натурѣ онъ былъ чистый, кровный плебей, и не жаловалъ барства. Всякое стѣсненіе привычекъ, и необходимость держать себя чинно, съ отгѣнкомъ свѣтскаго формализма — томилъ его, и онъ по возможности избѣгалъ случаевъ, испытывать на себѣ это томленіе. Онъ даже вовсе почти не заглядывалъ въ наши театры, потому только, что тамъ сидѣть надо прилично... Иногда въ шутку, подъ веселый ладъ, говорилъ, бывало, что «вотъ и я уже благовоспитанность на себя напушу, перчатки на руки напялю, и на

Невскій выкачу прогуливаться. Но такую благовоспитанность онъ напускалъ на себя очень рѣдко, только въ крайнихъ случаяхъ, и своимъ костюмомъ и наружностью вообще не занимался».

Изъ этихъ строкъ мы видимъ, что Помяловскому представилась, наконецъ, возможность пожить настоящею жизнью въ обществѣ, отвѣдать ея истинное содержаніе, быть ея участникомъ, а не штудировать ее въ своемъ темномъ углу по романамъ, при жалкомъ освѣщеніи передовыхъ статей. Но эти же самыя строки показываютъ намъ, что такая возможность пришла къ нему слишкомъ поздно. Настоящая жизнь потребовала отъ него нѣкоторыхъ жертвъ, какъ-то — надѣванія перчатокъ, каждодневнаго умыванія лица, приличнаго сидѣнья, и отказа отъ кое-какихъ первобытныхъ привычекъ, которыя онъ нажилъ, не живя настоящею общественною жизнью: какъ ни малы, повидимому, эти жертвы, въ Помяловскомъ не оказалось способности сдѣлать ихъ. Можетъ быть, повторенный успѣхъ, въ свою очередь, отнял у его воли послѣднюю силу, а у его ума немалую долю сообразительности. Если справедливо, что за нимъ ухаживали всѣ редакціи (хотя мы положительно знаемъ, что нѣкоторыя подходили подъ исключеніе), онъ могъ думать, что не сговорились же редакціи морочить и себя и его, какъ въ арабской сказкѣ, что вѣрно же въ немъ есть что нибудь такое, что всѣми другими достигается путемъ изученія, опытности и самоличнаго наблюденія, а на него свалилось свыше. Редакціямъ, конечно, трудно избавиться отъ упрека въ унижительномъ ухаживаніи за Помяловскимъ, которое, какъ теперь оказывается, ни имъ самимъ не послужило къ прибыли, или къ чести, а Помяловскаго, быть можетъ, совсѣмъ доканало. Но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что редакціи тутъ только побочная причина: возможность другой, настоящей жизни, а слѣдственно и возможность сдѣлаться изъ сочинителя настоящимъ писателемъ, не далась Помяловскому потому, что слишкомъ поздно представилась ему.

Послѣ «Молотова» намъ остается не оцѣнивать Помяловскаго, а указать только на его упадокъ, который, впрочемъ, по нашему мнѣнію, не былъ предваренъ возвышеніемъ. Помяловскій упалъ, не стоявши никогда на высотѣ. Молотовъ былъ почти началомъ для него, но онъ же былъ и его апогеемъ. Успѣхъ этой повѣсти создалъ ему критическое положеніе совершенно особаго рода: съ одной стороны, съ тѣхъ поръ, для него стало ясно, что онъ, въ силу самаго своего успѣха, сталъ подъ надзоръ общаго вниманія и возбудилъ немалыя — все равно, основательныя или нѣтъ — надежды, а съ другой, какъ ему было оправдать эти надежды, когда для него писать значило — строить, не имѣя строительнаго матеріала? Трудно представить что нибудь печальнѣе тѣхъ мучитель-

ныхъ заботъ, съ которыми онъ искалъ себѣ, послѣ «Молотова», какого бы ни было литературнаго сюжета. Эти заботы, можно сказать, наполнили весь остатокъ его жизни и, весьма вѣроятно, немало способствовали къ ея окончательному отравленію. Сбитый съ толку и обманутый въ самомъ себѣ своею удачею, онъ, на первыхъ порахъ, покусился-было на большой и сложный романъ и даже придумалъ ему заглавіе — «Братъ и Сестра». Но трудность задачи не замедлила сказаться Помяловскому: онъ отставалъ отъ своего замысла, какъ превосходящаго его силы, и снова возвращался къ нему, съ тѣмъ, чтобы снова отстать и опять воротиться. Объ этомъ рядѣ колебаній мы узнаемъ изъ его біографіи; но о томъ, что онъ готовилъ большой романъ, было извѣстно въ журнальномъ мірѣ, еще въ свое время. Однажды былъ указанъ даже номеръ «Современника», въ которомъ должны были появиться первыя главы заглавнаго оповѣщеннаго произведенія. Романъ, однако, такъ никогда и не явился. Теперь, въ сочиненіяхъ Помяловскаго, мы встрѣчаемъ отрывки изъ него и кое-какіе наброски изъ его неясной программы, и намъ становится понятнымъ, почему онъ не явился. Если болѣзнь, окрещенная Помяловскимъ именемъ «торричеллиевой пустоты», что нибудь значитъ, то нигдѣ нельзя понять яснѣе, какъ изъ этой работы, уцѣлѣвшей со всѣми живыми нитками на ней, что именно значитъ эта болѣзнь. Здѣсь мы можемъ понимать даже степень ея мучительности. Сценою дѣйствія своего романа Помяловскій думалъ сдѣлать громадную палестину въ пол-Россіи, начать съ ея ядра въ одной изъ «коренныхъ» ея губерній и дойти до великаго прыща на ея скорлупѣ — именуемаго Сѣверной Пальмирой; къ дѣйствію предназначалось привлечь всѣ сословные классы и даже всѣ подраздѣленія ихъ, отъ княжескихъ родовъ рюриковой крови до архіерейскихъ пѣвчихъ, отъ деревенскихъ барышень до столичныхъ кухарокъ; характеры должны были уясняться жизненными вліяніями, начиная отъ рожденія и цѣленокъ, отъ азбуки, школы и университета, или домашней обстановки, до окончательнаго сформированія жизненнымъ опытомъ. Чей же это замыселъ? Человѣка, рожденнаго въ оградѣ петербургскаго кладбища, воспитаннаго въ отгороженной отъ всего свѣта, и даже отъ свѣжаго воздуха, бурсѣ, невидѣвшаго другого горизонта, кромѣ туманно-пыльнаго свода надъ Петербургомъ, узнавшаго кое-что о широтѣ и разнообразіи жизни только изъ романовъ и долго невѣрившаго даже ихъ показаніямъ, наконецъ, никогда немогшаго промѣнять жизнь и привычки бурсака на что нибудь менѣе анти-общественное. Но человѣкъ этотъ не былъ лишенъ здраваго смысла, потому онъ сто разъ долженъ былъ осудить передъ самимъ собою дерзновеніе своихъ помысленій. Однако, человѣкъ этотъ былъ одержимъ

болѣзнию воли, потому — онъ сто разъ снова предавался своимъ дерзновеннымъ помышлениямъ. Побѣдить въ этой борьбѣ, какъ и во всякой другой, должна была сила вещей, потому — обѣщаніе Помяловскаго «Современнику» никогда не могло быть исполнено.

Но любопытно взглянуть хоть мелькомъ, какъ, однако, изъ *какого-нибудь* ничего Помяловскій пытался создать *какое-нибудь что*, какъ онъ могъ даже упорствовать въ этой своей попыткѣ.

Романъ его открывается описаніемъ великолѣпной усадьбы князя Кореналова, въ «одной изъ коренныхъ русскихъ губерній»; въ сосѣдней рощи свищутъ соловьи, въ саду князя происходятъ оживленные игры: молодые люди взапуски бѣгали за барышнями, а въ ближнемъ оврагѣ совершаются разныя романическія сцены. «Въ это время» — говорится въ программѣ романа:

«когда свистали соловьи и звучали поцалуи въ воздухѣ, въ семьѣ Потесинныхъ совершалась тайна народженія чловѣка. — (*Описание родины. Изъ воспоминаній, какъ у насъ родился братъ*)».

Новорожденный будетъ героемъ романа, а родился онъ въ помѣщичьей семьѣ, одержимой «дворянскимъ гонимомъ». Мы просимъ теперь читателя обратить вниманіе на слова приведенной выдержки, напечатанныя курсивомъ и въ скобкахъ. Авторъ думаетъ, что его воспоминанія о томъ, что онъ видѣлъ при родинахъ своего брата, могутъ послужить ему къ чему-нибудь при описаніи таковыхъ же родинъ совершенно въ другой сферѣ. Положимъ, что по деревьямъ Таврическаго сада еще можно создавать какіе угодно нарки и рощи, населенныя соловьями: у деревьевъ нѣтъ никакихъ сословныхъ или зависящихъ отъ ихъ положенія на свѣтѣ — обычаевъ, нравовъ, привычекъ, повѣрій и проч. Но у людей все это есть: они не такъ рождаются и живутъ во дворцахъ, какъ въ деревенскихъ избахъ, даже не такъ чувствуютъ и не такъ принимаютъ впечатлѣнія отъ однихъ и тѣхъ же предметовъ. Сколько же мы узнали бы жизненной правды изъ описанія автора? Что могли бы означать для насъ всѣ слова этого описанія?

Въ другомъ мѣстѣ того же романа мы встрѣчаемъ «источникъ изобрѣтенія», который еще болѣе способенъ изумить. Авторъ просто выбираетъ себѣ типы и характеры изъ прочитанныхъ имъ романовъ, и придавъ имъ кое-какія варьяціи, или извративъ ихъ хорошія стороны въ дурныя, а дурныя въ хорошія, по своимъ книжнымъ симпатіямъ и антипатіямъ къ жизни, думаетъ обратить ихъ въ свою собственность. Это могло бы казаться совершенно невѣроятнымъ, еслибы не было изображено въ признаніяхъ самого автора самымъ понятнымъ образомъ, недопускающимъ двухъ толкованій. Именно: набрасавъ голословно черты одного женскаго образа, Помяловскій замѣчаетъ въ скобкахъ:

«Здѣсь мы должны изобразить типъ женщины, на которую, съ одной стороны намекнулъ Гончаровъ въ своей Софѣ Николаевнѣ, съ другой Тургеневъ въ Одинцовой. Мы этотъ типъ выведемъ на чистоту—дѣло-то лучше будетъ.»

Взятое само по-себѣ, мѣсто это поражаетъ какою-то дерзкой тупостью. Но Помяловскій никогда не былъ тупъ. Одно уже то, что онъ не напечаталъ ни одной строчки изъ своего романа, говорить въ его пользу, потому что неопреодолимыхъ препятствій — окончить это произведение онъ все-таки не имѣлъ, и оно, безъ сомнѣнiя, все-таки было бы напечатано и, пожалуй, сдѣлало бы отношенiя критики «Современника» къ г. Тургеневу еще ожесточеннѣй, чѣмъ прежде. Мы не позволимъ себѣ объяснять ограниченности Помяловскаго даже такое обстоятельство, передъ которымъ самая приведенная сейчасъ выдержка уже не кажется странной, именно — то обстоятельство, что онъ думалъ ввести въ свой романъ кое-какіе изъ своихъ этюдовъ, написанныхъ еще въ бурсѣ: въ его время въ бурсѣ, какъ это бываетъ и въ другихъ школахъ, издавались писанныя тетради, именуемыя «журналомъ»; онъ былъ сотрудникомъ въ этихъ тетрадяхъ, и изъ нихъ-то онъ и рассчитывалъ перевести свои строки на страницы «Современника», куда назначалъ свой романъ. Все это не глупость, а то самое, что Помяловскій съ такою горечью пьяными устами своего Череваннина называетъ «божежѣнной совѣстью и торричеллиевой пустотой».

Приведенныхъ примѣровъ, быть можетъ, было бы вполне достаточно, если бы взглядъ, въ подтвержденiе котораго они приводятся, былъ сколько-нибудь привыченъ читателю прежде, чѣмъ намъ привелось высказать его въ этой статьѣ. Но пишущаго эти строки, вѣроятно, считаютъ обязаннымъ приводить по десяти доказательства тамъ, гдѣ достаточно простого указанiя. Мы можемъ увѣрить читателя, что примѣры и доказательства насъ не могутъ затруднять ниоимъ образомъ. Но мы думаемъ: будетъ ли наше обиліе, въ этомъ случаѣ, соответствовать важности предмета? И положимъ, что предметъ, занимающій насъ, не ничтоженъ; но самое отношенiе, въ которое мы къ нему стали, не предписываетъ ли намъ быть воздержными, подъ опасенiемъ показаться не деликатными? И допустимъ опять, что въ изслѣдованiи общинтересной истины главная забота должна быть обращена на то, чтобы не пострадала истина, а не на то, угрожаетъ или не угрожаетъ какое-нибудь злоязычiе самому изслѣдователю со стороны его ближнихъ. Допустимъ. Но если мы имѣемъ право считать вполне установленнымъ фактомъ, что Помяловскій внѣ Петербурга, ни въ какомъ другомъ обитаемомъ мѣстѣ никогда не бывалъ, а въ самомъ Петербургѣ былъ знакомъ только съ наружностью его домовъ, то не покажетъ

ся ли оскорбительнымъ иному въскательному читателю, если его и затѣмъ будутъ убѣждать еще десятками доказательствъ, что Помяловскій не иначе могъ понимать жизнь и людей, во всѣхъ возможныхъ обитаемыхъ мѣстахъ, какъ только отражательнымъ пониманіемъ, по начитанію изъ книгъ, а не по опыту?—Однако не всѣ читатели одинаково въскательны; иные не оскорбляются никакими плеоназмами и только ихъ и принимаютъ за достаточное развитіе мысли. Въ удобность такимъ мы рѣшаемся еще привести образчикъ того, къ какимъ схоластическимъ приемамъ и къ какимъ сложнымъ комбинаціямъ вычитанныхъ представленій долженъ былъ прибѣгать Помяловскій, вынуждаемый къ тому недостаткомъ собственного, самобытнаго содержанія. Въ программѣ все того же романа намъ попадаетъ набросокъ одной приниженной и въ добавокъ идиотической личности департаменскаго канцелириста, по имени—*Епифана Ремнищева*. Къ далеко неоконченному рисунку этого персонажа, Помяловскій дѣлаетъ, собственно для себя, такое примѣчаніе въ скобкахъ:

«Характеристика.—Его мечты и хозяйство.—Любовь къ сосѣдкѣ-уроду.—Теорія психически провѣренная, что дуракъ, быть можетъ, умнѣ насъ, умниковъ, но у него свой складъ души.—Положительная честность и добродушіе. — Онъ умѣлъ разговаривать съ неодушевленными вещами, для него каждая изъ нихъ имѣла смыслъ.—Скопидомство.—Скандалъ, учиненный имъ въ департаментѣ, вслѣдствіе внушеній Потешина о томъ, что онъ не долженъ позволять унижать свою личность и проч.»

Этотъ проектъ человѣческой личности названъ, какъ мы сказали, Епифаномъ Ремнищевымъ. Но ясно, что, за исключеніемъ собственного имени, всѣ остальные черты его напоминаютъ, то Макара Алексѣевича Дѣвушкина, то самого Акакія Акакіевича, то вызываютъ представленіе о *Левкѣ Косомъ* (если мы не забыли это имя) въ «Запискахъ доктора Крупова.» Комбинація весьма сложная, но тѣмъ не менѣе легко поддающаяся анализу. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не вспомнить даже про Левку Косого по поводу этой «психически провѣренной теоріи», по которой дуракъ, быть можетъ, умнѣ умнаго? У доктора Крупова было столько ума, что онъ не зналъ куда расточать его, и между прочимъ изъ одной искры этого ума родилась означенная теорія. Родилась она безъ тяжкихъ мукъ и безъ всякаго предьявленія какой-бы ни было претензіи, какъ вообще рождаются острые слова и легкіе парадоксы. Но раздуть эту искру въ «психически провѣренную теорію» значить — разводить антимоію на водѣ, значить — упражняться въ схоластикѣ, значить—объяснять тайну самой схоластики, которой жизнь и смерть въ движеніи или застоѣ фактическаго знанія.

Въ промежутки, когда Помяновскій отшатывался отъ романа, «Братъ и Сестра», онъ думалъ написать анти-нигилистическій романъ, подъ названіемъ «Каникулы или гражданскій бракъ». — «Въ этомъ романѣ», по словамъ его біографа, —

«онъ задумывалъ изобразить невинную, нѣсколько экзальтированную дѣвушку, которая попала въ общество людей, въ родѣ *Ситниковыхъ* и *Кукишиныхъ*, которые отуманили ее напыщенными фразами, не давъ никакого положительнаго понятія о жизни, и соблазнили ее вступить въ гражданскій бракъ; думалъ онъ сдѣлать этихъ людей отблескомъ того свѣтлаго и честнаго люда, который извѣстенъ подъ именемъ новыхъ людей, и показать, что они, мнимые передовые люди, нахватавшись умныхъ рѣчей, усвоивали, по своему уязобію, только верхки ихъ и свой цинизмъ прикрывали именемъ прогреса».

Но разумѣется, какъ человѣкъ неглупый, Помяловскій опять не могъ не понять, что задача подобнаго романа въ немъ была не что иное, какъ «плѣнной мысли раздраженіе», что она давно уже исполнена рукою мастера и что *Ситниковы* и *Кукишины*, какъ обмачивый отблескъ истинно-передовыхъ людей, заклеяены заслуженнымъ ими позоромъ, къ которому онъ едва-ли могъ что прибавить.

Тогда авторъ безъ сюжета принялъ предложеніе «Русскаго Слова» — написать для него повѣсть, къ которой тотчасъ же и приступилъ, назвавъ ее «Порѣчане». Эту повѣсть онъ даже началъ довольно удачно, и, кажется, могъ бы совершенно хорошо кончить, потому что событія повѣсти не выходили, на этотъ разъ, изъ круга его самоличнаго наблюденія. Однако, для него скоро сдѣлалось ясно, что въ основу задуманнаго имъ произведенія легъ довольно глупый и безразличный фактъ: убійство въ кулачномъ бою. И онъ отступился и отъ этой повѣсти, вѣроятно, единственно по этой причинѣ. Можно, однако, очень и очень пожалѣть, что при несомнѣнномъ безсиліи своемъ, Помяловскій, благодаря своимъ льстецамъ и заискивателямъ, воспиталъ въ себѣ столько самообольщенія и увѣренности, что считалъ себя обязаннымъ творить только великія вещи и дѣлать открытія: въ его «Порѣчанѣ» мы, навѣрное, имѣли бы прекрасный рассказъ.

Намѣреніе написать что-нибудь оригинальное доводило Помяловскаго до отчаянія. Есть основаніе думать, что отъ «Брата и Сестры», равно какъ и отъ всего, что должно начинаться и происходить «въ княжескихъ домахъ и барскихъ усадьбахъ», а также и вообще «въ коренныхъ губерніяхъ», онъ отшатнулся наконецъ совсѣмъ и безвозвратно. Неужели Петербургъ недостаточно необъятенъ для того, чтобы въ немъ нельзя было найти сюжета для самаго

необъятнаго произведенія? И Помяловскій, дѣйствительно, глядѣлъ, одно время, на Петербургъ, какъ на предопредѣленный сюжетъ для себя. Онъ хотѣлъ изучать его язвы и его «трущобы», тѣ самыя, которыя такъ интересуютъ теперь читателей на страницахъ «От. Записокъ», выходя изъ-подъ пера другого талантливаго писателя, никогда неощущающаго недостатка въ сюжетахъ. Сначала Помяловскій, для осуществленія своей мысли, думалъ составить даже компанію литераторовъ, которые бы респредѣлили по себѣ всѣ сорта добродѣтельныхъ людей изъ области «петербургскихъ трущобъ». На свою часть Помяловскій бралъ петербургскихъ нищихъ. Но компанія не состоялась и Помяловскому пришлось остаться при своемъ оригинальномъ замыслѣ одному.

«Тогда — говорится по этому поводу въ его біографіи — сталъ онъ пропадать по цѣлымъ недѣлямъ, и гдѣ пропадалъ онъ, не зналъ никто. Родные и знакомые его встревожились, дѣлали розыски, но напрасно. Потомъ оказалось, что онъ все это время проживалъ гдѣ-то на Сѣнной, въ самомъ центрѣ безчувственнаго разврата, и нищеты неисходной. Безвыходно жилъ онъ тамъ въ кабакахъ, грязныхъ харчевняхъ, публичныхъ домахъ, въ какихъ-то отвратительныхъ катакомбахъ съ лицами, при одномъ разказѣ о которыхъ вчужь ужасъ беретъ. Онъ знакомился и кутилъ съ этими лицами, изучалъ ихъ съ психологической точки зрѣнія, выпитывалъ у нихъ прошлое; тамъ у него явились пріатели, съ которыми онъ гулялъ и попадалъ даже на съѣзжую. Мысли горькія вынесъ онъ изъ наблюденій надъ этой жизнью. — За то — говорилъ онъ — такими пейзажиками я до того укрѣпилъ свои нервы, что могу спокойно смотреть на самый отвратительный цинизмъ и анализировать его. Вотъ уже я выставлю эти картинки на показъ нашему обществу — пусть любитесь» (Т. I. стр. XLIV).

Но обществу не довелось увидѣть эти картинки, и оно, какъ мы замѣтили, любитесь ими въ изданіи другого писателя. Взамѣнъ того, самому Помяловскому, вслѣдствіе слишкомъ прилежнаго изученія имъ этихъ картинокъ, часто приходилось представлять изъ себя такую картину отчаянія, которой что-нибудь подобное можетъ встрѣчаться только въ темныхъ катакомбахъ, гдѣ живетъ сама погибель. Дорого обходилась ему его несчастная слабость, потому что въ немъ это была слабость — въ изученію общественныхъ язвъ. Объ этомъ можно судить по его неистовымъ крикамъ, вырывающимся у него послѣ каждаго изъ его похмѣлій въ катакомбахъ или на съѣзжей — крикамъ, отъ которыхъ дѣйствительно вчужь дрожь проникаетъ. Пусть читатель испытаетъ на самомъ себѣ дѣйствіе хоть одного изъ нихъ:

«О, препоганая мать-природа, зачѣмъ ты создала мать сивуху, чтобъ тебѣ насквозь прошло! О, святорусскій народъ — брось

пить — я одинъ изъ бросающихъ. Разшиби ты поганую посуду съ поганой сивухой; наплой въ овна кабаковъ, и въ роки ихъ производителей! Отрезвись — и пой хоть ту же унылую пѣсню, какую пѣлъ, до сихъ поръ, только не съпяна! Но чую, чую взбѣшонной душой, что это все напрасно написано... проклятая жизнь, и проклятая ты природа! — Чую, что смерть идетъ ко мнѣ быстрыми шагами. И тагъ, много ли нажилъ? О, проклятая жизнь!...

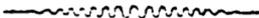
Затѣмъ Помяловскій, все изъ той же жажды сюжета, подряжался поставлять фельетоны въ нашу официальную военную газету, и не написалъ ни одного фельетона, вѣроятно, по той же причинѣ, по которой не кончилъ Порѣчанъ; былъ приглашаемъ и согласился поступить въ критики «Современника», и тоже не кончилъ начатую статью. Сила вещей привела его, напоследокъ, къ тому, что онъ принялся писать «Очерки Бурсы».

Мы называли, наконецъ, это произведеніе, которое навсегда останется сочувственнымъ для всѣхъ претерпѣвшихъ или претерпѣвающихъ отъ бурсы, и отъ насъ, можетъ быть, ждуть — какъ-то мы теперь разойдемся съ общимъ приговоромъ нашей критики, съ которымъ до сихъ поръ не были согласны ни на одну йоту. Но ожиданія эти будутъ напрасны. Мы хотѣли уяснить писателя, который, дѣйствительно, озадачилъ нашу критику и къ которому она, въ самомъ дѣлѣ, не знала какъ приступить, и до сихъ поръ не умѣетъ рѣшить — новый онъ реалистъ или «новѣйшій», первый ли онъ чело-вѣкъ одной только нашей литературы, или и во всѣхъ остальныхъ не было такого писателя. И мы, дѣйствительно, не можемъ не признать сами, что нашъ критическій приѣмъ былъ совершенно новый, и совершенно объясняющій дѣло, потому что онъ самый простой. Мы хотѣли сказать всѣми предъидущими словами своими, что Помяловскій, въ силу вещей, въ силу неумолимой логики обстоятельствъ, былъ писатель, и притомъ замѣчательный, только — въ возможности, а не на дѣлѣ; писатель безъ сюжета, писатель, которому не о чемъ было писать. Но та же сила вещей, которая тяготѣла надъ нимъ пудами, когда онъ заносился, указала ему, наконецъ, и его истинный сюжетъ. Да; этотъ сюжетъ, какъ онъ ни кажется скромнымъ, былъ одинъ только истинный, по которому могла тосковать душа Помяловскаго. И открывъ его, онъ припалъ къ нему съ дрожью и жаждой африканскаго пустынного, напавшаго на холодный ключъ. Мы получили четыре «Очерка Бурсы», и считаемъ, что это болѣе, чѣмъ довольно. Но Помяловскій хотѣлъ написать ихъ двадцать — такъ по-крайней-мѣрѣ сказано въ его биографіи: это было бы больше «Илиады», больше «Донъ-Жуана» и «Мертвыхъ Душъ». Но это все бы не было больше того, сколько Помяловскому хотѣлось мстить и мстить, тысячу разъ мстить своей по-

губительницѣ—бурсѣ. Но кто будетъ видѣть въ немъ только мстительную Немезиду, тотъ близорукъ, и вовсе неспособенъ понимать природу человѣка. Въ разногласицѣ его проклятіи мы слышимъ часто голосъ самаго нѣжнаго чувства: бурса остается его матерью, и какая бы она ни была Медея, его ненависть къ ней не можетъ быть чистою и безпримѣсною; ея промзглыя стѣны напоминаютъ ему о дняхъ его дѣтства, которые, во всякомъ случаѣ, не всѣ же были днями колѣнопреклоненія, розогъ и зубовнаго скрежета. Неужели въ этомъ щегольствѣ цинизмѣ, въ этомъ лирическомъ упоеніи грязью, вы не замѣчаете какой-то женственной сантиментальности къ тому, что хотя и дѣйствительно грязно, но все же почему-то дорого? Такъ уже устроенъ человѣкъ—спросите у всѣхъ психологовъ. Оттого, цинизмъ, такъ обильно разлитый по «Очеркамъ бурсы,» намъ не подѣ силу. Понятно: для насъ въ немъ нѣтъ ничего дорогого; онъ слишкомъ реаленъ для насъ, такъ-сказать, фотографиченъ, тогда какъ для автора онъ не былъ лишонъ смягчающаго, идеальнаго элемента.

Можетъ быть, намъ слѣдовало бы теперь поненать на общество, въ которомъ возможны столь прискорбныя явленія, какъ «неудавшійся писатель». Конечно, слѣдовало бы. Но вѣдь это никогда не уйдетъ отъ насъ.

Incognito.

О П Е Ч А Т К А. Въ первой апрѣльской книжкѣ «От. Зап.» въ статьѣ «Между старымъ и новымъ» на страницѣ 529-й въ строкѣ 24-й:—

напечатано:

читай:

эстетическому и реальному; эстетическому и художественному;

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Характеръ войны въ сѣверной Америкѣ.—Значеніе Чарльстона.—Вліяніе сѣверо-американской войны на дѣла Европы. — Положеніе, принятое европейскими кабинетами. — Проектъ Стефенса. — Паденія Ричмонда. — Послѣдствія этого событія.—Смерть Линкольна.—Его личность. — Вопросъ объ обязательномъ первоначальномъ обученіи, возбужденный въ европейской прессѣ.—Общія замѣчанія по поводу этого вопроса. — Нужно ли и возможно ли обязательное первоначальное обученіе у насъ въ Россіи? — Земскія учрежденія и народное образованіе. — Возможность первыхъ основаній для обязательнаго первоначальнаго обученія въ нашемъ народѣ.— Положеніе поземельной собственности въ Россіи.—Межевое дѣло.—Историческая о немъ замѣтка.—Предполагаемая реформа по межевымъ учрежденіямъ.

Въ глѣтописяхъ кровавыхъ браней, которыя когда-либо вело человѣчество, нынѣшняя война въ Америкѣ является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ. Война эта представляетъ не только множество особенностей въ способахъ ея веденія, но и самая причина ея слишкомъ отличается отъ тѣхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ обыкновенно воюютъ между собою народы. Если южные штаты подняли оружіе съ цѣлью пріобрѣсти для себя политическую независимость, то сѣверные штаты вступили въ борьбу съ ними не столько для покоренія ихъ, сколько для осуществленія той великой идеи, которую олицетворялъ собою покойный президентъ Линкольнъ. Единственнымъ поводомъ для разрыва между Югомъ и Сѣверомъ было невольничество: сѣверяне положили уничтожить это позорное состояніе человѣчества, а южане наоборотъ—поддержать его. Такимъ образомъ, здѣсь столкнулась нравственная идея съ экономическими разсчетами.

Въ настоящее время, эта четырехлѣтняя борьба приближается, повидямому, къ концу, если только политикою сѣверныхъ штатовъ будетъ управлять такой же настойчивый и такой же энергическій человѣкъ, какимъ былъ Авраамъ Линкольнъ. Ему сѣверные штаты обязаны тѣмъ, что они взяли перевѣсъ надъ своими противниками, употребившими громадныя усилія для того, чтобъ доставить Югу политическую независимость, и продолжить рабство на неопредѣ-

лимое время. Борьба оканчивается въ интересахъ человѣчества, въ пользу правъ личной свободы, защищаемыхъ сѣверомъ.

Успѣхи сражавшихся сторонъ были при началѣ этой борьбы весьма переменчивы. Только съ весны 1864 года стали оказываться почти постоянный перевѣсъ сѣверянъ надъ южанами. Генералъ Грантъ принялъ главное начальство надъ вновь образованной арміей въ двухсотъ-тысячномъ составѣ, и съ той поры возникла мысль о походѣ на Ричмондъ, столицу южныхъ штатовъ. Отдѣльные отряды сѣверянъ стали занимать пункты, лежащіе на пути къ Ричмонду; занятіе это сопровождалось порчею путей и уничтоженіемъ желѣзныхъ дорогъ, ломкою мостовъ и истребленіемъ городовъ и мѣстечекъ. Впрочемъ, во Флоридѣ сѣверяне потерпѣли значительныя неудачи. Вообще борьба сопровождалась сильнымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, но пока средства юга не были истощены до конца, нельзя было предвидѣть скорого исхода этой кровопролитной и опустошительной войны.

Занятіе Чарльстона, въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, и паденіе Вильмингтона, дали сѣверянамъ такой перевѣсъ надъ югомъ, какого они не имѣли еще ни разу съ самаго начала междоусобія. Уже тогда многія французскія газеты стали предсказывать близкое окончаніе войны, такъ-какъ, по ихъ мнѣнію, южане потеряли возможность вести неравную борьбу и принуждены просить мира. Напротивъ того, англійскія газеты, опасаясь торговаго кризиса, который былъ бы неизбежнымъ послѣдствіемъ открытія конфедеративныхъ портовъ и появленія американскаго хлопва на европейскихъ рынкахъ, поддерживали мысль, что югъ еще долго не смирится передъ сѣверомъ.

Если въ настоящее время взятію Ричмонда придають огромную важность и видятъ въ этомъ фактѣ какъ-бы окончательную развязку четырехлѣтняго междоусобія, то нельзя не сказать, что предшествовавшія этому событію имѣли большое значеніе, и весьма много содѣйствовали тѣмъ успѣхамъ, которыхъ достигли теперь сѣверяне. Такъ, паденіе Чарльстона произвело рѣшительный переворотъ во всемъ ходѣ войны. Чарльстонъ былъ самымъ надежнымъ оплотомъ сепаратистическихъ стремленій и рабовладѣльческихъ интересовъ. По своему политическому и стратегическому значенію, онъ даже имѣлъ гораздо болѣе права называться столицей южныхъ штатовъ, нежели Ричмондъ. Такое значеніе Чарльстона привнала даже газета «Times», повровительствующая сепаратистамъ. Паденіе Чарльстона измѣнило характеръ войны: южанамъ представилась невозможность держаться въ своихъ приморскихъ городахъ, и они должны были сосредоточить всѣ свои силы для защиты внутреннихъ областей конфедераціи. Указывая на это обстоятельство, газета «Times» прибавляла, что южане при этихъ условіяхъ обнаружатъ непобѣдимую энергію. «Теперь — восклицала упомянутая газета — война будетъ происходить между народами, получившимъ неограниченное господство надъ моремъ, и другимъ народомъ, который, будучи отрѣзанъ отъ всякаго сооб-

щенія съ остальнымъ міромъ, и не надѣясь ни на чью-либо существенную помощь извнѣ, удерживаетъ однако за собою обширныя территоріи и готовъ отстаивать ихъ съ тѣмъ упорствомъ, какое онъ обнаружилъ уже въ продолженіи предшествовавшихъ четырехъ лѣтъ.

Такимъ образомъ, чтобы опредѣлить то значеніе, какое имѣетъ взятіе сѣверянами Ричмонда — какъ событіе, взволновавшее теперь всю Европу — необходимо сообразить предшествовавшіе факты. Они показываютъ, что силы Юга были значительно подорваны и ослаблены еще прежде взятія Ричмонда, занятіемъ Чарльстона. Можно сказать, что существенную потерю понесли южане при отнятіи у нихъ этого города, и что потеря ихъ отозвалась еще сильнѣе вслѣдствіе того нравственнаго впечатлѣнія, которое должна была произвести на умы утрата Ричмонда. Въ совокупности этихъ двухъ фактовъ, южные штаты понесли двойное пораженіе, которое только и можетъ заставить ихъ сознаться въ своемъ безсиліи передъ Сѣверомъ.

На торговня дѣла Европы, а также и Россіи, междоусобная борьба въ Америкѣ произвела неблагоприятное вліяніе. Только Англія умѣла поправить свои дѣла, тогда какъ другія государства не могли не чувствовать того страшнаго кризиса, который тяготѣетъ теперь надъ торговымъ и промышленнымъ міромъ, отзвываясь на финансовомъ положеніи государствъ, заинтересованныхъ торговлею съ сѣверными и южными штатами. Сочувствіе Европы въ продолженіе междоусобной войны въ Америкѣ, было, за исключеніемъ торговой среды, на сторонѣ Сѣвера, какъ защитнигъ личной человѣческой свободы. Впрочемъ, европейская политика дѣйствовала весьма осторожно. При первомъ взрывѣ, ожидали вмѣшательства европейскихъ кабинетовъ во взаимную распрю Сѣвера съ Югомъ, но вскорѣ установился въ Европѣ одинъ общій взглядъ на дѣла Америки, тагъ-какъ всякое постороннее въ нихъ вмѣшательство было признано неумѣстнымъ. Первенствующія европейскія державы: Франція, Англія и Россія, стали дѣйствовать единодушно, являясь миролюбивыми посредницами между двумя враждующими сторонами. Такой ходъ дѣлъ устранилъ то столкновеніе, которое угрожало Европѣ при вмѣшательствѣ ея въ борьбу, происходившую за Океаномъ. Что же касается правительственныхъ симпатій, то симпатія Франціи и Англій были на сторонѣ южныхъ штатовъ, тогда какъ симпатія Россіи клонилась на сторону сѣверянъ. Англія, въ подрывѣ могущества сѣверныхъ штатовъ, видѣла ручательство для усиленія своей торговой дѣятельности, и кромѣ того, положеніе дѣлъ въ Канадѣ не могло способствовать сближенію лондонскаго кабинета съ вашигтонскимъ. Франція, по своимъ интересамъ въ Мексикѣ, не могла благоприятствовать и сочувствовать успѣхамъ сѣверо-американскихъ штатовъ, соперничество которыхъ должно быть опасно для утвержденія того порядка дѣлъ, который введенъ и поддерживаемъ въ Мексикѣ императоромъ Наполеономъ. Несмотря на такіа сходственныя отношенія Франціи и Англій къ

сѣверо-американскимъ штатамъ, военное вмѣшательство въ ихъ дѣла со стороны той или другой державы неизрѣнно должно было влечь между ними взаимную вражду, такъ-какъ каждая изъ нихъ стала бы опасаться перевѣса своей соперницы по дѣламъ торговымъ и коммерческимъ. Благодаря такому положенію дѣлъ, Европа спаслась отъ тѣхъ тревогъ, которыя могло накливать на нее вооруженное вмѣшательство Франціи или Англіи въ междоусобную борьбу американскихъ штатовъ.

При такихъ условіяхъ только рѣшительные удары, нанесенные той или другой сторонѣ, должны были положить конецъ кровавой и опустошительной войнѣ, и водворить въ Америкѣ миръ. При той рѣшительности, которая обнаружилась въ этой борьбѣ, миръ можетъ восстановиться или вслѣдствіе признанія независимости Юга, какъ самостоятельной конфедераціи, или вслѣдствіе возвращенія Союза къ первобытному его составу, то-есть вслѣдствіе возвращенія западныхъ областей подъ власть вашингтонскаго правительства, и восстановленія тѣхъ взаимныхъ связей, которыя существовали прежде между всѣми штатами. Иной исходъ дѣлъ представлялся бы не болѣе какъ шаткимъ, непрочнымъ перемиріемъ, которое можетъ быть прервано каждую минуту.

Осуществиться миръ могъ бы по плану гражданина Стефенса. Президентъ Линкольнъ былъ готовъ привести въ исполненіе этотъ планъ, который состоитъ въ слѣдующемъ. Президентъ сѣверныхъ штатовъ долженъ обратиться съ прокламаціею къ южанамъ, приглашая ихъ вступить въ союзъ, на принятыхъ для этого основаніяхъ съ тѣмъ, чтобы вступающіе въ союзъ штаты обязались признавать правила, установленныя федеративнымъ правительствомъ. Представители союзнаго правительства должны отправиться въ Нашвилъ, Луивиль и Цинцинати, и тамъ встрѣтиться съ представителями Юга. Послѣ заключенія условій, каждый изъ южныхъ штатовъ долженъ отправить отъ себя депутата въ Вашингтонъ. Этотъ проектъ представляетъ то удобство, что даетъ возможность каждому изъ южныхъ штатовъ располагать собою, какъ онъ заблагоразсудитъ, не подчиняясь одной общей идеи отпаденія отъ Сѣвера, которая не для всего Юга имѣетъ одинаковую важность. При составленіи этого проекта имѣлось въ виду, что Сѣверная Каролина, Георгія, Флорида, Алабама и Миссисипи очень охотно приступятъ къ сѣверному союзу, и что потомъ прочіе южные штаты, увидѣвъ невозможность продолжать борьбу, также не откажутся войти въ составъ союза, который такимъ образомъ будетъ восстановленъ въ прежнемъ составѣ. Безъ такой сдѣлки отдѣльно съ каждымъ изъ штатовъ, вашингтонское правительство, взявъ перевѣсъ надъ Югомъ силою оружія, не будетъ встрѣчать печальной необходимости — смотрѣть на южные штаты какъ на покоренныя области, и поддерживать тамъ свою власть управленіемъ на военный образецъ.

Паденіе Ричмонда должно побудить южанъ къ уступчивости и, конечно, имъ лучше будетъ возвратиться въ союзъ на тѣхъ осно-

ваніяхъ, которыя предлагаетъ Стефенсъ, нежели признать себя побѣжденнымъ народомъ, и отдаться на милость побѣдителей.

Первый бой подъ Ричмондомъ произошелъ 31-го (18-го) марта. 3-го апрѣля Ричмондъ, объятый пламенемъ, былъ занятъ сѣверянами. Взятіе Ричмонда стоило имъ значительныхъ потерь: у нихъ вышло изъ строя 7,000 человѣкъ. Потеря противниковъ была громадна. У южанъ взято 25,000 въ плѣнъ, число убитыхъ и раненыхъ доходитъ до 15,000 и, кромѣ того, сѣверяне отбили у нихъ 100 орудій. Въ настоящее время, для пораженныхъ окончательно южанъ остается единственнымъ убѣжищемъ южный хребетъ, идущій отъ Западной Виргиніи между Сѣверной Каролиной и Тенесси до Георгіи. Эти — такъ-называемыя Алеганскія горы, покрыты лѣсами, не имѣютъ удобныхъ путей сообщенія, по скатамъ ихъ живетъ малочисленное населеніе, благопріятствующее Югу, такъ что въ этихъ горахъ могутъ продержаться небольшіе отряды южанъ, даже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но это, конечно, не принесетъ никакой пользы южной конфедераціи, которая теперь, по выраженію генерала Гранта, не что иное, какъ мыльный пузырь, который исчезнетъ при первомъ къ нему прикосновеніи. Нѣкоторые, впрочемъ, полагаютъ, что генераль Ли, собравъ остатки своей разсѣянной арміи, перейдетъ на правый берегъ рѣки Миссисипи и откроетъ военныя дѣйствія въ Техасѣ или Луизианѣ. Какъ бы то ни было, но настоящее положеніе южныхъ штатовъ не представляетъ возможности продолжать войну при тѣхъ средствахъ, которыми они располагали прежде.

Въ наше время, когда арміи должны быть снабжены матеріальными средствами въ огромныхъ размѣрахъ, и когда онѣ гораздо значительнѣе по своей численности, нежели въ прежнее время — невозможно вести войны, не имѣя въ своемъ распоряженіи большихъ городовъ, которые могли бы служить операціонными базами. Теперь у южанъ отняты прибрежные порты, Ричмондъ взятъ, и у конфедератовъ не остается ни одного города, въ которомъ было бы 20,000 благаго поселенія. Южные штаты не имѣютъ возможности содержать, какъ прежде, огромную армію въ рабовладельческихъ штатахъ, среди кой-гдѣ попадающихся плантацій, и небольшого числа разоренныхъ деревень и мѣстечекъ. При подобныхъ обстоятельствахъ, нельзя снабжать армію необходимыми запасами всякаго рода. Потеря большихъ городовъ и укрѣпленных мѣстностей, должна сопровождаться разсѣяніемъ арміи южанъ.

Такимъ образомъ, унижена гордость президента южныхъ штатовъ Джеферсона Девиса, который, какъ теперь видно, жестоко ошибался, когда онъ въ 1861 году говорилъ въ Стивенсонѣ, въ штатѣ Алабама, штатамъ, смежнымъ съ Сѣверомъ и Югомъ: «вступите въ нашу конфедерацію, мы будемъ вашими единственными друзьями. Англія признаетъ насъ; намъ предстоитъ блестящая будущность. Въ городахъ Сѣвера, гдѣ цвѣтетъ теперь торговля, вскорѣ зацвѣтетъ трава. Мы двинемъ наши арміи на Сѣверъ, всюду гдѣ легко доступъ; мы овладѣемъ многочисленными городами,

и тамъ насытитъ наши мечи, алчущіе крови, и дадимъ пищу нашимъ пылающимъ факеламъ».

Торжество Сѣвера было помрачено смертью Линкольна, застрѣленного въ театрѣ, въ ночь на 4-е апрѣля. Газеты сообщили нынѣ подробности этого постыднаго убійства, которое было задумано надъ энергическимъ и стойкимъ президентомъ, какъ мщеніе за пораженія, нанесенныя южнымъ штатамъ. Съ именемъ Линкольна соединится на всегда память правдиваго человѣка, который мужественно шелъ къ своей цѣли, поставивъ права человѣчества выше политическихъ расчетовъ. За эту идею, онъ заплатилъ жизнью, сдѣлавшись жертвою убійства. Конечно, теперь нельзя предвидѣть, какое вліяніе будетъ имѣть преждевременная смерть Линкольна на дѣло освобожденія негровъ отъ рабства. Во всякомъ случаѣ онъ, среди страшной борьбы, довелъ это дѣло до того, что завершить его уже не такъ трудно, какъ это было прежде.

Личныя качества покойнаго президента — терпѣніе, честность и настойчивость — настойчивость безграничная, служили порукой, что Линкольнъ сѣмѣлъ бы до конца остаться вѣрнымъ своей цѣли, и что онъ однажды, порѣшивъ съ рабствомъ, доставилъ бы штатамъ покой и благоденствіе, которыхъ нельзя достигнуть при порядкѣ, существовавшемъ на Югѣ. Линкольнъ не былъ и не считалъ себя военнымъ человѣкомъ, но такимъ и не долженъ быть глава правительства. Для людей, поставленныхъ въ такое положеніе, въ какомъ находился Линкольнъ, не нужно боевой храбрости и военныхъ дарованій — имъ нужны гражданское мужество и проницательность, а этими качествами природа щедро наградила покойнаго президента. Онъ твердо держался принятой имъ однажды системы дѣйствій, не уклонился ни разу отъ своей цѣли, и умѣлъ въ выборѣ генераловъ руководиться не личными симпатіями и расчетами, но подчинился требованіямъ самихъ военныхъ событій, и народной молвѣ о достоинствахъ тѣхъ лицъ, которымъ онъ предоставлялъ начальство надъ арміей союза. Руководясь этимъ, онъ ввѣрилъ распоряженіе военными дѣйствіями генералу Гранту, который блистательнымъ образомъ оправдалъ довѣріе, оказанное ему президентомъ. Грантъ, по замѣчанію газеты «Times», былъ главнымъ двигателемъ тѣхъ необычайныхъ военныхъ усилій Сѣвера, которыя, начавшись въ маѣ прошлаго года, окончились нынѣ взятіемъ столицы южанъ. Начальствуя веѣми сухопутными силами союза, онъ составилъ планъ достопамятной компаніи, обнявшій въ своемъ развитіи до толѣ небывалые размѣры военныхъ дѣйствій, и охватившій собою огромное пространство, сдѣлавшееся мѣстомъ боевыхъ событій.

Война и смуты выдвигаютъ всегда способныхъ и даровитыхъ людей; между ними Линкольнъ является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей. Насильственная смерть освѣтила его память вѣчной славой, показавъ какого опаснаго врага видѣли въ немъ противники его идей, желающіе основать благоденствіе и политическое могущество страны на позорномъ рабствѣ...

— Однимъ изъ важныхъ вопросовъ, клонящихся къ развитію общественной нравственности и народнаго благосостоянія, считается образованіе. Различныя степени его возможны только тогда, когда въ государствѣ положены прочныя основы элементарнаго обученія. Благодаря докладу, представленному французскимъ министромъ народнаго просвѣщенія г. Дюрюи объ элементарномъ бесплатномъ и даже понудительномъ обученіи во Франціи, вопросъ этотъ въ настоящее время сдѣлался предметомъ самыхъ тщательныхъ обсужденій со стороны всей европейской прессы. Французскія, англійскія, нѣмецкія, а отчасти и наши русскія газеты обратили вниманіе на это дѣло, такъ-что упомянутый вопросъ можно считать однимъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ, хотя негромкихъ въ своей обстановкѣ, но тѣмъ не менѣе существенно важнымъ для каждаго государства.

Обширный рапортъ г. Дюрюи разсматриваетъ прежде всего обученіе дѣтей во французскихъ элементарныхъ школахъ. Изъ рапорта видно, что число учащихся въ этихъ школахъ постоянно возрастало съ 1832 года, такъ-что въ 1863 году на 1,000 жителей приходилось 100 учащихся, тогда-какъ въ 1832 году на то же число жителей учащихся было только 59. Во второмъ отдѣлѣ своего рапорта министръ говоритъ о числѣ дѣтей, непосѣщающихъ элементарныя школы. Число такихъ дѣтей въ цѣлой имперіи онъ считаетъ до 884,887, выключая 200,000 тѣхъ изъ нихъ, которые, по его расчетамъ, получаютъ первоначальное образованіе на дому. Къ этому онъ, ссылаясь на факты, замѣчаемые при рекрутскихъ наборахъ, прибавляетъ, что изъ 100 учащихся только 60 получили первоначальное образованіе въ дѣйствительной степени, тогда-какъ для остальныхъ 40 посѣщеніе школы не принесло никакой пользы.

Указывая на необходимость усилить во Франціи первоначальное образованіе, г. Дюрюи, какъ и всякій другой заявитель своего проекта, подводитъ подъ свою главную мысль и прочія замѣчаемыя имъ явленія, подчиняя ихъ вліянію того требованія, объ осуществленіи котораго онъ старается.

Такъ г. Дюрюи указываетъ на то, что въ Швейцаріи, со времени реформы по обученію въ первоначальныхъ школахъ, тамошнія тюрьмы, которыя были тамъ нѣкогда наполнены преступниками и подсудимыми, оказываются нынѣ совершенно пусты. Въ Баденѣ, по словамъ министра, система первоначальнаго школьнаго обученія имѣла огромное вліяніе на нравственность тамошняго населенія и на уменьшеніе числа преступниковъ до такой степени, что баденское правительство сочло возможнымъ закрыть нѣсколько тюремъ. Въ Баваріи, по замѣчанію г. Дюрюи, вслѣдствіе усилѣховъ первоначальнаго народнаго обученія, уменьшилось число незаконныхъ дѣтей. Во Франціи, какъ видно изъ министерскаго рапорта, на 100 преступниковъ приходилось 81 такихъ, которые ничему не учились.

Всюду признавая благотворное вліяніе на нравственность на-

рода, вслѣдствіе распространенія въ его массахъ первоначальнаго образованія, едва-ли можно принять безусловно тѣ блестящіе доводы, которые представляетъ въ этомъ отношеніи г. Дюрин. Число заключенныхъ въ тюрьмахъ могло уменьшиться, независимо отъ распространенія элементарнаго образованія, и вслѣдствіе другихъ причинъ, вліятельно дѣйствующихъ на нравственность народа и, кромѣ того, подѣ вліаніемъ улучшеній по судебной и слѣдственной части. Такъ, напримѣръ, еслибы у насъ, одновременно съ судебной реформой, уменьшающей случаи тюремнаго заключенія, а также и случаи прикосновенности къ уголовнымъ дѣламъ, было бы введено и первоначальное образованіе въ обширныхъ размѣрахъ, и еслибы вслѣдъ за тѣмъ произошло значительное уменьшеніе въ числѣ лицъ, содержащихся въ тюрьмахъ и острогахъ, то г. Дюрин, подѣ вліаніемъ предвзятой имъ идеи, могъ бы включить и наше отечество въ разрядъ тѣхъ странъ, на которыхъ такъ благотворно подѣйствовало развитіе первоначальнаго обученія. Между тѣмъ, въ сущности такое заключеніе было бы не только односторонно, но и ошибочно. Что же касается перевѣса въ числѣ преступниковъ такихъ, которые ничему не учились, надъ такими, которымъ было дано кое-какое образованіе, то этотъ фактъ, какъ мы полагаемъ, не есть слѣдствіе той причины, подѣ которую подводитъ его г. Дюрин. Онъ объясняется очень просто общимъ перевѣсомъ числа необразованныхъ вовсе людей надъ числомъ умѣющихъ читать и писать, а также и тѣмъ, что большая часть ничему неучившихся преступниковъ принадлежитъ къ такому классу народа, который преимущественно терпитъ бѣдность, и который, вслѣдствіе этого, встрѣчаетъ болѣе побужденій къ совершенію преступленій и проступковъ, привлекающихъ къ отвѣтственности передъ судомъ.

Въ шестомъ параграфѣ своего доклада г. Дюринъ указываетъ на тѣ средства, которыя должны способствовать развитію элементарнаго образованія. Къ средствамъ административнымъ онъ причисляетъ улучшеніе методы преподаванія, увеличеніе окладовъ учительскаго жалованья, усиленіе надзора за учебною частію, возбужденіе соревнованія какъ между учащимися, такъ и между преподавателями. Къ финансовымъ средствамъ онъ относитъ: открытіе училищъ тамъ, гдѣ ихъ не существуетъ, улучшеніе зданій, предназначенныхъ для училищъ, ихъ омеблировку и устройство училищныхъ библиотекъ. Наконецъ, онъ предлагаетъ ввести обязательныя посѣщенія элементарныхъ училищъ, какъ такую мѣру, которая не была бы одною только формальностію для записки дитяти въ училищѣ, но дѣйствительно обязывала бы его посѣщать училище въ продолженіе извѣстнаго срока.

Что касается системы обязательнаго обученія, то это, какъ извѣстно, не только относительно частныхъ ея примѣненій, но и относительно основныхъ ея принциповъ, возбуждаетъ разнорѣчивыя мнѣнія. Одни считаютъ его необходимымъ условіемъ для развитія въ массахъ умственной жизни, другіе же, или не придавая ей таковаго важнаго значенія или признавая только ея пользу, считаютъ

однако обязательное обученіе кажимъ-то насиліемъ правительства надъ обществомъ.

Требованіе о обязательномъ обученіи въ школахъ является первый разъ во Франціи въ 1560 году, какъ мѣстная мѣра, принятая орлеанскимъ парламентомъ. При Лудовикѣ XIV и Лудовикѣ XV, въ 1695 и 1724 годахъ, вышли постановленія о обязательномъ посѣщеніи школъ дѣтьми. Въ 1793 году конвентъ подтвердилъ эти постановленія. Въ Пруссіи король Фридрихъ II ввелъ въ 1763 году систему обязательнаго обученія для дѣтей какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, назначивъ срокомъ постояннаго посѣщенія школъ время отъ пятилѣтняго до тринадцатилѣтняго возраста. Въ 1819 году было подтверждено это требованіе съ тѣмъ, чтобы родители, опекуны и хозяева мастерскихъ, уклоняющіеся отъ исполненія этого предписанія, должны быть подвергаемы денежнымъ штрафамъ и даже тюремному заключенію. Въ настоящее время обязательное обученіе представляетъ такую общественную повинность, какою считается тамъ военная служба. Вслѣдствіе строгихъ мѣръ, принятыхъ въ Пруссіи по обязательному обученію въ послѣднее время, тамъ изъ 3,090,294 дѣтей, находящихся въ томъ возрастѣ, въ которомъ они должны посѣщать школы, только 130,437 дѣтей не ходили въ училища; изъ этого числа надобно исключить и такихъ дѣтей, которыя получаютъ первоначальное образованіе на дому, и тогда оно должно еще уменьшиться на нѣсколько десятковъ тысячъ. Въ прусской арміи на 100 нижнихъ чиновъ приходится только 3 такихъ, которые не умѣютъ читать и писать.

Въ прочихъ частяхъ Германіи система общественнаго обученія была принята населеніемъ очень охотно, такъ что она теперь изъ правительственной мѣры обратилась уже въ народный обычай.

Во всѣхъ частяхъ Австрійской имперіи обязательное обученіе въ школахъ введено съ 1774 года, подъ опасеніемъ взыскапія денежныхъ штрафовъ; но это требованіе остается доселѣ только на бумагѣ безъ дѣйствительнаго исполненія, исключая лишь нѣмецкія провинціи. Въ Баваріи обязательное обученіе введено съ половины прошлаго столѣтія. Тамъ за уклоненіе отъ этого требованія полагается даже тюремное заключеніе, но никто однако не подвергается ему, такъ-какъ всѣ очень охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ школы для обученія. Въ Виртембергѣ также введена система обязательнаго обученія, и наказанія, положенныя за неисполненіе требованій по этому предмету, состоятъ въ денежныхъ штрафахъ и тюремномъ заключеніи. Въ Саксоніи обязательное обученіе принято съ 1835 года; на первыхъ порахъ оно встрѣтило нѣкоторый отпоръ со стороны родителей, непризнававшихъ его пользы, но теперь во всемъ Саксонскомъ королевствѣ не найдется такого дѣтяти, которое не посѣщало бы училище въ положенный для этого срокъ. Особенно строгія взыскапія за неисполненіе предписаній на счетъ послыки дѣтей въ училище существуютъ въ великомъ герцогствѣ Гессенскомъ. Тамъ родители за каждый просроченный въ этомъ отношеніи день, подвергаются небольшому де-

пенному взыснанію. Если же они оказываются несостоятельными къ уплатѣ штрафа, то ихъ отправляютъ на общественныя работы на срокъ по расчету задѣльной платы съ причитающимся съ нихъ взыснаніемъ.

Вообще въ Германіи относительно обученія приняты слѣдующія правила:

Списки дѣтей ведутся лицами, занимающимися составленіемъ актовъ гражданскаго состоянія. Затѣмъ списки эти передаются учителямъ, которые обязаны слѣдить по нимъ за отсутствующими дѣтьми. Учителя сообщаютъ свои замѣчанія предсѣдателю училищной комиссіи, состоящей изъ отцовъ семействъ, проживающихъ въ городахъ и сельскихъ общинахъ.

Понудительныя мѣры состоятъ въ слѣдующемъ: въ наоминаніи или предостереженіи родителямъ, письменномъ или отъ имени предсѣдателя комиссіи, вызовѣ въ комиссію родителей для личныхъ внушеній; жалобѣ со стороны комиссіи магистрату, который назначаетъ денежный штрафъ въ размѣрѣ его вины отъ 30 копеекъ до 1 рубля, удвоивая его каждый разъ при продолжающемся неисполненіи требованій комиссіи; и наконецъ въ арестѣ на 24 часа.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что въ настоящее время всѣ эти строгія мѣры не находятъ примѣненія и остаются только буквою закона, которому всѣ подчиняются очень охотно, сознавая его пользу.

Въ Швеціи, Норвегіи и Даніи съ тѣхъ изъ родителей, которые не посылаютъ своихъ дѣтей въ школы, взимаются денежные штрафы, а пасторы отказываютъ въ конфирмаціи неумѣющимъ читать. При такихъ условіяхъ грамотность достигла тамъ обширнаго развитія; такъ напримѣръ, въ 1862 году въ Швеціи изъ 385,000 дѣтей, только 9,131 не получали элементарнаго образованія. Въ Швейцаріи, за исключеніемъ кантоновъ Женевскаго, Швицъ, Ури и Унтервальденъ, введено обязательное носѣщеніе школы. Въ Цюрихскомъ кантонѣ, на основаніи постановленія, изданнаго въ 1859 году, срокъ для обязательнаго школьнаго обученія полагается съ 5 и до 14-лѣтняго возраста. Нетолько родители и опекуны, но и завѣдывающіе фабриками обязаны, подѣ опасеніемъ денежныхъ штрафовъ, заботиться о посылкѣ дѣтей въ училища. Тамъ общественное обученіе развито до такой степени, что если даже отецъ учитъ на дому сына, то все же онъ долженъ вносить въ пользу мѣстнаго училища установленную за ученіе плату. Въ Бернскомъ кантонѣ молодые люди, вступающіе солдатами въ военную службу, подлежатъ особому испытанію: они должны умѣть составить рапортъ, написать письмо и дѣлать простыя ариметическія вычисленія. Если же ктонибудь изъ новобранцевъ не можетъ удовлетворить это требованіе, то онъ обяванъ, состоя уже на службѣ, ходить въ школы, учреждаемыя въ казармахъ.

Въ Голландіи правительство и благотворительныя общества не выдаютъ пособія такимъ бѣднымъ родителямъ, которые не стараются о томъ, чтобы дѣти ихъ ходили въ школы. Впрочемъ, такое

правило соблюдается и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, а въ Парижѣ оно было введено на основаніи административныхъ распоряженій. Въ королевствѣ Итальянскомъ, по закону 1859 года, введено безплатное обязательное обученіе; за неисполненіе этого закона установлены денежные штрафы и аресты. Кромѣ того, неумѣющіе читать не имѣютъ права участвовать въ выборахъ. Впрочемъ, упомянутый законъ не вошелъ еще въ полное дѣйствіе. Въ Португаліи, въ силу существующихъ тамъ постановленій, родители, пренебрегающіе образованіемъ своихъ дѣтей, подвергаются денежнымъ штрафамъ и ограниченію нѣкоторыхъ политическихъ правъ на срокъ до пяти лѣтъ. Въ Испаніи, съ 1857 году, введено обязательное обученіе; родители, неисполняющіе предписанныхъ на счетъ этого правилъ, подвергаются выговорамъ и денежнымъ штрафамъ.

Въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, при учрежденіи первой колоніи, Новой Англіи, первоначальное обученіе было сдѣлано обязательнымъ. Въ 1850 году въ Массачузетѣ приняты были повелительныя мѣры для посылки дѣтей въ училища. Въ другихъ штатахъ въ разное время прибѣгали тоже къ подобнымъ мѣрамъ. Мѣры эти болѣе или менѣе строги и рѣшительны. Такъ въ штатѣ Массачузетъ каждый мальчикъ и каждая дѣвушка обязаны посѣщать училище въ промежутокъ времени отъ семи до семнадцати-лѣтняго возраста; за нарушеніе этого правила родители подвергаются штрафу въ 20 талеровъ и, кромѣ того, мальчикъ или дѣвушка могутъ быть, по распоряженію мѣстныхъ властей, отданы въ школу помимо желанія родителей, или помѣщены въ исправительное заведеніе. Въ штатѣ Кентукки съ 1858 года отказано въ выборныхъ правахъ каждому неумѣющему читать.

Въ недавнее время въ Придунайскихъ княжествахъ введена система первоначальнаго обязательнаго обученія.

Ознакомившись съ положеніемъ вопроса о обязательномъ обученіи въ европейскихъ государствахъ, невольно приходится спросить: какъ слѣдуетъ смотрѣть на этотъ предметъ собственно въ отношеніи къ Россіи, поставленной какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ въ нѣякія условія сравнительно съ прочими державами? Слѣдуетъ спросить, нужно ли и возможно ли у насъ первоначальное обязательное обученіе?

На первый вопросъ, конечно, приходится отвѣчать утвердительно, такъ-какъ первоначальное обученіе необходимо не только въ практической обыденной жизни, въ большей или меньшей степени, для каждаго русскаго, такъ и потому, что отъ усиленнаго его распространенія зависитъ главнымъ образомъ развитіе умственной дѣятельности и въ высшихъ ея сферахъ. Чѣмъ болѣе будетъ находится людей, научившихся въ дѣтствѣ читать и писать, тѣмъ болѣе будетъ вѣроятности на счетъ прилива учащихся, какъ въ среднія, такъ и въ высшія учебныя заведенія. При слабомъ развитіи первоначальнаго обученія, возбуждающемъ въ человѣкѣ любознательность и дающемъ ему ключъ къ дальнѣйшему образованію,

необходимо должны оставаться въ массѣ народа множество такихъ людей, умственныхъ способности которыхъ пропадутъ безслѣдно. Въ настоящее время уже смѣшно разсуждать у насъ о вредѣ или пользѣ отъ распространенія грамотности въ народѣ. Это было возможно, хотя и странно, гдѣ въ восемь тому назадъ, а теперь этотъ вопросъ до такой степени установился у насъ, что незачѣмъ и трогать его въ исходной точкѣ.

Можно, однако, при различныхъ условіяхъ быта и при неодинаковой дѣятельности существующихъ у насъ сословій, спросить только, въ какой мѣрѣ первоначальное образованіе можетъ быть полезно для тѣхъ или другихъ сословій, для тѣхъ или другихъ мѣстностей? Такой вопросъ, какъ кажется, можетъ имѣть практическое значеніе, потому что признавъ вполнѣ нетолько пользу, но и необходимость первоначальнаго обученія, слѣдуетъ, однако, сообразить, для какихъ сословій и въ какихъ мѣстностяхъ Россіи оно могло бы быть обязательно.

У насъ въ настоящее время дѣти изъ дворянскаго, духовнаго и купеческаго званій, въ виду предстоящей имъ дѣятельности, получаютъ первоначальное образованіе, такъ-что собственно потребность первоначальнаго обязательнаго обученія можетъ чувствоваться только въ двухъ сословіяхъ, мѣщанскомъ и крестьянскомъ. Первое изъ этихъ сословій принадлежитъ почти исключительно къ городскимъ, а другое—къ сельскимъ обывателямъ, такъ-что при этомъ условіи открывається гораздо болѣе удобствъ для распространенія первоначальнаго обученія между мѣщанскимъ, нежели крестьянскимъ сословіемъ. Между тѣмъ потребность въ этомъ обученіи для представителей обоихъ сословій почти-что равномѣрна. Какъ изъ того, такъ и изъ другаго сословія поступаютъ молодые люди нижними чинами въ военную службу, гдѣ знаніе грамоты въ настоящее время почти-что необходимо. Представители обоихъ сословій участвуютъ въ торговой дѣятельности, волостныхъ судахъ, земскомъ управленіи, гдѣ безграмотному человѣку бываетъ очень неудобно. Правда, что, повидимому, лица, принадлежащія къ мѣщанскому сословію, принимаютъ болѣе участія въ торговыхъ дѣлахъ; но если сообразить, что огромное число крестьянъ изъ губерній ярославской, калужской, владимірской и рязанской или сами занимаются торговлей, или находятся сидѣльцами въ лавкахъ и прибашиками у купцовъ, то, по всей вѣроятности, окажется, что въ общей сложности крестьяне участвуютъ въ торговлѣ не менѣе, нежели мѣщане, такъ что въ этомъ отношеніи является равномѣрная потребность въ умѣнн читать и писать, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ.

Въ военномъ, весьма многочисленномъ у насъ сословіи, благодаря современному направленію, элементарное обученіе достигло значительнаго развитія, и есть много основаній къ тому предположенію, что черезъ десятокъ-другой гдѣтъ все наше войско будетъ состоять изъ людей грамотныхъ.

Въ виду всего этого, надобно сказать, что если открывається по-

требность въ введеніи обязательнаго первоначальнаго обученія, то она открывается только относительно двухъ сословій, мѣщанскаго и крестьянскаго, но и эта потребность слишкомъ важна потому, что оба упомянутыя сословія составляютъ массу всего населенія, такъ-что при этомъ условіи развитіе у насъ элементарнаго образованія весьма слабо, можно даже сказать совершенно ничтожно.

Объ устройствѣ, способѣ содержанія и направленія нашихъ народныхъ школъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, было въ послѣднее время писано такъ много, что начать говорить объ этомъ, значило бы повторять то, что болѣе или менѣе сдѣлалось уже давно извѣстнымъ. Замѣтимъ только, что вообще число нашихъ первоначальныхъ школъ, особенно для сельскихъ обывателей и преимущественно для женскаго пола, весьма ограничено, и что состояніе большей части этихъ учебныхъ заведеній не можетъ считаться удовлетворительнымъ, какъ въ образовательномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи ихъ внѣшней организаціи. Это происходитъ отъ недостаточности тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя могутъ быть употреблены на этотъ предметъ изъ общихъ государственныхъ источниковъ, и отъ ограниченности тѣхъ способовъ, которыми могутъ располагать городскія и сельскія общества, въ виду тѣхъ расходовъ, которые въ обыденной жизни кажутся гораздо нужнѣе, нежели издержки на народное обученіе.

Вообще можно сказать, что о безусловномъ введеніи у насъ обязательнаго обученія въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи, такъ-что если мы, несмотря на примѣры, подаваемые намъ въ этомъ отношеніи другими государствами, не примемъ никакихъ общихъ мѣръ, то насъ нельзя будетъ упрекнуть въ равнодушіи къ этому дѣлу. Скорѣе всего насъ придется похвалить за то, что мы, не увлекаясь посторонними примѣрами, дѣйствуемъ осмотрительно, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ средствъ, которыми мы можемъ располагать въ извѣстномъ случаѣ.

Несмотря, однако, на невозможность принять у насъ по обязательному первоначальному обученію какія-либо общія административныя мѣры, можно, кажется, подумать о томъ, чтобы такія мѣры примѣнялись къ тѣмъ мѣстностямъ, въ которыхъ представляются къ этому всѣ удобства. При этомъ, само собою разумѣется, желательно, чтобы подобныя мѣры исходили не отъ административныхъ распоряженій и не предлагались бы къ исполненію, а истекали бы изъ народнаго сознанія въ необходимости научить грамотѣ ребенка, которому она можетъ пригодиться не только въ обиходной жизни, но и въ кругу той дѣятельности, къ которой проложенъ въ настоящее время путь и мѣщанину и крестьянину. Вчинаніе по этому дѣлу должно быть предоставлено самимъ городскимъ и сельскимъ обществамъ, которыя гораздо лучше могутъ знать потребности и средства, представляющіяся въ той или другой мѣстности Россіи для того, чтобы сдѣлать первоначальное обученіе народа и бесплатнымъ и обязательнымъ. Всякая общая регламентація по

этому вопросу была бы и бесполезна и неудобна, и осталась бы не болѣе, какъ пустою формальностію.

Мы уже имѣли случай указывать на инструкціи, данныя земскимъ уѣзднымъ управамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ инструкцій требуются довольно подробныя свѣдѣнія о народномъ образованіи, но свѣдѣнія эти ограничиваются вопросами о положеніи народныхъ училищъ, и еще ни въ одной инструкціи мы не встрѣтили порученія касательно собранія свѣдѣній о числѣ грамотныхъ и неграмотныхъ, проживающихъ въ томъ или другомъ уѣздѣ. Между тѣмъ мы полагаемъ, что безъ этихъ свѣдѣній, всѣ прочія свѣдѣнія, относящіяся къ народному образованію, будутъ весьма мало пригодны, такъ-какъ они не дадутъ полнаго понятія о развитіи первоначальнаго образованія въ школахъ и, слѣдовательно, не представятъ возможности обсудить этотъ проектъ въ практическомъ его примѣненіи. Поэтому весьма желательно, чтобы земскія уѣздныя собранія, обращая вниманіе на развитіе въ томъ или другомъ уѣздѣ народнаго обученія, позаботились, между прочимъ, и о собраніи свѣдѣній на счетъ числа грамотныхъ или неграмотныхъ лицъ обоаго пола. Тогда онѣ могли бы направить свои дѣйствія съ болѣею практической пользою, не ограничиваясь одною только стороною вопроса. Свѣдѣнія, о которыхъ мы говоримъ, должны имѣть особенную важность въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ, проживаютъ раскольники. Между раскольниками и раскольницами, какъ извѣстно, грамотность распространена въ большихъ размѣрахъ, между тѣмъ они обучаются не въ школахъ, а на дому, у своихъ ставленниковъ. Между тѣмъ очень легко можетъ быть, что инныя земскія управы, въ виду значительнаго мѣстнаго населенія и малаго числа училищъ или училищъ, станутъ заботиться объ устройствѣ первоначальныхъ училищъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ проживаютъ раскольники и гдѣ, слѣдовательно, грамотность развивается сама по себѣ, не требуя особаго попеченія со стороны земства.

Вообще же едва-ли можно возлагать особныя надежды на содѣйствіе народному образованію со стороны земскихъ учрежденій. Нисколько не отвергая того, что инныя изъ нихъ съ горячіею зовмутся за это дѣло, нельзя, однако, не сказать, что денежные средства самого земства не находятся еще въ такомъ положеніи, чтобы изъ нихъ можно было удѣлить значительную часть на устройство и поддержку школъ. Мы полагаемъ, что было бы весьма неудобно, особенно на первыхъ порахъ, вводить какіе-либо новыя налоги и сборы на этотъ предметъ. Такимъ образомъ дѣйствіемъ земскихъ учрежденій, достигая одной цѣли, т.-е. заводя училища, въ то же время отталкивали бы отъ нихъ плательщиковъ новаго налога или сбора, тѣмъ болѣе, что на глазахъ у народа находится въ настоящее время много другихъ потребностей, которыя она считаютъ для себя болѣе необходимыми, нежели устройство школъ.

Другое дѣло, если какое либо городское или сельское общество устроить, въ силу общественнаго приговора, училище мѣстными

средствами. Въ приговорахъ объ устройствѣ такихъ школъ можно бы было, какъ кажется, ввести правила о обязательномъ обученіи, а то теперь многія изъ такихъ училищъ имѣютъ весьма мало учащихся, потому что при составленіи приговоровъ объ открытіи такихъ училищъ имѣется собственно въ виду только учрежденіе школы, а не пользованіе ея. Пусть у насъ на первыхъ порахъ обязательное первоначальное ученіе будетъ только мѣстной добровольною мѣрою; пусть сами общества устанавливають на счетъ этого свои собственные правила, сообразно съ мѣстными условіями быта и тѣми потребностями, которыя ощущаются въ умѣннн читать и писать.

Правительство же, какъ мы думаемъ, можетъ съ своей стороны содѣйствовать такимъ намѣреніямъ, постановивъ, напримеръ, что къ извѣстному сроку знаніе грамоты должно быть обязательнымъ при занятіи общественныхъ должностей и ввести на первый разъ правила, что при общественныхъ выборахъ имѣетъ предпочтеніе грамотный человекъ предъ неграмотнымъ. Эти постановленія не будутъ стѣснительны, а между тѣмъ они въ значительной степени будутъ содѣйствовать развитію въ массахъ первоначальнаго обученія, потребность котораго у насъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

— При открытіи земскихъ учрежденій большое значеніе получаетъ у насъ поземельная собственность. Между тѣмъ, собственность этого рода не только не опредѣлена у насъ по своей стоимости и доходности, но и относительно своего пространства и распредѣленія между владѣльцами. Причиной этому — неудовлетворительное состояніе межевой части, на улучшеніе которой обращено нынѣ вниманіе правительства.

Въ ряду важнѣйшихъ нашихъ государственно-хозяйственныхъ потребностей, должно поставить межевое дѣло. Оно у насъ во всѣ времена имѣло огромное значеніе, какъ въ государственно-хозяйствѣ, такъ и въ отношеніи въ главному виду недвижимой собственности — собственности поземельной. Въ административныхъ распоряженіяхъ, межевое дѣло постоянно составляло весьма важный предметъ. При опредѣленіи государственныхъ и областныхъ границъ, при пожалованіи вотчинъ, помѣстій и вполсѣдствіи незаселенныхъ земель, межеваніе служило охраною государственныхъ и частныхъ интересовъ.

Первые слѣды государственнаго межеванія встрѣчаются у насъ при наложеніи на Русь дани монголами. Присоединеніе различныхъ удѣльныхъ княжествъ къ государству московскому, повело за собою приведеніе въ извѣстность земель, достававшихся великимъ князьямъ московскимъ. Такъ, при Иванѣ III были описаны земли, принадлежавшія Тверскому княженію, а также земли вологодскія, костромскія, бѣлозерскія и новгородскія.

Помѣстная система, то-есть вознагражденіе за службу землею, отдаваемою въ пожизненное или потомственное владѣніе, требовала нарѣзки помѣстныхъ земель и ихъ разграниченія отъ вот-

чинъ. Съ тѣхъ поръ начались въ Россіи постоянныя межевыя работы, продолжающіяся донинѣ. Первымъ послѣдствіемъ этихъ работъ было составленіе «писцовыхъ книгъ» въ царствованіе Федора Ивановича и Бориса Годунова. Въ то же время, была описана большая часть русскаго государства. Производство межевыхъ работъ въ Россіи было въ ту пору крайне неудовлетворительно, такъ какъ пространство земель опредѣлялось по показаніямъ владѣльцевъ или стороннихъ людей, на основаніи количества высѣваемого хлѣба. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ производились дѣйствительныя измѣренія. Межи опредѣлялись большею частію живыми урочищами и другими естественными признаками, кромѣ того употреблялись и искусственные признаки: бурганы, изгороди, столбы и ямы.

Съ XVII столѣтія, межеваніе у насъ значительно усилилось. Оно перестало служить почти исключительно для административныхъ и финансовыхъ цѣлей, и приняло характеръ правительственной мѣры, клонившейся къ обезпеченію спокойнаго владѣнія поземельною собственностію. Мѣра эта была вызвана послѣдствіями помѣстной системы. Число земель, розданныхъ на помѣстномъ и вотчинномъ правѣ, увеличилось, и при неопредѣленности документовъ на поземельное владѣніе, обстоятельство это повело къ спорамъ и тяжбамъ, для отращенія которыхъ необходимо было обратиться къ обозначенію границъ поземельныхъ участковъ, принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ.

Вскорѣ по взошествіи на престолъ Михаила Федоровича, назначено было произвести «большой поземельный смыскъ» и, на основаніи особаго наказа, была описана тогда большая часть государства, не исключая Сибири и сѣверныхъ городовъ. Въ царствованіе Федора Алексѣевича, были разосланы «валовые» писцы и мѣрщики, чтобы привести въ извѣстность различныя поземельныя владѣнія частныхъ лицъ, и отдѣлить эти владѣнія отъ казенныхъ порожнихъ земель. Мѣра эта не имѣла однако никакихъ послѣдствій.

Текущими дѣлами по межевымъ спорамъ завѣдывалъ помѣстный приказъ. Межевщиками же на мѣстѣ — были люди безъ всякихъ свѣдѣній, и даже иногда безграмотные. Межеваніемъ занимались, между прочимъ, пушкари и священники. Въ концѣ царствованія Петра-Великаго, дѣла по межевой части были ввѣрены вотчинной коллегіи, и было велѣно составить писцовый наказъ по правиламъ геометрии. Кромѣ того, при Петрѣ-Великомъ предполагалось произвести кадастровое межеваніе подъ вѣдѣніемъ камер-коллегіи, учрежденной для высшаго надзора за всѣми обкладными и неокладными расходами.

Между тѣмъ, необходимость общаго межеванія съ каждымъ годомъ становилась чувствительнѣе, и въ 1752 году объявлено было о посылкѣ въ скоромъ времени во всѣ губерніи межевщиковъ, а 13-го мая 1754 года, была, наконецъ, утверждена первая инструкция для генеральнаго межеванія. Правила этой инструкции не имѣли въ сущности ничего новаго по отношенію въ юридической

сторонѣ межеванія, но ими были приведены въ систему прежнія постановленія. Вслѣдствіе этого, многое изъ того, что возникло прежде изъ жизни, сложилось изъ обычаевъ, установилось силою обстоятельствъ, во уже потеряло значеніе необходимости — инструкция обратила въ строго-дѣйствующій законъ.

Императрица Екатерина II скоро убѣдилась въ непримѣнности инструкции, изданной Елизаветой, и въ 1765 году она для обсужденія вопроса о межеваніи, учредила особую комиссію. Комиссія предприняла коренную реформу межеваго дѣла, и прежде всего признала необходимымъ устранить недовѣріе землевладѣльцевъ къ дѣламъ правительства и къ образу дѣйствій межевщиковъ. Манифестомъ отъ 19-го сентября 1765 года, было объявлено о генеральномъ межеваніи земель въ государствѣ, на совершенно новыхъ началахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, обнародованы правила для составленія новой межевой инструкции. За основаніе дѣла принято было не прежнее изысканіе примѣрныхъ земель, а единственно полюбовные разводы, при чемъ владѣльцамъ строго воспрещено распространять по спорамъ владѣнія свои за границы, въ которыхъ застаѣ ихъ упомянутый манифестъ.

Цѣль императрицы состояла въ томъ, чтобъ какъ можно болѣе уничтожить случаи тяжбъ по межевымъ спорамъ. Новая правила предписывали не розыскъ земель, не передѣлку границъ, но они сводились къ тому, чтобы каждый собственникъ могъ остаться при томъ, что имѣлъ, лишь бы не желалъ большаго, и не спорилъ бы о землѣ съ своими сосѣдями. Это было исключительною цѣлью межеванія. На составленномъ тогда рисункѣ межеваго штемпеля съ государственнымъ гербомъ — Екатерина написала девизъ: «каждый при своемъ», и подтвердила рисунокъ словами: «укрѣпи, Господи, достояніе людей своимъ».

Межеваніе должно было производиться не въ одной какой-либо мѣстности, но повсюду, во всемъ государствѣ; оно было генеральнымъ, общимъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Оно допускало въ отдѣльныхъ дачахъ общее владѣніе, и должно было привести въ извѣстность количество всѣхъ вообще земель, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ.

По закрытіи комиссіи, для высшаго управленія и суда по межевымъ дѣламъ, была образована при сенатѣ особая «межевая экспедиція». Межевыя работы начались съ московской губерніи. Благодаря новымъ началамъ, принятымъ для межеванія, межеваніе шло успѣшно тамъ, гдѣ находились землемѣры, но вообще въ нихъ чувствовался большой недостатокъ. Общій успѣхъ генеральнаго межеванія увеличилъ его мѣстную дѣятельность. Въ 1806 землемѣрамъ предоставлено было производить, по просьбамъ владѣльцевъ, спеціальныя раздѣлы дачъ, обведенныхъ окружными межами. Этотъ новый видъ межеванія, извѣстный въ нашихъ законахъ подъ именемъ «спеціальнаго межеванія чрезъ уѣздныхъ землемѣровъ», не былъ обязателенъ для владѣльцевъ, и составлялъ только

продолженіе частнаго межеванія. Въ 1810 году, были учреждены межевые суды.

Къ 1836 году генеральное межеваніе кончало свои работы, но на смѣну имъ готовы уже были новые межевые труды. Въ этомъ году во всѣхъ окончательно обмежованныхъ губерніяхъ были учреждены особые комитеты, и былъ назначенъ трехгодичный срокъ для полюбовнаго развода земель. Опытъ показалъ бесполезность комитетовъ, и черезъ три года были образованы посредническія комиссіи и назначены посредники, по выбору отъ дворянъ, въ качествѣ постоянныхъ ходатаевъ по дѣламъ полюбовнаго межеванія. Затѣмъ, съ 1839 года и по 1850 годъ, правительство постоянно облегчало поземельнымъ собственникамъ средства для полюбовныхъ соглашеній. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ, оно четыре раза продолжало срокъ для окончанія этихъ сдѣлокъ и, кромѣ того, начавъ съ дозволенія размѣна и уступки земель безъ платежа крѣпостныхъ и гербовыхъ пошлинъ, постепенно расширяло эти льготы, такъ что въ 1850 году допущено даже общее безспорное владѣніе, лишь бы оно соответствовало желанію всѣхъ безъ изыятія соучастниковъ. Въ этомъ году, за недостиженіемъ полюбовныхъ соглашеній, правительство обратилось къ принудительнымъ мѣрамъ, и ввело межеваніе по суду, такъ-какъ были истощены всѣ предписанныя закономъ средства къ убѣжденію владѣльцевъ на полюбовный раздѣлъ земли. Въ этомъ же году, сообразно со взглядами того времени, межевое вѣдомство и межевыя учебныя заведенія получили военное устройство, конечно, неручившееся за успѣхъ хозяйственно-административнаго дѣла.

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости вызвало производство новыхъ межевыхъ работъ, по поводу отдѣленія крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ, и отграниченія выкупленныхъ крестьянами участковъ во всей имперіи. Для безотлагательнаго выполненія этого новаго и обширнаго дѣла, были приняты мѣры къ умноженію числа землемѣровъ.

Въ настоящее время, генерально-обмежовано 34 губерніи и пенкурскій уѣздъ архангельской. Все обмежованное такимъ образомъ пространство составляетъ площадь въ 257, 281, 908 сажень. Оно состоитъ изъ 188, 264 дачъ. По полюбовному спеціальному межеванію, въ промежутокъ времени отъ 1836 по 1863 годъ, размежовано 63,486 дачъ, составляющихъ пространство въ 41,604,052 десятины. Осталось размежевать 15,294 дачи на пространствѣ 18,137,793 десятинъ. Въ малороссійскихъ губерніяхъ окончено межеваніемъ въ натурѣ 2,206, 263 десятины.

Предполагая произвести коренныя преобразованія по межевому дѣлу въ Россіи, межевое вѣдомство, по распоряженію и увазанію управляющаго межевскихъ корпусомъ сенатора Геденова, издало нынѣ «Матеріалы для преобразованія межевой части въ Россіи». Матеріалы эти должны служить для руководства и соображеній высочайше учрежденной комиссіи, для начертанія главныхъ началъ преобразованія по межевой части. Въ число «Матеріаловъ»

вошло обширное историческое обозрѣніе межеванія въ Россіи, основанное на памятникахъ законодательства, и наполненное свѣдѣніями, имѣющимися въ дѣлахъ межеваго управленія.

Межевое управленіе, издавая «Матеріалы» и имѣя въ виду, что при разработкѣ ихъ могли быть сдѣланы случайныя упущенія, могущія имѣть вліяніе на направленіе работъ къ предстоящему преобразованію, выразило желаніе, чтобы лица, сочувствующія успѣху этого дѣла, сообщали въ межевое управленіе свои замѣчанія, которыя могли бы служить дополненіемъ исполненнаго ими нѣтъ труда.

По всей вѣроятности, такое приглашеніе не останется безъ послѣдствій, такъ-какъ межевою частію, по тѣмъ причинамъ, на которыя мы указали, должны быть заинтересованы всѣ поземельные владѣльцы въ Россіи.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Вопросъ о пьянствѣ.—Политическое и экономическое значеніе этого порока.—Записка адмирала Мордвинова по этому предмету, и радикальныя мѣры для отрезменія народа.—Новый спеціальныи журналъ «Архивъ судебной медицины и гигиены». — Нѣсколько данныхъ изъ исторіи нашихъ медицинскихъ учреждений.—Сельское хозяйство въ Голландіи.—Способъ землевладѣнія, какъ причина развитія культуры.—Разрѣшеніе вопроса о вольно-наемномъ трудѣ журналомъ «Министерства Государственныхъ Имуществъ». — Причины лѣсоисстребленія и курьезное рѣшеніе уѣзднаго суда.

Вопросъ о пьянствѣ.—Праздники и неразлучное съ ними повсюду пьянство, вѣроятно, напоминаютъ всякому болѣе или мене хорошему гражданину о необходимости какихъ либо дѣйствительныхъ мѣръ противъ этого историческаго порока русской земли. Самыя древнія наши лѣтописи и другіе письменные памятники свидѣтельствуютъ, что пьянство было присуще русскому народу, начиная съ самыхъ первыхъ періодовъ его гражданственности; изъ этого слѣдуетъ, что столь постоянная склонность къ пьянству есть нѣчто болѣе, чѣмъ привычка; равнымъ образомъ было бы весьма поверхностно придавать этому злу лишь преходящее, не особенно важное значеніе. Усиленіе пьянства прежде всего выражаетъ собою неустойчивость и упадокъ народной нравственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ является причиною дальнѣйшей порчи народа. Народный бытъ не только не можетъ прогрессивно улучшаться при поголовномъ-почти пьянствѣ, но даже неизбѣжно долженъ клониться къ худшему. Пьянство обращаетъ народъ въ индифферентную массу, ослабленную въ самой себѣ. Въ былыя времена, разсуждая объ упадкѣ народной нравственности, на земскихъ соборахъ приходили къ заключеніямъ, что нравы падаютъ отъ нарушенія старины и отъ недостатка аскетизма въ народѣ, а потому предлагались, съ цѣлью попра-

вить дѣло, и мѣры, согласныя съ этими заключеніями; нельзя сказать, чтобы и нынѣ всё перестало вѣрить въ силу подобныя лекарство, какъ старина и воздержаніе во имя абстрактной идеи; но за то многіе современники, уразумѣвъ нашу старину лучше, чѣмъ знали ее члены стоголавого собора, и убѣдившись, наконецъ, что проповѣди о воздержаніи для воздержанія не дѣйствительны, способны изыскивать средства для отрезвленія народа въ мѣрахъ экономическихъ и социальныхъ. Еслибы цифра дохода отъ нитей не играла такой значительной роли въ нашемъ бюджетѣ (около $\frac{1}{3}$), то, конечно, мѣры противъ пьянства могли бы быть снѣдѣе, чѣмъ это возможно при ограниченности другихъ государственныхъ доходовъ; при настоящихъ же обстоятельствахъ историческая фраза «Руси есть веселіе нити» имѣетъ не одинъ лишь этнографическій, но и финансовый смыслъ; поэтому и въ изысканіи средствъ противъ пьянства, будетъ ли это составлять заботу правительства или частныхъ обществъ, необходимы извѣстныя границы.

Въ Петербургѣ учреждена, по высочайшему повелѣнію, коммиссія для изысканія средствъ противъ пьянства; сверхъ того образовывается въ настоящее время, какъ извѣстно изъ весьма распространеннаго слуха, частное общество противодѣйствія пьянству; надо ожидать, что и во многихъ губернскихъ городахъ будутъ возникать подобныя же общества; даже можно предполагать, что в селенія не будутъ чужды этому движенію, если оно дѣйствительно начнется, въ чемъ, впрочемъ, нельзя сомнѣваться, потому что многіе серьезные русскіе люди смотрятъ на пьянство какъ на зло, имѣющее огромное общественное значеніе.

Мы находимъ вполне современнымъ привести здѣсь нѣсколько извлеченій изъ записки извѣстнаго адмирала Мордвинова, о средствахъ противъ неумѣреннаго употребленія въ народѣ вина, писанной въ 1800 г. (*)

О характерѣ мѣръ, которыя, по мнѣнію Мордвинова, должны быть принимаемы противъ пьянства, онъ говоритъ: «Никакое насиліе, либо принужденіе, никакой просто-обыкновенный крутой, и отъ единой власти происходящій распорядокъ, не можетъ въ семь случаевъ быть успѣшенъ и дѣйствителенъ. Въ народѣ, у котораго вино единымъ и всеобщимъ учинилось средствомъ къ разогнанію скуки и унынія, къ облегченію болѣзней и печалей, къ ослабленію сильныхъ въ духѣ и тѣлѣ напряженій, къ доставленію веселости компаніямъ, къ извлеченію откровенности въ бесѣдахъ — опасно перемѣнять величайшее изобиліе на скудость, а и того паче вовсе и крутымъ образомъ лишить его толико уважаемаго напитка. Самое возвышеніе цѣны на водку, не только не способствуетъ отнюдь къ воздержанію народа отъ излишества въ питьѣ ея, но явшаю еще придаетъ ей прелесть и уваженіе.

(*) Сборн. свѣдѣн. и матер. по М. Ф. 1868 г. № 8.

Обыкновенно, что дешево и чего изобильно, то презираютъ: ни красота, ни вода не подчиваютъ, воду же пьютъ, и оную уважаютъ потому болѣе, что она есть питье, дорогой цѣны стоящее. Ниснія въ государствѣ сословія подчиваются ею по тому самому побужденію, по которому у дворянъ и у всѣхъ знатныхъ и богатыхъ людей, съ того времени, какъ начали привозить въ Россію виноградныя вина, кофе, чай, шоколадъ и проч., вошло въ обычай щеголять шампанскимъ и другими драгоценнѣйшими напитками. Всякъ, при гостепріимствѣ, тѣнится изъяснить нѣкое превосходство имущества своего щедролюбія. Въ древнія времена въ Россіи пьанъ былъ дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ и крестьянинъ; но дворянинъ чаще пьанъ бывалъ, нежели купецъ, а крестьянинъ рѣже всѣхъ. Нынѣ противное: купецъ пьетъ водку болѣе дворянина, крестьянинъ же болѣе всѣхъ, по той причинѣ, что водка, въ среднемъ родѣ людей, не потеряла своего уваженія столько, какъ въ высшихъ сословіяхъ, пренебрегающихъ ею по дешевизнѣ; въ простонародіи же остается она самымъ завиднѣйшимъ и драгоценнѣйшимъ напиткомъ.

Мѣры, предлагаемыя Мордвиновымъ, состоятъ въ слѣдующемъ: привести водку повсемѣстно въ самую дешевую и низкую цѣну, для чего право винокурения сдѣлать свободнымъ для всѣхъ сословій, также какъ и продажу вина; доходъ же казны отъ питей разложить на души, хотя бы съ нѣкоторымъ пожертвованіемъ. Винокурение, по мнѣнію Мордвинова, должно будетъ упасть отъ сильной конкуренціи. Въмѣсто водки, которая должна сдѣлаться самымъ обыкновеннымъ, дешевымъ и неуважаемымъ напиткомъ, вводятъ въ употребленіе пиво, какъ напитокъ здоровый и не расслабляющій, употребляя мѣры къ тому, чтобы вареніе пива было распространяемо и поощряемо повсемѣстно, а на обученіе искусныхъ пивоваровъ обратитъ особое вниманіе. Кабаки должны быть тѣсныя, чтобы не могли служить сборищемъ народа, и безъ нечей; даже вовсе воспретить входъ въ нихъ, учредивъ продажу водки чрезъ окна. Напротивъ того, съ трактировъ, винныхъ погребовъ и со всѣхъ неспиртуозныхъ напитковъ снять всеіе налоги и стѣсненія.

Въ подкрѣпленіе своихъ предположеній, маститый прогресистъ начала нашего вѣка указываетъ на Венецію, гдѣ кофе и приумноженіе кофейныхъ домовъ, сдѣлала народъ трезвымъ; другой примѣръ—говоритъ онъ—видимъ въ нѣмцахъ, изъ коихъ многіе, сколь бы ни были преданы пьянству въ своемъ отечествѣ, но какъ только побываютъ въ Италіи, дѣлаются трезвыми; въ самой Франціи, въ тѣхъ провинціяхъ, кои изобильны виноградою и дѣланіемъ вина, пьаницъ почти нѣтъ; въ сѣверныхъ же предѣлахъ ея, и ошутительнѣе всего въ Бретани, гдѣ вино въ цѣнѣ, великая примѣчается приверженность къ оному.

Винокурение, предоставленное помѣщикамъ, по мнѣнію Мордвинова, вредно вліяетъ на русское хозяйство по двумъ причинамъ: оно привлекаетъ многіе капиталы, которые могли бы быть

обращени съ наибольшей для сельскаго хозяйства пользой, и служить причиною однообразія въ производствѣ продуктовъ: не нѣтъ въ виду сбыта огромнаго количества хлѣба для винокурени, помѣщики помезовѣ обратились бы къ производству болѣе цѣнныхъ и разнообразныхъ продуктовъ. Кромѣ того, Мордвиновъ видитъ въ пьянствѣ причину того, что народъ, пропивая деньги, дѣлается чуждымъ стремленія къ приобрѣтенію и сбереженію ихъ и потому лѣнливымъ и небрежнымъ къ труду. Привилегированное винокурение и такая же продажа вина отнимаетъ отъ производительнаго труда массу людей; при вольномъ же винокурени и продажѣ заниматься этимъ будутъ въ самой слабой степени сами крестьяне, не оталекаясь отъ дѣла и, разумѣется, не затрачивая капиталовъ; при чемъ конкуренція крестьянъ отниметъ всякую возможность у капиталистовъ заниматься винокурениемъ, потому что крестьяне, не оцѣняя высоко ни личнаго своего труда, ни высчитывая процента съ капитала, сдѣлаются въ дѣлѣ винокурени конкурентами необъидными.

Въ опроверженіе пользы для народа отъ вольнаго винокурени и продажи вина, обыкновенно приводятъ Малороссію и западныя губерніи, гдѣ винокурение и продажа были, какъ полагаютъ, свободными и гдѣ пьянство также распространено; но изъ записки Мордвинова мы видимъ, что свобода эта распространялась лишь на помѣщиковъ, которые неволили своихъ крестьянъ къ покушкѣ извѣстнаго количества водки, почему пьянство въ этомъ краѣ, какъ преимущественно помѣщичьемъ, неминуемо должно было распространяться.

Въ настоящей системѣ управленія, также живущей цѣлю уменьшеніе пьянства, съ помощію распространенія пива, принимаются мѣры, противоположныя предлагаемымъ Мордвиновымъ: акцизъ на водку возвышается и понижается акцизъ съ пива, но къ размноженію пивныхъ лавокъ на счетъ кабаковъ и къ поощренію варенія лучшаго пива въ Россіи мѣръ не принимается. Если пиво и входитъ нынѣ въ употребленіе, то только въ столицахъ, въ великороссійскихъ же губерніяхъ пивовареніе стоитъ на такой низкой степени, что нѣтъ никакихъ надеждъ, чтобы при настоящемъ искусствѣ нашихъ пивоваровъ пиво могло хоть сколько-нибудь замѣнить вино; на большей части пивоваренныхъ заводовъ средней Россіи готовится пиво до того отвратительное, что вовсе вынелось изъ употребленія между городскими сословіями.

Предположенія Мордвинова и распространяющееся пьянство, какъ порокъ историческій, имѣющій для насъ весьма важное экономическое и обширное соціальное значеніе, а также система настоящаго управленія питейными сборами, представляютъ собою такой огромный матеріалъ для изслѣдованій и практическихъ соображеній, что всякій серьезный трудъ *общества противъ распространенія пьянства*, гдѣ таковыя уже есть или будутъ возникать, не останется безплоднымъ, если, разумѣется, общества

эта будутъ доискиваться основныхъ причинъ зла, предполагая ихъ не въ одной лишь привычкѣ народа, но во всей его нравственной обстановкѣ, и будутъ содѣйствовать къ изысканію средствъ, которыя также замѣняли бы для русскаго человѣка кабакій широкій разгулъ другими видами отдыха и удовольствія.

Жизнь въ нашихъ селахъ такъ еще далека отъ всякихъ формъ смягчающей цивилизаціи, что едва-ли искорененіе зла возможно начинать съ селъ и деревень; но города наши, не только губернскіе и портовые, но и многіе уѣздные, гдѣ народонаселеніе представляетъ смѣсь всѣхъ сословій, могутъ послужить нынѣ же исходными точками отрезвленія народа, съ замѣной кабаковъ другими сборными мѣстами для низшихъ классовъ народа, въ родѣ большихъ кофейныхъ домовъ, съ сценическими представленіями, музыкой, чтеніемъ и т. п., что, безъ сомнѣнія, многихъ отвлекло бы отъ употребленія водки, и служило бы вообще къ смягченію нравовъ.

Новый спеціальный журналъ.—Въ настоящемъ обозрѣвіи намъ приходится говорить о новомъ спеціальномъ періодическомъ изданіи «Архивъ судебной медицины и общественной гігіены», предпринятомъ съ марта этого года медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Судебная медицина, какъ самостоятельная наука, естественно не могла занять у насъ своего должнаго мѣста при закрытомъ и глухомъ судѣ, ни въ правтическомъ ея приложеніи къ требованіямъ общественной жизни, ни въ чисто-научномъ отношеніи; при ожидаемыхъ же новыхъ судахъ ни одно уголовное дѣло, касающееся личности, не можетъ обойтись безъ участія судебного врача. Известно, какую важную роль играютъ въ уголовныхъ процессахъ судебно-медицинскія изслѣдованія; такую же важность получаетъ въ настоящее время у насъ и судебная медицина, какъ отрасль врачебно-свѣдѣнія, находящаяся въ тѣсной связи съ законодательствомъ и отправленіемъ правосудія. Спеціальныя свѣдѣнія по части судебной медицины необходимы нашимъ будущимъ экспертамъ, какъ для научнаго развитія ея въ Россіи, такъ и для самаго законодательства, нуждающагося въ точныхъ выводахъ наукъ, не говоря уже о потребности судопроизводства въ самихъ свѣдущихъ специалистахъ. Между тѣмъ настоящее состояніе у насъ судебной медицины представляетъ столь низкую степень, что ни въ какомъ случаѣ практическія потребности въ этой наукѣ при новыхъ судахъ не могутъ быть удовлетворены надлежащимъ образомъ. Поэтому появленіе спеціальнаго журнала, посвятившаго себя разработкѣ предметовъ судебной медицины, мы встрѣчаемъ съ полнѣйшимъ сочувствіемъ и желаемъ, въ интересахъ общества, чтобы онъ былъ встрѣченъ съ такимъ же сочувствіемъ всѣми русскими врачами, въ особенности городскими и уѣздными, которые суть главнѣйшіе представители судебной медицины въ нашихъ провинціяхъ и которые, по своему положенію, лишены всякихъ научныхъ средствъ

и пособій для того, чтобы пополнять свои знания и слѣдить за наукой. Въ особенности мы считаемъ важнымъ распространіе журнала для направленія дѣятельности судебныхъ врачей въ дѣлѣ юстиціи. Въ этомъ отношеніи существуетъ много весьма сбивчивыхъ понятій объ отношеніяхъ судебного врача къ суду, мѣшающихъ ему стать въ предѣлы собственно судебно-медицинскаго вопроса, не вторгаясь съ своими мѣтніями въ обязанности суда. Судебная медицина также необходима въ извѣстной степени и юристамъ, т.-е. судьямъ, слѣдователямъ и адвокатамъ, для того, чтобы судъ и слѣдователь предлагали врачу вопросы правильно, не требуя отъ него лишняго и ограничивая его одной лишь его спеціальною; поэтому техническая часть судебной медицины представляетъ предметъ, съ которымъ должны болѣе или менѣе ознакомиться наши юристы, слѣдователи и въ особенности адвокаты, какъ защитники общества передъ судомъ и закономъ.

Другая задача, которую принялъ на себя названный журналъ— общественная гигиена представляетъ предметъ вполне новый для Россіи. Гигиена извѣстна у насъ только по наслышкѣ; въ университетскихъ медицинскихъ факультетахъ нѣтъ даже отдѣльных кафедръ гигиены; между тѣмъ гигиена есть самостоятельная наука, необходимая для общества и для администраціи; всѣ medico-полицейскія мѣры основываются на выводахъ гигиены; на обязанности городскихъ и земскихъ управленій лежатъ весьма важныя для общества обязанности, охраняющія общественное здоровье; для важнаго жителя болѣе или менѣе населеннаго города общественные гигиеническіе вопросы суть личные вопросы первой важности, также какъ и распорядженія торговой полиціи и постановленія законодательныя, охраняющія общество отъ злоупотребленій въ торговлѣ, въ поддѣлкахъ, вредныхъ примѣсахъ, отъ вреда, наносимаго здоровью рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ и т. п. Чтобы убѣдиться въ полномъ отсутствіи вліянія гигиены на наши общественные распорядки, стоитъ взглянуть на Петербургъ. Каждому петербуржцу небезизвѣстно, какую онъ имѣетъ воду, какой воздухъ, какой хлѣбъ, выпеаемый въ мелочныхъ лавочкахъ, какія испаренія въ ближайшихъ окрестностяхъ города, даже въ самомъ городѣ, на такъ-называемыхъ мусорныхъ поляхъ около биковъ и около таврическаго сада, гдѣ также всякій желающій испытать весьма-рѣдкій и крайне зловредный запахъ гниющей воды, можетъ произвести этотъ омытъ около всей канавы, окружающей громадный четырехъугольникъ сада, и т. п. Все это показываетъ, что общественная гигиена не проявила еще въ должной степени ни въ наше законодательство, ни въ администрацію.

Содержаніе вышедшей нынѣ первой книжки журнала можетъ дать вѣрное понятіе читателю о выводахъ науки относительно предметовъ нашихъ первыхъ общественныхъ потребностей, какъ по части общественной гигиены, такъ и по части судебной медицины. Не имѣя возможности въ одномъ настоящемъ обзорѣ-

ни сообщить читателю содержаніе всѣхъ статей книги, любознательныхъ по научнымъ выводамъ и практическому, современному значенію для общества, мы должны будемъ еще возвратиться къ этой книгѣ, ограничась нынѣ лишь весьма немногими.

Въ «Историческомъ Обзорѣніи развитія врачебныхъ учрежденій въ Россіи» мы видимъ добросовѣстное и полное изслѣдованіе предмета по всѣмъ возможнымъ источникамъ. Въ изслѣдованіи этомъ обнаруживаются весьма замѣчательныя черты древняго устройства на Руси медицинской части. При Владимірѣ I эта часть неразрывно съ призрѣніемъ старыхъ и убогихъ принадлежала исключительно церкви, вмѣшательство же свѣтской власти въ это дѣло считалось почему-то столь вреднымъ, что по уставу Владиміра всякій преступившій это правило предавался проклятію. Впрочемъ, изъ самаго текста устава скорѣе можно заключить, что охрана эта имѣла общую цѣль—независимость церкви отъ свѣтской власти и ея доходовъ, которые та получала на содержаніе богоугодныхъ заведеній отъ десятины, царской милостыни и завѣщаній и пожертвованій частныхъ лицъ. Со времени Петра I медицинская часть, какъ и всѣ отрасли управленія, получаетъ другой характеръ, отличающійся регламентаціей, формализмомъ и преобладаніемъ внѣшней формы административнаго порядка надъ практической цѣлью. По этому типу медицинская администрація развивалась до настоящаго царствованія, представляла многія печальныя явленія преобладанія въ медицинскомъ дѣлѣ нашей бюрократіи и борьбы съ нею медицинскаго элемента.

Въ началѣ XVIII столѣтія главными центрами врачебнаго управленія были аптекарская и медицинская канцеляріи, для которыхъ возможны были, между прочимъ, вопросы о томъ, что важнѣе: лекарь или лекарство, и какому боарину управлять тѣмъ и другимъ—военному или гражданскому? Для примѣра приводимъ два постановленія, опредѣляющія положеніе русскихъ врачей около того же времени: врачъ во флотѣ велѣно еженедѣльно релязовать корабельному секретарю, а понуждать къ тщательному отъправленію дѣла кригс-коммисарамъ; полковымъ лекарямъ приказано брить бороды полковника, подполковника и майоровъ. Этими постановленіями хитрая администрація стремилась унизить и водворить себѣ служителей медицины, не давая имъ никакой самостоятельности; въслѣдствіе почти то же дѣлала бюрократія уже при управленіи министерствомъ.

Сельское хозяйство въ Голландіи. — «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» (*) сообщаетъ подробный очеркъ сельскаго хозяйства въ Голландіи. Оставляя въ сторонѣ подробности голландской культуры, какъ невѣроятныя въ наше обозрѣніе, мы извлекаемъ описаніе провинціи Греннингъ, которая,

(*) 1866 г. № 2.

по словамъ исследователя, вообще мало извѣстна даже въ Европѣ, несмотря на то, что нравственное, матеріальное и социальное положеніе этой области столь замѣчательно, что заслуживаетъ самаго подробнаго изученія.

Еще въ прошломъ столѣтіи Греннигенъ былъ бѣдной провинціей, болѣе половины ея территорія занята и понынѣ землями безплодными, песчаными и торфянистыми; но, несмотря на это, Греннигенъ доставляетъ овса, рапса и ячменя около половины всего количества, производимаго цѣлымъ королевствомъ. О скотоводствѣ этой мѣстности можно составить нѣкоторое понятіе изъ слѣдующаго факта: въ 1860 г. одна изъ общинъ, всего въ 2,000 душъ, доставила на рынокъ: 300 молочныхъ коровъ, 420 шт. откормленнаго скота, 78 тѣловъ, 86 лошадей, 1,254 овцы и до 2 т. пудовъ масла. И то же самое дѣлается ежегодно. Зажиточность фермеровъ-землевладѣльцевъ доходитъ до баснословныхъ цифръ; рѣдкій изъ нихъ не имѣетъ тонны золота (54,000 руб.), многіе имѣютъ двѣ-три и болѣе тоннъ. Быть фермеровъ очерчивается слѣдующимъ описаніемъ сельскихъ строеній. Между дорогой и жилымъ строеніемъ находится цвѣтникъ, засаженный экзотическими растениями и лужайки котораго усыяны куртинами цвѣтовъ; въ сторонѣ огородъ съ плодовитыми деревьями и разнообразными овощами. Ширина фасада, большое число оконъ въ два этажа, шитыя оконныя занавѣски, мѣбель изъ американскаго дерева, фортепьяно, библіотека, короче—все свидѣтельствуетъ о деволюствѣ и привычкахъ утонченнаго вкуса. Позади жилого дома, но въ связи съ нимъ, возвышается громадное зданіе, высокое, какъ церковь, и длинное, какъ верфь. Тутъ находятся хлѣвъ, коюшня, сарай—все зго подѣ одною крышею. При входѣ вы видите передъ собою, во внутреннихъ, огромныя пространства, достаточныя для помѣщенія урожая со 100 дес., и цѣлую коллекцію усовершенствованныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ; а далѣе—60 или 70 коровъ, расположенныхъ въ одинъ рядъ, а по близости до 20 вороныхъ коней, составляющихъ гордость хозяина. Здѣшніе фермеры сохранили всю простоту нравовъ ихъ предковъ. Обладая нѣсколькими тоннами золота, они не считаютъ унижительною для себя лично ходить за плугомъ и наблюдать за всѣми работниками въ полѣ. Дѣти фермеровъ нѣрѣдко воспитываются въ университетѣ. Вообще фермеры стоятъ во главѣ области; выше ихъ здѣсь нѣтъ класса; изъ нихъ выбираются члены всѣхъ мѣстныхъ комиссій и даже депутаты въ собраніе генеральныхъ штатовъ; сельско-хозяйственныя занятія нѣсколько не мѣшаютъ имъ принимать самое живое участіе и въ политикѣ и въ администраціи страны; они содержатъ на свой счетъ превосходную земледѣльческую школу, состоящую въ завѣдваніи извѣстнаго агронома Бека. Короче: Греннигенъ нѣчто въ родѣ республики, заселенной и управляемой классомъ крестьянъ, зажиточныхъ и просвѣщенныхъ, чуждыхъ всякаго духа рутинн. Здѣсь вы не увидите башенъ феодальнаго замка, не найдете

аристократическая — английская — деревень; богатство распределено равномерно, и почти все, что ни производитъ земля, приходится на долю тѣхъ, которые ее воздѣлываютъ. Здѣшняя культура можетъ выдержать сравненіе со всѣмъ, что есть замѣчательнаго въ этомъ отношеніи во всей Европѣ. Для усиленія плодородія почвы съ нѣкотораго времени стали употреблять очень оригинальный способъ. Земля, на которой расположена названная провинція, завоевана у моря, при помощи плотинъ; завоеваніе это производилось постепенно, именно: по мѣрѣ того, какъ море отодвигалось далѣе и далѣе, устраивались новыя и новыя плотины, и такимъ образомъ образовалось нѣсколько родовъ плотинъ, изъ которыхъ заднія, какъ совершенно излишнія въ настоящее время, разбрасываются и разсыпаются по лугамъ. Но заботы объ удобреніи не ограничиваются этимъ. Въ подпочвѣ находятся всѣ элементы плодородія, свойственные свѣжеотложившемуся морскому илѣ, ибо корни растений почти вовсе не проникали въ нея. Чтобы возвратитъ почвѣ ея первобытное плодородіе, достаютъ дѣвственную подпочву и разсыпаютъ ее по полямъ. Для этого копаютъ ровъ, засыпаютъ его истощенною землею, а вынутую раскидываютъ по полямъ, подобно удобренію, и она дѣйствительно имѣетъ всѣ свойства сильнаго удобренія.

Причины столь замѣчательнаго благоденствія края всѣ голландскіе политическіе экономы находятъ въ способѣ владѣнія землею — *Beklem-regt*. Это есть право владѣть имѣніемъ изъ-за ежегодной платы, которую собственникъ никогда не можетъ возвышать. Право это переходитъ по наслѣдству; владѣтель права, кромѣ того, можетъ завѣщать его, продать, отдать въ наемъ, передатъ въ ипотеку, и все это безъ согласія собственника; но всакій разъ, когда право переходитъ путемъ наслѣдства или продажи изъ однихъ рукъ въ другія, собственникъ имѣетъ право на волученіе одного или двухъ лѣтъ фермерной платы. Всѣ строенія составляютъ собственность владѣтеля права *Beklem-regt*, такъ-что онъ можетъ требовать вознагражденія за нихъ, еслибы право его почему-либо окончилось; онъ же платитъ всѣ подати; но онъ не можетъ ни измѣнить формы собственности, ни понизитъ ея стоимости. *Beklem-regt* — недѣлимо; оно принадлежитъ непрѣмнно одному лицу, такъ-что владѣть имъ можетъ только одинъ въ наслѣдниковъ; впрочемъ, уплативъ сумму, установленную на случай перехода права владѣнія изъ однихъ рукъ въ другія, мужъ можетъ завѣщать свое право женѣ, а жена — мужу, и въ такомъ случаѣ, пережившій супругъ дѣлается обладателемъ права. Если фермеръ разорился или не въ состояніи платить ежегодной платы, то *Beklem-regt* не прекращается совершенно; кредиторы могутъ продать это право, но покупатель обязанъ прежде всего уплатитъ всѣ долги прежняго владѣльца собственнику.

Происхожденіе *Beklem-regt* относится къ среднимъ вѣкамъ и возникло сначала на монастырскихъ земляхъ. Праву это дается вновь еще и теперь. Но наслѣдственное фермерство начинается

мало по малу перерождаться нынѣ въ обывновенное, когда владѣтели *Beklem-regt* отдають свои земли въ аренду. Стоимость права собственности на земли, при существованіи этого права, является весьма разнообразной, что зависитъ отъ ежегодной платы за *Beklem-regt*. Нынѣ въ полную собственность продается земля по 2,500 руб. за десятину.

Мы привели этотъ очеркъ голландскаго землевладѣнія и хозяйства на случай, не пригодится ли онъ кому нибудь изъ нашихъ читателей и не можетъ ли онъ послужить сколько нибудь примѣромъ и для нашихъ землевладѣльцевъ, незанимающихся лично хозяйствомъ. Во всякомъ случаѣ мы нашли заслуживающимъ вниманія характеристику благосостоянія страны, гдѣ нетолько люди, но даже коровы, находящіяся въ почтенномъ положеніи, ходять, какъ извѣстно, въ холодную погоду на своихъ пастбищахъ не иначе, какъ въ суконныхъ пальто, особо для нихъ приготовляемыхъ.

Разрѣшеніе вопроса о вольнонаемномъ трудѣ.—Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ называется нынѣ, какъ извѣстно, и журналомъ «Сельское хозяйство и лѣсоводство», поэтому мы вправѣ считать разрѣшаемый имъ вопросъ о современномъ состояніи нашего сельскаго хозяйства, въ статьѣ «Изъ науки и практики» разработаннымъ специально. Мнѣнія спеціальнаго журнала особенно важны въ такомъ сложномъ вопросѣ, по которому и въ обществѣ и въ печати царствуетъ полнѣйшая неурядица. Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, заключается главнѣйшимъ образомъ въ томъ, возможно ли вести у насъ сельско-хозяйственную промышленность вольнонаемнымъ трудомъ. О журнальныхъ спорахъ по этому предмету спеціальнѣйшій журналъ отзывается такъ: къ сожалѣнію, нельзя не сознаться, что разрѣшеніе вопроса туго подвигается впередъ, что онъ почти остается все въ томъ же наивномъ, невыясненномъ положеніи, въ какомъ стоялъ, напримѣръ, до вѣчно-памятнаго 19 февраля 1861 г. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ толки отдѣльныхъ хозяевъ, всѣ бесѣды обществъ, всѣ печатныя заявленія въ сущности — одни жалобы и жалобы, съ небольшими лишь вариациями. Напримѣръ, одни прямо, наогрѣвъ утверждаютъ, что вольнонаемное хозяйство — дѣло рѣшительно невозможное, убыточное, разорительное и даже, иди *срезсендо* — гибельное. Другіе твердятъ то же, но съ небольшою уступкою, примѣрно такъ: не во всѣхъ мѣстностяхъ нашей православной Россіи хозяйничанье при вольнонаемномъ трудѣ разорительно: есть хозяйства, около городовъ и въ умѣренной молости Россіи, которыя даютъ доходъ, хотя и небольшою; но за то во всѣхъ остальныхъ, и слѣдовательно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, по недостатку сбыта для сельско-хозяйственныхъ произведеній и по низости цѣнъ на нихъ, веденіе хозяйства невымыслимо. Только очень немногіе стоятъ за возможность хозяйничать при наймѣ, но и у нихъ въ каждомъ

словѣ проглядываетъ недоувѣріе. Подобныя воззрѣнія, развитыя въ обществѣ, но мнѣнію журнала, вредно вліяютъ не только на молодое поколѣніе землевладѣльцевъ, но и на опытныхъ хозяевъ, застрашивая и тѣхъ и другихъ гибелью отъ вольнонаемнаго труда. Подъ вліаніемъ этихъ опасеній многіе продаютъ землю за бездѣнокъ, чтобы отъ нея отвязаться; другіе съ этой же цѣлью стараются сдать ее въ аренду; третьи предлагаютъ премію тому, кто рѣшитъ задачу объ организованномъ трудѣ; четвертые предлагаютъ *стачку* землевладѣльцевъ; пятые предлагаютъ собрать размѣръ запашки, чтобы поппзнить запросъ на работниковъ и заработную плату. Въ успѣхѣ всѣхъ этихъ мѣръ, спеціальныи сельско-хозяйственный журналъ сильно сомнѣвается, съ чѣмъ, впрочемъ, и всякому неспеціалисту нетрудно согласиться.

Нѣкоторые во всемъ этомъ вавилонскомъ столпотвореніи мнѣній и фактовъ видятъ законъ дарвиновскаго естественнаго подбора: кому не подъ силу слагающіяся въ настоящее время политико-экономическія условія страны, тотъ удаляется со сцены сельско-хозяйственной дѣятельности, уступая свои земли и свое мѣсто болѣе способному, энергическому и предприимчивому дѣятелю. Этими переходами думаютъ они, и опредѣляется внутренняя переработка нашего земства, которая весьма удачно названа переходной эпохой. Совершенно такимъ же порядкомъ, говорятъ они, расплодился описанный Дарвиномъ безкрылый жуки на островахъ океана, перерождаясь изъ крылатыхъ, большая часть которыхъ, благодаря своимъ крыльямъ, гибли въ морѣ, а тѣ, которые имѣли слабыя крылья и болѣе крѣпкія ноги, оставались на островахъ и сдѣлались родоначальниками племени уже вовсе безкрылаго, но тѣмъ не менѣе вполне одареннаго тѣми физическими средствами, которыя необходимы въ обитаемой ими мѣстности.

Оставивъ въ сторонѣ сравненіе русскихъ помѣщиковъ съ жуками не болѣе какъ за поэтическую вольность, мы сообщаемъ выводы сельско-хозяйственнаго журнала о томъ, что лужно для веденія у насъ хозяйства посредствомъ вольнаго труда; по мнѣнію журнала, необходимо: во 1-хъ, измѣнить наши полевыя системы, и именно сократя посѣвы колосовыхъ хлѣбовъ, предпринять воздѣлываніе болѣе цѣнныхъ растений; во 2-хъ, вводить травосѣяніе въ широкіхъ размѣрахъ, а также поправлять, и даже обмѣнять естественные луга. Это одно, что можетъ содѣйствовать къ лучшему содержанію домашняго скота, а слѣдовательно, и къ большому полученію удобренія, къ поднятію плодотворности нашихъ истощенныхъ полей; и въ 3-хъ заводятъ техническія учрежденія, каковы винокурни, маслобойни, и проч. Они дадутъ возможность переработывать сырые продукты въ болѣе цѣнные, болѣе громоздкіе (?), и потому болѣе удобные для сбыта.

Нельзя сказать, чтобы указанія журнала отличались *практичностью*, то-есть полнымъ согласованіемъ совѣтовъ съ положеніемъ и условіями тѣхъ, въ чью пользу предлагаются совѣты. Можетъ

Быть, эти совѣты согласны вполнѣ съ выводами науки, но они такъ несомнѣны, что едва-ли стоило ихъ излагать какъ вѣчто новое.

Причины лѣсовостребленія. — Въ томъ же журналѣ мы находимъ статью «Быть или небыть лѣсамъ», въ которой говорится о причинахъ лѣсовостребленія: скудномъ жалованьѣ лѣсной стражѣ, сложности канцелярской переписки лѣсничихъ, которые обратились совершенно въ канцелярскихъ чиновниковъ; отсутствие права лѣсничихъ налагать по маловажнымъ дѣламъ штрафы на порубщиковъ и бездѣйствіе суда въ дѣлахъ о порубкахъ. Примѣромъ этой послѣдней причины сообщено дѣло слѣдующаго содержания: Полѣсовщикъ поймалъ порубщика на мѣстѣ преступленія, сталъ отбирать у него топоръ, тотъ не давалъ. На шумъ прибѣжалъ лѣсникъ изъ сосѣдней помѣщичьей дачи, когда топоръ былъ уже отнятъ у порубщика. Началось слѣдствіе. Порубщикъ смѣло отперся отъ всего, отказался отъ своего топора, полѣсовщика въ глаза хотѣлъ знать, а о помѣщичьемъ лѣсникѣ отозвался, что когда-то съ нимъ ссорился; по причинѣ этого послѣдняго показанія спросили лѣсника безъ присяги. На повальномъ обыскѣ порубщикъ одобренъ въ поведеніи. Уѣздный судъ рѣшилъ: за неимѣніемъ доказательствъ, оставить порубщика въ сильномъ подозрѣніи, а полѣсовщика за слабое смотрѣніе за лѣсомъ наказать розгами и подвергнуть денежному взыскаію, равному цѣнѣ порубки.

Мы находимъ, что уѣздный судъ этимъ рѣшеніемъ прямо высказалъ полѣсовщику: ты, дескать, въ другой разъ дѣль не заводи, а просто возьми съ порубщика взятку, да и не безпокой начальство. Въ подобныхъ причинахъ слѣдуетъ искать разгадки многихъ неуспѣховъ нашего развитія, но у насъ этотъ методъ изслѣдованія еще покуда не въ ходу.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Тацитъ и его сочиненія. *Историко-литературное изслѣдованіе* В. Модестова. *Спб.* 1864 г.

Изслѣдованіе г. Модестова представлено было имъ въ историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета, для полученія степени магистра древней филологіи, и въ февралѣ этого года защищено имъ на публичномъ диспутѣ. — Въ ряду другихъ сочиненій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней по древней филологіи, оно представляетъ одну особенность, прежде всего бросающуюся въ глаза. Оно написано не полатыни, какъ это обыкновенно дѣлается, а порусски. Не составляетъ ли это его недостатка? Не потому ли авторъ его писалъ порусски, что латинское изложеніе затрудняло бы его са-

мого, то-есть что знаніе латинскаго языка у него самого недовольно обширно и недовольно глубоко? — Нѣтъ, безъ сомнѣнія, не эта причнна заставила автора пмѣнить общему правилу, уклониться отъ рутинны. Знаніе латинскаго языка у претендентовъ на ученые степени по древней филологіи исчитывается и доказывается не диссертациею, а устнымъ экзаменомъ, который непременно долженъ ей предшествовать; и если претендентъ допущенъ къ защищенію диссертациі, это означаетъ, что знанія его не только въ языкѣ, но и въ словесности удовлетворительны. А диссертациа имѣетъ совсѣмъ другое назначеніе, которое состоитъ въ томъ, чтобы претендентъ показалъ въ ней свои критическія способности, вообще свою способность къ ученой работѣ и въ то же время сдѣлалъ дѣйствительно какое-нибудь приобрѣтеніе для науки. Притомъ диссертациа и защищеніе ея непременно должны имѣть особенный характеръ публичности, вслѣдствіе чего требуется, чтобы диссертациа непременно была напечатана (*publiée*), и защищена на публичномъ диспутѣ, при чемъ диспутантъ обязанъ отвѣчать на возраженія всякаго посѣтителя, кто бы онъ ни былъ.—Отсюда совершенно ясны цѣли, преслѣдуемыя законодательствомъ относительно диссертаций на ученые степени; и нельзя не согласиться, что цѣли эти весьма разумны. Но въ какомъ случаѣ онѣ лучше достигаются: въ томъ ли, когда диссертациі написаны полатыни, или въ томъ, когда онѣ написаны по-русски? — Очевидно, въ этомъ послѣднемъ случаѣ. И въ этомъ мы легко убѣдимся, если дадимъ себѣ трудъ заглянуть въ магистерскія диссертациі по древней филологіи, писанныя на латинскомъ языкѣ. Мирабельность такихъ диссертаций превосходятъ всякое вѣроятіе. Дѣйствительно, въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ упражненія въ латинскомъ языкѣ; да и латинскій языкъ такихъ диссертаций по достоинству своему соотвѣтствуетъ содержанию. Видно, что авторы долго бились надъ сочиненіемъ каждой фразы съ лексикономъ въ рукахъ; и оттого онѣ поражаетъ своею искусственною конструкціею и вычурностью, которымъ ничего подобнаго нельзя найти ни въ одномъ изъ періодовъ римской литературы. Предметомъ диссертациі обыкновенно берется въ такихъ случаяхъ вещь, какъ будто нарочно предпочтенная по своей маловажности или избитости. Бываютъ и такіе примѣры, что претендентъ на ученую степень сдѣлаетъ извлеченіе изъ какого-нибудь нѣмецкаго учебника, переведетъ его на свой особенный, своеобразный языкъ, пережвѣнитъ порядокъ словъ и издастъ подъ видомъ диссертациі; такова, на примѣръ, диссертациа, разсуждающая о древней греческой Дигаммѣ, составляющая не болѣе, какъ переводъ изъ нѣмецкаго учебника Тирша. Оттого, если мы посмотримъ на нашихъ современныхъ филологовъ и ихъ труды, то не найдемъ у нихъ почти ничего. Обыкновенно такіе филологи всѣ свои ученые труды ограничиваютъ подобными диссертациями на латинскомъ языкѣ иногда въ двадцать-пять страничекъ, и затѣмъ успокоиваются на лаврахъ. Оттого и

состояніе классической филологіи въ учебныхъ заведеніяхъ у насъ самое плачевное, и общество не имѣетъ никакихъ средствъ знакомиться съ древними литературами. Ни латинскихъ, ни греческихъ классиковъ у насъ не издають, курсовъ древнихъ литературъ тоже нѣтъ. А всѣмъ этимъ мы до сихъ поръ должны заниматься у иностранцевъ. Переводы классическихъ писателей въ послѣднее время стали появляться, но они принадлежатъ не нашимъ титулованнымъ ученымъ, а любителямъ, скромнымъ труженникамъ, неукрашеннымъ титулами магистровъ и докторовъ древней филологіи.

Совершеннѣйшая бесплодность нашихъ ученыхъ филологовъ всего лучше доказываетъ, что у насъ слѣдовали ложной системѣ при раздачѣ ученыхъ дипломовъ. И одною изъ главныхъ нерациональностей здѣсь было требованіе, чтобы диссертации писались на латинскомъ языкѣ. Это спасало ихъ отъ контроля публики.

Диссертации на русскомъ языкѣ должны избѣгнуть всѣхъ этихъ неудобствъ. Впервыхъ, отъ контроля публики онѣ не избавлены; вовторыхъ, по этому самому ничтожность содержанія въ нихъ должна исчезнуть; втретьихъ, недостатокъ научныхъ приемовъ, умѣнье работать надъ наукою тоже долго въ нихъ не продержатся. Передъ дѣйствіемъ гласности все это должно исчезнуть. Такимъ образомъ, наша литература, касающаяся древней филологіи и вообще древностей, мало по малу наполнится, и публика будетъ имѣть средства къ ознакомленію съ одной изъ важнѣйшихъ отраслей знанія.

Такия надежды оправдываются при первомъ опытѣ, сдѣланномъ нашею официальною наукою. Въ то время, какъ наши латинскіе писатели, преемники Цицерона и Квинтилиана, писали свои жалкія упражненія съ импонирующими названіями, какъ «de Venere Colyade» или «de templis Concordiae et Fidei» или «de Digammate», г. Модестовъ въ своемъ изслѣдованіи строго научнымъ образомъ разобралъ жизнь и литературные труды Тацита, одного изъ самыхъ важныхъ, если не самаго важнаго изъ всѣхъ писателей римскихъ; и русская публика имѣетъ прекрасную монографію объ этомъ писателѣ, изъ которой она можетъ узнать все, что пожелаетъ знать весьма требовательный человекъ.

Изслѣдованіе раздѣляется на нѣсколько главъ, гдѣ авторъ разсматриваетъ сначала жизнь Тацита, потомъ его сочиненія: *dialogus de oratoribus*, *historiae* и *annales*, затѣмъ его убѣжденія какъ человека и гражданина, достоинства его какъ писателя и, наконецъ, критикуетъ нѣкоторыя современныя мнѣнія о Тацитѣ, несогласныя съ мнѣніемъ, принимаемымъ авторомъ. Желая познакомиться нашимъ читателей съ книгою г. Модестова, мы не будемъ однако останавливаться на біографіи Тацита, которая очень скучна. Извѣстно, что Тацитъ жилъ во время императоровъ Нерона, Веспасіана, Тита, Домиціана, Нервы и Траяна, то-есть родился онъ во второй половинѣ перваго столѣтія нашей эры, а умеръ

въ началѣ втораго; извѣстно, что онъ былъ затемъ Агриколы и другомъ Плинія-Младшаго, что онъ занималъ видныя мѣста въ магистратурѣ и былъ извѣстенъ какъ хорошій ораторъ. Тѣмъ почти и ограничиваются извѣстія о жизни Тацита. Извѣстія о сочиненіяхъ его тоже очень скудны, и еслибы сочиненія не дошли до насъ, то мы знали бы о нихъ и объ авторѣ ихъ очень мало. Но сочиненія сохранились, хотя не вполнѣ, и представляютъ дѣйствительно лучшей образецъ лучшаго періода римской литературы. Наибольше важными сочиненіями, имѣющими большую важность до сихъ поръ, которыя, безъ сомнѣнія, никогда и не потеряютъ своего значенія, нужно признать сочиненіе о Германіи, и исторію римской имперіи, *annales* и *historiae*. Г. Модестовъ въ своемъ изслѣдованіи подробно разбираетъ эти сочиненія, и на основаніи послѣднихъ двухъ представляетъ картину римскаго государства при Цезаряхъ. Чтобы познакомить читателей съ приемами автора, мы выпишемъ небольшой отрывокъ изъ времени междоусобицъ войнъ по смерти Нерона. За Нерономъ въ ряду Цезарей слѣдовалъ Гальба, испанскій полководецъ, провозглашенный Цезаремъ своими войсками еще при Неронѣ и притомъ внѣ Италіи. Это былъ первый примѣръ (если не считать примѣръ самого Юлія Цезаря) пріобрѣтенія власти надъ Римомъ съ помощію легионовъ, находившихся вдали отъ Рима. Гальба скоро погибъ; вслѣдъ затѣмъ погибъ и Оттонъ, провозглашенный императоромъ преторіанцами, и лишившій себя жизни послѣ неудачной битвы съ войсками Вителлія, другаго претендента на престолъ Цезарей. Смерть Оттона передала власть надъ Италіей, Галліей и Испаніей въ руки Вителлія. Но на Востокѣ, подъ стѣнами Іерусалима, стоялъ въ то время Веспасіанъ, любимый солдатами за свои военныя способности и уважаемый народомъ за свои человѣческія достоинства, бывшій большою рѣдкостью между тогдашнею знатью Рима. Веспасіану трудно было признать власть Вителлія, извѣстнаго только своими гастрономическими способностями; по необходимости между ними должна была возникнуть война, потому что права ихъ на власть надъ Римомъ были по крайней мѣрѣ равны; но у Веспасіана было больше средствъ къ пріобрѣтенію власти, хотя Вителлій его и предупредилъ. Такимъ образомъ Веспасіанъ провозгласилъ себя императоромъ и послалъ войско противъ Вителлія. Передовой отрядъ этого войска подъ начальствомъ Антонія Прима завоевалъ уже всю Верхнюю Италію и приближался къ Риму. Вителлій готовъ былъ отказаться отъ власти за извѣстное вознагражденіе и уже подписалъ договоръ объ этомъ. Но вслѣдствіе непредвидимаго обстоятельства договоръ не могъ быть исполненъ и Вителлій волею-неволею долженъ былъ сражаться. Вотъ какъ излагаетъ эти событія г. Модестовъ на основаніи Тацита, и частію его собственными словами:

«Нетерпѣніе солдатъ было такъ велико, что подошедши къ Риму, они никакъ не хотѣли остановиться лагеремъ у Мульвіева моста, какъ того хотѣлъ Антоній, чтобы вступить въ городъ уже

на слѣдующій день. Антоній долженъ былъ уступить, и его войско пошло на Римъ тремя отрядами: одинъ—прямо по фламиніевой дорогѣ, другой—по берегу Тибра, а третій—посель по *via Solaria*, направляясь къ *porta Collina*. Такимъ образомъ и предположено было вступить въ Римъ съ сѣвера и сѣверо-востока. Вооружившійся за Вителлія народъ былъ безъ труда разогнанъ, но съ солдатами Вителлія завязалась кровопролитная борьба передъ Римомъ и на улицахъ самаго города—борьба, при которой римскій народъ выказалъ себя съ тѣхъ ужасающихъ сторонъ, которыя явно свидѣтельствовали о моральной смерти вѣчнаго города.

«Народъ присутствовалъ при битвахъ въ качествѣ зрителя и какъ-бы на потѣшномъ сраженіи одобрялъ то ту, то другую сторону крикомъ и рукоплесканіями. Всякій разъ, какъ одна сторона была опрокинута и солдаты укрывались въ лавкахъ, или убѣгали въ какой-нибудь домъ, онъ требовалъ, чтобъ ихъ оттуда вытаскивали и убивали, а самъ овладѣвалъ большею частью добычи. Тогда-какъ солдатъ весь предавался рѣзнѣ, награбленное переходило къ народу. Весь Римъ представлялъ свирѣпое и отвратительное зрѣлище; здѣсь сраженія и раны, тамъ—бани и кутежъ, тутъ кровь и кучи труповъ, рядомъ публичныя женщины и имъ подобныя; съ одной стороны, величайшій развратъ разгульной праздности, съ другой—всѣ ужасы завоеванного города. Рѣшительно можно было подуматъ, что одинъ и тотъ же городъ находится и въ бѣшенствѣ и въ разгулѣ. Сражались и прежде вооруженныя войска въ городѣ, два раза, когда Сулла, и разъ когда Цинна оставались побѣдителями, и тогда не меньше было жестокости: но теперь было видно нечеловѣческое чувство безопасности, и удовольствія не были прерваны ни на одну минуту, словно какъ будто къ праздничнымъ днямъ (тогда былъ праздникъ Сатурналія) прибавилась новая радость—веселились, наслаждались, нисколько не заботясь о борьбѣ партій, радуясь общественнымъ бѣдствіямъ.» Эта мастерская картина Рима, изображающая одинъ изъ ужасныхъ дней его, говоритъ многое, ее всякій понимаетъ.»

«Вителліанцы, возбужденные съ одной стороны чувствомъ отчаянія, съ другой чувствомъ военной чести, дрались съ необыкновеннымъ мужествомъ. Дорого стоило побѣдителямъ овладѣть преторіанскимъ лагеремъ, для осады котораго употреблены были въ дѣло всякія машины и военное искусство, вакое требовалось для завоеванія укрѣпленныхъ городовъ. Защитники Вителлія не хотѣли сдаваться и пали всѣ въ жестокой борьбѣ съ непріателемъ. Наконецъ Вителлій, оставшись безъ защитниковъ и неувѣрившій скрыться, былъ схваченъ. Его потащили по городу связаннаго, въ изодраной одеждѣ, кололи шпагами, заставляя тѣмъ прямо держать голову, и въ такомъ видѣ подводили къ его статуямъ, которыя при немъ же были низвергаемы, къ рострамъ и къ мѣсту, гдѣ убитъ былъ Гальба. Къ довершенію безчестія, его протолкали къ Гемоніамъ, гдѣ еще лежало тѣло Сабина (брата

Веспасіана, убитаго солдатами Вителлія) и тутъ онъ палъ подъ вѣстою ударовъ.»

Этихъ мы и заключимъ извлеченіе изъ книги г. Модестова, и не будемъ слѣдовать за нимъ дальше ни въ критикѣ сочиненій Тацита, ни въ критикѣ мнѣній о Тацитѣ; это слишкомъ увеличло бы нашу замѣтку о книгѣ.

Въ заключеніе выскажемъ наше мнѣніе вообще о книгѣ г. Модестова: она отличается серьезностью и знаніемъ дѣла, которыми вообще отличаются далеко немногія между сочиненіями этого рода. Но мы не можемъ не указать и на нѣкоторые недостатки ея. Свое изслѣдованіе г. Модестовъ начинаетъ и дѣлаетъ такъ, какъ будто бы кромѣ него никто и не брался за это дѣло. Правда, онъ приводитъ и чужія мнѣнія, изъ которыхъ одни отвергаетъ, другія принимаетъ; но онъ дѣлаетъ это такъ, какъ будто стороною. Отъ этого изслѣдованіе имѣетъ весьма ученый видъ, но въ сущности оно было бы ученѣе, еслибы г. Модестовъ излагалъ полнѣе сочиненія о Тацитѣ иностранныхъ ученыхъ, и подвергнувши ихъ критикѣ, измѣнилъ ихъ и дополнилъ сообразно своимъ собственнымъ изслѣдованіямъ. Тогда сочиненіе г. Модестова было бы дѣйствительно ученой монографіей, которая обстоятельно излагала бы и литературу сочиненій о Тацитѣ, и собственное обзорѣніе, и критику сочиненій Тацита. А теперь этого объ ней сказать нельзя. И притомъ самъ г. Модестовъ меньше заботился о томъ, чтобы сдѣлать обстоятельное обзорѣніе сочиненій Тацита, нежели о критикѣ. Это опять-таки даетъ книгѣ видъ болѣе ученый, но дѣлаетъ ее менѣе полезною.

Непріятно поражаетъ въ книгѣ г. Модестова еще одна особенность, которую трудно было ожидать у него. Извѣстно, что г. Модестовъ, бывши за границею, отнесся весьма несочувственно къ ученому педантизму нѣмцевъ, а между тѣмъ онъ самъ невольно впалъ въ него. Это видно, вопервыхъ, и въ этой склонности къ излишнему критицизму, ни въ какомъ отношеніи не важному, въ нѣкоторой докторальности, вслѣдствіе чего книга выдѣляется какъ будто единственнымъ изслѣдованіемъ о предметѣ, и наконецъ въ высокопарности тона, которымъ особенно отличаются нѣмецкіе гелертеры, и мѣстами въ неумѣнны выразиться точно и опредѣленно, вслѣдствіе чего читатель легко можетъ быть введенъ въ обманъ, если, разумѣется, самъ не выйдетъ изъ него своими средствами. Такъ высказывая свое полное несочувствіе къ эпохѣ римской имперіи, тѣмъ не менѣе г. Модестовъ называетъ ее «величайшею эпохою въ исторіи человѣчества». Очевидно, въ этомъ случаѣ г. Модестовъ хотѣлъ сказать «важнѣйшая эпоха». Такихъ выраженій попадается у него довольно.

Впрочемъ, несмотря на эти незначительные недостатки, книга г. Модестова далеко выше подобныхъ сочиненій, писанныхъ на латинскомъ языкѣ для полученія ученыхъ степеней. И нѣтъ со-

миѣнія, что г. Модестовъ, если обстоятельства не помѣшаютъ ему, сдѣлаетъ много для распространенія познаній о древностяхъ римскихъ.

О мировыхъ судьяхъ и ихъ сѣздахъ. *Справочная книга для всѣхъ сословій. Составилъ Н. Максимовъ. С.-Петербургъ. 1865.*

Стюартъ Милль въ извѣстномъ сочиненіи своемъ о представительномъ правленіи (глава I) говорить: «Всѣ учрежденія государственныя — дѣла ругъ человѣческихъ, происхожденіемъ и всѣмъ существованіемъ своимъ обязанны волѣ человѣческой. Люди, проснувшись въ прекрасное (а можетъ быть, прибавимъ мн отъ себя, и въ ненастное) лѣтнее утро, не нашли учрежденія эти исполнѣ сложившимися; напротивъ того, во всякомъ періодѣ ихъ существованія они являлись именно тѣмъ, чѣмъ дѣлала ихъ человѣческая воля. Съ другой же стороны, не должно упускать изъ виду, что весь государственный механизмъ не можетъ дѣйствовать самостоятельно, одинъ, самъ по себѣ. Созданный людьми, онъ долженъ быть приводимъ въ движеніе также людьми, и притомъ самими обыкновенными. Механизмъ этотъ нуждается не только въ простомъ согласіи людей на принятіе его, но и въ дѣлательномъ ихъ участіи, а потому и долженъ быть примѣненъ къ качествамъ и свойствамъ людей, какихъ мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности. Совершенно справедливы слова эти, высказанныя Миллемъ относительно формы правленія, очевидно примѣняются и ко всѣмъ прочимъ учрежденіямъ; всякія учрежденія налагаютъ на гражданъ извѣстнаго рода обязанности, успѣшное отправленіе которыхъ невозможно безъ предварительнаго знакомства съ сущностью самихъ учреждений. Объ относительномъ достоинствѣ и значеніи самихъ учреждений можно быть, конечно, весьма различныхъ взглядовъ: можно находить ихъ исполнѣ прекрасными или желать болѣе или менѣе полнога и быстрого развитія ихъ въ непродолжительномъ времени, и т. д.; но все это предполагаетъ точное и близкое знакомство если не съ теоретическими началами учреждений, то по крайней мѣрѣ съ постановленіями, существующими о нихъ въ положительномъ законодательствѣ. Вотъ почему мы считаемъ изданную г. Максимовымъ справочную для всѣхъ сословій книгу о мировыхъ судьяхъ и ихъ сѣздахъ весьма полезною въ настоящее время. Книга эта содержитъ въ себѣ полное извлеченіе изъ всѣхъ судебныхъ уставовъ, Свода Законовъ и другихъ постановленій, съ поясненіемъ какъ отдѣльныхъ юридическихъ, такъ и цѣлыхъ законоположеній, относящихся до мировыхъ судей и ихъ сѣздовъ, и въ этомъ отношеніи представляетъ аналогію съ книгою г. Демиса «О земствѣ», имѣвшею успѣхъ, какъ это можно судить по тому, что книга г. Демиса вышла вторымъ изданіемъ. Такого же успѣха желаемъ мы и труду г. Максимова, который все относящееся до мировыхъ судей сгруппировалъ въ слѣдующихъ главныхъ отдѣлахъ,

именно: 1) о мировыхъ судьяхъ и ихъ съѣздахъ, 2) о производствѣ ими дѣлъ гражданскихъ, 3) дѣлъ уголовныхъ, 4) о наказанияхъ; налагаемыхъ мировыми судьями; въ послѣдній отдѣлъ вошелъ въ полномъ составѣ и соответствующій ему судебный уставъ. Уставъ этотъ заключаетъ въ себѣ: 1) менѣ важныя преступления и проступки, за которые въ законахъ опредѣлены выговоры, замѣчания и внушенія, денежные взыскапія, не превышающія 300 руб., и арестъ до трехъ мѣсяцевъ; 2) тѣ преступления и проступки, о которыхъ производится, начинаясь не иначе, какъ по жалобѣ лицъ обиженныхъ, можетъ быть прекращаемо примиреніемъ, и 3) вражда, мошенничество, лѣсныя порубки, присвоеніе найденныхъ вещей и другія сего рода преступленія, совершенныя лицами, подлежащими за это заключенію въ рабочемъ домѣ. Усмотрѣнію мировыхъ судей предоставлено опредѣлять наказанія (высшій размѣръ которыхъ, впрочемъ, ограниченъ уставами) за такого рода дѣйствія, преступный характеръ которыхъ уловить трудно, какъ напримѣръ (глава X, стр. 115) несоблюденіе предосторожности при бросаніи и складываніи тяжестей или при выставленіи ихъ на огна, непринятіе мѣръ къ безопасности отъ домашнихъ животныхъ или содержимыхъ дикихъ звѣрей, травленіе (безъ злого умысла) человѣка собакой, неохраненіе продавцами питейныхъ заведеній пьянаго, котораго нельзя было предоставить самому себѣ безъ очевидной опасности, неприставленіе подпоръ къ ветхимъ заборами, скорая ѣзда въ городахъ и селеніяхъ и т. д. Къ сожалѣнію, въ этомъ перечнѣ мы не нашли никакихъ наказаній за жестокае обращеніе съ животными и чрезмѣрное напряженіе ихъ силъ, безъ чего окажутся на дѣлѣ совершенно тщетными всѣ старанія обществъ-соревнователей къ защитѣ животныхъ отъ жестокаго обращенія. При дурномъ состояніи у насъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году не только сельскихъ и большихъ дорогъ, но даже и улицъ, при столь внезапныхъ, по нашему климату, перемѣнахъ въ температурѣ, хотя и трудно опредѣлить значеніе того, что должно быть почитаемо *чрезмѣрнымъ* напряженіемъ силъ животныхъ, тѣмъ не менѣе нельзя однако оставлять *вовсе* безъ наказанія столь часто встрѣчаемое у насъ, возмущающее душу, обращеніе съ животными. Нерѣдко возражаютъ на это, что животные эти (обыкновенно лошади) составляютъ собственность человѣка и находятся въ полной его власти. Человѣкъ, конечно—*хозяинъ* животнаго, но онъ не долженъ быть его *мучителемъ*. Всякое злоупотребленіе правъ собственности можетъ закономъ воспрещаться, а жестокость къ существу живому, притомъ для человѣка въ высшей степени полезному, но безсловесному, немѣющему возможности ни къ защитѣ, ни къ жалобѣ, можно безспорно считать злоупотребленіемъ, вреднымъ не только для животныхъ, но и для самого общества, ибо, не говоря о матеріальныхъ убитвахъ, нерѣдко отъ этого случающихся, подобае обращеніе, часто невосторжнющееся, притупляетъ въ людяхъ благороднѣйшее чувство состраданія. Опыты показываютъ,

что дѣти, мучація животныхъ, нерѣдко становится склонны болѣе другихъ къ разнымъ преступленіямъ, и что неудерживающіеся отъ жестокостей въ отношеніи къ домашнимъ животнымъ переносятъ эту необузданность какъ на членовъ своего семейства, такъ и другихъ подчиненныхъ имъ лицъ. Это и было одною изъ главныхъ причинъ къ тому, что во всѣхъ западныхъ государствахъ уставлены за жестокое обращеніе съ животными довольно строгія наказанія, и мы полагаемъ, что введеніе подобнаго рода правилъ и у насъ было бы очень полезно, потому что мало-по-малу приучило бы къ мысли о гнусности подобнаго поступка и, между прочимъ, способствовало бы къ воспитанію нравственнаго чувства въ народѣ. Безъ подобнаго же рода постановленій мы, по неравнотности нашей народной массы, долго будемъ еще свидѣтелями частыхъ усилій придать измученной лошади средства сдвинуть непомирно-тяжело нагруженный возъ, осывая ее нещадно ударами желѣзнымъ крюкомъ по мордѣ!...

Но въ этомъ г. Максимовъ не виноватъ; его обязанность была передать съ дипломатическою точностію содержаніе уставовъ, что онъ и выполнилъ хорошо. Книга его очень полезна.

Судебный сборникъ, издаваемый подъ редакцію Н. Ламанскаго. *Законоположенія о присяжномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ. С.-Петербургъ. 1865 года.*

Судебные уставы 20-го ноября 1864 года, опредѣливъ тѣ формы, которыя въ непродолжительномъ времени, съ нетерпѣніемъ ожидаемомъ, должна принять вся система нашего судопроизводства и судоустройства, вмѣстѣ съ тѣмъ заставляютъ каждаго сколь возможно короче ознакомиться съ новымъ порядкомъ производства дѣлъ и устройствомъ суда на нихъ противъ прежняго основаній, да притомъ освоиться не просто съ одними формами и положеніями, а по возможности уяснить себѣ теоретическое значеніе и цѣль основнаго начала судопроизводства. Вслѣдствіе того для нашей юридической литературы явилась обязанность представить публикѣ необходимыя къ тому пособія—обязанность, удовлетворить которую можно было, за недостаткомъ собственнаго русскаго сочиненій по этой части, единственно только добросовѣстными переводами соответствующихъ произведеній лучшихъ иностранныхъ писателей. Въ этомъ отношеніи нельзя незамѣтить, что уголовному праву посчастливилось гораздо болѣе чѣмъ гражданскому: оно приобрѣло двухъ свѣдущихъ издателей въ лицѣ гг. Унковскаго и Ламанскаго. Изданія г. Унковскимъ сочиненія: Миттермайера—«О сословіи адвокатовъ», «Руководство къ судебной защитѣ», «Уголовное судопроизводство»; Уильза—«Опытъ теоріи косвенныхъ уликъ» и Шауэнштейна—«Руководство къ судебной медицинѣ», по всеобщей извѣстности ихъ авторовъ, избавляютъ насъ отъ обязанности на нихъ указывать. Въ свою очередь г. Н. Ламанскій изданіемъ «Судебнаго Сборника» намѣревается познакомить публику съ судомъ присяжныхъ, въ си-

ду котораго народъ становится посредникомъ въ вопросахъ о собственности, свободѣ и жизни гражданъ.

Лежащій передъ нами 1-й выпускъ «Судебнаго Сборника», въ которомъ предполагается наложить законоположенія о присяжномъ судоустройствѣ и судепроизводствѣ важнѣйшихъ государствъ Европы и Америки по новѣйшимъ законодательнымъ работамъ и лучшимъ трудамъ иностранныхъ публицистовъ и юристовъ, только что вышедшій въ свѣтъ, содержитъ въ себѣ: 1) характеристику присяжнаго суда съ національной и политической точки зрѣнія, составленную по одному изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ — В. Форшта (*History of trial by Jury, by William Forsyth*) и 2) судъ присяжныхъ въ Россіи, то-есть сводъ законоположеній о присяжныхъ засѣдателяхъ и присяжномъ судепроизводствѣ; это—извлеченіе изъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, очень удобно приспособленное для пракческаго употребленія вообще и присяжныхъ въ особенности. Такимъ образомъ, повидимому, вмѣстѣ съ теоретическимъ изложеніемъ предмета г. Н. Ламанскій намѣренъ знакомить публику и съ постановленіями современныхъ государствъ о судѣ присяжныхъ. Достоинства такого изложенія—очевидны.

Вообще говоря, первый выпускъ сборника составленъ очень хорошо, что и заставляетъ насъ желать ему полнаго успѣха, но разряду котораго мы считаемъ возможнымъ опредѣлить степень дѣятельнаго (а не нустаго, фразернаго) сочувствія нашей публики къ самому учрежденію суда присяжныхъ.

Ирландская тюремная система, сочиненіе Франца Гольцендорфа; переведено подъ редакцію Н. Ламанскаго. Спб. 1865.

Вмѣстѣ съ преобразованіемъ уголовного судепроизводства, отбѣною тѣлесныхъ наказаній, которыя замѣнены заключеніемъ въ тюрьмахъ и денежными штрафами, обращающимися, при несостоятельности къ ихъ уплатѣ, также въ содержаніе въ тюрьмѣ, совершена была реформа и въ нашей системѣ уголовныхъ наказаній. Реформа эта должна имѣть своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ устройство тюремъ не только въ большемъ количествѣ, но и совсѣмъ на новыхъ для насъ началахъ, тѣмъ болѣе, что неудовлетворительное состояніе нашихъ тюремъ, представляющихъ собою какъ-бы заведенія для взаимнаго обученія различнымъ преступленіямъ и порокамъ, давно извѣстно, и необходимость тюремной реформы считается всѣми, хорошо знакомыми съ этою важною отраслю государственнаго благоустройства, настоятельною необходимостію. Сознавая, конечно, что опыты, сдѣланные въ этомъ отношеніи въ другихъ государствахъ, находящиеся подъ вліяніемъ иныхъ политическихъ и социальныхъ условій, не могутъ имѣть вполне убѣдительною силу для Россіи съ ея рѣдкимъ народонаселеніемъ, огромными разстояніями одного города отъ другаго, при скудости общественныхъ средствъ—что немало затруднить устройство новыхъ тюремъ, которыя не обой-

дуться дешево—мы тѣмъ не менѣе считаемъ полезнымъ, при выборѣ системы заключенія, принять во вниманіе опыты, сдѣланные уже въ разныхъ странахъ надъ различными системами заключенія какъ въ отношеніи вѣншнаго устройства тюремъ, такъ и касательно внутренняго ихъ управленія. Поэтому мы съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтили недавно вышедшій переводъ сочиненія извѣстнаго юриста Гольцендорфа объ ирландской тюремной системѣ, основанной Крофтономъ, которая представляетъ собою соединеніе въ одномъ цѣломъ всѣхъ относительныхъ достоинствъ изъ прочихъ системъ заключенія какъ общаго, такъ и одиночнаго. Система эта состоитъ сначала изъ одиночнаго заключенія въ моунтджойской тюрьмѣ близъ Дублина, затѣмъ въ общихъ ваторжныхъ работахъ, производимыхъ обыкновенно на Спейкѣ, укрѣпленномъ островѣ въ Коркской гавани, при чемъ допускается одиночное заключеніе только какъ наказаніе несправительное, за дурное поведеніе; третью степень исполненія наказаній составляетъ пребываніе въ *переходныхъ заведеніяхъ*, при чемъ стремятся къ высокой цѣли освободить отъ пассивности личность каждаго отдѣльнаго арестанта, послѣ того какъ она подготовлена къ тому строгими дѣйствіями наказанія, и вывести ее постепенно изъ состоянія повинности въ сферу самостоятельной дѣятельности. Основная мысль этихъ переходныхъ заведеній та, что большей вѣншной свободѣ дѣйствій должна соответствовать и большая внутренняя отвѣтственность; каждое нарушеніе извѣстныхъ обязанностей влечетъ за собою вѣрное и ощутительное наказаніе. Важнѣйшими отличительными чертами ирландскихъ учрежденій служатъ: во первыхъ—возможность, вслѣдствіе хорошаго поведенія преступника, сокращенія наказанія, опредѣленнаго судомъ, которое основывается на временномъ отпущеніи арестанта на свободу; во вторыхъ—возможность сокращенія степени сроковъ наказанія по извѣстнымъ различнымъ періодамъ, выше нами уже указаннымъ; въ третьихъ—попеченіе или надзоръ надъ отпущенными арестантами.

Желающимъ ближе ознакомиться съ этимъ въ высшей степени замѣчательнымъ учрежденіемъ, мы совѣтуемъ прочесть самую книгу (*), доступную не только однимъ специалистамъ, но и всякому занимающемуся общественными вопросами. Намъ же остается только поблагодарить переводчиковъ за то, что они обогатили нашу юридическую литературу новымъ дѣльнымъ переводомъ и пожелать вмѣстѣ съ г. Н. Ламаискимъ нашему обществу приступить къ тюремной реформѣ съ собственными силами и мѣстными средствами, безъ содѣйствія которыхъ законодательство невозможно осуществить лучшихъ своихъ цѣлей.

(*) Мы можемъ при этомъ замѣтить, что послѣ этого сочиненія Гольцендорфа появились въ 1866 году его замѣчанія объ ирландскихъ тюрьмахъ на нѣмецкомъ языкѣ, а также сдѣланный имъ переводъ съ предисловіемъ и замѣчаніями сочиненія голландца Van Brughen—*Le système pénitentiaire Irlandais*.

Уголовно-статистическіе этюды, Н. Неклюдова. *Спб.* 1865 г. Этюдъ первый — (Статистическій опытъ изслѣдованія физиологическаго значенія различныхъ возрастовъ челоѣческаго организма по отношенію къ преступленію). *Разсужденіе, написанное для полученія степени маистра уголовнаго права. Спб.* 1865.

Бъ числу наиболѣе пренебреженныхъ отдѣловъ статистики, можно, безъ сомнѣнія, причислить судебную статистику вообще. Хотя и въ этомъ отношеніи можно найти нѣсколько достойныхъ вниманія сочиненій въ иностранныхъ литературахъ, но этихъ по настоящее время все и ограничивается; общіихъ результатовъ ея не представлено, несмотря на всю важность этого предмета, къ глубокому и подробному изученію котораго наиболѣе побуждаетъ практическая его полезность. Представивъ свѣдѣнія о дѣйствительномъ примѣненіи законовъ судебными инстанціями, эта отрасль статистики указываетъ не только на достоинства или недостатки существующихъ постановленій, становясь чрезъ это неизбежнымъ руководящимъ основаніемъ для государства въ дальнѣйшемъ развитіи законодательства, но она выѣстъ съ тѣмъ даетъ ясное понятіе объ экономическомъ и нравственномъ состояніи народонаселенія — понятіе, которое едва ли можетъ быть приобрѣтено другими какими либо средствами. Представить экономическое состояніе народа — задача статистики гражданско-судебной; нравственное же состояніе — представляетъ статистику судебно-уголовную. Различныя статистическія свѣдѣнія о разнообразныхъ отношеніяхъ и обязательствахъ, возникающихъ по частному гражданскому праву, даютъ понятіе о положеніи и развитіи имущественныхъ силъ народа; число же преступленій, роды и виды ихъ, личныя отношенія обвиняемыхъ, ихъ происхожденіе, занятія, образъ жизни и положеніе въ обществѣ, возрастъ и полъ преступниковъ указываютъ намъ на то, въ какихъ частяхъ государства (или вообще земнаго шара) и въ какихъ слояхъ народонаселенія нравственность возвышается или упадаетъ, гдѣ и какія необходимо принять мѣры къ исправленію народной нравственности и увеличенію ея общаго уровня и насколько дѣйствительно достигаютъ этихъ цѣлей, то-есть удовлетворяютъ своему назначенію, всѣ учрежденія, существующія въ данное время съ этою цѣлю. Безспорно, что матеріалы, собранные для разрѣшенія подобныхъ великихъ общественныхъ вопросовъ, крайне недостаточны и еще менѣе того разработаны и приведены въ порядокъ. Политическая арифметика только что начала сознать ясно свою задачу, и въ этомъ направленіи едва сдѣланы первыя опыты къ разработкѣ ея отдѣльныхъ сторонъ. Этимъ объясняется также и то обстоятельство, почему наша отечественная литература, богатая замѣчательными матеріалами по различнымъ вопросамъ нашей экономической статистики, не выѣстъ ровне ничего по части уголовной статистики. Это-то и застави-

де насъ съ особеннымъ любопытствомъ обратиться къ сочиненію г. Неклюдова. Но уже первая страница, посвященная вмѣстѣ предисловія перечню учебныхъ пособій, источниковъ и матеріаловъ, которыми пользовался, вѣроятно, авторъ для составленія своей книги, показала намъ, что русская уголовная статистика въ этомъ первомъ этюдѣ г. Неклюдова ничего не приобретаетъ: изъ книгъ на русскомъ языкѣ поименованы въ перечнѣ только *три*, именно *Бокль*—въ переводѣ г. Бестужева-Рюмина, *Мороде-Жоннесъ*—переводъ г. Щепкина, и *Кольбъ*—сравнительная статистика. Такимъ образомъ, авторъ, отстранивъ вовсе въ своемъ изысканіи статистическія свидѣнія о Россіи, долженъ былъ, по самому свойству темы, ограничиться лишь тѣмъ, что пользовался данными, заимствованными изъ другихъ образцовыхъ сочиненій (ибо, живя въ Россіи, едва-ли возможно самому собирать и повѣрять статистическія данныя о Франціи, Англіи и Германіи), и на основаніи ихъ дѣлать, какъ онъ самъ говоритъ, нѣсколько тысячъ вычисленій (стр. 250). Это, конечно—работа утомительная, но далеко не представляетъ собою такого почтеннаго труда, какъ разработка отечественной уголовной статистики, при чемъ приходится въ одно и то же время и собирать матеріалы, и обобщать ихъ. Статистикъ, какъ говоритъ Бокль, долженъ быть и архитекторомъ, и каменщикомъ; ему приходится не только составлять планъ зданія, но и заготовлять матеріалы. Конечно, выборъ темы сочиненія и его планъ волюнѣ зависать отъ усмотрѣнія автора; въ этомъ отношеніи укора ему дѣлать нельзя. Это такъ, но тѣмъ не менѣе всякій *русскій* читатель, по нашему мнѣнію, можетъ желать, чтобы *русскій* молодой ученый, окончившій свое образование на *русскія* деньги, представлялъ бы, для полученія *русской* ученой степени, сочиненіе, по возможности касающееся *русского* государства и его жизни, особенно по тѣмъ отраслямъ знанія, которыя представляютъ собою для каждаго мыслящаго изслѣдователя еще нетронутую почву.

Представляя нашимъ специалистамъ по части уголовной статистики подробный разборъ сочиненія г. Неклюдова, мы въ настоящее время, имѣя предъ собою одинъ лишь этюдъ, скажемъ, что едва-ли можно сдѣлать правильное заключеніе объ отношеніи преступленій къ возрасту, къ физиологическому значенію чловѣческаго организма, и это потому, что на совершеніе преступленія вообще имѣетъ вліяніе множество различныхъ обстоятельствъ, что при этомъ, какъ и вообще во всякомъ проявленіи чловѣческой дѣятельности, участвуетъ безконечное множество тонкихъ и часто неуловимыхъ факторовъ, а потому исключительное изслѣдованіе вліянія одного фактора даже невозможно, ибо нѣтъ средствъ отдѣлать отъ него другаго фактора. Никто не совершалъ преступленій единственно въ силу возраста, а всегда дѣйствовали другія причины, находившія себѣ бѣльшую или меньшую возможность проявиться въ томъ или другомъ возрастѣ. Каждое поколѣніе людей, каждое народонаселеніе страны

иногда всегда лишь различныхъ возрастовъ, количественное отношеніе которыхъ рѣдко измѣняется, но число преступленій, родъ и виды ихъ измѣняются, что зависитъ отъ многихъ причинъ, какъ-то голода, развитія нравственности и образованности народа, его матеріальныхъ средствъ, политическихъ обстоятельствъ и т. д. Известно, что въ жизни государствъ бывають эпохи, которыя сопровождаются почти всегда и вездѣ извѣстными, одинаковыми послѣдствіями въ сферѣ уголовного права. Разбои усиливаются обыкновенно при потрясенномъ, напряженномъ состояніи государственнаго организма. Въ древнейшій Римъ разбои поднялись съ ужасающей силой во время междоусобицъ, гражданскихъ войнъ. Разбойники современной Греціи возникли вмѣстѣ съ турецкимъ порабоженіемъ. Подобныя явленія представляетъ Испанія и Италия. У насъ въ Россіи, въ семнадцатомъ и первой половинѣ восемнадцатаго вѣка, разбои достигаютъ громаднхъ, неслыханныхъ дотошъ размѣровъ; они ослабѣвають по мѣрѣ того, какъ расколыхавшійся разливъ народной жизни сталъ успокаиваться и входить въ свои берега и т. д. Подвергать факты статистическіе произвольнымъ сочетаніямъ, ставить ихъ въ отношеніе причинъ и слѣдствій или, по крайней-мѣрѣ, приводить односторонне одинъ рядъ фактовъ и объяснять извѣстное явленіе однимъ обстоятельствомъ тамъ, гдѣ въ дѣйствительности былъ цѣлый рядъ разнообразныхъ обстоятельствъ и условій, которыя и надлежало разсматривать въ общей совокупности—все это несогласно съ правилами строго научными и немало способствуетъ тому только, что статистическіе выводы теряють уваженіе и довѣріе. Поэтому даже Вагнеръ въ сочиненіи своемъ о самоубійствѣ (A. Wagner: Die Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkührlichen menschlichen Handlungen vom Standpunkte der Statistik» (*). 2 тома 1864), трудъ котораго, по словамъ же г. Неклюдова (стр. 35), можетъ по своей обработкѣ этого вопроса быть названъ вполне классическимъ изслѣдованіемъ (онъ почти отнимаетъ у человѣка волю), поставилъ случай самоубійства въ зависимость не отъ одной какой-либо причины, но отъ цѣлаго ряда обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на этотъ родъ преступленія, начиная съ климата, географическаго положенія страны, погоды и т. д.

Почему г. Неклюдовъ не захотѣлъ послѣдовать этой методѣ изслѣдованія — невѣстно. Хотимъ думать, что ему воспрепятствовали въ этомъ тѣ же неблагодарныя обстоятельства, которыя заставили его представить этюды въ формѣ ученаго труда гораздо ранѣе, чѣмъ бы онъ этого желалъ (стр. 39).

Римскъ. Начало, распространеніе и паденіе всемірной монархіи римлянъ, для любителей классической древности и простотеніе

(*) Нельзя не замѣтить, что вѣнецъ Вагнеръ въ своемъ изслѣдованіи приводитъ свиданія и о Россіи, чего не дѣлаетъ русскій г. Неклюдовъ.

юношества. Сочиненіе Д-ра Вегнера. Переводъ Естафьева. 2 тома. 1865 г. Цѣна 7 руб.

Авторъ «Эллады», вступившей въ свое время одобреніемъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ судей, издалъ также подобное сочиненіе и о Римскомъ государствѣ, въ основаніе котораго взяты труды Гиббона, Нибура, Момзена, Шwegлера и пр. и пр., а также и собственныя изысканія самаго Вегнера. Масса свѣдѣній, содержащихся въ этомъ сочиненіи, изумительна; особенно интересны главы, въ которыхъ говорится о религіи, архитектурѣ, музыкѣ, живописи, семейномъ бытѣ и военномъ искусствѣ бывшихъ нѣкогда повелителей міра.

Путевыя впечатлѣнія на северѣ и югѣ. Сочиненіе Милюкова. 1865 г. Цѣна 2 руб.

Въ книгу эту вошло уже давно прежде изданное путешествіе по Финляндіи того же автора, который теперь въ этому присоединилъ еще статьи «по обѣ стороны Альповъ», т.-е. недѣлю въ Женевѣ, переходъ чрезъ Альпы и Миланъ, а потомъ свои поѣздки въ Афины и Константинополь, при чемъ смотритъ Акрополь, ареопагъ, тюрьму Сократа, гротъ нимфъ, и т. д. Издатель, г. Вольфъ полагаетъ (*) «что въ настоящее время, когда (не благотворительная гласность уже, какъ можно было ожидать по началу знакомой фразы, но) возрождается Италія, Греція въ связи съ Ионическими островами входятъ въ новую эпоху жизни, а Константинополь служить узломъ восточнаго вопроса (мы полагали, что онъ и прежде былъ таковымъ, а не только что сталъ имъ въ настоящее время)—книга г. Милюкова *должна* получить особенный интересъ въ глазахъ любознательныхъ читателей». Что успѣхъ, т.-е. распродажа этой книги должна очень интересовать ея издателя, особенно если онъ купилъ ее, быть можетъ, не совсемъ дешево — въ томъ никто не сомнѣвается, это безспорно; но изъ этого мы не можемъ вывести заключенія о томъ, что книга должна также интересовать и читателей, хотя она и много представляетъ къ тому ручательствъ. Мы жалѣемъ только, что такъ рекомендуетъ ее г. Вольфъ, извѣстный издатель сочиненій Наполеона III.

Воконь-горбунокъ, П. Ершова съ 7-ю картинами. С. Петербургъ. 1865 г. Цѣна за три части 1 руб.

Эта сочиненная русская сказка, безспорно всѣмъ и каждому извѣстная, въ послѣдніе годы сдѣлалась почти что библиографическою рѣдкостью и продавалась очень дорогою цѣною. Наконецъ она опять появилась, шестымъ изданіемъ, и продается въ магазинѣ М. М. Крашенинникова.

(*) См. № 78 Сиб. Вѣдом.

Физиологическія изслѣдованія о жизни и смерти. Сочиненіе Бишэ. Переводъ съ французскаго Бибикова, съ примѣчаніями переводчика и со статьєю о жизни, трудахъ и значеніи Бишэ. С. Петербургъ. 1865 г. Цѣна 1 руб. 75 к.

Извѣстность, которою пользуется въ этой отрасли наукъ громкое имя Бишэ, представляетъ достаточное ручательство въ занимательности содержанія означеннаго сочиненія.

Человѣкъ, таинственная явленія физической его природы. Сочиненіе Циммермана, изданіе Вольфа. Цѣна за 2 тома 5 руб. Вышелъ только пока одинъ томъ. 1865 г.

Въ этомъ новомъ сочиненіи Циммерманъ (авторъ книги: *Миръ до сотворенія чловѣка*), пользующійся въ ученomъ мѣрѣ заслуженною извѣстностію, разсматриваетъ вопросы о происхожденіи и первобытномъ состояніи рода чловѣческаго, о постепенномъ переходѣ его изъ естественнаго состоянія къ дивинизаціи, о типахъ чловѣческихъ породъ и тому подобные вопросы, которые и разъяснены имъ, на сколько это возможно при современныхъ успѣхахъ наукъ.

Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. 1 томъ. 2 руб. 50 к. Изданіе Вакста.

Сочиненіе это составляетъ какъ-бы приложение и продолженіе Всеобщей исторіи литературы Шерра. Такъ объявляютъ гг. Пыпинъ и Спасовичъ. Но мы рѣшительно не можемъ понять, съ какой стати они взяли на себя отвѣтственность быть *продолжателями* Шерра? Особенно г. Спасовичъ ужъ совсѣмъ не извѣстенъ намъ по этой части.—Должно быть, курьезная исторія славянскихъ литературъ! Мы такъ говоримъ потому, что едва начали ее читать, а ужъ нашли много промаховъ. Неужели за нихъ долженъ отвѣчать Шерръ?

Столѣтняя память Михаилу Васильевичу Ломоносову 4-го апрѣля 1865 года. Владиміра Ламанскаго. 1865 г. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное примѣчаніями. Цѣна 25 к.

Брошюрка очень интересная и во многихъ отношеніяхъ поучительная. Мы о ней сказали въ свое время.

Начальныя основанія физики. Д-ра Ж. Криста съ 291 рисункомъ въ текстъ. С.-Петербургъ. 1865 г. Цѣна 1 р. 25.

Сочиненіе это предназначено по преимуществу для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Сочиненія Фенимора Купера въ переводѣ Д. Коковцева. Изданіе Вольфа.—При этомъ издатель счелъ обязанностію своею предупредить читателей, что творенія *англійскаго* (не американскаго ли? г. Вольфъ) писателя нѣсколько сокращены и передѣ-

лами въ тѣхъ собственно видахъ, чтобы сдѣлать чтеніе повѣстей его доступнымъ и для юношества, но при этомъ, конечно, сохранена главная нить разсказа. О томъ, составляетъ ли этотъ переводъ романовъ Купера отрадное и полезное явленіе для нашей переводной литературы и вообще можно ли риснуть деньгами на приобрѣтеніе вышедшихъ пока двухъ томовъ этого перевода—лучше всего, по нашему мнѣнію, можно себѣ составить понятіе по переводу *заманій* Куперовскихъ романовъ, которыми Д. Ковцевъ подарилъ публику. Такъ *Deerslager* названъ *зѣрбой* (трава?)—почему же не просто охотникъ? слово зѣрбой означаетъ на русскомъ языкѣ извѣстное *растеніе*, а никогда не употреблялось для означенія человѣка, охотящагося за краснымъ зѣремъ. Другой романъ *Pathfinder*—явился подъ заглавіемъ какъ бы вы думали какимъ?..—*Смѣдонитъ*. Почему это такъ, и что это такое—неизвѣстно, можно съ одинаковымъ основаніемъ назвать его, пожалуй, *Тропоискчикъ*!... (ибо слово *path* означаетъ дорогу, тропинку, *chemin, sentier*; а *finder*—отъ глагола *find*—находить, и т. д.)

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ПО РЕЗУЛЬТАТАМЪ НАУЧНЫХЪ ИЗОЛДОВАНІЙ, УСНУХОВЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ОПИТОВЪ. Сочиненіе Миттермайера, переводъ Саранчова.

Достоинства этого сочиненія были уже подробно нами указаны (смот. Отеч. Записк. за 1863 годъ); теперь остается только сказать, что наша переводная юридическая литература обогатилась еще однимъ хорошимъ переводомъ.

Человѣкъ и сохраненіе его здоровья. *Общепонятныя нѣмецкія письма д-ра Фр. Эстерлена, ord. профессора медицины тюбингенскаго университета. Переведено подъ редакцію Н. Бавста. Выпускъ 1-й. Спб. Цѣна 75 к.*

Въ 1859 году *нѣкто* Фридрихъ Эстерленъ, живущій въ *Дюррихъ*, какъ это видно изъ предисловія самого автора, а отнюдь не докторъ и не ординарный профессоръ медицины тюбингенскаго университета, какимъ сдѣлалъ его г. Бавстъ, рѣшительно неизвѣстно на какомъ основаніи—издалъ подъ заглавіемъ (*): «Человѣкъ и сохраненіе его здоровья», 26 писемъ, составляющихъ цѣлую книгу въ 483 страницы. Письма эти, въ которыхъ говорится о вліяніи на человѣка внѣшней природы, какъ-то: атмосферы, теплоты, почвы, климата; о пищѣ, народномъ пропитаніи и его значеніи; о мѣстахъ жительства, отношеніи ихъ и вліяніи на здоровье; о вліяніи городовъ на здоровье; о нѣкоторыхъ мѣрахъ благоустройства, предпринимаемыхъ вообще полицією и т. д.—предполагаютъ съ одной стороны въ читателѣ знакомство съ

(*) Полное заглавіе этого сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ слѣдующее: «Der Mensch und seine physische Erhaltung-Hygienische Briefe für weitere Leserkreise», von Friedrich Oesterlen. Leipzig. Brockhaus. 1859 г.

главными основаниями физики, химии и т. д., следовательно предназначаются для человека, уже получившаго некоторое образование; съ другой же стороны переполнены такими обшественными мѣстами, пустою болтовнею и разглагольствованіями о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ, что чтеніе этихъ писемъ ставовится крайне скучнымъ и утомительнымъ. Изъ всего сочиненія можно, пожалуй, сдѣлать краткую компиляцію листа въ два или три, но отнюдь не предпринимать перевода въ трехъ выпускахъ, какъ это заявляетъ г. Бакстъ, каждый отъ 10 до 12 листовъ. Къ тому же въ сочиненіи этомъ встрѣчается немало такихъ мѣстъ, которыя основательный писатель, конечно, не Бюхнеръ только — едва ли позволить себѣ написать въ книгѣ общедоступной, какъ, напримеръ: «до сего времени не открыто вѣрнаго и дѣйствительнаго средства противъ рака, нервной горячки, холеры и т. д. и навѣрное никогда таковыхъ не найдутъ, ибо это невозможно» (*und wird ganz gewiss ni solche finden, weil es unmöglich ist*, стр. 16). Прекрасно. Почему же это *умемъ* остается читателю незнакомымъ, равно какъ и то, какимъ путемъ логическаго мышленія достигъ до разумѣнія этой невозможности Фр. Эстерлена, который, между прочимъ, заканчиваетъ 2-е письмо слѣдующими словами: «So gewiss aber die Welt nicht geschaffen worden, sondern einfach entstanden ist (вотъ уже что называется объяснилъ) ebenso gewiss regierrt sie siech selbst nach einer bestimmten Gesetzmässigkeit» и т. д. Въ русскомъ переводѣ г. Бабста этихъ словъ мы не нашли, но встрѣтили извѣстіе, что Потемкинъ за завтракомъ уничтожалъ цѣлаго гуся съ начинкою, что, конечно, сказано для смягченія гиперболическаго сказанія Эстерлена объ аппетитѣ князя Таврическаго, который едва не съѣдалъ *zum Frühstück eine Gans sammt einen Schinken* (то-есть гуся и цѣлый окорокъ). Также узнаемъ мы изъ книги этой, которую не предлагаемъ для чтенія, что *der wilde Naturmensch kann sich wie das Thier auf seinen Instinct verlassen, wie Künstmenschen nicht mehr*. Г. Бабстъ опять смягчаетъ переводъ и дѣлаетъ все изреченіе довольно современнымъ, говоря: дикіе, близкіе къ природѣ, могутъ еще руководствоваться своимъ инстинктомъ; но для насъ, людей цивилизованныхъ, его уже недостаточно (стр. 237). Опять ученіе о какомъ-то необъяснимомъ инстинктѣ, о дикомъ и искусственномъ чловѣкѣ, и т. д. Но этого вполне довольно, чтобы дать читателямъ понятіе о достоинствѣ какъ книги, такъ и перевода.

Исторія Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

К. Ф. Неймана. *Томъ первый. С.-Петербургъ. Изданіе Бакста. Выпускъ 1-й (цѣна 75 коп., съ билетомъ на 2 и 3 выпуски 2 рубля).*

Сколько намъ извѣстно, переводъ сочиненія Неймана представляетъ собою первое въ нашей литературѣ произведеніе, относящееся до исторіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Лежащій предъ нами выпускъ содержитъ пока только 2 первыя главы, изъ коихъ въ 1-й представленъ краткій очеркъ различныхъ

колоній, ихъ демократическихъ учреждений и показано естественное развитіе республиканскихъ началъ въ Соединенныхъ Штатахъ; во 2-й же — говорится о вліяніи европейскихъ войнъ на колоніи, о населеніи, правахъ и торговыхъ ихъ сношеніяхъ, о событіяхъ, предшествовавшихъ войнѣ за освобожденіе и объявленію независимости (о нарушеніи метрополіею разныхъ правъ колоній), между прочимъ, и обложеніи чая пошлиною, вызвавшемъ американцевъ къ явному сопротивленію и возстанію. Этимъ и оканчивается первый выпускъ перевода, слогъ котораго весьма удовлетворителенъ. Исторія эта читается весьма легко.

Законодательство и юридическая практика въ новейшемъ ихъ развитіи въ отношеніи къ уголовному судопроизводству. Сочиненіе Миттермайера, переводъ Бартенева. Изданіе редакціи Журнала Министерства Юстиціи. Спб. 1864.

Имя автора — знаменитаго Миттермайера, представляя собою полное ручательство въ достоинствѣ этого новаго сочиненія, дѣлаетъ нашъ отзывъ, хотя и самый краткій, о достоинствѣ этой книгѣ совершенно излишнимъ; намъ остается только замѣтить, что редакція «Журнала Министерства Юстиціи» сдѣлала изданіе столь же полезное, какъ и необходимое для насъ, въ виду предстоящей судебной реформы. Капитальное сочиненіе Миттермайера имѣетъ задачей представить, въ достаточной обработкѣ, матеріалы, какъ для уясненія работъ законодательныхъ, такъ и для юридической практики по уголовному судопроизводству. Изложивъ исторію законодательства по уголовному судопроизводству въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ съ 1848 года, авторъ опредѣляетъ предварительныя условія, отъ конхъ зависитъ дѣйствіе законовъ объ уголовномъ судопроизводствѣ, и тѣ общія положенія, на которыхъ подобнаго рода законы должны быть основаны, разсматриваетъ производство дѣлъ при предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ, самый порядокъ постановленія рѣшеній и способы ихъ обжалованія. Сдѣлавъ опытъ вывода основныхъ руководительныхъ началъ уголовного судопроизводства и показавъ причины, по которымъ такъ часто нововведенія не даютъ ожидаемыхъ результатовъ, Миттермайеръ указываетъ, какимъ путемъ можетъ быть достигнуто такое судопроизводство, которое всего лучше обезпечивало бы дѣйствительность уголовного законодательства. Неизбѣжнымъ къ этому условіемъ онъ считаетъ внушеніе частному лицу довѣрія къ гражданскому обществу, именно увѣренности въ томъ, что общество имѣетъ не только средства и силу открывать преступленія и наказывать виновнаго, но и охраняетъ гражданскую свободу, устраняя препятствія къ развитію необходимыхъ для сего учреждений, покровительствуя защитѣ обвиняемыхъ, отказываясь отъ ненавистной срасти преслѣдованія, а постоянно стремясь къ тому, чтобы отправленіе уголовного правосудія имѣло исключительно въ виду осуществленіе правды и справедливости.

Вообще сочиненіе это есть плод глубокой начитанности автора и самаго близкаго знакомства его съ опытами дѣйствительной жизни; здѣсь изложено все то, что авторъ съ 1808 года собралъ по этому предмету въ путешествіяхъ своихъ по Европѣ.

Разсужденія и изслѣдованія — политическія, философскія и историческія. Дж.-Стюарта Милля. *Въ 3 частяхъ. Выпускъ 1 и 2. С.-Петербургъ. 1865. Изданіе Ковалевскаго. Цѣна 75 коп. каждому.*

Первая часть творенія англійскаго мыслителя, слишкомъ знакомаго публикѣ, чтобы пускаться въ разсужденія о его достоинствахъ, содержитъ въ себѣ слѣдующія историческія статьи, свое временно помѣщенныя въ Эдинбургскомъ обзорѣнн: *Древнѣйшая и легендарная исторія Греціи*, а также исторія Греціи Грота (это—отзывы о сочиненіи извѣстнаго историка Греціи); *Очерки и лекціи Гизо по исторіи Франціи и исторія Франціи Мишле*. Форма изложенія этихъ статей нѣсколько напоминаетъ собою критическія статьи Маколея. Первый выпускъ 2-й части, содержащей, какъ озаглавлено, статьи политическія и политико-экономическія, заключаетъ въ себѣ очень любопытную статью: *Цивилизація*, нѣсколько замѣчаній о французской революціи, написанныхъ по поводу первыхъ двухъ томовъ исторіи Европы — Алиссона. Милль объявляетъ крайне неспособнымъ судить о французской революціи 1789 года всякаго, кто видитъ въ ней дѣло причинъ, исключительно французскихъ, или что-нибудь другое, а не особенный бурный періодъ въ прогрессивномъ развитіи цѣлаго человѣчества. Всѣ политическія революціи, производимыя не иностраннимъ завоеваніемъ, имѣютъ свое начало въ нравственныхъ революціяхъ. Разрушеніе существующихъ учреждений есть слѣдствіе предварительнаго разрушенія существующихъ мнѣній. Другая статья: *Французская революція 1848 года и ея порицатели*, представляетъ собою отвѣтъ лорду Бруму и другимъ, считающимъ эту революцію неожиданнымъ дѣломъ минуты, явленіемъ безъ причины, безъ всякихъ обстоятельствъ, могущихъ оправдать или объяснить ее, исключая привычки къ переменамъ и склонности къ насиліямъ, дѣломъ нѣсколькихъ полудюжинъ работниковъ, сошедшихъ въ типографіи, горсти вооруженныхъ негодяевъ, подъ предводительствомъ башмачника и помощника редактора.

По мнѣнію Милля, причина паденія французскаго правительства 1848 года заключается, главнымъ образомъ, въ двухъ обстоятельствахъ: именно: во-первыхъ — это было правительство безъ всякаго духа реформы; оно не только оказывало упорное сопротивление всякой органической реформѣ, даже самой умѣренной, но всякой чисто-законодательной, или чисто-административной реформѣ было на *практикѣ* равнымъ образомъ враждебно; оно не начинало само ничего и успѣшно противилось всему, что предлагали другіе, забывая, что напирющія волны постоянно собираются и поднимаются позади плотины, пока, наконецъ, низверг-

нуть ее и унести съ собою. Другое обстоятельство, не менѣе перваго подрывающее кредитъ правительственный, вообще заключалось въ томъ, что правительство Луи-Филиппа дѣйствовало почти исключительно посредствомъ низкихъ и своеобразныхъ инстинктовъ человѣческой природы. Оно никогда не обращалось къ честнымъ, возвышеннымъ и благороднымъ принципамъ дѣятельности, не старалось имѣть ихъ на своей сторонѣ, но, напротивъ, подавляло и ослабляло ихъ, считая опасными для себя. Система подкуповъ была доведена до самой высшей степени, какую только допускали средства, находившіяся въ распоряженіи правительства.

Много дополнительныхъ объясненій къ вопросу о причинѣ революціи 1848 года можно найти въ статьѣ *Арманъ-Каррель* (біографическія замѣтки гг. Низара и Литтре), которая представляетъ собою живое и наглядное изображеніе всей дѣятельности этой замѣчательной политической личности тридцатыхъ годовъ, память о которой, несмотря на краткѣвременность его жизни и дѣятельности, не погибнетъ безслѣдно, пока шесть лѣтъ, слѣдовавшихъ за революціей 1830 года, будутъ занимать мѣсто въ исторіи.

Послѣдняя статья, заключающаяся въ лежащемъ передъ нами выпускѣ, посвящена вопросу о *правѣ труда*, которую Миль и заключаетъ словами: «дайте *воспитаніе* и *хорошіе законы*, а затѣмъ рабочіе классы уже сами должны заботиться объ удовлетвореніи своихъ нуждъ, и объ улучшеніи своего положенія». Подобный взглядъ Милля, вполне нами раздѣляемый, можетъ служить объясненіемъ, почему мы сочли долгомъ сказать нѣсколько подробнѣе о непосредственно слѣдующемъ явленіи въ области нашей литературы, именно о книгахъ, предназначенныхъ по преимуществу для чтенія нашему народу, каковыми является:

Первый десятокъ книгъ, изданныхъ товариществомъ Общественная польза на счетъ суммъ, пожертвованныхъ для народныхъ книгъ. 1865 года.

Совершенно излишнимъ было бы съ нашей стороны повторять при этомъ случаѣ всѣмъ давнымъ-давно извѣстныя истины о пользѣ и благодѣтельномъ вліяніи образованія на экономическое и нравственное состояніе народа, о необходимости распространять оное въ народѣ, и т. д. Громкія фразы эти долго оставались однѣми пустыми фразами, то-есть ничего не дѣлалось къ осуществленію и достиженію на дѣлѣ тѣхъ истинъ, которыя такъ громко провозглашались, и только лишь въ настоящее время общество наше, повидимому, рѣшилось приступить къ самому дѣлу, именно къ изданію *общепонятныхъ и полезныхъ книгъ*, предлагая этимъ народу средства къ его образованію и развитію. О достоинствахъ книгъ перваго выпуска намъ также говорить не приходится; имена авторовъ служатъ наилучшею тому гарантіею; такъ Бестужевъ-Рюминъ, извѣстный публикѣ статьями по отечественной исторіи,

написать для народа: *О крещеніи Руси Владиміромъ-Святимъ* и т. д. и *О змѣтѣ временяхъ татарщины*; г. Максимовъ, авторъ книгъ «Годъ на Сѣверѣ» и «Повѣда на Амурѣ», даровитый наблюдатель живого народнаго быта, издалъ теперь двѣ книжки, именно *О русской землѣ и о русскихъ людяхъ*, а словами: «разказами своими, мы войдемъ полеговьку къ изученію отечества нашего», далъ основаніе къ пріятному ожиданію дальнѣйшаго ряда подобныхъ занимательныхъ разказовъ. Очень хорошо составлена также книжка *Какъ надо жить, чтобы добро нажить*, въ которой самымъ простымъ, но яснымъ слономъ говорится о нуждахъ человѣка и трудѣ, о бережливости, раздѣленіи труда или сотрудничествѣ, объ общинѣ, деньгахъ, капиталѣ и процентахъ, о богатствѣ и бѣдности, машинахъ и т. д. Къ сожалѣнію, авторъ скрылъ имя свое отъ любознательности публики.

Очевидно, что ограничиться однимъ лишь изданіемъ книгъ, поистивъ ихъ въ магазинъ товарищества въ Мильонной Улицѣ (книгъ этихъ мы не могли найти ни у одного изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ), крайне недостаточно; необходимо еще, чтобы народъ имѣлъ возможность купить полезныя для него книги, зналъ бы объ ихъ существованіи; главное, чтобы такія книги расходились въ народѣ, безъ этого цѣль изданія достигнута не будетъ, ибо если книга не покупается, то это все-равно, что ея и нѣтъ. Сколько мы могли замѣтить, народъ нашъ покупаетъ большею частію книжку вообще, а не извѣстную какую либо книгу, руководствуясь при выборѣ столько же замысловатымъ заглавіемъ, сколько и красотою обертки и дешевизною книги; продавцы же, рекомендуя книгу, руководствуются болѣе своими экономическими нежели педагогическими соображеніями, и настойчиво выхваляютъ *Черный зроби или кровавая звезда*, или нѣчто въ родѣ *Войны кузгарки съ барынею* (новое произведеніе, громадный успѣхъ котораго превышаетъ колоссальною недѣлностію содержанія). Поэтому мы полагаемъ, что на обязанности общества лежитъ теперь и познакомить народъ съ полезными для него изданіями, пріохотить его къ чтенію подобныхъ книгъ, что весьма нетрудно сдѣлать хоть бы слѣдующимъ путемъ. Большая часть читателей и особенно читательницъ покидаютъ столицу и на лѣтнее время удаляются на дачи или въ деревню, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, имѣютъ немало знакомыхъ изъ числа крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, продающихъ имъ ягоды, грибы, раки, рыбу и т. д. Дѣтей этихъ учить теперь грамотѣ въ школахъ, учрежденныхъ, какъ пишутъ, вездѣ при приходскихъ церквахъ; быть можетъ, даже и нѣкоторые изъ нашихъ читательницъ занимались этимъ дѣломъ, хотя бы и для развлеченія въ деревнѣ; по крайней мѣрѣ, сколько намъ извѣстно, года два тому назадъ подобное занятіе было въ модѣ. Раздайте имъ въ видѣ подарковъ по нѣскольку экземпляровъ изданныхъ «товариществомъ общественная польза» книгъ, и начало дѣлу будетъ сдѣлано; книги эти прочтутъ сперва ихъ владѣльцы, передадутъ другимъ, которымъ также желательно будетъ

имѣть такія же, и этимъ путемъ образуется истинный спросъ на полезныя для народа книги, дешевизна коихъ изумительна; на 75 копейкъ или на 1 рубль вы можете сдѣлать дюжину и болѣе различныхъ подарковъ (есть книги въ 8 копейкъ) и этимъ способствовать успѣхамъ истиннаго прогреса и развитію цивилизаціи въ несравненно большей степени, чѣмъ покупкою фотографическихъ карточекъ Гарibaldi, Кавура, Прудона и т. п. Неужели русское общество откажется отъ подобнаго дѣла потому только, что ему жаль истратить какой-нибудь полтинникъ для пользы русскаго государства и народности? Товарищество общественная польза будетъ имѣть возможность осенью дать на это отвѣтъ.

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ И У НАСЪ.

Чтенія г. Карновича «О развитіи женскаго труда въ Петербургѣ». — О солнечныхъ пятнахъ. — О скорости свѣта. — Смерть натуралиста Малли.—Извѣстія о животныхъ парижскаго зоологическаго сада.—Млекопитающіе острова Мадагаскара.—О воздухоплаваніи.—«Джагатай» Вамберг.—Новый порохъ.—Споръ Athenaeum'a съ г. Фульксомъ о томъ—признаетъ ли православная церковь англичанъ дѣйствительно крещенными людьми?—Диспутъ специалистовъ о полярной экспедиціи.—Начало опернаго сезона въ Лондонѣ.—Первый концертъ Іоахима въ Парижѣ.

Чтенія г. Карновича о женскомъ трудѣ.—Первое чтеніе г. Карновича происходило въ залѣ императорскаго русскаго географическаго общества, и сборъ съ этого чтенія былъ предназначенъ въ пользу общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Число желавшихъ присутствовать на чтеніи г. Карновича оказалось столь значительнымъ, что, какъ мы слышали, за недостаткомъ билетовъ, слишкомъ сто человекъ, явившихся на чтеніе, должны были вернуться назадъ. Это доказываетъ тотъ интересъ, который возбужденъ въ обществѣ *женскимъ* вопросомъ; кромѣ того, весьма многіе, а въ томъ числѣ и дамы, изъявили желаніе слушать чтеніе, хотя бы стоя, но вскорѣ оказалось невозможнымъ удовлетворить и этому желанію.

Изъ вступительныхъ словъ г. Карновича видно, что настоящія его чтенія составляютъ извлеченіе изъ обширнаго, предпринятаго имъ изслѣдованія о развитіи женскаго труда въ Петербургѣ. Въ первомъ своемъ чтеніи г. Карновичъ опредѣлилъ ту важность, какую долженъ имѣть женскій трудъ, собственно въ Петербургѣ, такъ-какъ трудъ этотъ поставленъ въ инныя условія, нежели тѣ, которыя существуютъ въ Парижѣ, Лондонѣ и другихъ европейскихъ столицахъ. Онъ указалъ на тѣ обстоятельства, которыя препятствуютъ развитію женскаго труда въ Петербургѣ, и между прочимъ упомянулъ о неблагопріятномъ на него вліяніи крѣпост-

ного права въ прежнее время — вліаніи, которое не остается безъ вредныхъ послѣдствій и въ настоящее время. Говоря о необходимости предоставить свободу женскому труду, о тѣхъ, по его выраженію, трусливыхъ личностяхъ, которыя даже въ свободѣ, предоставленной женской иголкѣ, хотятъ видѣть зародыши какихъ-то социалистическихъ и коммунистическихъ стремленій, и готовы лишить женщину возможности трудиться, изъ опасенія, что она своимъ трудомъ приобрететъ себѣ нѣкоторую независимость и самостоятельность, и въ семействѣ и въ обществѣ—г. Карновичъ съ своей стороны указалъ на необходимость своль возможно бѣльшаго развитія женскаго труда, какъ одного изъ главныхъ условий для нравственной охраны женщинъ и ихъ матеріальнаго обезпеченія. Онъ обѣщаль фактически, на основаніи собранныхъ имъ данныхъ, показать, въ какомъ бѣдственномъ положеніи находятся многія петербургскія женщины потому только, что при всемъ ихъ желаніи трудиться онѣ не могутъ принести для себя занятій, какъ вслѣдствіе малаго запроса на женскій трудъ въ Петербургѣ, такъ и вслѣдствіе особыхъ условий здѣшняго быта.

Такъ, между прочимъ, онъ указалъ на то, что главная масса петербургскаго населенія состоитъ изъ простонародья, среди котораго женскій трудъ встрѣчаетъ весьма мало примѣненія, даже во швейной работѣ, преимущественно распространенной между женщинами. По его замѣчанію, въ главной массѣ петербургскаго населенія не найдутъ для себя заработковъ женщины, занимающіяся болѣе утонченными работами, какъ-то: шитьемъ шляповъ, корсетовъ, чепчиковъ, приготовленіемъ искусственныхъ цвѣтовъ и т. д., точно также какъ не приицуютъ для себя занятій въ большинствѣ петербургскаго населенія ни учительницы, ни гувернантки.

Г. Карновичъ привелъ на видъ огромное число нижнихъ военныхъ чиновъ, которые въ казарменномъ быту обходятся очень удобно безъ женскаго труда, занимаясь сами многими работами, которыя собственно предоставлены женщинамъ, какъ-то: стиркей, мытьемъ половъ, шитьемъ и стиркою бѣлья, такъ-что даже здѣшнія прачки встрѣчаютъ для себя конкуренцію въ военнослуживомъ народѣ.

Вообще г. Карновичъ провелъ ту мысль, что размѣръ потребностей на женскій трудъ въ Петербургѣ никакъ нельзя соразмѣрять съ общими числами петербургскаго населенія, такъ-какъ въ этомъ населеніи потребность на женскій трудъ распространена весьма неравномѣрно, при чемъ онъ весьма слабо поддерживается главною массою здѣшнихъ жителей.

Въ чтеніи своемъ г. Карновичъ представилъ общіе выводы о численности петербургскаго населенія и привелъ тотъ фактъ, что въ послѣднее пятилѣтіе число женщинъ увеличилось въ Петербургѣ сдѣльшомъ на 45,000 душъ, между тѣмъ какъ число мужчинъ осталось то же. Фактъ этотъ, по мнѣнію г. Карновича,

служить дурнымъ предвѣстіемъ для женскаго труда въ Петербургѣ, такъ-какъ при могущей возникнуть при этомъ конкуренціи, задѣльная плата, получаемая въ Петербургѣ женщиною, должна будетъ понизиться еще болѣе.

При томъ вопросѣ, котораго коснулся г. Карновичъ, нужно было опредѣлить число женскихъ рабочихъ рукъ въ Петербургѣ. Для этого г. Карновичъ употребилъ особый методъ. Изъ общаго числа петербургскаго женскаго населенія онъ отчислилъ такихъ обитательницъ Петербурга, которыя, по своему спеціальному положенію, не встрѣчаютъ надобности въ трудѣ, какъ единственномъ средствѣ къ жизни. Онъ отчислилъ и такъ-названныхъ имъ «официально-извѣстныхъ вѣтренницъ», а также приблизительно и, какъ кажется, въ удовлетворительномъ количествѣ, конечно приблизительно, и такихъ вѣтренницъ, которыя не входятъ въ упомянутый выше разрядъ. Онъ принялъ также за рабочую пору женщины возрастъ отъ 16-ти до 60-ти лѣтъ, отчисливъ изъ общей массы здѣшняго женскаго населенія, способнаго къ работѣ, такихъ женщинъ, которыя или не достигли еще 16-ти лѣтнаго возраста, или перешли за 60 лѣтъ. Оказалось, что послѣ всѣхъ этихъ исключеній все-таки живетъ въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, 100,000 такихъ женщинъ, которыя способны къ работѣ и для которыхъ она болѣе или менѣе составляетъ необходимую поддержку жизни.

Г. Карновичъ представлялъ въ общемъ очеркѣ печальное положеніе этой массы петербургскаго населенія. Онъ опровергалъ обыкновенно-господствующее мнѣніе, что простые женщины легко переносятъ несчастія жизни и указывалъ на то, что всякое несчастіе отзывается еще сильнѣе тамъ, гдѣ къ нему присоединяются нужда и лишения. Говора о несчастіяхъ и огорченіяхъ женщины или дѣвушки, онъ высказалъ, между прочимъ, ту мысль, что самая несчастная—та изъ нихъ, которая должна и хочетъ трудиться, но не находитъ для этого никакой возможности, такъ-что она, послѣ долгой и упорной нравственной борьбы, бываетъ нерѣдко принуждена, для поддержанія своего существованія, жертвовать своимъ добрымъ именемъ.

Въ вопросѣ о развитіи и организаціи женскаго труда, г. Карновичъ указывалъ на неумѣтность мечтаній объ идеальномъ счастьѣ женщины и на бесполезность отвлеченныхъ теорій по этому вопросу, находя, что его нужно разсматривать съ практической точки зрѣнія. Эта точка значительно отрезвляетъ умъ, и въ то же время заставляетъ изучать статистику, которая никогда не бываетъ лишнею въ социальныхъ вопросахъ.

По окончаніи перваго чтенія, г. Карновичъ сообщилъ присутствовавшимъ программу своего втораго чтенія. Въ программу эту входятъ, между прочимъ, замѣчанія о положеніи петербургской актрисы и женщины, занимающейся литературными трудами, а также учительницы и гувернантки. Сюда также войдутъ свѣдѣнія о занятіяхъ инокинъ здѣшняго монастыря и о работѣ жен-

шинъ въ городской тюрьмѣ. Вообще нельзя не благодарить г. Карновича за предпринятые имъ чтенія; изъ нихъ наши интеллигенты могутъ, но крайней мѣрѣ, выучиться тому методу, которому должно слѣдовать при изученіи вопроса о женскомъ трудѣ.

Второе чтеніе г. Карновича началось свѣдѣніями о женщинахъ, работающихъ на петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ. Число ихъ сравнительно съ числомъ общаго женскаго населенія въ Петербургѣ весьма незначительно, а именно: 3,195 взрослыхъ и 280 малолѣтнихъ, между тѣмъ какъ число фабричныхъ рабочихъ мужскаго пола простирается свыше 20,000. Въ Петербургѣ нѣтъ ни одной фабрики, на которой работали бы исключительно женщины; на всѣхъ фабричныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ лишь резиновой фабрики, число работниковъ превышаетъ число работницъ. Главнымъ образомъ петербургскія женщины заняты на бумагопрядильныхъ фабрикахъ. Г. Карновичъ представилъ общій очеркъ тѣхъ изъ фабричныхъ производствъ, въ которыхъ участвуютъ женщины, указавъ на удобства и неудобства, встрѣчающіяся при этихъ занятіяхъ.

Между тѣмъ изъ общаго числа 377 фабрикъ и заводовъ, дѣйствующихъ въ Петербургѣ, только 24 принадлежатъ лицамъ женскаго пола. Замѣтимъ, что женщины владѣютъ такими фабриками и заводами, производительность которыхъ должна скорѣе составлять занятіе лицъ мужскаго, нежели женскаго пола.

Говоря о женскомъ трудѣ на здѣшнихъ фабрикахъ, г. Карновичъ замѣтилъ, что въ отношеніи его нельзя принять никакой искусственной организаціи, такъ-какъ размѣръ фабричной производительности находится въ зависимости отъ постороннихъ обстоятельствъ.

Ремесленное населеніе Петербурга состоитъ изъ 43,884 душъ, на это число приходится только 4,713 женщинъ, между ними 1,469 мастерицъ, 1,787 подмастерицъ и 1,507 ученицъ. Первое мѣсто по своей численности занимаютъ модистки, которыхъ находится въ Петербургѣ 1,506. Въ большей части ремесленныхъ заведеній женщины работаютъ вмѣстѣ съ мужчинами. Отдѣльно отъ мужчинъ работаютъ только: цеховныя прачки, бѣлошвейки, золотшвейки и корсетницы.

Затѣмъ г. Карновичъ указалъ на размѣры жалованья, получаемого женщинами въ здѣшнихъ мастерскихъ. Оказывается, что самое большое жалованье получаютъ мастерицы у модистокъ, отъ 6 до 10 руб., затѣмъ у корсетницъ отъ 5 до 8 руб., у бѣлошвейки онѣ получаютъ отъ 5 до 7 руб., у бѣлошвейки отъ 8 до 8 руб. Г. Карновичъ указалъ, между прочимъ, на то, что дѣвочки, отдаваемые въ ученіе мастерству, прежде чѣмъ начнутъ учиться, теряютъ много времени находясь въ услуженіи или на вобѣгушкахъ у хозяина, такъ что онѣ не всѣ успѣваютъ хорошо обучиться ремеслу къ концу контрактнаго срока.

Далѣе г. Карновичъ говорилъ о приимѣненіи швейныхъ машинъ въ главной отрасли женскаго труда — къ работѣ иголкой. Изъ

приводимыхъ имъ свѣдѣній по этому вопросу видно, что машинныя, наведя сначала страхъ на женщинъ, занимающихся шитьемъ, не подорвали этого рода работы, а въ Англіи даже увеличили задѣльную плату швейскъ. Что же касается Петербурга, то лекторъ замѣтилъ, что привозъ сюда швейскихъ машинъ увеличивается все болѣе и болѣе, но что еще нельзя сказать ничего опредѣленнаго на счетъ того вліянія, какое онѣ будутъ имѣть въ Петербургѣ. Перехода къ занятіямъ женщинъ внѣ фабрикъ и мастерскихъ, г. Карновичъ указалъ на такъ-называемыхъ въ Петербургѣ штурчицъ, то-есть такихъ женщинъ, которыя или ходятъ только работать въ мастерскія поденно, или берутъ оттуда работу поштучно. Опредѣлить число такихъ штурчицъ нѣтъ никакой возможности, такъ-какъ сообщить объ этомъ свѣдѣній не могутъ даже сами хозяева мастерскихъ, въ которыхъ штурчицамъ получаютъ работу, потому что въ числѣ штурчицъ превскондитъ ностоянное колебаніе и, кромѣ того, многія штурчицы работаютъ разомъ въ нѣсколькихъ заведеніяхъ. Вообще же, по мнѣнію г. Карновича, до 91,712 женщинъ занимаются въ Петербургѣ или личными услугами, или руководъльною работою на домахъ.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ г. Карновичемъ, оказывается, что самая выгодная работа штурчицъ бываетъ по корсетному ремеслу. Хорошая мастерица, занимаась кройкой и шитьемъ корсетовъ, можетъ выработать въ день до 2 руб. 50 коп. Такой поденной платы, какъ замѣтилъ г. Карновичъ, не получаютъ въ Петербургѣ учительницы и нныя актрисы. Корсетница получаетъ съ корсета отъ 70 до 75 коп.; работу эту чрезвычайно облегчаютъ и ускоряетъ швейная машина, такъ-какъ при шитьѣ корсетовъ требуются главнымъ образомъ прямыя стежки, быстро исполняемыя машиною, которая можетъ дѣлать до 600 стежекъ въ минуту. Къ сожалѣнію, и эта выгодная для женщинъ работа не можетъ развиться въ Петербургѣ въ значительной степени, потому что приготовленіе корсетовъ встрѣчаетъ у насъ огромную конкуренцію съ парижскою производительностію по этой части. Поэтому, несмотря на легкость и выгоды, представляемыя при шитьѣ корсетовъ, дѣшныя мастерицы чувствуютъ большой недостатокъ въ работѣ и остаются иногда безъ дѣла.

Шитье женскихъ платьевъ, шляпокъ и сарафеновъ не представляетъ въ Петербургѣ занятій, выгодныхъ для штурчицъ. За шитье платья штурчица получаетъ отъ 2 до 5 рублей, но плату въ послѣднемъ размѣрѣ женщина получаетъ только за такую работу, для исполненія которой требуется нѣсколько дней, потому что шитье сопровождается отдѣлкою болѣе или менѣе роскошной, на которую надобно употребить немалое усидчиваго труда. Съ сарафана получаетъ штурчица отъ 5 до 9 рублей, но и здѣсь требуется много времени, такъ что этотъ родъ шитья не представляетъ выгоды, если сообразить число рабочихъ часовъ съ получаемымъ вознагражденіемъ. Съ шляпки штурчица получаетъ обыкновенно 1 рубль, рѣдко когда болѣе.

Вообще женскій трудъ въ здѣшнихъ мастерскихъ не представляетъ для женщинъ выгодныхъ заработковъ. Размѣръ этихъ заработковъ еще болѣе умельшается, если женщины приходится работать не въ мастерскихъ, а для магазиновъ и по частнымъ заказамъ. Круглымъ числомъ можно положить, что при самой услужливой работѣ женщина не изъ штучницъ можетъ заработать своимъ руководѣлемъ около 5 рублей въ мѣсяцъ.

Женскій домашній трудъ въ Петербургѣ имѣеть, по замѣчанію г. Карновича, ту важность, что имъ занимаются нетолько женщины или дѣвушки изъ простонародья, но что въ немъ принуждены искать средствъ для своего существованія и многія лица женскаго пола, принадлежащія къ образованному классу. Невозможность получить работу ставитъ нерѣдко этихъ лицъ въ самое отчаянное положеніе. Такъ г. Карновичъ, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ въ дѣлахъ одного изъ здѣшнихъ благотворительныхъ обществъ, указалъ на положеніе нѣкоторыхъ образованныхъ женщинъ и дѣвицъ, принужденныхъ жить единственно своими трудами.

Случается, что у трехъ сестеръ, живущихъ вмѣстѣ, бываетъ только одна пара башмаковъ, такъ что онѣ могутъ ходить за работою неначе, какъ поочередно. Былъ случай, что мать изъ привилегированнаго сословія, не имѣя возможности кормить сына, отнесла его въ воспитательный домъ, какъ незаконное дитя. Были два случая, что женщины принуждены были кормить грудью своихъ взрослыхъ дѣтей. Послѣ такихъ поразительныхъ примѣровъ, до которыхъ доводитъ бѣдность и невозможность для женщины принесть себѣ работу, г. Карновичъ не нашелъ уже нужнымъ останавливаться на общихъ картинахъ бѣдности, замѣтивъ, что вообще здѣшнія образованныя женщины и дѣвушки, возмущенныя въ необходимость жить ручною работою, жалуются на то, что ихъ худо учили руководѣльямъ и что между тѣмъ другія отрасли занятій для нихъ недоступны.

Отъ домашнихъ занятій женщины г. Карновичъ перешелъ къ торговой дѣятельности петербургскихъ женщинъ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ еще представить въ настоящее время подробныхъ свѣдѣній о женской торговлѣ въ Петербургѣ въ малыхъ размѣрахъ, но и то, что было сказано имъ ибъ участіи здѣшнихъ представительницъ женскаго пола въ значительныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ, представило женскую торговую дѣятельность въ новомъ, весьма любопытномъ видѣ, особенно въ отношеніи распредѣленія предметовъ торговли между занимающимися ею мужчинами и женщинами. Сопоставленіемъ этихъ предметовъ, онъ опредѣлилъ существенную сторону затронутого въ вопроса, указавъ на несообразность по распредѣленію коммерческихъ занятій въ Петербургѣ между лицами мужскаго и женскаго пола.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ г. Карновичемъ, видно, что въ Петербургѣ торговлею, на правахъ двухъ первыхъ гильдій, зани-

нается 220 женщинъ, но что онѣ почти всё торгуютъ не предметами, подходящими къ женской обстановкѣ, какъ-то: матеріями, шитками, кружевами, искусственными цвѣтами и т. п., но сальными свѣчами, мѣдью, саблями, шпагами, веревками, бутылками, кирпичами, рогатымъ скотомъ, дѣгтемъ, кожами, тогда какъ мужчины захватили въ свои руки предметы женской производительности и женскихъ потребностей.

Замѣтную степень участія въ женской торговой дѣятельности въ Петербургѣ составляетъ винная продажа, которую занимаютъ 21 женщина. Между ними есть одна очень молодая титулованная дама, содержащая, какъ значится въ официальныхъ свѣдѣніяхъ, питейныя заведенія въ разныхъ частяхъ города. Есть еще другая дама среднихъ лѣтъ, которая содержитъ въ Петербургѣ пять заведеній такого же рода. По поводу этого г. Карновичъ замѣтилъ, что, видно, петербургскихъ представительницъ прекраснаго пола коснулся не одинъ духъ нигилизма, но и духъ положительнаго направленія современной эпохи.

Добавимъ, что въ Петербургѣ почти вдвое болѣе нитейныхъ заведеній, содержимыхъ женщинами, нежели первоклассныхъ модныхъ магазиновъ, принадлежащихъ лицамъ женскаго пола. Притомъ изъ числа всѣхъ такихъ магазиновъ только одинъ принадлежитъ русской, а всѣ прочіе содержатъ двое русскихъ мужчинъ, иностранцы и иностранки.

Говоря объ иностранномъ вліяніи на развитіе женскаго труда въ Петербургѣ, г. Карновичъ указалъ, между прочимъ, на то, что сюда привозится въ годъ однихъ женскихъ головныхъ уборовъ на 45,000 руб., искусственныхъ цвѣтовъ слишкомъ на 100,000 рублей, корсетовъ, воротничковъ, нарукавниковъ на такую же сумму, готового бѣлья на 83,000, перчатокъ на 113,000 руб., такъ-что вообще Петербургъ въ пользу заграничной торговли расходуетъ ежегодно болѣе полумиліона рублей на такіе предметы, которые могли бы быть предметами мѣстной производительности.

Къ числу такихъ предметовъ надобно отнести дѣтскія игрушки, которыхъ привозится сюда въ годъ на 173,000 рублей изъ Парижа, гдѣ приготовленіемъ этихъ издѣлій заняты почти-исключительно женщины, и между прочимъ и лучшія модистки.

Вообще изъ чтеній г. Карновича видно, что иностранное вліяніе на развитіе женскаго труда въ Петербургѣ весьма сильно. Оно дѣйствуетъ на этотъ трудъ и посредствомъ торговыхъ оборотовъ, и посредствомъ лучшихъ магазиновъ, и мастерскихъ, существующихъ въ Петербургѣ подъ иностранными фирмами, въ которыхъ продаются здѣшнимъ дамамъ разныя принадлежащія въ ихъ туалету издѣлія, приготовляемыя мѣстными инвези за весьма незначительную плату сравнительно съ той високой цѣной, которая получается за эти издѣлія при продажѣ ихъ изъ мастерскихъ и магазиновъ, содержимыхъ въ Петербургѣ иностранцами обою пола.

Особенная несообразность въ распредѣленіи занятій между

мужчинами и женщинами замѣчается въ Петербургѣ во торговлѣ въ магазинахъ и лавкахъ. Здѣсь сплошь и рядомъ мы видимъ, что дюжій парень всю жизнь торгуетъ лонтами, кринолинами, юбками и т. д., между тѣмъ, какъ женщины отстранены почти вовсе отъ продажи такихъ предметовъ. Коснувшись этого нелѣпаго ворадка, г. Карновичъ разобралъ въ подробностяхъ тѣ причины, по которымъ обыкновенно предпочитаютъ мужчины женщинамъ при постоянныхъ занятіяхъ въ торговлѣ. Онъ указалъ на то, что такъ-называемое интересное положеніе женщины не можетъ служить препятствіемъ къ предоставленію ей постоянныхъ занятій; потому что не всякая женщина бываетъ въ такомъ положеніи; притомъ срокъ этого положенія, препятствующій трудиться женщинѣ, особенно привыкшей къ работѣ, вовсе не такъ продолжителенъ, какъ это обыкновенно полагають. Г. Карновичъ добавлялъ, что и за границей и здѣсь, въ Петербургѣ, женщины имѣютъ постоянныя занятія на фабрикахъ, которыя, конечно, тяжелѣе нежели продажа матерій, цвѣтовъ, корсетовъ, и что между тѣмъ, вовсе не слышно жалобъ со стороны фабрикантовъ на интересное положеніе работницъ.

Ничто не затрудняетъ до такой степени общественнаго развитія, какъ ходячія, самыя обыкновенныя воззрѣнія. Съ ними всего необходимѣе и всего труднѣе бороться; иной пустой нравственный аргументъ приходится оспаривать гораздо сильнѣе и настойчивѣе, нежели какой-нибудь болѣе или менѣе основательный взглядъ. Г. Карновичъ понялъ это, и потому коснувшись доводя общественыхъ моралистовъ о томъ, что женщина или дѣвушка, сѣвшая за прилавокъ, подвергается легко соблазну посятителей, опровергъ нелѣпость подобнаго опасенія, разсмотрѣвъ довольно подробно доводы, приводимые слишкомъ заботливыми моралистами.

Представивъ неутрадное положеніе женщинъ и дѣвушекъ, принужденныхъ жить въ Петербургѣ своими трудами, г. Карновичъ юснулся вопроса о томъ, что вообще можно пожелать появляющейся на свѣтъ дѣвушкѣ. Онъ привелъ рядъ желаній, которыми обыкновенно ее паупуствуютъ. Желанія эти начинаются поэтическими мечтами со стороны тѣхъ, которыя смотрятъ на женщину какъ на какую-то небожительницу, слегка прикасающуюся ко всему земному, и оканчиваются желаніемъ ей успѣховъ въ домашней хозяйствѣ со стороны тѣхъ, которыя считаютъ исключительнымъ призваніемъ женщины заботы въ кухнѣ и кладовой.

Обращаясь къ будущей судьбѣ дѣвушки, г. Карновичъ пожелалъ ей съ своей стороны, чтобы она, если нужно, была хорошей хозяйкой, но чтобы въ то же время она не забывала, что за стѣнами ея дома есть другой міръ, въ которомъ она, какъ гражданка, должна и можетъ имѣть долю участія. Онъ пожелалъ, чтобы жизнь дѣвушки прошла въ радостяхъ, которыхъ нищетъ молодость, но чтобы она была въ то же время готова и на серьезный трудъ, котораго могутъ потребовать отъ нея семья и общество.

Говоря далѣе о возможности развитіи женскій трудъ, г. Карновичъ упомянулъ о томъ, что въ Петербургѣ съ нѣкотораго времени стали устроиваться женскія рабочія артели. Извѣстно, что у насъ находятся сильныя противники проявленія женскаго труда въ такомъ видѣ, которые утверждаютъ, что настоящее мѣсто женщины должно быть, по заимствованному ими у французовъ выраженію, у «домашняго очага». Г. Карновичъ опровергалъ это воззрѣніе, указывая, между прочимъ, на то, что явныя самыя простыя женскія работы требуютъ раздѣленія труда, и что, поэтому, такого рода работы гораздо легче, и лучше могутъ быть исполнены сообща, нежели въ одиночку.

По замѣчанію г. Карновича, женскій трудъ поставленъ въ особыя условія въ монастыряхъ и тюрьмахъ. Что касается монастырей, то опредѣливъ въ общихъ словахъ ихъ значеніе, г. Карновичъ замѣтилъ, что въ настоящее время слѣдуетъ спросить о томъ, что преимущественно господствуетъ въ этихъ учрежденіяхъ: трудъ или богомольная праздность. Замѣтивъ, что женскій монашескій элементъ развитъ въ Петербургѣ гораздо болѣе, нежели обыкновенно это думаютъ (въ общей сложности во всей Россіи 1 монашескую приходится на 2,512 женщинъ православнаго исповѣданія, тогда-какъ въ Петербургѣ отношеніе это значительно измѣняется, а именно здѣсь 1 монашеская приходится на 1,348 женщинъ православнаго исповѣданія), г. Карновичъ перешелъ къ занятіямъ инокинь здѣшняго воскресенскаго монастыря. Оказывается, что въ этомъ монастырѣ преимущественно развито занятіе живописью. Этому искусству посвящаетъ свой досугъ почти десятая часть изъ всего числа монашескихъ. Между монастырскими художницами есть дѣвушки 18 и 19 лѣтъ. Далѣе слѣдуетъ тканье ковровъ; кромѣ того монахини занимаются вышиваніемъ, башмачнымъ ремесломъ, золотошвейной работой, шитьемъ ризъ и золоченіемъ образовъ. Вообще въ монастырѣ замѣтно трудолюбіе.

Къ сожалѣнію, въ иномъ видѣ представляются работы женщинъ въ здѣшней городской тюрьмѣ. Арестантки, число которыхъ въ годъ простирается до 600, не имѣютъ никакихъ постоянныхъ занятій. Изъ нихъ только половина бываетъ занята время отъ времени шитьемъ бѣлья для арестантовъ и арестантокъ, получающа за то такую скудную плату, что за отчисленіемъ изъ заработанной ими суммы денегъ на улучшеніе пищи, въ годъ приходится на каждую женщину около 55 копеекъ.

Г. Карновичъ упомянулъ о томъ нравственномъ вредѣ и о тѣхъ экономическихъ неудобствахъ, которыя должна влечь за собою праздная жизнь женщинъ въ тюрьмѣ. Онъ обратилъ вниманіе на необходимость организовать женскій тюремный трудъ, тѣмъ болѣе, что при новомъ порядкѣ судоустройства, тюрьмы наши будутъ мѣстомъ не только предварительнаго, но и карательнаго заключенія.

Какъ на особое, покровительствующее женскому труду учреж-

деніе, г. Карновичъ указалъ на существующій въ Петербургѣ Денисовскій домъ для призрѣнія трудящихся, гдѣ находятъ для себя работу до 150 лицъ женскаго пола преимущественно такихъ дѣвицъ, которыя остаются сиротами или находятся въ самомъ безпомощномъ положеніи. Вообще, по мнѣнію г. Карновича, учрежденіе въ Петербургѣ женскихъ общественныхъ рукодѣленъ принесло бы немалую пользу для развитія женскаго труда въ здѣшней столицѣ.

Обращаясь въ такимъ занятіямъ, доступнымъ въ Петербургѣ женщинамъ, которыя требуютъ умственнаго развитія и образованія, г. Карновичъ указалъ на положеніе петербургской актрисы, гувернантки, учительницы и женщины, занимающихся литературными трудами.

Положеніе актрисы въ Петербургѣ весьма неблагоприятно, вслѣдствіе административнаго устройства здѣшнихъ театровъ, такъ какъ для актрисы нѣтъ возможности, въ случаѣ какихъ-либо затрудненій, переходить съ одной сцены на другую, и она поневолѣ должна покориться силѣ обстоятельствъ, а иногда и совершенно оставлять избранное ею сценическое поприще, если не рѣшится испытать печальную жизнь провинціальной актрисы. Касаясь артистокъ здѣшней русской труппы, г. Карновичъ выразилъ, между прочимъ, сожалѣніе, что онѣ, вслѣдствіе конкуренціи съ французской труппой, встрѣчаютъ весьма мало сочувствія въ той долѣ петербургскаго общества, которая всего лучше могла бы оказать покровительство и вниманіе ихъ дарованіямъ.

Особенно незавидно положеніе хористокъ и танцовщицъ корде-балета, которыя, получая по 15 рублей жалованья въ мѣсяцъ, обязаны постоянно участвовать въ спектакляхъ и быть на репетиціяхъ, такъ что онѣ не могутъ имѣть никакихъ другихъ занятій.

Участь здѣшнихъ учительницъ и гувернантокъ тоже не слишкомъ хороша. Имъ весьма много вредитъ приливъ иностранокъ, занимающихся въ Петербургѣ воспитаніемъ и обученіемъ, а также и то, что преподаваніемъ въ среднихъ и въ высшихъ классахъ здѣшнихъ, какъ казенныхъ такъ и частныхъ заведеній, завладѣли мужчины. При 18,222 дѣвицъ, обучающихся въ Петербургѣ, число лицъ женскаго пола, занимающихся обученіемъ и воспитаніемъ, простирается только до 838. Трудность въ полученіи частныхъ уроковъ усилилась съ открытіемъ въ Петербургѣ женскихъ гимназій.

Занятіе уроками музыки представляетъ весьма скудные заработки. По расчету г. Карновича, учительница музыки, дающая уроки съ мѣсячной платой, получаетъ круглымъ числомъ за часовой урокъ отъ 10 до 20 копеекъ.

Сказавъ о правахъ женщины на участіе въ литературѣ, г. Карновичъ упомянулъ о томъ невыгодномъ для петербургскихъ писательницъ положеніи, въ которомъ находятся наша современная литература, сосредоточиваемая теперь тоже исключительно

въ журналистикѣ, которая главнымъ образомъ посвящаетъ свои столбцы публицистикѣ. Публицистика, замѣтилъ г. Карновичъ, требуетъ известной подготовки въ политико-экономическихъ наукахъ, а между тѣмъ науки этого рода недоступны еще женщинамъ не только у насъ, но и въ западной Европѣ. Это обстоятельство лишаетъ здѣшнихъ дамъ и дѣвизъ возможности принимать болѣе дѣятельное участіе въ литературныхъ трудахъ, такъ какъ журналистика отводитъ весьма мало мѣста для такихъ произведеній, къ которымъ преимущественно способны женщины.

Какъ на возникновеніе въ Петербургѣ самостоятельной литературной дѣятельности женщинъ, г. Карновичъ указалъ на разошедшееся здѣсь недавно товарищество дамъ и дѣвизъ съ цѣлью издавать такія русскія книги, которыя способствовали бы къ умственному развитію дѣтей и къ распространенію знаний по историческимъ и естественнымъ наукамъ. Въ настоящее время товарищество это состоитъ изъ 40 лицъ женскаго пола и печатало уже до 10,000 экземпляровъ разныхъ сочиненій и переводовъ. Переводы поручаются исключительно женщинамъ. Участницы въ товариществѣ должны дѣлить прибыль отъ наданій соразмѣрно вкладамъ, внесеннымъ ими въ кассу товарищества.

Особымъ видомъ умственного и практическаго труда, доступнымъ женскому полу, г. Карновичъ считаетъ изученіе медицинскіхъ наукъ съ цѣлью сдѣлаться врачами. Г. Карновичъ указалъ на необходимость имѣть женщинъ-врачей для больныхъ женскаго пола, вслѣдствіе понятной неохоты женщинъ, особенно въ случаѣ важныхъ женскихъ болѣзней, довѣряться врачамъ-мужчинамъ, такъ какъ здѣсь требуется большая откровенность.

По замѣчанію г. Карновича, главными препятствіями при изученіи женщинами и медицины, и при практическихъ занятіяхъ врачеваніемъ, считаютъ врожденную женскому полу стыдливость и нервическую слабость, свойственную женщинамъ.

Во опроверженіе этого г. Карновичъ замѣтилъ, что понятіе о женской стыдливости слишкомъ условно. Онъ сослался на то, что дама или дѣвушка является, не чувствуя стыда, въ многолюдное собраніе съ открытымъ бюстомъ, голыми плечами и руками, между тѣмъ, какъ она постыдится принять у себя въ домѣ самаго близкаго знакомаго мужчину въ такомъ видѣ. Онъ добавлялъ, что на балахъ мужчина, вовсе почти незнакомый дамѣ, имѣетъ право брать ее за талію, между тѣмъ, какъ во всякомъ другомъ случаѣ такое прикосновеніе къ порядочной женщинѣ было бы для нея чрезвычайнымъ оскорбленіемъ. Въ виду этого г. Карновичъ находитъ, что обществу въ болѣе важныхъ случаяхъ давно бы пора установить различіе между истинной и ложной женской стыдливостію (?).

Кромѣ того, г. Карновичъ указалъ еще и на то, что при существованіи исключительно врачей-мужчинъ, чувство женской стыдливости нарушается гораздо чаще и нелѣпѣе, нежели въ томъ случаѣ, еслибы нѣсколько дамъ и дѣвизъ занялись изуче-

нѣтъ медицины, а потомуъ врачебною практикою около больницы заниматься.

Что касается слабости женскихъ нервъ, то господствующее объ этомъ мнѣніе г. Карновичъ опровергъ ссылкой на сестеръ крестовоздвиженской общины, существующей въ Петербургѣ. Сестры этой общины, вызвавшись служить больнымъ и раненымъ, дѣлили, при севастопольскомъ разгромѣ, опасности наравнѣ съ мужчинами, не уступая имъ въ твердости духа. Въ настоящее же время онѣ ухаживаютъ за больными доказываютъ, что женщина можетъ одолѣть врожденную ей слабость нервовъ, если она видитъ, что ея заботы приносятъ страдающимъ пользу и облегченіе. Сослаться въ этомъ случаѣ на грубость чувствъ нельзя, потому что многія изъ сестеръ крестовоздвиженской общины, по рожденію и образованію имѣютъ полное право на нервическую слабость свѣтскихъ дамъ и свѣтскихъ барышень.

Общій выводъ г. Карновича былъ тотъ, что женскій трудъ въ Петербургѣ представляетъ весьма слабое развитіе въ тѣхъ отрасляхъ, которыя нынѣ открыты женщинамъ, и что, кромѣ того, для женщинъ недоступны многія занятія, на которыя онѣ имѣютъ право по своимъ физическимъ силамъ и умственнымъ способностямъ.

Въ заключеніе своего чтенія г. Карновичъ коснулся здѣшнихъ нигилистовъ. Онъ счелъ нужнымъ заговорить о нихъ потому, что, къ сожалѣнію, противники самостоятельнаго труда готовы видѣть въ каждомъ къ нему шагѣ зловредный нигилизмъ. Не отвергая, что въ Петербургѣ могутъ существовать нигилисты въ полномъ смыслѣ и привелъ сдѣланный о нихъ отзывъ какою-то провинціальною дамою въ одной изъ московскихъ газетъ, г. Карновичъ замѣтилъ, что въ Петербургѣ дѣло дошло теперь до того, что только лишь дѣвушка возьмется за серьезную книгу, станетъ заниматься переплетнымъ ремесломъ, или сядетъ за прилавокъ въ книжномъ магазинѣ, какъ на нее извѣстные господа и госпожи указываютъ какъ на нигилистку, которая непременно рѣжетъ лагушку и явшается съ студентами.

Г. Карновичъ находитъ, что такое смѣшеніе вадорнаго нигилизма съ честными попытками къ самостоятельному труду, мѣшаетъ вѣрному взгляду на дѣло, и рождаетъ его въ общественномъ мнѣніи. Г. Карновичъ находитъ, что необходимо отличать неумѣстное увлеченіе представительницъ здѣшняго молодого женскаго поколѣнія отъ тѣхъ похвальныхъ стремленій къ труду и самостоятельности, которыя стали проявляться теперь въ средѣ того же поколѣнія.

Все это, какъ умышленное, такъ и легкомысленное смѣшеніе попытокъ къ развитію женскаго труда съ нигилизмомъ, г. Карновичъ приписываетъ тому переходному состоянію, въ которомъ находится современное наше общество. Онъ сравнилъ настоящее его положеніе съ положеніемъ странника, котораго застаютъ разсвѣтъ въ незнакомой ему мѣстности, и онъ не знаетъ куда ему

направиться, до тѣхъ поръ, пока солнечный восходъ не освѣтитъ ему дороги.

Пользуясь этимъ сравненіемъ, г. Карновичъ пожелалъ, «чтобы солнце истиннаго просвѣщенія возшло надъ нашей родиной, и чтобы при этомъ умственномъ разсвѣтѣ женщина воспользовалась тѣми дарами, которыми надѣлила ее природа, и которые люди оспариваютъ у нея. Онъ пожелалъ, чтобы трудъ женщины у насъ возрасталъ и процвѣталъ, а мы мужчины, заключилъ г. Карновичъ, мы, вожди умственныхъ и нравственныхъ силъ народа, преклонимся передъ тѣми женщинами, которыя своимъ честнымъ трудомъ внушатъ намъ еще болѣе уваженія къ личности женщины»...

Несмотря на то, что г. Карновичъ кончилъ второе свое чтеніе, какъ истинный пегиметръ новаго женскаго поколѣнія, мы должны прибавить отъ себя, что онъ сказалъ и много правды. Впрочемъ, мы старались передать чтенія г. Карновича въ возможной полнотѣ, безъ всякихъ, съ нашей стороны, замѣчаній.

О солнечныхъ пятнахъ. — Въ одномъ изъ номеровъ «Journal of Science» помѣщена статья сэра Джона Гершеля «О солнечныхъ пятнахъ» (*). Знаменитый англійскій астрономъ подробно изучилъ литературу этого замѣчательнаго вопроса, и такъ-какъ его мнѣнія заслуживаютъ полнаго вниманія, то мы постараемся представить здѣсь взглядъ Гершеля на то, что было сдѣлано по этому предмету до послѣдняго времени. Солнечныя пятна, прежде нежели Фабрицій, Галилей и Шейнеръ положительно признали ихъ существованіе въ 1611 г., всегда обращали на себя вниманіе. Но только съ 1843 г. астрономы стали вести полный и непрерывный дневникъ всѣмъ ихъ измѣненіямъ, вслѣдствіе открытой г. Швабе періодичности этого явленія. Однакоже и въ прежніе годы было собрано множество интересныхъ извѣстій о величинѣ и формѣ солнечныхъ пятенъ, о ихъ тѣни (umbra), полутѣни (penumbra) и свѣтлыхъ волокнахъ (faculae), которыя окружаютъ ихъ, сопутствуютъ имъ, или отдѣляются отъ нихъ. Солнечныя пятна можно видѣть очень просто. Для этого стоитъ только пропустить свѣтъ въ темную комнату съвозъ маленькое отверстие ставни, и дать проникающимъ въ темноту лучамъ ударить въ листъ бѣлой бумаги. Такой способъ былъ употребленъ въ началѣ XVII вѣка Кеплеромъ, и онъ замѣтилъ два пятна, но принялъ одно изъ нихъ за проходившій будто бы по солнечному диску Меркурій. Въ настоящее время употребляютъ, конечно, для наблюдений оптическіе инструменты. Въ солнечныхъ пятнахъ замѣчаютъ, при помощи телескопа, двѣ весьма различныя степени темноты. Внутренняя или центральная тѣнь, умбра, называется обыкновенно чернымъ пятномъ, хотя она и не такъ темна, какъ тѣнь Венеры и

(*) «On the solar Spots», by Sir John Herschel. Эта статья предупредила позднѣйшія мнѣнія о солнечныхъ пятнахъ, которыя мы сообщили уже отчасти.

Меркурія въ періодъ ихъ прохожденія, или дискъ луны во время солнечныхъ затмѣній. Тѣнь эта не всегда, впрочемъ, окружается другою, слабѣйшей тѣнью, пенумброю, которая обыкновенно шире первой. Иногда совсѣмъ нѣтъ ея, но какъ скоро бываетъ она, то всегда рѣзко отдѣляется отъ центральной, густѣйшей тѣни. Это обстоятельство очень важно въ отношеніи къ физической теоріи пятенъ. Рѣзкое отдѣленіе двухъ тѣней другъ отъ друга совершенно противорѣчить идеѣ сліянія блестящаго гава или жидкости (фотосферы) съ прозрачною, но несвѣтлою атмосферою; напротивъ, оно согласно съ мыслью о соединеніи частей блестящей матеріи въ большія массы, висящія или движущіяся посреди несвѣтлой жидкости, на уровнѣ, *опредѣленномъ ихъ специфической тяжестью*. Чѣмъ бы ни была эта полутѣнь, газомъ, паромъ, жидкостью, или тѣмъ среднимъ вѣществомъ между жидкостью и паромъ, которое показали опыты Каньяра де-ла-Тура, но все же—если принять въ соображеніе чрезвычайно высокую температуру солнечной атмосферы и ея страшное давленіе на внутренній глобусъ солнца (допустивъ, что онъ дѣйствительно существуетъ)—эта пенумбра должна быть слѣдствіемъ самой могучей силы, присущей солнечной природѣ. Это мнѣніе подтверждается лучистыми волокнами полутѣни, направленными всегда къ центру или отъ центра умбры и позволяющими сквозь разсѣлины, раздѣляющія ихъ другъ отъ друга, видѣть темный фонъ пятна, исполосованный ими. Г. Дэвсъ говоритъ, что каждое изъ этихъ волоконъ похоже на растянутые клочья изрубленной соломы, а г. Несмитъ сравниваетъ ихъ съ новыми листьями, беспорядочно, крестъ-на-крестъ валоженными другъ на друга и расположенными радіусами въ пенумбрѣ, изъ которой, по его мнѣнію, состоитъ вся фотосфера. Большая часть наблюдателей, вслѣдъ за Уильямомъ Гершелемъ, признаютъ главную тѣнь отверстіемъ, сквозь которое видно темное тѣло солнечнаго глобуса, а г. Дэвсъ открылъ третью, еще болѣе опредѣляемую тѣнь, называемую *ядромъ* (nucleus) (*). Пенумбра замѣтно отдѣляется отъ блестящей фотосферы, хотя и не такъ рѣзко, какъ отъ ядра. Вся солнечная атмосфера состоитъ повидимому изъ трехъ слоевъ, находящихся между внѣшней, прозрачною атмосферою и центральнымъ тѣломъ солнца. Изъ нихъ два наружные слоя—блестящія, а третій, внутренний, видимъ вѣроятно вслѣдствіе отраженія свѣта. Каждый изъ этихъ трехъ покрововъ способенъ двигаться независимо отъ другихъ слоевъ, повинувся вліянію дѣйствующей на него снизу или сверху силы, производящей въ фотосферѣ отверстія, надъ которыми, какъ скоро прекратится дѣйствіе этой силы, расширяется снова блестящая масса. Впрочемъ, надобно полагать, что даже въ центрахъ этихъ отверстій темнота не дѣйствительная, но только относительная, то-есть что и средина пятенъ свѣтла, но

(*) Въ прежней статьѣ мы назвали *ядромъ* внутренній шаръ или глобусъ солнца. Это не ошибка—можно и такъ сказать. Но здѣсь, для избѣжанія сбивчивости конатій, мы не употребили этого слова въ прежнемъ значеніи.

только свѣтъ этотъ кажется тьмою потому, что онъ не въ состояніи выдержать ни малѣйшаго сравненія съ неизмѣримымъ блескомъ окружающей его фотосферы. Еслибы совершенно потухла она, то солнечныя пятна вѣроятно показались бы намъ свѣтлѣе самаго яркаго огня нашихъ каминовъ. Непонятно, впрочемъ, какимъ образомъ поверхность солнечнаго шара (если только дѣйствительно есть такая опредѣленная поверхность) могла бы не раскалиться добѣла, будучи окружена фотосферою столь высокой температуры. Потому-то удивительно, что шаръ этотъ такъ несвѣтелъ. Не поглощается ли свѣтъ его средою, состоящею изъ металлическихъ паровъ и разлитую между солнечнымъ глобусомъ и пенумброю? Замѣчено, что раскаленные, прозрачныя и безцвѣтные газы или жидкости не испускаютъ свѣта изъ своей внутренней части. Солнечныя пятна имѣютъ чрезвычайно неправильную форму. Впрочемъ, неправильность частей ихъ неодинакова. Nucleus или ядро пятна, болѣе кругло, нежели тѣнь, которая въ свою очередь правильнѣе полутѣни. Последняя бываетъ иногда растянута зигзагами и испещрена пятнышками разной величины, порою принимаетъ она видъ человѣческаго остова, скорпіона и т. д. Большія пятна бываютъ часто раздѣлены на четыре неравныя части мостами, или тремя узкими жилами, которыя блескомъ своимъ превосходятъ иногда фотосферу. Преимущественно же изъ пятенъ составляются группы, окруженныя изогнутыми и чрезвычайно блестящими нитями или волокнами (fasculae). Онѣ лучше видимы близъ краевъ фотосфернаго диска, но никогда не обозначаются ясно на самыхъ краяхъ его, гдѣ поглощеніе солнечной атмосферы такъ сильно, что—по словамъ г. Шагорнака—свѣтъ ея становится почти вдвое слабѣе. Потому-то и не должно смѣшивать этихъ волоконъ съ каплями красноватаго пламени, которыя, въ видѣ вѣнца или ореола, являются вѣкругъ чернаго диска луны при полномъ затмѣніи солнца. Слѣдя за солнечными пятнами постоянно, день за день, наблюдатель замѣчаетъ большія перемѣны въ ихъ формѣ, величинѣ и относительномъ положеніи другъ къ другу. Они какъ-бы описываютъ круговую линію, повинаясь общему движенію, что зависитъ, конечно, отъ обращенія солнца вѣкругъ своей оси постоянно въ одномъ и томъ же направленіи. Немногія, и то преимущественно большія пятна, или группы ихъ остаются посреди фотосферы долѣе двухъ послѣдовательныхъ оборотовъ солнца. По три и по четыре раза возвращаются они очень рѣдко. Впрочемъ, г. Швабе видѣлъ въ 1840 г. восемь разъ одно и то же пятно, сдѣлавшее семь полныхъ оборотовъ въ промежутокъ времени отъ 11 мая до 16 ноября. Отдѣльныя пятна и маленькія группы ихъ такъ измѣняются въ нѣсколько дней, что трудно бываетъ узнать ихъ. Многія являются и пропадаютъ въ продолженіе одного оборота. Зараждающееся пятно походить на тѣ поры или крапинки, которыми испещрена поверхность фотосферы. Начиная расширяться, оно пріобрѣтаетъ темноту умбры, и форма его становится очень неправильна. Пенумбра является только въ то время, когда пятно сдѣлается довольно уже вели-

во. Это обстоятельство сильно говорить въ пользу происхожденія пятенъ отъ вліянія силы, дѣйствующей снизу вверхъ, или изнутри наружу. Исчезая, пятна дробятся, умбра уменьшается въ объемъ и заволакивается пенумброю, которая въ свою очередь суживается и исчезаетъ. Исчезновеніе пятна совершится обыкновенно съ большей послѣдовательностью, нежели его образованіе. Формы и взаимныя положенія большихъ пятенъ или группъ очень измѣняются въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, и перемѣны эти съ каждымъ днемъ становятся замѣтнѣе. Профессоръ Вольфъ наблюдалъ 10-го марта 1861 г. пятно, которое въ теченіе 1 часа и 17 минутъ приняло совершенно другой, новый видъ. Если мы вспомнимъ, что одна секунда, то-есть $\frac{1}{3,600}$ градуса солнечной поверхности соответствуетъ 460 милямъ, а квадратная секунда (почти minimum видимаго съ земли пространства) больше 20,000 кв. миль, то нетрудно понять, что подобныя измѣненія пятенъ должны сопровождаться такими быстрыми движеніемъ, о скорости котораго не могутъ дать ни малѣйшаго понятія самые бѣшеные ураганы. Потому-то эпитетъ «тягучая», употребляемый иногда для означенія жидкости, въ средѣ которой движется фотосфера, менѣе всего идетъ къ ней. Дэвсъ и Байртъ замѣтили, что полутѣнь порою вращается вокругъ центра пятенъ. Еще старинные астрономы, производившіе наблюденія надъ солнечными пятнами, говорили, что въ полярныхъ пространствахъ фотосферы никогда не бываетъ ихъ, и уже г. Шейнеръ объявилъ, что они появляются на 30 или 35 градусахъ широты по обѣимъ сторонамъ солнечнаго экватора. Это несовсѣмъ вѣрно—пятна показываются значительно ближе къ полюсамъ и къ экватору; но чаще всего образуются они на двухъ параллельныхъ кругахъ, отстоящихъ отъ экватора на 28 гр. Однакожь, ни на одномъ изъ солнечныхъ меридіановъ не появляются они исключительно или даже преимущественно. Солнце не всегда бываетъ покрыто пятнами одинаково. Проходятъ иногда мѣсяцы, даже годы, а на немъ невидно ни одного пятна. Въ другое же время въ продолженіе мѣсяцевъ и дѣльныхъ лѣтъ оно бываетъ постоянно испещрено ими. Профессоръ астрономіи въ Цюрихѣ г. Вольфъ составилъ чрезвычайно замѣчательную таблицу эпохъ *уменьшенія* солнечной дѣятельности, которое обнаружилось недостаткомъ пятенъ, означивъ *интервалы* или число лѣтъ, отдѣлявшее эти эпохи другъ отъ друга.

Minima.	Интервалы. Годы.	Minima.	Интервалы. Годы.
1610.8	8.2	1733.5	11.5
1619.0	15.0	1745.0	10.7
1634.0	11.0	1755.7	10.8
1645.0	10.0	1766.5	9.3
1655.0	11.0	1775.8	9.0
1666.0	12.5	1784.8	13.7
1679.5		1798.5	

Minima.	Интервалы. Годы.	Minima.	Интервалы. Годы.
1689.5	10.0		12.0
1698.0	8.5	1810.5	12.7
1712.0	14.0	1823.2	10.2
1723.0	11.0	1833.8	10.0
1733.5	10.5	1844.0	12.2
		1856.2	

Вообще периоды, отдѣляющіе другъ отъ друга самыя крайнія уменьшенія солнечныхъ пятенъ, полагаются среднимъ числомъ въ 11.11 лѣтъ. Посреди каждаго изъ этихъ периодовъ, раздѣленныхъ на двѣ неравныя части: 4.77 г. и 6.34 лѣтъ, солнечныя пятна являютъся въ наибольшемъ количествѣ. Что же касается обилія и недостатка ихъ въ продолженіе годичнаго срока, то вообще они формируются отъ сентября до января въ большемъ числѣ, сравнительно съ другими мѣсяцами.

Замѣчено также, что характеръ уклоненій магнитной стрѣлки и сила сѣверныхъ сияній имѣютъ тѣсную связь съ одиннадцатилѣтними интервалами солнечныхъ пятенъ. Когда профессоръ Фирнлей сообщилъ сдѣланныя имъ наблюденія надъ очень замѣчательнымъ пятномъ, которое, появляясь три раза, совершало свой круговой путь въ 25—26 дней, то эта неравномѣрность его появленій заставила предположить независимое отъ оборотовъ солнечнаго шара вокругъ своей оси, собственное движеніе пятенъ вмѣстѣ съ окружающею ихъ атмосферой. Дальнѣйшія наблюденія повели къ открытію законовъ ея теченій. Около того же времени явился гипотеза о происхожденіи пятенъ вслѣдствіе правильныхъ солнечныхъ вѣтровъ, которые, будучи тождественны съ нашими пассатными вѣтрами, происходятъ отъ различной степени выдѣленія тепла въ экваторіальномъ и полярныхъ пространствахъ, отчего, слѣдовательно, и должна быть различная температура въ солнечной фотосферѣ. Гипотеза эта основана на распространеніи пятенъ въ двухъ тропическихъ кругахъ, посреди которыхъ лежитъ лишенный пятенъ экваторіальный поясъ. Г. Каррингтонъ замѣтилъ, что за 20° сѣверной и южной широты съ 1856 г. не являлось пятенъ, тогда какъ въ ближайшемъ разстояніи отъ экватора все больше и больше формировались они. Такъ продолжалось до окончанія періода ихъ уменьшенія. Вслѣдъ затѣмъ произошла внезапная и рѣшительная перемѣна. Пятна исчезли съ круговъ, близкихъ къ экватору, и появились за широтою выше 20 градусовъ. Этотъ фактъ, дополненный дальнѣйшими наблюденіями, заставилъ предположить, что періоды обращенія фотосферы удлиняются вмѣстѣ съ широтами, что вокругъ экватора движется она быстрѣе, нежели около полюсовъ, и что разность эта не менѣе 5.89 дней. Сэръ Джонъ Гершель полагаетъ, что если внутренній шаръ солнца, о движеніи котораго ничего неизвѣстно, совершаетъ полный оборотъ около своей оси въ кратчайшій изъ двухъ периодовъ, именно въ 24.97 дня, то солнечный экваторъ и окружающая

его фотосфера должны находиться въ повоѣ относительно другъ друга. Въѣствѣ съ увеличеніемъ широты, фотосфера, обращаясь все медленнѣй и медленнѣй, должна все больше и больше отставать отъ поверхности солнечнаго тѣла. Вслѣдствіе этого должно произойти атмосферное теченіе, въ родѣ нашего восточнаго вѣтра, и быстрота его на солнечной широтѣ 52°49, то-есть тамъ, гдѣ перестаютъ формироваться пятна, будетъ равна 357 милямъ въ часъ. Такое же взаимное отношеніе находится между землею и обружающей ее атмосферой. Воздухъ покоенъ на экваторѣ, но по мѣрѣ удаленія отъ него начинаютъ усиливаться сѣверо-восточные и юго-восточные вѣтры, не достигая конечно 53° широты. Вѣроятно полярныя теченія фотосферы, направленные къ солнечному экватору, совершаются въ ея нижнемъ слою, составляя полугнѣбныя пятны. Самыя же пятна суть тѣ мѣста, гдѣ останавливаются нижніе притоки и приходятъ въ вихреобразное состояніе. Поэтому температура экваторіальной атмосферы должна быть, кажется, ниже полярной, вслѣдствіе большаго выдѣленія изъ нея тепла. Еслиже внутренній шаръ солнца совершаетъ свой полный оборотъ въ болѣе медленный изъ двухъ періодовъ, именно въ 30,86 дней, въ такомъ случаѣ фотосфера должна вообще вращаться быстрѣй его, а потому на всей поверхности солнечнаго глобуса долженъ преобладать постоянно западный вѣтеръ, усиливающийся отъ 10 при полюсахъ до 880 миль въ часъ на экваторѣ (*): Эту страшную быстроту внѣшней матеріи, какова бы ни была ея плотность, можно принять, на основаніи теоріи тренія, за *vis viva*, живую силу солнечнаго жара. Но, конечно, причина эта неполнѣй объясняетъ слѣдствіе, и происхожденіе солнечнаго жара все-таки остается для науки загадкою.

О СКОРОСТИ СВѢТА. — Въ «Annuaire du Bureau des Longitudes» 1865 г. помѣщена статья г. Делоне «О скорости свѣта». Она ючень замѣчательна по своему отношенію къ современной астрономіи. Ученый авторъ обратилъ вниманіе на слѣдующія стороны этого вопроса: опредѣленіе быстроты свѣта Рёмеромъ, подтвержденіе взгляда Рёмера открытіемъ абераціи Брадлея. Экспериментальный проектъ быстроты свѣта, предложенный Араго, измѣреніе скорости Физо, реализація проекта Араго посредствомъ опытовъ Фуко, Физо и Бреге, измѣреніе скорости Фуко, и статьи, написанныя имъ по этому предмету. Авторъ указываетъ на причины ошибки въ двухъ мето-

---

(*) Въ обомъ случаяхъ говорится, конечно, о географическихъ миляхъ. Въ каждой изъ нихъ по 7 верстѣ. Слѣдовательно, разность въ быстротѣ между движеніями поверхности солнечнаго шара и окружающей его фотосферы, которыя вертятся вокругъ своей оси въ одномъ направленіи, но не съ одинакой скоростью, должна равняться въ первомъ случаѣ 2,499 верстамъ въ часъ, или 847 саженамъ въ секунду, а во второмъ — 6,160 верстамъ въ часъ, или 855 саженамъ въ секунду. Пушечное ядро пролетаетъ въ секунду 357 сажень — сравните.

дахъ, предложенныхъ гг. Фуко и Физо для опредѣленія скорости свѣта, надѣясь, что г. Фуко дополнитъ свое сочиненіе, изучивъ вліяніе причинъ этой ошибки, и произведетъ болѣе вѣрные измѣренія. Онъ полагаетъ, что этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ соединеніемъ обоихъ методовъ, взаимно контролирующихся другъ друга. Замѣтимъ, что по вычисленіямъ Рёмера свѣтъ проходитъ 280,000 верстъ въ секунду. Опыты же Физо доказываютъ, что скорость свѣта равняется 289,824 верстамъ въ ту же единицу времени. Отъ солнца до земли достигаетъ свѣтъ въ 8 минутъ 13 секундъ.

СМЕРТЬ МАК-ЛИ. — Близъ Сиднея, въ Новомъ-Южномъ-Валлисѣ, умеръ 25-го января весьма замѣчательный натуралистъ Уильямъ Шарпъ Мак-Ли (M'Leay). Его сочиненія произвели, 40 лѣтъ назадъ тому, совершенный переворотъ въ мнѣніи зоологовъ. Онъ первый указалъ на близкое сходство между животными, основанное на ихъ сродствѣ, и назвалъ сходные признаки *аналогіями*. Сознавши невозможность провести родственную связь по прямой линіи, онъ усвоилъ круговую систему, которую развилъ съ удивительнымъ искусствомъ въ «*Nogae Entomologicae*» и дополнилъ многими статьями, помѣщенными въ «*Transactions of the Linnean Society*» и въ «*Zoological Journal*». Система его была принята знаменитыми натуралистами, какъ напримѣръ, г. Вигорсомъ въ орнитологіи, докторомъ Горсфилдомъ въ чешуекрылыхъ, и особенно г. Свенсономъ. Старааясь способствовать уничтоженію торговли невольниками, г. Мак-Ли переселился на островъ Кубу и посвятилъ нѣсколько лѣтъ на этотъ благородный трудъ. Тамъ составилъ онъ большую коллекцію насѣкомыхъ, которую перевезъ потомъ въ Австралію. Хотя въ послѣдніе годы онъ ничего не печаталъ, но заготовилъ много матеріаловъ для посмертнаго изданія, особенно объ австралійскихъ насѣкомыхъ.

— Въ «*Courcier des Sciences*» помѣщено нѣсколько извѣстій о животныхъ, которыя находятся въ парижскомъ зоологическомъ саду. Несмотря на крупъ, главную болѣзнь змѣй, черныя тритонидефалъ, приобретенный въ 1842 г., все еще живъ. Три большія лягушки, на которыхъ любятъ тамъ обращать вниманіе посѣтителей, и рѣчная черепаха продолжаютъ пользоваться удовлетворительнымъ здоровьемъ слишкомъ восемь лѣтъ. Нѣсколько пнеоновъ, имѣвшихъ, 4 года назадъ, когда вылупились они изъ яицъ, не больше 12 вершковъ длины, вытянулись теперь отъ 3 до 5 аршинъ. Южно-американскій крокодилъ, бывшій въ 1857 г. короче полуаршина, сталъ теперь слишкомъ вчетверо больше.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ МАДАГАСКАРА. — Книга г. Мак-Леода «Мадагаскаръ и его жители», содержаніе которой будетъ разсказано подъ рубрикою «Иностранная литература», имѣя чисто-историческій характеръ, не даетъ ни малѣйшаго понятія о физической природѣ этого острова. Потому-то мы считаемъ

нелишнимъ пополнить отчасти этотъ недостатокъ статью г. Слэтера: «Млекопитающіи Мадагаскара». Она помѣщена въ «Journal of Science» и очень замѣчательна въ теоретическомъ отношеніи. Авторъ ея, секретарь лондонскаго зоологическаго общества, говоритъ, что страны, ближайшія другъ къ другу, имѣютъ, по флорѣ и фаунѣ, несравненно болѣе сходства между собою, нежели земли, раздѣленныя большимъ пространствомъ. По отношенію къ зоологіи, земной шаръ раздѣляется на шесть частей: 1) Неотропическую, къ которой принадлежатъ Южная Америка, Мексика и Вест-Индіа, 2) Неоарктическую — остальная Америка, 3) Палеарктическую — Европа, сѣверная Африка и сѣверная Азія, 4) Эѳіопскую — остальная Африка, Аравія и Мадагаскаръ, 5) Индійскую — южная Азія и западная половина Малайскаго архипелага и 6) Австралійскую — восточная часть Малайскаго архипелага, Австралія и острова Тихаго океана. Мадагаскаръ, отнесенный къ эѳіопской части, отдѣленъ отъ юго-восточной Африки проливомъ, который мѣстами нешире 200 миль, и притомъ въ этихъ промежуткахъ находится много небольшихъ острововъ. Казалось бы, что на немъ должна быть распространена фауна чисто-африканскаго типа, однако же на дѣлѣ совсѣмъ не такъ выходитъ. Хоботныхъ, жвачущихъ и толстокожихъ, которыми такъ богата эѳіопская фауна, совсѣмъ нѣтъ на Мадагаскарѣ. Большихъ плотоядныхъ также не водится на этомъ островѣ, тогда какъ Африка изобилуетъ ими. Наконецъ тамъ не существуетъ и тѣхъ высоко-организованныхъ четверорукихъ, которыми населены африканскіе лѣса. Ихъ замѣняютъ на Мадагаскарѣ лемуры, сравнительно низшее семейство обезьянъ. По изслѣдованіямъ натуралистовъ Поллена, Сганзена, Бернье, Гудо, Русо и Петерса, тамъ живетъ только 49 видовъ млекопитающихъ, и почти три-пятыхъ этого числа составляетъ семейство лемуровъ. Подобнаго факта нѣтъ ни въ одной изъ другихъ странъ. Сверхъ того изъ 28 видовъ этихъ животныхъ, только 12 находятся въ Африкѣ и не болѣе 3 въ Индіи. Мадагаскарскіе лемуры, которыхъ нѣтъ въ двухъ помянутыхъ странахъ, отличаются тѣмъ, что у нихъ по пяти коренныхъ зубовъ съ каждой стороны, и вмѣсто четырехъ, только два передніе зуба въ нижней челюсти. За ними слѣдуетъ извѣстный Ай-Ай, котораго Овенъ относитъ къ порядку лемуровъ. Летучихъ мышей или рукокрылыхъ на Мадагаскарѣ только пять видовъ, и два изъ нихъ, плодоѣды, принадлежатъ не къ африканскому, но къ индійскому отдѣлу этой группы, а три, насѣкомоѣды, не представляютъ близкаго сродства съ рукокрылыми другихъ странъ. Наконецъ докторъ Петерсъ доказалъ, что мадагаскарскіе ежи имѣютъ самое близкое отношеніе къ роду *Solenodon*, который существуетъ только въ Вест-Индіи. Ссылаясь на эти факты, на отсутствіе собачьихъ и кошачьихъ семействъ, также антилопъ, буйволовъ, жирафовъ, зебръ, носороговъ, гипопотамовъ, и на родовое единство между мадагаскарскими и американскими змѣями и насѣкомыми, г. Слэтеръ приходитъ къ заключенію, что африканскій материкъ нахо-

дился подь водою въ то время, когда Ост-Индія была соединена съ восточной Америкою цѣпью острововъ, одна часть которыхъ вошла потомъ въ составъ теперешняго континента Африки, а другая слилась съ южной Азіею, и что Мадагаскаръ и Маскаренскіе острова представляютъ древнѣйшія звенья этой длинной цѣпи, пощаженныя міровыми геологическими переворотами.

— Во Франціи назначена премія въ 5,000 фр. за изобрѣтеніе лучшаго аэростата. Французы хотятъ замѣнить шаръ воздухоплавательной машиною, тогда какъ англичане продолжаютъ придерживаться шара.

— Въ Лондонѣ будетъ скоро изданъ г-мъ Вамбери «Джагатай», или восточно-туркскій лексиконъ, подь редакціею азіятскаго общества. Въ него войдутъ нарѣчія племенъ, обитающихъ за восточной границею турецкой имперіи: туркменовъ, бухарцевъ, хивинцевъ и кокандцевъ. Основательное знаніе этихъ языковъ дастъ возможность европейскимъ ориенталистамъ разсѣять туманъ, покрывающій исторію этихъ націй, которыя играли нѣкогда столь важную роль въ судьбахъ человѣчества.

— Прусскій артиллеристъ капитанъ Шульце, получилъ привилегію на изобрѣтенный имъ порохъ. Онъ состоитъ преимущественно изъ дерева, искошеннаго чрезвычайно мелко и лишенаго всѣхъ составныхъ частей своихъ, за исключеніемъ клѣточекъ, насыщенныхъ химическимъ составомъ. Утверждаютъ, что сила этого пороха равняется силѣ пушечнаго хлопка, не имѣя однако же невыгодныхъ его качествъ.

Раздѣленія христіанства. — Г. Ффульксъ издалъ книгу подь заглавіемъ «Раздѣленія христіанства» (*). Онъ говоритъ въ предисловіи: «На основаніи греческой теоріи, таинство брещенія только тогда дѣйствительно, когда совершаютъ его по обрядамъ греческой церкви. Въ такомъ случаѣ католики и протестанты не могутъ даже называться христіанами». Эти слова удивили «Athenaeum». Онъ ссылается на «Замѣчанія и вопросы» г. Дентона, гдѣ сказано, что одинъ англійскій пасторъ, усомнившійся въ непогрѣшительности обрядовъ своей церкви, отнесся къ русскому святѣйшему синоду съ просьбою совершить надъ нимъ таинство крещенія. Синодъ отвѣчалъ, что онъ не сомнѣвается въ дѣйствительности его крещенія, а потому и не можетъ переверстать его. Таковъ же былъ отвѣтъ и московскаго митрополита. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, англійскій пасторъ посѣтилъ Сербію. Тамашній митрополитъ, признавая его духовнымъ лицомъ, ввелъ съ собою въ алтарь, прощаясь, благословилъ его, какъ священника, и потомъ адресовалъ ему письма, какъ къ священнику. Другіе православные епископы поступили съ нимъ такъ же. Перепечатать этотъ разсказъ г. Дентона, «Athenaeum» требуетъ, чтобы

(*) Christendom's Divisions.

г. Ффульбъ объявилъ, почему думаетъ онъ, что православная церковь отвергаетъ дѣйствительность англійскаго крещенія и не признаетъ будто бы духовной іерархіи англиканской церкви. Еслибы сотрудникъ «Atheneum'a» зналъ положительно, что православная церковь, принимая въ нѣдра свои христіанъ другихъ вѣроисповѣданій, никогда не перекрещиваетъ ихъ, онъ опровергъ бы неправильное мнѣніе г. Ффульбса, не требуя отъ него никакихъ доказательствъ.

Экспедиція къ сѣверному полюсу. — Мы говорили уже, что въ одномъ изъ сѣзданій лондонскаго географическаго общества было прочтено письмо г. Петермана къ сэру Мурчисону по поводу предстоящей экспедиціи къ сѣверному полюсу. Г. Петерманъ старается доказать, что полярное море въ высшихъ градусахъ широты не замерзаетъ, и что вѣрнѣйшій путь къ полюсу лежитъ мимо Шпицбергена. Это письмо было потомъ причиною диспута между членами географическаго общества, который замѣчательнѣе особенно тѣмъ, что въ немъ принимали участіе опытные, практическіе люди, побывавшіе въ полярныхъ странахъ во время прежнихъ экспедицій. Адмиралъ сэръ Джорджъ Бакъ сказалъ, что хотя между Новой-Землею и Шпицбергеномъ существуетъ, можетъ быть, морское теченіе, направленное къ сѣверу, что Шпицбергенъ, отстоя отъ Англій на 1,200 миль, доступенъ съ равнаго лѣта до поздней осени, что на немъ есть удобныя гавани, водятся олени, зайцы и множество птицъ—однакоже при всемъ этомъ нельзя сказать заранѣе, какъ далеко на сѣверъ можетъ проникнуть пароходъ этой дорогою. Въ 1818 г. онъ сопутствовалъ Франклину и Бичею во время первой полярной экспедиціи XIX вѣка, и несмотря на самыя энергическія усилія, они не могли пробраться далѣе 80° 30'. Тамъ плавали льдины, имѣвшія по пяти миль въ діаметрѣ и толщиною въ шесть сажень, выходя изъ воды не болѣе, какъ на два вершка. Три мѣсяца хлопотали они о томъ, чтобы пробиться съвозъ этотъ ледъ, но не могли ничего сдѣлать. Наконецъ, у береговъ Гренландіи ихъ встрѣтила сплошная масса льда и принудила возвратиться въ Англію. Г. Бакъ объявилъ, что онъ рѣшительно противъ направленія экспедиціи съ западной стороны Шпицбергена и высказалъ мнѣніе въ пользу пути Смитовымъ проливомъ. Адмиралъ сэръ Эдуардъ Бельчеръ не согласился съ нимъ. По его мнѣнію, ошибка помянутой экспедиціи заключалась въ томъ, что англичане держались слишкомъ близко Гренландіи. Онъ усомнился въ успѣхѣ предпріятія, если будутъ предпочтены Девисовъ и Смитовъ проливы. Что же касается санный системы, входящей въ проектъ г. Осборна, то очень сомнительно, будетъ ли она пригодна. Если на полозья поставятся лодки, способныя въ случаѣ надобности къ плаванію въ открытой водѣ, то надобно припомнить слова Джемса Росса, что ихъ почти невозможно вытащить изъ снѣгу, если онъ завязнуть въ немъ. Сэръ Бельчеръ встрѣтилъ барона Врангеля въ Петропавловскѣ, въ 1826 г., во время поѣздки на саняхъ, запрещен-

ныхъ собаками, и его простое замѣчаніе: «Что пришлось бы намъ дѣлать при встрѣчѣ съ открытымъ моремъ?» имѣетъ общее значеніе для всѣхъ санныхъ проектовъ. Еслиже корабли пойдутъ къ Шпицбергену, то, при неудачѣ, они могутъ вернуться и приготовиться къ новой экспедиціи въ этотъ же годъ, какъ сдѣлалъ это Россъ; въ случаѣ же успѣха, имъ можно будетъ достигъ полюса и возвратиться въ Англію въ полтора мѣсяца. Адмиралъ Коллинсонъ сказалъ, что вопросъ объ открытомъ полярномъ морѣ былъ поднятъ замѣчательной экспедиціею барона Врангеля съ азіятскаго берега и подтвержденъ впоследствии другими изысканіями. Но море ли это?—вотъ вопросъ. Можетъ быть, это—просто широкіа полыннѣ. Въ Гэтсгидскомъ зундѣ сани г. Коллинсона увязли, и онъ принужденъ былъ вернуться, убѣдясь, что открытаго моря нигдѣ невидно. Зимой, въ періодъ своего образованія, ледъ занимаетъ больше пространства, нежели впоследствии, когда уже сформировался онъ. Потому-то, продолжая въ зимнюю пору идти отъ полюсовъ, онъ не оставляетъ за собою открытаго моря. Г. Коллинсонъ напомнилъ, что хотя Россу удалось пробиться сквозь ледъ и достигнуть Шпицбергена, но на 78° широты онъ все-таки встрѣтилъ ледную стѣну. Основываясь на этихъ данныхъ, ораторъ отдалъ преимущество дорогѣ по Смитову проливу. Адмиралъ Омманней, напротивъ, вполне соглашался съ проектомъ г. Петермана, совѣтуя сдѣлать Шпицбергенъ операціоннымъ базисомъ экспедиціи. Не проходитъ года, сказалъ онъ, чтобы не погибло хотя одного изъ китоловныхъ судовъ, которыя пытаются пройти въ Смитовъ зундъ Девисовымъ проливомъ. Притомъ же, по отношенію къ ученымъ результатамъ, путешествіе на саняхъ не можетъ выдержать сравненія съ корабельной экспедиціею. Шведское правительство организовало учебную семью для съемки плановъ съ Шпицбергена, и говорить, что эти изслѣдователи готовятся при первомъ случаѣ предпринять поѣздку къ полюсу. Англія не должна никому уступать въ этомъ дѣлѣ первенства. Адмиралъ Фипрей объявилъ, что онъ со времени Парри, Сабейна и другихъ мореплавателей, постоянно, въ продолженіе сорока лѣтъ, слѣдилъ за этимъ дѣломъ и убѣдился, что къ полюсу стремятся преимущественно сѣверо-западнымъ путемъ, оставляя безъ вниманія то, что было сдѣлано прежде голландскими, англійскими и русскими мореходцами, которые въ теченіе трехъ предшествовавшихъ столѣтій избирали восточный путь и очень близко къ полюсу. Баррингтонъ и Бьюфой сообщили въ 1818 году весьма правдоподобныя извѣстія о голландскихъ морякахъ, которые такъ далеко углублялись на сѣверъ, что находились въ двухъ или трехъ градусахъ отъ полюса. Тамъ нашли они открытое море, сравнительно теплой температуры. Былъ даже случай, что голландскій корабль прошелъ два градуса за полюсъ. Г. Фипрой сказалъ наконецъ, что предпочелъ бы путь на Шпицбергенъ. Капитанъ Мори защищалъ, напротивъ, дорогу Смитовымъ проливомъ и указывалъ на выгоды саннаго путешествія. Ему возражалъ капитанъ Ричардсъ. Допустивъ, что г. Осборну удалось бы доѣхать на са-

нихъ до полюса, онъ спросилъ: какую же пользу принесло бы такое путешествіе? Достигли бы сѣвернаго полюса, потомъ воротились бы—вотъ и все. На саняхъ можно дѣлать миль по семи въ день, и сѣдя въ нихъ, видѣть небольшое пространство по сторонамъ дороги. Корабль же можетъ плыть по 100 миль въ сутки, можетъ принимать разныя направленія, необходимыя для полнѣйшаго изслѣдованія этой обширной мѣстности, и сверхъ того на немъ могутъ находиться ученые люди со всѣми вспомогательными средствами, которыхъ потребуютъ ихъ специальныя занятія. Онъ полагалъ, что въ настоящее время ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не пойдетъ къ сѣверному полюсу Бафиновымъ заливомъ, или Смитовымъ заливомъ, потому что къ нему одна дорога—открытое море между Гренландіею и Шпицбергеномъ. Еслибы ему ввѣрили начальство надъ полярной экспедиціею хоть завтра же—онъ пошелъ бы рѣшительно отъ Шпицбергена.

Лондонскій оперный сезонъ. — Лондонскій оперный сезонъ открылся «Фаустомъ», 30-го марта, въ Ковен-Гарденѣ. Заимчивательно, что произведеніемъ того же композитора, г. Гуно, заключилась тамъ — какъ мы говорили уже — комическая опера. Особенно удачно были исполнены роли Маргариты, Зибеля и Фауста. Въ первой дебютировала совершенно неизвѣстная англичанамъ, даже по имени, г-жа Берини. Говорятъ, она была ангажирована вслѣдствіе фурора, произведеннаго ею въ Парижѣ, когда давали тамъ «Волшебную Флейту» Моцарта. Голосъ ея не совсѣмъ свѣжъ, но довольно приятенъ, силенъ и хорошо выработанъ. Ее приняли очень благосклонно. Особенно же понравилась англичанамъ г-жа Оноре, меццо-сопрано, въ роли Зибеля. На афишѣ было напечатано, что она перенеслась въ Лондонъ со сцены московскаго театра «from the Imperial Opera at Moscow». Чрезвычайно мѣткій, симпатичный голосъ и благородная игра г-жи Оноре произвели на публику очень приятное впечатлѣніе. Этотъ талантъ считаютъ «пріобрѣтеніемъ». Маріо былъ неожиданно хорошъ. Во время сцены въ саду, гдѣ пѣлъ онъ съ глубокимъ чувствомъ, лились тѣ страстные, трепетные звуки, которые и двадцать лѣтъ назадъ тому едва-ли дѣйствовали сильнѣе на нервы слушателей. Казалось, эти длинныя годы промчались надъ Маріо, не коснувшись механическихъ средствъ его таланта. Къ несчастію, приятное заблужденіе было непродолжительно. Черезъ двѣ недѣли давали въ Геймаркетѣ «Пророка», и тутъ-то обнаружилось, какъ разрушительно подѣйствовало время на этотъ нѣкогда чудный голосъ. Извѣстно, что Мейерберъ считаетъ пѣвцовъ инструментами, въ родѣ кларнетовъ и тромбоновъ. Онъ требуетъ всѣхъ силъ голоса, онъ нисколько не щадитъ его. Потому-то со стороны г-на Маріо было непростительно взятъ за дѣло самоуничтоженія. Природа лишила его той магической силы, которою прежде владѣлъ онъ. Въ его голосѣ нѣтъ прежней силы, необходимой для этой роли. Маріо чувствуетъ, безъ сомнѣнія, свою слабость, онъ убѣж-

день въ неуспѣхѣ, знаетъ, что дѣйствительное впечатлѣніе сильнѣй воспоминаній — и не жалѣетъ разрушать ихъ. Этотъ недостатокъ сожалѣнія къ самому себѣ — не говоря уже о слушателяхъ — тѣмъ болѣе непростителенъ, что Маріо можетъ еще пѣть почти такъ же хорошо, какъ пѣвалъ въ былое время, но не въ тѣхъ операхъ, гдѣ композиторъ слишкомъ рассчитывалъ на силу голоса. Мы знаемъ, какъ снисходительны англичане къ талантамъ, которые дарили имъ свѣтлыя минуты въ жизни, давая уразумѣть высокое значеніе искусства. Они апплодировали Гризи послѣ того, какъ въ Мадридѣ забросали ее гнилыми апельсинами. Но нельзя же утаить правды — и она высказана англійскими журналами. Маріо былъ очень слабъ вездѣ, гдѣ требовался сильный голосъ. Это было не пѣніе, но какая-то странная борьба съ природою. И сколько разъ ни возобновлялась она — Маріо изнемогалъ и падалъ.

— Г. Іоакимъ въ Парижѣ. Онъ выбралъ для своего дебюта во Франціи скрипичный концертъ Бетговена. Поступокъ чрезвычайно смѣлый. Онъ доказываетъ полную увѣренность артиста въ самомъ себѣ, въ своемъ искусствѣ передать строгое, серьезное созданіе великаго композитора и увлечь имъ слушателей. Эта смѣлость была награждена полнымъ успѣхомъ. Рукоплесканіямъ конца не было. Г. Іоакима вызвали два раза. Онъ игралъ въ залѣ консерваторіи, и она была наполнена слушателями до-нельзя. Оркестръ исполнилъ свое дѣло превосходно. Но говорить о немъ, особенно о его духовомъ элементѣ — значило бы предполагать въ читателяхъ совершенное незнаніе одной изъ примѣчательнѣйшихъ принадлежностей Парижа. Нельзя похвалить только излишней пылкости французовъ. Они апплодируютъ во время блестящихъ пассажей, и этимъ неумѣстнымъ хлопаньемъ заглушаютъ музыку. Когда игралъ г. Іоакимъ, слушатели не сдерживали своихъ восторговъ, и потому нѣсколько лучшихъ тактъ бетговенскаго концерта пропало для нихъ совершенно.

НОВЫЕ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время появились въ печати слѣдующія сочиненія:

DER GEBIRGSBAU DER ALPEN, von *E. Desor*. 1865. (Горное строеніе Альпъ, *Э. Дезора*).

DAS JUDENTHUM und seine Geschichte, von *Dr. A. E. Geiger*. 1864. (Иудейство и его исторія, *А. Э. Гейгера*).

MONOGRAPHIE der Molluskengattung *Venus* Linné, von *Dr. Ed. Römer*. 1864. (Монографія рода моллюсковъ *Venus* Linné, *Э. Рёмера*).

DIE RÖMISCHE VILLA zu Nennig, von *Wilnowsky*. 1864. (Римская вилла въ Неннигѣ, *Вильмовскаго*).

DAS SPARKASSENWESEN in Deutschland. 1864. (Сохраниныя казны въ Германіи).

DIE THEORIE des Bewusstseyns, von *Stägmann*. 1864. (Теорія сознанія въ абсолютномъ субъектѣ, *Стегмана*).

UNTERSUCHUNGEN über die Feldzüge des Hannibal in Italien, von *Pr. Dr. I. Rospat*. 1864. (Походы Ганябала въ Италиі, *І. Роспатта*).

DIE VÖGEL DEUTSCHLANDS und ihre Eier. Neue billige Ausgabe. Von *Grässner*. 1865. (Германскія птицы и ихъ яйца, *Гресснера*).

DAS WESEN DER WÄRME, von *Dr. P. Reis*. 1864. (Сущность тепла, *П. Рейса*).

BEATRICE, by *Julia Kavanagh*. 1865. (Беатрица, романъ *Ю. Каванагъ*).

A DREAM of Idleness and other Poems, by *W. Cosmo Monkhouse*. 1865. (Мечта праздности и другія поэмы, *В. Монкхюза*).

KING JOHN OF ENGLAND: a History and Vindication, based on the Original Authorities, by *W. Chadwick*. 1865. (Англійскій король Іоаннъ: исторія и защита, *В. Чэдвика*).

MILES BULLER: a Novel. 1865. (Мильсъ Боллеръ, романъ).

MISS MASKENSIE, by *Anthony Trollope*. 1865. (Миссъ Макензи, *А. Троллопа*).

REPORT on the Birds of Palestine, by *H. B. Tristram*. 1865. (О палестинскихъ птицахъ, *Д. Б. Тристрама*).

WALKS and TALKS about London, by *John Timbs*. 1865. (Прогулки по Лондону и рассказы о немъ, *Дж. Теймбса*).

LA NATURE HUMAINE, essais de physiologie appliquée, par *Nourisson*. (Человѣческая природа, опыты прикладной физиологій, соч. *Нуриссона*). Paris. 1865.

LES FONDATEURS de l'astronomie moderne, par *J. Bertrand*, membre de l'Institut. (Освователи современной астрономіи, соч. *Ж. Бертрана*). Paris. 1865.

HISTOIRE de la caricature antique, par *Champfleury*. (Исторія древней шарикатуры, соч. *Шамфлёрю*). Paris. 1865.

LA LIBERTÉ DU TRAVAIL, l'Association et la Démocratie, par *H. Baudrillard*, membre de l'Institut. (Свобода труда, ассоціація и демократія, соч. *Г. Бодрильяра*). Paris. 1865.

ÉTUDES ET PORTRAITS, par *Cuvillier-Fleury*. (Очерки и портреты, соч. *Кювилль-Флёрю*). Paris. 1865.

MONUMENT ET LE CORAN, précédé d'une introduction sur les devoirs mutuels de la philosophie de la religion, par *J. Barthélemy Saint-Hilaire*, membre de l'Institut. (Магометъ и Коранъ, съ введеніемъ о взаимныхъ обязанностяхъ религіи и философіи, соч. *Ж. Бартеlemi Сент-Илера*). Paris. 1865.

DU PLAISIR ET DE LA DOULEUR, par *Francisque Bouillier*. (О наслажденіи и боли, соч. *Ф. Булье*). Paris. 1865.

LES TROIS GRANDS PEUPLES MÉDITERRANÉES et le Christianisme, par *d'Eichthal*. (Три великіе средиземные народа и христіанство, соч. *Эйхталь*). Paris. 1865.

LA FAMILLE, ses devoirs, ses joies et ses douleurs, par le comte *A. de Gasparin*. (Семья, ея обязанности, радости и горести, соч. графа *А. де Гаспарена*). Paris. 1865.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

ЕДИНСТВЕННОЕ ДЕПО ВЪ РОССИИ

ДУХОВЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ ЗНАМЕНИТАГО МАСТЕРА

Антуана Куртуа въ Парижѣ.

Корнетъ à Пистонъ въ Б, со всѣми кронами.	60 руб.
» » въ Ц, Эсъ и Асъ.	55 »
Альтъ (obligat). 55 руб. Труба	отъ 45 до 65 »
Тромбон-Альтъ 55 р., тромбон-теноръ 60 р., тромбон-басъ	65 »
Баритонъ въ Б	80 »
Басъ въ Б 85 р., басъ въ Эсъ.	100 »
Контрабасъ въ Эсъ или Б по	115 »
Вальторнъ со всѣми кронами	90 »

Всѣ инструменты въ новомъ камертонѣ (Diapason normal) и съ хорошими ящичками.

Скрипки	отъ 10 до 200 руб.
Смычки	отъ 2 до 15 »
» для виолончели	отъ 5 до 15 »
Гармони-флейты въ 3 окт.	48 »
» » » $3\frac{1}{2}$ и 4 окт. съ педалью	отъ 75 до 100 »
Фисгармонки	отъ 120 до 250 »
Гитары семиструнныя съ футляромъ	35 »
» шестиструнныя безъ футляра	20 »

Въ этомъ же магазинѣ можно имѣть инструменты
извѣстнаго фортепьяннаго мастера Веа:

Рояль 7 окт. палисандроваго дерева	600 руб., упаковка 15 руб.
Кабинетный рояль 7 окт. палисандров. дерева	400 р., упак. 12 »
Пианно 7 окт. палис. дер.	350 р., упак. 12 »

За прочность инструментовъ ручаются. Заказы будутъ исполнены съ точностію, на упаковку и доставку будетъ обращено особенное вниманіе. Всѣ эти инструменты удостоены на лондонской выставкѣ въ 1862-мъ году серебряной медали.

Парижскіе метрономы (J. Wagner, neuve)	10 руб. съ пересылкою.
» » съ колокольчикомъ	11 » »

Итальянскія струны лучшаго достоинства.

КВИНТЫ неаполитанскія, четырехъ-жильныя, четырехъ-навязныя за бунтъ 6 р., за струну	Р. К.	— 25
КВИНТЫ падуанскія, четырехъ-жильныя, четырехъ-навязныя, за бунтъ 7 р., за струну		— 30
СЕКУНДЫ за бунтъ 6 р., за струну		— 25
ТЕРЩИ за бунтъ 7 р., за струну		— 30
1 БАСОКЪ скрипичный		— 25
1 БАСОКЪ скрипичный, серебряный шлифованный		— 60
1 АККОРДЪ струнъ для АЛЬТА	1	—
1 струна G для АЛЬТА		— 25
1 „ C то же		— 30
1 АККОРДЪ струнъ для ВИОЛОНЧЕЛИ	1	75
1 струна A для ВИОЛОНЧЕЛИ		— 30
1 „ D „		— 50
1 „ G „		— 50
1 „ C „		— 70
1 „ невитая для КОНТРБАСА	1	45
1 „ витая для КОНТРБАСА	2	85
1 аккордъ струнъ для шестиструнной ГИТАРЫ	1	50
1 аккордъ струнъ для семиструнной ГИТАРЫ	1	70
1 басокъ виисей для ГИТАРЫ		— 25
СТРУНОМЪРЪ въ футлярахъ по	1	50

Увертюры для оркестра Л. Ветговена, аранжированныя для фортепьяно въ четыре руки.

№ 1. Coriolan. Op. 62. C moll	1 р.	15 коп.
» 2. Leonore (Fidelio). № 1. Op. 138. C dur	1 »	15 »
» 3. Leonore (Fidelio). » 2. » 72. C dur	1 »	45 »
» 4. Leonore (Fidelio). » 3. » 72. C dur	1 »	75 »
» 5. Op. 115. C dur	1 »	45 »
» 6. König Stephan. Op. 117. Es dur	1 »	15 »
» 7. Op. 124. C dur	1 »	45 »
» 8. Prometheus. Op. 43. C dur	— »	85 »
» 9. Fidelio (Leonore). Op. 72. E dur	— »	85 »
» 10. Egmont. Op. 84. F moll	1 »	15 »
» 11. Ruinen von Athen. Op. 113. G dur	— »	85 »

Въ этомъ же магазинѣ можно получать *все музыкальныя сочиненія, въ и къ какому бы то ни было изданнью или объявленнью* въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе воть на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. 25 проц.; на десять руб. 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требования гг. иногороднихъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

Нижеподписавшійся беретъ на себя заказы на всѣ другіе инструменты вообще и обѣщаетъ немедленное исполненіе заказовъ по самой дешевой цѣнѣ.

А. ВИТНЕРЪ.

РУСАНОВЪ.

РАСКОЛЬНИЧІЙ ЛЖЕ-АРХІЕРЕЙ.

(ИЗЪ ОСТРОЖНЫХЪ).

ОЧЕРКЪ.

(Окончаніе).

Х.

Торный путь.

— Въ Я—ской губерніи я прожилъ 1855-й годъ, и поповство-
валъ благополучно до 1856 года. Тутъ я нашелъ столько вѣръ,
что не успѣвалъ изучать. Самая большая, однако, вѣра въ этой
губерніи—*поповщинская*... Раскольники этой секты, скажу вамъ,
принимая ученіе, заключающееся въ символѣ вѣры и заповѣдяхъ,
не признають архіереевъ и священниковъ православныхъ, потому
что ихъ посвященіе совершается-де по книгамъ, въ коихъ имя
Спасителя «Исусъ» измѣнено въ «Иисусъ»; таинство крещенія не
отвергають, но считаютъ нечистымъ и неполнымъ, потому что
молитвы при этомъ читаются по тѣмъ же книгамъ; бывають на
исповѣди у священниковъ православныхъ, для устраненія подозрѣ-
ній, безъ вѣры въ таинство причащенія, и послѣ очищаются
отъ того молитвою и поклонами... Бракъ въ православной церкви
считаютъ *гражданскимъ дѣломъ*, необходимымъ для признанія
законности дѣтей; для законности же духовной благословляются у
своихъ поповъ, и я благословилъ такихъ молодыхъ паръ до двад-
цати. Вѣрують, что крестъ долженъ быть осмиконечный, крест-
ное знаменіе признають двухперстное, иконамъ поклоняются
только древнимъ, или писаннымъ съ нихъ, книги почитаютъ однѣ
старыя, и безъ лѣстовокъ и подручниковъ не молятся. Люди они
довольно зажиточныя, и чествуютъ своихъ поповъ и архіереевъ

хорошо; только по этой губерніи такъ много шатаются самозванцы, что они побаяваются, наконецъ, новоприѣзжихъ, и меня вездѣ пытали, спрашивали про Криницу, про Кирилла, про учевіе разное, про книги, про черниговскіе свиты и пр... Я все это досканально имъ рапортовалъ, ну — и повѣрили... Только меня сбивали постоянно ихъ толки разные, какихъ я не встрѣчалъ еще. У нихъ въ губерніи есть нѣтовщина, поморяне, ео-досіевщина, филиповщина и странники, на которыхъ я долго сбивался и наконецъ-то-наконецъ выучился ихъ размчать... Не разъ приходилось пріѣхать въ село; вдругъ слышишь: тутъ живутъ нѣтовцы. Значить, тутъ, сударь, дѣлать нечего, заворачивай оглобли, да и мимо!... Нашего брата они не принимаютъ...

— Какъ же, спросилъ я Русанова: — они живутъ?

— Такъ и живутъ безъ всякаго духовенства, сами собою.

— Но вѣдь, говорю, кто-нибудь да у нихъ за духовенство-то дѣйствуетъ?

— А вотъ видите, продолжалъ Русановъ: — эти нѣтовцы принимаютъ, какъ я узналъ, таинства крещенія, покаянія, причащенія и брака отъ православной церкви, но вѣруютъ, что это не таинства, и что теперь нѣтъ средствъ къ спасенію, кромѣ молитвъ, потому что съ перемѣною книгъ и вѣры при Никонѣ, въ церкви невидимо воцарился антихристъ, истребившій въ ней всякую святиню... За уничтоженіемъ таинствъ антихристомъ, по мнѣнію нѣтовцевъ, нѣтъ надобности и въ священникахъ, а крещеніе можно совершить въ православной церкви, оканчивая его потомъ домашними молитвами по старымъ книгамъ, читаемымъ черезъ избранныхъ наставниковъ и наставницъ. Это же чтеніе исполняется ими и послѣ исповѣди, причастія и брака, считаемыхъ только житейскою необходимостію. Иконы у нихъ маленькія, большею частію мѣдныя съладны, лѣстовки, подручники и кадильницы, какъ у всѣхъ; стриженныя маковки и темная одежда — необходимое условіе. Ни съ православными, ни съ раскольниками другихъ сектъ они не ѣдятъ. Эти люди, доложу вамъ, даже опасны для нашего брата. По маковкѣ и лѣстовкамъ примешь его за поповца кореннаго, а онъ вдругъ нѣтовецъ, да частенько слышно, и къ становому препроводятъ. «Незачѣмъ, говорятъ, вамъ тутъ шататься, благодати-то у васъ ни у кого нѣтъ, а вы только соблазните народъ!» А хуже того, сударь, раскольники поморской вѣры, сплошь да рядомъ попадающіеся въ ярославской губерніи. Всѣ они говорятъ, что съ перемѣной книгъ, въ церкви

православной и вообще на землѣ невидимо воцарился антихристъ, любящій, вскорѣ явиться и видимо, въ видѣ царя земнаго; что, поэтому, крещение совершается на землѣ не въ очищеніе, а въ оскверненіе; что теперь нѣтъ, и не можетъ быть на землѣ ни священниковъ, ни таинствъ; что пріобщаться можно только *слезами*, а покаяніе замѣнять исповѣдью другъ у друга. Моленіе за царя принято, однако, у нихъ давно, по настоянію комиссара Самарина. Отъ этихъ поморянъ отдѣлилась, видите ли, еще вѣра *оесодосіевщинская*, въ которой, какъ я узналъ, ученіе объ антихриствѣ поясняется такъ: въ церкви православной приносить поклоненіе не истинному Богу, но антихристу, который выдаётъ себя за Бога въ богоподобномъ имени Іисуса, и что поэтому крещение, совершаемое во имя антихриста, должно быть смыто переkreщеніемъ по старымъ книгамъ. За царя они молятся, но не упоминаютъ слова «благочестивѣйшаго». Начальство признають, но сообщеніе съ православными и прочими раскольниками считаютъ за оскверненіе... Извольте вотъ тутъ, сударь, ихъ разбирать!... *Что не человекъ—то стра, что не баба—то сомасіе*... Просто спутаешься!... Со мной встрѣтилось на дорогѣ нѣсколько поповъ — бѣглыхъ, какъ я. Спросить этакъ стороной:

«— Не знаете ли, дескать, въ этомъ селѣ, какого толка раскольники?

«— А вамъ, скажешь, зачѣмъ?

«— Да такъ, говорятъ. Мы по дѣламъ торговымъ...

«— Такъ торговать-то, мошь, все равно у кого бы ни было...

А самъ, знаете ли, дашь знать и понять, что разумѣемъ, мошь, кто вы... Они этакъ помнутса-помнутса да и признаются...

«— Ты, говорятъ, *изъ нашихъ*, видно?

«— Да, мошь, изъ вашихъ...

«— Ну, такъ выпьемъ...

И сойдешься этакъ и покалякаешь!... Нѣкоторые изъ нихъ попадались совсѣмъ ничего незнающіе въ книгахъ, должно быть—просто изъ солдатъ бѣглыхъ. Ну, сейчасъ увидишь, что за птица, в скорѣе разойдешься. А ѣздить вѣдь, сударь мой, крестать матушку Россію во всѣхъ направленіяхъ... обирають безпастушныхъ овецъ!...

— Выгодное-таки, значить, ремесло, сказалъ я Русанову.

— Да, сударь, выгодное... Жалконько иногда бываетъ народъ; да какъ подумаешь, что не я, такъ вѣдь другой будетъ ѣздить и собирать деньги, ну—и опять пройдетъ, отляжетъ отъ сердца...

особливо когда опасности не предстоить... Вотъ только начнешь тогда раскаяваться, когда *стискаешься!*... Тутъ молишь Бога, чтобы вытащилъ изъ тюрьмы и не далъ сгнбнуть, и зарокъ даешь... Со мною это и случилось въ я—ской губерніи. Приѣзжаю я, доложу вамъ, на одну станцію въ село Кр—ое, гдѣ жили филиповцы. Это, видите ли, какъ я и прежде о нихъ, кажется, вамъ сказалъ, раскольники же, но называются такъ отъ Филипа-келейника, настоятеля поморскаго монастыря. Негодуя на поморянъ за согласіе ихъ на моленіе о царѣ, онъ отдѣлился отъ братіи въ особый скитъ, гдѣ и сжегъ себя съ 50 братіями, когда Самаринъ хотѣлъ войти туда. По его примѣру филиповцы не молятся за царя, и власть его признаютъ только наружно. Не признаютъ они дуковенства и таинствъ.

— Съ однимъ мужикомъ изъ филиповцевъ мнѣ привелось также говорить, въ селѣ Подосиновкѣ на станціи; въ это время проѣзжалъ чиновникъ какой-то изъ Ярославля. Мужикъ при разговорѣ съ чиновникомъ не снималъ шапки и постоянно употреблялъ слово *братецъ*. Когда чиновникъ замѣтилъ, что онъ ему не ровня, то мужикъ отвѣчалъ: «а чтѣ такое? по вашему, кто генералъ, кто ваше благородіе, а по нашему—всѣ равные братья». Даже бабы филиповщинскія, и тѣ, скажу вамъ, сударь, *сердитыя*... Одна спросила меня: «а что, говорить, скоро ли будетъ гоненіе на насъ?»

«— А чтѣ? говорю.

«— Да такъ хотѣлось бы...

«— Почему же, говорю, хочется?»

«— Охъ! еслибы Господь привелъ пострадать за св. вѣру! завопила баба... И начала пересчитывать мнѣ мучениковъ своихъ, начиная отъ осады соловецкаго монастыря, увѣряя, что у нихъ считается *болѣе 8000 тысячъ мучениковъ*... Вотъ вы и извольте, сударь, толковать съ такимъ народомъ!... Однако же, сказалъ Русановъ:—я заговорилъ съ вами, сударь, о томъ, какъ я попалъ въ острогъ въ я—кой губерніи.

— Да, говорю, любопытно слышать, а еще любопытнѣе знать, какъ ты выбрался оттуда?...

— Попался я, сударь, такимъ образомъ. Когда я приѣхалъ въ село Кр—ое на станцію, то замѣтилъ одного человѣка въ родѣ попа раскольникыаго, который то и дѣло входилъ въ общую избу изъ особенной задней горницы. На дворѣ повозка у него стояла распряженная. Человѣкъ этотъ, гляжу, всматривается въ

меня и хочеть что-то заговорить. Я отвертываюсь нарочно, чтобы избѣжать любопытнаго. Онъ посмотрѣлъ этакъ на меня, на мою кибитку, и что-то смекнулъ... Потомъ подходитъ и такъ вкрадчиво спросилъ:

«— Что, говорить, добрый человекъ, изъ торговыхъ, знать?...

«— Да, молъ, торгую понемногу, въ Нижней собираемся, товары распродалъ...

«— И я, говорить, торгую понемножку, стало-быть мы *по одной дорожке* ѣздимъ...

Я этакъ гляжу на него и смекаю, что онъ что-то признаеть во мнѣ.

«— Зайдемъ, говорить, въ мою комнату, у меня особая тутъ есть; я съ хозяиномъ коротко знакомъ, и онъ мнѣ всегда уступаетъ особую горницу. Поговоримъ, говорить, о дѣлахъ торговыхъ...

Какъ мнѣ ни не хотѣлось идти съ нимъ, однако, чтобы не дать случая подумать ему, что я боюсь его, я согласился съ нимъ. Входимъ въ его горницу. Смотрю, у него лѣстовка висеть на крючкѣ, дароносица лежитъ на окошкѣ, кадило висеть у образа и раскольниковыя книга: *О подвигахъ страдальцевъ покровскаго монастыря, климовскаго, зыбковскаго и замскаго посадовъ, совершившихся въ 1791 году, по переселеніи изъ Вятки*—лежитъ развернутая на столѣ. Я, знаете, спрашиваю:

«— Съ вами, вѣроятно, изъ духовныхъ особъ раскольниковыхъ кто-нибудь ѣздитъ?

«— Я, говорить, самъ духовная особа раскольниковыя, служу попомъ у нихъ...

А самъ, знаете, тотчасъ началъ рассказывать свои похождения... и вдругъ спросилъ меня:

«— А вы, говорить, добрый человекъ, не изъ нашихъ развѣ? Я давно уже догадался...

Я сконфузился, помялся немного, и ничего не подозрѣвая, видя его откровенность, признался ему, вотъ какъ примѣрно теперь вамъ...

«— Какъ, говорить, вы провозите антиминсъ и чашу съ дароносицею? Я вотъ, говорить, всегда антиминсъ въ шапку зашиваю, а самъ, знаете ли, сейчасъ и вынулъ антиминсъ изъ шапки своей:— вотъ только, говорить, чашу и дароносицу никогда не могу хорошенько спрятать. Подъ козлами въ ящикѣ держу...

«— А я, говорю, антиминсъ держу въ сапогахъ между стелькой

и подошвей — и показали ему правую ногу: — а дароносицу, молъ, чашу, лжицу и коніе въ подушкѣ задней оси... Тамъ у меня вдолбленіе такое есть, задѣлано такъ, что никто не догадается...

«— Покорно, говорить, благодарю, что наразумили меня. Я впредь и самъ такъ буду дѣлать. А самъ сейчасъ вывернулся изъ горницы. Черезъ три минуты, смотрю—онъ шастъ въ горницу-то съ солдатами, да и скидаетъ съ себя верхнюю купеческую одѣжу. Вижу—становой изъ военныхъ и крестъ на груди... Такъ я и ахнулъ! Вотъ, думаю, чего въ жизни еще не встрѣчалъ...

«— Потрудись, говорить, любезнѣйшій, теперь разуть сапоги-то твои; мы, говорить, посмотримъ, что находится между подошвами и стелькой?

Что тутъ дѣлать? Я молчу.

«— Разуьте-ка, говорить, его, да вспорите сапогъ съ правой ноги.

Солдаты, перереженные мужиками, вспороли сапогъ мой и вынули антиминсъ...

«— Теперь, говорить, надѣньте-ка на попа-то вандаль, да взломайте подушку у задней оси повозки.

Солдаты взломали подушку оси и вынули мою дароносицу, чашу, лжицу и коніе...

«— Ну, теперь, говорить, потрудитесь сѣсть на телегу, и васъ свезутъ солдаты въ острогъ...

А самъ, смотрю, улыбается и руки отъ удовольствія потираетъ... Дѣлать было нечего! Я догадался, что филиповецъ этотъ, хозяинъ дома, былъ въ заговорѣ съ становымъ и выдавалъ, вѣроятно, не одного меня изъ своей западни становому... Но было уже поздно поправить дѣло. Меня заключили въ острогъ. *Торны*, думаю, *дорожки поповскія*, но и въ остроги дорога *торна*...

XI.

На кого вадать, тотъ и кланяйся.

— Въ острогѣ жизнь, конечно, скверная, а больше всего гѣмъ несносна, что изъ острога дорожка прямая въ Сибирь... Ну, и ноетъ сердце день и ночь и не даетъ покоя... Острогъ, куда меня заключили, былъ каменный и крѣпкій; дворъ занесенъ высокою каменною стѣною, рѣшотки на окнахъ въ руку толщины. Дѣло было плохое!... Однако, думаю, что же? вѣдь я не про-

стой мужикъ, а попъ раскольникій; можетъ, какъ и улизну отсюда!... И сталъ я подумывать объ этомъ дѣлѣ крѣпко, какъ бы *помощію этого титула*, избавиться отъ темничнаго заключенія... Первымъ дѣломъ, разумѣется, мнѣ нужно было найти друзей и почитателей въ острогѣ самомъ, потому, сами знаете, одинъ въ полѣ не воинъ — одному ничего не сдѣлать... И вотъ я сталъ присматриваться, когда выпускали всѣхъ арестантовъ на дворъ острожный, нѣтъ ли изъ нихъ кого *попростѣ*... Вижу, однако, все народъ сердитый, смотреть изподлобья... Я сталъ канони распѣвать про себя на дворѣ — меня стали слушать; а житія и страданія раскольниковскихъ подвижниковъ рассказывать — меня услышали два раскольника, бывшіе среди арестантовъ... Я къ нимъ, знаете, въ дружбу вхожу. Такъ и такъ, молъ, вотъ я кто... Они умилились и прослезились; товарищамъ рассказали, что вотъ-де заточена здѣсь духовная особа съ нами... Смотрю, на меня уже стали указывать пальцемъ и проходили мимо меня съ поклонами... Я тутъ выбралъ арестанта, раскольника Нивиту Караса, въ приближенне къ себѣ и отрываюсъ ему.

«— Хочешъ ли, молъ, ты спасеніе уготовать себѣ на небѣ?...»

«— Хочу, говорить. Я и такъ все по острогамъ обрѣтаюсъ; хоть бы въ будущей-то жизни привелось насладиться райскимъ житіемъ...»

«— Помоги, молъ, мнѣ уйти изъ острога; ты знаешъ, что теперь паства моя безъ пастыря, овцы безъ пастуха среди волковъ хищныхъ, среди слугъ антихриста...»

«— Знаю, говорить, знаю.»

«— Нужно, молъ, дать знать раскольникамъ, любезнымъ моимъ чадамъ, что я заточенъ и страдаю здѣсь въ тѣсной и мрачной темницѣ.»

«— Ужели, говорить, никто не знаетъ объ этомъ?»

«— Вотъ въ томъ-то и бѣда вся, что никто не знаетъ!... Меня, молъ, взяли тайно съ дороги и обманомъ.»

И я, знаете ли, рассказалъ тутъ Карасю мою исторію съ становымъ. Смотрю, расплакался Карась, и слезы полили ручьемъ... «Ѣжѣ, говорить, волки хищные, не даютъ они житія смиренному и кроткому стаду божію.» И началъ Карась причитать...

«— Все это, говорю, такъ, да вотъ однако какъ же выбратъся-то отсюда? Поможешъ ли ты мнѣ?»

«— Все что ни захотите, дѣлайте изъ меня, говорить Карась.— Я за васъ въ огонь и въ воду.

• «— Если такъ, то вотъ, молю, узнай, кто скоро изъ острога выходить будетъ. Я съ нимъ посланіе напишу къ стаду своему.

«— Извольте, говорить, завтра же.

«— И добудь, молю, мнѣ карандаша и бумаги.

«— Постараюсь, говорить.

— На другой день Карась, свидѣвшись со мною на дворѣ, разсказалъ мнѣ, что одинъ мѣщанинъ города, въ которомъ я сидѣлъ въ острогѣ, отживалъ срокъ и чрезъ недѣлю выходилъ на волю, и что онъ упросилъ его снести тогда посланіе мое къ одному богатому кушцу-раскольнику, Каратаеву. И бумаги при этомъ Карась принесъ мнѣ, только карандаша не досталъ, а принесъ вмѣсто его кусочекъ свинцу.

— Я сталъ готовить посланіе къ Каратаеву и начертилъ свинцомъ на бумагѣ слѣдующее:

«Возлюбленные братіе!

«Да сбудется слово, реченное въ священномъ писаніи: поражу премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну. Изыщите средства освободить изъ темницы заключеннаго за вѣру истинную и *ваше спасеніе*. Покажите отъ вѣры вашей, что вы мудре мудрыхъ и разумѣе разумныхъ. Умудритесь и исхитите изъ узъ заключеннаго невинно. Азъ не о себѣ пекуся на землѣ, никто же бо мой духъ одолѣетъ ни въ судахъ стародубскихъ и губернскихъ, ни въ лѣсахъ и борахъ могилевскихъ, а пекуся и болю о стадѣ моему, оставленномъ среди хищныхъ волковъ безъ пастыря. Имѣй уши слышать, да слышать!»

«Заключенный іерей Русановъ.»

— Вручилъ я это посланіе Карасю, а тотъ мѣщанину, отбывающему срокъ въ острогѣ. Чрезъ недѣлю, смотрю—ко мнѣ прислана ватрушка, и прислана такъ, что прямо по назначенію дошла. Разламываю ватрушку—въ ней запечены лоскутъ бумаги съ словами: «Не бойся, отче праведный! овцы исхитить своего пастыря изъ зубовъ волчьихъ, помощію божіею, съумѣютъ. Не скорби духомъ. Завтра получишь булку со вложеніемъ».

Получивши такое посланіе, я приободрился и у меня отлегло отъ сердца... Авось, думаю, не угожу въ Сибирь и выберусь отсюда!...

Вечеромъ сказалъ я объ этомъ Карасю.

«— Отче праведный, завопилъ Карась!—Можешь ли ты съ нами

сидѣть въ темницѣ? Богъ, видя съ высоты престола своего...» И пошелъ и пошелъ...

«— Вижу, молю, сынъ вѣрный, твое рвеніе въ своимъ іереямъ, и Богъ пошлетъ тебѣ спасеніе за это. На другой день, получаю я булку, дошедшую опять прямо ко мнѣ по назначенію, въ которой было запечено 100 руб. бумажками, *на отраду въ темницѣ*, и записка съ увѣреніемъ, что скоро я буду исхищенъ изъ зубовъ антихриста...

— Я раздѣлилъ деньги съ Карасемъ и велѣлъ раздать половину заключеннымъ въ темницѣ. И пошло, сударь, веселье въ острогѣ такое, что точно на свободѣ! Арестанты вина накупили, ко мнѣ съ такимъ почтеніемъ стали относиться, что когда изъ двора приходилось подниматься по лѣстницѣ въ камеру темничную, они подъ руки меня брали и сопровождали по лѣстницамъ, точно архіерея во время служенія... Караульные тоже съ уваженіемъ относиться стали... Запоешь этакъ, бывало, ирмосы или псалмы въ своей темницѣ, а они умиляются и ружья опустятъ, точно предъ офицеромъ...

— Наконецъ получаю я, подъ воскресенье, дѣлныи большой валакъ. Разрѣзываю—пустой, оболочка одна, а въ немъ запечено двадцать аршинъ толстой проволоки и пилка маленькая стальная; тутъ же и записка, въ которой сказано, что ночью двое верховыхъ будутъ ждать меня у острога и чтобы я, распилывъ кандалы, спустился на проволоку черезъ ретирады внизъ, а они ужъ примутъ меня... Я такъ и сдѣлалъ. Кандалы надпилилъ въ комнатѣ, и когда караульные проводили меня въ ретирады, то назадъ ужъ не дождались... Приняли меня посланные и увезли въ гѣсъ, обмыли, обчистили и наконецъ перерядивъ въ приготовленное платье мѣщанское, подъ именемъ молодца, чрезъ день, привезли въ тотъ же городъ къ Каратаеву, безъ всякой боязни, гдѣ я днемъ сидѣлъ у него въ солянномъ лабазѣ за молодца, а вечеромъ совершалъ въ домѣ его богослуженіе и деньги собираю. Раскольники, зная мое заключеніе въ тюрьмѣ, все ахали и вздыхали и нуше еще *ублажили* меня...

— Такъ вѣдь ловко, сударь мой, дѣла дѣлаютъ эти раскольники. У меня, скажу вамъ, тотчасъ и страхъ прошелъ. Сидишь въ лабазѣ и ухомъ не ведешь!... По городу розмыси чинятся, съ ногъ сбиваются городничій и исправникъ, мимо лавки проходили не разъ, а я, знаете, и въ усь не дую; сижу, да на счетахъ похлопываю... Вѣдь и прятать не стали меня... «Зачѣмъ, говорятъ, прятать:

только подозрѣніе наведешь, а вотъ, говорятъ, сидите въ лаба-
зѣ и прикащикъ дѣло исправляйте, больше ничего. Пусть посмо-
тритъ, можно ли чтò съ нашимъ братомъ сдѣлать съ ихними
осторожными и крутыми мѣрами всякими?» Черезъ двѣ недѣли
вручили мнѣ раскольникки паспортъ прикащикій и отпустили съ
миромъ въ путь-дорогу вечеркомъ на тройкѣ, одаривъ щедро;
даже нарочно мимо городническаго дома провезли... Кажись бы,
послѣ такой исторіи надо было мнѣ кинуть все это дѣло попов-
ское, такъ нѣтъ вѣдь, сударь, послѣ опасности отсюда явилась
у меня опять охота странствовать... Не боюсь ужъ ничего, да и
только!... Про костромскую губернію слышался, что тамъ есть
корень всякихъ особенныхъ сектъ, ну — и махнулъ туда...

ХІІ.

ДВА ЛЖЕ-АРХІЕРЕЯ.

— Въ костромской губерніи, сударь мой, я наткнулся на сек-
ту *бѣгуновъ*, или странниковъ, съ которыми доселѣ еще не былъ
знакомъ. Эта секта, какъ я потомъ разузналъ, родилась и разви-
лась въ казенномъ селѣ Сопелкахъ, ярославскаго уѣзда, такимъ
образомъ. Лѣтъ 90 назадъ, отставной солдатъ Евфимій, пере-
крещенецъ, поселясь въ Сопелкахъ, сталъ учить, что антихристъ
видимый, котораго филиповцы ожидаютъ, давно уже царствуетъ,
и именно въ Россіи, что сначала онъ воцарился въ греческомъ
царствѣ, черезъ 1000 лѣтъ послѣ Христа, а потомъ еще черезъ
666 лѣтъ явился въ Россіи подъ именемъ патріарха Никона, а
вслѣдъ за его паденіемъ явился третій антихристъ, который и
царствуетъ нынѣ на землѣ, имѣя слугами правительство. Для
избѣжанія власти этихъ слугъ антихриста, послѣдователя его,
т.-е. бѣгуны или странники, находятъ лучшимъ бѣжать изъ вса-
ваго города, потому что всѣ города составляютъ одинъ Вави-
лонъ, и жить, укрываясь въ деревняхъ и селахъ и управляясь
сами собою по духу и ученію господню безъ правительства и
разореній. И вотъ, сударь мой, разбрелся русскій народъ, на-
завшись бѣгунами, по лѣсамъ и пустынямъ костромской и яро-
славской губерніи. Молодые люди и дѣвки, старики и старухи,
покидали въ городахъ свои дома, родныя гнѣзда, и стали укрыва-
ться въ лѣсахъ и дебряхъ пустынныхъ, и всякій поступающій
въ ихъ общество сначала перекрещивается, потомъ перемѣняетъ

ния, отрекается отъ имущества, родины и родныхъ... Вступя въ странство, всякій, имѣющій у себя какой либо видъ или паспортъ, уничтожаетъ его, какъ заклеенный печатью антихриста, и надѣваетъ себѣ на шею крестъ кипарисный съ бѣлою оловянною или желѣзною оправою, на лицевой сторонѣ котораго находится рѣзное изображеніе осьмиконечнаго креста на Голгоѣѣ съ копіемъ и тростию по бокамъ; подъ тростию вырѣзана буква Т, а подъ копіемъ буква К, у подножія же креста—Адамова голова; подъ крестомъ надпись «Царь Славы», подъ верхнимъ краемъ правой стороны—*ни*, а подъ лѣвымъ—*ка*, т.-е. *ника*, что значитъ побѣдиль, на другой же сторонѣ креста вырѣзаны слова молитвы: «да воскреснетъ Богъ и раздуются враги его». У каждаго странника, мужчины и женщины, содержится своя икона, обменовенно мѣдная, лѣстовка, подручникъ, деревянная чашечка и сыданая ложка. Бѣольшая часть изъ нихъ, какъ я узналъ, отправляются въ странство въ лѣса пошехонскаго уѣзда, гдѣ пребываніе ихъ нѣсколько годовъ, смотря по большому или меньшему ихъ усердію, служить имъ въ родѣ искуса, какъ поступившимъ въ иноческое званіе, вслѣдствіе чего они и называютъ себя часто старцами и старицами. По выходѣ изъ лѣсовъ, по окончаніи искуса, они ходятъ по деревнямъ и нищенствуютъ по большей части въ сосѣдственныхъ, съ родовымъ ихъ домою, мѣстахъ, или живутъ у знакомыхъ имъ *страннопримцевъ*, скриваясь тамъ по тайникамъ... Эти страннопримцы, сударь мой, составляютъ особый видъ бѣгуновъ и отличаются отъ нихъ многими. Они не бѣгаютъ изъ мѣста въ мѣсто, а живутъ покрестыански и главныя обязанности ихъ состоятъ не въ бѣганіи, а въ *укривательствѣ* бѣгуновъ, почему они обязываются имѣть тайныя мѣста и оказывать имъ помощь въ случаѣ преслѣдованія, именно, устроенныя въ домахъ разныя подъзбицы, двойныя крыши, избы подъ названіемъ келій, построенныя особо отъ главной избы, или на огородахъ и сараи для зарытія тѣлъ. Страннопримцы эти не могутъ участвовать въ общихъ молитвословіяхъ съ бѣгунами и обязаны содержать отступничество свое тайно, подъ ложнымъ наименованіемъ себя христіанами. Имъ поставляется также въ обязанность въ жизнь свою перекреститься; но если они этой обязанности своей не умѣютъ исполнить, то при смертномъ одрѣ перекрещиваютъ ихъ въ новомъ чанѣ и по перекрещеніи переносятъ умирающаго ночью къ единомысленнику въ пещу, а по смерти хоронятъ ночью же тѣло его въ сараѣ дома или въ рощѣ,

завернувь оное рогожею. Умершіи страннопрімецъ, такимъ образомъ похороненный, заявляется ушедшимъ въ самовольную отлучку, какъ заявляютъ всё вообще и уходящіе въ странство бѣгуны. Это заявленіе, по мнѣнію ихъ, служитъ свидѣтельствомъ предъ Богомъ, что человекъ умеръ въ странствѣ истиннымъ христіаниномъ, отрекшись отъ антихриста и всего его подданства. Чтобы больше скрыть себя отъ полиціи, страннопрімцамъ этимъ дозволяется ходить въ церковь для вида; но крестить младенцевъ, вѣнчаться и исповѣдаться допускается съ такимъ условіемъ, чтобы крещеніе младенцевъ, совершенное священникомъ, исправлять потомъ дома по страннымъ обрядамъ, отъ исповѣди у священниковъ избѣгать подъ разными предлогами, или добывать возможность быть записанными въ исповѣдныя церковныя росписи бывшими на исповѣди, вѣнчаніе же въ церкви не принимается за таинство... Жалокъ, поглядѣлъ я, этотъ народъ, а помочь нечѣмъ!... Скитаются, вѣдь, какъ звѣри лютые въ грозу и бурю, въ морозъ и холодъ, терпятъ нужду и голодъ, а становымъ не поддаются. «Не хотимъ, говорятъ, признать надъ собою начальниками слугъ антихриста. Христось не такъ училъ управляться и жить на землѣ!» Но что они больше всего ненавидятъ, такъ это анатомированіе умершихъ изъ нихъ безъ исповѣди и св. причастія. Богатые, отъ полиціи, за большія деньги, еще кое-какъ откупаются, но бѣдняки подвергаются анатомированію, которое и называютъ антихристовымъ рѣзаніемъ. Снисхожденіе духовенства православнаго они пріобрѣтаютъ въ такихъ случаяхъ легче; именно: за мѣсяць, или за два запишутся въ селѣ *бытчиками*, заплатятъ за это десять-двадцать рублей, и избавляются отъ рѣзанія. По этому случаю, я встрѣтилъ у нѣкоторыхъ бѣгуновъ картины и образа, писанные домашними иконописцами, на коихъ изображенъ лекарь съ ножомъ въ рукахъ, разрѣзывающій брюхо крестьянину-бѣгуну; исправникъ вынимаетъ деньги изъ брюха крестьянина, и прячетъ въ задній карманъ, а становой у него изъ кармана сзади перекладываетъ краденное... Подъ картиной подпись, которая всегда на устахъ у всѣхъ почти раскольниковъ: «Се зришь ты разъяренныхъ вельможей и князей! Воздаждь самъ Господи злодѣямъ, ихъ злость... на ихъ же обратн!» Мнѣ случилось, сударь мой, быть въ домѣ одного священника православнаго, который долго таскался по консисторіи своей, и наконецъ рѣшилъ, что бѣгуны его прихода правы, убѣгая въ лѣса, и самъ поступилъ въ секту бѣгуновъ, съ женою своею и двумя дочерьми... Въ его приходѣ

было 1,300 душъ; изъ нихъ 1,100 давно были бѣгуны, а когда священникъ ихъ и самъ поступилъ въ ихъ секту, то и послѣднія 200 душъ сдѣлались бѣгунами... Въ городѣ Плесѣ особенно много этихъ бѣгуновъ, и мѣста эти, находясь на границѣ трехъ уѣздовъ, особенно удобны для укрывательства этихъ странниковъ. Противъ этихъ Плесѣ, на другомъ берегу Волги, раскинута до 16 деревень, гдѣ бѣгуны укрываются зимою, переходя на лѣто въ лѣса. Впрочемъ, у нихъ есть и покровители—богатые купцы разныхъ городовъ, которые имѣютъ связи тайныя съ единомышленниками въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Архангельскѣ и Вологдѣ и вездѣ держатъ на жалованьѣ *ходатаевъ* по ихъ дѣламъ, а отъ мѣстнаго духовенства отдѣляются деньгами. Мнѣ много поразказали про брянскіе лѣса въ магарьевскомъ уѣздѣ, лежащіе на лѣвомъ берегу Унжи, и я отправился туда. Въ уѣздѣ этомъ я встрѣтилъ почти однихъ бѣгуновъ, и самъ попался тутъ въ просакъ... Дѣло было такъ. Приѣзжаю я въ домъ одного поповщинскаго раскольника, который считался главою всѣхъ раскольниковъ въ губерніи и былъ выведенъ въ люди и поставленъ на эту дорогу извѣстнымъ богачомъ въ Петербургѣ и ересіархомъ Кок...вымъ. Человѣкъ онъ, какъ я съ перваго раза увидѣлъ, былъ *пройди-свѣтъ*, что называется... Онъ былъ изъ бѣглыхъ солдатъ, самъ долго поповствовалъ и архіерействовалъ у раскольниковъ, нажилъ деньги, и сдѣлался главою и *ходатаемъ* по дѣламъ раскольниковъ. Онъ, какъ увѣрили меня, обладаетъ капиталомъ болѣе 1,000,000 руб. Домъ его построенъ въ два этажа, съ мезониномъ и подвалами, и устроенъ въ видѣ лабиринта, съ безчисленнымъ множествомъ выходовъ, дверей, лѣстницъ и переходовъ, съ прямою цѣлью укрывательства, на случай нечаяннаго обыска полиціи... На дворѣ у него живутъ старухи, богомолки и странницы, тутъ же есть и моельня. Я, нужно вамъ сказать, сударь, рѣшился въ это время *архіерействовать* вмѣсто поповства, потому съ одной стороны почотиѣе, а съ другой и денегъ больше приобретаешь... Прожилъ я день у этого главы раскольниковъ, и на другой сталъ въ моельнѣ служить *поархіерейски*. Ну, извѣстно, народу привалило съ окрестныхъ мѣстъ много; моельню освѣтили двумя пудами восковыхъ свѣчъ, я освѣщаю народъ трикѣриями; только вдругъ, среди богослуженія, пріѣхалъ на дворъ другой архіерей, который, видите ли, происходилъ изъ бѣглыхъ солдатъ и сидѣлъ прежде въ острогѣ, вмѣстѣ съ главою раскольниковъ, у котораго я

остановился... Стало быть, у него мѣсто-то архіерейское было тутъ уже давно нагрѣто... Входить онъ, смотрю, въ молельню — въ рясаѣ чернаго атласу, и сталъ на почетномъ мѣстѣ. Народъ, знавшій его уже давно, разступился предъ нимъ и далъ ему дорогу около моего мѣста. У меня недаромъ тутъ сердце такъ ёкнуло. Плуть, думаю себѣ, первой степени, должно быть, приблѣ; какъ бы онъ меня не срѣзалъ?... Однако, продолжаю богослуженіе и не конфужусь; только слышу, онъ шепчетъ постоянно хозяину дома, что это дескать не такъ, тутъ не такъ я кажѣ, тутъ не такъ благословляю, не такъ народъ осѣняю... Меня винуло, я вамъ сважу, въ лихорадку, и я едва кончилъ богослуженіе, послѣ котораго пришедши въ залу хозяина дома, я засталъ уже тамъ архіерея пріѣзжаго па первомъ мѣстѣ. Меня посадили однако рядомъ съ нимъ и свели насъ поговорить другъ съ другомъ о вѣрѣ, чтобы испытать меня, что-де я за человѣкъ... Я рассказалъ про Бѣлую-криницу, про черниговскихъ и ярославскихъ раскольниковъ, про книги раскольниковъ, и кое-какія распоряженія правительства относительно раскольниковъ... Ничего, слушаютъ!...

«— А какого года и числа было посвященіе въ архіереи вашего преосвященства? спросилъ меня хозяинъ дома, и переглянулся тотчасъ тихонько съ пріѣзжимъ-то архіереемъ.

«— Прошлый, говорю, 1858-й годъ, въ третью недѣлю по пасхѣ...

«— Недавно, говоритъ, педавно!

«— Да, молъ, не очень давно.

«— И въ присутствіи, говоритъ, многихъ архіереевъ нашихъ?

«— Нѣтъ, говорю, въ присутствіи только одного.

«— А какого, говоритъ, позвольте узнать?

«— Евфимія, молъ.

«— Гм!...

— А сами каналы точно поперхнулись... Подали ужинъ, винъ наставили, и стали вкупѣ трапезу чинить. Явилась хозяйнова жена и дѣти — всѣ въ бархатѣ; народъ, изъ богатыхъ, усѣлся кругомъ вдоль стѣнъ. Архіерей пріѣзжій много разсказывалъ, и всѣ слушали его съ умиленіемъ...

— Послѣ ужина, когда намъ отвели особыя комнаты для ночлега, пріѣзжій архіерей постучалъ ко мнѣ. Я впустилъ его. Онъ со мною слово-за-слово, да потомъ вдругъ спросилъ:

«— А что, говоритъ, ваше преосвященство, вы изъ нашихъ, должно быть?

«— Какъ же это изъ вашихъ, говорю? я что-то не понимаю.

«— Какъ, говорить, не понять? Въ архіерея-то вы *сами себя* посвятили?

«— Это, говорю, что значить?

А самъ, знаете, сейчасъ въ амбицію вхожу...

«— Полноте, говорить, ваше преосвященство, не горячитесь! Вотъ списочекъ посвященныхъ въ Криницѣ архіереевъ, васъ тутъ нѣтъ и въ поминѣ...

— А самъ сейчасъ изъ кармана вынулъ списокъ архіереевъ, дѣйствительно посвященныхъ въ Криницѣ, скрѣпленный печатью митрополичьею, и должно быть провезенный тайно къ вамъ...

«— Мы, говорить, на всякій случай, имѣемъ эту грамотку, которую вы встрѣтите нынче у многихъ раскольниковъ, особливо главныхъ ихъ орудователей; потому предостерегаю васъ, будьте нынѣ осторожны... Проходятъ ужъ времена, когда раскольники жили спуска рукава, и когда ихъ легко надували кто хотѣлъ...

«— А ваше-то, говорю, преосвященство, находитесь въ этомъ свисочкѣ?

«— Нѣтъ еще, говорить, не попалъ; ну, да обо мнѣ-то вы не беспокойтесь, я тутъ *твердо* пова стою...

«— Ишь ты вѣдь шельма, думаю, какъ подѣль! А самъ говорю:

«— Не беспокойтесь, молъ, ваше преосвященство; въ такомъ случаѣ, я завтра же уѣду отсюда, и мѣшать вамъ не буду...

«— Это такъ, говорить, а все-таки можетъ случиться мало-ли что...

И самъ вдругъ замолчалъ.

Я догадался, что онъ задумалъ кое-что обо мнѣ.

«— Народъ вѣдь, говорить, глупъ, сами знаете, все-таки лучше, если поменьше людей, которые его обираютъ...

— Видите-ли, жалость у каналья откуда-то явилась!...

— Такъ мы и разошлись. Я далъ слово уѣхать на другой же день изъ губерніи, и дѣйствительно, чѣмъ свѣтъ уѣхалъ. Только видите-ли, сударь, этотъ каналья солдатъ бѣглый, насиженный-то архіерей, вѣдь далъ знать становому своему, съ которымъ, вѣроятно, давно былъ въ ладахъ, и становой настигъ меня верстъ за 50 въ одной деревнѣ.

«— Вы, говорить, почтеннѣйшій, ночевали у Пѣтухова въ предпрошедшую ночь?

А самъ читаетъ по бумажкѣ мои примѣты...

«— Да, говорю, ночевалъ.

«— Такъ васъ-то, говорятъ, просили препроводить въ острогъ...

«— За что же?

«— Да за то, говорятъ, чтобы вы не *жили* другимъ. А самъ этакъ примигнулъ лѣвымъ глазомъ... Я понялъ, да три сторублевыхъ ему въ руку.

«— Э! говорятъ, мы этимъ не мараемся...

Я еще три сотенныхъ.

«— Нѣтъ, говорятъ, этакія деньги мой писарь только беретъ. Я еще шесть сотенныхъ.

«— Не могу, говорить. Пожалуйте въ острогъ, тогда дали бы больше, да поздно будетъ.

— Такъ-таки онъ съ меня двѣ тысячи сер. и спололъ.

«— А не ворóтитесь ужъ вы теперь въ здѣшнюю губернію? спросилъ онъ меня, когда порѣшилъ со мною и взялъ двѣ тысячи.

«— Нѣтъ, молъ.

«— То-то, говорятъ, а то я далъ слово здѣшнему архіерею, что онъ васъ не встрѣтитъ на своей дорожкѣ болѣе...

И мы распростылись.

— Выбравшись изъ этой губерніи, я, сударь мой, поспѣшилъ на свою родину въ р—скую губернію, и пріѣхалъ къ своему селу родному, взглянуть на него; пробылъ дня два въ лѣсу, а потомъ ночью постучался къ сестрѣ своей, которая была выдана у меня за мужикомъ. Какъ увидала она меня, такъ и обмерла.

«— Ты ли, говорить, это, братецъ?

«— Я, молъ, самый.

«— Да мы, говорить, тебя считали давно мертвымъ.

«— А я, молъ, живъ, да и добра нажилъ...

— А самъ ей сейчасъ тысячу серебромъ на столъ въ подарокъ, и рассказалъ ей все свое житье-бытье, безъ утайки...

«— А эту вотъ тысячу снеси, молъ, отъ меня въ подарокъ отцу съ матерью Параша, и вели имъ молиться Богу за ея душеньку, и сорокоустовъ десять заказать по церквамъ. Я, молъ, съ своей стороны двѣнадцать сорокоустовъ заказывалъ ужъ, по православнымъ монастырямъ...

— Тутъ я ей рассказалъ, какъ Параша умерла на моихъ почти рукахъ, поплакалъ горькими слезами объ ней, и увѣривъ сестру, что возьму ее скоро въ Москву жить навсегда съ собою, простился съ ней, и ушелъ въ лѣсъ опомниться и размыслить, что съ собою дѣлать?... Денегъ у меня оставалось еще на лицо шесть

тысяч руб. сер. Жилъ я съ недѣлю въ пустомъ шалашѣ бараульничь, и размышлялъ день и ночь о себѣ и о томъ, что я доселѣ видѣлъ и слышалъ... И сообразивши все, я увидѣлъ одно — что худо жить на землѣ мужику, и ищетъ онъ лучшей жизни, и надуваетъ его при этомъ своя же братія, по той причинѣ, что онъ слѣпъ, необразованъ... Вѣру истинную я все-таки не позналъ еще и видѣлъ, что раскольники дурятъ, но есть отъ чего имъ дурить!... Думаль-думаль я, и рѣшился еще испытать многія вѣры, о которыхъ читалъ въ книгахъ и слышался много отъ другихъ. Самому надувать народъ мнѣ ужъ не хотѣлось, а посмотрѣть и испытать вѣры русскаго человѣка хотѣлось еще... Деньги же у меня были. Думаль-думаль я, да и рѣшился съ годнѣ-другой еще попутешествовать по матушкѣ-Россіи — *испытать стры*, а тамъ, думаю, и успокоюсь въ какомъ-нибудь мѣстѣ, которое выберу для своего жительствова... Помолился я Богу въ послѣднюю ночь въ шалашѣ своемъ, и со слезами воскликнулъ: «Помоги мнѣ, Господи, еще поискать вѣру правую!... Какъ найду я ее, тогда, можетъ быть, успокоюсь совѣмъ». И заривъ пять тысячъ въ берестовой корѣ подъ дубомъ примѣтнымъ, я съ шестою тысячею пустился въ путь-дорогу.

XIII.

Баловливая овца волку корысть.

— Положивши себѣ, сударь ты мой, такимъ образомъ, *испытать есть стры*, я отправился изъ рязанской въ тамбовскую губернію, гдѣ, по рассказамъ, жили скопцы. Ъхаль я путемъ-дорогою и наконецъ остановился въ моршанскомъ уѣздѣ. Село, въ которомъ я рѣшился пытать вѣру и о которомъ всѣ говорили, что оно самое ядро-то и есть скопцовъ—было справное село. Избы большія, все крытыя тесомъ; заборы высокіе, тесовые и ворота огромныя въ каждомъ дворѣ. Смотрю, въ селѣ на улицѣ ни души, даже курицы не было видно и собакъ, только одна собачонка съ кучинымъ хвостомъ выскочила-было изъ-подъ воротни, но увидѣвъ меня, опрометью бросилась подъ ворота. Я зашелъ въ избу недалеко отъ края, отворилъ дверь въ сѣни и окликнулъ козавъ—никто не отвѣтилъ мнѣ. Я влибнулъ еще разъ—послышалось шумуканье и голосъ за другой дверью. Я толкнулъ дверь ногой; черная кошка шмыгнула мимо меня, сверкнувъ зелеными

глазами. Я всунулъ голову въ избѣ. Смотрю—мужикъ съ длинной бородой сидитъ въ углу и читаетъ книгу; двѣ бабы ворочаются по ховайству въ чуланѣ, а на конникѣ мальчишки ѣдятъ молочную кашу.

«— Примите, говорю, странника божія, честные люди.

«— Жаловать добро, божій сынъ! проговорилъ мужикъ.—Откуда несешь тебя духъ божій?

«— Иду, говорю, изъ лѣсовъ дремучихъ, а ищу вѣры истинной.

«— Вѣры истинной! сказалъ мужикъ:—а какой же ты вѣры ищешь?

«— Вашей, говорю.

— Мужикъ всталъ и затворилъ за мною дверь. Бабы высунулись изъ-за перегородки.

«— Добро пожаловать, божій сынъ, ласково заговорилъ мужикъ:—мы рады овцамъ заблудшимъ, которыя ищутъ истиннаго пути...

— Я раздѣлся. Мужикъ Трофимъ Зайцевъ, какъ опослѣ оказалось, сталъ меня разспрашивать о всемъ. Я сказалъ ему, какія пыталъ вѣры. Онъ все слушалъ и ворочалъ во все время библию. Наконецъ заговорилъ:

«— Мы примемъ тебя, божій сынъ, и дадимъ тебѣ *справиться*... Живи у насъ, и когда испытаешь нашу вѣру, такъ и самъ не уйдешь.

И я поселился у Трофима Зайцева. Меня засыпали деньгами, снарядили одѣжею, и какъ я былъ безбилетный, то и указали особую кѣтку, гдѣ бы я, до окончательнаго поступленія въ секту скопческую, могъ спрятаться на случай розысковъ полиціи. Живу я мѣсяцъ, живу другой въ качествѣ *испытуемаго*... Поютъ, кормятъ хорошо и денегъ даютъ въ волю!... Осмотрѣлся я и сталъ вникать въ ихъ житье-бытье. Прежде всего мнѣ не понравилось, что они ничего не ѣдятъ мясного и не употребляютъ никакихъ горячительныхъ напитковъ, отчего лица у всѣхъ у нихъ такіа блѣдныя и сухія. Живутъ они всѣ скрытно и осторожно, отчего и самые дома ихъ строятся большею частію окнами во дворъ, заборы чуть не наравнѣ съ крышей, а ворота вѣчно на заперти. Въ каждомъ домѣ есть тайники, или подвалы, гдѣ совершается у нихъ оскотленіе и гдѣ оскотленные послѣ этого обряда или вылечиваются, или умираютъ никому неизвѣстно... Изъ разспросовъ и разговоровъ съ ними я узналъ, что они имѣютъ сношенія съ скопцами въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ таврической гу-

берни и даже съ иркутскими и тобольскими скопцами. Сношенія эти производятся чрезъ странниковъ и бѣглыхъ, которые обыкновенно, въ случаѣ опасности, прячутся въ тайники между накатомъ и обшивкой потолка, въ двойныхъ и тройныхъ подпольяхъ и, наконецъ, просто въ землѣ, вырытой въ глубину саженъ въ десять, или двѣнадцать. Когда я познакомился съ ними покороче, то узналъ, что у каждаго скопца есть своя радѣльная рубаха и радѣльные покровы, бѣлые платки, усѣянные мушками, а иногда и просто полотенцы; у многихъ какая-нибудь святиня изъ вещей искупительскихъ, или ладонка съ волосами и обрѣзками ногтей, или пузырекъ съ грязною мыльною водою отъ искупителя, и у каждаго непременно монеты Петра III, тщательно оберегаемыя отъ всѣхъ другихъ денегъ отдѣльно...

«— Ну, что, нравится ли тебѣ у насъ жить? стали спрашивать меня всѣ.

«— Нравится, говорю.

«— А вѣра наша?

«— Да я церкви вашей, говорю, не видалъ еще.

«— А вотъ увидишь скоро!...

— И они введеніе меня въ свою церковь все откладывали до большаго испытанія меня. Наконецъ, черезъ мѣсяць рѣшились допустить меня до своего богослуженія.

«— Ну, теперь, божей сынъ, поведемъ тебя и въ свою моленную, гдѣ присутствуетъ самъ христовъ, сказалъ мнѣ Трофимъ Зайцевъ.— Увидишь все христово царство!...

«— Очень, говорю, любопытствую.

И мы стали собираться. Моленья ихъ, сударь мой, происходятъ большею частію наванунѣ большихъ православныхъ праздниковъ, но гдѣ — я никакъ никогда не могъ самъ собою этого узнать: такъ тщательно они скрываютъ эти мѣста. Настала наконецъ ночь подъ Погровъ Пресвятыя Богородицы — и въ селѣ стали готовиться тайно въ моленную. Ночь была темная, такъ что въ трехъ шагахъ не было видно человѣка. Мы пошли лѣсомъ за село, гдѣ находилась моленная. Наконецъ, подходимъ къ оврагу. Смотрю — съ фонарями подъ полою спускаются въ оврагъ со всѣхъ сторонъ скопцы, и впряютъ въ западню, которая сдѣлана изъ земли въ полуторѣ. Спускаюсь и я въ западню. Вижу, огромный корридоръ съ фонарями потянулся въ глубину горы. Народъ шель свободно по корридору, какъ по улицѣ. Полъ насланъ изъ досокъ, бока досчатые изъ срубовъ. Вездѣ горитъ огонь и стоятъ караульные по

угламъ. Наконецъ дошли мы къ двери избы, которая окнами выходитъ на рѣчной берегъ и изображаетъ собою съ виду будто начальникъ крестьянскій. Входимъ мы. Смотрю, изба полна ужъ народу. Времени было около часовъ девяти ночи. Мужчины одѣты въ бѣлыхъ рубашкахъ, длинныхъ-предлинныхъ и широкихъ, такъ что аршинъ десять будетъ въ подолѣ, женщины тоже въ бѣлыхъ рубашкахъ и въ синихъ китайчатыхъ сарафанахъ сидятъ по лѣвой сторонѣ переднаго угла. Какъ мужчины, такъ и женщины бо-сикомъ и держатъ въ рукахъ большіе бѣлые покровы, въ родѣ полотенецъ. Когда мы вошли, то Трофимъ далъ знакъ, чтобы я привѣтствовалъ всѣхъ земнымъ поклономъ и самъ бухнулся въ землю. Намъ отвѣтили тѣмъ же и мы сѣли. Трофимъ облачился тотчасъ въ бѣлую одежду и разулся, какъ слѣдуетъ скопцу. Черезъ часъ, наконецъ, по знаку одного плюгавенькаго мужичонка, съ бородкой клиномъ, всѣ зашѣли:

Дай намъ Господи, къ намъ (*)
 Иисуса Христа!
 Дай намъ сынъ божій
 Свѣтъ помилуй насъ!
 Сударь духъ святой
 Свѣтъ помилуй насъ!
 Охъ, ты матушка,
 Свѣтъ-помощница
 Пресвятая свѣтъ
 Богородица!
 Упроси свѣтъ объ немъ
 Свѣтъ-сына твоего
 Бога нашего!
 Свѣтъ тобой мы спасены
 На сирой на землѣ,
 На матушкѣ
 На сударинѣ
 На кормилицѣ!...

Я сижу въ углу и смотрю на потолокъ молельни. Вижу—посрединѣ нарисовано всевидящее око съ парящими ангелами въ трехъ кругахъ, а внизу Адамъ и Ева рукоплещущіе; дальше нарисованъ отрокъ въ радѣльной рубахѣ съ поднятыми къ небу руками, на котораго изливаетъ благодать свою духъ святой въ видѣ голубя, окруженный группами ангеловъ; рядомъ нарисованъ распинающійся отшельникъ, у котораго ротъ запертъ замкомъ, въ груди обнаженное сердце, а въ рукахъ чаша съ горящимъ пла-

(*) Пѣсня скопческія, съ извращеннымъ понятіемъ о вѣрѣ.

менемъ; посреди разныхъ иносказательныхъ фигуръ и подписей, въ разныхъ видахъ и положеніяхъ, представлены агнцы съ разными украшеніями, преимущественно крестами. Тутъ же было изображеніе «Бездни» и «Ключа ада», что означало нечистые грѣшныя ограны человѣческіе, такъ что Бездну выносятъ на свѣтъ дьяволы, а Ключъ ада воздымаетъ и направляетъ самъ сатана. Главныя же картины были: изображенія ихъ умершихъ учителей Селиванова и Александра Ивановича, на которыя всѣ молились. Селивановъ этотъ нарисованъ старичкомъ въ темнозеленомъ халатѣ, съ черною соболиною опушкою, съ бѣлымъ галстукомъ на шеѣ, повязаннымъ большимъ бантомъ. Онъ сидитъ въ креслахъ, положивъ правую руку на красный, объ одной ножкѣ, столъ, на которомъ изображалась корзинка съ вѣткою винограда и двумя персиками, въ лѣвой же рукѣ его бѣлый платокъ съ голубыми и красными цвѣточками. Изба вообще была очень большая и въ ней находилось человѣкъ сто. Предъ иконами висѣли лампы, а къ потолку привѣшены два паникадила со свѣчами. Посрединѣ избы у стѣны было устроено особое сѣдалище, или ложе, которое называлось у нихъ престоломъ—и стояло оно такъ, что съ него можно было видѣть всѣхъ. Долго, скажу вамъ, сударь мой, пѣли сющцы свою молитву и наконецъ, громкимъ голосомъ вдругъ закричали: *катитъ нашъ батюшка, катитъ нашъ сынъ божій!* Мужичонка, съ длинной черной бородой, явился въ богатомъ халатѣ, въ колпакѣ и въ спальныхъ сафьяныхъ сапогахъ. Это—видите ли, былъ ихъ Христосъ, сѣшедшій, дескать, къ нимъ съ неба. Вошелъ онъ этапъ важно на свой престолъ, обложился подушками и сталъ благословлять собраніе обѣими руками, говоря, что теперь присутствуетъ посреди дѣтей живой Богъ и бормоча: «Милость-милость! покровъ-покровъ!» Тутъ, знаете, у нихъ началось пророчествованіе. Мужичонка этотъ, что сидѣлъ на тронѣ, назначилъ кому пророчествовать. Вышелъ мужикъ, съ рыжей бородой, на середину, перепоясанный чрезъ плечо полотенцемъ съ платкомъ и покровомъ въ рукѣ, и поклоняся до земли прежде иконамъ, потомъ Христу въ халатѣ и всему собранію, запѣлъ:

Благослови, мой государь,
 Благослови, батюшка родной!
 На кругъ святой твой стать,
 Изволь мною святымъ духомъ завладать!...

Мужичонка этотъ пѣлъ долго-таки, а прочіе все ждали, когда сойдетъ на него духъ святой, а потомъ и сами всѣ запѣли гуртомъ:

Благослови вышній Творецъ
 Милосердый Богъ отецъ
 Твою пѣсенку намъ спѣть,
 На честный образъ глядѣть!
 Благослови нашъ искупитель
 Сударь-батюшка родимой
 Колоколъ прозвонити
 Птицу райскую сманити!...

Какъ пропѣли они эту пѣсню, мужичонка въ халатѣ, что Христа изображаетъ, началъ пророчествовать и заболталъ всякій вздоръ, какой ему приходилъ въ голову и какъ попало. А всѣ его люди опять запѣли:

Oго! го! го! го!
 Благослови государь батюшка
 Искупитель изъ рая
 На святомъ кругу положить
 И про твои великія дѣла возвѣстить,
 Какъ ты страдаешь въ Суздаля-градѣ,
 Подая вѣрнымъ отрады...

Наконецъ, въ толпѣ послышалось: *разблажился, батюшка, разблажился!* И стали подходить ко Христу одинъ за другимъ слушать пророчества. Подошелъ парень въ бѣлой одеждѣ, такой плотный и красный, и просилъ пророчества. Христось заговорилъ ему:

Ну, Богъ помочь тебѣ братъ!
 Эка Богъ тебѣ радъ
 Подаетъ душѣ твоей много награды;
 Ты будешь имѣть много отрадъ,
 Пошлетъ въ нутро твое благодать,
 Не изволь, братъ, унывать!...

Парень облизывался отъ удовольствія, что хорошо пророченіе ему, поклонился до земли и отошелъ. Смотрю, подошла дѣвка и просила тоже пророчества. Христось въ халатѣ проговорилъ ей:

Оставайся Богъ съ тобой,
 Покровъ божій надъ тобой!...

Дѣвка отошла, а за нею стали подходить и прочіе. Этотъ мужичонка, вижу, несъ всякую ахинею, наборъ словъ, сказываемый наобумъ, но все отвѣчалъ стихами и речами. Когда онъ говорилъ, то всѣ внимали и было въ молеельнѣ такъ тихо, что будто въ избѣ никого нѣтъ; до кого касались эти пророчества, тѣ падали ницъ и распростирались по полу, а прочіе сидѣли. Смотрю, подходить мой Трофимъ и растянулся какъ пласть по полу. Христось заговорилъ ему:

На зарѣ-зарѣ вечерней
 Золотѣ труба трубала
 Вѣрныхъ праведныхъ будила
 Съ неба матушка скатила,
 На святой кругъ накатила
 Избранныхъ возвѣщала
 Ждать батюшку обѣщала...
 Приказала всѣмъ молиться
 Скоро батюшка явится
 Красно солнце прикатится,
 Въ домъ Давидовъ возвратится
 На престолѣ воцарится,
 Освѣтитъ тебя лучами
 Зазритъ батюшка очами
 И избавитъ тя отъ печали —
 Ступай и прощай...

Трофимъ отошелъ и разглаживалъ бороду отъ хорошаго пророчества. А дай, говорю, подойду и я. Чтò скажетъ мнѣ Христось? Я не имѣлъ на себѣ бѣлой одежды, но Христось *сметнулъ* про меня и заговорилъ мнѣ:

Видитъ батюшка изъ рая,
 Что катитъ птица моя,
 Ее батюшка встрѣчаетъ
 Крестнымъ знаменьемъ благословляетъ.
 На кругъ птицу отражаетъ и проч.

Ишь ты шельма, думаю, какія турусы подпустилъ. Видитъ новую птицу у себя и ублажаетъ. Однако, вижу, мужичонка, наконецъ, усталъ и утихъ. Въ сборницѣ начались радѣнія.

— Вы не знаете, сударь, чтò это за *радѣнія*? сирбсилъ меня Русановъ?

— Нѣтъ, говорю.

— А вотъ послушайте, я вамъ расскажу. Какъ только умолевъ этотъ ихъ христось въ халатѣ, выступила на середину дѣвка, черномазая, смазливая такая, и начала вертѣться на пяткѣ правой ноги на одномъ мѣстѣ такъ шибко, точно мельница. За ней завертѣлись другіе поодиночкѣ, и бабы и мужики, и все на пяткѣ порознь одинъ отъ другого. Это у нихъ называется *радѣніе оди-мочное*. Въ это время прочіе заплѣли:

Ай у насъ на Дону
 Самъ Спаситель во дому! и проч.

Когда устали вертящіеся поодиночкѣ, тогда Христось ихъ на своемъ тронѣ заплѣлъ:

Богоотецъ убо Давидъ
 Предъ сннимъ ковчегомъ
 Станаше играя...

— Вдругъ, сударь мой, началась потѣха! Всѣ стали въ стѣнку другъ возлѣ друга и начали бѣгать одинъ за другимъ кругообразно, останавливались другъ передъ другомъ, заскакали, завертѣлись, заковырчались разными манерами и пришли въ буйный, неистовый восторгъ. Все ломалось, корчилось, бѣсновалось, сколько хватало силъ, до изнеможенія, до безпамятства. Посрединѣ круга вертѣлись двое, точно какъ жорновъ мельничный, такъ что глазъ терялъ ихъ изъ виду. Волосы у кружившихся поднимались дыбомъ, на мужчинахъ рубахи и на женщинахъ сарафаны раздувались какъ трубы. Въ избѣ воздухъ сдѣлался въ родѣ вихря, такъ что нѣкоторыя свѣчи задулись сами собою. Смотрю, одинъ судорожно толчется, другой трясется и топаетъ ногами, третій прыгаетъ вверхъ, четвертый скачетъ въ присядку. Изъ устъ бѣснующихся слышались гоготанья и взвизгиванья:

Ой духъ,
Ой духъ!
Царь Богъ!
Царь Духъ!

Поть со всѣхъ лился рѣками, такъ что полъ хотъ вытираи ветршнами, и бѣснующіеся дѣлались точно выкупанные, или изъ бани. Съ полчаса это длилось. У меня инда голову заломило. Чтѣ за чудо, думаю, какъ это ихъ хватаетъ? Наконецъ вижу, поуныхались, лица поблѣднѣли какъ полотно, и многіе стали падать какъ мухи. А мужичонка въ халатѣ широкомъ, чтѣ Христомъ называется, стоитъ себѣ на своемъ тронѣ да рукой помахиваетъ и ногой притопываетъ, приговаривая:

Мои дѣтушки разгулялся,
Со святимъ Духомъ разблжались!...

а ему отвѣчаюгъ всѣ пѣсню:

Аи! кто пиво варилъ,
А кто затиралъ? и проч.

— Это радѣніе, сударь, у нихъ называется *корабельнымъ*.

То-то пивушко-то,
То-то дивушко-то...

кричали всѣ, высовывая отъ усталости языкъ и падая на земь:

Человѣкъ устами не пьетъ,
А пивехонекъ живетъ!...

Когда всѣ почти изъ бѣсновавшихся повалились на полъ, то четверо, которые послабнѣе другихъ и меньше умались, вы-

ступили на средину и стали радѣть крестообразно, изображая Петровъ крестъ. Они стали другъ противъ друга на крестъ и начали прыгать и крутиться до тѣхъ поръ, пока тоже не повалялись на земь. Когда, такимъ образомъ, всѣ упались пивомъ небеснымъ и обезнамятили, у нихъ начались пророчества *самихъ людей*. Поднялась дѣвка и стала среди избы. Всѣ попадали на колѣна передъ иконами и сидѣли на полу. Дѣвка заговорила:

Прости солнце, мѣсяць, простите звѣзды,
Прости матушка сыра земля!
Господи, благослови мнѣ говорить не своими устами,
А всели въ меня святыи духъ твой!...

Затѣмъ начала эта дѣвка бѣгать среди сидѣвшихъ на колѣнахъ на полу и приговаривать:

Слушайте, православныя христіане!
Вотъ есть духъ святыи! Молитесь христіане!
То былъ дождь, а теперь я вамъ дамъ погоду,
Чтобы коношю помолотить. Не переставайте, молитесь.
Два года былъ неурожай,
А теперь я вамъ дамъ великій урожай хлѣба.
Не кушайте зеленъ виноградъ. За ваше маловѣріе
Пошлю сильную тучу и градъ!...

Услышавъ послѣднюю угрозу, всѣ, общими силами, стали умолять пророчицу, чтобы она отвратила тучу и градъ, потому что у нихъ и то два года сряду были неурожайные. Затѣмъ двѣ изъ бывшихъ тутъ женщинъ начали просить со слезами, одна — объ избавленіи ея семейства отъ рекрутской повинности, другая — о возвращеніи ея сына, отданнаго въ солдаты. Пророчица обѣщала всѣмъ исполнить ихъ просьбы. Кончивши прорицація, дѣвка начала приглашать каждаго помолиться ей чѣмъ-нибудь: тутъ кто обѣщалъ ей служить поклонами, кто милостынею. По окончаніи пророчества, Христосъ ихъ началъ раздавать маленькіе четверугольные кусочки бѣлаго хлѣба, крестообразно изрѣзанные линиями, въ видѣ четверугольныхъ пряничковъ, съ изображеніемъ креста и цвѣтовъ. Эти кусочки скопцы считаютъ истиннымъ святымъ причастіемъ, а освящались они будто чрезъ опущеніе въ могилу святителя ихъ Александра Ивановича Шилова, находящуюся въ Шинссельбургѣ, гдѣ будто нарочно для того сверху могилы находится отверстіе. Послѣ причастія всѣ стали угощать себя братскою трапезою, которая была приготовлена за стѣной, въ особой комнатѣ за перегородкою, и состояла изъ рыбы, молочныхъ кушаньевъ и овощей. Также всѣ стали пить чай, до

котораго они вообще большіе охотники, и который замѣняетъ имъ употребленіе горячихъ напитковъ. На зарѣ почти всѣ разошлись, и я воротился...

— Да-съ, сударь мой. Вотъ она какова вѣра-то! воскликнула Русановъ.—*Блажѣтъ* вѣдь люди, какъ вы думаете?

— Да, говорю, блажѣтъ...

— А все отчего?

— Отчего говорю?

— Отъ невѣжества. *Ничему не учены, настоящей вѣры не знаютъ*, ну, и бродятъ въ *потемкахъ*, кто во что гораздъ... Да наживу полиціи доставляютъ. Сколько денегъ съ нихъ побираютъ—сами разсказываютъ!... Извѣстно, баловливая овца волку корысть.

— Я, однако, не слыхалъ, говорю, чѣмъ же кончилось твое пребываніе у скопцовъ-то?

— Чѣмъ кончилось-то?

— Да.

— Конечно, чѣмъ!... Я, испытавши ихъ вѣру пустую, увернулся отъ нихъ, изловчился любо-дорого.

— Какъ же именно? любопытно, говорю, знать.

— Дѣло было такъ, продолжалъ Русановъ.—Послѣ Покрова-то, когда меня допустили въ моленную свою, скопцы эти стали присылать ко мнѣ, чтобы я сдѣлалъ надъ собою *приводъ*. Это поихнему значить посвященіе себѣ въ скопцы, только уже чрезъ оскосленіе.

— А никакихъ тутъ болѣе не будетъ? спросилъ я.

— Никакихъ, говорятъ.

— Ну, говорю, ладно. А самъ думаю: посмотрю, что за штука этотъ *приводъ*? Вѣдь меня отъ этого не убудетъ. Чрезъ двѣ недѣли слышу: по всему селу и по окрестнымъ селамъ разнесли они вѣсть, чтобы собирался народъ подъ воскресенье слѣдующее въ моленную, гдѣ, дескать, будетъ *приводъ* надъ странникомъ Богданомъ, подъ каковымъ именемъ извѣстенъ былъ а у скопцовъ. Ладно, думаю, пускай собираются!...

XIV.

На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ.

— Приближалось, наконецъ, сударь мой, и воскресенье. Я сказалъ Трофяму, что неготовъ еще вступить въ ихъ вѣру и что желаю еще съ мѣсяць быть на испытаніи. Онъ доложилъ старѣй-

шимъ и меня оставили еще на мѣсяцъ, а между тѣмъ недѣли черезъ двѣ прилучилось сдѣлать приводъ надъ бѣглымъ, изъ Сибири, парнемъ лѣтъ двадцати-пяти, который уже больше полгода былъ у скопцовъ на испытаніи: я изъявилъ желаніе участвовать при «приводѣ», чтобы потомъ, дескать, самому знать этотъ обрядъ, когда придется его держать. Согласились и на это. А я, между тѣмъ, живу да поживаю и всѣ ихъ обряды и закоулки высматриваю... Любопытство меня сильно разнимало! Подъ Кузьму и Демьяна, наконецъ, назначили приводъ бѣглому варню. Мы съ Трофимомъ отправились въ модельню въ тотъ же лѣсъ, гдѣ я бывалъ уже нѣсколько разъ при богослуженіи. Приходимъ. Всѣ скопцы были въ полномъ сборѣ, какъ мужчины такъ и женщины. Свѣчь пылало такъ много, что въ модельнѣ былъ точно день. Приводимый *носикъ* въ ближней горницѣ переодевался въ торжественный нарядъ, состоявшій въ бѣлой, длинной и широкой, особаго покроя, рубашкѣ, а соборъ братіи протяжно запѣлъ:

Ужь ты бѣлый голубокъ
 Нашъ сязенькій воркунокъ!
 По саду леташь воркуашь,
 Приналь къ терему, послушаль:
 Чтѣ въ теремѣ говорятъ?
 Волю божию творять.
 Входи къ намъ, братецъ, порадѣй,
 Живымъ Богомъ завладѣй!...

—Потомъ по знаку, данному Христомъ, который сидѣлъ на своемъ тронѣ, ввели парня въ соборъ, съ босыми ногами. Уловитель *носикъ* подвелъ его къ тремъ учителямъ, съ сѣдими длинными бородами, и велѣлъ положить три поклона, потомъ оба обратились къ Христу и поклонились ему до земли, сотворивъ крестное знаменіе обѣими руками. Всѣ присутствующіе братья и сестры сидѣли по чину съ зажженными восковыми свѣчами, а Христось, правій мужичонка, держалъ кромѣ того въ правой рукѣ крестъ. «Новикъ» съ привѣтствіемъ и поклономъ подводился ко всѣмъ братьямъ и сестрамъ, которые отвѣчали ему тѣмъ же, вставали съ своихъ мѣстъ и снова садились по мѣстамъ безмолвно. Христось потомъ началъ держать рѣчь и сталъ изъяснять приводимому, какъ тяжело яремъ, который онъ хочетъ принять на себя, къ какимъ трудамъ долженъ себя готовить, какъ будутъ его гнать, хулить и ненавидѣть, и все это надобно будетъ переносить терпѣливо и безропотно. Хоръ запѣлъ:

Ты воспой, воспой соловешкомъ въ саду,
Не давай сердцу печали моему!...

—Христось началъ налагать потомъ обязанности, которыя отъ того часа надо будетъ исполнять свято и ненарушимо до конца жизни. Вовервмхъ, говорил онъ, нужно удалиться отъ обращенія съ женщинами, какъ отъ самой гнусной слверны, и потому *кто неженатъ, тому впрעדъ не женатъся, а кто женатъ уже, тому разженатъся*, то-есть прекратить супружескія сношенія съ женою; вовторыхъ, не употреблять никакихъ горячихъ напитковъ, ни вина, ни пива, также и табаку, не ѣсть мяса, а питаться только растеніями, молочнымъ и рыбнымъ; втретыхъ, не проносить никакихъ ругательствъ, тѣмъ паче непристойно-бранныхъ словъ, даже не выговаривать имени дьявола, а называть его, въ случаѣ надобности, «врагомъ», другъ же друга не уверять никакимъ чернымъ словомъ, развѣ вроткимъ именовемъ «суеты»; вчетвертыхъ, съ «міромъ», то-есть со всѣми прочими людьми, не водить никакой дружбы и пріязни, не ходить къ нимъ ни на свадьбы, ни на крестины, ни на другіе праздники и торжества, пѣсенъ обыкновенныхъ не только не пѣть, но и не слушать, равно какъ сказокъ, тагъ и другихъ вымышленныхъ повѣстей не читать; впятыхъ, называть другъ друга не иначе, какъ «братьями» и «сестрами» и притомъ каждому «брату» и каждой «сестрѣ», при свиданіи, только бы не при мірянахъ, воздавать честь земнымъ поклономъ, съ изображеніемъ крестнаго знамени, по той причинѣ, что человекъ есть образъ божій живой, а не писанный. Если все это можешь исполнить, говорилъ Христось «новіеку», то милости просимъ въ избранное христово стадо!...

«— Могу! отвѣтилъ новіеъ.

«— Въ самой строжайшей точности? повторилъ Христось.

«— Въ самой строжайшей точности.

«— Въ братствѣ, въ которое ты вступаешь, говорилъ Христось: — хранится живое таинство, *утаенное* отъ премудрыхъ и разумныхъ и открываемое со временъ святыхъ апостоловъ только младенцамъ, то-есть избраннымъ святымъ божіимъ человекамъ. Общаешься ли ты это таинство, когда оно будетъ тебѣ открыто, сохранять въ своемъ сердцѣ и никому неповѣдать, хотъ бы то стоило гоненій, мукъ и даже самой смерти?

«— Общаюсь, говорилъ новіеъ.

«— Такъ! отвѣчалъ Христось.—Но вого представишь ты норукою за себя?

«Новикъ» указалъ на своего *уловителя*.

— Ну, лякуйте людіе! обратился Христось къ собору.

И всѣ хоромъ заплѣли:

Благословенъ еси Христе Боже нашъ,
Иже премудры ловцы лемей.
И тѣми уловлей вселенную...

— Клянись! закричалъ Христось къ «новнику».

Малый, смотрю, вдрогнулъ и побѣлѣлъ.

— Произноси за мной клятву.

И уловитель далъ въ руки новнику икону.

«Пришелъ я къ тебѣ, Господи, на истинный путь спасенія.
Не по неволѣ, но по своему желанію
И обѣщаюсь служить вѣрно милосердому государю
Батюшкѣ искупителю!...
И про дѣло сіе святое никому не сказывать
Ни царю, ни князю, ни отцу, ни матери, ни родству, ни пріятелю
И готовъ принять гоненія и мученія:
Огонь, клятъ, плаху и топоръ,
Только не повѣдать врагамъ тайну!»

— Послѣ клятвы «новикъ» поцаловалъ крестъ, находившійся въ рукѣ у Христа, и опять заговорилъ за нимъ прощальныя слова, означавшія совершенное его отреченіе отъ прежней жизни и возрожденіе въ новую жизнь:

Прости меня Господи,
Прости меня пресвятая Богородица,
Простите меня ангелы, архангелы,
Херувимы, серафимы и вся небесная сила.
Прости небо, прости земля, прости солнце, прости луна,
Простите звѣзды, простите озера, рѣки и горы,
Простите всѣ стихіи небесныя и земныя!...

— Смотрю я, послѣднія слова малый едва выговорилъ. Кажется, онъ запугался не на шутку. Тутъ весь соборъ всталъ и началъ ходить кругомъ, распѣвая:

Во Иорданѣ крещашуся тебѣ Господи!

— И кружатся, сударь мой, и поютъ во весь голосъ. Потомъ вдругъ остановились и заплѣли:

Елицы во Христа крестистесе,
Во Христа облекостесе, аминюіа!

— Христось послѣ этого, а за нимъ братія и сестры всѣ по порядку, положивъ земной поклонъ предъ иконами, начали поздравлять новаго собрата громкимъ возгласомъ:

Христось воскресе!

— Новикъ отвѣчалъ всѣмъ и каждому порознь по очереди:

Во истину воскресе!

— И всѣ зацаловались съ *новымъ братцемъ*, а хоръ запѣлъ:

«— Выбранный воевода, нашъ сударь батюшка
Избранный воевода, нашъ дарь небесный!... и пр.

«— Помолитесь, заговорилъ наконецъ Христось, въ родѣ ете-
ни:—вопервыхъ, о матушкѣ великой страдалицѣ Акулинѣ Иванов-
нѣ и государѣ-батюшкѣ искупителѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ, о благосло-
венномъ батюшкѣ Селивановѣ и Александрѣ Ивановичѣ Шиловѣ,
о разныхъ корабляхъ, плавающихъ по морю житейскому, и за-
ключенныхъ въ ссылку нашихъ братіяхъ. Аминь!

Послѣ этого, малаго «новика» повели въ сосѣдную комнату
и оскопили косою... но такъ плѣхо, что онъ потомъ три недѣли
лежалъ не вставая съ постели, пока залечивался всякими мазями
и пластырями ихними...

«— Худо, подумалъ я, наглядѣвшись на мученія малаго:—если
этакъ и меня окарнають!... Нѣтъ, шалишь, смекалъ я, ужъ оско-
питься-то не дамъ!...

— И я сталъ придумывать, какъ бы улизнуть отъ нихъ. Скоп-
леніе это уродовало, сударь мой; людей немилосердно; а глав-
ное, причиняло нестерпимыя боли. Дѣлать этого они хорошо не
умѣли и производили обрядъ этотъ то бритвою, то ножомъ или
другимъ острымъ орудіемъ, то косою, топоромъ и долотомъ—и
прижигали потомъ тѣло раскаленнымъ желѣзомъ. У женщинъ
оскопляемыхъ отрѣзають груди, иногда вжигаютъ ихъ, а иногда
и вытравлиють... Правда, они поятъ предъ этимъ виномъ под-
давшихся имъ и даютъ кучу денегъ, дарятъ иногда цѣлый новый
выстроенный домъ, со всѣмъ и со скотомъ, накупленнымъ на-
рочно для новаго собрата - бездомника, особенно бѣлаго или
ссылнаго, но все-таки чрезъ день оскопленный восчувствуетъ же
боль и кричитъ сердечный благимъ-матомъ по цѣлымъ мѣсяцамъ.
Бываетъ у нихъ и то, что слишкомъ робкихъ и упорныхъ, опонь
пьяными и другими усыпительными напитками, они заворачивають
въ простыню, связываютъ по рукамъ и по ногамъ, надѣваютъ на
голову мѣшокъ и такимъ образомъ уносятъ или отвозятъ въ ка-
кое нибудь захоlustье, въ подвалъ, въ погребъ, гдѣ средства
спасенія, крикъ и призваніе на помощь были бы бесполезны.
Жаловаться начальству послѣ этого нельзя, потому что законъ

подававшася скопичеству ссылаеть въ каторгу. Мой хозяинъ — уловитель, мужикъ Трофимъ, сталъ за мною смотрѣть, сударь мой, во всѣ глаза и ни на шагъ не отпускать отъ себя, зная, что приближалось время оскотченія меня и опасаясь, чтобы я не далъ тягу. Онъ, видите ли, соблазнялъ меня уже двѣнадцатаго, а по ихъ вѣрѣ, кто уловить въ скопчество двѣнадцать человѣкъ, тотъ приобретаетъ званіе *апостола* съ правомъ старѣйшины и наставника.

— Трофиму очень хотѣлось, конечно, получить званіе апостола, и онъ укаживалъ за мною сильно. Миѣ приготовили уже и домъ со всѣми службами, и скотъ накупили. По правдѣ говоря, и всѣ скопцы помѣшаны на томъ, какъ бы больше уловить людей. Они вѣрятъ, что когда секта ихъ будетъ простираться до апокалипсическаго числа, то-есть до 144,000 человѣкъ, тогда явится въ славѣ ихъ христось, который есть истинный агнецъ божій, и тогда наступитъ окончателно ихъ торжество и вѣчное блаженство...

— Случилось, однако, сударь мой, скоро прѣхать становому въ село. Онъ заглядывалъ къ скопцамъ частенько, но обысковъ мало дѣлалъ. Скопцы отдѣлывались за посѣщеніе его сторублевою, и онъ убѣждалъ. Миѣ пришла мысль указать становому мѣста оскотченія. Съ одной стороны, я думалъ, сдѣлаю хорошее дѣло, когда прекращу этотъ обрядъ северный, потому что, какъ хотите, сударь, а рѣзать этапъ человѣка не годится, *дурятъ люди сдуру*; а съ другой стороны держу на умѣ, чтобы воспользоваться судомъ и убѣжать отъ нихъ по добру по здорову. Вотъ настигъ я становаго вечеркомъ у гуменъ и говорю ему:

«— Извините, ваше высокоблагородіе, если я остановлю васъ.

«— Чтò, говорить, тебѣ нужно?

«— Да вотъ, молъ, желаю сообщить вамъ мѣста, гдѣ производять скопленіе людей.

— Становой ласково взялъ меня сейчасъ за руку, да и началъ выспрашивать, и такъ дружественно. Я росписалъ ему всѣ мѣста и склены скопцовъ.

«— А кто, говорить, ты самъ-то?

«— Тоже изъ ихнихъ, говорю.

«— Ну, говорить, я тебя не трону, все сдѣлаю такъ, какъ-будто я самъ обо всемъ узналъ, и тебя вовсе не знаю. Понимаешь?

«— Понимаю, говорю.

«— А то, если узнают они, тебя могутъ убить пожалуй, а если по суду принять отъ тебя доносъ, то тебя потомъ будутъ судить за пребываніе въ сектѣ... А самъ сунулъ мнѣ 25ти-рублевую бумажку въ руку.

«— Вотъ тебѣ, говоритъ, за доброе извѣстіе.

— Смотрю, сударь мой, становой ночью же шастъ съ понятими по всѣмъ указаннымъ мною мѣстамъ. И пошла потѣха въ селѣ! Я какъ-будто и знать ничего не знаю. Становой отыскалъ у нихъ, по моему указанію, и чуланчики, и чердаки, и клѣтушки, и тайники, устроенные между накатами и обшивкой потолка, гдѣ хранились орудія оскропленія, а у Христа забралъ всѣ радѣльные рубашки, радѣльные покровы, ладонки съ волосами и обрѣзками ногтей, сухарики, врендельки и другія съѣдобныя крохи, составлявшія причастіе скопцовъ, мази, и примочки всякія, служившія къ заживленію ранъ, окровавленныя тряпки, подушки и одѣяла съ кровавыми пятнами, и забралъ его самого въ острогъ. Боже ты мой! какъ завопили, доложу вамъ, скопцы эти! Собрали не одну тысячу денегъ и отдали становому, чтобы выпустилъ ихъ Христа. Становой, не будь, значить, глупъ, деньги взялъ отъ посланнаго, подарки принялъ, а Христа-то все-таки не выпустилъ и доложилъ начальству, что такъ-де и такъ, Христа поймалъ. Прочихъ же мужиковъ, у которыхъ нашелъ тайники разные, отпустилъ, взявъ съ каждаго выкупа по 500 руб. сер., а то, говоритъ, въ острогъ всѣхъ пересажаю. Долго тужили скопцы о Христѣ своемъ и ходили съ деньгами по начальству. Собирали денегъ кучу и все отвозили въ губернской городъ... Только, доложу вамъ, сударь, они канальи послѣ этой переполохи такъ озлились, что готовы были оскропить весь свѣтъ и изрѣзать по своему обряду. Меня чрезъ мѣсяцъ же потянули къ оскропленію.

— Шалишь, думаю, я теперь съ вами справлюсь! Становой сказалъ мнѣ, чтобы я ничего не боялся и донесъ ему еще объ молельникахъ ихъ.

— И сѣвъ верхомъ на лошадь, я въ одну ночь, за два дня до оскропленія меня, скаталъ къ становому, который жилъ всего въ 8-ми верстахъ отъ этого села.

«— Такъ и такъ, говорю, ваше высокоблагородіе, подѣ субботу послѣ-завтра, назначается мелешь въ лѣсу и оскропленіе меня. Пріѣзжайте и переважите всѣхъ, а я въ это время убѣгу.

«— Прекрасно, говоритъ! Вотъ тебѣ 50 руб. за это, и позволеніе

убѣжать. Ты убѣги прямо ко мнѣ въ станъ, будешь безопасенъ; только какъ же это ты сдѣлаешь?

«— Ужь это, говорю, наше дѣло! А самъ думаю: услугу становому, пригодится вѣдь онъ въ моемъ житѣ. Человѣкъ я бѣглый...

— Становой тотчасъ меня отпустилъ и спросилъ, въ какомъ часу это будетъ?

«— Въ десять часовъ, говорю, прѣзжайте. Какъ разъ будете въ вѣнь. Подходить суббота. Трофимъ мой руки потираетъ отъ радости. А я, значить, себѣ на умѣ—помалчиваю... Народъ, по обыкновенію, собрался со всего села. Гляжу, на мѣсто увешаннаго становымъ Христа избранъ ужъ другой мужичонка, борода опять елнномъ, какъ пишутъ на иконахъ у настоящаго Спасителя нашего. Свѣчи пылали во всей молебнѣ, какъ и прежде, и всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ свѣчами въ рукахъ, начали, по обыкновенію, пѣть разныя пѣсни, и лишь только затанули:

Благословенъ еси Христе Боже нашъ
Иже премудры ловцы ловлей...

какъ вдругъ дверь съ петлей молебни соскочила и становой съ ротою солдатъ, вооруженныхъ заряженными ружьями, влетѣлъ въ молебню и закричалъ:

«— А вотъ я васъ, сукины дѣти, и уловлю!...

— Господи владыко! что только сдѣлалось вдругъ въ молебнѣ?! Женщины пали на земь и завизжали, мужики хотѣли сопротивляться, но становой велѣлъ дать залпъ изъ ружей въ стѣну и у всѣхъ руки опустились. Мужичонку-Христа сейчасъ въ кандалы, а прочихъ становой заперъ на мѣстѣ преступленія и цѣпью охватилъ молебню. Къ губернатору тотчасъ послалъ нарочнаго съ донесеніемъ. Я выбѣгъ, съ дозволенія становаго, изъ молебни, вскочилъ на казацкую лошадь верхомъ и уѣхалъ въ квартиру становаго на житѣ... до поры до времени...

XV.

Дорога ложка за овцомъ.

— Въ квартирѣ становаго меня помѣстили безопасно. Прі квартирѣ было особое отдѣленіе для арестантовъ, въ родѣ пересильной тюрьмы или этапа, гдѣ содержались обыкновенно преступники до отсылки ихъ въ острогъ, или во время допросовъ. Тогда еще не было вѣдь судебныхъ слѣдователей и становой все

справлялъ одинъ. Смотрю: сначала начались допросы двумъ Христамъ, скованнымъ по рукамъ и по ногамъ. Я постоянно находился при этихъ допросахъ для очныхъ ставобъ и уличенія ихъ въ глаза. Ужь какъ же они сверкали на меня глазами, доложу вамъ, такъ бы, кажется, еслибы воля была, разорвали меня живого на клочки!... Я, знаете, посматриваю на нихъ, да посмѣиваюсь. А ихъ-то это нуще бѣсить... Первый допросъ начался Христу, что прежде былъ взятъ. Звался онъ Игнатій Шмелевъ. Ввели его въ присутствіе къ становому. Тутъ засѣдатель, депутатъ, четверо писцовъ сидятъ за столомъ. Солдаты ввели Шмелева скованнаго и стали у порога съ ружьями. Становой обратился къ нему съ вопросомъ:

«— Ты Игнатій Шмелевъ?

«— Нѣтъ.

«— Какъ нѣтъ? Я тебя вѣдь взялъ въ селѣ Б.... и отобралъ у тебя разныя вещи скопческія? говорилъ становой.

«— Нѣтъ.

«— У кого же?

«— Не знаю.

«— Ты скопецъ?

«— Нѣтъ! отвѣчалъ Шмелевъ.

«— Что ты врешь, братъ, такъ безсовѣстно, горячился становой.—Ты скопецъ?

«— Нѣтъ.

«— Этакая безсовѣстная скотина, говорилъ становой. — Раздѣвайте его, обратился онъ къ двумъ солдатамъ.

Казави раздѣли Шмелева и всѣ стали осматривать его. Оказалось, что онъ оскопленъ...

«— Какъ же ты говорилъ, что не оскопленъ? спросилъ становой.

«— Я не оскопленъ, а духомъ и огнемъ *крещенъ*, отозвался злобно Шмелевъ...

«— Ну, тамъ чѣмъ ты ни крещенъ, все равно, только все-таки оскопленъ?

«— Нѣтъ.

«— Тфу ты, скотъ! сказалъ становой и плюнулъ на полъ.

Потомъ велѣлъ записать, что Шмелевъ по осмотру оказался оскопленнымъ и сдѣлалъ признаніе, что онъ духомъ и огнемъ крещенъ, т.-е. оскопленъ...

«— Въ кого ты вѣруешь? далъ становой второй вопросъ Шмелеву.

«— Единъ учитель, отецъ нашъ искупитель, и матушка Акулина Ивановна, да батюшка Александръ Ивановичъ, а прочимъ я никому не вѣрю, отозвался Шмелевъ.

«— Чтѣ же это значить? спросилъ становой.

«— Какъ хотите, такъ и понимайте...

«— Да тутъ ничего не поймешь!

«— *Просвѣтитесь* духомъ, отвѣчалъ Шмелевъ.

«— Да гдѣ же его взять?

«— Не знаю!...

«— Зачѣмъ же ты говоришь, коли не знаешь?

«— Вы спрашиваете...

Становой опять плюнулъ на полъ и записалъ, что Шмелевъ на вопросъ: въ кого онъ вѣруеть, говорилъ чепуху.

«— Чѣмъ ты занимался среди скопцовъ? далъ становой третій вопросъ Шмелеву.

«— Ничѣмъ.

«— Какъ ничѣмъ?

«— Ничѣмъ, вромѣ душевнаго спасенія, посредствомъ воздержанія и чистоты...

«— А сотоварищи твои?

«— Не знаю.

«— Да вѣдь ты живешь съ ними, видишь чтѣ они дѣлають?

«— Не вижу.

«— У тебя есть глаза?

«— Нѣтъ.

«— Какъ нѣтъ? Вѣдь ты глядишь?

«— Гляжу.

«— Чѣмъ?

«— Духовными очами...

«— Да вѣдь это все равно?

«— Нѣтъ, не одно...

Становой взялъ-было перо, но ткнулъ имъ въ столъ и бросилъ его на полъ.

«— Такъ ты не намѣренъ ничего путнаго сказать ни о себѣ, ни о твоихъ собратяхъ по вѣрѣ?

«— Я ничего не знаю и не вѣдаю, отозвался упорно Шмелевъ.

«— Ну, а если тебя въ острогѣ заморять, ни ѣсть, ни пить не будутъ давать, пока не сознаешься?

«— Все равно. Я умру за искупителя...

«— Да кто такой этотъ искупитель-то?

«— Не знаю...

«— Ты видѣлъ этого человѣка, указалъ становой на меня:— когда онъ жилъ у васъ?

«— Нѣтъ.

«— Какъ нѣтъ? Ты совершалъ богослуженіе и онъ былъ у тебя.

«— Нѣтъ.

«— Ты его и не знаешь?

«— Нѣтъ.

«— Уберите его прочь, сказалъ становой солдатамъ.—Этакое упорство!...

И Шмелева отвели опять въ кутузку.

«— Вы напрасно, говорю, ваше благородіе, такъ подступаете къ нимъ. У этихъ людей принято *держатъ въ секретъ свою вѣру отъ правительства*, и они ни за что не разгласятъ ее человѣку, особливо на бумагѣ...

«— А упоренъ этотъ скотина! проговорилъ становой.—Хоть колъ на головѣ теши...

И становой, долго раздумывая, ведѣлъ, наконецъ, позвать Кузьму Лопатина, второго Христа, но не въ допросную избу, а къ себѣ въ комнату, гдѣ сталъ пить его чаемъ, уговаривалъ и обѣщалъ отпустить изъ кандаловъ тотчасъ же, если онъ откроетъ по истинѣ свою вѣру ему одному по секрету, такъ что и на бумагу этого онъ не напишетъ и начальству не донесетъ, а только будетъ знать изъ любопытства и для соображенія при дѣлѣ...

«— Вотъ сейчасъ и кандалы долой съ тебя велю снять, говоритъ становой:— если расскажешь... А то вѣдь подумай, иначе тебя въ каторгу на 20 лѣтъ сошлютъ.

Кузьма Лопатинъ былъ мужичонка трусливый и Христомъ только еще былъ избранъ недавно, потому не успѣлъ еще *укрепиться*... и сталъ поддаваться... Становой мигнулъ мнѣ въ дверь и шепнулъ, чтобы писарь сѣлъ за занавѣску, которой отгораживались комнаты его, и записывалъ показаніе. Писарь сѣлъ съ чернильницей и перомъ и сталъ писать, а Кузьма рассказывать...

«— Это истинное ваше вѣрованіе? спросилъ становой.

«— *Истинное*, отвѣчалъ Лопатинъ.

И онъ сталъ проситься отпустить его на волю и цѣпи желѣзные снять.

«— А ты оскопленъ? даяь еще послѣдній вопросъ Лопатину становой.

«— Оскопленъ...

«— Взглянемъ, сказала становой.

И Лопатина раздѣли.

На шолковомъ шнурѹ чрезъ шею у него найдена ладонка бархатная.

«— Это что? спросилъ становой.

«— Искупителевы *страды*, отвѣчалъ Лопатинъ.

Разрѣзали ладонку и въ ней нашли два листа бумаги, самыя убористыя почеркомъ исписанныхъ. Это было дѣйствительно «жизнь и страданія искупителя» ихнева, и ладонка та имѣлась во всякомъ кораблѣ и носилъ ее на груди всякій избранный скопцами Христось. Становой забралъ «страды» и ладонку и приложилъ къ дѣлу, а Лопатина увѣрилъ, что онъ напишетъ только бумагу такую, по которой чрезъ два или три дня и выпустить его на волю... Лопатинъ ушелъ въ полной увѣренности въ словахъ становаго.

На другой день, смотрю я, сударь мой, становой потребовалъ на второй допросъ Шмелева и сталъ урезонивать сознаться во всемъ и открыть свою вѣру, доказывая, что вотъ Лопатинъ сказалъ ужь все, стало быть-де тебѣ напрасно запирайтса...

«— Разсказалъ! вскрикнулъ Шмелевъ.

«— Да, разсказалъ, отвѣчалъ становой, и сталъ читать Шмелеву показанія, данныя Лопатинымъ и пришитыя уже къ дѣлу.

Какъ яръ, сударь мой, позеленѣлъ вдругъ Шмелевъ и зубами заскрипѣлъ отъ злобы, что Лопатинъ *выдалъ* ихъ ученіе...

«— Скажи и ты всю правду, говорилъ становой: — я и тебя отпущу и изъ кандаловъ освобожу такъ же, какъ обѣщалъ это сдѣлать для Лопатина.

«— Рѣжь тѣло мое въ куски, кидай по полю; пусть черныя вороны и собаки разнесутъ кости мои по лѣсамъ и горамъ, а сказать тебѣ я ничего не скажу, отвѣчалъ Шмелевъ и засверкалъ глазами, какъ лютый звѣрь... А самъ инда запатался...

«— Ну, какъ знаешь, сказалъ становой. — Только напрасно скрывать будешь! Мы ужь всю вашу вѣру знаемъ... а тебѣ не миновать каторги. Такъ подумай лучше хорошенько и выбирай или свободу, или каторгу...

«— Хоть тысячу смертей... все равно! отвѣчалъ Шмелевъ и глаза его налились кровью отъ злости...

«— Все сказалъ... все сказалъ... выдалъ... твердилъ онъ шопотомъ и сжималъ кулаки, какъ помѣшанный...

«— Чтобы тебѣ доказать, что я не лгу, сказалъ становой:— вотъ мы прочтемъ тебѣ и «страды» вашего испукителя.

«— «Страды!» вскрикнулъ испуганный Шмелевъ.

«— Да, «страды», что намъ выдалъ Лопатинъ. Вотъ послушай, писарь прочтетъ тебѣ.

И писарь сталъ читать «страды», найденныя въ ладонкѣ Лопатина, а Шмелевъ слушать.

Какъ кончилъ писарь эти «страды», такъ, вѣрите ли, сударь, Шмелевъ зашатался какъ осина въ полѣ отъ вѣтра... Такъ тяжело ему было услышать и увидѣть «страды» скопческія въ рукахъ у правительства...

«— Слышалъ? спросилъ становой.

«— Слышалъ, отвѣтилъ чуть внятно Шмелевъ.

«— И все-таки намъ отъ себя ничего не скажешь о себѣ и о вашей вѣрѣ?

«— Ничего...

«— А вотъ это что? сказалъ становой, показывая на лоскутки засаленныхъ и испачканныхъ потомъ бумагъ, забранныхъ у другихъ скопцовъ въ домахъ, на коихъ были написаны разныя пѣсни, молитвы, вѣрованія и посланія...

Шмелевъ взглянулъ на лоскутки, пришитые къ дѣлу, и поблѣднѣлъ.

«— Прочти-ка хоть одинъ лоскутокъ», сказалъ становой писарю.— Вотъ хоть этотъ.

И становой указалъ на посланіе испукителя къ чадамъ своимъ изъ темницы, которыя въ большомъ количествѣ отысканы у скопцовъ списанными...

Писарь сталъ читать.

«Христось воскресе! Воистинну воскресе! Во славу божію, а намъ на спасеніе и вѣчную радость!

«Возлюбленнымъ моимъ дѣткамъ.

«Посылаю вамъ заочно миръ и отеческое благословеніе. Не заглядывайте на женскій полъ: отъ женскаго пола приходитъ человекъ въ слабость, которая поѣдаетъ весь свѣтъ и отъ Бога прочь отвращаетъ; а намъ только дано чистоту нести, а душу спасти. А вы люди ученые; вамъ можно знать, кто какъ себя спасалъ. Какое житіе велъ Дмитрій Ростовскій и Богу служилъ! Такъ Инновентій Иркутскій, который взялъ благодать въ Москвѣ,

а спасеніе имѣть въ Иркутскомъ. Но и всё угоднои на землѣ не въ славѣ были, а слава вѣчная на небеси. Возлюбленныя мои дѣти! Воззрите на житіе отца своего испупителя. Какъ я жизнь свою проводилъ! Какъ принялъ нужды въ дальней сторонѣ? И обратите вниманіе и сердечныя очи на глаголы истиннаго своего отца и посмотрите на понесенныя мною скорби и раны и раздробленныя мои члены. Сколько пролито моей крови, раздроблены всё мои восты! А все сіе сотворилъ для того, чтобы показать чистоту и дѣвство и утвердить истинный законъ и разорить лѣпость и нечистоту. Такъ остаюсь истинный отецъ, прошу и молю небеснаго своего отца, дабы похранилъ жизнь вашу во всякомъ благополучіи до конца!... За симъ остаюсь истинный вашъ отецъ, живъ и здоровъ, а вамъ посылаю навѣки мой покровъ отъ нынѣ и до вѣка! Аминь.»

«— Тебѣ знакомо это? спросилъ становой.

«— Знакомо, отвѣчалъ Шмелевъ.

«— Это испупитель вашъ писалъ?

«— Не знаю...

«— Экая скотина упорная, сказалъ становой, и велѣлъ увести Шмелева въ арестантскую... Только, сударь мой, что же сдѣлалъ этотъ Шмелевъ? Въ эту же ночь извѣстилъ какъ-то своихъ братья изъ арестантской, что вотъ-де такъ и такъ Лопатинъ измѣнилъ, продалъ свою вѣру правительству и за сіе долженъ умереть! На другой день скопцы ухитрились и *отравили* Лопатина въ арестантской, да такъ смѣло, что онъ чрезъ три часа умеръ въ страшныхъ мученіяхъ въ арестантской избѣ... Ужъ какъ это они сдѣлали—самъ становой ума не могъ приложить... Вотъ они каковы!...

— Однакоже, я сильно интересовался всѣмъ *дѣльцемъ*, что собралъ становой о скопцахъ этихъ. По вечерамъ, живучи въ домѣ становаго, пока производилось слѣдствіе, я саду этакъ къ столу, когда всё спать лягутъ, возьму дѣльце это и читаю. Что только за вѣра? думаю себѣ. Сколько тутъ пѣсенъ пришито къ дѣлу, символъ вѣры, «страды» эти... все какъ быть слѣдуетъ!... И сказаніе про Акулину Ивановну, и про Александра Ивановича, и про Селиванова, и свѣдѣніе, гдѣ и сколько скопцовъ живетъ, въ какой губерніи ихъ больше. И о другихъ раскольникахъ упомянуто. Что, если все это стануть? родилось у меня вдругъ въ головѣ? Вотъ *ученость* бы я захватилъ, есть чѣмъ было бы похвалиться среди раскольниковъ, особливо когда сдѣлаюсь настоящимъ

архіереємъ раскольникыпнѣ... Снжу я все, бывало, и раздумываю объ этомъ, и часто до утра просиживалъ за чтеніемъ дѣльца этого; свѣчи у писарей становаго всё пережегъ...

Дѣло стало разгораться и комиссія чрезъ мѣсяць стала съѣзжаться на мѣсто для производства важнаго слѣдствія. Губернаторъ назначилъ много чиновниковъ изъ губерніи. Становой сталъ мнѣ говорить, что пора мнѣ, пожалуй, и убѣжать, а то, пожалуй, прихлестнуть къ дѣлу, не отпуская на волю года два, пока производится слѣдствіе, и все будутъ къ допросамъ таскать, а тамъ, пожалуй, и сошлютъ за пребываніе въ скопчество... Воспользуйся случаемъ, говорилъ становой, пока теперь моя воля еще...

— Чтò правда, тò правда, думаю я. Только вы искать меня не будете? сказалъ я становому.

«— Зачѣмъ, говорить, искать? Въ благодарность тебѣ это сдѣлаю...

«— Ну, ладно, говорю.

— И я сталъ собираться. Сосчиталъ я деньжонки, которыя мнѣ надавали скопцы, когда хотѣли въ свою вѣру залучить, ну и другія тутъ у меня были еще деньги. Всего оказалось болѣе 2 тысячъ... Вырылъ я эти деньги изъ земли въ огородѣ, гдѣ они хранились у меня, и положилъ ихъ наготовѣ.

«— Взять ли дѣльце съ собой? Не будетъ ли въ отвѣтъ болшомъ становой?» думаю я. «Жаль, человекъ добрый»...

— Однако, меня кто-то ровно все подтапливалъ сзади и шепталъ: возьми, возьми!...

— Съ недѣлю думаю-думалъ я все, и наконецъ, рѣшился. Случай вѣдь такой, думаю, какого поискать. *Дорога ложка за обѣдомъ*, сами знаете. Приготовилъ я двѣ казакія, самыя лучшія, лошади, бывшія въ ставѣ при становомъ и, выбравъ ночь потемнѣй, стянулъ изъ шкафа становаго все дѣльце со всѣми документами, допросами, показаніями Христа, положилъ его въ мѣшокъ, сѣлъ верхомъ на скакуновъ и катнулъ, благословясь, въ дорогу... Ночь была осенняя, длинная, такъ-что я къ утру былъ за сто верстъ отъ села. Первая лошадь моя выдержала 60 верстъ и пала на дорогѣ, на второй я отиѣрялъ еще 40 верстъ до утра, но на восходѣ солнца пала и эта. Я скрылся на день въ лѣсу, а въ слѣдующую ночь взялъ еще двѣ лошади на выгонѣ у крестьянъ, и отиѣрялъ на нихъ еще верстъ 80. Чтò было у становаго съ прочими его братіями—не знаю подробно, слышалъ

только через годъ, проѣзжая этими мѣстами, что становой, не будь глупъ, успѣлъ снять до приѣзда комиссiи съ Христа и прочихъ новые допросы, отпустилъ на волю кто побогаче, а про пропажу дѣла никому ни слова... Начальство, по окончанiи комиссiи, за открытiе скопища сектантовъ, прислало ему, говорятъ, крестъ. Такимъ образомъ, сударь мой, становой отъ моего дѣла получилъ съ мужиковъ тысячь десятокъ, да и крестикъ на грудь съ бавтомъ. Я думаю, что онъ на меня все-таки не пожалуется за украденное дѣльце... которое я зарылъ, *до поры до времени*, въ лѣсу.

— Вотъ, сударь, дѣла-то какiя! Глупъ вѣдъ народъ, доложу вамъ; *стригутъ* его какъ овецъ... а вотъ что чудно! шерсть онгь у него нарастаетъ... Однако, я не удовольствовался, скажу вамъ, этими похождениями и меня тянуло давно побывать въ Петербургъ, посмотрѣть столицу... и познакомиться тамъ съ сектами... *Любопытство* мое, знаете, еще не кончилось... И я отправился въ Петербургъ.

XVI.

Дѣвкой меньше, молодежи больше.

— Въ Петербургѣ я сошелся, сударь мой, случайно въ гостиницѣ съ убѣжавшимъ изъ Сибири Сидоркой Бѣлоглазовымъ, съ которымъ сидѣлъ въ острогѣ въ Т... Парень онъ былъ смысленный. И въ Петербургѣ на выборгской сторонѣ домъ свой имѣлъ. Дни два я пробылъ у него и узналъ, что онъ считался ходатаемъ по дѣламъ скопцовъ въ Петербургѣ, откуда и ѣздилъ часто съ вѣстами и на богомолье въ петергофскiй уѣздъ въ село Р..., гдѣ былъ корень секты. Само собою разумѣется, что получая денежки отъ скопцовъ безъ счету, онъ тратилъ ихъ въ Петербургѣ чиновникамъ кому слѣдовало со счетомъ, отъ чего и нажилъ себѣ домикъ. Входы онъ дѣйствительно зналъ къ начальству и звалъ твердо и юлилъ, передъ кѣмъ слѣдовало, ловко. Сидорка пригласилъ меня съ собою въ уѣздъ въ село Р..., куда собирався ѣхать съ вѣстами изъ Питера. Я согласился охотно, и мы выѣхали, на собственной его тройкѣ лошадей. Въ домѣ своемъ онъ оставилъ хозяйствовать дѣвку, взятую отъ скопцовъ, молодую и смазливую, которую и держалъ вмѣсто жены. Приѣхали мы въ село Р... ночью и остановились въ собственномъ домѣ Сидорки. У него и тамъ былъ собственный домъ. Тотчасъ собрались къ намъ

скопцы послушать вѣстей изъ Питера. Сидорка рассказывалъ мнѣ долго, и въ концѣ-концовъ оказалось все благополучно. Обо мнѣ онъ доложилъ, что нашелъ *новую овцу* въ стадо свое, почему меня и допустилископцы въ собраніе свое, которое назначалось ночью на другой день. Сидорка расквалилъ мнѣ богослуженіескопцовъ-скакуновъ и взялъ на другой день съ собою. Наступила ночь слѣдующаго дня и мы отправились. Входимъ въ большую просторную избу. Изба тепло нагоплена. Дѣло, сударь мой, было подь вербное. Свѣчь горѣло пропась. Смотрю, главный наставникъ скакуновъ стоитъ посрединѣ избы въ бѣлой одеждѣ и читаетъ молитвы на чухонскомъ языкѣ обыкновеннымъ голосомъ, переходящимъ постоянно въ веселый напѣвъ. Долго это дѣло тянулось. Я началъ ужъ и скучать. Наконецъ, безбородый мужичонка началъ повемному привскакивать, слушателей тоже задергало. Смотрю, тотъ припрыгнетъ, другой припрыгнетъ, третій заскачетъ потихоньку... Бабы тоже запрыгали, заскакали...

«— Ты что же не скакнешь? толкнулъ меня въ бокъ Сидорка.— Аль благодать-то, говорить, не дѣйствуетъ?...

«— Не дѣйствуетъ, говорю.

«— Ну, погоди, подѣйствуетъ еще!... проговорилъ онъ и подмигнулъ глазомъ...

— Я сижу, знаешь, на лавкѣ и жду: что дальше будетъ. Бабы стали подбѣгать къ мужикамъ и ловить изъ за руки; мужики хватили ихъ за грудь и вмѣстѣ скакали. Дальше да больше: вижу, всѣ запрыгали, заскакали, завизжали, закричали, запѣли дикимъ голосомъ и опрокинулись на четвереньки. Скаканье такое поднялось, что точно въ табунѣ, падаютъ одинъ черезъ другаго, а главный-то ихъ начальникъ поетъ все шибче, да шибче..., кричить все громче да громче.

Наконецъ всѣ притихли. Стали причащаться. Сперва мужики подходили къ Христу, потомъ бабы и всѣ сосали у него языкъ... Что-то дальше будетъ, думаю. Пока еще, вижу, люди дурятъ безъ толку!.. Смотрю: наконецъ, изъ другой комнаты, задернутой бѣлой простынней, выводятъ толстую и жирную дѣвку, наряженную кобылицей, и узда надѣта на лицо; двое ведутъ ее подь узду, она идетъ на четверенькахъ и ярится, тагъ и подскакиваетъ. Любопытно мнѣ стало. Главный наставникъ влѣвъ тотчасъ на нее верхомъ и поѣхалъ по избѣ. Она выдерживаетъ, ничего... и вся тагъ сама и скачетъ подь нимъ. Здоровую шель-

мы дѣву, знать, выбрал! Ёдетъ снѣ на ней, знаете, а скопцы кидають ей подѣ ноги платки, и кричатъ и прыгаютъ.

Наконецъ, наставникъ слѣзъ съ кобылицы, п три раза ударилъ ее, крича: *возстани осля и жребя подъяремника!*... Дѣвка еще пуше заскакала, и всѣ вдругъ опять заскакали на ногахъ и на четверенькахъ и ловили бабъ и дѣвокъ. Начальникъ закричалъ: «я слышу пѣніе ангеловъ на небѣ, пади народъ ницъ лицомъ!» И всѣ попадали на полъ... Сторожъ церковный началъ тушить свѣчи.

Староста приперъ еще покрѣпче дверь избы и всѣ стали спать въ свалѣ и проспали до утра...

Понравилась мнѣ эта вѣра, сударь мой, по веселости своей, и я прожилъ мѣсяца три, или дольше въ селѣ Р... въ домѣ Сидорки, гдѣ и хозяйствовалъ за него, получалъ письма изъ Петербурга, читалъ ихъ скопцамъ-скакунамъ и жилъ да поживалъ весело. Наконецъ, *надомло* мнѣ все это, и я уѣхалъ опять въ черниговскую губернію къ раскольникамъ. Доложу вамъ, сударь, что *мутне* вѣры скакуновъ я ничего не видалъ...

XVII.

Выигрышь съ проигрышемъ на однихъ саняхъ ѣздить.

— До черниговской губерніи я, сударь, не добрался и только-было запасса антиминомъ, какъ и втискался опять въ острогъ и вотъ, какъ видите, иду въ Сибирь... Такъ, знать, грѣхъ ужъ попуталъ за то, что, *испытавъ естъ вѣры*, я все-таки не образумился, а захотѣлъ опять *надувать* народъ простой!... Случилось такъ, что сами раскольники и выдали меня. У нихъ, скажу вамъ, сударь, теперь большія начались перемѣны. Кто не признавалъ царя, сталъ признавать его по той причинѣ, что онъ освободилъ русскій народъ отъ власти антихриста, то-есть помѣщиковъ; теперь они ждуть, что царь дастъ скоро народу новый правый судъ, освободить его отъ притѣсненій разныхъ, ну, и духовенство русское, можетъ быть, образуется; тогда, какъ я полагаю, сударь, совсѣмъ этотъ расколъ и кончится. Теперь только у нихъ пошелъ разладъ между собою, и нашего брата бѣглыхъ стали они разбирать, а тогда, полагаю, прямо будутъ вязать насъ, да въ острогъ сами сvezуть. И что досадно вѣдь, сударь, такъ это то, что я не покинулъ своего ремесла и не добровольно, а вотъ бандалами уже пересѣзли мою волю!... Это меня только сердить, точно такъ же, какъ вотъ и раскольни-

ковъ: чѣмъ больше ихъ гонять, тѣмъ они сердитѣе становятся, а чѣмъ меньше на ихъ вѣру обращаютъ вниманія, тѣмъ они лучше. Я даже думаю, что если этотъ слѣпой народъ образуютъ, школы надѣлаютъ среди ихъ, то слѣпота ихъ сама собою падеть.

— И вашъ братъ, говорю, переведется?

— Переведется, разумѣется! Вотъ и кандалы незачѣмъ будетъ на ноги набивать и съ нашимъ братомъ возиться...

Русановъ кончилъ свой рассказъ и, вперивъ въ меня свои черные глаза, ловилъ впечатлѣніе, какое произвелъ имъ на меня. Я молчалъ.

— Не понравилась, должно быть, вамъ, сударь, моя пѣсенка? спросилъ онъ потомъ меня.

— Нѣтъ, говорю, хороша; только жаль, что скоро кончилась.

— Можеть быть, вы будете *винить* меня за всѣ мои дѣла?

— За что, говорю, винить?

— Соблазнъ, сударь, соблазнъ большой!... Я никакъ не думалъ сначала, что буду такъ жить!... Я и теперь, вспомнивъ старика отшельника, стыжусь самаго себя, но что дѣлать? Глупъ народъ-то больно, *балуетъ*... Сыплеть деньги, *ходитъ съ слѣпотъ*, ну, какъ тутъ устоять?... Ну, да и повадка ужъ свое беретъ, не утерпишь, такъ и *тянетъ*...

— Что же, говорю, ты теперь расквѣсься въ Сибири-то?

— Хочу расквѣться, если соблазнъ *не перетянетъ*. Убѣгу отъ стражи въ лѣса и поселюсь въ пещерѣ...

И Русановъ всталъ. Кандалы звякнули на ногахъ и заставили его вздрогнуть, какъ-бы послѣ забытья... Такъ сладка ему была его пѣсня, такъ убавкала она и его и меня, что онъ забылъ, что у него скованы ноги, а я забылъ, что сижу съ арестантомъ. Вошли караульные по моему зову: они ужъ выспались порядочно на крыльцѣ. На часахъ было два часа ночи, когда, въ сопровожденіи трехъ конвойныхъ, вышелъ отъ меня Русановъ.

Я остался одинъ и тяжелыя думы легли свинцомъ на душу.

«Кто тутъ виноватъ?» думалъ я, припоминая весь рассказъ Русанова... «кто?... кто?..» и ни на одно «кто» я не могъ удовлетворительно отвѣтить; видѣлъ только, что *пора намъ проснуться и перестать жить полипами!*... И понятны мнѣ стали всѣ наши нищіе, странники, калѣки-перехожеіе, люди божіи... и всѣ сорты раскольниковъ, разсыпанныхъ по всему лицу русской земли... «Отъ чего», думалъ я: «у народа и сапоги и порты и рукавицы догмать... и борода святая... и маковни съ благодатію?... Кто въ этомъ ви-

зовать?... Долго ли еще будетъ это? Долго ли Русановы будутъ нарождаться на рыхлой почвѣ и гулять по просторной Россіи?... Долго ли?»...

XVIII.

Въ царствѣ слѣпыхъ и кривой — царь.

Въ селѣ С... тамбовской губерніи всѣ скопцы, встревоженные вѣстью о второмъ пришествіи Христа Искупителя, ночью собирались, въ началѣ августа 1862 года, въ большую ригу, выстроенную на задахъ одного крестьянина на берегу рѣчки. И старшій и малый сѣвшиль видѣть предтечу Сына Божія, имѣющаго судить живыхъ и мертвыхъ... Мѣсяцъ высоко поднялся уже на небѣ и разливалъ блѣдныя лучи на землѣ.

Въ селѣ тамъ и сямъ медленно скрипѣли ворота и шелкали осторожно калитки, изъ коихъ выползали въ праздничныхъ одеждахъ, и крались вдоль заборовъ и плетней скопцы. Въ избахъ крестьянскихъ мелькали огоньки, зажженные въ каждомъ домѣ у образовъ, мелкія блѣдныя звѣздочки слабо мигали сквозь тянувшіяся рѣдкія осеннія облачка; въ воздухѣ пахло отсырѣвшею послѣ дождей травой. Надъ ярко освѣщенной ригой, плотно закутанной со всѣхъ сторонъ, стояло чуть замѣтное зарево, образованное изъ пробивавшагося сквозь соломенную крышу риги свѣта. Нестройный смутный голосъ несся изъ риги и замиралъ на рѣчкѣ. Въ ригѣ горитъ нѣсколько пудовъ воску изъ свѣчъ, натканыхъ предъ иконами и вдоль стѣнъ для освѣщенія собранія. Болѣе двухсотъ фигуръ, въ бѣлыхъ саванахъ, двигались въ ригѣ, толпились, суегились, ждали, приготовлялись. Посрединѣ риги мѣстный Христось, глава скопцовъ, въ шелковомъ халатѣ, съ распахнувшейся грудью, сидѣлъ на скамейкѣ предъ столомъ, покрытымъ бѣлою скатертью, и принималъ приношенія для *предтечи*. Большая мѣдная кружка стояла на столѣ и наполнялась съ каждою минутою серебромъ и бумажками, предназначившимися, по повелѣнію предтечи, для *выкупа* истинныхъ сыновъ новаго царства, то-есть скопцовъ, изъ *остроговъ*...

«*Катить, катить* батюника предтеча!» послышалось въ толпѣ, и всѣ засуетились, потомъ присмирѣли, усѣвшись на досчатыхъ скамейкахъ. На возвышеніи, сколоченномъ изъ досокъ и усланиномъ пестрыми кошмами и коврами, когда отдернулась кашемировая занавѣсь, явился предтеча и сѣлъ на скамейкѣ, обтянутой парчею. То былъ убѣжавшій, съ дороги въ Сибирь

Русановъ, воспользовавшійся *украденнымъ* у становаго о скопцахъ дѣломъ, зарытымъ въ землѣ до поры до времени, и выдавшій себя за *предтечу*. Женщина, съ нимъ сидѣвшая, была его *любовница*, московская мѣщанка Прасковья Анучина, съ которою онъ познакомился у раскольниковъ рогожинскихъ, гдѣ она играла видныя роли и затѣвала-было скитъ, на каковой предметъ и собрано было много денегъ... У ней Русановъ хорошо познакомился, по украденнымъ документамъ, съ вѣрованіями скопцовъ, а бытъ ихъ былъ ему извѣстенъ по наблюденію во время прежняго житія у скопцовъ, когда онъ еще *пыталъ* разныя вѣры... И вотъ онъ, *соблазнившись простотою людей*, ловко пользуется случаемъ!... Хоръ при появленіи его зачѣлъ:

Отъ бѣлой зари, отъ бѣлой зари
Отъ востока-страны, отъ Иркутскія
Вызвало къ намъ красно солнышко,
Красно солнышко сударь батюшка,
Аллилуйя аллилуйя, слава тебѣ Боже!...

Русановъ, когда смолкнулъ хоръ, заговорилъ съ народомъ о пришествіи Сына Божія, который собираетъ уже свое царство въ Москвѣ, шлетъ всѣмъ своимъ вѣрнымъ сынамъ поклонъ... и надеется скоро видѣться съ ними лично... Потомъ сталъ пытаться скопцовъ, истинно ли они содержали вѣру, завѣщанную Сыномъ Божиимъ, и началъ читать имъ *вырванные изъ украденнаго дѣла листы*, на коихъ были написаны *страды*, приглашая всѣхъ внимать, такъ ли у нихъ сохранился текстъ «страдовъ» и не исказили ли его какъ люди невѣрные?... Скопцы вынули изъ-за-пазухи, изъ ладононь, свои «страды» и стали слѣдить за Русановымъ.

— Меня послалъ Сынъ Божій, говорилъ Русановъ:—*попытать* вѣру истинную, такъ ли она сохранилась въ сынахъ его и нѣтъ ли ослабленія, поврежденія?...

— Нѣтъ, нѣтъ! закричали всѣ. — Содержимъ свято и ненарушимо!...

И Русановъ зачиталъ «страды», а прочіе всѣ стали слушать и *стырять* съ находившимися у нихъ въ ладошкахъ на груди «страдами»...

Русановъ громкимъ голосомъ зачиталъ:

«СТРАДЫ».

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

«Христось воскресъ, Христось воскресъ, Христось воскресъ!»

Начало страданія о возлюбленномъ нашемъ государѣ-батюшкѣ, искупителѣ нашемъ», и проч.

По окончаніи чтенія «страдовъ», долго еще длилась бесѣда Русанова съ скопцами, которыхъ онъ наставлялъ по *украденному дѣльцу* въ вѣрѣ и, наконецъ, всѣ разошлись. Русановъ, въ особо отвѣденномъ домѣ, отправился съ любовницею въ свою *опочисланию*...

Черезъ недѣлю послѣ прибытія Русанова въ село С... наградила полиція, встревоженная слухами о *предтечѣ*, и отправила любовницу Русанова въ острогъ, Русанова же не нашли. Его успѣли спустить на дно колодца, гдѣ онъ, на пустой бочкѣ, спущенной на воду, прожилъ двѣ noci и пытался бросаемымъ тайно скопцами хлѣбомъ, въ седьмую же ночь, наконецъ, когда полиція кончила понски, переодѣтый купцомъ онъ отправился въ Москву, съ донесеніемъ будто объ этомъ Христу Искупителю и для принятія мѣръ къ выкупу посаженной въ острогъ Прасковьи Анучиной... На сей предметъ онъ забралъ съ собою все подаваніе, собранное черезъ кружку въ ригѣ, количествомъ до *одной тысячи рублей серебромъ*, на каковыя деньги, съ присоединеніемъ къ нимъ прежде набранныхъ и зарытыхъ въ землю пяти тысячъ рублей, и *купилъ въ Москвѣ домъ*, въ коемъ открылъ *пріютъ* для скопцовъ, выкупилъ изъ острога свою любовницу, и спустившись изъ міра раскольничьяго, какъ представляющаго *въ настоящее время большія трудности* въ отношеніи спекуляцій... въ міръ болѣе простаго и *смысла* народа—въ міръ скопцовъ, скакуновъ и т. д., зажилъ, по примѣру Θεодосія (прихѣръ заразителенъ) благополучно, и завелъ торгъ, черезъ подставныхъ людей, на большую ногу... Изъ всякаго объѣзда, по скопцамъ производимаго, онъ вывозилъ немало денегъ и капиталъ его росъ не по днямъ, а по часамъ... *До поры до времени* онъ сталъ твердо на избранной имъ *почтѣ*...

XIX.

Свято мѣсто не вѣдетъ пусто.

Прошло послѣ разговора моего съ Русановымъ почти полтора года. Я ѣхалъ въ сентябрѣ 1863 года по большой дорогѣ въ бѣднѣйшее село «Мосты» подъ вечеръ. Солнце стояло низко на блѣдно-ясномъ небѣ; лучи его давно поблекли и похолодѣли; они уже не сіяли, а разливались ровнымъ водянистымъ свѣтомъ.

До вечера оставалось на болѣе получаса, а заря едва-едва за-
жигалась. Осень была въ полной своей силѣ. Порывистый вѣтеръ
скользилъ мнѣ на встрѣчу черезъ желтое, высохшее жнивье. То-
ропливо, влѣбаясь въ воздухъ, стремились мимо меня, черезъ до-
рогу, вдоль опушки небольшой рощи, желтые, сорванные съ де-
ревъ, листья. На поблекшей травѣ, на соломенкахъ сжатыхъ
хлѣбовъ, блестѣли и волновались безчисленныя нити осеннихъ
паутинъ... Я задумался. Мертвенность природы угнетало дѣйстви-
вала на душу... Ямщикъ, въ дырявомъ зипунѣ, тянулъ бакую-то
безконечную пѣсню, которая щемила душу... Дырявая шляпенка
его, тупой взглядъ, беспорядочная борода и вообще неряшество
придавали его фигурѣ что-то заброшенное, тупое, неумытое,
слѣзное, идущее, болящее... Вдругъ изъ-за кустовъ вывернулась
почтовая тройка и неслась къ намъ на встрѣчу. Ямщикъ, вѣ-
роятно щедро надѣленный, гналъ лошадей почти въ упоръ.
Тройка поравнялась съ нами. Въ почтовой кибиткѣ сидѣлъ, одѣ-
тый въ лисью шубу и бобровую шапку, купецъ съ молодою жен-
щиною, одѣтою къ лисій, съ соболемъ, салономъ; смотрю—Русановъ.

— Здравствуйте, судари! проговорилъ онъ, приподнимая свою
шапку. Онъ все еще не отвыкъ отъ поговорки двороваго челоуѣка.

— Куда? спросилъ я.—Вѣдь не хотѣлъ?

— Да вотъ нашель *кого* нужно, такъ и *рѣшился!*... И онъ,
улыбнувшись насильно, покраснѣлъ нѣсколько отъ стыда. Трой-
ка, со свистомъ, прокатила мимо моего экипажа и гулъ почтоваго
колокольчика быстро смолкнулъ за лѣсомъ. Мой ямщикъ погля-
дѣлъ въ догонку тройкѣ, повернулся лѣвнво на козлахъ и про-
говорилъ:

— Экъ, шельма, словно вихоры!... А куда?

— Въ *царство тьмы!*... сказалъ я... *Стричь безпастушннхъ...*
овець...

— *Чаво??*

— Ничего, говорю: — поймешь опослѣ!...

И мужикъ опять затянулъ свою нескончаемую пѣсню, въ ко-
торой не было никакого смысла, а слышалась только одна *ноу-*
щая боль..

Дальнѣйшіе подвиги Русанова прекратились ссылкой его въ
каторжныя работы...

ЕДОРЪ ЛИВАНОВЪ.

С.-Петербургъ.
26-го февраля 1865 года.

ПРЕБРАЗОВАНИЕ НАШЕЙ АРМИИ И КОМПЛЕКТОВАНИЕ ЕЯ ОФИЦЕРАМИ.

Статья первая.

Немного нужно имѣть проницательности, чтобъ видѣть недостатки и несовершенства въ жизни извѣстнаго общества, или въ функціяхъ какого-либо учрежденія, существующаго въ этомъ обществѣ. Но не всегда легко можно понять причины этого недостатка и—что самое важное—съумѣть устранить его. Впрочемъ, для того, чтобы исполнѣ правильно оцѣнить недостатки извѣстнаго учрежденія и найти существенныя средства къ устраненію вредныхъ послѣдствій замѣченнаго несовершенства — необходимо прослѣдить какъ можно тщательнѣе и какъ можно глубже причины этихъ недостатковъ; только устраняя эти вредныя причины, можно надѣяться достигнуть прочнаго исправленія системы. Какъ для радикальнаго излеченія болѣзни единичнаго организма недостаточно такъ называемыхъ паліативныхъ средствъ, облегчающихъ только на время мѣстное страданіе, а слѣдуетъ отъ частыхъ симптомовъ болѣзни восходить къ главнымъ причинамъ болѣзненныхъ явленій и дѣйствовать на эти основныя причины — такъ и для рациональнаго устраненія зла, происходящаго отъ недостатковъ извѣстнаго учрежденія, извѣстнаго общественнаго института, не слѣдуетъ ограничиваться только поверхностными изслѣдованіями и довольствоваться однѣми внѣшними мѣрами, а надобно искать причины явленія глубже и устранять уже ихъ. Въ такомъ только случаѣ мы вправѣ будемъ сказать, что знаемъ зло въ самомъ корнѣ его, и можемъ опредѣлить, въ состояніи ли мы принять надлежащія мѣры для его устраненія; и только тѣ мѣры, которыя дѣйствуютъ на корень зла, могутъ быть признаны рациональными и способными достигнуть своей цѣли, то-есть произвести существенныя улучшенія.

Едва-ли кто будетъ спорить противъ справедливости подобныхъ соображеній; а между тѣмъ многіе, повидимому и раздвѣляющіе этотъ взглядъ — на практикѣ далеко уклоняются отъ него. Откуда же такое противорѣчіе?—Изъ очень простаго источника, отвѣтимъ мы: иное дѣло—хорошо разсуждать и иное дѣло—правильно прилагать эти разсужденія на дѣлѣ.

Очень многіе, открывая какой-нибудь недостатокъ въ жизни общества, или въ функціяхъ извѣстнаго учрежденія, не думаютъ далеко углубляться въ изслѣдованіе причинъ, а объясняютъ недостатокъ или случайностію, или неспособностію исполнителя и соотвѣтственно этому предлагаютъ мѣры, не только неотстраняющія зла, но даже нерѣдко увеличивающія старое, или порождающія новое. За примѣрами ходить недалеко. Восточная война открыла намъ несостоятельность существовавшей у насъ военной системы какъ въ тактическомъ, такъ и въ административномъ отношеніяхъ. Недостатки видѣли всѣ, никто не думалъ отрицать ихъ; но очень многіе были увѣрены, что неуспѣхи наши зависѣли главнымъ образомъ отъ недостатка боевыхъ генераловъ, отъ неимѣнія хорошихъ ружей, отъ неумѣнья солдатъ стрѣлать. Дальше идти они не хотѣли; имъ не приходило въ голову: да отчего же произошли эти-то послѣднія упущенія?—и вотъ они убѣждены, что стоитъ только дать солдатамъ хорошіе штуцера, да поучить ихъ стрѣлать—и дѣло въ шляпѣ. Но правительство, какъ зачастую бываетъ у насъ, видѣло дальше насъ: оно поняло, что корень зла не въ томъ или другомъ частномъ недостаткѣ, который замазывать сверху ни къ чему не поведетъ; но что это — слѣдствіе несостоятельности всей системы, отжившей своей вѣкъ, и что для искорененія зла необходимо измѣнить ее во всей цѣлости, и дѣятельно принялось за работу. Точно также и неудобства, вкравшіяся въ систему администраціи войскъ, правительство стало искать не въ частныхъ недостаткахъ отдѣльныхъ функцій ея, а въ излишней для наступившаго времени централизаціи, и, не задумываясь, рѣшилось децентрализовать военное управленіе, вводя округа, до-сихъ-поръ еще многими кажущіеся излишнею роскошью.

То, что вѣрно для всей системы, можетъ быть почти всегда съ успѣхомъ примѣнено и къ отдѣльнымъ частямъ ея. Армія составляетъ только одну часть цѣлаго государственнаго организма, и въ ней легко различить двѣ стороны: одна исключительно военная, требующая исключительно тактическихъ и военно-административныхъ соображеній; другая же имѣетъ болѣе или менѣе тѣсную связь съ народною жизнію и съ другими частями организма государства. Для рѣшенія вопросовъ, относящихся къ этой послѣдней, недостаточно руководствоваться только специально военными сооб-

раженіями, но надобно не упускать изъ виду и бытовыхъ нравственныхъ условій народа, изъ среды котораго пополняется армія. Никто, вѣроятно, не вздумаетъ отвергать зависимость организаціи и духа арміи отъ условій народнаго быта, и усумниться въ томъ вліяніи, которое имѣетъ на войско социальное и экономическое положеніе націи. Невозможно не видѣть, что многія изъ учрежденій въ арміи прямо вытекаютъ изъ того или другаго условія народнаго быта, и что измѣненія этого послѣдняго необходимо отражаются на состояніи войска и влекутъ за собою измѣненія въ арміи. Нигдѣ, можетъ быть, не выступаетъ такъ рельефно эта зависимость, какъ въ личномъ составѣ арміи, потому что нигдѣ не можетъ быть такъ замѣтна связь, соединяющая армію съ народомъ, пополняющимъ ея ряды, какъ здѣсь. Такъ напримѣръ, положительно можно сказать, что уровень образованія и нравственнаго развитія воинскихъ чиновъ вполне зависитъ отъ степени умственнаго и нравственнаго развитія прочей массы націи, и что всякое измѣненіе въ этомъ отношеніи въ народѣ необходимо вліяетъ и на измѣненіе этой стороны и въ арміи. Это вліяніе такъ очевидно, что, зная способъ комплектованія арміи, принятый въ извѣстномъ государствѣ и степень образованія тѣхъ классовъ общества, изъ которыхъ выходятъ солдаты и офицеры, можно весьма близко опредѣлить степень умственнаго и нравственнаго развитія чиновъ, составляющихъ армію. Совершенно вѣрно можно à priori вывести, что англійскіе солдаты, набираемые вербовкою изъ низшихъ классовъ общества и изъ числа людей, неумѣвшихъ найти себѣ никакого другаго занятія, должны по своему образованію стоять гораздо ниже солдатъ прусской арміи, пополняемой конскрипціею, которой подлежатъ всѣ сословія. Выведенная разница приметъ еще большіе размѣры, если мы поставимъ на видъ, что низшіе классы народа въ Пруссіи стоятъ несравненно выше по своему образованію тѣхъ же классовъ въ Англійи, и что въ Пруссіи никто не можетъ откупиться отъ военной службы. Числовыя данныя какъ нельзя болѣе подтверждаютъ этотъ анріористическій выводъ. По свѣдѣніямъ за 1859 годъ, въ англійской арміи было достаточно образованныхъ солдатъ около 3%, а совершенно неграмотныхъ до 28% (*), тогда какъ въ прусскомъ контингентѣ за 1851—52 года, нижнихъ чиновъ, получившихъ достаточное образованіе, было болѣе 75%, посредственно образованныхъ—20% и только менѣе 5% совершенно безграмотныхъ (**).

Но кромѣ этой прямой зависимости образованія солдатъ отъ

(*) Воен. Сборн. 1861 г. № 8 стр. 315.

(**) Воен. Сборн. 1861 г. № 6 стр. 307.

образования народа, можно указать еще много других фактов, подтверждающих заключение, что бытовые формы жизни народа отражаются на бытѣ солдатъ, на отношеніяхъ ихъ къ своимъ начальникамъ, а слѣдовательно и на тѣхъ законоположеніяхъ, которыя имѣютъ цѣлю опредѣленіе этихъ отношеній. Комисія для преобразования военно-судной части въ нашей арміи впервые, сколько намъ извѣстно, заявила фактъ, что существующія отношенія нижнихъ чиновъ къ офицерамъ вытекаютъ изъ существовавшихъ до сихъ поръ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ—отношеній, обусловленныхъ, конечно, бывшею крѣпостною зависимоію. По поводу вопроса о введеніи унтер-офицеровъ въ составъ полковыхъ судовъ, нѣкоторые члены этой комисіи положительно высказали, что «сословное различіе между офицерами и нижними чинами не есть *произведеніе служебныхъ отношеній*, а слѣдствіе нашего быта гражданскаго, и что различіе это *приносятъ съ собою солдаты изъ своей крестьянской жизни*» (*). Они прямо говорятъ, что «войско принимаетъ это сословное различіе какъ фактъ, на *измѣненіе котораго оно никакаго вліянія имѣть не можетъ*», и что это уваженіе солдата нетолько къ чину, но и къ личности офицера дозволяетъ избѣгать «расширенія личной административной власти каждаго офицера надъ нижними чинами и принятія для мирнаго времени смертной казни за совершеніе преступленій противъ воинской дисциплины» (**). Нѣтъ никакой возможности отвергать дѣйствительнаго существованія этого факта; кто не знаетъ, что солдаты, говоря объ офицерахъ своего полка, постоянно употребляютъ выраженіе «господѣ» — выраженіе, прямо указывающее на прежде бывшія отношенія крестьянина къ барину, и что солдаты иначе смотрятъ на офицера, произведеннаго изъ ихъ среды, чѣмъ на офицера дворянина? Поэтому нельзя не сказать, что фактъ этотъ весьма метко подмѣченъ членами комисіи. Можно, и даже должно не находить ничего хорошаго въ существовавшихъ до сихъ поръ крѣпостныхъ отношеніяхъ, породившихъ этотъ фактъ; но нельзя не отдать справедливости словамъ комисіи: «прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ во многихъ случаяхъ нѣтъ надобности до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать сословное различіе между офицерами и солдатами; а потому врядъ ли полезно стремиться служебными условіями достигнуть уничтоженія или даже ослабленія начала, полезнаго для службы и ею самою не созданнаго, а приносимаго рекрутами изъ ихъ гражданскаго быта» (***). Не сочувствуя ни-

(*) Воен. Сборн. 1863 г. № 7. Рус. воен. обозр. стр. 238.

(**) Idem.

(***) Idem.

сколько этия неслужебныя отношенія солдатъ къ офицерамъ — тѣмъ болѣе, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и поднятіемъ уровня народнаго образованія эти отношенія не могутъ долго держаться — мы не можемъ по поводу пути, избраннаго коммисіею, не сказать, что много бы хорошаго можно было ожидать, еслибы всѣ шли по этому пути, и еслибы всѣ умѣли такъ твердо становиться на почву существующихъ явленій и фактовъ. Съ нашей точки зрѣнія, мы не можемъ не сказать, что этотъ путь, основанный на глубокомъ анализѣ основныхъ причинъ того, что существуетъ на дѣлѣ — есть единственный, которому надобно руководствоваться при рѣшеніи всѣхъ вообще вопросовъ, касающихся жизни и взаимныхъ отношеній военно-служащихъ. Нѣтъ никакой надобности гоняться за идеально-теоретическимъ рѣшеніемъ вопросовъ, относящихся къ жизни, и воображать, что можно ихъ рѣшить одинъ разъ на всегда, на основаніи метафизическихъ умозрѣній: жизнь слишкомъ своенравна, слишкомъ сильна въ своемъ теченіи для того, чтобы подчиниться безотвѣтно теоріи кабинетнаго мыслителя; она не такъ-то легко поддается подобнымъ рѣшеніямъ. Лучше ограничиться, какъ это дѣлаетъ коммисія, временнымъ рѣшеніемъ вопроса, чѣмъ стремиться — идти въ разрѣзъ съ требованіями и понятіями, существующими въ жизни, и ломать силою то, что не зависитъ отъ воли одной личности, а обуславливается самымъ теченіемъ жизни.

Вопросъ о комплектованіи арміи офицерами занимаетъ, по нашему мнѣнію, одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду вопросовъ, зависающихъ отъ склада жизни народа, его цивилизаціи, его умственнаго и социальнаго развитія. Теперь, приступая къ примѣненію теоріи исторической необходимости къ существующему у насъ порядку комплектованія арміи офицерами, постараемся объяснить эту теоріею явленія, замѣчаемыя въ настоящее время всѣми въ этомъ отношеніи, и найти на основаніи этой же теоріи тотъ путь, которымъ можно будетъ дойти до рѣшенія возникшихъ по этому поводу вопросовъ.

Существовавшій до сихъ поръ у насъ порядокъ пополненія убыли офицеровъ въ арміи, слишкомъ извѣстенъ для того, чтобы распространяться объ немъ. Замѣтимъ только, что, несмотря на то, что военно-учебныя заведенія доставляютъ ежегодно порядочное число офицеровъ, и что наши законоположенія предоставляютъ унтер-офицерамъ изъ военно-обязанныхъ право по выслугѣ извѣстнаго срока, быть произведенными въ офицеры — все-таки эти оба источника весьма мало доставляютъ офицеровъ собственно въ армейскую линейную пѣхоту и кавалерію. Воспитанники военно-учебныхъ заведеній до сихъ поръ преимущественно выходили въ

гвардію и спеціальными войска. Такъ изъ статьи: «Нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о корпусѣ офицеровъ русской арміи», помѣщенной въ русскомъ военномъ обзорѣи «Военнаго Сборника» (*) и изъ статьи г. Ильиневича въ томъ же журналѣ: «Числовыя данныя о составѣ корпуса офицеровъ нашей арміи по воспитанію и сословіямъ» (**), видно, что они составляютъ въ гвардейской пѣхотѣ 71,8% всего числа офицеровъ; въ гвардейской кавалеріи — 63%; въ артиллеріи 83,3% (изъ нихъ собственно въ артиллерійскихъ бригадахъ 90,7%); въ саперныхъ батальонахъ 80,3%, и въ армейскихъ стрѣлковыхъ батальонахъ 61,7%. Такой большой процентъ офицеровъ изъ кадетъ въ названныхъ нами родахъ оружія очевидно происходитъ отъ особенныхъ условий, которыми обставлена служба въ этихъ частяхъ; въ массѣ же офицеровъ армейскихъ линейныхъ полковъ, мы видимъ совершенно другое отношеніе. Такимъ образомъ, разбирая таблицу состава офицеровъ въ пѣхотныхъ полкахъ—кавказскаго и бывшихъ шести армейскихъ корпусовъ (**), находимъ, что максимумъ числа офицеровъ изъ кадетъ представляетъ пятый армейскій корпусъ, гдѣ это число доходитъ до 15,6%. Принимая же въ расчетъ и гренадерскій корпусъ, гдѣ половина офицеровъ изъ кадетъ, получимъ слѣдующія числа для состава 7,411 офицеровъ:

Изъ кадетъ	17,5%	
Изъ вольноопредѣляющихся	75,6%	} (максимумъ въ полкахъ бывшаго 3-го арм. корн. 82,2%)
Изъ военно-обязанныхъ . .	6,9%	

Итого 100

Въ кавалеріи отношеніе это нѣсколько иначе:

Изъ кадетъ	27,7%
Изъ вольноопред.	66,9%
Изъ военно-обязан.	5,4%

Итого 100

Отсюда можно заключить, что до сихъ поръ наша армейская пѣхота пополнялась офицерами преимущественно изъ вольноопредѣляющихся (около $\frac{4}{8}$ всего числа); число же выслужившихся нижнихъ чиновъ весьма ничтожно, въ сравненіи съ этимъ главнымъ источникомъ.

Нѣтъ никакого основанія полагать, что въ прежнее время число офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся было менѣе; напротивъ, есть причины думать, что лѣтъ двадцать-пятнадцать тому назадъ

(*) Воен. Сборн. 1863 г. № 5. Русск. воен. обзор. стр. 289 и 290.

(**) Воен. Сборн. 1863 г. № 11. Русск. воен. обзор. стр. 239 и слѣд.

(***) Idem. стр. 240.

это число было болѣе, чѣмъ теперь. Въ то время, несмотря на бѣдливую численность арміи, военно-учебныя заведенія доставляли меньшее число офицеровъ; а производство изъ нижнихъ чиновъ было всегда такъ незначительно, что даже въ военное время, когда оно наиболѣе усиливалось, число офицеровъ этой категоріи едва-ли достигало 10⁰/. Такъ мы видимъ изъ той же статьи г. Ильяшевича (*), что на 100 офицеровъ каждаго чина.— произведенныхъ изъ военно-обязанныхъ, состоятъ:

Въ чинѣ штабс-капитана	8,8%
» » поручика	6,8%
» » подпоручика	9,7%
» » прапорщика	2,8%

Изъ малаго процента прапорщиковъ сравнительно съ высшими чинами можно прямо заключить, что число произведенныхъ изъ солдатъ, въ послѣдующіе за крымскою войною годы, значительно уменьшилось.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что мы не будемъ далеко отъ истины, если скажемъ, что главный элементъ, пополнявшій армію офицерами, былъ до сихъ поръ вольно-опредѣляющіеся; и что этотъ элементъ повидимому удовлетворялъ требованіямъ: недостатокъ въ офицерахъ чувствовался только въ то время, когда приходилось увеличивать значительно численность арміи; но и въ этихъ случаяхъ стоило только, какъ говорится, кличъ кликнуть, уменьшить срокъ выслуги до офицерскаго чина, да еще отмѣнить, или ослабить экзаменъ — и охотники являлись въ достаточномъ числѣ. Венгерская и крымская кампаніи могутъ служить доказательствами.

Но то было время, а теперь — другое. Теперь, несмотря на значительное сокращеніе арміи, чувствуется недостатокъ въ офицерахъ; число желающихъ добровольно поступать въ военную службу, годъ отъ году уменьшается. Изъ свѣдѣній инспекторскаго департамента военнаго министерства видно, что въ 1856 году поступило на службу юнкеровъ и вольноопредѣляющихся 2,576; въ 1860 же году ихъ было всего 926, а въ 1861 только 389 (**). Авторъ статьи, откуда мы заимствовали эти цифры, совершенно справедливо замѣчаетъ, что такое быстрое уменьшеніе не можетъ быть объяснено исключительно уменьшеніемъ арміи, потому что въ то время, когда войско сокращено на половину, число добровольно поступившихъ уменьшилось почти въ семь разъ.

Наибольшую часть изъ числа добровольно-поступившихъ, до сихъ поръ постоянно составляли потомственные дворяне и такъ-

(*) Воен. Сборн. 1863 г. № 11. Русск. воен. обозр. стр. 242.

(**) Воен. Сборн. 1863 г. № 4. Статья г. М. стр. 405.

называемые обер-офицерские дѣти; такъ, по вычисленію г. Ильгеше-вича, изъ 7,778 офицеровъ, находящихся на службѣ въ разбирае-мыхъ имъ частяхъ — произведенныхъ изъ юнкеровъ и вольноопре-дѣляющихся — до 95% поступили на службу съ правами дворянъ и обер-офицерскихъ дѣтей, и только 5% изъ вольноопредѣляю-щихся другихъ разрядовъ (*). Но въ послѣднее время и процентъ дворянъ, поступающихъ на службу, понизился: изъ отчета воен-наго министерства за 1860 и 1861 годы (**) видно, что изъ посту-пившихъ добровольно въ 1860 году на службу 926 человекъ — дворянъ и вольноопредѣляющихся перваго разряда было 815; а въ 1861 г. изъ всего числа 389 — этихъ же классовъ было 328 человекъ, что составляетъ для 1860 г. 88%, а для 1861 — 84,3%.

Очень естественно, что такое быстрое уменьшеніе числа желаю-щихъ добровольно поступать на службу — главнаго, какъ мы ви-дѣли, источника комплектованія арміи офицерами — должно было необходимо повлечь за собою недостатокъ въ офицерахъ. — И дѣй-ствительно, въ послѣднее время, по случаю увеличенія числитель-ности арміи, недостатокъ этотъ сдѣлался особенно ощутительнымъ; всѣ заговорили о немъ и о необходимости отстранить его; въ воен-ныхъ кружкахъ и въ военной литературѣ стали толковать о необ-ходимости сократить сроки выслуги въ унтер-офицерскомъ званіи для вольноопредѣляющихся всѣхъ разрядовъ, и стали даже предла-гать уменьшить срокъ службы до офицерскаго чина для унтер-офицеровъ изъ сдаточныхъ — мѣру, противъ которой сильно-бы возстали въ военномъ обществѣ лѣтъ десять-пятнадцать тому на-задъ. Это явленіе показываетъ, какъ велико влияніе силы вещей на понятія общества. Правительство, конечно заинтересованное бо-лѣе чѣмъ кто либо въ этомъ дѣлѣ, признало необходимымъ принять эти мѣры къ отстраненію недостатка въ офицерахъ, и приказъ г. военного министра отъ 10 октября прошедшаго года за № 343, со-кращая до *pes plus ultra* сроки службы для лицъ, производимыхъ въ офицеры по учебнымъ аттестатамъ, устанавливаетъ для вольно-опредѣляющихся всѣхъ разрядовъ *безъ различія происхожденія го-дичный* срокъ службы для производства въ офицеры на вакансіи, рассчитываемыя не по полкамъ и батальонамъ, какъ было прежде, а по дивизіямъ — явленіе до сихъ поръ небывалое: въ прежнее вре-мя обыкновенно сокращали на половину, при чемъ права проис-хожденія оставались въ своей силѣ. Въ случаѣ, если и за тѣмъ еще будетъ некомплектъ офицеровъ, то предписано производить унтер-офицеровъ общаго срока, прослужившихъ въ гвардіи *семь* (вмѣсто

(*) Воен. Сборн. 1863 г. № 11. Русск. воен. обозр. стр. 248.

(**) Воен. Сборн. 1863 г. № 9. Русск. воен. обозр. стр. 252.

прежнихъ десяти), а въ арміи *восемь* (вмѣсто двѣнадцати) лѣтъ и выдержавшихъ экзаменъ по особой программѣ. Невозможно не видѣть въ этомъ приказѣ рѣшительнаго шага къ переходу отъ нынѣшняго порядка къ иной, болѣе современной системѣ снабженія войскъ офицерами. Правда, что эти льготы допущены пока въ видѣ *временной мѣры*, вызванной только что минувшими обстоятельствами; но принимая во вниманіе отмѣну принципа сословнаго различія, мы можемъ надѣяться, что сокращеніе сроковъ въ этомъ дѣлѣ, хотя, можетъ быть, и нѣсколько въ меньшей мѣрѣ, получить скоро гражданство въ нашихъ военныхъ законахъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что приказъ г. военнаго министра отъ 5 мая 1864 г. за № 142, оставляя въ прежней силѣ эти льготные сроки, прекращаетъ только дѣйствіе того пункта прежняго приказа, гдѣ допущено было производство *вслухъ*, хотя бы и не было *вакансій* въ частяхъ, гдѣ они служатъ; отмѣна этого правила можетъ отчасти указывать на то, что первая настоятельная нужда въ офицерахъ уже удовлетворена, а между тѣмъ сокращенные сроки еще оставлены въ прежней силѣ.

Но еще ранѣе вопроса о количествѣ офицеровъ зашла рѣчь о качествѣ ихъ. Лѣтъ шесть-семь тому назадъ, стали появляться какъ въ военномъ обществѣ, такъ и въ Военномъ Сборникѣ жалобы на недостатокъ въ офицерахъ, особенно въ тѣхъ изъ нихъ, которые служатъ въ армейскихъ пѣхотныхъ полкахъ, какъ общаго такъ и военнаго образованія. Справедливость этихъ обвиненій никто и не думаетъ отвергать; да и мудро бы было отрицать то, что доказывается неопровержимыми фактами. Статистическія данныя по этому предмету представляютъ весьма неутѣшительные результаты.

Изъ чиселъ, приводимыхъ г. Ильяшевичемъ (*), видно, что между 7,778 офицерами изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, число бывшихъ въ лицейхъ и университетахъ составляетъ всего 269 человекъ, т.-е. около $3\frac{1}{2}\%$; но и изъ этого небольшого числа на гвардейскую и армейскую пѣхоту приходится всего около 2 процентовъ, причемъ въ этихъ цифрахъ показаны всѣ *бывшіе* только въ университетахъ; но всѣ ли они кончили курсъ тамъ, или нѣтъ—это неизвѣстно. За тѣмъ изъ числа 3,823 офицеровъ изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся, служащихъ въ пѣхотѣ бывшихъ 3-го, 4-го, 5-го и 6-го армейскихъ корпусовъ и кавказской арміи—число обучавшихся только (хотя и неокончившихъ курса) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ доходитъ до 583 человекъ, т.-е. $15,3\%$. Но изъ этого числа 110 человекъ не могли удовлетворить требовані-

(*) Воен. Сборн. 1868 г. № 11. Русск. воен. обозр. стр. 245 и 246.

ать юнкерской программы и поступили рядовыми, такъ что только 12% всего числа пѣхотныхъ офицеровъ поступили на службу изъ среднихъ учебныхъ заведеній, выдержавшихъ экзаменъ. Остальные же 3,240 человекъ, или около 85% получили воспитаніе или дома, или въ частныхъ пансіонахъ (*).

Въ кавалеріи эти отношенія нѣсколько благопріятнѣе. Для сравненія мы приводимъ изъ статьи г. Ильшевича слѣдующую таблицу для небывшихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; изъ нихъ:

	въ кавалеріи.	въ пѣхотѣ.
выдержали экзаменъ .	884 т.-е. 92%	2,347 или 72%
поступили рядовыми .	73 — 8%	893 — 28%
	953	100
	3,240	100

Цифры, найденныя нами въ отчетѣ военного министерства за 1860 и 1861 годы (**), даютъ не лучшіе результаты. Изъ 926 дворянъ и вольноопредѣляющихся, поступившихъ въ 1860 году, было принято по учебнымъ атестатамъ всего 39 человекъ (изъ нихъ 17 на правахъ студентовъ), что составляетъ 42%; а въ 1861 г. изъ 389 человекъ 21, т.-е. 5, 4%; въ общей же сложности за два года это составитъ съ небольшимъ пять процентовъ. Конечно, этотъ процентъ будетъ нѣсколько выше, если принять въ соображеніе, что въ числѣ поступившихъ по учебнымъ атестатамъ въ отчетѣ показаны только тѣ изъ кончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые пользуются сокращеннымъ срокомъ выслуги въ унтер-офицерскомъ званіи противу вообще установленнаго для дворянъ двухгодичнаго срока—т. е. получившіе при выпускѣ право на чинъ XIV класса (они служатъ, какъ извѣстно, одинъ годъ до офицерскаго чина); прочіе же, имѣющіе атестаты изъ гимназій, зачислены въ разрядъ поступившихъ по происхожденію. Но въ то же время нельзя сомнѣваться и въ томъ, что, если не всё, то большая часть поступившихъ по учебнымъ атестатамъ избрали себѣ военную карьеру не съ цѣлію служить въ армейскихъ полкахъ, и пойдутъ, вѣроятно, въ гвардію или по военно-ученой части.

(*) Здѣсь въ статьѣ г. Ильшевича встрѣчается противорѣчіе: выше онъ сказалъ, что 3,240 составляетъ число небывшихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а на страницѣ 246 въ первой выноскѣ онъ говоритъ, что въ это число вошли и тѣ, которые окончили гимназическій курсъ съ атестатами и потому экзамена не держатъ; здѣсь же означается и студентъ-семинарій; но число тѣхъ и другихъ весьма незначительно. Но такъ-какъ вслѣдъ за тѣмъ онъ опять въ приводимой нами таблицѣ принимаетъ для небывшихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ то же самое число 3,240, то мы и приписываемъ вышеупомянутую выноску какому нибудь недоразумѣнію и принимаемъ число 3,240 человекъ за дѣйствительное число тѣхъ изъ офицеровъ, которые вовсе не были въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

(**) Воен. Сборн. 1868 г. № 9. Рус. воен. об. стр. 252.

Изъ этихъ данныхъ можно заключить, что это—фактъ неопровержимый, что уровень образованія офицеровъ нашихъ армейскихъ полковъ находится на довольно низкой степени. Большинство образованныхъ офицеровъ предпочитаетъ службѣ въ строю—военно-ученую карьеру, или службу въ привилегированныхъ войскахъ, или наконецъ въ штабахъ и управленіяхъ. Въ то время, какъ изъ числа приводимыхъ г. Ильяшевичемъ находящихся на службѣ 269 человекъ, получившихъ образованіе въ университетахъ и лицейхъ, на долю гвардейской и армейской пѣхоты приходится 122 человекъ, что составляетъ 2⁰/₀ всего числа офицеровъ этихъ частей, въ числѣ служащихъ въ штабахъ и управленіяхъ этого рода офицеры составляютъ 20⁰/₀ (*). Коммисія по преобразованію военно-судной части въ нашихъ войскахъ, разбирая неудобства назначенія официальныхъ защитниковъ для подсудимаго изъ среды военныхъ офицеровъ, заявляетъ опасеніе, что это можетъ многимъ подать поводъ, утвердивъ за собою репутацію искуснаго защитника, бросить военную службу, и перейти въ корпорацію гражданскихъ адвокатовъ, что можетъ повредить военной службѣ, потому что, говоритъ коммисія: *и безъ того уже лучшіе наши офицеры чуждаются строевой службы* (**).

Съ цѣлію помочь горю, поднять уровень образованія офицеровъ—въ Военномъ Сборникѣ появилось нѣсколько статей, предлагающихъ различныя мѣры. Одни предлагали ввести экзамены на известные чины; другіе же находили, что экзамены не могутъ достигнуть своего назначенія и даже признавали ихъ невозможными. Иные находили необходимымъ завести въ полкахъ порядочныя бібліотеки, на что также были возраженія: говорили, что бібліотеки тогда только нужны, если будутъ охотники до сколько нибудь серьезнаго чтенія, что не всегда теперь встрѣчается. Не знаемъ, на сколько справедливъ относительно всей арміи фактъ, что офицеры армейскихъ полковъ—небольшіе охотники до книгъ; но знаемъ только, что недавно мы имѣли случай убѣдиться, что есть такіе полки. Находясь въ одномъ изъ глухихъ уѣздныхъ городковъ, гдѣ стоялъ весь полкъ въ сборѣ, т. е. всѣ офицеры жили въ городѣ, мы встрѣтили надобность въ Военномъ Сборникѣ, и, обратясь въ полковую бібліотеку, имѣли удовольствіе получить всѣ книжки за прошедшій годъ, негодько неразрѣзанными, но большую часть *намузо запечатанными* въ тѣхъ *самыхъ* (sic) кувуртахъ, въ которыхъ онѣ были получены изъ Петербурга. Это—фактъ, а вовсе не желаніе сказать красное слово.

(*) Воен. Сборн. 1863 г. № 11. Рус. воен. обзор. стр. 245.

(**) Воен. Сборн. 1863 г. № 7. Рус. воен. обзор. стр. 251.

Въ спорахъ и предложеніяхъ прошло много времени, исписано много бумаги, а все-таки не найдено хотя сколько нибудь удовлетворительнаго средства помочь горю. Самое разнорѣчіе въ мнѣніяхъ по поводу этого вопроса указываетъ на трудность рѣшенія его въ настоящее время; и мы даже болѣе чѣмъ сомнѣваемся въ томъ, что при настоящей обстановкѣ возможно найти средство рѣшить этотъ вопросъ благоприятнымъ образомъ. По нашему мнѣнію, всѣ предлагаемыя мѣры не имѣютъ прочнаго основанія: онѣ не исчерпываютъ зла до корня, который лежитъ глубже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Мы убѣждены, что этого вопроса нельзя рѣшить, не связавъ его тѣсно съ вопросомъ, занимающимъ насъ въ настоящую минуту—т.-е. съ измѣненіемъ системы комплектованія арміи офицерами. Люди, тракующіе о необходимости образованія офицера, составили себѣ абстрактное понятіе о степени этого образованія и сходятся найти средства привести въ исполненіе свою идею; а не видятъ того, что эта идея совершенно непримѣнима къ существующему порядку, что желаемаго ими образованія нельзя требовать отъ среды, изъ которой выходитъ большинство нашихъ офицеровъ; однимъ словомъ, они хотятъ того, чего нельзя получить. Далѣе мы приведемъ соображенія, на основаніи которыхъ мы считаемъ разрѣшеніе этого вопроса невозможнымъ, а теперь скажемъ только, что одна изъ причинъ этой невозможности кроется въ томъ, что за это дѣло взялись, какъ говорится, не съ того конца, въ ложномъ пути, по которому думаютъ придти къ его рѣшенію. Зависимость между образованіемъ офицеровъ и системой снабженія ими арміи слишкомъ очевидна для того, чтобы объ ней говорить; а между тѣмъ изслѣдованіе явленій недостатка образованія и недостатка числа офицеровъ шли постоянно независимо другъ отъ друга. При томъ изслѣдователи этихъ явленій, не углубляясь далеко, смотрѣли на нихъ поверхностно; они объясняли ихъ случайностію и не хотѣли видѣть въ нихъ признаковъ того, что принятая ими за исходную точку, существующая система комплектованія арміи офицерами отжила уже, какъ и все на свѣтѣ, свой вѣкъ. А что это дѣйствительно такъ—это можно видѣть изъ работъ комисіи по преобразованію рекрутской повинности у насъ, изложенныхъ въ статьѣ Военнаго Сборника: «Новыя начала военной повинности въ Россіи» (*). Высказанныя комисією основныя начала этого преобразованія—распространеніе повинности на всѣ сословія и уничтоженіе всѣхъ служебныхъ правъ и преимуществъ, основанныхъ на различіи происхожденія—очевидно разрушаютъ нынѣшній порядокъ комплек-

(*) Воен. Сборн. 1864 г. № 2, 3 и 4.

тованіи арміи офицерами, основанный, за немногими исключеніями, въ пользу студентовъ, главнѣйшимъ образомъ на сословныхъ правахъ.

Но въ то время, когда уже самыя явленія недостаточнаго образованія и малаго числа желающихъ поступать въ военную службу могли бы навести проникательнаго исследователя на мысль, что это кроется въ несостоятельности, несовременности самой системы, мы не встрѣчаемъ даже намёка на это во всемъ, что было написано съ цѣлію отвратить вредныя послѣдствія недостатка въ офицерахъ. Изъ всѣхъ статей, написанныхъ по этому поводу, одна только статья г. М. «Нѣсколько мыслей относительно производства въ офицеры нижнихъ чиновъ» (*) взгляды въ вопросъ довольно глубоко, и смотритъ на дѣло съ той точки зрѣнія, съ какою, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ смотрѣть на него. Несоогласные съ нѣкоторыми выводами автора, мы не можемъ однакоже не признать, что онъ весьма близокъ къ истинному пути, ведущему къ рѣшенію вопроса, хотя почему-то онъ никакъ не хочетъ въ своей статьѣ доходить до конечныхъ выводовъ, логически вытекающихъ изъ его взгляда и его предложеній. Задавая вопросъ: «не слѣдуетъ ли неофицерскіе чины сдѣлать такими же ступенями общей лѣстницы чиновпроизводства, какими служатъ чины прапорщика, подпоручика и т. д.?»—онъ, безъ всякаго сомнѣнія, разрушаетъ существующую систему даже, можетъ быть, болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; а между тѣмъ онъ нигдѣ не сказалъ положительно, что эта система отжила свой вѣкъ, что ее надобно замѣнить другою—болѣе современною. Переворачивая этимъ предложеніемъ вверхъ дномъ существующій порядокъ, онъ какъ будто не хочетъ сознаться въ этомъ; онъ какъ-будто говоритъ, что надобно только кое-что измѣнить въ нашей системѣ, а не хочетъ видѣть, что эти измѣненія потрясаютъ ее основаніе. Но другіе и этого не дѣлаютъ: они только думаютъ, какъ бы замазать щели, не мѣняя всего зданія. Откуда же это происходитъ? Да, очень просто—отъ поверхностнаго взгляда на предметъ, оттого, что не хотѣли дать себѣ труда подумать, почему-де лѣтъ пятнадцать тому назадъ, при этой же системѣ не было ни недостатка въ охотникахъ поступать въ военную службу, ни жалобъ на плохое образованіе офицеровъ, а теперь вдругъ явилось и то и другое? А еслибы подумали хорошенько объ этомъ, можетъ быть, и додумались бы искать причины этихъ явленій въ движеніи общества и народа. Не стоятъ же въ самомъ дѣлѣ они на одномъ мѣстѣ.

У насъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда проявленіе умственной

(*) Воен. Сборн. 1863. № 4.

жизни въ Россіи было еще весьма слабо, армія наша, покрытая сѣвкою славой 12-го года, занимала весьма почетное мѣсто въ глазахъ народа, и дѣйствительно, уровень образованія офицеровъ стоялъ, вообще говоря, выше уровня развитія прочей массы общества. Въ то время образованіе не коснулось еще народной массы: оно было заключено исключительно въ извѣстныхъ кружкахъ, и одно только сословіе дворянъ пользовалось кое-какими плодами его; а это-то сословіе и занимало исключительно офицерскія мѣста въ арміи. Дворяне, на самомъ дѣлѣ стоявшіе по развитію выше прочихъ классовъ, гнушались быть подъячими — какъ они называли чиновниковъ — и шли почти исключительно въ военную службу: рѣдкая дворянская фамилія того времени не имѣла одного или даже нѣсколькихъ представителей въ рядахъ арміи. Отсюда не мудрено понять, почему въ средѣ тогдашней арміи сосредоточивалось почти все, что было лучшаго и образованнаго въ Россіи, и почему замѣчательнѣйшіе дѣятели наши на государственномъ и другихъ поприщахъ вышли большею частію изъ среды военныхъ. Но время шло; университеты мало по малу развивали свою дѣятельность; и образованіе болѣе чистое и болѣе высокое, чѣмъ прежде, стало проникать въ массу общества; понятія его все болѣе и болѣе очищались: общій уровень развитія поднимался выше и выше, и ничего нѣтъ мудренаго, что когда открылся просторъ для умственной дѣятельности, многіе устремились на нее, предпочитая эти занятія военной службѣ, и что въ понятіяхъ и мнѣніяхъ общества совершается переворотъ, весьма, впрочемъ, понятный и очень естественный.

Намъ могутъ возразить и привести въ примѣръ Прусію, гдѣ, несмотря на значительную степень народнаго образованія и на строгій экзаменъ для полученія офицерскаго чина—не только нѣтъ недостатка въ образованныхъ офицерахъ, но даже бываетъ излишекъ въ желающихъ занимать эти мѣста. Это—совершенно справедливо; но на это есть свои причины. Въ Прусіи, можетъ быть, болѣе, чѣмъ гдѣ либо, образованіе разлито въ массѣ народа. Тамъ на всѣ мѣста, несмотря на строгость требованій въ научномъ отношеніи, находится гораздо болѣе охотниковъ, чѣмъ сколько нужно. Чтобы получить въ Прусіи мѣсто теолога или юриста, или врача, или наконецъ чиновника, надобно пробыть по меньшей мѣрѣ восемь лѣтъ въ гимназій, потомъ года три слушать лекціи въ университетѣ; затѣмъ года два-три уйдутъ на приготовленіе и сдачу экзаменовъ на правительственныя званія (*); тогда только желающій получаетъ право занять должность въ государственной службѣ;

(*) Такъ называемый Staatsexamen.

но и послѣ всѣхъ этихъ экзаменовъ ему еще приходится иной разъ ждать нѣсколько лѣтъ безъ всякаго содержанія, пока до него придетъ очередь, чтобы занять одну изъ открывшихся вакансій. Такъ что въ Пруссіи никто почти не получаетъ мѣста съ содержаніемъ отъ правительства ранѣе двадцати-семи-восьми лѣтъ отроду, тогда какъ, поступивъ въ военную службу и выдержавъ сравнительно легкій экзаменъ на офицерскій патентъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-двухъ-трехъ, получаетъ уже жалованье и занимаетъ извѣстное мѣсто въ обществѣ; причемъ еще надобно замѣтить, что въ Пруссіи, благодаря закону, по которому всѣ обязаны служить въ военной службѣ и никто не можетъ откупиться отъ нея, войска пользуются болѣе почетомъ, чѣмъ въ другихъ странахъ западной Европы. Но и въ Пруссіи также многіе, отслуживъ необходимое время въ арміи, избираютъ другія барьеры.

Итакъ слѣдовательно причина того, что въ Пруссіи не нуждаются въ образованныхъ офицерахъ, заключается въ высокомъ уровнѣ народнаго образованія: тамъ предложеніе умственнаго труда превышаетъ спросъ на него. Совсѣмъ не то у насъ: мы еще нуждаемся и очень сильно — въ образованныхъ людяхъ. У насъ еще такъ высоко цѣнится умственный трудъ, что при помощи его человѣкъ можетъ пріобрѣтать гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Не говоря уже о высшихъ родахъ умственнаго труда, приведемъ дороговизну работы, нетребующей почти никакой умственной подготовки — умѣнья переписывать набѣло. При небольшомъ сравнительно числѣ грамотныхъ людей у насъ, мы, напримѣръ, въ Петербургѣ, платимъ отъ 20 до 30 коп. сер. за переписку писаннаго листа, тогда какъ въ Пруссіи эта цѣна не превышаетъ 3 зильбергрошей, т.-е. менѣе 10 коп. сер. Поэтому-то мы и думаемъ, что въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время надобно отложить надежду на комплектованіе всей арміи офицерами, достаточно образованными, и въ зависимости отъ этого слѣдуетъ замѣнить нынѣшнюю систему, созданную при совершенно иныхъ условіяхъ — другою, болѣе современною; при чемъ необходимо принять тѣ мѣры, которыя могутъ отвратить вредныя послѣдствія недостаточнаго образованія офицеровъ.

Повторяемъ, что, судя по дѣятельности военнаго министерства въ этомъ отношеніи, смѣло можно заключить, что правительство раздѣляетъ нашъ взглядъ относительно несостоятельности старой системы: послѣднія распоряженія по этому предмету прямо указываютъ, что оно отрицаетъ въ принципѣ систему комплектованія войскъ офицерами, основанную на сословныхъ привилегіяхъ. Вышеупомянутые приказы г. военнаго министра, сократившіе срокъ службы для всѣхъ безъ различія происхожденія до одного года,

тогда какъ до сихъ поръ вольноопредѣляющіеся 3-го разряда должны были служить до офицерскаго чина двѣнадцать лѣтъ; примѣчанія г. редактора «Военнаго Сборника», какъ лица официальнаго, къ статьѣ г. М., въ которой сказано: «что же касается до основнаго начала соображеній автора, то, сколько намъ извѣстно, оно едва-ли уже не рѣшено въ самомъ благоприятномъ смыслѣ, вполнѣ согласномъ съ современными понятіями» (*); а соображенія г. М. совершенно разрушаютъ существенную систему; наконецъ приведенныя нами начала, положенныя въ основаніе новаго порядка рекрутской повинности—начала, какъ мы видѣли, безспорно несовѣстимыя съ нынѣшнею системою службы — все это не дозволяетъ болѣе сомнѣваться въ рѣшеніи правительства отмѣнить старый порядокъ и перейти къ новому, главныя начала котораго можно уже отчасти опредѣлить.

Слѣдовательно теперь дѣло литературы и людей, знакомыхъ съ предметомъ—не въ томъ, чтобы замазывать щели въ старой системѣ, уже почти канувшей въ вѣчность, а въ разработкѣ пути для развитія новой, въ зависимости отъ тѣхъ началъ, которыя по всей вѣроятности будутъ положены въ ея основаніи. При этомъ слѣдуетъ отбросить въ сторону всѣ идеальныя мечтанія и желанія, не гнаться за тѣмъ, чего покажѣсть нѣтъ, да и быть не можетъ, а разработывать только тѣ матеріалы, которые дѣйствительно находятся подъ рукою, или по крайней мѣрѣ предвидятся въ весьма близкомъ будущемъ. Вопросъ этотъ тѣмъ настоятельнѣе требуетъ скорѣйшаго и всесторонняго обсужденія, что всѣ настоящія учрежденія, относящіяся къ организаціи арміи, должны быть привѣнены къ новому личному составу корпуса офицеровъ, и что при всѣхъ будущихъ и ожидаемыхъ реформахъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что недалеко то время, когда армія будетъ комплектоваться офицерами на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ теперь.

Изложивъ главныя начала нашего взгляда на предметъ, мы намѣрены съ этой точки зрѣнія разобрать, каковы должны быть общія основанія той системы, которая, по нашему убѣжденію, должна придти на смѣну стараго порядка; мы намѣрены разобрать въ общихъ чертахъ тѣ условія, которыя, по нашему мнѣнію, возможно требовать въ настоящее время отъ желающаго быть офицеромъ, показать тѣ матеріалы, которыми въ зависимости отъ этихъ усло-

---

(*) Воен. Сборн. 1863 г. № 4. Ст. г. М. стр. 414.

вій мы можем располагать, и указать средства примѣнить къ дѣлу эти имѣющіеся подъ рукою матеріалы.

Главное и даже, можно сказать, единственное для пользы службы условіе, которое можно требовать отъ желающихъ поступить на службу — образованіе. Давно доказанная истина, что для дѣльнаго и истинно образованнаго офицера, какъ и для всякаго другаго спеціалиста, нужно съ одной стороны образованіе общечеловѣческое, а съ другой — спеціально военное, и что безъ прочнаго общаго образованія нельзя ожидать дѣльныхъ спеціальныхъ познаній — обратилась въ аксіому, и мы бы не считали нужнымъ останавливаться на ней, еслибы были убѣждены, что всѣ знаютъ ее. Но, къ сожалѣнію, какъ ни избыта эта истина, а есть еще люди, неподозрѣвающіе ея существованія, или по крайней мѣрѣ несчитающіе еще ее за истину. Да, повторяемъ, къ сожалѣнію не только въ обществѣ, но и въ литературѣ встрѣчаются еще люди, которые, не понимая надлежащимъ образомъ значенія общаго образованія и наукъ, входящихъ въ кругъ его, и задаваясь узкою цѣлію приготовить спеціалиста, не даютъ должнаго мѣста общему образованію. Такимъ образомъ г. В. Комаровъ въ своей статьѣ (*), говоря весьма дѣльно о недостаткахъ образованія и воспитанія въ прежнихъ кадетскихъ корпусахъ, и доказывая весьма справедливо всю несостоятельность и вредъ поверхностнаго энциклопедизма, выносиваго прежде кадетами изъ корпуса, до того увлекается, что самъ впадаетъ въ другую крайность и проводитъ чрезвычайно узкій взглядъ на образованіе офицера. Авторъ говоритъ, напримѣръ, что *въ военной службѣ не столько важно общее образованіе, сколько знаніе военной дѣла*, и подкрѣпляетъ это положеніе слѣдующими аргументами: «если офицеръ имѣетъ слабыя познанія, или даже вовсе не имѣетъ познаній въ физикѣ, химіи и механикѣ, то это *отнюдь* не можетъ быть поставлено ему въ упрекъ, потому что въ предѣлахъ пѣхотной и кавалерійской службы ему никогда не придется заниматься ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ. Точно также, если офицеръ очень хорошо знаетъ эти и тому подобныя науки, это отнюдь не составляетъ его достоинства, какъ *военнаго офицера*». Эти слова очевидно доказываютъ, что авторъ смѣшиваетъ непростительнымъ образомъ понятія объ общемъ и спеціальномъ образованіи, и рѣшительно не понимаетъ значенія наукъ общаго образованія. Авторъ воображаетъ, что вся польза такихъ наукъ, каковы физика, химія и проч., состоитъ въ практическомъ примѣненіи, и что ихъ и слѣдуетъ изучать только съ этою цѣлію. Онъ и не подозреваетъ, что изученіе естественныхъ наукъ рѣзко распадается на двѣ

(*) Воен. Сборн. 1864 г. № 5.

Т. СЛХ. — Отд. 1.

части: общую, гдѣ человѣкъ знакомится съ общими истинами науки, развивающими и очищающими его умъ, и дающими ему болѣе широкій взглядъ на вещи, и другую, практическую, которая примѣняетъ эти истины къ частнымъ случаямъ на практикѣ. Этого послѣдняго рода знанія необходимы дѣйствительно только специалисту; другимъ же нѣтъ надобности въ нихъ; знаніе же общихъ истинъ необходимо для каждаго истинно образованнаго человѣка. Польза ихъ въ жизни важна не въ примѣненіи ихъ къ дѣлу, а въ томъ, что разумное знаніе ихъ расширяетъ умственный горизонтъ человѣка, воздерживаетъ его... ну, хотя бы отъ высказыванія печатно такихъ одностороннихъ и узкихъ взглядовъ на значеніе науки въ образованіи людей, не позволяя ему смѣшивать понятія объ общемъ и специальномъ образованіи до такой степени, чтобы въ подтвержденіе мысли, что «въ военной службѣ должны цѣниться лишь тѣ свѣдѣнія и познанія, которыя прямо или косвенно приложимы къ военному дѣлу» — приводить аргументы въ родѣ слѣдующихъ: «вѣдь никто не поставитъ въ упрекъ отличному технологу, управляющему большимъ заводомъ, что онъ не знаетъ военной исторіи (!!) и понятій не имѣетъ о тактикѣ (sic!). Совершенно справедливо! Отличному сапожнику нѣтъ никакой надобности знать столярное мастерство, потому что это знаніе ненужно для его специальности. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; вотъ еслибы авторъ доказалъ, что отличному технологу, занимающемуся практической механикой, ненужно знать теоретической механики, тогда, пожалуй, мы согласились бы съ его логикой. Но, къ сожалѣнію, никто еще до сихъ поръ не называлъ *отлично знающимъ* механику — человѣка, незнающаго аналитическаго изложенія этой науки, хотя и есть на свѣтѣ множество механиковъ, неслыхавшихъ о существованіи теоріи той науки, практическими примѣненіями которой они занимаются. Далѣе авторъ говоритъ: «всѣмъ понятно, что офицеръ, получившій *болѣе чѣмъ посредственное* общее образованіе, но хорошо изучившій и вполне понимающій военное дѣло, есть отличный военный офицеръ». Здѣсь, употребляя весьма неопредѣленное выраженіе: *болѣе чѣмъ посредственное общее образованіе* — авторъ какъ-бы невольно сознается, что для *отлично* военнаго офицера нужно *болѣе, чѣмъ посредственное* общее образованіе; но вслѣдъ за тѣмъ, не желая, вѣроятно, поддаваться минутной слабости, прибавляетъ: «офицеръ же, получившій общее образованіе, хотя бы даже въ университетѣ, но непонимающій военнаго дѣла, никуда не годится, какъ военный». Да кто же споритъ противъ того, что нельзя назвать сапожникомъ человѣка, неумѣющаго шить сапоговъ? Развѣ кто нибудь говоритъ, что каждый кончившій курсъ въ университетѣ долженъ непременно умѣть шить сапоги или дѣлать мебель?

Для всякаго ремесла, для всякой профессіи человѣкъ обязанъ приобрести особенныя познанія, котормя дать ему вовсе не дѣло университета: для этого существуютъ спеціальныя заведенія. Приведенныя слова автора прямо показываютъ, что онъ не умѣетъ отличать цѣли отъ средства, и не знаетъ, что спеціальныя знанія есть конечная цѣль занятій человѣка, а общее образованіе — лучшее, если только не единственное средство для разумнаго достиженія этой конечной цѣли; и говорить о возможности достигнуть истиннаго спеціальнаго знанія безъ помощи прочнаго общаго образованія — значить то же самое, что убѣждать въ возможности испечь хлѣбъ безъ помощи необходимой для этого высокой температуры. Общее образованіе потому-то и называется *общимъ*, что оно одинаково необходимо для всѣхъ безъ изъятія истинно образованныхъ людей: оно образуетъ человѣка вообще. Вотъ почему вполне рациональна идея упраздненія кадетскихъ корпусовъ, какъ воспитательныхъ заведеній, и замѣна ихъ военными училищами, какъ заведеніями, спеціальными для людей, уже получившихъ общее образованіе.

Спеціальныя же познанія приобретаются человѣкомъ сообразно съ избранною имъ профессією, и здѣсь уже одна спеціальность исключаетъ всѣ другія, неизмѣющія къ ней отношенія. Такимъ образомъ въ примѣрѣ автора — технологу, незнающему военной исторіи или тактики, нетолько никто не поставитъ въ упрекъ этого незнанія, но, напротивъ, всякій похвалитъ его за то, что онъ не беретъ не за свое дѣло. А офицеръ съ плохо развитыми общимъ образованіемъ способностями — никуда негодится, какъ начальникъ, хотя бы онъ и зналъ отлично тактику и военную исторію, если только возможно разумное знаніе этихъ наукъ для подобнаго субъекта, потому что одной узкой спеціальности безъ развитія недостаточно, и на одномъ знаніи подробностей безъ общей руководящей идеи — достоянія развитаго ума — далеко не уѣдешь. Иной саперный унтер-офицеръ отлично сдумаетъ разбить и построить какойнибудь редантъ, или люнетъ; но изъ этого еще нельзя заключить, что ему можно довѣрить укрѣпленіе важной стратегической позиціи. Становясь же на узкую точку зрѣнія г. В. Комарова, и руководствуясь его логикою, можно совершенно послѣдовательно дойти до заключенія, что солдата не слѣдуетъ учить грамотѣ: его прямыя обязанности не требуютъ непосредственнаго примѣненія умѣнья читать и писать; все, что нужно знать ему, чтобы быть хорошимъ, конечно, по мнѣнію г. В. Комарова, солдатомъ, ему объясняютъ — чего же больше? Нѣтъ-съ, въ томъ-то и дѣло, что знаніе военнаго дѣла, какъ и всякое другое спеціальное знаніе, требуетъ прежде всего прочнаго общаго образованія, и должно быть

на немъ основано, и для того, чтобы занять впоследствии мѣсто начальника, это общее образованіе нужно для офицера гораздо въ большей степени, чѣмъ, повидимому, думаетъ авторъ. И если авторъ говоритъ, что большая часть маршаловъ Наполеона не получала почти никакого, ни общаго, ни военнаго образованія, то и мы съ своей стороны прибавимъ, что нельзя сказать, чтобы многіе изъ нихъ выказали особенныя способности, какъ генералы; и что если ихъ дѣйствія и были удачны, то потому только, что они были ни больше, ни меньше какъ исполнители предначертаній и приказаній Наполеона, плановъ котораго они сплошь да рядомъ не понимали, и вслѣдствіе этого не разъ путали дѣло. Военная исторія, какъ вѣроятно извѣстно автору, представляетъ не одинъ примѣръ того, что маршалы Наполеона портили планы его своими ошибками. Такииъ образомъ въ кампанію 1805 года, одинъ изъ гениальнѣйшихъ плановъ Наполеона — отрѣзать подъ Ульмомъ корпусъ Макка, чуть-чуть не разстроился совершенно, благодаря единственно полному непониманію дѣла Мюратомъ, давшимъ приказаніе Нею, командовавшему шестымъ корпусомъ, очистить лѣвый берегъ Дуная; тогда какъ весь планъ основанъ былъ на томъ, что Ней долженъ былъ, оставаясь во что бы то ни стало на лѣвомъ берегу Дуная, отрѣзать Макку пути отступленія въ Богемію и внизъ по Дунаю, что и было приказано Наполеономъ. Да и мало ли еще можно насчитать такихъ промаховъ и примѣровъ грубаго непониманія дѣла маршалами Наполеона, и потому едва-ли всегда ихъ можно представлять образцами искусныхъ и даровитыхъ генераловъ.

Да простятъ намъ читатели, что мы такъ далеко отвлеклись отъ дѣла; но что же дѣлать? Мы отъ чистаго сердца убѣждены, что для военной службы, какъ нельзя болѣе вредно распространеніе идей, подобныхъ высказаннымъ г. В. Комаровымъ, и мы считали долгомъ опровергнуть подобное превратное пониманіе дѣла, тѣмъ болѣе, что оно высказано въ такой серьезной и дѣльной статьѣ, какова статья г. В. Комарова въ прочихъ отношеніяхъ.

Д. В. Шатиловъ.

ТАЙНЫ ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ НЕАПОЛѢ.

ЗАПИСКИ ЭНРИКЕТТЫ КАРАЧЧОЛО.

(Изъ рода князей Форино, бывшей монахини бенедиктинскаго ордена).

Votum feci,
Gratiam asseri.

(Я дала обѣтъ и приняла благодать).

XXI.

Арестъ.

Печально чередовались дни мои въ пріютѣ Благовѣщенія; еще печальнѣе проходили ночи, въ думахъ о невѣрной моей будущности.

Собравъ нужныя бумаги, Кассано написалъ длинное письмо, думая отправить его вмѣстѣ съ документами въ Римъ, въ конгрегацію епископовъ. Въ этомъ письмѣ достойный прелать поддерживалъ просьбу мою о возвращеніи въ міръ, исчислялъ всѣ вины и необдуманнныя поступки кардинала Ріаріо, и въ заключеніе говорилъ, что надо считать чудомъ, если я, неизмѣвшая отъ природы ни малѣйшаго монашескаго призванія, не нарушила съ отчаянія главнѣйшихъ пунктовъ монашескаго устава; и что слѣдовательно, видя невозможность уговорить меня провести въ монастырѣ остальную мою жизнь, онъ считаетъ должнымъ и справедливымъ позволить мнѣ сложить съ себя бенедиктинскую одежду, носить простое черное платье и оставаться незамужней въ домѣ моей матери въ качествѣ и съ титуломъ канониссы. Прочитавъ ему и мою просьбу, я поблагодарила Кассано теплыми словами, внушенными мнѣ моею признательностью. Я сама видѣла, какъ викарій собственноручно запечаталъ пакетъ, и, въ ожиданіи почтоваго дня, положилъ его на конторку, послѣ чего, я, вполнѣ успокоенная, возвратилась въ пріютъ.

Марія-Джузеппа предавалась ребяческому веселью. Она вообразила, что уже все кончено—да и не ошиблась. Весь вечеръ, до

поздняго часа мы съ ней бесѣдовали, съ наслажденіемъ отдаваясь золотимъ мечтамъ о будущемъ, столь дорогимъ сердцу несчастныхъ... Но въ чему ведутъ всевозможные планы, хотя бы зрѣло обдуманые и исполнѣ разумные, когда обстоятельства не помогаютъ осуществленію ихъ?...

Два дня спустя я узнала, что Кассано заболѣлъ и слегъ въ постель. Эта вѣсть смутила насъ.

Пять дней спустя, его уже не было въ лѣвкахъ.

А мои бумаги?—Остались на конторѣ.—А викарій?—Временно отрѣшонъ отъ должности; на мѣсто его временно назначенъ—врагъ Кассано! Кто же сдѣланъ преемникомъ кардинала? — Козенца...

Простите, надежды мои!...

Что было мнѣ дѣлать въ Капуѣ? Какъ на иглокахъ провела я тамъ еще двѣ недѣли. Бывшій викарій совѣтовалъ мнѣ не оставаться долѣе, такъ-какъ Ріаріо, зная, что мнѣ покровительствовалъ Кассано, не преминетъ снова начать прерванное гоненіе противъ меня. Съ другой стороны, я не имѣла никакихъ средствъ искать счастья въ другомъ мѣстѣ, такъ-какъ я уже вынуждена была продать ромъ и нѣсколько цѣнныхъ вещицъ для покрытія самыхъ необходимыхъ расходовъ.

И такъ я возвратилась въ Неаполь, и поселилась въ монастырѣ «S.-Nicola da Tolentino», принадлежащемъ отцамъ миссіонерамъ, въ кварталѣ «S.-Pietro all'Agona». Тутъ жилъ отецъ Спакапьетра, человѣкъ достойный уваженія не только по своей добродѣтели, но и по своей учености, и имѣвшій большую силу въ Римѣ, гдѣ у него было много связей. Подробно рассказавъ ему всѣ мои бѣдствія, я просила его совѣта и помощи. Спакапьетра былъ тронутъ; онъ потиралъ себѣ лобъ, какъ человѣкъ, тщательно взвѣшивающій свое мнѣніе прежде нежели высказать его, потомъ обратился къ моей матери:

«— Я думаю, сказалъ онъ:—что говоря объ арестѣ, генералъ Торкуароло ошибся. Правда, случалось прибѣгать къ такимъ строгимъ мѣрамъ, но только противъ монахинь, подававшихъ поводъ къ публичному скандалу, въ особенности если онѣ находились въ критическомъ положеніи. Будьте такъ добры, дайте мнѣ вашъ адресъ, я сегодня же поговорю съ его преосвященствомъ, и на дняхъ увѣдомлю васъ о результатѣ моего свиданія съ нимъ.

Успокоенная словами достойнаго миссіонера, я возвратилась домой, нѣсколько утѣшенная надеждой, что провидѣніе не вполнѣ меня обинуло. Немного дней спустя, Спакапьетра пріѣхалъ извѣстить меня, что онъ съ кардиналомъ долго говорилъ обо мнѣ. Ріаріо формально отрекся отъ своего свиданія съ королемъ,

и отрицать, что выпросилъ у него приказъ арестовать меня. Все это была ложь, наглая ложь!... Спаккапетра замѣтилъ ему, что онъ не имѣетъ права лишать меня процентовъ съ моего приданнаго—Piarо согласился препроводить ко мнѣ должную мнѣ за пять мѣсяцевъ сумму, и обѣщалъ не тревожить меня болѣе.

Нѣсколько мѣсяцевъ прошли спокойно. Мать моя была такъ рада видѣть меня избавленной отъ-клерикальныхъ гоненій, что во время карнавала не давала у себя обѣдовъ и вечеровъ, какъ она это дѣлала въ другіе годы. Я была ей крайне признательна за это вниманіе, потому что твердо рѣшилась избѣгать всякихъ новыхъ исторій и вести жизнь уединенную, раздѣляя ее на хозяйственную дѣятельность и умственныя занятія. Такъ-какъ изученіе исторій своего отечества я считала обязанностью не только для всякаго итальянца, но и для всякой итальянской женщины нашего времени, то я достала лучшихъ писателей по этой отрасли національнаго образованія. Тогда я въ первый разъ познакомилась съ Макиавелли, Гуиччардини, Ботта, Сантароза, Коллетта, и нѣкоторыми историками американской войны, а также войны за независимость и возрожденіе Греціи.

Въ іюнѣ одна изъ моихъ сестеръ, живущая въ Гаэтѣ, написала намъ, что мужъ ея опасно боленъ. Мать моя поѣхала къ зятю, а же отказалась сопутствовать ей. Тамъ находился въ то время Фердинандъ II, наскучившій пребываніемъ въ Неаполѣ, подобно тому царственному злодѣю, который, сдѣлавшись убійцей собственнаго брата и бичомъ своихъ подданныхъ, возымѣлъ отвращеніе къ своей столицѣ и дворцу, и удалился въ Сицилію, день и ночь преслѣдуемый тѣнью умерщвленнаго брата. Послѣ отъѣзда моей матери, я съ Маріей - Джузеппой переселилась къ другой моей замужней сестрѣ, жившей въ Неаполѣ, въ «Vico Canale», близъ улицы Толедо, гдѣ она занимала шестой этажъ небогатаго дома, такъ-какъ въ то время она терпѣла большую нужду по случаю запрещенія заниматься своей профессіей, сдѣланнаго ея мужу, адвокату, замѣшанному въ смутахъ 1848 года, и еще томившемуся подъ надзоромъ бурбонской полиціи.

Ограниченность моихъ средствъ и стѣсненныя обстоятельства сестры не позволяли мнѣ брать карету каждый разъ какъ мнѣ приходилось отлучаться изъ дома по нужнымъ дѣламъ. Въ число этихъ дѣлъ входила необходимость препровождать по принадлежности переписку членовъ одного патріотическаго общества, въ то время дѣятельнаго и полезнаго, теперь же бесполезнаго, если даже не вреднаго: мужчина не могъ бы заняться этимъ, не возбуждая подозрѣній котораго нибудь изъ безчисленныхъ шпионовъ, кишѣвшихъ въ то время на улицахъ, въ домахъ, и даже

въ церквахъ Неаполя. Не имѣя возможности часто выѣзжать въ экзипажѣ, могла ли же я расхаживать по улицамъ въ бенедиктинской одеждѣ въ такомъ городѣ, гдѣ праздная молодѣжь дѣлала себѣ забаву изъ того, чтобы не давать прохода женщинамъ? Поэтому я сложила съ себя монашескую одежду и надѣла простое черное шелковое платье, слѣдуя совѣтамъ кардинала Кассано и другихъ здравомыслящихъ лицъ.

Между тѣмъ отецъ Спавапьерра отплылъ въ Японію, членомъ миссіи, оставивъ мнѣ на память книгу «Подражаніе Иисусу Христу» и воспоминаніе о своей примѣрной добротѣ. Вечеромъ 13 іюня, удалившись въ свою комнату съ Марією-Джузеппой, мы съ нею переправили приключенія, встрѣченныя нами въ различныхъ монастыряхъ, радуясь нашему настоящему положенію и обоюдно поздравляя другъ друга съ возможностью дышать свободно. Дѣйствительно, все вокругъ насъ вѣяло спокойствіемъ, благодушіемъ, тишиной; всюду царило счастье. Воздухъ былъ теплый и пропитанъ благоуханіемъ, распространяемымъ растениями, украшавшими бельведеры, а въ окнахъ у нижнихъ этажей шептались невнятные дѣвушки, изрѣдка издавая вздохъ, вѣстангъ тайныхъ желаній. Луна, одинокая и горделивая въ своемъ ясномъ сіяніи, плыла по небесной лазури, сопутствуемая легкими облаками, окаймленными серебромъ съ неподражаемой легкостью и изяществомъ. Я возрождалась къ новой жизни при одной мысли, что мнѣ возвращено мѣсто, назначенное мнѣ провидѣніемъ, что я наконецъ могу свободно посвятить свое, хотя и малое, содѣйствіе служенію ближнему.

Но судьба, такъ часто играющая человѣческимъ счастьемъ, готовилась и меня заставить заплатить дорогою цѣною за это мгновенное упоеніе... Марія-Джузеппа, вѣрная, неизмѣнная подруга, раздѣлявшая всѣ мои бѣдствія, полагала все свое счастье въ томъ, чтобы увѣрять меня, что она никогда не покинетъ меня, пока я буду несчастлива.... Кто бы сказалъ ей, что она проводитъ со мною послѣдній вечеръ?

На слѣдующій день, въ часъ пополудни, я съ сестрой и затемъ сидѣла за обѣдомъ... раздался звонокъ. Старая служанка сестры моей, выглянувъ изъ окна на лѣстницу, въ смущеніи объявила намъ, что меня спрашиваетъ какой-то священникъ.

«—Просите, сказала я, полагая, что это бывший капуанскій варіарій, иногда навѣщавшій насъ. Но сердце-вѣщунъ, привычное къ горю, вѣриво забилося въ моей груди... Я услышала шаги не одного, а нѣсколькихъ человѣкъ. Я подошла къ двери залы, чтобы прислушаться—и услышала споръ между пришедшими и моимъ зятемъ. Я вышла изъ двери и увидѣла передъ собою че-

ловѣа исполнскихъ размѣровъ, съ огромной головой, съ лицомъ, подобнымъ полной лунѣ — существо въ родѣ Бриарея, хозанномъ развалившееся на диванѣ; близъ него сидѣлъ блѣдный, худошавый священникъ зловѣщей наружности, а зять мой стоялъ смущенный, опершись обѣими руками на спинку стула. Хотя обѣ незнакомыя мнѣ, эти физіономіи заставили меня содрогнуться.

Гигантъ, испуская изъ гортани голосъ, похожій на ревъ морской раковины, спросилъ меня:

«— Вы-ли монахиня Энрикетта Карачоло Форино?

«— Я, отвѣчала я:—съ кѣмъ имѣю честь говорить?

«— Съ комисаромъ Морбилли.

Боже! какое има! Я вздрогнула какъ отъ сильнаго электрическаго удара... Этотъ человекъ былъ ужасомъ всего Неаполя.

Герцогъ Морбилли (о, бѣдное дворянство родины Вико!), преданнѣйшій изъ клеветовъ короля, вѣрный сподвижникъ Дель-Каррето, вошелъ въ славу не столько по своей неутомимости въ службѣ, какъ по паническому ужасу, всюду наводимому его посѣщеніями, и баснословной обжорливости, обратившейся у него въ болѣзнь. Кто-бы изъ неаполитанцевъ не предпочелъ видѣть въ своемъ домѣ, не скажу злого духа, но, по крайней мѣрѣ, пожаръ или оспу или любую смертоносную язву, скорѣе чѣмъ комиссара Морбилли?

«— А это, продолжалъ онъ, указывая на своего спутника:— это священникъ изъ куріи.

Вмигъ поняла я, что меня ожидало.

«— Чего вы хотите отъ меня? спросила я тономъ карбонара, застигнутого комиссаромъ на мѣстѣ преступленія.

«— Вы находитесь подъ арестомъ.

«— Подъ арестомъ? Это невозможно! За что?

«— Очень возможно. Вы должны слѣдовать за нами.

«— Куда?

«— Въ монастырь.

«— Въ какой?

«— Въ Мондрагоне.

«— Могу я узнать, по приговору какаго судилища, или по крайней мѣрѣ по чьему повелѣнію?

«— Это до васъ не касается.

Бываютъ критическія минуты, когда Господь вселяетъ въ слабого крѣпость духа, чтобы онъ не далъ раздавить себя сильнѣйшему.

«— Это касается меня побольше, чѣмъ васъ, съ гордымъ достоинствомъ отвѣтила я:—не менѣе того я пойду за вами; иду одѣваться.

Посвященный во всѣ тайны ремесла сыщика, Морбилли самъ

захотѣлъ удостовѣриться, не представляетъ ли моя комната возможности къ бѣгству, и увидавъ, что въ ней одна только дверь, соизволилъ разрѣшить мнѣ одѣваться на свободѣ. За мной вошла Марія-Джузеппа, которая обезумѣвъ и онѣмѣвъ отъ перепуга, привела и мой и свой нарядъ въ страшный безпорядокъ. Полчаса спустя мы обѣ были готовы.

«— Не принимай такого унылаго вида, сказала я бѣлицѣ, слегка глади ей щеку:—старайся совладать съ собой, чтобы не доставить удовольствія этимъ людямъ.

«— Ваша правда, синьора, отвѣчала она, и, въ угоду мнѣ, силилась улыбнуться, хотя съ трудомъ удерживалась отъ слезъ.

«— Можете идти впередъ, сказалъ Морбилли священнику:— синьора не оказала сопротивленія.

Вампиръ раскланялся и скрылся. Морбилли обратился къ Маріи-Джузеппѣ, готовившейся идти за мною и нагруженной шалами и другими предметами.

«— А ты кто такая? спросилъ онъ ее.

«— Я—ихъ бѣлица.

«— Ты не поѣдешь съ синьорой въ монастырь, рѣшилъ цяклопъ.

«— Почему? спросила одна изъ насъ.

«— Почему? откликнулась другая.

«— Синьору повезутъ въ пріютъ (ritiro), тебя же отведутъ въ комисаріатъ на допросъ, а потомъ отправятъ на родину.

Вопли, стоны бѣдной дѣвушки, крѣпко прильнувшей ко мнѣ, какъ бы ища во мнѣ убѣжища и заступничества, ея плачь и отчаяніе чуть не лишили меня присутствія духа. Отъ душевнаго моего волненія, подавляемаго только усиліемъ самолюбія, мускулы рта моего до того сжались, что еслибъ я захотѣла говорить, это было бы мнѣ невозможно. Бѣдная Марія-Джузеппа не переставала цѣпляться то за мое платье, то за мою руку, приговаривая среди громкихъ рыданій:

«— О, милая, обожаемая синьора! если вы не хотите разлучаться съ вашей бѣдной бѣлицей, то почему же вы не прогоните этихъ негодаевъ!

Комисаръ, подозвавъ инспектора, дожидавшагося у двери, сдалъ ему бѣлицу. Я не сказала ни слова; боясь расплакаться, и только дала Маріи-Джузеппѣ послѣдній прощальный поцалуй, да попросила старую служанку не оставлять ее, пока ее не отправятъ къ роднымъ. Затѣмъ, обращаясь къ комисару:

«— Надѣюсь, сказала я:—что, зная чья дочь я, вы не захотите заставить меня идти пѣшкомъ.

«— И что вы не помѣшаете мнѣ и ея сестрѣ проводить ее, подхватить зятя мой.

Морбилли послать за каретой, и дозволилъ роднымъ проводить меня. Все это время Марія-Джузеппа не переставала жать мнѣ руки и покрывать ихъ поцалуйми; до того поразительно было отчаяніе несчастной, что надъ нею сжалился... даже Морбилли.

«— Мужайся, сказала я ей наконецъ, и, оторвавшись отъ нея, первая вышла изъ двери.

Лѣстница была набита сбирами, какъ будто готовились захватить въ лѣсу шайку разбойниковъ, а за воротами столпилось болѣе ста человѣкъ, чтобы поглазѣть на странное зрѣлище.

Пріютъ Мондрагоне, основанный въ 1653 г. Эленой Альдобрандини, герцогиней Мондрагоне, для неаполитанскихъ дамъ, которыя, овдовѣвъ и оставшись въ нуждѣ, пожелали бы вести въ немъ спокойную, уединенную жизнь—состоитъ изъ обширнаго зданія и церкви «Santa Maria delle Grazie di Mondragone», близъ «S.-Carlo alle Mortelle». Въ настоящее время туда изрѣдка принимаютъ и воспитанницъ, но вообще пріютъ служить монашескимъ острогомъ.

Пріѣхавъ туда около трехъ часовъ, я вошла по лѣстницѣ, ведущей наверхъ отъ первой двери на улицу; у второй двери были представлены два священника, и около нихъ стояла настоятельница, которую величали «пріоршей». Въ одномъ изъ священниковъ я узнала ту самую тѣнь Банко, которую Морбилли привезъ съ собою для моего ареста; другой былъ духовный начальникъ пріюта—тотъ самый, который, яростнымъ рвеніемъ своимъ въ дѣлѣ реакціи, оставилъ въ лѣтописяхъ 1848 г. такую незавидную славу—тотъ самый, который, въ качествѣ королевскаго цензора, всегда вымарывалъ въ рукописяхъ коренное итальянское слово «*eslandio*» (даже), быть можетъ, потому, что окончаніе его напоминаетъ о верховномъ судѣ (*)!... Пожалованный орденомъ Франциска I, за безиредѣльную преданность бурбонамъ, и всѣмъ извѣстный обскурантизмъ, онъ требовалъ, чтобы его не иначе называли, какъ «кавалеромъ».

Изъ того, какъ этотъ человѣкъ раскланивался съ комиссаромъ, и изъ нѣсколькихъ словъ, которыми они обмѣнялись, я поняла, что они—старинные друзья ищейки одной своры. Зятя мой, съ трудомъ до этой минуты сдерживавшій свое негодованіе, тутъ разразился горькими жалобами на поведение кардинала.

(*) Dio—Богъ.

«— Если вы не замолчите сію же минуту, сказалъ ему «кавалеръ»:—я пощочинами заставлю васъ прикусить языкъ.

«—Если вы не отправитесь сейчасъ же по своимъ дѣламъ, прибавилъ комисарь:—я васъ въ тюрьму запрочу.

Я схватила зятя за руку, и крѣпко потрясла ее, сказала:

«— Чего вы горячитесь, когда я молчу, я—жертва? Теперь я сдана въ темницу—можете увести сестру.

Всѣ хранили молчаніе. Комисарь, взявъ съ худощаваго священника росписку въ полученіи моей особы, уѣхалъ, и я сестрѣ сдѣлала знакъ, чтобы и она встала, чтобы не дать мужу ея случая снова скомпрометировать себя.

«— Пиши скорѣе въ Гаэту, сказала я, обнимая ее:—все опши матери, и, ради самаго Бога, позаботься о Марин-Джузеппѣ, какъ бы ты позаботилась обо мнѣ.

Оставшись одна со сборомъ и двумя тюремщиками, я принуждена была взойти на третій этажъ, и отведена въ обширную и мрачную комнату, имѣвшую видъ темницы приговореннаго къ смерти: только два отверстія впускали туда свѣтъ, и то скудный и тусклый, потому что напротивъ возвышался палаццо Вилланова. Голыя, загрязненныя стѣны, бревенчатый потолокъ, полъ изъ изломанныхъ кирпичей, два хромыя стула вмѣсто мѣбели — вотъ и все!

Пріорша и священникъ, завѣдывавшій литературной инквизиціей, вышли, чтобы о чемъ-то переговорить вполголоса; со мною остался только священникъ изъ куріи.

Кто бы повѣрилъ любезности вампира?

Видя меня одинокой, всѣми покинутой, безутѣшной, лишенной всякой защиты, этотъ священникъ, еще нестарый, вздумалъ воспользоваться случаемъ, чтобы дать мнѣ понять всю пользу для меня его покровительства; онъ принялъ сладко крадчивую мину, отчего сдѣлалась еще противнѣе его отталкивающая фізіономія, и протягивая ко мнѣ свои костлявыя руки, сказалъ:

«— Если вамъ что нибудь понадобится, обратитесь не стѣсняясь къ пріоршѣ, къ которой вы вѣроятно почувствовали уже симпатію, какъ, надѣюсь, почувствуете ее и къ вашему покорному слугѣ.

Послѣдняя фраза сопровождалась глубокимъ поклономъ и улыбкой, обнажившей всѣ его отвратительныя зубы.

«— Гнусное чудовище! закричала я, уставивъ на него глаза, и указывая ему на дверь.—Изыди отсюда, окаянный, и расскажи пославшему тебя, что я надѣюсь, съ божьей помощью, скоро увидать и его, и тебя, и всѣхъ вамъ подобныхъ провалившимися въ адъ кромѣшныя.

Она не выказала ни малѣйшаго смущенія, и взявъ шляпу, тихохоньво пробралась къ двери, которую я съ бѣшенствомъ заключила за нѣмь.

Тогда, возвратившись на середину комнаты, я стала на колѣна, сложила руки, и поднявъ глаза къ небу, вознесясь сердцемъ къ Богу, стала изъ глубины души молиться за очерченную невинность...

Господь не отвергаетъ смиренное, уничиженное сердце, а внемлетъ его мольбѣ!...

XXII.

Приютъ Мондрагоне.

Втеченіе почти полутора года сравнительной свободы я успѣла отвыкнуть отъ тлетворнаго и разрушающаго вліянія одиночества; оживотворенной общеніемъ съ людьми, мнѣ несравненно тяжелѣе прежняго показалось безмолвіе, снова охватившее меня. Вокругъ меня не слышался ни одинъ голосъ, не было слѣда живой человѣческой мысли, не звучала привѣтливый говоръ человѣческой дѣятельности: въ новой пустынѣ, окружившей меня, слышалось лишь однообразное жужжаніе мухъ—странный контрастъ съ ураганомъ, свирѣствовавшимъ въ моей душѣ.

Одна, всепоглощающая мысль съ первой же минуты овладѣла мной: какая власть издала приказъ о моемъ арестѣ—гражданская или духовная? Была ли я еще разъ жертвой Ріаріо и его блики, или же какое-нибудь обвиненіе иного рода, имѣвшее начало свое въ шпіонствѣ, ввергло меня въ когти политической власти?

Вѣроятно, возможно было и то и другое предположеніе; вѣрнѣе же всего соединеніе того и другого. Какое бы изъ нихъ ни оказалось вѣрнымъ, положеніе мое было присорбно, въ полномъ смислѣ ужасно. Къ тому же, я была женщина! Какое сужденіе могъ составить себѣ свѣтъ, слишкомъ уже склонный къ подозрительности и злословію, о моемъ заключеніи въ приютъ, пользующійся самой двусмысленной репутаціей, могущей дать клеветѣ обильную пищу? Снова выкинутая изъ среды общества, какія средства имѣла я, чтобы опровергнуть лживые слухи, которые священники непременно распускали, я была въ этомъ увѣрена. Въ ущербъ моему доброму имени, для собственнаго оправданія? Мысль объ этомъ послѣднемъ и жесточайшемъ ударѣ судьбы до того сразила меня, что я уже не находила въ себѣ той неустрашимости, той нравственной энергіи, которая до тѣхъ поръ позволяла мнѣ сносить всѣ несчастія. Для того чтобы быть мужикой, а не женщиной (хотя бы только на нѣсколько дней), чтобы

очутиться въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Америкѣ, въ свободной странѣ, не имѣя въ своемъ владѣніи ничего кромѣ пера и нѣсколькихъ листовъ бумаги, я бы отказалась, не скажу отъ существованія, которымъ можетъ располагать только даровавшій его, но ужь конечно отъ престола, еслибы таковой находился въ моемъ распоряженіи.

Около часу спустя послѣ моего пріѣзда, въ мою дверь слегка постучались; я не отозвалась. Стукъ повторился—я притаилась. При третьемъ стукѣ, я услышала голосъ пріорши, просившей меня отворить дверь.

«— Неужели я не хозяйка и въ этомъ логовищѣ? сказала я сердитымъ голосомъ.

«— Конечно, синьора, вы у себя хозяйка, но все же должны отворить мнѣ.

«— Можете ломать дверь, если хотите, а я не отворю.

Пріорша въ смиренныхъ выраженіяхъ стала упрашивать меня отворить ей, извиняясь въ причиняемомъ мнѣ безпокойствѣ необходимостью устроить меня на моей новой квартирѣ. Тогда я отворила, и увидѣла ее объятою ужасомъ отъ тона, принятаго мною. Двѣ бѣлицы внесли кровать, небольшой столикъ и лампу (lucerna).

«— Сдѣлайте одолженіе, сказала я:— доставьте мнѣ письменныя принадлежности.

Она скорчила гримасу, какую дѣлаютъ люди, имѣющіе сообщить непріятное извѣстіе. Наконецъ она проговорила меохотно, точно жевала слова:

«— Къ крайнему моему сожалѣнію, я должна увѣдомить васъ, что, до новаго распоряженія, начальство запрещаетъ вамъ читать и писать.

«— Значить, мнѣ нельзя будетъ даже имѣть письменныя общенія съ родными?

«— Это разрѣшено, съ тѣмъ только, чтобы я прочитывала ваши письма, прежде нежели они запечатываются, и отвѣты на нихъ, прежде чѣмъ они вручатся вамъ.

«— Запрещены всѣ книги, безъ исключенія?

«— У насъ много книгъ духовнаго содержанія: ихъ вы можете читать сколько вамъ угодно.

Все болѣе съуживался кругъ моей жизни. Я ее спросила, какія въ точности отданы приказанія относительно меня.

«— Самыя строгія, отвѣчала пріорша.— Вамъ запрещается видѣться и говорить съ кѣмъ бы то ни было; вы не можете принимать ни родныхъ, ни друзей, ни знакомыхъ, и тѣмъ мнѣе чужихъ, которые бы пожелали посѣтить васъ; мало того, чтобы

отнять у васъ всякую возможность имѣть тайныя сношенія съ наружнымъ міромъ, вамъ будетъ строжайше запрещено глядѣть въ оконъ, выходить на террасу, проходить черезъ пріемную. Въ довершеніе всего...

«— Скоро ли конецъ? прервала я ее.

«— Вамъ не будетъ дозволено держать особой прислуги.

«— Скажите на милость, спросила я:— какъ называется ваше заведеніе?

«— Пріютъ Мондрагоне.

«— Вѣрнѣе было бы назвать его темницей инквизиціи! Можете вы еще сказать мнѣ, долго ли меня здѣсь продержатъ?

«— Почему знать! Можете пробыть и три года, и пять и десять лѣтъ, какъ заблагоразсудится начальству; чтобы скорѣе пріучиться къ терпѣнію, вамъ бы слѣдовало отложить надежду скоро выдти отсюда.

«— Не утаивайте отъ меня правды, молю васъ! Не къ позорному ли заключенію я приговорена?

«— Поручите себя Господу, и заботьтесь о спасеніи души своей!

«— Довольно!... вскричала я, и при этихъ словахъ безъ чувствъ упала на кирпичный полъ.

Когда я очнулась, я лежала въ растяжку на постели, и снова была одна. Тогда съ содроганіемъ стала я примѣчать, что мысли мои путаются, что умъ мой цѣпенѣетъ, хотя при всемъ моемъ желаніи, я не могла бы открыть причину этого явленія. Что у меня голова разстроена—это я сознавала ясно; но чему было приписать омраченіе моихъ умственныхъ способностей? Было ли оно послѣдствіемъ обморока, или слишкомъ сильнаго огорченія? Или его причинилъ ушибъ, нанесенный моей головѣ при паденіи на кирпичи? Чѣмъ болѣе я усиливалась удержать ускользящій отъ меня разумъ, тѣмъ я болѣе убѣждалась, что я уже не владѣю имъ какъ прежде: разсудокъ мой слабѣлъ, воспоминанія путались, чувства мои, способности превратились въ какой-то хаосъ. И среди этого хаоса властвовала одна неотступная галлюцинація, мучительная какъ правильно повторяемый ударъ тяжелаго молота: мнѣ казалось, что около меня стоитъ тотъ, котораго я нѣкогда такъ страстно любила — Доменико, одѣтый священникомъ, и читаетъ мнѣ смертный приговоръ.

Съ этой минуты начинается ужасный періодъ моего существованія, обнимающій собою долгій промежутокъ, который мнѣ нелегко въ точности опредѣлить, и въ которой разсудокъ мой постоянно колебался между здравымъ состояніемъ и совершеннымъ разстройствомъ. Не стану надѣдать читателю разсказами о моихъ

бредяхъ; но да будетъ мнѣ дозволено обратиться къ нему съ просьбою, прежде чѣмъ приступить къ продолженію моего разсказа, чтобы не прерывать нити его: пусть не падеть на меня отвѣтственность за дѣйствія, совершенныя мною во время моего безумія, и которыя я хотя и приведу здѣсь ради правдивости разсказа, но сама первая порицаю.

Съ наступленіемъ вечера бѣлица вошла ко мнѣ съ лампой, и за ней пріорша, со спиртами и разными стьянкамп, которыя она заставляла меня нюхать. Я объявила ей, что придумала средство, чтобы избѣгнуть позора публичной казни. Серьезный, сосредоточенный тонъ, съ которымъ я сообщила ей это открытіе, разсмѣшилъ ее. Это была свѣжая, румяная женщина лѣтъ подь сорокъ, и довольно привѣтливая. Положеніе мое возбуждало ее жалость и она нерѣдко обращалась ко мнѣ съ ласковыми словами; но съ другой стороны она дорожила своею должностію и старалась заслужить одобреніе начальства, исполняя его приказанія съ педантической точностію. Я бы на ея мѣстѣ не приняла на себя обязанность тюремщицы.

Нѣсколько погодя она прислала мнѣ тарелку бульона; я откалась отъ нея. Ночь, послѣдовавшая за этимъ днемъ, была самой ужасной ночью моей жизни; меня одолѣла поистинѣ предсмертная тоска. Я нѣсколько разъ вставала съ постели, чтобы молить Бога сохранить мнѣ разумъ. На разсвѣтѣ мнѣ принесли кофе; я отослала его нетронутымъ, и позже сдѣлала то же п съ обѣдомъ.

Два часа спустя привезли мои вещи. Пріорша вручила мнѣ письмо отъ сестры, уже распечатанное ею. Много утѣшило меня въ моемъ горѣ извѣстіе, что Марію-Джузеппу, послѣ допроса, сдали на руки ея дядѣ. Сестра еще говорила мнѣ, что она уже написала къ матери, которая, узнавъ о всемъ случившемся, не преминетъ просить аудіенціи у короля. У меня голова кружилась, рука отказывалась писать. Тѣмъ не менѣе я въ нѣсколькихъ строкахъ увѣдомила ее, что, изъ опасенія, чтобы я не обрагилась къ папѣ или высшему начальству, письма мои распечатываются и прочитываются, и что, слѣдовательно, нужно писать осмотрительно.

На слѣдующей день, въ двери моей снова показалась антипатичная рожа духовнаго начальника. При видѣ его кровь во мнѣ закипѣла, и я, не въ силахъ удержать бушевавшій во мнѣ гнѣвъ, разразилась проклятіями противъ кардинала и короля: странный пріемъ для директора публичной цензуры! Донъ Пьетро Кзландрелли вообразилъ, что можетъ заставить меня замолчать такъ же легко,

какъ онъ каждый день заставлялъ молчать авторовъ грамматикъ и лексиконовъ, къ удивленію своему долженъ былъ убѣдиться, что коса нашла на камень.

«— Я считаю оскорбленіемъ, сказала я ему:—посѣщенія священниковъ-цензоровъ и инквизиторовъ. Избавьте же меня отъ вашего присутствія, если не хотите, чтобы я на оскорбленіе отвѣчала оскорбленіями.

«— Вашъ несправедливый гнѣвъ, возразилъ онъ:—не дозволяетъ вамъ разсудить, что вы оскорбляете своихъ благодѣтелей; когда уймется ваше раздраженіе, васъ навѣститъ и его преосвященство.

Я отступила на шагъ назадъ, и протанувъ руку съ указательнымъ перстомъ:

«— Скажите ему, чтобы онъ не осмѣливался этого дѣлать, закричала я:—иначе я превращусь въ тигрицу!

Священникъ обратился къ пріоршѣ:

«— Да она въ самомъ дѣлѣ сумасшедшая, сказалъ онъ:—лучше уйдемте отсюда!

Это восклицаніе окончательно сбило мысли мои съ пути.

«— Такъ я въ самомъ дѣлѣ сумасшедшая! повторяла я про себя.

Прошло уже четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ я упорно стала отказываться отъ всякой пищи. Отъ долгой томительной болѣзни не болѣе бы исхудали мои щеки, чѣмъ отъ этихъ немногихъ дней; лицо мое сдѣлалось бронзоваго цвѣта, бѣлки глазъ — шафраннаго. Если я ложилась, сіяясь хоти на время развлечься отъ мучительной мысли, преслѣдовавшей меня, мнѣ немедленно снова представалъ образъ Доменика, одѣтаго священникомъ, и посылающаго меня на казнь. Словомъ, лишенная малѣйшаго проблеска надежды, больная тѣломъ и душою, я каждую минуту призывала немедленную смерть или возвращеніе свободы. На шестой день мнѣ не достало силъ встать съ постели, но это не заставило меня принять лекарства, предлагаемыя мнѣ пріоршей. На другой день послали за докторомъ. Пріѣхалъ докторъ Сабини, человекъ съ открытой душой, и, какъ я впоследствии узнала, полный горячей любви къ отечеству. Выслушавъ рассказъ пріорши о моей болѣзни, и о томъ, что я упорно отказываюсь отъ ѣды—

«— Тѣмъ лучше, замѣтилъ онъ:—это сдѣлаетъ ей больше пользы, нежели вреда. Какъ только превратится лихорадка, мы заставимъ ее принимать пищу.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ изъ двери снова выглянула голова священника.

«— Синьоръ Сабини, сказалъ онъ, не переступая черезъ порогъ:—кардиналъ желаетъ узнать отъ васъ, въ какомъ положеніи находится больная.

Услылавъ этотъ голосъ, я заметалась въ постели и кривнула во все горло:

«— Убирайся отсюда, поповская образина!

«— Успокойтесь ради бога, сказалъ мнѣ Сабини.—Signor Cavaliere, прибавилъ онъ, обращаясь къ посланному кардинала:—большая страдаетъ жервно-желчной лихорадкой, усложненной нѣсколькими симптомами прилива крови къ головѣ. Если она послушно послѣдуетъ моимъ предписаніямъ, а главное, если она откажется отъ своего намѣренія положить конецъ жизни своей, удерживаясь отъ пищи—я надѣюсь, что мы сладимъ съ болѣзнию.

При этихъ словахъ священникъ поспѣшно переступилъ черезъ порогъ и войдя въ комнату, по которой онъ быстро зашагалъ—

«— Что такое! воскликнулъ онъ:—какъ! она хочетъ положить конецъ своей жизни! Signora prioga, прибавилъ онъ суровымъ, повелительнымъ тономъ, напоминавшимъ о Торремадѣ:—уберите сейчасъ же изъ этой комнаты всѣ опасные предметы!

Королевскій цензоръ обвелъ глазами мои чемоданы и уставился на книги, по его мнѣнію несравненно пагубнѣйшія мышьяка, и подвергавшія опасности то, что онъ считалъ гораздо драгоценнѣе моей жизни. Чтобы избѣгнуть тяжелой сцены, я перешла въ другую комнату, пока пріорша и священникъ съ помощію другихъ лицъ готовились къ осмотру моихъ чемодановъ. Начали съ самой комнаты, въ которой были обшарены каждый уголокъ и каждая щелка; затѣмъ, завладѣвъ ключами, въ надеждѣ захватить какой-нибудь документъ, относящійся къ тайнымъ обществамъ, они подвергли строгому обыску даже бѣлье. Единственные предметы, привлечшіе ихъ вниманіе, были нѣсколько книгъ, печатанныхъ за границей, между прочимъ—какъ теперь помню—книга о Данте, книга о воспитаніи, Томмазо, Священные гимны Манцони и пѣсня въ честь свободы, Діонисія Соломоса, замѣчательнаго поэта новѣйшей Греціи. Прибравъ къ рукамъ эту добычу, они украсили свой безсовѣстный поступокъ благовиднымъ предлогомъ, отобравъ у меня ножи, вилки, ножницы, перочный ножичекъ и разныя тому подобныя вещицы.

Каратель слова eziandio сходилъ съ лѣстницы, когда я возвратилась въ свою комнату. Обернувшись ко мнѣ съ усмѣшкой, въ которой промелькнула вся его врожденная злость —

«— Съ вашего позволенія, сказалъ онъ:—я донесу его преосвященству, вашему и моему благодѣтелю, что у васъ отнята возможность посягать на ваши драгоценныя дни.

Съ этими словами онъ сошелъ съ лѣстницы.

Однако, отъ его изслѣдованій спаслась связка бумагъ, поважнѣе захваченныхъ предметовъ. Я была увѣрена, что безъ по-

мощи специалиста, этого дѣла имъ не открытъ п отаенное дно, находившееся въ одномъ изъ чемодановъ. Но объ этомъ скажу въ свое время.

Рано, каждое утро Сабини навѣщала меня. Мое крѣпкое тѣло-сложеніе помогло мнѣ удѣлать въ этой страшной физической и нравственной борьбѣ, которую не вынесла бы ни одна женщина. Неменѣе того, я продолжала упорно отказываться отъ всякой пищи, и докторъ замѣтилъ, что отсутствіе ея истощало мои силы съ возрастающей быстротой. На утро одиннадцатаго дня, онъ засталъ меня въ крайнемъ изнеможеніи. Я не могла поднять исхудалой руки, и если пыталась повернуть голову на подушкѣ, лишалась чувствъ. Истощеніе мое дошло до того, что не имѣя силы сойти съ кровати, я уже не могла вечеромъ, по своему обыкновенію, запирать на задвижку дверь моего притона.

Чтобы спасти меня, Сабини рѣшился на хитрость.

Пріютомъ управлялъ мой однофамилецъ, Караччоло, князь Челламаре, у котораго Сабини былъ домашнимъ докторомъ. Неоднократно рассказывалъ онъ мнѣ, что говорилъ обо мнѣ съ вназемъ. Вотъ, однажды, утромъ, входитъ онъ ко мнѣ, весело посмѣиваясь и потирая руки.

«— Ну, веселѣе, синьорина! сказалъ онъ мнѣ:—я къ вамъ съ доброй вѣсточкой!

Съ усніемъ обернулась я лицомъ къ нему.

«— Вчера вечеромъ, продолжалъ онъ:—князь горячо просилъ за васъ властей, которыя согласны выпустить васъ, какъ только вы поправитесь.

Сердце мое забило такъ сильно, что не знаю, какъ я не упала въ обморокъ.

«— Такъ меня выпустятъ! проговорила я, силась перевести спиравшееся дыханіе, и протянуть доктору руку.

«— Навѣрное, отвѣчалъ онъ:—и такъ нужно скорѣе поправить ваши силы, потому что я не хочу, чтобы вы отсюда вышли людей пугать. Скорѣе, signora prìoga, велите подать ей бульона.

Минуту спустя, явилась бѣлица съ бульономъ, который самъ докторъ сталъ вливать мнѣ въ ротъ по ложечкамъ, съ отеческой заботливостью подирая мнѣ голову на подушкѣ рукой. При третьей ложечкѣ у меня потемнѣло въ глазахъ, и прежде нежели я успѣла опуститься на подушки, желудокъ мой выбросилъ эту скудную пищу.

«— Оставимъ ее въ покоѣ, сказалъ Сабини:—истощеніе силъ слишкомъ велико. Я ей пропишу усиковательную микстуру, которую вы должны давать ей всякіе полчаса.

Я поддалась на хитрость. Болѣе нежели бульонъ или микстура,

меня оживили слова доктора. На слѣдующій день мнѣ было лучше; еще тревожили меня галлюцинаціи, дѣйствіе умственного разстройства; но надежда — это всемірное лекарство — какиѣ страданія не приносит она облегченія? Послѣ четырехъ дней я уже значительно поправилась; на шестой день Сабини осѣдомился обо мнѣ въ пріемной, но не вошелъ наверхъ. Подъ вонецъ недѣли я понемногу начинала принимать пищу... а Сабини все не показывался. Нѣсколько разъ жаловалась я на это пріоршѣ, и наконецъ допросилась, чтобы его позвали.

Онъ пришелъ. Какъ только я отдала ему отчетъ въ моемъ здоровьѣ, я спросила его, въ какой день мнѣ будетъ дозволено выдти. Онъ отвѣтилъ уклончиво; не отнялъ у меня надежды на освобожденіе, чтобы не причинить мнѣ возвращенія болѣзни, но сказалъ, что не можетъ въ точности опредѣлить время... Увы, я скоро получила горькое убѣжденіе, что онъ спасъ мнѣ жизнь обманомъ! Я плакала, какъ едва-ли когда-нибудь плакала другая женщина; я снова предалась беспредѣльному отчаянію, перебирала въ головѣ моей самые сумасбродные планы, не зная за какой ухватиться, но у меня уже не хватило мужества — или трусости — на то, чтобы голодомъ положить конецъ моему злополучному существованію.

Между тѣмъ мать моя возвратилась изъ Гаэты. Предупрежденная сестрой о томъ, что письма мои въ пріемной подвергались той же участи, каковую терпѣла переписка публики вообще въ почтовыхъ конторахъ всего государства, она увѣдомила меня о мѣрахъ, принятыхъ ею для моего освобожденія въ совершенно непонятныхъ выраженіяхъ. Это не привело меня въ уныніе. Зная ея надменный и рѣшительный характеръ, могла ли я предположить, что она осканится сидѣть скрестя руки послѣ жестокаго оскорбленія, нанесеннаго намъ?

Въ одну изъ моихъ ясныхъ минутъ (которыя въ то время у меня стали повторяться чаще прежняго), я набрела на очень умную мысль. Спросивъ у пріорши, кто будетъ стирать мое бѣлье, и получивъ въ отвѣтъ, что ея бѣлицамъ некогда, я связала его въ узелъ, чтобы послать въ матери, а въ уголъ платка завязала записку, въ которой спрашивала ее, что она предприняла въ мою пользу. Черезъ три дня бѣлье было мнѣ возвращено, и въ томъ же узлѣ я нашла отвѣтъ.

Мать писала мнѣ, что она говорила съ королемъ и съ королевой, что они оба отвѣтили, что ей скорѣе слѣдуетъ переговорить съ архіереемъ, такъ-какъ ихъ величества не имѣютъ привычки виѣшиваться въ церковныя дѣла, что, впрочемъ, они сами такого мнѣнія, что игра на органѣ и пѣніе на кларнетѣ—занятія

болѣ приличныя монахинѣ, нежели открытое составленіе заговоровъ съ врагами престола и алтаря.

Итакъ, болѣ не было сомнѣнія: меня преслѣдовала уже не одна, а обѣ мѣстныя власти—полицейская и архіепископская. По правдѣ сказать, подозрѣнія бурбонской полиціи были не лишены основанія. Надѣленная природою пылкими страстями, живымъ воображеніемъ, волей достаточно сильной, чтобы бороться противъ обаянія сантиментальности и теченія привычки, я стремилась къ восстановленію свободы въ моей родной землѣ еще прежде, нежели римская исторія и лѣтописи нашихъ республикъ познакомили меня съ ея судьбами. Книги, газеты, общеніе съ людьми крѣпкаго закала, и болѣ всего дивный примѣръ другихъ народовъ, опередившихъ насъ на пути къ цивилизаціи, еще болѣе разожгли въ душѣ моей священный огонь любви къ отечеству. Съ этой минуты я возненавидѣла австрійскій императорскій орелъ, и клеветовъ его, и мелкихъ князьковъ, и развратъ нашего духовенства, и раболѣпное подобострастіе нашихъ вельможъ той ненавистью—неумолимой, непреклонной, которою ненавидѣли испанцы—сарациновъ, греки—турокъ, а весь христіанскій міръ—варварскихъ корсаровъ. Въ моемъ пламенномъ желаніи присоединиться къ апостольству этой высокой миссіи, я съ той поры никогда не переставала, огражденная отъ подозрѣній мнѣ монашескимъ капюшономъ, искать того тайнаго центра, который употребилъ бы мою дѣятельность въ дѣло. Долгое время тщетно стучалась я въ таинственныя врата, но они, наконецъ, разверзлись мнѣ. Тогда для меня настали минуты восторженной экзальтаціи, въ которыя я дерзнула возмечтать о томъ, что еслибы всѣ женщины мыслили и чувствовали подобно мнѣ, то ни одно варварское полчище не спустилось бы въ Италію или, по крайней мѣрѣ, Италія давно бы покончила съ опустошительной властью своихъ тирановъ.

Итакъ, подозрѣнія полиціи не были лишены основанія: но кто завелъ ее на мой слѣдъ? Не знаю; да и къ чему мнѣ знать? Какъ бы то ни было, я теряла послѣднюю надежду снова когда нибудь взглянуть на божій свѣтъ.

Къ этимъ источникамъ печали присоединился еще другой, болѣе раздражающаго свойства. Такъ-какъ я до сихъ поръ постоянно ослушивалась нѣсколько разъ повторяемыхъ мнѣ приказаній куріи снова надѣтъ на себя монашеское платье, то, наконецъ, получила рѣшительное предписаніе не позже трехъ дней надѣтъ рису и нарамникъ, съ угрозой, въ противномъ случаѣ, запретать меня въ монастырь куда нибудь въ провинцію, гдѣ мнѣ предстояло провести остатокъ дней моихъ въ безсрочной

разлукъ съ родными и міромъ... Снова облачаться въ ненавистную ливрею праздности, невѣжства, эгоизма, возведеннаго на степень релігіознаго ученія! Снова и навсегда, безъ надежды на искупленіе, подпасть подъ жезлъ невѣжественной изувѣрки-аббатисы! Зарыть разумъ, сердце и волю въ глушь и гниль обнесеннаго рѣпотками и стѣнами монастыря! Бѣдный разумъ мой, уже жестоко поколебленный, не вынесъ этой ужасной мысли.

Я уже упомянула, что въ потаенномъ отдѣленіи, находившемся въ одномъ изъ моихъ чемодановъ, были спрятаны нѣкоторые предметы, ускользнувшіе отъ зоркости поповъ при обыскѣ. То были: связка революціонныхъ бумагъ, писанныхъ цифрой, кинжалъ и пистолетъ; послѣдніе предметы принадлежали моему зятю, и были отданы имъ мнѣ на сохраненіе еще во время пребыванія моего въ консерваторіи «di Constantinopoli».

Это было ночью на 17-е іюля, за часъ до полуночи. Ставъ на колѣни возлѣ кровати, и вознесясь къ Богу милосердія въ предсмертной молитвѣ, я написала къ матери прощальное письмо — письмо животрепещущее, омоченное моими слезами. Между прочимъ, я говорила ей:

«... Увы! безмѣрности моего горя не повѣритъ никто, не испытавшій хоть часть его! Жить какъ будто во снѣ, безпрестанно напрягаться, чтобы осилить волны, набѣгающія на разумъ, чтобы поглотить его, и это безъ всякой надежды добраться до берега—чувствовать себя заживо схороненной, и каждый день просыпаться, какъ будто подъ гробовой крышкой — о, повѣрьте, это — лютое изгазаніе!

«Сага шаша, эта жизнь, которую вы даровали мнѣ, сдѣлалась для меня одной лишь пыткой. Къ чему мнѣ существованіе, если у него отняты свобода и совѣсть, если ему суждено исчухнуть безъ плода, тогда какъ другимъ божьимъ созданіямъ дано дышать родной стихіей, на волѣ, пользуясь счастьемъ и здоровьемъ, какъ птицы небесныя? Простите же мнѣ первал, и заступитесь за мою память, когда единственнымъ слѣдомъ, оставленнымъ мною на землѣ, будетъ ваша жалость!»

Окончивъ это письмо, обливъ его слезами, я оставила его раскрытымъ на столѣ, растворила чемоданъ, вынула кинжалъ—и ранила себя въ бокъ...

О, ты, читающій эти строки, не осуждай меня! Пожалѣй меня. Вспомни обо всѣхъ моихъ страданіяхъ, вообрази себя въ моемъ жалкомъ, безысходномъ положеніи, и плачь со мною, которая не могу даже описывать это ужасное мгновеніе безъ глубокаго волненія. Да! я столько выстрадала, столько выболѣла, что во мнѣ

угасъ свѣтлыиикъ разума! Простите же мнѣ, читатель, какъ, я надѣюсь, простилъ меня Богъ!...

Безсильная, дрожащая рука моя могла нанести только слабый ударъ, но ужасъ и содроганіе, причиненные мнѣ холоднымъ прикосновеніемъ лезвія оружія, пробудили меня отъ моего бреда. Развѣ инстинктъ самосохраненія не есть часть божескаго закона? Внутренній голосъ, вопіющій среди самаго отчаянія: «береги самого себя», не голосъ ли это ангела-хранителя, посланнаго небомъ? Книжка выпала изъ моей руки; я сѣла, дрожа всѣмъ тѣломъ. Мнѣ не было предопредѣлено умереть въ припадкѣ безумія, умереть самоубійцей. Мнѣ было суждено еще жить, еще плавать, еще страдать; и, благодареніе божественному промыслу, я пережила эту пору позора и рабства.

Меня ожидали новыя мученія.

Мало того, что священники заставили меня нарядиться въ монашеское облаченіе, они еще вздумали дать мнѣ въ духовника монаха, своего повѣреннаго — отца Куаранту, августиніанца. Такъ-какъ дѣло шло о душѣ окаянной, обращеніе которой на путь истинный непремѣнно было бы отнесено къ чуду, то они избрали этого монаха, прославившагося за свое краснорѣчіе, и слившаго почти за святаго, въ томъ убѣжденіи, что ему нетрудно будетъ восторжествовать надъ всякимъ упорствомъ. Я рѣшилась не ходить въ исповѣдальню. Отецъ Куаранта сталъ приходить ко мнѣ въ комнату каждый день, въ неопредѣленные часы. Это былъ безмозглый старичокъ, на полныхъ парусахъ плившій къ совершенному полоумію, и слишкомъ занятый отсчитываніемъ своихъ заранѣе составленныхъ рѣчей, которыя онъ говорилъ, скороговоркой, не переводя духу, точно музыкальная табакерка, чтобы обращать вниманіе на мои возраженія, которыя онъ ежеминутно забивалъ. Болтовня этого впадшаго во второе дѣтство старика, уничтожала даже благія послѣдствія, которыя могъ имѣть для моего бѣднаго ума послѣдній пережитый мною кризисъ. Я протестовала противъ этого ежедневнаго нарушенія моего покоя, но мнѣ было отвѣчено, что меня нельзя оставить безъ постоянныхъ увѣщаній духовника; впрочемъ, обѣщали прислать мнѣ другаго, нѣкоего Кутилло, пользовавшагося такой же репутаціей, какъ отецъ Куаранта.

— Коли вы такъ восхваляете его, такъ сами и исповѣдайтесь у него, сказала я священнику, смотрителю пріюта.—Если ужъ надо мнѣ исповѣдываться, то давайте мнѣ человѣка, избраннаго мною, а не вами.

Я отъ пріорши слышала объ одномъ престарѣломъ каноникѣ, жившемъ по сосѣдству, который часто служилъ обѣдню въ церкви

пріюта, и каждый разъ освѣдомлялся нетолько о моемъ здоровьѣ, но и о моемъ нравственномъ состояніи, съ большимъ участіемъ ко мнѣ уговаривая пріоршу оказывать мнѣ всѣ вниманія, какихъ требовало мое тяжелое положеніе. Я его по слухамъ знала за человѣка ученаго, разсудительнаго и незапятнанной чести. Я попросила пріоршу пригласить его отъ моего имени быть моимъ духовникомъ; онъ прислалъ сказать мнѣ въ отвѣтъ, что принимаетъ на себя эту должность, съ тѣмъ, однако, чтобы я не считывала на его посредство близъ главы неанолитанской церкви. Я ему на это сообщила, что ничто не можетъ быть далѣе отъ моихъ намѣреній, какъ мысль унижить себя въ глазахъ этого человѣка. Тогда каноникъ пришелъ ко мнѣ. Но выборъ мой, павшій на такую достойную личность, не былъ одобренъ священникомъ, смотрителемъ заведенія. Причина — самая простая: каноникъ былъ христіанинъ по сердцу и совѣсти, а не по гордости или духу партіи; онъ отдавался служенію страдающаго человечества, а не былъ свирѣлымъ орудіемъ извѣстной касты. Они же, напротивъ того, стояли неизмѣримо ниже его по нравственному своему поведенію, по уму и познаніямъ. Изъ этого слѣдовало, что такъ-какъ образъ дѣйствій начальниковъ находился въ прямомъ противорѣчій съ образомъ мыслей подчиненнаго, то напрасно бы они старались проникнуть въ мою душу черезъ посредство моего духовника. Впрочемъ, они, должно быть, сами устыднили запрещенія, котораго не могли ничѣмъ оправдать, потому что впослѣдствіи взяли его назадъ, и въ утѣшеніяхъ, съ теплымъ участіемъ расточаемыхъ мнѣ этимъ добрымъ старцемъ, я видѣла доказательство того, что не совсѣмъ еще покинуло меня небо.

Но, повторяю, одна бѣда влечетъ за собой другую.

Генералъ Саллуцци, при столь многихъ и многихъ случаяхъ относившійся ко мнѣ съ истинно отеческой привязанностью, послѣ послѣднихъ событій получилъ такой строгій выговоръ за покровительство, оказываемое имъ монахинѣ, участвующей въ заговорахъ противъ монарха, и возставшей противъ властей церкви, что уже не смѣлъ открыто называться моимъ другомъ. Лишивъ меня этой опоры, потеря которой была мнѣ крайне прискорбна, король еще отнялъ у меня годовую мою пенсію въ 60 дукатовъ — послѣднее мое средство къ существованію. Съ этого времени, несмотря на пособіе, получаемое мною отъ семьи, не было конца моимъ лишеніямъ. Пришлось обойтись безъ всякой прислуги, что съ непривычки было нелегко; цѣлое лѣто я ограничила пищу своею хлѣбомъ да кой-какими плодами, позволяя

себѣ мясо только по воскресеньямъ. Что касается до моего одиночества, оно было полное—первые шесть мѣсяцевъ. За исключеніемъ доктора, посѣщавшаго меня первое время, я во весь этотъ промежутокъ не видала ни одного человѣческаго лица, кромѣ противныхъ фізіономій священниковъ, монаховъ и монахинь, что заставило меня безвыходно запереться въ свою комнату и довело меня до совершеннаго отшельничества. Одна только тайная нить осталась мнѣ для сообщенія съ внѣшнимъ міромъ: узелъ съ бѣльемъ, неоцѣненный мой посоль и повѣренный, дававшій мнѣ возможность безопасно поддерживать переписку съ моей матерью.

Съ помощью немногихъ отборныхъ книгъ, какая скука не разгоняется, какая тоска не разсѣвается, какое безмолвіе не оживляется? Лишенной и этого невиннаго развлечения, волею-неволею пришлось мнѣ прибѣгнуть къ тѣмъ книгамъ, какими могла снабдить меня мондрагонская бібліотека. Я далеко не жалѣю объ этомъ; напротивъ того, у меня всегда останется въ памяти «житіе святыхъ мученицъ», найденное мною тамъ; эту занимательную книгу я нѣсколько разъ перечла съ великой для себя пользой и удовольствіемъ. Цѣломудренная поэзія, чистое, святое рвеніе, отличавшее первую христіанскую эру, успокоивали мой духъ среди волновавшей меня внутренней борьбы. То были чудный вѣкъ искушенія, въ который женщина, возвышенная пламенной вѣрою, надеждою, любовью, не только оспаривала у мужчины пальму героизма, но, жертвуя молодостію, красотой, имуществомъ, подавая примѣръ всѣхъ добродѣтелей, сумѣла затмить скромность іерарховъ, ученость школъ, выпрєннїя отвлєченности богослововъ. Кто можетъ отрицать, что къ величайшимъ чудесамъ откровенія принадлежитъ добровольное посвященіе женщины дѣлу общественнаго преобразования, обновленія человѣческаго рода? А самая эта вѣра, это самоотреченіе, заставлявшія женщину отказываться отъ удовольствій брака, чтобы, окруженной небеснымъ сіяніемъ всходить на костеръ — не достойны ли онѣ большаго удивленія, нежели тотъ героизмъ, въ честь котораго имена Сципіона и Эпанионда праславляются на страницахъ Плутарха? Вотъ единственные образцы, которые денно и ночью должны бы изучать наши молодыя дѣвушки! На что бы ни отважилась, чего бы ни достигла женщина и въ наше время, еслибы, принявъ себѣ образцомъ эту вѣру, она приносила цвѣтъ своихъ чувствъ въ жертву на алтарь отечества? Въмѣсто того, чтобы писать романы, изнѣживающіе сердце мимолетными ощущеніями, ослабляющіе духъ растлѣвающими чувствами, лучше старайтесь закалить сердце, оялєдотворить его мужественными чувствами! Такихъ образомъ,

вы поднимете женщину изъ позорнаго бездѣйствія, вы подготовите ее къ участию въ великомъ дѣлѣ цивилизаціи!

Въ часы празднаго досуга (а сколько такихъ часовъ довелось мнѣ пережить вирожденіе трехлѣтняго совершеннаго уединенія!) мнѣ доставляли пріятное развлеченіе насѣкомыя—единственные живые обитатели моей пустыни. Сколько часовъ скоротала я, слушая равномерное теченіе червя въ полусгнившемъ деревѣ дверей и потолка! Сколько разъ напрягала я слухъ свой, внимая руладамъ канарейки, рѣшотчатую темницу которой мнѣ не удалось увидать, несмотря на всѣ свои усилія, но терпѣнію и веселой безпечности которой я завидовала отъ глубины души! Въ весеннее и осеннее время часть моей скудной порціи хлѣба исправно откладывалась для муравьевъ. Прирученные моимъ гостепрїимствомъ, они стекались ко мнѣ въ комнату въ нѣсколькихъ отрядахъ, овладѣвали ею безъ помѣхи, прорывали себѣ въ ней разныя подземныя ходы по своему усмотрѣнію, длинными вереницами взбирались по стѣнамъ, и толпясь вокругъ меня безчисленными племенами, подъ предводительствомъ различныхъ вождей, оскаривали другъ у друга крохи, которыми я угощала ихъ. Иной разъ я, по примѣру Сильвіо Пеллико, слѣдила за мухой, бывшейся въ сѣтахъ паука, и при этомъ зрѣлищѣ вспомнила изреченіе Анахарсиса: «правосудіе подобно паутицѣ: маленькія насѣкомыя запутываются въ нее, а крупныя прорываютъ ее и вылетаютъ на волю». Въ зимнее же время болѣе всего помогали мнѣ проводить долгиа безсонныя ночи упражненія памяти, которую я до того усовершенствовала, умственно умножая заданныя себѣ числа, что наконецъ, стала находить произведеніе двухъ факторовъ, состоящихъ каждый изъ пяти цифръ.

Но возвратимся къ прерванному моему разсказу.

Давно уже правильно продолжалась моя тайная переписка, какъ вдругъ въ узлѣ платка я нашла записку слѣдующаго содержанія:

«Постарайся добиться свиданія съ апостольскимъ нунціемъ: онъ человѣкъ достойный. Ты можешь сдѣлать это посредствомъ письма, которое отправишь черезъ меня».

Я просила нунція о свиданіи, которое было мнѣ тотчасъ же обѣщано. Нунцій прїѣхалъ въ Мондрагоне самъ, едва получивъ мое письмо. Прїѣздъ такого высокаго сановника церкви привело въ смятеніе весь прїютъ. Прїорша, готовая уже приписать себѣ честь этого посященія, бѣгомъ бросилась въ прїемную. Каково же было ея изумленіе, когда посоль его святѣйшества потребовала ввѣренную ей затворницу! Въ недоумѣніи, вызвать ли меня въ прїемную, или держаться строгихъ предписаній начальства относительно меня, бѣдная женщина совѣмъ растерялась и не

знала, что ей отвѣчать. Но я поджидала нунція, и едва до слуха моего донеслась изъ корридора необычная бѣготня, я быстро высочила изъ своей комнаты, бросилась внизъ по лѣстницѣ, расталкивая встрѣчавшихся мнѣ монахинь, глядѣвшихъ на меня разиня ротъ, и вриваясь въ приемную, надменнымъ тономъ обратилась къ пріоршѣ:

«— Дѣла ваши требуютъ вашего присутствія; прошу васъ, оставьте меня одну.

Она, смутившись, распростилась съ нунціемъ, назвавъ его «signor dottore», и уходя, проговорила вполголоса:

«— А что какъ она да опять рехнулась?»

Нунція былъ человекъ въ цвѣтѣ лѣтъ и крайне вѣжливый въ обхожденіи. Онъ пришелъ въ великое изумленіе, слушая мою одиссею; но такъ-какъ пріютъ не находился подъ его прямымъ вѣдомствомъ, то онъ выразилъ искреннее сожалѣніе о томъ, что не можетъ подать мнѣ такую помощь, какой требовало мое положеніе. Несмотря на это, онъ прежде нежели простился со мною, завѣрилъ меня, что употребить всѣ старанія, чтобы выпросить мнѣ, если не немедленное освобожденіе, то, по крайней мѣрѣ, облегченіе моей участи.

Всходя по лѣстницѣ, я увидала пріоршу, съ испуганнымъ лицомъ совѣщавшуюся съ своими монахинями. Я подошла къ этой группѣ.

«— Не безпокойтесь о случившемся, сказала я, улыбаясь.— Можете дать знать кардиналу, что я сама нарушила арестъ.

Этотъ насмѣшливый тонъ не былъ новостью для пріорши. Я въ послѣднее время приняла манеру дразнить моихъ тюремщицъ, и всячески бѣсила ихъ, вспоминая слова моей капуанской плутовки: «чтобы выйти замужъ—надо буянить».

Пріорша сообщила Каландрелли о моей выходкѣ, и онъ тотчасъ же явился ко мнѣ, пылая гнѣвомъ. Я приняла его сидя и смѣясь, поглядывала на него изподлобья, и покачиваясь изъ стороны въ сторону, скрестивъ одну ногу на другую.

«— Кто вамъ далъ смѣлость сойти въ приемную, несмотря на приказаніе архіепископа? накинулся онъ на меня.

«— А знаете вы по пословицѣ: Кто смѣлимъ владѣть?»

«— Да знаете ли вы, наконецъ, что давъ монашескій обѣтъ, вы обязаны слѣпо повиноваться начальникамъ, Богомъ поставленнымъ надъ вами?»

«— Въ какомъ это евангелиствѣ написано, что Господь Іисусъ Христосъ далъ мнѣ въ начальниги почтеннаго «cavaliero», Дон-Пьетро Каландрелли?»

«— Я вашъ начальникъ отъ имени святой католической церкви.

«— Чтѣ вы разумѣте подѣ католической церковью?»

«— Я разумѣю, сударыня, владычицу царей, представительницу Бога на землѣ; разумѣю священный престолъ. и весь повинующійся ему католицизмъ.

«— Не вѣрю я въ священный престолъ, съ вашего позволенія.

«— Значитъ, вы не католичка?»

«— Если то, чтѣ вы называете католицизмомъ, есть не что иное, какъ орудіе цевѣжества и рабства въ рукахъ папы, кардиналовъ, епископовъ и священниковъ, то ужь конечно я не католичка.

«— Да чтѣ жь вы такое?»

«— Христіанка. Получше будетъ.

«— О, ужась, о, ужась! воскликнулъ онъ.— Да вы ужь не протестантка ли?»

«— Не раскольница ли? дополнила пріорша.

«— Ни то, ни другое, возразила я: — я буду христіанкой того вѣроисповѣданія, которое будетъ благоприятствовать цивилизаціи, благоденствію, свободамъ народовъ. Вотъ вѣра моя; она будетъ и вѣрой будущности.

«— Вы—нечестивая, безбожная монахиня!—Signora prioira, поручаю вамъ строго наблюдать, чтобы зараза этихъ дьявольскихъ идей не распространилась на невинныхъ дѣвушекъ, воспитывающихся въ пріютѣ.

«— Будьте покойны, вставила я:—еще годъ-другой, и эти самыя дѣвушки разоблачатъ и заклемятъ ваши козны не хуже меня.

Но, увы, далеки мы еще были отъ подобнаго результата! Пріютъ почти исключительно былъ населенъ молодыми дѣвушками, воспитанными въ такомъ ханжествѣ и до того лишенными всякого здраваго ученія, что едва знали грамоту. Да и какъ могло быть иначе, когда Каландрелли былъ товарищемъ пресловутаго монспньора Франческо-Саверіо Апуццо? Бѣдныя дѣти, каждый разъ какъ проходили мимо моей двери, со вздохомъ восклицали:

«— Madonna delle Grazie! Спаси душу ея! Господи Боже мой, направь ее на путь истинный!

Между тѣмъ Каландрелли ломалъ себѣ голову, чтобы отыскать, какими способами могла я препроводить письмо свое къ нунцію. Одну за другой переспросили всѣхъ бѣлицъ, но ничего не узнали. Наконецъ, подозрѣнія его пали на узелъ съ бѣльемъ, и онъ, отложивъ всякій стыдъ и приличіе, приказалъ пріоршѣ увѣдомить его въ первый же разъ, какъ бѣлье мое будетъ посылаться въ стирву. Такъ и было сдѣлано; и кавалеръ ордена Франциска I имѣлъ поистинѣ сбирское нахальство, собственноручно развязать узелъ бѣлья, ставъ однимъ колъвомъ на полъ, и развернуть от-

дѣльно каждую штуку безъ исключенія. Но я ожидала этого обыска, и приготовила ему хорошую закуску.

Въ складкахъ сложеннаго полотенца духовный отецъ нашелъ письмо, адресованное къ моей матери. Вскочивъ на ноги съ ликующимъ видомъ, онъ дрожащей отъ нетерпѣнія рукой раскрылъ уличающую меня бумагу.

«— Наконецъ-то, сказалъ онъ пріоршѣ: — наконецъ-то попалась!»

И нимало не медля, онъ вслухъ принялся за чтеніе.—На четвертой строчкѣ онъ поблѣднѣлъ; на половинѣ письма голосъ у него замеръ за зубами, и онъ продолжалъ чтеніе уже про себя. Дѣло въ томъ, что въ этомъ письмѣ я его честила на чемъ свѣтъ стоитъ: величала его безстыдникомъ, пьяницей, обольстителемъ, между прочимъ рассказывала про него одинъ подлинный фактъ, а именно, что онъ каждый день послѣ обѣда являлся въ монастырь навеселѣ, и требовалъ къ себѣ въ комнату то одну, то другую изъ молодыхъ монашенокъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ онѣ помогали ему читать часословъ. Списокъ бѣлая оканчивался слѣдующей эпиграммой:

«Vuol ragazze l'Esandio...
Non e' prete anchei per Dio?
Prete o frate, tanto bastà:
Sono tutti d'una pasta»

Прошу читателя не взыскать за эту выходку: я было-хотѣла умолчать о ней; но записки не обязаны, подобно исторіи, исключать комическую сторону разсказа.

Письмо было съ яростью изорвано, а на другой день пріорша сообщила мнѣ, что его преосвященству, въ уваженіе къ ходатайству нунція, угодно «*явить мнѣ примѣръ своего истиннаго милосердія,*» и разрѣшить мнѣ сходить въ пріемную и вручать письма свои запечатанными слугѣ моей матери.

Между тѣмъ достойный мой духовникъ исправно навѣщалъ меня, два или три раза въ недѣлю. Я имѣла съ нимъ долги совѣщанія, или, вѣрнѣе пренія, о главныхъ пунктахъ духовной дисциплины, и о той степени уваженія, которую можетъ настоящее сохранить къ авторитету прошлаго. Онъ, между прочимъ, требовалъ отъ меня, чтобы я не только позабыла объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ мнѣ моими врагами, но еще искренно любила ихъ, и снова бы причислила себя къ нимъ, а такъ-какъ мнѣ было невозможно перейти бездчу, раздѣлявшую меня отъ монашества, то онъ отказывалъ мнѣ въ отпущеніи грѣховъ и въ причастіи.

Около того времени мнѣ пришла мысль еще разъ написать въ

Римъ, и этотъ вѣрный другъ, всячески старавшійся успокоить меня, взялъ на себя доставить по принадлежности мою новую просьбу, въ которой я прямо просила папу объ одной изъ двухъ милостей: или о возвращеніи меня въ міръ, или о дозволеніи лично явиться въ Римъ, чтобы объяснить мое дѣло самому папѣ.

Я получила отвѣтъ только послѣ многихъ мѣсяцевъ ожиданія— и какой отвѣтъ! Святой отецъ не разрѣшалъ мнѣ ни поѣзду въ Римъ, ни возвращеніе въ міръ; но все же снисходилъ къ моей просьбѣ на столько, что позволялъ освободить меня отъ затворничества. Это снисхожденіе, по крайней мѣрѣ, давало мнѣ надежду на возможность выѣзжать, какъ во время моего пребыванія въ консерваторіи «di Constantinopoli»; поэтому я послала въ архіепископскій дворецъ спросить, въ какой день мнѣ будетъ дозволено съ утра отлучиться изъ пріюта.

«— Не могу, отвѣчалъ на это кардиналъ.—Удаленіе отъ міра для другихъ, для насъ—затворничество!

Этотъ отвѣтъ вывелъ меня изъ себя. Прошло уже два съ половиной года со вступленія моего въ этотъ притонъ. Въ головѣ моей составилъ планъ бѣгства, цѣлью котораго я поставила себя Англию или Америку. Въ любой изъ этихъ двухъ свободныхъ странъ я бы нашла братьевъ и товарищей по изгнанію, но желанія мои влекли меня къ той изъ нихъ, въ которой повойтся прахъ Фосколо.

Рано каждое утро привратница сходила къ наружной двери, которую она отмыкала, а возвращаясь она запирала верхнюю дверь, такъ что лѣстница оставалась безлюдной. На среднѣй этой лѣстницы находятся двери пріемныхъ комнатъ. Я бы сошла, незамѣченной за привратницей, и пока она отпирала наружную дверь, скрылась бы въ одной изъ пріемныхъ, не забывъ, еще до зари, спрятать въ привратный ящикъ, находившійся тутъ же, шляпу съ густой вуалью и шаль. Послѣ возвращенія привратницы, запиравшей за собою верхнюю дверь, я бы скинула рясу, и осталась бы въ простомъ платьѣ, надѣтомъ снизу; шляпа и шаль довершили бы мой костюмъ. Одна знакомая дама ждала бы меня въ сосѣдней улицѣ, называемой «le Rampe di Brancaccio»; карета, нятая на «piazza del Vasto», отвезла бы меня на пристань, и тамъ я проворно бы сѣла на англійскій корабль, въ то время находившійся въ рейдѣ. Планъ мой, весьма удобоисполнимый, не былъ извѣстенъ никому, кромѣ вышеупомянутой дамы, которая, посадивъ меня на корабль, должна была отправиться къ моей матери съ письмомъ отъ меня. Только достойному моему духовнику, котораго я считала неспособнымъ выдать вѣрен-

нуду ему тайну, я рѣшилась сообщить о моемъ рѣшеніи, чтобы лучше сговориться объ исполненіи его.

Планъ мой не понравился ему, и онъ возсталъ противъ него, называя его неосторожнымъ и рискованнымъ.

«— Нѣтъ, сказалъ онъ мнѣ:—вы'— женщина, и еще молодая, да къ тому же монахиня, вы не должны покидать отечества для того, чтобы переселиться въ далекіе края, лишенная всякихъ средствъ къ существованію, не имѣя ни руководителя, ни покровителя; врагамъ вашимъ это было бы праздникомъ. Оставайтесь, дочь моя; послушайте совѣта старика, полного живѣйшаго участія къ вамъ!

Слова эти тронули меня, такъ-какъ ихъ говорилъ священникъ, почтенный по своей мудрости и рѣдкой честности.

«— Но, отецъ мой, возразила я:—помните-ли вы, что вы говорите съ умирающей, которая только что не нуждается въ соборованіи?

— Что я говорю — съ умирающей? Съ мертвой! Попытаемся выйти какой хотите исходъ, только не этотъ!

«— Да какой же остается другой исходъ?

«— Почему бы не отправить вамъ въ Римъ кого нибудь изъ родныхъ, который бы принялся за ваше дѣло?

Когда позволили отговорить себя отъ перваго моего плана, эта мысль не показалась мнѣ худою, тѣмъ болѣе, что въ крайнемъ случаѣ, у меня все-таки бѣгство оставалось въ запасѣ. Но кому изъ родственниковъ могла я поручить хлопоты въ Римѣ? А расходы? Развѣ Богъ пошлетъ деньги, думала я.

Я столько ломала себѣ голову, что наконецъ вспомнила объ одной моей тѣткѣ, съ материнской стороны, воспитывавшейся въ Болонѣ, и одаренной такой дѣятельностью, что она лучше кого бы то ни было могла справиться съ такимъ порученіемъ. Тѣтка охотно приняла это дѣло на себя; мать моя и сестры снабдили ее нужными деньгами, и я кромѣ пакета со всѣми до сихъ поръ полученными папскими рескриптами, оставленными безъ вниманія, вручила ей свидѣтельство отъ двухъ врачей, состоявшихъ при общинѣ Мондрагоне, которое я, съ позволенія читателя, помѣщу здѣсь сполна, чтобы дать ему понятіе о моемъ тогдашнемъ положеніи, нравственномъ и физическомъ.

«Въ іюнѣ 1851 г. изъ королевскаго пріюта Мондрагоне, мы, нижеподписавшіеся, получили приглашеніе посѣтить благородную затворницу, Донну Энрикетту Караччоло-ди-Фориво, какъ больную, страдающую нервными недугами. Внимательно и со всей возможною тщательностію освидѣтельствовавъ ее, мы собрали всѣ нужныя свѣдѣнія о томъ, когда и какъ начались и слѣдовали другъ за другомъ симптомы конвульсій.

«Продолжая впоследствии времени навѣщать вышеименованную монахиню, мы должны были убѣдиться въ томъ, что нервное ея разстройство имѣетъ центромъ мозгъ. Дѣйствительно, у нея сперва появляется въ головѣ сильная боль, за которой слѣдуетъ ознобъ, охватывающій весь организмъ и переходящій въ общую дрожь; затѣмъ наступаетъ болѣзненное вздрагиваніе не только верхнихъ частей тѣла, преимущественно головы, но и остальныхъ членовъ, и нерѣдко всего тѣла, которое въ такихъ случаяхъ изгибается на тысячу ладовъ, такъ что для того чтобы удержать его во время этихъ потрясеній, бываетъ нужна соединенная сила нѣсколькихъ сильныхъ человѣкъ.

«Однажды утромъ, во время нашего посѣщенія, больная внезапно впала въ свои хроническія конвульсіи; онѣ были до того сильны и продолжительны, что внушили намъ опасенія за жизнь страдающей. Пульсъ замеръ; затихло самое движеніе сердца; она покрылась мертвенной блѣдностью, похолодѣла всѣмъ тѣломъ, по поверхности котораго распространился липкій потъ, наконецъ остановился процессъ глотанія, вслѣдствіе крѣпкаго сжатія рта, уже обнаружившаго начало судорогъ челюсти.

«Часто при этихъ прискорбныхъ зрѣлищахъ вмѣстѣ съ нами присутствовала настоятельница общины и другія монахини. Конвульсіи обыкновенно продолжаются отъ трехъ до четырехъ часовъ, послѣ чего медленно уступаютъ мѣсто сперва смутному бреду и страннымъ тѣлодвиженіямъ, такъ что больную можно бы считать пораженною умственнымъ разстройствомъ, а затѣмъ состоянію, похожему на экстазъ, а иногда явленіямъ каталептического свойства. Однажды, вслѣдствіе одного изъ подобныхъ припадковъ, больная нанесла себѣ въ бокъ ударъ вилжаломъ, къ счастью неподвергнувъ ее опасности.

«Эти явленія часто повторяются, и всегда сопровождаются описанными здѣсь симптомами, наводящими на предположеніе, что кромѣ физическихъ причинъ, къ продленію такого болѣзненнаго состоянія способствуютъ и могущественныя нравственныя причины. Поэтому мы позаботились распросить самой больную о томъ, какія причины могутъ содержать ее въ такой постоянной печали и смущеніи; она созналась намъ, что душа ея находится въ крайне раздраженномъ состояніи, вслѣдствіе необходимости оставаться затворницею въ ненавистной ея обители.

«Противъ этой болѣзни не только мы, но и нѣсколько другихъ превосходныхъ медиковъ употребили всѣ средства, какія только можетъ внушить медицинская наука, но всегда безуспѣшно; замѣтно даже нѣкоторое ухудшеніе въ состояніи пациентки.

«Поэтому мы, согласно съ мнѣніемъ другихъ нашихъ со-

братьевъ, созванныхъ на консилиумъ, заявляемъ о своемъ убѣжденіи, что, для предотвращенія дальнѣйшихъ бѣдъ, то-есть впаденія вышеименованной монахини въ постоянное умопомѣшательство, ее необходимо избавить отъ затворнической жизни, существенно способствующей къ развитію вышеописанной болѣзни.

«Это наше заявленіе, въ правдивости котораго мы присагаемъ по совѣсти — результатъ нашихъ наблюденій въ теченіе почти двадцати мѣсяцевъ—грѣшитъ развѣ только излишней краткостью, такъ-какъ въ немъ не описываются обстоятельно всѣ страданія больной.»

«Неаполь, 23-го января 1853.

«Медикъ-консультантъ общины,
докторъ Пьетро Сабини.
«Медикъ общины,
докторъ Александръ Паризи.»

XXIII.

Краткій отдыхъ.

Тѣща моя выѣхала въ Римъ въ послѣднихъ числахъ января, и первыя же ея письма уже дали мнѣ новую надежду. Дѣла принимали хорошій оборотъ; но кому неизвѣстны безконечныя проволочки римскаго двора, который нерѣдко по нѣскольکو недѣль и даже мѣсяцевъ, заставляетъ ждать простаго предварительнаго свиданія?

Въ мартѣ мать моя опасно заболѣла воспаленіемъ легкихъ; со вслѣдствіемъ днемъ доходили до меня худшія извѣстія о состояніи ея здоровья. Желая видѣться съ ней, притомъ считая себя освобожденной отъ ужасовъ затворничества, я надѣялась, что по крайней мѣрѣ въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ мнѣ не будетъ отказано въ позволеніи воспользоваться дарованнымъ мнѣ разрѣшеніемъ выѣзжать изъ пріюта. Я написала объ этомъ кардиналу; онъ съ безпощаднымъ лаконизмомъ отвѣтилъ: «Нѣтъ!» Книгиня Рипа поѣхала къ нему, надѣясь вымолить у него актъ человѣколюбія, который поспѣшилъ бы совершить не только пастьрь христіанской церкви, но самый фанатичный изъ турецкихъ муфти-изувѣровъ. Добрая женщина общала пріѣхать за мною въ собственной закрытой каретѣ; общала, что едва я приму послѣднія слова умирающей матери, она сама въ тотъ же день отвезетъ меня обратно въ Мондрагоне. Она просила, настаивала, молла кардинала въ выраженіяхъ, тронувшихъ всѣхъ присутствующихъ; въ заключеніе, она сказала, что дочь, безъ того больная,

умреть съ гора, если ей не будетъ дозволено принять предсмертное благословеніе матери. На все это его преосвященство возразилъ:

«— Пусть умираетъ: не выйти ей никогда.

Къ просьбамъ княгини нунцій въ тотъ же день присоединилъ и свое ходатайство, по влеченію челоуѣколюбія предлагая свое ручательство въ моемъ возвращеніи въ пріютъ. Кардиналь неизмѣнно отвѣчалъ одно: «Нѣтъ!»

Наконецъ мать моя скончалась съ печальной мыслью, что ей не довелось въ послѣдніи свои минуты обнять самую злополучную изъ своихъ дочерей. Объ этомъ событіи я написала къ моей тѣткѣ письмо, облитое горячими слезами, которое она ловко дала прочесть нѣсколькимъ кардиналамъ. Патетическій слогъ моего посланія затронулъ челоуѣчную струну въ сердцахъ этихъ сановниковъ, которые рѣшили между собой, что строгость Ріаріо не что иное, какъ личное гоненіе противъ меня.

Недолго спустя, къ архіепископу было препровождено изъ Рима свидѣтельство медиковъ, съ обыкновеннымъ вопросомъ: каково онъ мнѣнія о немъ? Отвѣтъ, какъ и всегда, былъ отрицательный; но такъ-какъ парусъ моей ладьи начиналъ надуваться благопріятнымъ вѣтромъ, то нѣкоторые вліятельныя лица римскаго двора, благоволившія ко мнѣ, сообщили ему, чтобы онъ самъ избралъ медика, пользующагося его довѣріемъ, для составленія другаго свидѣтельства. Это значительно измѣняло видъ дѣла.

А между тѣмъ прелать этотъ именно въ то время приобрѣталъ удивительную популярность. Во время холеры, снова посѣтившей столицу, онъ счумѣлъ показывать такую вѣжливую заботливость о больныхъ, что наши простолюдины, болѣе всѣхъ населеній полуострова склонные къ вѣрѣ въ сверхъестественное, довели удивленіе свое къ нему до того, что стали приписывать ему чудеса. Довольно было прикосновенія руки этого ангела милосердія, этого «сосуда избранія» къ головѣ больного холерой, чтобы изгнать болѣзнь изъ зараженнаго тѣла и даже изъ всего дома.

Ріаріо понялъ, что я нашла себѣ хорошую протекцію въ Римѣ, и что счастье начинаетъ улыбаться мнѣ; понялъ и то, что отнынѣ не годится подставлять мнѣ новыя препятствія, и наконецъ, прижатый въ уголь, послѣ долгихъ колебаній и проволочекъ, рѣшился поручить составленіе новаго свидѣтельства доктору Рамсалья, или доктору Джардини. Первый отказался, пріѣхалъ второй.

«— Не одно, а сто свидѣтельствъ готовъ я написать, одинакаго содержанія съ свидѣтельствомъ вашего врача, сказалъ мнѣ Джардини послѣ продолжительнаго и подробнаго вопроса.— Вы— жертва таковаго безчелоуѣчія, которое могло бы возбудить жалость

даже въ варварѣ. Если свидѣтельство мое можетъ сколько нибудь содѣйствовать къ облегченію вашихъ страданій, будьте увѣрены, что вы его получите безотлагательно. Просторъ и воздухъ столько же необходимы вамъ, какъ хлѣбъ. Куда хотѣлось бы вамъ поѣхать?

И онъ ждалъ моего отвѣта съ перомъ въ рукахъ, готовясь писать. Чтобы выбраться изъ епархіи, подвластной Ріаріо, я предложила ему предписать мнѣ морское купанье въ Каstellамаре, и докторъ одобрилъ мой выборъ. Въ тотъ же день я отправила свидѣтельство къ архіепископу, который, не зная болѣе что ему дѣлать, вынужденъ былъ отослать его въ Римъ, съ присовокупленіемъ, впрочемъ, письма, наполненнаго язвительными намеками и сомнѣніями.

То лицо, которое въ Римѣ хлопотало о моемъ спасеніи, искало хотя бы чего нибудь, къ чему можно бы придратъся для скорѣйшаго и благополучнаго окончанія дѣла. Надо было случиться въ письмѣ архіепископа такому выраженію, которое, своей двусмысленностью, какъ разъ подходило къ этой цѣли. Кардиналъ выражалъ «опасенія за мое спасеніе», разумѣя *душевно* мое спасеніе, но фраза эта была умышленно понята такъ, какъ-будто онъ разумѣлъ мое *тѣлесное* спасеніе (*), и на этомъ-то недоразумѣніи основывался вышедшій мнѣ новый рескриптъ.

Итакъ Богу угодно было положить конецъ моимъ мученіямъ, и дать мнѣ хотя отдохъ, пока не настало еще время торжества. Черезъ три дня послѣ того, какъ я отправила къ кардиналу полученную мною папскую грамоту, въ то время какъ я совершенно одна работала въ моемъ скромномъ жилищѣ, раздался сильный стукъ въ мою дверь. Одна изъ бѣлицъ объявила мнѣ:

«— Пріѣхалъ кардиналъ и спрашиваетъ васъ: идите проворнѣе!

Мнѣ мгновенно пришли на умъ всѣ притѣсненія, несдержанныя обѣщанія, предательство, долгое угнетеніе, которыми этотъ человѣкъ отравилъ мою жизнь, наконецъ, ужасная сцена моего ареста. Мнѣ хотѣлось бы прогнать его, на прощаніе излить на его голову всю черезъ край переполненную чашу моего негодованія, но я сказала себѣ:

«— Еще рано: съ лицемѣрами нужна политика.

Я застала его въ приемной. Четыре года я не видала его; онъ мнѣ показался постарѣвшимъ дѣлами десятью годами. Сильныя потрясенія, поколебавшія церковный и государственный строй

(*) Итальянское слово *salute* имѣетъ два значенія: *здоровье* и *спасеніе души*.

Италін, изрыли его лобъ іероглифами, признакомъ преждевременной старости. То былъ уже не прежній Ріаріо, а тѣнь его.

Я подошла къ нему, не преклонивъ колѣно, и сѣла, не дожидаясь приглашенія.

«— Вы помните старое, и забываете пословицу, сказалъ онъ, съ принужденной улыбкой. — Сознаюсь въ томъ, что не всегда поступалъ хорошо; вѣдь и я человѣкъ — *homo sum* — а каждый человѣкъ можетъ ошибаться.

Послѣ столькихъ разочарованій, было бы безуміемъ снова постаться на удочку.

«— Только изъ уваженія къ вашему священному сану, отвѣчала я, послѣ продолжительнаго молчанія:— да потому что вѣрю выраженному вами сожалѣнію, я соглашаюсь набросить покровъ забвенія на прошлое.

«— Итакъ, вы непреложно рѣшились покинуть обитель, къ которой привязываетъ вашъ торжественный обѣтъ?

«— Повинуюсь голосу божьему, призывающему меня къ новой жизни.

«— И, кромѣ того, вы положили себѣ уйти изъ моихъ рукъ, переселяясь въ другую епархію. Знаю я. Но не дѣлайте этого, ради самого неба. Не покидайте родимой кровли, отца, взростившаго васъ и до сихъ поръ васъ поддерживающаго! Да; вы — дочь моя; съ вами, правда, было поступлено немного круто, но вѣрите, что съ сегодняшняго дня, я бы сталъ относиться къ вамъ со всею любовью и снисходительностью вѣжнаго отца.

Эти слова разоблачили, передо мною цѣль его посѣщенія: ему невыносима была мысль, что освобожденіе мое изъ-подъ его власти будетъ пораженіемъ, нанесеннымъ ему въ лицѣ свѣта. Врагъ, раскаявшійся и смирившійся, возбуждаетъ жалость, но, надѣвая личину бездушнаго лицемѣрія, онъ разжигаетъ потухшую ненависть.

«— Не прикажете-ли, воскликнула я съ живостью: — вѣрить обѣщаніямъ, завѣреніямъ людей, умѣющихъ держать данное слово такъ, какъ вы сдержали его отцу Спакапьетра, относительно моего ареста!

«— Когда я обѣщаль неарестовать васъ и непоручать сбрамъ отвезти васъ въ монастырь, милая моя, вы еще не сдѣлали того, чтó сдѣлали внослѣдствіи. Кто бы вообразилъ, что вы будете добиваться возвращенія въ міръ, что васъ увидятъ на гуляньѣ, опирающейся на руку либераловъ, записанныхъ въ черную книгу?

«— Пари держу, что, попадись я вамъ завтра же на Толедо, вы сдѣлаете то же самое!

«— Теперь дѣла измѣнили видъ: я бы не могъ уже сдѣлать этого, еслибы и хотѣлъ.

«— Скажите лучше, какъ свазаль волкъ ягненку, что я взбаламутила воду, которою предки ваши утоляли свою жажду!... Скажите-ка, кардиналь, когда, съ символомъ искупленья въ рукахъ, вы ногами попирали беззащитную сироту, вспомнился ли вамъ хоть разъ великій часъ смерти и суда?

«— Не будемъ говорить о быломъ. Я могъ согрѣшить вслѣдствіе дурныхъ совѣтовъ, или немощи человѣческой, но, клянусь честью! и вы не безъ грѣха — вы, которая вздумали подъ монашескимъ покрываломъ укрывать гнусныя козны демагоговъ и республиканцевъ... Но, повторяю, бросимъ обоюдныя укоризны: отнынѣ я буду относиться къ вамъ съ неизмѣнной любовью.

«— Етіпенза, изъ долгаго и чрезчуръ тяжелаго опыта, я познала васъ... Отнынѣ и я, если хотите, буду цаловать у васъ руку, но не позволю, чтобы вы мнѣ отвѣтили на это новыми угушеніями.

Нѣтъ, мнѣ кажется, того кроваваго оскорбленія, къ которому не остался бы нечувствителенъ этотъ прототипъ лицемѣрія, только бы ему удалось снова прибрать меня къ рукамъ. Онъ предложилъ выбрать мнѣ другую обитель, несравненно удобнѣйшую той, въ которой я находилась; разрѣшить мнѣ ежедневныя выѣзды, давать мнѣ болѣе значительное содержаніе.

Я оборвала его слѣдующими словами:

«— Нѣтъ, нѣтъ, любезный отецъ! Намъ вмѣстѣ не дорога... Пусть каждый остается на своемъ мѣстѣ; и въ этомъ нашемъ совѣщаніи, вѣроятно послѣднемъ, опредѣлимъ ясно и отчетливо, какое мѣсто подобаешь каждому изъ насъ... Дружба счеты любить.

«— Я изрѣдка буду навѣщать васъ... вы позволите?

«— На это не разсчитывайте! отвѣчала я твердымъ тономъ, и вставая, чтобы удалиться, обратилась къ нему съ достоинствомъ, которое нехудо пристало бы королевѣ Елисаветѣ, гнѣвно отпущающей изъ своего присутствія архіепископа кентербѣрійскаго:

«— Слишкомъ долго длилась, слишкомъ тяжела была мнѣ ваша опека! сказала я. — Мнѣ совѣтуютъ разсчитаться съ вами за прошлое: я этого не сдѣлаю. Но пора вамъ, наконецъ, возвратась съ миромъ на вашу каеэдру, позаботиться о собственномъ вашемъ спасеніи, и не такъ, какъ позаботились вы о спасеніи вѣрноподданной вамъ сироты! Если не хотите, чтобы на васъ пало обвиненіе въ чудовищномъ безсердечіи, если вы уваженіе мое и публики считаете нужными для своей чести—возвратитесь, *monsignore*, возвратитесь къ своей каеэдрѣ, и старайтесь отдѣлаться отъ страсти къ интригамъ и безумнаго властолюбія, которыя грязнятъ вашу репутацію, и съ каждымъ днемъ подрываютъ общее уваженіе къ вамъ.

Кардиналь, убѣдившись, что свѣти его слишкомъ стары и истерты чтобы удержать меня, остановилъ меня за полу нарамника и сказалъ:

«— Еще одно, послѣднее слово! Надѣюсь, что въ Каstellамаре вы буде жить въ пріютѣ?»

«— Буду поступать такъ, какъ угодно будетъ моему новому епископу.

«— Надѣюсь, что вы будете закрывать лицо черной вуалью...

«— Коричневая еще хороша: я ее доношу.

Тогда онъ тоже всталъ, и на пути его всѣ монахини пали ницъ передъ нимъ: одна — набожно щупала полу его пурпурной мантии, другая — кончикомъ пальцевъ дотрогивалась до руки его, и цаловала ее; каждая старалась передъ другими — первая подойти подъ его благословеніе. Сойдя съ послѣдней ступени, онъ обернулся назадъ, чтобы осѣнить монахинь прощальнымъ благословеніемъ; увидавъ меня въ первомъ ряду:

«— Прочтите *Ave-Maria* за меня! сказалъ онъ, благословляя меня отдѣльно.

«— *Requiem aeternam!* отвѣтила я.

Открывъ переписку съ кастелламарскимъ епископомъ, я просила его не посылать меня въ монастырь; что же касается до моихъ выѣздовъ и прогулокъ, я сообщила, что одна дама, вдова, восемнадцать лѣтъ уже прожившая въ Мондрагонѣ, общала каждый разъ сопутствовать мнѣ. Епископъ вполнѣ согласился на мое желаніе.

Послѣднимъ знакомъ расположенія кардинала, было запрещеніе моимъ сестрамъ ѣхать провожать меня; еще написалъ онъ епископу, чтобы онъ кого-нибудь прислалъ за мною. Первое изъ этихъ требованій показалось епископу такой странной прихотью, что онъ сказалъ моимъ сестрамъ, ѣздившимъ въ Каstellамаре повидаться съ нимъ:

«— Не сердите его... дождитесь сестры на границѣ его епархіи, и тамъ присоединитесь къ ней.

4-го ноября 1854, послѣ четырехлѣтняго жестокаго заточенія, я снова вышла на свѣтъ божій. Монахиня, изъ тѣхъ, которыя живутъ внѣ монастыря, и называются *домашними* (*monache di casa*), была прислана за мною епископомъ, такъ-какъ для этого, по мнѣнію Ріаріо, не годились ни мои сестры, ни старушка-дама, рѣшившаяся сопровождать меня. Но что же изъ этого вышло? Монахиня эта, страдавшая одышкой, пріѣхала за мной не въ закрытомъ, а въ открытомъ экипажѣ: ужасное нарушеніе устава!

Въ Резинѣ мы случайно встрѣтили кардинала. Кучеръ снялъ шляпу, и онъ поднялъ руку чтобы благословить насъ, но былъ до того пораженъ, увидя меня въ открытомъ экипажѣ, что такъ и остался съ поднятою въ воздухъ рукою.

ИЗЪ „ИСТОРИИ ЮЛІА ЦЕЗАРЯ“.

(Сочиненіе Наполеона III).

Нашн читатели уже ознакомились въ общихъ чертахъ съ сочиненіемъ императора Наполеона (1); предлагаемъ теперь перевести одной изъ любопытнѣйшихъ главъ, выражающей взглядъ автора на аристократическій характеръ римскаго государственнаго порядка; и чтобы отрывокъ этотъ былъ понятнѣе, предпосылаемъ ему въ извлеченіи сужденіе Наполеона о періодѣ царей. Мы хотимъ, чтобы главная идея автора была совершенно ясна читателю, и съ этою цѣлю выбрана нами именно вторая глава перваго тома. Мы ее печатаемъ безъ всякихъ поясненій, которыя уже излишни послѣ того, что было нами сказано (2).

При царяхъ въ римскомъ государствѣ (respublica) выработались прочныя основы. Воинственный духъ побуждалъ его выйти изъ первоначальныхъ узкихъ предѣловъ. Быть можетъ, въ маленькихъ латинскихъ государствахъ, окружавшихъ Римъ, также появлялись свѣтлые люди, мужественные граждане; но, безъ сомнѣнія, въ нихъ не было ни столько воинственности, какъ въ римлянахъ, ни столько любви къ отечеству, ни такой вѣры въ высокое будущее, ни также непреодолимой увѣренности въ своемъ превосходствѣ, не было всѣхъ этихъ могучихъ двигателей, которые вбивались въ римскій народъ его великими людьми, постоянно, въ продолженіе цѣлыхъ двухсотъ-сорока-четырехъ годовъ.

Римское общество основалось на началахъ уваженія къ семейству, къ религіи, собственности, правительство его—на избирательствѣ, политика—на завоевательномъ началѣ. Во главѣ государства стояла аристократія, жаждавшая славы, но, подобно всякой аристократіи вообще, тяготившаяся царской властью и презиравшая толпу. Цари старались, поэтому, создать народъ, чтобы его противопоставить стремленіямъ привилегированной касты, и

(1) См. «От. Зап.» 1865 г. № 5.

(2) Тамъ же.

съ этой цѣлю ввели плебеевъ въ сенатъ, отпущенниковъ включили въ число свободныхъ гражданъ, а большинство этихъ послѣднихъ въ ряды милиціи.

При царяхъ окрѣпло и семейное начало: отецъ былъ неограниченнымъ главою своего семейства, единственнымъ судьей своихъ дѣтей, жены, рабовъ—право, которое оставалось за нимъ до самой его смерти; но при всемъ томъ женщина не стояла такъ низко, какъ у варваровъ: она пользовалась имуществомъ вмѣстѣ со своимъ мужемъ, была госпожею въ домѣ, имѣла право приобретать собственность и участвовала вмѣстѣ со своими братьями въ раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства.

Подать государству отбывалась военною службою, а съ этой послѣдней приобретались и всѣ политическія права: другихъ солдатъ не было, кромѣ самихъ гражданъ, а гражданами были только собственники. Чѣмъ богаче человекъ, тѣмъ болѣе имѣлъ онъ власти и приобреталъ значенія въ государствѣ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ несъ и тѣмъ болѣешия обязанности и служебныя тягости. И какъ въ военномъ отношеніи, такъ при подачѣ голосовъ, римляне дѣлились на классы, смотря по состоянію: и въ народныхъ собраніяхъ, и на полѣ битвы богатые занимали первыя мѣста.

Народъ пользовался только кажущеюся свободою; на самомъ же дѣлѣ его держали въ подчиненіи, питая въ немъ суевѣрія и уваженіе къ высшимъ классамъ. Божественное начало проводилось во всѣ дѣйствія жизни; самые обыкновенные предметы идеализировались, и такимъ образомъ людямъ постоянно напоминалось, что выше ихъ вещественныхъ выгодъ есть провидѣніе, управляющее всѣми ихъ дѣйствіями. Чувство права и справедливости вкоренилось въ совѣсти: клятва почиталась священной, а добродѣтель, подъ которою понималось высшее развитіе сознанія долга, явилась общимъ правиломъ, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни. Законъ дѣйствовалъ во всей своей силѣ: учрежденіе *феціаловъ* разсматривало международные вопросы съ точки зрѣнія права, прежде чѣмъ приступали къ ихъ разрѣшенію оружіемъ. Цѣль политики состояла въ томъ, чтобы всѣми возможными средствами подчинить Риму окружающіе народы; сопротивлялись они—ихъ побѣждали, тотчасъ присоединяли къ Риму, подъ различными условіями, и держали въ повиновеніи при помощи римскихъ поселеній въ ихъ средѣ. Такія поселенія были передовыми ставками будущаго римскаго владычества.

Первоначальному Риму не чуждо было и искусство, хотя сначала и грубое; оно водворилось вмѣстѣ съ этрусскими обрядами, смягчало нравы и послужило воплощеніемъ религій; всюду возник-

ли храмы, выстроились цирки, предприняты были великія сооруженія на пользу общественную. И своими учрежденіями Римъ подготовилъ себѣ будущее господство.

Почти всѣ служебныя мѣста замѣщались путемъ избирательнымъ. Если разъ лицо было избрано, оно широко пользовалось правомъ разумно прилагать къ дѣлу кару и награду, эти два могучіе рычага къ направленію человѣческихъ дѣйствій. За недостатокъ мужества передъ непріателемъ и за нарушение дисциплины, любой изъ гражданъ подвергался наказанію розгами или топоромъ ликтаровъ; за прекрасныя же поступки всякій могъ быть удостоенъ почетнаго вѣнка; военачальникамъ—оваціи, триумфъ и большая часть добычи; великимъ людямъ—апоѳеоза. Въ память умершимъ и для отдохновенія послѣ кровавой борьбы собирались на игры цирка, а тамъ іерархія указывала каждому его мѣсто.

Такъ Римъ въ три столѣтія своего существованія, получилъ отъ царей всѣ задатки будущаго величія. Теперь мы увидимъ, какъ учрежденія образовали людей.

УЧРЕЖДЕНІЕ КОНСУЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

(Съ 244 по 416 г.).

I.

Выгоды учрежденія республики.

Цари изгнаны изъ Рима. Они исчезаютъ потому, что ихъ призваніе окончилось. Въ нравственномъ и физическомъ мірѣ есть высшій законъ, который полагаетъ роковой предѣлъ и отдѣльнымъ личностямъ, и цѣлымъ учрежденіямъ—предѣлъ, за которымъ эти личности и учрежденія уже невозможны, потому что бесполезны. Пока не наступилъ этотъ предѣлъ, оппозиція порядку, еще непережившему свой смыслъ, невозможна: тщетны заговоры, возмущенія; имъ не удастся опрокинуть то, что поддерживается собственною, непреодолимою силою; но лишь только порядокъ, по видимому непоколебимый, перестаетъ быть полезнымъ движенію человѣчества впередъ, тогда онъ падаетъ; и паденія его, предназначеннаго судьбами, не отсрочать ни сила преданій, ни отвага, ни память славнаго прошлаго.

По видимому, цивилизація перенесена была въ Римъ изъ Греціи, и изъ Рима она должна была распространиться по всему міру. Поэтому и духъ могущества и прочнаго устройства неизбежно долженъ былъ возникнуть при самыхъ началахъ Рима, что и случилось при царяхъ. И пока ихъ назначеніе не выполнилось, они торжествова-

ли надо всѣми препятствіями. Тщетно сенаторы домогались раздѣлить власть между собою, чередуясь чрезъ каждые пять дней ⁽¹⁾; тщетно вспыхивали страсти и возставали противъ власти одного лица— все напрасно; самое смертоубійство царей способствовало лишь укрѣпленію царской власти. Но наступила минута бесполезности царей, и ихъ неиспровергнулъ самый обыкновенный случай. Одинъ человекъ насилуетъ женщину, и тронъ рушится. Падая, онъ распадается на-двое: консулы наследуютъ всѣ преимущества царей ⁽²⁾. Ничто не измѣнилось въ республикѣ; только вмѣсто одного главы, избираемаго пожизненно, будутъ двое, избираемыхъ на годъ. Такой переворотъ, очевидно— дѣло аристократіи; сенаторы хотятъ управлять сами; благодаря ежегодному выбору, каждый изъ нихъ надѣется въ свою очередь воспользоваться властью. Вотъ узкій людской расчетъ! Вотъ мелкія побужденія! Посмотримъ же, каковы высшимъ началамъ подчинялись люди, сами того не зная.

Уголокъ міра на берегу Тибра—уголокъ, которому суждена была власть надъ всѣмъ міромъ, заключалъ въ себѣ, мы это видѣли, самые плодотворные зародыши; и зародыши эти нуждались въ быстромъ развитіи. Развитіе же это не иначе могло совершиться, какъ при полнѣйшей независимости самого просвѣщеннаго изъ классовъ, при царственномъ могуществѣ этого класса. Выгоды аристократическаго начала предъ монархією въ томъ именно, что первое долговѣчнѣе, прочнѣе второй, постоянно въ своихъ дѣлахъ и вѣрнѣе своимъ преданіямъ; сверхъ того оно можетъ отваживаться на все: гдѣ отвѣтственность раздѣлена между большимъ числомъ лицъ, тамъ никто не отвѣтственъ лично. При своихъ сомкнутыхъ границахъ, Римъ не нуждался болѣе въ сосредоточеніи власти въ однихъ рукахъ; но за то ему нуженъ былъ такой новый порядокъ вещей, при которомъ лицамъ

(1) «Сенаторы въ числѣ ста раздѣлялись на десять декурій; изъ каждой было избрано по одному члену для управленія дѣлами. При собирательномъ составѣ власти, одно изъ лицъ возлагало на себѣ ея знаки и было предшественно дикторами. Срокъ власти полагался пяти-дневный. Каждый пользовался ею по очереди... Плебен вскорѣ подняли ропотъ; рабство ихъ лишь усилилось, и вмѣсто одного господина, у нихъ стало ихъ теперь сто; они не захотѣли имѣть болѣе одного царя, самими ими избираемаго» (Титъ Ливій, I, XVII).

(2) «Сперва свобода состояла лишь въ томъ, что консулы избирались ежегодно; собственно же царственная власть мало измѣнилась. Первые консулы воспользовались всѣми ея правами и знаками. Боялись только одного, чтобы народъ не пугало то, что при каждомъ изъ нихъ были розги. Брутъ италъ ихъ первый, благодаря уваженію къ себѣ своего сотоварища» (Титъ Ливій, II, 1).

высшаго класса возможенъ бы былъ свободный доступъ къ верховной власти, и который обусловилъ бы прелестью почестей развитіе личныя способности каждаго. Непремѣнно нужна была раса избранныхъ людей однѣхъ и тѣхъ же добродѣтелей и цѣлей—людей, которые продолжали бы изъ поколѣнія въ поколѣніе систему, наиболѣе способную возвеличить ихъ отечество. Слѣдовательно наденіе царской власти было событіемъ благопріятнымъ для дальнѣйшаго развитія Рима.

Впродолженіе долгаго времени всѣ гражданскія, военныя и религіозныя должности замѣщались одними только патриціями; и такъ-какъ почти всѣ эти должности замѣщались погодно, то не было почти ни одного сенатора, который бы не выполнялъ ихъ. Итакъ сенатъ составляли именно такія лица, которыя образовались среди борьбы форума и въ военныхъ битвахъ—лица, искусившіяся въ трудностяхъ правленія—лица, пріобрѣтшія тяжкій опытъ, и слѣдовательно, достойныя управлять судьбами республики.

Въ Римѣ не существовало разныхъ спеціальныхъ должностей, подобныя должностямъ нашего времени; не было и зависти и соперничества: военный не могъ презирать гражданскую должность; правовѣдъ или ораторъ не держалъ себя особнякомъ отъ пратиква; и духовное лицо не избѣгало всѣхъ прочихъ. Прежде чѣмъ патрицій достигалъ выснихъ почестей и получалъ въ свою волюзу голоса согражданъ, онъ, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, подвергался всевозможнымъ испытаніямъ. Отъ него требовались: тѣлесная ловкость, даръ краснорѣчія, воинскія способности, знаніе гражданскихъ и духовныхъ законовъ, умѣнье управлять войскомъ и флотомъ, городомъ и провинціею. Обязательность такого рода способностей и знаній не только вела къ всестороннему развитію ума, но была и причиною того, что въ глазахъ народа, въ лицѣ сановника, облеченнаго въ разныя должности, соединялось и все значеніе этихъ должностей. Впродолженіе долгаго времени было такъ, что тотъ, кто почтенъ довѣріемъ своихъ гражданъ, тотъ пользовался и тройственнымъ величіемъ званія судьи, священника и воина.

Почти совершенная независимость при исполненіи обязанности военачальника, была также причиною развитія способностей. Въ наше время, наши конституціонныя формы породили недовѣріе къ власти; въ Римѣ было наоборотъ. У насъ представитель власти всегда ограниченъ могущественными преградами; онъ повинуется точному закону, самымъ подробнымъ установленіямъ, повинуется началу, поставленному выше его. Римлянинъ же предоставлялся собственной своей отвѣтственности, будучи избавленъ за то отъ

всякихъ ограниченій: онъ былъ полный господинъ въ области своихъ дѣйствій. Но эта независимость умѣрлась непродолжительностью самой власти и правомъ обвинять всякое должностное лицо по окончаніи имъ своихъ обязанностей.

Такимъ образомъ преимущество высшаго класса заключалось въ его законномъ превосходствѣ, и классъ этотъ умѣлъ направлять въ свою пользу человѣческія страсти. Свобода гражданская нужна была высшему классу настолько лишь, чтобы извлекать изъ нея выгоды для себя, и онъ такъ умѣлъ выставлять эту свободу передъ толпой, что има народа всегда видѣлось на рѣшеніяхъ сената. Аристократія гордилась тѣмъ, что способствовала уничтоженію единовластія, а вмѣстѣ съ тѣмъ старательно поддерживала въ толпѣ мнимый страхъ возвращенія царей. Въ ея рукахъ такая *ненависть къ тиранамъ* сдѣлалась могущественнымъ орудіемъ противъ всякаго, кто захотѣлъ бы возвыситься надъ другими—или явись ненавистникомъ привилегій аристократіи, или же человѣкомъ народнымъ за свои благодѣянія. Такъ выданы народу за искателей царской власти и пали: въ 269 году—консулъ Спурий Кассій, предложившій первый законъ о раздѣлѣ земель; въ 315 году—Спурий Мелій, которнй возбудилъ тревогу въ патриціяхъ тѣмъ, что раздавалъ народу хлѣбъ во время голода ⁽¹⁾, и въ 369 году—Манлій, освободитель Рима, истратившій на неоплатныхъ должниковъ свое богатство ⁽²⁾. Жертвами того же обвиненія падутъ нововводитель Тиверій, Семпній Гракхъ и позже—самъ великій Цезарь.

Но если съ одной стороны мнимая боязнь возврата стараго порядка вещей удерживала всю государственную власть въ рукахъ патриціевъ, съ другой стороны, истинная боязнь возстанія плебеевъ противъ преимуществъ патриціата, заставляла этотъ послѣдній быть умѣреннымъ и справедливымъ.

И еслибы лишенный участія въ правительствѣ многочисленный классъ плебеевъ не положилъ своими требованіями предѣловъ преимуществамъ знати, еслибы онъ не принудилъ ее быть достойною власти, еслибы, наконецъ, онъ не освѣжилъ ее, примѣшавъ къ ней своей крови, то порча нравовъ и произволъ низвергнули бы ее нѣсколькими вѣками прежде ея настоящаго паденія. Каста, неподновляемая чуждыми элементами, осуждена на погибель; и неограниченная власть, принадлежитъ ли она одному

(1) «Смерть Мелія, хотя бы онъ и неповиненъ былъ въ умыслѣ возстановить царскую власть, оправдана, говорилъ Квинкцій, чтобы успокоить народъ» (Титъ Ливій. IV, XV).

(2) «Эти непоколебимыя сердца произнесли приговоръ, ненавистный самимъ удымъ» (Титъ Ливій. VI, XX).

человѣку, или цѣлому классу вообще — одинаково опасна для того, кто ею пользуется. Соперничество плебеевъ возбуждало въ республикѣ именно то соревнованіе, которое порождаетъ великихъ людей. Маккиавель сказалъ: «боязнь потери пробуждаетъ въ сердцахъ ту же самую страсть, какъ и жажда приобрѣтенія» (1). Несмотря на то, что аристократія защищала долго и съ упорствомъ свои привилегіи, она вѣвремя сѣумѣла дѣлать полезныя уступки. Но она умѣла и ловко вознаграждать свои потери; чтѣ она принуждена бывала терять, то она и возвращала себѣ—только въ иной формѣ. Она, правда, теряла нѣкоторыя изъ своихъ правъ, но всегда сохраняла неприкосновеннымъ свое величіе.

Такимъ образомъ отличительною чертою римскихъ учреждений было то, что они порождали людей, способныхъ ко всякаго рода должностямъ. Пока аристократія, дѣйствуя на ограниченномъ поприщѣ, умѣла обуздывать свое честолюбіе, жертвуя имъ для истинныхъ выгодъ отечества, пока не возбудили ее черезъ мѣру красель, богатство и жажда неограниченной власти, до тѣхъ поръ аристократическій складъ держался со всѣми его правами и обуславливалъ неизмѣнность учреждений. Именно только при этомъ аристократическомъ складѣ и возможенъ былъ такъ долго порядокъ, при которомъ управленіе государствомъ и командованіе войсками ежегодно переходили изъ рукъ въ руки и зависѣли въ то же время отъ народнаго избранія—этого постоянно, въ высшей степени подвижнаго начала. Однако, законы порождали соперничества, скорѣе годныя породить анархію, чѣмъ утвердить истинную свободу. Изслѣдуемъ же учрежденія республики и въ этомъ послѣднемъ отношеніи.

II.

Учрежденія республики.

Въ началѣ своего учрежденія, власть двухъ консуловъ совмѣщала въ себѣ обязанности военачальниковъ, судей и правителей; будучи совершенно одинаковыми въ своихъ правахъ, консулы часто враждовали другъ съ другомъ какъ на форумѣ (2), такъ и на полѣ бит-

(1) Разсужденія о Титѣ Ливіи. I, V.

(2) Доказательства раздоровъ, существовавшихъ между обоими консулами: «Кассій, желая набрать голосовъ въ свою пользу, созвалъ тайно какъ можно болѣе латинянъ и черниковъ; ихъ явилось такое множество, что городъ вскорѣ переполнился гостями. Извѣщенный объ этомъ Виргиній объявлялъ чрезъ вѣстника, что всѣ, у кого вѣтъ жмаша въ Римѣ, тотчасъ должны возвратиться къ своему мѣсту. Тогда Кассій противопоставилъ этимъ распоряженіямъ своимъ: запретилъ выходить изъ города всякому римскому гражданину, зава

вы (1). Такая вражда повторялась многократно даже до самыхъ временъ консульства Цезаря и Бибула; и тѣмъ опаснѣе была эта вражда, что рѣшеніе одного изъ консуловъ уничтожалось сопротивленіемъ другаго. Съ другой же стороны не была выгодна и кратковременность консульской власти: передъ окончаніемъ ея, консулы нерѣдко преждевременно отваживались на битву, чтобы лишитъ своего преемника славы побѣды (2), а также ускорали окончаніемъ кампаніи, торопясь въ Римъ, на народныя собранія. Слѣдствіемъ недостатка единства въ военныхъ дѣйствіяхъ, были пораженія при Требін, Каннахъ и Сервилія Цепіона кимврами (3).

Желая устранить вредныя послѣдствія одновременнаго пользованія своими правами, консулы условились: во время войны командовать поочередно, черезъ день, а въ Римѣ править помѣсячно; но такой распорядокъ имѣлъ свою неблагопріятную сторону (4). Черезъ девять лѣтъ по паденіи царей, уже сочли нужнымъ прибѣгнуть къ диктатурѣ. Неограниченная власть диктатора, продолжавшаяся шесть мѣсяцевъ, то-есть самый долгій срокъ кампаніи, помогала злу лишь отчасти, и то въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, пополняя недостатокъ единства власти.

Двойственность и неустойчивость высшей власти ослабляли ее. Исчезли единство и опредѣленность въ дѣйствіяхъ, необходимыя народу, проводившему время въ вѣчной войнѣ. И зло было бы еще большее, еслибы его не умѣряло единство цѣли въ людяхъ, принадлежавшихъ къ одной вѣсти. Человѣкъ являлся лучшимъ, чѣмъ учрежденія, образовавшія его.

законъ не будетъ утвержденъ и принятъ» (268 годъ отъ начала Рима) (Діонисій Галикарнаскій, VIII, LXXII). «Квинцій, будучи снисходительнѣе своего сотоварища, хотѣлъ уступить всѣмъ справедливымъ и благоразумнымъ народнымъ требованіямъ; Аппій же, напротивъ, готовъ былъ лучше умереть, чѣмъ уступить» (288 годъ по основаніи Рима). (Діонисій Галикарнаскій, IX, XLVIII).

(1) «Оба консула отличались совершенно противоположными характерами и во всемъ расходились (dissimiles discordosque)...» (Титъ Ливій, XXII, XLI). «Между тѣмъ, какъ они теряютъ время скорѣе на перекоры, чѣмъ на обсужденіе дѣла...» (Титъ Ливій, XXII, XLV).

(2) Титъ Ливій, XXI, LI.—Діона Кассія, Отрывки. CCLXXI, изданіе Гро.

(3) Титъ Ливій, XXI, LI.

(4) «Въ римскомъ войскѣ, оба консула пользовались одинаковою властію; но, благодаря уваженію Агриппы къ своему сотоварищу, власть осталась въ однихъ рукахъ, что такъ необходимо для успѣха въ великихъ предпріятіяхъ» (Титъ Ливій, III, LXX). — «Зачастую оба консула командовали въ битвѣ» (Титъ Ливій, «Сраженіе при Везувіи», VIII, I; «Сраженіе при Сентинѣ», X, XXVII). — «Пагубное нововведеніе: съ тѣхъ поръ всякій кумаль не объ общественной пользѣ, а о своихъ личныхъ выгодахъ; каждый готовъ былъ погубитъ свое отечество, лишь бы славой не воспользовался его сотоварищъ; оттого отечество испытало много бѣдствій» (Діона Кассія, Отрывки, LI, изд. Гро).

Новою причиною безпорядка было учрежденіе, въ 260 году, народныхъ трибуновъ, приобрѣвшихъ въ послѣдствіи такое огромное значеніе: плебей, составлявшіе большинство въ арміи, потребовали чтобы ихъ военачальниковъ допустили и къ гражданской службѣ (1); сначала значеніе трибуновъ было невелико: это очевидно изъ закона объ ихъ установленіи (2):

«Никто не можетъ заставить трибуна, какъ какого-либо изъ обыкновенныхъ людей, поступать противъ собственной воли; возбраняется бить его или же способствовать его оскорбленію, убивать его, или же способствовать его убійству» (3).

По этому можно судить о томъ униженномъ положеніи, въ какомъ находились плебей. Впрочемъ, *это* трибуновъ останавливало предложеніе новыхъ законовъ, рѣшеніе консуловъ и сената, наборъ войска, созваніе собраній и избраніе должностныхъ лицъ (4).

Съ 297 года число ихъ возрастаетъ до десяти, то-есть по два съ cadaго изъ пяти классовъ, поставлявшихъ воиновъ (5); но эта мѣра не была выгодна для плебеевъ: чѣмъ болѣе возрастало число трибуновъ, тѣмъ аристократіи было легче найти между ними сторонниковъ своихъ интересовъ. Мало по малу ихъ вліяніе воз-

(1) «Народными трибунами названы тѣ изъ военныхъ трибуновъ, которымъ поручено было защищать народъ во время его отшествія на Кустумеру». (Варронъ: О латинскомъ языкѣ. V, 81, изданіе О. Миллера).

(2) «Недовольные заставили патриціевъ признать своихъ сановниковъ; потомъ они испросили у сената дозволеніе избирать ежегодно двухъ плебеевъ (эдилловъ), для постояннаго вспоможенія трибунамъ, для обсужденія всѣхъ тѣхъ дѣлъ, какія будутъ передаваемы имъ трибунами, для наблюденія за общественными зданіями, и для распоряженій касательно снабженія рынковъ съѣстными припасами» (260 годъ отъ начала Рима). (Діонисій Галикарнаскій. VI, XC).

(3) Діонисій Галикарнаскій. VI, LXXXIX.

(4) «Трибуны противятся набору войскъ» (269 отъ начала Рима) (Діонисій Галикарн. VIII, LXXXI). — «Лициній и Секстій, вторично выданные въ народные трибуны, не допустили избрать ни одного курульнаго чиновника; и такъ-какъ народъ постоянно избиралъ этихъ двухъ трибуновъ, въ свою очередь отвергавшихъ всякаго изъ военныхъ трибуновъ, то городъ и оставался безъ этихъ властей впродолженіе пяти лѣтъ» (378 годъ отъ начала Рима) (Титъ Ливій. VI, XXXV). — «Всякій разъ, какъ консулы созывали народъ для передачи консульства своимъ преемникамъ, трибуны, опираясь на свою власть, препятствовали собраніямъ. Когда же эти послѣдніе собирали народъ для производства выборовъ, то возникало сопротивленіе со стороны консуловъ, которые заявляли, что право созывать собранія и собирать голоса принадлежитъ имъ однимъ» (271 годъ отъ начала Рима) (Діонисій Галикарнаскій. VIII, XC). — «Трибуны, то мѣшали патриціямъ собираться для избранія интеррекса — то запрещали даже самому интеррексу давать предписанія консульскимъ собраніямъ» (333 г. отъ начала Рима) (Титъ Ливій. IV, XLIII).

(5) Титъ Ливій. III, XXX.

расло; они присвоили себѣ, въ 298 году, право созывать сенать; но долго еще не были его членами (1).

Что касается комицій, народъ имѣлъ въ нихъ слабое вліявіе. Въ собраніяхъ по центуріямъ бралъ верхъ голосъ первыхъ классовъ населенія, то-есть голосъ богатѣйшихъ гражданъ; въ собраніяхъ по куріямъ патриціи являлись неограниченными властелинами; когда, въ концѣ третьяго вѣка, плебен настояли на образованіи собраній по трибамъ (2), они немного выиграли отъ такой уступки. Новое право состояло въ томъ, что плебен могли теперь собираться на площади, гдѣ, раздѣлившись на трибы и положивъ голоса въ урны, избирали своихъ трибуновъ и эдиловъ, выбиравшихся прежде по центуріямъ (3). Какъ рѣшенія по трибамъ относились до самихъ же плебеевъ, то ни къ чему и не обязывали патриціевъ. Городъ раздѣлялся тогда на два стана, и въ каждомъ были свои управители, свои законы (4). Сначала патриціи не хотѣли принимать участія въ собраніяхъ по трибамъ; но потомъ, вонявъ выгоду такого участія, вошли въ ихъ составъ со своими кліентами, въ 305 году (5).

(1) Діонисій Галикарн. X, XXXI.

(2) «Важнѣйшимъ событіемъ этого года (282 отъ начала Рима), въ который такъ колебались военные успѣхи, и обнаружались раздоры въ лагерѣ, и въ городѣ особенно свирѣпо, было учрежденіе собраній по трибамъ. Это нововведеніе дало плебемъ много почестей, но мало существенныхъ выгодъ. Удаленіе патриціевъ изъ собраній, лишило собранія всего ихъ блеска, а между тѣмъ ни увеличило народнаго могущества, ни ослабило сенать» (Титъ Ливій. II, LX).

(3) Собраніе изъ населеній, какъ городского, такъ и сельскаго; голоса въ немъ подаются не по центуріямъ, а по трибамъ: «Въ день третьяго рынка, съ ранняго утра, на общественную площадь собралась такая толпа сельскаго люда, какой никогда не видывали. Трибуны соединили народъ по трибамъ, и раздѣлили Форумъ протянутыми веревками, образовавъ столько участковъ, сколько было трибъ. Тогда въ первый разъ народъ подавалъ свои голоса по трибамъ, хотя патриціи и сопротивлялись этому и настаивали, чтобы, по древнему обычаю, состоялось собраніе по центуріямъ» (263 годъ отъ начала Рима). (Діонисій Галикарнасскій. VII, LIX).—«Съ этого времени (годъ 263, консульство Аппія), и до нашихъ дней, трибуновъ и эдиловъ избирали собранія по трибамъ, что дѣлалось безъ всякихъ авспицій и наблюденій авгуровъ. Такъ кончались смуты, волновавшія Римъ» (Діонисій Галикарнасскій. IX, XLIX).—«Римскій народъ, возмущенный еще болѣе чѣмъ прежде, требовалъ установленія для города Рима еще третьей урны для каждой трибы, чтобы собирать голоса» (308 годъ отъ начала Рима) (Діонисій Галикарн. IX, LI).

(4) «*Unas civitates ex una factas: suos cuique, parti magistratus, suas eegle esse*» (Титъ Ливій, II, XLIV). — «Какъ видите, мы раздѣлены, на дѣлъ, на два города; однимъ управляетъ бѣдность и нужда, другимъ презбытокъ всѣхъ благъ, гордость и дерзость» (260 г. отъ начала Рима). («Рѣчи Тита Ларція полкамъ вольсковъ»; Діонисій Галикарнасскій. VI, XXXVI).

(5) Кліенты начали подавать голоса въ собраніяхъ по трибамъ по изданіи закона Валерія Горация; изъ словъ Тита Ливія (V, XXX. XXXII) видно, что уже при Камиллѣ въ составъ собраній по трибамъ вошли и патриціи, и кліенты.

III.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ АРИСТОКРАТИИ.

Такого рода политическое устройство — отраженіе общества, составившагося изъ разнообразныхъ элементовъ — не могло бы сдѣлать порядокъ вещей долговѣчнымъ, еслибы привилегированный классъ не господствовалъ надъ причинами раздоровъ. И самое вліяніе такого превосходства аристократіи скоро ослабѣло бы среди затрудненій, еслибы вынужденныя и добровольныя уступки не сгладили мало по малу преграды, раздѣлявшія оба класса.

Произволь въ консуловъ, назначавшихся вначалѣ, по всей вѣрности, однимъ сенатомъ ⁽¹⁾, вызывалъ живыя столкновения. «Власть консуловъ, кричали плебеи, была, на самомъ дѣлѣ, такъ же тяжела, какъ и власть царей. вмѣсто одного господина, ихъ двое, облеченныхъ неограниченною, всемогущею властью, безъ правилъ и узды; и консулы обращали на народъ всѣ угрозы закона, всѣ его казни» ⁽²⁾. Хотя съ 283 года какъ патриціи, такъ и плебеи подвергнуты были одному суду ⁽³⁾, однако, по недостатку въ опредѣленныхъ законахъ, какъ имущество, такъ и самая жизнь гражданъ были игралищами въ рукахъ консуловъ и трибуновъ. Оказывалось необходимымъ основать законодательство на прочныхъ началахъ. Въ 303 году, избраны были десять лицъ, децемвировъ, съ двойною властью консуловъ и трибуновъ, что давало имъ одинаковое право сзывать какъ собранія по центуріямъ, такъ и собранія по трибамъ. Имъ поручено составить сводъ законовъ, извѣстныхъ потомъ подъ именемъ *законовъ двенадцати таблицъ*; законы эти, начертанные на мѣди, сдѣлались основою римскаго публичнаго права. Но все же по этимъ законамъ не признавался, въ гражданскомъ отношеніи, бракъ между лицами обоихъ общественныхъ слоевъ; и эти законы отдавали должника въ полное распоряженіе заимодавца, въ противность постановленію Сервія Туллія.

Децемвиры злоупотребили своею властью; и съ ихъ паденіемъ притязанія плебеевъ усилились; трибунатъ, оставшійся уничтоженнымъ три года, снова былъ восстановленъ; было рѣшено, что, по поводу каждой мѣры кого-либо изъ должностныхъ лицъ мож-

(1) Анианъ: «Гражданскія войны». I, I.

(2) Титъ Ливій. III, IX.

(3) Лекторій, старшій изъ народныхъ трибуновъ, говоритъ о недавно постановленныхъ законахъ: «Первымъ закономъ, касавшимся перемѣнъ въ законодательствѣ, сенатъ даровалъ народу право судить кого бы то ни было изъ патриціевъ» (288 годъ отъ начала Рима) (Діонисій Галикарн. IX, XI, VI).

T. CLX. — Отд. 1.

но будетъ апелировать къ народу; рѣшено также, что какъ законы, постановленные собраніями по трибамъ, такъ и законы собраній по центуріямъ — обязательны для всѣхъ ⁽¹⁾. И такъ было три рода собраній: собранія по куріямъ, которыя, поручая власть, *imperium*, должностнымъ лицамъ, избраннымъ центуріями, такъ-сказать, освящали избраніе консуловъ ⁽²⁾. Собранія по центуріямъ, председательствуемыя консулами, и собранія по трибамъ, председательствуемыя трибунами; первыя наименовывали консуловъ, вторыя — плебейскихъ должностныхъ лицъ, и какъ тѣ, такъ и другія, будучи составлены почти изъ однихъ и тѣхъ же гражданъ, имѣли одинаковое право утверждать или отвергать законъ; но въ однихъ все вліяніе принадлежало богатѣйшимъ людямъ и знати, потому что знать составляла большинство центурій и подавала голоса первую; въ другихъ, напротивъ, голосъ каждаго былъ смѣшанъ со всѣми голосами той трибы, къ какой кто принадлежалъ. «Если — говоритъ одинъ древній авторъ — собираютъ голоса по аристократическимъ родамъ (*ex generibus hominum*), составляютъ собранія по куріямъ; если подаютъ голоса сообразно возрасту и цензу — собранія по центуріямъ; наконецъ, если по поземельнымъ округамъ (*regionibus*) — собранія по трибамъ ⁽³⁾. Не взирая на уступки плебеямъ, законное соперничество постоянно царствовало между властями, между собраніями и между разными классами общества.

Плебен заявляли притязанія на всѣ должности и въ особенности на власть консульскую; они отказывались отъ военной службы до тѣхъ поръ, пока не исполнялись ихъ требованія, и

(1) «Законы, постановленные въ собраніяхъ по трибамъ, должны были быть обязательными для всѣхъ римлянъ, подобно законамъ собраній по центуріямъ. Постановлены даже смерть и конфискація имущества того, кто посмѣлъ бы нарушить это постановленіе. Такъ сразу нанесенъ ударъ прежнимъ ссорамъ плебеевъ и патриціевъ: послѣдніе не хотѣли подчиняться народнымъ рѣшеніямъ, утверждая, что рѣшенное въ собраніяхъ по трибамъ, касалось только плебеевъ, и никакъ не было обязательно для всего города; и что, наоборотъ, рѣшенія собраній по центуріямъ составляли законъ, не только для самихъ патриціевъ, но также и для плебеевъ» (305 годъ отъ начала Рима) (Діонисій Галикарн. XI, XLV). — «Вѣчнымъ спорнымъ пунктомъ между обоими сословіями былъ вопросъ о подчиненіи патриціевъ плебейскимъ рѣшеніямъ. Первая забота консуловъ состояла въ томъ, чтобы предложить комиціямъ по центуріямъ законъ, въ силу котораго опредѣленія народныхъ собраній по трибамъ были бы закономъ для всего государства. (305 годъ отъ основ. Рима) (Титъ Ливій. III, LV). — «Патриціи утверждали, что право издавать законы принадлежало имъ однимъ» (Титъ Ливій. III, XXXI).

(2) «Собранія по куріямъ разбираютъ все то, что касается военныхъ дѣлъ; собранія по центуріямъ занимаются избраніемъ вашихъ консуловъ и вашихъ военныхъ трибуновъ», и пр. (Титъ-Ливій. V, LII).

(3) Авгъ-Геллій. XV, XXXII. — Фестъ, при словѣ *Scitum populi*.

даже доходили до того, что подымали голосъ о плебейскомъ происхожденіи царей: «Развѣ мы допустимъ, зывавъ къ народу трибуновъ Капулей — консуловъ, скорѣе похожихъ на децемвировъ, людей самыхъ низкихъ, и все патриціевъ, чѣмъ на лучшихъ изъ нашихъ царей, которые всѣ были люди новыя», другими словами, люди — неимѣвшіе предковъ (1).

Сенатъ сопротивлялся. Онъ не хотѣлъ уступить плебеямъ консульскаго права созывать собранія и совершать великія авспіціи, этого чисто-религіознаго преимущества, этой исключительной принадлежности аристократіи (2).

Чтобы обойти затрудненія, сенатъ сначала уничтожилъ законное препятствіе въ браку между двумя сословіями, а потомъ, въ 309 году, установилъ шесть военныхъ трибуновъ, облеченныхъ консульскою властью; но существенное осталось за патриціатомъ: созывалъ собранія и наблюдалъ за авспіціями все-таки, попрежнему, интеррексъ (3). Впродолженіе семидесяти-семи лѣтъ, военные трибуны перемѣнялись съ консулами. Только въ

(1) Титъ-Ливій. IV, III.

(2) «Когда народу не позволили участвовать въ авспіціяхъ, его негодованіе по этому случаю было чрезвычайно — какъ будто его отвергали сами боги. — «Трибуновъ спросилъ: почему плебей не могъ быть консуломъ? Ему отвѣчали, что плебей не долженъ участвовать въ авспіціяхъ; и именно для того и запрещенъ децемвирами бракъ плебеевъ съ патриціями, чтобы авспіціи не были возмущены людьми сомнительнаго происхожденія». (Титъ-Ливій, IV).—«Въ чьихъ рукахъ, по примѣру предковъ, должны оставаться авспіціи? Въ рукахъ патриціевъ, по моему мнѣнію; вѣдь не совершаютъ же авспіцій, когда избираютъ кого либо изъ плебейскихъ чиновниковъ?»—«Развѣ назначить плебейскихъ консуловъ, не то же самое, что уничтожить авспіціи въ государствѣ? только патриціи и могутъ совершать ихъ». (386 годъ отъ начала Рима) (Титъ-Ливій. VI, XLI).

Совершать великія авспіціи имѣли право только консулъ, преторъ или цензоръ; меньшимъ же должностнымъ лицамъ предоставлены были малыя авспіціи. Повидимому, совершеніе великихъ авспіцій считалось однимъ изъ важнѣйшихъ преимуществъ аристократіи. Древніе не оставили намъ яснаго истолкованія различія между обоими родами авспіцій; но это различіе, кажется, явствуетъ изъ словъ Цицерона («О законахъ». II, 12), который говоритъ, что подъ великими авспіціями разумѣлись тѣ, для которыхъ необходимо было содѣйствіе авгуровъ; малыя же, напротивъ, обходились безъ этого (См. Авль-Геллій. XIII, XV).

Что касается авспіцій, совершавшихся при избраніи консульскихъ трибуновъ, то, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ Тита-Ливія (V, XII, LI; VII, XI), онѣ были тѣ же самыя, какъ и при избраніи консуловъ, то-есть—великія авспіціи. Изъ Цицерона мы знаемъ («О гаданіи». I, 17; II, 35. — Титъ-Ливій. IV, VIII), что тогда савонникъ, который открывалъ собранія, приводилъ съ собою и авгура, объяснявшаго знаменія. Поручая руководство собраніями, избиравшимъ военныхъ трибуновъ, интеррексу, тѣмъ самымъ оставляли неприкосновенными права патриціевъ.

(3) Титъ-Ливій. VI, V.

387 году прочно установилось консульство, когда этой должности позволено было домогаться плебеямъ. Таковъ былъ результатъ одного изъ законовъ Лицинія Столона.

Этому трибуну удалось настоять на принятіи многихъ такихъ мѣръ, съ которыми, повидимому, должны были наступить новыя времена, времена безъ раздоровъ. Однако патриціи все-таки до такой степени дорожили привилегіею совершать авспиціи, что, когда не случилось въ 398 году консула изъ патриціевъ, былъ назначенъ интеррексъ для предсѣдательства въ собраніяхъ—лишь бы дорогое право не попало въ руки диктатора или же другого консула, которые были изъ плебеевъ (1).

Дозволивъ народу достигать консульства, позаботились однако отнять у этого сана бѣольшую часть его преимуществъ, которыя и переданы патриційскимъ сановникамъ. Такъ, постепенно, отняли у консуловъ, въ 307 году, съ установленіемъ двухъ квесторовъ, управленіе военными расходами (2), въ 311 году, съ установленіемъ цензоровъ—право составленія цензоваго листа, опредѣленіе государственнаго дохода и наблюденія за общественною нравственностью; въ 387 году, съ установленіемъ преторовъ—высшее гражданское законодательство, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы только одна аристократія знала права квиритовъ; наконецъ, съ учрежденіемъ курульных эдиловъ, у плебеевъ отняты: возможность предсѣдательства на играхъ, право главнаго надзора за зданіями, право полиціи и продовольствіе города, распоряженія о публичныхъ дорогахъ, и наконецъ, право надзора за рынками.

Цѣлью аристократіи было: ограничить вынужденныя у нея уступки; но послѣ сициніевыхъ законовъ, ей уже нельзя было помѣшать принципу допущенія плебеевъ ко всѣмъ должностямъ. Съ 386 года плебен достигли важнаго права занимать должность начальни-ка всадниковъ (magister equitum)—должность, такъ-сказать, намѣстника диктатора (magister populi) (3); въ 387 году имъ открылся доступъ и къ религіознымъ должностямъ (4); въ 345 году они получили квестуру, а въ 398 и самую диктатуру; въ 403 — цензуру; наконецъ, въ 417 — претуру.

Въ 391 году народъ присвоилъ себѣ право наименовывать

(1) Титъ Ливій. VII, V.

(2) Титъ-Ливій. VII, XVII.

(3) Въ 393 году число ихъ увеличено до 4. Двое изъ нихъ, хранившіе казну, и руководившіе денежнымъ обращеніемъ, наименовывались консулами; остальные же двое, управлявшіе военною кассою, избирались трибами.

(4) Начальникъ всадниковъ носилъ это имя потому, что ему вполнѣ подчинялись всадники и ассенсі, какъ диктатору подчинялся весь римскій народъ, откуда и происходитъ другое его названіе: *начальникъ народа* (Варронъ: «О латинскомъ языкѣ». V, 82, изданіе Мюллера).

легионныхъ трибуновъ, до сихъ поръ набиравшихся только консулами (1).

Въ 415 году, закономъ Кв. Публия Филона сенатъ лишенъ права не признавать силы законовъ (*auctoritas*), постановленныхъ собраніями; по Публиеву закону сенатъ обязывался объявлять предварительно о томъ, противорѣчить ли нѣтъ предлагаемый законъ правамъ гражданскому и духовному. Сверхъ того, тѣмъ же закономъ постановлялся непремѣнно одинъ цензоръ изъ плебеевъ, чѣмъ открывались для богатѣйшихъ плебеевъ и двери сената: цензоръ обязанъ былъ опредѣлять, къ какому сословію принадлежалъ тотъ или другой гражданинъ; онъ также произносилъ свое мнѣніе о принятіи въ сенатъ или объ исключеніи изъ него.

Публиевъ законъ стремился, слѣдовательно, сравнять аристократіи обонхъ сословій и создать знать (*nobilitas*) изъ всѣхъ вообще семействъ, прославившихся тѣмъ, что члены ихъ занимали высшія должности.

IV.

Начала распаденія.

Въ началѣ V вѣка существованія Рима общество получило, чрезъ сближеніе обонхъ сословій, большую устойчивость. Но если при царяхъ перевѣшивали тѣ изъ началъ, которыя должны были возвысить Римъ, теперь стали часто обнаруживаться опасности, которыя впредь постоянно будутъ возобновляться. Существованію республики то и дѣло будутъ угрожать злоупотребленія при избираніяхъ, законъ объ измѣнѣ, рабство, увеличеніе класса бѣдныхъ, аграрныя законы, вопросъ о долгахъ. Замѣтимъ вообще, что всѣ эти вопросы, пріобрѣвшіе впоследствии такое неотрашимое значеніе, возникли уже въ самое раннее время.

Злоупотребленіе при избирательствѣ. Обманъ проникъ въ избирательныя собранія, какъ только возросла масса избирателей и породила со стороны избираемыхъ домогательство большаго числа голосовъ. Уже самый законъ народнаго трибуна К. Петелія о домогательствахъ мѣсть обнаруживаетъ существованіе злоупотребленій при избраніяхъ.

Законъ объ оскорбленіи величества. — Примѣненіе, съ 305 до 369, закона объ измѣнѣ или о посягательствахъ противъ ре-

(1) Дуумвиры, на обязанности которыхъ лежали религіозныя обряды, замѣнены были децемвирами, на половину патриціями, на половину плебеями (Титъ Ливій. VI, XXXVII).

спублики послушало произволу тѣмъ страшнымъ оружіемъ, которое было такъ ужасно употребляемо при императорахъ подъ именемъ закона объ оскорбленіи величества (1).

Рабство. Въ рабствѣ также заключались большія опасности для общества: съ одной стороны, работа руками рабовъ стояла дешевле, чѣмъ работа руками людей вольныхъ, и потому первое старались замѣнить послѣднюю; съ другой стороны, рабы не могли быть довольны своею судьбою, и потому, стремясь освободиться изъ-подъ гнета, всегда готовы были бы помогать каждому честолюбцу. Уже частныя возстанія рабовъ въ 253, 294 и 336 годахъ, показали, какъ грозенъ былъ этотъ классъ, лишенный всѣхъ правъ, связанный со всѣми потребностями общественной жизни (2). Численность рабовъ быстро возрасла. Они замѣняли тѣхъ свободныхъ людей, которыхъ отрывала отъ земледѣльческихъ занятій постоянная война. Впослѣдствіи, когда эти послѣдніе возвращались изъ кампаній въ свои дома, сенатъ вынужденъ былъ заботиться объ ихъ прокормленіи; и хлѣбъ для нихъ привозился даже изъ Сициліи и отпускался имъ или по умѣренному цѣнѣ, или же и совсѣмъ даромъ (3).

Аграрные законы. Что касается аграрныхъ законовъ и вопроса о долгахъ—и то и другое вскорѣ сдѣлалось причиною нескончаемыхъ смуть.

Цари образовали изъ покоренныхъ областей родъ государст-

(1) «Аппій, понадѣвшись, какъ трибунъ, на неприкосновенность своего лица, совалъ собраніе, передъ которымъ обвинилъ Валерія и Горация въ оскорбленіи республики» (306 годъ отъ начала Рима.—Діонисій Галикарнассій. XI, XXXIX).

(2) «Во время этихъ происшествій въ Римѣ образовался заговоръ рабовъ, которые положили овладѣть укрѣпленными мѣстами, и зажечь городъ съ разныхъ концовъ» (253 годъ отъ начала Рима.—Діонисій Галикарнассій. V, LI).—«Гердоній призывалъ рабовъ къ свободѣ, съ высотъ Капитолія. Онъ взялся вести дѣло несчастныхъ; онъ хотѣлъ возстановить въ отечествѣ то, что изгнала изъ него несправедливость: долженъ былъ освободить рабовъ отъ тяжкаго ига; честь такого подвига должна принадлежать римскому народу» (294 годъ отъ начала Рима.—Титъ Ливій. VII, XV).—«Рабы-заговорщики хотѣли зажечь Римъ съ разныхъ концовъ; и въ то время, когда народъ бросился бы тушить загорѣвшіяся зданія, они заняли бы вооруженною рукою крѣпость и Капитолій. Юпитеръ не допустилъ исполненія такихъ преступныхъ замысловъ. Двое изъ рабовъ выдали заговорщиковъ, и виновные схвачены и наказаны» (336 годъ отъ начала Рима. Титъ Ливій. IV, XLV).

(3) «Наконецъ хлѣбъ привезенъ въ изобиліи изъ Сициліи, при консулахъ М. Минуціи и А. Семпронія; въ сенатѣ разсуждали—по какой цѣнѣ продавать его гражданамъ» (въ 268 году отъ начала Рима.—Титъ-Ливій. II, XXXIV).—«Такъ-какъ, за недостаткомъ земледѣльцевъ, опасались голода, то и послали за хлѣбомъ въ Этрурію, Помптинъ, въ Кумы, и даже, наконецъ, въ Сицилію». (Въ 321 году отъ начала Рима.—Титъ-Ливій. II, XXXV).

венныхъ земель (ager publicus); эти земли были главнѣйшимъ источникомъ доходовъ государства (¹); эти же земли частію великодушно раздавались царями бѣднякамъ (²). Вообще у покоренныхъ народовъ отбирались двѣ трети ихъ земель (³). «Изъ этихъ двухъ третей воздѣланные участки — говоритъ Аппіанъ — или дарились новымъ поселянамъ, или продавались, или отдавались въ аренду на извѣстныхъ обязательствахъ. Что же касается невоздѣланныхъ земель — а такихъ, вслѣдствіе войны, было большинство — ихъ, по обыкновенію, не раздѣляли, а предоставляли пользованіе ими всякому, кто бы ни пожелалъ вспахать ихъ, за что такой новый владѣлецъ ихъ обязывался вносить въ казну десятую часть всей жатвы и пятую часть всѣхъ собранныхъ на нихъ плодовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ облагали податями тѣхъ, кто разводилъ крупный и мелкій скотъ (для того, чтобы воспрепятствовать размноженію луговъ на счетъ пахатныхъ земель). Это дѣлалось въ видахъ размноженія италійскаго населенія, которое почиталось въ Римѣ самымъ трудолюбивымъ, а также для того, чтобы пріобрѣтать союзниковъ одноплеменныхъ. Но такая мѣра привела къ совершенно инымъ результатамъ. Богачи пріобрѣли себѣ большую часть нерозданныхъ земель. И въ надеждѣ, что, за давностію владѣнія, никто не изгонитъ ихъ изъ ихъ собственности, они или скупили у своихъ бѣдныхъ сосѣдей ихъ серомные участки, или же и отняли силою. Такъ образовались у нихъ обширныя владѣнія, вмѣ-

(¹) «Ромулъ, раздѣливъ весь народъ на трибы и курии, раздѣлилъ и всѣ земли на тридцать равныхъ участковъ, изъ которыхъ отдалъ по одному на каждую курию; впрочемъ, необходимая часть земель выдѣлена и для храмовъ, а также изъ особой части образована земля *государственная*» (Діонисій Галикарнассскій. II, VII).

(²) «Нума раздѣлилъ бѣднякамъ земли, завоеванныя Ромуломъ, а также большую часть земель, принадлежавшихъ государству». (Діонисій Галикарнассскій. II, LXII). — Подобныя же мѣры приписываются Туллу Гостилю и Анку Марцію (Діонисій Галикарн. III, I, XLVIII). — Лишь только Сервій Тулій вступилъ на престолъ, онъ тотчасъ надѣлилъ тетовъ (наемниковъ) изъ государственныхъ земель» (Діонисій Галикарн. II, XIII).

(³) По свидѣтельству Діонисія Галикарнасскаго, Ромулъ послалъ въ Ценину и Антинны двѣ колоніи, взявъ у этихъ городовъ двѣ трети ихъ земель (II, XXXV). — Въ 252 году самниты утратили десять тысячъ десятинъ (jugera) своихъ годныхъ къ обработкѣ земель (Діонисій Галикарнассскій. V, XLIX. — По договору, заключенному въ 268 году съ герниками, отъ нихъ отошли двѣ трети принадлежавшихъ имъ земель (Титъ-Ливій. II, XLI). — «Въ 413 году римляне потеряли двѣ трети своихъ земель; въ 416, тибуртинцы и пренестинцы также утратили часть своихъ земель» (Титъ-Ливій. VIII, I, XIV). — «Въ 563 году П. Корнелій-Сципионъ Назика отнялъ у боевъ болѣе половины ихъ земель». (Титъ-Ливій. XXXVI, XXXIX).

сто прежнихъ простыхъ полей, кото꣑я они когда-то обрабаты-вали собственными руками» (1).

Цари всегда старались уничтожить такія хищничества (2). Быть можетъ, Сервій Туллій заплатилъ жизнью за подобную попытку. Когда пала власть царей, патриціи, сдѣлавшись могущественными, пожелали сохранить за собою неправо пріобрѣтенныя земли (3).

Нельзя впрочемъ не замѣтить, что они имѣли большее право, чѣмъ другіе, на завоеванныя земли; на нихъ ложились и главнѣйшія военныя тягости, и большіе палогі; сверхъ того, имъ казалось, что для поддержанія земледѣльческаго сословія довольно было и колонпство, и они поступали скорѣе какъ государственныя откупщики, чѣмъ какъ собственники-землевладѣльцы. И въ самомъ дѣлѣ, по гражданскому праву, *ager publicus* не могъ быть отчуждаемъ, и одинъ древній авторъ говоритъ: «Правовѣды не признають, чтобы земля, разъ принадлежащая римскому народу, могла принадлежать потомъ вслѣдствіе права пользования или владѣнія, еще кому бы то ни было» (4).

Но, не взирая на этотъ принципъ, справедливымъ казалось передать часть добычи бѣднымъ гражданамъ, сражавшимся за отечество. Требованія такого рода дѣлались постоянно. Съ 268 года они заявлялись почти ежегодно не только трибунами, но и самими консулами. Фабій Цезонъ, распорядившійся въ 275 году раздѣломъ вновь завоеванныхъ земель, выразился такъ: «Развѣ не справедливо, чтобы отнятая у непріятеля земля принадлежала тому именно, кто добылъ ее своимъ потомъ и кровью?» (5) Сенатъ, однако, не склонился на это предложеніе, и на подобнаго же рода предложенія Кв. Консидія и Т. Генуція въ 278 году,

(1) Аппіанъ «Гражданскія войны». I, VII.—Цитата эта, хотя и позднѣйшихъ временъ, однако относится къ временамъ, нами разбираемымъ.

(2) «Сервій издалъ эдиктъ, по которому всѣ, кому достались общественныя земли на правѣ владѣнія или собственности, должны были возвратитъ ихъ въ извѣстный срокъ; по тому же эдикту, всѣ граждане, неимѣвшіе наслѣдства, обязывались объявить свои имена» (Діонисій Галикарн., IV, X).

(3) «Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что бѣдняки желаютъ раздѣленія государственныхъ земель (между всеми гражданами), и не могутъ перенести того, что землями этими владѣють нѣсколько нагнецовъ. Но если они увидятъ, что земель должны лишиться и тѣ, кто беретъ съ нихъ прибыль, и что земли становятся общественнымъ достояніемъ, то не будутъ болѣе завидовать, и ихъ желаніе о раздѣленіи земель между всеми ослабнетъ, такъ-какъ они поимутъ пользу сохраненія земель въ видѣ государственной собственности». (268 годъ по осн. Рима.—Рѣчь Аппія.—Діонисій Галикарн. VIII, LXXIII).

(4) Агенній Урбикъ: *De controversiis agrorum*, въ *Grammatici veteres*, изд. Лахмана, т. I, стр. 82.

(5) Титъ Ливій. II, XLVIII.

Кнея Генуція въ 280 году и поддержанныхъ консулами Валеріемъ и Эмилиемъ народныхъ трибуновъ въ 284 году (1).

Между тѣмъ, чрезъ пятьдесятъ-четыре года борьбы, по изгнаніи Тарвиніевъ, трибуну Ицилію удалось настоять, въ 298 году, на раздѣленіи земель Авентинской горы. Лицамъ же, похитившимъ часть этихъ земель, назначено было извѣстное вознагражденіе за нихъ (2). Тщетно требовали, въ 298 году и въ послѣдующіе за сими годы, примѣненія Ициліева закона къ другимъ частямъ агег publicus (3); но въ 330 году на владѣльцевъ наложена новая подать, съ цѣлью уплаты жалованья войскамъ. Ничего не могло поколебать настойчивости трибуновъ: въ слѣдующіе тридцать-шесть лѣтъ сдѣлано еще шесть предложеній раздѣленія общественныхъ земель, хотя всѣ эти предложенія и не привели ни къ какимъ результатамъ, даже послѣднее предложеніе о раздѣленіи только что присоединенныхъ большихъ земель (4). Лишь въ 361 году сенатское рѣшеніе дозволило выдѣлить изъ вейентинской земли на каждаго отца семейства и каждаго свободного человѣка по семи десятинъ (5). Въ 371 году сенату нуж-

(1) «Луцій Эмилиі признавалъ болѣе справедливымъ раздѣлить земли между всѣми, чѣмъ оставить ихъ во владѣніи лишь немногихъ. Что же касается лицъ, захватившихъ земли, то эти должны быть довольны уже и тѣмъ, что ихъ такъ долго оставляли въ покоѣ, и не могутъ упорствовать. Сверхъ того, онъ заключалъ, что нетолемо сенатъ обязанъ быть раздѣлить земли потому, что онъ по праву принадлежали всѣмъ, какъ частная собственность принадлежитъ по праву своему законному владѣльцу, но сенатъ обязывался къ тому еще и тѣмъ, что общалъ такое раздѣленіе, въ своемъ распоряженіи, еще за семнадцать лѣтъ назадъ». (Діонисій Галикарнассій. XI, LI).

(2) Титъ-Ливій. III, XXXI.—Діонисій Галикарн. X, XXXIII и слѣдующая.

(3) «Плебемъ громко жалуются, что завоеваніями ихъ завладѣли другіе; они считаютъ возмутительнымъ обычаемъ, по которому имъ не оставляется и малѣйшаго клочка изъ земель, завоеванныхъ ими; говорятъ, что агег publicus находится въ рукахъ людей вліятельныхъ и богатыхъ, несправедливо пользующихся всѣми доходами съ него, причина же всему, этому — лишь могущество ихъ, да несмысленный произволъ. Наконецъ плебемъ говорятъ, что участвуя, наравнѣ съ патриціями, во всѣхъ военныхъ опасностяхъ, они также имѣютъ право требовать и себѣ доли въ выгодахъ, вытекающихъ изъ этихъ опасностей» (298 г. отъ начала Рима.—Діонисій Галикарн., X, XXXVI).

(4) «Весьма было разумно предложить раздѣленіе большихъ земель, послѣ подавленія возстанія; такимъ образомъ устранялись бы вслѣки домогательства о прозеленіи аграрнаго закона, изгонявшаго патриціевъ съ ихъ, силою присвоенныхъ имъ, участковъ. Неблагодарное упорство знати, съ которымъ она силсилась удерживать за собою неправое прибрѣтенныя земли, поражало народъ въ самое сердце; въ тому же знать не допускала даже раздѣленія народу и тѣхъ земель, которыя недавно лишь были отняты у непріятеля; слѣдовательно, земля эти неминуемо должны были попасть въ тѣ же руки знати». (341 годъ отъ осн. Рима.—Титъ-Ливій. II, LI).

(5) Титъ-Ливій. V, XXX.

на была помощь народа въ войнѣ противъ вольсковь, и онъ, послѣ пятилѣтняго сопротивленія, согласился на раздѣленіе присоединенныхъ Камилломъ помитинскихъ земель (Понтійскія болота), когда часть ихъ уже успѣла достаться на долю патриціевъ (¹). Всѣ такія частныя уступки не могли ни удовлетворить плебеевъ, ни исправить несправедливости; послѣ старинадцатилѣтней борьбы, народныя притязанія восторжествовали наконецъ въ законѣ Лицинія (²). Законъ этотъ, не отымая совершенно у патриціевъ неправу приобрѣтенныхъ ими земель, ограничивалъ однако владѣнія до пятисотъ югеровъ (сто двадцать-пять гектаровъ—около ста четырнадцати русскихъ десятинъ). Всѣ остальные затѣмъ земли должны были быть раздѣлены между бѣдняками. Собственники обязывались содержать въ своихъ владѣніяхъ по нѣскольку свободныхъ людей для пополненія ими легионовъ; сверхъ того, чтобы приостановить вообще выгодное для частныхъ лицъ заведеніе луговъ, въ каждомъ владѣніи дозволено содержаніе лишь извѣстнаго числа головъ скота. Чрезъ это пашни умножились, и Италия не должна была нуждаться въ иноземномъ хлѣбѣ.

Этотъ законъ Лицинія Столона порождалъ счастливыя послѣдствія. Имъ уничтожались хищничества богатыхъ и знатныхъ, а между тѣмъ онъ дѣйствовалъ умѣренно: не допускалъ опаснаго расширенія частныхъ владѣній на счетъ общественной собственности, и захватыванія нѣсколькими лицами того, что принадлежало всѣмъ; онъ предотвратилъ уменьшеніе италійскаго населенія, а, слѣдовательно, и ослабленія войска (³).

Лициніевъ законъ не остался неисполненнымъ, что явствуетъ пзъ многочисленныхъ наказаній за его несоблюденіе. И благодаря ему, а также основанію многихъ новыхъ колоній, земледѣльческій классъ, эта главная сила государства, получилъ возможность существованія. Надзоромъ за распредѣленіемъ земель въ народѣ занимался теперь самъ сенатъ (⁴).

(¹) Титъ-Ливій. VI, XXI. Повидимому, понтійскія болота были, въ тѣ времена, весьма плодородны; по свидѣтельству Плинія, въ нихъ насчитывалось двадцать-четыре цвѣтущихъ города (Естественная Исторія. III, V., 59, изд. Змлинга).

(²) Титъ-Ливій. VI, XXX—XLIV. — Аппіана «Гражданскія войны». I, XIII.

(³) См. замѣчательный трудъ Масе: *Объ аграрныхъ законахъ*. Парижъ, 1846.

(⁴) Такъ въ 416 году каждый бѣдный гражданинъ получалъ по два югера изъ земель латинянъ и ихъ союзниковъ. Послѣ удаленія Пирра, сенатъ велѣлъ, въ 749 году, надѣлать землями тѣхъ, кто сражался противъ эпирскаго царя. Въ 581 году закономъ Фламинія, напрасно осуждаемымъ Полибіемъ, за то будто бы, что законъ этотъ внесъ порчу въ Римъ — раздѣлены поголовно римскія земли, лежація между Римини и Пиценомъ; послѣ взятія Карреатена, сенатъ

Далѣе. Вопросъ о долгахъ и объ уменьшеніи процентовъ съ давнихъ временъ подымалъ страстныя пренія.

Въ Римѣ, бѣдные граждане должны были воевать на свой счетъ, почему ихъ поля и фермы оставались въ забросѣ все время кампаніи; семью же приходилось продовольствовать въ долгѣ. Итакъ, причина долговъ — благородная служба отчизнѣ⁽¹⁾. Общественное мнѣніе, разумѣется, высказывалось въ пользу должниковъ и враждовало противъ тѣхъ, кто, спекулируя стѣсненнымъ положеніемъ защитниковъ отечества, бралъ съ нихъ большіе проценты. Патриціи также злоупотребляли выгодами своего общественнаго положенія и знаніемъ законныхъ формъ; защищая плебеевъ, они требовали съ нихъ за это большихъ суммъ⁽²⁾.

Утѣсненные граждане часто обращались съ жалобами къ царямъ, и тѣ спѣшили помогать имъ⁽³⁾. Но съ изгнаніемъ царей богачи стали гораздо неуступчивѣе. Случалось, что занмодавцы продавали людей, разорившихся въ службѣ, какъ рабовъ, съ молотка⁽⁴⁾. Когда же за то наступало военное время, бѣдняки не

надѣявъ землями сиционовъ солдатъ въ 554 году. За каждый годъ службы въ Испаніи или Африкѣ солдатъ получалъ по два югера земли; такое раздѣленіе произведено было «децемвирами» (Титъ-Ливій. XXXI, XLIX).

(¹) Маркъ Валерій доказалъ имъ, что неблагоразумно было отказывать въ такихъ нудностяхъ гражданамъ, доблестно отстававшимъ республику при царяхъ» (256 г. отъ начала Рима.—Діонисій Гал. V, LXV).—«Съ одной стороны, плебей показывали, что не въ состояніи уплачивать долги; жаловались на то, что, во время столькихъ войнъ, земли ихъ ничего не производили, скотъ погибъ, рабы разбѣжались или же погибли въ различныхъ походахъ противъ неприятеля, что, наконецъ, все достоинствѣ ихъ истрчено на военныя издержки. Съ другой стороны, и занмодавцы говорили, что потери были у всѣхъ вообще; что и они пострадали не менѣе своихъ должниковъ, и что, при столькихъ потеряхъ, они не могутъ согласиться потерять еще и то, что дано имъ взаимн бѣднякамъ во время мира» (258 отъ начала Рима.—Діонисій Галикарн. VI, XXII).

(²) Процессы частныхъ лицъ почти всегда защищались сенаторами; зато сенаторы получали, водъ видомъ благодарности, весьма большія сумми (Титъ-Ливій. XXXIV, II).

(³) «Въ слѣдующіе дни Сервій [Тулій] приказалъ собрать свѣдѣнія о недвижимыхъ должникахъ и ихъ занмодавцахъ и составить приблизительную цифру долговъ. Когда получены были такіа свѣдѣнія, онъ устроилъ на Форумѣ ассамблею, и въ присутствіи всѣхъ возвратилъ занмодавцамъ то, что имъ были должны» (Діонисій Гал. IV, X).

(⁴) «Сервій приказалъ объявить чрезъ глашатая, что всѣмъ запрещается продавать, брать въ залогъ или захватывать имущество римлянъ, которые будутъ служить противъ вольсковъ; равнообразно запрещалось забирать, на основаніи какихъ бы то ни было обязательствъ, всякаго члена изъ ихъ семействъ».—«Одинъ старикъ, жалуся, что занмодавецъ велелъ его въ рабство, и расказавшій о своемъ свободномъ происхожденіи, говорилъ, какъ онъ служилъ во всѣхъ кампаніяхъ и участвовалъ въ двадцати-восьми битвахъ, въ которыхъ неоднократно отли-

хотѣли идти въ службу (1). Они говорили: «Какая польза намъ въ побѣдахъ надъ врагами? Займодавцы заковываютъ насъ въ желѣза? Къ чему намъ упрочивать свободу Рима, когда мы не можемъ сохранить собственной своей свободы?» (2) Но какъ на патриціевъ падали вмѣстѣ съ тѣмъ самыя большія военныя тягости, то и они имѣли свое основаніе требовать уплаты себѣ долговъ. Оттого—вѣчныя раздоры (3).

Закономъ двѣнадцати таблицъ росты уменьшены, въ 305 году, до десяти со ста. Лишь одинъ Столоновъ законъ удовлетворительно разрѣшилъ затруднительный вопросъ. Законъ этотъ постановилъ, что всѣ прежде выплаченные проценты вычтутся изъ долговыхъ капиталовъ, и что остающаяся затѣмъ сумма должна быть возвращена займодавцамъ въ три года, равномерными взносами. Распоряженіе одинаково выгодное для всѣхъ: еслибы должники попрежнему оставались неоплатными, займодавцы попрежнему рисковали бы потерять свой капиталъ; новымъ закономъ именно обезпечивался возвратъ долговъ; должники же, вступивъ во владѣніе землями, могли съ помощію ихъ расквитаться; тѣмъ болѣе, что на то данъ былъ срокъ. Согласіе, возстановленное въ 387 году, было только минутное. Разладъ увеличивался все болѣе и болѣе, пока, наконецъ, не уничтожили совершенно долговъ, въ 412 году; вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено и брать какіе бы то ни было проценты—мѣры лишь переходныя и революціонныя.

V.

Общій обзоръ.

Общій обзоръ вредныхъ началъ, таившихся въ римскомъ обществѣ, наводитъ на размышленіе слѣдующаго рода: каковы бы

чался; для уплаты же податей, онъ вошелъ въ долги въ послѣдніе тяжкіе дни республики. «Когда же мнѣ нечѣмъ было уплатить долговъ—говорилъ онъ—то мой безжалостный займодавецъ взялъ меня въ рабство, вмѣстѣ съ моими двумя дѣтьми; онъ даже подвергнулъ меня безчестнымъ ударамъ за мой отказъ исполнить какое-то трудное дѣло». (259 годъ отъ начала Рима.—Діонисій Галикарн. V, LIII).

(1) «Вѣднѣки, въ особенности тѣ, кто находились въ неоплатныхъ долгахъ—а такихъ было всего больше—до тѣхъ поръ не хотѣли братья за оружіе и вообще имѣть какое либо сношеніе съ патриціями, пока сенатъ не уничтожитъ долговъ». (256 отъ начала Рима.—Діонисій Галикарн. V, LXIII).

(2) Діонисій Галикарн. V, LXIV.

(3) «Аппій Клавдій Сабинъ сдѣлалъ предложеніе, совершенно противное предложенію Марка Валерія: онъ говорилъ, что, безъ сомнѣнія, богачи, такіе же какъ и народъ, граждане; и какъ они еще занимаютъ высшія мѣста въ республикѣ, заняты другими общественными обязанностями и сверхъ того уча-

ни были правительственными начала — въ нихъ всегда рядомъ съ зародышами жизни таятся и зародыши разрушенія, зародыши будущей гибели. Въ періодъ выростанія республики развивались и дѣйствовали начала жизни; въ періодъ же паденія ея — начала разрушенія; то-есть, пока аристократія сохраняла свои добродѣтели и свою любовь къ отчизнѣ — преобладали и начала благосостоянія; но какъ только начала вырождаться аристократія, причини разрушенія перевѣсили, и поколебали все заботливо возведенное зданіе.

Если паденіе царской власти оживило аристократію и дало ей независимость, то, вначалѣ, демократія ничего отъ этого не выигрывала. Не ранѣе, какъ черезъ двѣсти лѣтъ, плебеи пріобрѣли себѣ политическія права, достигли раздѣла государственныхъ земель и могли добиться смягченія участи должниковъ, невольныхъ жертвъ постоянной войны. Столько же лѣтъ понадобилось республикѣ, чтобы привести покоренныя націи къ той зависимости, въ какой онѣ были при послѣднихъ царяхъ ⁽¹⁾. Много нужно времени странѣ, чтобы оправиться отъ толчковъ и ослабленія, порождаемыхъ даже самыми законными революціями.

ствуютъ въ войнахъ, то неудивительно, если они вознегодуютъ на уничтоженіе долговыхъ обязательствъ». (256 годъ отъ начала Рима.—Діонисій Гал. V, LXVI).

⁽¹⁾ Изъ свидѣтельств Поливія, Діонисія Галикарнаскаго, Тита Ливія, Флора и Евтропія явствуетъ, что во время паденія Тарквинія-Гордаго, римское владѣтельство простиралось уже на Лаціумъ, большую часть Сабинской земли, и даже до Окрикула (*Otricoli*) въ Умбрин; Этрурія же и земли герниковъ, и городъ Цере (*Cervetri*) играли роль совершенно подчиненныхъ союзниковъ.

Вѣсть съ учрежденіемъ консульскаго правленія, между подчиненными Риму народами начинаютъ вспыхивать возстанія. Въ 253 году противъ Рима составилъ союзъ изъ всѣхъ народовъ Лаціума; подчиненіе Лаціума началось съ побѣды 258 года при Регильскомъ озерѣ, то-есть четырнадцать лѣтъ спустя по изгнаніи Тарквиніевъ; завершилъ же это подчиненіе договоръ, заключенный Спуріемъ Кассіемъ съ латинянами, въ 268 г. отъ начала Рима. Сабиняне окончателно покорены лишь въ 305 году, консуломъ Гораціемъ. Фидены, признавшія надъ собой господство Тарквинія, взяты въ 319 году, потомъ завоеваны вторично, послѣ возмущенія 328 года. Анкуръ (*Terracine*) окончателно подчиненъ только послѣ пораженія вольсковъ; а Вейи, Фалерн — въ 358 и 359 гг. Въ Цирцеяхъ, гдѣ основана римская колонія во времена царей, заведена новая колонія въ 360 году. Цере присоединенъ къ римскимъ владѣніямъ въ 364, а Анцій и Эцетра окончателно завоеваны уже послѣ вторженія галловъ. Сатринъ, находившійся при самомъ входѣ въ землю вольсковъ, взятъ 408 года, чтѣ и побуждало ему принять участіе въ возстаніи латинянъ. Въ 411 году вся долина Лаціума была занята римлянами или же ихъ союзниками; однако, въ горахъ существовали независимыя или же тайно враждебныя вольскія и латинскія поселенія. Можно сказать во всякомъ случаѣ, что въ это время Римъ возвратилъ себѣ всю территорію, принадлежавшую ему при царяхъ; только въ 416 году ему пришлось подавить послѣднее латинское возстаніе.

Впрочемъ, римское общество было настолько прочно, что могло бороться и съ вѣшними врагами, и съ внутренними неурядицами. Существованія его не могли подкосить ни вторженія Порсены и галловъ, ни заговоръ сосѣднихъ народовъ. Были уже и замѣчательные законодатели, и замѣчательные полководцы; таковы: Велерій Публикола, А. Постумій, Кориоланъ, Спуриій Кассій, Цинциннатъ, Камилъ, а самъ Римъ могъ уже выставить десять легионовъ или, другими словами, 45,000 человекъ. Внутри государства достигнуты весьма важные результаты: при помощи значительныхъ уступокъ послѣдовало примиреніе обѣихъ слоевъ общества; выработались письменные законы, точнѣе опредѣлилось значеніе разныхъ государственныхъ должностей; но общественный строй оставался тотъ же. Приобрѣтенное плебеями право на всѣ должности способствовало лишь усиленію аристократіи; эта послѣдняя возродилась, не измѣняясь; число ея противниковъ уменьшилось, а сторонниковъ возрасло. Богатые и значительныя плебейскія фамиліи смѣшались вскорѣ со старыми фамиліями патриційскими и, смѣшавшись, стали раздѣлять мысли, виды и даже предразсудки послѣднихъ. Одинъ нѣмецкій ученый вѣрно замѣтилъ, что если съ паденіемъ царской власти, въ сенатѣ явилось болѣе плебеевъ, чѣмъ прежде, за то уже труднѣе было вывазаться личному достоинству безъ помощи богатства и знатнаго происхожденія (1).

Чтобы сдѣлать оцѣнку какаго-либо общества въ данное время— мало изучить его законы: надо также обратить вниманіе на состояніе нравовъ. Законы предписывали равенство и свободу, нравы же предоставляли аристократіи всѣ почести и всѣ преимущества. Доступъ къ общественнымъ должностямъ былъ дозволенъ плебеямъ; но ихъ почти никогда не избирали въ эти должности. Въ теченіе пятидесяти-девятн годовъ, двѣсти шестьдесятъ-четыре военные трибуна замѣщали консуловъ, и въ числѣ ихъ насчитывается только восемнадцать плебейскихъ трибуновъ; когда плебен добились консульства, выборъ все-таки гораздо чаще падалъ на патриціевъ (2). Еще задолго до 456 года бракъ плебеевъ съ патриціями дозволенъ, а между тѣмъ, вслѣдствіе кастовыхъ предразсудковъ, матроны не допустили въ этомъ году въ храмъ Pudicitiae patriciae. патриціанку Виргинію за то, что она вышла замужъ за плебея Волумнія (3).

Законы покровительствовали свободѣ; но самое возобновленіе

(1) Mommsen: Römische Geschichte. I, 241, 2 изд.

(2) Въ 14 лѣтъ, 399—412, римляне допускали къ консульству лишь 6 плебеевъ.

(3) Титъ Ливій. X, XXIII.

такихъ законовъ доказываетъ, что они не исполнялись. Такъ въ 305 году постановлено, что плебисциты имѣютъ силу законовъ, а между тѣмъ то же самое снова постановляется законами: Гортезіевымъ—466 года, и Меніовымъ—468. И сверхъ того, этимъ же послѣднимъ снова подтверждается и законъ Публиевъ 415 года. То же случилось и съ закономъ Валерія Публикола (246 года), которымъ дозволялось апеллировать къ народу, по поводу приговоровъ должностныхъ лицъ. Ему, повидимому, дана сила Валеріемъ и Гораціемъ, въ 305 году, а позже Валеріемъ Корвоиъ, въ 454 году. По этому поводу великій римскій историкъ говоритъ: «Я не иначе могу объяснить себѣ такое частое повтореніе одного и того же закона, какъ тѣмъ, что власть патриціевъ постоянно брала верхъ надъ народными вольностями» (1).

Допущеніе въ сенатъ плебеевъ признано въ принципъ; между тѣмъ въ сенатъ можно было попасть не иначе, какъ получивши декретъ цензора, или же послѣ занятія курульной должности, а то и другое считалось принадлежностію одной лишь аристократіи. Законъ, постановлявшій, чтобы одинъ изъ цензоровъ былъ плебей, часто не исполнялся и, чтобы сдѣлаться цензоромъ, по большей части надо было быть консуломъ.

Всѣ должности были погодныя; но трибуны и консулы заставляли избирать себя по нѣскольку разъ и чрезъ короткіе промежутки: такъ Лициній Столонъ избирался трибуномъ цѣлые девять лѣтъ сряду; Сульпицій Петикъ былъ консуломъ пять разъ (съ 390 по 403 годъ); Поцилій Лена и Марцій Рутиль, оба по четыре раза: первый съ 395 года по 406, второй—съ 397 по 412. Напрасно закономъ 412 года установленъ десятилѣтній срокъ для занятія вновь кѣмъ-либо того же самаго мѣста; различныя лица все-таки снова избирались раньше истеченія этого срока: Валерій Корвъ—въ консулы шестикратно (съ 406 по 455 годъ), и въ послѣдніе три года—непрерывно; Папирій Курсоръ—пять разъ (съ 421 по 441).

Законъ защищалъ жизнь гражданъ; но общественное мнѣніе не имѣло силы заступиться за тѣхъ, кто дѣлался жертвою ненависти сената. Напрасно существовалъ законъ Валерія Публикола: насильственная смерть трибуна Генуція или же богатаго плебея Спурія Мелія встрѣчены съ одобреніемъ.

Комитіи почитались свободными. Но сенатъ умѣлъ пользоваться *veto* трибуновъ и религиозными предрасудками. Каждый консулъ могъ воспрепятствовать собранію или же сорвать его своимъ рѣшеніемъ: ему стоило только сослаться на сдѣланныя имъ

(1) Титъ-Ливій. X, IX.

наблюдения въ небѣ, или же онъ могъ объявить, что слышалъ ударъ грома, видѣлъ молнію, или другое какое небесное знаменіе; наконецъ отъ авгуровъ зависѣло отсрочить и самые выборы (1). Народъ собственно могъ только указывать тѣхъ, кого желалъ бы избрать на должностныя мѣста; но чтобы вступить въ самое управление, консулы и преторы должны были прежде быть утверждены куріями (*lex curiata de imperio*) (2). И патриціи всегда могли устранить невыгодныя для себя результаты выборовъ. Это выясняетъ и самъ Цицеронъ, хотя и старается выставить дѣло въ благоприятномъ для народа свѣтѣ: «предки ваши требовали двойной подачи голосовъ, замѣщая каждую изъ вашихъ должностей; если подачею голосовъ по куріямъ узаконили избраніе патриціанскихъ чиновниковъ, то, въ сущности, значить, произносили голоса во второй разъ объ однихъ и тѣхъ же лицахъ. И еслибы народу вздумалось раскаяться въ своемъ выборѣ, онъ всегда имѣлъ возможность отказаться отъ него» (3).

Диктатура въ рукахъ патриція также была средствомъ уничтоженія оппозицій и вліянія на собранія.

Диктаторъ некогда не избирался, а назначался консуломъ. Въ одно какое-нибудь двадцати-шестилѣтіе, съ 390 по 416 годъ, перывало восемнадцать диктаторовъ.

Несмотря на побѣды плебеевъ, сенатъ все-таки оставался всемогущимъ. Независимо отъ другихъ къ тому средствъ, онъ всегда могъ избѣгать рѣшеній плебейскихъ, потому что былъ ихъ исполнителемъ. При ограниченіи политической свободы господствующимъ классомъ, существовало еще большее ограниченіе свободы личной. Неголько всѣ члены семейства подчинялись неограниченной власти главы его, но еще и каждый гражданинъ обязанъ былъ подчиняться цѣлому ряду религиозныхъ установленій (4). Цензоръ слѣдилъ за ненарушимостью браковъ, за воспитаніемъ дѣтей, за тѣмъ, какъ обращались съ рабами и кліентами, какъ воздѣлывались поля (5). «Римляне не считали возможнымъ—гово-

(1) «Кто же не видитъ, что для авгуровъ весь порокъ диктатора (Марцелла) въ его плебейскомъ происхожденіи? (Титъ-Ливій. VIII, XXIII.—Цицеронъ: «О гаданіи». II, 35 и 37; «О законахъ». II, 13).

(2) Консулы и преторы тогда только могли созывать собранія, начальствовать войскомъ, судить гражданскія дѣла въ послѣдней инстанціи, когда были облечены въ *imperium* и получали, курійскимъ постановленіемъ, право дѣлать аспіциі (*ius auspiciorum*).

(3) «Вторая рѣчь объ аграрномъ законѣ», IX.

(4) Титъ-Ливій. IV, XXXI.

(5) Если какой либо гражданинъ уклонялся отъ набора, его имущество конфисковалось; когда же онъ не платилъ долговъ, продавали его самого въ рабство. Женщинамъ запрещалось употреблять вино (Поливій, VI, II); число при-

рять Плутархъ — предоставить каждому право свободно жениться, имѣть дѣтей, право избирать родъ жизни, давать пиры, наконецъ, право имѣть свои собственные вкусы и желанія: все подчинилось надзору и предварительному обсужденію» (1).

Тогдашнее положеніе Рима весьма походило на положеніе Англіи до ея избирательной реформы. Многие уже вѣка прославлялась англійская конституція, какъ палладиумъ свободы, а между тѣмъ въ Англіи, какъ и въ Римѣ, только происхожденіе и состояніе давали право на почести и могущество. Какъ въ той, такъ и въ другой странѣ аристократія управляла выборами при помощи обмановъ, подкуповъ и такъ называемыхъ *финансъ мѣстечекъ*; въ Римѣ избирались патриціи, въ парламентъ — благородные; и въ обѣихъ странахъ тотъ, кто не былъ въ состояніи платить большой цензъ, не былъ и гражданиномъ. Однако, было основаніе, почему англійская свобода прославлялась на безмолвномъ континентѣ, до 1789 года и именно въ то время, когда въ Англіи народъ не участвовалъ въ управленіи дѣлами. Посто­роннему наблюдателю все равно — велика или тѣсна сцена, гдѣ рѣшаются важныя политическія вопросы, много или немного актѣровъ; все равно — онъ будетъ пораженъ величіемъ зрѣлища. И мы далеки отъ того, чтобы осуждать высшіе классы Рима и Англіи за то, что они умѣли сохранить свое превосходство при тѣхъ средствахъ, какія давали имъ законы и обычаи! Власть должна была принадлежать патриціямъ до тѣхъ поръ, пока они были достойны ея; надо сознаться, что дѣло цивилизаціи не исполнилось бы безъ постоянства политикѣ и безъ отличительныхъ качествъ аристократіи: высоты взглядовъ и непоколебимой, суровой добродѣтели.

Сначала V вѣка, республика, устроившись, начинаетъ пожинать плоды своихъ усилій. Сплотившись внутренне, римляне обращаютъ, на будущее время, всю свою дѣятельность къ завоеванію Италіи, на что, однако, надобится около столѣтія. Возбуждаемые своими учрежденіями, направляемые своею умною аристократіею, римляне явятъ въ себѣ удивительный примѣръ народа, сохраняющаго, во имя свободы и среди всякихъ волненій, ту систему, которая сдѣлаетъ ихъ всесвѣтными владыками.

гласныхъ на пиры гостей было ограничено (Атены. VII, XXI, стр. 274). Должностныя лица могли принимать приглашенія на пиры только отъ нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ (Авгъ-Геллій. II, XXIV.—Макировій. II, XIII). Бракъ съ мелебикой или иностранкой сопровождался разными стѣсненіями; съ рабой же или отпущенницей онъ запрещался вовсе. Безбрачіе, въ извѣстные годы, наказывалось пеней (Валерій Максимъ. II, IX, I. Существовали правила относительно траура и похоронъ (Цицеронъ: «О законахъ». II, 24).

(1) Авгъ-Геллій. IV, XII.

Т. CLX. — Отд. I.

АЗАРТНЫЯ ИГРЫ ВЪ ЕВРОПѢ И У НАСЪ.

Азартная игра и пьянство—вотъ два любимыя занятія русскихъ. Если исторія русскаго пьянства составляетъ немаловажную страницу въ исторіи нашей цивилизаціи, то по всей вѣроятности, такая же страница должна быть отведена и азартнымъ играмъ. Если доходъ съ вина составляетъ одну треть всего государственнаго дохода, то убытокъ отъ азартныхъ игръ, мы полагаемъ, составитъ другую треть народнаго расхода, бросаемаго на вѣтеръ. Поэтому мы думаемъ, что исторія азартныхъ игръ не лишена интереса для насъ, русскихъ.

Игры, извѣстныя уже съ незапамятныхъ временъ, представляютъ собою три различныя формы: *игры чисто-азартныя*, которыми управляетъ только случай; *игры, требующія соображеній и умнннхъ*, и, наконецъ, *игры смншанныя, основанныя на случайности и на разсчетѣ*.

Чѣтъ и нечѣтъ и кости считаются древнѣйшими азартными играми, *шахматы*—древнѣйшей игрой, требующей соображеній, и *триктракъ*—древнѣйшей смншанной игрой, въ которой случай соединенъ съ разсчетомъ.

Во всѣ времена и въ каждой странѣ, страсть къ играмъ росла и развивалась съ ужасающей силой и была источникомъ многихъ бѣдствій. *Индійцы*, вопреки самыхъ страшныхъ карательныхъ законовъ, запрещающихъ игру, проигрываютъ своихъ женъ и дѣтей; *цейлонцы* до того страстны къ играмъ, что немнѣющіе денегъ играютъ на свои собственныя члены: уши, носъ, руки, ноги; *зунны* ставили на конъ самихъ себя и проигрывавшій дѣлался рабомъ выигравшаго или лишалъ себя жизни, оставляя счастливому сопернику своего коня и доспѣхи.

Въ Греціи *Фемистокль* настаивалъ, чтобъ всѣмъ гражданамъ, занимающимъ какія либо общественныя должности въ республикѣ, было воспрещено, подъ страхомъ самыхъ жестокихъ наказаній, принимать участіе въ какой либо азартной игрѣ, въ томъ убѣжденіи, что за играющаго въ такую игру нельзя поручиться,

чтобъ онъ не проигралъ когда нибудь денегъ, вѣрнѣннхъ ему обществомъ. *Спартакъ*, видя зло, бѣдствія и радоры, которые были слѣдствіемъ игры, изгнали ее изъ своихъ предѣловъ. У римлянъ игра была строго запрещена, и *Катонъ* (цензоръ) не переставалъ на форумѣ повторять: «Граждане, бойтесь игры хуже огня!» И несмотря на это, нигдѣ не предавались азартной игрѣ съ такимъ, можно сказать, неистовствомъ, какъ въ Римѣ. *Августъ* очень любилъ игру; *Неронъ* ставилъ на кости въ одинъ ударъ 400,000 сестерій; *Клавдій* игралъ вездѣ, гдѣ только могъ; *Юсена* всю силу своего краснорѣчія возстаеъ противъ игрокъ, которые брали съ собою кости даже въ засѣданія сената и на форумѣ. *Гораций* въ своихъ сатирахъ упоминаетъ объ одномъ старикѣ *Валаверіусъ*, который до того былъ пристрастенъ въ азартной игрѣ, что страдая надагой и не будучи въ состояніи владѣть руками и держать корнета, нанималъ раба и заставлялъ его играть вмѣсто себя.

По свидѣтельству *Тацита*, германцы до того любили игру, что часто ставили на конъ свою свободу и даже жизнь. Въ *Неаполѣ* еще и теперь лодочники, не имѣя денегъ, проигрываютъ самихъ себя и отдаются выигравшему въ работу на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ *Генуѣ*, *Миланѣ*, *Флоренціи* и другихъ городахъ Италіи игра была запрещена, но въ ней принимали участіе самыя значительныя лица, подавая пагубный примѣръ и простому народу играть и проигрывать заработанныя деньги, такъ что эти бѣдные люди и семейства ихъ часто оставались безъ куска хлѣба. У всѣхъ народовъ, послѣдователей Магомета, дозволена только одна игра, *шахматы*, но и они тайкомъ играютъ и въ другія азартныя игры, *кости*, *чѣтъ* и *нечѣтъ* и въ *три листа*.

Законы римскіе, сначала весьма строгіе въ отношеніи всѣхъ игръ въ деньги, не признавали игорныхъ долговъ и даже заставляли возвращать выигранныя деньги. Сдѣлавшись менѣе строгими при Юстиніанѣ, они опредѣляли однакоже, чтобъ ставка въ дозволенныя игры никогда не превышала одной золотой монеты, и обязывали полицію наблюдать, чтобъ всѣ деньги, проигрываемыя въ азартныя игры, были конфискованы и обращаемы на публичныя работы. Такіе же законы были часто постановляемы многими франкскими королями: такъ *Карль-Великій* въ своихъ Капитуляріяхъ, строго запрещаетъ всякую азартную игру и нарушителя подвергаетъ отлученію отъ церкви.

Въ эпоху крестовыхъ походовъ, по свидѣтельству лѣтописей и современныхъ писателей, страсть въ азартной игрѣ развилась въ огромныхъ размѣрахъ; даже духовныя лица предавались ей съ каинимъ-то неистовствомъ, такъ что Лудовигъ VIII, съ согласія вно-

ныхъ духовныхъ сановниковъ и папъ, издавъ противъ игроковъ самыя жестокия постановленія. Рыцари въ дни перемирія занимались только игрою въ кости, проигрывали даже свои владѣнія и земли, гдѣ оставались ихъ жены и семейства. При *Карлѣ VI*, игра во Франціи была въ страшномъ разгарѣ, и въ томъ самомъ дворцѣ, откуда исходили противъ игроковъ самыя строгіе законы, шутъ короля въ 1391 году изобрѣлъ особаго рода карты для развлеченія своего несчастнаго, безумнаго государя.

Жакминъ Гренонеръ, королевскій шутъ и живописецъ, не изобрѣлъ, какъ многіе полагаютъ, карты, но только измѣнилъ ихъ. Начало картъ теряется во мракѣ вѣковъ; онѣ были извѣстны въ Китаѣ, задолго до Рождества Христова, вырѣзывались на дощечкахъ и разрисовывались разными красками. Во Франціи карты были въ употребленіи еще въ началѣ XIII вѣка. Это видно изъ одного постановленія *Людвика-Святаго*, изданнаго въ Парижѣ въ 1234 году, по которому всѣ играющіе въ карты осуждались на публичное наказаніе розгами. Но кажется, постановленіе это вопреки, а даже, можетъ быть, и въ слѣдствіе своей излишней строгости, оставалось безъ исполненія; этому служитъ доказательствомъ эдиктъ Карла V отъ 1369 года, которымъ запрещались многія изъ азартныхъ игръ.

Карты, употребляемыя нынѣ, были изобрѣтены или, вѣрнѣе, усовершенствованы въ послѣдней половинѣ XIV столѣтія. Карты добряка *Гренонера* имѣли до 92 сантиметровъ длины, и потому были неудобны для игры; впрочемъ, цѣль Гренонера была совсѣмъ другая; онъ даже и не помышлялъ о томъ, чтобъ его карты были пригодны для игры, а хотѣлъ только развлечь ими своего бѣднаго короля. На картахъ Гренонера, состоявшихъ изъ фигуръ, тузовъ и восьмерки, только одинъ бубновый король, изображавшій короля Карла VI, имѣлъ королевскую корону, въ той формѣ, какая въ то время была принята для нея (*); всѣ другіе короли имѣли короны герцогскія. Валеты изображали вліятельныхъ въ ту эпоху придворныхъ, дамы—фрейлннъ королевъ; а *тиковая дама*, имѣвшая на головѣ высокую шапку и надъ нею корону, а на ногахъ, вмѣсто пальцевъ, дьявольскіе когти, изображала королеву Изабеллу Баварскую (*Isabeau de Bavière*).

Другіе сдѣлали то, что не входило въ соображенія бѣднаго шута; около этого же времени въ Парижѣ отель Нельскій (*Hotel de Nesle*) сдѣлался мѣстомъ, гдѣ въ первый разъ стали употреблять для азартной игры карты, изобрѣтенныя Гренонеромъ, из-

(*) Нынѣшняя форма королевскихъ и императорскихъ коронъ принята гораздо позже, именно при Карлѣ VIII, и около этого же времени вошло въ употребленіе говорить императорамъ и королямъ: ваше величество.

гѣннѣ ихъ форму и дополнивъ самую числительность картъ до двойки. Отель этотъ скоро сдѣлался притономъ разврата всѣхъ возможныхъ чувственныхъ наслажденій и явнаго мошенничества; игра шла въ немъ самая адская и онъ сдѣлался непрощемъ страшныхъ сценъ и кровавыхъ катастрофъ.

Нѣсколько вѣковъ спустя, картамъ, которыя успѣли уже распространиться повсюду и овладѣли всѣмъ обществомъ, пытались придать особенное значеніе, увѣряя, что онѣ скрываютъ въ себѣ аллегорическій смыслъ и были изобрѣтены съ благою цѣлью. Почтенные отцы іезуиты приняли на себя трудъ доказать это, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ поддерживали свою мысль:

«*Тузъ* (*As*), полатыни означаетъ монету; тузы почти во всѣхъ играхъ имѣютъ преимущество даже предъ королями, и это означаетъ, что деньги составляютъ главную основу государственнаго благосостоянія; что онѣ особенно нужны во время войны, такъ-что если король не имѣетъ денегъ, то могущество его ничтожно.

«*Масть трѣфовая*—трава (*le trefle*—трилистникъ), растущая въ изобиліи на всѣхъ поляхъ, напоминаетъ, что искусный и опытный полководецъ никогда не долженъ располагать свою армію тамъ, гдѣ предвидится недостатокъ въ продовольствіи и въ подножномъ кормѣ.

«*Пики* (*Les Piques*) и *бубны* (*Les Carreaux*) обозначаютъ, что для успѣха войны, арсеналы и вообще военныя склады должны быть хорошо снабжены всякаго рода оружіемъ. Всѣмъ извѣстно, что такое *пики* и какое это оружіе; что же касается до масти бубновой, пофранцузски *Les Carreaux*, то это въ старину были тяжелыя стрѣлы съ четырехугольнымъ желѣзнымъ наконечникомъ.

«*Черви*, пофранцузски *Les Coeurs*, обозначаютъ мужество и храбрость вождей и воиновъ. *Давидъ*, *Александръ*, *Цезарь* и *Карлъ-Великій* стоятъ во главѣ каждой масти и свидѣтельствуютъ, что какъ бы ни были храбры и мужественны войска, имъ необходимы мудрые и опытные предводители. Жизнь этихъ предводителей драгоцѣнна; надобно всячески стараться, чтобъ они не попали въ руки непріятеля; поэтому въ пикетъ и другихъ играхъ необходимо оставлять при короляхъ другія карты той же масти, въ родѣ ассистентовъ, чтобъ короли, будучи одиноки, не погибли.

«*Анаграма Аргина* (*Argine*), названіе трѣфовой дамы, означаетъ *Regina*, т.-е. королева — это *Марія Амбуйская*, супруга Карла VII. *Рашель*, дама бубновая—*Агнеса Сорель*; *Паласа* (*Palas*), дама пиковая—*Іоанна д'Аркъ*; наконецъ, *Іудифъ* (*Judith*), дама червоная — царица сердецъ, *Изабелла баварская*, супруга Карла VI».

«Валеты *кочевой* и *трефовый* изображаютъ: первый—*Оазисъ*, второй—*Ланселота*, двухъ храбрыхъ рыцарей Карла-Великаго. *Лаярь*—валетъ червонный и *Гекторъ*—валетъ бубновый, два великіе полководца Карла VII. Эти четыре валега изображаютъ тоже древнее французское дворянство; прочія затѣмъ карты, отъ десятки до двойки—простыхъ вонновъ и народъ».

Изъ этого слѣдуетъ, что почтенные отцы іезуиты были на всѣ руки, и въ глубокихъ своихъ изысканіяхъ не ограничивались только одними религіозными предметами.

При *Генрихѣ III*, послѣднемъ изъ дома Валуа, всѣ строгія постановленія противъ азартныхъ игръ предшественниковъ его, Карла VIII и даже Карла IX, его роднаго брата, оставались мертвою буквою. Самъ король страстно любилъ игру, а министры его усердно въ томъ ему потворствовали и проводили цѣлыя ночи въ Луврѣ за картами.

Генрихъ IV, этотъ столь мудрый и бережливый король, *Марія Медичи*, герцоги *Гизъ*, *д'Эпернонъ*, *Жуаньи*, *Бассомтьеръ* (*) были страстными любителями игры. Самъ король потворствовалъ этой страсти, и всѣ эти гордые и важные вельможи, такъ величавшіеся своими громкими именами и феодальными правами, не стыдились унижаться до того, что явно плутовали и употребляли всевозможныя шулерскія уловки, чтобъ обыграть своего противника.

Кардиналъ Мазарини примѣромъ своимъ поддерживалъ при дворѣ регентши Анны Австрійской самую чудовищную игру, строго запрещенную незадолго предъ тѣмъ королемъ Людовикомъ XIII. Онъ даже самъ выдумалъ новую игру хокъ (Нос). Скупой и жадный въ деньгамъ до скаредности, онъ проигрывалъ огромныя суммы, разумѣется, не свои собственныя, а деньги Франціи, и въ то же время заставлялъ малолѣтнаго Людовика XIV, въ его сенжерменскомъ дворцѣ, нуждаться въ самомъ необходимѣйшемъ, даже въ обуви. Мазарини былъ извѣстенъ, какъ самый отвѣщенный шулеръ; всѣ придворные, толпившіеся каждый вечеръ въ его гостинныхъ, знали это; но какъ въ его рукахъ была вся власть, то всѣ они подличали предъ нимъ и проигрывали ему свои деньги, въ надеждѣ получить потомъ разныя выгодныя и значительныя мѣста (**).

При Людовикѣ XIV игра при дворѣ и въ высшихъ кругахъ общества шла своимъ чередомъ. При дворѣ были назначены особые дни, въ которые вся толпа придворныхъ собиралась на по-

(*) Записки *Бассомтьера* и *Сюлли*.

(**) Мемуары герцогини де-Шеврѣзъ.

ловину королевы. Дни эти назывались *Le jeu de la Reine*; тамъ играли въ *триктракъ*, который особенно любилъ король, въ *бакара*, родъ ландскнехта, въ *биреби*—подобіе рулетки, только безъ колеса, которое замѣнялъ мѣшокъ съ нумерами, число конкъ составляло 68, и выигравшій, т.-е. угадавшій какой нибудь номеръ, получалъ въ 64 раза болѣе своей ставки, всѣ остальные проигрывали. Кромѣ этихъ азартныхъ игръ, играли и въ другія, и въ томъ числѣ въ *ландскнехтъ*. Эту игру въ особенности любили королевскіе мускетеры, и тогдашній ландскнехтъ былъ гораздо сложнѣе нынѣшняго (*). Впослѣдствіи министръ Кольберъ запретилъ ее, она долго была въ забвеніи, и только въ наше время опять вошла въ употребленіе, значительно измѣненная.

Нельзя сказать, чтобъ даже при дворѣ игра была всегда чиста; всѣ эти герцоги, маркизы, графы и виконты одни передъ другими плутовали на славу.

По обычаю и церемоніалу того времени, ко двору французскому имѣли право быть представлены всѣ дворяне, доказавшіе свое дворянство до 1399 года—эпохи, въ которую послѣдовало первое возведеніе въ это достоинство властію короля. Дворянство это называлось *Noblesse d'ancienne Roche*, и всѣ его представители имѣли право, какъ тогда выражались, *monter dans les Carrosses du Roi*. Желаніе быть представленными королю и имѣть право во всякое время, безъ особаго приглашенія, посѣщать дворъ, составляло для провинціального дворянства лакомую приманку. Со всѣхъ концовъ Франціи дворяне эти съѣзжались въ Парижъ и въ Версаль, чтобъ имѣть счастье лицезрѣть великаго *солнце-короля*. Тамъ-то, въ разолоченныхъ салонахъ Версаля и въ аристократическихъ отеляхъ Парижа, увлекаясь общимъ примѣромъ, дворяне эти играли и часто проигрывали огромныя суммы, которыя должны были пополнять несчастные ихъ вассалы, жившіе на ихъ земляхъ. Случалось часто, что какой нибудь проигравшійся въ пухъ маркизъ или виконтъ возвращался въ свой наслѣдственный замокъ, не имѣя въ карманѣ ни одного ливра, и тотчасъ же облагалъ своихъ бѣдныхъ, почти совершенно разоренныхъ крестьянъ новыми налогами и податями, не обращая вниманія на то, что этимъ несчастнымъ часто не оставалось чѣмъ прокормить свою семью.

Лудовикъ XIV, помня времена фронды, всегда стремился къ тому, чтобы въ высшемъ французскомъ дворянствѣ уничтожить тотъ духъ феодализма, который еще таился въ немъ. Прежде него *Лудовикъ XI* и *Ричилье* также пытались достигнуть этого,

(*) Мемуары герцога Сен-Симона..

и для приведенія въ исполненіе своего плана прибѣгали къ събирѣ палача, скошившей столько знаменитѣйшихъ головъ Франціи. Лудовикъ XIV употребилъ другое средство, не столь жестокое: онъ задумалъ изъ прежнихъ непокорныхъ и гордыхъ феодаловъ сдѣлать придворныхъ. Великолѣпіемъ своего двора, разными почетными и чисто номинальными должностями при своей особѣ, дававшими особня права и почести тѣмъ, кто носилъ ихъ, раздачею титуловъ и орденовъ, льстившихъ тщеславію, часто даже деньгами, привлекъ онъ въ Версаль несметную толпу этихъ нобилей, которые ожидали всего только отъ его прихоти и милостей. Скоро посреди пышныхъ и великолѣпныхъ праздниковъ Версаля и Марли и разныхъ интригъ, неразлучныхъ съ жизнію при дворѣ, забыли они о своихъ уединенныхъ, часто неудобныхъ для житья феодальныхъ замковъ и о правахъ, соединенныхъ съ ними, и сдѣлались во всей силѣ слова придворною челядью. Пробѣгая записки и мемуары того времени, дивишься, до какой степени упало это гордое французское дворянство, еще не такъ давно ставившее себя выше всѣхъ. Какими пошлыми мелочами оно занималось, сколько низостей и всякаго рода подлыхъ интригъ употребляло, чтобъ добиться какого нибудь значительнаго мѣста при дворѣ или удостоиться ласковаго взгляда или слова, не только отъ короля, но и его фаворитокъ. Не было такого низкаго поступка, на который не рѣшился бы почти всякій герцогъ, маркизъ или графъ, чтобъ имѣть возможность закусить лапу въ королевскую казну или добыть во что бы то ни стало какъ можно болѣе денегъ; а какъ игра представляла къ тому иногда легкій способъ, особенно при разныхъ шулерскихъ продѣлкахъ, которыми не гнушался почти никто, то всѣ они, отъ перваго до послѣдняго, предавались игрѣ съ неистовствомъ. Огромные долги обременяли почти все тогдашнее высшее французское дворянство, и тотъ, кто успѣвалъ приобрести благосклонность или милость, сначала *маркизы де-Монтеспанъ*, а потомъ *маркизы Ментенонъ*, фаворитокъ короля, на того сыпались и почести, и ордена, и титула, и деньги, которыя большею частью пожирались игрою.

При старости Лудовика XIV, игра въ Парижѣ приняла самые страшные размѣры въ разныхъ клубахъ, которые были учреждены единственно для азартной игры. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ *клубъ Тампьеровъ*, гдѣ главными членами были знаменитѣйшіе вельможи двора: *герцогъ Грамонъ*, *кавалеръ де-Гизъ*, потомокъ знаменитаго Гиза, прозваннаго *le Balafre*, начальника лиги при Генрихѣ III, *герцогъ Витри*, *Манюканъ*, геркулесъ по тѣлосложенію и бездонная бочка, въ которую можно было лить

сколько угодно вина, и многіе другіе. Клубъ этотъ, гдѣ царствовала самая нечестная игра, пьянство и самый циническій развратъ, обратилъ, наконецъ, на себя вниманіе правительства, и не повелѣнію короля его велѣно было закрыть, а члены его были на нѣкоторое время удалены отъ двора; кавалеръ Гизъ, о которомъ мы упомянули, гордился титуломъ перваго развратника своего времени, и дѣйствительно былъ какой-то воплощенный дьяволъ. Это тотъ самый Гизъ, который принималъ участіе въ революціи, вспыхнувшей въ Неаполѣ и возведшей на тронъ *рибака Мазанило*. Гизъ мечталъ, что самъ достигнетъ короны. Этого же Гиза общая молва обвиняла въ отравленіи *Генриэтты*, вдовствующей королевы, супруги несчастнаго Карла I авглійскаго; но какъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ *великому дофину* (*Le Grand Dauphin*) и его любимцемъ, то покровительство этого принца избавляло его отъ преслѣдованій.

Извѣстно, что Лудовикъ XIV уснобилъ всѣхъ своихъ побочныхъ дѣтей, которыхъ имѣлъ отъ *герцогини Лавальеръ* и *маркизы Монтеспанъ*. Всѣ они носили титуло принцевъ крови и названіе *Enfants de France*. Первый изъ нихъ по времени рожденія былъ *графъ Вермандуа*, сынъ Лавальеръ; сходство его съ королемъ было изумительное. Этотъ молодой человекъ, прекрасный по наружности и по качествамъ души, былъ ненавидимъ и дофиномъ, и маркизой Ментенонъ, сосредоточившей всю свою любовь на другомъ побочномъ сынѣ короля, *герцогѣ Менскомъ* (*Duc de Maine*), отъ маркизы Монтеспанъ (*), у которой она была наставницею при дѣтяхъ и носила скромный титулъ *вдовы Окаромъ*. Дофинъ и маркиза Ментенонъ употребили всѣ средства, чтобъ очернить въ глазахъ короля графа Вермандуа, котораго онъ любилъ нѣжно. Гизъ взялся посвятить его во всѣ таинства разврата, и до того успѣлъ своею вкрадчивостью и истинно дьявольскою хитростью овладѣть несчастнымъ принцемъ, что тотъ въ продолженіе нѣкотораго времени совершенно подчинился его вліянію. Гизъ научилъ его играть въ карты и пьянствовать, и однажды увелъ его, почти насильно, въ клубъ Тампьеровъ. Тамъ, окруженный всякаго рода соблазнами, графъ Вермандуа, по примѣру другихъ членовъ, пилъ безъ мѣры — къ вину подмѣшали какое-то зелье, и принцъ, отуманенный винными парами, былъ приглашенъ попробовать счастья. Можно себѣ представить, чтó изъ этого послѣдовало: принцъ игралъ цѣлую ночь, пока не свалился подъ столъ и проигралъ *милліонъ лировъ*. Объ этомъ скандалѣ постарались довести до свѣдѣнія короля, и графъ Вермандуа былъ

(*) Замски герцога Сен-Симона, Ришелье и другихъ.

сосланъ въ Фонтенебло, куда повременамъ наѣзжалъ и дофинъ. Тамъ оба принца встрѣтились въ паркѣ, между ними завязалась ссора, которая кончилась пощечиной, данной графомъ дофину.

Дофинъ бросился къ королю и принесъ формальную жалобу за нанесенное оскорбленіе ему, наследнику престола Франціи. Людовикъ XIV былъ поставленъ въ страшное положеніе, не зная, что дѣлать. Дофинъ требовалъ примѣрнаго наказанія и не отступалъ отъ своей жалобы, несмотря на всѣ убѣжденія короля оставить это дѣло въ тайнѣ. Но дофинъ зналъ, что подобное обстоятельство не могло остаться въ тайнѣ и непременно разнеслось бы нрѣ дворѣ. Драться на дуэли онъ не соглашался, какъ первый принцъ крови, а болѣе изъ трусости, несмотря на вызовъ графа Вермандуа.

Собрали тайный совѣтъ, въ которомъ приняли участіе король, дофинъ, маркиза Ментенонъ, графъ Лувау и отецъ Лажезъ, духовникъ королевскій. Госпожа Ментенонъ и Лувау настаивали на смертной казни, но король не соглашался, въ этомъ поддерживалъ его и Лажезъ. Но надобно было чѣмъ нибудь кончить это щекотливое дѣло. Тогда, по совѣту Лувау, рѣшили послать графа Вермандуа въ армию, сражавшуюся противъ испанцевъ, чтобы тамъ въ какой нибудь стычкѣ онъ могъ быть убитъ. Въ самомъ же дѣлѣ между Лувау и королемъ было условлено только объявить, что принцъ убитъ и обречь его на вѣчное заточеніе. Порученіе это, по выбору Лувау, было дано кавалеру Гизу, который вмѣстѣ съ принцемъ, какъ участника въ скандалѣ, случившемся въ клубѣ Тамплиеровъ, и какъ опальный, отправился въ армию. Вскорѣ при дворѣ было объявлено, что графъ Вермандуа въ одной стычкѣ убитъ; въ самомъ же дѣлѣ Гизъ, согласно данной ему инструкціи, отвезъ принца на островъ св. Маргариты и передалъ его въ руки губернатора Сен-Марса. Вотъ по новейшимъ изысканіямъ или, лучше сказать, предположеніямъ, разгадка тайны—*железной маски* (*).

Въ эпоху регенства Филиппа Орлеанскаго, игра въ карты и восты нисколько не ослабѣла; ей предавались, особенно придворные, съ такимъ же увлеченіемъ и страстью, какъ и прежде. Скоро однакоже другаго рода игра, не менѣе азартная, овладѣла массою парижской публики и всею Франціей.

Продолжительное, болѣе полуцѣловое царствованіе Людовика XIV; огромные расходы, употребленные имъ на построеніе Вер-

(*) *Jacob Bibliophile: Le Comte de Vermandois.* Подъ этимъ названіемъ есть романъ, но въ немъ нѣтъ ни слова о железной маскѣ. Въ 1853 году нѣтъ случайно попалась въ Дижонъ небольшая брошюрка подъ этимъ же названіемъ и того же автора, на которую мы и ссылаемся.

сали и Марли; необыкновенная пышность двора; ненасытная жадность придворныхъ, считавшихъ государственную казну какъ-бы своею собственностью; неспособность министровъ вослѣ Кольбера; потворство ихъ всѣмъ, кто имѣлъ при дворѣ значеніе; несчастныя войны, ознаменовавшія послѣдніе годы царствованія великаго короля, наконецъ отмѣна *нантскаго эдикта*, лишившая Францію до миліона самыхъ трудолюбивыхъ и полезныхъ своими ремеслами гражданъ—все это разстроило до чрезвычайности финансы и ставило одну изъ древнѣйшихъ монархію Европы въ самое затруднительное, почти безвыходное положеніе.

Филиппъ Орлеанскій былъ человекъ большого ума, проникательный и съ блестящими способностями, но видѣвъ съ тѣмъ лѣтнимъ, безпечный и развратный; преданный всѣмъ чувственнымъ наслажденіямъ и даже страсти къ вину; онъ большую часть своего времени проводилъ въ шумныхъ оргіяхъ, окруженный своими любовницами и короткими друзьями, напругавшими всѣ свои умственные способности, чтобъ придумать какое нибудь новое, еще неиспытанное наслажденіе, какъ бы уродливо и безнравственно оно ни было. Понявша, что при такихъ условіяхъ онъ, и еще болѣе его развратный министръ *аббатъ Дюбуа*, не были въ состояніи поправить разстроенныя дѣла Франціи. Скоро въ государственной казнѣ не оказалось денегъ для покрытія самыхъ необходимыхъ потребностей монархіи; дефицитъ все увеличивался въ ужасающихъ размѣрахъ и угрожалъ совершеннымъ банкротствомъ.

Тогда ко двору регента явился шотландецъ *Лоу* и предложилъ ему новую финансовую систему, состоявшую въ основаніи частнаго банка, выпускѣ асигнацій и учрежденіи миссисипійской компаніи на акціяхъ. Предложеніе его было принято. Вся Франція какъ-бы ошалѣла, всѣ съ невѣроятнымъ безуміемъ бросились пріобрѣтати асигнаціи и акціи, и цѣны на нихъ поднялись до чудовищныхъ размѣровъ. Улица *Квинсапройхъ* (*Quincaiproix*), гдѣ продавались акціи и находился Лоу, съ разсвѣта до полуночи была запружена народомъ; тамъ происходили страшныя сцены, и улица эта сдѣлалась мѣстомъ воровства, грабежа и даже убійствъ. Скоро однакоже горячка эта простыла, нѣкоторые изъ болѣе благоразумныхъ владѣтелей асигнацій и акцій стали сбывать ихъ, онѣ начали падать, падали съ невѣроятной быстротой, всѣ во что бы то ни стало, старались продать ихъ, и онѣ упали наконецъ совершенно. Ужасъ объялъ всѣхъ, всѣмъ грозило вечное разореніе. Лоу, преслѣдуемый всеобщою ненавистью, долженъ былъ бѣжать, и финансовыя дѣла Франціи пришли еще въ худшее чѣмъ прежде положеніе.

Итакъ, какую бы форму ни приняла игра—форму вартъ, востей или биржевыхъ спекуляцій—натура человѣческая, жадная къ приобрѣтенію, всегда предается ей съ необузданною страстью.

Въ царствованіе Лудовика XV, игра продолжала свирѣствовать при дворѣ, но уже не съ такою силой. Большая часть дворянства разорилась въ конецъ отъ спекуляцій, которымъ предалось съ такимъ безумнымъ увлеченіемъ при Лоу; огромные долги обременяли почти всѣхъ, кредитъ совершенно пропалъ, ростовщики отдавали свои деньги за чудовищные проценты и то не иначе, какъ съ самымъ вѣрнымъ обезпеченіемъ. Король былъ скупенъ, и рѣдко удѣлялъ своимъ придворнымъ какую-нибудь ленту изъ государственной казны, которая была крайне истощена. Къ тому же ему самому были нужны деньги. *Герцогиня Шатору, маркиза Помпадуръ и графиня дю-Бари*—этого триумвиратъ котлионовъ или юбокъ, какъ называлъ его Фридрихъ-Великій—столпи ему недешево, а потомъ знаменитый *Parc aux cerfs* поглотилъ невѣроятныя суммы. Французская монархія видимо шла къ своей гибели; народъ, обремененный страшными налогами, начиналъ уже роптать; развратъ охватилъ все общество; всѣ религиозныя понятія были извращены; множество книгъ и сочиненій, проникнутыхъ духомъ отрицанія всего святого и полныя новыхъ идей о гражданскомъ устройствѣ общества, стали появляться повсюду, и въ такомъ-то положеніи корона Франціи досталась честному, доброму, благородному, но слабому по характеру Лудовику XVI.

Король своимъ примѣромъ старался, сколько могъ, ослабить игру при своемъ дворѣ. Самъ онъ никогда не игралъ иначе, какъ только въ коммерческія игры и по самой низкой цѣнѣ; азартная же игра была совершенно изгнана изъ версальскаго дворца. Но зато въ Парижѣ расплодилось множество клубовъ и кофеенъ, гдѣ игра эта царствовала попрежнему. Въ это время пѣвчо *Азонъ* изобрѣлъ *Trente et Quarante* и устроилъ въ Парижѣ въ старинномъ суассонскомъ отелѣ родъ клуба, называвшагося *Cercle*, куда собирались всѣ отъявленные игроки и люди страстные къ игрѣ и жаждавшіе обогащенія. Въ этомъ притонѣ и другихъ подобныхъ ему игорныхъ домахъ не было никакого надзора со стороны полиціи. Въмѣсто ея были *собаки* (*Les chiens*). Такъ назывались люди, большею частью изъ отставныхъ военныхъ авантюристовъ—бретѣровъ, для которыхъ дуэль была ремесломъ. *Собаки* эти состояли на жалованьѣ содержателя клуба, и были обязаны по мановенію своего патрона затѣвать ссоры съ посѣтителями, жаловавшимися и кричавшими, что ихъ обыграли навѣрное. Случалось даже, что этимъ бывшимъ служителямъ Марса поручалось иногда *заставить замолчать* безпокойна-

го игрова и собаки распорядились такъ, что тотъ *умоляла на-себѣ*.

Но надъ Франціей висѣла уже грозная туча; долго собиралась она, чревата всѣми неправдами, всѣми притѣсненіями, которыя терпѣлъ народъ въ теченіе почти 1,000 лѣтъ, и наконецъ разразилась страшною бурей, сокрушившею въ своемъ вихрѣ все: и прежній порядокъ, и законы, и религію, и самый тронъ.

Конституція 1791 года возобновила, относительно азартныхъ игръ и фальшивыхъ игроковъ, нѣкоторыя изъ постановленій падшей монархіи, и со стороны полиціи были приняты довольно строгія мѣры надзора за игорными домами; но несмотря на всю бдительность полиціи, дома эти продолжали процвѣтать и умножались безпрестанно. Тогда, для уничтоженія этихъ тайныхъ притоновъ игры и всякаго разврата, признали нужнымъ допустить учрежденіе публичныхъ игорныхъ домовъ, гдѣ игра производилась бы по-крайней-мѣрѣ безъ фальши, подъ надзоромъ правительства.

Братья *Перены* изъ Ліона были первые, которымъ парижская коммуна (la Commune), съ разрѣшенія правительства, отдала на откупъ игорные дома. Въ Пале-Роялѣ, по галереѣ Валуа, были открыты богатые казино, освѣщенные при входѣ фонарями, на которыхъ были выставлены крупными красными цифрами номера 9, 113 и 151. Номеръ 113 былъ тотъ, гдѣ велась самая высокая игра. Кромѣ Пале-Рояля, *академіи игры* (Academies du jeu), какъ онѣ назывались тогда, были открыты и въ другихъ частяхъ города. Извѣстнѣйшія изъ нихъ были *Фраскати* и академія *Ферральской набережной* (Quai de Ferraille). Эта послѣдняя была учреждена собственно для низшаго класса публики и въ ней допускалась ставка въ *пять су*, немного болѣе нашихъ пяти копеекъ. Туда собирався во множествѣ весь обрванный людъ Парижа. Братья Перены были также первые, которые ввели въ эти игорные дома *рулетку*, главною же игрою въ нихъ была *Trente et Quarante*.

Эти Перены, имѣвшіе у себя на откупъ всѣ игорные дома Парижа до 1817 года, оставили свое ремесло, наживъ огромное состояніе и удалились на родину. Въ этомъ году право на содержаніе игорныхъ домовъ было отдано компаніи, во главѣ которой стояли *Беназе* и *Брисоль*, съ обязанностью платить городу 6 миліоновъ франковъ, кромѣ того отдавать въ его же пользу *десять трети съ чистого выигрыша*. При такихъ условіяхъ надзоръ полиціи былъ уже очень слабъ. Въ игорныхъ казино, гдѣ прежде не допускались никакія особенныя привилегіи, явились разнаго рода угощенія и толпа женщинъ извѣстнаго ремесла, привлекавшихъ

своею часто поддѣльною красотою толпы молодыхъ и даже пожилыхъ людей. Игра закипѣла съ ужасающею яростью, и эти, можно сказать, адскіе притоны, арена самой необузданнѣйшей изъ страстей человѣческихъ, бывали часто мѣстомъ страшныхъ катастрофъ и конечнаго разоренія многихъ тысячъ семействъ.

Зло это достигло наконецъ такихъ размѣровъ, что испугало правительство и въ 1838 году, по предложенію герцога *Лоршоффуко*, король *Людвигъ-Филиппъ*, декретомъ отъ 1 января, закрылъ въ Парижѣ и во всей Франціи всѣ игорные дома и запретилъ всякаго рода азартныя игры. Еще прежде, закономъ отъ 21 мая 1836 года, были уничтожены во Франціи всякаго рода лотереи.

Хотя эту энергической мѣрой горячка игры и была нѣкоторымъ образомъ остановлена и прервана, но не излечена совершенно. Болѣзнь измѣнила только форму. Страсть къ пріобрѣтенію и жажда денегъ заставили обратиться въ другую сторону и биржа сдѣлалась мѣстомъ, гдѣ закипѣла игра въ другомъ видѣ и въ гораздо большихъ противъ прежняго размѣрахъ. Кромѣ того, уничтоженіе публичныхъ игорныхъ домовъ повело и къ другой бѣдѣ. Въ Парижѣ опять появилось множество тайныхъ притоновъ (*des tripots de jeu*), содержательницами которыхъ сдѣлались тѣ же самыя прелестницы, которыя служили одною изъ приманокъ для посѣтителей знаменитаго 113 нумера въ Пале-Рояль. Эти новыя *Аспазии* и *Лаисы* окружили себя людьми, посвященными во всѣ таинства игры и во всѣ плутни шулерства, которые съ помощію впроленныхъ картъ и фальшивыхъ костей обыгрывали всѣхъ, кто только попадался имъ. Этимъ почтеннымъ господамъ дано въ Парижѣ названіе *Грековъ* (*les Grecs*), и число ихъ расплодилось теперь до невѣроятности, такъ что находясь даже въ порядочномъ домѣ, рискуешь попасть на когонибудь изъ нихъ, и даже не играя ни въ какую другую игру, кромѣ коммерческой. Зло отъ этихъ грековъ и тайныхъ притоновъ игры такъ распространилось и такъ велико, что въ Парижѣ начинаютъ уже поговаривать, не будетъ ли лучше опять допустить публичные игорные дома.

До сихъ поръ мы говорили большею частью о Франціи; но былъ другой городъ и другая страна, гдѣ азартныя игры свирѣпствовали съ страшною силой. Городъ этотъ—*Венеція*. Виродженіе всего XVII и XVIII вѣковъ, Венеція была мѣстомъ, куда стремилось все, что хотѣло пожить весело и пріятно и что имѣло деньги—словомъ, Венеція была тогда то, что теперь Парижъ.

Правительство венеціанское, таинственное, мрачное, подозрительное и неумолимое въ отношеніи политическомъ, было чрезвычайно снисходительно во всѣхъ другихъ дѣлахъ и нигдѣ нель-

за было жить такъ весело и свободно, какъ въ Венеціи. Множество торжественныхъ праздниковъ, полныхъ роскоши и великолѣпной обстановки, какъ наприимѣръ, *обрученіе Дожа съ Адриатической*, происходившее всегда въ день Вознесенія; громадный *Буцентавръ*—корабль, блиставшій золотомъ и парчами, на которомъ дожъ, въ сопровожденіи всѣхъ нобилей, великаго совѣта и посланниковъ иностранныхъ державъ, отправлялся въ Адриатику бросать въ ея волны обручальное кольцо; знаменитый *венеціанскій карнавалъ*, о которомъ теперь нѣтъ и помину, веселые *резины* или гонки гондолъ, серенады, пышныя иллюминаціи, фейерверки; очаровательныя, полныя граціи и страстнаго пыла женщины; площадь св. Марка—эта великолѣпнѣйшая въ мірѣ зала, съ ирмориными и порфиловыми помостами, съ базиликой св. Марка и дивными созданіями геніевъ *Сансовето* и *Палладіо*, которые служатъ ей вмѣсто стѣнъ, съ голубымъ безпредѣльнымъ итальянскимъ небомъ вмѣсто потолка; умоительныя лунныя ночи, подобныхъ которымъ цѣтъ даже въ Неаполѣ—все это влекло въ Венецію тысячи путешественниковъ со всѣхъ концовъ стараго и даже новаго свѣта. Маска, владичествовавшая въ Венеціи, допускала между всѣми опасное равенство. Всѣ носили маску, подъ маской каждый былъ совершенно безопасенъ; полиція, не уважавшая почти ничего, уважала маску; оскорбить маску считалось преступленіемъ и наказывалось строго. Тамъ, въ этой поэтической чудной Венеціи, составлявшей какъ-бы отдѣльный міръ, брошенный въ средину моря; тамъ, гдѣ страшный Совѣтъ десяти и три таинственныя инквизитора наблюдали неусыпно за всѣмъ и знали нетолько что дѣлается, но и что думается—была полная свобода для всякаго разгула. И тамъ-то, посреди полуазиатской роскоши, подъ чуднымъ небомъ Италіи, страшная язва общества, азартная игра, нашла себѣ широкій пріютъ.

На площади св. Марка, въ залахъ подъ галереями старыхъ и новыхъ прокурацій, былъ устроенъ рядъ великолѣпныхъ *казино*, гдѣ публично метали банкъ и держали другія азартныя игры. Всевозможные соблазны и приманки были собраны тамъ; груды золота, кипрскія вины, прелестныя женщины, цѣтъ знаменитѣйшихъ венеціанскихъ прелестницъ—все это было къ услугамъ посятителей. Маска прикрывала лица всѣхъ, кромѣ банкометовъ, и часто въ эту играющую толпу, подъ эгидой маски, вмѣшивалась важная фигура какого-нибудь сенатора и даже члена страшнаго Совѣта десяти и понтиривала не хуже другихъ. Игра шла тамъ самая ужасная, самая адская; золотыя севины и червонцы своимъ одурѣвающимъ звукомъ производили на всѣхъ какое-то невыразимое обаяніе. Тамъ, въ этихъ позлащенныхъ *казино*, въ этихъ

притонахъ всякаго разврата и всѣхъ возможныхъ чувственныхъ обольщеній, проигрывались милльоны (*).

Наконецъ правительство республики само было приведено въ ужась тѣмъ развитіемъ, какое приняла игра, и декретомъ великаго Совѣта азартныя игры были запрещены вездѣ—кромя одного мѣста.

На площади, небольшой площадкѣ противъ самаго дожескаго дворца, возвышаются двѣ колонны св. Марка и св. Феодора. Между этими колоннами предавались казни—повѣшеніемъ всѣ неполитическіе преступники, воры, грабители и разбойники. Это было царство палача. Тамъ-то, между этими двумя колоннами, по опредѣленію великаго Совѣта, было единственное мѣсто, гдѣ допускалась азартная игра, въ томъ предположеніи, что никто не рѣшится играть на такомъ позорномъ мѣстѣ. Но на этотъ разъ столь знаменитая и извѣстная мудрость великаго Совѣта ошиблась. На другой же день послѣ декрета, между колоннами появились золотыя столы съ горами золота, за которыми совершенно спокойно, безъ маски, сидѣли банкометы съ картами въ рукахъ. Несметная толпа въ маскахъ окружала столы; она покрыла собою всю площадь и тянулась черезъ площадь св. Марка, мимо базилики до часовой башни и даже далѣе въ улицѣ до самаго риальтскаго моста (**). Игра пошла своимъ чередомъ и, казалось, разразилась еще съ большею силой.

Такъ продолжалось до того роковаго дня, въ который пробилъ послѣдній часъ одряхлѣвшей четырнадцативѣковой республики. Кампоформійскій трактатъ сокрушилъ ея самостоятельность. Бонапарте уступилъ завоеванную имъ Венецію Австріи. Несчастный семидесятилѣтній *Луиджи Манинъ*, послѣдній изъ 233 дожей, сложилъ съ своей сѣдой головы герцогскій корно; четыре знаменитые коня, красовавшіяся надъ портикомъ базилики св. Марка, были сняты и увезены французами и оправдали пророчество, что паденіе республики совершится въ тотъ день, когда они сойдутъ съ своего великолѣпнаго пьедестала; австрійскія войска вступили въ Венецію; знамена *Кипра*, *Кандіи* и *Мореи*, развивавшіяся предъ базиликой, уступили мѣсто знамени австрійскому. Венеція опустѣла; всѣ ея великолѣпные праздники, карнавалъ, регаты, серенады, вся ея прежняя пышность сдѣлалась преданіемъ, изъ метрополи могущественной республики сдѣлалась она провинціальнымъ городомъ Австрійской Имперіи, и теперь роскошные, полу-

(*) Записки *Казанова*; рукопись кавалера Саки, книга *Графа Чиколярри: Feste Venetiani*.

(**) *Daru: Histoire de Venise*; рукопись кавалера Саки.

мавританскіе дворцы ея поближе, окаймляющіе большой каналъ, стоять пустыи и унылы; гондольеры не поютъ октавъ Тасса, съ каждымъ годомъ Венеція все надаеъ, и только ея поэтическія лагуны попрежнему плещутся у пиацеты и скіавинской набережной и какъ-бы съ грустію напечатываютъ о прежнемъ величіи своей развѣчанной царицы.

Замѣчательно, что послѣдній дождь Венеціи, *Лудаси Маннъ*, изъ длиннаго ряда дождей былъ *единственный*, который не принадлежалъ къ аристократіи венеціанской, столь славной и древней. Онъ былъ изъ плебейскаго рода, и въ числѣ другихъ такихъ родовъ, въ эпоху разстройства финансовыхъ средствъ республики, былъ, за деньги, внесенъ въ *Золотую книгу*. Другой, довольно странный фактъ поражаетъ всякаго, кто посѣщалъ Венецію. Въ дожевскомъ дворцѣ, въ залахъ *Великаго совета* и *Прегади* (Pregadi), назначенныхъ для портретовъ дождей, оставалось всего только одно мѣсто, и мѣсто это занимаетъ портретъ *послѣдняго дождя*.

Въ Англіи игра была также сильно развита особенно при дворѣ *Карла II Стюарта*; но англичане, часто проигрывающіе своихъ женъ и любовницъ на кровныхъ лошадяхъ, любятъ играть болѣе на континентѣ, а не у себя дома. Вы можете встрѣтить ихъ тысячи въ Баденѣ, Гомбургѣ и другихъ прирейнскихъ мѣстахъ очень усердно поитирующихъ у *trente* и *quarante* и у *рулетки*. Впрочемъ, это только теперь; прежде было не такъ: игра также составляла любимѣйшее занятіе общества и придворныхъ и еще не такъ давно, знаменитый *принцъ-регентъ*, впоследствии *Георгъ IV*, котораго англичане, несмотря на его буйную молодость и разныя проказы, на тысячи самыхъ эксцентричныхъ продѣлокъ, на скандальный процессъ съ королевою *Каролиною Брауншвейскою*, на огромные, можно сказать, баснословные долги, величаютъ громкимъ именемъ *перваго джентльмена міра*—былъ страстный любитель азартной игры и проигрывалъ громадныя суммы.

Въ Испаніи, подавленной столько вѣковъ фанатическимъ изувѣреннымъ духовенствомъ и трепетавшей подъ гнетомъ инквизиціи, было не до игры; однакоже и тамъ игра была въ большомъ ходу, особенно со времени вступленія на испанскій престолъ Бурбоновъ, въ лицѣ Филиппа V, бывшаго принца анжуйскаго, сына Лудовика XIV. Известно, что за этимъ принцемъ послѣдовали въ Мадридъ многіе изъ французскихъ вельможъ, которые принесли съ собою во дворецъ Буэн-Ретирскій и въ Аранжуэцъ нравы и обычаи версальскіе, а съ ними и карточную игру. Впрочемъ, въ испанскомъ народѣ азартныя игры никогда не достигали тѣхъ размѣровъ, до которыхъ онѣ доходили въ другихъ странахъ.

Выше мы сказали, что закрытіе публичныхъ игорныхъ домовъ

въ Парижѣ расплодилось множество тайныхъ притоновъ игры, но доходъ съ этихъ заведеній обогащали только грековъ и ихъ короненькихъ патронесъ. Рыцари *рулетки* и *trente et quarante*, привыкшіе къ огромнымъ барышамъ, оставались въ бездѣйствіи и праздности, теряя даромъ золотое время. Въ такомъ горестномъ положеніи, послѣдніе содержатели публичныхъ банковъ въ Парижѣ, *Беназе* и *Брисоль*, стали думать думу, какъ бы снова ловить на удочку человѣческой людъ и прискаты удобное для этой операціи мѣстечко. Думали-думали, и придумали. Рейвъ, этотъ благодатный, нѣмецкій Рейвъ, на берегахъ коего разсѣено такъ много владѣній мелкихъ нѣмецкихъ князей, въ которыхъ большая часть получала самыя незначительныя доходы, обратился на себя вниманіе благородныхъ спекулянтовъ. Они сѣли въ покойный дормезъ и покатали черезъ Страсбургъ въ Баден-Баденъ, зная, что это мѣсто, по своимъ водамъ, а еще болѣе по очаровательнымъ окрестностямъ привлекало каждый годъ множество путешественниковъ, и гораздо болѣе здоровыхъ чѣмъ больныхъ. Тамъ сдѣлали они правительству самыя выгодныя, самыя щедрныя предложенія, получили привилегію, и *рулетки* съ *trente et quarante* раскрыли свои заманчивыя столы, въ комнатахъ довольно страннаго еще въ то время курзала, и въ Баденъ стало съѣзжаться народу болѣе, чѣмъ въ 20 разъ противъ прежняго.

Въ недалекомъ разстояніи отъ курзала было воздвигнуто новое каменное зданіе, росписанное по одной изъ наружныхъ стѣнъ фресками, изображающими разныя событія изъ исторіи царственнаго баденскаго и дурхахскаго дома и нѣкоторыя народныя легенды. Курзалъ былъ увеличенъ разными пристройками; кругомъ раскинулся прекрасный садъ; отличныя оркестры музыки каждый день играли у курзала; позже труппы французскихъ актеровъ, знаменитыя пѣвцы явились въ Баденъ, устроили скачки—и большая часть этихъ удовольствій доставалась *gratis* насчетъ содержателей банка *великодушныхъ* и *безкорыстныхъ* *Беназе* и *Брисоля*.

Въ городѣ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, выросли огромныя гостиницы и отели со всевозможнымъ комфортомъ, и манили къ себѣ пріѣзжихъ—словомъ, въ Баденъ, куда прежде съѣзжалось много что 7 или 8 тысячъ путешественниковъ, считается теперь дурнымъ и неудачнымъ тотъ сезонъ, въ который не насчитается ихъ 50 или 60 тысячъ (*).

(*) Если намъ не измѣняетъ память, кажется, что въ Баденѣ еще прежде 1838 года существовало что-то въ родѣ игорнаго заведенія, но довольно скромное и далеко не въ томъ размѣрѣ, какой приняла игра съ отдачей ее на откупъ компаніи *Беназе* и *Брисоля*.

Вскорѣ послѣ Бадена, публичная игра была дозволена и открыта въ *Гомбургъ*, *Висбаденъ*, *Ахенъ*, *Спа*, *Пирмонтъ*, *Эмъ*, *Вилденте*, *Нонсайдъ* и наконецъ въ *Женева*, гдѣ Джемсъ *Фази*, пріобрѣтшій столь печальную извѣстность во послѣднихъ событіяхъ и смутамъ въ этомъ городѣ, былъ содержателемъ игорнаго дома, помѣщавшагося въ одномъ изъ принадлежавшихъ ему домовъ.

Съ учрежденіемъ во всѣхъ названныхъ и еще другихъ мѣстахъ публичныхъ игръ, Рейнъ сдѣлался пунктомъ и цѣлью, куда устремились и богатые и бѣдные въ огромныхъ массахъ. Поездненіе всѣхъ этихъ водъ истинно большими отодвинулось уже на второй планъ, до нихъ не было никому никакого дѣла. Многіе изъ принадлежащихъ къ европейской аристократіи, и въ томъ числѣ и русской, избрали нѣкоторые изъ прирейнскихъ городовъ постояннымъ мѣстомъ своего пребыванія, преимущественно же *Баденъ* и *Гомбургъ*; купили себѣ тамъ прекрасныя виллы и дома, въ которыхъ проводятъ большую часть лѣтнаго сезона, наслаждаясь и прекраснымъ умѣреннымъ климатомъ, и очаровательными окрестностями, особенно въ Баденѣ, и избраннымъ обществомъ и всѣми удовольствіями. Конечно, иногда случается, что любезные и столь пріятливыя ко всѣмъ господа *Беназе*, *Брисоль* и *Бламъ*, содержатели банка въ Гомбургѣ, порастрасутъ довольно порядочно карманы этихъ аристократовъ; но что же дѣлать? — это въ порядкѣ вещей — *Il faut bien faire bonne mine à mauvais jeu!*

Изъ всѣхъ мѣстъ на Рейнѣ, гдѣ производится публичная игра, самая сильная въ *Гомбургѣ*. Банкъ отвѣчаетъ тамъ до 400,000 франковъ и высшая *маза* или *ставка* 12,000 франковъ; тогда какъ въ Баденѣ, Висбаденѣ и Пирмонтѣ только 8,500 франк., въ другихъ мѣстахъ 6,000 ф. Въ Гомбургѣ игра продолжается каждый день круглый годъ съ 11 часовъ утра до 11 ночи; рулетка оканчиваетъ свои дѣйствія и позже. Въ другихъ мѣстахъ игра продолжается съ 1 апрѣля по 1 января; остальные три мѣсяца банкъ и его *крулье*, покоятся на лаврахъ. Въ Гомбургѣ самая сильная, отчаянная игра — зимою; къ этому времени съѣзжаются туда обыкновенно всѣ занимающіеся ею серьезно, и тамъ, для доставленія *необыкновенныхъ выгодъ* понтирующимъ, какъ это гласитъ объявленіе, печатаемое во всѣхъ газетахъ, *trente et quarante* играется съ одною четвертью *рефета*, а *рулетка* — съ однимъ *зеро*. Впрочемъ, правило это введено не такъ давно и въ *Баденъ* и *Висбаденъ*.

Несмотря однакоже на эти *необыкновенныя выгоды*, предоставляемыя такъ великодушно банками понтерамъ, барыши, получаемые банками, огромны. Каждый годъ въ теченіе сезона обыкно-

венно банкъ срывается нѣсколько разъ. Въ Гомбургѣ, гдѣ пять тому назадъ, нѣкто *Гарсія* выигралъ болѣе миліона франковъ; въ томъ же году англичанинъ и одинъ нашъ русскій сорвали нѣсколько банковъ, и все-таки при расчетѣ *Monsieur Blanc* выдалъ своимъ акціонерамъ значительный дивидендъ.

Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ игра не такъ значительна, *крумые* (*) болѣе всего любятъ мелкихъ игрововъ; они-то настоящіе кормилицы банка. Масса ихъ, конечно, въ тысячу разъ и даже болѣе превышаетъ играющихъ большими кушами; а какъ опытомъ дознано, что всѣ они подъ конецъ неперемѣнно останутся въ проигрышѣ, даже при самыхъ счастливыхъ шансахъ, то главный барышъ банка идетъ отъ бѣдняковъ, а не отъ богатыхъ. Не даромъ говорить пословица: *идъ тонко, тамъ и рвется*.

Много говорили и писали о страшномъ злѣ, приносимомъ публичными азартными играми; нападали на безнравственную дѣль ихъ, на позорные барыши, получаемые отъ нихъ нѣкоторыми германскими правительствами; вопросъ этотъ былъ даже предметомъ обсуждения германскаго сейма—но все это было и будетъ *проповѣдью въ пустынь*. Трудно, напримѣръ, чтобъ *Гомбургъ*, котораго територія такъ ничтожна, а государственный доходъ самъ по себѣ такъ малъ, легко отказался отъ 400,000 флоринновъ, получаемыхъ имъ ежегодно отъ банка. Кромѣ того, игра привлекаетъ каждый годъ въ Гомбургъ и другія мѣста, гдѣ она существуетъ, сотни тысячъ путешественниковъ, отъ этого прилива богатѣютъ мѣстные жители; а что болѣшая часть ихъ гостей уѣзжаетъ часто съ опустошенными карманами и даже совершенно разоренными, до этого имъ нѣтъ дѣла: пусть себѣ разоряются—было бы только имъ хорошо.

Публичная игра въ Гомбургѣ, Баденѣ и другихъ мѣстахъ, куда съѣзжается гораздо болѣе здоровыхъ нежели больныхъ, могла бы быть, пожалуй, допущена, нотакая игра въ *Эмсъ* настоящее преступленіе. Въ *Эмсъ* обыкновенно посылаются люди серьезно больные, съ слабою грудью, съ разстроенными нервами, для которыхъ первое и главное условіе—совершенное спокойствіе духа, правильный образъ жизни и чистый воздухъ. Немного такихъ натуръ, которыя могли бы устоять отъ искушенія попробовать счастья у игорнаго стола; а подошедши разъ къ нему, при выигрышѣ и проигрышѣ, неперемѣнно опять вернешься. Если выигра-

---

(*) Такъ называются очень приличные господа, служащіе при банкѣ. Обязанность ихъ—по очереди метать карты и вертѣть рулетку, присылать и обирать деньги, для чего они вооружены длинными *Rateaux* (граблями), и вообще наблюдать за игрою, а также чтобъ кто нибудь не стануль у другого его назу, что случается довольно часто.

ли—выиграть еще, проиграли — отыграться, и вотъ спокойствіе духа нарушено: мѣсто его заступаетъ какое-то лихорадочное волненіе, кровь обращается неправильно, голова отъ напряженнаго вниманія за ходомъ игры тяжелѣетъ и все леченіе остается безъ пользы, а больные, вмѣсто того чтобы поправиться, уѣзжаютъ послѣ курса большею частью въ гораздо худшемъ, противъ прежняго, положеніи.

Въ Эмсѣ великолѣпный, полный вкуса и роскоши курзалъ, одинъ изъ красивѣйшихъ на Рейнѣ; въ немъ почти каждый вечеръ играетъ отличный оркестръ музыки и даются прекрасные концерты; тамъ есть кабинетъ чтенія съ газетами и журналами на всѣхъ языкахъ, окрестности мѣстечка очаровательны, воздухъ здоровый и бодрящій, а многіе ли изъ пріѣхавшихъ въ Эмсъ для поправленія здоровья пользуются всѣми этими удобствами и благами, которыя къ ихъ услугамъ и совершенно *gratis*. Тогда какъ въ игорныхъ залахъ, гдѣ отъ жара и духоты не знаешь куда дѣваться, такая толпа и давка, что едва можно протиснуться.

Мы сказали, кто былъ изобрѣтатель игры *trente et quarante*, царствующей теперь на Рейнѣ; что же касается до рулетки, то она была изобрѣтена также въ Парижѣ, и введена въ употребленіе въ первый разъ въ салонахъ отелей *Жюери* и *Суасонъ*, знаменитыхъ по страшной игрѣ, которая тамъ происходила. Впослѣдствіи братья Перены усовершенствовали ее. Сначала они имѣли только нумера, числомъ 36, и два цвѣта—черный и красный. Перены прибавили къ ней четъ и нечетъ, *танкие* и *раззе*, *первую*, *вторую* и *третью дюжину*, *три колонны* и, главное—*два зоро*, то-есть *два пле* или *два такса*, при которыхъ всѣ другіе проигрывали.

Игра въ рулетку—самая азартная изъ азартныхъ: въ нѣсколько минутъ можно не досчитаться значительной суммы; въ *trente et quarante* есть еще какой нибудь расчетъ, который можетъ руководить опытнаго и благоразумнаго игрока, въ рулеткѣ же—никакого. Есть однакоже люди, увѣряющіе, что *теорія вероятностей* примѣнима и къ рулеткѣ. Господа эти, долго и внимательно наблюдавшіе эту игру, утверждаютъ, что въ 360 оборотовъ колеса, непремѣнно должны выдти всѣ 36 номеровъ, и что маркируя акуратно всѣ вышедшіе нумера и число оборотовъ, всѣ невышедшіе нумера въ 350 или 355 круговъ выйдутъ непремѣнно въ слѣдующіе обороты — на нихъ-то, по ихъ мнѣнію, надо ставить, *en plain*, большіе мазы, и выигршишь несомнѣннѣ. Но сколько же времени, труда и терпѣнія нужно употребить, чтобы нѣсколько часовъ сряду, съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ,

слѣдить за нумерами и оборотами, не сдѣлать ни малѣйшей ошибки посреди всеобщаго шума и суматохи, и въ концѣ концовъ все-таки и весьма часто не достигнуть желаннаго результата!

Теперь намъ остается сказать о томъ, какого рода игры, азартныя и другія, были извѣстны у насъ въ Россіи.

Съ эпохи Петра-Великаго, вмѣстѣ съ французскими кафтанамы, париками, пудрой и другими западными ухищреніями, пробрались къ намъ и карты; по-крайней-мѣрѣ съ этого времени вошли онѣ во всеобщее употребленіе.

Лица высшихъ сословія изъ азартныхъ игръ играли большею частью въ *обыкновенный банкъ*, въ *штось* и *квинтичъ*. Изъ другихъ игръ, введенныхъ въ общество, были въ употребленіи *ламуизъ*, *бостонъ*, *никетъ*, *реверси* и гораздо позднѣе—*вистъ*. Среднее сословіе выдумало особеннаго рода игру подъ названіемъ *юрка*. Игра эта—одна изъ самыхъ азартныхъ, ее въ особенности любятъ нашъ торговый людъ, и еще теперь нерѣдко случается, особенно въ провинціяхъ, что въ веселой компаніи, понагружившись разными романаеями и *пунитомъ*, купчики наши проигрываютъ въ эту игру большія деньги.

Барыни наши и барышни, средняго сословія, также любили карточки и забавлялись ими въ длинные осенніе и зимніе вечера. Любимыми ихъ играми были *дураки*, *свои козыри* и *три шеста* или *носки*. Конечно, отъ этой послѣдней, очень пріятной игры, у нашихъ барынь и барышень иногда краснѣли и распухали носы, но за то сколько было смѣху и веселья, и онѣ отъправлялись въ свои очочивальни совершенно довольныя, что провели такъ пріятно вечеръ.

Скоро однакоже карты овладѣли и у насъ всѣмъ обществомъ. При императрицахъ Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II, при дворѣ были пріемные дни, въ которые во дворецъ собирались наши вельможи и придворныя дамы, также гвардейскіе офицеры, и тамъ составлялись разныя партіи въ *ламуизъ*, *бостонъ*, *реверси* и *никетъ*. Въ частныхъ домахъ, у нашихъ баръ, кромѣ этихъ игръ, играли, и очень сильно, въ *банкъ*, *штось*, *квинтичъ*, *крепись*, *пасъ-дисъ* и *ланскнехтъ*.

Съ появленіемъ картъ появились и у насъ, какъ и вездѣ, люди, сдѣлавшіе изъ карточной игры ремесло. Наши *шумеры* ни въ чемъ не уступали парижскимъ *грекамъ*: они ловили, гдѣ только могли, простачковъ, заманивали ихъ разными хитростями, часто истинно геніальными, и обыгрывали навѣрное; многочисленныя наши ярмарки, *макаръевская*, *коремная* и другія, преимущественно въ Малороссіи, были поприщемъ ихъ подвиговъ и богатою жатвой. Они развѣзжали по этимъ ярмаркамъ всегда въ обще-

ствѣ товарищей, также шулеровъ, жили широко и открыто, знакомились съ богатыми помѣщиками, питали особенную привязанность къ ремонтерамъ и казначеямъ, отправляли свое благородное ремесло, наживали большія деньги, входили въ почетъ, оставляли своимъ дѣтямъ богатяя состоянія и умирали, ежели съ не совсѣмъ спокойной совѣстью, то въ довольствѣ и провожаемые слезами близкихъ и друзей. Лѣтъ сорокъ тому назадъ, одинъ изъ такихъ молодцовъ выстроилъ себѣ въ Петербургѣ великолѣпный домъ, обруженный садомъ (домъ этотъ принадлежитъ теперь одному изъ нашихъ очень богатыхъ князей). Въ его кабинетѣ, между разными картинами, висѣла золотая рамка съ вставленною въ нее *пятеркой*, въ знакъ признательности, что она рутировала ему въ штось, который онъ когда-то металъ на бакой-то армаркѣ и выигралъ миліонъ.

Хотя азартныя игры запрещены у насъ закономъ, онѣ были довольно сильны въ Петербургѣ; но здѣсь онѣ не достигали никогда тѣхъ чудовищныхъ размѣровъ, какъ въ Москвѣ; въ этомъ отношеніи славился также въ былыя времена и Тамбовъ. Въ Москвѣ еще не такъ давно безпрестанно случались самыя скандальныя исторіи, гдѣ главная роль принадлежала картамъ. Даже и теперь, несмотря на всю бдительность полиціи въ Петербургѣ и Москвѣ, есть дома, гдѣ цѣлыя ночи проводятъ въ карточной азартной игрѣ. Многие изъ петербургскихъ жителей вѣроятно еще помнятъ, какъ на одной изъ главныхъ, самыхъ многолюдныхъ улицъ, въ двухъ угловыхъ, стоявшихъ одинъ противъ другого и ярво освѣщенныхъ домахъ, почти каждый вечеръ, вѣспѣла очень сильная азартная игра, и манила пробѣжающихъ по улицѣ то направо, то налево, такъ что это мѣсто улицы было въ шутку названо *Le passage des Thermopiles*.

Въ городѣ, назовемъ его хотъ *Иксъ*, еще недавно жилъ одинъ *баринъ*, принадлежавшій къ высшему кругу общества, съ которымъ, даже въ коммерческія игры, садились играть не иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ никогда не тасовалъ и не сдавалъ картъ, и онъ покорялся этому требованію съ величайшимъ хладнокровіемъ. Другой такой же баринъ увѣрялъ, что только одни дураки могутъ играть въ карты не навѣрное, и очень наивно признавался, что онъ всего только два раза въ жизни передернулъ; «помилуйте господа—говорилъ онъ—войдите въ мое положеніе—я металъ банкъ, карта шла на 60 т.—я подумалъ: жена, дѣти, семейство!—подумалъ, и передернулъ; повѣрьте, всякій, кто обладалъ бы такимъ же талантомъ какъ я, сдѣлалъ бы то же самое на моемъ мѣстѣ».

Про этого же самаго господина разказываютъ слѣдующій анек-

доть. Однажды въ Москвѣ онъ долго металъ банкъ; и было много, картъ стояло еще болѣе, за которыми и слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ. Утомившись, онъ дилъ вмѣсто себя своего товарища, а деньги, бывшія и выигрышъ, положилъ подъ подсвѣчникъ, какъ это члается. Игра шла своимъ чередомъ, игроки разгорячили ли увеличивать куши. Товарищъ, метавшій банкъ, видя ту, которая пала на очень большой кушъ, передернулъ; то неловко—такъ что мошенничество это тутъ же бычлено. Тотъ, у кого шла карта, схватилъ подсвѣчникъ и имъ по лицу метавшаго, другіе понтеры схватили деньги дѣлить ихъ между собою. Тогда нашъ господинъ, поза себя товарища, обратился къ игравшимъ съ слѣдующе «господа! на что это похоже! онъ осель, личность ею оставляю вамъ; дѣлайте съ нимъ что угодно, но деньги не слѣдуетъ, это неблагогородно!»

Въ разныхъ клубахъ, существующихъ въ столицахъ, игры не допускаются, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сумъ неазартныхъ игръ сдѣлать азартныя. Такъ игра *въ и* какомъ-то особомъ расчетѣ сдѣлалась игрою, въ которую ваются и проигрываются огромныя суммы. Надобно замѣ игра эта безкозырная, а потому не должна бы принадле разряду игръ комерческихъ.

Игра *въ лото*, допущенная сначала въ клубахъ, был запрещена. Теперь она снова позволена въ измѣненно и называется *домино-лото*. Игра эта не можетъ названой и съ перваго взгляда кажется невицной, но всти оказывается совсѣмъ противное. *Домино-лото*, какъ лото, овладѣло всѣми клубами, и доходы, получаемые этой игры, весьма значительны. Въ эту игру играютъ частью люди средняго сословія и въ особенности чино играютъ въ нее съ увлеченіемъ и страстью. Цѣлыя и сживаютъ они за домино-лото, въ дыму сигаръ и ставявъ ставку за ставкой, платявъ по уставамъ клуба проигрываютъ и весьма часто болѣе того, что могутъ пвходить въ долги, закладываютъ вещи своихъ женъ и вносятъ разстройство въ семейство. Такъ что игра эта имъ послѣдствіямъ, оказывается весьма вредной.

Въ послѣднее время, еще, однако, азартная игра опространилась въ разныхъ петербургскихъ трактирахъ ницахъ и даже харчевняхъ; игра эта, которая царствуетъ преимущественно, называется *китайскій биксъ*—родъ ру.

Н. М....ъ.

ВОПРОСЪ ОБЪ ИСКУСТВѢ.

Статья первая

«ЭСТЕТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ ИСКУСТВА КЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ». — Изданіе второе. 1865 года.

Значеніе вопроса. — Опредѣленіе прекраснаго. — Опредѣленіе возвышеннаго. — Опредѣленіе трагическаго. — Архитектура. — Скульптура. — Живопись. — Музыка. — Механическое искусство. — Искусство вообще и сравненіе его изображеній съ дѣйствительностію.

Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ объ искусствѣ, затронутый въ прошедшемъ десятилѣтіи, для многихъ еще не рѣшенъ. Еслибы это было такъ, то нападки на искусство давно бы прекратились. Отвергнутое или признанное, оно не сдѣлалось бы болѣе предметомъ забавы для нашихъ публицистовъ-критиковъ. Самые даже рьяные изъ нихъ, какъ видно, еще сомнѣваются, придумываютъ новыя возраженія, а иногда дѣлають и уступки. У «Современника», напримеръ, въ дѣлѣ искусства голосъ сталъ нѣсколько глуше послѣ смерти покойнаго Добролюбова; у «Русскаго Слова» голосъ этотъ переходитъ часто въ крикъ: оно какъ-бы натуживается, силится войти въ чужую роль. Естественный половой подборъ этихъ двухъ родичей перешелъ въ борьбу за существованіе. Такъ и должно было случиться; оба они схватились за одно и то же направленіе, за одну и ту же идею, которую можно формулировать такъ: наука безъ искусства, наука наединѣ сама съ собою, анализъ безъ синтеза, умъ безъ творческой фантазіи, голова съ мозгомъ но безъ крови, животворящей этотъ мозгъ.

Защищать искусство, считалось у насъ прежде дѣломъ почти празднымъ. Поклонники вѣровали въ него, въ доказательствахъ не нуждались, опроверженій не читали, возраженія дѣлали, но самыя слабыя. Вслѣдствіе этого-то положенія вопроса, многіе поэты и художники, которые еще не вымерли, перестали писать, считая свою дѣятельность неумѣстной, а успѣхъ—невѣроятнымъ; или поддались разнымъ тенденціямъ и вѣніямъ—и таланты, прох-

ваченные чужимъ вѣтромъ, покорило..... Новые же поэты и новые таланты совсѣмъ перестали нарождаться. Наступило наконецъ какое-то поэтическое безплодіе и прозаическая плодовитость. Подрывъ оригинальной дѣятельности дѣлается все болѣе замѣтнымъ, бездарность кричить теперь во весь ротъ!

Наука отъ такого положенія вопроса объ искусствѣ тоже ничего не выиграла; наплывъ чисто-литературныхъ талантовъ былъ такъ великъ, что она сдѣлалась какъ-бы *переводною*. Переводъ книгъ и переложеніе чужихъ мыслей рѣшительно взяли перевѣсъ надъ дѣятельностію самостоятельною. Оригиналами въ научномъ смыслѣ дѣятели наши казались только тому, кому неизвѣстны были источники, откуда они черпали. И такъ-какъ эта дѣятельность переводчиковъ и компиляторовъ была въ сущности литературная, то они и очутились такимъ образомъ между наукой и искусствомъ; отвернулись отъ соблазновъ искусства и не преодолѣли трудностей въ наукѣ; отъ одного не отстали, къ другому не пристали. Путь былъ торный, но неплодотворный. Поэтому даже въ интересахъ науки слѣдуетъ поставить вопросъ объ искусствѣ какъ можно яснѣе. Ни же читатель еще болѣе въ этомъ убѣдится.

Чтобы лучше выяснить этотъ предметъ, мы нарочно выбрали сочиненіе, гдѣ онъ серьѣзнѣе всего былъ затронуть. Сочиненіе это собственно и есть та новая теорія, которую мы разбирали въ другомъ мѣстѣ. Прежде мы коснулись до послѣднихъ только выводовъ ея и развѣтвленій на два журнала; теперь подойдемъ къ самому корню. Сочиненіе это не только что превосходить всѣ дальнѣйшія нападки на искусство (*), но дѣлаетъ ихъ какъ-бы ненужными. Послѣдователи являются дѣтьми, переживающими отцовскую идею. Это уже не г. Антоновичъ, не г. Писаревъ и не г. Зайцевъ. У искусства, можно сказать, не было еще такого сильнаго врага, какъ авторъ Эстетическихъ отношеній. Если вы апатичны и не хотите отнестись критически, станете читать это сочиненіе такъ сказать полулежа, то оно васъ ошеломитъ, какъ и ошеломило когда-то многихъ; но если вы приподниметесь, заглянете на него сверху—очарованіе разсѣвается; зданіе нетвердо, неплотно, стѣны подобны декораціямъ, за которыми пусто. Въмѣсто истинъ вездѣ софизмы, поставленные ловко, и въ такой связи, что если пошатнуть одинъ, то падаетъ и все. Журналь, въ которомъ мы помѣщаемъ свою статью, былъ первымъ, непризнавшимъ идей автора въ дѣлѣ искусства (**). Сохраняя эстетическія преданія Бѣлинскаго, онъ, быть можетъ, давно уже ждалъ того времени, когда наконецъ этой теоріи наве-

(*) Оно явилось въ печати первымъ изданіемъ въ 1855 году.

(**) Чѣмъ «Отгч. Записки» и гордятся. *Ред.*

сетса послѣдній ударъ. Мы имѣемъ дерзость поднять на эту руку и доказать, по мѣрѣ силъ нашихъ, что вся она прикрыта только либеральной оболочкой, одѣта въ прогрессивную одежду, въ сущности же самая изъ всѣхъ консервативная, самая отсталая.

Изъ разбора нашего читатель, надѣмся, вполне познакомится съ самимъ сочиненіемъ. Все существенное намъ придется выписать и разобрать; только побочныя, второстепенныя мѣста мы оставимъ въ сторонѣ, какъ нетребующія возраженій. Самая серьезность дѣла и положеніе требуетъ отъ насъ какъ можно большей осторожности. Возраженія наши, впрочемъ, мы просимъ принять гг. послѣдователей на свой счетъ.

Отдѣловъ въ этомъ сочиненіи нѣтъ; все оно высказывается разомъ, безъ запинки, съ замѣчательной послѣдовательностію, но безъ системы. Мѣстами авторъ возвращается къ одному и тому же предмету по нѣскольку разъ; мѣстами есть неясность, запутанность, но очень мало противорѣчій. Логика вообще менѣе, чѣмъ діалектики.

Какъ извѣстно, сочиненіе это — диссертация, и диссертация въ прежнемъ вкусѣ, когда фактическая сторона этого рода работъ не была существенная. Поэтому неудивительно, что на первыхъ же строкахъ предисловія мы встрѣчаемъ признаніе автора, что онъ ограничивается «общими выводами изъ фактовъ» и «общими указаніями на факты». Онъ бы желалъ, говорится далѣе, привести факты, но тогда бы объемы труда превзошли опредѣленныя границы. Это явное устраненіе отъ фактической стороны ясно показываетъ, что авторъ по преимуществу теоретикъ; начинаетъ не съ фактовъ, чтобы отъ нихъ идти къ теоріи, а наоборотъ. Разъ укоренившееся соображеніе уже не могло въ немъ видоизмѣниться никакими возраженіями со стороны жизни. Факты подъ перомъ его гнулись, но мысли никогда.

Первый главный тезисъ, изложенный въ сочиненіи, есть *опредѣленіе прекраснаго*. Въ этомъ, какъ и во всемъ, авторъ обращается къ Фишеру, котораго эстетическія воззрѣнія старается разбить, замѣнивши ихъ своими. Такъ и быть должно. Разрушающій долженъ непремѣнно и строить, давать свое. И авторъ даетъ, да только не разрушивши вполне прежняго. Авторъ говоритъ, что прежнее опредѣленіе прекраснаго — какъ единства или сліянія идеи и формы — указываетъ только на существенный признакъ, но не на мысль вообще о прекрасномъ. Находя такимъ образомъ опредѣленіе это неудовлетворительнымъ, онъ подставляетъ вмѣсто него

другое—до того мало удовлетворяющее, что самъ даже сомнѣвается въ его приложимости. «Очень можетъ быть, что мнѣніе мое о сущности прекраснаго, кажущееся мнѣ справедливымъ, не для всѣхъ покажется удовлетворительнымъ» (стр. 5). Но въ чемъ же состоитъ это опредѣленіе, такъ категорически выставленное въ статьѣ? «Прекрасное есть жизнь». — Но это не опредѣленіе. Тутъ неопредѣленное опредѣляется еще болѣе неопредѣленнымъ, прекрасное — жизнью. А что такое жизнь?... Какъ-бы сознавая неясность своей фразы, авторъ далѣе прибѣгаетъ къ оговоркамъ: формы ящерицы, черепахи, лягушки — отвратительны, а онѣ живутъ. «Прекрасное поэтому есть жизнь, и ближайшимъ образомъ напоминающая о человѣкѣ». — Но и въ человѣческой жизни есть много непрекраснаго: самъ авторъ, напримѣръ, замѣчаетъ уродовъ, дурно-сложившихся людей. Поэтому онъ прибѣгаетъ къ новой оговоркѣ, къ новому исключенію: большихъ, уродовъ и дурно-сложившихся людей онъ какъ-бы вычеркиваетъ изъ списка жизни. «Если жизнь и ея проявленіе есть красота — очень естественно, что болѣзнь и ея слѣдствіе есть безобразіе». Но провести рѣзкую черту между здоровьемъ и болѣзнью — нельзя; этого не дѣлаютъ и натуралисты, которые даже патологическія явленія вводятъ въ область физиологическихъ, и наравнѣ съ экспериментальною физиологіею строятъ экспериментальную патологию (Бруунъ-Севаръ). По этому взгляду ненормально, напримѣръ, чтобы человѣкъ въ поту и на сквозномъ вѣтрѣ не простудился, подобно тому, какъ ненормально, чтобы человѣкъ въ нуждѣ и невѣжествѣ не извратился. Границу между здоровьемъ и болѣзнью, между красотой и безобразіемъ, провести, значитъ, не совсѣмъ легко. Какъ здоровье есть только одна сторона жизни физической, другую сторону которой составляетъ болѣзнь, такъ и красота есть только одинъ элементъ жизни нравственной, въ противоположность которому существуетъ безобразіе. Жизнь, поэтому, можетъ быть красива и некрасива, и нормальна и ненормальна — и все-таки оставаться жизнью. И патологическія наросты развиваются по тѣмъ же законамъ, по какимъ развиваются изящнѣйшія женскія лица. Красота и безобразіе есть свѣтъ и тѣнь жизни. Странно, поэтому, понятіе прекраснаго опредѣлять словомъ «жизнь».

Этакъ, пожалуй, въ параллель къ опредѣленію «прекрасное есть жизнь» можно сказать, что и разумное есть природа, а отсюда, наоборотъ, вывести человѣческое оправданіе всего на свѣтъ — все, что дѣйствительно — разумно. Изъ опредѣленія автора, тоже почти это выходитъ: если прекрасное есть жизнь, то и жизнь вообще прекрасна, и все въ жизни черезъ это является красотой. Этимъ, столь неудущимъ къ автору довольствомъ жизнью, проникнуто

все сочиненіе. Изъ этого же опредѣленія прекраснаго вышло, какъ послѣ увидимъ, и дальнѣйшее его положеніе — что искусство ниже дѣйствительности.

Нѣтъ, опредѣлять красоту такъ нельзя. Сущность ощущенія, называемаго прекраснымъ, заключается въ гармоніи между чело-вѣкомъ и предметомъ. Въ чемъ тайна этой гармоніи, почему такіе-то формы, такіе-то звуки, такое-то сочетаніе красокъ, и такое выраженіе идей, производятъ на насъ пріятное, гармоническое впечатлѣніе — наука не опредѣлила. Извѣстно только положительно, что изогнутыя линіи ложатся на дугу легче, чѣмъ ломанныя, аккорды лучше диссонансовъ, цѣльные характеры нравятся намъ болѣе, чѣмъ надломанныя; идеи въ формѣ плодотворнѣе, чѣмъ идеи отвлеченныя. Все безформенное производитъ впечатлѣніе непріятное: матерія въ немъ такъ-сказать не дорастаетъ до идеи, не формируется. Форма безъ идеи — вещь немислимая. Форма въ искусствѣ то же, что организмъ въ природѣ. Теперь, спрашивается, какинъ же образомъ форма, съ сквозящею изъ-подъ ея звуковъ, цвѣтовъ, линій и словъ идеею, производитъ въ насъ ощущеніе прекраснаго? Она дѣйствуетъ разомъ и на чувства и на умъ, и производитъ между ними гармонію, сообщая такъ-сказать свою. Высшіе роды животныхъ и растений отчего намъ болѣе нравятся, нежели низшіе? Оттого, что въ первыхъ совершеннѣе выражается идея животнаго и идея растенія; идеи эти болѣе гармонируютъ съ своей формой, и эта форма въ свою очередь находится въ большей гармоніи съ нашимъ умомъ и чувствами. Левъ поэтому намъ кажется лучше ящерицы, пальма лучше гриба, хотя ящерица по строенію выше пальмы, умъ это знаетъ, но чувство этого и знать не хочетъ. Ему нравится лучше пальма, оно ее и считаетъ лучше. Изъ этого примѣра какъ нельзя болѣе видна разница между разумнымъ и прекраснымъ, между истиной и красотой. Прекрасное потому есть жизнь вообще, а только лучшее въ жизни, болѣе нравящееся, болѣе гармонирующее съ нашей природой. Въ паралель же этому можно сказать, вопреки Гегелю, что разумное есть не все, что дѣйствительно, не все, что существуетъ, а только то, что воспринимается разумомъ. Полезное же, можно сказать — все то, что воспринимается разумомъ.

Еще ошибочнѣе въ разбираемомъ нами сочиненіи *опредѣленіе возвышеннаго*. Отвергая прежнее опредѣленіе этого слова, авторъ говоритъ, что «возвышенное есть то, что гораздо больше всего близкаго» (27 стр.). Далѣе, вмѣсто термина «возвышеннаго», онъ ставитъ «великое», и прибавляетъ, что превосходство великаго или

возвышеннаго состоитъ въ гораздо большей величинѣ, или гораздо большей силѣ (25 стр.). Кажется, ясно, что величину и силу, авторъ ставитъ существеннымъ признакомъ возвышеннаго. Но есть предметы и сравнительно небольшого размѣра, какъ напримѣръ храмы, однако они болѣе возбуждаютъ чувство возвышеннаго, чѣмъ холмы. Плоскій потолокъ, хотя бы и огромный, можетъ только удивить, сферическій куполь дѣйствуетъ иначе. Массивныя зданія казарменной архитектуры ложатся на душу тяжело; рвущіеся же къ небу своды готическихъ построекъ возвышаютъ духъ. Если величиной опредѣлять сущность возвышеннаго, то къ этому отдѣлу можно, пожалуй, отнести всѣ огромныя стѣны безъ оконъ, которыми такъ безобразится Петербургъ. Подлѣ моей квартиры стоитъ домъ, съ изящнѣйшимъ фасадомъ и красною, кирпичною стѣною сбоку; и то и другое велико, но впечатлѣніе не одно. Такъ-то мало значить одна величина сама по себѣ.

То же можно сказать и въ отношеніи силы: она, по мнѣнію автора, тоже признакъ возвышенности. Относя Ніагарскій водопадъ, Римскую имперію и Александра Македонскаго къ отдѣлу возвышеннаго, авторъ говоритъ, что тайна возвышенности здѣсь не въ перевѣсѣ идеи надъ формой (какъ прежде думали), а въ характерѣ самого явленія. Но отъ чего же зависитъ самый характеръ такого явленія, какъ Александръ Македонскій, какъ не отъ перевѣса въ немъ идеи надъ средствами, какъ не отъ безграничности его стремленій?... «Перевѣсъ идеи надъ формой—оговаривается авторъ — усиливаетъ только эффектъ возвышенности». Значитъ, авторъ на половину только опровергаетъ прежнее опредѣленіе. «Очень часто кажется намъ предметъ возвышеннымъ, не переставая въ то же время казаться *далеко* небезпредѣльнымъ (какая неточность въ выраженіи)... Такъ Монбланъ или Казбекъ возвышенный, величественный предметъ, но никто изъ насъ не думаетъ, въ противоположность собственнымъ глазамъ, видѣть въ немъ безграничное или неизмѣримо великое». Не въ немъ, не въ Монбланѣ, видятъ безграничное, а черезъ него, онъ возбуждаетъ въ насъ это чувство. Когда средства органа зрѣнія не въ состояніи измѣрить или обнять предметъ, и мы его не можемъ подвергнуть глазомѣру, то предметъ невольно возбуждаетъ въ душѣ чувство безграничнаго. «Море кажется гораздо величественнѣе—говорится потомъ—когда видѣнъ берегъ (границы), нежели когда береговъ не видно». Тутъ явно смѣшивается красота берега съ красотою моря. Не берегъ придаетъ величіе морю, а взглядъ на него съ берега, съ высоты. Но вотъ еще любопытное мѣсто: «Гроза — одно изъ величественнѣйшихъ явленій въ природѣ; но необходимо имѣть восторженное воображеніе, чтобы видѣть какую-нибудь связь между грозой и

Безконечностию. Человѣкъ, смотря на грозу, очень хорошо помнитъ, что она бессильна надъ землею (объ участи земнаго шара человѣкъ менѣе всего заботится), что первый ничтожный холмъ отразитъ напоръ урагана (и о холмахъ мы тоже мало беспокоимся). Правда, что ударъ молніи можетъ убить человѣка, но что же изъ этого? Не эта мысль причиной, что гроза мнѣ кажется величественной. Когда я смотрю, какъ вертятся крылья вѣтреной мельницы, я также знаю очень хорошо, что, задѣвъ меня, мельничное крыло переломитъ меня какъ щепку, и я сознаю ничтожность своихъ силъ передъ силою мельничнаго крыла, а между тѣмъ, едва-ли въ комъ-нибудь взглядъ на вѣтреную мельницу возбуждаетъ ощущение возвышеннаго» (21 стр.). Да какой же шутъ заставитъ меня подвернуться подъ мельничное крыло? Есть ли въ этомъ какая вѣроятность? Авторъ, впрочемъ, сейчасъ же понимаетъ свое неудачное сравненіе грозы съ мельницей: «Я знаю, мельничное крыло не зацѣпитъ меня; во мнѣ нѣтъ чувства ужаса, какой пробуждается грозой — справедливо; но этимъ говорится уже совершенно не то, что говорилось прежде (1); этимъ говорится: «возвышенное есть ужасное, грозное». — Вотъ уже и другое опредѣленіе готово. Но ужасомъ еще не опредѣляется характеръ возвышеннаго. Страшная сила стрихнина или синильной кислоты, возбуждая ужасъ, не производитъ чувства возвышеннаго. Теперь ясно, что возвышенность опредѣляется вовсе не силою, не ужасомъ и не величиной.

Во время грозы, кромѣ несоизмѣримости своихъ силъ съ силами природы, на насъ дѣйствуетъ еще и красота явленія — движеніе облаковъ, торжественная беззвучность въ природѣ, вліяніе электричества на все живое, чувство ужаса переходитъ въ ощущение грандіозности. И всѣ эти ощущенія какъ-бы тонуть въ идеи безконечнаго, абсолютнаго. Авторъ говоритъ, что два опредѣленія: возвышенное есть перевѣсъ идеи надъ формой, и возвышенное есть проявленіе безконечнаго — различны между собой. Напротивъ, одно вытекаетъ изъ другого: перевѣсъ идеи безъ нарушенія связи и гармоніи съ формой именно и есть понятіе абсолютнаго. И подъ это понятіе нельзя подводить, какъ это сдѣлано на 16-й стр., понятіе безобразнаго; безобразное есть, наоборотъ, отсутствіе идеи въ формѣ, безформенность, аморфность предмета.

Понятіе безконечнаго вообще мало доступно человѣку. Наблюдая все только конечное, разрушающееся, онъ невольно кладетъ всему границы, предѣлы; только предметы, которыхъ формы стремятся какъ-бы уйти въ даль, расширяться или уменьшиться до нуля, даютъ ему понятіе о безконечномъ и возвышаютъ духъ. Равнина, сливающаяся съ горизонтомъ; море, котораго конца не видитъ глазъ; сферическій куполь, въ формахъ котораго нѣтъ ося-

заемныхъ границъ; мысленное волоконце въ пять десяти тысячныхъ линий, съ двумя родами частицъ, различно преломляющихъ свѣтъ— возбуждаютъ чувство безконечнаго. И трудно рѣшить, что больше возвышаетъ чувство и мысль: безконечно-ли великое, или безконечно малое, телескопическія-ли громады, или микроскопическія величины? Безконечность есть одно изъ коренныхъ свойствъ природы. Чувство возвышеннаго есть способность ощущать это свойство. Люди, лишеныя этой способности и смѣющіеся надъ абсолютнымъ, безконечнымъ, выказываютъ только ограниченность своего ума.

Такое же смѣшеніе понятій вводится сочиненіемъ, когда оно касается до *трагическаго*. На мѣсто метафизическихъ хитросплетеній вездѣ видна какая-то механическая простота мысли. вмѣсто опредѣленій являются формулы. Какъ прекрасное опредѣляется жизнью, возвышенное—великостію, такъ и трагическое авторъ опредѣляетъ ужасомъ. «Трагическое есть ужасное въ человѣческой жизни» (43 стр.). Но не забудьте, что ужасъ уже введенъ въ понятіе возвышеннаго; но тамъ онъ былъ вторымъ дѣломъ, здѣсь же является первымъ (и то хорошию). Подставляя это курьезное опредѣленіе, авторъ вдается въ различныя діалектическія тонкости и доходитъ наконецъ даже до отрицанія трагизма. «Гдѣ же необходимость трагическаго въ природѣ?—вослицаетъ онъ между прочимъ.—Трагическое въ борьбѣ съ природой—случайность. Этимъ однимъ рушится теорія, видящая въ немъ «законъ вселенной» (38 стр.). Но случайностію нельзя уменьшить значеніе трагическаго. Случаи бывають мгновенныя, непродолжительныя—ударъ грома, провалъ, и продолжительныя, сопровождающіеся борьбой столкнувшихся явленій.

Удивляться поэтому нечего, что понятіе трагическаго соединяется съ понятіемъ случая. Дѣйствуя, человѣкъ приходитъ въ столкновеніе съ законами необходимости; и на какой бы степени развитія онъ ни стоялъ, всегда чувствуетъ самодѣятельность воли своей и упорную непоколебимость обружающаго. Въ тотъ темный и отдаленный періодъ, когда человѣкъ еще не предвидѣлъ возможности борьбы съ природой, онъ ее олицетворяетъ, одухотворяетъ, трепещетъ какъ ребенокъ и падаетъ передъ нею какъ рабъ. Ограничивающія его волю обстоятельства и явленія физическія невольню представляются ему какъ-бы враждебными, идущими отъ существъ ему подобныхъ; отсюда олицетвореніе силъ природы. Трагическое на такой степени развитія явля-

десъ челоуѣку верхомъ скорби и рядомъ нѣтъмъ незаслуженныхъ мученій. Читая трагедіи древнихъ, ми не можемъ не сочувствовать тому безысходно-печальному положенію, въ которомъ чувствовалъ себя первобытнй челоуѣкъ, одолаваемый природой и спутываемнй обстоятельствомъ. Скорби въ этомъ положеніи было болѣе, чѣмъ ужаса.

Но вотъ онъ дѣлается пронщательнѣе, опытнѣе, страхъ понемногу разсѣвается, мнѣмъ дѣлаются блѣднѣе, онъ изловчается, начинаетъ одолавать природу, смѣяться надъ обстоятельствами, и доходить до убѣжденія въ свободной волѣ и даже видить надъ собою покровительство въ провидѣніи. Рогъ исчезъ, является драма. Трагическое слилось съ комическимъ. Но трагическое черезъ эту струю радости и смѣха, влившуря въ искусство, не ослабѣло. По мѣрѣ развитія и усложненія жизни, индивидуумы все болѣе и болѣе приходили въ столкновение съ началами обществённости, и теперь еще челоуѣкъ, подавляемнй дурно сложившимися обстоятельствами—бѣдностію, рабствомъ и невѣжествомъ, падаетъ часто ницъ. Обстоятельства еще являются передъ нимъ олицетворенными и санкціонированными; хотя и эти вторичные, такъ сказать, мнѣмъ разсѣваются и челоуѣкъ какъ будто близится къ золотому вѣку довольства и свободы.

Казалось были трагическое черезъ это должно близиться къ концу. Такъ нѣтъ же вѣтъ. Природа неумолима! Въ предѣлахъ настоящаго откырывается новнй источникъ скорби, новнй элементъ трагизма. Законы необходимости, откырты въ самомъ существѣ челоуѣка, болѣзненная сила страстей и ученіе о связи нравственныхъ движеній съ матеріальными измѣненіями—все это ставитъ челоуѣческое сознаніе въ новое положеніе, въ которомъ нѣтъ ужаса, но бездна скорби. Пьянство и развратъ не возбуждаютъ ужаса, а между тѣмъ сколько трагической, внутренней борьбы производятъ эти страсти. Какими мучениками самихъ себя являются люди, дѣлаась жертвами этихъ страстей, столь близкихъ съ болѣзнями! Откуда взялся трагическй лиризмъ Байрона, какъ не отъ того, что страсть и страданіе убили въ немъ всякій источникъ радости. Гейне воображаетъ это страданіе—то въ видѣ сфинкса, который, обнимая, вонзаетъ когти въ его свиной мозгъ, то въ видѣ женщины, полоущей его предсмертное бѣлье. Въ челоуѣческихъ страстяхъ есть что-то роковое, трудно побѣдимое. Трагично не то, что Отелло убилъ Дездемону, какъ кажется автору, а та борьба и душевная боль, которую перенесъ Отелло отъ своей страсти. Трагично не то, что убиваютъ Макбета, а то, что онъ испытываетъ мученія, находясь между требованіемъ совѣсти и жаждою власти. Въ челоуѣкѣ самомъ поэтому есть не-

искаемый источник скорби, которую онъ даже имѣеть присутствіе духа любоваться. Въ этомъ сознаніи своей силы и безсилія, свободы и зависимости, добра и зла своей природы—есть высшій трагизмъ современной жизни. Безконечное желаніе замкнуто въ насъ какъ-бы въ ограниченныя предѣлы. Сама природа наложила на насъ цѣпи, которыя мы будемъ вѣчно потрясать...

Затемнивъ такимъ образомъ понятіе о прекрасномъ, вычеркнувъ изъ его предѣловъ возвышенное (27 стр.) и отвергнувъ совсѣмъ трагическое, авторъ переходитъ къ разбору понятія объ искусствѣ. Говорить о немъ сперва вообще, потомъ въ частности объ искусствахъ, потомъ опять вообще. Поэтому мы для облегченія читателя выберемъ сначала изъ книги все, что онъ говорить объ архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и музыкѣ.

Архитектуру авторъ думаетъ унижить тѣмъ, что ставитъ ее наравнѣ съ садоводствомъ, мебельнымъ и моднымъ искусствомъ и производствомъ тканей. Но этикъ сопоставляемъ не столько унижается искусство, сколько возвышается мастерство. Если практическіе предметы будутъ исполняться—говорить авторъ—подъ влияніемъ прекраснаго, а не полезнаго и нужнаго, то архитектура получить значеніе искусства. Если же наоборотъ, то она должна быть исключена изъ сферы искусства. Но такъ-какъ полезнымъ архитектура не ограничивается, какъ желалъ бы авторъ, то нельзя ее, значить, и вычеркивать изъ сферы искусства. Требовать отъ архитектуры, чтобы она служила только надобности, это то же, что одобрять зданіе въ видѣ огромныхъ четырехугольниковъ съ правильно размѣщенными дырами вмѣсто оконъ. Человѣку свойственно украшать свое жилище, и изъ практически полезныхъ предметовъ это было первое, на что обратился его вкусъ. Прежде, правда, существовали зданія, въ которыхъ заирались такъ-сказать идеи, и они были верхомъ архитектурнаго искусства. Такъ ропщите же на человѣчество, что ему такъ дороги были идеи.

Самъ авторъ замѣчаетъ, что въ жизни есть стремленіе придать форму красоты даже и практическимъ вещамъ (этрурскія вазы). Польза въ этикъ вещахъ какъ-бы сливается съ красотой. Полезныя вещи красивой формы какъ-бы двойнѣ полезны. И это стремленіе дѣлать самыя обиходныя предметы красивыми, необходимо въ людяхъ. Въ столицахъ, гдѣ люди далеки отъ природы, стремленіе это особенно замѣтно. Стоитъ только войти въ любой галантерейный магазинъ, и мы сейчасъ убѣждаемся, какъ неодолима въ человѣкѣ потребность надцнаго. Но

убаждается: таше не въ дѣлѣ, а въ изобрѣженіи, въ дѣлѣ эта потребность: въ дѣлѣ изящно простыя вещи, ми видятъ обманчиво, но приудливо-роскошныя. Говоря о шпаляхъ въ десять тысячъ франковъ, авторъ замѣчаетъ: «Быть можетъ, скажетъ мыслитель, всѣ эти вещи не столько произведенія искусства, сколько роскоши (еще бы); быть можетъ, онъ скажетъ, что истинное искусство чуждается роскоши, потому что существенный характеръ прекраснаго — простота» (85 стр.). Да, именно это — существенный характеръ искусства, и еслибы чувство красоты болѣе проникло въ душу людей, то этимъ непремѣнно уменьшилось бы ихъ стремленіе къ роскоши, не уменьшивъ нисколько въ нихъ стремленія къ пользѣ. Самый отъявленный утилитаристъ конечно согласится, что было бы лучше, полезнѣе, еслибы всѣ нужныя вещи были красивы, а не роскошны. Роскошь есть карикатура, пародія на произведеніе искусства, созданная прихотью и модой; она эксплуатируетъ, уничтожаетъ искусство (*).

Подобно тому, какъ Бенвенуто Челлини хотѣлъ возвысить мастерство до искусства, такъ и авторъ «Эстетическихъ отношеній» думалъ низвести искусство на степенъ мастерства. Но этого не должно быть. Чѣмъ полезныя вещи будутъ дѣлаться изящнѣе, тѣмъ онѣ скорѣе лишатся своей вредной стороны — роскоши. Цѣнность черезъ это будетъ въ искусствѣ приготвленія, а не въ матеріалѣ. Искусство возвыситъ цѣнность труда и понизитъ цѣнность капиталовъ и за этимъ уберетъ роскошь.

Теперь посмотримъ, чтó говорится въ этомъ же сочиненіи въ отношеніи *скульптуры*. «Обратилось въ какую-то аксіому, что красота очертаній Венеры Медицейской или Милосской, Аполлона Бельведерскаго и т. д. выше, нежели красота живыхъ людей. Въ Петербургѣ нѣтъ ни Венеры Медицейской, ни Аполлона Бельведерскаго, но есть произведенія Кановы; потому мы жители Петербурга можемъ имѣть смѣлость судить до нѣкоторой степени о красотѣ произведеній скульптуры. Мы должны сказать, что въ Петербургѣ нѣтъ ни одной статуи, которая по красотѣ очертаній лица не была бы гораздо ниже живыхъ людей и что надобно пройти по какой нибудь многолюдной улицѣ, чтобы встрѣтить нѣсколько такихъ лицъ...» (87 стр.). Это со стороны автора слишкомъ большой и неудачный комплиментъ дѣйствительности. Дѣло тутъ не въ лицѣ; скульптура изображаетъ не одно лицо,

(* См. о роскоши въ моихъ статьяхъ: *Теорія пользы и выгоды* и *Дѣло злока*. Москва, 1864 и январь 1865.

она заставляет нас так сказать слушать всеобразный образ всего человека; потому-то скульптура так и была свойственна самому объективному, т. е. всѣмъ народовъ — грекамъ. Цѣломудреннее христіанство одѣло облаченныя формы. Сила гени сосредоточилась въ лицѣ; отсюда понятно развитіе итальянской живописи.

«Математически строго—продолжаетъ авторъ—можно доказать, что произведеніе искусства (скульптурнаго) не можетъ сравниться съ живымъ лицомъ» (87 стр.).—Ни математически, ни логически нельзя этого доказать не только въ отношеніи лица, но и въ отношеніи всѣхъ формъ. Въ этомъ-то и причина недоразумѣній многихъ на счетъ искусства, что оно познается прежде всего чувствами, болѣе ощущаемо, чѣмъ мыслимо. Оттого всѣ доказательства наши не объясняютъ ничего тому, кто одаренъ несчастною способностію не вѣрить своимъ чувствамъ.

Смѣшивая скульптуру съ живописью, авторъ дагѣе говоритъ: «Лица, прекраснѣе тѣхъ лицъ, которыя мнѣ случилось видѣть въ дѣйствительности, я не могу себѣ вообразить. Это выше силъ человѣческой фантазіи» (88 стр.).—Здѣсь требуется отъ скульптуры то, чего она не можетъ дать: въ скульптурѣ нѣтъ ни красокъ какъ въ живописи, ни движенія какъ въ музыкѣ, въ ней только гармонія линий и формъ. Съ этой стороны только и можно сравнивать скульптурныя лица съ живыми. И вотъ эта-то гармонія линий и формъ всего тѣла, въ скульптурѣ уже выше чѣмъ въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности природа не объ одной красотѣ и гармоніи заботится. Природа, какъ говоритъ Фишеръ, заботится о всей массѣ предметовъ; ей нужно сохраненіе, а не собственно красота.

«Обыкновенно, если лицо неизуродовано, то всѣ части бывають въ такой гармоніи между собой, что нарушить его значило бы портить красоту лица. Этому учить насъ сравнительная анатомія» (Слова автора, 88 стр.). Ужъ чему-чему, а этому не учить насъ сравнительная анатомія. Рѣдко, напротивъ, можно встрѣтить красавицу, у которой бы не было линій, гармонизирующихъ со всѣмъ тѣломъ. Въ этомъ-то и задача скульптуры, что она не только не можетъ налюбоваться формами, но захотѣла еще высшихъ формъ. Правда, что дѣйствіе скульптуры, какъ бы она ни была идеализирована, все-таки сенсуальное, страстное. Но страстности не всегда же можно бояться, а нѣкоторымъ, пожалуй, можно ее и искать. Сколько есть безстрастныхъ, холодныхъ натуръ, которыя живутъ неполною жизнью. Все, конечно, должно быть на своемъ мѣстѣ и всему должна быть мѣра; такъ и скульптура не должна идти въ ущербъ другимъ иску-

стѣмъ; но если скрывать совсѣмъ отъ людей статуи, или убить въ нихъ пониманіе скульптуры, гармоніи формъ и линій, они все равно станутъ смотрѣть на двусмысленныя картинки. Ими-то теверъ и довольствуется нашъ современный вкусъ, ищущій безстыднаго виѣсто прекраснаго. Страстность тогда только грязна и вредна, когда она неполна. Полное развитіе страсти разрѣшается и волнымъ наслажденіемъ, за которымъ слѣдуетъ столь же полное успокоеніе. Вторичная страсть есть признакъ неудовлетворенности первой, какъ замѣтилъ Сѣченовъ. Развратъ есть не что другое, какъ неполное, одностороннее развитіе страсти, повторяющейся часто вслѣдствіе недостатка нравственнаго удовлетворенія чувствомъ любви.

Столь же невѣрны сужденія автора о живописи. Вотъ что, между прочимъ, говорится объ ея средствахъ. «Красота живописи въ сравненіи съ цвѣтомъ тѣла—грубое, жалкое подражаніе; виѣсто нѣжнаго тѣла она рисуетъ что-то зеленоватое или красноватое (!)... Одинъ только изъ оттѣнковъ передаетъ живопись хорошо—потерявшій жизненность, сухой цвѣтъ стариковскаго или загрубѣлаго лица. Покрытыя оспенными ямочками или болѣзненными лица также выходятъ на картинахъ несравненно удовлетворительнѣе, нежели свѣжія, молодыя» (91 стр.). Не на оборотъ ли? Большая часть портретистовъ, напротивъ, имѣютъ недостатокъ дѣлать лица моложе, красивѣй, чѣмъ они есть въ дѣйствительности; мы бываемъ часто удивлены, увидя лицо, которое привыкли считать по портрету значительно моложе и лучше. А что касается до рыбыхъ лицъ, то ихъ, кажется, труднѣе всего изобразить живописцу. «Лучше другихъ оттѣнковъ жизни живописи удастся изображать судорожное искаженіе лица при разрушительныхъ эффектахъ, напримѣръ, выраженіе гнѣва, ужаса, свирѣпости, физической боли, нравственнаго страданія.» Это кажется автору потому, что эти движенія замѣтны даже и лишеннымъ эстетическаго вкуса, и еще потому, что за нихъ берется большая часть живописцевъ. «Никогда не можетъ живопись достигъ нѣжности штриховъ, гармоничности всѣхъ мельчайшихъ видоизмѣненій мускуловъ, отъ которыхъ зависитъ выраженіе нѣжной радости, тихой задумчивости, легкой веселости» (91 стр.). Мнѣніе это такъ голословно, что его почти нѣтъ надобности и опровергать.

Для тѣхъ, которые желали убѣдиться, напримѣръ, до чего великіе художники умѣютъ изображать тонкія движенія душевныя, соизволимъ взглянуть при случаѣ хоть на слѣдующія картины въ эрмитажѣ. Передъ нами Мадонна д' Альба Рафаэля: Іоаннъ Креститель

подастъ крестъ Божіей Матери и сидящему у нея на колѣняхъ младенцу Іисусу. Она взглянула на крестъ и взоръ ея, скользящій о поразившій ее предметъ, устремляется въ даль. Когда всмотрѣшься въ этотъ взглядъ, полный глубокаго раздумья, то становится ясно, что она, глядя въ даль, думаетъ о будущности своего младенца. Глаза ея полны глубокой, безконечной печалью; они даже блестятъ, но не слезою, а тѣмъ неуволнимымъ блескомъ, который является въ минуты тихой, сосредоточенной скорби, близкой къ слезамъ. Лицо младенца тоже обращено къ кресту; и на немъ видѣнъ слѣдъ дѣтской возмужалости: въ глазахъ—мысль, въ устахъ—какъ-будто выраженіе рѣшимости. Все внутреннее существо его точно рвется изъ своихъ границъ. Скажутъ: такое выраженіе въ ребѣнкѣ неестественно. Нѣтъ; кто имѣлъ случай наблюдать дѣтскія лица, тотъ знаетъ, что такимъ взоромъ смотрятъ и обыкновенныя дѣти. Большой лобъ, полные глубокаго смысла глазки и строгое, часто недѣтское сложеніе губъ указываетъ, что въ нихъ психическая дѣятельность беретъ часто перевѣсъ надъ всѣмъ. Только что появившійся на свѣтъ организмъ какъ-бы хочетъ быть выше своей природы. Отъ этого-то дѣти и гибнутъ часто отъ болѣзней мозга. Итальянская живопись тѣмъ-то и высова, что сумѣла идеальное, сверхъестественное, выразить въ реальныхъ, жизненныхъ формахъ.

Какъ на лучшее выраженіе иѣжной радости, которой авторъ не видѣлъ въ живописи, совѣтуемъ посмотрѣть картину Соларио, изображающую Божію Матерь, кормящую грудью Іисуса. Глазъ ея не видно, они какъ-бы всѣ ушли въ ея ребѣнка; все ея лицо, полное любви и того чувства, которое испытываютъ матери, давая грудь ребѣнку, тоже устремляется къ нему; руки, положеніе тѣла все показываетъ, что она живетъ не для себя, что она—мать. Или вѣтъ еще картина Мурильо подъ № 367: Святая Дѣва стоитъ передъ спящимъ младенцемъ. Она смотритъ на него, и въ этомъ чудно-прекрасномъ и дышащемъ дѣвственностью лицѣ выражается безконечно-тонкое, неуволнимое удивленіе; лѣвая рука, поднятая кверху, тоже выражаетъ это чувство. Съ нимъ же гармонируетъ въ лицѣ еще болѣе неуволнимый отгѣнокъ стыдливости и кроткаго восторга. Художникъ, видно, хотѣлъ передать то мгновеніе, когда Святая Дѣва такъ-сказать еще не привыкла, не освоилась съ совершившимся надъ ней. Наконецъ, какъ примѣръ изображенія неуволнимыхъ движеній души, мы можемъ указать на картину Гвидо-Рени подъ № 191. Нѣсколько молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ сидятъ за рукодѣльемъ. Одна изъ нихъ рассказываетъ, и, какъ видно по лицу, что-то очень печальное. Окружающія ее слушаютъ. Одна хотъ и продолжаетъ старательно шить,

но на лицѣ слѣды вниманія какъ къ разсказу, такъ и къ своей работѣ; другая рѣжетъ полотно, но нежизни ея идутъ невѣрно—она слушаетъ приставльбе. Третья скатываетъ ткань, смотря на разсказицу: видно, что ей работа нисколько не мѣшаетъ. Четвертая, красивая блондинка, совсѣмъ оставила свое шитье и съ восторгомъ, полнымъ участія, слушаетъ разсказицу; пятая, видно, совсѣмъ не слушаетъ: такъ она занята работой. Сколько дѣтъ существовать эта картина, это проповѣданіе чистаго искусства, а между тѣмъ при взглядѣ на нее невольно приходитъ на умъ мысль, какъ въ жизни женщины механическая работа сталкивается тѣсно съ умственной дѣятельностію; какъ одно мѣшаетъ другому, какъ одно не клеится съ другимъ, и какъ одно что-нибудь, или умственная дѣятельность или работа, беретъ перевѣсъ надъ другимъ. Въ жизни женщины и теперь еще все это невторяется и долго еще будутъ маленькіе дѣвочки заставлять вмѣстѣ и шить и слушать чтеніе, и руками работать и головою дѣйствовать. Самыя даже современныя женщины еще держатся этого принципа.

Всего этого, конечно, не было и слѣда въ головѣ живописца, но все это онъ могъ возбудить, подобно тому какъ возбуждаетъ мысль и чувство живая дѣйствительность. Въ этомъ-то и высокое значеніе живописи, что она, снимая художественный портретъ съ жизни, не говорить, не поеть, а только заставляетъ васъ смотрѣть и созерцать жизнь. Въ выборѣ замѣченныхъ нами картинъ мы руководствовались не превосходствомъ ихъ передъ другими, а только желаніемъ объяснить примѣромъ, до какой степени способны великіе художники схватывать тончайшія движенія душевныя въ ихъ реальномъ проявленіи. Какъ ландшафтная живопись намъ даетъ понятіе о далекихъ странахъ и невиданныхъ картинахъ, такъ и живопись лица и фигуры открываетъ намъ не для всякаго близкія, не для всякаго доступна душевныя движенія. Хотите быть фізіономистомъ—учитесь не у Лафатера и его послѣдователей, а у гениальныхъ и талантливыхъ художниковъ. Они—единственно вѣрные фізіономисты и могутъ быть большимъ пособіемъ въ эстетическомъ воспитаніи.

Картины великихъ художниковъ, что-называется, запечатлѣли наши базобразники. Пониманіе ихъ убито въ обществѣ. Картины только встрѣать въ глазахъ посѣтителей выставокъ; и тѣмъ болѣе, что онѣ всѣ безъ надписей. А картина безъ надписи—то же, что книга безъ заглавія. Каталогъ есть, но въ немъ только перечень, а не эстетическія объясненія. Влѣдствіе этого живопись существуетъ у насъ не для массы, которая, при другихъ обязательствахъ, расказывая по эрмитажу и выставкамъ, могла бы получить не

легонькое удовольствіе, а высшее и чистое наслажденіе, которое нельзя купить ни за какія деньги:

Читай за этия сужденіе о живописи ландшафтной, можно думать, что авторъ не видѣлъ ни одного ландшафта. Увѣряя своихъ довѣрчивыхъ читателей, что живописъ не умѣетъ изображать ни отгѣнковъ полуденнаго неба, ни освѣщенія утра и вечера, а только темноту ночи, авторъ совѣтуетъ любоваться картинами природы въ дѣйствительности, въ которыхъ нечего осудить. «Войдите въ перадошный лѣсъ—не говоримъ о лѣсахъ Америки, говоримъ о тѣхъ лѣсахъ, которые уже пострадали отъ руки человѣка, о нашихъ европейскихъ лѣсахъ... Проѣзжайте двѣсти-триста верстъ по дорогѣ, не говоримъ въ Крыму или Швейцаріи, нѣтъ, въ европейской Россіи» (93 стр.). Легко связать: проѣзжайте! Не всякій можетъ ѣздить, а тѣмъ болѣе путешествовать ради картинъ природы. Ландшафтная живописъ тѣмъ-то и хороша, что она замѣняетъ человѣку всездѣприсутствіе. Что всѣ еникия описанія тропической природы передъ живописными изображеніями; первыя только и понятны, когда есть послѣдняя, когда бананы, пальмы и т. д. мы видимъ какъ-бы своими глазами, благодаря искусству, изображающему природу безъ всякой задней мысли. Картины русскихъ видовъ у Гоголя, напримѣръ, оттого-то такъ нравятся намъ особенно, что мы ихъ видѣли. Если ландшафтной живописи чего недостаетъ, то это—изображенія грандіознаго въ природѣ. Всякій ландшафтъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, есть въ маломъ видѣ картина. Но этотъ недостатокъ, эту трудность въ нѣкоторой степени, быть можетъ, преодолѣить декорація въ высшемъ ихъ развитіи.

Говоря о музыкѣ, авторъ всездѣ смѣшиваетъ искусство съ вскуственностію. Замѣчая такимъ образомъ въ искусствѣ одну только фальшивую сторону, неудивительно, что онъ даже и пѣніе съ музыкой выдѣляетъ изъ области искусства. «Пѣніе — говоритъ онъ—первоначально и существенно, подобно разговору, есть произведеніе практической жизни, а не произведеніе искусства; но какъ всякое умѣнье, пѣніе требуетъ привычки, занятія и практики... И естественное пѣніе становится въ этомъ отношеніи искусствомъ; но только въ томъ смыслѣ, въ законъ называется искусствомъ умѣнье писать, считать, пахать землю и всякая практическая дѣятельность, а вовсе не въ томъ смыслѣ, въ законъ придается слову «искусство» эстетической» (98 стр.). Значитъ, умѣнье писать, переписывать—то же, что и сочинять, искусство пахать—

то же, что искусство составлять оперы. «Какое сравненіе—говорится далѣе — между аріей итальянской оперы, и простымъ бѣднымъ монотоннымъ мотивомъ народной пѣсни! Но вся ученость гармоніи, все изящество развитія, все богатство украшеній гениальной арии, вся глубокость, все несравненное богатство голоса, ее исполняющее, не замѣняютъ недостатка искреннаго чувства, которымъ проникнутъ мотивъ бѣдной народной пѣсни и неблестливый, мало обработанный голосъ человѣка, который поетъ не изъ желанія блеснуть, выслушать свой голосъ, а изъ потребности вылить свое чувство». Какъ-будто не изъ той же потребности, только съ большимъ запасомъ чувства и средствъ, поетъ и гениальный пѣвецъ? Далѣе, впрочемъ, авторъ и самъ съ собою несогласенъ, и самъ себѣ противорѣчитъ. «Искусный, впечатлительный пѣвецъ можетъ войти въ свою роль, проникнуться тѣмъ же чувствомъ, которое должна выразить его пѣсня. И въ такомъ случаѣ онъ пропоетъ ее на театрѣ передъ публикой лучше другаго человѣка, поющаго не на театрѣ, отъ избытка чувства, а не напоказъ публикѣ; но въ такомъ случаѣ пѣвецъ перестаетъ быть актеромъ и его пѣсня становится пѣсней самой природы, а не произведеніемъ искусства» (99 стр.). Вотъ тебѣ раз! Тутъ уже нѣтъ и послѣдовательности. Авторъ очевидно путается въ понятіяхъ и требуетъ отъ искусства богъ-знаетъ чего—чтобъ оно было искусствомъ, а не дѣйствительностію. Итальянская арія тоже произведеніе народа и, наконецъ, самые актѣры изъ него болѣею частію вышли. И развѣ народныя пѣсни всегда искренни, всегда поются съ чувствомъ? и не служатъ часто прибавкой къ шалостямъ, попойкамъ и т. д.?

Что касается до инструментальной музыки, то онъ ее прямо и исключительно называетъ подражаніемъ пѣнію и суррогатомъ пѣнія, а всю вообще музыку только слабымъ воспроизведеніемъ явленій жизни (101 стр.). Напротивъ, музыка, начавшись съ подражанія природѣ, болѣе нежели какое искусство вышло изъ этихъ границъ. Природа нѣма, въ ней только шумъ и громы. Красками и формами природа богаче, чѣмъ звуками. Музыка дополняетъ, такъ сказать, недостатокъ природы. Самое пѣніе, какъ бы оно ни было безыскусственно, есть начало музыки. Въ инструментальной музыкѣ творчество человѣка еще очевиднѣе. Человѣкъ посредствомъ органа голоса или другаго инструмента, приложеннаго къ его пальцамъ или губамъ, выражаетъ звуки, которые въ природѣ нѣтъ и подобія. Какая разница между журчаніемъ ручья, шумомъ вѣтра, звуками тростника, пѣніемъ птицъ и хоромъ голосовъ или оркестромъ инструментовъ? Музыка есть самое безстрастное, самое субъективное, самое лирическое изъ

всѣмъ искусство, какъ имъ выражалось въ ипной пренной стнѣ (Дѣти). Позволяемъ себѣ изъ нея вынуть нѣсколько строкъ:

«Древніе приписывали музыкѣ силу обузданія страстей: изъ этого основанъ мифъ объ Орфѣѣ, угрожающемъ змѣрей. Длосиость, производимый въ души страстями, дѣйствительно ничѣмъ такъ не можетъ быть уничтоженъ, какъ мелодіей музыки. Гармонія музыки, повидимому, утребилась уже ннче, чему слушать примбромъ марши, которыми пользовались для возбужденія рѣшимости. Какъ мелодія преимущественно падаетъ на чувство, такъ гармонія на волю; но ни та, ни другая не рисуютъ картинъ, не дѣйствуютъ на воображеніе или, точнѣе, дѣйствуютъ только на ту часть его, которую можно назвать по преимуществу фантазією, воображеніемъ чувства, а не страсти... Эта-то безстрастная идеальность есть сила и слабость музыки. Власть ея велика надъ человекомъ. Выростая изъ звуковъ природы, она не слишкомъ глухихъ людей заставляетъ и плакать, и радоваться, и доходить до самоотверженія, но никогда не возбуждаетъ животной страсти».

Въ музыкѣ никакая наблюдательность, никакое конированіе съ жизни не помогутъ. Все обученіе этому искусству состоитъ преимущественно въ преодолѣніи механическихъ трудностей и въ знакомствѣ съ прежде прочувствованнымъ великими музыкантами; а кто хочетъ идти дальше, тотъ долженъ искать источниковъ не внѣ себя, не въ природѣ, а въ глубинѣ своей души. На музыкѣ мы видимъ яснѣе всего, что фантазія есть неблѣдная, неудачная передѣлка явленій дѣйствительности, а допленіе къ ней. Музыкантъ творить все какъ-бы изъ ничего.

И послѣ этого думаютъ нѣкоторые замѣнить музыку механическимъ искусствомъ, органами. Органы въ музыкѣ то же, что дагеротипъ въ живописи и, пожалуй, стереоскопы въ скульптурѣ. Все это вмѣстѣ есть не что другое, какъ услуга, оказанная наукой искусству, подспорье къ нему, а не само искусство. И какаго рѣшнца въ приемахъ и исполненіи. Дагеротипъ требуетъ неподвижности и снимаетъ одно только положеніе фнзіономіи; а извѣстно, что фнзіономія мѣняется и человѣческое лицо далеко не оди и то же каждую минуту, потому что внутренняя жизнь, болѣе или менѣе отражающаяся въ фнзіономіи, не имѣетъ покоя. Художникъ-портретистъ схватываетъ изъ этихъ положеній и отбрасываетъ лица тиническое, существенное; потому онъ и не требуетъ неподвижности, а напротивъ, разговорная, наблюдаетъ лицо во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Фотографы, подражая этому, стараются копировать человека, посадить его въ свободную позу; но обыкновенно напрасно. Что же касается до снимковъ съ ли-

вѣстныхъ картинъ, то они эти не могутъ соперничать съ великими живописцами уже по несовершенству въ техникѣ: Есть какіе-то микроскопическіе тонніе оттѣнки и штрихи, которые сътонись видоизмѣняютъ, быть можетъ, вслѣдствіе оптическихъ или физическихъ причинъ; иначе и объяснить нельзя несовершенства снимковъ и картинъ великихъ художниковъ. Главное же—фотографія не можетъ схватывать того, что составляетъ сущность живописи—красоту (*).

Что же касается до органа, то механическое искусство тутъ еще слабѣе. Известно, что всякую пьесу артистъ можетъ играть на разные лады съ большею или меньшею экспрессіею; органъ схватываетъ только одинъ оттѣнокъ пьесы, да и то несовершенно, потому что какой же механикъ можетъ слѣдить за вдохновеніемъ. Еслибы даже изобрѣли инструментъ, совершенно подобный человѣческому голосу, о чемъ любятъ мечтать многіе, то все-таки нельзя будетъ прибавить къ этому инструменту свойства бесконечно измѣнять исполненіе пьесы, потому что сущность видоизмѣненія и экспрессіи лежитъ не въ механическихъ средствахъ гортани или рукъ, а въ глубинѣ мозга.

Теперь, разобравъ искусство въ частности, мы посмотримъ, что говоритъ авторъ объ искусствѣ вообще. Здѣсь, прежде всего, бросается въ глаза желаніе автора доказать, что поэзія выше другихъ искусствъ только по содержанію, а по исполненію ниже всѣхъ искусствъ. Содержаніе отъ исполненія, чувство отъ формы онъ вездѣ отдѣляетъ. «Скучный, блѣдный, мертвый языкъ поэзіи», восклицаетъ онъ, заканчивая свое сочиненіе. «Всѣ другія искусства, подобно живой дѣйствительности, дѣйствуютъ прямо на чувства: поэзія дѣйствуетъ на фантазію; фантазія у однихъ людей гораздо впечатлительнѣе и живѣе, нежели у другихъ, но вообще должно сказать, что у здороваго человѣка ея образы блѣдны, слабы въ сравненіи съ воззрѣніями чувствъ; потому надобно сказать, что по силѣ и ясности субъективнаго впечатлѣнія, поэзія далеко ниже не только дѣйствительности, но и всѣхъ другихъ искусствъ» (101 стр.). Но дѣйствовать на фантазію—то же, что дѣйствовать на всѣ чувства вмѣстѣ. Поэзія тѣмъ-то и сильна, что она дѣйствуетъ не посредствомъ одного слуха, какъ музыка, не одного зрѣнія, какъ живопись, или не одного осязанія, какъ скульпту-

(* Г. Антоновичъ является въ послѣдней статьѣ непріателемъ фотографіи. Мы уверены, что это не относится къ нему лично, а къ предмету.

ра, а посредством слова, которое соединяется въ себя и звукъ, и красн, и формы. Тутъ не важно, какими органомъ прежде всего проникаетъ слово въ душу, посредствомъ ли слуха, когда слушаемъ чтеніе, или посредствомъ глазъ, когда сами читаемъ—все равно. Всѣ впечатлѣнія, производимыя на насъ внѣшнимъ міромъ, отражаются, конечно, черезъ чувства къ мозгу. Память держитъ эти впечатлѣнія какъ-бы въ скрытномъ состояніи, подобно тому, какъ въ скрытномъ состояніи можетъ быть теплота, по замѣчанію физиологовъ. Ассоціація этихъ впечатлѣній и то, что слѣдуетъ изъ этой ассоціаціи—есть фантазія. Путемъ слова, орудіемъ поэзіи эти скрытыя впечатлѣнія оживаютъ. Слово, дѣйствуя такимъ образомъ на фантазію, дѣйствуетъ на центральные концевые аппараты или на всѣ чувства вмѣстѣ. Значитъ по силѣ, широтѣ субъективнаго впечатлѣнія поэзія выше прочихъ искусствъ.

За этимъ обратимъ вниманіе на положеніе автора, что *искусство ниже действительной жизни* и не можетъ быть даже съ нею сравниваемо. Положеніе это, вышедшее изъ его ошибочнаго понятія о прекрасномъ, онъ доказываетъ на разные лады; хотя по настоящему даже странно сравнивать искусство съ действительною жизнью. Искусство тоже есть явленіе жизни, а не какой-нибудь чудодѣйственный феноменъ. Но посмотримъ же, что онъ говоритъ въ пользу дѣйствительности и въ порицаніе искусству. Останавливаться на этомъ долго не будемъ, чтобы не мѣшать чужихъ мыслей съ своими, которыя подберемъ къ концу.

«Какъ скоро есть хоть сколько-нибудь удовлетворительная дѣйствительность, крылья фантазіи связаны... Лежа на голыхъ доскахъ, человѣку иногда приходится въ голову мечтать о роскошной постели, о кровати какого-нибудь несмѣханнаго драгоценнаго дерева, о пуховикѣ изъ гагачьяго пуха» (52 стр.). Напротивъ, тому, кто лежитъ на голыхъ доскахъ, приходятъ въ голову только мечты о мягкой постели. Желанія наши идутъ большею частію постепенно; иногда, правда, обращаются въ капризы; но въ большинствѣ случаевъ они есть выраженіе способности нашей идти впередъ. Авторъ поэтому жестоко ошибается, говоря, что «миѣніе, будто человѣку нужно непремѣнно совершенство—миѣніе фантастическое» (52 стр.). Возвращаясь послѣ опять къ этому предмету, онъ прибавляетъ, что «человѣкъ ищетъ только хорошаго, а не совершеннаго. Совершенства требуетъ чистая математика... Искать совершенства, въ какой бы то ни было сферѣ жизни—дѣло отвлеченное, болѣзненное или дѣло празднои фантазіи». Какое странное миѣніе понятій! Будто совершенство и точность одно и то же. Математика ищетъ точности, а не совершенства. Совершенство

предполагаетъ совершенствованіе; за это именно и берется искусство, которое по самой своей неточности и неопредѣленности не имѣетъ преградъ, и стремится къ осуществленію задачъ, называемыхъ идеалами.

«Человѣкъ — говорится далѣе — можетъ удовольствоваться не только наилучшимъ, что можетъ быть въ дѣйствительности, но и посредственной дѣйствительностію». Только посредственность довольствуется посредственностію; а что выходитъ сколько нибудь изъ обыкновеннаго, все рвется къ лучшему, къ будущему. «Мы — говорится потомъ — восхищаемся высокимъ произведеніемъ въ родѣ Горация и Виргилія, хоть и видимъ ихъ недостатки» (55 стр. — Такъ способны мы, значить, довольствоваться). Но это видѣніе недостатковъ въ образахъ и заставляетъ насъ желать еще большаго совершенства. «Малотребовательность эстетическаго чувства доказывается (будто бы) тѣмъ, что, имѣя первоклассныя произведенія, она не пренебрегаетъ второклассными» (56 стр.). Этимъ ничего не доказывается. Только знакомство съ второклассными поэтами и даетъ большинству возможность пожелать прочесть первоклассныхъ. Вторые поэтому истолковываютъ первыхъ, хоть и не даютъ о нихъ полнаго понятія. Красоту можно понять только изъ ея первыхъ источниковъ, и въ ея настоящемъ, водлинномъ видѣ.

Но вотъ еще комплиментъ дѣйствительности. Въ то время, какъ Гёте говорить — «чрезвычайно непродолжителенъ періодъ, въ который человѣческое тѣло можетъ назваться прекраснымъ... Строго говоря, только одно мгновеніе прекрасенъ прекрасный человѣкъ» — авторъ увѣряетъ, что «почти всякая женщина въ цвѣтъ молодости кажется большинству красавицей» (60 стр.). Какая разница вкусовъ!

Противъ положенія Фишера, что красота въ природѣ непостоянна, измѣнчива (перемѣна освѣщенія — и пейзажъ исчезъ, несчастіе или болѣзнь — и человѣкъ увялъ), авторъ возражаетъ, что «красота надобла бы, опротивѣла намъ, еслибы она была въ дѣйствительности неподвижна, неизмѣнна и бессмертна» (63 стр.). Мелкая красота, украшеніе — такъ; но высокая — совсѣмъ иначе дѣйствуетъ: приучая человѣка къ производимому ею впечатлѣнію, она заставляетъ его желать еще высшей.

«Природа не старѣетъ, вмѣсто увядшихъ произведеній она рождаетъ новыя» (76 стр.). Это не похвала дѣйствительности. Искусство тоже не лишено способности воспроизведенія, возстановленія; и какъ за опадающими листьями, нарастаютъ новыя, такъ и за увядающими произведеніями являются свѣжія. Да и старое-то въ немъ не такъ устарѣваетъ, какъ думаетъ авторъ. «Мода — говорится потомъ — сдѣлала половину каждой

драмы Шекспира годною для эстетического наслажденія въ настоящее время». Это положительный абсурдъ, повторяемый теперь на разныхъ ладн многими. Игра артистовъ, напротивъ, дѣлаетъ ихъ еще болѣе понятными, чѣмъ прежде. Да и въ чтеніи-то ошибки этихъ драмъ кажутся не болѣе, какъ опечатками.

«Всѣ произведенія искусства не нашей эпохи и цивилизаціи требуютъ, чтобы мы перенеслись въ ту эпоху и цивилизацію, которая создала ихъ» иначе они покажутся намъ непонятными и непрекрасными» (78 стр.). Да въ этомъ-то и заключается сила генія, что онъ переноситъ насъ, какъ-бы противъ воли, куда ему вздумается, и приговываетъ наше вниманіе въ тому, что ему нужно. Въ это и Добролюбовъ вѣрилъ. «Фаустъ Гёте — говоритъ авторъ — показается страннымъ произведеніемъ человѣку, неспособному перенестись въ ту эпоху стремленій и сомнѣній, выраженіемъ которой служить Фаустъ». Не говоря уже о томъ, на сколько сомнительна эта недоступность Фауста, мы только припомнимъ читателю, что не всѣ идутъ въ одинъ уровень. Одни становятся въ первую шеренгу, другіе — во вторую, третьи — въ третью и т. д., и двигаются даже, подобно солдатамъ, болѣею частью, одинъ за другимъ. Такъ-что настоящее, можно сказать, сохранило въ себѣ всѣ слои прошедшаго. И самая старая мысль можетъ показаться для кого-нибудь новою. Истина тяжелая, но вѣрная.

Далѣе неизвѣстно, зачѣмъ пересчитываются разные несовершенства эстетическихъ произведеній. «Романы Вальтера-Скотта слишкомъ растянуты, сентиментальны (!), Гомеровы поэмы — безсвязны... Эсхиль и Софоклъ слишкомъ суровы и сухи... у Эсхила, кромѣ того, недостатокъ драматизма. Эврипидъ плаксивъ!... Шекспиръ — риториченъ и напыщенъ... Широкое, безпредѣльное поле открывается тому, кто захочетъ доказывать слабость всѣхъ вообще произведеній искусства. Разумѣется, подобное предпріятіе могло бы свидѣтельствовать о ѣдкости ума, но не о безпристрастїи: *достойнъ сожалѣнія* человѣкъ, непреклонношійся передъ великими произведеніями искусства» (79 стр.). Не явно ли авторъ говорить самъ противъ себя.

За этимъ онъ же самъ рушитъ все, что говорить въ превосходство дѣйствительности надъ искусствомъ. На 112-й стр. сказано: «Разборъ этотъ можно упрекнуть въ томъ, что онъ ограничивается самыми общими точками зрѣнія, не входилъ въ подробности, не ссылался на примѣры... Но когда согласишься на шаткость этого мнѣнія; когда согласишься, какъ люди, выступающіе его, противорѣчатъ себѣ на каждомъ шагу, то покажется, что было бы довольно, изложивъ мнѣніе о превосходствѣ иску-

ства надъ дѣйствительностію, ограничитья прибавленіемъ слова: это несправедливо; всякій чувствуетъ, что красота дѣйствительной жизни выше красоты творческой фантазіи». Значить, авторъ, давая мнѣніе, основывается только на своемъ личномъ чувствѣ и вкусѣ, которымъ вообще не довѣряетъ нигдѣ.

Разбирая причины преувеличеннаго будто бы понятія людей о цѣнности произведеній искусства, авторъ говоритъ, что люди цѣнятъ тутъ трудность исполненія (115). Объ этой трудности едва ли кто думаетъ изъ читателей. Кому какая надобность забираться въ мастерскую, или въ кабинетъ писателя! На произведенія искусства большинство смотритъ, какъ на явленіе жизни; на нихъ указываютъ почти какъ на факты дѣйствительной жизни. Говоря, напримѣръ, о Дон-Кихотѣ, Тартюфакъ, Хлестаковыхъ и т. д., человекъ думаетъ не о томъ, кто и какъ писалъ ихъ, а о томъ, какія явленія они изображаютъ.

«Искусство льститъ нашему искусственному вкусу» (116). Здѣсь опять древнее смѣшеніе искусства съ искусственностію. Такъ, говоря объ искусственности, авторъ упоминаетъ нравы Лудовика XIV. Но, противъ нихъ же возстало искусство въ лицѣ Мольера. Далѣе говоритъ авторъ объ искусственности нашей одежды, нашего языка, привычѣ умывать природу, погони за эффектностію, разсужденія на избитыя темы. Но не возстаетъ ли противъ всего этого наше современное искусство? Не стоитъ ли за простоту и безъэффектность авторъ Семейной Хроники, авторъ Казаковъ и другіе? И кто любитъ говорить на избитыя темы, какъ не враги искусства?

«Искусство старается угодить нашимъ слабостямъ... многие требуютъ, чтобы въ сатирическихъ произведеніяхъ были лица, на которыхъ могло бы съ любовью отдохнуть сердце читателя— требованіе очень естественное; но дѣйствительность *очень часто* не удовлетворяетъ ему, представляя множество событій, въ которыхъ нѣтъ ни одного отраднаго лица; искусство почти всегда угождаетъ ему; и не знаемъ, найдется ли, напримѣръ, въ русской литературѣ, кромѣ Гоголя, писатель, который бы не подчинялся этому требованію». Но это былъ его недостатокъ. О его рисовкѣ свѣтлыхъ сторонъ жизни, мы знаемъ только изъ черновыхъ тетрадей. Не сдѣлайся жертвою мистицизма и болѣзни, Гоголь изобразилъ бы и прекрасное въ жизни такъ же реально, какъ изображалъ пошлое. Тому, кто былъ подъ этимъ гнетущимъ игомъ, трудно избавиться отъ темнаго взгляда на жизнь. Вліяніе это убываетъ прежде всего всякое чувство красоты. Мы могли бы привести самыя разнообразныя тому примѣры... На, самою дѣлѣ, нѣтъ такою совершеннаго характера, въ которомъ бы не

было недостаткомъ, какъ и нѣтъ такого обращеннаго лица, въ которомъ бы не было достоинствъ. «Публика и вслѣдъ за нею эстетика — говоритъ авторъ — требуетъ отрядныхъ лицъ, сентиментальности — и та же самая публика сибется надъ произведеніями искусства, удовлетворяющими этимъ желаніямъ» (119 стр.). Въ этомъ-то и заключается главное безобразіе нашей современной жизни образованнаго общества, что оно не вѣрится въ свѣтлыя явленія жизни. Сибѣться, не вѣрится въ свѣтъ жизни, значить тушить этотъ свѣтъ. Отрицательный, скептическій взглядъ на окружающее затемнилъ нашу жизнь. Мы теряемъ вѣру въ себя, и въ свои добрыя начала; мы слабѣемъ въ борьбѣ съ наступающимъ.

Но вотъ, наконецъ, и самое сильное мѣсто, сказанное авторомъ въ похвалу дѣйствительности надъ искусствомъ. «На красоту, на величіе дѣйствительности, мы обыкновенно обращаемъ вниманіе почти насильно. Пусть она сама, если можетъ, привлечетъ на себя наши глаза, обращенные совершенно на другіе предметы; пусть она насильно проникнетъ въ наше сердце, знатое совершенно другимъ. Мы обращаемся съ дѣйствительностію, какъ съ докучливымъ гостемъ, напрашивающимся на наше званкомство: мы стараемся запереться отъ нея. Но есть часы, когда пустота остается въ нашемъ сердцѣ, отъ нашего же собственнаго невниманія къ дѣйствительности — и тогда мы обращаемся къ искусству, умоляя его наполнить эту пустоту; мы сами играемъ предъ нимъ роль заискивающаго просителя. На жизненномъ пути нашемъ разбросаны золотыя монеты; но мы не замѣчаемъ ихъ, потому что думаемъ о цѣли пути, не обращая вниманія на дорогу, лежащую подъ нашими ногами» (120 стр.). На жизненномъ пути разбросаны монеты; да кто же намъ указываетъ на нихъ, кто называетъ ихъ золотыми, кто подбираетъ ихъ, какъ не художники и поэты? Люди, лишенные эстетическаго вкуса, не вѣрять даже, чтобы эти золотыя монеты были разбросаны. Вспомните взглядъ критика «Русскаго Слова» на «Грозу» Островскаго, и на выраженіе, что «глупость есть основа всѣхъ драматическихъ и комическихъ событій». Только поэтъ можетъ понять всю величіе дѣйствительности и показать читателю, что она отличается не одной пользой, но и величіемъ красоты. Практическому человѣку нѣтъ времени заниматься наблюденіемъ трагическаго, комическаго или величественнаго въ жизни. Требовать, чтобы всякій наблюдалъ характеры, отыскивалъ типы, анализировалъ происшествія — это то же, что требовать отъ всякаго способностей поэта. Сколько романовъ, трагическихъ сценъ, пьесъ и пьесъ не представляеть дѣйствительность! восклицаетъ еще авторъ потомъ.

Но можно ли желать, чтобы какой-нибудь чиновникъ, измученный трудомъ, занимался: еще изученіемъ жизни? Чтеніе художниковъ и поэтовъ оказываетъ ему въ этомъ неоцѣненную услугу: онъ разомъ схватываетъ то, что потребовало бы отъ него всего времени, потери должности, да и этого бы не достало. Въ дѣйствительности наблюдать драматическія происшествія потому еще нельзя всякому, что само лицо бываетъ иногда главнымъ дѣйствующимъ лицомъ драмы, главнымъ страдальцемъ и жертвою жизни... Что же касается до мнѣнія, что жизнь дѣйствительная вмѣстѣ въ себѣ много законченныхъ происшествій, то это и опровергать не стоитъ. Большинству людей, жизнь кажется, напротивъ, до того запутаннымъ, сложнымъ, трудно объяснимымъ явленіемъ, что только художественный талантъ можетъ подмѣчать въ ней повременамъ законченныя явленія, и дополнять и заканчивать ихъ.

Авторъ ставитъ въ укоръ искусству частыя обвиненія противъ романистовъ, что они въ своихъ романахъ выставляютъ портреты своихъ знакомыхъ. Обвиненія эти большею частію недѣльны, и доказываютъ только силу обвиняемыхъ талантовъ. Нетолько люди знакомые, но и люди никогда непоказывавшіеся автору, узнаютъ себя. «Сила искусства, есть обыкновенно сила воспоминанія» (22 стр.). Легко сказать! Чтò же это такое за волшебная сила, которая, не зная васъ, вашего прошлаго, настоящаго, забирается вамъ въ голову и дѣйствуетъ тамъ? Что же касается до упрека, дѣлаемаго авторомъ за изображеніе поэтами самихъ себя (Байронъ и другіе), то это можно назвать художественнымъ выраженіемъ лиризма. Лирикъ есть поэтъ субъективный. Чтò же удивительнаго, если онъ вмѣстѣ съ чувствомъ обнаруживаетъ и самого себя?

«Сила искусства—сила общихъ мѣстъ». И Гамлетъ, значить, общее мѣсто! и великія задачи нравственнаго совершенства, отъ которыхъ теперь отступили — общее мѣсто? Намъ теперь нѣкогда заниматься рѣшеніемъ этихъ задачъ, возражать, быть можетъ, намъ пятащія назадъ прогрессисты. Мы голодны, неодоимы, не знаемъ, какъ размѣститься. Отвяжитесь вы отъ насъ съ своимъ нравственнымъ совершенствомъ! Дайте намъ прежде удовлетворить насущнымъ потребностямъ. — Не удовлетворите вы никогда имъ, а только перегрызетесь. Если человѣкъ, какъ вы говорите — животное, то онъ еще болѣе дѣлается имъ, если только будетъ заниматься временными нуждами, и забудетъ о высшихъ интересахъ — интересахъ человѣчества.

Чтò же остается теперь изъ всего сказаннаго авторомъ въ прищипаніе искусства и въ похвалу дѣйствительности? — Кажется, что ничего. Ясно только теперь, почему авторъ опредѣлялъ понятіе красоты словомъ «жизнь»; и жизнь, дѣйствительность представлялась ему высшей красотой. Но понятіе о дѣйствительности

и понятіе о настоящемъ совпадаютъ; значить, и *настоящее прекрасно!* и имъ человекъ долженъ довольствоваться. Не явно ли авторъ, при всемъ желаніи его добра, загораживалъ дорогу себѣ и другимъ?...

Теперь посмотримъ, чего требуетъ авторъ отъ искусства, и что вышло изъ этихъ требованій. Еще въ началѣ сочиненія, авторъ подводитъ прекрасное и возвышенное подъ общій терминъ *интереснаго*. Подъ конецъ, онъ этому безразличному слову придаетъ еще большее значеніе. *Общественноинтересное* въ жизни — вотъ содержаніе искусства, говорится на 133 стр. «Существенное значеніе искусства—воспроизведеніе того, чѣмъ интересуется человекъ въ дѣйствительности» (141 стр.). Въ тезисахъ то же повторяется. Великіе характеры, грандіозныя картины, потрясающія сцены, относятся такимъ образомъ въ области интереснаго. Въмѣсто эстетики, науки о прекрасномъ, является что-то въ родѣ науки объ интересномъ. Да этакъ, пожалуй, и романы Дюма придется назвать истинными произведеніями искусства; потому что они даже и серьезнаго человека могутъ втянуть, ненадолго заинтересовать, если онъ себя немного попринудить. И все возбуждающее и удовлетворяющее любознательности, придется тогда отнести въ сферу искусства, поэзіи. Что можетъ быть интереснѣе астрономіи, физики, медицины для понимающихъ! Вотъ куда наконецъ догела насъ путаница понятій и смѣшеніе терминовъ.

Послѣ, какъ показало время, безразличное понятіе интереснаго въ искусствѣ сдузилось въ *понятіе полезнаго*, и основаніе этому положилъ самъ авторъ. Польза съ этого времени сдѣлалась сущностію и фундаментомъ сфабрикованнаго такимъ образомъ искусства, въ которомъ личный интересъ явился главнымъ двигателемъ. Забыли только всѣ, что это—точка зрѣнія политической экономіи, изъ которой у насъ такъ много царпали. Политическая экономія по своей спеціальности ставитъ личную выгоду или интересъ исходнымъ пунктомъ своихъ изслѣдованій. Въ гармоніи интересовъ, въ производствѣ и распредѣленіи матеріальныхъ средствъ—ея главная задача. Измѣряя все деньгами, какъ физикъ дюймами, экономистъ и трудъ науки съ искусствомъ называетъ невещественнымъ и даже непронизводительнымъ капиталомъ. Такъ и должно быть. Истина и красота не подлежатъ измѣреніямъ и оцѣнкѣ; это знаютъ и экономисты. Наши же поклонники пользы такъ напользовались ею, что вздумали пзмѣрять ею красоту и истину; черезъ это, разумѣется, они потеряли изъ виду и то и

другое и оказались наконецъ *самыми бесполезными людьми*, потому что сущности полезного не въ разговорахъ о немъ, а въ практической дѣятельности.

Второе, не менѣе сильное требованіе автора отъ искусства— это то, чтобы оно было *копией, сурогатомъ* дѣйствительной жизни. Сравнявая гравюру съ искусствомъ, авторъ говоритъ: «гравюра не думаетъ быть лучше картины (подобно искусству въ отношеніи дѣйствительности)—но гравюра однако расходится въ сотняхъ экземплярахъ. И предметъ, воспроизведенный слабо, блѣдно, грубо искусствомъ, доступенъ всякому. Искусство не поправляетъ дѣйствительности, не украшаетъ ее, а воспроизводитъ, служить ей сурогатомъ» (126 стр.). Придя къ такому опредѣленію, авторъ невольно вспоминаетъ, что его теорія подходитъ подъ псевдо-классическую теорію подражанія природѣ, господствовавшую въ XVII и XVIII вѣкахъ. И онъ ее не отвергаетъ вполне, хоть и старается отличить свои воззрѣнія отъ псевдо-классиковъ и причислить себя къ новѣйшимъ эстетикамъ, на которыхъ нападаетъ (131 ст. и выше). Но напрасны его усилія. Воззрѣнія его такъ и отзываются прошлымъ столѣтіемъ. Копировка или копія такъ ему нравится, что онъ этому слову старается придать даже другое значеніе. «Копировка, также какъ и всякое человѣческое дѣло, требуетъ пониманія, способности отличать существенныя черты отъ несущественныхъ» (130 стр.). Нѣтъ, копія и есть копія, а подражаніе природѣ есть только поддѣлка подъ дѣйствительность, дающая, вмѣсто живаго существа, только мертвую маску, по выраженію Фишера. Автору кажется, что прозаическій разсказъ историка, писателя мемуаровъ или анекдотовъ имѣетъ въ себѣ много художественнаго оттого, что это—копія съ жизни. Но большинство объ этомъ думаетъ не такъ. Исторія не бываетъ обыкновенно копией съ дѣйствительности; потому что копій нельзя снять съ цѣлыхъ столѣтій. Историки невольно прибѣгаютъ къ художественнымъ приемамъ и обрисовкѣ выдающихся характеровъ, а художники, держась исторической почвы, часто дополняютъ историковъ.

Теперь же, если мы согласимся съ авторомъ и его послѣдователями, что теорія воспроизведенія отличается отъ псевдо-классической теоріи подражанія, то тогда для автора и его послѣдователей выйдетъ еще хуже. Если теорія воспроизведенія не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія сравниться съ натурой, какъ того хотѣла теорія подражанія, то чего же она хочетъ? Она хочетъ вотъ чего—подойти хоть приблизительно, хоть немного къ дѣйствительности, оставаясь однако позади ея. Теорія творчества стоитъ впереди жизни, теорія псевдо-классиковъ въ уровень съ жизнью, теорія же воспроизведенія или теорія без-

образія *позади жизни*. Последняя ставитъ искусство на степень далеко низшую, чѣмъ псевдо-классики. Эти все-таки создавали талантливыя произведенія, хоть и фальшиво построенныя; наши же воспроизводители обратили искусство въ карикатуру. Художники по этой теоріи являлись либо плохими копистами, либо карикатуристами. Копіи и карикатуры, которыя совѣтуютъ теперь всѣмъ писать, не остаются, впрочемъ, безъ подписей и объясненія. Въ этомъ только смыслѣ можно понять требованія автора, что поэтъ и художникъ долженъ произносить приговоръ надъ своимъ созданіемъ. Въ видѣ примѣра тутъ же указывается на Гогарта. «Искусство—говоритъ авторъ—приобрѣтаетъ тогда даже научное значеніе» (141—142 стр.). Не явно ли, что всѣмъ этимъ онъ хочетъ какъ будто втиснуть въ искусство не только критику, которой назначеніе—произносить приговоръ надъ явленіями искусства, но даже и науку. Отсюда понятно, почему сатира заняла въ нашей литературѣ такое широкое мѣсто. И всѣ принялись разгрызать роль Гогартовъ и Ювеналовъ и довели наконецъ до того, что сатиры у насъ совсѣмъ нѣтъ, а юмора тѣмъ болѣе. Такъ опошлелись у насъ эти роды искусства. Не говорю уже о карикатурѣ, этомъ рѣдкомъ, хоть и возможномъ дарованіи. Вольтеръ сказалъ: всѣ роды хороши кромѣ скучнаго; о нашей же модной литературѣ можно сказать, что у нея всѣ роды худы кромѣ скучнаго. Скукой, безконечной скукой вѣетъ отъ всѣхъ произведеній.

НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Государственное устройство сѣверо-американскихъ штатовъ. — Взаимныя отношенія Соединенныхъ Штатовъ между собою. — Идея національнаго единства. — Конституція 1789 года. — Устройство конгресса. — Сенатъ и палата представителей. — Участіе негровъ въ народномъ представительствѣ. — Избирательное право. — Президентъ и министры. — Степень власти, предоставленной президенту. — Порядокъ избранія президента и вице-президента. — Судебная власть федеральнаго правительства. — Юрисдикція штатовъ. — Распредѣленіе власти между президентомъ и конгрессомъ. — Право налоговъ и займовъ. — Законодательная власть конгресса. — Законъ о государственной взимѣвѣ. — Общій характеръ сѣверо-американской конституціи. — Законодательство по дѣламъ печати въ Россіи. — Значеніе нашей журналистики въ Европѣ. — Начало цензуры въ Россіи. — Цензура духовная и по дѣламъ административнымъ. — Введеніе общей цензуры. — Цензурныя строгости при Екатеринѣ II. — Распоряженія по цензурѣ въ царствованіе императора Павла. — Цензурный уставъ 1804 года. — Особныя распоряженія въ царствованіе императора Александра I. — Цензурный уставъ 1826 года. — Что требовалось этимъ уставомъ? — Заботы цензуры о чистотѣ русскаго языка. — Распоряженіе противъ писателей, возбуждавшихъ необузданный патриотизмъ. — Сводъ уставовъ о цензурѣ. — Дополнительные постановленія. — Переходъ цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. — Правила, изданныя 6 апрѣля 1865 года. — Связь цензурнаго дѣла съ преобразованіями по судебной части. — Залоги и взыскапія. — Предостереженіе, приостановленіе и прекращеніе повременныхъ изданій. — О судѣ по дѣламъ печати. — Цензура драматическихъ сочиненій.

Личныя качества главы государства, въ какой бы формѣ ни установилось правленіе, въ монархической или республиканской, должны имѣть большое вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ, особенно въ то время, когда обстоятельства слагаются такъ, что глава государства является двигателемъ какой нибудь идеи. Такое значеніе въ исторіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ имѣлъ покойный президентъ Линкольнъ, воплотившій въ себѣ идею уничтоженія рабства. Избраніе его въ званіе президента было первымъ поводомъ къ междоусобной войнѣ въ Сѣверной Америкѣ, а его энергія и твердость не позволяла кончить начавшуюся борьбу какъ нибудь, не доведя ее до предположенной имъ цѣли. Линкольнъ явился глав-

нимъ дѣйствующимъ лицомъ среди событій, нарушившихъ обычный ходъ дѣлъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, и потому нисколько не удивительно, что первымъ вопросомъ, послѣ извѣстія объ его кончинѣ, былъ вопросъ о томъ, какъ поведетъ новыи президентъ дѣло, начатое его предшественникомъ?

Чтобъ опредѣлить то значеніе, какое имѣетъ глава первой, по своему могуществу, современной намъ республики, нужно ознакомиться съ конституціоннымъ бытомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, представляющимъ много особенностей.

Первымъ днемъ своей независимости и свободы сѣверо-американцы считаютъ 4 іюня 1776 года, когда депутаты тринадцати англо-американскихъ колоній подписали въ Филадельфій знаменитый актъ, извѣстный подъ именемъ «декларации о независимости». Въ слѣдующемъ году, 15 ноября 1777 года, были составлены статьи конфедерации и вѣчнаго союза между Сѣверо-Американскими Штатами, изъ которыхъ каждый сохранилъ самодержавіе, свободу и независимость. Штаты вступали во взаимный между собою союзъ съ цѣлью защищать совокупными силами свою самостоятельность и охранять свою торговлю. Для скрѣпленія возникшаго союза было объявлено, что граждане одного штата есть вмѣстѣ съ тѣмъ и граждане всей конфедерации. Для поддержанія союза былъ учрежденъ федеральный конгрессъ, законодательная власть котораго была обширнѣе, нежели власть исполнительная. На конгрессѣ каждый штатъ имѣлъ одинъ только голосъ, а для постановленія рѣшеній необходимо было большинство двухъ третей голосовъ, то-есть чтобы изъ тринадцати голосовъ девять были одинаковаго мнѣнія. По принципу, право объявлять войну, заключать мирныя, торговые и союзныя трактаты, производить наборъ рекрутъ, дѣлать займы, выпускать бумажныя деньги и чеканить звонкую монету, было предоставлено конгрессу, но въ практикѣ по дѣламъ денежнымъ и по набору рекрутъ штаты распорядились независимо отъ конгресса. Стремленіе къ свободѣ заставляло штаты дѣйствовать съ полнымъ единодушіемъ, такъ что между ними — въ особенности вслѣдствіе личнаго вліянія Вашингтона — не было ни малѣйшаго разлада. Но въ 1783 году, едва только былъ заключенъ миръ, какъ взаимная зависть одного штата къ другому обнаружилась, и союз усталая угрожать гибелью. Тогда, по совѣту Гамильтона, бывшаго другомъ Вашингтона, была составлена конституція, которая даровала Сѣверо-Американскимъ Штатамъ семьдесятъ лѣтъ благосостоянія и величія.

По идеи Гамильтона, связью между всѣми штатами должно было служить національное единство, такъ чтобы они представляли собою одну страну, а жители составляли бы одинъ народъ. Но идея эта уничтожила самодержавіе штатовъ, а централизація власти грозила поглотить ихъ независимость и всѣ ихъ мѣстныя верховныя права. Въ такомъ устройствѣ сѣверо-американцы видѣли возможный шагъ или къ монархіи, или къ республиканскому деспотизму. Въ виду этого, составители конституціи считали нужнымъ

придумать такую организацию, которая была бы чѣмъ-то среднимъ между федерализмомъ и централизациею и которая, придавая союзу силу національнаго единства, въ то же время не уничтожала бы права мѣстной автономіи, составляющей одно изъ нерывныхъ условій политической свободы.

Составленная подъ вліяніемъ этой мысли конституція была представлена на обсужденіе каждаго штата въ народномъ конвентѣ, такъ что она явилась дѣломъ, въ которомъ принимала участіе вся нація. Вступительная формула этой конституціи начинается словами: «мы, народъ соединенныхъ штатовъ, одобрили и учредили эту конституцію и т. д.». Въ силу конституціи 1789 г., федеральное правительство получило верховныя права надъ всѣмъ союзомъ. Оно стало считаться единственнымъ представителемъ всей страны, оно было облечено также законодательною властью, такъ что, по англійскому выраженію, въ руки его отданы были и мечъ и кошелькъ. Отдѣльные штаты отказались отъ многихъ атрибутовъ своей власти въ пользу центрального правительства, ему одному поручено было набирать армію и флотъ и устанавливать налоги, необходимые для содержанія военныхъ силъ союза, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Въ главѣ союзнаго конгресса явился президентъ.

Вся законодательная власть ввѣрена конгрессу, который раздѣляется на двѣ корпораціи: сенатъ и палату представителей. Сенатъ представляетъ штаты въ смыслѣ государственнаго организма, палаты представляютъ народъ. На каждый штатъ полагается два сенатора, несмотря на его обширность и степень населенности. Но каждый сенаторъ имѣетъ личный голосъ, такъ что если въ сенатѣ присутствуетъ отъ какого либо штата одинъ только сенаторъ, то голосъ его считается только за половину голоса. Сенаторы выбираются законодательными собраніями штатовъ на шесть лѣтъ, но такъ что въ сенатѣ перемѣняется каждые два года одна треть. Сенатъ представляетъ собою консервативную партію.

Число представителей, избираемыхъ отдѣльно въ каждомъ округѣ, опредѣляется каждыя десять лѣтъ конгрессомъ и распределяется между штатами, соразмѣрно съ ихъ населеніемъ. Въ этотъ расчетъ принимается и черное населеніе, но только на три пятыхъ, такъ что пять негровъ считаются за трехъ бѣлыхъ. Эта странная уступка была сдѣлана по настоянію южныхъ плантаторовъ и придала рабовладѣльцамъ сильное вліяніе на конгрессъ. Представители избираются на два года и получаютъ, какъ и сенаторы, по 6,000 долларовъ за конгрессъ, то-есть по 3,000 долларовъ въ годъ, кромѣ особой преміи, составляющей 8 долларовъ съ каждыя двадцати миль разстоянія между мѣстомъ избранія и Вашингтономъ.

Для права быть избраннымъ въ сенаторы или въ представители не установлено никакого ценза и никакихъ условій относительно вѣроисповѣданія. Для того, чтобы быть сенаторомъ, достаточно имѣть тридцать лѣтъ отроду и быть гражданиномъ Соединенныхъ штатовъ по крайней мѣрѣ девять лѣтъ. Для того, чтобы

быть представителемъ, достаточно имѣть двадцать-пять лѣтъ и быть гражданиномъ семь лѣтъ. Но къ этому сроку нужно прибавить еще пять лѣтъ для иностранцевъ, такъ-какъ они должны прожить не менѣе этого числа лѣтъ для того, чтобы получить право гражданства. Гражданская служба несомнѣнна съ званіями сенатора и представителя.

Въ силу конституціи, конгрессъ долженъ быть постоянно-дѣйствующимъ учрежденіемъ, однако онъ не всегда засѣдаетъ, но собирается по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, а именно въ первый понедѣльникъ декабря мѣсяца. Впрочемъ, палаты и президентъ могутъ отсрочить засѣданія конгресса, но во всякомъ случаѣ засѣданія его должны закрываться 3 марта каждаго года, такъ-какъ къ этому времени оканчивается срокъ полномочія всѣхъ представителей и трети сенаторовъ. Президентъ не имѣетъ права распустить конгрессъ.

Въ сенатѣ предсѣдательствуетъ вице-президентъ Соединенныхъ штатовъ, но онъ подаетъ свой голосъ только въ случаѣ раздѣленія голосовъ сенаторовъ, и тогда его голосъ доставляетъ перевѣсъ той сторонѣ, на которую онъ приходится. Что же касается палаты представителей, то она сама избираетъ спикера или президента. Членамъ конгресса предоставлена полная свобода выражать ихъ мнѣнія, за которыя они ни въ какомъ случаѣ не могутъ подлежать преслѣдованію.

Исполнительная власть предоставлена исключительно президенту, конституція не назначаетъ ему никакихъ совѣтниковъ, но обыкновенно онъ совѣщается съ министрами, которые назначаются президентомъ съ согласія сената. Въ настоящее время при президентѣ состоитъ семь министровъ: министръ иностранныхъ дѣлъ, военный, морской, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, главноуправляющій почтами и генерал-прокуроръ, въ качествѣ министра юстиціи. Они составляютъ кабинетъ президента.

Особенность въ конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ составляетъ слѣдующее положеніе президента и министровъ. Президентъ, въ случаѣ измѣны, грабительства казны или какого либо другаго уклоненія отъ конституціи, подвергается отвѣтственности, какъ и каждый гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Между тѣмъ министры не подвергаются никакой отвѣтственности за свой образъ дѣяствій, какъ административныя лица; они не называются въ палатахъ, они въ сущности ничего болѣе, какъ ближайшіе агенты президента, который можетъ отрывать ихъ отъ должности по своему усмотрѣнію. Такое положеніе министровъ въ Соединенныхъ штатахъ избавляетъ ихъ отъ тѣхъ хлопотъ и нареканій, которыя приходится испытывать отвѣтственнымъ министрамъ въ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ верховная власть поставлена внѣ всякой отвѣтственности и гдѣ, напротивъ, министрамъ приходится отвѣчать передъ палатами за дѣяствія правительства.

Эта система предоставляет президенту полную власть по дѣламъ распорядительнымъ. Онъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, можетъ дѣствовать по своему усмотрѣнію, не будучи обязанъ соглашаться ни съ мнѣніемъ министровъ, ни съ конгрессомъ. Этимъ объясняется то значеніе, какое имѣетъ президентъ, какъ глава исполнительной власти, такъ-какъ въ сущности власть его гораздо самостоятельнѣе и обширнѣе, нежели власть многихъ конституціонныхъ государей Европы.

Что же касается законодательной власти президента, то онъ не принимаетъ самъ никакого участія въ ходѣ дѣлъ законодательныхъ, но за то никакой приговоръ конгресса не можетъ получить силу закона безъ одобренія и подписи президента. Не соглашаясь съ мнѣніемъ сената или палаты, онъ дѣлаетъ письменныя возраженія, но ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права предлагать съ своей стороны поправки или дополненія. Неодобренный президентомъ билль поступаетъ для вторичнаго разсмотрѣнія, и если билль принимается большинствомъ голосовъ въ одной палатѣ, то отсылается въ другую палату вмѣстѣ съ возраженіями президента. Если же и другая палата принимаетъ съ своей стороны билль тѣмъ же большинствомъ голосовъ, то президентъ обязанъ подписать его въ теченіе десяти дней; въ случаѣ же несогласія президента, билль, по минованіи означеннаго срока, получаетъ силу закона и безъ его подписи.

Президентъ и вице-президентъ избираются на четыре года, но они могутъ быть избраны и на новое четырехлѣтіе. Однако, изъ шестнадцати президентовъ только Вашингтонъ, Джексонъ и Динкольтъ воспользовались этимъ выраженіемъ всеобщаго сочувствія. Надобно впрочемъ замѣтить, что общественное мнѣніе постоянно высказывалось и высказывается противъ вторичнаго избранія президента и даже вице-президента, вида въ этомъ приваѣтъ упроченія ихъ власти и вліянія. Вице-президентъ, какъ это и случилось недавно, заступаетъ мѣсто президента въ случаѣ его смерти, отставки, отпуска или неспособности отправлять возложенныя на него обязанности.

Избраніе президента и вице-президента производится посредствомъ баллотировки избирателями каждаго штата. Самы же избиратели назначаются въ каждомъ штатѣ по особо-установленнымъ правиламъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ ихъ назначаетъ палата, а въ другихъ—народъ. Число такихъ избирателей должно въ каждомъ штатѣ равняться числу сенаторовъ и представителей, отправляемыхъ штатомъ на конгрессъ. Такой порядокъ установленъ съ тою цѣлью, чтобы предоставить право избранія небольшому числу разсудительныхъ и просвѣщенныхъ людей, и тѣмъ самымъ устранить борьбу партій и разгаръ страстей, которыми непремѣнно сопровождалось бы избраніе президента при иной системѣ этого важнаго государственнаго акта.

Если при избраніи президента штатами, ни одинъ изъ кандидатовъ не получаетъ большинства голосовъ, то палата представите-

лей, подавая голоса за штаты, избираетъ президента сама изъ трехъ лицъ, получившихъ наибольшее число голосовъ. Никто не можетъ быть избранъ въ званіе президента или вице-президента, не будучи уроженцемъ Соединенныхъ штатовъ, не имѣя тридцатипяти лѣтъ отроду, и не проживши въ Соединенныхъ штатахъ по крайней мѣрѣ четырнадцать лѣтъ. Президентъ получаетъ ежегодно содержанія 18,000 долларѣвъ. Это содержаніе, недостаточное въ настоящее время, не было увеличено со времянь Вашингтона.

Отправленіе судебной власти, вслѣдствіе особенности государственнаго устройства, представляетъ такія условія, какія въ этомъ отношеніи не встрѣчаются въ другихъ странахъ. Федеральная судебная власть состоитъ: 1) Изъ верховнаго суда съ первенствующимъ судьей, и восемью асесорами. Они назначаются президентомъ, съ согласія сената, и остаются на своихъ мѣстахъ, какъ сказано въ конституціи, до тѣхъ поръ, пока хорошо ведутъ себя, такъ-какъ они могутъ быть отрѣшаемы отъ должности за дурное поведеніе и по судебному приговору сената. 2) Этому верховному суду, собирающемуся разъ въ годъ въ Вашингтонѣ, подвѣдомы окружные суды, составленные каждый изъ асесоровъ верховнаго суда и изъ судьи того участковаго суда, гдѣ собирается окружной судъ. Въ каждомъ судебномъ-округѣ бываетъ ежегодно двѣ сесіи окружныхъ судовъ. 3) Затѣмъ слѣдуютъ участковые суды, въ числѣ пятидесяти; участковый судъ состоитъ изъ судьи, который долженъ имѣть мѣстопробываніе въ томъ участкѣ, въ которомъ онъ избранъ.

Между тѣмъ, у каждаго штата есть еще своя особая юрисдикція, которая занимается разборомъ дѣлъ между гражданами одного и того же штата, такъ-какъ каждый штатъ имѣетъ свои собственные законы. Сущность же федеральной юридической власти заключается: во первыхъ, въ поддержаніи конституціи; вовторыхъ, въ наблюденіи за исполненіемъ законовъ, изданныхъ конгрессомъ, и, втретьихъ, въ обсужденіи всѣхъ предметовъ, которые не могли быть рѣшены провинціальными судебными учрежденіями.

Вслѣдствіе такого порядка, въ Соединенныхъ штатахъ представляется особый ходъ многихъ юридическихъ дѣлъ. Такъ, напримеръ, если возникаетъ процессъ и тяжущіяся стороны ссылаются: одна — на законъ конгреса или особыхъ штатовъ, а другая — на законъ конституціонный, то послѣднему принадлежитъ окончательное рѣшеніе. Федеральная юстиція судитъ также всѣ процессы, въ которыхъ ссылаются на законы Соединенныхъ Штатовъ, такъ-какъ эти законы основаны на конституціи, и, слѣдовательно, должны быть обязательны для каждаго гражданина. Федеральная юстиція разсматриваетъ также всѣ дѣла, возникшія вслѣдствіе трактатовъ съ иностранными державами, вопросы касающіеся посланниковъ, дѣла по морскому вѣдомству, процессы между штатами, и тяжбы гражданъ одного штата съ гражданами другого штата. Всѣ преступленія, кромѣ преступленій по службѣ, подлежатъ суду присяжныхъ, и судъ производится всегда въ томъ штатѣ, гдѣ было

совершенно преступление, такъ чтобы обвиненный не былъ никогда удаленъ отъ своего мѣстопробыванія и своихъ свидѣтелей.

Переходя къ распредѣленію власти между конгрессомъ и президентомъ, должно сказать слѣдующее.

Конгрессъ имѣетъ право объявлять войну, набирать и содержать армію и флотъ, созывать и вооружать милиціи, но ему не оставлено право заключать миръ. Въ этомъ случаѣ президентъ является представителемъ и органомъ націи, онъ только одинъ можетъ заключать какого бы то ни было рода международные договоры, мирные, союзные, торговые, нейтральные, оборонительные и наступательные. Но и трактаты, заключенный президентомъ по предоставленной ему власти, до тѣхъ поръ недѣйствительны, пока не будутъ одобрены въ сенатѣ большинствомъ двухъ третей его членовъ. Если же при заключеніи какого-либо трактата предстоятъ денежные издержки или необходимъ новый законъ, то утверженіе издержекъ и закона принадлежитъ уже не одному сенату, но и палатѣ представителей.

Какъ единственный глава исполнительной власти, и ближайшій распорядитель дѣлами союза, президентъ по конституціи есть главнокомандующій арміей, флотомъ и милиціей; одинъ только онъ имѣетъ право назначать генераловъ и офицеровъ арміи. Какъ единственный представитель націи, внѣ ея территории, онъ назначаетъ, съ согласія сената, посланниковъ, министровъ и консуловъ, принимаетъ представителей иностранныхъ державъ, а члены дипломатическаго корпуса имѣютъ право по своимъ официальнымъ дѣламъ входить въ сношенія съ однимъ только президентомъ, или съ назначаемымъ имъ государственнымъ секретаремъ. Они не могутъ аннулировать на рѣшенія, постановленныя президентомъ, въ конгрессъ, но въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, могутъ обращаться съ жалобой на него къ федеральному суду.

Неограниченное право устанавливать и взимать, какъ прямыя, такъ и косвенныя налоги, принадлежитъ конгрессу. Онъ также имѣетъ право заключать внутренніе и внѣшніе займы. Прямые налоги должны быть опредѣляемы соотвѣтственно числу населенія, пользующемуся правомъ народнаго представительства. Надобно замѣтить, что вслѣдствіе этого прямыя налоги таготѣли болѣе на югѣ, нежели на сѣверѣ, такъ-какъ пять негровъ считаются, въ этомъ случаѣ, за трехъ бѣлыхъ. Впрочемъ, прямыя налоги чрезвычайно рѣдки. Въ мирное время федеральное правительство получало весь свой доходъ отъ косвенныхъ налоговъ, или, вѣрнѣе сказать, отъ таможенныхъ пошлинъ. Эти пошлины, въ силу конституціи, должны быть въ равномъ размѣрѣ для всѣхъ штатовъ. Налоги, опредѣленные конгрессомъ, должны служить: 1) для платежа федеральныхъ долговъ, 2) для общей защиты отъ непріятеля, и 4) для общаго благосостоянія. Пользуясь неопредѣленностію послѣдняго выраженія, конгрессъ устанавливаетъ иногда налоги на сооруженіе дорогъ и каналовъ, когда съ сооружениями этого рода бываетъ соединены международныя, а не мѣстныя выгоды и удобства.

Конгрессъ имѣетъ право распоряжаться государственными финансами, такъ что никакая сумма не можетъ быть расходована безъ его разрѣшенія. Всякій билль, имѣющій цѣлью взиманіе налога, долженъ быть принятъ прежде палатою представителей, но сенатъ уполномоченъ конституціей измѣнять билль, касающійся налога, точно такъ же, какъ и всякій другой. Конгрессъ имѣетъ право чеканить монету, наказывать поддѣльвателей фальшивой монеты и бумажныхъ денежныхъ знаковъ. Онъ регулируетъ торговлю съ иностранными націями, съ индійскими племенами, и между разными штатами союза. Ему принадлежитъ право издавать законъ о банкротствѣ, обязательный для всѣхъ штатовъ, но до сихъ поръ конгрессу не удалось еще издать такого закона, несмотря на многократныя попытки.

Конгрессу предоставлена власть издавать всѣ законы, необходимыя для приведенія въ исполненіе обязанностей, лежащихъ на федеративномъ правительствѣ; онъ обязанъ, между прочемъ, преслѣдовать и случаи государственной измѣны. Упомянувъ о преступленіи этого рода, сѣверо-американская конституція позаботилась прежде всего опредѣлить его сущность, и не придала ему такого широкаго значенія, какое имѣетъ оно въ уголовныхъ законахъ другихъ странъ. Конституція постаралась о томъ, чтобы подѣломъ государственною безопасності, федеральная власть не овладѣла свободою гражданъ, и потому постановила, что измѣна, въ законномъ значеніи этого слова, бѣваетъ только тогда, когда гражданинъ съ вооруженными людьми возстаетъ противъ Соединенныхъ штатовъ, или оказываетъ помощь ихъ неприятелю. Никто не можетъ быть обвиненъ въ государственной измѣнѣ иначе, какъ только вслѣдствіе публичнаго признанія передъ судомъ, или по показанію двухъ свидѣтелей, подтверждающихъ фактъ государственной измѣны. За это преступленіе виновный наказывается повѣшеніемъ, но конфискація имущества ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста.

Отдѣльными территоріи, необразовавшія еще штатовъ, состоятъ въ завѣдываніи конгресса; онъ учреждаетъ изъ нихъ штаты, и допускаетъ ихъ въ союзъ. Впрочемъ, жителямъ территоріи предоставляется составить свою частную конституцію съ тѣмъ, чтобы конституція эта была республиканская, была бы представлена на разсмотрѣніе конгресса и одобрена имъ. Конгрессъ завѣдуетъ также исключительно округомъ Колумбій, который, какъ мѣстопробываніе федеральнаго правительства, не входитъ въ составъ какого-либо отдѣльнаго штата. Конгрессъ имѣетъ также полную власть надъ федеральными фортами, доками, провіантскими и комисаріатскими магазинами и складами. Онъ, какъ самостоятельное, въ этомъ случаѣ, учрежденіе, покупаетъ у штатовъ въ свою собственность мѣста для устройства крѣпостей и другихъ стратегическихъ пунктовъ.

Почты состоятъ въ завѣдываніи федеральнаго правительства. Слышатся, однако, жалобы на то, что тридцать лѣтъ тому назадъ, президенты сдѣлали изъ почтовой службы какую-то монополію,

второму они дѣлятся со своими сторонниками. Законы, касающіеся натурализаціи, привилегій на изобрѣтенія, литературной собственности, принадлежатъ центральной власти, хотя въ прежнее время каждый штатъ былъ самостоятельнымъ распорядителемъ дѣлъ этого рода на пространствѣ своей территоріи.

Вникая въ духъ сѣверо-американской конституціи, надобно сказать, что въ сущности она представляетъ либеральное развитіе великой англійской хартіи и билля о гражданскихъ правахъ англичанъ, изданнаго въ 1689 году. Развитію этому содѣйствовало отсутствіе аристократіи, господствующей церкви и привилегій по владѣнію поземельной собственностію, порождающихъ въ Англии словенное неравенство, которое очень неблагоприятно отзывалось на воемъ государственномъ строѣ Англии.

Несмотря на свое англійское происхожденіе, конституція Соединенныхъ штатовъ оказывается въ своемъ практическомъ примѣненіи совершенно новымъ явленіемъ въ исторіи государственнаго устройства. Она разрѣшила задачу устройства республики на громадной территоріи и представляетъ удачное соглашеніе автономіи областей съ центральной властью. Хотя президентъ и конгрессъ имѣютъ въ своихъ рукахъ законъ, казну и военную силу, тѣмъ не менѣе штаты сохранили свою политическую и административную самостоятельность. Они имѣютъ свои собранія, свои суды, отдѣльную администрацію и милицію, и весьма мало заботились о томъ, что происходило въ Вашингтонѣ. Правда, что послѣднія событія нарушили обычный ходъ дѣлъ въ республикѣ и подали поводъ къ порицанію ея органическаго устройства. Федеральное правительство обвиняютъ въ томъ, что оно, слишкомъ поддерживая самостоятельность штатовъ, подготовило свою собственную слабость и тѣмъ самымъ далю Югу возможность приготовиться къ сопротивленію Сѣверу и къ расторженію союза. Полагаютъ, что причиной настоящихъ бѣдствій была нерѣшительность вашингтонскаго правительства, и что южане никогда не отважились бы противостать ему съ оружіемъ въ рукахъ, еслибъ видѣли его твердость и готовность поддерживать организацію союза. Какъ бы то ни было, но люди, хорошо знакомые съ политическимъ устройствомъ Соединенныхъ штатовъ, думаютъ, что если возстанетъ миръ, то не потребуются никакихъ измѣненій въ союзной конституціи, и для поддержанія добраго согласія между штатами нужно будетъ только поддерживать прежнюю организацію, которая, какъ мы замѣтили, доставила уже союзу семьдесятъ лѣтъ благосостоянія и величія и была нарушена не вслѣдствіе дурнаго его устройства, но вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, какихъ не могли предвидѣть составители конституціи.

По послѣднимъ извѣстіямъ, отряды южныхъ войскъ продолжаютъ сдаваться сѣверянамъ. Новый президентъ Джонсонъ обнаружилъ энергію, достойную его предшественника, но вмѣсто той примирительной протести, которой отличались распоряженія Линкольна, онъ показываетъ готовность прибѣгнуть къ самымъ строгимъ мѣ-

рамъ противъ предводителей возстанія. Въ объявленной Джонсономъ прокламаціи, президентъ Джеферсонъ-Девизъ обвиняется въ соучастіи по убійству Линкольна, и за поимку его назначена награда въ 100,000 долларовъ. Теперь изъ Нью-Йорка сообщаютъ о готовящемся походѣ сѣверо-американскихъ флибустьеровъ противъ Мексики. Это обстоятельство заставляетъ предполагать перемѣну французской политики въ отношеніи къ вашингтонскому кабинету.

Отношенія нашей литературы и преимущественно журналистики къ вопросамъ изъ политической и общественной жизни указывали на необходимость ввести новый цензурный порядокъ. Кромѣ того, та часть нашего законодательства, которая относилась къ цензурѣ, представляла чрезвычайную нестройность и неопредѣленность. Хотя, какъ мы увидимъ, у насъ нѣсколько разъ были издаваемы цензурные уставы, но общія устанавливаемые ими правила въ скоромъ времени измѣнялись вслѣдствіе новыхъ отдѣльных постановленій, не только небывшихъ въ связи съ общими уставами, но и очень часто противорѣчившихъ главнымъ ихъ основаніямъ. Значеніе нашей прессы въ настоящее время за-границей требовало также измѣненія законодательства по цензурѣ, въ главныхъ его началахъ. Во мнѣніи Европы, предварительная цензура отнимала у нашей публицистики то значеніе, какое она должна имѣть, какъ болѣе или менѣе самостоятельное выраженіе общественнаго мнѣнія посредствомъ печати. Политическія статьи нашихъ периодическихъ изданій, и помѣщаемыя въ нихъ опроверженія ложныхъ слуховъ и сужденій о событіяхъ въ нашемъ отечествѣ, а также и о нашей политикѣ принимались на Западѣ, вслѣдствіе предварительной цензуры, не болѣе какъ отголоски официальныхъ мнѣній и взглядовъ. Эта мысль была даже высказана дипломатическимъ путемъ, такъ-что само министерство иностранныхъ дѣлъ сочло нужнымъ сообщить печатно о томъ, что журналистика наша, относительно взглядовъ на политическія событія въ Европѣ, находится внѣ всякой отъ него зависимости, и подлежитъ въ этомъ случаѣ только общимъ цензурнымъ правиламъ.

Первое распоряженіе о цензурѣ въ Россіи относится къ 1720 году. Въ этомъ году изданъ указъ о непечатаніи никакихъ книгъ ни прежнихъ, ни новыхъ изданій, безъ полученія на то дозволенія отъ духовной коллегіи. Надобно впрочемъ замѣтить, что по точному смыслу упомянутаго указа, это распоряженіе относилось только къ церковнымъ книгамъ. Въ регламентѣ духовной коллегіи, вышедшемъ въ слѣдующемъ году, повелѣвалось: «аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ, и тое бѣ не печатать, но первѣе презентовать въ коллегіумъ». Въ 1732 году, послѣдовало запрещеніе о ввозѣ въ Россію польскихъ календарей, потому что, какъ сказано въ указѣ объ этомъ, «въ прогностикахъ находятся о нашей им-

верия, а особливо о Украинѣ, нѣкоторые зловымишленные пассажи, чѣмъ неразумительно народъ можетъ легко придти въ какой соблазъ и сумнѣніе». Въ 1742 году, состоялся указъ о выходѣ Россійскихъ Вѣдомостей академіи наукъ съ апробаціи сенатской конторы. Затѣмъ не дозволено было привозить изъ-за границы печатанныхъ въ чужихъ краяхъ на русскомъ языкѣ книгъ, неосвидѣтельствованныхъ синодомъ, и переводить безъ его дозволенія иностранныя духовныя книги. Въ 1751 году, запрещено было печатать въ газетахъ безъ высочайшаго одобренія «артикулы», касающіяся императорской фамиліи. Далѣе слѣдовало нѣсколько указовъ о представленіи на предварительное разсмотрѣніе книгъ духовнаго содержанія и о печатаніи въ вѣдомостяхъ только такихъ узаконеній, которыя объявляются во всеобщее свѣдѣніе.

Собственно же общая для всѣхъ книгъ цензура установлена съ 15-го января 1783 года, когда дозволено было во всѣхъ городахъ и столицахъ заводить типографіи, но съ тѣмъ, чтобъ въ нихъ печатались книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ иенначе, какъ съ освидѣтельствомъ отъ управы благочинія. Въ издаваемыхъ книгахъ не должно было находиться ничего прѣтивнаго законамъ божіимъ и гражданскимъ или клонящагося къ явнымъ соблазнамъ. По всей вѣроятности, управа благочинія брала плохо въ толкъ книжную мудрость, потому что въ 1785 году «въ разсужденіи, что изъ типографіи Новикова выходятъ *странныя* книги», повелѣно было опредѣлить духовныхъ и свѣтскихъ особъ для освидѣтствованія книгъ, выходящихъ въ Москвѣ изъ вольныхъ типографій». Съ того времени стали появляться указы о строгомъ разсмотрѣніи книгъ церковныхъ и относящихся къ священному писанію и вѣрѣ православной.

Первый разъ слова «цензура» и «цензоръ» было употреблены въ указѣ 15-го мая 1790 года. Въ этомъ указѣ сказано, что цензура книгъ должна зависѣть отъ управы благочинія, отъ которой и цензора слѣдуетъ назначить. Особыя строгости по цензурной части были приняты въ 1796 году. Изданнымъ въ этомъ году указомъ повелѣно было: учредить цензуру изъ одного духовнаго и двухъ свѣтскихъ лицъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ и при развильовской таможенѣ; частныя типографіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, упразднить, не издавать никакихъ книгъ безъ цензурнаго разсмотрѣнія; это же правило было распространено и на періодическія изданія. Этимъ указомъ заключилось царствованіе императрицы Екатерины относительно русскаго печатнаго слова.

При императорѣ Павлѣ, цензура перешла въ ученое вѣдомство, такъ-какъ свѣтскихъ цензоровъ велѣно было назначать отъ академіи наукъ и университетовъ. Цензорамъ было назначено жалованье неравножѣрно: 1,000, 1,200 и 1,800 рублей. Духовнымъ же цензорамъ по 500 рублей. Императоръ не удовольствовался однако новымъ цензурнымъ порядкомъ, и въ слѣдующемъ году было повелѣно: книги, признаваемые цензурою недозволенными или сомнительными, представлять на разсмотрѣніе совѣта его императорскаго ве-

личества. Въ томъ же году распространена цензура и на еврейскія книги, привозимыя изъ-заграницы. Еврейскимъ цензорамъ было назначено 300 рублей ежегоднаго жалованья. Съ 1798 г. книги на армянскомъ языкѣ стали подлежать духовной цензурѣ. Въ этомъ же году подверглись строгому преслѣдованію иностранныя газеты, получаемыя въ Росіи, вслѣдствіе того, что, какъ сказано въ указѣ, «газетчики отступаютъ отъ прямой цѣли должности своей и ищутъ, по подущенію ли французовъ или по собственнымъ своимъ дурнымъ расположеніямъ, подражать имъ». Вообще царствованіе Павла представляетъ рядъ мѣръ противъ привоза въ Россію иностранныхъ изданій, между тѣмъ какъ относительно русской прессы, послѣ приведенныхъ выше указовъ, не состоялось никакихъ новыхъ распоряженій. Мѣры противъ иностранной печати кончились тѣмъ, что 18-го апрѣля 1800 г. было запрещено вывозить изъ-заграницы, впрямь до указа, не только всякаго рода книги, но и музыкальныя ноты.

Изъ указа 1802 года видно, что тогдашнее правительство смотрѣло на цензуру, установленную при Екатеринѣ и Павлѣ, какъ на временную мѣру, вызванную внѣшними обстоятельствами. По минованіи этихъ обстоятельствъ, императоръ Александръ разрѣшилъ открывать снова вольныя типографіи и печатать въ нихъ книги на всѣхъ языкахъ, «наблюдая только, чтобы въ нихъ не было ничего противнаго законамъ божіимъ и гражданскимъ и клонящагося къ явнымъ соблазнамъ». Должность цензоровъ была упразднена и разсмотрѣніе книгъ было возложено на губернаторовъ съ тѣмъ, чтобы они употребляли для этого директоровъ народныхъ училищъ.

Въ 1804 году, съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія, цензорская часть поступила въ вѣдѣніе университетовъ, а въ Петербургѣ, при несуществованіи еще университета, былъ учрежденъ особый цензурный комитетъ. Въ этомъ же году былъ изданъ уставъ о цензурѣ. Чтобы дать общее понятіе о духѣ этого устава, запрещавшаго допускать въ печати «противное закону божіему, правленію, нравственности и личной чести», укажемъ на 21-ю его статью. Въ этой статьѣ сказано, что цензура въ запрещеніи печатанія или пропуска книгъ и сочиненій, «должна руководствоваться благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненія или мѣстъ, которыя, по какимъ либо мнимымъ причинамъ, кажутся подлежащими запрещенію. Когда же мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать его выгодѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели преслѣдовать его».

Нельзя также остановиться и на слѣдующемъ правилѣ, заявлявшемъ, что «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но и пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія.»

Вообще первый цензурный уставъ отличался такою правильно-стью взгляда на значеніе литературы, которая могла бы быть во многихъ случаяхъ примѣняема и къ позднѣйшему времени.

Въ 1810 году, дѣла по цензурнымъ установленіямъ поступили въ вѣдомство министерства полиціи, хотя цензура всѣхъ издаваемыхъ въ имперіи книгъ и періодическихъ сочиненій была оставлена въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а министру полиціи было предоставлено, что если онъ усмотритъ въ книгахъ, изданныхъ съ цензурнымъ одобреніемъ, мѣста и выраженія, подающія поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, доводить объ этомъ до высочайшаго свѣдѣнія и ожидать дальнѣйшихъ повелѣній. Въ 1812 году, учреждена цензура при военномъ комитетѣ, а въ 1814 году учрежденъ комитетъ цензуры духовной, для разсмотрѣнія сочиненій духовныхъ и относящихся къ училищамъ духовнаго вѣдомства.

Царствованіе императора Александра I заключилось слѣдующими двумя указами по цензурной части. Первымъ, состоявшимся по докладу графа Аракчеева, запрещено было чиновникамъ, находящимся въ службѣ, издавать безъ дозволенія начальства сочиненія, заключающія что либо касающееся до виѣшнихъ или внутреннихъ отношеній руссійскаго государства. Вторымъ указомъ внушалось строгое наблюденіе, дабы, какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ переводахъ и сочиненіяхъ «не укрывалось» ничего колеблющаго вѣру и благонравіе.

Въ 1826 году, былъ изданъ новый цензурный уставъ, составленный министромъ народнаго просвѣщенія Шишковымъ, который, какъ видно изъ его доклада, еще въ 1815 году, въ качествѣ члена государственнаго совѣта, заявлялъ, что, «существовавшая цензура недостаточна къ отвращенію вреда, приносимаго худыми книгами, воспитанію, нравамъ и просвѣщенію». Въ докладѣ своемъ адмиралъ сѣтуетъ, что на мнѣніе его не обратило тогда вниманіе министерство народнаго просвѣщенія.

Шишковъ подвелъ подъ цензуру географическія карты, чертежи, планы и музыкальныя ноты. Онъ находилъ, что обязанность цензуры при разсматриваніи «всѣхъ сихъ произведеній» состоитъ въ оградѣніи святнии, нравовъ, чести народной и личной не только отъ злонамѣреннаго или преступнаго, но и всякаго неумышленнаго на нихъ покушенія. Онъ учредилъ «верховный цензурный комитетъ», для разсмотрѣнія дѣлъ по цензурѣ, «требующихъ соображеній въ государственномъ видѣ, какъ по отношенію къ внутреннему устройству Россіи, такъ и виѣшнихъ ея сношеній». Верховный цензурный комитетъ долженъ былъ изъять изъ обращенія и прежде изданныя книги, еслибы онѣ омазались вредными въ какомъ бы то ни было отношеніи. По новому уставу требовалось, чтобы и повременныя наданія представлялись въ рукописи, и чтобы мѣста духовнаго содержанія разсматривались даже и въ обнихъ сочиненіяхъ духовною цензурой. Право на повременныя изданія представлялось только «человѣку добрыхъ нравовъ». Статьи, касаю-

щіяся до государственнаго управленія, не могли быть печатаами безъ согласія того министерства, о предметахъ коего въ нихъ разсуждалось. Запрещено было печатать записки частныхъ людей по тажебнымъ дѣламъ. Такому же запрещенію подлежали всѣ вообще отрывки изъ поэмъ, повѣстей, романовъ, рѣчей, разсужденій, «нимѣющія полноты содержанія въ отношеніи къ нравственной, полезной, или, по-крайней-мѣрѣ, безвредной цѣли». Не дозволено, въ противность уставу 1804 года, пропускать мѣста, имѣющія двойкій смыслъ, если одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ. Запрещенъ рядъ точекъ для того, чтобъ читатели не угадывали пропущенныхъ мѣстъ. Не допускались къ печати сочиненія, «нарушавшія правила и чистоту русскаго языка». Не дозволялось печатать сочиненія, въ которыхъ «предлагались неумѣстные совѣты и наставленія какому бы то ни было правительству». Въ историческихъ сочиненіяхъ не допускались «произвольныя умствованія». На медицинскія книги было обращено тоже немалое вниманіе.

Но замѣчательнѣе всего слѣдующее соображеніе составителя новаго устава: «Такъ какъ уставъ о ценсурѣ—сказано въ 213 §— не долженъ быть извѣстнымъ никому изъ писателей или художниковъ, издающихъ въ свѣтъ свои произведенія, то, въ случаѣ важныхъ обстоятельствъ, отвѣтственность ихъ за содержаніе напечатаннаго не прекращается отъ того, что они напечатаны по одобренію цензора».

Въ 1833 году отмѣнено было запрещеніе издавать сочиненія или книги, если въ нихъ не соблюдались правила и чистота русскаго языка. Затѣмъ слѣдовали нѣкоторыя распоряженія по частнымъ случаямъ, имѣвшія цѣлью усилить цензурное наблюденіе, и кромѣ того сочиненія и статьи по предметамъ специальнымъ дозволялось печатать не иначе, какъ съ разрѣшенія того административнаго вѣдомства, къ которому они могутъ относиться. Замѣчательно, между прочимъ, распоряженіе 1847 года, въ которомъ требовалось особой внимательности къ стремленію нѣкоторыхъ авторовъ возбудить въ читающей публикѣ «необузданные порывы патріотизма». Съ 1848 года почти всѣ цензурныя распоряженія выходять по частнымъ случаямъ, вслѣдствіе докладовъ государю императору или «по дошедшимъ до его величества свѣдѣніямъ». Журнальная полемика, бельетристика, статьи о народномъ бытѣ и т. д. были обусловливаемы особыми правилами.

Въ 1857 году вышелъ «Сводъ уставовъ о ценсурѣ». Этотъ сводъ возвратился къ мысли устава 1804 года, требуя, чтобъ цензура обращала вниманіе на духъ сочиненія, видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимала за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія въ дурную сторону. Она не должна была «дѣлать привязки къ словамъ и буквальныймъ выраженіямъ». Въмѣстѣ съ этимъ было однако поставлено, что статьи, назначаемыя отъ какаго-бы то ни было временнаго изданія, подвергаются предварительному разсмотрѣнію осо-

были вѣдомствами, къ которымъ онѣ относятся по своему спеціальному содержанию. Въ скоромъ времени сводъ цензурныхъ постановленій былъ дополненъ особыми распоряженіями по разсмотрѣнію статей: о гласномъ судѣ, крестьянскомъ вопросѣ, обществахъ трезвости, откупахъ, правахъ дворянства и по другимъ вопросамъ, занимавшимъ въ ту пору нашу прессу.

10 марта 1862 года цензура была передана въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. При этомъ были отмѣнены назначенные отъ разныхъ вѣдомствъ чиновники для просмотра статей, касающихся этихъ вѣдомствъ, а пропускъ статей и извѣстій политическаго содержанія порученъ былъ общей цензурѣ. 12 мая были утверждены временныя правила по цензурѣ, ограничившія гласность, бывшую въ ту пору въ большомъ ходу и, кромѣ того, даны были особыя наставленія для цензурованія статей, касающихся: военно-сухопутной части, судебной, финансовой и предметовъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, изъ историческаго очерка нашей цензуры надобно придти къ тому заключенію, что она собственно не имѣла еще ни разу прочнаго законодательства, такъ-какъ по изданіи органическихъ для нея уставовъ, они тотчасъ же дополнялись и измѣнялись частными постановленіями, относившимися какъ къ общему порядку, такъ и къ спеціальнымъ вопросамъ.

6 апрѣля нынѣшняго года изданы новыя постановленія по цензурной части, представляющія измѣненія или дополненія прежнихъ узаконеній и особыхъ распоряженій по дѣламъ печати. Переходное положеніе нашего судопроизводства и судоустройства не позволяетъ еще въ настоящее время облечь правила по дѣламъ книгопечатанія въ форму органическаго закона. Цѣль же вновь изданныхъ постановленій, какъ сказано въ высочайшемъ указѣ, данномъ сенату—заключается въ томъ, чтобы предоставить отечественной печати возможныя облегченія и удобства. Нетолько совершившіяся въ послѣднее время государственныя преобразованія, но и то значеніе, которое получила при этомъ наша литература и журналистика, указывали на необходимость иного порядка по дѣламъ цензуры, неудовлетворявшаго уже современнымъ потребностямъ и взглядамъ, установившимся въ образованномъ обществѣ на свободу книгопечатанія.

Еще съ начала 1862 года вопросъ о печати подвергался обсужденію особыхъ комисій, учрежденныхъ по высочайшей волѣ. На основаніи трудовъ этихъ комисій, должны будутъ составиться органическія постановленія по цензурной части сообразно съ тѣми особенностями, на которыя укажетъ опытъ по примѣненію книгъ изданныхъ временныхъ правилъ. Отличительную черту этихъ правилъ составляетъ освобожденіе нѣкоторыхъ произведеній печати отъ дѣйствій предварительной цензуры по желанію авторовъ или редакторовъ, съ соблюденіемъ особыхъ, постановленныхъ на подобные случаи правилъ.

Само собою разумѣется, что пользование этимъ правомъ будетъ весьма много зависѣть отъ образа дѣйствій будущихъ нашихъ судиллицъ, такъ-какъ безъ правильного суда нѣтъ гарантій ни для лицъ, подвергнувшихся обвиненію за нарушение цензурныхъ постановленій, ни для общества и отдѣльныхъ личностей, испытывающихъ злоупотребленіе печатнымъ словомъ.

Кромѣ того, пользование упомянутымъ правомъ будутъ найдены въ зависимости и отъ хозяйственныхъ дѣлъ редакцій, такъ-какъ для полученія этого права требуется представленіе денежныхъ залоговъ въ размѣрахъ довольно значительныхъ. На залогн эти будутъ падать взысканія, въ случаѣ присужденія къ нимъ редакторовъ за несоблюденіе цензурныхъ требованій. При этомъ освобожденіе отъ предварительной цензуры не распространяется на новыя изданія, такъ-какъ предоставленіе имъ этого права будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, никакъ нельзя сказать, до какой степени разовьется вообще освобожденіе періодическихъ изданій отъ предварительной цензуры, какъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ особыхъ условій, такъ и вслѣдствіе предпочтенія самими редакторами предварительной цензуры освобожденію отъ ея дѣйствія.

Отъ предварительной цензуры, безъ представленія залоговъ, освобождаются всѣ оригинальныя сочиненія, объемомъ не менѣ десяти печатныхъ листовъ, и всѣ переводы объемомъ не менѣ двадцати печатныхъ листовъ.

Кромѣ денежныхъ взысканій или тюремнаго заключенія, за отступленіе отъ цензурныхъ постановленій, повременныя изданія подлежатъ еще новому виду взысканія. Министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ право дѣлать имъ предостереженія съ указаніемъ на статью, подавшюю къ этому поводъ. Третье предостереженіе пріостанавливаетъ изданіе на срокъ, назначенный министромъ. Здѣсь, впрочемъ, можетъ возникнуть вопросъ о томъ срокѣ, продолженіе котораго должны послѣдовать эти предостереженія для того, чтобъ троекратное ихъ повтореніе влекло за собою пріостановленіе періодическаго изданія. Пріостановленіе изданія не можетъ быть возобновлено иначе, какъ съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ; но о совершенномъ прекращеніи изданія, министръ входитъ съ представленіемъ въ 1-й департаментъ правительствующаго сената.

Весьма важнымъ вопросомъ является вопросъ о судѣ по дѣламъ печати. Отвѣтственными въ этомъ случаѣ лицами, въ указанной впрочемъ постепенности, признаются: сочинитель, издатель и типографщикъ. Редакторъ же отвѣчаетъ во всякомъ случаѣ, какъ главный виновникъ. Для сужденія проступковъ по дѣламъ печати—впредь до введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года—учреждаются особыя присутствія. Самый большой размѣръ денежнаго взысканія съ редакціи полагается въ 500 рублей. Порядокъ суда по дѣламъ объ оскорбленіи въ печати, а также о всякомъ печатномъ оглашеніи о частномъ или должностномъ

лицѣ, или обществѣ, или установленія такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству или добродушію имени — весьма сходенъ съ тѣмъ порядкомъ, который принятъ на этотъ счетъ во французскомъ законодательствѣ. Само собою разумѣется, что только опытъ и новая судебная практика, а также отголосокъ общественнаго мнѣнія, должны будутъ показать, до какой степени возможна и полезна у насъ подобная примѣнимость.

Драматическія сочиненія къ представленію на театрѣ будутъ дозволяемы особыми цензорами, а сомнительныя при этомъ случаѣ будутъ разрѣшаемы министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Новыя постановленія по дѣламъ печати войдутъ въ силу съ 1-го сентября 1865 года.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Заботы немцевъ о пользахъ Россіи.—Депутація германскаго торговаго сейма, въ началѣ 1864 г., адресовала русскому правительству записку о заключеніи торговаго и таможеннаго трактата между Россією и германскимъ таможеннымъ союзомъ, увѣщевая самымъ убѣдительнымъ образомъ наше правительство оставить систему «уединенія отъ великаго международнаго обмѣна товаровъ» ради экономическаго развитія, требующаго свободнаго движенія. Предлагаемая въ этой запискѣ мѣры клонятся къ коренному измѣненію тарифа и узаконенію нашихъ о торговлѣ и мореплаваніи, а также къ нѣкоторымъ частнымъ улучшеніямъ по относящимся къ международной торговлѣ предметамъ, каковы, напримѣръ: таможенные обряды и формальности, торговое судопроизводство, уменьшеніе гербовыхъ пошлинъ, введеніе метрической системы и т. п. Кромѣ этого, въ запискѣ выражено много сердечнаго доброжелательства русскому народу, *но болѣе дѣйствительное* побужденіе этой вылазки, конечно, слѣдуетъ искать въ практическихъ причинахъ, изъ которыхъ самой главной является торговый трактатъ, заключенный отъ имени таможеннаго союза Пруссіей съ Франціей, 2-го августа 1861 г. По поводу этого трактата германскія торговыя палаты въ прусскихъ провинціяхъ, пограничныхъ съ Россією, заявляли тогда, что трактатъ съ Франціей «долженъ самъ собою обратить вниманіе германскаго торговаго и промышленнаго класа болѣе, чѣмъ прежде, на существованіе на сѣверо-восточныхъ границахъ союза весьма обширной торговой области, противопоставляющей естественному и успѣшному движенію международной торговли, посредствомъ своей запретительной и охранительной системы, величайшія препятствія и затрудненія, отъ которыхъ ни одна иностранная земля не страдаетъ болѣе Германія». Дѣйствительно, Германія, переполненная ввозными товарами чрезъ французскую границу, не имѣетъ столь же свободнаго канала для сбыта, чрезъ русскія границы; но Россія въ

этомъ отношеніи находится въ положеніи еще болѣе невыгодномъ, чѣмъ Германія, потому что наши восточныя границы, отдѣляющія христіанскій міръ отъ Азіи, не представляютъ намъ никакихъ условій сбыта, хотя бы были такъ же свободны, какъ желаетъ того Германія относительно сопредѣльныхъ съ ней нашихъ границъ; слѣдовательно, кто нибудь изъ двухъ—Германія или Россія, неизбѣжно должны терпѣть невыгоды свободной торговли. Германія убѣждаетъ, чтобы мы приняли на себя эту долю; но намъ, конечно, позволительно желать, чтобы насъ миновала «сія чаша». Нѣтъ спору, что идея свободной торговли принадлежитъ къ самымъ великимъ идеямъ нашего вѣка, но безусловное принятіе ея всякой страной не допускаетъ сама жизнь, ея практическія указанія и слишбѣмъ осязательные доводы здраваго смысла. Россія, естественно, должна войти въ общее движеніе свободнаго всемірнаго обмѣна, но не прежде, какъ она сравняется съ остальной Европой въ степени своей производительности и въ своемъ государственномъ устройствѣ. Такимъ образомъ, признавъ въ принципѣ свободу торговли, мы должны, во имя своихъ практическихъ интересовъ, слѣдовать этой системѣ съ крайней постепенностью и осторожностью. Можетъ быть, ни въ чемъ другомъ мы не обязаны быть столько осторожны и постепенны, какъ въ торговыхъ международныхъ вопросахъ. Въ экономическомъ отношеніи вообще мы сильно отстали отъ Европы, и подвигаться на этомъ пути не можемъ такъ же быстро, какъ европейскія государства, потому что производительность наша побуда находится еще въ весьма слабомъ состояніи и неизбѣжно должна оставаться, болѣе или менѣе продолжительное время, въ состояніи крайней неопредѣленности, вслѣдствіе новыхъ экономическихъ условій, возникающихъ изъ ряда коренныхъ гражданскихъ реформъ, совершающихся съ начала настоящаго царствованія.

Записка германскаго торговаго сейма сообщена была нашимъ правительствомъ на разсмотрѣніе биржевыхъ комитетовъ, изъ которыхъ петербургскій, рижскій и одесскій представили свои мнѣнія, публикуемые нынѣ министерствомъ финансовъ (*). Въ этихъ мнѣніяхъ разсмотрѣна записка весьма многосторонне; петербургскій и рижскій комитеты пришли къ заключенію о необходимости для Россіи держаться охранительной системы, а одесскій соглашается съ германскимъ сеймомъ. Въ столь важномъ вопросѣ, какъ настоящій, основанія заключеній нашихъ комитетовъ имѣютъ несомнѣнный интересъ.

Петербургскій комитетъ высказался въ рѣзкомъ и *исключительномъ* отрицательномъ тонѣ. Отказавшись (вслѣдствіе пониженія ввозныхъ пошлинъ) отъ значительныхъ доходовъ—говорить онъ—и предоставивъ порты и рынки наши иностранцамъ, мы ограничиваемся сырыми продуктами земледѣлія и скотоводства. Запасы нашихъ продуктовъ будутъ, конечно, громадны повсемѣстно, но

(*) «Сборн. по М. Ф.» № 4-й, 1865 г.

несмотря на заманчивую перспективу огромнаго сбыта, можетъ, однако, случиться, что большаго требованія, по какимъ-либо причинамъ, не будетъ, и у насъ останется въ рукахъ значительное количество несбытыхъ товаровъ нашихъ. Что тогда? Странѣ придется терпѣливо ожидать лучшихъ временъ и, имѣя въ виду свѣжія произведенія слѣдующаго года, довольствоваться тѣми цѣнами, какія только предложить потребители. Пониженіе пошлинъ, желаемое германскимъ торговымъ сеймомъ, будетъ равняться почти безпошлинному ввозу иностранныхъ издѣлій, которыя, естественно, сильно стануть соперничать съ нашими, и прямое слѣдствіе будетъ остановка многихъ нашихъ мануфактуръ, заведенныхъ такими многолѣтними трудами и съ затратами огромныхъ капиталовъ, а что еще грустнѣе—размноженіе пролетаріевъ. У насъ есть селенія, занимающіяся почти исключительно выдѣлкою дешевыхъ матерій, и потому вопросъ о томъ, какая участь ожидаетъ нашъ промышленный классъ, если главнѣйшіе рынки наши будутъ наполнены иностранными издѣліями, серьезенъ. Для иностранцевъ дѣйствительно имѣется въ такомъ случаѣ блистательная перспектива снабжать своими продуктами не только всю обширную Россію, но и еще многіе азіатскіе народы, бывшіе донынѣ потребителями нашихъ фабрикацій, а какаѣ перспективы готовятся для Россіи! Дозволеніе каботажнаго судоходства, при конкуренціи нѣмецкихъ судовъ, по мнѣнію петербургскаго комитета, отниметь у насъ и тотъ малочисленный купеческій флотъ, который поддерживается, благодаря охранительнымъ постановленіямъ. Такимъ образомъ комитетъ приходитъ къ заключенію, что согласившись на предложеніе германскаго союза, Россія обрекаетъ себя на полную зависимость въ торговомъ и промышленномъ отношеніи отъ иностранцевъ.

Рижскій комитетъ, замѣчая, что Англія, Франція и Германія только недавно нашли возможнымъ оставить систему покровительства промышленности, вопрошаетъ, почему отъ Россіи требуютъ, чтобы она перешагнула естественную фазу развитія въ промышленномъ воспитаніи народа, на которой западно-европейскія государства считали нужнымъ подождать, прежде чѣмъ приступить къ измѣненію системы? О пользѣ, которую принесла для Россіи запретительная система, рижскій комитетъ говоритъ, что 50 лѣтъ тому назадъ, будучи преимущественно земледѣльческимъ государствомъ, съ сравнительно незначительною промышленною дѣятельностію, Россія, во время континентальной системы, увидѣла необходимость эмансипироваться отъ иностранцевъ посредствомъ развитія собственной промышленности. Развитіе это потерпѣло сильный ударъ, когда, по возстановленіи мира, русская торговая политика попробовала послѣдовать началамъ свободной торговли. Россія сдѣлала такой же опытъ, какъ и Сѣверо-Американскіе Штаты, гдѣ каждый періодъ свободной торговли оканчивался денежнымъ кризисомъ и всеобщимъ банкротствомъ. Тарифъ 1823 г. основалъ охранительную систему, подходящую къ

обстоятельствамъ, въ которыхъ страна находилась, и, по словамъ рижскаго комитета, чужіе капиталы и таланты потевли со всѣхъ цивилизованныхъ странъ въ Россію, чтобы вызвать тамъ къ жизни промышленность, которая имѣла самое прочное вліяніе на успѣхи народнаго благосостоянія. Милліоны работниковъ нашли на фабрикахъ выгодное занятіе, и земледѣліе не только не упало, но подтвердило и здѣсь опытъ всѣхъ западно-европейскихъ цивилизованныхъ государствъ, что раціональное сельское хозяйство неразлучно съ разнообразно-развивающеюся промышленностью, и безъ ея содѣйствія едва-ли возможно. Именно въ промышленныхъ губерніяхъ земледѣліе сдѣлало самыя значительныя успѣхи, а вывозъ изъ Россіи съ каждымъ годомъ увеличивался въ быстрой прогресіи.

Еслибы правительство пожелало измѣнить дѣйствующую нынѣ торговую политику, то по мнѣнію рижскаго комитета, необходимо отказаться отъ всякихъ сепаратныхъ трактатовъ съ отдѣльными государствами и принять за высшее правило—однаково, безъ всякихъ исключеній, относиться ко всѣмъ націямъ, имѣющимъ съ нею торговыя сношенія. Но поддерживая покровительственную систему, рижскій комитетъ полагаетъ, что не нарушая національныхъ интересовъ могли бы быть сдѣланы для международной торговли нѣкоторыя уступки: именно: 1) пониженіе ввозныхъ пошлинъ на колониальныя товары, равно какъ на необходимые для туземной промышленности сырые матеріалы и полуобработанные продукты, которыхъ Россія не можетъ производить сама; 2) назначеніе таможенныхъ пошлинъ на иностранныя промышленныя издѣлія въ размѣрѣ необходимаго для развитія внутренней промышленности покровительства, не уничтожая однако вполне иностранной конкуренціи, предохраняющей отъ застоя туземное производство; и 3) уничтоженіе пошлинъ, существующихъ въ пользу привоза чрезъ сухопутную границу, которыя сами по себѣ и по своимъ практическимъ слѣдствіямъ суть не что иное, какъ финансовая жертва Россіи для поощренія пруской морской торговли на счетъ русской. Что же касается предложенія сейма о введеніи у насъ метрической системы вѣса, уменьшенія числа тарифныхъ статей, замѣны пошлинъ съ цѣнности пошлиною съ вѣса товаровъ, то рижскій комитетъ не возражаетъ противъ этихъ статей записки; онъ признаетъ также справедливымъ упрекъ нашему правительству за то, что въ послѣдніе годы дѣлаемы были у насъ по нѣкоторымъ статьямъ тарифа прибавки, которыя неожиданно застигаютъ торговый классъ и слѣдствіе того подвергаютъ его немалымъ затрудненіямъ и потерямъ.

Приводимъ общій взглядъ рижскаго комитета на торговую политику: «международная торговля есть одинъ изъ путей къ развитію всеобщаго матеріальнаго благосостоянія страны; но точно такой же путь есть и промышленность, а еще въ большей степени внутренняя торговля, развитіе которой обуславливается

развитіемъ промышленной дѣятельности. Экономическая система, имѣющая въ виду лишь тотъ или другой изъ этихъ путей и односторонне ему покровительствующая, очевидно, есть система неудачная и не принесетъ хорошихъ результатовъ. Было бы крайне ошибочно основывать развитіе промышленности на подавленіи международной торговли, какъ и обратно — развитіе международной обмѣна на гибели туземной промышленности. Единственный правильный принципъ въ этомъ случаѣ заключается въ гармоническомъ развитіи всѣхъ факторовъ, содѣйствующихъ успѣхамъ всеобщаго благосостоянія страны. Соразмѣрность въ покровительствѣ одному на счетъ другого ни въ какомъ отношеніи не задержать прогресса, но дѣйствительно поощрить его; только она есть вѣрное и прочное средство, между тѣмъ какъ крайности и быстрыя перемѣны системъ ведутъ всегда къ экономическимъ потрясеніямъ и нерѣдко къ реакціямъ.

Мнѣніе одесскаго комитета, совершенно противоположное приведеннымъ мнѣніямъ петербургскаго и рижскаго, заключается въ порицаніи нашей протекціонной системы, во первыхъ, потому, что она развиваетъ контрабанду, и во вторыхъ, вмѣсто сосредоточиванія капиталовъ въ маломъ числѣ рукъ, у насъ замѣчается теперь недостатокъ капиталовъ, что ведетъ къ предположенію, что протекціонная система при нынѣшнихъ измѣнившихся условіяхъ быта, не можетъ содѣйствовать ни дальнѣйшимъ улучшеніямъ нашихъ фабрикацій, ни увеличенію народнаго богатства. Съ другой стороны, принимая Россію за страну преимущественно земледѣльческую, одескій комитетъ находитъ, что она принесла уже достаточно жертвъ для искусственнаго поддержанія своей фабричной и заводской промышленности; если полученные результаты до сихъ поръ не поставили ее въ положеніе, чтобы выдерживать внѣшнюю конкуренцію, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что или для самостоятельнаго существованія этой промышленности не настала еще пора, либо она вовсе не можетъ развиваться у насъ. Въ первомъ случаѣ, по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, наши фабрикаціи стануть въ уровень процвѣтанія съ западными государствами безъ всякихъ искусственныхъ поддержекъ; въ послѣднемъ же случаѣ не слѣдуетъ приносить жертвъ, несоразмѣрныхъ съ успѣхами покровительствуемой промышленности. Соглашаясь съ мнѣніемъ германскаго торговаго сейма, одескій комитетъ говоритъ, что при существованіи либеральныхъ торговыхъ трактатовъ, принятыхъ уже великими западными державами, торговая политика Россіи не можетъ долѣе оставаться изолированной, и во всякомъ случаѣ, въ интересахъ промышленности — торговля должна послѣдовать разумному экономическому прогрессу, сдѣлавъ радикальныя измѣненія въ тарифѣ и таможенныхъ постановленіяхъ. Но чтобы Россія въ состояніи была извлечь всю пользу, ожидаемую отъ введенія либеральной тарифной системы, необходимо свабдять южную часть ея такими путями сообщеній, какими

пользуются нынѣ сѣверныя и центральныя губерніи, то-есть провести желѣзныя дороги отъ центра имперіи и хлѣбородныхъ мѣстностей къ главнымъ портамъ Чернаго и Азовскаго морей, улучшить рѣчные пути для болѣе успѣшнаго судоходства и исправить главные порты посредствомъ возведенія удобныхъ гидротехническихъ сооружений. Тогда послѣдствія облегченій новаго тарифа и таможенной реформы несомнѣнно обнаружатся тѣмъ, что вывозъ естественно-русскихъ произведеній южной Россіи, то-есть продуктовъ сельской промышленности, уравновѣситъ какой-бы то ни было привозъ иностранныхъ товаровъ и, слѣдовательно, возстановитъ торговый балансъ.

Мнѣнія свои одескій комитетъ заключаетъ тѣмъ, что чѣмъ шире и либеральнѣе будутъ основы торгово-таможеннаго договора, долженствующаго идти въ уровень съ улучшенными путями сообщеній южной Россіи, и чѣмъ скорѣе осуществится эта реформа, тѣмъ своевременнѣе и надежнѣе упрочится дальнѣйшее развитіе русской промышленности и торговли.

Мы изложили мнѣнія самыхъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ русскихъ торговыхъ корпорацій; но насколько эти мнѣнія разрѣшаютъ вопросъ, возбужденный германскимъ торговымъ сеймомъ? Мнѣнія эти напоминаютъ журнальную полемику о свободной торговлѣ, оживлявшую нашу періодическую литературу лѣтъ восемь тому назадъ. Петербургскій биржевой комитетъ отдѣляется общими мѣстами покровительственной системы, говоря впрочемъ только о вредѣ для Россіи безпошлиннаго ввоза иностранныхъ товаровъ; но о томъ, требуетъ ли измѣненій настоящій тарифъ и какой должны имѣть общій характеръ эти измѣненія, для того чтобы быть целесообразными—ничего не говорится. Мнѣніе петербургскаго биржеваго комитета, похожее болѣе на летучую газетную статейку, чѣмъ на серьезное изслѣдованіе, какимъ оно должно бы быть, могло быть высказано одиваково и въ 1823, и въ 1850, и 1857 годахъ, при измѣненіяхъ въ нашемъ тарифѣ, и одинаково не послужило бы ни къ чему, какъ всякое общее мѣсто. Рижскій комитетъ соглашается на необходимость уступокъ, но съ тѣмъ, чтобы тарифъ продолжалъ быть покровительственнымъ. Мнѣнія этого комитета имѣютъ практическій характеръ, хотя тоже не разрѣшаютъ весьма существеннаго вопроса о послѣдствіяхъ подобной системы собственно въ финансовомъ отношеніи, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя отдѣлять отъ вопроса о тарифѣ, при настоящемъ состояніи денежныхъ дѣлъ въ Россіи. Одескій комитетъ говоритъ о будущемъ, то-есть о томъ блаженномъ времени, когда искусственныя пути сообщенія соединятъ югъ Россіи съ ея центромъ, и когда вслѣдствіе этого соединенія торговый балансъ возстановится и устранитъ всякія финансовыя опасенія; но мнѣніе этого комитета отличается отсутствіемъ взгляда на послѣдствія свободной торговли для Россіи собственно въ промышленномъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ, мнѣніе одесскаго комитета столько же смѣло, сколько и непрактично, потому что въ основаніи его

лежать только гадательные результаты еще будущаго устройства сообщеній.

Остается ожидать, какъ разрѣшитъ вопросъ правительство.

Жалобы англичанъ на русскій тарифъ.—Брадфордская торговая палата представила лорду Росселю записку по предмету торговыхъ сношеній этого округа съ Россіей, прося его обратить вниманіе на запретительную систему русскаго тарифа и выставляя на видъ, что торговля Англій съ Россіей приходитъ въ упадокъ. По словамъ записки, ввозъ мануфактурныхъ тканей, несмотря на то, что тарифъ 1857 г. умѣрилъ прежнюю систему, встрѣчаетъ на дѣлѣ до сихъ поръ препятствіе въ вышемъ размѣрѣ пошлинъ (сравнительно съ другими странами) и въ притѣснительныхъ (?) формальностяхъ въ портахъ. Пошлины — говорится въ запискѣ — взимаема иныѣ съ шерстяныхъ издѣлій, значительно выше средней цѣнности ихъ; почему торговля Англій съ Россіей, постепенно слабѣя, дошла до того, что привозъ въ Россію шерстяныхъ, бумажныхъ и льняныхъ издѣлій ограничивается весьма небольшимъ числомъ модныхъ предметовъ, доступныхъ лишь людямъ богатымъ. Единственное основаніе высокихъ пошлинъ на ткани, предполагать надобно, состоитъ въ желаніи покровительствовать этой отрасли туземной промышленности; но малое количество шерстяной пряжи, вывозимой для тканья въ Россію, гдѣ шерстопрядильныхъ фабрикъ не существуетъ, доказываетъ, что вышеупомянутая цѣль вовсе не достигается. Промышленность, пользующаяся столь большимъ покровительствомъ, какъ выдѣлка шерстяныхъ тканей въ Россіи, и за всѣмъ тѣмъ остающаяся столь маловажною, не можетъ принести пользы народу, который такимъ образомъ лишенъ возможности законнымъ образомъ запасаться теплымъ одѣяніемъ, столь необходимымъ ему по климату. Исчислено, прибавляетъ записка, что въ Россіи каждый потребляетъ шерстяныхъ издѣлій, какъ туземнаго, такъ и иностраннаго происхожденія, среднимъ числомъ лишь на 15 пенсовъ, тогда какъ во Франціи и Сѣверной Америкѣ приходится на человека въ 12 и въ 13 разъ болѣе, что составитъ отъ 15 до 16 шиллинговъ.

Можетъ быть, этотъ выводъ и вѣренъ, но потому только, что вовсе не принята въ расчетъ мѣховая одежда, которую носятъ русское населеніе почти всего государства чуть не цѣлый годъ.

Итакъ нѣмцы и англичане открыли противъ нашихъ таможенъ кампанію на бумагѣ; въ этомъ походѣ можно видѣть признаки того, что подъ влияніемъ прогрессивнаго развитія фабричной и мануфактурной производительности въ Англій и Германіи, страны эти нуждаются и въ расширеніи рынковъ. Не можетъ ли этотъ валоръ накопляющихся европейскихъ товаровъ оказать Россіи пользу другимъ способомъ, болѣе для насъ выгоднымъ, чѣмъ свободная торговля, предлагаемая намъ нѣмцами? Не найдутъ ли

возможнымъ и выгоднымъ для себя англійскіе и германскіе фабрики и мануфактуристы завести свои мануфактуры и фабрики въ Россіи? Ихъ капиталы и искусство несомнѣнно были бы щедро вознаграждены. Правда, что весь нашъ officialный строй пугаетъ зажиточныхъ иностранцевъ, привывшихъ къ личной свободѣ, къ прочнымъ гарантіямъ собственности и т. п.; но вѣдь съ устройствомъ ожидаемаго нами новаго суда, во всякомъ случаѣ близкаго, опасаться за свою личность и за собственность будетъ излишне; если же наше законодательство и представляетъ еще вообще такое поле, на которомъ неизбѣжны большія передѣлки и перестройки, всегда болѣе или менѣе отражающіяся на частной собственности, то въ этомъ случаѣ рискъ не можетъ быть значительнъ.

Россія, съ ея громаднымъ населеніемъ, всегда представляла для предприимчивыхъ и богатыхъ европейскихъ промышленниковъ едва ли не единственную обширную арену дѣятельности, и надо надѣяться, что наши учрежденія, съ начатками въ нихъ и ожидаемыми реформами, перестанутъ пугать иностранцевъ, которые съ обоюдными выгодами будутъ переносить къ намъ свою дѣятельность, минуя такимъ образомъ вопросы о тарифахъ и таможахъ. Механическое производство, желѣзодѣліе, производство жестяныхъ издѣлій, наконецъ водочные и пивоваренные заводы—все это ожидаетъ опытныхъ, искусныхъ и богатыхъ дѣятелей.

Америка привлекаетъ къ себѣ европейцевъ своими свободными учрежденіями и своимъ богатствомъ; послѣднее качество одинаково принадлежитъ и Россіи, и можно надѣяться, что Россія также не замедлитъ сдѣлаться для старой Европы новымъ свѣтомъ, если только нашъ тарифъ и таможи не дадутъ эксплуатировать страну извнѣ.

Исслѣдованія городского акушера г. Китера. — Профессоръ и старшій городской акушеръ Петербурга, г. Китеръ, печатаетъ въ «Архивѣ судебной медицины» (№ 1) разработанные имъ матеріалы по вопросу о дефлораціи (himen'a) въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Большинство нашихъ уголовныхъ преступленій, какъ извѣстно, относится къ посягательству на несовершеннолѣтнихъ дѣвочекъ и обольщенію взрослыхъ; между тѣмъ даже научный вопросъ объ этомъ органѣ въ нормальномъ видѣ и о поврежденіяхъ его не можетъ еще считаться достаточно изслѣдованнымъ и разрѣшеннымъ, почему медики вообще и въ особенности судебные, при недостаткѣ личныхъ изслѣдованій предмета, имѣютъ лишь о немъ весьма поверхностныя и часто ложныя понятія, считая за аксіому то, что далеко еще не определено, и увлекаясь ложнымъ авторитетомъ недостаточныхъ научныхъ данныхъ въ такихъ вопросахъ, которые вовсе не могутъ быть разрѣшены при настоящемъ состояніи науки. Слѣдствіемъ невѣ-

дѣнія медиковъ, естественно, бываютъ неправильные судебные приговоры, освобождающіе отъ законной кары виновнаго, или подвергающіе ей невиннаго. Поэтому намъ кажется весьма удачнымъ и практически-полезнымъ выборъ почтеннаго профессора, обратившагося къ изслѣдованію предмета, съ которымъ всестороннее знакомство не можетъ быть доступно всякому медику, особенно живущему въ уѣздномъ городѣ и даже губернскомъ съ ограниченными числомъ населенія. Многолѣтняя и спеціальная профессура и клиника, а также главное завѣдываніе акушерскою частью въ Петербургѣ, какъ населеннѣйшемъ городѣ Россіи, усваиваютъ г. Китеру неоспоримый авторитетъ въ предметѣ, которому посвящено его изслѣдованіе. Коснувшись критически литературы предмета, которая, какъ видно изъ статьи г. Китера, не представляетъ вполнѣ законченныхъ и вполнѣ основательныхъ трудовъ ни въ Германіи, ни во Франціи, авторъ предлагаетъ анатомическое описаніе частей женщины въ дѣвственномъ состояніи, сдѣланное имъ, въ совокупности прямо съ цѣлью настоящаго изслѣдованія, при чемъ обращено вниманіе на признаки, опредѣляющіе состояніе этихъ частей въ различныхъ возрастахъ и при совершенной или несовершенной цѣлости описываемаго органа.

Естественное стремленіе одного пола къ другому—стремленіе, въ извѣстномъ возрастѣ, неудержимое, обыкновенно дѣлаетъ предметомъ высшаго любопытства для юношей анатомическія особенности пола; слабое распространеніе во всѣхъ слояхъ нашего общества научныхъ свѣдѣній, нерѣдко бываетъ причиною самыхъ невѣжественныхъ понятій относительно физиологіи и анатоміи человѣка вообще, между тѣмъ вступленіе въ бракъ требуетъ отъ всякаго сколько нибудь образованнаго человѣка болѣе или менѣе сознательнаго пониманія важнѣйшаго изъ человѣческихъ процессовъ — брачнаго. Невѣжественныя понятія мужчинъ относительно анатоміи женщины нерѣдко бываютъ также причиною несчастныхъ браковъ, съ напрасными и безпричинными подозрѣніями и упреками женщины. Поэтому мы находимъ нелишнимъ извлечь изъ статьи профессора Китера опредѣленія его о *himen'*, основанныя на строгихъ научныхъ изслѣдованіяхъ и потому вполнѣ заслуживающія распространенія въ массѣ публики, какъ вообще заслуживаютъ того всякія основательныя научныя понятія о житейскихъ предметахъ. *Himen* есть не что иное, какъ удлинненіе или, такъ-сказать, отростокъ стѣнокъ органа. Она составляетъ главнымъ образомъ изъ удвоенія слизистой оболочки, между обонми листами которой находится довольно плотная соединительная ткань. Волокна *himen'* эластическія и гладкомышечныя. У несовершеннолѣтнихъ дѣвочекъ онъ имѣетъ верепончатый видъ, съ наступленіемъ же такъ-называемаго возмужающаго возраста немного утолщается, но вовсе не окръпляясь при этомъ, а напротивъ того, одѣвающаяся его слизистая оболочка принимаетъ болѣе бархатный и нѣжный видъ; нѣж-

ность и тонкость *himen'a* остается одинаковой у достигающих въ дѣвственности до преклонныхъ лѣтъ, такъ что, по увѣренію г. Китера, въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы между 60 лѣтними дѣвицами и 20—30 лѣтними. Вообще на видъ *himen* есть гладкая и нѣжная кожаца свѣтло-розоваго цвѣта, гладко натянутая, съ поверхностью влажною, какъ слизистая оболочка, и имѣющая посрединѣ, а иногда нѣсколько вверху или съ боку, круглое отверстіе отъ 4 до 5 миллиметровъ въ поперечникѣ, съ ровными гладкими краями. Таковъ нормальный видъ; но нерѣдко встрѣчаются уклоненія, которыя, впрочемъ, не составляютъ еще аномаліи, именно бываетъ, что часть пространства, занимаемаго *himen'омъ* въ обыкновенномъ его видѣ, остается открытымъ, что многими неопытными врачами принимается за поврежденіе. Кромѣ подобныхъ ошибокъ, въ судебно-медицинской практикѣ случалось, по свидѣтельству знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ, что врачи-слѣдователи ошибочно утверждали, будто *himen* разорванъ или даже совершенно отсутствуетъ, между тѣмъ какъ при повторенномъ изслѣдованіи другими экспертами онъ, нетолько оказывался присутствующимъ, но даже совершенно неповрежденнымъ. По словамъ г. Китера, и ему случалось констатировать то же самое. Чтобы показать, до какой степени сбивчивъ бываетъ вопросъ о цѣлости или поврежденіи *himen'a*, авторъ указываетъ на заключенія извѣстныхъ авторитетовъ въ судебной медицинѣ, какъ, напримѣръ, Орфины, который говоритъ, что «не слѣдуетъ утверждать, что женщина была лишена дѣвственности, кромѣ только тѣхъ случаевъ, гдѣ можно положительно доказать, что женщина эта родила». Между тѣмъ извѣстны несомнѣнные факты, что женщины родили, сохранявъ *himen*, который также можетъ и восстанавливаться, какъ извѣстно изъ изслѣдованій. Два другіе ученые, Брианъ и Шоде, говорятъ, «что присутствіе *himen'a* никакъ не можетъ служить непоколебимымъ признакомъ дѣвственности, а отсутствіе онаго тѣмъ менѣе еще можетъ служить вѣрнымъ доказательствомъ того, что дѣвственность уже не существуетъ». Таково состояніе вопроса собственно въ наукѣ. Что же при этомъ могла представлять практика? Между тѣмъ законъ весьма суровъ за преступленіе противъ дѣвственности, а врачи-эксперты въ каждомъ случаѣ встрѣчаютъ бездну теоретическихкихъ противорѣчій, затрудняющихъ отправленіе правосудія.

Самой капитальной частью изслѣдованія г. Китера, при современномъ состояніи вопроса въ наукѣ, являются именно указанія и опредѣленія тѣхъ признаковъ, по которымъ можно безошибочно опредѣлять поврежденіе *himen'a*, какъ бы онъ ни былъ ненормаленъ. Опытный профессоръ указываетъ всѣ приемы и мельчайшія подробности для изслѣдованій при судебныхъ дѣлахъ. На основаніи многочисленныхъ наблюденій, г. Китеръ утверждаетъ, что слѣдуя его указаніямъ, судебный врачъ во всякомъ случаѣ будетъ въ состояніи съ надлежащей точностью формулировать свои заключенія о томъ, есть ли нѣтъ поврежденія, что это поврежде

ніе совершенное, поверхностное или несовершенное, что оно еще не зажило, т.-е. свѣже, или уже зажило. Далѣе 3-хъ сутокъ нельзя уже опредѣлить время поврежденія, если оно неполное, въ волиныхъ же срокъ этотъ простирается до 10—12 дней. Это послѣднее опредѣленіе особенно важно вообще для слѣдователей, судовъ и экспертовъ, даже при дѣйствующемъ нынѣ судопроизводствѣ, тѣмъ болѣе, что новыя суды не вездѣ одновременно получаютъ свое начало. Приговоры врачей о времени поврежденія *hiper'a*, слѣдовательно, не имѣютъ уже смысла, если изслѣдованія совершены спустя двѣ недѣли. Если при опоздавшемъ изслѣдованіи наука можетъ засвидѣтельствовать только, что поврежденіе совершено, но когда—неизвѣстно, что въ большинствѣ судебныхъ дѣлъ составляетъ вопросъ первой важности, то необходимо опредѣлить закономъ самыя краткіе сроки свидѣтельствванія; во всякомъ случаѣ судамъ остается не довѣрять заключеніямъ врачей о времени поврежденія, если экспертиза совершена поздно. Понимая всю трудность судебно-медицинскаго изслѣдованія въ подобныхъ дѣлахъ, г. Кистеръ предостерегаетъ врачей и прямо совѣтуетъ имъ отказываться отъ предлагаемыхъ имъ при слѣдствіяхъ постороннихъ вопросовъ, которыхъ они не могутъ разрѣшить на точныхъ опредѣленіяхъ науки.

Кромѣ дѣлъ уголовныхъ, изслѣдованіе г. Кистера имѣетъ значеніе и для дѣлъ брагоразводныхъ, когда съ одной стороны предъявляется претензія на безсиліе, а съ другой доказывается противное.

Нѣтъ сомнѣнія, что никто не могъ пользоваться столь богатыми средствами для наблюденій; какъ г. Кистеръ въ качествѣ петербургскаго городского акушера, почему и изслѣдованія его могутъ быть приняты съ полнымъ довѣріемъ всѣми, кому ближайшее знакомство съ предметомъ необходимо для наилучшаго отправленія общественныхъ обязанностей.

Проектъ женскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.— По поводу составленнаго нынѣ проекта положенія о женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, журналъ этого министерства (*) помѣщаетъ записку по этому предмету, составленную председателемъ ученаго комитета, г. Вороновымъ, гдѣ, между прочимъ, сообщается слѣдующая краткая исторія женскаго образованія въ Россіи. До Петра 1 образованіе для женщины считалось у насъ излишнимъ; примѣръ грамотной женщины даже въ высшихъ слояхъ общества былъ большою рѣдкостью; да и послѣ реформы Петра долго еще образованіе женщины шло у насъ весьма туго. Самые зажиточные люди довольствовались науче-

(*) 1865 г. № 3.

нієм своихъ дочерей грамотѣ, т.-е. чтенію и нѣсколько письму, послѣднее считалось уже верхомъ совершенства. Учителями были простые грамотники, большею частью изъ мѣщанъ и церковниковъ. (Замѣчательно, что у насъ средній классъ явился самобытнымъ дѣятелемъ просвѣщенія). Между тѣмъ развитіе сношеній съ западною Европою мало по малу ввело новыя требованія отъ ученія. Дворянство начало заботиться объ ученіи дѣтей своихъ наукамъ, преподаваемымъ въ западныхъ школахъ; знатные люди стали посылать дѣтей своихъ учиться за границу, и иностранные учителя, преимущественно нѣмцы и французы, явились въ Россію и завели пансіоны въ столицахъ; для доказательства своихъ знаній, они обязаны были выдержать испытаніе въ Петербургѣ—въ академіи наукъ, а въ Москвѣ—въ университетѣ. При Екатеринѣ II, въ 1780 г., считалось въ Петербургѣ 23 пансіона мужскихъ и женскихъ; всѣ содержатели ихъ были иностранцы; въ пансіонахъ низшихъ учили только чтенію и письму, началамъ вѣры и арифметикѣ; въ высшихъ обучали исторіи, географіи, арифметикѣ и закону божию, или занимались однимъ только французскимъ языкомъ. Изъ числа 500 учащихся въ 23 пансіонахъ было 200 русскихъ, но русскій языкъ въ этихъ заведеніяхъ былъ въ небреженіи, и всѣ науки преподавались на французскомъ языкѣ и по французскимъ учебникамъ. Такимъ образомъ въ этотъ періодъ времени все женское образованіе предоставлено было частной дѣятельности и совершалось частію въ русскихъ школахъ, ограничивавшихъ ученіе одной грамотностію, частію въ иностранныхъ пансіонахъ и, наконецъ, дѣтей знатныхъ людей—дома, посредствомъ иностранныхъ наставницъ. Съ открытіемъ народныхъ училищъ по уставу 5-го августа 1786 г., явился еще источникъ для начальнаго женскаго образованія, потому что въ народныя училища принимались и дѣти женскаго пола. Злоупотребленія (авторъ записки не объясняетъ—какія злоупотребленія) въ частныхъ школахъ и пансіонахъ побудили правительство подвергнуть ихъ строгому надзору, а потому съ 1-го января 1785 г. частныя пансіоны и школы подчинены были вѣдѣнію комисіи училищъ и непосредственному надзору приказовъ общественного призванія. Съ 1804 г. частныя пансіоны и школы перешли въ непосредственное вѣдѣніе университетовъ и директоровъ училищъ. Въ царствованіе Екатерины II положено было прямое и, по своимъ послѣдствіямъ, плодотворное начало женскому образованію учрежденіемъ въ Петербургѣ закрытаго воспитательнаго женскаго заведенія, подъ названіемъ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ; съ того времени женскіе институты, служившіе, и до сихъ поръ служащіе, разсадникомъ образованія для многихъ тысячъ дѣвицъ благороднаго сословія, значительно умножились; но всѣ эти институты состояли всегда, и до сихъ поръ состоятъ, въ особомъ управленіи, министерству же народнаго просвѣщенія подлежало и въ прошломъ столѣтіи и нынѣ женское образованіе на столько, на сколько оно

производилось въ общественныхъ его заведеніяхъ, правительственныхъ и частныхъ училищахъ, а также домашнее учение. Мѣры министерства въ этомъ тѣсномъ кругѣ были слѣдующія: для лучшаго надзора за частными пансіонами и школами въ столицахъ, въ 1833 г. учреждены были особые инспекторы, и въ томъ же году послѣдовало высочайшее повелѣніе: впредь до усмотрѣнія, приостановиться открытіемъ новыхъ частныхъ пансіоновъ и школъ въ столицахъ и разрѣшать открытіе ихъ въ другихъ городахъ только въ случаяхъ крайней надобности. Мѣра эта отмѣнена была только въ 1857 г. Послѣдствіа запрещенія открывать женскія учебныя заведенія выразились въ цифрѣ учащихся дѣвицъ: въ 1828 г. на 8,121 учащихся въ петербургскомъ округѣ приходилось дѣвицъ 2,020, то-есть около $\frac{1}{4}$, а въ 1853 г. на 37,445 учащихся было дѣвицъ 6,984, то-есть немного болѣе $\frac{1}{5}$; число женскихъ пансіоновъ и школъ, конечно, возрастать не могло, а только уменьшалось. Домашнихъ учительницъ во всемъ петербургскомъ округѣ было въ 1853 г. только 83. Главнымъ мѣстомъ женскаго образованія были частныя пансіоны и школы; большая часть учащихся въ послѣднихъ ограничивалась элементарнымъ ученіемъ. Средства для высшаго женскаго образованія были недостаточны и почти исключительно сосредоточивались въ столицѣ и вообще въ университетскихъ городахъ. Дочери бѣдныхъ дворянъ могли поступать въ институты, а болѣе достаточныя изъ нихъ имѣли возможность воспитывать ихъ дома; но лица средняго сословія сильно страдали отъ такого недостатка способовъ женскаго образованія.

Въ 1856 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе: «приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ на первый разъ въ губернскихъ городахъ женскихъ школъ, приближенныхъ по курсу преподаванія къ гимназіяхъ, по мѣрѣ способовъ, которые могутъ къ тому представиться». Такимъ образомъ женское образованіе въ Россіи начато Екатериной II и первое развитіе его совершается только по повелѣніямъ Александра II. Но въ исполненіи повелѣнія 1856 г. министерство народнаго просвѣщенія встрѣтило затрудненія со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, который на отношеніе министра народнаго просвѣщенія съ просьбою пригласить дворянъ и городскія сословія принять въ настоящемъ дѣлѣ участіе чрезъ указаніе своихъ потребностей, или же, по мѣрѣ способовъ, и добровольными приношеніями, отвѣчалъ, что по недавнему окончанію войны, которая сопряжена была съ болѣе или менѣе значительными пожертвованіями для всѣхъ сословій, не призналъ возможнымъ исполнить просьбу министра народнаго просвѣщенія, прежде чѣмъ хозяйственныя отношенія государства придутъ въ нормальное положеніе.

Причины эти объясняютъ медленный ходъ дѣла о женскихъ училищахъ. Положеніе о нихъ утверждено было только 30 - го мая 1858 г.; чрезъ два года потомъ, 10 - го мая 1860 года, по

указаніямъ опыта, положеніе это было замѣнено новымъ, ннѣ дѣйствующимъ для всѣхъ учебныхъ округовъ, кромѣ дерптскаго, гдѣ, по отзыву попечителя, пансіоны, содержимыя частными лицами, и городскія училища вполне удовлетворяютъ требованіямъ женскаго образованія.

Основная идея обонхъ этихъ положеній заключается въ томъ, чтобы, оставивъ за женскими училищами характеръ преимущественно частныхъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на счетъ пожертвованій и взносовъ мѣстныхъ сословій, обществъ и частныхъ лицъ, вмѣстѣ съ тѣмъ самую организацію ихъ управленія соединить всѣ сословія и общества къ поддержанію и развитію сихъ училищъ. По положенію, женскія училища составляютъ открытыя заведенія и, относительно объема учебнаго курса, раздѣляются на училища 1-го разряда, приближающіяся къ курсу гимназій, и училища 2-го разряда, соответствующія курсу уѣздныхъ училищъ. Число училищъ, возникшихъ со времени перваго устава, показало, что потребность въ образованіи женщинъ сознана обществомъ, но относительно средствъ для содержанія училищъ мы находимъ въ запискѣ г. Воронова весьма неутѣшительное объясненіе: «большая часть частныхъ женскихъ училищъ совершенно не обезпечена и существуетъ кое-какъ; непрерывное закрытіе такихъ училищъ составляетъ явленіе самое обыкновенное».

Положеніе о женскихъ училищахъ 10-го мая 1860 г. утверждено было, въ видѣ опыта, на три года, а потомъ, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, оставлено въ дѣйствиіи еще на двухгодичный срокъ, который слѣдовательно оканчивается 10-го числа сего мѣсяца. Теперь этотъ уставъ измѣняется и дополняется, по соображенію съ собранными министерствомъ мнѣніями отъ мѣстъ и лицъ учебнаго вѣдомства.

Изъ числа новыхъ статей настоящаго проекта устава, наиболѣе существенныхъ по своему значенію, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

7. Пособія со стороны правительства женскимъ гимназіямъ и прогимназіямъ опредѣляются, по мѣрѣ возможности, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія.

29. Сверхъ общаго семилѣтняго курса, при женскихъ гимназіяхъ находится *спеціальный* курсъ, продолжающійся еще одинъ годъ для лицъ, желающихъ приобрести право на званіе домашнихъ наставницъ и учительницъ.

33. Въ женскія гимназіи и прогимназіи принимаются дѣти всѣхъ сословій; но если какая либо гимназія или прогимназія содержитя исключительно на счетъ одного сословія и при томъ не получаетъ никакого пособия отъ казны, то ученицы другихъ сословій допускаются не иначе, какъ съ согласія попечительнаго совѣта, состоящаго изъ представителей того сословія, которое содержитъ учебное заведеніе.

36. Отличнѣйшія изъ ученицъ, съ успѣхомъ окончившія полный общій курсъ ученія въ женскихъ гимназіяхъ, награждаются медалями золотыми и серебряными, число которыхъ опредѣляется всякій разъ мѣстными педагогическими совѣтами.

53. Начальницѣ, воспитательницамъ и преподавательницамъ гимназій и прогимназій, дозволяется содержать у себя пансіонерокъ съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ по сему предмету министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Проектъ устава, какъ видно, устанавливаетъ среднее образованіе женщинъ, сходное съ образованіемъ, получаемымъ въ среднихъ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ; даже права на педагогическую дѣятельность и специальная къ тому подготовка приближаютъ женскія гимназіи къ реальнымъ мужскимъ гимназіямъ; только одни денежные средства женскихъ гимназій, къ несчастію, не могутъ быть поставлены ни въ какое сравненіе съ мужскими гимназіями.

Какъ отзовутся на потребность женскаго образованія земскія учрежденія, отъ которыхъ теперь зависитъ будущее этого важнаго дѣла—покуда еще неизвѣстно; но надо надѣяться, что при пособіи со стороны правительства, на основаніи ст. 7 устава, развитіе женскаго образованія дѣлается болѣе возможнымъ, чѣмъ при однихъ лишь средствахъ самихъ обществъ.

О ГОМЕОПАТАХЪ—ДИЛЕТАНТАХЪ.—Извѣстно, что въ Россіи, вслѣдствіе недовѣрія вообще къ наукѣ и по наклонности къ невѣжественной самонадѣянности, есть много дилетантовъ-врачей, лечущихъ гомеопатіей. Эти господа, съ лечебникомъ въ рукахъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни въ анатоміи, ни въ физиологіи, ни въ патологіи, самонадѣянно предлагаютъ свои услуги, не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ врачей, но даже и въ городахъ губернскихъ, и даже губернскихъ. Незнаніе закона, запрещающаго подобную практику, также немало способствуетъ тому, что дилетанты-гомеопаты, не опасаясь за свою свободу, не скрываютъ своей професіи, и даже заботятся о распространеніи извѣстности о своемъ искусствѣ. Но иногда сами обстоятельства становятся поперекъ ихъ карьерѣ, и дѣятельность ихъ достойно награждается тюрьмой, полицейскимъ надзоромъ и денежнымъ взыскаіемъ. «Жур. Мин. Юстиціи» (*) сообщаетъ уголовное дѣло, рѣшенное въ сенатѣ, по которому дилетантъ-гомеопатъ подвергся всей строгости закона при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Жена помѣщика Шляхтинскаго, не имѣя дѣтей, сдѣлала духовное завѣщаніе въ пользу дочери родственника своего Мясоѣдова, совершивъ съ тѣмъ вмѣстѣ закладную на имѣніе на

(*) 1865 г. № 3.

имя своего мужа, который впрочемъ уничтожилъ этотъ документъ изъ желанія доказать своему родственнику Мясоѣдову расположение къ его дочери. Завѣщательница сдѣлалась больна и умерла, какъ дознано слѣдствіемъ, естественной смертью; но на бѣду, родственникъ ея Мясоѣдовъ былъ гомеопатъ и весьма усердно лечилъ умирающую благодѣтельную своей дочери. Мужъ умершей, послѣ ея смерти, оставшись не при-чемъ, за уничтоженіемъ закладной, и припоминая нѣкоторыя обстоятельства, навлекавшія подозрѣніе на лечение Мясоѣдова, началъ уголовное дѣло, обвиняя Мясоѣдова въ умышенномъ отравленіи жены. Хотя доказательства обвинителя оказались при изслѣдованіяхъ недостаточными и во многихъ случаяхъ неосновательными, но сенатъ, согласно съ мнѣніемъ министра юстиціи, опредѣлялъ Мясоѣдову всѣ наказанія, опредѣленныя 1078 ст. улож., собственно за лечение гомеопатіей безъ права на то, именно: арестъ въ тюрьмѣ на 3 мѣсяца, надзоръ полиціи на 2 года, публикацію въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и въ губернскихъ, взысканіе судебныхъ издержекъ и занесеніе въ формуляръ подсудности Мясоѣдова.

Рѣшеніе это относится до всѣхъ врачей, лечащихъ безъ науки, а только лишь изъ любви къ искусству и по слѣпому довѣрію къ себѣ.

ОБРАЗЧИКЪ НЕПОВИНОВЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ. — Извѣстно всѣмъ и каждому, что Положеніе 19 февраля 1861 г., установляя порядокъ составленія уставныхъ грамотъ, предоставило дѣло или обоюдному согласію крестьянъ и помѣщиковъ, или, при отсутствіи этого согласія, однимъ помѣщикамъ — въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, и при наблюденіи и участіи мировой власти. Извѣстно также изъ публичныхъ официальныхъ отчетовъ, что крестьяне во многихъ мѣстахъ не подписывали уставныхъ грамотъ. Никому, конечно, не приходило въ голову считать преступленіемъ то, на что дано закономъ право; но не такого мнѣнія былъ мировой посредникъ тульской губерніи, веневскаго уѣзда, 2 участка: онъ призналъ за буйство объясненіе крестьянъ относительно ихъ земельного надѣла и отказъ подписать уставную грамоту, о чемъ и донесъ начальнику губерніи, который съ своей стороны *предписалъ* уѣздному суду постановить судебное опредѣленіе о провинившихся крестьянахъ. По слѣдствію, дѣйствія крестьянъ оказались во всемъ согласными съ правами, предоставленными имъ Положеніемъ, безъ малѣйшаго нарушенія ихъ. Но уѣздный судъ все-таки призналъ ихъ виновными въ неповиновеніи начальству, т.-е. мировому посреднику, приказывавшему крестьянамъ подписать уставную грамоту. Уголовная палата и начальникъ губерніи были согласны съ уѣзднымъ судомъ, вначе говоря находили, что хотя крестьяне и имѣютъ право не подпи-

сывать грамотъ, но непослушаніе дѣла мировому посреднику во всякомъ случаѣ есть уголовное преступленіе. Вслѣдствіе протеста прокурора (подобныя прокуроры заслуживаютъ самаго живаго выраженія общественнаго сочувствія и уваженія), участіе котораго только и остановило исполненіе рѣшенія дѣла, потому что протестъ прокурора, представленный министру юстиціи, былъ причиною того, что дѣло предложено было разсмотрѣнію сената, освободившаго крестьянъ отъ суда и слѣдствія, какъ ни въ чемъ ненарушавшихъ закона (*).

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ И У НАСЪ.

Мозгъ и духъ, теорія г. Пидерита. — Наблюденія г. Глэзера въ высшихъ слояхъ атмосферы. — Новая теорія свѣта г. Максвелла. — Теорія мшечныхъ отравленій г. Гейденгайна. — Замѣчанія Мурчисона и Ламонта по поводу полярной экспедиціи. — Изверженіе Этны по наблюденіямъ г. Фуке. — Отчетъ императорской (русской), публичной бібліотеки за 1864 годъ.

Мозгъ и духъ. — Не русской литературою былъ брошенъ первый взглядъ на душу съ физиологической точки зрѣнія, не у насъ продолжаются и споры, вызванные этимъ взглядомъ. Впрочемъ, даже въ Германіи позатихли они. Обѣ враждующія стороны, опираясь на гипотезы, основанныя, конечно, на противоположныхъ началахъ, сознаютъ внутренно, что имъ недостаетъ вполне ясныхъ, неоспоримыхъ доказательствъ для полнаго торжества надъ противниками. Отсюда бой ихъ, имѣя преимущественно отрицательный характеръ, могъ бы длиться до безконечности, не склоняя рѣшительной побѣды ни на чью сторону, еслибы въ передовыхъ рядахъ защитниковъ матеріализма не было людей, которые отрекаются порою отъ самихъ себя. Къ такимъ-то окончательно побѣжденнымъ матеріалистамъ должно отнести г. Пидерита, автора книги «Мозгъ и духъ» (**). Противъ его теоріи возсталъ г. Рейхлинъ-Мельдеггъ, доказывая, что по спинному мозгу нельзя судить объ отправленияхъ головного мозга, и что доктрина автора слишкомъ отзывается матеріализмомъ, нисколько, впрочемъ, не разъясняя самой сущности вопроса. Г. Пидеритъ не смолчалъ, и его защита вызвала окончательное возраженіе со стороны критика. Споръ этотъ помѣщенъ во второй книжкѣ журнала «Heidelberger Jahrbücher der Literatur». Авторъ говоритъ, что критикъ несовсѣмъ понялъ его. Табъ-какъ физиологія головного мозга остается до сихъ поръ книгою, запечатанною семью печатами, то это обстоятельство и побудило его къ объясненію невѣдомой дѣятельности помянутаго органа извѣстными закона-

(*) *Gesinn und Geist*, von. Dr. Th. Piderit. 1864.

(**) «Журн. М. Ю.» 1865., № 3.

T. CLX. — Отд. II.

ми спиннаго мозга, на основаніи аналогіи. Критичъ убѣжденъ, что на правдоподобномъ нельзя строить науки. Но пока не открыта истина, наука всегда довольствуется правдоподобнымъ, всегда прибѣгаетъ она къ гипотезѣ, какъ скоро недостаетъ ей точныхъ фактовъ. Указанный авторомъ путь имѣеть то преимущество, что онъ ведетъ къ простымъ физиологическимъ законамъ, приближаясь по возможности къ вѣрному изслѣдованію природы. Вопросъ заключается въ томъ — можно или нѣтъ объяснить ими сложныя отправления духовной дѣятельности? Если можно, то, слѣдовательно, законы эти пригодны, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ опровергнуты новыми физиологическими открытіями. Спинной мозгъ состоитъ изъ двухъ частей, назначенныхъ для чувствованія и движенія. Г. Падеритъ заключаетъ по аналогіи, что и въ головномъ мозгу должны находиться два органа: органъ представленія и органъ воли. На первый изъ нихъ смотритъ онъ, какъ на общій центръ мыслящей способности. Принимаемые и удерживаемыя имъ чувственные впечатлѣнія обращаются въ связныя, конкретныя представленія. Какъ возбуждается движущая часть спиннаго мозга посредствомъ раздраженія чувствующей его части, такъ долженъ возбуждаться органъ воли посредствомъ раздраженія органа представленія. Если же авторъ называлъ волю психическимъ рефлексомъ представленія, то это сдѣлано потому, что до сихъ поръ не найдено лучшаго для нея опредѣленія. Со словомъ *воля* онъ нигдѣ не соединяетъ понятія о самосознательной, опредѣляющей себя способности. Возбужденіе органа воли идетъ далѣе, или средобѣжно, или средостремительно. Въ первомъ случаѣ оно сообщается движущимъ нервамъ, вслѣдствіе чего происходитъ сокращеніе мускуловъ; во второмъ оно дѣйствуетъ обратно на свою причину, то-есть на органъ представленія. Эта обратно-вліяющая на него дѣятельность воли есть мыслящая способность. Продукты и результаты направленной на представленія воли снова становятся представленіями, и такимъ образомъ дѣтскій умъ, при помощи опыта и упражненія, приобрѣтаетъ способность соединять и сравнивать ихъ, мыслить послѣдовательно и логично, подобно тому, какъ ребенокъ привыкаетъ тѣмъ же путемъ производить цѣлесообразныя движенія мускулами, знакомясь напередъ съ ихъ безотчетнымъ, нѣсколько несистематичнымъ сокращеніемъ. Слѣдовательно, при такомъ условіи духъ является единствомъ двухъ силъ, которыя пробуждаются, раздражаются и совершенствуются вслѣдствіе непрерывнаго взаимодѣйствія. Всѣ сложныя его отправления приводятся къ простому закону рефлекса или обратнаго дѣйствія, отраженія. Авторъ упоминаетъ при этомъ, что для объясненія духовной дѣятельности онъ не прибѣгалъ къ причинамъ, неизмѣющимъ аналогіи въ естественныхъ наукахъ. Самосознаніе, говоритъ онъ, не рождается вмѣстѣ съ человѣкомъ, но образовывается постепенно, какъ продуктъ развивающихся и взаимодействующихъ другъ на друга силъ нашего духа. Онъ сравниваетъ духовную дѣятель-

ность съ процессомъ зарожденія, въ которомъ воля является мужскимъ, а сила представленія женскимъ началомъ. Такъ-назъ дѣятельность воли бываетъ всегда рефлексомъ (раздраженнаго) представленія и подчиняется ему, стало быть, она и не можетъ быть производящимъ принципомъ. Однакоже мужская сила зарожденія получаетъ свой отличительный характеръ только вслѣдствіе противоположности женскому началу; мужской принципъ нуждается въ возбужденіи со стороны женскаго, для того чтобы воспроизвести себя, и какъ женское начало относится къ мужскому, въ такомъ же отношеніи находится представленіе въ волѣ, то-есть оно является причиною дѣйствія, слѣдствіе котораго снова становится причиною. Впрочемъ, авторъ соглашается, что это сравненіе шатко и не можетъ выдержать строгой критики. Установивъ такимъ образомъ понятія объ элементарныхъ силахъ человѣческаго духа и объяснивъ механизмъ его дѣятельности, авторъ приступаетъ къ изложенію своего взгляда на мышленіе словами или на языкѣ, при помощи котораго человѣкъ, преимущественно передъ всѣми животными, приобрѣлъ способность къ отвлеченнымъ представленіямъ. Соглашаясь съ замѣчаніемъ г. Рейхлина-Мельдета, что языкъ—не причина, но слѣдствіе способности разума къ отвлеченію, онъ настаиваетъ однакоже, что эта способность была бы слишкомъ ограничена, еслибы человѣкъ не умѣлъ неопредѣленныхъ, абстрактныхъ по своей природѣ представленій дѣлать болѣе предметными, сжатыми, и способными къ дальнѣйшей обработкѣ понятіями, соединяя ихъ съ словомъ, которое есть конкретный символъ отвлеченнаго представленія. Критикъ упрекнулъ г. Пидерита въ противорѣчій самому себѣ, замѣтивъ, что онъ говоритъ объ ограниченной *свободѣ* воли вслѣдъ за фразою: «Воля есть въ сущности необходимость». Но авторъ увѣряетъ, что здѣсь только мнимое противорѣчіе. Изъ многихъ различныхъ дорогъ, говоритъ онъ, можно рѣшиться выбрать одну только, и еслибы представилась возможность прослѣдить причины этой рѣшимости до ихъ крайняго предѣла, то оказалось бы, что природныя склонности, примѣръ, воспитаніе, физиологическое состояніе тѣла и т. д. — причины, по большей части неизвѣстныя человѣку — такъ могущественно дѣйствуютъ на его силу представленія, что она совершенно деспотически управляетъ волею. Наконецъ г. Пидеритъ объявляетъ, что главная задача его заключалась въ объясненіи мыслящей дѣятельности съ физиологической точки зрѣнія, и что онъ имѣлъ въ виду установить начала физиологической психологій, нисколько не увлекаясь мнѣніями новѣйшаго матеріализма о духѣ, о душахъ и т. д. Напротивъ, онъ полагаетъ, что усвоенный имъ взглядъ нежелетъ примирить и согласить противоположныя направленія матеріализма и спиритуализма. Идею духа онъ отдѣляетъ отъ идеи души. Духъ представляетъ для него нѣчто объяснимое, тогда какъ душу признаетъ онъ необъяснимымъ предметомъ. Дѣятельность духа томдественна, по его мнѣнію, съ отправлениями головного

мозга, который, какъ и всякій другой тѣлесный органъ, доступенъ физиологическимъ изслѣдованіямъ, а потому и отстранился отъ мозговыхъ отправленій умонить имѣющимися физиологическими данными. Что же касается души, то онъ считаетъ ее органической силой, при содѣйствіи которой развивается организмъ изъ своего зерна и поддерживаетъ въ продолженіе жизни свое существованіе. Каждая отдѣльная душа кажется ему частью одной общей, первоначальной души, дѣйствія которой проявляются въ безчисленныхъ формахъ нашей органической природы. Эта всеобъемлющая душа составляетъ, по мнѣнію автора, одну изъ силъ, посредствомъ которыхъ личный Богъ содержитъ все сущее въ вѣдрахъ своихъ. За этимъ *chance-en-aggrégé* слѣдуетъ уже окончательное отреченіе автора отъ самого себя. Г. Пидеритъ говорить, что если старался онъ объяснить механизмъ дѣятельности нашего духа физиологически, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ причислять его къ послѣдователямъ новѣйшаго матеріализма.

Такъ объясняетъ г. Пидеритъ свою теорію. Изъ этого объясненія видно, что онъ не принадлежитъ къ категоріи тѣхъ ученыхъ, но поверхностныхъ прожектеровъ, которые не умѣютъ свести концовъ съ концами. Онъ составилъ округленную, совершенно законченную систему, но дѣло въ томъ, что въ основаніе этой системы положена гипотеза, имѣющая чисто-матеріальный характеръ и ничего положительно, фактически необъясняющая. Потому-то г. Рейхлинъ-Мельдеггъ, возражая на это объясненіе, сознается, что оно нисколько не измѣнило его прежняго взгляда на теорію автора. Если, говорить онъ, физиологія головного мозга остается до сихъ поръ апокалиптической книгой, запечатанной семью печатами, то спрашивается, сняты ли съ нея эти печати ученымъ трудомъ г. Пидерита? Авторъ, за недостаткомъ точныхъ фактовъ, прибѣгаетъ къ гипотезѣ. Но есть ли факты вѣрныя и точныя тѣхъ, которые даетъ намъ сознаніе? Не оно ли опредѣляетъ самую вѣрность фактовъ? Развѣ міръ и наука не факты нашего сознанія? Потому-то лучше строить науку о душѣ на абсолютно-вѣрныхъ фактахъ, нежели прибѣгать для этого къ гипотезамъ объ органѣ, дѣятельность котораго совершенно неизвѣстна. Воля, по мнѣнію автора, есть начало духовной дѣятельности. Ея образное вліяніе на представленіе есть мышленіе; ея дѣйствіемъ на нервы спинного мозга обуславливается движеніе. Но г. Пидеритъ слову *воля* даетъ совсѣмъ не то значеніе, какое имѣетъ оно на обыкновенномъ языкѣ. По его понятіямъ, воля есть «психическая рефлексивная способность»; онъ усвоилъ это опредѣленіе «за немѣніемъ лучшаго»; онъ говорить, что когда идетъ рѣчь о волѣ, то не должно забывать, что подъ этимъ словомъ отнюдь не разумѣется самосознательной, опредѣляющей свою собственную дѣятельность духовной силѣ. Но какъ же можно мысли, понятія, сужденія, силлогизмы, идеи и идеалы нашего духа объяснять способностью, которая не сознаетъ самой себя? Еслибы духъ человѣчскій и дѣйствительно

быть «единствомъ двухъ силъ, взаимно дѣйствующихъ другъ на друга», все же это нисколько не объясняло бы его. Сущность духа есть самосознание. Здѣсь же является она продуктомъ двухъ различныхъ функций головного мозга, главнѣйшее различіе которыхъ основано на ипотезѣ, не дающей ни малѣйшаго понятія о происхожденіи самосознанія. Оно, по словамъ г. Пидерита, должно быть результатомъ зарожденія, съ процессомъ новаго сравниваетъ онъ дѣятельность воли и представленія. Воля, думать онъ, есть мужское, а сила представленія—женское начало. Но онъ же говоритъ, что воля—только рефлексъ представленія, которое опредѣляетъ ее, и съ котораго зависитъ она—слѣдовательно, воля не можетъ быть производящимъ, мужскимъ, оплодотворяющимъ началомъ. Дѣйствующій принципъ въ процессѣ зарожденія мужской, а не женскій, находящійся отъ него въ зависимости, пассивный, воспринимающій, и такъ-такъ воля зависитъ отъ органа представленія, то, стало-быть, ее и нельзя назвать мужскимъ принципомъ. Впрочемъ, авторъ сознается, что его сравненіе не совсемъ вѣрно. Онъ согласенъ также съ критикомъ, что языкъ есть не причина, но слѣдствіе способности нашего духа къ составленію отвлеченныхъ понятій—способности, объяснить которой не можетъ онъ «механической» дѣятельностью головного мозга. Наконецъ, авторъ доходитъ до заключенія, что «воля есть въ сущности необходимость», тогда какъ съ одной стороны онъ признаетъ эту силу нѣсколько *свободною*, заимчивъ свободу мыслящаго духа въ опредѣленныхъ границахъ, съ другой же стороны признаетъ волю силою, неопредѣляющею своей собственной дѣятельности, но подчиненною причинамъ, изъ нея выходящимся. Это—явное противорѣчіе, котораго нисколько не ослабляетъ ссылка г. Пидерита «на выборъ одной изъ многихъ дорогъ» и т. д. Нельзя не согласиться, что высказанныя авторомъ мысли о духѣ и о душѣ рѣзко противорѣчатъ взгляду материалистовъ. Но въ какомъ отношеніи находятса онѣ къ его чисто-матеріальному объясненію духовной дѣятельности и къ его взгляду на духъ, какъ «на мозговое отправление»? Если дѣятельность духа тождественна съ функциею мозга, то едва-ли можно взбѣгать матеріальнаго взгляда на духъ и примирить матеріализмъ съ идеализмомъ. Что же касается мыслей, высказанныхъ авторомъ въ концѣ его статьи, то онѣ какъ-то не выкупаются содержаніемъ книги «Мозгъ и духъ».

Наблюденія въ высшихъ слояхъ атмосферы.—Г. Глешеръ прочелъ недавно въ королевскомъ институтѣ лекцію о сдѣланныхъ имъ наблюденіяхъ въ продолженіе воздушнаго путешествія на аэростатѣ. При ясномъ небѣ температура высшихъ слоевъ атмосферы понижалась быстрѣе, нежели въ то время, когда въ воздухѣ несилась облака. Въ первомъ случаѣ пониженіе равнялось 1° на 100 футовъ отъ земли; но на высотѣ въ 25,000 ф. надобно было подняться вертикально въ десять разъ выше, то-есть на 1000 ф., чтобы достигнуть того же пониженія тем-

ператури. На очень большой высоте воздуха, какъ при ясномъ, такъ и облачномъ небѣ, чрезвычайно сухъ, хотя и не совсѣмъ лишенъ влажности. Впрочемъ, законы дня и ночи неодинаковы. Температура возвышается ночью по мѣрѣ удаленія отъ земли. Опыты доказали, что на теплородъ, исходящій изъ солнца, пространство не имѣетъ вліянія, но что тепло увеличивается пропорціонально плотности атмосферы, которую проникають солнечные лучи, или—другими словами—пропорціонально количеству воды, находящейся въ атмосферѣ. Если это дѣйствительно такъ, то Меркурій, Венера, Юпитеръ и Сатурнъ должны были бы получать столько же тепла, какъ и земля, имѣя одинакую съ ней атмосферу, и болѣе, чѣмъ она, если ихъ атмосфера влажнѣе нашей. Поэтому на Юпитерѣ и Сатурнѣ солнечный жаръ долженъ быть сильнѣе, нежели на Меркуріи и Венерѣ, хотя двѣ первыя планеты болѣе послѣднихъ удалены отъ солнца. Опыты надъ вѣтромъ показали, что скорость теченія воздуха у земной поверхности гораздо медленнѣе, чѣмъ въ высшихъ слояхъ атмосферы.

Новая теорія свѣта.— Въ одномъ изъ апрѣльскихъ номеровъ журнала «Reader», помѣщено мисмо г. Джона Максвелла о «Новой теоріи свѣта» профессора К. Максвелла, который признаетъ свѣтъ электромагнитной матеріею, подчиненною тѣмъ же законамъ и производящую тѣ же явленія, которыя извѣстны вообще подъ словомъ «поляризованіе». Замѣчательнѣйшіе факты, принявъ гипотезу о равномерномъ истеченіи солнечныхъ лучей во всѣ точки эфира, который со всѣхъ сторонъ окружаетъ фотосферу, не могутъ понять, какимъ образомъ блескъ ея не ослабѣ до сихъ поръ. Но если исходящимъ изъ солнца теплу и свѣту дать, согласно съ теоріею г. Максвелла, электромагнитный характеръ, тогда объяснится невозможность утраты ихъ. При такомъ условіи эфиръ долженъ быть проводникомъ теплоты и свѣта только по направленію къ тѣламъ разнороднымъ съ солнцемъ, то-есть солнцу должно быть изолировано эфиромъ отъ всѣхъ другихъ пространствъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ данное время находятся планеты, спутники, метеоры и т. д. Въ томъ же направленіи, въ какомъ летать его лучи, оно должно получить обратно то, что даетъ другимъ тѣламъ. Это—извѣстное условіе электрическаго и магнитнаго дѣйствія. Въ замѣнъ тепла и свѣта, которые солнце отдаетъ планетамъ, оно должно получать отъ нихъ отрицательное, обратное, гармоническое дѣйствіе, поддерживающее, увеличивающее или уменьшающее его собственную дѣятельность, согласно со степенью различія, существующаго между нимъ и планетами въ данное время. Солнечная радіація, при томъ же столбѣ протяженія, должна быть сильнѣе зимою, чѣмъ лѣтомъ, и болѣе въ холодныхъ, нежели въ жаркихъ широтахъ. Трудно объяснить гипотезу общей, всесторонней радіаціи, уменьшающей въ квадратахъ разстоянія блескъ отдаленныхъ планетъ. Но видима нами явленія природы вполне согласны съ электромагнитною теоріею свѣта. Далекія планеты, находясь въ положеніи

нискъ, которые способствуютъ ихъ темнотѣ и холоду, становятся болѣе разнородны съ солнцемъ, нощью тѣла, ближайшія къ нему. Вѣроятіе этого онъ долженъ сильнѣе освѣщаться и согрѣваться имъ. Климатъ наиболѣе отдаленныхъ членовъ солнечной системы можетъ быть не хуже нашего, и днѣ такъ не темнѣе, чѣмъ у насъ. Такъ-какъ планеты, между которыми и солнцемъ существуютъ по этой теоріи дѣйствіе и противодѣйствіе, вращаются въ планахъ, соответствующихъ взаимнымъ широтамъ солнца, то этиже факторы объясняется причина бурь: фотосферы, которые происходятъ именно въ этихъ широтахъ солнечнаго диска. Теорія г. Максвелла открываетъ также путь къ объясненію солнечныхъ пятенъ тѣми причинами, на которыя указалъ недавно г. Бальфур-Стюартъ, найдя взаимное отношеніе между ними и волженіями Везеры.

Теорія мышечныхъ отравленій.—Г. Гейденгайнъ достигъ весьма замѣчательныхъ результатовъ, производя опыты надъ мышцами лягушки, которые подробно описаны имъ въ брошюрѣ, подъ заглавіемъ «Механическое отравленіе, развитіе теплоты и измѣненіе матеріи при дѣятельности мышцъ» (*). Такъ-какъ вопросъ этотъ имѣетъ очень близкое отношеніе къ теоріи сохранения силъ, усвоенной многими изъ новѣйшихъ фیزیологовъ, то, слѣдовательно, онъ не лишенъ современнаго интереса, а потому и стоитъ поговорить о немъ. Кусокъ говядины или другаго мяса заключаетъ въ себѣ, по отношенію къ его химическимъ элементамъ, нѣкоторое количество скрытой энергіи (**), которая постепенно высвобождается изъ него въ видѣ теплоты, во время естественнаго разложенія. Эта скрытая энергія таится также и въ живомъ мускулѣ. Метаморфоза или видоизмѣненіе мышечныхъ тканей совершается выродожденіе жизни непрерывно, при помощи окисленія, при чемъ нѣкоторая часть скрытой энергіи обращается постоянно въ дѣйствительную силу. Пока мускулъ находится въ покойномъ состояніи, не сокращается, заключенная въ немъ энергія выходитъ наружу въ видѣ электричества и теплоты. Каждому живому мускулу присущи такъ-называемые «мышечные токи», сопровождаемые обменно нѣкоторымъ обнаруженіемъ тепла. Но какъ скоро начинается дѣятельность мускула, когда сокращается онъ, тутъ является уже другой элементъ, именно — механическая работа, производимая сжиманіемъ его фибръ или волоконъ. Поэтому при наслѣдованіи мышечныхъ сокращеній, должно обращать вниманіе на химическое дѣйствіе, на проявленіе электричества, теплоты и меха-

(*) *Mechanische Leistung, Wärme-Entwicklung und Stoffumsatz bei der Muskelthätigkeit. Ein Beitrag zur Theorie der Muskelkräfte. Von Fr. Dr. Rudolf Heidenhain.*

(**) *Energieю* называется въ динамикѣ способность производить работу. Работа состоитъ въ движеніи, направленномъ противъ препятствія, сопротивленія. Сила есть взаимодѣйствіе двухъ тѣлъ, производящее, или стремящееся произвести перемѣну въ ихъ относительномъ положѣнн, или движеніи.

нической работы. Увеличивается ли нѣтъ, во время сокращенія, химическое дѣйствіе, собственное мышцамъ? Если да, то что же дѣлается съ излишкомъ дѣйствительной энергіи, которая обнаруживается при этомъ? Вся ли она обращается въ механическую работу, или отчасти въ теплоту и электричество? Если же нѣтъ, то существуетъ ли какое-либо указаніе на прямой переходъ электричества и тепла, или того и другого вмѣстѣ въ механическую работу, во время акта сокращенія? Хотя опыты г. Гельмгольца доказали, что химическое дѣйствіе увеличивается при сокращеніи мышцъ, однако же г. Фойтъ думаетъ иначе. Впрочемъ можно, кажется, допустить, что восстановление потраченныхъ продуктовъ, замѣтное въ мускулѣ послѣ цѣлаго ряда сокращеній, происходитъ не во время ихъ, но вслѣдъ за ними, представляя какъ-бы реакцію, слѣдующую за потрясеніемъ, которое произвелъ стимулъ. Во всякомъ случаѣ можно принять за вѣрное, что мышечное сокращеніе сопровождается увеличеніемъ химическаго дѣйствія, а слѣдовательно и общимъ увеличеніемъ дѣйствительной энергіи, исходящей изъ мускула.

Жаль, что г. Гейденгайнъ не обратилъ вниманія на одну изъ формъ энергіи—на электричество, которое многіе изъ физиологовъ ставятъ выше другихъ силъ. Впрочемъ, онъ справедливо замѣчаетъ, что вопросъ объ электричествѣ слишкомъ теменъ, для того, чтобы сдѣлать его краеугольнымъ камнемъ теоріи, и что до сихъ поръ нѣтъ не уяснилъ его. Теллородъ, ясно обнаруживающій свое присутствіе при мышечныхъ сокращеніяхъ, обратилъ на себя въ послѣдніе годы особенное вниманіе естествоиспытателей, и г. Гейденгайнъ увѣряетъ, что онъ сумѣлъ избѣжать ошибокъ, сдѣланныхъ его предшественниками. Произведенные имъ опыты дали слѣдующіе результаты:

1) Во время сокращенія мышцъ, теллородъ всегда высвобождается, и возвышеніе температуры колеблется между 001° и 005° Ц.

2) Если одинъ конецъ мускула привѣрзнуть къ чему-нибудь, а на другой повѣсить грузъ, и потомъ раздражить его стимуломъ постоянной силы, перемѣняя грузъ, то выдѣленіе теллорода и производимая работа будутъ увеличиваться вмѣстѣ съ тяжестью груза до степени, опредѣляемой условіями мускула. Но какъ скоро переступать за эту черту, тогда тепло и работа уменьшатся.

3) Когда мускулу, возбуждаемому тѣмъ же стимуломъ и растянутому тѣмъ же грузомъ, будетъ въ одномъ случаѣ дана свобода сокращаться, а въ другомъ отнять ее, пришививъ оба конца мускула, тогда количество истекающаго на приложенный стимулъ теллорода бываетъ больше въ послѣднемъ случаѣ.

4) Если соединить мускулъ съ двумя грузами: маленькимъ постояннымъ и большимъ перемѣннымъ, такимъ образомъ, чтобы первый висѣлъ на немъ во все продолженіе опыта, а второй былъ бы соединяемъ съ нимъ только при сокращеніяхъ, въ та-

вонъ случаѣ видѣнный теллородъ и проводимая работа измѣняются пропорціонально вѣсу тяжелѣйшаго груза, при той же силѣ стимула.

б) Если же поступить напертвѣ, то-есть тяжелѣйшій грузъ сдѣлать постояннымъ, а легчайшій переменнымъ, то теплота и работа измѣняются пропорціонально тяжести легчайшаго груза.

Остатокъ въ сторону электричество, и имѣя дѣло только съ теллородомъ и работою, какъ съ дѣйствительными силами, которые обнаруживаются во время сокращенія мускула, мы ясно видимъ изъ этихъ опытовъ, что общая сумма ихъ есть дѣйствіе напряженія мышечныхъ волоконъ (до и) *спредоложеніе сокращенія*. Г. Гейденгайнъ, при помощи метода, описаннаго въ его брошюрѣ, убѣдился, что не только все это было результатомъ кислоты, но что количество ея было пропорціонально общей суммѣ силы, дѣлавшейся дѣйствительною во время сокращеній, и зависѣло отъ напряженія мышечныхъ волоконъ. Давно уже признано, что простое физическое расширеніе мускульныхъ фибръ должно производить означенное вліяніе на превращеніе ихъ тканя, но никто до г. Гейденгайна не доказалъ этого факта съ такою основательностью.

Теперь сравнимъ добытые имъ результаты съ теоріею г. Вебера, которая основана на общемъ законѣ, что мускулъ при постоянномъ стимулѣ и неизмѣнныхъ условіяхъ питанія производить тѣмъ болѣе работы, чѣмъ болѣе тяжелъ привѣшенный къ нему грузъ. Онъ говоритъ, что мускулъ, находящійся въ покойномъ состояніи и необремененный никакимъ грузомъ, за исключеніемъ тяжести его собственнаго тѣла, имѣетъ натуральную длину и нѣкоторую естественную эластичность. Когда онъ раздраженъ, эта натуральная длина, свойственная покойному состоянію мускула, измѣняется въ длину, которую можно назвать тоже натуральною въ періодъ его сокращенія. Одновременно съ раздраженіемъ способность его къ расширенію увеличивается. Если покойный мускулъ будетъ обремененъ грузомъ, онъ станетъ растягиваться до тѣхъ поръ, пока не установится равновѣсіе между его эластической силою, противящеюся растяженію, и силою груза, который расширяетъ его. При раздраженіи мускула, обремененнаго приложенной къ нему тяжестью, должно различать два процесса: физиологическій, посредствомъ котораго онъ стремится измѣнить длину, свойственную его покойному положенію, въ длину, столь же свойственную его дѣятельному состоянію, и чисто-физическій, при помощи котораго расширяющая сила груза возстановливаетъ новое равновѣсіе съ измѣненными эластическими силами. Хотя мускулъ при своемъ сокращеніи становится болѣе растяжимъ, нежели въ покойномъ состояніи, однако же, стремится сдѣлаться короче, онъ долженъ необходимо увеличивать свое собственное противодѣйствіе расширенію и свои эластическія силы. Потому-то на актъ сокращенія должно смотрѣть, какъ на обнаруженіе эластическихъ силъ, которыя были

прежде сирьты въ мускулѣ. Физиологическій элементъ остается неизмѣннымъ, когда мускулъ находится при томъ же условіи питанія, и возбуждается тѣмъ же стимуломъ, какову бы тяжесть ни выдерживалъ онъ. Но чѣмъ тяжеле грузъ, тѣмъ далѣе за черту естественной длины, свойственной дѣятельному состоянію мускула, долженъ растягиваться онъ, и потому чѣмъ больше будетъ разность между естественной длиной мышцы и ея дѣйствительнымъ расширеніемъ, тѣмъ большее количество эластическихъ силъ приметъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Отсюда физическій элементъ долженъ измѣняться вмѣстѣ съ тяжестью груза.

Еслибы теорія эта была вѣрна, еслибы физиологическій элементъ оставался всегда тотъ же, при неизмѣнности питательнаго условія и стимула, каковъ бы ни былъ грузъ, въ такомъ случаѣ количество химическаго дѣйствія и количество выдѣляемаго теплорода не должны были бы измѣняться. Однако же опыты г. Гейденгайна доказываютъ противное.

Существуетъ другая теорія, ближе подходящая къ доктринѣ защитниковъ сохраненія силы—теорія, допускающая гипотезу, что часть силы, обращающейся въ дѣйствительную силу посредствомъ химическаго дѣйствія, не выдѣляется въ формѣ теплорода, но исходить механически. При этомъ взглядѣ, количество истекающей изъ мускула теплоты въ продолженіе даннаго химическаго дѣйствія должно измѣняться въ обратномъ отношеніи къ производимой работѣ. Казалось бы, что это мнѣніе подтверждается № 3 вышеприведенныхъ опытовъ, гдѣ лишенный возможности сокращаться мускулъ (при тѣхъ же грузахъ, стимулѣ и условіи) выдѣляетъ болѣе теплорода, нежели когда находится онъ въ свободномъ состояніи, непрепятствующемъ сокращенію. Но должно замѣтить, что въ первомъ случаѣ натянутымъ волокнамъ придается искусственно напряженіе, пропорціональное энергій сокращенія. А какъ скоро общіе результаты изслѣдованія показываютъ, что напряженіе составляетъ все количество химическаго дѣйствія и всю сумму высвобождаемой имъ силы, тогда становится понятно, что если помянутый опытъ не опровергаетъ теоріи, по которой исходящій изъ мышцы теплородъ находится въ обратномъ отношеніи къ производимой работѣ, то все же онъ и не подтверждаетъ ее.

Нечего и говорить, что результаты опытовъ г. Гейденгайна прямо противорѣчатъ мнѣнію тѣхъ физиологовъ, которые думаютъ, что во время сокращенія мускула химическое дѣйствіе и общая сумма высвобождающейся силы не увеличиваются.

Можно было бы предположить, что дѣйствіе напряженія мышцы заключается въ томъ, чтобы сдѣлать ее болѣе воспримчивою, чувствительною къ вліянію стимула. Но № 4 опытовъ доказываетъ, что мускулъ начинаетъ выдерживать тяжелѣйшій грузъ только въ то время, когда онъ сокращается, то-есть когда онъ подвергся уже вліянію стимула.

Мурчисонъ по поводу полярной экспедиции.—10-го апрѣля, въ засѣданіи лондонскаго географическаго общества, предсѣдатель его г. Мурчисонъ, когда шла рѣчь объ удобнѣйшемъ пути къ сѣверному полюсу, обратилъ вниманіе членовъ на слѣдующія стороны этого вопроса:

1) Мысль объ открытѣ морѣ вокругъ сѣвернаго полюса основана на извѣстіяхъ, сообщенныхъ г. Скоресби и другими моряками, которые утверждаютъ, что ледъ, плавающий къ сѣверу отъ Шпицбергена, состоитъ изъ *одной замерзшей морской воды*, не имѣя ни малѣйшихъ признаковъ ни тѣхъ смѣшанныхъ съ землею ледяныхъ горъ, которыя несутся внизъ по Бафирову заливу, ни тѣхъ громадныхъ, плавающихъ вокругъ южнаго полюса льдинъ, въ которыхъ находятся каменные глыбы.

2) У сѣверныхъ береговъ Сибири, не видно ледяныхъ горъ, в на всемъ ихъ протяженіи не замѣчено ни эратическихъ камней и ничего такого, что намекало бы на существованіе большихъ, высокихъ земляныхъ массъ близъ сѣвернаго полюса.

3) Г. Мурчисонъ, во время своихъ путешествій по Россіи и сѣверной Германіи, внимательно слѣдилъ за распространеніемъ эратическихъ камней, которые переносились ледяными горами, плывшими на югъ отъ Скандинавіи впродолженіе ледянаго періода. Онъ убѣдился, что этихъ камней не находится за Уральскимъ хребтомъ.

4) Г. Миддендорфъ, путешествовавшій по Сибири, говоритъ, что Таймурскій мысъ поросъ соснами, тогда какъ огромныя пространства къ югу отъ него совершенно лишены деревьевъ. Этотъ фактъ доказываетъ, что ближайшая къ полюсу оконечность сѣверной Сибири имѣетъ сравнительно болѣе теплый климатъ.

Относительно выбора лучшаго пути для полярной экспедиціи, г. Мурчисонъ отдалъ предпочтеніе Смитову проливу, который—такъ-какъ онъ омываетъ берега Гренландіи—сулитъ принести болѣе пользы естественнымъ наукамъ, нежели чисто-морская экспедиція, направленная отъ Шпицбергена.

Г. Ламонтъ сообщалъ, что онъ, проживъ два лѣта на Шпицбергенѣ, часто разговаривалъ съ норвежцами, которые занимаются ловлею моржей. Всѣ они убѣждены, что вокругъ сѣвернаго полюса находится открытое море. Онъ видѣлъ собственными глазами, что у береговъ Шпицбергена плаваютъ не льдины, но настоящія ледяныя горы, однако же сознается, что не замѣтилъ въ нихъ ни малѣйшаго слѣда земляныхъ остатковъ, напереворъ своему убѣжденію въ существованіи твердой земли къ сѣверу отъ Шпицбергена. Рѣшить вопросъ о томъ—открыто, или нѣтъ полярное море, можно, по его мнѣнію, въ три мѣсяца при помощи маленькаго винтоваго парохода. Но такъ-какъ этотъ вопросъ не рѣшенъ еще, то г. Ламонтъ высказался въ пользу санной экспедиціи къ полюсу отъ Шпицбергена въ мартѣ и апрѣлѣ. Если будетъ предпочтенъ Смитовъ проливъ, то путешественники могутъ подвергнуться голоду отъ недостатка съѣстныхъ припа-

совъ; тогда какъ на Шницбергенѣ опасаться этой бѣды нечего. Г. Ламонтъ и его спутники застрѣлили тамъ въ два гѣта двѣсти штукъ крушой дичи. Въ нѣкоторыхъ долинахъ Шницбергена па-сутся большія стада сѣверныхъ оленей.

Изверженіе Этны.—Во французской академіи наукъ было прочтено недавно письмо г. Фуке къ Сен-Клер-Девиллю объ изверженіи Этны, которое началось 31-го января, вечеромъ, въ половинѣ одинадцатаго. Наканунѣ были слышны два подземные удара, а передъ самымъ изверженіемъ произошло сильное землетрясеніе, направленное къ сѣверо-востоку. Послѣ этого легкое колебаніе земли продолжалось до 4 часовъ пополудни. Большіе огненные столбы вырвались съ сѣверо-восточной стороны Этны, на высотѣ 1,700 ф. надъ снѣговой линіею, и въ то же время хлынула изъ кратеровъ лава. Въ два или три дня прошла она около шести верстѣ потокомъ, который имѣлъ отъ $4\frac{1}{2}$ до 6 аршинъ ширины и былъ мѣстами очень глубокъ — отъ 5 до 10 сажень. Уничтоживъ на своемъ пути всѣ незначительныя препятствія, она встрѣтила наконецъ одинъ изъ старыхъ кратеровъ и раздѣлилась на двѣ струи. Одна потекла на западъ очень медленно и, подраздѣляясь на нѣсколько вѣтвей, почти перестала двигаться; другая же, восточная струя низверглась въ глубокую долину, скоро наполнила ее и устремилась далѣе, пока высокая плотина отвердѣвшей лавы, образованная прежнимъ изверженіемъ, не преградила ей дороги. На Этнѣ семь кратеровъ, и пять изъ нихъ имѣютъ широкія эллиптическія жерла, главныя оси которыхъ направлены къ сѣверо-востоку. У подошвы прежняго кратера Фрументо образовалась глубокая разсѣлина въ 70 сажень длины. Пары, сопровождающіе изверженіе, двухъ родовъ: сухой и влажный. Первый состоитъ преимущественно изъ хлорныхъ испареній, во второмъ же преобладаютъ щелочная и угольная кислоты. Сухой паръ носится надъ раскаленной лавою, а влажный надъ тѣми ея частями, гдѣ температура выше 400° . Присутствіе щелочной кислоты обнаруживается въ паряхъ низшей температуры, но вообще выше 100° ; угольная же кислота обыкновенной температуры была открыта въ одномъ изъ старыхъ кратеровъ. Во всѣхъ этихъ парахъ воздухъ лишенъ части кислорода, котораго содержится въ нихъ до 19% и даже меньше. Это изверженіе замѣчательно тѣмъ, что въ немъ не принимала участія сѣра. Химическія изслѣдованія и чувство обонянія не могли обнаружить ея присутствія. Въ настоящее время, пишетъ г. Фуке, дѣйствуютъ преимущественно четыре нижніе кратера; они извергаютъ жидкую лаву и почти безцвѣтный дымъ. Изъ трехъ же верхнихъ кратеровъ вылетаютъ комья твердой лавы, черные камни и густой дымъ, наполненный водянымъ паромъ и дикимъ пепломъ. Верхнія жерла производятъ черезъ каждыя двѣ или три минуты гулъ, подобный громовымъ раскатамъ; тогда какъ изъ нижнихъ кратеровъ несутся постоянно звуки, похожіе на колокольный звонъ, или на частые и безпрерывные удары

колота по наковальнѣ. Съ самаго начала изверженія центральный кратеръ извергаетъ бѣлый падръ, покрывающій вершину Этны.

Отчетъ императорской (русской) публичной библиотеки за 1864 г.—
 Мы издавна привели съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдить за нашимъ почтеннымъ книгохранилищемъ, и потому всегда охотно заносимъ въ нашу лѣтопись свѣдѣнія изъ ея годоваго отчета. 1864 годъ былъ для библиотеки преимущественно годомъ перестроекъ, которыя предположено произвести въ ней для устрaненія опасности отъ огня. Передѣлки начались съ іюня прошлаго года, и до начала нынѣшняго подвинулись уже въ значительной степени: въ двухъ залахъ окончены всѣ капитальныя работы и устроены шкафы; надъ заломъ овальною возведенъ куполъ, устроены двѣ спиральныя лѣстницы, всѣ прежнія пневматическія печи замѣнены новыми, безметалльными, по всему зданію проведена система чугунныхъ водоносныхъ трубъ, наконецъ, устроено 13 крановъ съ резиновыми рукавами и мѣдными брандспойтами, на случай пожара. Въ числѣ мѣръ по внутреннему устройству библиотеки должно упомянуть о приведеніи въ порядокъ богатой библиотечной коллекціи злѣвировскихъ изданій и о дѣятельномъ продолженіи дублетнаго отдѣленія; въ теченіе года изъ дублетовъ разслано во отдѣленія для сличенія 8,316 сочиненій, и изъ нихъ 2,887 оказались неизмѣющимися въ отдѣленіяхъ; кромѣ того, къ числу мѣръ по внутреннему устройству относится обсужденіе въ собраніи библиотечарей вопроса о печатаніи каталога иноязычныхъ сочиненій о Россіи. Работы по каталогизаціи библиотеки подвигались болѣе или менѣе по всѣмъ отдѣленіямъ, но не съ особеннымъ успѣхомъ, потому что были затрудняемы переноскою, вслѣдствіе производившихся перестроекъ. Между прошлогодними приобрѣтеніями библиотеки первое мѣсто принадлежитъ, во первыхъ, коллекціи древнихъ куфическихъ корановъ, приобрѣтенной отъ г-жи Дюнойе, наследницы арабиста Марсея, бышаго въ числѣ членовъ ученой французской экспедиціи въ Египеть, снаряженной Бонапартомъ, а вторыхъ, коллекціи арабскихъ, персидскихъ и турецкихъ рукописей, купленной отъ Н. В. Ханькова. Первое изъ этихъ собраній представляетъ отрывки изъ корана, писанные въ первые два вѣка исламизма и заключающіе въ себѣ важныя данныя для критики и исторіи текста корана, второе — цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ и въ высшей степени замѣчательныхъ, но еще малоизученныхъ сочиненій восточной литературы. Изъ различныхъ приобрѣтеній библиотеки, особенно стоитъ указать на переданные въ нея изъ государственнаго архива: 1) точную копию съ рукописи, заключавшей въ себѣ «Слово о Полку Игоревѣ», найденную въ фоліантѣ съ разными бумагами императрицы Екатерины II, и 2) современный отъ руки рисунокъ, изображающій отпускъ стрѣльцовъ на Разина, отсканный между дѣлами Тайнаго приказа; въ этомъ рисункѣ, доселѣ совершенно неизвѣстномъ, полуистлѣвшемъ и испорченномъ сыростью, представлены посадки, на палубѣ ко-

торыхъ стоять стрѣлцкія сотни въ полномъ вооруженіи, съ барабанами и знаменами. Вообще пріобрѣтенія библиотеки въ 1864 году представляютъ слѣдующія цифры:

Печатныя книги, брошюры и эстампы	10,841	соч. въ 15,871 томахъ.
Рукописи и автографы	391	—
Эстампы и фотографіи	515	—
Карты и планы	130	—
Ноты	614	—
Калиграфическія руководства . . .	45	—

Наконецъ, пользованіе библиотекою, по прежнему, продолжало возрастать. Въ теченіе 1864 года выдано билетовъ для занятій въ общей читальной залѣ 6,370 (въ 1863 году 6,280). Число читателей было: въ общей читальной залѣ 61,887 (въ 1863 году 58,560) и въ кабинетѣ для художниковъ 2,192 (въ 1863 году 2,612), а всего 64,079. Въ числѣ читателей преобладала учащаяся молодежь: напримѣръ, было 554 студентовъ с.-петербургскаго университета, 171 студентъ с.-петербургской духовной академіи, 237 студентовъ медико-хирургической академіи, 201 воспитанникъ технологическаго института, 282 воспитанника двухъ военныхъ училищъ; число 176 поручиковъ, кажется, тоже должно объяснить тѣмъ, что въ этомъ числѣ состоитъ большинство воспитанниковъ военныхъ академій. Вытребовано книгъ изъ отдѣленій: старопечатныхъ, на церковно-славянскомъ языкѣ, 120 томовъ (въ 1863 году 107 т.), на русскомъ языкѣ 22,051 томъ (въ 1863 г. 20,625 т.), и на иностранныхъ языкахъ 11,390 томовъ (въ 1863 г. 9,819 т.); изъ библиотеки при читальной залѣ 56,329 (въ 1863 г. 56,618 т.). Общее число взятыхъ посѣтителями къ чтенію книгъ было: въ общей читальной залѣ 230,384 тома (въ 1863 г. 222,845 т.) и въ кабинетѣ для художниковъ 7,398 т. (въ 1863 г. 8,008 т.). Въ теченіе 1864 г. было отказано по 7,625 требовательнымъ листкамъ, а именно: за неизвѣстемъ въ библиотекѣ сочиненій—по 2,017 листкамъ (въ томъ числѣ въ русскомъ отдѣленіи—по 196 требованіямъ), за выдачею уже въ чтеніе—по 3,168, за отдачею въ переплеть—по 270, по случаю требованія сочиненій запрещенныхъ—по 17, по разнымъ причинамъ—по 2,153 листкамъ. Для чтенія повременныхъ изданій выдано 1,209 билетовъ; читателей было 8,998 человекъ, и ими вытребовано 30,522 нумера журналовъ и газетъ. Изъ русскихъ повременныхъ изданій требованы: «Современникъ»—1,278 разъ, «Русское Слово»—1,141, «Отечественныя Записки»—719, «Русскій Вѣстникъ»—708, «Библиотека для Чтенія»—514, «Эпоха»—267, «Заграничный Вѣстникъ»—208, «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»—160, «Русская Сцена»—124, «День»—82 раза; изъ прочихъ русскихъ повременныхъ изданій 4 были требуемы отъ 75 до 50 разъ, 11—отъ 50 до 25 и 64—отъ 25 до 1. Рукописей потребовано въ чтеніе 929.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Быть студентовъ въ Германіи. Изъ заграничныхъ писемъ Л. Модзольскаго. Съ десятью рисунками Н. И. Лебедева. Спб., 1865.

Книжка эта есть нѣчто въ родѣ монографіи о внутренней жизни нѣмецкаго студенчества; русская литература обогатилась этой книжкой потому, что г. Модзольскому пришлось болѣе двухъ лѣтъ прожить въ маленькихъ университетскихъ городахъ Германіи, и онъ, заинтересовавшись бытомъ нѣмецкихъ студентовъ, сталъ «безъ особенной траты времени, но постоянно» всматриваться въ него со всѣхъ сторонъ и востарался «добиться до его внутренняго пониманія». Результаты этихъ своихъ усилій авторъ нашелъ нужнымъ изложить наукообразно, и вотъ явилась книжка «О бытѣ студентовъ въ Германіи». Строгость научнаго отношенія къ предмету г. Модзольскій простираетъ до того, что, доискиваясь «органическихъ законовъ» жизни, «добивался внутренняго ея пониманія», онъ даже не рѣшился сдѣлать послѣднихъ выводовъ изъ своего изученія нѣмецкаго студенчества, и ограничился лишь тѣмъ, что установилъ точку зрѣнія, съ которой, по его мнѣнію, надо смотрѣть на дѣло. Встрѣтивъ въ предисловіи указаніе на такую ученую осторожность автора, а также и на то, что многіе факты собраны имъ путемъ личныхъ наблюдений, мы хоть и удивились нѣсколько этому ученому аппарату труда, но все-таки съ интересомъ принялись читать сочиненіе, въ надеждѣ найти въ немъ что-нибудь новое и оригинальное.

Быть студентовъ въ многоученой Германіи есть, безъ сомнѣнія, довольно существенное явленіе въ жизни нѣмецкаго народа—такое явленіе, на которомъ лежитъ рѣзкая печать, какъ достоинствъ, такъ и недостатковъ нѣмецкой національности. Германскій духъ по преимуществу характеризуется рѣзкою индивидуальностью и способностью къ развитію отвлеченной истины. Изъ коренной нѣмецкой индивидуальности развилось въ германскомъ обществѣ рѣзкое обособленіе на цехи и корпораціи, а изъ способности къ отвлеченному — духъ систематизированія и научнаго изученія. Обособленность повлекла за собою развитіе въ составныхъ частяхъ общества исключительности и узкой замкнутости въ своихъ интересахъ, а преобладаніе отвлеченнаго и страсти къ систематикѣ, постоянно отвлекало нѣмцевъ отъ высшей реальной дѣятельности и развивало въ нихъ педантизмъ. Все это отражается и въ жизни нѣмецкихъ университетовъ. Они возникли въ средніе вѣка, какъ корпораціи ученыхъ ex professo, съ своимъ самосудомъ и самоуправленіемъ, какъ государства въ государствахъ. Идревле академическіе (то-есть университетскіе) граждане почти презрѣніе ко всѣмъ, кто не принадлежалъ къ ихъ ученой

корпорации, а внутри ея стремились развить государственныя формы, облекая въ видъ студное реальное содержание своей жизни. Такимъ образомъ возникли разобщеніе между студентомъ и нестудентомъ — буршемъ и филистеромъ — и ложная (ибо пошлая) узаконенность разныхъ порядковъ и обычаевъ студенческаго быта. Соблюденіе этихъ порядковъ: разныхъ пивныхъ уставовъ, коментовъ, законовъ студенческой чести, обычаевъ принятія въ фуксы и перехода въ бурши и т. д., и понинѣ наполняетъ исключительно жизнь многихъ студентовъ, которые тѣмъ выше дѣлать всю эту ветошь, что она доступна только имъ однимъ. Но если въ самой Германіи есть крайніе противники корпоративныхъ студенческихъ правовъ, то тѣмъ болѣе неприятное впечатлѣніе производятъ эти нравы на иностранцевъ. И дѣйствительно, въ самой книгѣ г. Модзолевскаго мы находимъ указаніе на неблагоприятныя отзывы французовъ, англичанъ и американцевъ о нѣмецкомъ студенчествѣ. А потому, намъ тѣмъ болѣе странно показалось, что самъ русскій авторъ сочиненія говоритъ объ этомъ предметѣ крайне снисходительно и, несмотря на всю свою осторожность, все-таки даетъ понять, что его симпатіи клонятся положительно въ пользу корпоративнаго начала въ нѣмецкомъ студенчествѣ.

Свое возвращеніе на бытъ студентовъ въ Германіи, г. Модзолевскій выводитъ изъ точки вѣрнія, которую онъ называетъ историко-психологическою, то-есть онъ желаетъ, чтобы нынѣшнее нѣмецкое студенчество судили, принимая въ разсчетъ его прошлое, и проявленія его вообще объясняли изъ особенностей юношеской природы. Противъ такихъ требованій возражать было бы нечего, но дѣло въ томъ, что самъ г. Модзолевскій преувеличиваетъ удобства ихъ примѣненія: съ одной стороны почетная давность историческаго преданія никоимъ образомъ не должна быть приводима въ оправданіе явленій, невыдерживавшихъ критики общественной нравственности даже въ старину, не только теперь; а съ другой — и въ психологіи не слѣдуетъ такъ догматизировать, чтобы ставить рѣзкія преграды при переходѣ изъ возраста въ возрастъ—преграды, которыхъ въ дѣйствительности не существуетъ. Изъ книги же г. Модзолевскаго видно, что корпоративный строй нѣмецкаго студенчества до начала XIX вѣка былъ явленіемъ скорѣй печальнымъ, чѣмъ хорошимъ: во-первыхъ, почти съ эпохи основанія первыхъ германскихъ университетовъ есть длинный рядъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, что университетская молодежь была по большей части буйной и задорной толпой, презиравшей и оскорблявшей все прочее населеніе, весьма мало прилежной къ наукѣ, но сильно прилежавшей къ пиву, картамъ и трубкѣ; вовторыхъ, въ старинныхъ нѣмецкихъ университетахъ общій уровень возраста былъ гораздо выше нынѣшняго, а потому грубые и безобразные нравы стариннаго студенчества не могутъ быть объясняемы неустановившейся юношескою природою.

Съ начала нынѣшняго столѣтія нѣмецкое студенчество измѣнилось; вслѣдствіе событій 1813 и слѣдующихъ годовъ и потомъ позднѣйшихъ переворотовъ въ Европѣ, быть его оживился приливомъ новыхъ идей; уровень возраста понизился; произвола и грубости въ нравахъ поубавилось; но все же въ немъ, какъ свидѣтельствуемъ самъ г. Модзолевскій, старина чувствуется на каждомъ шагу. И донинѣ, по малой мѣрѣ, половина нѣмецкихъ студентовъ принадлежитъ къ корпораціямъ, и изъ нихъ едва-ли не самую значительную и самую прочно-организованную часть составляютъ корпораціи съ самыми отсталыми принципами; да и всякія другія корпораціи тоже не безъ грѣха въ этомъ отношеніи; это видно хотя бы изъ слѣдующихъ словъ г. Модзолевскаго, въ которыхъ онъ бросаетъ общій взглядъ на современное состояніе нѣмецкаго студенчества:

«Удобнѣе всего раздѣлить все обучающееся въ германскихъ университетехъ юношество на 4 главные класса: во-первыхъ, на корпораціи съ строго-корпоративными началами и съ стремленіемъ къ пропагандѣ этихъ началъ, которыя должны вести къ связи и единству всѣхъ германскихъ университетовъ; къ такимъ корпораціямъ, преслѣдующимъ общестуденческіе интересы, принадлежатъ прежде всего вѣчно-праздные Corps, имѣющіе свой общій съѣздъ (Bundestag) въ Кёзенѣ для совѣщанія *о средствахъ побудить реакцію*; и потомъ ихъ противники Verbindungen и Burschenschaften, но не всѣ; во-вторыхъ, на корпораціи болѣе замкнутыя и разрозненныя, равнодушно относящіяся къ другимъ корпораціямъ, если только съ ними не приходятъ въ соприкосновеніе ихъ собственные интересы; сюда относятся: Wingolfiten съ ихъ ортодоксальными принципами, которыхъ они, однако, никому не навязываютъ, разсѣяанныя тамъ-и-сямъ Progress-Verbindungen, да-лѣе — Landsmannschaften и нѣкоторыя Burschenschaften; оба первые класса имѣютъ свои цвѣта, обязательныя собранія (Convents и Kneipen), и отчасти дуэль, которую безусловно признаютъ одни Corps, и отвергаютъ одни Wingolfiten; третьихъ, собственно *общества* (Vereine) безъ строгихъ корпоративныхъ началъ и часто безъ цвѣтовъ, какъ напримѣръ, разныя ученныя, гимнастическія, музыкальныя и шахматныя общества, неизмѣющія никакихъ исключительно-студенческихъ и политическихъ тенденцій, всѣ такъ-называемыя Wilden, образующіе свои кружки (Blasen), разныя друзья по кнейпѣ (Conkneipanten), правильно собирающіеся пить вмѣстѣ пиво и т. п. Но всѣ эти общества въ общихъ университетскихъ дѣлахъ и праздникахъ часто составляютъ чувствительную оппозицію другимъ корпораціямъ, и особенно корамъ; наконецъ четвертыхъ, всѣ Nichtverbündeten, неизмѣющіе ничего корпоративнаго и обязательнаго, предпочитающіе черный цвѣтъ всякимъ другимъ яркимъ, а потому называемые также Obscuranten, и во многихъ университетахъ величаемые Kameleen. Къ этому же классу можно отнести всѣхъ отдѣльно стоящихъ иностранцевъ или взрослыхъ посѣтителей лекцій, которымъ даже необязательно матри-

кулизироваться. Всѣ эти вольные люди, по большей части, суть самые сильные противники всякаго корпоративнаго начала, и потому они еще болѣе презираются корпораціями, чѣмъ третій классъ «дивныхъ», все же имѣющихъ сходны и выборы въ необходимыхъ случаяхъ. Къ послѣднимъ двумъ классамъ, по преимуществу, принадлежатъ всѣ скромные, трудолюбивые бѣдняги».

И вотъ, изъ числа этихъ студентскихъ группъ г. Модзолевскій съ наименьшимъ сочувствіемъ относится къ корамъ и съ наибольшимъ—къ буршеншафствамъ. Впрочемъ, его снисходительность простирается до того, что и въ первыхъ онъ видитъ «много юношески-свѣжаго и наивно-поэтическаго». На нашъ взглядъ и такая похвала слишкомъ велика и совершенно излишня: какъ онъ самъ же признаетъ, коры составляютъ крайнюю степень въ развитіи корпоративнаго начала; заключая въ себѣ многіе остатки старины, они впрочемъ окончателно устроились только въ эпоху романтизма, подъ покровительствомъ руководимой Меттернихомъ реакціи; они проникнуты устарѣлымъ и, въ этомъ случаѣ, вполне деморализующимъ стремленіемъ поддерживать старинныя студентскіе нравы со всѣмъ формализмомъ ихъ кутежей, съ пошлымъ презрѣніемъ къ филистерамъ, съ расточительностью и франтовствомъ и наконецъ, съ феодальнымъ образомъ мыслей; это главное прибежище всѣхъ пустыхъ людей, лѣнтыевъ и вообще людей наиболѣе старшихъ по возрасту, но нежелающихъ работать. Послѣ всего этого не мудрено, что и г. Модзолевскому пришлось назвать ихъ консервативнымъ началомъ въ нѣмецкомъ студенчествѣ; но, по правдѣ сказать, недалеко ушли отъ коровъ и тѣ буршеншафства и союзы, которые г. Модзолевскій считаетъ элементомъ прогрессивнымъ. Они возникли въ противодѣйствіе корамъ, послѣ событій 1813 г.; въ нихъ обнаружилась даже идея честнаго служенія отечественнымъ интересамъ (таковъ былъ и извѣстный «Союзъ добродѣтели», Tugendbund); но въ то же время «юношество не могло отказаться ни отъ фантастическихъ формъ, ни отъ увлеченій; новыя общества, въ пику корамъ, приняли также знамена, цвѣта, гербы, ленты и вдались въ ту же замкнутость и исключительность»; точно также завели и своихъ сеніоровъ, и секретарей, и свой конвентъ и обязательныя кнейпы, гимнастику и фехтованіе. Въ этомъ видѣ существуютъ буршеншафства и понинѣ; все, что можно сказать въ ихъ пользу, такъ это то, что буршеншафства не прочь позаботиться о самообразованіи своихъ членовъ, и потому заводятъ иногда своя бібліотеки и чтеніе сообща самостоятельныхъ работъ. Но и такого рода успѣхи очень медленны; по крайней мѣрѣ къ этому неутѣшительному выводу неизбѣжно приводятъ слѣдующія слова автора: «Намъ болѣе всего хотѣлось бы поскорѣе истребить эту такъ называемую *поэзію студенчества*, отъ которой все зло; но для этого нужна геркулесовская мощь»—говорилъ мнѣ одинъ студентъ изъ описываемаго мною вида корпорацій (т.-е. изъ буршеншафства), и въ дальнѣйшемъ разговорѣ я узналъ, что

подъ *ноэзіей* онъ разумѣлъ только ложное ея пониманіе, т.-е. ухарство, забіячество, щегольство, пьянство, волокитство и т. п. Онъ доказывалъ мнѣ, что отъ поэзіи цвѣтныхъ лоскутковъ и пива студенту нетрудно отказаться, ибо замѣтъ онъ найдетъ истинную поэзію въ дружбѣ, свободѣ, въ стремленіи къ завѣтному своему идеалу, и въ томъ счастливомъ покоѣ, для котораго у нѣмцевъ есть свое, ничѣмъ незамѣнимое слово «*Gemüthlichkeit*». Но такого широкаго и трезваго пониманія поэтической стороны жизни нельзя найти во всѣхъ буршеншафтвахъ; въ нихъ еще замѣтно немало остатковъ старинной грубости и формализма, которые не могутъ исчезнуть вдругъ.» Къ тому же надобно замѣтить, что буршеншафтва гораздо болѣе раздѣлены между собою, чѣмъ коры, и что съ послѣдними они въ открытой враждѣ. Стало быть, съ этой стороны прогрессъ студентскихъ корпорацій и преуспѣяніе ихъ въ духѣ единства всего менѣе возможны. А если такъ, то, послѣ всего выше изложеннаго, мы вправе спросить г. Модзолевскаго: почему онъ высказывается въ пользу корпорацій и почему признаетъ послѣднія такой необходимой и удобной формой для выраженія потребностей юношеской природы? Повидимому, г. Модзолевскій считаетъ всѣ эти корпоративныя собранія, выборы, существованіе должностныхъ лицъ и пр. чѣмъ-то очень существеннымъ. «Всмотрѣвшись попристальнѣе въ образъ жизни и стремленія германскихъ студентовъ — говоритъ онъ по этому поводу — нельзя не замѣтить въ нихъ всѣхъ тѣхъ признаковъ юношеской природы, по которымъ она непосредственно примыкаетъ къ дѣтскому возрасту и является только новою, вышшею степенью послѣдовательнаго развитія челоувѣческаго духа. И въ самомъ дѣлѣ: какъ ребенокъ обыкновенно любитъ играть представленіями изъ *семейнаго быта* и изъ ближайшаго окружающаго его міра, тогда какъ эта игра для него дѣлается важнымъ умственнымъ процессомъ — такъ юноша какъ-бы играетъ представленіями изъ быта *общественнаго*, то свободно подражая дѣйствительности, то приводя свои представленія, изъ нея же воспринятія, въ новыя сочетанія по прихотливымъ требованіямъ своей фантазіи... Каждый Corps-student, каждый Вингольфъ желалъ бы весь міръ перестроить за-ново на своихъ любимыхъ началахъ, но міръ не хочетъ понять его, и потому студентъ презираетъ его филистерскую тупость и неподвижность; онъ утѣшается по крайней мѣрѣ тѣмъ, что можетъ осуществить свою программу въ небольшомъ кругу своихъ единомысленныхъ сверстниковъ. Въ своей корпораціи онъ затрачиваетъ весь запасъ своихъ юношескихъ силъ на игру представленіями и идеями».

Слова эти очень благодущны; но они положительно невѣрно изображаютъ сущность дѣла: еслибы корпораціи были дѣйствительно необходимой и полезной школой для будущей дѣятельности молодыхъ людей въ общественной жизни, то мы не находили бы въ общественности нѣмцевъ того скучнаго и тяжелаго формализма, той узкости и раздѣленности интересовъ, того патриотизма

на однихъ словахъ, а не на дѣлѣ, той сваредности и того эгоизма, которые видимъ теперь. Въ противоположность г. Модзолеевскому мы убѣждены, что именно корпораціи развиваютъ подобныя вещи: по крайней мѣрѣ общественный бытъ нѣмецкихъ студентовъ постоянно представляетъ эти явленія, такъ же постоянно повторяющіяся и въ жизни всего нѣмецкаго общества. Не распространяемся о другой, болѣе мелкой, но тоже вредной сторонѣ корпораціи — обь обязательности кутежей, которая тоже происходитъ не изъ одной, вполне законной юношеской игривости и которая оказываетъ также очень вредное вліяніе на нѣмецкую молодежь. Наконецъ замѣтимъ, что не изъ студенческихъ корпораціи выходятъ лучшіе представители университетскаго образованія, лучшіе дѣятели германскаго просвѣщенія; а это обстоятельство тоже не слишкомъ-то говоритъ въ пользу той общественной формы, которую защищаетъ г. Модзолеевскій. Принимая все это въ расчетъ, мы нивакъ не можемъ согласиться съ авторомъ, чтобы въ буршенштафтвахъ и союзахъ находились элементы обновленія для нѣмецкаго студенчества. Мы уже упоминали о противникахъ корпораціи, такъ-называемыхъ «верблюдахъ» и «дикихъ», и вотъ, между тѣмъ какъ г. Модзолеевскій, защищая буршенштафта и союзы, становится на точку благоразумнаго и умѣреннаго прогресса, мы позволяемъ себѣ удариться въ дикую крайность. По сознанію самого автора, между «верблюдами» и «дикими» встрѣчаются самые талантливые и самые дѣльные представители нѣмецкаго студенчества, хотя, живя внѣ корпораціи, они и теряютъ всякій собственно студенческой отпечатокъ. И въ то же время, нельзя сказать, чтобы эти молодые люди были лишены всякаго чутья къ выгодамъ общественности; напротивъ того, и они смыкаются въ кружки и группы, когда этого требуютъ обстоятельства и общая польза; такъ въ нѣкоторыхъ университетахъ они образуютъ нѣчто въ родѣ ученыхъ обществъ для совокупныхъ занятій; случается даже, что если весь университетъ, безъ различія корпораціи, празднуетъ какое нибудь торжество, то и «дикие», и даже «верблюды» принимаютъ участіе въ его устройствѣ, выбравъ для этого своихъ представителей. Несомнѣнно, что только тогда, когда большинство нѣмецкихъ студентовъ приметъ характеръ этихъ вольныхъ людей и выйдетъ изъ корпораціи, только тогда освѣжится духъ нѣмецкихъ университетовъ.

Такимъ образомъ, прослѣдивъ съ помощью г. Модзолеевскаго бытъ студентовъ въ Германіи, мы пришли однако совершенно не къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ онъ велъ свою рѣчь. Мы объясняемъ это тѣмъ, что мы судили по крайнему своему разумнію, а онъ почерпалъ источникъ своихъ снисходительныхъ сужденій въ разныхъ нѣмецкихъ книгахъ о германскомъ студенчествѣ, какъ это и видно изъ его собственныхъ словъ, которыми онъ характеризуетъ взглядъ самихъ нѣмцевъ на свое студенчество. Въ заключеніе не можемъ не замѣтить, что хотя въ нашей литературѣ и появляются голоса въ пользу студенческихъ корпораціи вообще

(какъ разбираемое мнѣніе г. Модзолевскаго), весьма желательно, чтобы студенты нашихъ университетовъ не соблазнялись въ этомъ случаѣ примѣромъ нѣмцевъ. Будетъ совершенно достаточно, если наши студенты станутъ группироваться въ кружки для общихъ ученыхъ занятій. Безъ сомнѣнія, главною, а пожалуй и единственною связью должны быть для нихъ интересы образованія.

Крестыянскій вопросъ въ Россіи. *Полное собраніе матеріаловъ для исторіи крестыянскаго вопроса, на языкахъ русскоиъ и иностранннхъ, напечатанныхъ въ Россіи и заграницею. 1864—1865. Составилъ В. И. Межовъ. Спб. 1865.*

Совершенно излишнимъ было бы съ нашей стороны по поводу этой книги пускаться въ длинныя разглагольствованія, при томъ всѣмъ уже давнымъ-давно извѣстныя, о важности и благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ совершенной 20-го ноября 1857 года реформы—освобожденія крестыянъ изъ крѣпостной зависимости. Реформа эта, какъ и всякая мысль человѣческая вообще, созрѣвала медленно, хотя потребность ея ощущалась многими весьма давно уже; она встрѣчала препятствія, вызывала борьбу мнѣній, которая выразилась какъ нельзя болѣе рельефно въ нашей литературѣ вообще и повременной въ особенности. Осмыслить и уяснить эту борьбу мнѣній, составить полную исторію всего вопроса, кончившагося освобожденіемъ крестыянъ—представляетъ собою весьма интересный и занимательный предметъ изслѣдованій для нашихъ ученыхъ, которымъ, при такомъ вполне достойномъ и необходимомъ трудѣ, можетъ служить превосходнымъ пособіемъ вышеназванный нами трудъ Межова. Составитель имѣлъ главною своею цѣлію, какъ онъ самъ говоритъ, соблюсти безусловную полноту, старался не пропустить рѣшительно ни одной статейки, какъ бы мала и ничтожна, повидному, она ни была, и всѣ возможныя, относящіяся до этого вопроса статьи, число которыхъ достигаетъ на русскоиъ языкѣ цифры 2,800 и на разныхъ иностранныхъ еще 505—сгруппировалъ въ слѣдующіе главные отдѣлы:

- 1) Историческія изслѣдванія о крѣпостномъ, помѣстномъ и вотчинномъ правѣ.
- 2) Статистика крестыянскаго вопроса.
- 3) Литература и библиографія, и періодическія изданія по крестыянскому вопросу.
- 4) Вопросъ о свободномъ (наемномъ) и обязательномъ (барщинномъ) трудѣ.
- 5) О разныхъ видахъ пользованія и владѣнія землею.
- 6) Теоретическія статьи по крестыянскому вопросу, разсматривающія его съ разныхъ точекъ зрѣнія.
- 7) Собственно крестыянскій вопросъ въ Россіи, то-есть статьи, въ которыхъ обсуживаются мѣры и способы рѣшенія крестыянскаго вопроса.
- 8) Хроника крестыянскаго вопроса.
- 9) Крестыянскій вопросъ въ поэзіи и искусствахъ.

Трудъ этотъ не имѣетъ, какъ и самъ авторъ это знаетъ, никакихъ претензій на ученое достоинство; въ немъ нѣтъ никакихъ выводовъ и заключеній; это просто—справочная книга, библиографическій указатель, который по своей полнотѣ и точности имѣетъ

большую важность и значение для изслѣдователя, но не для читателя. Это само-собою очевидно; мы же съ своей стороны, указывая на это новое полезное пріобрѣтеніе нашей справочной литературы, исполнили лишь лежащую на насъ обязанность упомянуть о новомъ трудѣ г. Межова, принадлежащаго къ числу, къ сожалѣнію весьма незначительному, истинныхъ полезныхъ дѣятелей нашей публичной библіотеки, который, независимо отъ своихъ обязанностей и этого труда, издаетъ съ 1859 года ежегодно, впродолженіе уже пяти лѣтъ, библиографическій указатель выходящихъ въ Россіи книгъ и статей по части географіи, топографіи, этнографіи и статистики. Указатель книгъ, вышедшихъ по этимъ отраслямъ знанія въ Россіи въ 1863 году, уже появился въ продажу.

Земство, политико-экономическій сборникъ, Л. Демиса. Годъ 1-й, изданіе 2-е, пятая тысяча. 1864. С.-Петербургъ.

Обнародованнымъ 1-го января 1864 года положеніемъ о губернскихъ и земскихъ учрежденіяхъ, какъ извѣстно, общество призвано къ самодѣятельности и поставлено лицомъ къ лицу съ государственною жизнью, нѣкоторая доля трудовъ и тягостей которой возложена на непосредственную заботливость общества; на немъ же остается большая часть отвѣтственности въ случаѣ безспѣшности.

Чтобы облегчить обществу содѣйствіе въ осуществленіи означенныхъ государственныхъ цѣлей, г. Демисъ напечаталъ выше-названную нами книгу, въ которой и помѣстилъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, правила для приведенія ихъ въ дѣйствіе, со всѣми приложеніями и составленнымъ имъ подробнымъ азбучнымъ (алфавитнымъ) указателемъ, необходимость и польза котораго очевидно всякому, кто будетъ имѣть надобность обратиться къ положеніямъ. Сверхъ того, во многимъ правиламъ положенія сдѣланы объясненія, напечатанныя для отличія отъ текста закона курсивомъ, которыя весьма облегчаютъ уразумѣніе, какъ самыхъ статей, такъ и полнаго дѣйствія земскихъ учреждений. Для удобнѣйшаго соображенія статей земскихъ учреждений съ уставомъ о земскихъ повинностяхъ, на который сдѣлано такъ много ссылокъ, важнѣйшія статьи этого устава приведены въ особомъ продолженіи; съ этою же цѣлю помѣщены въ приложеніяхъ: изложеніе основаній вводимаго представительства по соображенію статей, въ которыхъ они проявляются; извлеченіе изъ Свода Законовъ о составленіи государственной росписи и финансовыхъ сметъ министерствъ, о распредѣленіи налога на городскія недвижимыя имущества, о городскіихъ росписяхъ, о земскихъ и мірскихъ повинностяхъ крестьянъ, а также постановленія о начальныхъ народныхъ училищахъ, о церковныхъ попечительствахъ, положеніе о взаимномъ страхованіи, о крестьянскихъ вспомогательныхъ и сберегательныхъ касахъ, и правила объ избраніи мировыхъ судей и присяжныхъ засѣдателей.

Конечно, послѣ всего этого, можетъ быть, покажется страннымъ нѣсколько самое названіе книги «Земство—политико-экономическій сборникъ», которое могло быть, для болѣе яснаго обозначенія содержанія, замѣнено другимъ, какъ, напримѣръ, земскія учрежденія или положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ и т. д. Но очевидно, что дѣло не въ заглавіи книги, а въ ея содержаніи, которое въ этомъ отношеніи представляется трудомъ весьма добросовѣстнымъ и вполне удовлетворяющимъ непосредственному своему назначенію, лучшимъ доказательствомъ чему можетъ служить и самый успѣхъ ея распродажи.

Исторія нидерландской революціи и основанія республики соединенныхъ провинцій, Д. Л. Мотлея. *Переводъ съ англійскаго. Томъ I, часть 1-я. 1865 г. С.-Петербургъ. Изданіе Я. А. Сулина.*

О всѣхъ достоинствахъ этого замѣчательнаго произведенія знаменитаго англійскаго историка было своевременно уже говорено въ «Отеч. Зап.». Что же касается вновь вышедшаго перевода этого сочиненія на русскій языкъ, то хотя онъ и вполне удовлетворителенъ въ литературномъ отношеніи, но въ экономическомъ заставляетъ желать значительнаго пониженія цѣны. Первая часть перваго тома, содержащая въ себѣ 240 страницъ весьма обыкновенной печати, стоитъ 1 руб., что, конечно, еще немного, еслибы все сочиненіе и ограничивалось одною этою книжкою; но какъ издателемъ объявлено, что все изданіе будетъ состоять изъ 6-ти выпусковъ, по части въ каждомъ, то общая цѣна всего русскаго перевода Мотлея заставитъ многихъ очень и очень поразмыслить, прежде нежели купить хоть бы и первую часть этой исторіи. Къ чему же, дѣйствительно, покупать одну часть, не имѣя средствъ и возможности купить и остальные, а *шесть* рублей не весьма многіе, къ сожалѣнію, могутъ пожертвовать на приобрѣтеніе сочиненія по исторіи Нидерландовъ, и притомъ не всей, а только одного изъ ея періодовъ. Намъ остается сожалѣть, что издатель не сочли себѣ выгоднымъ издать переводъ Мотлея въ такомъ же видѣ и по такой же дешевой цѣнѣ, какъ это сдѣлалъ г. Тибленъ относительно Исторіи цивилизаціи въ Англии, Бокля, переведенной г. Бестужевымъ.

Безъ сомнѣнія, этимъ они бы гораздо болѣе выиграли, и доставивъ выгоду публикѣ, главнымъ образомъ избавили бы ее отъ совершенно несправедливаго нареканія въ равнодушіи и отсутствіи сочувствія къ весьма полезнымъ переводамъ дѣльныхъ произведеній иностранныхъ литературъ.

Вышедшая пока первая часть содержитъ въ себѣ историческое введеніе и первыя три главы, въ которыхъ разсказъ доведенъ до отъѣзда Филиппа II изъ Нидерландовъ и тѣхъ ауто-да-фе въ Испаніи, которыми онъ праздновалъ свое спасеніе отъ кораблекрушенія, и бракъ съ Изабеллою французскою, заключенный, какъ извѣстно, вскорѣ по возвращеніи его въ Испанію.

Человѣкъ, въ отношеніи его физическаго и матеріальнаго благосостоянія, Составлено докторомъ Ливелемъ. Москва. 1865.

Судя по означенному заглавію, помѣщенному на самой оберткѣ, можно еще рѣшиться купить и прочесть эту книгу, повидимому представляющую немало интереса для насъ, живущихъ на землѣ и занятыхъ всевозможнымъ улучшеніемъ нашего матеріальнаго благосостоянія. Но самый заглавный листъ вселяетъ уже полное сомнѣніе въ полезности приобрѣтенія книги, которая, въ шести частяхъ, заключающихъ всего 332 страницы довольно крупной и разгонистой печати, содержитъ въ себѣ гигиену, медицину, домашнее приготовленіе лезарствъ, составленіе домашней аптеки, и множество разнообразныхъ правтическихкихъ свѣдѣній, относящихся (каково это, а не относящихся) къ домашнимъ и хозяйственнымъ потребностямъ (точки нѣтъ)... И все это вы приобрѣтаете за 2 рубля, что страшно дорого, если взять въ соображеніе, конечно, не только количество печатныхъ буквъ и словъ, но и достоинство самаго содержанія, которое представляетъ собою самую пеструю смѣсь домашней поваренной книги, народнаго лечебника, полицейскихъ правилъ о ѣздѣ на желѣзныхъ дорогахъ, о подачѣ пособій мимо-умершимъ, о сохраненіи съѣстныхъ припасовъ и т. д. Мы дадимъ нѣкоторое понятіе читателямъ о самой книгѣ, съ цѣлью предупредить ихъ отъ покупки, сдѣлавъ нѣкоторыя выписки на удачу. Напримѣръ, стр. 81. 1) занятія умственныя. Болѣзни, диспепсія, гастралгія, неврозы, геморой, запоръ, каменная болѣзнь; не доказано, что эти занятія предоставляютъ болѣе случаевъ апоплексій, нежели прочія.—Гигиеническіе совѣты. Хорошо провѣтривать рабочій кабинетъ; пищу должно употреблять легкую... и т. д., не работать ночью, должно зимою брать тепловатныя, а лѣтомъ холодныя ванны (а мы думали до сихъ поръ, что обратно), каждую недѣлю нужно одинъ день отдыхать, гулять и развлекаться. 2) земледѣльческія занятія и т. д.

Для кого это все написано? При докторѣ, книга эта совершенно бесполезна, а безъ доктора, человѣкъ, незнакомый съ медициною, не будетъ знать, что это за болѣзнь гастралгія, диспепсія и проч. — въ книгѣ же никакихъ объясненій о нихъ нѣтъ.

Или напримѣръ, стр. 45. «Полезно или вредно дѣйствіе кофе на наши органы?» На подобные вопросы, авторъ, конечно, отвѣта не даетъ, а пускается въ наставленія: какъ его самымъ лучшимъ образомъ варить, замѣчая: «что не одинъ поэтъ, не одинъ музыкантъ обязаны кофійю (какъ онъ дошелъ до подобнаго результата, намъ совершенно неизвѣстно; почему же кофе именно, а не пиву и не хлѣбу) лучшими своими произведеніями, и кромѣ того, кофе имѣетъ еще то достоинство, что прогоняя сонъ — продолжаетъ бодрствованіе для пользы науки». Каково!... что шагъ, то нелѣпость!...

На стр. 265 помѣщено свѣдѣніе, какъ на берегахъ Адриатическаго моря, именно въ Комаччіо приготовляютъ миноги — «ихъ

слегка поджариваютъ, солятъ, и закупориваютъ». Вотъ и все!... Хотите, читатель, сдѣлать обувь вашу непромокаемою, то на стр. 280 найдете должное къ этому указаніе, и тутъ же рядомъ наставленіе, какъ чистить мѣдныя вещи. Можете узнать также, какъ должно готовить чернила садовныя, неокисляющія металлическія перья, для мѣтокъ и проч.; какъ сохранять цвѣты и мѣха; найдете рецепты для приготовления лучшаго дѣвичьяго молока (стр. 296), *parfait amour* (стр. 279) и т. д. Къ сожалѣнію, г. Толмачевъ, предпринявшій совершенно бесполезный переводъ подобной пустой книги, не захотѣлъ снабдить его указателемъ, или просто оглавленіемъ; онъ, вѣроятно, пожалѣлъ труда на это, предчувствуя неуспѣхъ своего предпріятія; мы вполне желаемъ, чтобы подобное предчувствіе сбылось въ возможно полной мѣрѣ.

Жизнь и смерть. *Четыре лекціи, читанныя въ Royal Institution въ Лондонѣ В. Сэвори, переводъ подъ редакцію С. Ламанскаго. 1865 г. СПб.*

Въ означенныхъ лекціяхъ, Сэвори, самымъ общедоступнымъ языкомъ, чуждымъ всякихъ смѣлыхъ и пустыхъ фразъ, излагаетъ методъ изученія жизни, степени организаци и развитія, существенные признаки и условія жизни, жизненное начало, и послѣднюю лекцію посвящаетъ вопросу о смерти, ея значеніи и отношеніи къ жизни. Чтобы показать столь же трезвый, какъ и основательный взглядъ, обнаруженный г. Сэвори въ этомъ небольшомъ сочиненіи, мы приведемъ слѣдующія мѣста изъ него:

«Жизнь составляетъ великое различіе между органическимъ и неорганическимъ царствомъ. Кромѣ жизни, всѣ различныя черты разграниченія, проводимыя время отъ времени между ними, стирались, по мѣрѣ того, какъ развивалась наука, уничтожала прежнія заблужденія и открывала новыя истины. Различіе между живымъ и мертвымъ организмомъ гораздо значительнѣе, чѣмъ между мертвымъ организмомъ и неорганическимъ веществомъ. Чтобы выяснитъ это различіе, я не стану выказывать своего незнанія, пытаюсь опредѣлять или описывать жизнь. Я попробую говорить о жизни, какъ о необходимомъ состояніи динамическаго равновѣсія, какъ объ опредѣленномъ вознагражденіи между потерей и восстановленіемъ, которыя не измѣняютъ ея условій. Замѣьте, это—еще не опредѣленіе жизни; это только попытка отличить жизнь въ ея существенныхъ чертахъ, при ея простѣйшихъ условіяхъ» и т. д. (стр. 20).

«О смерти я могу сказать то же, что о жизни: что никакое опредѣленіе или описаніе, которое я могъ бы вамъ предложить, не дало бы такого живого представленія объ этомъ великомъ переворотѣ, какъ понятіе, которое вы сами уже составили о немъ. Мы знаемъ, что прекращеніе *настоящей* нашей жизни называется смертью. Смерть есть измѣненное состояніе организма, въ которомъ не происходятъ извѣстные процессы, составляющіе жизнь (стр. 72). Намъ излишне прибавлять, что въ *духовномъ* отношеніи мы не

измѣняемся. Ни въ чемъ мы такъ не увѣрены, ничто мы такъ не сознаемъ, какъ это! То, что переживаетъ жизнь, должно пережить и смерть. Развѣ въ процесѣ смерти не происходитъ болѣе перемѣнъ, чѣмъ въ жизни? Нѣтъ смерти; что кажется смертью, не что иное какъ переходъ» (стр. 99). Намъ остается только поблагодарить г. Ламанскаго за исполнѣе удовлетворительный переводъ этихъ лекцій, и пожелать труду его возможно большаго успѣха.

Естественная исторія насѣкомыхъ, сочиненіе Кэрби и Спенсъ. Переводъ съ англійскаго А. Мина.

Книга эта содержитъ въ себѣ подробное описаніе вредныхъ и полезныхъ насѣкомыхъ, описаніе ихъ превращеній, пищи, приемовъ, служащихъ для ея добыванія, жилищъ и пр. и пр.

Геологическая карта европейской Россіи, академика Гельмерсена.

Карта европейской Россіи и кавказскаго края, составленная по новѣйшимъ свѣдѣніямъ и изданная военно-топографическимъ депо въ 1864 году, на 12-ти листахъ. Карта очень хорошая и цѣна ея 4 р. 50 к., въ листахъ, не слишкомъ высока.

Памятная книжка министерства народнаго просвѣщенія на 1865 г. С.-Петербургъ. Въ типографіи Рогальскаго. 1865 г.

Книга эта, изданная въ видѣ приложенія къ «Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія» на 1865 годъ, состоитъ изъ двухъ частей, изъ коихъ первая содержитъ въ себѣ законы, уставы, положенія и штаты, до вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія относящіеся; вторая же заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о личномъ составѣ министерства народнаго просвѣщенія и состоящихъ въ его вѣдѣніи ученыхъ учреждений и учебныхъ заведеній, о числѣ университетовъ, лицеевъ, ветеринарныхъ училищъ, гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній, также свѣдѣнія объ уѣздныхъ училищахъ, учительскихъ семинаріяхъ, городскихъ и сельскихъ (казенныхъ и общественныхъ) приходскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, женскихъ училищахъ, какъ-то гимназійхъ, образцовыхъ пансіонахъ и т. д., свѣдѣнія объ училищахъ при еврейскихъ синагогахъ и при церквахъ иностранныхъ исповѣданій, о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и о числѣ учащихся въ подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія учебныхъ заведеніяхъ. Таковыхъ лицъ въ 1864 году было вообще въ 3,531 учебномъ заведеніи 194,333 человекъ, въ томъ числѣ 151,571 мужскаго пола и 42,762 женскаго, именно:

	Муж. п.	Жен. п.
въ 6-ти университетахъ	4,084	—
» 3-хъ лицеяхъ	140	—
» 2-хъ ветеринарныхъ училищахъ	99	—

	Муж. п.	Жен. п.
въ 96-ти гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.	28,429	—
» землемѣро-таксаторскихъ классахъ при 34 гимназіяхъ	1,039	—
» 413-ти уѣздныхъ училищахъ	25,658	—
» 2-хъ учительскихъ семинаріяхъ.	67	—
» 1,124 приходскихъ и начальныхъ училищахъ	49,320	7,319
» 431 народномъ училищѣ въ западныхъ губерніяхъ	14,325	1,179
» 37-ми женскихъ училищахъ 1-го разряда.	—	4,335
» 75-ти » » 2-го »	—	4,630
» 102 еврейскихъ училищахъ 1-го »	3,341	—
» 5-ти » » 2-го »	221	—
» 2-хъ раввинскихъ училищахъ	516	—
» училищахъ при церквахъ иностранныхъ исповѣданій: пяти на степени гимназіи.	799	174
» 19-ти на степени уѣздныхъ училищъ	1,369	754
» 102 » » приходскихъ училищъ.	11,892	10,271
» 74 частныхъ учебныхъ заведеніяхъ на степени гимназій	1,541	3,231
» 187 частныхъ учебныхъ заведеніяхъ на степени уѣздныхъ училищъ.	1,518	4,261
» 846 частныхъ учебныхъ заведеніяхъ на степени приходскихъ училищъ.	7,213	6,608

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время появились въ печати слѣдующія сочиненія:

DEB HANNOVERISCHE JURA, von *K. Seebach*. 1864. (Ганноверская юра, *К. Зебахъ*).

HEMERISCHE FORSCHUNGEN, von *B. Gieseke*. 1864 (Исслѣдованія Илиады Гомера, *Б. Гизеке*).

DEB KORAN, aus dem Arabischen wortgetreu neu übersetzt, 5 Auflage, von *L. Ullmann*. 1865 (Коранъ, подстрочный переводъ *А. Ульмана*).

LEHNBUCH der technischen Mechanik. 2 Heft. von *Aug. Ritter*. 1864. (Учебникъ технической механики, *А. Риттера*).

LEHNBUCH der anorganischen Chemie für den Unterricht an Realschulen, von *Dr. C. M. Evers*. 1864. (Учебникъ неорганической химіи для преподаванія въ реальныхъ училищахъ, *К. М. Эверса*).

LITERATUR UND CULTUR DES XIX JAHRHUNDERTS, von *Dr. I. I. Henning*. 1865. (Литература и культура XIX вѣка, *И. Гинстера*).

L. A. SONNKE'S Sammlung von Aufgaben aus der Differential und Integralrechnung. 3 Auflage, herausgegeben von *Pr. Dr. Eduard Heis*. 1865.

(Собрание задачъ изъ дифференціального и интегрального исчисления Л. А. Зонке, изданное Эдуардомъ Гейсомъ).

SPINOSA. Sein Lebensbild und seine Philosophie, von J. B. Lehmann. 1864. (Спиноза. Его біографія и философія, *Г. Б. Леманса*).

SYSTEM DES ERBRECHTS NACH HEUTIGEM RÖMISCHEN RECHT, von Pr. Dr. Aug. Tewes. 1864. (Система наследственнаго права, *Ав. Тевеса*).

VORLESUNG DER VÖLKERKUNDE UND DER BILDUNGSGESCHICHTE, von Dr. Loy. Diefenbach. 1864. (Приготовительныя свѣдѣнія о народахъ и исторіи образованія, *Л. Дифенбаха*).

ZUM THIER-UND KRÄUTERBUCH des meklenburgischen Volkes, 3 Heft. Von Dr. Karl Schiller. 1864. (О мекленбургскихъ животныхъ и растеніяхъ, *К. Шиллера*).

CAPTAIN HEBBERT: a Sea Story. 1865. (Капитанъ Гербертъ: морской разсказъ).

EAST AND WEST, a diplomatic History of the Annexation of the Jonian Islands to the Kingdom of Graece, by Stenafos Xenos. 1865. (Востокъ и Западъ, дипломатическая исторія присоединенія Ионическихъ острововъ къ Греціи, *Стенафоса Ксеноса*).

THE EAST AND THE WEST: our Dealings with our Neighbours, Essays by different Hands. 1865. (Востокъ и Западъ: наши сношенія съ нашими сосѣдями, опыты разныхъ писателей).

THE FINE ARTS AND CIVILIZATION of ancient Ireland, by Henry O'Neill. 1865. (Изящныя искусства и цивилизація древней Ирландіи, *Генри О'Нейлла*).

FIVE WEEKS' SPORT in the Interior of the Himalayas, by Capt. H. V. Mathias. 1865. (Охота впродолженіе пяти недѣль въ Гималайскихъ горахъ).

GRACE CLIFFORD, a NOVEL, by H. Bouverie Pigott. 1865. Грасъ Клеифордъ, романъ *Г. Буверіи Пиготтъ*).

HISTORIC PICTURES, by A. Baillie Ochrane. 1865. (Историческія картины, *А. Б. Кохрѣна*).

THE HISTORY OF THE REFORMATION of the Church of England, by Gilbert Burnet. 1865. (Исторія преобразованія англійской церкви, *Ж. Бюрнета*).

A HISTORY OF THE COMMONWEALTH OF FLORENCE, by Adolphus Trollope. 1865. (Исторія флорентійской республики, *А. Троллопа*).

MYSTIFICATIONS, by Clementina Stirling Grahame. 1865. (Мистификація, *К. С. Грэхэмъ*).

PRACTICAL CHEMISTRY, by Stevenson Macadam. 1865. (Практическая химія, *Стевенсона Макадама*).

A TREATISE OR DRILL AND MANOEUVRES of Cavalry combined with Horse Artillery, by Major-General M. W. Smith. 1865. (Трактатъ объ ученіи и маневрахъ кавалеріи вмѣстѣ съ конной артиллеріей, генералъ-маіора *М. В. Смита*).

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

Для скрипки съ аккомпаниментомъ фортепьяно.

MARD. Les maîtres classiques du violon. Collection de morceaux choisis. № 1. Sonate (Follia) par Corelli, op. 5. 1 r. 75 c.; № 2. Sonate (№ 6) par J. Séb. Bach 2 r.; № 3. Trille du diable. Sonate par Fartini 1 r. 75 c.; № 4. Sonate (le tombeau) par Leclair 1 r. 45 c.; № 5. Divertimento. Duo *pour violon seul* par. Stamitz 85 c.; № 6. Concerto (№ 24) par Viotti 3 r.; № 7. Sonate № 8. Sonate par W. A. Mozart 2 r.

— № 8. Fantaisies faciles, op. 39. № 1. L. Gazza Ladra. № 2. Donizetti. L'élisire d'amore. № 3. Adam. Le Chalet. № 4. Rossini. Le Barbier de Seville. № 5. Bellini. Norma. № 6. Donizetti. La fille du régiment. № 7. Bellini. Les Puritains. № 8. Bellini. La Sonnambula. à 1 r.

BAZZINI, A. L'absence. Mélodie, op. 22. 1 r.; La Calma. Sérénade 85 c.; Rêverie 1 r. 30 c.; Calabrese 1 r. 75 c.; № 16. Morceaux lyriques. № 1. Elégie 1 r. 15 c.; № 2. La Joie. № 3. Le Muletier à 1 r. 45 c.; № 4. Bavardage. № 5. Rêves de bonheur à 1 r. 15 c.; № 6. Boléro 1 r. 45 c.; Le Carillon d'Arras. Air flamand, op. 36. 2 r.; Concerto militaire, op. 42. 2 r. 60 c.

BÉRIOT, Ch. de. 7-e Concerto, op. 76. 3 r.; Premier guide du Violiniste, 20 Etudes mélodiques, faciles et progressives. Op. 77. Cahier 1 et 2 à 1 r. 45 c.; 11-me Air varié en La mineur, op. 79. 1 r. 75 c.; Etude de salon, op. 85 bis. 1 r.; 12-me Air varié, en Ré majeur, op. 88. 2 r. 30 c.; 8-me Concerto en Sol majeur, op. 99. 3 r. 45 c.; Fantaisie ou Scène de Ballet, op. 100. 2 r. 30 c.; Les trois Bouquets, 3 Fantaisies, op. 101. № 1, 2, 3 à 1 r.; 9-me Concerto en La mineur, op. 104. 2 r. 30 c.; 2-me Fantaisie-Balet, op. 105. 2 r. 30 c.; Andante-Caprice, op. 108. 1 r. 75 c.; 2 Fantaisies sur des thèmes russes № 1. 1 r. 15 c., № 2. 1 r. 45 c.; Grande Fantaisie, op. 115. 2 r. 30 c.; 12 Mélodies italiennes, en 3 Suites à 1 r. 15 c.; 36. Etudes mélodiques, en 6 Suites à 1 r. 45 c.

- DAVID, F., 12. Salon-Stücke, op. 24. Heft 1, 2, 3 à 2 r. 30 c.
 HAUSER, M., 6 Morceaux de salon, op. 39. Liv. 1, 2, 3 à 1 r. 15 c.
 JANSA, L. Der junge Opernfreund. (Neue Folge), op. 75. № 1.
 Meyerbeer: Hugenotten. № 2. Auber: Stumme von Portici.
 № 3. Mozart: die Hochzeit des Figaro. № 4. Meyerbeer:
 Robert der Teufel à 1 r.
 JOACHIM, J. Concert (in ungarischer Weise), op. 11. 7 r. 45 c.
 KISSNER, Ch. 4 Mazurkas, op. 17, de Chopin 1 r. 45 c.; Nocturne,
 op. 55. № 1, de Chopin 85 c.
 LÉONARD, H. Concert-Stück (4-me Concerto), op. 26. 2 r. 30 c.;
 Prière à la Madonne 85 c.
 LICKL, C. G. 84 Etüden von J. B. Cramer, mit illustrirter Violin-
 Begleitung, Cah. 1, 2, 3, 4 à 1 r. 30 c. *Net.*
 LIPINSKI, Ch. Concerto militaire, D-dur, op. 21, genau bezeichnet
 von F. David. 1 r. 75 c.
 LOTTO, J. Fileuse. Romance sans paroles, op. 8. 2 r.
 SIEBMANN, Fr. 4 Romanzen, op. 31. 1 r. 45 c.
 SINGELÉE, J. B. L'Elisire d'amore. Fantaisie, op. 96. 1 r. 45 c.
 VIEUXTEMPS, H. Souvenirs de Russie. Fantaisie, op. 21. 1 r.
 75 c.; Bouquet américain. Mélodies populaires, op. 33, série
 1, 2 à 2 r. 30 c.; Haus-Mährchen, op. 34. № 1, 2 à 1 r. 45 c.
 № 3, 1 r. 75 c.; Halka. Scène et romance de l'opéra de
 Moniuszko 1 r. 15 c.
 WICHTL, G. 6 Petits morceaux, op. 51. № 1 à 6 à 1 r.

Для одного фортепьяно.

DREYSCHOCK, A. Elégie op. 138.	85 c.
LEWY, Ch. Le 12 Avril, Méditation.	75 "
ВИЛЬМЪ, Н. фонъ. Траурный маршъ.	75 "

- CRAMER, H. Bouquet de Mélodies de l'Africaine de Meyerbeer
 1 r. 85 c.
 KETTERER, E. «L'Africaine», Fantaisie de Salon. 1 r. 50 c.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать *всѣ музыкальныя сочиненія, идѣ и къмъ бы то ни было изданныя или объявленныя въ вакомъ либо каталогѣ.* Выписывающіе ноть на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. 25 проц.; на десять руб. 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требованія гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

А. ВИТНЕРЪ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

60 КОП. ВЪ МѢСЯЦЪ

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ.

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ
ВЕЧЕРНЯЯ ГАЗЕТА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ **К. ТРУБНИКОВА.**

Подписка принимается *на столько мѣ-
сяцевъ, на сколько кто пожелаетъ*, съ 1-го
и 15-го числа каждаго мѣсяца: въ конто-
рахъ редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и
„Вечерней Газеты“, въ *С.-Петербургѣ*, на
Конногвардейскомъ бульварѣ, въ домѣ
Мельникова № 11, и въ *Москвѣ*, на Твер-
скомъ бульварѣ, въ домѣ княгини Ухто-
мской, а также въ конторѣ „С.-Петербур-
скихъ Полицейскихъ Вѣдомостей.“

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1865

І Ю Н Ъ

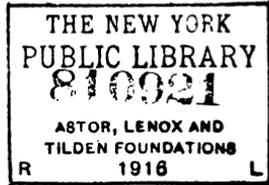
КНИЖКА ПЕРВАЯ

	СТР.
I. ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОВЫ. Романъ въ шести частяхъ. <i>Часть четвертая.</i> Заключенники. Главы XII—XVII. В. В. Крестовскаго	335
II. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НАШЕЙ АРМІИ И КОМПЛЕКТОВАНИЕ ЕЯ ОФИЦЕРАМИ. <i>Статья вторая и послѣдняя.</i> Д. В. Шатилова	365
III. О ДАНТЕ. По поводу шестисотлѣтняго юбилея. <i>Статья вторая и послѣдняя.</i> М. Пинто. Профессора с.-петербургскаго университета.	391
IV. СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛИЯ. Повѣсть. Главы I—V. В. П. Авенариуса	422
V. ТАЙНЫ ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ НЕАПОЛѢ. Записки Эприкетты Караччоло. Переводъ съ итальянскаго. (<i>Окончаніе</i>)	456
VI. ВОПРОСЪ ОБЪ ИСКУССТВѢ. <i>Статья вторая.</i> «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности». Изданіе второе. 1865 года. Н. И. Соловьева	468
—————	
VII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. Мексиканскій вопросъ	139
VIII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ. I. Иностранная литература. Новыя книги англійскія, нѣмецкія и французскія. — II. Русская литература	147 198
IX. КУРЬОЗЫ	208

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть четвертая.

ЗАКЛЮЧЕННИКИ.

XII.

Въ слѣдственной камерѣ.

Мы въ слѣдственной камерѣ. Обстановка извѣстна: это — обстановка любого присутственнаго мѣста средней руки. Комнаты, оклеенныя неопредѣленнаго цвѣта обоями, шкафы съ бумагами, столы съ вилами дѣль и геморoidalными чиновничьими физиономіями, три-четыре солдата въ каскахъ и съ ружьями, подлѣ темныхъ личностей съ сѣро-затхлымъ, болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, съ которыми читатель познакомился уже въ «дядиномъ домѣ»; затѣмъ—всякаго званія и состоянія люди обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, отъ ворюшки и нищенки до элегантнѣйшаго, великосвѣтскаго денди... Тутъ поэтъ смѣло бы могъ воскликнуть :

Какая смѣсь одеждъ и лицъ
Шемень, нарѣчій, состояній!

И все это ждетъ очереди своего дѣла, все это притянуто къ слѣдствію: иной—какъ истецъ, другой—какъ отвѣтчикъ, третій—какъ свидѣтель, всѣмъ есть мѣсто, до всѣхъ есть дѣло.

Вводятъ изъ передней комнаты мужичонку, въ арестантскомъ сѣромъ вострогѣ. Мужичонка на видъ—маленькаго роста; волоса каштановаго цвѣта, длинные, взбитые въ беспорядкѣ; безусое и безбородое лицо добродушно до того, что выраженіе его переходитъ даже во что-то дѣтское, безпечное, во что-то безконечно невинное и свѣтлое.

— Кто таков? раздаётся голос слѣдователя.

— Изъ господскихъ... робко начинаетъ, озираясь по угламъ, мужичонко.

— Какъ зовутъ, сказывай; какой губерніи, уѣзда какого? подшептываетъ ему сзади вольнонаемный писецъ, стоящій тутъ для того, чтобы выслушать допросъ и послѣ записать показаніе со словъ мужичонки.

— Брестянинъ... Калужской губерніи, Козельскаго уѣзда, Иванъ Марковъ, поправляется мужичонко, однако все еще робкимъ голосомъ.

— Сколько лѣтъ? спрашиваетъ слѣдователь.

— Двадцать-три.

— За что взять?

— Милостыню просилъ, вашеско благородіе.

— По какому виду живешь?

Мужичонко заминается и молчитъ, уставя въ слѣдователя свои глаза, которые при этомъ вопросѣ вдругъ сдѣлались глупыми, бессмысленными и какъ-бы ровно ничего непонимающими изъ того, что спрашиваютъ у нихъ обладателя. Вообще, видно, что послѣдній вопросъ слѣдователя больно ему непонутру.

— Что жъ молчишь-то? или *безъ глазъ ходишь?* (*)

Мужичонко при этомъ вопросѣ вздрагиваетъ, и словно очнувшись отъ забытья какого-то, встряхивается всѣмъ тѣломъ.

— Ну, что же? точно? безъ глазъ?

— Есть воля ваша, вашеско благородіе!

— На исповѣди и у святого причастія бываешь?

— Нѣ, не бываю...

— Почему такъ?

— На исповѣдь не ходилъ — потому рассказаться нѣ въ чемъ, значить, коли пашпорта нѣтъ.

— Такъ что жъ, что нѣтъ?

— Да какъ же безъ пашпорта каяться-то? знамо дѣло, безъ пашпорта и каяться нельзя.

— Зачѣмъ въ Петербургъ пришелъ?

— На заработки пришелъ... А какъ вышелъ срокъ пашпорту, домой собрался, продолжалъ арестантъ, немного приободрившись и оправившись отъ перваго смущенія. — Двадцать-пять рублевъ

(*) *Безъ глазъ ходить* — безъ паспорта; *темный глазъ* — фальшивый паспортъ.

денегъ имѣлъ, да на серскасѣльской машинѣ украли и мѣшокъ, и деньги — я тамъ жилъ, значить... Ну, домой вернуться не съ чѣмъ — я такъ и остался...

— И давно безъ паспорта?

— Поболѣ года уже... да годъ по пашпорту жилъ.

— Женатъ, или холостъ?

— Женатъ... жену въ деревнѣ оставилъ...

— Какъ же она тамъ безъ тебя живетъ? поди, чай, избалуется?

— А пусть ее балуется!

Этотъ отвѣтъ немало изумляетъ слѣдователя.

— Ну, конечно, это твое дѣло!... Какъ же ты безъ глазъ-то больше года прожилъ? Чѣмъ занимался?

— Въ поденной работѣ жилъ... Тò у того, тò у другого хозяина, пова держали; гдѣ день, гдѣ два, а гдѣ и недѣлю — такъ вотъ и жилъ.

— А милостыню зачѣмъ сталъ просить?

— А вотъ — лѣтось жилъ я у хозяина на обводной канавѣ; порядимшись были дрова къ Берендякѣ на лѣсной дворъ таскать; да заболѣлъ я тутъ. Хозяинъ не сталъ держать на фатерѣ; говорить: «помрешь, пожалуй, а мнѣ съ тобой и тягайся тогда! — иди, благо, куда знаешь!...» Ну, я и пошелъ...

— Куда же пошелъ-то?

— А въ кусты...

— Какъ въ кусты?

— А такъ, въ кусты... за московскую заставу — тамъ и жилъ, въ кустахъ тѣхъ.

— Больной-то?

— Да, нездоровый; такъ и жилъ.

— А ночеваль-то гдѣ?

— А все тамъ же, въ кустахъ... былъ на мнѣ зипунчикъ таковой въ тѣ поры; такъ вотъ имъ-то прикроешься отъ холоду, и спишь-себѣ.

— А кормился гдѣ и какъ?

— Да ѣсть-то въ ту пору очень мало хотѣлося мнѣ... Ну, деньжата коѣ-какія пустышныя были; выйдешь на дорогу — тамъ лавочка была — купишь себѣ булочку да и кормишься день, а ино и два... А тò вотъ тоже травкой питался...

— Какою травкой?

— А кисленькой... Травка такая есть... щавелѣкъ прозываетъ.

ся—ею и питался... Ну, а тамъ ягода поспѣвать стала—такъ вно вотъ ягоды, алибо листиковъ тамъ разныхъ пощиплешь—ну, и ѡшь-себѣ...

Мужичонко на минуту пріостановился и о чемъ-то грустно раздумался.

— А потомъ въ здоровѣ чуточку поправился, продолжалъ онъ: — вышелъ изъ кустовъ, только въ силу еще не взошелъ—работать не могъ и мѣста не сыскалъ себѣ — по той причинѣ и милостыньку сталъ просить.

— И долго въ кустахъ ты прожилъ?

— Да за полтора мѣсяца прожилъ-таки—не очень долго!

— И ты не врешь, братъ?

Мужичонко остался очень удивленъ этимъ послѣднимъ вопросомъ: Дѣйствительно, онъ рассказывалъ все это столь просто-душно и съ такою дѣтски-наивною откровенностью, что трудно было тутъ подмѣтить неискренность и ложь.

— Пѣшто врать! заговорилъ онъ на вопросъ слѣдователя: — я должѣнъ со всѣмъ усердіемъ открываться; какъ это было, такъ и рассказываю... Ужь соблаговолите, ваше благородіе, отправить меня на родину! прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія. — Надоскучило мнѣ тутотко безъ глазъ-то мотаться... Дома отецъ, алибо мѣръ хотъ и всынятъ сотню — другую, а все же оно легче, потому — дома; значить, въ своей сторонѣ. А чужая сторона, какая она? — безъ вѣтру сушить, безъ зимы знобить.— Ужь это само послѣднее дѣло!

И мужичонку уводятъ въ другую комнату — записывать его показаніе, а на мѣсто его появляются двѣ новыя личности.

— А!... божи страннички, мѣрскіе ходебщики! добро пожаловать! опривѣтствовали вошедшихъ слѣдователь.

Тѣ по поклону.

Одинъ изъ нихъ — ражій, рыжебородый, длинноволосый и сопящій мужичина, въ послупническомъ подрясникѣ, съ чернымъ стальнымъ обручемъ вмѣсто пояса. Другой — нѣчто ползущее, маленькое, низенькое, горбатенькое и на видъ очень несчастненькое и смиренное. Вползло оно, вмѣстѣ съ ражійемъ своимъ сотоварищемъ, и забилося въ уголь, какъ ѣжъ, откуда подозрительно поводило своими глазками, словно тараканъ, усиками.

Читатель, конечно, узналъ уже обонхъ.

— Кто таковъ? обратился слѣдователь съ обычнымъ формальнымъ вопросомъ къ Оумушкѣ блаженному.

— Кто? Я-то?

— Да, ты-то!

— Самъ по себѣ! отрывисто прожамкалъ блаженный, съ нахальствомъ глядя своими быстрыми, плутовскими глазами прямо въ глаза слѣдователю.

— Вижу, что самъ по себѣ; да каковъ ты человѣкъ-то есть?

— Божій.

— Всѣ мы божьи; а ты мнѣ объявись, кто ты-то собственно?

— Я-то?

— Да, ты-то!

— Я — птица.

— Гм... вотъ оно что!... Какая же птица?

— Немалая!...

— Однако, какая же?

— Да высоваго-таки полёта...

— А какого бы, желательно знать?

— А по крайности будетъ—соколиного...

— Ого, какъ важно!... Ну, такъ вотъ, ваша милость, желательно бы знать чинъ, имя и фамилію.

— Чью фамилію, мою?

— Ну, разумѣется!

— У меня фамилія важная...

— Тѣмъ-то вотъ оно и интереснѣе.

— Да антересь — не антересь, а только важная. При всѣхъ постороннихъ не объявлюсь, а на секретѣ — пожалуй, ужъ такъ и быть, уважу!

— Ну, это, положимъ, вздоръ вы изволите говорить. А вы, мой милый, безъ штукъ: фамилія!

— Сказано разъ, что важная... А впрочемъ—ну ихъ! пушай всѣ знаютъ! тотчасъ же раздумалъ блаженный.

— Вотъ этакъ-то лучше!... Ну, такъ какая же?

— Князь Воротынской! дерзко и громко брякнулъ Омушка, и съ самодовольствіемъ окинулъ глазами всю комнату, какъ-бы желая поглядѣть, какой это эффектъ произвело на присутствующихъ.

— Ну, а паспортъ вашъ гдѣ, князь Воротынской? съ улыбкою допытываетъ его слѣдователь.

— А нешто у князьёвъ есть пашпортъ? съ увѣренностью стойкаго и законнаго права вздумалъ вдругъ авторитетно диспутировать Омушка, заложивъ руки за спину. — Насъ каждый знаетъ! Какіе у насъ пашпортъ? Никакихъ такихъ пашпортёвъ мы не знаемъ,

да и знать не должны! Мы страннымъ житіемъ занимаемся, потому какъ мы это самое странное житіе возлюбили, такъ по немъ и ходимъ...

— Ну, а товарищъ-то твой, спросилъ слѣдователь, вивнувъ головой на ежа, крестившагося и копошившагося въ углу:— тотъ ужъ вѣрно тоже князь?

— Это ужъ пушай онъ самъ объявляется, отвѣтили странникъ, лихо встряхнувъ своею рыжею гривой и отступилъ въ сторону, какъ человѣкъ сознающій, что вполнѣ покончилъ свое дѣло и ждать отъ него больше нечего. Омушка явно билъ на изображеніе изъ себя юродиваго, сумасшедшаго, не безъ основанія полагая, что это поможетъ ему отъ бѣды отвергнуться.

— Ну, отвѣчай, кто таковъ? слѣдуетъ тотъ же вопросъ къ горбату ежу.

— Господи Иусе!... слышится изъ угла, вмѣсто отвѣта, какой-то свистящій фистуловый шопоть, причемъ искалеченная рука какъ-то тревожно и торопливо мотается, творя крестное знаменіе.

— Да отвѣчай же, кто таковъ? понукая, подсказываетъ ему рядомъ стоящій писецъ.

— Не знаю, батюшко, не могу знать совсѣмъ, скорбно отвѣтствуетъ ежъ.

— Ну, а имя какъ? допрашиваетъ слѣдователь, котораго, очевидно, развлекательнымъ образомъ занимають эти два интересные субъекта.

— Не знаю, батюшко, ничего не знаю... Люди зовуть Касьянчикомъ-старчикомъ, а самъ я не знаю; не знаю, отецъ мой... Господи Иусе!...

И опять та же исторія.

— Такъ не знаешь, какъ тебя зовуть?

— Не знаю, батюшко, запоматовалъ!... Вотъ-те-Христось — запоматовалъ!

— Говоришь, что Касьяномъ? а?

— Сказываютъ людишки добрые, что надо быть Касьяномъ, сказываютъ, словно бы такъ, родненькій...

— А можетъ, и не Касьяномъ, а по другому какъ? играетъ съ улыбкой слѣдователь.

— Можетъ, и не Касьяномъ, родимый, все можетъ! охотно соглашается старчикъ: — можетъ, и по другому какъ, а мы обѣзфимъ безвѣстны... безвѣстны, родненькій!...

— На исповѣди и у святого причащенія бываешь?

— Бываю, батюшко, бываю, четырежды въ годъ бываю... По монастырямъ все больше, по монастырямъ, отецъ мой...

— Сколько лѣтъ тебѣ?

— Не знаю, отецъ мой, ничего не знаю. И гдѣ хрещёнъ, и гдѣ рождёнъ—и того не знаю!

А на видъ старчику лѣтъ окодо пятидесяти, если не больше.

— Гдѣ же ты проживалъ, чѣмъ занимался? Этого не упомянешь ли?

— Ничего не помню, родненьвій, ничевошеньки! А вотъ съ измалѣтствія, какъ себя только запомя, такъ все больше по монастырямъ, да по обителямъ честнымъ въ странномъ житіи подвизался—а что до всего остального—ничего не помню...

— Ну, а какъ же вы, голубчиви, за всенощной, на паперти у купца Верхобрюхова изъ кармана бумажникъ вытащили? Какъ онъ у тебя очутился за пазухой, да какъ его тебѣ товарищъ твой — его-то сіятельство, передалъ? Это какъ случилось, расскажи-ка ты мнѣ?

— Ничего не знаемъ, родители вы наши, ничевошеньки!... Это все по извѣту злыхъ людей, отъ діавола, иже плевелы посяваетъ, внушенному на насъ, странныхъ людей, честнымъ и сподобливымъ житіемъ изувраченныхъ.

— Ого, какимъ книжникомъ заговорилъ!... Впрочемъ, другъ любезный, вѣдь ничего не подѣлаешь: свидѣтели есть... съ личнымъ пойманы.

— Ничего не знаемъ, ничевошеньки, отецъ мой! А что если жесвидѣтельствовать—такъ это можно! И супротивъ апостоли—злыни нечестивіи жесвидѣтельствовали; такъ это намъ же душѣ своей во спасенію... А мы, какъ есть ничего, и знать не знаемъ, и вѣдать не вѣдаемъ — хоть подъ присягу святую идти!

— Да какъ же бумажникъ-то за пазухой вдругъ очутился?

— Золь человекъ подсуноулъ, нарочито подсуноулъ, по злобѣ своей лютой; чтобы насъ-то странныхъ людей, лихой нагубой погубить. Я знаю, кто и подсуноулъ-то: это молодецъ Верхобрюховскій, приващикъ его, съ нимъ рядомъ выходилъ, и пова, значить, его степенство милостивно честную творилъ намъ, молодецъ мнѣ и сунъ—толпа-то вѣдь большая—а самъ и схватись за меня съ товарищемъ звупѣ, а товарищъ-то мой—христа-ради продавивый, блаженни, онъ и воды не замутишь объ оную пору, не токма что... А теперъ этотъ самый молодецъ жесвидѣтелемъ

супротивъ насъ поставленъ. Онъ мало ли чего наскажеть! потому у него супротивъ насъ—злоба—злоба, родитель мой, люта!

Такимъ образомъ Омушка, въ качествѣ сумасшедшаго, сопитъ да отмалчивается, а Касьяничикъ-старчикъ, не взирая на всѣ очевидности, упорно стоитъ на своемъ «ничегошеньки» и дѣлаетъ отводъ свидѣтеля, потому знаетъ и вѣдаетъ онъ, что съ помощію этихъ двухъ закорюкъ—пустъ будетъ дѣло ясно, какъ дважды-два-четыре—онъ все-таки выйдетъ сухъ изъ воды.

Начинается затѣмъ очной сводъ со свидѣтелями кражи, при чемъ конечно обѣ стороны остаются при своихъ показаніяхъ.

На сцену выступилъ привезенный изъ тюрьмы, для неоднократно повторяющихся допросовъ, Иванъ Вересовъ и съ нимъ—Осипъ Грѣчка, который пока еще содержался при части, въ секретной. Грѣчка не отступался отъ первыхъ своихъ показаній, данныхъ при составленіи полицейскаго акта, на мѣстѣ преступленія. Онъ все еще надѣялся, что Морденко одумается, что въ немъ прорвется кровное чувство отца, которое не допустить его довести дѣло до уголовной палаты. А Морденко межъ тѣмъ упорно стоялъ на своемъ убѣжденіи въ виновности Вересова, доказывая, что онъ давно уже подозрѣвалъ въ «пріемномъ сынѣ своемъ» злостные умыслы противъ себя, что этотъ пріемный сынъ всегда былъ грубъ, дерзокъ, непочтителенъ и безнравственъ.

Показанія свидѣтелей, точно такъ же, говорили далеко не въ пользу Вересова—все это составляло явныя улики противъ него, такъ что для окончательнаго обвиненія недоставало только собственнаго сознанія его въ преступленіи.

Слѣдователь рѣшительно становился въ тупикъ. Съ одной стороны, эта полная гармонія въ показаніяхъ кухарки Христинны Ютсола, домоваго дворника и мелочного сидѣльца, подкрѣпляемая «чистосердечнымъ» сознаніемъ самаго Грѣчки и доводами Морденки, казалось, ярко указывала на слѣшкомъ очевидныя тѣсныя сношенія молодого человѣка съ преступникомъ, а слѣдственно и на участіе его въ преступномъ замыслѣ. Съ другой же стороны, одинъ взглядъ на честное, открытое лицо обвиненнаго, на ту неподдѣльную искренность, которая звучала въ его словахъ, на ту вроткую, безропотную покорность, съ

которой склонялся онъ передъ постигнутой его бѣдой—невольюно поселяли въ душѣ слѣдователя какое-то безотчетное убѣжденіе въ его невинности. Онъ свелъ его на очную ставку съ Зеленьковымъ—Зеленьковъ показалъ, что хотя и видалъ Вересова раза два у Морденки, въ прежнее еще время, но что онъ, сколько ему извѣстно, въ замыслѣ на убійство не участвовалъ—даже имени его почти не было произнесено въ Сухаревкѣ, гдѣ происходила при Зеленьковѣ первая стачка. Слѣдователь думалъ-было ухватиться за это показаніе, видя въ немъ фактъ, говорящій въ пользу обвиненнаго; но все-таки долженъ былъ тотчасъ же придти къ убѣжденію, что показаніе Зеленькова, при настоящемъ положеніи дѣла, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, такъ какъ по его словамъ первая сухаревская стачка происходила въ пятницу, а Грѣчка настаивалъ на томъ, что встрѣтился случайно съ Вересовымъ, держалъ съ нимъ уговоръ въ субботу, и уговоръ этотъ держалъ внизу, на лѣстницѣ Морденкиной квартиры. Спросили еще у Зеленькова, упоминалъ ли Грѣчка имя Вересова въ субботу, когда послѣ заклада жилетки, вернулся въ Сухаревку, доложить о своей рекогносцировкѣ?—Оказалось, что не упоминалъ. Но и это обстоятельство могло только указывать на возможность того факта, что Грѣчка нашелъ болѣе удобнымъ и выгоднымъ для себя сдѣлать преступленіе въ сообществѣ Вересова, чѣмъ въ сообществѣ Оумки блаженнаго и Зеленькова—поэтому, быть можетъ, онъ такъ настойчиво и отклонялъ при допросахъ всякую солидарность этихъ двухъ людей съ совершеннымъ преступленіемъ. Такъ думалъ слѣдователь. Грѣчка же, въ сущности, не запутывалъ ихъ потому, во первыхъ, что далъ слово блаженному, въ случаѣ неудачи, принять все дѣло исключительно на себя, а во вторыхъ—если не забылъ еще читатель—онъ, возвращаясь изъ Сухаревки, пришелъ къ соблазнительному заключенію, что лучше одному, безъ раздѣла, воспользоваться плодами убійства, тѣмъ болѣе, что по условію отвѣчать-то все-таки одному придется. Наконецъ донесъ Зеленькова оставался для Грѣчки полнѣйшею тайной: онъ могъ имѣть подозрѣніе столько же на него, сколько и на Оумушку, и на всякаго другого, кто бы какъ нибудь случайно подслушалъ ихъ уговоръ, и потомъ донесъ полиціи. У Грѣчки былъ все-таки своего рода гоноръ, воровской point d'honneur: коли ужъ разъ на стачкѣ далъ такое слово, не выдавать—такъ держись, значить, крѣпко этого самаго слова, чтобы и напередъ всякій другой товарищъ вѣру въ тебя имѣлъ.

— Вы соглашаетесь съ показаніями вухарки, дворника и сидѣльца? спрашивалъ слѣдователь у Вересова.

— Вполнѣ.

— Эти показанія почти несомнѣнно доказываютъ ваше прямое соучастіе въ дѣлѣ.

— Я знаю, и ихъ, можетъ быть, достаточно для суда, чтобы приговорить меня, сказалъ Вересовъ съ тѣмъ вротвѣмъ, покорнымъ спокойствіемъ, которое является слѣдствіемъ глубокаго и безысходнаго горя.—Можетъ быть, меня и дѣйствительно приговорятъ, какъ тяжкаго преступника, добавилъ онъ съ тихой улыбкой, въ которой скрывалась все та же безропотная покорность.

Слѣдователь поглядѣлъ на него съ участіемъ.

— Но, Бога-ради, сообразите, что можете вы сказать въ свое оправданіе! предложилъ онъ.

Вересовъ только пожалъ плечами.

— Я уже сказалъ, какъ въ дѣйствительности было дѣло. Но... у меня вѣдь нѣтъ свидѣтелей; слова мои безсильны... Все—противъ меня.—Что же мнѣ дѣлать?!

Началась очная ставка. Грѣшка съ наглымъ безстыдствомъ, въ глаза уличалъ Вересова въ его соучастіи.

— Что же, другъ любезный, врешь? гдѣ жъ у тебя совѣсть-то, безстыжіе твои глаза? говорилъ онъ, горячо жестикулируя передъ его фізіономіей:—вмѣстѣ уговоръ держали, а теперь на попятный? Это ужъ нечестно; добрый воръ такъ не виляетъ. Вѣдь ты же встрѣнулъ меня внизу на лѣстницѣ?

— Да, подтвердилъ Вересовъ.

— Вѣдь я же сидѣлъ и плабался на батьку-то твоего?

— Да, повторилъ Вересовъ.

— И ты же сталъ меня разспрашивать, что это, дескать, со мною?

— Да, разспрашивалъ.

— А я же тебѣ говорилъ, что спасите, молъ, меня—съ голоду помираю, съ моста да въ воду броситься хочу?

— Говорилъ....

— А ты мнѣ что сказалъ на это?.. Ну-ка-ся, припомни!

— Я къ отцу позвалъ; сказалъ, что выручу.

— Ну, да! это правильно! Только прежде чѣмъ къ отцу-то звать, ты сказалъ, что выручишь, буде помогу тебѣ ограбить, а не то, добрымъ часомъ, и убить его. Вотъ оно какъ было!

Ты же мнѣ разсказалъ, что и фатера у него завсегда при замкахъ на запорѣ состоитъ, и что деньги онъ при себѣ на тѣлѣ содержитъ.

— Это ложь! горячо вступился Вересовъ.

— А!.. теперь вотъ ложь! перебилъ Грѣчва.—Ахъ, ты Иуда іудейская! Аспидъ ты вайнскій!.. Ишь вѣдь святошей-то какимъ суздальскимъ прикидывается, сирота казанская!.. А откуда жъ я могу знать, что деньги-то батька твой въ кожаномъ поясѣ подъ сорочкой носить? Кто жъ, окромя тебя, сына евойнаго, сказать бы мнѣ могъ про это?.. Чтѣ? замолчалъ, небойсь?... Пишите, ваше благородіе, обратился онъ къ слѣдователю:—что остались, молъ, оба при своихъ показаніяхъ. — Видите, замолчалъ! Сказать-то ему больше нечего.

Вересовъ отвернулся къ окну, чтобы скрыть отъ постороннихъ глазъ наворачнувшіяся слезы—тихія, но горькія слезы безъисходнаго, беспомощнаго, придавленнаго гора.

— Чтѣ же вы скажете на это, Вересовъ? участливо отнесся къ нему слѣдователь.

— Видать Богъ—невиновать я!.. Ну, да что жъ... отъ судьбы не уйдешь вѣдь!.. съ безнадежнымъ отчаяніемъ махнулъ онъ рукою, и голосъ его не выдержалъ, трепетно порвался. Онъ еще больше отвернулся къ окну, чтобы скрыть свою новую слезу, невольную и жгучую.

— Позвольте мнѣ, ваше благородіе, въ тюрьму! сталъ между тѣмъ проситься Грѣчва: — что жъ меня теперича занапрасно въ секретной держать? я вѣдь во всемъ, какъ быть должно, со всѣмъ усердіемъ моимъ открылся вашему благородію: начальство къ намъ тоже вѣдь навѣщать наѣзжаетъ, я могу начальству сказать, потому лишній народъ, сами знаете, безъ дѣла содержать по частямъ въ секретныхъ не приказано; а я открылся... такъ ужъ, стало быть, позвольте въ тюрьму.

Слѣдователь махнулъ рукою — и конвойный увелъ Грѣчку съ его мнимымъ сотоварищемъ.

Въ тотъ же день черный фургонъ привезъ въ подворотню тюремнаго замка новыхъ обитателей. Это были: Осипъ Грѣчва, Омушка-блаженный и Касьяничъ-старчикъ.

XIII.

С Е К Р Е Т Н А Я .

Бероева нескоро пришла въ сознание. Она рѣшительно не помнила, какъ ее увозили изъ ресторана, какъ доставили въ одну изъ частей, какъ на утро, за неимѣніемъ тамъ мѣста, перевели въ другую часть, куда по сдѣланному въ тотъ же день экстренному распоряженію, было отдано для слѣдствія ея дѣло. Все это время мысль ея не дѣйствовала, нервы словно заоченѣли, потерявъ способность впечатлительности; ее не пронималъ ни уличный холодъ, ни спертая, удушливая духота женской сибирки, гдѣ она очутилась на нарѣ, въ обществѣ уличныхъ воровокъ, нищенокъ, самыхъ жалкихъ распутницъ и пьяныхъ бабъ, подобранныхъ на панели. Она глядѣла, дышала и двигалась, какъ автоматъ, вполне машинально, вполне безсознательно; ни въ одномъ взглядѣ ея, ни въ одномъ вздохѣ, ни въ одномъ движеніи не промелькнуло у нея ничего такого, что бы напомнило хоть легкую тѣнь какой-либо мысли, хотя бы малѣйшій признакъ отчетливаго сознанія и чувства. Душа и мысль ея были мертвы, скованы какою-то летаргіей—одно только тѣло не утратило способности жить и двигаться.

Очнулась она уже «въ секретной», послѣ долгаго, мертвецкаго сна, который одолѣлъ ее всею своею тяжестью, побѣдивъ наконецъ это болѣе чѣмъ суточное, напряженно-заоченѣлое состояніе.

Секретныя по частямъ отличаются видомъ далекаго непрезентабельнымъ. Это обыкновенно—узкая комната, сажени въ полторы длиною, да около сажени въ ширину, съ рѣшотчатымъ, тусклымъ окномъ и кислымъ нежилымъ запахомъ. Мало свѣту и мало воздуху, а еще меньше простору: пройдись, расправь кости, размять члены свои ужъ рѣшительно негдѣ, потому на полуторасаженномъ разстояніи небольшо-то разгуляешься.

Бероева смутно очнулась и оглядѣлась вокругъ. Сѣроватый и словно сумеречный полусвѣтъ западалъ въ ея окошко. Передъ нею стоялъ убогій столикъ, грязный, пыльный, богъ-вѣсть съ которыхъ поръ немытый и нескобленный. Тутъ же кружка съ водою, на поверхности которой тоже плавала пылъ да утонувшая муха. Въ углу стояло ведро подъ стѣннымъ умывальникомъ—и

эти предметы, за исключеніемъ постели, составляли все убранство секретной.

Бероева чувствовала какую-то усталость и ломъ въ костяхъ, и жгучій зудъ по всему тѣлу. Она оглядѣла себя и свое ложе—убогую деревянную кровать съ грязной подстилкой, съ соломеннымъ мѣшкомъ вмѣсто тюфля и такую же подушкой. Брезгливое содраганіе невольно передернуло ея члены, когда увидѣла она то, что служило ей изголовьемъ.... Міриады насѣкомыхъ, клоповъ и даже червей какихъ-то повисыпали сюда изъ своихъ темныхъ щелей, почуявъ съ голоду новую и свѣжую добычу. Она стала прислушиваться—все тихо, глухо, не слышать ни говора, ни отголосковъ уличной жизни; только крысы пищать да возятся за печкой. Одна изъ этихъ подпольныхъ обитательницъ торопливо пробѣжала по полу и вильнула чешуйчатымъ хвостомъ, мгновенно улизнувъ подъ половицу, въ свою маленькую норку.

Съ нервическимъ трепетомъ поднялась она съ кровати и толкнулась въ дверь; но плотно запертая, крѣпкая дверь даже и не шелохнулась отъ ея толчка—словно бы толчокъ этотъ пришелся въ каменную стѣну. Она постучалась еще, и на этотъ разъ послабѣе—отвѣта нѣтъ какъ нѣтъ, и все попрежнему тихо да глухо. Бероева тоскливо прошла по своей тюрьмѣ—подъ ея ступней слегка скрипнула половица—и пискливая возня за печкой, казалось, будто усилилась отъ этого скрипу да отъ ея шаговъ, нарушившихъ тишину карцера. Изъ подполья снова выглянула большая рыжая крыса, и словно котенокъ, нетрусливо проползла до середины комнаты, понюхала воздухъ, поводила усиками, и спугнутая новымъ движеніемъ арестантки, шмыгнула въ темноту, подъ ея кровать, гдѣ и скрылась уже безвозвратно.

Бероева смутно сообразила теперь свое положеніе, собрала свои мысли, на сколько это было возможно въ ея состояніи, вспомнила все, что случилось съ нею — и тутъ-то, при этомъ страшномъ воспоминаніи, которое въ сущности и было для нея прямымъ, настоящимъ пробужденіемъ, возвратомъ въ дѣйствительной жизни, при видѣ всей этой мрачной, отвратительной обстановки, которая, словно могила, оковала ее своей безжизненностью въ настоящую минуту—на нее напалъ какой-то ужасъ, почти инстинктивно разразившійся невольнымъ, отчаяннымъ крикомъ. Она судорожно и что есть мочи стала колотиться въ дверь, не переставая кричать ни на минуту—и чрезъ нѣсколько

времени надзирательская форточка отворилась. Въ ней показалось апатичное лицо полицейскаго солдата.

— Чего орешь-то? что надо? кажись, все вѣдь есть, по порядку! просиѣлъ онъ крайне недовольнымъ тономъ.

— Пусти меня, пусти, Бога-ради! кричала она, совсѣмъ почти обезумѣвъ въ этотъ мигъ отъ отчаянія.

— Куды пусти!?... Что ты, чего бьешься-то?

— Дѣти... гдѣ дѣти мои?... Пусти!... Я въ судъ пойду... я къ царю пойду... я скажу ему! все скажу, всю правду!... Отпирай же двери!...

— Ладно!... никакъ съ ума спятила... Пусти да пусти, а куды я пушу?... Начальство не велить, съ насъ тоже взникать будутъ... Сиди лучше добромъ, коли посадили.

— Да отворишь ли ты, бездушный!

— Какой я бездушный? я не бездушный, а только что намъ неприказано—ну, значить, и нельзя. Вотъ погоди, скоро обѣдъ изъ тюрьмы привезутъ, я-те обѣдать принесу, поѣшь себѣ съ Богомъ; а чего ужъ нельзя, такъ и нельзя!... Не моя воля; а будешь бунтовать—дежурному скажу—ей-Богу скажу! пушай его самъ, какъ знаетъ, такъ и вѣдается съ тобою!

Бероева съ воплемъ грохнулась безъ чувствъ подлѣ двери.

Солдатъ поглядѣлъ: видитъ—лежить, не ерпчить и не дышетъ.

— Экая барыня какая несообразная, проворчалъ онъ, покачавъ головою, затѣмъ кликнулъ подчаска, отомкнулъ дверь—и вдвоемъ перетаскали ее на кровать.

— Вспрысни водой малость—можетъ, и прочухается, а не то дежурному да дохтуру доложить придется, сказалъ онъ подчаску, который исполнилъ все сполна по данному приказанію.

Бероева очнулась—и солдаты снова заперли дверь ея камеры.

Она увидѣла, что ужъ тутъ ничего не подѣлаешь, что это—сила, которая неизмѣримо превышаетъ ея собственныя силы и возможность, которая—Богъ-вѣсть что еще будетъ впередъ—а пока, въ настоящую минуту, давить, уничтожаетъ собою ея волю—и она смирилась въ какомъ-то тупомъ, деревянномъ отчаяніи.

Привезли изъ тюрьмы обѣдъ; а развозятъ его по всѣмъ петербургскимъ частямъ, для содержащихся тамъ арестантовъ, обыкновенно въ продолговатыхъ черныхъ ящикахъ, куда вставляются сосуды, въ родѣ деревянныхъ коробовъ; въ эти коробы опускаются плотно-закрытыя баки съ похлебкой, владется хлѣбъ, въ

нужномъ количествѣ порцій, и затѣмъ ящики отправляются въ ежедневное свое путешествіе.

Бероева почти и не взглянула на эту холодную, мутно-сѣрую похлебку, которую солдатъ такъ и вынесъ нетронутой изъ ея номера. Голодъ побудилъ ее только прожевать нѣсколько комковъ арестантскаго хлѣба, да запить ихъ стоялою водою изъ своей кружки. Да и эта-то пища, при ея тяжеломъ нравственномъ состояніи, показалась горькой и противной.

Въ этотъ день ее никто не тревожилъ, кромѣ добровольныхъ и неофициальныхъ обитателей ея камеры. Начинало темнѣть—и подъ свѣтомъ петербургскихъ сумерокъ, стѣны секретной становились еще мрачнѣй, холоднѣй и непривѣтнѣе. Одинъ только солдатъ полицейскій время отъ времени отмыкалъ свою форточку и наблюдалъ, чѣмъ занимается арестантка. Часовъ около семи вечера, когда совсѣмъ уже стемнѣло, онъ принесъ ночникъ, распространившій новую вонь отъ своей копоти и дрянного деревяннаго масла, и затѣмъ, на всю уже ночь, до утра, замкнулъ на ключъ секретную камеру.

Бероева кое-какъ застлала своимъ салопомъ грязную подстилку съ изголовьемъ и, не раздѣваясь, легла на свое скрипучее, арестантское ложе, тѣсно стараясь какъ нибудь забыться.

Воцарилась опять мертвая тишина и глухое молчаніе. Только изрѣдка потрескивалъ нагорѣлый ночникъ, а въ окно мелкій, зимній дождь барабанилъ; петербургскій вѣтеръ иногда съ какимъ-то стономъ завывалъ въ трубѣ, да крысы бѣгали по полу и отчетливо грызли зубами половицу... Въ камерѣ сдѣлалось холодно и сыро.

Среди ночи тревожно раздались вдругъ частые удары колокола и поднялся шумъ на съѣзжемъ дворѣ. Въ тишинѣ камеры ясно донесся до нея торопливый говоръ людей, понузанья, возгласы и конскій топоть, затѣмъ, черезъ какія-нибудь пять минутъ, тяжелый грохотъ многочисленныхъ колесъ, затихавшій мало по малу въ отдаленіи—и все опять смолкло.

Бероева заглянула съ постели въ свое окошко, подняла вверхъ глаза, и увидѣла въ непроницаемой чернотѣ ненастной ночи, какъ на высокой каланчѣ зловѣщіе фонари подымались.

«Пожаръ гдѣ-то въ городѣ», подумала она: «можетъ быть, въ нашемъ домѣ... можетъ, мои дѣти горятъ»...

И душа ея сжалась мучительной, смертельной тоскою, а фантазія неотвязно и ясно стала рисовать ужасный кроваво-огненный

образъ пожара и двухъ ея малютокъ, задыхавшихся въ ѣдомъ дыму и жаркомъ пламени.

На утро дверь ея тюрьмы отворилась.

— Гдѣ былъ пожаръ? стремительно бросилась она къ вошедшему солдату.

— На Охтѣ... амбары, слышно, какіе-то горѣли, съ обычной апатіей отвѣтствовалъ сторожъ.

— Слава тебѣ Господи! отлегло у нея отъ сердца.

— Эка баба какая, нашла чему радоваться! замѣтилъ про себя полицейскій, покачавъ головою.

Бероева взглянула за дверь—тамъ, въ коридорѣ, стоялъ солдатъ съ ружьемъ и въ каскѣ. Ее повели къ слѣдственному допросу.

XIV.

ДѢЛО

О побушеніи на убійство князя Шадурскаго женою московскаго почетнаго гражданина Юлією Бероевою.

— Вы—Юлія Николавна Бероева? началъ слѣдователь обычнымъ официальнымъ порядкомъ, съ предварительныхъ формальныхъ вопросовъ.

Арестантка подтвердила.

— Ваше званіе? продолжалъ онъ.

— Жена бывшаго студента.

— Это не составляетъ званія. Кто вашъ мужъ — дворянинъ, купецъ или изъ мѣщанъ?

— Изъ почетныхъ гражданъ.

— Хорошо-съ; такъ и запишемъ. На исповѣди и у святаго причастія, конечно, бываете... Подъ слѣдствіемъ и судомъ не состояли?

— Нѣтъ.

— Прекрасно-съ. Теперь я, какъ слѣдователь, долженъ васъ предупредить, что чистосердечное раскаяніе преступника и полное его сознаніе смягчаетъ вину, а потому смягчаетъ и степень самаго наказанія. Фактъ вашего покушенія на убійство князя Шадурскаго засвидѣтельствованъ подъ присягою достаточнымъ количествомъ разныхъ лицъ. Я отобралъ уже показанія отъ прислуги ресторана — и показанія ихъ всѣ до одного совершенно

следать. Потрудитесь, пожалуйста, объяснить, что именно побудило вас рѣшиться на это убійство?

Краска — быть можетъ стыда, быть можетъ оскорбленной гордости—выступила на лицо Беровой.

Въ это время кошачьей, мягкой походочкой, приглаживая височки рыженькаго парчика и уснащая физиономію улыбочкой самаго благодушно-богобоязненнаго и сладостнаго свойства, вступилъ въ камеру Полиевкъ Харлампіевичъ Хлѣбвасуменскій. Спина его неображала согбеніе самаго пріятнаго свойства — согбеніе, въ которомъ, однако, кромѣ нѣсколько почтительной пріятности, связывалась еще и подобающая его лѣтамъ солидность, вмѣстѣ съ соотвѣтственнымъ званію и рангу чувствомъ собственнаго достоинства. Онъ очень любезно, какъ знакомому, протянулъ руку слѣдователю, и обратился къ нему съ любезнымъ же ослабленіемъ:

— Вы, кажется, ужъ начали допросъ подсудимой? Извините, что имѣлъ неосторожность прервать... Продолжайте—я вамъ не мѣшаю.

Слѣдователь довольно сухо кивнулъ ему головою изъ-за кнпы бумагъ, а Полиевкъ Харлампіевичъ усѣлся на стулѣ и приготовился слушать. Онъ еще вчерашній день явился въ слѣдственное отдѣленіе съ повелѣніемъ о позволеніи присутствовать при производствѣ дѣла.

— Потому его сіятельство князь Шакурскій, по тяжелой болѣзни своей, очень желаютъ знать ходъ призывъ и обстоятельство.

Слѣдователь поморщился, но отвѣтилъ:

— Какъ вамъ угодно.

Берова собралась съ мыслями, призвала на помощь весь запасъ своихъ силъ и воли, и начала обстоятельный разсказъ о происшествіи. Она не забыла ни визита генеральши фон-Шпильке, явившейся въ образѣ эксцентрической любительницы брилліантовъ, ни своего посѣщенія къ ней на другой день, ни угощенія кофеиъ, ни внезапнаго появленія молодого князя, ни своего страннаго припадка, слѣдствіемъ котораго была беременность.

— Это все очень заманчиво и занимательно, вернулъ свое слово Полиевкъ Харлампіевичъ, съ обычно-пріятнымъ ослабленіемъ: — но юридическія дѣла требуютъ точности. Вы можете подтвердить чѣмъ нибудь справедливость своихъ показаній? у васъ есть факты, на основаніи коихъ вы живописуете намъ?

— У меня есть ребёнокъ отъ князя, застычиво, но твердо отвѣтила арестантка.

— Хе-хе... ребёнокъ... Но гдѣ же доказательства, что это ребёнокъ ихъ сятельства? И гдѣ же онъ у васъ находится?

— Это уже, извините, до васъ не касается, сухо обратилась къ нему слѣдователь.—Вы можете, пожалуй, наблюдать, сколько вамъ угодно, за правильнымъ ходомъ дѣла; но предлагать вопросы предоставьте мнѣ. Показаніе это слишкомъ важно, и потому извините, если я васъ попрошу на время удалиться изъ этой комнаты.

Полиевѣтъ Харлампіевичъ закусилъ губу и окислилъ физиономію, однако—дѣлать нечего—постарался скорчить улыбочку и, несолоно похлебавши, съ сокрушеннымъ вздохомъ вышелъ въ смежную горницу.

Бероева сообщила адресъ акушерки, который тотчасъ же и былъ записанъ въ показаніе.

— Кромѣ повивальной бабки зналъ еще ктонибудь о вашей беременности? спросилъ ее слѣдователь.

Подсудимая подумала и отвѣтила:

— Никто. Я отъ всѣхъ скрывала это.

— Какія причины побудили васъ скрывать даже отъ мужа, если вы—какъ видно изъ вашего показанія—были убѣждены, что обстоятельство это есть слѣдствіе обмана и насилія?

Бероева смутилась. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, какими словами, какимъ языкомъ передать въ сухомъ и краткомъ официальном актѣ, вполне вѣрно и отчетливо всѣ тѣ тонкія, неувимыя побужденія душевныя, тотъ женскій стыдъ, ту невольную боязнь за подрывъ своего семейнаго счастья и спокойствія—однимъ словомъ, все то, что побудило ее скрыть отъ всѣхъ обстоятельства беременности и родовъ? Она и сама-то себѣ едва-ли бы могла съ точностью опредѣлить словами всѣ эти побужденія, потому что она ихъ только чувствовала, а не называла. Однако, несмотря на это, Бероева все-таки, по возможности, постаралась высказать эти причины. Обстоятельство съ нашей формальной, юридической стороны, являлось темнымъ, бездовзательнымъ и едва-ли могло служить въ ея пользу.

— Вы хорошо были знакомы съ княземъ? продолжалъ слѣдственный приставъ.

— Нѣтъ, я его видѣла всего только три раза, отвѣтила аре-

статья:—въ первый разъ на вечерѣ; гдѣ мнѣ его представляли, потомъ у генеральши и, наконецъ, въ маскарадѣ.

— Вы говорите, что написали ему анонимное письмо по совету алушерики?

— Да, по ея совету.

— Хорошо, такъ мы и займемся. Если показаніе подтвердится, то обстоятельство это можетъ отчасти послужить потомъ въ вашу пользу.

Затѣмъ слѣдователь перевернулъ нѣсколько листовъ изъ дѣла, прочелъ какую-то сѣрую четвертушку и снова обратился къ подсудимой:

— Медицинское свидѣтельство говоритъ, началъ онъ, держа передъ собою бумагу:—что нанесены двѣ довольно глубокія раны: одна въ горло съ лѣвой стороны, на подлѣвѣ лѣвѣе отъ сонной артеріи; другая—въ грудь, непосредственно подъ лѣвою ключицею, глубиною около трехъ-четвертей дюйма. Точно ли вы нанесли эти раны, какъ называютъ свидѣтели, нашедшіе васъ съ вилкою въ рукѣ?

Берова слеза поблѣднѣла и выринулась. Въ ея глазахъ на мгновеніе мелькнулъ отблескъ гордаго достоинства женщины.

— Да, это правда! съ необыкновенной твердостью проговорила она:—я не отрекаюсь, я дѣйствительно хотѣла его убить—я защищалась отъ новаго насилія.

Слѣдственное дознаніе было все сплона прочтено Беровой, которая каждый отвѣтъ по предложеннымъ вопросамъ пунктамъ сѣршила своею подписью, и затѣмъ ее снова увели въ секретную подъ военнымъ конвоемъ.

Полюевъ Харлампіевичъ, откланявшись слѣдователю, проскользнулъ въ смежную горницу, гдѣ работали вольнонаемные писцы съ «кореннымъ» письмоводителемъ, и проходя мимо стола того субъекта, которому только-что сдано было на руки «для подштія» дѣло Беровой, незамѣтно, но многозначительно мигнулъ ему глазкомъ на прихожую.

Субъектъ заглянулъ въ комнату слѣдователя, и видитъ — что тотъ прилежно занялся-себѣ другими спѣшными дѣлами. Вслѣдствіе этого субъектъ потянулся и вздохнулъ, словно бы отъ тяжелой усталости, вынулъ изъ кармана папироску и прощмыгнулъ

на цыпочкахъ, съ ресорнымъ качаніемъ въ корпусъ, за дверь слѣдственной камеры, сказавъ мимоходомъ письмоводителю:

— Покурить пойду.

Дока-письмоводитель только ухмыльнулся, да головой мотнулъ: «понимаемъ, мол!» И точно, онъ понималъ, потому былъ жареный и пареный человекъ, прошедшій огонь и воду и мѣдныя трубы и, по чистой совѣсти, съ гордостію могъ бы назваться «пройди-свѣтомъ».

Субъектъ вслѣдъ за Полиевкомъ Харлампіевичемъ вышелъ на лестницу.

— Вы, милый мой, доставьте мнѣ нужную справочку, началъ послѣдній, пожимая руку субъекта, которая ощутила на своей ладони прикосновеніе свернутой депозитки.

— Какую прикажете-съ? поклонился субъектъ въ любезно-багодарственномъ родѣ.

— Адресъ акушерки, что показывала Береева.

— Это могу! И всегда готовъ съ монимъ усердіемъ...

— Да только поскорѣе! Нынче же, какъ кончатся присутствіе, такъ прямо ко мнѣ и бѣгите. Вотъ вамъ моя карточка: тутъ мѣсто житѣльства обозначено. А я ужъ вамъ буду *еще* благодаренъ.

— Будьте безъ сумлѣнія-съ! успокоилъ субъектъ:— потому я людскую благодарность очень сердцемъ своимъ цѣню и всегда понимаю... До свиданья-съ!

И въ пяти часамъ въ бумажникѣ Полиевка Харлампіевича уже поковлся адресъ акушерки, а въ карманѣ субъекта лежала новая синенькая бумажка, въ придачу къ таковой же утрешней.

XV.

Семейная горестъ и общее сочувствіе.

Княгиня Татьяна Львовна Шадурская разъягривала роль нѣжной, любящей матери и потому считала нужнымъ раза три въ день просиживать по часу и даже болѣе у изголовья своего сына. Она, по случаю трагическаго происшествія, уже второй день сряду облекала себя въ черное бархатное платье—какъ извѣстно, привилегированный цвѣтъ унынья и печали—и находила, что черныя бархаты къ ней необыкновенно идутъ, сообщая собою всей фигурѣ ея нѣчто печально-грандіозное, и втайнѣ весьма сожа-

ѣла о томъ только, что возлюбленный рыцарь ея сердца, Владиславъ Карозичъ (Водлевскій тожъ) лишень возможности восхлещаться ею въ этомъ нарядѣ, который столь гармонировалъ съ унылой блѣдностью лица блекнувшей красавицы. Блѣдность же она устраивала тѣмъ, что въ эти два дня румянъ вовсе не употребляла, ограничась одною пудрой и очень тонкими, дорогими бѣлками. Она находила, что особенно интересна въ то время, когда, облокотясь на ручку кресла, съ такой необычайной нѣжностью и скорбью устремляла томный взоръ свой на лежащаго сына, не забывая почти ежеминутно, съ подобающей граціей подносить изящный флаконъ съ освѣжающимъ спиртомъ къ обвѣтъ поздравъ своего носа. Княгиня, кромѣ шутокъ, любовалась собою въ этой новой для нея роли скорбящей матери, хотя, въ сущности-то, скорбѣть было вовсе не о чемъ, потому что раны князя не представляли никакой опасности ни для его жизни, ни даже для его дальнѣйшаго здоровья. Онъ бы весьма удобно могъ и не лежать, но—лежанье его входило въ тонкія, юридическія соображенія Поліевкта Харлампіевича, и потому надлежало безпрекословно покориться сему тягостному искусу. Князь Владиміръ даже и въ первую минуту катастрофы былъ вовсе не на столько слабъ и боленъ, какъ это казалось окружающимъ и ему самому; онъ просто-на-просто струсиль и перепугался; а трусость, соединенная съ этимъ внезапнымъ испугомъ и подрѣвленная винными парами, въ конецъ разстроила его извѣщенные нервы. Князь и вообразилъ, что онъ очень опасно раненъ и еще опаснѣе боленъ. Старшій Шадурскій, нашъ разслабленный гамеень, ради конвенабельности, тоже присутствовалъ порою у постели сына, особенно въ то время, когда прїѣзжали навѣщать его и освѣдомляться о «катастрофѣ» разныя особы обоого пола. Княгиня внушила гамену, что онъ долженъ казаться опечаленнымъ отцомъ, и гамеень точно, во время этихъ визитовъ, добросовѣстно старался казаться таковымъ, и вставляя въ глазъ свое стеклышко, кисло взиралъ сввозъ него на больного, уныло покачивая головою

— *Quelle grande malheur, quelle catastrophe tragique!* въ минорномъ тонѣ восклицали навѣщавшія особы. — Скажите, Бога ради, какъ это все случилось?

— Не понимаемъ! печально пожимала плечами интересная въ своемъ горѣ княгиня. Гамеень тоже пожималъ плечами, по прїѣру супруги, и тотчасъ же вбрасывалъ въ глазъ свое стеклышко. Молодой князь, съ своей стороны, въ качествѣ также больного,

предпочиталъ въ этихъ случаяхъ полное молчаніе, предоставляя поле краснорѣчія либо матушкѣ, либо—въ ея отсутствіе—Полиевту Харлампіевичу.

— Не понимаемъ! говорила княгиня:—анонимное приглашеніе въ маскарадъ... какая-то женщина... Богъ-знаетъ, какая она и кто она!... Онъ такъ опрометчивъ, молодъ... маскарадная интрига... поѣхалъ съ нею ужинать куда-то — и вдругъ она вонзила ему вилку...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа, на глазахъ княгини обыкновенно на-вертывались материнскія слезы и она спѣшила поднести флаконъ къ своему носу.

Посѣтители прилично вытягивали фзисіономіи и вмѣстѣ съ га-меномъ сочувственно качали головами.

— Для чего же это сдѣлано? съ какою цѣлью? вопрошали они.

И въ этомъ случаѣ, по большей части, дальнѣйшимъ коммента-торомъ являлся Полиевтъ Харлампіевичъ. Онъ съ большою обстоя-тельностью разсказывалъ все событіе и приводилъ дальнѣйшее объясненіе на предложенные вопросы.

— Цѣль очень ясна, почтительнѣйше докладывалъ онъ:—эта женщина—жена какого-то мѣщанина, что ли, принадлежитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ извѣстной категоріи: акула-съ, какъ есть акула алчная!... Разыграла все это затѣмъ, чтобы сорвать съ ихъ сѣятельства изрядную сумму, будто бы за свое безчестіе по поводѣ мнимаго насилія... Насиліе!... Развѣ насильно при всей публикѣ поѣдетъ кто нибудь изъ маскарада ужинать въ рестора-цію?... А анонимное посланіе ея тоже должно быть насиліе? По-милуйте-съ!—Возмутительный фактъ, который слѣдовало бы въ на-стоящее время благодѣтельной гласности по всѣмъ журналамъ пре-дать... Теперь слѣдствіе идетъ, надо будетъ на одну доску съ этой женщиной становиться! Вѣдь бѣдный князь теперь, такъ-сказать, жертва, мученикъ невинный!...

И въ этомъ убѣдительномъ родѣ катился дальнѣйшій потокъ краснорѣчія. Полиевта Харлампіевича, сладостные глазки ко-торого тоже подчасъ увлажнялись слезою искренно преданнаго и чувствительнаго сердца.

Посѣтители развѣзжались въ благородномъ негодованіи и раз-возили по городу толки о «катастрофѣ» съ комментаріями во вку-сѣ Хлѣбонадущенскаго. Нѣкоторые, впрочемъ, какъ водится всегда, не могли обойтись и безъ злословія: говорили съ ироническими улыбка-ми о силѣ побѣдителя женскихъ сердецъ, котораго побѣ-

дела вилкой какая-то масса; но вообще князь Владиміръ гораздо болѣе обыкновеннаго обратилъ теперь на себя общее вниманіе; о немъ заговорили всѣ, и барыни, и камеліи, всѣ немедленно признали его очень интереснымъ, сочувствовали его положенію и находили самое происшествіе весьма трогательнымъ, ужаснымъ и романтическимъ. Вся пучина презрѣнія, порицаній и самыхъ безобразныхъ толковъ съ отвратительными заключеніями, выпадала, конечно, на исключительную долю какой-то госпожи Бероевой.

XVI.

ФАМИЛЬНАЯ ЧЕСТЬ ЗАТРОНУТА.

Послѣ допроса Бероевой, Полиевкъ Харлампіевичъ вернулся прямо къ княгинѣ, весьма смущенный и озабоченный. Княгиня только-что проводила нѣсколькихъ посѣтителей, и потому пока еще находилась въ комнатѣ сына, вмѣстѣ съ разслабленнымъ гаме-номъ.

— Ну, что? какія вѣсти? подняла она томные взоры на вошедшаго.

— Недоброкачественныя, матушка ваше сіятельство, недоброкачественныя-съ! кисло сообщилъ Хлѣбонасущенскій.— Надо поговорить серьезно, посоветываться всѣмъ вкупѣ, съ откровенностію... Я, ужъ извините, распорядился, пока что, до времени, никого не принимать изъ постороннихъ.

— Чтò же такое? чтò тамъ еще, Бога-ради! говорите скорѣе! встревожилась Татьяна Львовна.

Молодой князь весьма бодро и быстро поднялся со своей подушки, вовсе несоотвѣтственно положенію тяжело больного.

— Да вотъ что-съ! съ нѣкоторымъ затрудненіемъ отъ щекотливости предстоящаго разговора началъ Хлѣбонасущенскій, откашлявшись и потирая руки:—тварь-то вѣдь эта показываетъ, будто у неа имѣется плодъ преступной любви, и будто виновникъ плода-то—ихъ сіятельство...

— Какъ-такъ!? изумилась опѣшенная княгиня.

— Не могу доподлинно знать, а только она показываетъ это очень настойчиво, отвѣтствовалъ почтенный адвокатъ и ходатай.—Указываетъ даже мѣсто жительства той акушерки, у которой этотъ плодъ хранится на воспитаніи.

Молодой Шадурскій измѣнился въ лицѣ.

— Если это истинная правда, продолжалъ Хлѣбонасущенскій: — то дѣло можетъ принять весьма зловеридный оборотъ касательно личности и чести ихъ сіятельства, потому живая улыбка на лицо, опять же буде акушерка покажетъ соответственное, то на ихъ сіятельство непремѣнно ляжетъ юридическая тѣнь подозрѣнія... Это можетъ повредить...

И вслѣдъ за этимъ вступленіемъ, Полѣвтъ Харлампіевичъ передалъ всю главную сущность показаній Бероевой.

Мать и сынъ остались подъ сильнымъ впечатлѣніемъ этого разсказа; княгиню онъ даже вконецъ поразилъ своею новостью; одинъ только старшій гамень, какъ ни въ чемъ не бывало, вставилъ въ глазъ стеклышко, и какъ-то старчески облизываясь, спросилъ съ улыбкой:

— Et dites donc, est-elle jolie? Хороша она собою?

Но на его неумѣстный вопросъ даже и Хлѣбонасущенскій не обратилъ въ эту минуту достодолжнаго вниманія, а княгиня смѣрилась гамена своимъ строгимъ и холоднымъ взглядомъ.

— Я ужъ тамъ подмазалъ кой-какія колѣса; мнѣ сегодня же сообщать адресъ акушерки, съ хитростнымъ подмигиваніемъ сообщилъ Хлѣбонасущенскій:—только ужъ вы, ваше сіятельство, для ясности дѣла, признайтесь-ко мнѣ, какъ-бы отцу духовному, правду ли она показываетъ-то? было у васъ такое дѣло, или не было?

— Было, нехотя процѣдилъ сквозь зубы Шадурскій и тотчасъ же повернулся лицомъ къ стѣнѣ, чтобы не встрѣтиться съ глазами матери и управляющаго. Въ эту минуту, вмѣстѣ съ сдѣланнымъ сознаніемъ, въ немъ заговорилъ слабый отголосокъ совѣсти.

Надолго ли только?

— Ну, стало-быть, все отменно хорошо теперь! самодовольно потирая руки, заключилъ ходатай: — ужъ вы, значить, ваше сіятельство, на очной ставкѣ съ Бероевой говорите на всѣ ея улыбки, что знать ничего не знаете и никогда никакой интриги съ ней не имѣли; а остальное—въ рудѣ божіей! Надо надѣяться и не унывать, а мы ужъ механику нашу подведемъ! будьте благонадежны-съ!

Шадурскій ничего не отвѣтилъ, а княгиня позвала Хлѣбонасущенскаго и вышла вмѣстѣ съ нимъ изъ комнаты.

— Послушайте, мой милый, начала она ласково, но серьез-

но:—вы понимаете сами, какое это дѣло... кончайте его, не жадны денегъ—мы ужъ вамъ отдадимъ...

— Ужъ будьте благонадежны-съ, матушка ваше сіятельство! повторяя ходатай, чередуя поклоны съ улыбками: — Полюевтъ Хлѣбонасущенскій недаромъ ужъ по этой части мудрецомъ у самихъ опытныхъ юристовъ слыветъ! будьте благонадежны!

— Вольдемаръ!... что жъ, она хороша собой?... а?... *Quel est le genre de sa beauté, blonde ou brune?* расскажи-ка ты мнѣ, пожалуйста! приставалъ межъ тѣмъ гаменъ къ своему сыну, шаловливо поигрывая своимъ стеклышкомъ.

Но Вольдемаръ не почелъ за нужное отвѣчать ему что либо и, лицомъ къ стѣнѣ, лежалъ все въ прежнемъ положеніи.

XVII.

Дѣльце почти обдѣлано.

Отпустивъ отъ себя, съ надбавочной пятирублевой благодарностью, субъекта, принесшаго адресъ амушерки, Полюевтъ Харлампіевичъ тотчасъ же было-приказалъ закладывать въ пролѣтки пару своихъ риженькихъ шведовъ; но тутъ же одумался и отмѣнилъ это приказанье. «На грѣхъ мастера нѣтъ, сообразилъ онъ съ присущей ему предусмотрительностью:—еще пожалуй, ктонибудь замѣтитъ, что пріѣзжалъ, молъ, на своихъ лошадяхъ, да вѣкъ, да что, да зачѣмъ пріѣзжалъ? да потомъ какънибудь лишнюю закорюку въ показанія того-гляди влѣпить!... Все-таки оно сомнѣніемъ называется—а лучше на извозчикѣ поѣду». И точно, уложивъ въ бумажникъ полномѣсную пачку ассигнацій и застегнувъ съ акуратностью на всѣ пуговицы свой синій фракъ и пальто, онъ взялъ на улицѣ перваго повавшагося ваньку и отправился по данному адресу.

— Я ниѣю къ вамъ нѣкоторое порученіе отъ госпожи Бероевой, началъ Хлѣбонасущенскій, оставшись наединѣ съ амушеркой, въ ея гостиной: — мы одни, кажется?... можно говорить спойно?...

— Совершенно одни; здѣсь никто не услышитъ.—И она вплотную привперла обѣ двери въ комнату.—Вы это насчетъ чего же?

— А насчетъ того обстоятельства, которое вамъ извѣстно...

— То-есть что же, именно?

«Эге! да ты, матушка, видно себѣ-наумѣ!» подумалъ Хлѣбонасущенскій: «надо полагать, нашего поля ягода, старшій воробей.»

— Именно, на счетъ ребѣнка, отвѣтилъ онъ, наблюдая косвенно, какое впечатлѣніе производятъ на неѣ эти слова. Не дѣйствіе словъ никакими внѣшними признаками не обнаружилось.

— Что же такое на счетъ ребѣнка? уклончиво спросила акушерка, которая думала: «ужь не подсылъ ли отъ мужа?»

— А вотъ... касательно дальнѣйшаго обезпеченія жизни и воспитанія, пояснилъ Хлѣбонасущенскій.

— Вы, стало-быть, родственникъ?

— Нѣтъ-съ, но... я посредникъ въ этомъ дѣлѣ, беру участіе, потому мнѣ поручено... Вѣдь госпожа Бероева, какъ вамъ очень хорошо извѣстно, не имѣетъ средствъ сама платить за воспитаніе.

— Ну, такъ что же?

— Такъ вотъ... эту заботу принимаетъ на себя одно лицо... которое поручило собственно мнѣ это дѣло и уполномочило переговоры съ вами...

— Стало-быть, вы хотите, чтобы я взяла на себя воспитаніе?

— Да, чтобы вы его продолжали, такъ-какъ онъ ужь находится у васъ, и такъ-какъ въ этомъ дѣлѣ необходимо сохранить полнѣйшее инкогнито.

Хлѣбонасущенскій полагалъ, что эти слова заставятъ какъ-нибудь прорваться сдержанную акушерку; но та предпочла полнѣйшее молчаніе.

«Экой кремень-баба!» съ досадою подумалъ онъ въ это мгновеніе: «ни чѣмъ-то ее не проберешь, проклятую!»—И вслѣдъ за своей мыслию, продолжалъ дальнѣйшіе подходы:

— Средства ея очень ограничены; вы сами знаете, что она не могла даже уплатить вамъ за послѣднее время, такъ что вы совершенно справедливо отказывались отъ содержанія младенца... Теперь это неудобство устранено, благодаря вашему доброму совету, котораго она послушалась.

Кремень-баба увидѣла, что посреднику извѣстны такіе факты и отношенія, какихъ, по всѣмъ логическимъ видимостямъ, не могъ знать мужъ, и потому уразумѣла, что Хлѣбонасущенскій долженъ быть дѣйствительно посредникомъ и повѣреннымъ Бероевой.

— Что жъ, если вамъ угодно—я, пожалуй, могу принять на себя воспитаніе, согласилась она.

— Очень обяжете, поклонился Полиевкъ Харлампіевичъ:—только помните, подъ условіемъ строжайшаго инкогнито... нужно какъ можно тщательнѣе скрывать отъ мужа.

— Это уж конечно, подтвердила адушерка.

— И такъ, если вы согласны, заключить онъ:—то я буду имѣть удовольствіе каждый мѣсяцъ, считая съ минувшаго числа, приносить вамъ слѣдующую сумму. Угодно вамъ теперь же получить впередъ за мѣсяцъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Сколько прикажете-съ?

— Да такъ, какъ было условлено, двадцать-пять рублей.

«Наконецъ-то прѣрвало», подумалъ великій законникъ.

— Потрудитесь получить, прибавилъ онъ вслухъ, вынимая деньги: — да кстати, тамъ есть еще должокъ за госпожею Вероевой, такъ заодно ужъ, для очистки, и его прикинемъ! Сколько именно?

— Пятьдесятъ.

— Итого, семьдесятъ-пять рублей. Отмѣнно-съ!... Перечтите и потрудитесь выдать мнѣ росписочку въ полученіи. Оно, въ сущности, можно бы и безъ этого, но мнѣ собственно для большаго удостовѣренія того лица, которое...

— Извольте, я напишу, согласилась адушерка, и тутъ же настрочила все, что потребовалось, подъ диктовку Хлѣбонасущенскаго.

— Могу я поглядѣть младенца? любезно спросилъ онъ, пряча въ карманъ «документъ».

— Отчего же, сколько угодно. — И она крикнула въ дверь: — Рахиль! принеси ребенка!

Среднихъ лѣтъ служанка, по типу лица — очевидно, жидовка, внесла на рукахъ спеленатаго мальчика.

Хлѣбонасущенскій поглядѣлъ на него съ невинно-вѣжной улыбкой, даже слегка пощекоталъ мизинцемъ по щецкѣ, пролепетавъ при этомъ: «у, ти, дусинька какою, каламузкк!» и отпустилъ съ Богомъ жидовку.

Едва затворилась дверь, какъ великій юристъ и ходатай намѣнилъ свою позу, свою улыбку, все выраженіе лица и началъ строго-холоднымъ, официальнымъ и даже отчасти злорадно-торжествующимъ и инквизиторскимъ тономъ:

— Ну-съ, теперь, когда я лично удостовѣрился въ тайномъ нахожденіи у васъ незаконорожденнаго ребенка госпожи Вероевой, въ чемъ у меня даже и форменный документъ имѣется, гдѣ вы особо подписались въ полученіи долга за прошлое время, а вамъ

долженъ сообщить, что госпожа Бероева—уголовная преступница, и теперь находится подъ судомъ и слѣдствіемъ въ тюрьмѣ.

Эта неожиданная перемена тона и еще болѣе неожиданное сообщеніе произвели такой эффектъ, что кремень-баба измѣнилась въ лицѣ, и почувствовала, какъ подвдвигаются у нея ноги, опустилась на кресло.

Передъ нею круто выпрямась стоялъ и строго глядѣлъ въ упоръ торжествующій практикъ.

— Госпожа Бероева, продолжалъ онъ въ томъ же родѣ:—сдѣлала покушеніе на жизнь князя Шадурскаго, ее схватили на мѣстѣ преступленія; и вотъ, она не далѣе какъ сегодняшняго числа объявила, что задумала преступленіе по вашему совѣту и наущенію, что вы первая подали ей мысль написать къ князю анонимное письмо. А знаете ли, чѣмъ это пахнетъ?

— Господи-Боже мой!... да что же я-то тутъ?... я вѣдь ни при чемъ, заговорила огорошенная женщина.

— Нѣтъ-съ, извините, при чемъ! и даже очень при чемъ! Вы, ни болѣе, ни менѣе, какъ сообщница убійцы; и вы не отвертитесь, потому у меня въ карманѣ доказательство сообщества—ваша росписка. Вы уже тѣмъ прикосновенны къ дѣлу, что тайно приняли къ себѣ родильницу, тайно оставили у себя ея незаконный и преступный плодъ, вы—потворщица гибельнаго разврата; а все это—позвольте вамъ сообщить—пахнетъ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой въ Сибирь, въ каторжныя работы.

— Ну, до Сибири-то еще сколько-то тамъ тысячъ верстъ считается! возразила кой-какъ собравшаяся съ мыслями кремень-баба:—оно нѣсколько далеко!... А я что жъ?... я ничего!... и никакихъ совѣтовъ не давала, а только по своей добротѣ душевной дала ей пріютъ... Опять же, по христіанству, я никакой родильницѣ въ помощи отказать не могу, на то я и бабушкой называюсь... Стало-быть, я тутъ ни при чемъ-таки.

— А все-таки она васъ въ дѣло запутала—и дѣло-то скверное, смягчилъ нѣсколько тонъ Полиевкъ Харлампіевичъ:—пойдутъ таскать по судамъ да слѣдствіямъ, да по полиціямъ; оно—глядя—и станетъ въ копейку... Да еще, пожалуй, въ подозрѣніи оставить. А скандалъ-то, скандалъ! вѣдь это разойдется по городу, вы на-много правтви своей лишитесь, а это ужъ и сколь невкусно!...

Кремень-баба призадумалась: въ послѣднихъ словахъ ея нежданнаго гостя была-таки существенная доля справедливости.

— Это, пожалуй, что и такъ, подтвердила она въ раздумьи:— да что жь съ этимъ дѣлать-то!

— А вотъ въ томъ-то и штука, что дѣлать-то!... подхватилъ еще болѣе умяченный Хлѣбонасущенскій: — я знаю, что нужно дѣлать тутъ; а вы вотъ хоть и куды какая дока тоже по своимъ частямъ, а не знаете!... Тѣ-то оно и есть!...

— Да вамъ-то что до этого? чего вамъ нужно? зачѣмъ вы лаялись ко мнѣ? что это за роли вы разыгрываете? взѣлась акушерка, приди наконецъ въ сильную досаду.

Полиевкъ Харлампіевичъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, улыбнулся и многозначительно потеръ свои ручки.

— Хе-хе... милая барыня!... въ ярость пришли... а вы не яри-тесь: это я только съ разныхъ сторонъ ощупывалъ васъ, испытать желалъ, съ кѣмъ то-есть дѣло имѣю—ну, и проникъ теперь всю вашу суть... Вѣдь вы дока, барыня, какъ я вижу, ухъ, какая дока!... Ну, такъ давайте-ка говорить всерьѣзъ! Хотите вы хорошія деньги получить?

— Кто жь отъ денегъ прочь! ухмыльнулась милая барыня.

— Ну, конечно никто, въ комъ мозговъ хоть на золотникъ имѣется! сверкнулъ Хлѣбонасущенскій. — Такъ вотъ въ чемъ дѣло! продолжалъ онъ:—эта госпожа точно—оговорила васъ и запутала; вы это сами увидите черезъ день-два на дѣлѣ. Стойте вы на одномъ: что и знать-то ее не знаете, и въ глаза никогда не видали, и дѣлъ съ ней никакихъ не имѣли, и ребѣнка у васъ никакого нѣтъ и не было! чѣмъ бы ни уличала она—отвѣчайте одно: вздоръ, ложь, оговоръ, ничего не знаю, ни къ чему непричастна!—Понимаете?

— Какъ не понять!... Только что жь изъ этого?

— А то, что извольте получить теперь три радужныхъ, да еще одну—на прислугу вашу, съ тѣмъ, чтобы вы внушили прислугѣ-то: пускай то же самое говоритъ, что и вы—понимаете? объяснилъ Полиевкъ Харлампіевичъ, вынимая изъ толстаго бумажника четыре сотенныхъ. — Въ этихъ ужъ я росписки не требую, продолжалъ онъ съ величайшей любезностью: — потому онѣ только въ задатокъ идутъ, а буде исполните удачно мое порученіе, то и вновь получить имѣете!... Ну, что, теперь питаете еще все такую же симпатію къ Бероевой? шутя подмигнувъ Хлѣбонасущенскій.

— Какая тамъ симпатія! много ихъ таковскихъ-то! подхватила

милая барыня, вконец очарованная двойкой вытодой: деньгами, и успѣшнымъ выходомъ изъ предстоящаго дѣла.

— Въ прислугѣ-то вы увѣрены? заботливо осведомился хатай.

— Ой, да что прислуга!—въ ней—какъ въ самой себѣ! особенно, если въ послѣдствіи еще что нибудь для нея прикинете, усложнила акушерка.—А младенца-то, я полагаю, лучше бы было какъ можно скорѣй съ рукъ сбить, посоветывалась она въ заключеніе.

— Всенепремѣнно!... Совсѣмъ долой его, и какъ можно скорѣе!

Затѣмъ, Полиевкъ Харлампіевичъ приступилъ къ подробному и самому обстоятельному обученію — какъ и что говорить противъ всѣхъ показаній Бероевой; а послѣ этой назидательной лекціи, поскакалъ «къ матушкѣ ея сіятельству» съ увѣдомленіемъ, что подкупъ акушерки съ прислугой обошелся якобы въ четыре тысячи рублей серебромъ—просила, дескать, пять, да уторговалъ тысяченку, и что за симъ дальнѣйшее дѣльце, по неизреченной милости Господа, почти совсѣмъ ужъ улажено.

Воеволодъ Брестовскій.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ НАШЕЙ АРМИИ И КОМПЛЕКТОВАНИЕ ЕЯ ОФИЦЕРАМИ.

Статья вторая и последняя.

И такъ, повторяемъ, для образованнаго офицера мы считаемъ одинаково нужнымъ имѣть какъ специально военное образование, такъ и общечеловѣческое, которое мы кладемъ краеугольнымъ камнемъ всякаго развитія и образования. Но теперь рождается вопросъ: какое мѣрило и какую норму слѣдуетъ принять при опредѣленіи степени образования, необходимой для офицера? Правительство имѣетъ еще пока только единственное, хотя и не всегда надежное средство убѣдиться въ развитіи человѣка, желающаго поступить на службу, по тѣмъ научнымъ свѣдѣніямъ, которыя онъ пріобрѣлъ на школьной скамейкѣ. Разбирая значеніе, которое имѣютъ различныя науки въ умственномъ развитіи человѣка, мы должны будемъ согласиться, что минимумъ въ этомъ отношеніи—гимназическій курсъ. Только человѣка, имѣющаго научныя свѣдѣнія, соответствующія полному курсу гимназіи, можно подозрѣвать—да и то, конечно, не всегда—въ достаточномъ умственномъ развитіи. Само собою разумѣется, что могутъ встрѣтиться развитые люди и безъ гимназическаго образования; но это—самородки, исключенія изъ общаго правила.

Но можемъ ли мы принять гимназическій курсъ за норму для каждаго офицера нашей арміи? Можемъ ли мы поставить каждому желающему быть офицеромъ этотъ курсъ необходимымъ условіемъ? Конечно, нѣтъ: такая почти норма принята въ Пруссіи, гдѣ образование массы, какъ мы видѣли, несравненно выше, чѣмъ у насъ; объ этомъ и думать нельзя. А между тѣмъ мы знаемъ, что многіе мечтаютъ объ этомъ; но мы это считаемъ физически невозможнымъ. По нашему мнѣнію, нельзя разсчитывать, чтобы оказалось у насъ много охотниковъ поступать въ военную службу изъ людей, имѣющихъ образование, дающее возможность къ дальнѣйшимъ умственнымъ занятіямъ и къ матеріальнымъ выгодамъ.

Намъ могутъ сказать на это, что военная служба хотя и не обезпечиваетъ человѣка въ младшихъ чинахъ, но за то она можетъ привлекать образованныхъ людей надеждою на будущее, обѣщая хорошую карьеру. Но едва-ли отъ подобной приманки выиграетъ служба. Въ статьѣ своей: «Наши отношенія къ службѣ» (*), мы подробно изложили свои мысли о томъ, какой вредъ, по нашему мнѣнію, наносится службѣ людьми, видящими въ ней не цѣль, а только средство, и служащими исключительно изъ-за будущихъ благъ. Служба и теперь уже черезчуръ страдаетъ отъ того, что всѣ служить, имѣя постоянно въ годовѣ слова нянюшекъ: «будешь служить—дослужишься до генерала», и теперь уже весь корень зла, что служебныя обязанности исполняются, лишь бы съ плечъ долой—лежить въ такомъ взглядѣ на службу.

Нельзя ли допустить, что, напримѣръ, при помощи значительнаго содержанія (чего, конечно, при громадности нашей арміи, государство не въ состояніи будетъ дать), есть возможность заохотить поступать въ военную службу окончившихъ курсъ въ гимназій? Но и тогда, какъ мы сейчасъ докажемъ, все-таки невозможно бы было пополнить всю нашу армію такими офицерами.

Ежегодная убыль офицеровъ, по отчетамъ военнаго министерства за 1860 и 1861 годы (**)—время, когда особенныхъ сокращеній въ арміи не было—среднимъ числомъ за два года составляетъ около 9% всего числа. На 31,856 человѣкъ офицеровъ, состоявшихъ къ 1 января 1862 года (***), это составитъ 2,867 человѣкъ. Это число можетъ дать приблизительное понятіе о ежегодной потребности въ офицерахъ для пополненія обыкновенной убыли. Военно-учебныя заведенія, по новому расчету, должны доставлять ежегодно отъ 400 до 500 офицеровъ (****); принимая высшую норму 500 человѣкъ, еще остается пополнить изъ строевыхъ источниковъ 2,367 человѣкъ. Въ находящихся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія 100 среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (87 гимназійхъ, 3 дворянскихъ институтахъ, 8 прогимназійхъ и 2 раввинскихъ училищахъ), въ 1862 году учащихся было 30,490 человѣкъ (*****). Отдѣливъ примѣрно для двухъ раввинскихъ училищъ 290 человѣкъ, имѣемъ въ нашемъ распоряженіи 30,200. Принадлежа къ числу получившихъ первоначальное образованіе въ гимназій, мы знаемъ, что это будетъ весьма щедро, если положить, что изъ всего числа учащихся во

(*) Воен. Сборн. 1863. № 12.

(**) Воен. Сб. 1863. № 9. Рус. воен. обозр. стр. 251.

(***) Idem. стр. 249.

(****) Воен. Сб. 1863 г. № 7. Рус. воен. обозр. стр. 296.

(*****) Мѣсяцословъ на 1864 г. стр. 105.

всѣхъ семи классахъ гимназій ежегодно выходитъ съ аттестатами, то-есть порядочно окончившихъ курсъ, 5% (въ дѣйствительности почти всегда меньше), что составитъ 1,510 человекъ.

Слѣдовательно, если мы предположимъ недѣльность, то - есть что всѣ кончающіе ежегодно въ русскихъ гимназіяхъ курсъ будутъ поступать въ военную службу, то и тогда все еще не хватитъ 857 человекъ, для пополненія ежегодной убыли, то - есть все-таки не будетъ доставать нѣсколько менѣе $\frac{1}{3}$ всего нужнаго числа. Мы нарочно привели этотъ расчетъ, чтобы показать, какъ неосновательно бы было въ настоящее время гнаться за возможностью набрать для всей арміи офицеровъ, имѣющихъ достаточное образованіе.

Не имѣя возможности принять гимназическій курсъ за норму образованія армейскаго офицера, приходится поневолѣ ограничить требованія общаго образованія курсомъ уѣздныхъ училищъ, близко подходящимъ къ юнкерской программѣ. Но можно ли ограничиться такимъ низкимъ уровнемъ развитія всей массы офицеровъ безъ ущерба дѣлу службы и дѣлу развитія военнаго образованія, зависящаго главнымъ образомъ отъ общечеловѣческаго развитія? Имѣемъ ли мы право рассчитывать, что изъ массы, обладающей такою невысокою степенью образованія, мы будемъ всегда имѣть достаточное число людей для замѣщенія мѣстъ начальниковъ частей—мѣсть, требующихъ довольно значительнаго образованія какъ общечеловѣческаго, такъ и военнаго для того, чтобы армія могла развиваться и идти на уровнѣ современныхъ требованій? Мы думаемъ, что нѣтъ. Если обязанности офицера въ младшихъ чинахъ не требуютъ ни особеннаго развитія, ни значительныхъ познаній, чтобы исполнять свое дѣло, то это еще не значить, чтобы и для начальника было достаточно тѣхъ невысокихъ условій, которыя поневолѣ приходится намъ принимать для желающихъ поступать въ военную службу. Такимъ образомъ уже невозможно будетъ принять для всѣхъ нижнѣшній порядокъ производства всѣхъ заурядъ по старшинству; придется назначить особыя условія при выборѣ на такія мѣста, гдѣ необходимо болѣе обширное развитіе и образованіе; въ противномъ случаѣ надобно будетъ отложить всякую надежду, чтобы армія наша не отставала въ своемъ развитіи отъ прочихъ первостепенныхъ европейскихъ армій. Но находя, что для назначенія командиромъ части необходимо постановить условіе, чтобы назначаемый имѣлъ высшее научное образованіе, чѣмъ средній уровень образованія массы младшихъ чиновъ, мы не думаемъ этимъ утверждать, что научное образованіе составляетъ исключительное мѣрило для способностей человека и отрицать существованіе общезвѣстнаго

факта, что иногда попадаются весьма развитыя личности, не получившія повидимому прочнаго образованія. Но, повторяемъ, это исключенія: богъ-знаетъ, какія обстоятельства сложились для того, чтобы изъ нихъ вышли недюжинные умы. Точно такъ же нельзя отвергать и того, что и между людьми, имѣющими научныя познанія, часто попадаются люди, вовсе неотличающіеся умственными и спеціальными способностями.

Это послѣднее явленіе въ военной службѣ можетъ имѣть мѣсто, можетъ быть, чаще, чѣмъ гдѣ либо: для хорошаго и способнаго боевого генерала недостаточно только быть умнымъ челоувѣкомъ и имѣть военно-научныя познанія; нѣтъ, онъ долженъ кромѣ того обладать быстротою и вѣрностію соображенія, умѣнемъ сохранять свое хладнокровіе и способность ясно обсуждать положеніе своего отряда среди самыхъ критическихъ обстоятельствъ—качества, безспорно находящіяся, по-крайней-мѣрѣ при настоящемъ состояніи воспитанія и педагогикки, не во власти воспитателей и учителей, и ускользящія отъ всякой другой мѣрки, кромѣ испытанія на самомъ дѣлѣ. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно приводятъ сдѣлавшійся уже отъ частаго употребленія стереотипнымъ — примѣръ австрійской арміи, гдѣ обращено большое вниманіе на теоретическое образованіе войска; но въ то же время едва-ли какая-нибудь другая изъ первостепенныхъ европейскихъ армій терпѣла столько неудачъ — и именно вслѣдствіе неспособности и ошибокъ своихъ генераловъ — сколько австрійская.

Но съ другой стороны правда и то, что способность австрійскихъ генераловъ проигрывать сраженія происходитъ, можетъ быть, главнымъ образомъ отъ излишняго педантизма, съ которымъ они слѣпо держатся выводимыхъ теоріею правилъ. Поставленные лицомъ къ лицу съ полководцами, измѣнявшими существовавшія до нихъ правила тактики и стратегіи—какъ это было въ войнахъ съ Фридрихомъ-Великимъ и съ французами—австрійскіе генералы никогда не успѣвали во-время отказаться отъ своей отжившей теоріи веденія войны; они не умѣли никогда во-время разгадать ни системы, ни плановъ своего противника; и это обстоятельство, какъ хотите, не слишкомъ свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ умственной самостоятельности и особеннаго развитія ихъ мыслительныхъ способностей. Этотъ примѣръ доказываетъ только, что спеціальныя познанія не могутъ еще служить признакомъ умственныхъ способностей; и никакъ нельзя въ этомъ примѣрѣ видѣть отрицаніе закона, что несравненно болѣе вѣроятности выбрать способнаго боевого генерала изъ среды людей развитыхъ и обладающихъ научными познаніями, чѣмъ напасть

случайно на самородка-генія, развившаго въ себѣ эту способность подъ вліаніемъ, богъ-вѣсть, какихъ условій.

Но если умственное развитіе и научное образованіе человѣка не могутъ еще служить вѣрнымъ мѣриломъ его способности къ командованію войсками въ бою; если боевыя способности начальника предполагаютъ существованіе еще другихъ условій, кромѣ известной степени общечеловѣческаго развитія—то съ другой стороны нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что въ мирное время, чѣмъ развитѣе и образованнѣе командиръ, тѣмъ больше принесетъ онъ пользы развитію и образованію своей части. Здѣсь уже нѣтъ столько мѣста тѣмъ особеннымъ условіямъ, которыя дѣлаютъ начальника незамѣнимымъ въ бою.

Противъ убѣжденія нашего въ томъ, что существуетъ—и что нельзя не допустить существованія этого различія въ качествахъ начальниковъ въ военное и въ мирное время—могутъ возразить также стереотипною фразою, что въ мирное время войска должны исключительно приготовляться къ дѣйствіямъ въ бою. Мы совершенно съ этимъ согласны; но должны предварительно условиться, въ чемъ должно состоять это приготовленіе. Мы допускаемъ, что для боевого приготовленія своей части начальникъ обязанъ образовать и поддержать въ ней прочную и разумную дисциплину, внушить своимъ подчиненнымъ довѣріе къ себѣ и своему званію, развивать и учить ихъ владѣть оружіемъ, приучать ихъ къ точному и разумному исполненію того, что можетъ быть потребовано отъ нихъ въ бою; но очевидно, что всѣ эти обязанности въ точности можетъ выполнить каждый развитой человѣкъ, достаточно знакомый съ дѣломъ: тутъ особенныхъ условій не нужно, и даже положительно можно сказать, что чѣмъ развитѣе будетъ учитель, тѣмъ большаго успѣха можно ожидать отъ учениковъ. Что же касается до тѣхъ особенныхъ качествъ, которыми отличаются даровитые и способные полководцы отъ прочихъ смертныхъ, какъ-то: умѣнье воодушевить и поддержать моральный духъ своихъ солдатъ, сохранять всегда и вездѣ ясную способность соображенія и не терять въ критическія минуты своего хладнокровія—однимъ словомъ все то, что составляетъ отличительную принадлежность военнаго генія—все это, по нашему крайнему разумѣнію, приобрѣтается въ бояхъ и не можетъ быть заранее приготовлено въ мирное время. Навѣрное никогда никакія ученія, никакія маневры не образовывали, да и никогда не въ состояніи будутъ образовывать великаго полководца.

Вотъ почему мы и думаемъ, что существуетъ различіе между качествами, которымъ долженъ удовлетворять хорошій начальникъ

въ бою, и тѣми, которыя отъ него слѣдуетъ требовать въ мирное время, что самый лучший командиръ въ мирное время можетъ оказаться неспособнымъ командовать частію въ сраженіи, и наоборотъ самый способный боевой генераль можетъ быть плохимъ командиромъ въ мирное время. Конечно, кто будетъ спорить противъ того, что слѣдуетъ стараться ввѣрять командование людямъ, соединяющимъ въ себѣ оба эти условія; но такихъ людей немного; и потому не всегда можно разсчитывать имѣть ихъ достаточное число подъ рукою; поневоля иной разъ придется выбирать чтонибудь одно. Но что же слѣдуетъ предпочесть въ случаѣ выбора? Конечно, самое лучшее бы было для войны назначать боевого начальника; для мира предпочесть челоуѣка, способнаго вести, какъ слѣдуетъ, свою часть въ мирное время. Въ сущности это такъ и дѣлается на практикѣ; но возвести это въ положительный законъ невозможно: практическія неудобства такого порядка слишкомъ очевидны для того, чтобы говорить о нихъ. Но такъ-какъ война составляетъ исключительное явленіе, обыкновенное же состояніе арміи — миръ, и такъ-какъ боевыя таланты могутъ обнаруживаться только во время войны, то и понятно, почему обыкновенно на дѣлѣ приходится выбирать начальниковъ, удовлетворяющихъ, если не исключительно, то по большей части условіямъ хорошаго командира въ мирное время. Конечно, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій этотъ порядокъ можетъ, по-крайней-мѣрѣ въ первое время, пока не обозначатся боевыя способности командировъ невыгодно отзываться на успѣхахъ оружія; но едва-ли не большій вредъ можетъ нанести нравственному состоянію арміи—командованіе въ мирное время войсками—людьми, хотя и имѣющими боевыя достоинства, но неспособными къ мирному развитію и управленію своими частями. Кто будетъ спорить противъ того, что Массена—этотъ, по выраженію Наполеона, *enfant chéri de la victoire*, генераль, можетъ быть, незамѣнимый въ военное время, могъ въ мирное время нанести своей всѣмъ извѣстною слабостію пользоваться доходами отъ содержанія своего корпуса — страшный нравственный вредъ арміи, деморализируя ее своимъ примѣромъ, не говоря уже о непосредственныхъ вредныхъ послѣдствіяхъ его любостыжанія.

Вслѣдствіе этихъ-то соображеній, мы и думаемъ, что при назначеніи начальниковъ частей придется руководствоваться въ большей части случаевъ—независимо отъ ихъ боевыхъ достоинствъ—преимущественно развитіемъ ихъ умственныхъ способностей, въ чемъ болѣе или менѣе вѣрнымъ мѣриломъ можетъ служить ихъ образованіе и научныя познанія—и находимъ совершенно основа

тѣлннмъ принятій, по словамъ г. М. (*), въ пруской арміи постановленіемъ 19-го сентября 1848 года принятъ, что «въ мирное время только познаніе и образованіе, а въ военное—храбрость и распорядительность даютъ право на полученіе званія офицера».

Справедливость и основательность этого принципа, собственно говоря, признается всѣми; но не вездѣ обстоятельства позволяютъ примѣнять къ дѣлу этотъ принципъ во всей его чистотѣ и строгости. Конечно, въ Пруссіи, какъ мы видѣли, это — возможно; но, наврѣмѣрь, уже французская армія не могла бы набрать для занятія всѣхъ офицерскихъ вакансій достаточнаго числа людей, удовлетворяющихъ столь строгимъ условіямъ, какія назначены въ Пруссіи для полученія офицерскаго чина въ дѣйствующихъ полкахъ. Сознавая эту невозможность и, съ другой стороны, чувствуя необходимость имѣть начальниками частей людей, получившихъ достаточное образованіе, во Франціи принуждены были допустить два рода офицеровъ: вышедшихъ изъ военныхъ школъ, то-есть получившихъ предварительно въ гражданскихъ колегіумахъ и лицехъ общее образованіе, и пріобрѣвшихъ въ военныхъ училищахъ необходимыя спеціальныя познанія, и другой—произведенныхъ изъ унтер-офицеровъ, не только безъ особенныхъ ручательствъ въ ихъ развитіи, но даже очень часто почти ничему неучившихся. Первые предназначаются къ занятію мѣстъ начальниковъ и, имѣя отдѣльное производство, довольно быстро поднимаются по службѣ; послѣдніе же, составляющіе около $\frac{2}{3}$ всего числа офицеровъ въ пѣхотѣ и кавалеріи и $\frac{1}{3}$ въ артилеріи и инженеряхъ, занимаютъ мѣста младшихъ офицеровъ — мѣста, конечно, далеко не требующія той степени развитія и тѣхъ познаній, которыя желательно видѣть въ начальникѣ, и въ мирное время не имѣютъ въ виду особенно блестящаго движенія впередъ: капитанскій чинъ составляетъ геркулесовы столбы служебной карьеры офицеровъ этого разряда въ мирное время. Въ военное же время это различіе исчезаетъ, и каждый солдатъ можетъ рассчитывать быть маршаломъ Франціи.

Не вдаваясь въ частныя подробности этой системы, мы однако думаемъ, что основная идея ея весьма рациональна и могла бы быть съ успѣхомъ примѣнена въ нѣкоторой степени и въ нашей арміи, потому что обстоятельства, вызвавшія ея существованіе во Франціи, весьма походятъ на тѣ, въ которыхъ находимся мы въ настоящее время. Вникая поглубже въ сущность этой системы, мы придемъ къ убѣжденію, что она собственно имѣетъ мѣсто вездѣ: во всѣхъ арміяхъ стараются, по-крайней-мѣрѣ по

(*) Воен. Сб. 1868 г. № 4. стр. 402.

принципу, назначать командировъ частей нѣз болѣе способныхъ людей. Вся разница въ томъ, какой принять способъ при опредѣленіи степени способности, и какую норму считать достаточною для назначенія избираемаго въ командиры. Въ одномъ случаѣ, какъ во Франціи — этотъ критеріумъ болѣе или менѣе строго опредѣленъ закономъ, который предназначаетъ мѣста начальниковъ для людей, кончившихъ курсъ въ военныхъ школахъ, и даетъ имъ съ этою цѣлію болѣе быстрое повышеніе. У насъ же этотъ критеріумъ опредѣляется начальствомъ, отъ котораго зависитъ назначеніе: оно опредѣляетъ по своему убѣжденію степень достоянства и способностей того или другаго кандидата на отерывшаея мѣсто командира.

Очевидно, что и та и другая система имѣютъ своего рода неудобства. Мы уже говорили, что научныя познанія, а тѣмъ болѣе учебный аттестатъ—не есть еще непреложное доказательство умственной развитости; точно также и наоборотъ: отсутствіе ихъ не всегда еще составляетъ признакъ недостатка способностей. Это обстоятельство не позволяетъ проводить во всей строгости на дѣлѣ формулу: такой-то кончилъ курсъ въ такомъ-то заведеніи, и потому онъ можетъ быть начальникомъ. Съ другой стороны, полное отсутствіе болѣе или менѣе строго назначеннаго закономъ критеріума для опредѣленія качествъ, необходимыхъ для начальника, и предоставленіе личному убѣжденію назначающаго права выбора того или другаго кандидата — влекутъ за собою—не говоря уже о возможности злоупотребленій — вредную для дѣла шаткость основаній, на которыхъ лежитъ опредѣленіе необходимыхъ для начальника качествъ: одинъ будетъ признавать по своему убѣжденію нужнымъ то, что другой находитъ чуть-чуть не вреднымъ; одинъ будетъ руководствоваться при выборѣ однимъ взглядомъ, другой можетъ проводить совершенно противоположное убѣжденіе.

Впрочемъ, едва-ли гдѣ нибудь и примѣняются къ дѣлу эти крайніе способы оцѣнки способностей во всей строгости: строгость ихъ смягчается часто даже противъ воли единичныхъ личностей—требованіями жизни и вліаніемъ общественнаго мнѣнія. Сила вещей, или то, что мы называемъ историческою необходимостью, играетъ слишкомъ сильную роль въ жизни общества, чтобы неизмѣнить иной разъ принципа, неудобопрелагаемаго на практикѣ, или вреднаго своею односторонностію правальному теченію этой жизни. Такимъ образомъ, несмотря на то, что у насъ оцѣнка способностей для командованія частями почти исключительно предоставлена начальству, все-таки можно заключить, какъ сейчасъ увидимъ, что предпочтеніе, можетъ быть, и

безъ желанія оцѣнщиковъ — отдавалось въ извѣстной степени тому, за гѣмъ предполагалось бодѣ образованія и развитія. Къ сожалѣнію, скудость числовыхъ данныхъ, находящихся у насъ подъ рукою, не позволяетъ подтвердить яркимъ образомъ этой догадки; но и изъ того, что мы имѣемъ, можно предположить, что она не лишена основанія. Изъ таблицы, приводимой г. Ильяшевичемъ (*) и показывающей, сколько и въ какомъ чинѣ состоятъ въ разбираемыхъ авторомъ частяхъ офицеровъ изъ кадетъ и вольноопредѣляющихся—видно, что, несмотря на то, что общее число офицеровъ изъ кадетъ почти вдвое менѣ общаго числа офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся — число состоящихъ въ высшихъ чинахъ изъ первыхъ какъ относительно, такъ и абсолютно больше, чѣмъ изъ послѣднихъ. Такъ число генераловъ изъ кадетъ равно числу генераловъ изъ вольноопредѣляющихся; число же полковниковъ изъ кадетъ составляетъ 69⁰/₁₀₀ всего числа офицеровъ въ этомъ чинѣ; изъ вольноопредѣляющихся же 29,7⁰/₁₀₀, то-есть почти въ 2½ раза меньше (**). Подполковниковъ изъ первыхъ 51,6, а изъ вторыхъ 47,1⁰/₁₀₀. Мы совершенно согласны съ г. Ильяшевичемъ, что можно бы было объяснять этотъ фактъ предположеніемъ, что въ прежнее время число офицеровъ, выпускаемыхъ изъ кадетскихъ корпусовъ, было болѣе, чѣмъ теперь; но дѣло въ томъ, что прежде это число было менѣ, чѣмъ въ настоящее время. Объясненіемъ этихъ чиселъ можетъ, по нашему мнѣнію, служить то, что несмотря на всѣ недостатки прежняго корпуснаго воспитанія, уровень образованія воспитанниковъ этихъ корпусовъ въ массѣ былъ выше общаго уровня образованія офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся; и это превосходство ихъ, несмотря на отсутствіе всякой регламентации въ выборѣ при повышеніи, невольнымъ образомъ отразилось въ томъ, что они получили болшую чѣмъ другіе вѣроятность достигать тѣхъ чиновъ, изъ которыхъ назначаются командиры частей. Возраженіе, что быстрота повышенія въ гвардіи имѣетъ вліяніе на эти числа, не уменьшаетъ справедливости вывода, такъ-какъ въ гвардейскихъ

(*) Воен. Сб. 1863. № 11, Рус. воен. об. стр. 241.

(**) На такую высоту процента полковниковъ изъ кадетъ, конечно, имѣетъ мнѣніе и то, что въ число частей, разбираемыхъ авторомъ, включена и гвардія, въ полкахъ которой большая часть офицеровъ изъ кадетъ и притомъ относительное число полковниковъ больше, чѣмъ въ армейскихъ полкахъ. Но и изъ 272 армейскихъ полковниковъ изъ кадетъ 66⁰/₁₀₀, а изъ вольноопредѣляющихся только 32⁰/₁₀₀, то-есть болѣе чѣмъ въ два раза меньше. Конечно, это число зависитъ и отъ того, что многіе полковники въ арміи перешли изъ гвардіи, но это, какъ увидимъ, не можетъ уменьшать справедливости нашего замеченія.

полкахъ большинство офицеровъ, какъ мы уже видѣли, изъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Къ сожалѣнiю, по неимѣнiю числовыхъ данныхъ, мы не можемъ прослѣдить движенiя по службѣ офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся различныхъ разрядовъ; но надобно думать, что и адѣсь степень полученнаго образованiя не могла не оказать влiянiя на быстроту повышенiя. Уже приведенное выше обстоятельство, что 20⁰/₀, то-есть $\frac{1}{5}$ лицъ, служащихъ въ штабахъ и управленiяхъ разбираемыхъ авторомъ частей войскъ—вышли изъ воспитывавшихся въ университетахъ и лицеяхъ, тогда какъ въ самыхъ частяхъ офицеры этой категорiи составляютъ едва 2⁰/₀—можетъ указывать на справедливость нашего предположенiя, такъ-какъ, вообще говоря, штабныя должности представляютъ большую вѣроятность повышенiя, чѣмъ строевыя.

Но находя, что въ настоящее время армiя наша относительно вопроса комплектованiя офицерами находится въ такихъ же обстоятельствахъ, какiя во Францiи создали принятую тамъ систему раздѣленiя офицеровъ на двѣ категорiи, и признавая вслѣдствiе этого рациональнымъ примѣненiе этой системы у насъ, мы вовсе не думаемъ о рабскомъ подражанiи французскому порядку. Мысль наша—воспользоваться, по причинѣ тождественности обстоятельствъ, основною идеею, развить ее сообразно особенностямъ и условiямъ, существующимъ у насъ.

Взглядъ нашего правительства на армiю и на солдатъ, ее составляющихъ, кажется намъ прогресивнѣе, чѣмъ взглядъ французскаго правительства. У насъ обязанность офицера состоитъ не въ томъ только, чтобы учить солдата исключительно уставу: онъ обязанъ кромѣ того развивать его умственные способности. Лежащее на офицерахъ обученiе солдатъ грамотности, дѣлаетъ изъ армiи, при низкомъ уровнѣ образованiя среды, изъ которой до сихъ поръ выходили солдаты — своего рода разсадникъ для распространенiя образованiя въ народѣ. Мысль, что, при общесознаваемомъ у насъ недостаткѣ сельскихъ учителей, эту обязанность могли бы исполнять грамотные солдаты по выходѣ въ отставку, еслибы обученiе ихъ грамотѣ на службѣ соответствовало этому назначенiю — принята нашимъ правительствомъ въ исполненiю, и циркулярное распоряженiе по войскамъ отъ 17-го декабря 1862 г. предписываетъ снабжать нижнихъ чиновъ при отставкѣ особыми свидѣтельствами въ ихъ безпорочной нравственности и въ успѣхахъ по части грамотности. Причемъ военное министерство считаетъ полезнымъ указывать на учебники, издаваемые министерствомъ народнаго просвѣщенiя для руководства въ народныхъ школахъ; потому что употребленiе ихъ въ вой-

скахъ можетъ, между прочимъ, представить полное удобство возвращающимся на родину нижнимъ чинамъ безпрепятственно приѣзжать свои познанія при обученіи грамотѣ сельскихъ обывателей».

Понятно, что для достиженія подобнаго рода цѣли и для успѣшнаго хода развитія и образованія солдатъ — дѣла, лежащаго на офицерахъ—эти послѣдніе должны по своему развитію и по своимъ познаніямъ стоять выше тѣхъ, которыхъ обязаны учить. Слѣдовательно, мы не можемъ допустить, чтобы офицеръ въ своемъ развитіи и въ своихъ знаніяхъ ничѣмъ не отличался отъ солдата, и должны принять извѣстную норму развитія, обязательную для желающаго получить офицерскіе званія. Съ другой стороны, установивъ извѣстную степень развитія для званія офицера, то-есть оставивъ это званіе извѣстными условіями, мы не вправѣ принять вполнѣ французскую систему чиновпроизводства и лишить человѣка, удовлетворившаго уже извѣстными требованіямъ, всякой надежды на будущее повышеніе. Мы должны допустить, что человѣкъ, уже достигшій извѣстной степени развитія, можетъ продолжать его и далѣе, и приобрѣсти уже на службѣ тѣ знанія, которыхъ онъ не могъ имѣть ранѣе, можетъ быть, потому только, что не имѣлъ времени и средствъ на это. По нашему мнѣнію, справедливость требуетъ того, чтобы открыть всѣмъ вообще возможность, удовлетворивъ опредѣленнымъ требованіямъ, получать право на дальнѣйшее повышеніе; и даже слѣдуетъ, на сколько возможно, давать средства тѣмъ, кто желаетъ пользоваться этимъ.

Но теперь возникаетъ вопросъ: какое средство можетъ употребить правительство для оцѣнки способностей тѣхъ изъ офицеровъ второй категоріи, которые бы заявили свои притязанія на право дальнѣйшаго производства? Средство, разумѣется, одно—экзамень. Написавъ слово «экзамень», мы ждемъ уже, что много голосовъ поднимется противъ насъ и предлагаемаго нами экзамена: вѣдь вопросъ о возможности экзаменовъ для офицеровъ, какъ мы уже видѣли, не впервые появляется въ «Военномъ Сборникѣ». Мы знаемъ, что много противниковъ имѣетъ это учрежденіе; но тѣмъ не менѣе мы возобновляемъ это предложеніе и не стараемся представить свои соображенія, которыя, можетъ быть, и оправдаютъ отчасти нашу смѣлость. Для этого разберемъ доводы, приводимые обыкновенно противъ возможности и практической введенія у насъ офицерскихъ экзаменовъ, и выскажемъ нашъ взглядъ на значеніе и на форму предлагаемаго нами экзамена.

Первый, главный и, повидимому, имѣющій полное основаніе доводъ противъ экзаменовъ, состоитъ въ томъ, что введенные у

насъ въ 1804 году для офицеровъ артилеріи экзамены признаны недостижавшими своего назначенія, и вслѣдствіе этого въ настоящее время отиѣнены: къ чему возобновлять мѣру, несостоятельность которой доказана на опытѣ? Совершенно справедливо; но почему опытъ не имѣлъ удачи? Лишь потому, что главная мысль при введеніи этихъ экзаменовъ была — заставить офицеровъ повторять ежегодно то, чему они учились въ школахъ. Что такова была главная цѣль, можно видѣть изъ того, что этотъ экзамень не для всѣхъ былъ одинаковъ: офицеры, кончившіе курсъ въ офицерскихъ классахъ артилерійскаго училища, должны были держать особый экзамень изъ дифференціального и интегральнаго исчисленія, изъ баллистики, механики и другихъ наукъ, необязательныхъ для прочихъ, какъ непроходившихъ ихъ въ школахъ. Понятно, что мысль заставлять людей, послужившихъ уже порядочно, повторять школьные задачи — и не могла повести къ практической пользѣ. Не говоря уже о ея несостоятельности и непрактичности въ примѣненіи, замѣтимъ только, что при настоящемъ взглядѣ на вещи цѣль ея далеко не имѣла рациональнаго основанія. Часть знаній, приобретаемыхъ человѣкомъ въ школахъ и принадлежащихъ къ сферѣ общаго образованія, имѣетъ, какъ мы уже имѣли случай говорить, главную и непосредственную цѣль — развить его умственныя способности и расширить его взглядъ на міръ божій; другая же часть наукъ даетъ ему спеціальныя знанія, необходимыя для его професіи. Когда человѣка признають кончившимъ курсъ, необходимо предполагать, что онъ разумно усвоилъ себѣ то, чему его учили — и въ этомъ случаѣ дѣло наукъ перваго рода кончено: ученикъ — развить, горизонтъ его пониманія — расширился. Основные истины науки имъ усвоены — иначе, онъ не долженъ быть признанъ кончившимъ курсъ — и останутся безъ всякаго повторенія навѣкъ въ его головѣ: подробности, конечно, могутъ быть современемъ забыты; но онѣ и ненужны ему; ихъ дѣло уже сдѣлано: вѣдь онѣ нужны были только какъ средства, подтверждающія и уясняющія главные истины науки. Заставлять повторять ихъ бесполезно: это — то же самое, что заставлять человѣка, умѣющаго бѣгло читать, упражняться отъ времени до времени въ чтеніи по складамъ. Человѣкъ, понявшій разумно теорію электричества, можетъ современемъ забыть подробности устройства приборовъ, на которыхъ онъ изучилъ эту теорію; но самой теоріи не забудеть.

Точно также и практическія свѣдѣнія, необходимыя человѣку при отиравленіи обязанностей его званія, не нуждаются въ повтореніи по учебнику: они безпрестанно встрѣчаются при занятіяхъ, и поэтому уже не могутъ быть забыты человѣкомъ занимающимся;

а для человѣка, незанимающагося своимъ дѣломъ, они совершенно бесполезны. Такимъ образомъ, въ этомъ-то недостаткѣ рациональнаго основанія, и слѣдуетъ искать причину несостоятельности экзаменовъ для артиллерійскихъ офицеровъ. Все дѣло въ томъ, что въ то время, когда вводили эти экзамены, смотрѣли на образованіе съ школьной точки зрѣнія; но время обнаружило ложность такого взгляда, это учрежденіе оказалось не только бесполезнымъ, но повело даже къ вреднымъ послѣдствіямъ, заставившимъ отмѣнить его.

Другое дѣло экзаменъ, предлагаемый нами — это даже, собственно говоря, и не экзаменъ, въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимается это слово: это — не что иное, какъ испытаніе, имѣетъ ли человѣкъ, ищущій получить извѣстное мѣсто, достаточно способностей для отправленія обязанностей, сопряженныхъ съ этою должностію, и обладаетъ ли онъ необходимыми для этого научными свѣдѣніями?—испытаніе, какъ видите, имѣющее совершенно естественное и разумное основаніе. Для достиженія первой цѣли, то-есть опредѣленія степени развитія мыслительныхъ способностей, исполнѣ достаточно ознакомиться съ степенью познаній испытуемаго въ одномъ или въ двухъ предметахъ, взятыхъ по выбору самого экзаменующаго изъ отдѣла точныхъ наукъ — преимущественно изъ отдѣла чистой математики, или физики. Эти науки, неоставляющія мѣста для личныхъ воззрѣній, могутъ служить отличнымъ пробнымъ камнемъ для узнанія степени интеллектуальнаго развитія: здѣсь рѣшеніе одного вопроса, съ толкомъ и удачно заданнаго, даетъ полную возможность понимающему разумно свое дѣло экзаменатору — раскусить, какъ говорится, экзаменующаго и безошибочно опредѣлить то, что нужно знать. Для узнанія степени научныхъ специальныхъ познаній, признанныхъ необходимыми для экзаменующихся, достаточно рѣшенія вѣсколькихъ задачъ и преимущественно на самомъ дѣлѣ. Подобнымъ образомъ можно также безошибочно опредѣлить и степень познаній, и умѣнье пользоваться нужными пособіями.

Понятно, что какъ то, такъ и другое испытаніе должно производиться безъ всякихъ билетовъ, безъ всякой торжественной обстановки и другихъ, имѣющихъ угрожающій видъ аксессуаровъ, сопровождающихъ неизбѣжно наши обыкновенные экзамены. Съ внутренней стороны эти испытанія должны имѣть видъ бесѣды, и экзаменаторъ долженъ гораздо болѣе обращать вниманіе на степень пониманія главныхъ истинъ, чѣмъ на положительное знаніе подробностей, обыкновенно забываемыхъ въ другой же день, и избѣгать малѣйшей тѣни падаптическнхъ требованій. Въ примѣръ правильнаго взгляда и яснаго пониманія сущности экзамена,

мы приведемъ одного профессора, читавшаго намъ одинъ предметъ изъ высшей прикладной математики. Онъ имѣлъ обыкновеніе предлагать экзаменуемому, послѣ того, какъ уже тотъ взялъ свой билетъ — передъ отвѣтомъ прочесть по руководству доставшійся ему вопросъ, основываясь на томъ, что незанимавшійся этою наукою, или плохо понимающій дѣло, ничего не приобрететъ съ одного раза; а между тѣмъ человѣка знающаго, это избавляетъ отъ безполезнаго запоминанія безчисленныхъ и бесконечныхъ формулъ, вылетающихъ сейчасъ же послѣ отвѣта изъ головы. Ничего не можетъ быть, по нашему мнѣнію, логичнѣе и основательнѣе такого заключенія нашего профессора; и каждый, кто только хорошо знакомъ съ математическими науками и разумно понимаетъ значеніе ихъ, согласится навѣрно съ глубокою истиною, лежащею въ основаніи этой мысли.

Другой доводъ, приводимый въ особенности противъ экзамена на высшіе чины, какъ, на примѣръ, на первый штаб-офицерскій чинъ — состоитъ въ томъ, что для человѣка уже не первой молодости трудно приготовиться къ экзамену: умъ его уже не имѣетъ необходимой для этого гибкости, свойственной молодымъ годамъ, и притомъ щекотливо человѣку, уже послужившему порядкомъ, подвергаться экзамену, напоминающему что-то школьное.

Но просимъ не забывать нашего взгляда на цѣль и на значеніе предлагаемаго нами экзамена. Это — не экзаменъ на чинъ, а испытаніе на право быть признаннымъ способнымъ къ отправленію извѣстныхъ обязанностей. Повторяемъ, что по нашему мнѣнію — съ чѣмъ, вѣроятно, согласится каждый, для кого ясна роль, которую играютъ науки въ образованіи человѣка — разумное изученіе наукъ, составляющихъ цѣль общаго образованія, имѣетъ исключительное назначеніе развивать интеллектуальныя способности, и что однажды разумно усвоенныя истины науки уже выполнили свое назначеніе: человѣкъ — развитъ. Слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности опредѣлять, что такой-то долженъ держать экзаменъ на право дальнѣйшаго повышенія непременно тогда, когда наступитъ время его повышенія: каждый долженъ имѣть право, во всякое время, когда ему угодно — заявлять о своихъ способностяхъ. Если мы допуседемъ, что дипломъ или учебный аттестатъ, представляемый при вступленіи на службу, составляетъ достаточное ручательство для того, чтобы представившаго его сразу зачислить въ число офицеровъ, способныхъ впоследствии занять высшую должность, то нѣтъ причины предполагать, что человѣкъ, заявившій уже на службѣ о своемъ развитіи, можетъ современнымъ потерять его;

было бы несправедливо въ этомъ предположеніи отнимать у него право дѣлать это заявленіе, когда онъ признаетъ для себя удобнымъ, и препятствовать ему въ младшихъ чинахъ перейти въ разрядъ офицеровъ, предназначаемыхъ на высшія должности.

Подробности же специальныхъ знаній, конечно, могутъ, отъ недостатка упражненія, забываться; но очевидно, что это имѣетъ мѣсто одинаково для всѣхъ, и нѣтъ основанія полагать, что офицеръ, окончившій курсъ, ну хотя бы даже въ академіи генеральнаго штаба, и непримѣняющій, служба во фронтѣ, своихъ знаній въ дѣлу — будетъ долге помнитъ ихъ, чѣмъ человекъ, пріобрѣтшій ихъ внѣ академіи и доказавшій это экзаменомъ.

Поэтому-то мы и думаемъ, что нѣтъ основательной причины вводить этотъ экзаменъ непременно на извѣстный чинъ, а надобно предоставить каждому офицеру втораго разряда во всякое время — въ чинѣ ли прапорщика, или въ чинѣ капитана — держать экзаменъ на право перейти въ разрядъ офицеровъ первой категоріи; причеиъ, конечно, онъ сейчасъ же и долженъ получить всѣ права этого разряда. При этомъ послѣднемъ условіи, конечно, каждый желающій заниматься, будетъ стараться какъ можно ранѣе попасть въ этотъ разрядъ, чтобы ранѣе воспользоваться его правами, между которыми болѣе быстрое производство особенно заставитъ снѣшить и не терять времени; а слѣдовательно, и разбираемое нами возраженіе едва-ли будетъ имѣть мѣсто.

Намъ могутъ представить еще одно возраженіе противъ практичности предлагаемаго экзамена: могутъ сказать, что едва-ли окажется большое число охотниковъ изъ среды армейскихъ офицеровъ воспользоваться правомъ перехода изъ одной категоріи въ другую; что весьма немногіе изъ неполучившихъ передъ поступленіемъ на службу достаточной подготовки, могутъ имѣть средства и возможность на столько пополнить свое образованіе, чтобы выдержать экзаменъ, и что, слѣдовательно, эта мѣра можетъ не принести ощутительныхъ результатовъ. Но, еслибы это было и такъ, еслибы только двое или трое въ годъ воспользовались этимъ правомъ; то и тогда бы эта мѣра имѣла свое нравственное значеніе: она служила бы живымъ доказательствомъ, что только познанія и дарованія имѣютъ привилегію на достиженіе высшихъ чиновъ, и что для каждаго, кто бы онъ ни былъ, открыта дорога къ высшимъ должностямъ, если только онъ удовлетворяетъ этимъ условіямъ. Съ другой стороны мы не думаемъ, чтобы экзаменъ былъ рѣшительно невозможенъ для нашихъ армейскихъ офицеровъ. Сознывая себя недостаточно знакомыми съ бытомъ и обстановкою армейскихъ офицеровъ, мы не беремъ

положительно утверждать эту возможность; но не можем не указать по этому поводу на помещенную въ «Военномъ Сборникѣ» весьма замѣчательную статью г. Серебrenицкаго «Объ экзаменахъ офицеровъ» (*). Никто изъ читавшихъ эту статью не вздумаетъ, конечно, заподозрить автора въ идеализмъ: онъ все время стоитъ строго на почвѣ дѣйствительности, и, какъ видно, весьма коротко знакомъ съ наихудшею обстановкою армейской жизни. Признавая невозможнымъ введеніе обязательныхъ для всѣхъ офицеровъ экзаменовъ, въ томъ видѣ, какъ они у насъ обыкновенно бываютъ, г. Серебrenицкій тѣмъ не менѣе находитъ возможнымъ — и даже подробно указываетъ на средства привести эту мысль въ исполненіе — сборъ офицеровъ поочередно на зимніе мѣсяцы по 10 человекъ отъ каждаго полка, при дивизионныхъ штабахъ, для слушанія лекцій, и затѣмъ допускаетъ возможность экзамена, производящагося именно на такихъ основаніяхъ, которыя мы высказали выше. Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе г. Серебrenицкаго о характерѣ этого экзамена: онъ долженъ быть именно чѣмъ-то въ родѣ лекціи на заданную тему, а не школьнымъ отвѣтомъ на вопросъ. Повторяемъ, что мы не беремся судить о практическихъ удобствахъ мѣры, предлагаемой г. Серебrenицкимъ, но не можемъ не опереться на его статью для подтвержденія нашей мысли о возможности предлагаемыхъ экзаменовъ. Предполагаемое заведеніе окружныхъ юнкерскихъ школъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе будетъ способствовать этой возможности, доставляя юнкерамъ средства уже заранѣе готовить и собирать нужныя свѣдѣнія для будущаго экзамена, и можетъ значительно облегчить приведеніе нашей мысли въ исполненіе.

Наконецъ, независимо отъ экзаменовъ, существуетъ еще одно средство опредѣлять степень способностей офицера для дальнѣйшаго повышенія — средство, одинаково примѣнимое, впрочемъ, въ обѣихъ категоріяхъ офицеровъ, потому что, еще разъ повторяемъ, учебный аттестатъ не всегда еще есть доказательство достаточныхъ способностей. Французскіе генералы, инспектирующие полки, обязаны собирать офицеровъ осматриваемаго ими полка, и при помощи болѣе или менѣе продолжительной бесѣды съ ними, выводить свое заключеніе объ ихъ способностяхъ и дарованіяхъ. Говорятъ, этотъ порядокъ даетъ во Франціи весьма удовлетворительные результаты: выводимые инспектирующими генералами заключенія весьма близки къ дѣйствительности. Да оно, собственно говоря, и должно быть такъ: выбираемые военнымъ министромъ изъ числа способныхъ и опытныхъ генераловъ, инспек-

*) «Воен. Сборн.» 1863 № 11.

торы войскъ, какъ люди совершенно посторонніе войскамъ, и слѣдовательно стоящіе внѣ дразгъ и внутреннихъ интригъ полка, застилающихъ иногда глаза ближайшихъ начальниковъ — имѣютъ, при небольшомъ уже желаніи добросовѣстно исполнить свой долгъ, несравненно большую возможность произнести безпристрастное сужденіе, чѣмъ непосредственный начальникъ, который иногда, при всей добросовѣстности, можетъ видѣть въ своемъ подчиненномъ — вслѣдствіе различныхъ домашнихъ полковыхъ отношеній и сплетень — совсѣмъ не то, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого мы убѣждены, что отзывы инспекторовъ войскъ могутъ давать болѣе правильное и болѣе ясное понятіе о способности офицера, чѣмъ отиѣтки нашихъ кондуктнхъ списковъ. Во всякомъ случаѣ, эта мѣра стоитъ того, чтобы подумать о ней.

Изложивъ передъ читателями соображенія, которыя мы считаемъ полезными положить въ основаніе новаго порядка комплектованія арміи офицерами, постараемся сдѣлать общій выводъ изъ нихъ, и изложить въ общихъ чертахъ тѣ элементы, изъ которыхъ долженъ, по нашему мнѣнію, состояться на будущее время корпусъ офицеровъ нашихъ армейскихъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ.

При этомъ считаемъ нелишнимъ напомнить, что за точку отправленія мы принимаемъ:

1) заявленныя комисією для преобразования рекрутской повинности основанія, которыя, по ея мнѣнію, должно принять военное министерство при обсужденіи вопроса объ измѣненіяхъ въ порядкѣ военной службы, то-есть: распространеніе въ принципѣ воинской повинности на всѣ сословія государства; отиѣна различія между поступившими по набору и вольноопредѣляющимися; отиѣна различія въ служебныхъ правахъ и преимуществахъ, основаннаго на сословномъ происхожденіи, и предоставленіе, при поступленіи на службу и при дальнѣйшемъ прохожденіи службы, особыхъ правъ и преимуществъ тѣмъ изъ поступающихъ въ войска, какъ по желанію, такъ и по набору, которые окончили курсъ въ извѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ, или выдержали опредѣленный экзаменъ, примѣняясь къ правиламъ, существующимъ въ настоящее время относительно дворянъ, студентовъ университетовъ, воспитанниковъ гимназій и т. под. (*)

(*) «Военный Сборн.» 1864 года № 4. стр. 263.

и 2) предполагаемое сокращеніе сроковъ въ службу въ унтер-офицерскомъ званіи, для всѣхъ вообще разрядовъ вольноопредѣляющихся, и для унтер-офицеровъ изъ сдаточныхъ. Сокращеніе это, хотя, можетъ быть, и не въ такихъ размѣрахъ, какъ это установлено въ видѣ временной мѣры вышеприведенными приказами г. военнаго министра—мы вправѣ ожидать на основаніи заявленія Русскаго военнаго обозрѣнія, апрѣльскаго нумера «Военнаго Сборника» за прошедшій годъ (*).

Слѣдовательно, пополненіе офицерскихъ вакансій будетъ производиться изъ унтер-офицеровъ, болѣе или менѣе безъ различія происхожденія. Нормою образованія для младшихъ офицерскихъ чиновъ, то-есть офицеровъ второй категоріи, можно, безъ особеннаго вреда для службы, принять курсъ уѣздныхъ училищъ, соответствующій, какъ мы уже говорили, нынѣшней юнкерской программѣ. Удовлетвореніе этого условія можетъ быть выполнено или представленіемъ свидѣтельства объ окончаніи курса, или сдачею экзамена передъ военнымъ начальствомъ, смотря, какъ удобнѣе будетъ признано. Затѣмъ, по выслугѣ оцредѣленнаго срока въ званіи нижняго чина, унтер-офицеры этой категоріи могутъ быть производимы на вакансіи, расчитываемыя по дивизіямъ; причемъ, конечно, предварительно они должны выдержать экзаменъ въ знаніи службы и въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя признаны будутъ необходимыми для офицера того рода войска, куда они производятся.

Въ число офицеровъ первой категоріи могутъ поступать: 1) окончившіе курсъ въ военныхъ училищахъ, преобразование которыхъ въ послѣднее время дозволяетъ надѣяться, что воспитывающіеся тамъ могутъ соединять, при порядочномъ общемъ образованіи, и прочныя познанія въ военныхъ наукахъ; 2) произведенные изъ студентовъ и окончившихъ курсъ съ аттестатами въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и сдавшихъ передъ производствомъ опредѣленный экзаменъ изъ военныхъ наукъ; и 3) офицеры, переходящіе по экзамену изъ второй категоріи на тѣхъ условіяхъ, какія мы изложили выше.

Пользуясь случаемъ, обратимъ вниманіе на то, что въ существующемъ назначеніи сроковъ для выслуги въ унтер-офицерскомъ званіи, у насъ сдѣлано различіе между кончившими въ гимназіяхъ курсъ съ правомъ на чинъ XIV класса, и безъ этого права: первые служатъ до офицерскаго чина одинъ годъ, и должны быть производимы, хотя бы и не было вакансій; вторые же не пользуются этимъ преимуществомъ, и должны пребыть унтер-

(*) «Воен. Сборн.» 1863 г. № 4. рус. воен. обозр. стр. 536—545.

офицерами два года. По нашему мнѣнію, такое различіе не имѣетъ достаточнаго основанія. Право на чинъ XIV класса дается въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ за успѣхи въ греческомъ языкѣ; въ большинствѣ же гимназій это право получаютъ тѣ изъ воспитанниковъ, которые, не разсчитывая продолжать свое образованіе въ университетѣ, слушаютъ, вмѣсто латинскаго языка, лекціи законовѣдѣнія и оважутъ при выпускѣ достаточные успѣхи по этому предмету. Конечно, условія для полученія права на чинъ XIV класса нѣсколько выше, чѣмъ условія, дающія право на полученіе просто атестата объ окончаніи курса; но это обстоятельство не исключаетъ возможности случаевъ, что учившійся латинскому языку, и слѣдовательно неимѣющій права на чинъ, будетъ стоять по своему атестату выше получившаго это право своего товарища; а между тѣмъ, еслибы по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, онъ вздумалъ измѣнить свое намѣреніе поступить въ университетъ — что очень возможно, такъ-какъ выборъ латинскаго языка или законовѣдѣнія долженъ быть рѣшенъ при переходѣ въ четвертый классъ, то-есть за четыре года до выпуска — и поступилъ бы въ военную службу, ему бы пришлось служить до офицерскихъ эполетъ по меньшей мѣрѣ два года, тогда какъ товарищъ его, хуже кончившій курсъ, долженъ непремѣнно быть произведенъ черезъ годъ. Могутъ сказать, что знаніе законовѣдѣнія полезнѣе для военной службы, чѣмъ знаніе латинскаго языка; но достаточно указать на получающихъ чинъ за греческій языкъ, чтобы убѣдиться, что не это обстоятельство лежитъ въ основаніи такого значительнаго различія въ правахъ. По нашему мнѣнію, было бы справедливѣе сравнять въ правахъ всѣхъ кончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, съ опредѣленнымъ успѣхомъ.

Разбирая указанные нами источники для пополненія офицерскихъ вакансій первой категоріи, могутъ возразить, что этихъ источниковъ будетъ недостаточно для покрытія ежегодной убыли; но числа говорятъ другое. Изъ статистическихъ данныхъ можно предполагать, что уже число воспитанниковъ, выпускаемыхъ ежегодно изъ военныхъ училищъ, при высшей нормѣ выпуска, которая, какъ мы уже видѣли, назначена въ 500 человекъ — будетъ почти достаточно для замѣщенія вакансій офицеровъ этой категоріи. Мы уже видѣли, что число всѣхъ вообще строевыхъ и вестроевыхъ офицеровъ къ 1-му января 1862-го года было 31,856 человекъ (*). Изъ этого числа слѣдуетъ исключить офи-

(*) Воен. Сб. 1863 г. № 9. Рус. воен. об. стр. 249.

деровъ гвардіи, артилеріи и инженеровъ — частей, комплектующихся, какъ знаемъ, почти исключительно изъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, а также и офицеровъ мѣстныхъ войскъ артилерійскаго и инженернаго вѣдомства, гдѣ командиры частей назначаются изъ строевыхъ офицеровъ, а младшіе офицеры почти исключительно изъ выслужившихся унтер-офицеровъ. Число офицеровъ гвардіи, данное г. Ильшевичемъ, составляетъ 1,404 человекъ (*); число же офицеровъ артилерійскаго и инженернаго вѣдомствъ составляетъ, какъ видно изъ отчета военнаго министерства за 1860 и 1861 гг., около 14,5% всего вообще числа офицеровъ (**), слѣдовательно равняется 4,619 человекамъ. Выключивъ оба эти числа изъ общаго числа офицеровъ, получимъ 25,833 человекъ.

Изъ приведенной г. Ильшевичемъ таблицы по чинамъ мы видимъ, что число генераловъ и штаб-офицеровъ, то-есть чиновъ, изъ которыхъ назначаются начальники отдѣльныхъ частей — въ войскахъ разбираемыхъ авторомъ — было равно 1,711 (**), что составляетъ около 13,5% всего числа офицеровъ (12,652). Принимая это отношеніе для 25,833 офицеровъ, получимъ приблизительное число генераловъ и штаб-офицеровъ въ 3,487 человекъ — положимъ, 3,500. Какъ мы уже знаемъ, средняя убыль офицеровъ составляетъ около 9% въ годъ, что даетъ ежегодную убыль въ этихъ чинахъ въ 315 человекъ. Могутъ сказать, что по причинѣ большей преклонности лѣтъ, убыль въ высшихъ чинахъ выше средней убыли; но это — невѣрно: изъ того же отчета военнаго министерства (****) мы видимъ, что въ то время, какъ убыль въ числѣ офицеровъ смертію составляла въ 1860 году менѣе 17%, а въ 1861 г. менѣе 16% всей убыли — остальные 85—84% приходятся на долю убыли отставкою, переводами въ другія вѣдомства, и т. п. Но понятно, что эти послѣдніе случаи убыли имѣютъ болѣе мѣста въ молодыхъ лѣтахъ и въ младшихъ чинахъ, чѣмъ тогда, когда человекъ уже достигъ болѣе или менѣе виднаго мѣста и обеспеченнаго положенія, и когда перемѣна дѣятельности становится вообще болѣе тягостною.

Вслѣдствіе этого, мы вправѣ заключить, что полученное нами число 315 не только не ниже, но даже, можетъ быть, выше дѣйствительной ежегодной потребности въ чинахъ, необходимыхъ для пополненія вакансій начальниковъ армейской пѣхоты и кавалеріи.

(*) Воен. Сб. 1863 г. № 11. Рус. воен. обоз. стр. 239.

(**) Воен. Сб. 1863 г. № 9. Рус. воен. обоз. стр. 252 и 253.

(***) Воен. Сб. 1863 г. № 11. Рус. воен. обоз. стр. 241.

(****) Воен. Сб. 1863 г. № 9. Рус. воен. обоз. стр. 250.

лерія. На покрытие этой потребности, мы имѣемъ 500 человѣкъ офицеровъ, которыхъ предполагается выпускать ежегодно изъ военныхъ училищъ; но изъ этого числа слѣдуетъ исключить количество, необходимое для пополненія гвардіи, артилеріи и инженерныхъ войскъ. По свѣдѣніямъ, представленнымъ г. Ильяшевичемъ (*), можно видѣть, что изъ всего числа 3,278 человѣкъ, произведенныхъ изъ кадетъ въ теченіе пяти лѣтъ (съ 1857 по 1861 г.) въ разныя войска, на пополненіе гвардіи, артилеріи и инженеровъ пошло 1,248 человѣкъ, что составляетъ 43,5% всего числа. Принимая это отношеніе, мы получимъ, что изъ 500 офицеровъ, на долю арміи достанется около 280 человѣкъ; причемъ, конечно, предполагается, что вслѣдствіе новой системы въ военныхъ училищахъ, случаи производства въ гарнизонъ будутъ исключеніями.

Слѣдовательно, разность между ежегодною потребностію въ офицерахъ первой категоріи и числомъ офицеровъ, выходящихъ изъ военныхъ училищъ, будетъ около 35 человѣкъ. Но эту цифру слѣдуетъ считать слишкомъ высокою, если вспомнимъ, что въ число 25,833 человѣкъ, изъ котораго мы вывели ежегодную потребность, вошли офицеры генеральнаго штаба, пополняющагося, какъ извѣстно, на половину — если не болѣе — офицерами гвардіи и артилеріи, невошедшими въ счетъ, и комплектующимися изъ отдѣленной нами особенной части кончившихъ курсъ въ военныхъ училищахъ; въ то же число вошли и офицеры корпуса топографовъ, комплектующагося также не изъ общихъ источниковъ. Принявъ же притомъ въ соображеніе, что не всѣ же штаб-офицеры командуютъ батальонами и другими отдѣльными частями, и что многіе штаб-офицеры гвардіи, невошедшей въ расчетъ, получаютъ армейскія части, мы вправѣ думать, что ежегодный выпускъ изъ военно-учебныхъ заведеній можетъ приблизительно покрывать ежегодную убыль офицеровъ, способныхъ къ командованію частями.

Съ другой стороны, открытіе возможности для образованныхъ офицеровъ болѣе быстраго повышенія, сравнительно съ другими, возбудитъ соревнованіе и, нѣтъ сомнѣнія, привлечетъ къ поступленію въ армейскіе полки большее число окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, чѣмъ въ настоящее время,

Изъ всего этого читатель можетъ видѣть, что, не касаясь измѣненія системы чинопроизводства, мы собственно ничего новаго не предлагаемъ. Все то, что мы считаемъ полезнымъ, уже

(*) Воен. Сб. 1863 г. № 11. Рус. воен. обзор. стр. 246.

отчасти въ общихъ чертахъ приведено въ исполненіе, отчасти предполагается въ весьма недалекомъ будущемъ; вся наша цѣль и состояла въ томъ только, чтобы постараться отыскать ту нить, которая бы могла соединить отдѣльныя части въ общую систему.

Но не такъ легко примирить съ дѣйствительностію основное начало нашей системы — именно предлагаемое нами введеніе смѣшаннаго чинопроизводства, на подобіе принятаго во Франціи, хотя и эта мысль уже не нова: она была уже высказана въ «Военномъ Сборникѣ» въ нѣкоторыхъ статьяхъ, объ уравнивіи чиновъ въ гвардіи и арміи (*). Мы уже говорили, что въ сущности — эта система уже существуетъ у насъ *de facto*: принятое по закону правило производить въ армейскихъ полкахъ въ штаб-офицерскіе чины не по линіи, а за отличіе и предоставленіе вакансій начальнику частей — есть не что иное, какъ фактическое примѣненіе этой системы. Вся разница, какъ мы уже сказали, состоитъ въ выборѣ критериума для опредѣленія способностей; но тѣмъ не менѣе введеніе этой системы *de jure* необходимо должно повлечь за собою серьезныя послѣдствія. Оно сразу разобьетъ офицеровъ на два рѣзко-отличающихся другъ отъ друга разряда, и поговорка: «плохой тотъ солдатъ, кто не надѣется быть генераломъ», и обобщающая, быть можетъ, многихъ въ настоящее время — тогда уже не будетъ имѣть мѣста, по крайней мѣрѣ въ мирное время. Не принадлежа къ числу людей, вѣрующихъ въ пользу какого бы то ни было ослѣпленія, мы думаемъ, что военная служба много выиграетъ отъ замѣны господъ, служащихъ изъ-за фиктивныхъ выгодъ, людьми, видящими въ службѣ болѣе положительную цѣль: тогда, по крайней мѣрѣ, устранится хотя отчасти указанный нами выше недостатокъ, происходящій оттого, что у насъ весьма многіе служатъ исключительно изъ-за будущихъ благъ, и вслѣдствіе этого несутъ службу, спустя рукава — лишь бы только не попасться въ несправности. Съ другой стороны — этою мѣрою отстраняется также и замѣченная всѣми необыкновенная подвижность личнаго состава низшихъ офицерскихъ чиновъ въ нашей арміи — необходимое слѣдствіе разочарованій и разбитыхъ надеждъ; а такая подвижность, несомнѣнно, весьма вреднымъ образомъ отзывается на состояніи войскъ.

Но теперь возникаетъ другой вопросъ: не окажется ли это уничтоженіе надеждъ на будущее — вреднаго вліянія на число

(*) См. статьи гг. Бранта (В. С. 1864. № 4); В. Комарова (В. С. 1864 г. № 5), и др.

желающих поступать въ военную службу? Не уменьшится-ли это число вслѣдствіе того, что отнята будетъ приманка, притягивавшая, вѣроятно, до сихъ поръ многихъ? Огвѣчать на этотъ вопросъ съ положительною увѣренностію невозможно ни въ ту, ни въ другую сторону: рѣшенія подобныхъ вопросовъ, основанныхъ на однихъ умозрительныхъ заключеніяхъ, безъ прочныхъ данныхъ, надобно произносить съ большою осторожностію. Но нѣкоторыя соображенія позволяютъ намъ думать, что едва-ли это опасеніе имѣетъ достаточно прочное основаніе. Конечно, пока право быть офицеромъ составляло почти исключительную привилегію одного сословія, можно было опасаться, что при неблагоприятныхъ условіяхъ окажется недостатокъ въ охотникахъ; но при распространеніи этого права на всѣхъ, едва-ли это опасеніе основательно, тѣмъ болѣе при существованіи условія, что каждый молодой человѣкъ обязанъ будетъ отслужить опредѣленный срокъ въ арміи. Притомъ же мы не должны упускать изъ виду, замѣченную всѣми во всѣхъ вообще классахъ нашего общества наклонность къ государственной службѣ, вслѣдствіе которой, каждый, мало-мальски чему-нибудь учившійся, при первомъ удобномъ случаѣ поступаетъ на службу, не имѣя въ виду не только ничего особенно-привлекательнаго, но даже хотя сколько нибудь сноснаго. Конечно, причины этой наклонности кроются отчасти въ недостаточномъ еще развитіи у насъ умственной и промышленной дѣятельности; но тѣмъ не менѣе это — фактъ, что у насъ огромное количество чиновниковъ. А между тѣмъ, реформы по гражданской администраціи влываются вовсе не въ тому, чтобы увеличивать это число; напротивъ, очень вѣроятно, что въ весьма непродолжительномъ времени, эта масса чиновниковъ значительно сократится: одна судебная реформа закроетъ огромное число существовавшихъ до сихъ поръ чиновническихъ должностей. Куда же дѣнется вся эта масса чиновниковъ, засѣдающая въ разныхъ судахъ и палатахъ, и молодежь, жаждущая полученія мѣстъ писцовъ и канцелярскихъ служителей? Они все-таки учились кое-чему въ уѣздныхъ училищахъ и низшихъ классахъ гимназій; они хлопочатъ теперь о мѣстахъ, на которыхъ не видятъ ничего, кромѣ перспективы за какіе-нибудь восемь-девять рублей, а иной разъ и менѣе — въ мѣсяцъ сидѣтъ изо дня въ день надъ бумагами — и развѣ въ отдаленномъ будущемъ, лѣтъ черезъ пятнадцать-двадцать, добиться мѣста столоначальника, или секретаря. У насъ обыкновенно смотрятъ съ пренебреженіемъ на этихъ труженниковъ, а забываютъ ихъ обстановку, ихъ обстоятельства, убивающія въ нихъ всѣ силы и приводящія ихъ въ такое положеніе, гдѣ взятки составляютъ единственное вознагражденіе за убитую надъ

бумагами жизнь; а попробуйте дать просторъ этимъ силамъ, укажите имъ на болѣе благодарную дѣятельность — и будьте увѣрены, что изъ нихъ выйдутъ люди никакъ не хуже какого-нибудь недоросля изъ матушкиныхъ сынковъ. Поэтому-то и надобно думать, что съ уменьшеніемъ сроковъ службы до офицерскаго чина, и вообще съ облегченіемъ доступа къ нему — найдется много охотниковъ изъ этихъ людей служить изъ-за жалованья, до котораго теперь много времени приходится имъ тянуть лямку похуже военной службы. Привыкшіе довольствоваться небольшими и не мечтать богъ-знаетъ о чемъ въ будущемъ, они, будучи произведены въ офицеры, будутъ вполне довольны своимъ содержаніемъ въ настоящемъ, и надеждою въ будущемъ получить за свою службу пенсію, которая, благодаря эмеритурѣ, вполне можетъ обезпечить ихъ непрехотливое существованіе въ старости — и, при правильномъ направленіи ихъ дѣятельности, могутъ дать весьма полезный элементъ для пополненія армии офицерами второй категоріи. Во всякомъ случаѣ, заинтересованные непосредственно въ дѣлѣ и дорожащіе тѣмъ, что имѣютъ въ настоящемъ, они будутъ полезнѣе для службы, чѣмъ господа, которые сами не знаютъ чего хотятъ и чего ждуть отъ службы, и поступають на службу не иначе, какъ съ мечтами о густыхъ эполетахъ.

Гораздо менѣе основательнымъ кажется намъ мнѣніе, раздѣляемое весьма многими, что дѣленіе офицеровъ на «образованныхъ» и «необразованныхъ» — вообще вредно (*), и что это обстоятельство несомнѣнно съ достоинствомъ офицерскаго званія. Такъ, напримѣръ, по поводу весьма основательнаго, по нашему мнѣнію, замѣчанія г. редактора «Военнаго Сборника», что при предполагаемой новой системѣ чиноустройства, можно бы было чинъ прапорщика предоставить тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, которые достойны по своей службѣ офицерскаго чина, но не могутъ выдержать вполне установленнаго экзамена, съ тѣмъ, чтобы они впоследствии держали полный офицерскій экзаменъ для полученія чина подпоручика (**)—г. Брантъ, въ своей статьѣ: «О сравненіи гвардейскихъ офицерскихъ чиновъ съ армейскими» (***) говоритъ: «каково бы ни было названіе офицерскаго чина — прапорщикъ или подпоручикъ — важность и значеніе его заключается не въ наименованіи, а въ самомъ званіи офицера, которое съ достоинствомъ и примичіемъ (?) можетъ поддерживаться только тогда, когда лицо, носящее его, удовлетворяетъ даннымъ (?) усло-

(*) См. статью г. Райковскаго. В. Сб. 1864 г. № 4 стр. 323.

(**) Воен. Сборн. 1864 г. № 2. стр. 269.

(***) Воен. Сб. 1864 г. № 4. Ст. г. Бранта, стр. 365.

вѣдѣтъ, между которыми *известная* степень образованія не должна занимать послѣднее мѣсто». Не знаемъ, что авторъ разумѣетъ подъ словомъ *данная* условія, и какія это условія, кромѣ образованія, необходимы для того, чтобы быть офицеромъ? Далѣе г. Брантъ продолжаетъ въ томъ же духѣ: «не слѣдуетъ забывать, что чинъ прапорщика есть все-таки офицерская степень (да кто же это забываетъ?) и что *слѣдовательно* (почему же *слѣдовательно*?) для *достоинства* офицерскаго званія все равно, будетъ ли оно *весьма мало* (?) *поддерживаться* носящимъ эполеты съ одною, или съ двумя звѣздочками».

Очевидно, что авторъ смотритъ въ этомъ случаѣ на офицера не какъ на человѣка, служащаго известному дѣлу, а какъ на члена свѣтскаго общества; онъ измѣряетъ качества носящаго офицерское званіе, и даже степень его образованія не тѣмъ, способенъ ли онъ или нѣтъ къ разумному исполненію своихъ обязанностей, а тѣмъ, въ какой степени онъ можетъ съ *достоинствомъ* и *приличіемъ* поддерживать званіе офицера; но гдѣ? — да, разумѣется, въ обществѣ: гдѣ же иначе употреблять слова *приличіе*? Къ сожалѣнію, мѣрки для *приличія* весьма условны: было время, когда званіе гвардейскаго офицера съ *достоинствомъ* и *приличіемъ* могъ поддерживать только тотъ, кто могъ ѣздить на тысячныхъ рысакахъ; теперь же дѣло другое: никто не находитъ неприличнымъ даже для кавалергардовъ и лейб-гусаръ ѣздить на извозчикахъ. Нѣтъ, теперь не время идеальничать, мечтать богъ-знаетъ о чемъ, не до того; теперь армія нуждается въ честныхъ служакахъ, умѣющихъ добросовѣстно исполнять свои незатѣйливыя обязанности, а не въ любезныхъ моншерахъ, способныхъ забирать вполонъ сердца провинціальныхъ барышень.

Мы согласны съ тѣмъ, что человѣкъ долженъ уважать свое званіе, и стараться поддерживать его значеніе въ глазахъ общества; но только никакъ не внѣшнимъ блескомъ, а внутреннимъ содержаніемъ, то-есть добросовѣстнымъ исполненіемъ тѣхъ обязанностей, которыя наложило общество на это званіе. Хлопотать же о корпоративной исключительности, силиться во что бы то ни стало придать своему званію какую-то особенную кастовую честь — мы считаемъ не только несомвѣстнымъ и бесполезнымъ, но даже вреднымъ дѣломъ: съ подобными стремленіями, какъ разъ можно попасть въ ту же колею, по которой прускіе офицеры, несмотря на все свое образованіе, дошли уже до страннаго развитія понятія о воинской чести. Но у насъ такое стремленіе едва-ли возможно: здравый смыслъ русскаго народа не даромъ сложилъ пословицу: по платью встрѣчать — по уму провожать;

да притомъ еще въ настоящее время, промежутокъ между временемъ, когда по платью встрѣтять и по уму проводить, становится день ото дня короче. Такъ ужъ, не лучше ли будетъ воздѣлываніе рыцарскихъ понятій о корпоративной воинской чести въ мирное время предоставить нѣмцамъ: пусть себѣ они на здоровье развиваютъ свои особенныя понятія объ офицерскомъ *point d'honneur*, отличномъ отъ *point d'honneur* прочихъ смертныхъ— и поддерживаютъ его, обнажая изъ-за всякой бездѣлицы свои сабли противъ мирныхъ гражданъ; а мы обойдемся и безъ этого, да у насъ и закономъ запрещено употреблять саблю въ дѣло, въ мирное время.

Д. В. Шатиловъ.

О ДАНТЕ.

По поводу шестисотлѣтняго юбилея.

Статья вторая и послѣдняя.

Къ партіи *черныхъ*, во главѣ которой стоялъ Корсо-Донаті, человѣкъ съ блестящими способностями, но въ высшей степени жестокой и безнравственный, принадлежали самыя смѣлые и благородныя изъ гражданъ Флоренціи. Партія *бѣлыхъ* имѣла предводителемъ Віери-де-Черки и считала въ своихъ рядахъ много людей, замѣчательныхъ по уму и по заслугамъ, какъ на примѣръ, были историкъ Дино Компаньи, Гвидо Кавальканти и Данте Алигieri.

Посреди столь затруднительныхъ обстоятельствъ, Дантъ былъ избранъ въ число пріоровъ города Флоренціи (*). Онъ уже составилъ себѣ извѣстность и приобрѣлъ довѣріе своихъ согражданъ успѣшнымъ веденіемъ дипломатическихъ переговоровъ, какіе неоднократно на него возлагались, и теперь, на тридцать-пятомъ году своей жизни, долженъ былъ принять участіе въ правленіи страны, терзаемой междоусобіемъ и которой угрожала анархія.

Девять дней спустя послѣ вступленія его въ новую должность, приверженцы Корсо-Донаті произвели во Флоренціи безпорядки, окончившіеся жестокимъ кровопролитіемъ. Это послужило Бонифацію поводомъ къ осуществленію давно задуманнаго плана о призваніи въ Италію Карла Валуа.

Флорентинское правительство, испуганное оборотомъ, какой принимали дѣла, послѣ серьезнаго совѣщанія, рѣшилось отправить Данте посломъ къ Бонифацію съ цѣлью отклонить его отъ намѣренія, столь гибельнаго для ихъ отечества. Данте, сознавая важность возлагаемаго на него порученія, но въ то же время пугаясь мысли оставить бразды правленія въ неопытныхъ и слишкомъ слабыхъ рукахъ своихъ товарищей, долго колебался, не зная, на что ему рѣшиться. Тогда-то, волнуемый сомнѣніями, онъ про-

---

(*) Пріоры, въ числѣ шести, стояли во главѣ правленія всей республики.

изнесъ знаменитыя слова, самыя горделивыя, но и самыя правдивыя и сознательныя изъ тѣхъ, которыя когда-либо выходили изъ устъ государственнаго человѣка: «*Если я поведу—воскликнулъ онъ—кто останется? Если я останусь, кто поведетъ*» (*)? Но послѣ зрѣлаго размышленія онъ рѣшился поѣхать и отправился въ Римъ.

Бонифацій смотрѣлъ на Данте съ затаенной злобой, и только выжидалъ случая, чтобы излить на немъ свой гнѣвъ. Тѣмъ не менѣе, онъ принялъ его съ большимъ почетомъ и отвѣчалъ на его ходатайство двусмысленными обѣщаніями и съ притворной благосклонностью. Все готовилъ для гибели республики, онъ ублаживалъ бдительность ея посла несбыточными надеждами и старался разсеивать подозрѣнія, могущія возникнуть въ его душѣ.

Благодаря содѣйствію папы, слабости сеньориі (**) и легковѣрію флорентинскаго народа, французскій принцъ имѣлъ полный успѣхъ. Но забывъ свое званіе посредника и безпристрастнаго судьи, онъ тотчасъ же началъ оказывать предпочтеніе парти черныхъ и жестоко преслѣдовать всѣхъ, кто противился его вступленію во Флоренцію. Смертные приговоры сыпались въ огромномъ количествѣ на беззащитныхъ гражданъ, а имущества ихъ переходили въ руки Карла и обогащали его.

Одною изъ первыхъ жертвъ его мстительности и жадности былъ Алигieri.

Новый подеста, Канте Габриели да-Губбіо, желая угодить Карлу, избравшему его въ эту должность, не дожидаясь его привезенія, обнародовалъ указъ, присуждавшій Данте къ двухлѣтнему изгнанію и къ уплатѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней пени въ 8,000 флоринновъ и налагавшей запрещеніе на все его имущество. Затѣмъ, какъ-бы раскаяваясь въ столь кроткомъ приговорѣ, достойный слуга Валуа поспѣшилъ поправить свою ошибку. Въ тотъ самый день, когда истекалъ срокъ, назначенный для внесения штрафа, вышло новое предписаніе, гласившее, что если Данте Алигieri попадется въ руки исполнителей закона, то онъ безъ дальнѣйшаго суда и замедленія будетъ преданъ сожженію: «*igne comburatur sic quod moriatur*».

Поэтъ, между тѣмъ, вида какъ событія не соотвѣтствуютъ обѣщаніямъ папы, наконецъ убѣдился въ его вѣроломствѣ. Онъ покинулъ Римъ, проклиная Бонифація и собственное ослѣпленіе, и отправился въ Сиену, гдѣ впервые услышалъ о приговорѣ, лишившемъ его имущества и осуждавшемъ его на изгнаніе.

(*) S'io vo chi resta? S'io sto chi va?

(**) Такъ называлась во Флоренціи исполнительная власть.

Съ тѣхъ поръ началась для него гяжелая, исполненная заботъ и лишней, жизнь изгнанника. У него не было никакихъ средствъ къ существованію и ему ничего болѣе не оставалось, какъ жить со дня на день вспоможеніемъ сострадательныхъ людей. «Я уподобляюсь — писалъ онъ однажды съ сердцемъ, преисполненнымъ горечью — я уподобляюсь кораблю безъ парусовъ и безъ руля, носимому по волѣ вѣтра и валовъ, и мнѣ ежеминутно угрожаетъ опасность разбиться о крутые берега изгнанія. Я скитаюсь какъ странникъ, почти какъ нищій, противъ воли показывая всѣмъ и каждому отвратительную рану бѣдности, всю вину въ которой несправедливый свѣтъ перѣдко взваливаетъ на несчастнаго, отъ нея страдающаго, тогда какъ онъ есть не что иное, какъ ея жертва».

Наконецъ, истощенный нравственными и физическими страданіями, томимый непреодолимымъ желаніемъ увидѣть родину, онъ написалъ къ флорентинцамъ трогательное письмо, въ которомъ умолялъ ихъ позволить ему возвратиться въ отечество. Но флорентинцы, вслѣдствіе какого-то непонятнаго упрямства, отвѣчали ему отказомъ.

Мы не можемъ слѣдить за поэтомъ шагъ за шагомъ въ его продолжительномъ и тягостномъ странствованіи. Скажемъ только, что онъ переходилъ изъ страны въ страну, изъ города въ городъ, изъ дома въ домъ, получая гдѣ кусокъ хлѣба, гдѣ гостепріимство. Болонья, Верона, Падуа, Лумиджана, Лондонъ и Парижъ, по очереди, имѣли его въ своихъ стѣнахъ. Когда же онъ въ 1311 году вернулся въ Италію, судьба вздумала наградить его многолетней улыбкой.

Императоръ Генрихъ VII, наслѣдовавшій Альберту австрійскому, возымѣлъ великодушное намѣреніе возстановить имперію въ Италіи. Обстоятельства повидимому ему благопріятствовали и надежда на успѣхъ снова оживила сердца патриотовъ.

Генрихъ короновался въ Миланѣ итальянскимъ королемъ въ январѣ 1311 года. Вскорѣ послѣ того, къ нему присоединился Данте и обѣщался поддерживать его права на римскую имперію всѣми силами своего ума и краснорѣчія. Онъ сдержалъ свое слово, написавъ книгу: *О монархii*.

Въ Тосканѣ Генрихъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Виродженіе двухъ мѣсяцевъ стоялъ онъ передъ Флоренціей, стараясь склонить ее на свою сторону, но наконецъ, видя, что всѣ усилія его разбиваются о рѣшимость флорентинцевъ не сдаваться ни на его увѣщанія, ни на угрозы, снялъ осаду и удалился въ Буонконвенто. Здѣсь ожидали его измѣна и смерть. Одинъ доминиканскій монахъ отравилъ его.

Съ этого рокового дня, жизненный горизонтъ Данте окончателъно омрачился. Его любовь къ Генриху и надежды, которыя онъ на него возлагалъ, были послѣднимъ свѣтлымъ лучомъ въ его существованіи. Мы, какъ и всегда, находимъ въ Божественной комедіи отголосокъ этихъ чувствованій поэта къ великодушному императору. Въ XXX пѣснѣ Рая, Беатриче, показывая Данте самыя высокія степени славы и блаженства, говорить:

«На этомъ высокомъ тронѣ, привлекающемъ твои взоры, вслѣдствіе висящей надъ нимъ короны, воссядетъ душа великаго Генриха, который на землѣ получитъ названіе августѣйшаго и будетъ возстановителемъ мира въ Италіи» (*).

Видя, какъ всѣ попытки гибелиновъ вырвать Тоскану изъ рукъ непріятеля оставались безъ успѣха, Данте рѣшился вторично обратиться къ флорентинцамъ съ просьбою о позволеніи возвратиться на родину. На этотъ разъ онъ получилъ желаемое разрѣшеніе, но оно сопровождалось условіями столь оскорбительными и унижительными для человѣческаго достоинства, что онъ съ негодованіемъ отвергнулъ ихъ.

«Такимъ ли образомъ — писалъ онъ — слѣдуетъ призывать на родину Данте Алигieri, послѣ пятнадцатилѣтняго изгнанія? Того ли заслуживаетъ моя невинность, всѣмъ и каждому очевидная? Къ тому ли должны были меня привести мои труды и моя дѣятельность? Прочь отъ меня, философа, подобная низость, достойная подлага сердца; прочь отъ меня и самая мысль о возвращеніи къ вамъ подобно злодѣю или несчастному идиоту, которые, кааясь съ веревкой на шеѣ, предлагаютъ за себя выкупъ. Прочь отъ меня провозвѣстники правосудія: оскорбленный моими братьями, я заплатилъ обидѣвшимъ меня благодареніями!... Если во Флоренцію нельзя войти путемъ чести, то я никогда болѣе не увижу моея родины».

Послѣ этого благороднаго отказа, Алигieri продолжалъ вести скитальческую жизнь, единственнымъ утѣшеніемъ которой было сознаніе собственной независимости. Онъ никогда не оставался долго въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но постоянно странствовалъ, размышляя, изучая природу и занимаясь своими литературными трудами. Наконецъ, утомленный этой жизнью, безъ отдыха и лишенный всякой радости, онъ согласился принять радушное приглашеніе Гвидо Новелло де'Поментани, который предлагалъ ему у себя въ Равенѣ жилище и совершенно независимое положеніе. Но знаменитый изгнанникъ недолго пользовался этими благами, слишкомъ поздно выпавшими ему на долю: его истощенное тѣ-

(* Рая. Пѣс. XXX.

ло и утомленный дух стремились къ болѣе полному спокойствію могилы.

Онъ скончался на рукахъ Гвидо де'Полентани 13 сентября 1321 года, послѣ кратковременной болѣзни и на 57-мъ году своей жизни. Послѣднія слова его были обращены къ этому вѣрному другу; послѣдній вздохъ его принадлежалъ Беатриче, послѣднее сожалѣніе—дѣтямъ, послѣдняя мысль—отечеству.

Прахъ его и понынѣ покоится въ Равенѣ, въ небольшой часовнѣ, воздвигнутой стараніями Полентани. Римъ почтилъ память поэта, поручивъ рѣзцу Кановы воспроизвести черты его при входѣ въ эту часовню. А во Флоренціи, подъ величественными сводами церкви св. Креста, этого національнаго Пантеона, возвышается въ честь Данте Алигьеріи великолѣпный саркофагъ. Его окружаютъ памятники Макиавели, Микель-Анджело и Галлея—памятники всего, чтѣ есть самага велиаго въ области политики, литературы, науки и искусства.

Сложивъ въ могилу бранные останки поэта, перейдемъ теперь къ его поэмѣ, къ этому величавому памятнику политической и гражданской реформы, которую онъ завѣщалъ Италіи.

Данте начинаетъ поэму разсказомъ о томъ, какъ, дойдя до половины «жизненной дороги», онъ заблудился въ дикомъ, дремучемъ лѣсу. Послѣ утомительной ночи, проведенной въ тѣтнхъ усліяхъ выбраться на прямую дорогу, онъ достигаетъ подножія холма, позлащеннаго первыми лучами восходящаго солнца. Онъ немного отдыхаетъ и затѣмъ начинаетъ взбираться на холмъ, какъ вдругъ его останавливаетъ появленіе пантеры, которая преграждаетъ ему путь. Въ испугѣ онъ готовъ отказаться отъ своего намѣренія, но пестрая шкура животнаго, свидѣтельствующая объ его измѣнчивомъ нравѣ, утрення прохлада и чарующее обоніе весны возвращаютъ ему бодрость духа и спокойствіе. Онъ уже готовится ити далѣе, но снова останавливается при видѣ льва и волчицы. Страшныя эти животныя окончателно лишаютъ его мужества, отнимаютъ у него всякую надежду на возможность достигнуть вершины горы и гонять его внизъ. Но въ то самое время, когда онъ стремглавъ катится назадъ, взорамъ его представляется образъ человѣка или, лучше сказать, легкой тѣни, и онъ обращается къ ней съ мольбой о помощи. Это—Виргилій. Онъ говоритъ Данте о зломъ нравѣ волчицы, о томъ, какъ она, выйдя изъ ада, «совокупляется со множествомъ животныхъ» и какъ она будетъ составлять несчастіе людей, пока не придетъ песь, который станетъ гнать ее изъ города въ городъ и наконецъ снова ввергнетъ въ адъ. Затѣмъ Виргилій объявляетъ, что если Данте желаетъ выдти изъ этого днваго мѣста, то ему

слѣдуетъ идти другимъ путемъ. Онъ обѣщается 'быть его проводникомъ и показать ему тѣни грѣшниковъ, осужденныхъ на вѣчное страданіе, души тѣхъ, которые, проходя сквозь очистительное пламя, надѣются достигнуть вѣчнаго блаженства и наконецъ привести его въ жилище праведниковъ. Путь къ этимъ послѣднимъ ему уважаетъ Беатриче.

Данте, согласно духу эпохи и сложному характеру своей поэмы, ввелъ въ нее алегорію и сдѣлалъ изъ нея фундаментъ, на которомъ воздвигъ тройное царство замoglobinаго міра.

Вотъ какъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ понимать эту алегорію.

Италія сходитъ съ высоты римской цивилизаціи въ мрачную долину невѣжества, по другую сторону которой возвышается и сіяетъ гора новѣйшей цивилизаціи. Въ глубинѣ долины лежитъ дремучій лѣсъ—явный намѣкъ на времена варварства. Размышляя о бѣдственномъ состояніи, въ каѳое она впала, Италія приходитъ въ ужась и сама не можетъ дать себѣ отчета въ томъ, какимъ образомъ она дошла до такого униженія.

Но вотъ занялась заря новаго, XIV вѣка; ее-то и изображаетъ холмъ, освѣщенный первыми лучами новой науки и новаго языка. У подошвы горы, при блескѣ молодого солнца, Италія на мгновеніе останавливается и бросаетъ взглядъ назадъ. Она смотритъ и видитъ роковые предѣлы, за которые дотолѣ ни одна нація не могла перешагнуть. Египетская, греческая и всѣ другія цивилизаціи, достигнувъ высшей точки развитія, какой могли достигнуть по своей природѣ, внезапно упали въ мрачную долину и въ ней исчезали навѣки, а если и являлись снова міру, то совершенно преобразованными и слитыми съ началами новой жизни и съ интересами другого народа. Одной Италіи предстояло выдти побѣдительницей изъ мрака, въ который она была низвергнута, возродиться самой подъ благотворнымъ лучомъ новой и болѣе прочной цивилизаціи, и озарить ея другіе народы. И дѣйствительно, послѣ небольшого отдыха, она, все олицетворяемая своимъ поэтомъ, снова пускается въ путь по обнаженной и пустынной крутизнѣ, поддерживаемая надеждой достигнуть вершины горы. Но почти при самомъ началѣ восхожденія, Флоренція, проворная и легкая пантера (безпрестанно мѣняющая партіи) съ пестрой шкурой, одѣтая въ цвѣта *блѣхъ* и *чернилъ*, преграждаетъ Италіи путь и заставляетъ ее нѣсколько разъ сворачивать съ дороги.

Но то былъ первый часъ дня, въ который Сынъ Божій искупилъ родъ человѣческій; то было время весны, когда природа, пробуждаясь отъ сна, начинаетъ весело улыбаться. Все, казалось,

предвѣщало Италіи новую и счастливую будущность и подавало надежду побѣдить Флоренцію, тѣмъ болѣе, что этотъ городъ былъ раздѣленъ на партіи и не могъ успѣшно противиться прогрессивному ходу цѣлаго народа. Какъ вдругъ Франція въ лицѣ Филиппа-Красиваго и Карла Валуа возстаетъ противъ нея подъ видомъ льва, сильная, гордая и жадная къ деньгамъ. Въ то же самое время Римъ, тощая волчица, пресполненная всѣхъ желаній и которая уже

Для многихъ въ жизни сей была отравой (*)—

является, чтобы терзать Италію и парализировать ея старанія выдти изъ невѣжества. Эта волчица наступаетъ на несчастную націю, лишаетъ ее всякой надежды войти на вершину горы и гонить ее туда, гдѣ «солнца лучъ угасъ», т.-е. туда, гдѣ разумъ, дѣятельность и жизнь народовъ находятъ себѣ смерть.

По мнѣнію Данте, только одно средство могло спасти Италію. Оно заключалось въ образованіи политическомъ, философскомъ и христіанскомъ, распространяемомъ посредствомъ поэзіи. Но чтобы поэзія дѣйствительно могла возвратить Италію на истинный путь и ее на немъ удержатъ, ей слѣдовало облечься въ народную итальянскую форму и обратиться за содержаніемъ къ богатому источнику народныхъ преданій. Она должна была гармонировать съ евангельскимъ ученіемъ и политическими началами, которыя ругались бы за возможность политическаго возрожденія—однимъ словомъ, ей надлежало сдѣлаться итальянской, христіанской и монархической.

Виргилій является на помощь этому патріотическому дѣлу. Осужденный на молчаніе впродолженіе эпохи варварства, онъ снова выходитъ на сцену, предлагаетъ себя въ проводники Италіи и общается вести ее по пути новой цивилизаціи. Италія со своей стороны проситъ его во имя любви, съ какою она хранила его произведенія, избавить ее отъ роковой волчицы—врага науки и образованія. Виргилій тогда отвѣчаетъ Италіи, обращаясь къ ея поэту (**):

«Держать ты долженъ путь другой огнищѣ,
Онъ отвѣчалъ, увидѣвъ скорбь мою:
«Коль умереть не хочешь здѣсь въ пустынѣ.
Сей лютый звѣрь, смутавшій грудь твою,
Въ пути своемъ другихъ не пропускаетъ,
Но путь пресѣвши губить всѣхъ въ божу,
И свойствомъ онъ столь вреднымъ обладаетъ,
Что, въ алчности ничѣмъ не утоленъ,
Вслѣдъ за ждой еще сильнѣй алкаетъ.

(*) Адъ. Пѣс. I.

(**) Адъ. Пѣс. I.

Онъ съ множествомъ животныхъ сопряженъ,
 И съ многими еще совокупится;
 Но близокъ пёсъ, предъ кѣмъ надохнетъ онъ.
 Не мѣдь съ землей псу въ пищу обратится,
 Но добродѣтель, мудрость и любовь;
 Межъ Фельтро и межъ Фельтро пёсъ родится,
 Италию рабу спасетъ онъ вновь,
 Въ честь коей дѣва умерла Камилла,
 Турнь, Эвриаль и Низъ пролили кровь.
 Изъ града въ градъ помчуть волчицу сила,
 Доколь ее не заключить въ аду,
 Откуда зависть въ мѣръ ее пустыня.

Предметъ огромной эпопеи Данте составляетъ человекъ. Руководимый нравственной философiей и добродѣтелью, онъ торжествуетъ надъ порокомъ, достигаетъ счастья на землѣ, и просвѣщенный наукой о божествѣ или богословiемъ, дѣлается достойнымъ соучастникомъ вѣчнаго блаженства.

Чтобы укрѣпить въ добрѣ челоуѣчество и въ особенности итальянскiй народъ, Алигieri посредствомъ разума и философiи показываетъ, какъ грѣхъ карается превѣчнымъ правосудiемъ, и вотъ передъ нами *Адъ*. Затѣмъ, съ помощью той же философiи, онъ указываетъ на раскаянiе и на дѣятельность, какъ на средства, которыя могутъ искупить проступки. Онъ подаетъ надежду на спасенiе, и мы видимъ передъ собой *Чистилище*. Наконецъ, вооруженный богословiемъ, онъ показываетъ, какъ человекъ, просвѣщенный на счетъ своихъ заблужденiй и очищенный отъ житейской грязи, возвышается до лицезрѣнiя Бога, источника всякой правды и всякаго блага, и достигаетъ вѣчнаго блаженства, и передъ нами возстаетъ величественная картина *Рая*.

Сообразно съ этой мыслью, вся поэма раздѣляется на три *имена*, которые соотвѣтствуютъ тройному лучу, освѣщающему челоуѣчество свыше: могуществу, любви и премудрости. Три лица играютъ въ немъ главную роль: Данте, Виргилiй и Беатриче, олицетворяющiе собой: человекъ, философiю и богословiе. Всѣ части поэмы гармонируютъ одна съ другою и согласуются съ цѣлымъ посредствомъ мистическаго соотношенiя чиселъ трехъ и девяти. *Адъ* раздѣляется на девять круговъ, *чистилище*—на девять ступеней, *рай*—на девять сферъ. Каждый гимнъ состоитъ изъ тридцати-трехъ пѣсней, не считая одной отдѣльной, которая стоитъ въ началѣ поэмы и служитъ какъ-бы введенiемъ. Каждый изъ гимновъ оканчивается словомъ *звѣзда*—символической цѣлью всѣхъ стремленiй поэта.

Мы уже видѣли, какъ Данте, искушенный появленiемъ пантеры, льва и волчицы и готовый возвратиться назадъ въ мрачную

долину, былъ ободренъ Виргилиемъ, его совѣтами и обѣщаніемъ не покидать его въ трудномъ странствованіи, которое ему надлежало предпринять. Онъ слѣдуетъ за своимъ вождемъ съ любопытствомъ, но робко и боязливо. Сердце его преисполнено различныхъ ощущеній. Онъ то чувствуетъ неизмѣримое состраданіе къ мученіямъ грѣшниковъ и, облокотясь о скалу, громко рыдаетъ, то, объятый ужасомъ, падаетъ безъ чувствъ, то, воспламененный гнѣвомъ, раздражается проклятіями противъ людей и городовъ, которые оказались виновными въ проступкахъ, наиболѣе возбуждающихъ его негодованіе.

Путешествіе это совершается въ 1300 г. Оно начинается въ четвергъ на страстной недѣлѣ и оканчивается въ торжественный день пасхи. Въ этотъ короткій промежутокъ времени, Данте не только успѣваетъ включить исторію прошедшаго, но еще предсказываетъ о превратностяхъ, которыя ожидали въ будущемъ его самого и Италію.

На вратахъ ада Данте читаетъ страшную надпись (*):

Здѣсь мною входить въ скорбный градъ къ мученьямъ,
 Здѣсь мною входить къ мукамъ вѣковой,
 Здѣсь мною входить къ падшимъ поколѣньямъ.
 Подвигнуть правдой вѣчный Зодчій мой:
 Господня слава, разумъ всемогущій
 И первыя любви духъ святой
 Меня создали прежде твари сущей,
 И послѣ вѣчныхъ, и мнѣ вѣка нѣтъ:
 Оставь надежду всякъ, сюда идущій.

Густой лѣсъ скрываетъ входъ въ царство тьмы и оставляетъ обнаженной только небольшую покатошь, которая служитъ берегомъ Ахерону. На этомъ берегу пребываетъ тотъ печальный родъ, что

Жилъ безъ хулы и славы бытія (**).

Тамъ, говоритъ поэтъ:

Тамъ въ воздухѣ безъ солнца и свѣтилъ
 Грохочутъ въ безднѣ вздохи, плачь и крики,
 И я заплакать, лишь туда вступилъ.
 Смись лязговъ, рѣчей ужасныхъ влики,
 Порывы гнѣва, страшной боли стонъ
 И съ влоскомъ рукъ то хрипный гласъ, то дикій,
 Рождаютъ гулъ и въ вѣкъ кружится онъ
 Въ пучахъ, иглой безъ времени покрытой,
 Какъ прахъ, когда крутится аквилонъ.

(*) Адъ. Пѣс. III.

(**) Адъ. Пѣс. III.

Мученье этихъ грѣшниковъ, которыхъ

... отвергли навсегда
Господь и врагъ, ведущій съ нимъ раздоръ (*),

состоять въ томъ, что цѣлые рои мухъ и ось язвятъ ихъ обнаженныя тѣла. Харонъ плаваешь въ своей ладѣ по Ахерону и перевозитъ черезъ него грѣшниковъ на противоположный берегъ, гдѣ начинается первый кругъ ада. Тамъ, испуская вздохи, которые заставляютъ трепетать воздухъ, томятся души тѣхъ, что жили безъ грѣха, но и безъ вѣры. Это—души древнихъ ученыхъ и героевъ, ненавшихъ истиннаго Бога. Они не терпятъ никакой муки и страдаютъ только оттого

Что безъ надеждъ желаніемъ живутъ (**)

и не могутъ видѣть Бога.

Подъ этимъ кругомъ простирается второй, менѣе обширный:

Срежещетъ тамъ Минносъ, ужасный духъ,
Искаждуетъ грѣхи у входа, судить
И шлетъ, смотря какъ обовѣтся вокругъ.
Я говорю: едва къ нему прибудетъ
На покаянье злая тѣнь и сей
Всѣхъ прегрѣшеній вѣдатель разсудить:
Какое мѣсто въ адѣ выбрать ей—
Хвостъ столько разъ онъ вокругъ себя свиваетъ,
На сколько внизъ низпасть ей ступеней (***)

Данте и Виргилій вступаютъ туда,

Гдѣ воздухъ воетъ, какъ въ часъ бури море,
Когда сразятся вѣтры средь зыбей.
Подземный вихрь, бушуя на просторѣ,
Съ толпою душъ кружится въ царствѣ мглы:
Разя, вращая, умножаетъ горе.

Вихрь втораго круга производитъ дождь, смѣшанный съ градомъ, подъ которымъ въ третьемъ кругѣ казнятся обжоры. Ихъ стережетъ

Тамъ Церберъ, звѣрь свирѣпый, безобразный,
который

По песнѣ лаетъ пастию тройной
На грѣшный родъ, увязшій въ тинѣ грязной.

(*) Адъ. Пѣс. III.

(**) Адъ. Пѣс. III.

(***) Адъ. Пѣс. V.

Онъ съ толстымиъ чревомъ, съ сальнойъ бородой,
 Съ ногтями на лапахъ, съ красными глазами,
 Хватаетъ змыхъ, рветъ кожу съ нихъ долой (*).

Въ четвертомъ кругѣ помѣщены скупые и расточительные; они ворочаютъ огромными камнями. Катя ихъ въ противоположныя стороны полукругомъ, они сталкиваются другъ съ другомъ, осыпаютъ другъ друга ругательствами, расходятся и снова принимаютъ за ту же работу.

Ливень третьяго круга образуетъ потокъ, который въ пятомъ кругѣ разливается въ озеро стоячей воды и образуетъ смрадное болото, *Стиксъ*, окружающее адскій городъ *Дисъ*. На поверхности этого озера барахтаются гнѣвные, а завистливые погружены въ болотную тину, и постоянно въ ней захлебываются.

У окраины болота возвышается башня, исполняющая роль адскаго телеграфа. На ней зажигаются два огонька, которые возвѣщаютъ приближеніе грѣшниковъ къ городу Дису. На этотъ сигналъ отвѣчаютъ другимъ подобнымъ же изъ самаго города, и кормицѣ адскаго болота, Флегіасъ, немедленно отправляется на встрѣчу осужденнымъ. Онъ осыпаетъ ихъ бранью, и мчитъ по озеру съ необычайной быстротой.

Рой демоновъ охраняетъ входъ въ городъ Дисъ, и преграждаетъ путь Данте и Виргилію. Но является ангель, укропаетъ демоновъ, и открываетъ врата адскаго города. Тамъ, въ полуоткрытыхъ могилахъ, изъ которыхъ выходитъ пламя, горятъ въ вѣчномъ огнѣ невѣрующіе, еретики и распространители ереси.

Площадка, на которой расположенъ городъ Дисъ, оканчивается обрывомъ; за нимъ начинается седьмой кругъ въ видѣ глубокой пропасти, издающей страшное зловоніе. Въ нее должны спуститься желающіе проникнуть далѣе въ Адъ.

Минотавръ охраняетъ этотъ седьмой кругъ, который раздѣляется на три отдѣла, гдѣ караются провинившіеся въ насиліи противъ ближнихъ, противъ природы и противъ Бога. На днѣ круга находится глубокій ровъ, наполненный кровью. Въ него погружены тираны. Центавры, вооруженные луками, подстерегаютъ тѣни, которыя поднимаются надъ кровавымъ потокомъ болѣе, нежели имъ дозволено, и пускаютъ въ нихъ стрѣлы. Это — первый изъ трехъ отдѣловъ. Во второмъ наказываются самоубійцы. Они превращены въ ядовитыя и сучковатыя деревья. Въ нихъ гнѣздятся Гаріи, которыя рвутъ и ѣдятъ ихъ листья. Въ третьемъ отдѣлѣ простирается сухая, бесплодная степь, гдѣ подъ полосами огненнаго ливня, карается насиліе противъ природы,

(*) Адъ. Пѣс. VI.

противъ искусства и противъ Бога. Эта пустыня простирается вдоль лѣса, откуда вытекаетъ рѣка Флегетонъ, вода которой, равно какъ и воды другихъ адскихъ рѣкъ, получаетъ начало отъ слезъ статуи Времени, воздвигнутой изъ различныхъ металловъ и возвышающейся на островѣ *Крета*. Рѣка течетъ въ нижнюю часть ада, гдѣ образуетъ ледяное озеро *Джудекки*.

Восьмой кругъ называется *Злыми Рвами* (Malebolge), и отличается крутизною своихъ береговъ. Тамъ пребываетъ *Гереконъ*, крылатое чудовище, олицетвореніе обмана и лжи. Онъ на спинѣ переноситъ обоихъ поэтовъ въ Злые Рвы, соединенные между собою мостами, изъ которыхъ одинъ сломанъ. Этихъ рововъ число десять, и въ нихъ наказываются различнаго рода обманн. Въ первомъ изъ нихъ, демоны безпощадно бичуютъ обольстителей. Во второмъ вопять и стонуть льстецы, погруженные въ зловонную жидкость. *Симонисты* или люди, торговавшіе святыми вещами, занимаютъ третій ровъ. Они уткнуты головою внизъ, въ отвратительныя ямы, между тѣмъ какъ ноги ихъ торчатъ вверхъ и сожигаются огнемъ. Сюда поэтъ помѣщаетъ многихъ папъ, въ томъ числѣ Николая III, и здѣсь же заранѣе готовится мѣсто Бонифацію VIII. Ихъ жадность къ деньгамъ и образъ жизни, недостойный ихъ высокаго назначенія, возбуждаютъ въ Алигieri благородный гнѣвъ, который онъ выражаетъ въ сильной рѣчи, заслуживающей похвалы *Виргиліа*. Вотъ какъ онъ описываетъ свою встрѣчу съ *Николаемъ III*. Увидя грѣшника, который повидимому страдаетъ болѣе прочихъ, Данте обращается къ нему съ вопросомъ (*):

«Злосчастный духъ, ты скрывшій ликъ внутри!
Кто бы ни былъ ты, утнутый здѣсь какъ плаха;
Такъ началъ я: «Коль можешь, говори».

Имѣлъ я видъ духовника-монаха,
Къ которому засыпанный злодѣй,
Чтобъ жизнь продлить, вьмываетъ изъ-подъ праха.

Но духъ кричалъ: «Ага! ужъ въ лихъ сей,
Ужъ въ лихъ сей стоишь ты, Бонифацій?
Такъ я обмануть хартіей моей?»

Ты ль пресмыченъ на лонѣ благодати
Стиханьемъ благъ, для коихъ смѣлъ нанести
Женѣ прекрасной срамъ своихъ объятій?»

Какъ человекъ, чей умъ не могъ прочесть
Словъ сказанныхъ, нѣмѣть безъ отвѣта—
Такъ я не могъ ни слова произнести».

Тогда поэтъ: «Скажи ему на это,
Что ты не тотъ, не тотъ, кого онъ ждалъ».
И я сказалъ ему слова поэта.

(*) Адъ. Пѣс. XIX.

Тогда ногами духъ затрепеталъ
И рекъ, възмчал, въ горести жестокой:
«Скажи, чего жь ты отъ меня желаешь?

Но если ты спустился въ ровъ глубокой,
Горы желаньемъ обо мнѣ увзвать,
Такъ знай: вѣнчанъ тиарой я високой.

И впрямь была медвѣдица мнѣ мать (*):
Для медвѣжатъ въ мѣшокъ сгребалъ я злато,
А здѣсь и самъ попасть въ мѣшокъ, какъ тать.

Въ провалъ скалы уже немало взято
Папъ симонистовъ, бывшихъ до меня:
Всѣ подо мной исчезли безъ возврата.

И я за ними свергнуся въ пылъ огня,
Лишь придетъ тотъ, за коего ты принять,
Когда вопросъ поспѣшннй сдѣлалъ я.

Однакожь онъ скорѣй, чѣмъ я, покинетъ
Провалъ, гдѣ я главою водруженъ:
За нимъ придетъ (и насъ собой задвинетъ)

Отъ запада поправшій весь законъ
Верховный жрецъ (**). Всѣмъ міромъ проглатнаемъ,
Сей папиръ будетъ повый Іасонъ

(У макавеевъ мы о немъ читаемъ),
И какъ того сирійскій царь ласкалъ,
Такъ королемъ французскимъ онъ ласкаемъ».

Быть можетъ, слишкомъ много я сказалъ,
Ему отвѣтивъ съ укоризной злою:
«Скажи жь ты мнѣ: какихъ сокровищъ ждалъ

Господь, когда вручилъ своей рукою
Ключи Петру? Повѣрь мнѣ, ничего
Онъ не желалъ, квъкъ лишь: иди за мною.

А Петръ и тѣ, что вмѣсто одного
Съ душой коварной избрали Матея,
Сребра ли, злата ль ждали отъ него?

Такъ стой же здѣсь и вѣчно пламенѣя,
Блуди мѣшокъ съ безчестной издой своей,
Для коей шелъ на Карла, не робѣя:

И еслибъ я не уважалъ ключей,
Которыми, пріявъ свой санъ высокій,
Ты въ свѣтлой жизни управлялъ, злодѣй —

Я бь жестокой привелъ тебѣ упреки:
Вашъ алчный духъ всѣмъ въ мірѣ омерзѣлъ,
Точка добро и возноси пороки.

Васъ, папирей, апостольгъ разумѣлъ,
Когда средь водъ сидящую съ царями
Великую блудницу онъ узрѣлъ.

Она, рожденная съ семью главами,
Доколѣ мужъ ея любилъ добро,
Имѣла силу съ десятью рогами.

Вамъ стала богомъ злато и сребро

(*) Николай III былъ изъ фамиліи Орсини. *Орга* значить,—медвѣдица.

(**) Папа Климентъ V.

Невѣрныхъ лучше ль вы? По крайней мѣрѣ,
Ихъ Богъ одинъ, у васъ ихъ нинѣ сто.

О, Константинъ! не обращаемъ къ вѣрѣ,
А тѣмъ, что первому отцу ты далъ,
Какъ много зла родилъ ты въ семь примѣрѣ!

Пока ему я это напѣвалъ,
Не знаю, гнѣвомъ, совѣстью ль терзался,
Ногами сильно грѣшникъ потрясалъ.

За то мой вожь, казалось, утѣшался:
Съ такой улыбкой слушалъ онъ слова,
Въ которыхъ гнѣвъ правдивый выражался.

Далѣе, въ четвертомъ рѣвѣ восьмого круга наказываются чародѣи и прорицатели. У нихъ повернуты лица назадъ, вслѣдствіе чего они должны пятиться назадъ, потому что не видятъ впередъ. Взяточники, или свѣтскіе симонисты, помѣщены въ слѣдующемъ рѣвѣ, гдѣ они погружены въ озеро кипящей смолы. Въ шестомъ казнятся лицемѣры. У нихъ головы обутаны въ свинцовые шапоны, которые сверху позолочены, а внутри ихъ сильно давятъ. Въ седьмомъ рѣвѣ змѣи жалятъ воровъ, душатъ ихъ своими кольцами и совершаютъ съ ними разныя превращенія. Далѣе слѣдуетъ восьмой ровъ. Въ немъ души злыхъ совѣтниковъ носятъ въ воздухѣ, заключенныя въ пламенные языки. Между ними поэтъ находитъ извѣстнаго воина Гвидо ди-Монтефельтро, который на старости лѣтъ постригся въ монахи францисканскаго ордена, надѣясь загладить этимъ преступленія предъидущей своей жизни. Онъ казнится здѣсь за хитрый и жестокий совѣтъ, который однажды подалъ Бонифацію VIII. Этотъ папа ненавидѣлъ семейство Колонна, и всячески старался его унижить. Ему удалось разорить нѣкоторыя изъ принадлежавшихъ ему крѣпостей, но онъ встрѣтилъ сильное и мужественное сопротивленіе, когда вздумалъ осадить городъ Палестрину. Въ высшей степени раздраженный этой неудачей, Бонифацій обратился за совѣтомъ къ графу Гвидо ди-Монтефельтро. Вызвавъ его изъ монастыря, онъ напомнилъ ему объ обѣтѣ безпрекословнаго повиновенія духовнымъ властямъ, и затѣмъ потребовалъ, чтобъ онъ ему указалъ на способъ, посредствомъ котораго можно было бы заставить Палестрину сдаться. Гвидо, осмотрѣвъ крѣпость, объявилъ, что ея невозможно овладѣть силою, но въ то же время наметнулъ на существованіе другого средства, о которомъ онъ не рѣшается говорить изъ боязни согрѣшить. Тогда св. отецъ поспѣшилъ успокоить совѣсть монаха, давъ ему предварительное отпущеніе въ грѣхѣ, изъ котораго намѣревался извлечь для себя выгоду, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ открытія тайны. Гвидо, неудерживаемый болѣе никакими сомнѣніями, произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: «Объщайте много и ничего не выполняйте». Затѣмъ онъ возвра-

тился въ свой монастырь, а Бонифацій предложилъ осажденнымъ сдаться, на весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Крѣпость сдалась, и жестоко поплатилась за свое довѣріе.

Этотъ лицемѣрный поступокъ монаха, обманъ и предварительное отпущеніе, дарованное папою во грѣхѣ, совершенномъ въ его пользу и по его требованію, обратилось въ рукахъ Данте въ оружіе, которымъ онъ беспощадно поражаетъ Бонифація и его достойнаго слугу. Гвидо ди-Монтефельтро самъ рассказываетъ поэту о своемъ преступленіи, и кается въ немъ. Этотъ рассказъ принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ эпизодамъ «Божественной Комедіи».

Въ девятомъ рвѣ демонъ, вооруженный мечомъ, поражаетъ распространителей ереси и свѣтелъ несогласій. Онъ наноситъ имъ раны, и разсѣкаетъ ихъ тѣла на части, которыя тотчасъ соединяются и заживаютъ, чтобы снова получать удары и раны. Въ десятомъ и послѣднемъ изъ «Злыхъ Рвовъ», страдаютъ отъ лихорадки съ тѣлами, покрытыми отвратительными язвами, алхимии и дѣлатели фальшивыхъ монетъ.

Наконецъ поэты достигаютъ девятаго круга, который, вслѣдствіе постепеннаго сжуживанія адской пропасти, имѣетъ видъ узгаго, обрывистаго колодца. Стѣны его поддерживаются страшными великанами. Одинъ изъ нихъ беретъ Данте и Виргилія на край восьмого круга, и спускаетъ ихъ въ мрачный колодезь.

Тамъ различнаго рода измѣнники караются въ ледяномъ озерѣ, которое состоитъ изъ четырехъ частей: изъ *Каины*, гдѣ содержатся души измѣннившихъ своимъ родственникамъ; изъ *Антеноры*, гдѣ находятся измѣнники отечеству; изъ *Толомеи*, куда помѣщены измѣнники друзьямъ, и изъ *Джидежки*, гдѣ пребываютъ убійцы Цезаря — Брутъ, Кассій, и Іуда, предавшій Христа.

Сатана, или Дисъ, или Люциферъ, стоитъ въ центрѣ адской пропасти. Онъ машетъ громадными крыльями, и тѣмъ самымъ производитъ вѣтеръ, который леденитъ воды всего девятаго круга. Поэтъ говоритъ, что когда онъ былъ низвергнутъ съ неба, то, падая на землю, вонзился въ нее какъ стрѣла и образовалъ пустоту, которая и составляетъ адскую пропасть. Затѣмъ, огромное тѣло до половины выдвинулось въ противоположную сторону, и подняло гору Чистилища. Вотъ какъ самъ поэтъ описываетъ ужасъ, овладѣвшій имъ при видѣ Люцифера, и какъ онъ изображаетъ этотъ источникъ всякаго зла (*):

Какъ я вѣмѣлъ, какъ леденѣла кровь,
Тебѣ, читатель, я сказать не въ силахъ:
То выразить ни чьихъ не станетъ словъ.

(*) Адъ. Пѣс. XXXIV.

Не умеръ я, но жизнь застыла въ жилахъ:
 Вообрази жъ, чѣмъ въ ужасѣ я сталъ,
 И жизнь и смерть утративъ въ ихъ могиллахъ.

Владыка царства вѣчныхъ слезъ возсталъ
 До полу-груди надъ льдиной пещерой,
 И предъ гигантомъ я не такъ былъ малъ,

Какъ малъ гигантъ предъ дланью Люцифера:
 Представъ же самъ, каковъ былъ ростъ его,
 Коль члены въ немъ столь страшнаго размѣра.

И если онъ, возставъ на своего
 Творца, такъ гнусенъ сталъ, какъ былъ прекрасенъ,
 То онъ отецъ, конечно, зла всего.

О, дивный видъ! какъ былъ мнѣ Дисъ ужасенъ,
 Когда узрѣлъ я три лица на немъ:
 Одинъ передній—былъ какъ пламя красенъ;

Другіе жъ два сливались съ тѣмъ лицомъ
 Въ средній плечъ и, сросшись у вершины,
 Вадмались гребнемъ надъ его челомъ.

Былъ блѣдно-желтъ ликъ правой половины;
 Но тотъ, что слѣва, цвѣтъ имѣлъ людей,
 Живущихъ тамъ, гдѣ Нилъ падетъ въ долины.

Шесть грозныхъ крылъ, причичныхъ птицѣ сей,
 Подъ каждымъ ликомъ по два выходили:
 Такихъ вѣтрилъ не зрѣлъ я средь морей.

Безперья, на крылья походили
 Нетопыря: такъ ими онъ махалъ,
 Что вѣзъ-подъ нихъ три вѣтра бурей выли;

Кочить же весь отъ стужи замерзалъ.
 Шестью очами плакалъ онъ и токомъ
 Кровавыхъ слезъ три груди орошалъ

Какъ миами онъ въ каждомъ ртѣ глубокомъ
 Дробилъ въ зубахъ по грѣшнику, зарази
 Казня троекъ въ мученіи жестокомъ.

Но мощь зубовъ переднему сто разъ
 Сносиѣ даль, которыми по кожѣ
 Спины его онъ проводилъ подчасъ.

И вождь сказалъ: «Вонъ тотъ, казнимый строже,
 Съ главой внутри, съ ногами въ зубовъ —
 Искариотъ на раскаленномъ ложѣ!

Изъ двухъ другихъ висящихъ внизъ духовъ—
 Вотъ Брутъ торчитъ главой изъ пасти темной:
 Смотри, какъ тамъ крутится онъ безъ словъ!

А тотъ плечистый — Касій вѣроломный.
 Но сходить ночь: уже пора намъ въ путь;
 Все видѣли мы въ безднѣ сей огромной».

Цѣпляясь за длинную шерсть, покрывающую Люцифера, Данте и Виргилій проходятъ сквозъ центръ земной, и слѣдуя теченію небольшого ручья, они, день спустя послѣ того, какъ начали свое странствіе, выходятъ на свѣтъ божій къ подножію горы Чистилища и видятъ блескъ и сіяніе звѣздъ.

Заря появляется на небосклонѣ и освѣщаетъ посреди океана пустынный островъ, на которомъ, по выходѣ изъ ада, очутились Данте и Виргилій. Островъ этотъ находится въ антиподахъ отъ Іерусалима, составлявшаго, какъ тогда полагали, центръ обитаемой земли. На островѣ возвышается гора, имѣющая видъ конуса съ срѣзанной верхушкой. Она опоясана девятью уступами, не считая перваго у ея подножія и послѣдняго на ея вершинѣ, гдѣ расположенъ земной рай.

Въ первой пѣснѣ Чистилища Данте радуется тому, что вышелъ изъ подземнаго царства, и выражаетъ восторгъ, какой возбуждаютъ въ немъ видъ яснаго неба и тихое мерцаніе звѣздъ. Берегъ, на который онъ вышелъ, освѣщенъ блестящимъ созвѣздіемъ Южнаго Креста.

«Заря уже одерживала верхъ надъ утренней порою, которая бѣжала передъ нею такъ, что вдали можно было различить колыханіе моря» (*), когда передъ Алигieri предстала величавая тѣнь Катона Утическаго. Виргилій обращается къ суровому старцу, охраняющему входъ въ Чистилище, и проситъ его во имя свободы, столь для него дорогой, что ради нея онъ «отказался отъ жизни», быть благосклоннымъ къ страннику, которому онъ, Виргилій, служить путеводителемъ и который ходить, всюду отыскивая свободу.

Между этимъ берегомъ и безплодной пустыней, описанной въ первой пѣснѣ «Ада», есть нѣкоторое сходство въ положеніи, но объ мѣстности представляютъ совершенную противоположность по своему колориту, по звукамъ, ихъ наполняющимъ, и по ощущеніямъ, какія онѣ возбуждаютъ. Самъ поэтъ говоритъ:

«Ахъ, какъ эти врата непохожи на адскія! Сюда входятъ при звукахъ пѣнія, туда—при страшныхъ вопляхъ» (**).

Въ аду мрачный Харонъ ругательствами торопитъ грѣшниковъ въ свою ладью, здѣсь—свѣтлый ангелъ съ распущенными крылами носится по волнамъ и въ легкомъ челнокѣ перевозитъ души въ чистилище.

Странника прежде всего встрѣчаютъ лѣнныя и нерадивыя тѣни тѣхъ, которые медлили раскаяніемъ до послѣдняго дня своей жизни. Точно такъ же и въ аду мы видѣли, что сначала глазамъ Алигieri представились тѣни празднующевъ или людей, никакой полезной дѣятельностью неознаменовавшихъ своего пребыванія на землѣ. Подобную же аналогію въ расположеніи грѣховъ и въ распредѣленіи наказаній находимъ мы и на послѣдующихъ сту-

(*) Чистилище. Пѣс. I.

(**) Чистилище. Пѣс. XII.

пеняхъ чистилища, изъ которыхъ каждая соотвѣтствуетъ одному изъ адскихъ круговъ.

Восхожденіе съ одной ступени на другую совершается по узкимъ и крутымъ лѣстницамъ. Очень утомительное въ началѣ, оно становится все легче и легче, по мѣрѣ того, какъ поэты приближаются къ вершинѣ горы.

Первыя четыре ступени составляютъ какъ-бы предверіе чистилища: тамъ пребываютъ души нерадивыхъ, доколѣ онѣ не получаютъ позволенія приступить къ искупленію своихъ грѣховъ. Остальныя семь составляютъ собственно чистилище. На каждой изъ нихъ подвергается временному наказанію одинъ изъ семи смертныхъ грѣховъ и каждая изъ нихъ охраняется ангеломъ.

Данте и Виргилій, дойдя до воротъ чистилища, останавливаются въ прелестной долинтѣ, оглашаемой звуками хвалебнаго гимна, который поютъ содержащіяся въ ней души. Данте сравниваетъ ощущенія, охватывающія его сердце, съ тѣмъ, что испытываетъ путешественникъ въ торжественный часъ, когда сумерки, опускаясь на землю, живѣе возбуждаютъ воспоминанія о родицѣхъ и о покинутыхъ друзьяхъ. Стихъ его, столь суровый при описаніи адской пронасти, здѣсь становится легокъ, какъ сонъ, и воздушенъ, какъ мечта.

«То былъ часъ — говорить онъ — который смягчаетъ сердце мореплавателей и обращаетъ ихъ желаніе ко дню, когда они сказали нѣжнымъ друзьямъ своимъ: простите — часъ, сильнѣе возбуждающій въ неопытномъ странникѣ чувство любви, лишь только коснется его слуха гулъ далекаго колокола, какъ-бы оплакивающего день, что умираетъ» (*).

Эта гѣснь носить на себѣ отпечатокъ тихой, но небезотрадной грусти и нѣжной задумчивости, которыя даютъ тонъ всему гимну Чистилища.

Ангель, стоящій при входѣ, принимаетъ поэтовъ и напечатлѣваетъ на лбу Данте семь П (**), послѣ чего они безпрепятственно вступаютъ въ обитель, гдѣ искупаются грѣхи. Вотъ какъ распредѣлены различныя наказанія, имѣющія цѣлью очистить душу и сдѣлать ее достойною вѣчнаго блаженства.

Гордые ходятъ вокругъ горы, согбенные подъ огромной тяжестью. *Завистливые* одѣты въ грубую власяницу; они опираются одинъ на другого и всѣ вмѣстѣ на высокую скалу, и походятъ на слѣпцовъ, просящихъ милостыню: у нихъ вѣки проколоты и

(*) Чистилище. Пѣс. VIII.

(**) Каждое изъ семи П соотвѣтствуетъ одному изъ семи смертныхъ грѣховъ. П есть начальная буква слова *peccato*, которое означаетъ грѣхъ.

скрѣплены проволокой. *Гитанные* бродятъ въ непроницаемомъ мракѣ и густомъ смрадномъ дымѣ. *Льняные* безъ отдыха и съ необыкновенной быстротой бѣгаютъ вокругъ горы. *Скутые* и *расточительные* стонуть, лежа на землѣ лицомъ внизъ. *Обжоры*, страшные по своей худобѣ, терпятъ голодь и жажду, которые еще болѣе возбуждаются видомъ дерева, обремененнаго сочными плодами и тихимъ журчаньемъ прозрачнаго ручья. *Сладострастные* искупаютъ свой грѣхъ въ пламени.

Примѣры, взятые изъ библіи, изъ мифологіи, изъ св. писанія, изъ исторіи напоминаютъ душамъ проступки, за которые онѣ караются. Примѣры эти то вызываютъ мысль о наказаніи, то выставляютъ торжество добродѣтели. Въ трехъ отдѣленіяхъ, гдѣ казнятся гордость, зависть и гнѣвъ, они съ поразительной истиной начертаны на гранитѣ и наглядно представляютъ событія, между тѣмъ какъ таинственные голоса, носящіеся въ воздухѣ, повторяютъ ихъ словесно. Въ другихъ же отдѣленіяхъ сами тѣни поютъ эти напоминанія, и тѣмъ самымъ подстрекаютъ другъ друга въ раскаянію. Замѣчательно еще то, что примѣръ награждаемой добродѣтели всегда предшествуетъ примѣру наказываемаго проступка.

На каждой новой ступени, Данте встрѣчаетъ ангелъ, который привѣтствуетъ его стихомъ изъ евангелія и концомъ крыла стираетъ одно изъ напечатлѣнныхъ на его лбу *П*. Въ отдѣленіи, гдѣ наказываются гордые, онъ, подобно другимъ, провинившимся въ этомъ грѣхѣ, долженъ идти согбенный подъ тяжестью страшнаго бремени. А тамъ, гдѣ находятся сладострастные, онъ вмѣстѣ съ ними идетъ въ пламени. Такимъ образомъ, онъ передъ лицомъ земли и неба исповѣдуются въ заблужденіяхъ, наиболѣе омрачившихъ его жизнь.

По выходѣ отсюда, Данте и Виргилій поднимаются по послѣдней лѣстницѣ, на подобіе предъидущихъ высѣченной въ скалѣ, и достигаютъ вершины горы, осыненной прекраснымъ, вѣчно-зеленѣющимъ лѣсомъ. Это—земной рай. Здѣсь деревья слегка колышутся подъ тихимъ, всегда ровнымъ вѣяніемъ легкаго вѣтерка, а птицы оглашаютъ воздухъ сладкими пѣснями, которыя сливаются съ шелестомъ листьевъ и образуютъ дивную гармонию. Изъ одного и того же источника, находящагося посреди лѣса, вытекаютъ и направляются въ противоположныя стороны двѣ рѣки: *Лета* и *Эноѳе*. Первая течетъ налѣво и орошаетъ менѣе прекрасную часть земнаго рая. Воды ея отнимаютъ у того, кто ихъ испьетъ, воспоминаніе о прошедшихъ заблужденіяхъ и проступкахъ. Воды второй стремятся направо и живѣе возбуждаютъ сознаніе о совершенномъ на землѣ добрѣ.

Отнынѣ задача Виргилія выполнена: онъ сопутствовалъ Алигьери до вершины горы, и привелъ его ко входу въ первобытное жилище челоуѣка. Данте, со лба котораго стерты всѣ семь П., можетъ туда проникнуть одинъ (*).

«Руководимый желаніемъ изслѣдовать внутри и вокругъ дивный лѣсъ, густой и зеленѣющій, который смягчалъ сіяніе новаго дня, я, не медля болѣе, покинулъ берегъ и пошелъ вверхъ по лужайкѣ, со всѣхъ сторонъ издававшей благоуханіе. Нѣжное дуновение, постоянно одинаковое, ударило меня по лицу не сильнѣе самаго легкаго вѣтерка и склоняло вѣтви всѣхъ деревъ въ ту сторону, куда священная гора бросаетъ свою первую тѣнь. Но они не на столько склонялись, однако, чтобы заставить птичекъ перестать заниматься своимъ искусствомъ на ихъ вершинахъ. Напротивъ, въ избыткѣ радости, онѣ привѣтствовали первое дыханіе дня въ мѣстахъ, которыя составляли въ ихъ концертѣ басовый акомпаниментъ, подобно тому, какой слышится въ вѣтвяхъ сосноваго лѣса, въ Кьясси (**), когда извнѣ бушуетъ сирокко. Мои медленные стопы уже такъ далеко увлекли меня во внутрь древняго лѣса, что я болѣе не могъ видѣть, откуда вошелъ. Но вдругъ, мнѣ далѣе идти помѣшалъ ручей, маленькія волны котораго, устремляясь налѣво, сгибали траву, росшую на его берегахъ. Всѣ воды, даже самыя свѣтлыя, показались бы здѣсь содержащими въ себѣ какую-нибудь смѣсь въ сравненіи съ этой водой, которая ничего не скрываетъ, несмотря на то, что она имѣетъ коричневый оттѣнокъ, и течетъ подъ вѣчной тѣнью, никогда непрopusкающей ни солнечнаго, ни луннаго луча. Остановивъ шаги, я взоромъ перебрался черезъ ручей, желая разсмотрѣть великое разнообразіе свѣжихъ растений. Тамъ мнѣ явилась, такъ какъ внезапно является предметъ, изумляющій и отвлекающій отъ всякой другой мысли, женщина, которая шла одинокая, плѣла пѣснь и рвала цвѣты. «О, прелестная госпожа, согрѣваемая лучами любви, если вѣрить наружности, обыкновенно свидѣтельствующей о сердцѣ — пожелай — сказалъ я ей — приблизиться къ этой рѣкѣ, и дай мнѣ услышать то, что ты поешь. Ты мнѣ напоминаешь мѣсто, гдѣ была Прозерпина и видъ ея, въ то время, когда ее потеряла мать, а она сама потеряла весну». Какъ танцующая женщина скользитъ по землѣ, едва передвигая ноги одна за другою, такъ по алмы и желтымъ цвѣтамъ скользила она, направляясь ко мнѣ, подобная дѣвѣ съ скромно опущеннымъ взоромъ. Она исполнила мою просьбу и

(*) Чистилище. Пѣс. XXVIII.

(**) Мѣстечко на берегу Адриатическаго моря близъ Равенны.

такъ приближилась, что нѣжный звукъ сталъ достигать до меня со своимъ смысломъ».

Это—Матильда, олицетворяющая собою дѣятельную жизнь. Поэтъ бесѣдуетъ съ нею о различныхъ предметахъ.

По ту сторону Леты, на берегу которой стоитъ Алигieri, лѣсъ, вслѣдствіе проступка нашей праматери Евы, не имѣетъ жителей. Посреди него возвышается древо Познанія добра и зла. Идя далѣе, по направленію къ востоку, поэтъ достигаетъ рѣки Эвной; онъ пьетъ изъ нея и чувствуетъ себя чистымъ и готовымъ вознестись къ звѣздамъ (*).

Здѣсь, въ этомъ Эдемѣ, гдѣ все дышетъ истиной, невинностью и любовью, является поэту Беатриче, и онъ начинаетъ съ нею свой восходъ на небо.

Описаніе этой встрѣчи Данте съ предметомъ его возвышенной любви, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ самымъ блестящимъ и въ то же время самымъ трогательнымъ мѣстамъ въ поэмѣ. Это—одно изъ самыхъ роскошныхъ и дивныхъ созданій новой поэзіи (**).

«Мнѣ случалось видѣть на зарѣ востокъ, подернутый туманомъ, тогда-какъ остальная часть неба бывала украшена тихимъ сіяніемъ, и солнце, восходящее въ тѣни, такъ что глазъ могъ долго выносить блескъ, смягченный парами. Такъ точно нынѣ за облакомъ цвѣтовъ, которые, ангелами бросаемы, взвивались, носились и падали въ воздухъ, передо мной явилась женщина въ оливковомъ вѣнокъ надъ бѣлымъ покрываломъ, въ зеленомъ плащѣ и въ платьѣ огненной цвѣта (***)». Мой духъ уже давно не испытывалъ волненія и трепета, производимаго ея присутствіемъ; теперь же, лишennyй возможности ее узнать посредствомъ глазъ (****), вслѣдствіе тайной силы, изъ нея исходящей, ощутилъ все могущество прежней любви. Лишь только моего зрѣнія коснулось дивное явленіе, поразившее меня еще въ дѣтствѣ, я съ умоляющимъ видомъ, съ какимъ ребѣнокъ бѣжитъ къ матери, когда ему страшно или больно, обратился влѣво, желая сказать Виргилію: «Во мнѣ не осталось и капли крови, которая не тронетала бы; я узнаю признаки стараго пламени». Но Виргилій насъ покинулъ—Виргилій, сладчайшій отецъ, Виргилій, которому она поручила мое спасеніе: и все, что потеряла древняя мать (*****), не могло помѣшать тому, чтобы ще-

(*) Чистилище. Пѣс. XXXIII.

(**) Чистилище. Пѣс. XXX.

(***) Оливковый вѣнокъ означаетъ мудрость, зеленый цвѣтъ — постоянство, огненный—любовь.

(****) Потому что она была сокрыта облакомъ цвѣтовъ.

(*****) То-есть видъ земаго рая, который находился у него передъ глазами со всѣми своими прелестями.

ки мои, уже успѣвшія осушиться отъ слезъ, не омочились вновь росю. Данте, не плачь оттого, что Виргилій ушелъ, не плачь: тебѣ слѣдуетъ плакать отъ другого меча^(*). При звукѣ моего имени, которое я сюда по необходимости включаю, я взглянулъ на лѣвую сторону колесницы, и увидѣлъ, что женщина, сначала мнѣ явившаяся за облакомъ цвѣтовъ, бросаемыхъ ангелами, устремила на меня взоръ изъ-за ручья, подобно адмиралу, который приходитъ затѣмъ, чтобъ наблюдать отъ кормы до носа надъ тѣми, что управляютъ другими кораблями, и подстрекать ихъ къ работѣ. Хотя покрывало, ниспадавшее съ ея головы, украшенной листьями Мнервы, и не позволяло мнѣ ее видѣть вполне — она съ царскимъ величіемъ, горделивая, продолжала, какъ тотъ, кто, говоря, самъ сильныя слова бережетъ къ концу. Посмотри на меня: я по истинѣ, я по истинѣ Беатриче. Какъ рѣшился ты приблизиться къ горѣ? Развѣ ты не зналъ, что здѣсь человекъ счастливъ^(**)? Опущенные взоры мои упали на свѣтлый источникъ, но увидѣвъ себя въ немъ, я быстро перенесъ ихъ на траву: такъ стыдъ обременилъ мое чело. Какъ мать бываетъ строга къ сыну—такую она мнѣ показалась: ибо горекъ вкусъ язвющаго милосердія^(***). Она замолкла; ангелы внезапно запѣли: *In te Domine speravi*, но, дойдя до *pedes meos*, дальше не пошли. Какъ снѣгъ, скопляемый и гонимый славянскими вѣтрами, замерзаетъ на хребтѣ Италіи между живыми бревнами^(****), потомъ, растаявъ, просачивается сквозъ самаго себя, и течетъ отъ дыханія страны, гдѣ пропадаетъ тѣнь^(*****)—такъ я стоялъ безъ вздоховъ и безъ слезъ, повуда не запѣли тѣ, что своимъ пѣніемъ всегда сопровождаютъ мелодію вѣчныхъ сферъ. Но когда въ ихъ сладостныхъ акоріахъ прозвучало ко мнѣ сожалѣніе, болѣе выразительное, чѣмъ еслибы они сказали: «О, госпожа, зачѣмъ ты его смущаешь?» — ледъ, который сжалъ мнѣ сердце, превратился въ росу и въ дыханіе, и съ тоскою вылился изъ груди сквозъ уста и глаза. Но она, все стоя на той же сторонѣ колесницы, обратилась къ благимъ духамъ и сказала: «Вы бодрствуете въ вѣчномъ днѣ, и ни ночь ни сонъ не успѣваютъ скрыть отъ васъ ни одного шага, совершаемаго временемъ на его пути. Но пространенъ будетъ мой отвѣтъ затѣмъ, чтобъ могъ уразумѣть его тотъ, который пла-

(*) Отъ другой печали.

(**) Развѣ ты и прежде, когда отъ нея удалялся, не зналъ, что на ней человекъ находитъ счастье.

(***) Того милосердія, той любви, которая побуждаетъ дѣлать упреки.

(****) Между деревьями.

(*****) Африки, гдѣ подъ перпендикулярными лучами солнца, тѣла теряютъ свою тѣнь.

четь тамъ, и чтобы раскаяніе его и вина были отнынѣ одной мѣры. Не вслѣдствіе вліянія планетъ, направляющихъ всякаго къ какой-нибудь цѣли — но по дару божественной благодати, дождь, который имѣетъ свой источникъ въ парахъ, столь высокихъ, что они недосыгаемы для нашего взора — этотъ человекъ былъ таковъ въ своей новой жизни (*), что могъ бы во всякой добродѣтели достигнуть совершенства. Но необработанная почва тѣмъ обильнѣе производитъ злыя и дикія растенія, чѣмъ она плодороднѣе. Я его нѣсколько времени поддерживала моею красотой, показывая ему ея юные глаза, которые вмѣстѣ со мной вели его по прямой стезѣ. Но лишь только я на порогѣ моего второго возраста (**) взмѣнила свое бытіе (**), онъ меня повинухъ и отдался другимъ. Когда я отъ праха къ духу вознеслась, когда моя красота и добродѣтель возвысились, а стала ему менѣе пріятной и дорогою. Онъ пошелъ по ложному пути, преслѣдуя обманчивые образы счастья, которые никогда не выполняютъ всего, что обѣщаютъ. И ни къ чему не послужили мои старанія удержать его посредствомъ вдохновеній, которыя я ему приносила во снѣ и иначе: онъ слишкомъ мало обращалъ на нихъ вниманія. Онъ такъ низко упалъ, что для спасенія его не оставалось другого средства, какъ показать ему потерянное племя (***) . Съ этой цѣлью я посѣтила обитель мертвыхъ, и въ слезахъ обратилась съ мольбой къ тому, кто былъ его вождемъ доселѣ. Нарушеннымъ оказалось бы великое постановленіе божіе, еслибы кто перешелъ черезъ Лету, и вкусилъ подобной пищи (****), не зашлативъ за то раскаяніемъ, которое слезы проливаетъ».

— «Потомъ (*****), обращая ко мнѣ остріе своей рѣчи и безъ того пронзавшей меня, она, нисколько не медля, продолжала: «О ты, стоящій по ту сторону рѣки, скажи, скажи, правда ли все это? Твоя исповѣдь должна подтвердить столь важное обвиненіе». — Смущеніе мое было такъ сильно, что голосъ мой исчезъ прежде, чѣмъ вылетѣлъ изъ устъ. Она же, немного погодя, сказала: «Что думаешь? Отвѣтствуй: воды (*****) еще не изгладили въ тебѣ тяжелыхъ воспоминаній». — Стыдъ и страхъ, соединенные вмѣстѣ, вызвали у меня столь тихое да, что для того, чтобы слышать его, понадобилось зрѣніе. Какъ лукъ, слишкомъ

(*) То-есть въ дѣтствѣ.

(**) Моей юности.

(***) Переша въ другую жизнь.

(****) Осужденныхъ грѣшниковъ въ аду.

(*****) Вѣчнаго блаженства.

(*****) Чистилище. Пѣс. XXXI.

(*****) Воды Леты.

туго натянутый, ломается, когда его спускают и стрѣла съ меньшей силой касается цѣли — такъ я, изнывая подъ тяжкимъ бременемъ (*), изливалъ наружу слезы и воздыханія, а голосъ мой замиралъ на пути. Тогда она ко мнѣ: «Что заставило тебя противиться моимъ желаніямъ, направлявшимъ тебя къ добру, за предѣлами котораго нѣтъ ничего, къ чему бы стоило стремиться? Какіе рвы, какія цѣпи могли у тебя отнять надежду на возможность успѣха? Какое очарованіе, какія выгоды нашель ты въ другихъ (**), что пошелъ за ними»? Я испустилъ тяжелый вздохъ; у меня едва хватило голоса, чтобы отвѣчать, а уста управляли имъ съ трудомъ. Заплававъ, я сказалъ: «Настоящія блага съ ихъ мнимыми радостями заставили меня поворотить шаги, лишь только скрылся отъ меня вашъ ликъ». — А она ко мнѣ: «Когда бъ ты утанилъ или опровергъ все то, въ чемъ нынѣ сознаешься, то и тогда твоя вина была бы извѣстна: ее знаетъ Верховный Судья. Но когда изъ собственныхъ устъ вырывается обвиненіе въ проступкѣ, то въ нашемъ судѣ колесо обращается противъ острія (***)». Однако, чтобы ты еще болѣе устыдился своихъ заблужденій и въ другой разъ мужественнѣе сопротивлялся голосу Сирены, сложи съ себя сѣмя слезъ (****) и слушай. Ты узнаешь, какъ мой образъ, сокрытый въ землѣ, долженъ былъ бы направить тебя въ противоположную сторону. Ни природа, ни искусство, взятыя вмѣстѣ, не давали тебѣ радости болѣе полной, чѣмъ та, какую тебѣ доставляли прекрасныя формы, меня заключавшія и которыя нынѣ разсѣяны въ прахъ. Но послѣ того, какъ моя смерть доказала тебѣ тщету и этой великой радости, что смертное могло еще возбуждать въ тебѣ желанія? Однажды раненый обманчивой мечтой, ты долженъ былъ возноситься за мною, которая была уже не та. Тебѣ не слѣдовало опускать крыльевъ и ожидать новыхъ ударовъ отъ молодой дѣвушки или отъ другого какого-либо суетнаго и столь же быстро преходящаго созданія. Пичужка, вновь вылупившаяся изъ яйца, дается въ обманъ два или три раза, но передъ глазами оперившихся птицъ тщетно разстилаются сѣти и мечутся стрѣлы». Какъ дѣти, слушая выговоры, стоятъ стыдливо и въ молчаніи вперяютъ взоръ въ землю, сознавая свою вину и раскаяваясь въ ней — такъ я стоялъ. А она: «Ты только слушаешь и уже тагъ

(*) Стыда и страха.

(**) Въ другихъ благахъ.

(***) Метафора, заимствованная отъ точильнаго колеса, которое тунитъ лезвіе, обращаясь въ противоположную отъ него сторону.

(****) Причину, заставляющую проливать слезы.

сильно печалишься; но подними бороду, и печаль твоя усугубится, когда ты будешь видѣть». Нашъ вѣтеръ или вѣтеръ земли Ярба (*), вырывая съ корнемъ здоровый дубъ, всгрѣчаетъ менѣе сопротивленія, чѣмъ ея приказаніе, когда она мнѣ велѣла поднять голову. И хорошо я понялъ ядъ выраженія, и зачѣмъ она мое лицо назвала бородой (**). Приподнявъ его, я увидѣлъ, что ангелы перестали бросать цвѣты, и глаза мои, еще не совсѣмъ окрѣпшіе, различили Беатриче, стоявшую, оборотись къ существу, въ которомъ виднѣлись въ одномъ лицѣ двѣ природы (***). Подъ покрываломъ и за зеленою рѣкою, она казалась мнѣ прекраснѣе, чѣмъ та, какою была прежде, на столько же, на сколько тогда превосходила красотой всѣхъ другихъ. Жало раскаянія такъ сильно въ меня вонзилось, что наиболѣе возненавидѣлъ я ту вещь, которая меня преимущественно отвлекала отъ любви къ ней. Жестокое угрызеніе совѣсти овладѣло моимъ сердцемъ и я упалъ, побѣжденный; чтó со мной стало послѣ—знаетъ та, которая была всему причиной. Когда же ко мнѣ возвратилось сознаніе, я увидѣлъ передъ собою женщину, чтó сначала являлась мнѣ одна (****). Она говорила: «Держись за меня, держись за меня», и увлекая меня за собою по горло въ рѣку, сама шествовала по водѣ, легкая какъ челнокъ (*****). Когда я подходилъ къ благословенному берегу, внезапно раздалось *Asperges me*—столь сладостно и тихо, что я нетолько описать, но и вспомнить вполне не могу. Прекрасная женщина простерла ко мнѣ руки, обняла мою голову и погрузила меня въ воду тамъ, гдѣ слѣдовало напиться. Затѣмъ, выведя меня на берегъ, она меня, мокро, ввела въ пласку четырехъ красавицъ (*****), изъ которыхъ каждая осыпала меня рукою.—«Нимфы мы здѣсь, а въ небѣ звѣзды; когда Беатриче еще не сходила съ неба, мы были къ ней приставлены для того, чтобы ей служить. Мы проводимъ тебя передъ ея свѣтлыя очи, но сначала тѣ три (*****), чтó глубже видятъ, сдѣлають болѣе проникательными твои глаза, дабы они могли вынести блескъ, сіяющій въ ея взорѣ». Такъ онѣ цѣли;

(*) Афризъ, гдѣ царствовалъ Ярбъ.

(**) Упрекъ, заключающій въ себѣ тотъ смыслъ, что когда Данте соблазнился обманчивымъ блескомъ земныхъ благъ, онъ былъ уже въ зрѣломъ возрастѣ.

(***) Грифонъ есть символическое изображеніе Христа, въ которомъ соединяются двѣ природы: божеская и человѣческая.

(****) Матильда.

(*****) Челнокъ у ткачей.

(*****) Четыре главныя добродѣтели, олицетворенныя четырьмя женщинами, стоящими по лѣвую сторону колесницы.

(*****) Три богословскія добродѣтели, олицетворенныя тремя женщинами, направо отъ колесницы.

потомъ подвели меня къ Грифону, на которомъ стояла Беатриче, повернувшись къ намъ. Онѣ сказали: «Не пади своего взора; мы тебя поставили передъ изумрудами (*), въ которыхъ и прежде Амуръ металъ въ тебя стрѣлы». Тысячи желаній, боге жгучихъ чѣмъ пламя, приковали мои глаза къ глазамъ, сверкавшимъ на Грифонѣ. Какъ въ зеркалѣ солнце, такъ двойственное животное въ нихъ отражалось, являясь то въ одномъ видѣ, то въ другомъ. Подумай, читатель, удивлялся ли я, видя какъ предметъ оставался все тотъ же, а образъ его измѣнился. Между тѣмъ, какъ душа моя, полная восторга и изумленія, вжущая эту пищу, которая, насыщая собою, возбуждала въ себѣ голодъ, три другія (**), походкой свидѣтельствую о своемъ высокомъ санѣ, приближались и пѣли ангельскую пѣсню: «Обрати, Беатриче, было ихъ пѣсню, «обрати свои святые глаза на вѣрнаго твоего, который чтобы видѣть тебя совершилъ столь длинное странствіе. Дозволь намъ, молимъ тебя, открыть твой ликъ, дабы онъ могъ узрѣть вторую красоту, тобою отъ него скрываемую». О, яркій блескъ вѣчнаго свѣта! Кто, хотя бы онъ поблѣднѣлъ (***) подъ тѣнью Парнакса или испилъ изъ его источниковъ, не оказался бы умомъ безсиленъ, еслибъ вздумалъ изобразить тебя такой, какою ты явилась тамъ, гдѣ небо опружаетъ тебя гармоніей и цвѣтами, когда, сбросивъ покрывало, ты показалась въ воздухѣ?»

Изъ земнаго Рая, все слѣдуя за Беатриче; Данте внезапно переносится въ сферу огня, то-есть въ ту возвышенную часть воздуха, гдѣ, полагали древніе, огонь поднимается по собственной своей природѣ.

Изъ этого пространства поэтъ и Беатриче перелетаютъ изъ неба въ небо съ неимоверной скоростью, которая равняется быстротѣ движеній праведниковъ, по словамъ св. Августина, переносащихся съ мѣста на мѣсто быстрѣе мысли. Данте замѣчаетъ переходъ изъ сферы въ сферу только по улыбкѣ Беатриче, которая становится все радостнѣе и свѣтлѣе по мѣрѣ того, какъ они поднимаются выше и выше.

Слѣдуя астрономической системѣ Птолемея, въ то время всѣми принятой, Данте располагаетъ свои девять сферъ въ видѣ круговъ, посреди которыхъ стоитъ неподвижно земля, какъ центръ всего мірозданія. Надъ небесными кругами, внѣ всякаго пространства, разстилается *Эмпирей*, престолъ божій и жилище ангеловъ и блаженныхъ духовъ. Подъ нимъ съ неимоверной бы-

(*) Глаза Беатриче.

(**) Богословскія добродѣтели.

(***) То-есть состарѣлся.

стротой движется *кристальное небо*, самая обширная изъ сферъ, за которую простирается *небо неподвижныхъ звѣздъ*. Затѣмъ слѣдуютъ семь низшихъ круговъ, гдѣ съ большей или меньшей быстротой вращаются семь планетъ, носящихъ названіе древнихъ божествъ: *Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Солнце, Венера, Меркурій* и *Луна*, которая всѣхъ ближе къ землѣ.

Хотя праведники всѣ помѣщаются въ одной и той же обители славы, свѣта и любви—хотя они всѣ наслаждаются полнымъ споконіемъ и счастьемъ, какое только способны ощущать по своей природѣ, тѣмъ не менѣе Данте, прохода сквозъ различныя сферы, примѣчаетъ въ нихъ нѣкотораго рода іерархію или постепенность въ распредѣленіи блаженствъ.

Душа каждаго праведника послѣ смерти переносится въ планету, соотвѣтствующую добродѣтели, въ которой онъ наиболѣе подвизался во время своего пребыванія на землѣ. По аналогіи съ первыми кругами чистилища и ада, луна, какъ планета менѣе свѣтлая и высокая, заключаетъ въ себѣ души, наименѣе равновѣсившія къ Богу и къ прославленію его имени. Это души тѣхъ, которые обрекли себя на дѣвство и отреклись отъ всего мірскаго, но силою были вырваны изъ монастырей. Несовершенство этихъ духовъ двойное: они, или недостаточно сопротивлялись насилию, ихъ увлекавшему, или впоследствии, когда исчезали всѣ препятствія къ ихъ возвращенію на первоначально избранный путь, они не пользовались случаемъ, но добровольно оставались въ мірѣ. Здѣсь Беатриче объясняетъ поэту астрономическую систему, слушающую основаніемъ всего гимна, и развиваетъ начала милосердія, вслѣдствіе которыхъ всѣ души довольнымъ выпавшей имъ на долю частью блаженства.

Изъ луны Алигieri переносится въ Меркурій и находитъ въ немъ души царей, составившихъ счастье своихъ подданныхъ посредствомъ добрыхъ дѣлъ и мудрыхъ законовъ. Въ порывѣ благоклоннаго чувства, эти души несутся на встрѣчу страннику и радостно привѣтствуютъ его приходъ въ ихъ планету. Между ними поэтъ находитъ императора Юстиніана, который разсуждаетъ съ нимъ о подвигахъ и правахъ римскаго орла и высказываетъ по этому случаю убѣжденія, согласныя съ мнѣніями Данте.

За Меркуриемъ слѣдуетъ Венера, гдѣ обитаютъ души тѣхъ, которые, безраздѣльно отдавшись чувству любви, успѣли однако очистить свою страсть, сдѣлавъ изъ нея орудіе добрыхъ дѣлъ. Она отъ любви къ твари перешла къ любви къ Творцу и достигла, такимъ образомъ, совершенства. Отсюда поэтъ возносится къ Солнцу и видитъ, что оно, какъ то и прилично столь яркой

и величавой планетѣ, населено душами тѣхъ, которые при жизни проникли во многія тайны вѣры и богословія.

Затѣмъ въ небѣ Марса пребываютъ распространители христіанства и войны, пролившіе кровь за вѣру и за церковь. Ихъ блестящія тѣла расположены такъ, что составляютъ врестъ, господство котораго они старались упрочить въ мірѣ. Въ числѣ этихъ свѣтлыхъ духовъ Данте узнаетъ своего предка, Каччагвидо. Знаменитый воинъ повѣствуетъ ему о различныхъ историческихъ событіяхъ, предсказываетъ ему его изгнаніе изъ отечества и долгое странствованіе, изображаетъ первобытную простоту нравовъ Флоренціи и порицаетъ ея настоящую распущенность.

Алигieri обращается къ Беатриче, и по новому блеску, озарившему ея лицо, узнаетъ, что вступилъ въ планету Юпитера. Здѣсь находятся души тѣхъ, которые на землѣ были хранителями правосудія. Они разливаютъ вокругъ себя серебристый свѣтъ, носятся въ воздухѣ, слагаясь въ буквы и слова, и наконецъ соединяются въ изображеніе орла съ короной на головѣ: это есть символъ римскаго правосудія.

Въ Сатурнѣ обитаютъ души, посвятившія себя на землѣ созерцательному образу жизни. Тамъ глазамъ Алигieri представляется золотая лѣстница, столь высокая, что конца ея не видно. Свѣтлые духи восходятъ и нисходятъ по ея ступенямъ.

Все слѣдуя за своей путеводительницей, Данте достигаетъ неба неподвижныхъ звѣздъ и вступаетъ въ созвѣдіе Близнецовъ. Оттуда онъ бросаетъ взглядъ на только что пройденное пространство, и смотритъ на земной шаръ съ улыбкой сожалѣнія: до такой степени онъ ему кажется малымъ и ничтожнымъ.

Отнынѣ Данте начинаетъ собирать плоды своего утомительнаго путешествія. Взоръ его услаждается дивными видѣніями, а сердце наполняется неизъяснимымъ восторгомъ, когда ему являютъся Христосъ, Пресвятая Дѣва Марія и цѣлый сонмъ Ангеловъ и Святыхъ. Ничто не можетъ сравниться съ гармоніей и воздушной, чисто-духовной прелестью, какою отличается вся XXIII пѣснь Райя.

«Какъ (*) птица, которая ночью, что скрываетъ предметы, въ родимыхъ листьяхъ садится близъ гнѣзда своихъ милыхъ птенцовъ, желая насладиться отраднымъ для нея зрѣлищемъ и поискать для нихъ корма, находя пріятной заботу о нихъ—какъ птица, которая предупреждаетъ день на высочайшей вѣткѣ, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ солнца и пристально смотритъ, подстерегая зарю—такъ стояла Беатриче со взоромъ, внимательно обращен-

(*) Рай. Пѣс. XXIII.

нимъ въ ту сторону, гдѣ солнце не торопится (*). А я, видя ее погруженную въ ожиданіе, походилъ на того, кто, желая, стремится къ тому, чего не имѣеть, но надѣясь, успокоивается».

Св. Петръ, по просьбѣ Беатриче, испытываетъ Алигери въ вѣрѣ, св. Іаковъ въ надеждѣ, а св. Іоаннъ въ любви. Всѣ трое одобряютъ его отвѣты, согласные съ догматами католической церкви. Тогда его допускаютъ въ девятую сферу, гдѣ уже присутствуетъ слава божія, но еще сокрытая завѣсомъ, состоящую изъ девяти ангельскихъ чиновъ.

При вступленіи въ Эмпирей, Беатриче облачается красотою, которая превосходитъ всякое человѣческое пониманіе и можетъ быть постигнута только разумомъ Божьимъ. Здѣсь поэтъ слышитъ сладостное пѣніе и видитъ дивныя пляски. Передъ нимъ витаютъ воздушные, неизъяснимой прелести образы и сонмы свѣтлыхъ духовъ и ангеловъ. Ему представляется рѣка, сверкающая волны которой текутъ между берегами, гдѣ царствуетъ вѣчная весна. Отъ рѣки отдѣляются яркія искры, онѣ опускаются на цвѣты и тогда имѣютъ видъ рубиновъ въ золотой оправѣ. Потомъ, какъ-бы упоенныя благоуханіемъ, эти искры снова поднимаются и погружаются въ ясныя воды, изъ которыхъ немедленно вылетаютъ другія. Омочивъ вѣки водою чудесной рѣки, Данте чувствуетъ въ себѣ новую бодрость и силу и можетъ уже безпрепятственно созерцать всѣ тайны и всю славу Эмпирей. Онъ видитъ ступени, расположенныя въ видѣ круга (**), на которыхъ возсѣдаютъ блаженные духи. Въ немъ возникаютъ сомнѣнія, и желая разрѣшить ихъ, онъ по обыкновенію обращается съ вопросомъ къ Беатриче, но она исчезла и на мѣстѣ ея стоитъ св. Бернардъ (***)

«— А гдѣ жъ она?» внезапно я спросилъ? А онъ: «Дабы удовлетворять твоимъ желаньямъ, меня подвинула сюда Беатриче. Но если ты взглянешь вверхъ на третій рядъ самой высокой ступени, то ты узришь ее на тронѣ, который ей доставили ея заслуги». Не отвѣчая, поднялъ я глаза и увидѣлъ, какъ она сама себя вѣнчала короной изъ вѣчныхъ лучей, изъ нея самой исходящихъ».

(*) Полдень, гдѣ движеніе солнца кажется не столь быстрымъ и тѣнь отъ предметовъ, по мѣрѣ того, что оно поднимается на горизонтѣ, уменьшается все медленно.

(**) Данте сравниваетъ Эмпирей съ вѣчной розой самаго чистаго благаго цвѣта, листья которой расположены вокругъ ея лепестковъ.

(***) Раѣ. Пѣс. XXXI.

Затѣмъ слѣдуютъ нѣжныя и восторженныя мольбы Алигьери къ Беатриче—мольбы, которыя составляютъ такъ сказать сущность всѣхъ желаній и стремленій поэта (*).

— «О, жена! въ тебѣ цвѣтетъ моя надежда: ты не побоялась ради моего спасенія оставить слѣдъ своихъ шаговъ въ аду. Я знаю, что тебѣ, твоему могуществу и твоей благодати я обязанъ тѣми великими вещами, которыя видѣлъ. Ты меня отъ рабства привела къ свободѣ всѣми путями, всѣми средствами, какія были въ твоей власти. Сохрани же ко мнѣ твои щедроты, дабы душа моя, тобою уврачеванная и достойная тебѣ нравиться, могла отдѣлиться отъ тѣла.» Такъ я молился, а она какъ ни казалась далеко отъ меня, мнѣ улыбнулась, на меня взглянула и снова обратилась къ вѣчному источнику.»

Алигьери тоже устремляетъ взоръ на яркій свѣтъ, который есть начало всякой истины и добра. Глаза его мало по малу привыкаютъ къ его блеску и онъ различаетъ въ огромной глубинѣ три круга одинаковой величины, но различныхъ цвѣтовъ. Второй изъ нихъ кажется какъ-бы отраженіемъ перваго, а третій повидимому исходить изъ двухъ другихъ. Это — Богъ, Пресвятая Троица, это—

— «Вѣчный свѣтъ, который самъ въ себѣ поконится, одинъ себя постигаетъ, и собою постигнутый, себя знаетъ, себя любить и себя улыбается» (**).

Данте видитъ, что во второмъ кругѣ отпечатлѣнъ человѣческій образъ. Имъ овладѣваетъ непреодолимое желаніе проникнуть въ тайну воплощенія, но онъ этого не можетъ достигнуть посредствомъ собственныхъ силъ. Тогда яркая молнія поражаетъ его взоръ, освѣщаетъ все существо, и ему все становится яснымъ. Всѣ желанія его удовлетворяются, а воля его сосредоточивается въ волю Превѣчнаго и поглощается ею.

Такова поэма, которой авторъ далъ скромное названіе *Комедии*, но за которою потомство упрочило наименованіе *Божественной*.

Трудъ нашъ приближается къ концу. Согласно нашему намѣренію, мы рассмотрѣли многостороннюю дѣятельность и богатую событіями жизнь Данте Алигьери. Мы видѣли въ немъ поочередно поэта, любовника и реформатора, и постарались опредѣлить его значеніе и характеръ посредствомъ разбора его поэмы и краткаго очерка вѣка, въ который ему суждено было жить и который онъ обезсмертилъ.

Вѣкъ этотъ составляетъ самый бурный періодъ въ существованіи итальянскаго народа. Движеніе, его ознаменовавшее, было двойное, потому что общество въ то время представляло два совершенно различные элемента. Одна часть его вращалась въ свѣтѣ, наслаждаясь всѣми благами земли; другая укрывалась въ стѣ-

(*) Рай. Пѣс. XXXI.

(**) Рай. Пѣс. XXXIII.

нахъ монастырскихъ. Міряне любили поэзію и занимались ею; монахи оказывали болѣе склонности къ метафизикѣ. Многосторонній и гениальный умъ Данте свободно черпалъ изъ обоихъ источниковъ. Онъ заимствовалъ у однихъ содержаніе, у другихъ—форму, и ожививъ поэзію идеей, въ свою очередь опозтизировалъ ее.

Какъ поэтъ, Алигieri не походитъ ни на одного изъ своихъ предшественниковъ. Гомеръ воспѣлъ героическія времена Греціи; Виргилій избралъ предметомъ своей поэмы древнюю Италію; Луканъ изобразилъ агонію римской республики, Стацій — роскошь города Фивъ. Всѣ они заимствовали содержаніе для своихъ произведеній изъ эпохъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, вслѣдствіе чего могли давать полную свободу воображенію и вносить въ свои сочиненія элементъ чудеснаго. Данте, напротивъ, строго держится въ предѣлахъ своего вѣка и описываетъ скорѣе то, что видитъ, нежели то, что воображаетъ. Чудесное, составляющее какъ-бы необходимую принадлежность эпопей, онъ почерпаетъ изъ новаго источника, ни на шагъ не удаляясь отъ исторической истины, и вмѣсто того, чтобы низводить божество на землю, онъ самъ восходитъ къ нему на небо.

Данте любилъ Беатриче, науку и отечество. Онъ вѣрилъ въ славу своего отечества и стремился обновить ее, распространить и упрочить. Онъ вѣрилъ въ силу своего генія, искалъ истину и провозглашалъ ее. Онъ вѣрилъ въ женщину, и безъ вѣры въ нее не допуская и не понимая любви ни къ отечеству, ни къ славі.

Посреди смутъ и волненій, во время борьбы демократіи, которая начинала заявлять свои права, и феодализма, усиливавшагося удержать за собой свои, въ Алигieri пробудился и выступилъ на сцену геній реформатора. Данте внесъ въ искусство элементъ свободы и далъ ему новое направленіе, стремившееся къ тому, чтобы разбить тяготѣвшія на немъ оковы. Самого себя онъ провозглашалъ защитникомъ независимости и покровителемъ народности и подвѣялъ національное знамя, которое нынѣ готово водрузиться въ его родномъ городѣ. Флоренція поистинѣ можетъ быть названа хранилищемъ итальянской славы и школою, которая дала человѣчеству первые уроки въ наукѣ, въ искусствѣхъ и въ политикѣ. Она была колыбелью Данте Алигieri, мастерской Микель-Анджело, обсерваторіей Галилея, тюрьмой Макиавели и могилой Альфиери. Но это въ прошедшемъ, а въ настоящемъ она становится залогомъ великой будущности народа, который въ лицѣ своихъ представителей и своего короля спѣшитъ заявить ей свою признательность перенесеніемъ въ нее столпы и достойнымъ празднованіемъ шестисотлѣтняго юбилея ея гражданина, великаго поэта-пророка.

М. Пинто.

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛІЯ.

I.

ЗА РУЛЕТКОЙ.

Оркестръ военной музыки на балконѣ висбаденскаго курзала недавно умолкъ. Толпа гуляющихъ стала разбредаться. Смеркалось. Въ занавѣшенныхъ окнахъ игорнаго дома засвѣтились огни. Надъ прудомъ, сливавшимся въ отдаленіи съ неопредѣленной, иглистой чащей парка, всползали лѣниво ночные пары. Померанцовыя деревья по берегу пруда рассыпали обильнѣе свои чистыя благоуханія. Вотъ вспыхнули одинъ за другимъ и фонари передъ курзаломъ и облили своимъ бѣлымъ газовымъ свѣтомъ нѣсколько пестрыхъ группъ, наслаждавшихся, за небольшими, симметрично разставленными столиками, прелестью лѣтняго вечера и произведеніями курзальской кухни, которыми расторопные вельеры, шмыгавшіе отъ одного стола къ другому, старались наперерывъ удовлетворить желающихъ.

— Право, маменька, пустите! раздался за однимъ изъ столовъ свѣжій, звонкій голось.

Вкругъ этого стола сидѣли четыре женщины: одна пожилая, три молодя. Дѣвушка, произнесшей приведенныя слова, было лѣтъ не болѣе пятнадцати; черты ея, еще неопредѣлившіяся, но необыкновенно миловидныя, дышали дѣтской довѣрчивостью. Темно каштановые волосы ея были выстрижены въ кружокъ, какъ у мальчика, вѣроятно въ подражаніе старшей сестрицѣ, еще короче остриженной; что онѣ были сестры — говорило ихъ близкое семейное сходство. Но если младшая походила на мальчика, то старшая, съ ея блѣднымъ лицомъ, выразительными, серьезными глазами, сильно смахивала на молодого студента, только-что сдавашаго свой пріемный экзамень и считающаго себя потому нѣсколькими головами

выше «непосвященной черни». Одѣты онѣ были обѣ просто, въ платья темныхъ цвѣтовъ. Тѣмъ рѣзче отличалась отъ нихъ изысканностью и пестротой наряда третья дѣвица, весьма недурная, маленькая, подвижная, шестнадцатилѣтняя брюнетка. Густыя, смоляныя кудри ея, бойко зачесанныя на одинъ бокъ, сплетались на затылкѣ, какъ-бы нехотя, подъ сѣтку и выползали оттуда тамъ и сямъ рѣзвыми змѣйками. Пожилая дама, наконецъ, мать двухъ сестеръ, глядѣла кровной аристократкой.

— Нѣтъ, Наденька, отвѣчала послѣдняя рѣшительно на просьбу младшей дочери: — нельзя, неприлично.

Старшая дочь усмѣхнулась.

— Что жь тутъ неприличнаго? Если вы, маменька, боитесь, что кто нибудь увидитъ, такъ вѣдь завтра же насъ здѣсь уже не будетъ. Отчего не доставить дѣтямъ удовольствія?

— Mais elles joueront...

— Non, ma tante, вмѣшалась живая брюнетка: — nous observons seulement, nous ne jouerons pas.

— Vraiment? Eh bien, allez.

Отроковицы весело вскочили со своихъ стульевъ.

— Ты, Лиза, не пойдешь съ нами? спросила Наденька сестру.

— Нѣтъ. Но, Моничка, ты старше, пожалуйста слѣди за ней, чтобъ она не играла.

— Ужь будь покойна! смѣялась въ отвѣтъ брюнетка, увлекая подругу къ центральнымъ дверямъ игорнаго дома.

Миновавъ огромный залъ съ колонами, въ которомъ довольно часто даются общественныя балы, и поворотивъ налево, дѣвушки проникли въ самый храмъ азарта. Благоговѣніе внушающею торжественностью повѣяло на нихъ оттуда. Стѣны, обитыя краснымъ сукномъ, увѣшанныя роскошными зеркалами, раздвинулись, казалось, въ стороны, чтобъ дать мѣсто длинному, зеленому столу, усѣянному деньгами и окруженному густою толпою играющихъ. Лица, или огненно-красныя, или смертельно-блѣдныя, дышали отталкивающею алчностью. Черты спокойныя, съ обыкновеннымъ выраженіемъ, были исключеніемъ. Среди сдержаннаго шопота (громко въ игорныхъ залахъ говорить воспрещено) раздавалось бряцаніе монетъ, круженіе рулетки, занимающей средину стола, скаканіе шарика и безпрестанный голосъ главнаго крупье:

— Faites votre jeu, messieurs! — Le jeu est fait, rien ne va plus!

Шарикъ успокоивался въ одной изъ влѣтокъ рулетки.

— Dix sept, noir, impair et manque!

Цвѣта лицъ измѣнялись, бормотались проклятія, слышались сдержанные возгласы дикой радости. Крупье своими деревянными лопаточками сгребали немовѣрно проворно со всего стола большую часть денегъ; къ немногимъ выигравшимъ ставкамъ бросали они съ тою же ловкостью соотвѣтственныя суммы. Опять раздавался безстрастный голосъ: «Faites votre jeu, messieurs!» опять звякали деньги и прыгали шарикъ. Подобныя же звуки доносились изъ смежныхъ комнатъ.

Пугливо подошла дѣвушка къ столу и съ видимымъ интересомъ стали наблюдать за игрою; глазки у нихъ разгорѣлись.

— Развѣ рискнуть? спросила шопотомъ Моничка.

— Да вѣдь мы общались не играть...

— Мало ли что! То бы вѣдь не пустили.

— Но меньше гульдена нельзя?

— А у меня, ты думаешь, нѣтъ гульдена? Я поставлю.

Она торопливо достала маленькое порт-моне, оглянулась по сторонамъ: кажется, никто не видитъ— и швырнула на столъ новенькій, блестящій гульденъ. Монета покатила и остановилась на краю стола. Ближній крупье поднялъ ее и осмотрѣлся на окружающихъ.

— Куда же поставить?

Барышни переглянулись и, застыдившись, спрятались за сосѣдей. Одинъ изъ нихъ, сутуловатый, мрачный нѣмецъ, вручилъ ихъ изъ бѣды:

— Поставьте на rouge, сказалъ онъ крупье.

Рулетка завертѣлась— вышло rouge. Кушъ Монички удвоился. Рдѣя отъ удовольствія, потянулась она за нимъ. Но въ то же время протянулась за выигрышемъ и чужая рука— рука услужливаго сосѣда.

— Да гульденъ былъ мой... осмѣлилась протестовать дѣвушка.

— Нѣтъ, мой! отвѣчала тотъ рѣшительно, и завладѣлъ спорной ставкой.

Бѣдная ограбленная сконфузилась и ретировалась къ подругѣ.

— Да вѣдь онъ былъ твой? замѣтила та съ изумленіемъ и негодованіемъ.

— Мой!

— Какъ же онъ, гадкій, смѣлъ взять?

Онъ не подозрѣвали, что сосѣдъ ихъ *долженъ* былъ взять, что это была его профессія: онъ принадлежалъ къ извѣстной категоріи тамошнихъ пролетаріевъ, существующихъ исключительно насчетъ

банка и играющихъ: никогда ничего не ставя, стараются они улучить минуту, чтобъ воспользоваться чужимъ выигрышемъ. Во избѣжаніе ссоры, имъ его обыкновенно и уступаютъ; если же нѣтъ, то крупне, чтобъ не замедлить игры, выплачиваетъ кушъ обоимъ, прося и того и другого оставить комнату.

Настоящая же попытка грабителя не удалась. Тутъ же, за столомъ, сидѣлъ молодой человѣкъ, нѣсколько худощавый, блѣдный, но собой довольно красивый, съ небольшими усиками. Склонившись головою на лѣвую руку и запустивъ пальцы глубоко въ свои густыя, свѣтлыя кудри, передвигалъ онъ правую рукою посредствомъ лопаточки небольшія кучки денегъ съ одного поля на другое. Счастье ему замѣтно неблагопріятствовало: порядочная горка гульденовъ, еще недавно красовавшихся передъ нимъ, исчезала съ чародѣйной быстротою. Лицо играющаго разгорѣлось, рука затрепетала: имъ овладѣла игорная лихорадка. Тутъ заговорили за нимъ порусски; онъ, видно, понималъ этотъ языкъ, потому что оглянулся—за нимъ стояли наши двѣ подруги. Занятый игрой, онъ уже не пропускалъ ни одного слова ихъ, и когда вороватый нѣмецъ завладѣлъ спорнымъ гульденомъ, молодой человѣкъ остановилъ его за руку:

— Не трогать! Гульденъ не вашъ; я свидѣтель.

Тотъ сталъ оправдываться, но тутъ нашлись и другія лица, которыя видѣли, что онъ ничего не ставилъ. Деньги были возвращены по принадлежности — Моничѣ. Обличеннаго хищника вывели изъ комнаты.

Дѣвушки отошли въ сторону.

— Уйдемъ... сказала Наденька. — И такъ уже насъ замѣтили.

— Замѣтили, такъ значить дѣло не поправить; можно остаться здѣсь.

— Право, та сѣге, пойдѣмъ; вѣдь совѣстно...

— Ничего, только разикъ...

Она повлекла Наденьку къ другому концу стола и, смѣлѣе прежняго, собственноручно положила гульденъ на красное поле. Увы! фортуна уже измѣнила — вышло *poig*. Новыя совѣщанія, и новый проигранный гульденъ — уже кровный.

— Надо воротить его...

Опять *poig* и — опять! Въ портмоне уже не оказалось цѣлаго гульдена. Тогда раскрылось само-собою другое, такое же маленькое портмоне, прогулялось черезъ зеленое сукно еще нѣсколько гульденовъ — пока не изсякъ и этотъ источникъ. Бѣдныя жертвы,

безмолвныя, смущенныя, исчезли незамѣтно изъ обители коварныхъ демоновъ азарта.

Мы сказали: незамѣтно; но не совсѣмъ: молодой русскій, уличившій ихъ грабителя, вскочилъ со стула, сгрѣбъ въ карманъ остатокъ своихъ денегъ, и поспѣшилъ за барышнями. Въ саду онѣ подошли къ двумъ старшимъ дамамъ и, послѣ короткаго разговора, направились всѣ къ выходу. Молодой человѣкъ слѣдовалъ въ приличномъ отдаленіи. Миновавъ гостинный дворъ, дамы повернули направо, по главной улицѣ, и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, поднялись на крыльцо высокаго дома. Молодой человѣкъ посмотрѣлъ вверхъ: между третьимъ и четвертымъ этажами, красовалась колоссальная вывѣска: *Vier Jahreszeiten*. Обождавъ немножко, онъ самъ вошелъ въ домъ. Его встрѣтилъ кельнеръ. Молодой человѣкъ оустилъ ему въ руку гульденъ. Кельнеръ глубоко поклонился:

— Чего изволите?

— Кто, скажите, эти дамы, что вонли только-что?

— Это русскія: мать, двѣ дочери и племянница.

— Фамилія ихъ?

— Липецкія.

— Давно онѣ у васъ?

— Съ недѣлю; одна изъ барышень пользовалась здѣсь сѣрной водой, но доктора посовѣтовали ей пить сыворотки, и завтра же онѣ отправляются въ Швейцарію.

— Въ Швейцарію? Не знаете, куда, въ какую мѣстность Швейцаріи?

— Кажется, въ Интерлакенъ.

— Гм...

Молодой человѣкъ повернулся на каблукъ, и задумчиво спустился съ лѣстницы. Онъ поворотилъ за уголъ, и въ одной изъ ближнихъ улицъ вошелъ въ небольшой, одноэтажный домикъ, остановился въ темной прихожей и постучался въ дверь.

— Herein! слышался изнутри мужской голосъ.

Молодой человѣкъ вошелъ въ комнату, освѣщенную лампой. На кровати, съ книгой въ рукахъ, лежалъ, съ приподнятыми на стѣну ногами, молодой мужчина, съ флегматическимъ, умнымъ лицомъ; полная русая борода дѣлала его старше, чѣмъ былъ онъ на самомъ дѣлѣ. Онъ повернулъ голову къ вошедшему:

— Ты Левъ?

— Какъ видишь.

— Продулся наконецъ?

— Да, удалось. Послушай, Александръ: вѣдь ты кончилъ свои работы у Фрезениуса?

— Кончилъ.

— Такъ завтра же можно въ Швейцарію?

Александръ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на пріятеля.

— Ты же самъ не хотѣлъ? Или уже не надѣешься взорвать банкъ?

— Не надѣюсь. — Madame Schmidt!

Въ сосѣдней комнатѣ задвигали стуломъ, и въ дверяхъ показалось добродушное лицо старухи.

— Вы звали меня, господинъ Ластовъ? спросила она понѣмьски.

— Звалъ. Мы улепетываемъ завтра.

— Какъ? уже завтра?

— Да. Scheiden thut weh! Aber was thun? sprach Zeus. Сосчитайте-ка, сколько мы вамъ должны.

II.

АРКАДСКІЙ УГОЛОКЪ.—Двѣ жажды: любви и воды.

Если раздаются иногда сожалѣнія, что миновалъ золотой вѣкъ молочныхъ и медовыхъ рѣкъ, что нѣтъ уже Аркадіи, то весьма неосновательно: Швейцарія—это обѣтованный край; въ ней не только потребляется непомѣрное количество молока и меду, но и самая мѣстность, обаятельно-прекрасная, располагаетъ лишь къ аркадскому время-препровожденію. Въ наиболѣе романтической части Швейцаріи—въ Berner Oberland, около уютнаго Интерлакена, сгруппировался цѣлый букетъ аркадскихъ уголковъ, и одинъ изъ благовоннѣйшихъ цвѣтовъ этого букета—Гисбахъ.

Застѣнчиво, какъ красная дѣвица, ненуждающаяся въ похвалахъ молодой красѣ своей, скрывается Гисбахъ отъ нескромныхъ взглядовъ въ своемъ таинственномъ царствѣ и, подъѣзжая къ нему на паромѣ по Бриенскому озеру, вы только угадываете его близость—по глухому хлопотанію падающихъ въ озеро водъ. Въ непосредственной близости вы различаете нижнюю часть его—пѣнистую массу, вырывающуюся изъ-подъ вѣковыхъ хвойныхъ деревьевъ. Но, взбираясь вверхъ по обрывистому краю водопада, вы внезапно выходите на свѣтъ, въ цвѣтущую горную котловину, въ собственную, сокровенную область Гисбаха, и, какъ очарованный, не видите и не слышите сначала ничего, кромѣ самаго водопада. Съ огромной высоты, болѣе тысячи футовъ, низвергается онъ съ

занадпаго склона котловини почти стремглавъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ небольшіе уступы скаль удерживаютъ его буйный врывъ; но, какъ-бы негодуя на такое замедленіе, онъ немство, глухо реветъ, разбрасываетъ по сторонамъ клубы серебристой пыли и, переведя такимъ образомъ дыханіе, бросается съ еще большею энергіей въ слѣдующую пропасть. Сверху донизу одна непрерывная лента бѣлоснѣжной пѣны; окаймляется онъ темно-зеленою стѣною лѣсныхъ гигантовъ. Тамъ и сямъ легкіе деревянные мостики, какъ шаловливыя дѣти, осмѣлились перескочить бурный потокъ, но, оглушенные окружающимъ грохотомъ, замерли въ воздухѣ и повисли надъ стремительною бездною.

Укрѣпили вы себѣ музыкою водъ духовныя силы—сдѣлайте нѣсколько шаговъ, и обрѣтете двѣ обители, гдѣ за извѣстное число франковъ можете возстановить и своего физическаго человѣка: въ углу котловини возвышается много-этажная, обширная гостиница *Hôtel Giesbach*, а противъ самага водопада нѣсколько меньшее зданіе, прежняя отель *Гисбахъ*, составляющая нынѣ лишь родъ прибавленія къ главной отели.

Для любителей искусственныхъ развлеченій есть, наконецъ, и театральные эффекты: по вечерамъ весь Гисбахъ освѣщается бенгальскими огнями.

Быль тихій, солнечный вечеръ, съ недѣлю послѣ вышеописаннаго нами случая. Гисбахъ началъ уже облекаться въ тѣнь; только вершины окружающихъ деревъ и верхній мостикъ нѣжились еще въ золотыхъ лучахъ уходящаго свѣтила. Въ окружающемъ воздухѣ разливалась пріятная, освѣжительная сырость, никогда, даже въ знойный полдень, непокидающая окрестности водопада.

По лѣвому берегу Гисбаха, по крутой, извилистой тропинкѣ, то углублявшейся въ чашу, то выбѣгавшей къ самой водѣ, поднимались два путника — оба въ легкомъ, дорожномъ платьѣ, съ сумочкой черезъ одно плечо, съ сложеннымъ пледомъ черезъ другое. Одинъ размахивалъ, подъ тактъ распѣваемой имъ пѣсни, тростью, туземное происхожденіе которой изобличалось красиво-изогнутымъ рогомъ серны, служившимъ ей набалдашникомъ. Другой, пыхтя, упирался на коренастый зонтикъ, какой совѣтуетъ путешественникамъ имѣть при себѣ красный Бедекеръ. То были нынѣ два пріятели: Левъ и Александръ.

Они остановились. Гисбахъ въ этомъ мѣстѣ низвергается съ перевѣсившейся утесистой глыбы, такъ-что между водою и утесомъ образуется небольшой гротъ, огороженный къ водѣ перилами.

Осторожно спустились туда молодые люди, поскользаясь на сырых подмосткахъ. Гуль катившихся черезъ головы ихъ водъ былъ оглушительнъ; казалось, вся гора дрожала въ своемъ основаніи и каждую минуту грозила обрушиться на смѣльчаковъ.

— Какъ здѣсь хорошо! замѣтилъ Левъ, и шумомъ водъ почти заглушало слова его.—Я люблю сильныя ощущенія. Еслибы не было тутъ периль, которыя свидѣтельствуютъ о частомъ посѣщеніи этого мѣста, можно было бы даже струсить.

Александръ не считалъ нужнымъ отвѣчать.

— А видѣ-то каковъ? началъ опять Левъ.—Точно сквозь вуаль.

— Вуаль? ну, да, такъ чтѣ жъ? Думаю я и не придумаю, откуда нашла на меня эта дурь? Съ какой стати я поднимаюсь на горы?

— Для наслажденія природой.

— Природой? Ахъ, матушки мои! Чтѣ ты называешь природой? Ключокъ водицы и землицы, которыя видны съ вышины? кринку козьего молока? Какъ подумаю о немъ, такъ дѣлается уже скверно! Все это есть и въ долинахъ; къ чему же, скажи ты мнѣ, взлѣзать мнѣ на головоломныя вершины?

— Да хотъ затѣмъ, наконецъ, чтобы укрѣпиться физически.

— Это такъ; тебѣ такое укрѣпленіе дѣйствительно необходимо; посмотри, на чтѣ твоя физика похожа? Ни одна *Schwizermad'l* не полюбитъ тебя.

— Э, не бойся, засмѣялся Левъ:—дѣвушки любятъ исхудалыхъ, блѣдныхъ; говорятъ: интересно. Но вотъ горе: если теперь скала обрушится на насъ, то имъ дѣйствительно не придется полюбить меня.

— Ты думаешь? Обрушится скала—вода снесетъ тебя внизъ, тамъ найдутъ твой трупъ, по паспорту узнаютъ фамилію и званіе, воздвигнутъ крестъ съ приличною надписью, и сентиментальныя посѣтительницы Гисбаха будутъ проливать горькія (*respective* соленныя) слезы надъ прахомъ бѣднаго, влюбливаго юноши, съ которымъ погибла вѣрная надежда на жениха.

— А ты, Александръ, развѣ никогда не думаешь жениться?

— Не знаю; не на комъ! Но тутъ сыро, какъ разъ насморкъ схватишь. Выйдемъ.

— Выйдемъ.

Пріятели поднялись изъ подводнаго грота на правый берегъ водопада, и тутъ, по взаимному соглашенію, расположились въ травѣ, подложивъ себѣ подъ головы плѣды. Александръ закурилъ съ видимымъ удовольствіемъ сигару и забавлялся пусканіемъ дымныхъ

кружковъ. Левъ усталіа задумчиво въ влокоатвннй подъ ногами ихъ каскадъ.

— Ты, Александръ, проговорилъ онъ послѣ небольшого молчанія: — отъываешься всегда съ такимъ презрѣніемъ о женщинахъ; неужели ты никогда не любилъ?

— Не влюблялся, хочешь ты сказать?

— Ну, да.

— Случилось какъ-то разъ, но давно, когда былъ еще гимназистомъ 3-го класса. Я читалъ въ то время много романовъ, такъ подъ вліяніемъ ихъ представилъ себѣ, что обожаю одну дѣвушку, которая, сказать мимоходомъ, была ровно пятью годами старше меня.

— И ты думаешь, что никогда болѣе не влюбишься? Недостойно разумнаго человѣка, а?

— Схм.

(Мы не знали, какими буквами передать этотъ носовой звукъ, употребляемый въ разговорѣ такъ часто вмѣсто болѣе внятнаго слова «да», и полагаемъ, что лучше всего онъ можетъ быть изображенъ приведеннымъ образомъ. Да не удивится же читатель, если мы и впредь будемъ при случаѣ пользоваться этимъ сопоставленіемъ буквъ.)

— Ну, а я неразуменъ, сказалъ Левъ:—мнѣ стоять только бить въ обществѣ хорошенькой, умной дѣвушки — и я какъ самъ не свой:

И какъ-то весело,
И хочется плакать,
И такъ на шею бы
Къ ней я кинулся!

— Да какая жъ это любовь? Это просто въ тебѣ кровь молодая разыгрывается, какъ во всякомъ животномъ. А къ тому же теперь «Весна—весна, пора любви», какъ сказалъ одинъ изъ вашей братьи поэтовъ.

— Нѣтъ, Александръ, ты не понимаешь меня! Животная природа моя не играетъ тутъ ни малѣйшей роли; въ присутствіи молодой дѣвушки мои помыслы чисты, какъ — какъ вотъ эта вода, этотъ ландшафтъ передъ нами. Я люблюсь только ея наивностью и застѣнчивостью, ея миловидностью и свѣжестью, но такъ же спокойно, какъ какойнибудь прекрасной статуей.

— И животная природа твоя ни гугу? молчить?

— Гробовымъ молчаніемъ.

— Ну, ужь не повѣрю. Взгляни-ка на меня: вѣдь я недурень, а?

— Да, такъ себѣ. Тебя красить особенно борода.

— И вѣдь неглупъ?

— Нѣтъ, нельзя сказать.

— Достойный, важись, предметъ для любви? Чтò жь ты, съ которымъ я такъ друженъ, который знаетъ, что и характеръ мой не изъ самыхъ-то скверныхъ, не влюбилъсь въ меня?

— Что за дичь!

— Дичь, тобой же сочиненная. Ты отвѣтъ на мой вопросъ: почему бы тебѣ не влюбиться въ меня?

— Разумѣется, потому, что ты мужчина.

— А! такъ предметъ твоей любви долженъ быть непременно женщина, хотя бы она и не была такъ хороша, такъ умна, какъ иной мужчина. Значить, ты влюбляешься въ женщину только потому, что сознаешь, что она существо діаметрально тебѣ противоположное, что ты положительный полюсъ, она — отрицательный, а разные полюсы, извѣстное дѣло, стремятся соединиться, дополнить другъ друга. Это стремленіе совершенно безотчетно, какъ всякая животная потребность, какъ голодь и жажда.

Левъ тихо засмѣялся.

— Чтò ты смѣешься? развѣ неправда?

— Ты и не подозрѣваешь, Александръ, что попалъ сюда, въ Швейцарію, вслѣдствіе той же любовной нужды, что пританулъ тебя сюда отрицательный полюсъ.

— Какъ-такъ? Магнитныя свойства мои въ настоящее время, какъ въ кускѣ желѣза, безразличны.

— Но ты забываешь, что отъ прикосновенія магнита и въ желѣзѣ возбуждается магнетизмъ; въ настоящемъ случаѣ этимъ магнитомъ послужилъ я.

Левъ рассказалъ пріятелю о своей висбаденской встрѣчѣ.

— Такъ вотъ чтò! замѣтилъ Александръ. — А я не могъ объяснить себѣ, чтò тебя такъ приспичило ѣхать ту же минуту въ Интерлакенъ. Но неужели ты успѣлъ уже влюбиться? развѣ всего видѣлъ мелькомъ, да и то не говорилъ ни слова.

— Нѣтъ, я еще не влюбленъ, не знаю даже еще, которая изъ обѣихъ мнѣ больше нравится, но мнѣ хотѣлось бы влюбиться, я жажду любви.

— Ты, конечно, сочинилъ стихи по этому случаю?

— А ты почему знаешь?

— Да вѣдь ваша братья, поэты, рады всякому случаю излить
Т. СЛХ. — Отд. I.

свои чувствованія. Ну, что жь, буду великодушень, прочту, дай-ка сюда.

— Да вѣдь я и не предлагалъ тебѣ...

— Будто не видно по твоему лицу, какъ ты радъ? Вѣдь нескоро, пожалуй, представится опять случай блеснуть своимъ талантомъ; вользуйся же.

Левъ вынулъ какъ-бы нехотя небольшую варманную книжку и, отыскавъ, что требовалось, подаль ее другу.

— Я хотѣлъ бы только, чтобы ты понялъ мои чувства.

— Ну, да! А авторское самолюбіе такъ и просить щечотки.

Александръ взялъ книжку, повернулъ страницу, другую, и довольная улыбка пробѣжала по его лицу.

— Пододвиньтесь-ка сюда, *sig Leo*, надо васъ по головкѣ поглядить?

— За что такая милость?

— Да ты хоть поэтъ, а здравомыслящъ и прагматиченъ, какъ мы, грѣшныя, неизбранныя: тутъ у тебя въ перемежку—и стихи и дорожные счеты; за это люблю. И такъ:

Есть въ жизни странныя мгновенья,
Когда душа полна стремленья—
Къ чему? неясно ей самой...

Дѣйствительно странныя мгновенья. Душѣ твоей бываетъ, значить, что-нибудь ясно? Она у тебя мыслить?

Но въ жилахъ кровь играетъ чудно,
Дышать невыразимо-трудно,
И самъ невластенъ надъ собой.

Грустное положеніе, признаюсь: невластенъ надъ собой!

И на щекахъ пылаютъ розы—

Гм!

«Изъ глазъ невольно каплютъ слезы—

Александръ прервалъ чтеніе и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на друга.—Вотъ какъ? ты плакалъ?

— Нѣтъ, не то, чтобы... а близко было... запынался поэтъ, опускающая глаза и краснѣя.

— И на щекахъ пылаютъ розы—справедливо. Гдѣ жь я остановился... да:

слезы,
Сама душа мягка, добра,
И, позабывъ пору ненастья,
Желаетъ всѣмъ на свѣтѣ счастья,
Всѣмъ людямъ блага и добра.

Плеоназми, братъ: *счастья, блага, добра; желаетъ естество и — естество людско*. Последнюю строчку можно бы вовсе выбросить. И какая рима: *добра—добра!* Точно, какъ гдѣ-то: *по калачу—поколочу*. Нехорошо! Далѣе:

Она томиться перестала—

Она? кто жь это? Одна изъ висбаденскихъ красотокъ? Ты вѣдь про нихъ ничего покуда не говорилъ?

— И теперь не говорю. *Она* у меня—душа.

— Текъ-съ.

томиться, значить, перестала,
 Осуществленье идеала
 Въ дали предвидать наконецъ,
 И чувство въ ней растеть и зрѣть,
 И бѣдна повѣрить смѣть,
 Что есть созвучіе сердець.

— Что есть созвучіе сердець! повторилъ чтець нараспѣвъ.—Ничего, гладко. Только душѣ твоей, я думаю, нечего догадываться, что есть созвучіе сердець: твои были студентскія интрижки достаточно свидѣтельствуютъ, какъ глубоко она понимаетъ это созвучіе. «Созвучіе сердець»! Вѣдь выдумаетъ же! О, поэты!

— Да чѣмъ же эта метафора нехороша? Я, напротивъ, очень доволенъ ею. Подай-ка мнѣ лучше тетрадку. Ты, Александръ, добрый малый, но поэзии въ тебѣ ей-богу нѣтъ ни капли.

— Или по-крайней-мѣрѣ я не слышу капли ея въ морѣ прозы. Не гомеопатъ—что жь дѣлать!

—Только пчела узнаётъ въ цвѣтѣхъ затаенную сладость,
 Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ,

продекламировалъ съ шутливымъ пафосомъ поэтъ.

— Ты вѣчно съ своимъ Пушкинымъ!

— Пушкинымъ? не смѣши. Когда ты читалъ въ послѣдній разъ Пушкина?

— Въ дѣтствѣ; но развѣ это не изъ Пушкина? начинается еще:

«Урну съ водою уронивъ» —

— Ну, полно, не срамясь; стихъ, который я привелъ, былъ изъ Фета... Но отъ этихъ толковъ, у меня въ горлѣ сущая Сахара. Слѣдовало бы сходить въ отель, выпить рейнвейну, но лѣнь... Попробуемъ гисбахскихъ волнъ.

И, потянувшись, поэтъ приподнялся и сталъ спускаться по окраинѣ утеса къ водѣ.

— Разобьешься, предостерегалъ его сверху товарищъ.

Добравшись благополучно почти до самой воды, Левъ сдѣлалъ еще прыжокъ, и очутился на маленькой гранитной площадкѣ, непосредственно омываемой набѣгающими волнами водоворота, образовавшагося въ углубленіи скалы. Молодой человѣкъ опустился на колѣни, положилъ шляпу возлѣ себя, перевѣсилъ всѣмъ тѣломъ надъ водоворотомъ и, опустивъ голову къ поверхности воды, приложился къ ней губами. Вдругъ взоры его, устремленные безсознательно на гранитный обрывъ, приковались къ расщелинѣ утеса, гдѣ видѣлся какой-то свѣтлый камушекъ; Левъ быстро приподнялся и выломалъ его оттуда. То была раковина, облѣпленная кругомъ глиной. Отколупавъ глину, Левъ досталъ изъ жилета маленькую складную лупу.

— Любопытное приобрѣтеніе, Александръ, промолвилъ онъ, разглядывая раковину. — Какъ бы ты думалъ: *Orthis*? Да, *Orthis calligrapha*; спрашивается, какъ она сюда попала, на Гисбахъ? Этотъ видъ *Orthis* встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, только въ силурійской формациі, а силурійской формациі нѣтъ въ Швейцаріи. Надо будетъ справиться въ Мурчисонѣ.

— Спрячь-ка свою *Orthis* покуда въ карманъ, замѣтилъ Александръ.—Силурійская формациа изобилуетъ сѣрой ваккой, а здѣсь сѣрой вакки и слѣда нѣтъ; значить, что -нибудь да не такъ. Но Мурчисонъ самъ по себѣ, а гуманность сама по себѣ: ты утолилъ свою жажду и не думаешь обо мнѣ. Нѣ, зачерпни и для меня.

Онъ хотѣлъ бросить Льву шляпу. Тотъ наклонился уже къ водѣ.

— Да я въ свою; вѣдь ты не брезгаешь?

— Нѣтъ. *Naturalia non sunt turpia*. Ты не помадишься?

— Помажусь.

— Такъ выполоски.

Левъ послѣдовалъ совѣту и зачерпнулъ шляпу до краевъ.

— Приобрѣтай. Чтобъ было вкуснѣй, вообрази себя героемъ извѣстной нѣмецкой баллады: ты—смертельно раненый рыцарь, томящійся въ предсмертныхъ мукахъ невыносимой жаждой; я—твой вѣрный щитonosецъ, Кпарре, также тяжело раненый, но изъ безконечной преданности къ своему господину допоздній до ближняго студеного ключа и возвращающійся теперь съ полнымъ шлемомъ живительной влаги.

— Воображаю; только не мучь своего рыцаря, давай скорѣй... Эхъ, братъ, ну какъ же это можно! А все твоя баллада.

Изнывающему рыцарю не пришлось на этотъ разъ утолить свою жажду: до краевъ наполненный шлемъ, размокнувъ отъ живитель-

ной влаги, поддался съ одного конца давленію ея, и холодная струя плеснула въ лицо оруженосца. Выпустивъ импровизированную чашу изъ рукъ, испуганный Кпарре отпрянулъ мгновенно въ сторону. Но съ присутствіемъ духа, подобающимъ его высокому званію, рыцарь не выпустилъ шлема изъ искаженныхъ предсмертною мукою пальцевъ; удрученный тяжестью заключенной въ немъ влаги, шлемъ опрокинулся, и освѣжительный напитокъ расплескался по обрыву.

— *Vanitas, vanitatum vanitas!* вздохнулъ рыцарь, качая предъ собою въ воздухъ печально свѣсившуюся чашу.

— Ха, ха, ха! задивался щитносець, вытирая рукавомъ лицо.— Брось ее сюда; такъ и быть, налью снова.

— Нѣтъ, ужъ спасибо, я не танталъ.

Онъ вынулъ часы.

— Половина 7-го... Спустимся-ка въ гостиницу; тамъ рейнвейнъ, я надѣюсь, посущественнѣ твоихъ гисбахскихъ волнъ.

Вскарабкавшись на площадку, Левъ взялъ свою насквозь измокшую шляпу изъ рукъ пріятеля, выжалъ ее и накрылся ею.

— Какая холодная! проговорилъ онъ, морщась. — «Что жъ ты спишь, мужичокъ»? Зовешь съ собой, а самъ ни съ мѣста. Давай лапу. «Ну, проснись, подымись»... Фу, какой тяжелый!

Покраснѣвъ отъ напряженія, поэтъ успѣлъ однакоже приподнять товарища на столько, что тотъ самъ всталъ на ноги. Перебросивъ черезъ плеча плащъ, молодые люди начали спускаться по тропинкѣ. Съ озера донеслись звуки звонка.

— Вотъ и пароходъ изъ Интерлакена, сказалъ Левъ. — Ты, конечно, отиравляешься утолить свою жажду? Я пойду встрѣчать интерлакенцовъ; можетъ быть, найдется кто русскій: въ Интерлакенѣ, говорятъ, всегда много русскихъ. Закажи пожалуйста и для меня порцію бифштекса и бутылку рейнвейна.

— Какого тебѣ? іоганисбергера?

— Нѣтъ, либфрауенмилхъ; все, что находится въ какой-либо связи съ *Liebe* и *Frauen*, пользуется теперь моимъ особеннымъ благоволеніемъ.

Подъ водопадомъ друзья разошлись въ противоположныя стороны: Александръ повернулъ направо — къ гостиницѣ, Левъ взялъ вагъю — къ пристани.

III.

УЛЬТРАПРОГРЕСИСТЪ.

Когда Левъ спустился къ самой пристани, публика уже высаживалась съ парохода, и небольшая платформа пристани отказывалась вмѣстить всю толпу — болѣе впрочемъ по тому обстоятельству, что было много дамъ, а прекрасный полъ, проводящій лѣтній сезонъ въ Интерлакенѣ, рядится, какъ извѣстно, необыкновенно пышно и носить платья шириною чуть ли не въ Бrienцкое озеро.

Левъ остановился на краю дорожки, ведущей отъ пристани вверхъ къ отелю, чтобы не пропустить никого незамѣченнымъ. Вдругъ на губахъ его мелькнула улыбка и онъ махнулъ рукою: съ парохода сходилъ одинъ знакомый ему русскій.

То былъ юноша лѣтъ девятнадцати, много двадцати. Пушокъ едва пробивался на благообразномъ, самонадѣянномъ, слегка уже измятомъ лицѣ его. Станъ его, и безъ того очень стройный и тонкій, дѣлался еще подвижнѣе и гибче отъ видимыхъ стараній юного *somme-il-faut* вложить въ каждое движеніе грацію. Въ правомъ глазу ущемлялось у него стеклышко. Платье, сшитое по послѣдней парижской модѣ, сидѣло на немъ превосходно, и страдало развѣ излишкомъ изящности и воздушности для наряда туриста въ гористой мѣстности, какъ Швейцарія.

Пріѣзжій также замѣтилъ Льва и мотнулъ ему издали головой.

— *Que diable! est ce toi, Lastow, que je vois?* началъ онъ скороговоркой, когда добрался до поэта, и протянулъ къ нему съ граціозной небрежностью свою маленькую, аристократическую руку, обтянутую въ палевою лайковую перчатку. — *D'où viens tu, parbleu?*

— Мы съ Змѣинымъ, однимъ университетскимъ товарищемъ, сколотили рубликовъ по триста и, когда сдали кандидатскій экзамень, пустились въ чужіе края. Вотъ мѣсяць уже какъ шатаемся изъ стороны въ сторону. Но ты, братъ Куницынъ, какими судьбами?

— *Moi? Mais je viens, comme toi, de finir mon cours — que le diable emporte toute l'école, «je veux bien, que le diable l'emporte!» maintenant je me suis pensionné à Interlaken... Quelle découverte j'y ai faite, te dis-je! fichtre! Il ne me reste rien, que de faire sa connaissance—un ange, un diable de fille, parole d'honneur! Coquette comme la belle Hélène, vive comme un chaton, spirituelle comme...*

— *Aber, Liebster, Lester, Gutester... перебилъ Левъ.—Du hast sie nicht einmal gesprochen, und rühmst schon ihren Spiritus?*

Купицинь съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на говорящаго.

— Que veut dire tout cela, Lastow?

— Что?

— Да Германія?

— А Франція?

— Да вѣдь ты же говоришь пофранцузски?

— Говорю, только не такъ свободно, какъ порусски. Со времени же гимназій мы съ тобой объяснялись всегда порусски; такъ я не вижу надобности въ чужомъ нарѣчій.

— Образованному человѣку должно быть *absolument* все равно, на какомъ бы нарѣчій ни объясняться! Если же я разъ заговорилъ съ тобой пофранцузски, то тебѣ бы ничего не стоило отвѣчать мнѣ на томъ же языкѣ, а то вздумалъ еще подтрунивать... *Franchement dit*, Ластовъ, ты поступилъ даже *bien impoliment*.

— Напротивъ, другъ мой, *impoliment* поступилъ ты самъ: ты заговариваешь со мною пофранцузски; я отвѣчаю порусски, тонко намекая тебѣ этимъ, что французскій языкъ между нами не у мѣста. Ты, и ухомъ не ведя, продолжаешь пофранцузски. Развѣ это не *impolitesse*? Съ такимъ же точно правомъ могъ я употребить нѣмецкій языкъ, который знаю лучше французскаго; тебя это не могло обидѣть: «вѣдь всякому образованному человѣку рѣшительно все равно, на какомъ бы нарѣчій ни объясняться»; слѣдовательно и все равно, отвѣчаютъ ли ему пофранцузски или понѣмецки.

— И ты говоришь это серьезно? спросилъ съ удивленіемъ Купицинь. — Нѣмецкій языкъ трещить, шипить, скрипитъ; французскій—благодаря своей гармоничности, сдѣлался *international'* нымъ европейскимъ языкомъ, какъ арабскій въ Азіи. Французскій языкъ—можно смѣло сказать—гарантія развитости человѣка, такъ-какъ помощью его сближаются народности, сближаются Сѣверъ и Югъ, Востокъ и Западъ, а сближеніе, какъ извѣстно, развиваетъ и ведетъ ко всемірному прогрессу, то-есть къ тому, что составляетъ цѣль всякаго, мало-мальски образованнаго человѣка XIX-го столѣтія.

— Ого-го, какъ ты краснорѣчивъ, коть сейчасъ въ адвокаты! засмѣялся Левъ, просовывая пріятельски руку подъ руку молодого прогресиста. — Какъ разъ доведешь своими неодолимыми силлогизмами еще до раскаянья, что я не внялъ гласу твоему, не поступилъ, какъ ты, въ училище правовѣдѣнія, или не сдѣлалъ по-крайней-мѣрѣ изученія французскаго языка основною цѣлю своей жизни. Расскажи-ка лучше что-нибудь про свою прекрасную Елену.

— Пожалуй... Ее впрочем зовутъ не Еленой, а Надеждой, или, вѣрнѣе, Наденькой.

— Наденькой?

— Да. Ихъ двѣ сестры; она младшая. Есть и мать; рѣш наперсница; все какъ въ романѣ...

— Да какъ какъ, не Липецкими ли ужъ зовутъ?

— Липецкими. А ты почему знаешь?

— Видѣлъ въ Висбаденѣ; впрочемъ, незнакомъ. Такъ онѣ здѣсь, на Гисбахѣ?

— Да, пріѣхали вмѣстѣ со мною на пароходѣ. Не то бы зачѣмъ мнѣ пріѣзжать сюда? Эка невидаль!

— Но ты говоришь, Куницынъ, что также незнакомъ съ ними; какъ же это такъ? Ты, кажется, парень не промахъ, мастеръ на завязки.

— Je crois bien! Но тутъ совсѣмъ особенный случай. Заговорилъ какъ-то за столомъ—не отвѣчаетъ; отвѣтила за нее ея confidente, Моничкой зовутъ; не правда ли, оригинальное имя? вѣроятно производное отъ лимона? Впрочемъ, она скорѣе похожа на яблочно, на крымское. Вотъ бы тебѣ, а? Да и какъ удобно: она не имѣетъ надъ собой ни родителей, ни кого; Липецкимъ она приходится кузиной, или чѣмъ-то въ родѣ того, и г-жа Липецкая ея quasi-начальница. Но принадлежа къ новому поколѣнію, Моничка, разумѣется, не признаетъ этого начальства, дѣлаетъ что вздумается, прогуливается solo-solissima, и т. д. Совѣтую приволочнуться.

— Да которая изъ нихъ Моничка? Чтѣ повыше?

— Нѣтъ, то Наденька. Моничка—маленькая, кругленькая бретка.

— Вотъ увидимъ. Покуда онѣ для меня обѣ одинаково интересны.

— А для меня нѣтъ! Моничка, знаешь, такъ себѣ, средній товаръ; Наденька—отборный сортъ. Тебѣ она, можетъ быть, покажется ребѣнкомъ, нераспустившимся бутонемъ; но это-то и есть самая суть, съ настоящимъ haut-gout: я крыжовника терпѣть не могу, когда онъ переспѣлъ.

— Ты, братъ, какъ я вижу, эпикуреецъ.

— А то какъ же? Ха, ха! Вы, университетскіе, воображаете, что никто, окромѣ васъ, не заглядывалъ въ Вюхнера, въ Прудона... Да, Прудонъ! Помнишь, какъ это онъ говоритъ тамъ... Ah, mon Dieu, забылъ! Не помнишь ли, какая у него главная thèse?

— Самое известное положеніе его: «La propriété c'est le vol»; но въ настоящемъ случаѣ оно едва-ли примѣнимо.

— Да не то!

— Онъ, можетъ быть, говорить, что незрѣлый крыжовникъ лучше зрѣлаго?

— Ха, ха, ха! можетъ быть... Но ты самъ убѣдишься, что мой незрѣлый куда аппетитнѣе всякаго зрѣлаго. *Qu'importe*, что я не сказалъ съ ней и двухъ словъ: у молоденькихъ дѣвицъ все à découverte — и хорошее и дурное; а если ты замѣчаешь въ дѣвицѣ одно хорошее, значитъ, она — *chef-d'oeuvre*.

— *Chef-d'oeuvre* или козленокъ: любовь глупа, полюбить и козла.

— *Fi*, какія у тебя *proverbes*! Вопервыхъ, она и не можетъ быть козленкомъ, потому что не мужчина, козель же мужского пола; развѣ козочкой, а козочки — прелестныя животныя, *des bêtes, qui ne sont pas bêtes*; правда, *un peu trop naïves*, но *d'autant mieux*: тѣмъ болѣе вольностей можно позволять себѣ съ ними.

Въ такихъ разговорахъ пріатели наши взбирались вверхъ по правому берегу Гисбаха, черезъ груды ваменей и исполинскіе древесные корни, пока не вышли въ горную котловину.

Куніицнѣ удостоилъ водопадъ только бѣглого взгляда, снялъ шляпу и батистовымъ платкомъ вытеръ себѣ лобъ, на которомъ выступила испарина.

— Неужели нѣтъ другого пути, чтобъ добраться сюда? спросилъ онъ, отдуваясь.

— Какъ не быть; остальная публика, кажется, и предпочла большую дорогу. Но здѣсь ближе и романтичнѣе.

— Романтичнѣе! Очень мнѣ нужна романтичность! Въ настоящее время всякая романичность — анахронизмъ. Вотъ и ботинку разодралъ! Нѣчего сказать — романтично!

— Да, милый мой, ботинки — въ Швейцаріи вещь ненадежная; въ Интерлакенѣ ты, вѣроятно, можешь пріобрѣсть такіе же толстокожіе башмаки, какъ у меня, съ двойными подошвами и гвоздями.

— Да вѣдь они жмутъ?

— Жмутъ, но только первые два дня; потомъ ложатся по ногѣ. Впрочемъ, не надѣйся, что преодолѣлъ всѣ трудности: я намѣренъ встлщить тебя еще вонъ куда...

Левъ указалъ на крутизны Гисбаха.

— Шалишь, не заманишь!... Это что за душка? присовокупилъ правовѣдъ, завидѣвъ молоденькую швейцарку въ дверяхъ небольшого домика, о которомъ мы еще не упомянули. Домикъ этотъ, тигъ

швейцарскаго шале, съ перевѣсившемся кровлею, расположенъ подъ сѣнью деревъ, сейчасъ возлѣ старой отели, и есть одинъ изъ магазиновъ бrienской фабрики орѣховыхъ издѣлій, снабжающей всѣ главные пункты Швейцаріи своими красивыми бездѣлушками, которыя такъ охотно покупаются на память туристами.

— Сюда, если кочешь, пойду, продолжалъ Кунцигнъ:—тутъ таже своего рода романтизмъ.

— Можно. Видишь, какъ она привѣтливо улыбнулась, когда замѣтила, что мы повернули къ ней? Продувной народецъ! Улыбка ея относится исключительно къ нашему кошельку; дѣлается даже грустно, что и улыбки-то приходится покупать. Guten Abend Fräulein!

— Schönen Dank, meine Herren! Freten Sie nicht näher?

— Gewiss. Замѣчаешь?

И они послѣдовали за швейцаркой въ сокровищницу ея.

IV.

КАКЪ ЗАКЛЮЧАЮТСЯ НЫНѢШНЕ ЗНАКОМСТВА.

Александръ приближался между тѣмъ мѣрными шагами къ главной отели *Gisbahz*, вошелъ въ общую столовую, сложилъ плащъ, зонтикъ и дорожную суму въ уголъ на стулъ, и, подозвавъ къ себѣ кельнера, заказалъ двѣ порціи бифштекса—одну сейчасъ, другую черезъ полчаса, да по бутылкѣ юганисбергера и либфрауенмилхъ. Кельнеръ, не подозрѣвая, что вторая порція бифштекса и одна изъ бутылокъ предназначались отсутствующему спутнику Александра, посмотрѣлъ на сего послѣдняго съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, потомъ чуть ухмыльнулся и, проговоривъ: *Very well, sir*,— поспѣшилъ исполнить требуемое. Онъ сообразилъ, что столь прозорливый субъектъ можетъ принадлежать только къ англійской націи.

За длиннѣйшимъ столомъ, покрытымъ снѣжно-бѣлой скартертью, возсѣдало уже нѣсколько гостей, занятыхъ—кто ужиномъ, кто чаемъ. Александръ расположился на свободномъ концѣ стола. Рядомъ съ нимъ сѣлъ дородный, среднихъ лѣтъ нѣмецъ; въ ожиданіи заказаннаго имъ пива, заговорилъ онъ съ Александромъ. Тотъ, занятый своимъ ужиномъ, отвѣчалъ довольно неохотно. Но нѣмецъ, наводившій рѣчь на полевая работы, удобреніе почвы и т. п., и оказавшійся по справкѣ агрономомъ, вскорѣ пречудлъ въ Александрѣ знающаго химика, и, рѣшившись во что бы то ни

стало воспользоваться этимъ случаемъ эксплуатировать безвозмездно чужія знанія, осыпалъ его вопросами. Александръ, убѣдись наконецъ въ необходимости сносить терпѣливо эту невзгоду, добѣл на скорую руку свой бифштексъ, вытеръ салфеткою ротъ и, сдѣлавъ изрядный глотокъ изъ стакана, повернулся къ сосѣду.

— Ну, кончили. Теперь можете спрашивать, сколько угодно. Тотъ, конечно, не далъ сказать себѣ этого два раза.

Противъ и около нихъ расположилось нѣсколько дамъ — русскихъ, какъ оказалось по разговорамъ. Александръ, хотя и не видѣлъ еще Липецкихъ, но догадался, что должно быть онѣ. Лицо Лизы показалось ему сверхъ того какъ-будто знакомымъ, но онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета, гдѣ именно видѣлъ ее. Г-жа Липецкая разговаривала съ одной французской графиней, съ которою сошла на пароходѣ. Двухъ младшихъ дѣвицъ она разсадила намѣренно розно, чтобы обуздать ихъ пылкій нравъ, высказывавшійся въ подталкиваніи локтя сосѣдки, когда та подносила къ губамъ чашку, и т. п. Но, и разлученныя, онѣ не унимались, и упражнялись въ телеграфномъ искусствѣ особаго рода, приставляя пальцы то ко рту, то къ носу, то ко лбу, и хихикали потомъ дружно. Одна Лиза пила свой чай молча, не вмѣшиваясь ни въ разговоръ дамъ, ни въ мимическую болтовню дѣвицъ.

— Знаешь, о чемъ мы говоримъ? обратилась къ ней, смѣясь, Моничка.

— О чемъ?

— Да не говори! перебила Наденька.

— Отчего же? что за важность? Никто же не пойметъ. Хоть бы наши vis-à-vis: отъявленная нѣмчура. Послушай только, о чемъ они толкуютъ.

— За тѣмъ-то вѣдь и оставляютъ поля подъ паромъ, говорилъ Александръ:—запасъ неорганической пищи растений истощается наконецъ, и только въ годъ отдыха, поле, вывѣтриваясь, разрыхляясь подъ вліяніемъ вѣшной сырости и тепла, успѣваетъ выработать новый запасъ легко-растворимыхъ неорганическихъ частицъ, необходимыхъ для постройки скелета растенія и вбираемыхъ корневыми мочками его вмѣстѣ съ дождевою водою.

— А органическія вещества? возразилъ нѣмецъ.—Читалъ же я, что изъ почвы растеніе пользуется только неорганическою пищею; между тѣмъ доказано на опытѣ, что если удобривать землю падалинной, или вообще азотистыми веществами, какъ-то: копытами,

рогами, то урожаи бывают не въ примѣръ обильнѣе. Что вы скажете на это?

— Что ни химія, ни физиологія конечно не показали еще, какъ именно происходитъ питаніе растений азотистыми веществами, но что не подлежитъ сомнѣнію; что они питаются ими. Это Либихъ распространилъ мнѣніе, будто весь свой азотъ растенія извлекаютъ исключительно изъ воздуха; ну, а что скажетъ Либихъ, то, разумѣется, свято, и затянули всѣ одну пѣсню.

— Слышали, mesdames? расхохоталась Моничка.— Чудо, какъ интересно. Передъ ними сидятъ хорошенькія дѣвицы, а они толкуютъ—объ удобреніи! Натурально колбасники.

— Впрочемъ, разсуждаютъ логично, замѣтила Лиза:— въ особенности младшій, бородастый. Даже Либиха не признаётъ; должно быть, дѣльный химикъ.

— Дѣльный химикъ по части пива—это такъ! Взгляни на эти мужицки-атлетическія формы, на эту флегму, si contente de soi-même—ну, Бахусъ, да и только!

— Гамбринусъ, хочешь ты сказать? Богъ пива—Гамбринусъ.

— А вѣдь онъ вовсе недурень, замѣтила въ свою очередь Наденька.— Только носъ немножко широкъ да глаза зеленые. Зубы чиститъ тщательно; за то люблю: точно заглядываешь внутрь челоуѣка, въ душу, которая такъ же чиста.

— Такъ сказать тебѣ, Лиза, о чемъ мы говорили съ Наденькой? начала опять Моничка.

— Да перестань, перебила опять Наденька.

— Eh pourquoi pas? Ничего. Видишь ли...

— Такъ постой же, дай, я сама; признаваться, такъ признаваться. Слушай, ma chère...

Наденька оглянулась по сторонамъ и продолжала, понизивъ голосъ :

— Вчера, часу въ 11-мъ вечера, когда мы уже улеглись съ тобой, раздается вдругъ легкій стукъ въ окошко. Я прислушиваюсь— снова стукъ. Я вскакиваю, завертываюсь въ одѣяло и— въ окошко. — Гляжу— Моничка. Я тихонько открываю окно. «Спитъ Лиза?» спрашиваетъ она шопотомъ. «Спитъ; а что?»— «Да не хочешь ли повоажировать?» При этомъ она распахнула мантию, которая прикрывала ей плечи. Я чуть не вскрикнула отъ удивленія. «Что съ тобою, Моничка?» прошептала я. Вообрази: она, сумасшедшая, совсѣмъ déshabillée, въ одной chemise...

— Неправда! перебила Моничка:— я была и въ туфляхъ.

— *C' est vrai*: постѣ ты потеряла одну въ травѣ... Я сперва не рѣшалась идти съ нею; но потомъ, разсудивъ, что все въ домѣ спать, не могла удержаться, надѣла ботинки, навинула тальму—и маршъ изъ окошка въ садъ.

— Милоточки! но къ чему все это?

— Къ чему! Хотѣлось набѣгаться. Мы перескочили ограду и бросились въ рожь, росистую, мокрую, ловить другъ друга...

Александръ, разговаривавшій все это время съ нѣмцемъ, вслушивался однимъ ухомъ и въ болтовню дѣвицъ. При послѣднихъ словахъ Наденьки, онъ всталъ изъ-за стола, сказалъ своему сосѣду:—*Im Augenblick bin ich wieder da*, и, взявъ со стула въ углу шляпу, вышелъ изъ комнаты.

Въ поискахъ за Львомъ, Александръ добрелъ до старой отели, когда завидѣлъ пріятеля сквозь отворенную дверь вышеописаннаго магазина швейцарскихъ издѣлій, любезничающимъ съ кокетливой продавщицей.

— Вотъ этотъ альбомъ, говорила швейцарка вкрадчивымъ голосомъ:—вы подарите своей сестрицѣ—вѣдь у васъ есть сестрица? А то невѣстѣ... Но нѣтъ, для невѣсты мы выберемъ что-нибудь посолиднѣе... хоть бы эту брошку; видите: чистая слоновая кость, и олень-то какъ вырѣзанъ!

— Да у меня нѣтъ еще невѣсты... бормоталъ растерянный Левъ, перекладывая изъ руки въ руку два орѣховыхъ ножа для прорѣзыванія бумаги, чернильный приборъ и проч., которыми проворная дѣвушка успѣла уже нагрузить его.

— Ну, такъ есть возлюбленная? говорила она, взглядывая лукаво ему прямо въ глаза.—Чтобъ у такого у красавчика да не было возлюбленной—этому я ни за что не повѣрю.

— Въ томъ-то и дѣло, моя милая, отвѣчалъ въ ея-же тонѣ Левъ:—что у насъ не водится такихъ душекъ, какъ вы; потому даже и возлюбленной нѣтъ.

Купицынъ тѣмъ временемъ разглядывалъ въ стеклышко разнообразныя вещицы, разставленныя въ шкапахъ. Онъ было-попытался заглянуть съ нѣжностью въ глазки швейцарки; но когда та, нимало не смущаясь этимъ, пристала и къ нему: «да возьмите это, да купите то», онъ сдѣлался поразительно холоденъ и снизошелъ только приобрѣсть крошечную орѣховую папиросницу, которую нашель въ самоновѣйшемъ вкусѣ.

— Послушай, Левъ, заговорилъ, входя, Александръ:—брось эти пустыя и пойдемъ со мной: важное дѣло.

Подошелъ Куницынъ.

— Что жь ты, Ластовъ, не представишь насъ другъ другу?

— Виноватъ. Благословляй свою судьбу, о, Александръ, что удостоился узрѣть сего мужа! Се, онъ, le célèbre Koupinine, представитель петербургскихъ mauvais-sujets. До 4-го класса гимназій и имѣлъ счастье называть его своимъ товарищемъ; но тутъ, постигнувъ свое высшее назначеніе, онъ переселился въ храмъ Ѳеиди; до нынѣшняго года посвящался онъ въ таинства богини. Попеченія жрецовъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: граціознѣе его никто не канканируетъ (у Ефремова предлагали ему по пяти рублей за вечеръ, съ открытымъ буфетомъ), лучше его никто не знаетъ приличій высшаго тона (по утру весь туалетъ заваленъ у него душистыми записочками); французскимъ языкомъ пропитанъ онъ насвозь, до кончиковъ ногтей, словно наэлектризованъ, такъ что стоить только дотронуться до него пальцемъ, чтобы вызвать вскризисканнѣйшихъ парижскихъ bon-mots...

— Но, Ластовъ, это безсовѣстно... протестовалъ, нахмурились, правовѣдъ.

— Впрочемъ, добрый малый, присовокупилъ Левъ: — видишь, даже не сердится надъ моею нѣскольکو изысканной рекомендаціей.

— Очень пріятно познакомиться, сказалъ Александръ, пожимая Куницыну руку.

— Сей, продолжалъ рекомендовать Левъ, показывая на Александра: — Змѣннъ, натуралистъ, также вполне оправдавшій надежды своего начальства, ну, и — натуралистъ, однимъ словомъ. Принимаешь?

— Не совѣмъ. Должно быть, нѣчто въ родѣ тебя?

— Приблизительно; только еще воплощеннѣе. Зачѣмъ ты звалъ меня, Александръ?

— Да надо проучить трехъ землячекъ крайне неугомоннаго свойства. За чаемъ онѣ сѣли противъ меня, и, воображая, что никто въ комнатѣ не понимаетъ порусски, давай пускаться въ откровенности, которыхъ безъ сомнѣнія не предназначали для постороннихъ ушей. Бѣды еще въ этомъ нѣтъ: онѣ очень молоды; но чтобы предупредить впредь повтореніе такой вѣтрености, я рѣшился дать имъ наставленіе: я ворочусь и займу свое мѣсто противъ нихъ, ты подойди ко мнѣ да заговори порусски. Посмотримъ, придется ли имъ это по вкусу.

— C'est superbe, délicieux! захохоталъ Куницынъ. — Бьюсь объ закладъ, что это Липецкія. Меня уже заранѣе радуешь ихъ embarras.

гас; играютъ такихъ *inaccessibles*, а сами... Вы, м-г Эмъинъ, молодчина, ей-богу, молодчина! *sapristi!*

— О, подхватилъ Левъ: — онъ такой *sapristi!*, что ай-ляли! не подходи близко.

Молодые люди направились къ главной отели. Александръ вошелъ въ столовую первымъ. Занявъ свой стулъ, онъ возобновилъ разговоръ съ любознательнымъ нѣмцемъ. Моничка и Наденька пересмѣивались.

— Полноте, укрощала ихъ Лиза: — чтѣ жъ тутъ особеннаго? Дѣло самое натуральное.

Вскорѣ вошли Куницмыъ и Левъ, и послѣдній, согласно условію, подошелъ къ своему пріятелю и спросилъ его во-всеуслышанье: — а ты, Александръ, заказалъ для меня бифштекса и рейнвейна?

Нельзя изобразить, какое магическое дѣйствіе произвели эти, сами по себѣ весьма невинныя слова на нашихъ дѣвицъ: Наденька, узнавъ во Левѣ съ перваго же взгляда висбаденскаго игрока, вспыхнула до висковъ и закрылась руками; Лиза подняла голову и молча вперла въ лицо Александра полный изумленія, серьезный взоръ; Моничка, наконецъ, приснувшая сначала, поняла тутъ же всю неловкость своего положенія и съ запальчивостью обратилась къ Александру:

— Вы, милостивый государь, знаете порусски и не могли обѣзвѣить намъ это прежде?

— Напрасно вы горячитесь, отвѣчалъ спокойно Александръ: — не вы ли сами посвящали все присутствующее общество въ ваши частныя тайны? Чѣмъ виновать смертный, случайно понимавшій порусски?

— Но вы должны были предупредить насъ.

— Я и предупредилъ: позвалъ нарочно товарища, чтобы онъ заговорилъ со мною.

— Какъ, вы нарочно ходили за нимъ? *c'est horrible!*

— Скажите, сударь, обратилась тутъ къ Александру Лиза, вымѣривая его ледянымъ взглядомъ: — вы хотѣли дать намъ урокъ?

— Сми!

— Но по какому праву, позвольте васъ спросить?

— По очень простому: по праву взрослога наставлять дѣтей.

— Дѣтей! Еслибы вы знали, съ кѣмъ говорите...

— А именно?

— Я... я болѣе года посѣщала университетъ, покуда не вышло запрещенья...

— Такъ вы экс-студентка? Что жь, такихъ субъектовъ на свѣтѣ божья благодать.

— Ну да, благодать! И по настоящее время занимаюсь я дома своимъ предметомъ, въ будущемъ маѣ думаю сдать уже на кандидата, а тамъ, если богъ-дастъ, на магистра, на доктора... Да-съ!

— Гм! промчалъ Александръ, преклоняя почтительно голову: — оно, конечно...

— Не думай, та снѣге, что онъ хотѣлъ предостеречь насъ, перебила съ жолчью Моничка: — это было одно мальчишество, желаніе посмѣяться надъ дѣвицами... Мы презираемъ васъ, сударь!

— Видите, какъ вы неразборчивы въ выборѣ выраженій, возразилъ съ прежнимъ хладнокроемъ Александръ: — надо быть осторожиѣе, сударыня; другой бы на моемъ мѣстѣ, пожалуй, отплатилъ вамъ той же монетой. Я вижу, приходится изложить вамъ ходъ дѣла систематически. Я толковалъ безъ всякихъ заднихъ мыслей съ симъ достопочтеннымъ тевтономъ — о чемъ? вы, можетъ быть, слышали...

— Очень нужно намъ подслушивать ваши скучные разговоры!

— Зачѣмъ же отпираться, Моничка? замѣтила Лиза. — Ну, мы слышали, о чемъ вы говорили; чтѣ жь изъ того?

— Дѣло не въ предметѣ нашего съ нимъ разговора, а въ томъ, чтобы вы знали, что предметомъ этимъ были не вы. Тутъ донесаетъ вдругъ до моего слуха нѣсколько словъ обо мнѣ. Какъ было не насторожить уши! Сказать же вамъ, что я понимаю васъ, не было резонной причины: вы говорили только обо мнѣ — тѣмъ самая приличная. Да и пріятно же подслушивать лестный о себѣ отзывъ изъ такихъ прелестныхъ устъ!

— Пожалуйста, безъ колкостей, милостивый государь!

— Тутъ зашла у васъ рѣчь о вчерашней авантюрѣ, продолжалъ Александръ. — Я мысленно зажалъ себѣ уши, но чтѣ прикажете дѣлать, если мѣра эта не оказалась вполне состоятельною? Я слышалъ нѣкоторое изъ вашего разговора и, не желая, чтобы вы и въ другой разъ когда нибудь скомпрометировали себя подобнымъ же образомъ, почелъ своимъ долгомъ преодолѣть природную флегму (чтѣ я второй Обломовъ — подтвердить вамъ всякій, кто сколько-нибудь знаетъ меня), всталъ и пошелъ вотъ за нимъ... Я думаю, что вы еще поблагодарите меня!

Впродолженіе этой рапсоды нашего философа, черты Лизы начали мало по малу проясняться.

— Я васъ гдѣ-то уже прежде видѣла, промолвила она.—Вы не изъ петербургскаго ли университета?

— Такъ точно.

— Зачѣмъ же вы не объявили намъ этого съ самаго начала? Вашъ пріятель, должно быть, также университетскій? Его я, кажется, видѣла вмѣстѣ съ вами на лекціяхъ.

— Да, мы были съ нимъ одного факультета и курса.

— Тò-то. Знаете, чтò? Вы, кажется, вовсе не такой злодѣй, какъ представились намъ сначала. Вы куда отсюда? въ Интерлакенъ?

— Въ Интерлакенъ.

— И играете въ шахматы?

— Играю.

— Послушайте; тутъ такая скука, хотите быть знакомымъ съ нами?

— Mais, Lise... шепнула ей Наденька, разгорѣвшаяся при послѣднихъ словахъ сестры, если возможно, еще пуще прежняго:— вѣдь онъ все расскажетъ своимъ товарищамъ...

— Да! обратилась къ Александру экс-студентка:—вы вѣдь ничего еще не говорили этимъ господамъ о сюжетѣ нашего давишняго разговора?

— Нѣтъ, не успѣлъ.

— Такъ и не смѣйте. Молодымъ дѣвушкамъ, знаете, конфузно. Такъ рѣшено, мы знакомы?

— Пожалуй, мнѣ все равно. А вы хорошо играете въ шахматы?

— Вотъ увидите. Но не угодно ли вамъ представиться, господа? Надо же знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

— Я и онъ, сказалъ Александръ, указывая на Льва:—кандидаты естественныхъ наукъ; я—будущій мыловарь, онъ—будущій просвѣтитель юношества.

— А зовутъ васъ?

— Меня Александромъ Александровичемъ Змѣинымъ, его — Львомъ Ильичемъ Ластовымъ.

— А вы? обратилась Лиза къ Кунцину. — Вѣроятно лиценстъ или правовѣдъ?

— Почему вы это заключаете? Да, я изъ правовѣдovъ, въ нынѣшнемъ году окончилъ курсъ—съ девятымъ класомъ; зовутъ меня Сергѣй Петровичемъ Кунцинымъ.

— Il me semble, que nous avons déjà vu, monsieur, à Interlaken? замѣтила Моничка.

— A votre service, mademoiselle, отвѣчалъ, ловко раскланиваясь, правовѣдь.

— Вы вѣроятно желаете также узнать, кто мы? сказала Лиза.— Я — Лизавета Николаевна Липецкая, чинъ и званіе мое вамъ уже извѣстны. Это — сестра моя, Надежда Николаевна, петербургская гимназистка. Вотъ наша мать, жена тайнаго совѣтника Липецкаго. А вотъ Саломонида Алексѣевна Невзорова — одинъ изъ самыхъ блестящихъ перловъ петербургскихъ великосвѣтскихъ баловъ, прибавила экс-студентка не безъ ироніи.

Жена тайнаго совѣтника хотѣла-было вмѣшаться въ разговоръ спорившихъ, ибо находила неслыханнымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ такое внезапное знакомство съ вовсе незнакомыми людьми; но никто изъ участниковъ маленькой интермедіи не удостоилъ ее вниманія, и, пожавъ плечами, непризнанная родительница повернулась опять къ своей французской графинѣ.

Нѣмецъ, сосѣдь Александра, угадывая сердечное желаніе стоящихъ за нимъ молодыхъ людей подсѣсть къ своимъ новымъ знакомкамъ, допилъ на-скоро остатки пива и поднялся съ своего мѣста.

— Вы, господа, можетъ быть, устали? сказалъ онъ.—Я насидѣлся вдоволь. Какъ бы вамъ только помѣститься.

Но юноши помѣстились какъ нельзя лучше: сосѣди по обѣ стороны отодвинулись, въ открывшійся промежутокъ былъ втиснуть стулъ — и ничего, помѣстились. Завязался разговоръ, непринужденный, веселый, какъ между старыми знакомыми. Куницынъ, который предшествующее лѣто провелъ въ разгульной столицѣ Франціи, зналъ множество «ароматныхъ» анекдотовъ изъ области тамошняго полусвѣта и преимущественно способствовалъ оживленности разговора. Отроковицы замѣтно успокоились отъ перваго волненія, изобличая самый похвальный аппетитъ: наперерывъ намазывали онѣ себѣ на полумолтики рыхлой, бѣлой булки свѣжаго масла и сверху, какъ водится, зернистаго, полужидкаго меку. Блюда съ ветчиной, говядиной, сыромъ, земляникой, скудѣли видимымъ образомъ; земляники потребовалось даже второе увеличенное изданіе.

V.

Гисбахъ освѣщается. Взаимный дѣлежъ.

Въ девять часовъ раздался вдругъ за окнами столовой пушечный выстрѣлъ. Все вскопало, переполошилось.

— Shuination! переходило изъ устъ въ уста.

Дамы схватились за мантильи и платки, мужчины за плады и шляпы; ужинъ и чай были забыты; всякій спѣшилъ выбраться изъ комнаты.

На дворѣ стояла ночь, чудная южная ночь, темная, безлунная. Въ темно-синей, почти черной безднѣ неба мерцала робкимъ огнемъ одинокая вечерняя звѣзда. Внизу, въ земной юдоли, въ горной котловинѣ, было непроницаемо темно, хоть глазъ выноси. Только пѣнистые каскады неумолкаемаго Гисбаха бѣлѣли въ отдаленіи.

На площадку передъ старою отелью, то-есть прямо противъ водопада, была вынесена армія стульевъ; гости атаковали ихъ съ ожесточеніемъ. Смѣхъ, говоръ, трескъ стульевъ! Въ окружающемъ мракѣ никто никого не узнаеть.

— Вы это, N. N.? (Называется имя).

— Нѣтъ, не я.

— Не вы?

Старая, но хорошая острота, возбуждающая общую веселость.

Вотъ отъ главной отели начинаютъ приближаться яркіе, блудящіе огни; за каждымъ огонькомъ вьется змѣйка освѣщаемаго имъ дыма. Вскорѣ можно различить людей съ факелами. Длинной процесіей тянутся они вдоль окраины чернѣющаго лѣса, въ направленіи къ Гисбаху. Теперь они взбираются, одинъ въ извѣстномъ разстояніи отъ другого, на крутизны водопада; то пропадутъ въ сумракѣ чащи, то явятся опять, чтобы въ то же мгновеніе снова скрыться. Вотъ мелькнулъ свѣтъ и на верхнемъ мостикѣ — и всѣ они исчезли. Наступила прежняя темь, оглашаемая только немолчнымъ гуломъ падающихъ водъ. Вдругъ — подъ ногами зрителей сверкнулъ огонь, раздался оглушительный пушечный выстрѣлъ. Всѣ вздрагиваютъ и вскрикиваютъ. Но крикъ испуга переходитъ въ возгласъ удивленія: вся водяная масса, сверху донизу, вспыхиваетъ мгновенно однимъ общимъ волшебнымъ огнемъ. Подобно расплавленному мегалу, ярко свѣтятся насквозь, пѣнистыя воды Гисбаха низвергаются, словно звонче и шумнѣе, съ уступа на уступъ; прозрачная, свѣтлая дымка водяной пыли обвѣваетъ ихъ. Отъ воды освѣщаются трепетнымъ блескомъ и окружающіе мрачные лѣсные исполины. Ярко-бѣлый цвѣтъ водъ переходитъ незамѣтно въ красный, красный — въ пунцовый. Верхній каскадъ зеленѣетъ, и весь водопадъ донизу заливаешь зеленымъ отливомъ. Тихо-тихо меркнуть свѣтлыя воды, сначала наверху, потомъ все ниже и ниже; мгновеніе — и все погрузилось въ прежній мракъ.

Зрители, любовавшіеся невиданнымъ зрѣлищемъ съ притаеннымъ

дыханіемъ, только теперь очнулись отъ очарованія. Все заговорило, задвигало стульями.

— А, въ самомъ дѣлѣ, очень недурно, замѣтила Лиза: — лучше даже, чѣмъ днемъ.

— Ахъ, нѣтъ, ма сѣге, возразила Наденька: — бенгальское освѣщеніе — искусственное, слѣдовательно, хотъ и поражаетъ сильнѣе, но не можетъ сравниться съ дневнымъ, естественнымъ.

— Ты сама себя противорѣчишь, моя милая: вѣдь бенгальское освѣщеніе, говоришь ты, дѣйствуетъ на тебя глубже дневного?

— Глубже.

— А между тѣмъ въ немъ нѣтъ для тебя ничего непріятнаго?

— Нѣтъ, оно даже, можетъ быть, пріятнѣе дневного, но оно искусственное, значитъ...

— Да полно тебѣ сентиментальничать! перебила Лиза. — Есть развѣ какое существенное различіе между освѣщеніемъ того или другого рода? И здѣсь, и тамъ происходитъ не болѣе, какъ сотрясеніе зѣбра, игра свѣтовыхъ волнъ на одномъ и томъ же предметѣ — водѣ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ раздражается зрительный нервъ, и чѣмъ пріятнѣе раздраженіе, тѣмъ оно и благороднѣе: всякое вѣдь сотрясеніе зѣбра естественно, неискусственно; солнце могло бы точно такъ же свѣтить бенгальскимъ огнемъ, какъ свѣтитъ теперь своимъ обыкновеннымъ свѣтомъ, и тогда бы ты сама не пошла въ такомъ освѣщеніи ничего неестественнаго.

— Да вотъ хотъ сейчасъ въ профессора, замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ людей.

— Сестра молода, отвѣчала экс-студентка: — всякая новая мысль не лишня въ ея годы.

— Вы говорили про раздраженіе зрительнаго нерва, виѣнился Александръ: — я долженъ замѣтить, что прежде всего раздражается въ глазу свѣтчатая оболочка, а ужъ отъ этой раздраженіе передается чрезъ зрительный нервъ мозгу.

— Ну, пошли философствовать! перебилъ нетерпѣливо Куницынъ. — Бенгальское освѣщеніе развлекло насъ болѣе дневного, значитъ, оно и лучше — чтѣ тутъ толковать.

Общество подходило къ гостиницѣ.

— Не сдѣлать ли еще ночной прогулки? предложилъ Левъ.

— Ахъ, да! подхватили въ одинъ голосъ Наденька и Моничка.

— А я думаю, что нѣтъ, сказалъ Александръ. — Пароходъ отходить завтра чуть ли не въ 7-мъ часу утра, поэтому, если мы хотимъ выспаться, пора и бай-бай.

— Вы самый разсудительный изъ насъ, сказала Лиза: — въ самомъ дѣлѣ, мы уже вдоволь насладились вашимъ обществомъ, господна: хорошаго понемножку. Пойдемте, дѣтушки.

— Пойдемъ. Adieu, meszieurs!

— Au revoir, mesdemoiselles, отвѣчалъ Куницынъ.

— Прощайте, сказалъ Левъ.

— Кланяйтесь и благодарите, заключилъ Александръ.

Наши три героя рѣшили единогласно потребовать три отдѣльные номера: оно удобнѣе, а цѣна та же, такъ-какъ въ гостиницахъ почти повсюду берутъ плату не за комнаты, а за кровати. На бѣду ихъ, въ отелѣ *Гизбахъ*, при большомъ стеченіи публики, бываетъ, несмотря на относительную просторность зданія, довольно тѣсно; почему пріѣзжіе, справившіеся предварительно въ краснокожемъ путеводителѣ, всегда позаботятся заблаговременно о ночлегѣ. Наша молодежь не заглянула въ Бедекера, а когда обратилась съ своимъ требованіемъ къ кельнеру, то получила альтернативу: или удовольствоваться всѣмъ троимъ однимъ номеромъ, или же исвать пристанища въ окружающихъ дебрахъ. Последнее, какъ неудобноисполнимое, было отвергнуто, первое со вздохами принято. Отведенная имъ комната оказалась подъ самою крышею, и имѣла полное право на названіе чердака; она была такъ низка, что Левъ (самый высокій изъ молодыхъ людей), не становясь на цыпочки, могъ достать рукою до потолка. Три кровати занимали почти все пространство комнаты.

— Ну, Ластовъ, заговорилъ Куницынъ: — какъ ты находишь мою *belle Hélène*? не достойна она этого титула, а?

— Какъ тебѣ сказать?... Прекрасной Еленой ее едва-ли можно назвать: троянская красавица, сколько мнѣ извѣстно, была женщина вполнѣ разцвѣтшая, въ соку: тогда-какъ Наденька — ребѣнокъ. Но она, слова нѣтъ, мила, даже очень... Видно, что ей и непривычно, неловко въ длинномъ платьѣ, и въ то же время хочется быть взрослой; застѣпчивость дитяти, съ эксцентричными порывами первой самостоятельности, и придаетъ ей эту особенную пріятельность.

— Bravo! такъ она тебѣ нравится? malgré, что незрѣлый крижовникъ?

— Я и не возставалъ противъ незрѣлаго крижовника; меня только удивляло, какъ ты, человѣкъ столь рафинированный, могъ прельститься ею; теперь отдаю полную честь твоему вкусу. Похвадно также, что онѣ съ Лизой не шнуруются: безъ корсета такия обри-

совывается гораздо пластичнѣе, рельефнѣе, и въ то же время не даетъ повода опасаться, что переломится при первомъ дуновеніи. Да и въ умственномъ отношеніи Наденька, кажется, не изъ послѣднихъ: немногія слова, сказанныя ею, были такъ логичны...

— Та, та, та! Это чтѣ? воскликнулъ Куницынъ. — Пошелъ расхваливать! Ужъ не собираешься ли ты и впрямь отбить ее у меня?

— А еслибы? Она и мнѣ нравится болѣе Монички.

— Нѣтъ, ужъ пожалуйства не тронь. Ты ее знаешь всего съ сегодняшняго дня, значитъ, не такъ привязался къ ней... Условіе, господа: каждый изъ насъ пусть выбираетъ себѣ одну для ухаживанья и, какъ вѣрная тѣнь, слѣдитъ за нею; другими словами: не вмѣшивается въ дѣла остальныхъ тѣней. Насъ трое и ихъ три, точно на заказъ. Вы, м-г Змѣинъ, берете, разумѣется, Лизу?

Александръ поморщился.

— Да полно вамъ кокетничать! Кому жъ, какъ не вамъ, играть съ нею въ шахматы? кто, кромѣ васъ, выдержитъ съ этой флегматической докой? Не взыщите за правду. Я не постигаю только, какъ вы еще не сходите съ ума отъ нея? Совсѣмъ одинъ съ вами темпераментъ, точно изъ одной формы вылиты, а наружность и тѣлеса — въ своемъ родѣ *magnifiques*.

— Это такъ, торсъ славный. Еслибы умъ ея былъ въ половину такъ роскошенъ...

— А почему вы знаете, каковъ у нея умъ? Изслѣдуйте напередъ. Это по вашей части: изслѣдованія, анализъ, химія...

— Къ тому же, подхватилъ Левъ: — хотя она и изъ студентокъ, но, какъ кажется, не поставляетъ себѣ главною цѣлюю поимку жениха; ужъ одно это должно бы возвысить ее въ твоихъ глазахъ.

— Знаемъ мы этихъ весталокъ новаго покроя, отвѣчалъ Александръ. — Пока не нашлось обожателя, дѣвушки, конечно, ничего не стобитъ играть неприступную; а попробуй возгорѣть къ ней безкорыстно-благороднымъ огнемъ, сирѣчь намеки ей про законныя узы — она тутъ же отдастъ тебѣ и руку и ногу, бросится къ тебѣ, какъ мошка въ пламя свѣчи, съ рискомъ даже опалить крылья.

— *Mais, mon cher ami*, вы разстроиваете весь нашъ плясъ. Какъ же быть намъ, если вы отказываетесь отъ Лизы?

— Да я пожалуй сыиграю съ нею въ шахматы нѣсколько партій, чтобы вы съ Ластовымъ могли утолить первый позывъ вашей любовной жажды. Но не пѣняйте, если я, въ случаѣ невозможности выдержать, поверну оглобли.

— Можете. Я съ своей стороны на столько довѣряю Лизѣ, что

надѣюсь, что она не такъ-то скоро отпустить васъ. И такъ, вашъ предметъ — Лиза? рѣшено?

— Рѣшено.

— Мой — Наденька, это также рѣшено; значить, на твою долю, Ластовъ, остается одна Моничка, Соломонида, Salomé!

— И то хлѣбъ. Вѣдь ты, Куницынъ, не воспрещаешь говорить иногда и съ твоей красоткой?

— Куда ни шло — можешь.

— И за то спасибо.

— Вы, господа, готовы? спросилъ Александръ, перевѣсивая послѣдніе доспѣхи свои черезъ спинку стула и подъ перину.

— Давно.

Александръ задулъ свѣчу.

— Это зачѣмъ? спросилъ Куницынъ. — При свѣтѣ болтается гораздо веселѣе.

— Вотъ именно: вы бы проболтали до зари, а встать надо около шести. Buona notte!

— Кланяйтесь и благодарите, отвѣчалъ, смѣясь, правовѣдъ, повторяя любимое, какъ онъ замѣтилъ, выраженіе Александра.

Тѣмъ временемъ, въ другой комнатѣ гостиницы происходилъ разговоръ между дѣвицами, почти тождественный съ вышеприведеннымъ.

Липецкія распорядились о ночлегѣ своевременно, и имъ отвели два номера въ бель-этажѣ, въ двѣ кровати каждый. Моничка и Наденька просились спать вмѣстѣ; г-жа Липецкая хотѣла-было отказать, но когда и Лиза ввернула свое доброе слово: «Да дайте же имъ погулять! не вѣгъ же пробудемъ за границей» — она, сообразивъ, что и взаправду рѣзвухи не дадутъ ей сомкнуть глазъ, если она одну изъ нихъ возьметъ къ себѣ, махнула рукой. — А Богъ съ вами! Дѣлайте, чтò хотите.

— Давно бы такъ! проговорила вполголоса Моничка. — Надя, allons.

Онѣ порхнули по коридору въ свои новыя, неоспоримыя владѣнія.

Притворивъ плотно дверь къ владѣніямъ двухъ старшихъ дамъ: «Намъ не помѣшаютъ, и мы не помѣшаемъ», Моничка открыла окно, и вывѣсилась за него.

— Досадно, что такъ высоко, сказала: она — опять бы повояжить.

Наденька вспомнила недавнюю интермедію изъ-за вчерашняго вояжа, и надулась.

— А вѣдь кабой противный! Слушаетъ, точно агнець; точно ничего и не понимаетъ, а самъ только придумываетъ, какъ бы сильнѣе пристыдить насъ.

— Кто? Змѣинъ-то? Матеріалистъ, грубый, необтесанный матеріалистъ! Да развѣ отъ университетанта можно ожидать чего-нибудь? Какъ за то я его и отщелкала! Ты слышишь? «Вы, говорю, мальчишка, мы васъ презираемъ, сударь!» Ха, ха!

— Его это, однако, кажется, не очень тронуло.

— Не очень тронуло! Въ немъ нѣтъ ни капли врожденнаго благородства, оттого и не тронуло. Ты думаешь, что истинно-образованный человѣкъ привялъ бы такъ легко мои слова? А съ него, какъ съ рыбы вода.

— Какъ съ гуся, хочешь ты сказать.

— *C'est la même chose!* То ли дѣло правовѣды! Вотъ милашка, такъ ужъ милашка! настоящій *pur sang*, дусенька! Такъ бы и взяла за оба ушка, да разцаловала тысячу разъ!

— Чтò жъ? попробуй. Онъ, я думаю, и самъ не откажется: и ты вѣдь милашка, а — *qui se ressemble, s'assemble*. Но я все-таки не понимаю, какъ рѣшиться поцаловать его, правовѣда — *fi donc!*

— *Comment!* Цаловать, мы, женщины, имѣемъ, кажется, такое же право, какъ мужчины; Куницынъ же, болѣе чѣмъ кто-либо, достоинъ женскихъ поцалуевъ: онъ и *un homme très gentil* и *un vrai gentilhomme*.

— *Oui, mais il est un peu trop fat.*

— *Ah non, ma chère!* Ты слишкомъ взмскательна: если человѣкъ хорошъ, то долженъ и культивировать свою красоту, какъ культивируютъ, *par exemple*, какой-нибудь талантъ. Ты сама говорила, что въ прекрасномъ тѣлѣ должна заключаться и прекрасная душа.

— Моничка, Моничка! Ты, кажется, уже по уши влюблена въ него. Это тѣмъ грустнѣе, что онъ занятъ не тобой, а мной: и въ Интерлакенѣ онъ слѣдилъ только за мной, и здѣсь за чаемъ относился все болѣе ко мнѣ.

— *Que tu es presumptueuse, Nadine!* Въ Интерлакенѣ мы ходили съ тобою всегда *ensemble*, слѣдовательно нельзя опредѣлительно сказать, къ которой именно изъ насъ относилось его вниманіе; когда онъ заговорилъ съ нами, то обратился къ тебѣ *peut-être*, чтобы замаскировать свои чувства, а сегодня вечеромъ... да

вотъ еще, когда онъ разсказывалъ про парижскихъ львицъ, то сдѣлалъ мнѣ комплиментъ, что я стою любимой изъ нихъ; потомъ...

Наденька расхохоталась.

— Ты, ma chère, какъ Марья Антоновна въ *Ревизоръ*: «И багъ говорилъ про Загоскина, такъ взглянулъ на меня, и какъ разсказывалъ, что играть вистъ съ посланниками, то также взглянулъ на меня».

— Ну, да! Ты вѣчно съ своей русской литературой. Но мой правовѣдъ — человѣкъ симпатичный, не то, что эти два медвѣдя... По твоему, пожалуй, этотъ блѣдный, долговязый лучше?

— Разумѣется, лучше.

— Да вѣдь онъ глупенькій! Впродолженіе всего разговора сказаль не болѣе двухъ-трехъ словъ.

— Значить, молчаливъ и хотѣлъ напередъ разглядѣть насъ. Помнишь, какъ любезно принялъ онъ нашу сторону въ Висбаденѣ за рулеткой?

— Очень нужно было! Еслибы онъ не вмѣшался, то я потеряла бы этотъ одинъ гульденъ и съ тѣмъ бы и ушла; а то по его милости спустила все, что имѣла съ собою.

— Ты забываешь, моя милая, что и я проиграла все, что было при мнѣ, но не сержусь на виновника нашей бѣды; чѣмъ же виновать онъ, что мы не могли удержаться отъ игры? Онъ поступилъ только весьма любезно... А что до его наружности, то черты у него правильныя, классически-благородныя; обхожденіе, хотя не такое ухарское, какъ у Куницына, зато болѣе натуральное, значить и болѣе приличное.

— Зачѣмъ не классически-приличное? Je suis très enchantée, что вкусы наши расходятся: не помѣшаемъ, значить, другъ другу. Вы съ Лизой обворожайте своихъ класиковъ; я удовольствуюсь даже правовѣдомъ, хотя онъ, какъ ты увѣришь, и плѣненъ уже тобой. Что, сударыня, завидно?

— Ни чуть. Наслаждайся имъ, сколько душѣ угодно.

— Да? Ein Mann — ein Wort: ты общаешься не мѣшать мнѣ?

— Слово гимназистки! усмѣхнулась Наденька, поднимая вверхъ торжественно три пальца.

— Cela suffit.

В. АВЕНАРИУСЪ.

ТАЙНЫ ЖЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ НЕАПОЛѢ.

ЗАПИСКИ ЭНРИКЕТТЫ КАРАЧОЛО.

(Изъ рода князей Форино, бывшей монахини бенедиктинскаго ордена).

Votum feci,
Gratiam accepi.

(Я дала обѣтъ и приняла благодать).

(Окончаніе).

XXIV.

Шпіонство.

Еще разъ возвратилась я въ міръ живыхъ; еще разъ показались мнѣ новыми всѣ тѣ предметы, которыхъ я уже не надѣялась болѣе увидать. Полной грудью упивалась я чистымъ воздухомъ, какъ будто были сосчитаны часы, въ которые дозволялось мнѣ пользоваться имъ, и меня приводилъ въ сильное волненіе открытый, смѣющійся видъ проходящихъ мимо меня людей. Тяжелыя воспоминанія какъ-бы сжалась въ одну неумовимую точку; дорога же, по которой несла меня коляска, напротивъ того, казалась мнѣ окаймленной такими необъятными пространствами, горизонтъ которыхъ простирался неизмѣримо дальше всѣхъ моихъ стремленій.

Епископъ замѣтилъ, что мнѣ лучше было бы воспользоваться возвращенной мнѣ свободой на первое время за городомъ, нежели въ самомъ городѣ, на что я отвѣтила, что таково именно и есть мое намѣреніе. Я жаждала воздуха, свѣта, простора, свободы, и каждое утро, сопутствуемая моей старушкой, взбиралась по лѣсистымъ уступамъ кастеламарскихъ холмовъ. Съ этихъ высотъ, господствующихъ надъ городомъ, всѣмъ неаполитанскимъ заливомъ и самыми живописными мѣстностями этого благословеннаго клочка земли, взоръ мой переносился то на одинъ пунктъ, то на другой, пзмѣрялъ стройныя пропорціи ландшафта, мчался черезъ пространство, и я ликовала въ упоеніи, возрождалась къ новымъ силамъ, вдохновлялась такой поэзіей надеждъ и чувствъ,

которую я дотолѣ не подозрѣвала въ себѣ. Отъ моихъ странствованій меня не могла удержать даже непогода—ни дождь, бѣшенными потоками лившій по горнымъ уступамъ, ни осенній туманъ, когда онъ, выбиваясь изъ лѣса, стлался по оврагамъ и обступалъ меня густыми клубами. Устремивъ взоръ на самую далекую точку небосклона, я выжидала пока медленно рѣдѣла туманная пелена, и еще прекраснѣе, еще пышнѣе тогда, при свѣтѣ солнца, казалась мнѣ панорама, уже неограниченная для меня громадными стѣнами и желѣзными запорами.

Однажды, въ одной изъ моихъ горныхъ прогулокъ, я встрѣтила маленькаго контадина, несшаго въ грубо-сколоченной клѣткѣ десятка два только-что пойманныхъ птичекъ.

«— Сколько возьмешь за всѣхъ этихъ пльнниковъ? спросила я его.

«— Три піастра, отвѣчалъ плутишка.

Но онъ отдалъ свою добычу за одинъ піастръ, вмѣстѣ съ клѣткой. Тогда, одного за другимъ вынимая маленькихъ узниковъ, я возвратила ихъ родной стихіи, и весело слѣдила за ихъ полетомъ, между тѣмъ какъ они, расправивъ крылушки, мгновенно скрывались въ зелени деревьевъ. Мальчику понравился этотъ торгъ, и онъ часто сталъ приносить мнѣ клѣтки съ новыми пльниками. Но такъ-какъ щедрость была мнѣ не по средствамъ, то я уговорилась съ нимъ давать ему по два грана за каждую птичку, и такимъ образомъ часто доставляла себѣ удовольствіе дѣлать другимъ живымъ созданіямъ такую же радость, каковую сдѣлала мнѣ Господь.

Между тѣмъ начинали отрастать мои волосы, въ первый разъ павшіе подъ ножницы абатисы св. Григорія, и въ продолженіе тринадцати лѣтъ постоянно остригаемые, какъ у овцы. По мѣрѣ того, какъ длинѣла моя коса, мнѣ казалось, что я дѣлаю новый шагъ на поприщѣ личной независимости, и я не знала, какъ дожидаться того времени, когда кудрямъ моимъ, избавленнымъ отъ прикосновенія рабскаго желѣза, возвратится прежняя ихъ краса.

Оставалась еще монашеское платьѣ. Дома я уже бросила его, но надо было найти средство отдѣлаться отъ него и на улицѣ. Одежда эта наскучала мнѣ, стѣсняла меня на каждомъ шагѣ. Всѣ оборачивались, чтобы взглянуть на меня: кто изъ любопытства, кто изъ оскорбленнаго фанатизма, кто изъ любви къ оригинальнымъ явленіямъ, а мнѣ хотѣлось проходить незамѣченной. Развѣ всѣ эти глаза, устремленные на меня, все равно съ благоклонностью ли или со злобой, не были для меня стѣсненіемъ? Развѣ эти взгляды не уменьшали значительно капиталъ моей

личной свободы? Рѣшившись покончить разъ на всегда съ этой аномаліей, я въ одно прекрасное утро отправилась къ епископу.

«— Monsignore, сказала я ему:—это платье до того насбучило мнѣ, что я должна буду осудить себя на добровольную ссылку, если вы не разрѣшите мнѣ бросить его.

«— Я бы вамъ совѣтывалъ остаться въ немъ, возразилъ епископъ; но потомъ прибавилъ съ улыбкой:—впрочемъ, если вы ужь непремѣнно хотите бросить его, то для чего же вамъ спрашивать у меня на это позволеніе?

Нѣсколько дней спустя я сложила съ себя монашескую одежду, и онъ сдѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ ничего.

Одно только наслѣдіе осталось мнѣ отъ прошлаго, символъ моей безбрачной жизни— *черная вуаль*.

Между тѣмъ звѣзда Италіи снова восходила на небосклонѣ, еще неяркая, но сіяющая свѣтлыми надеждами. Крымская война дала доблесті савойской династіи и генію Камила Кавура случай поднять Пьемонтъ, поборника національности и военного могущества Италіи, на степені европейской державы. Туринъ уже соединялся съ главными городами полуострова таинственными петлями невидимой сѣти; современнѣмъ электрическимъ токомъ итальянскій патриотизмъ содержался въ непрерывной дѣятельности. Это лихорадочное состояніе всего замѣтнѣе обнаружилось въ Неаполѣ, Взору наблюдателя Неаполь представлялъ вѣрное подобіе своего грознаго сосѣда— назанунѣ одного изъ самыхъ ужасныхъ изверженій, какія только запомнятся въ лѣтописяхъ вулкановъ. Всѣ революціонныя партіи (печальное наслѣдіе, оставленное намъ происшествіями долгаго періода смуть), всѣ партіи, не исключая и бурбонско-клерикальной, въ напряженномъ ожиданіи слѣдили за симптомами, предвѣстниками готовившагося кризиса, также внимательно какъ знаменитый «точильщикъ» флорентинской трибуны, вслушивающійся въ заговоръ... Что же въ это время дѣлала я, погруженная въ бездѣйствіе въ Кастеламаре? Друзья скорбѣли о моей ссылкѣ и писали ко мнѣ отчаянныя письма. Поэтому, полагая, что въ Неаполѣ найдется мѣстечко и для моей личной дѣятельности, я рѣшилась пренебречь всякой опасностью, чтобы хоть сколько нибудь содѣйствовать организовавшемуся движенію.

Послѣ одиннадцати мѣсяцевъ, праздно проведенныхъ въ Кастеламаре, я вторично явилась къ епископу.

«— Monsignore, спросила я его:—еслибы васъ прогнали съ вашей каяедры, и осудили провести въ игнаніи остатокъ вашихъ дней, было ли бы вамъ это пріятно?

«— Кому же это можетъ быть пріятно? отвѣтилъ онъ, смѣясь, потому что поналъ, въ чему ведетъ мой вопросъ.

«— Вотъ видите ли, и мнѣ тоже непріятно изгнаніе; и такъ-какъ я не могу же остаться навѣки разлученной съ родными, я рѣшилась возвратиться въ Неаполь.

«— А Ріаріо? А правительство? А шпіоны?

Я отвѣтила старой поговоркой:

«— *Dagli amici mi guardi l'ddio, dai nemici mi guarderò io* (отъ друзей береги меня Богъ, отъ враговъ уберегусь и самъ.)

Нѣсколько дней спустя я уже нанпмала маленькую квартирку въ столицѣ, въ небольшомъ, вновь построенномъ палацо напротивъ «*Croce del Vasto*», и переселилась туда со вдовой, продолжая изъ предосторожности держать комнату и въ Кастеламаре, въ случаѣ неожиданной опасности. Отдаленность этого помѣщенія отъ центра города, переиѣна въ моей одеждѣ и великодушное снисхожденіе епископа долго ограждали меня отъ любопытства, а доходившія до мелочи предосторожности, которыя я принимала для сохраненія моего инкогнито, еще долѣе продлили бы мою безопасность, еслибы Ріаріо не провѣдалъ о моемъ возвращеніи вслѣдствіе непредвидѣннаго обстоятельства.

Въ верхнемъ этажѣ того же дома жилъ священникъ, съ которымъ мнѣ неоднократно случалось встрѣчаться на лѣстницѣ. Его зловѣщая фізіономія наводила на меня трепеть и отвращеніе. Однажды вечеромъ, въ февралѣ, около 9-ти часовъ, я вышла изъ комнаты вдовы, чтобы ложиться спать. Комната моя раздѣлялась отъ входа маленькой прихожей, освѣщенной фонаремъ, свѣтившимъ и на лѣстницу, такъ-какъ улица была отдаленная, а въ домѣ привратника не имѣлось. Въ эту минуту я услышала, что сверху спускаются два человѣка, какъ-будто спорившіе между собой. Вдругъ страшный вопль: «злодѣй!» заставилъ меня содрогнуться; въ то же мгновеніе я услышала, что обѣ полъ грохнулся человѣкъ, повторившій нѣсколько слабымъ голосомъ: «ты меня убилъ!» Затѣмъ раздались поспѣшныя шаги вверхъ по лѣстницѣ, раздался крикъ и плачь надъ моей комнатой, наконецъ съ шумомъ разтворилось окно на задней половинѣ дома, и въ то же время я услышала паденіе какъ-бы тяжелаго тѣла изъ этого окна. Старушка, ея племянница и я оцѣпенѣли отъ ужаса; въ домѣ всѣ засуетились. Когда до слуха моего дошли голоса людей, извѣстныхъ мнѣ за порядочныхъ личностей, я взяла лампу и подошла къ двери: изъ-подъ нея сочилась кровавая струя. Я въ ужасѣ отступила назадъ, но ободрилась, и снова пошла впередъ, съ мыслію подать раненому помощь, еслибы онъ былъ еще живъ. Я отворила дверь, и какое страшное зрѣлище представилось

миѣ!... Молодой человѣкъ, съ густыми русыми кудрями, лежалъ распростертый около моей двери; широкая рана раскрыла ему животъ, и въ эту минуту, оскаливъ зубы, неподвижно уставивъ растерянный взоръ, несчастный испускалъ послѣднее дыханіе. Я спросила, кто убійца? Никто ничего о немъ не зналъ и точно такъ же неизвѣстно было имя убитаго. Между тѣмъ, служанка священника рвалась изъ рукъ удерживавшей ее хозяйки дома и кричала во все горло:

«— Нѣтъ! я хочу сейчасъ же уйти изъ этого разбойничьего вертепа!

И съ этими словами она опрометью кинулась внизъ по лѣстницѣ. Поровнявшись съ трупомъ, она начала плакать, кричать, ломать себѣ руки; и когда ее спросили: знаетъ ли она, кто убійца? она отвѣчала:

«— Священникъ!

Мы ошалѣли.

«— Да гдѣ же злодѣй?

«— Онъ выскочилъ изъ окна въ садъ.

Несчастный молодой человѣкъ девять мѣсяцевъ какъ былъ женатъ на сестрѣ этого священника, который раскрылъ ему животъ вслѣдствіе спора, возникшаго между ними изъ-за какихъ-то жалкихъ тридцати дубатовъ — приданаго со стороны матери. Вотъ какъ это случилось. Священникъ въ тотъ вечеръ послалъ за зятемъ, подъ предлогомъ желанія покончить дѣло попріятельски; но въ ту минуту, какъ молодой человѣкъ уходилъ отъ него, радуясь заключенному миру, онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ прочесть ему какую-то важную бумагу, догналъ его на лѣстницѣ, остановилъ подъ фонаремъ, освѣщавшимъ входъ въ мою квартиру, и тутъ, вмѣсто того, чтобъ дать ему бумагу, всадилъ ему въ животъ огромный кухонный ножъ. Совершивъ злодѣяніе, онъ хотѣлъ сорвать часы съ убитаго, и принялся кричать: «караулъ! рѣжутъ!» чтобъ свести на другихъ подозрѣнія въ преступленіи; но въ первую минуту смятенія, онъ забылъ про свой окровавленный ножъ, и кричалъ, продолжая держать въ рукѣ его. Служанка прибѣжала на крикъ:

«— А! сказала она:—это вы его убили: не этимъ ли окровавленнымъ ножомъ?

Тогда священникъ накинулся на нее, чтобъ зарѣзать и ее, но услыжавъ шумъ приближавшихся шаговъ, и боясь неминуемаго открытія, растворилъ окно и бросился изъ него.

Среди общаго испуга и переполоха никому не пришло въ голову посмотрѣть, живъ ли онъ или убитъ, пока не подошла полиція и не нашла его распростертымъ подъ окномъ. Онъ сло-

малъ себѣ обѣ руки, обѣ ноги, и выбилъ всѣ зубы, но еще дышаль; онъ скончался на слѣдующій день въ тюрьмѣ S.-Francecco. Сестра его, жена убитаго, беременная шести мѣсяцевъ, въ тотъ же день была отвезена въ сумасшедшій домъ.

Ошеломленная этой трагедіей, послужившей обильной пищей городскимъ пересудамъ, старушка, жившая со мною, не захотѣла болѣе жить внѣ монастыря, боясь снова подвергнуться подобнымъ ужасамъ; поэтому, оставивъ меня съ своею племянницей, она возвратилась въ пріютъ; я же, перемѣнивъ квартиру, укрылась въ другой, не менѣе уединенный кварталъ города.

Но преступленіе священника должно было навести полицію и архіепископа на мой слѣдъ. Кому неизвѣстна проникательность бурбонской полиціи, особенно тамъ, гдѣ дѣло касается либерализма?

Полиція, снявъ списокъ всѣхъ жильцовъ палацо, въ которомъ произошло убійство, не преминула увѣдомить кардинала о моемъ возвращеніи въ Неаполь и моемъ мѣстѣ жительства; тогда я узнала изъ вѣрныхъ источниковъ, что если да въ я чемъ нибудь попадусь, такъ, можетъ быть, дѣло еще обойдется безъ раскаленнаго стула, но ужъ безъ *бастонады* — никакъ. Съ этого дня шпионы закопошились, какъ какой нибудь рой пчелъ, а шпионствомъ, какъ извѣстно, по большей части занимались священники и монахи. Узнавъ о перемѣнѣ моей квартиры, они такъ и зашныряли по сосѣдству отъ моего жилища, и начали слѣдовать за мной повсюду, безмолвно и неотступно, какъ тѣнь моя. Я скоро уловчилась узнавать ихъ, хотя и переодѣтыхъ, и не обращала на нихъ вниманія; впрочемъ, крайне остерегалась подать имъ малѣйшій поводъ къ доносамъ, а этого-то они очевидно добивались; что же касается собственно меня, я не боялась преслѣдованій. Полученное мною изъ Рима разрѣшеніе повинуть обитель, въ которую меня насильно заперли съ одной стороны, а съ другой — мое перемѣщеніе подъ власть другаго епископа, эти обстоятельства должны были обуздать тираническія поползновенія Ріаріо. Не менѣе того я воспользовалась даннымъ мнѣ совѣтомъ: окружить свѣтскими шпионами осаждавшихъ меня клерикальныхъ шпионовъ, и получила прекраснѣйшіе результаты. Этимъ способомъ я получила возможность не только содержать себя въ оборонительномъ положеніи, но еще и свободно сообщаться съ моими друзьями, и даже бывать въ нѣсколькихъ домахъ, отмѣченныхъ чернымъ крестомъ въ книгѣ комисара. Чтобъ дать понятіе о системѣ, которой я держалась, чтобъ обманывать бдительность шпионовъ, довольно сказать, что, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, я

восемнадцать разъ перемѣняла квартиру и тридцать-два раза прислугу.

Бурбонское шпионство, достигшее чудовищныхъ размѣровъ, принимало тысячу различныхъ формъ, являлось въ тысячи видоизмѣненіяхъ, заражало собой воздухъ даже въ самомъ храмѣ божіемъ. Стоило мнѣ только ступить ногой въ какую нибудь сосѣднюю церковь, чтобъ священники съ самыхъ дверей жадно обступили меня съ вопросомъ: «Хотите исповѣдаться?» Какъ только я устраивалась на новой квартирѣ, сосѣди всякими приманками старались приручить мою служанку, и начинались разспросы:

«— Дѣвица она? или вдова? или замужняя? Почему она живетъ одна? Почему не выходитъ замужъ? Кто ея духовникъ? Есть у нея любовникъ? Какъ фамилія этихъ господъ, что были у нея сегодня утромъ? Ведетъ она съ кѣмъ нибудь переписку? А письма?—сама она относить ихъ на почту или вамъ отдаетъ?»

И вотъ какими путями извѣдалось шпионство: отвѣты моей служанки передавались лавочнику, домохозяину, аптекарю и нерѣдко доктору облодвѣа; отъ нихъ переходили, подъ секретомъ исповѣди, въ приходскому священнику, оттуда къ епископу, отъ котораго уже «ipso facto» странствовали въ комисаріатъ, откуда попадали прямо въ кабинетъ къ королю.

Однажды случилось такъ, что напротивъ монхъ оконъ жила старая дѣва—настоящій ядовитый москитъ неаполитанскаго клерикальнаго болота. Въ домѣ съ утра до вечера то и дѣло входили да выходили монахи и священники всѣхъ сортовъ; она ихъ водила на балконъ, чтобъ доставлять себѣ оригинальное удовольствіе пальцемъ указывать имъ на меня каждый разъ, какъ я случайно выглядывала изъ окна. Она подарками подкупила мою служанку и этимъ путемъ вызнала все, что дѣлалось у меня въ домѣ. Чтобы избавиться отъ укушеній этого насѣкомаго, недавшаго мнѣ ни минуты покоя, пришлось пожертвовать деньгами, выплаченными за квартиру за треть впередъ, и прискаты себѣ убраться въ другой улицѣ.

Но тутъ я попала еще хуже. Къ ужасу моему я узнала, что домохозяинъ ни болѣе ни менѣе, какъ полицейскій чиновникъ. Едва услышала я это, первой моей мыслью было бросить и эту квартиру, хотя бы съ потерей денегъ еще за треть; но я разсудила, что такой поспѣшный отъѣздъ еще болѣе возбудилъ бы подозрѣнія полицейскаго, и поэтому рѣшилась остаться. Справа и слѣва, въ томъ же этажѣ какъ и я, постоянно квартировали два сбѣра мужскаго пола; въ нижнемъ этажѣ сторожили и сплетничали два сбѣра женскаго пола—сестры домохозяина. У замочной скважины—шпионы; на дворѣ и на террасѣ—шпионы; на лестницѣ—

шпіоны—словомъ, нашествіе цѣлаго полчища шпіоновъ! Этотъ стоглазый Аргусъ, замѣтивъ, что я не исповѣдываюсь, сообщилъ о томъ приходскому священнику, который позвалъ къ себѣ на домъ мою служанку, чтобы подвергнуть ее длинному и обстоятельному допросу, преимущественно о томъ, что за люди бывають у меня. Я, однако, выпуталась благополучно, такъ-какъ служанка утверждала, что она не видала у меня никого, что, впрочемъ, была сушная правда; но все-таки мнѣ пришлось смѣнить ее.

Во все это время разъ только царапнула меня полиція, и то слегка.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Фердинанда II, я близъ музеѣ встрѣтилась съ мужемъ, равно славнымъ по своему патриотизму и учености. Обмѣнявшись обычными привѣтствіями, мы въ краткихъ словахъ говорили о новомъ оборотѣ, принимаемомъ итальянскими дѣлами; затѣмъ бросивъ вокругъ себя испытующій взглядъ, знаменитый мужъ вынулъ изъ кармана письмо и вручилъ его мнѣ. Я положила его къ себѣ за лифъ, замѣтивъ однако при этомъ, что мое движеніе было уловлено моею неотступной тѣнью полицейскимъ, слѣдовательно, съ полной увѣренностью, что на слѣдующій день меня потребуютъ къ отвѣту.

Такъ и случилось.

Рано утромъ мнѣ доложили о приѣздѣ одного изъ адъютантовъ Айосса, который, съ величайшей вѣжливостью, попросилъ меня сообщить ему: когда, гдѣ и черезъ кого я познакомилась съ г. Б** Г**, часто ли онъ посѣщаетъ меня, о чемъ онъ говорилъ со мною наканунѣ на улицѣ, и пр. и пр.

Отвѣты мои на всѣ эти вопросы, повидимому, удовлетворили его.

«— А бумага, которую онъ вручилъ вамъ? спросилъ наконецъ адъютантъ:—не угодно ли вамъ позволить мнѣ взглянуть на нее?»

«— А! да вотъ она какъ разъ тутъ и есть! отвѣтила я быстро и развязно, съ меньшей вѣжливостью подавая ему сложенную бумагу, приготовленную съ этой цѣлью на моей письменной конторкѣ.

Это былъ послѣдній номеръ «Giornale di Napoli».

Утромъ 25-го іюня 1860 г., на всѣхъ углахъ неаполитанскихъ улицъ толпились люди всѣхъ сословій, внимательно прочитывая на стѣнахъ манифестъ: то былъ державный актъ, которымъ король сулилъ своимъ подданнымъ *учрежденіе національнаго итальянскаго правительства*, союзъ съ королемъ сардинскимъ, принималъ трехцвѣтное знамя, и подавалъ надежду на введеніе подобныхъ же конституціонныхъ учрежденій и въ Сицилію.

XXV.

С В О Б О Д А.

Въ то время, какъ въ завѣтный лозунгъ: *Единая Италия!* со всѣхъ концовъ полуострова сливались стремленія двадцати вѣковъ и прорицанія глубокихъ мыслителей; въ то время, какъ геройскій вождь *тысячи* творилъ чудеса, раздался благовѣстный голосъ, пронесшійся могучимъ громомъ — голосъ поэта, который запѣлъ побѣдный гимнъ во славу возрожденной Италиі:

«Разверзаются гробницы; могилы обливаются возгласомъ: *Воскресните!* Это—болѣе чѣмъ жизнь, это—апоеозъ. О! то божественный трепеть, который объемлетъ сердце, когда униженный вознегодуетъ, когда павшій воспрянетъ; когда въ грозномъ сіяніи возрождается величіе, омраченное многими вѣками, когда Стамбуль снова дѣлается Византіей, Сетинія — Аеинами, Римъ — Римомъ!

«Всѣ мы, сколько ни есть насъ, рукоплещемъ Италиі; прославляемъ эту землю великихъ твореній—*alma parens!* Въ такихъ націяхъ, какъ она, нѣкоторые отвлеченные догматы облакаются въ дѣйствительность, дѣлаются видимыми, осязаемыми; эта нація, чю незапятнанной чести—дѣва, по неистощимой плодovitости—мать.

«Вы, которые внимаете мнѣ, представляете ли вы его себѣ, это волшебное видѣніе: Италию свободную, свободную отъ Тарантскаго залива до лагуны св. Марка...? (ибо, влянусь тебѣ, Манниъ, могилой твоей влянусь, и Венеція будетъ участвовать въ празднествѣ!) Скажите, представляете ли вы себѣ это видѣніе, которое завтра назовется дѣйствительностью? Свершилось! Ложь, при творство, пепель, мгла—все миновалось: Италия сдѣлалась Италией!

«Да! тамъ, гдѣ была географическая фраза—есть нація; тамъ, гдѣ былъ трупъ—есть душа; гдѣ былъ призракъ, стоитъ съ распростертыми крыльями архангелъ, лучезарный херувимъ христіанской цивилизаціи — свобода! Италия, великая усопшая, пробудилась. Взгляните: она возстаетъ и любовно улыбается роду чело вѣскому; она говоритъ Греціи—я твоя дочь, Франціи—я твоя мать!

«Царственный сонмъ окружаетъ ее: ея поэты, ея ораторы, ея художники, ея философы, ея великіе граждане—всѣ они, совѣтники чело вѣчества, отцы конскрипты всемірной интелегенціи, члены сената вѣковъ, и поправо и полѣво ея стоятъ два грозные владыки—Данте и Микель-Анжело. Какое торжество! Какое при шествіе! Какое дивное явленіе! Предъ нами величественнѣйшій

изъ совершившихся фактовъ—единство, молніей озарившее эту великолѣпную плеяду сестеръ: Миланъ, Туринъ, Геную, Флоренцію, Болонью, Пизу, Сиену, Парму, Палермо, Месину, Неаполь, Верону, Венецію, Римъ!

«Италія возстаетъ; вотъ — идетъ она: *incessu patuit Dea*; она сіяетъ, ликуетъ своимъ геніемъ, всему міру сообщила она пожирющую ее лихорадку, и Европа встрепенулась, наэлектризовалась отъ этого чудеснаго свѣта... Появленіе этого новаго свѣта зажжетъ неменьшій восторгъ во взорахъ народовъ, оваритъ чела ихъ неменьшимъ сіяніемъ, неменьшимъ удивленіемъ, сердца ихъ неменьшей радостью, нежели появленіе новой планеты на поднебесьѣ...!»

Наконецъ, высокія велѣнія промысла свершались; предчувствія столькихъ вѣковъ воплощались въ одномъ изъ разгромовъ цивилизованныхъ временъ. Послѣдній монархъ изъ рода Капетовъ исчезалъ со сцены, между тѣмъ, какъ осябенное крестомъ знамя дома савойскаго, эмблема единства и независимости, водружалось на всѣхъ почти высяхъ полуострова, какъ предвѣстникъ новаго царствованія—царствованія національной совѣсти.

Ликующее и лучезарное, какъ нѣкогда надъ вершиной Фавора, надъ Неаполемъ взошло то самое солнце, которое, опускаясь навзлудъ въ море, въ послѣдній разъ озарило своими лучами бурбонскую монархію.

7-е сентября — одно изъ тѣхъ памятныхъ чиселъ, къ которымъ не нужно прибавлять годъ и столѣтіе. Въ ту ночь, спали весьма немногіе. Кипѣли народныя, незаказныя приготовленія для торжественнаго приема освободителя. Разсвѣтъ уже насталъ: весь городъ на ногахъ. На главныхъ улицахъ тѣснились сотни тысячъ людей; окна, балконы, терасы, самыя крыши биткомъ набиты были народомъ. Въ Толедо не было прохода; не было ни одного дома, не убраннаго роскошно флагами, національными эмблемами, обоями, или драпировками. И среди этого бреда, этого безумнаго движенія, непрерывно раздавались воинственные и патріотическія пѣсни, созвучіе голосовъ, осипшихъ отъ неистовыхъ виватовъ Италіи, Неаполю, Гарибальди.

Я поддалась маленькому припадку тщеславія: мнѣ хотѣлось, первой изъ моихъ сограждановъ, позать руку Гарибальди. Эта прихоть чуть не стоила мнѣ жизни. Узнавъ дорогу, по которой онъ пройдетъ, я стала у подѣзда гостиницы, въ которой долженъ былъ остановиться герой. Но стѣснившаяся въ этомъ мѣстѣ толпа

до того притиснула меня, что я чуть не была задушена. Мое желаніе было удовлетворено нѣсколько позже, на соборной площади, среди оглушительныхъ возгласовъ народа, подъ сѣнью трехцвѣтныхъ флаговъ, сотнями развѣвавшихся надъ моей головою, подъ дождемъ цвѣтовъ, сыпавшихся изъ всѣхъ оконъ. Наплывъ и сила обуявшихъ его чувствъ, согнали румянецъ со щокъ триумфатора, и разстроили самыя его черты. Блѣдность его чела дышала какою-то томной грустью, представлявшей поразительный контрастъ съ шумнымъ упоеніемъ его поклонниковъ. Ни одинъ древній или современный герой, во всю свою жизнь не получилъ отъ народа столько вырвавшихся изъ сердца поцалуевъ, сколько получилъ Гарибальди въ этотъ одинъ день.

Что же сказать мнѣ о собственныхъ моихъ ощущеніяхъ?

Скажу, что я вознесла къ Богу мысль, и влажный отъ радостныхъ слезъ взоръ, и изъ глубины души принесла ему тройную благодарность: за то, что онъ дважды спасъ меня отъ собственнаго моего отчаянія; за то, что онъ избавилъ меня отъ деспотизма священниковъ и преслѣдованій шпіоновъ; за то, что допустилъ меня быть свидѣтельницей одной изъ самыхъ великолѣпныхъ и потрясающихъ сценъ великаго христіанскаго палингенезиса.

Но кому какое отнынѣ дѣло до моихъ ощущеній? Они — совершенно лишняя подробность. Драма пришла къ развязкѣ: этимъ днемъ, бывшимъ для Италіи днемъ вторичнаго сотворенія, оканчивается моя повѣсть. То бѣдное я, которое, облеченное въ траурную одежду, возбудило твою жалость и вниманіе, читатель, единственно потому что вокругъ него все было мрачно и мертво, теперь исчезаетъ, какъ звѣзда, утопающая въ сіяніи восходящаго солнца.

Снявъ съ головы черное покрывало и положивъ его на алтарь, этимъ актомъ возвратила его церкви, давшей мнѣ его двадцать лѣтъ назадъ.

Votum feci, Gratiam accepi.

Съ этой минуты я считала послѣднюю нить, связывавшую меня съ монашескимъ званіемъ, порванной, и названіе *гражданки*, издающее другимъ особеннаго отличія, для меня сдѣвалось самымъ дорогимъ названіемъ, еще болѣе славнымъ, чѣмъ древнее *civis romanus*, потому что оно замѣщаетъ идею о городѣ Римѣ идеею о другомъ, болѣе обширномъ городѣ единой Италіи! И если кто съ тѣхъ поръ, по старой привычкѣ, называлъ меня *сестрой* или *канонисой*, я всегда останавливала его и говорила: нѣтъ; зовите меня *cittadina*.

Впрочемъ, если я не люблю черную рысу, то я болѣе не питаю къ ней и враждебнаго чувства. Всякую злобу я сложила съ себя

вмѣстѣ съ чернымъ покрываломъ, оставленнымъ мною на алтарѣ. Къ тому же я признаю себя обязанной долготѣнному заточенію многими практическими знаніями. Еслибы я не влачила впродолженіе двадцати лѣтъ этой жизни, еслибы я съ ранней молодости вышла замужъ, научилась ли бы я въ школахъ міра такъ вѣрно разубавлять въ самомъ ихъ зародышѣ дурныя страсти, порождаемыя спертымъ воздухомъ и питающіяся гнѣвомъ, злобой, ревностью, подозрительностью?

. . . . . , ...

Около этого времени мнѣ случилось познакомиться съ человѣкомъ среднихъ лѣтъ, возвышенныя чувства котораго, гармонирующія съ твердостью его характера, приобрѣли мое уваженіе, и съ первой же минуты заставили меня поставить его далеко выше того типа, къ которому обыкновенно подходятъ люди княжескаго происхожденія. Въ сердцѣ онъ носилъ святой образъ искупленной Италіи, а на лбу большой шрамъ — память о ранѣ, полученной 15 мая отъ швейцарской сабли.

Онъ полюбилъ меня за всѣ мои несчастья,
А я его за то, что возлюбилъ меня (*).

Согласіе наше въ мнѣніяхъ и сходство нашей судьбы упрочили нашу дружбу. Скоро зашла рѣчь о томъ, чтобы освятить религіей эту обоюдную симпатію, и мы прибѣгли къ церкви, прося брачнаго благословенія.

Церковь формально въ немъ отказала.

Просьбы, старанія, искательства, ничто не помогло, все разбилось о неумолимый, пирамидальный *Non possumus*; пришлось просить священника другаго вѣроисповѣданія освятить нашъ бракъ.

И вотъ я наконецъ счастлива.

Живя съ боготворящимъ меня мужемъ, которому я плачу равною любовью, я нахожусь въ томъ положеніи, въ которое Господь поставилъ женщину въ первую же недѣлю бытія.

Почему, исполняя обязанности доброй жены, доброй матери, доброй гражданки, почему не могу и я надѣяться на неисчерпаемое божье милосердіе?

(*) Шекспиръ: *Отелло*, дѣйств. I, сцена III.

ВОПРОСЪ ОБЪ ИСКУСТВѢ.

Статья вторая.

«Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности». — Изданіе второе. 1865 года.

Результаты, вышедшіе изъ теоріи воспроизведенія или безобразія. — Безплодная плодовитость. — Новый литературный родъ — ругня. — Смѣшеніе искусства съ искусственностію. — Помѣсь науки съ поэзіей. — Напускной либерализмъ и самодурство въ литературѣ.

Что теперь дѣлается въ нашей литературѣ? Чѣмъ заняты, надъ чѣмъ скривить тысячи литературныхъ перьевъ? Надъ копированіемъ, подражаніемъ, обезьянчаніемъ поступковъ людей. Пишущій не столько изображаетъ, сколько передразниваетъ жизнь; потому что изображать жизнь безъ умѣнья группировать въ ней явленія, схватывать типичное — нельзя. Тщетное занятіе. Бумаги не хватитъ! Отъ копирования и подражанія печать наша такъ и развѣхалась и большинство пишущихъ впало въ такую бесплодную плодовитость. Искусство бережливо, разборчиво; искусственность же — болтлива и безцеремонна. Мелкая фельетонная дѣятельность, пожалуй, неизбежна, и тѣмъ болѣе, что природа вообще щедра на такіе таланты. Но знай же они свое мѣсто. Дагеротипистъ — не портретистъ, фельетонистъ — не критикъ. Слишкомъ большой перевѣсъ подражательной, передразнивающей жизнь дѣятельности только раздражаетъ людей, но мало совершенствуется. Оттѣнокъ злобы лежитъ черезъ это на всѣхъ проявленіяхъ ума, воли, чувства, веселости и юмора. Нельзя желать литературѣ ея прежняго простодушія, но нельзя оставить безъ пособій медицинскихъ ея теперешней нервной раздражительности. Литература наша слишкомъ измельчала. На печатанную страницу смотреть почти какъ на простую бумагу. Со всѣхъ сторонъ летятъ листки, летятъ, и такъ же скоро улетаютъ. На чтеніе очень немногіе только смотрятъ какъ на что-то нужное. Читатель беретъ за книгу съ юношескимъ жаромъ и сейчасъ же охладѣ-

ваетъ, видя задоръ и баловство писателей. Прежде мы говорили, что театръ долженъ избавиться отъ своего балаганнаго вида, чтобы быть театромъ; теперь мы скажемъ, что и литературѣ нашей, быть можетъ, слѣдуетъ освободиться отъ балагурства и пусто-словія, чтобы быть литературой.

Литература наша не только распространилась выше своихъ средствъ, но еще и разругалась донельзя. Это былъ второй плодъ, принесенный теоріею воспроизведенія. Ни въ чемъ, быть можетъ, такъ не выражается упадокъ нравственно-эстетическаго начала въ нашей литературѣ, какъ въ этой безобразной ругнѣ. И какъ разнообразенъ этотъ новый литературный родъ! Одинъ, какъ Посторонній сатирикъ, бранится съ недобрымъ чувствомъ; другой, какъ г. Писаревъ, съ азартомъ и въ свое удовольствіе, третій злобно шипитъ, четвертый кусаетъ изподтышка и т. д. И никто вообще не помнитъ, что ругня въ печати, какъ и на улицѣ, позоритъ больше всего ругателя. И сколько несправедливыхъ и обидныхъ попрековъ наговарять они другъ другу въ этихъ баталіяхъ! Сатирикъ «Современника», напримѣръ, говоритъ: «Вы, г. Благосвѣтловъ, должно быть, сильно избалованы великодушной барской филантропіей. Повѣрьте, еслибы я былъ богатымъ барономъ, еслибы вы мнѣ хорошенько угождали, я бы тоже озолотилъ васъ; я бы подарилъ вамъ журналъ; я бы далъ вамъ типографію и т. д.». Сатирикъ упрекаетъ г. Благосвѣтлова въ томъ, что будто ему подарили журналъ. Еслибы и такъ было. Когда я передаю другому вещь мнѣ ненужную, то я этимъ нисколько другаго не унижаю, а себя только освобождаю, себѣ опрастываю руки отъ ненужной вещи. Журналъ имѣетъ цѣнность смотря по тому, у кого онъ въ рукахъ. И наконецъ повторимъ мы еще свои слова, что благодѣянія и благодѣтели вообще—слова безобразныя. Благодѣтелемъ челоуѣкъ можетъ быть только въ отношеніи животнаго, равному же себѣ онъ можетъ оказывать услуги. Къ чему же послужилъ послѣ того вашъ лозунгъ, когда вы попрекаете филантропіей и уличаете въ безденежномъ приобрѣтеніи собственности? «Остроту эту (бутербродъ), говорится тамъ же, заимствовалъ я отъ одного изъ редакторовъ «Русскаго Слова», который всегда называетъ господина Благосвѣтлова въ глаза самыми поносными именами.» Какъ будто это—заслуга, что редакторъ ловко ругается или дерется. Несправедливо ли мы предсказывали недавно, что въ стремленіяхъ ихъ проглядываетъ желаніе ручной расправы?

Мы тоже угодили подъ эту литературную свалку. Давно-ли пишемъ, а сколько ужъ прозвищъ! Приѣзжай изъ губерніи (провинціалъ, значить), мудрецъ, орелъ, лукошко, скотина, лейтенантъ

Жевакинъ и т. д. Последнее прозвище намъ далъ г. Зайцевъ. Дѣлаетъ же онъ это не изъ простаго баловства, а изъ того, что сели онъ станеть часто произносить настоящее имя, то публика, пожалуй, прочтеть, прочтеть хоть изъ любопытства; и если найдеть правду въ моихъ статьяхъ, то вы, пожалуй, и проиграете. Г. Зайцевъ увѣряеть, будто я скорблю, что по вечерамъ окна университета не освѣщены. Читатель, пожалуй, подумаетъ, что это такъ. Но г. Зайцевъ вовсе этого не думаетъ. Онъ знаеть, что я говорю не объ освѣщеніи, а о просвѣщеніи; но смѣшалъ слова и опустилъ фразы потому, что не нашель ничего болѣе слабого въ моихъ статьяхъ. Или, пожалуй, онъ нашель на счетъ сигары и брѹха, вставленныхъ намъ неловой рукой. Жаль, не замѣтилъ онъ еще тамъ тайныхъ пророчествъ русской няньки, рожденіе идеала, сравненіе социализма съ буржуазіей, обозваніе романа «Что дѣлать» наглымъ, а нашихъ противниковъ—мальчишками. Всѣ эти слова и строчки лежали точно ярмо на нашей совѣсти; и мы очень довольны и рады, что нашли наконецъ мѣсто и случай отъ нихъ освободиться. Прибавки эти есть образецъ того давленія, которое производится многими въ видахъ направленія. Попрекають также насъ (и даже неоднократно) администраторами, о которыхъ мы упомянули, говоря о невозможности прочесть всѣхъ безконечно длинныхъ публицистическихъ статей. Но никакой литераторъ не долженъ отказываться отъ желанія, чтобы его читало правительство. Какъ власть имѣеть вліяніе на слово, такъ и слово желаетъ быть извѣстнымъ власти. Если мы будемъ давать другъ другу прозвища, выставлять себя въ смѣшномъ положеніи, то этимъ самымъ не только уменьшимъ значеніе слова въ глазахъ общества, но и выше; и этимъ обезсилимъ литературу.

«Я не намѣренъ вступать ни въ долгую ни въ краткую полемику съ орлами», высокомѣрно говорятъ намъ. Да васъ никто и не просить. Вы молчите, а мы васъ будемъ учить. Изъ этого, повѣрьте, выйдетъ толкъ и даже польза. Вы вотъ, напримѣръ, попрекаете меня краткостію, а между тѣмъ слова объ этой добродѣтели пошли уже нѣкоторымъ въ прокъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ г. Писаревъ импровизировалъ до семи печатныхъ листовъ, что въ нашемъ холодномъ климатѣ совершенно ненатурально. Въ февралѣ же нынѣшняго года онъ съѣхалъ на два съ половиною листика. Теперь, правда, онъ опять ободрился и угрожаетъ разругать Кавказскаго плѣнника. Полезное занятіе! Въ послѣдней же статьѣ (*) онъ является Мамаемъ только для г. Аверкіева. Знаеть, на кого

(*) Прогулка по садамъ російской словесности.—«Русское Слово».

нападать. Затѣмъ Бабиновъ двукратно приводитъ его въ ярость однимъ невиннымъ стихотвореніемъ; Островскаго тоже онъ щиплетъ за «Воеводу», но такъ нечувствительно, что едва-ли почувствовалъ авторъ этотъ щипокъ. Потомъ еще во время своей «Прогулки», отъ нечего дѣлать рассказываетъ содержаніе какихъ-то неизвестныхъ повѣстей; грызется съ Сатирикомъ и наконецъ съ остервененіемъ бросается на меня. Самая отборная и крупная брань сыплется какъ горохъ. Въ порывѣ своего комическаго негодованія, онъ отдаетъ мнѣ тутъ же предписаніе, что я долженъ сдѣлать, чтобы оправдаться въ его глазахъ — какія книги и журналы пересмотрѣть, на какія статьи указать, и тутъ же въдобавокъ называетъ меня безсовѣстнымъ шарлатаномъ, и такимъ же лжецомъ и т. д. Милостивый государь, да вы къ слугѣ обратитесь съ такими беззастѣнчивыми ругательствами и высокоуміемъ, и тотъ васъ не послушается, а другой, пожалуй, и плюнетъ. Будьте же благоразумнѣй, вспомните, въ какое время вы живете! Отвѣчали ли вы на мои вопросы, выказанные въ разныхъ статьяхъ? Не съ терпѣніемъ ли почти зоологическимъ вы вынесли, когда я рѣзалъ ваши статьи на кусочки и растиралъ ихъ въ пылъ? Вы, правда, рассчитывали на то, что я печаталъ въ мало распространенномъ журналѣ, но теперь вы уже на это не можете рассчитывать. Не прикрывайтесь высокоуміемъ—оно соприкасается съ недобросовѣстностію. Еслибы вы знали побольше жизнь, вы бы не забывали, что она и безъ того проникнута грубостію, насиліемъ и деспотизмомъ, что всякое почти лицо, сколько нибудь поднявшееся, старается давить и смотрѣть свысока на собрата. Вы своимъ картиннымъ задоромъ только развиваете вкусъ къ грубымъ выходкамъ и ухарскимъ замашкамъ. Смѣсь семинарскаго грубого съ военною храбростію, введенную въ нашу литературу, вы усовершенствовали и теперь популяризируете. Вы думаете, что я бы не могъ отнестись къ вамъ съ гнѣвомъ? Могъ бы очень—но весь мой гнѣвъ, весь мой пылъ замираетъ, когда я подумаю, что насъ читаетъ множество, что мы не одинъ на одинъ, а передъ публикой.

Прежде я думалъ и даже говорилъ, что въ сущности, въ главномъ я съ вами согласенъ; теперь же вижу, что ни въ сущности, и ни въ чемъ съ вами нельзя сойтись. Г. Писаревъ, какъ вижу, даже человекъ хитрый. Замѣтивъ, что онъ разбитъ на своей же собственной почвѣ — пользѣ, и что ему доказана даже полезность искусства, онъ говоритъ, между прочимъ, въ своей послѣдней статьѣ: «Если вы осязательно докажете, что искусства полезны, то мы съ величайшимъ уваженіемъ преклонимся предъ ихъ величіемъ. Но, взявшись доказывать ихъ пользу, вы

уже сами превращаетесь въ реалиста.» Не ясно ли, что онъ сбить съ своего мѣста и не хочетъ только сознаться, какъ много повредилъ ему тотъ психическій переворотъ, который послѣ прощанія съ Мессіадой заставилъ его говорить о прощаніи поэтовъ съ эстетиками и о превращеніи ихъ въ натуралисты. Смотрите, не пришлось бы реалистамъ прощаться съ нигилистами.

И въ какое смѣшное положеніе ставитъ онъ свой кружокъ. Говорить, напримѣръ, что первымъ поводомъ къ ссорѣ «Русскаго Слова» съ «Современникомъ» было слово «лукошко», которымъ онъ называлъ Посторонняго сатирика. Между нашими двумя родичами-журналами упало такимъ образомъ не яблоко, а лукошко раздора. Далѣе г. Писаревъ и себя ужъ не щадить. «Еслибы какойнибудь *озорникъ* поднесъ Шапову лукошко, то часть этого лукошка досталась бы редактору.» Но смотрите же, добрые люди, онъ не только называетъ себя озорникомъ, но еще плюетъ на себя. Согласившись вѣроятно насчетъ убійственнаго вліянія ихъ реализма на таланты, объясненнаго въ моей статьѣ, онъ говорить: «что же касается до гениальныхъ натуръ, то ихъ не остановить и не собьютъ съ толку никакая реалистическая критика. Гениальныя натуры преодолеваютъ самыя серьезныя препятствія; онѣ борются съ деспотическою волею родителей, съ предрассудками общества, съ бѣдностію и съ невѣжествомъ, и все-таки, несмотря ни на что, идутъ туда, куда ихъ тянетъ преобладающая страсть. Если у насъ народится какойнибудь Рафаэль или Моцартъ, то онъ ни за какія коврижки не пойдетъ въ машинисты или въ медики и ваплетъ на всякія реалистическія проповѣди.» Ахъ, не одни Рафаэли и Моцарты на нихъ теперь плюютъ! Но этимъ еще Писаревъ не ограничивается. Какъ человѣкъ, привыкшій баловаться съ зоологіей, онъ нашель у г. Маркова какой-то зоологическій языкъ. И въ чемъ же бы вы думали? Въ выраженіи, которымъ г. Марковъ думалъ характеризовать міровоззрѣніе дикаго вазаа. «Скотъ есмь и ничто скотское мнѣ не чуждо.» За это собственно г. Марковъ и получилъ такое лестное приглашеніе. Теперь только мы поняли, какую ошибку сдѣлали, когда слова г. Писарева «скотина», «морда» приняли за чистую монету. Быть можетъ, на его зоологическомъ языкѣ слово «скотина» имѣетъ возвышенный смыслъ.

Глядя на все это, можно право подумать, что публицистъ Русскаго Слова имѣетъ назначеніемъ компрометировать имя прогресиста, радикала и всѣхъ вообще людей, посвятившихъ себя будущему. Будущее онъ какъ-бы совѣтуетъ всѣмъ прятать въ свой карманъ. Самъ онъ, конечно, этого не дѣлаетъ, а только другимъ совѣтуетъ. Служить исключительно пользѣ—это то же, что

заботиться о своемъ порт-монне. Постараемся это растолковать кому не объяснила жизнь. Всякій изъ живущихъ специальнымъ трудомъ, конечно, знаетъ изъ опыта, что, дѣйствуя въ практической жизни, онъ прежде всего старается быть полезнымъ ради себя; пользою, приносимою себѣ, онъ мѣряетъ даже пользу, сдѣланную имъ для другихъ. Но вопли развитой практикѣ этимъ не ограничится, если не желаетъ обратиться въ машину для добыванія денегъ. Такихъ машинъ, иногда очень умныхъ и даровитыхъ, много на свѣтѣ; и это именно тѣ люди, которые думаютъ исключительно о пользѣ, пользованіи, приобретеніи. Природа человѣка требуетъ, чтобы онъ поднимался надъ этимъ уровнемъ временныхъ интересовъ и, служа безкорыстно истинѣ и идеалу, связывалъ бы себя съ будущимъ, съ высшими интересами человѣчества. Словомъ «польза» нынче вообще запугиваютъ многихъ недогадливыхъ хоть и умныхъ людей; но насъ на этой мякинѣ не проведешь. Мы знаемъ хорошо, что исключительная польза есть только выраженіе эгоизма или самолюбія.

Самолюбіе въ головахъ поклонниковъ пользы и выгоды дѣйствительно разыгрываетъ какъ-бы роль вдохновенія. Эгоизмомъ же и самолюбіемъ мы объясняемъ и ваши ссоры съ «Современникомъ». Изъ чего бы, вѣжета, ссориться было? «Современнику» вы кругомъ обязаны: онъ васъ родилъ, вспоилъ, вскормилъ и по свѣту пустилъ. И вы же непочтительны къ нему. Вы пишете противъ него не столько изъ убѣжденія, сколько изъ того, что онъ другой журналъ, что на немъ не та обертка, не тотъ редакторъ. «Современникъ» въ самой своей измѣнчивости правѣе, чѣмъ «Русское Слово» въ своемъ упорствѣ. Если послѣднее имѣетъ нѣкоторый успѣхъ, то это потому, что масса еще нѣмѣе не двинута въ сторону, противную сухимъ выводамъ и рѣзкимъ парадоксамъ. Всѣ слишкомъ привыкли къ этого рода пранностямямъ. Критикъ «Современника», какъ видно изъ послѣдней статьи, уже не одобряетъ вполне «Эстетическихъ отношеній». Хотя онъ еще и держится за нихъ, но за то ужъ говорить нѣчто такое, что и мы говорили. — Въ послѣднее время—говоритъ г. Антоновичъ (*)—нѣкоторые, возставая противъ ложныхъ направленій искусства, въ горячности, неразсудительности дошли до того, что стали возставать вообще противъ искусства и противъ эстетическаго наслажденія. Говорятъ, будто бы человѣкъ не долженъ предаваться никакимъ удовольствіямъ, даже эстетическимъ, будто бы дѣльный и раціональный человѣкъ

(*) Мартъ, «Современникъ» 1865.

никогда не позволить себѣ наслаждаться какимъ нибудь художественнымъ произведеніемъ, хотя бы то было произведение высшаго искусства поэзіи, будто бы такое наслажденіе только ослабляетъ человѣка и есть напрасная трата времени, которое гораздо лучше было бы употребить на полезныя дѣла» (61 стр. Совр. Рус. лит.). Далѣе говорится еще объ аскетическихъ воззрѣніяхъ. Мы тоже, если не забылъ это читатель, говорили въ первой статьѣ своей объ аскетизмѣ мысли.

Но вотъ еще болѣе замѣчательная выписка изъ той же статьи г. Антоновича: «Эстетическое наслажденіе еще полезно тѣмъ, что оно значительно содѣйствуетъ развитію человѣка, уменьшаетъ грубость, дѣлаетъ его мягче, впечатлительнѣе, вообще гуманнѣе, сдерживаетъ его дикіе инстинкты, неестественные порывы, разгоняетъ мрачныя свекорыстныя мысли»... и т. д. (68 стр.). На мысль о связи нравственно-эстетическаго начала съ гуманнымъ мы налегали во всѣхъ своихъ статьяхъ. Это, можно сказать, самая дорогая, самая близкая намъ мысль. Еще въ ноябрѣ прошедшаго года мы говорили и доказывали, что «нравственное чувство есть то же, что чувство эстетическое, примѣненное только къ дѣйствительной жизни; что если человѣкъ станетъ всегда размышлять, полезно-ли это для него или нѣтъ, то онъ можетъ и солгать кстати, и обмануть невольно, и струсить тамъ, гдѣ бы онъ не побоялся, слѣдуя выбору своихъ нравственныхъ влеченій. Что же это такое за выборъ, которымъ человѣкъ руководствуется въ лучшія минуты своей жизни, въ минуты героизма? Разсудокъ прямо говорить, что это противно его интересамъ, угрожаетъ жизни, а онъ все-таки прельщается благороднымъ, великодушнымъ поступкомъ. Значить, не только представленіе и изображеніе, но и приведеніе въ исполненіе такого рода поступковъ приносить человѣку наслажденіе; въ своихъ гуманныхъ дѣлахъ онъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь руководствуется уваженіемъ къ красотѣ и выборамъ эстетическаго чувства. Герой — это казъ-би поэтъ, проявляющій въ дѣйствительности изящнѣйшія и благороднѣйшія движенія нашей природы». Въ январѣ нынѣшняго года мы еще точнѣе, короче выразили эту же мысль. «Натуральное чувство — чувство эстетическое и гуманное чувство или чувство человѣческое, находясь въ неразрывной связи другъ съ другомъ, должны служить основой настоящаго воспитанія». Мы не хотимъ сказать всѣмъ этимъ, чтобы г. Антоновичъ отъ насъ заимствовалъ. Когда придать время рожденія новой мысли, то она является во многихъ головахъ разомъ, не съ одинаковою только силою и искренностію. Г. Антоновичъ говорить теперь уже иначе и объ идеализмѣ; видитъ гармонію между идеальнымъ и матеріальнымъ, и говорить даже о

созданіи высшихъ идеаловъ, къ которымъ должна стремиться дѣйствительность. Да онъ уже теперь не тотъ, да и время не то. Только еще «Русское Слово» низводитъ въ прахъ гениальныхъ поэтовъ, и даже въ видѣ опыта вычеркиваетъ изъ своихъ страницъ всѣ стихотворенія. Современемъ, если только оно будетъ такъ же послѣдовательно, оно вычеркнетъ изъ себя и всѣ повѣсти. И будетъ тогда изъ «Русскаго Слова» нѣчто въ родѣ журнала общепользныхъ свѣдѣній.

Мы нарочно распространились здѣсь на счетъ полемики, чтобы показать, до какой изворотливости, бранчивости и пустословія она у насъ достигла, вслѣдствіе притупленія эстетическаго чувства. Теперь перейдемъ мы къ третьему результату, къ третьему послѣдствію пресловутой теоріи воспроизведенія. На него мы уже намекали и прежде—это смѣшеніе искусства съ искусственностію, отразившееся въ нашей бельетристичѣ. Вся современная бельетристика есть чистая искусственность и чистое неумѣнье авторовъ пользоваться своими способностями. Одни пишутъ повѣсти не потому, чтобы у нихъ было дарованіе, а потому чтобы легче скрыть въ своихъ повѣстяхъ слабенькія публицистическія способности. Еслибы послѣднія не были слабы, имъ бы въ голову не пришло взяться за бельетристику, которую они не уважаютъ. Другіе же, напротивъ, имѣютъ способность наблюдать, группировать явленія, изображать характеры; но имъ засѣла въ голову чужая идея—они и гнутъ все подъ нее. Еслибы это была ихъ идея, то она, будучи сообразна съ способностями, и гармонировала бы съ рассказомъ. Но въ томъ-то и бѣда, что у гг. Рѣшетникова, Михайлова и другихъ нѣтъ своихъ идей, или они не хотѣли, не смѣли вывезти изъ сдѣланныхъ ими наблюдений. Итакъ мы видимъ два рода повѣстей: повѣсти людей съ своимъ природнымъ дарованіемъ и съ чужою, все подогнувшюю подъ себя идею, и повѣсти людей безъ художественнаго дарованія и съ своею крошечною публицистическою идею. Чтò хуже—трудно рѣшить. У г. Тургенева и мысль и форма своя, и потому онъ такъ гармонируетъ между собой. Оттого онъ и сохранилъ свою самостоятельность, не поддаваясь никакому вліянію. Самостоятельность таланта—дѣло великое; это, можно сказать, его сущность. Самымъ виднымъ примѣромъ искусственности можно привести приемы многихъ бельетристовъ, описывать жизнь съ точки зрѣнія ребенка. И не такъ, напр., какъ это дѣлалъ г. Л. Толстой, у котораго дѣти не перестаютъ быть дѣтьми, а такъ, наоборотъ,

что дѣти кажутся хуже стариковъ. Кольва, напр., у г. Михайлова, лежа въ постелькѣ съ подобнымъ себѣ мальчуганомъ, занимается разрѣшеніемъ вопросовъ, отчего ихъ родственники уважаютъ богатство больше, чѣмъ чины. Это потому, рѣшаетъ одиннадцатилѣтній мудрецъ, что они нечестны. И всѣ эти авторы, говорящіе отъ имени младенцевъ, надѣляютъ ихъ какою-то старческою ироніею. Это неестественно. Дѣти незлопамятны, дѣти не могутъ быть, особенно младенцы, умнѣе родителей: на нихъ всѣ недостатки семьи. Съ другой стороны, взрослые у нихъ кажутся дѣтьми. Такъ, напр., Маевскій у г. Благовѣщенскаго ропщетъ, что Богъ не далъ человѣку хвоста. И зачѣмъ бы, вы думали, понадобился ему хвостъ? «Теперь вотъ встрѣтишься съ начальствомъ или съ знакомыми, такъ изволь непременно снимать фуражку да чинно раскланиваться, а тогда бы безъ хлопотъ повилялъ немного хвостикомъ да и дѣлу конецъ». Убийственный либерализмъ! Г. Благовѣщенскаго вообще можно причислить къ тому роду писателей съ маленькими публицистическими способностями, которыя онъ старается прикрыть самою узкою наблюдательностію. «Итакъ опять глушь, опять новое царство, опять семинаристъ герой, восклицаетъ онъ между прочимъ.—Прежде всего я долженъ сказать, что нашъ герой вовсе не герой... Несмотря на очень скромную дѣятельность такихъ людей, она не проходитъ безъ слѣда, и потому важно значеніе ихъ въ нашей жизни. Одинъ умный писатель очень удачно сравнилъ этихъ людей съ коралами. Чтѣ можетъ быть микроскопичнѣе жизни и дѣятельности кораловыхъ животныхъ? Однако изъ цѣлаго ряда такихъ жизней мало по малу образуется островъ, за которымъ и корабль часто ищетъ спасенія отъ бури...» Не слишкомъ-ли много вы берете на себя. Не будетъ впереди героевъ—станутъ на ихъ мѣсто пигмеи, которые даже по слѣдамъ великихъ дѣятелей могутъ надѣлать великихъ глупостей. Пигмеи-то эти и распространили фальшивую искусственность и запугали своимъ крикомъ и задоромъ талантливыхъ людей. Отчего, напр., не пишутъ г. Гончаровъ, г. Майковъ? Въ складѣ ихъ дарованій, пожалуй, нѣтъ лиризма, который легко уклоняется въ разныя стороны. Въ нихъ больше формъ, пластичности, чѣмъ звуковъ. Звуки дѣйствуютъ сильнѣй, интенсивнѣй, но они такъ же скоро и пропадаютъ, если слабы. Пластическія же формы остаются какъ мраморъ навсегда. Объективные таланты вообще рѣже, чѣмъ субъективные, а первые-то больше всего и губить тлетворное дыханіе семинаризма. Но и лирическимъ талантамъ отъ него не поздоровилось. Некрасовъ былъ главною жертвою; изъ этого замѣчательнаго таланта вышло бы не то, еслибы онъ развивался при другой об-

станови́тъ. По мѣрѣ того, какъ мысль его дѣлалась прозаичнѣй, и стихъ его уже становился не тотъ. Между нѣкоторыми стихотвореніями г. Некрасова и г. Минаева нѣтъ почти разницы. А между тѣмъ Некрасовъ когда-то волновалъ всѣ свѣжія, юношескія головы, а теперь уже и онъ сталъ непотребенъ. Даже на Островскомъ, нашемъ единственномъ почти драматургѣ, мы видимъ нѣкоторые слѣды этого убійственнаго вліянія. На Писемскомъ еще болѣе. Начало его послѣдняго романа великолѣпно, но конецъ показываетъ такую раздраженность, каковую можно замѣтить только у отъявленныхъ нигилистовъ. Это—обличеніе, а не художественная картина. Въ дополненіе всего стали еще доказывать наши неловкіе прогрессисты, что не должно быть критики, которой собственно и живится изящная литература. За всѣмъ этимъ наступило окончательное безплодіе. Точно мертвой водой всѣхъ оадили! Такъ все потеряло въ нашей литературѣ жизненность.

Четвертый результатъ, вышедшій изъ теоріи обще-интереснаго — это помѣсь науки съ поэзіей. Чисто-литературныя способности захотѣли сдѣлаться научными. Всѣ серьезныя статьи стали писать съ какими-то завитушками. Еслибъ теперь вздумалъ кто написать какую нибудь научную статью ясно, просто, то ее, пожалуй, не стануть и читать: такъ привыкли у насъ къ вѣрѣкимъ словамъ и рѣзкимъ выходкамъ, которыми популяризуется теперь наука. Настоящій ученый никогда не порадуется этимъ затѣямъ нашихъ виртуозовъ-ученыхъ. Въ глазахъ дѣйствительно ученыхъ людей они только и выигрываютъ лестью, какъ напр. г. Зайцевъ передъ г. Сѣменовымъ. «Я рискну замѣтить, что и преступникъ имѣетъ право на человѣческое обращеніе», отвѣчаетъ г. Зайцевъ на професорскій хохотъ. Это умственное движеніе, разрушающее искусство, не приноситъ пользы и наукъ: они не камни владуть въ общій фундаментъ, а лакируютъ только эти камни. Они могли бы и свое что нибудь вложить въ науку и камешекъ лишній подбросить; и вмѣсто того только берутъ напрокатъ науку у иностранцевъ. Поэтому мы даже въ интересахъ науки должны стараться, чтобы этотъ наплывъ литературныхъ талантовъ оставилъ въ покоѣ суровую дѣятельность науки.

Сила журналистики въ научномъ смыслѣ есть энциклопедизмъ. И во что же у насъ обратили эту силу? Всѣ стараются дать публикѣ самыя разнообразныя свѣдѣнія, но не всѣ понимаютъ, что энциклопедизмъ долженъ быть основанъ на специализмѣ. Одинъ, напр. какъ г. Писаревъ, пишетъ критическій разборъ, историческіе очерки и статью по естественнымъ наукамъ; другой, какъ напр. г. Антоновичъ, печатаетъ въ одной и той же книж-

къ статью почти публицистическую, статью почти философскую и статью почти ругательную. Такъ точно и Шелгуновъ и многіе другіе. Какая книга подъ руку попала, ну и царапай изъ нея. Понятно, что какъ бы ни велики были умственные средства такихъ дѣателей, они являются либо плохими компиляторами, либо опрометчивыми мыслителями и кромѣ эксцентричности ничѣмъ другимъ не берутъ. Такого рода поверхностный энциклопедизмъ журналистовъ ошибоченъ еще тѣмъ, что въ немъ всѣ отдѣлы науки и всѣ факты гнутся подъ одну идею. Цѣлыя науки готовы они рушить, не говоримъ уже объ искусствѣ, лишь бы только проскочила напередъ взятая мысль. Они не смотрятъ, что мысль эта износила, измельчала давно. Факты они любятъ, но только натянутые, нанизанные на извѣстны идеи; и такъ-какъ число этихъ идей очень ограничено, то онѣ у нихъ оказываются сгруженными, ни къ селу ни къ городу приведенными. По природѣ вещей не факты гнутся подъ идею, а идея видоизмѣняется и гнется отъ фактовъ. Вслѣдствіе этого, у нихъ нѣтъ собственного направленія, а *только наизъ въ одну сторону*. Направленіе предполагаетъ движеніе, а они толкуются только на одномъ мѣстѣ, съ одной и той же идеей въ головѣ и съ самыми противорѣчащими фактами подъ ногами.

Отъ этого публицисты наши болѣе сообщаютъ интересныя факты, чѣмъ стремятся къ развитію ихъ; болѣе стараются разжевать и положить въ ротъ, чѣмъ сдвинуться съ мѣста. Шуму много, но мало движенія; тревоги бездна, но нѣтъ прогресса. Одинъ ктонибудь выкинетъ пародоксъ, другой ему перечить; первый опять твердитъ свое или говоритъ чтонибудь на зло второму; потомъ еще ктонибудь скажетъ въ пику первому и второму, и пошла писать... Такъ и вертятся на одномъ мѣстѣ.

И знаете-ли, отчего эта срединная дѣятельность между наукой и искусствомъ пришла всѣмъ по вкусу? Страшный упадокъ университетскаго образованія, малочисленность студентовъ и профессоровъ въ сравненіи съ лицами образованія семинарскаго, военнаго, инженернаго, артилерійскаго и т. д. Гдѣ наши университеты и какіе они? Чтѣ было дѣлать людямъ, неполучившимъ настоящаго универсальнаго развитія; а между тѣмъ стремленіе и любовь къ труду въ нихъ были. Они и бросались на литературу. Литература такимъ образомъ осталась въ рукахъ людей самыхъ разнокалиберныхъ. Выходитъ напр. какойнибудь даровитый господинъ изъ учебнаго заведенія. Практическая дѣятельность ничтожна, ну, онъ и литераторствуетъ...

Есть три рода литераторовъ: писатели по призванію, писатели по незнанію чтонибудь другое дѣлать, и писатели изъ лѣни.

Послѣдніе получаютъ иногда и ученныя степени и могли бы быть специалистами; но имъ хочется литераторствовать: они думаютъ, что это дѣло болѣе легкое. Самымъ крупнымъ явленіемъ въ этомъ родѣ можно назвать покойнаго Сенковскаго, который, вмѣсто замѣчательнаго ориенталиста, захотѣлъ быть барономъ Брамбеусомъ. Такихъ бароновъ, откармливающихся на нивахъ поэзіи, и теперь еще немало. Существованіе цензуры не въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ сороковыхъ годахъ, а въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, очень способствовало развитію поверхностной литературы. Оно ее тормозило и кляло на нея печать запрещенности: запрещенный плодъ всегда заманчивъ. Еслибы мы вступили въ третій періодъ нашего слова, въ безцензурное писаніе, то тогда поверхностность нашихъ борзописцевъ выразилась бы вполнѣ. Всѣ бы тогда увидали, что они отняли бразды правленія прогресса у стариковъ, которые должны отдыхать, и отдали ихъ юношамъ, которые должны еще учиться.

Та теорія безобразія (*), которую мы затронули въ прошедшемъ году, и есть собственно то, что произвело сочиненіе «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности». Почти невѣроятно, чтобы идеи этого произведенія имѣли такой успѣхъ. Мѣсто, правда, Бѣлинскаго и тогда, какъ и теперь, было пусто; но отсутствіе критическаго ума, который бы разбилъ всѣ эти парадоксы, не объясняетъ еще всего. Тутъ кроется другая, болѣе важная, болѣе жизненная причина. Жизнь образованнаго общества отъ прошлаго, исковеркалась, извратилась. И школа и служба, все тогда портило людей—были или тоскующіе идеалисты, или безсовѣстные практики. Многіе впадали тогда въ глубокую меланхолію, близкую къ помѣшательству, или нервно раздражались, судорожно мыслили. Авторъ «Эстетическихъ отношеній» былъ продуктъ своего времени. Примиряясь со всѣмъ безобразіемъ жизни, со всѣми осадками ушедшаго времени, онъ думалъ изъ этихъ осадковъ сдѣлать что нибудь благородное, великое.

Теперь его теорія въ свою очередь произвела новые осадки. Еще цѣлые десятки даровитыхъ людей зарываютъ свои таланты въ бесплодную почву переводной науки, брагчливой публицистики и тенденціонной бельетристики. Цѣлыя тысячи свѣжихъ головъ еще довольствуются одной отрицательной литературой, стѣсняющей не только таланты, оригинальность, но даже и свободу мысли. Надзоръ за дарованіями въ этомъ смыслѣ, особенно старательно производимый прежде, дѣйствовалъ, намъ думается, подобно цензурѣ. Мы не говоримъ объ ученическихъ промахахъ или положительной не-

(*) См. жур. «Эпоха».
Т. CLX. — Отд. I.

зрѣлости мысли, съ которой обыкновенно не долженъ мириться ни одинъ редакторъ; нѣтъ, мы говоримъ о той узкой рамкѣ, о тѣхъ литературныхъ тискахъ, которые клались на молоды головы многими знаменитостями. Въ этомъ-то и заключалось то направленіе, тотъ нагибъ, отъ котораго надламывалось столько талантовъ.

Когда-то, разбирая характеръ Базарова (*), мы говорили, что вся сатанинская гордость, сердитость, хмуреніе и кутанье въ реалистическій плащъ были явленіями напускными; но мы забыли тогда же сказать, что и весь либерализмъ этого представителя нашихъ радикаловъ былъ напускной. Теорія воспроизведенія, сдѣлавши хаосъ изъ умственныхъ и эстетическихъ движеній, не дава въ то же время развиваться и настоящимъ либеральнымъ стремленіямъ. Либерализмъ, изъ нея вышедшій, основывался не на скептицизмъ, изъ котораго вытекаетъ плодотворная дѣятельность, а на полнѣйшемъ отрицаніи всего, что не перещупано руками и не поразило чувствъ. Базаровыхъ собственно занимаетъ не нтъ фактовъ и мысль изъ нихъ вырастающая, а какія нибудь рѣзкія, выдающіяся явленія съ привитою къ нимъ правоучительной идеею. Они видятъ, напримѣръ, лягушку, слышатъ, что на ней очень удобно производить рефлективные и автоматическія движенія; хватаются за этотъ фактъ, трубятъ во всеуслышаніе, и выводятъ изъ него то, чего даже и во снѣ не снилось физиологамъ. Можно ли назвать такое судорожное движеніе мысли зрѣлымъ и полезнымъ явленіемъ? Не случаются ли подобнаго рода ученическіе зкстаы со всякимъ входящимъ въ храмъ науки. Сейчасъ видно, смотри на такого человѣка, что ему дунули въ уши прежде времени о вещахъ, которыя можетъ переварить только вполне развитый умъ.

Какъ производилось это дуновение, это напущеніе, а не развитіе либерализма — объяснить нетрудно. Либеральными фразами старались замѣнить, во первыхъ, знаніе; и опыты эти производились не въ университетѣ, гдѣ подвижность и практичность науки умѣстна, а гораздо раньше — въ гимназіи; начинали даже съ четвертаго класса. Колокола звенѣли въ ухахъ дѣтей, играющихъ въ лагу. Фейербаха подпускали мальчикамъ, играющимъ въ жмурки. И все это дѣлалось не какими нибудь бездарными верхоглядями. Неудивительно послѣ того, если это подпусканіе и звонъ производили въ дѣтахъ только тревогу и лишали возможности набираться духу, терпѣнія въ трудѣ и знаній. Выхода изъ гимназіи или дру-

(*) Теорія выгоды и пользы. Ноябрь. 1864. «Эпоха».

гаго средняго учебнаго заведенія, юноша былъ нерѣдко совсѣмъ оглушенъ и парализованъ для дѣятельности. При поступленіи въ университетъ или на какое нибудь поприще, фразы являлись еще въ болѣе неприличномъ видѣ. Онѣ были подаваемы въ видѣ лакомаго блюда вмѣстѣ съ виномъ и реалистическою любовью. Какъ въ гимназій вредили онѣ своей безвременностію, такъ тутъ поражали онѣ своимъ циническимъ смѣшеніемъ великаго съ грязнымъ, благороднаго съ шалостями.

Мы не хотимъ сказать, что все кроилось по этой мѣркѣ. Нѣтъ, трудящіеся и любящіе науку юноши существовали всегда и преемственно не переводились со временъ Грановскаго, Павлова, Пирогова, Каченовскаго, Мейера. Всякій университетъ имѣлъ въ свое время дорогаго для себя человѣка. Теперь не то. По волѣ обстоятельствъ и тревоги, давно уже распространенной въ обществѣ, этимъ скромнымъ и глубоко либеральнымъ юношамъ не суждено было явиться на свѣтъ. Ихъ отгѣснили люди, называвшіе Грановскаго свреною и нечтившіе въ прошедшемъ почти ни одного имени. Такихъ было немало. Они образовали модную литературу. Рядомъ съ литературой кваснаго патриотизма и затлаго мистицизма, у насъ еще существуетъ, какъ извѣстно, литература грубаго нигилизма; и эта-та послѣдняя, полудуховная, полувоенная была въ модѣ. Путь распространенія ея чрезвычайно замѣчательнъ. Подобно профессорамъ-медикамъ, приобретающимъ нерѣдко практику черезъ студентовъ, слушающихъ ихъ лекціи, модная литература тоже пошла въ ходъ по протекціи учащихся. Женщины, начавшія теперь знакомиться съ наукой, тоже явились защитницами этого движенія, и какъ существа, вообще расположенныя къ модѣ и чувствительныя къ комплинтамъ, дѣлали тутъ много шума. Извѣстно, что никто теперь не читаетъ такъ много журналовъ какъ тѣ, которые еще не выпустили изъ рукъ учебниковъ; съ другой же стороны серьезныя люди остаются теперь почти безъ книгъ. Мы не возстаемъ положительно противъ распространенія журналистики между гимназистами и кадетами; но скажемъ все-таки, что всякому пишущему очень-естественно желать, чтобъ его, положимъ, читали и гимназисты и кадеты, да только не въ то время, когда они подрастаютъ, а тогда, когда они уже выросли. Всѣ наши выводы и факты, весь ропоть и злоба, желаніе добра и энтузіазмъ для начинающаго несравненно менѣе важны, чѣмъ учебники и учителя. И ужели наконецъ не можемъ мы имѣть достаточно вѣры въ долговѣчность нашихъ идей и убѣжденій, чтобъ спѣшить съ подсовываніемъ ихъ всякому? Не желаніе популярности, а жажда истины должна водить перомъ писателя.

Замѣчательно, что въ послѣдніе годы въ повѣстяхъ нерѣдко говорится о сотрудничествѣ студентовъ въ журналахъ. Какъ-будто это такая легкая вещь, и будто у студентовъ такъ много свободнаго времени, что для нихъ лекціи и книги не важнѣе во сто разъ всѣхъ журнальныхъ дѣлъ и работъ. Редакторъ «Русскаго Слова» сообщаетъ даже въ своей повѣсти, что въ журналистикѣ участвовалъ одинъ семинаристъ передъ выходомъ его въ старшій классъ; значить, онъ былъ тогда еще въ младшемъ. Описывается даже и его восторгъ при извѣстїи о напечатанїи статьи; разсказывается о приглашенїи, присланномъ будто бы изъ редакціи въ семинарію — быть постояннымъ сотрудникомъ. Вѣроятно, очень вѣроятно! И за колкость даже нельзя принять такого неправдоподобнаго сообщенія. Ужъ не пригласительный ли то билетъ редактора-бельлетриста ко всѣмъ семинаристамъ и гимназистамъ?

Теперь остается еще намъ сообщить объ одномъ довольно важномъ качествѣ нашихъ прогресистовъ, пущенныхъ сильною, но неловкою рукою и вертящихся, подобно волчкамъ, на одномъ мѣстѣ, это—о самодурствѣ въ литературѣ. Добролюбовъ (*), специально занимавшійся изученіемъ самодуровъ по комедіямъ г. Островскаго, открылъ, какъ извѣстно, что такихъ людей много во всѣхъ званіяхъ и во всѣхъ родахъ дѣятельности. Удивительно ли, что мы по слѣдамъ его нашли ихъ и въ литературѣ. Вотъ нѣкоторые изъ признаковъ, означенныхъ Добролюбовымъ, по которымъ легко можно отыскать этихъ особъ. «Не думайте—говорить Добролюбовъ—чтобы самодуръ проникся серьезнымъ уваженіемъ къ законамъ и выводамъ науки. Нѣтъ, онъ будетъ постоянно смотрѣть свысока на людей мысли и знанія... Безправное самодурство подрываетъ довѣріе къ праву. (Это самодуры, отвергающіе юриспруденцію). Темное и ложное въ своей основѣ, оно гонитъ отъ себя лучъ истины. (Это дѣлаютъ самодуры, не признающіе гуманнхъ наукъ). Грубое и гнетущее, оно разрушаетъ всѣ связи любви и довѣренности». Но вотъ еще признакъ. Подобно тому, какъ Гордѣй Карпычъ принимаетъ, повывраженію Добролюбова, одну только чисто-внѣшнюю сторону образованія, самодуры въ литературѣ тоже, говоря о наукѣ, хватаются часто за одну ея внѣшность; касаясь, напримѣръ, естествовѣдѣнія, выражаются: «Ахъ, какъ прїятно смотрѣть на молодаго человека, добывающаго соляную кислоту! Ахъ, какъ хорошо, если молодой человекъ заведетъ себѣ микроскопъ и незамѣтно для самого себя проникнется глубочайшимъ уваженіемъ и пламенною любовью къ распластанной лягушкѣ... Въ ней, въ лягушкѣ-то и

(*) О Добролюбовѣ мы въ слѣдующей статьѣ будемъ говорить подробнѣе.

заключается спасеніе и обновленіе русскаго народа» (*). Вотъ онъ на что понадобился микроскопъ! Не то же ли это самое, что и Гордѣй Карпычъ говорить — что она что пьютъ по необразованію наливки тамъ и вишневки разныя, а не понимаютъ того, что на это есть шампанское!

Добролюбовъ, изучивши самодурство, самъ, впрочемъ, первый и показалъ примѣръ его въ литературѣ. Читатель, конечно, догадается, что мы говоримъ о свистаніи его на Пирогова и другихъ. Послѣ такъ же почти поступили по этому примѣру и съ другою подобною личностію. Чѣмъ бы, казалось, провинился этотъ человекъ передъ ними? Такъ нѣтъ же вотъ, не утерѣли, и рукою г. Благосвѣтлова пустили ему брандсугель въ мартѣ прошедшаго года. Пеняли даже на г. Яковлева за изданіе и назвали краткій историческій очеркъ тысячелѣтія совершенно бесполезною роскошью. Нивакого вообще рядомъ стоящаго съ ними прогресиста не могутъ они терпѣть, если только замѣчаютъ, что онъ подымается. Будь онъ хоть сходенъ съ ними по образу мыслей, они сейчасъ же безъ дальнѣйшей церемоніи его обругаютъ. А уже о прошедшихъ дѣятеляхъ и говорить нечего. Здѣсь являются оплеванными не только безупречныя личности Грановскаго и Кудрявцова и отчасти родственнаго имъ Добролюбова, но даже и личность Бѣлинскаго. «Что же прикажете дѣлать, какъ прикажете говорить—выражается г. Писаревъ съ насмѣшкой—когда наша публика успѣла уже забыть, что толковалъ ей великій эстетикъ Бѣлинскій? Подумаешь и въ самомъ дѣлѣ, что наша публика любить и уважаетъ Бѣлинскаго: издано двѣнадцать томовъ его сочиненій; томы эти раскупаются, разрѣзываются и даже читаются (!)... Подумаешь, что теперь уже незачѣмъ твердить зады, и что теперь можно уже смѣло стронуть дальше на прочномъ фундаментѣ, который заложенъ Бѣлинскимъ. Подумаешь, и жестоко ошибешься! (Не думаете ли вы заложить новый фундаментъ?). Чему же научилась масса публики у Бѣлинскаго (у кого же она и училась-то больше?), когда она до сихъ поръ не умѣетъ отличить въ литературныхъ произведеніяхъ жизненную правду отъ риторической лжи? Чѣмъ подвинулась публика впередъ въ своемъ взглядѣ на литературу» (!!)(**). И это уже не первыя строки, гдѣ г. Писаревъ голословно и неосторожно задѣваетъ Бѣлинскаго. Мы принадлежимъ къ числу поклонниковъ нашего перваго критика, и потому имѣемъ полное право припомнить г. Писареву слѣдующія слова Добролюбова о Бѣлинскомъ: «Въ литературныхъ кружкахъ

(*) Мартъ 1864 г. «Русское Слово».

(**) Сердитое безсміе. «Русское Слово», февраль 1865 г.

всѣхъ оттѣнковъ едва-ли найдется пять-шесть грязныхъ и пошлыхъ личностей, которыя осмѣлятся безъ уваженія произнести это имя. Во всѣхъ концахъ Россіи есть люди, исполненные энтузіазма къ этому гениальному человѣку, и конечно это лучшіе люди Россіи!...»

Вышло рѣзко, но мы въ этомъ невиноваты. Ктонибудь да неправъ во всей своей дѣятельности: либо Добролюбовъ, либо г. Писаревъ, если такъ они расходятся въ главномъ пунктѣ. Это еще впрочемъ неважно; а важно вотъ что: каково, подумайте, положеніе того общества и того поколѣнія, къ которому прикрѣпляются двѣ силы, тянущія по такимъ разнымъ направленіямъ? Добролюбовъ и г. Писаревъ, положимъ—силы неравныя, но все-таки движеніе происходитъ, какъ извѣстно, по діагонали паралелограмма силъ, прикрѣпленныхъ къ предмету. Гдѣ же эта діагональ, эта дорога, по которой должно идти общество? Странно въ самомъ дѣлѣ положеніе нашего читающаго общества. Такой вражды между всею литературой вообще, какъ и между отдѣльными фракціями, оно еще никогда не видѣло. Сколько радости и потѣхи доставляетъ эта неладница для обскурантовъ и враговъ прогреса... Куда же приважете идти? Старини прочь! О взрослыхъ нѣтъ и помину. Одна только молодость и молодость. Тѣ, которые дѣйствительно молоды и свѣжи душой, поймутъ, что мы говоримъ не противъ молодости, а за молодость.

Вы хотите сдвинуть съ мѣста юношей и отроковъ—эта штука нехитрая. Живость, подвижность—главное качество юности и свѣжести силъ, которое при слишкомъ большомъ вращеніи крови производитъ поверхностныхъ сангвиниковъ. Вы вотъ попробуйте сдвинуть съ мѣста взрослыхъ, отцовъ—это будетъ прогрессъ! А чтобы этого достигнуть, нужно не только умъ, но и талантъ, не только наука, но и искусство, и искусство во всемъ его объемѣ, со всею его упругой и неодолимой силой...

Что же мы желаемъ отъ искусства? спросать, быть можетъ, насъ. Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, постараемся прежде точнѣе объяснить слова: искусство, литература, наука и поэзія, которыми такъ часто злоупотребляютъ.

Начало науки заключено, конечно, въ стремленіи къ истинѣ, называемомъ попросту любознательностію. И вотъ, удовлетворяя этому стремленію всезнанія, умъ извлекаетъ истину изъ природы. Процессъ этого умственного питанія есть не что другое, какъ философія, которая истину отвлекаетъ отъ природы въ глубинѣ сво-

его собственнаго я; и составляетъ такимъ образомъ міросозерцаніе. Философскую систему собственно можетъ имѣть всякій, вотому что у всякаго можетъ быть своя точка зрѣнія на міръ. Но этого обыкновенно не бываетъ, и люди въ извѣстное время смотрятъ, на міръ болѣе или менѣе сходно. И это оттого, что философія есть приблизительно вѣрный выводъ изъ энциклопедіи наукъ извѣстнаго времени. Та философія, которая строится на основаніи одного отдѣла наукъ или только своего личнаго опыта и своего собственнаго мышленія, есть философія призрачная. Философія или попросту міровоззрѣніе есть синтетическій порывъ ума, основанный на добытыхъ анализомъ науки свѣдѣніяхъ; она есть дополненіе науки, а вмѣстѣ съ нею служитъ выраженіемъ нашего неодолимаго стремленія къ истинѣ.

Но этимъ воззрѣніемъ и фактами науки, явившимся, благодаря человѣческой любознательности, общество еще не довольствуется. Оно захотѣло ихъ примѣнить, воспользоваться. По мѣрѣ натурализованія наукъ развивался ихъ практицизмъ. Явились науки прикладныя, кругъ которыхъ столько же неопредѣлевъ, сколько и широкъ. Въ паралель съ открытіями науки тутъ идутъ изобрѣтенія, которыми человѣкъ какъ-бы стремится дополнить природу съ ея полезной стороны. Въ изобрѣтеніяхъ человѣкъ руководствуется соображеніемъ и проникательностію, угадываніемъ; дѣятельность, отсюда происходящая, ограничивается и пространствомъ, и мѣрой, и вѣсомъ. Математика и расчетъ играютъ такую же роль въ прикладныхъ наукахъ, какую логика—въ наукѣ чистой. Всѣ прикладныя науки служатъ къ увеличенію матеріальнаго удобства и къ лучшему распредѣленію права и средствъ къ жизни.

Всѣ эти, добытые человѣкомъ факты и истины распространяются болѣе или менѣе быстро, смотря по препятствіямъ; потому что мысли, подобно растеніямъ, имѣютъ свое географическое распространеніе; на пути ихъ встрѣчаются и моря, и горы, и неблагоприятныя вѣтры и т. д. И даже, подобно рѣдкимъ растеніямъ и животнымъ или моровымъ заразительнымъ язвамъ, мысли перевозятъ на корабляхъ и онѣ сидятъ въ карантинѣхъ. Распространеніе истины есть самый низшій родъ искусства и первая услуга, которую оно оказываетъ наукѣ. Это есть собственно литература науки. Ею-то и думаютъ ограничить дѣятельность искусства наши литераторы - популяризаторы. Но этимъ служеніемъ истинѣ и пользѣ еще не исчерпывается вся дѣятельность слова: литература этимъ путемъ только распространяетъ истину и уничтожаетъ ложь; старается всѣмъ принести пользу и превращаетъ вредъ. Человѣкъ же не только пытается

и растетъ, но еще и совершенствуется. А совершенствованіе не можетъ быть произведено ни однѣми истинами, какъ бы онѣ ни были глубокіи, ни однѣми матеріальными выгодами, какъ бы онѣ ни были усвоены. Совершенствованіе это — главнѣйшая роль искусства. Для этого искусство беретъ исходной точкой своей дѣятельности ужъ не истину, не природу въ тѣсномъ смыслѣ, а жизнь. И, анализируя все нестройное цѣлое характеровъ, поступковъ, явленій, истинъ и заблужденій, въ жизни отразившихся, интересовъ и стремленій, въ ней столкнувшихся, оно старается вывести нѣчто органическое, законченное и плодотворное. Міровозрѣніе и практицизмъ даютъ искусству подготовку; но самое стремленіе впередъ обуславливается въ насъ ощущеніемъ идеала красоты; потому что стремленіе къ прекрасному есть стремленіе къ совершенству. И авторъ «Эстетическихъ отношеній», унижая понятіе красоты, недаромъ старался доказать, что человѣку несвойственно стремленіе къ совершенству.

Эта дѣятельность литературы, ограничивающаяся съ одной стороны стремленіемъ къ красотѣ, а съ другой—отвращеніемъ къ безобразію, несовершенству, есть сфера поэзіи. Но что же руководитъ нами, что служить намъ мѣрою въ этой дѣятельности? Не опытъ уже, опирающійся на органы чувствъ, черезъ которыя мы имѣемъ связь съ міромъ, а ощущеніе гармоніи, красоты, которымъ нашъ организмъ несомнѣнно одаренъ. Черезъ каждое чувство въ известной степени мы получаемъ впечатлѣніе красоты: посредствомъ уха, напримѣръ, кромѣ обыкновенной способности слышать, мы узнаемъ еще, разбираемъ звуки съ опредѣленнымъ числомъ колебаній; и этотъ музыкальный слухъ, это чувство гармоніи звуковъ служитъ основой музыкальному творчеству. Въ живописи такимъ же чувствомъ гармоніи одаренъ глазъ; въ скульптурѣ—осязаніе въ связи съ зрѣніемъ. Въ поэзіи всѣ особенности каждаго чувства ощущать гармонію звуковъ, цвѣтовъ и формъ сливаются въ одно общее чувство эстетическое. Если мы не имѣемъ ни малѣйшаго права сомнѣваться въ строго научномъ различіи музыкальнаго слуха отъ слуха вообще, то мы не имѣемъ также никакого права сомнѣваться и въ чувствѣ эстетическомъ, какъ дѣлаютъ мечтающіе реалисты. Это такъ—сказать—шестое чувство.

Но какимъ же образомъ это чувство, это ощущеніе красоты обращается въ форму? Авторъ «Эстетическихъ отношеній» говоритъ, что чувство и форма противоположны между собой. И говоря о пѣніи, доказываетъ даже эту противоположность очень подробно, хоть и совершенно напрасно. Что же такое и есть форма, какъ не dokonченное, вполнѣ вылившееся чувство? Когда чувство радо-

сти или горя незначительны, то они, обнаруживаясь въ пѣніи, такъ и пропадаютъ въ воздухъ, и слѣда не остается отъ нихъ кромѣ утѣшенія, приносимаго поющему; но если пѣніе есть результатъ глубочайшаго душевнаго процесса, величайшаго порыва радости, горя или другихъ внутреннихъ движеній, то чувство, вылившись въ звукахъ или словахъ, не пропадаетъ въ воздухъ, а принимаетъ форму и является такимъ образомъ *chef-d'oeuvre*, изящное произведеніе. Художникъ, создавая форму, создаетъ нѣчто неисчезающее, формально — реальное. Все безформенное, некрасивое дѣйствуетъ непродолжительно и остается большею частію безъ слѣда. Красота же есть форма доконченная, способная въ свою очередь произвести другую форму. Уроды не плодятся. И процессъ этого зачатія красоты, процессъ образованія формы искусства совершается въ минуты особеннаго гармоническаго состоянія души — вдохновенія. Оно есть высшее и чистѣйшее наслажденіе. Процессъ зачатія формъ въ природѣ тоже сопровождается наслажденіемъ; организмъ тоже находится въ самомъ гармоническомъ настроеніи. Рожденіе формъ жизни, какъ и рожденіе формъ искусства, уже не совершается такъ легко, потому что сопровождается препятствіями. Какъ чувство сенсуальное, такъ и чувство эстетическое имѣютъ въ мозгу вѣроятно одинъ и тотъ же исходъ. Чувство сенсуальное завѣдуетъ воспроизведеніемъ индивидуумовъ, чувство эстетическое — воспроизведеніемъ образцовъ. Оба они рѣдко находятся въ равновѣсіи; обыкновенно беретъ перевѣсъ либо то, либо другое. Вслѣдствіе этой связи чувства наслажденія съ чувствомъ вдохновенія, поэты и склонны такъ къ первому и стремились и обигались на этомъ огнѣ.

Говоря о преднамѣренности красоты въ искусствѣ и о непреднамѣренности ея въ природѣ, авторъ ставитъ первое какъ-бы въ достоинство; но преднамѣренность-то и губитъ болѣе всего поэзію. «Прекрасное въ сознательной сферѣ — говоритъ Фишеръ — исчезаетъ въ ту же минуту, какъ узнаетъ о своей красотѣ и начинаетъ ея любоваться». Преднамѣренность именно и производитъ искусственность. Искусство есть форма, вышедшая неожиданно, неволью, но естественнымъ, такъ сказать, силамъ природы. Искусственность же есть форма, сочиненная умомъ и наложенная подведенными подъ эту форму чувствами. Опасаться нечего слѣшкомъ полной свободы творческихъ силъ. Силы чловѣка есть силы послѣдняго созданія все выше и выше стремящейся природы, какъ выразился Гёте. Безсознательное творчество именно и есть та непреднамѣренность поэта, которая проявляется въ минуты вдохновенія. Все вполнѣ прекрасное, вели-

кое вырывается изъ души неожиданно, невольно и не только въ другихъ, но и въ самомъ себѣ способно возбудить удивленіе. Вкусъ только поправляетъ, додѣлываетъ то, что выходитъ у человѣка въ тѣ минуты, когда онъ отдается на произволъ творчихъ въ немъ силъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ произволѣ можетъ произойти и нѣчто негѣрое, но тогда будетъ уже не душа поэта-мыслителя, а душа сумасшедшаго. Къ акту творчества человѣкъ долженъ быть приготовленъ наблюдательностію, міровоззрѣніемъ, наукой; но самый актъ творчества долженъ быть непредназначенъ, неожиданъ.

«Намъ, существамъ индивидуальнымъ, немогущимъ перейти за границы нашей индивидуальности—говоритъ авторъ—очень нравится индивидуальность и индивидуальная красота, немогущая перейти за границу индивидуальности» (72 стр.). Напротивъ, въ стремленіи индивидуальнаго къ идеальному, конечнаго къ безконечному, есть сущность развитія и совершенства. Это примѣнимо какъ къ природѣ вообще, такъ и въ поэзіи. Органическія существа потому только и измѣняются въ теченіи времени, что въ нихъ индивидуальное не остается въ однѣхъ границахъ. Такое же движеніе, генерация формъ происходитъ и въ искусствѣ. Произведеніе искусства есть произведеніе органическое творческой дѣятельности человѣка. На сколько индивидуальное въ художникѣ рванулось къ абсолютному, на столько онъ и успѣлъ въ дѣлѣ искусства. Въ дрезденской Мадоннѣ оно ушло такъ далеко, что все въ этомъ родѣ оставило за собой; и произведеніе это какъ-бы божественное между человѣческимъ. Искусство начинается подражаніемъ, оканчивается творчествомъ. Подражая жизни, художникъ, такъ сказать, учится приѣмамъ вѣчно творящей природы; послѣ, усвоивши эти приѣмы, онъ идетъ дальше и самъ творить вслѣдъ за природой.

«Многіе въ «общности» поэтическаго образа видятъ превосходство его надъ лицами въ дѣйствительной жизни» (102 стр.). Да какъ же не видѣть въ этомъ превосходства? Какъ въ естественнѣйшій ученые, обобщая виды, отличаютъ главное отъ побочнаго, существенное отъ случайнаго, постоянное отъ измѣняющагося, такъ и художникъ, при помощи другихъ только средствъ—достигаетъ той же цѣли. И основныя черты характеровъ, входя въ сознаніе читателей, дѣлаются индивидуальными. Въ обыденной жизни тоже встрѣчаются характеры, которые можно назвать какъ-бы представителями цѣлыхъ группъ, съ нихъ-то обыкновенно художникъ и начинается, хотъ и беретъ не все. Но какую надо наблюдательность, чтобы замѣтить такія лица и черты; это уже не наблюдательность бельетриста. Типъ въ поэтическомъ

смыслъ есть идеальный характеръ, который, положимъ, не существуетъ въ дѣйствительности, но который возможенъ въ осуществленіи. Люди черезъ это обобщеніе характеровъ и явленій жизни нетолько двигаются впередъ, но и нивелируются. Да къ этому и стремится вся дѣятельность человѣка, чтобы частное право сдѣлалось общимъ, имущество—общедоступнымъ, а идеальныя, родовыя достоинства обратились въ индивидуальныя. Искусство такимъ образомъ уравниваетъ людей и служить въ этомъ отношеніи орудіемъ природы. Люди, имѣющіе счастье или несчастье родиться съ болѣе воспріимчивой и производящей натурой, дѣлятся своимъ добромъ съ окружающими; другіе перенимаютъ, подражаютъ, и частное дѣлается общимъ. Оттого-то инстинктъ людей и заставляетъ чувствовать такую благодарность къ мученикамъ мысли, труженикамъ науки и предвозвѣстникамъ совершенства.

Если мы видимъ, что поэзія съ подчиненными ей искусствами не выполнила еще своихъ задачъ, то не видимъ ли мы въ то же время, что и наука мало выполнила свои. Вся она еще обстроена лѣсами; между ея отдѣлами нѣтъ еще почти связи. Всѣ они разрознены болѣе или менѣе и никакъ не могутъ согласиться, чтобы идти дружно противъ невѣжества. Удивительно ли, что и поэзія съ искусствами такъ мало сдѣлала противъ несовершенства. И многимъ ли доступна она, многіе ли участвуютъ въ научной, поэтической и практической дѣятельности въ настоящемъ ихъ размѣрѣ? Народъ стоитъ еще особнякомъ. Наванунѣ, быть можетъ, близкаго времени — соединенія съ народомъ, мы должны позаботиться, чтобы журналы, въ которыхъ все отражается, охватывали по возможности ясно весь кругъ энциклопедическихъ свѣдѣній съ точки зрѣнія специализма и стремились бы къ примиренію всѣхъ наукъ между собой, науки съ искусствомъ и народа съ образованными классами, а не тащили бы все врозь, производя разладъ. Изъ этого дружнаго движенія образовалась бы сила верженія въ высшей степени прогрессивная. Критика въ смыслѣ этомъ имѣетъ значеніе глубокое. Есть критика разума, критика опыта и критика эстетическаго чувства. И философія, и наука, и поэзія, все подвергается критикѣ. Начало ея въ сомнѣніи, конецъ—въ примиреніи. Критика есть то связывающее и примирающее, со всего взмскивающее и ничѣмъ недовольное начало, которое лежитъ въ основѣ человѣка, вдушаго поступательно впередъ.

Но что же такое собственно поэзія? Мы нарочно отложили опредѣленіе этого слова на конецъ. Прежде говорили, что поэзія есть языкъ боговъ; нѣтъ, это—языкъ человѣка, находящагося только въ самомъ гармоническомъ, совершеннѣйшемъ настроеніи

духа. Поэтъ, слѣдя за всѣмъ, что гармонируетъ съ его душой, какъ-бы стремится, чтобы и въ жизни все гармонировало между собою; все чувствовало ту красоту, которую онъ чувствуетъ; все сознавало то совершенство, къ которому тянетъ его натура. Не отдѣляя понятія лучшаго отъ понятія будущаго, онъ весь проникнуть влеченіемъ къ идеалу, какъ ученый—жаждой истинъ. Ученому, сколько бы онъ ни зналъ, кажется все, что онъ ничего не знаетъ; такъ и поэту — что бы онъ ни перечувствовалъ, до какого идеала бы ни дошелъ, кажется, что и вонца впереди нѣтъ. Идеаль предполагаетъ и идею, которая въ немъ заключается. Но въ чемъ собственно разница между идеей науки и идеей поэзіи? Какая же разница, какое разстояніе между, на примѣръ, закономъ тяготѣнія и статуей, между истинной и красотой? Въ истинѣ идея опирается на *факты опыта*; въ красотѣ же идея связана съ *фактами гармоніи*. Въ истинѣ научной или философской, идея выходитъ и зарождается въ головѣ отъ чувствъ вообще, отъ которыхъ зависитъ опытъ. Въ красотѣ идея идетъ и развивается отъ ощущенія гармоніи или чувства эстетическаго, которымъ одарены органы наши сверхъ своей способности къ опыту. Изъ этого ясно, что какъ ученый мыслить изслѣдуя (или отвлекая), такъ поэтъ — мыслить, чувствуя; мыслить звуками, красками и образами. И выражаетъ такимъ же образомъ свою мысль. Отъ этого мысль является въ немъ неразъединенная отъ формы, неразрозненная отъ чувства наслажденія. Наука учитъ, развивая наше міровоззрѣніе; искусство воспитываетъ, увеличивая наше достоинство, нашу человѣчность.

Искусство, можно сказать, еще не оцѣнило вполне серьезности своего назначенія, и потому большею частію служило постороннимъ цѣлямъ и развлеченіемъ между дѣль. Цѣль его—гуманизировать людей. Классицизмъ изобрѣлъ слово «гуманность». Исторія опредѣлила и доказала возможность гуманности. Но распространить ее и осуществить, можетъ только поэзія.

Чувство гуманное есть особенность нашей природы. Люди, можно сказать, болѣе родственны между собой, чѣмъ животныя. Животное по природѣ—эгоистъ; весь его внутренній міръ сосредоточенъ въ эгоистическіе, растительные позывы. Стадное свойство въ немъ есть только выраженіе самосохраненія. Животныя болѣе ненавидятъ другъ друга, болѣе враждуютъ, чѣмъ сходатся. Люди на низшей степени развитія тоже полны вражды и свирѣпыхъ инстинктовъ; общества и партіи такихъ людей тоже подобны стадамъ. Неудивительно, что тѣ, которые ставятъ выше всего эгоизмъ, не понимаютъ въ то же время и поэзіи, считаютъ ласку хуже палии, гармонію ниже вражды, а грубость и рѣзкость

въ поступкахъ и словахъ—выше всего на свѣтѣ. Никакія истины, какъ бы онѣ ни были святы, и никакія удобства матеріальныя, какъ бы они ни были доступны, не могутъ смягчить нашихъ животныхъ стремленій. Только поэзія дѣйствуетъ противъ этой *звѣрообразности*, этой разъединенности, этой вражды и дисгармоніи между людьми. Гуманность, которую распространяетъ поэзія, есть поэтому уничтоженіе всего звѣрообразнаго въ человѣкѣ. Люди оттого такъ родственны другъ другу, что натуры ихъ гармонируютъ между собою; но гармонію умѣетъ схватывать только поэзія и распространяетъ въ мірѣ только она одна.

Для этого поэзія прежде всего овладѣваетъ воображеніемъ, въ которомъ стимулъ поступковъ. Умъ только пролагаетъ дорогу, фантазія даетъ содержаніе нашей дѣятельности. Шекспиръ въ Гамлетѣ, а Гёте—въ Фаустѣ давно уже показали, что ума и знанія недостаточно, чтобы дѣйствовать; что когда они берутъ перевѣсъ надъ всѣмъ, то воля человѣка ослабѣваетъ и онъ какъ-бы хромѣетъ для жизни. Воля человѣка возбуждается воображеніемъ, а не соображеніемъ. Но воображеніе можетъ быть наполнено образами прекрасными и уродливыми. Поэзія беретъ за первое и вытѣсняетъ изъ воображенія послѣднее; и въ этомъ вся ея вина передъ безобразниками. Наполняя воображеніе красотой, поэзія и страсти даетъ болѣе правильный исходъ, болѣе здоровое, болѣе нормальное направленіе: и такъ-какъ чувство эстетическое находится въ связи съ чувствомъ чувственнымъ, то она, разумѣется, регулируетъ страсть, идеализируя ее.

И наконецъ поэзія, не вѣря въ счастье жизни, зная, что оно неразрывно съ страданіемъ, даетъ людямъ нѣчто высшее, чѣмъ счастье и несчастье—это гармонію своихъ звуковъ, красокъ, формъ и идей. Поэтому-то мы и самыя печальныя пьесы можемъ слушать съ удовольствіемъ, самыя скорбныя стихотворенія читать съ наслажденіемъ, и передъ самыми потрясающими драмами стоять какъ на молитвѣ. Въ этомъ-то смыслъ мы и говорили прежде, что поэзія есть великая утѣшительница нашей недолгой и невеселой жизни.

Но этимъ еще не исчерпывается все глубокое значеніе поэзіи. У грековъ она была какъ-бы сущностію религіи. Греки боготворили красоту; но такъ-какъ красота эта была слишкомъ чувствительна—слишкомъ, такъ сказать, скульптурна, то она и не принесла настоящаго плода. Древніе стремились преимущественно изображать красоту объективную, пластическую. Красота субъективная, красота движенія и борьбы еще была имъ меньше знакома. Въ послѣдніе вѣка, вмѣстѣ съ развитіемъ живописи, а потомъ, наконецъ, музыки—объективное уже не беретъ перевѣса

въ искусствахъ, а вмѣстѣ съ этимъ и сама поэзія стремится все къ большей гармоніи идеи и формы. Утилитаризмъ, правда, силится теперь разрушить эту форму, и обнаружить идею, не понимая того, что разрушеніемъ формы, идея поэтическая не обнажается, а уничтожается. Но напрасны его попытки. Онъ думаетъ, что вмѣстѣ съ паденіемъ мистическаго начала, искусство должно потерять свое значеніе. Напротивъ, оно теперь должно расширить свою дѣятельность. Въ мистическихъ сказаніяхъ и наука, и философія, и поэзія, все соединялось въ одно, и составляло нѣчто туманное, сливающееся одно съ другимъ, неразрывное. Теперь все это распалось, отдѣлилось, специализировалось, но не должно никогда совсѣмъ разразниваться и враждовать одно съ другимъ.

Прежде воспитаніемъ завѣдывалъ либо мистицизмъ, либо схоластицизмъ. Но настаетъ скоро время, когда имъ будетъ завѣдывать искусство. Дѣло воспитанія будетъ занимать, такимъ образомъ, не одно школьное время, но всю жизнь; и оно собственно будетъ не воспитывать, а преобразовывать; дѣйствовать не порывами, за которыми слѣдуетъ охлажденіе и застой, а постоянно, не торопясь и безъ отдыха... Мечъ не страшенъ такъ застою, какъ перо — и въ особенности перо искусное, будущее не на проломъ, а охватывающее все разомъ и непритупляющееся ни отъ какихъ препятствій. Природа — говоритъ Риттеръ — творить тихо, тайно и незамѣтно; такъ и искусство. Руссо утверждалъ, что воспитаніе должно сообразоваться съ природой; мы говоримъ, этого мало. Сообразованіе съ природой — только защита отъ мистицизма и фальши. Въ стремленіи же дополнить природу, усовершенствовать жизнь, развитіе человѣка — сущность прогресса и начало воспитанія.

Николай Соловьевъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

У Ш БЕРНАРДА

Въ С.-Петербурѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой
Морской № 10.

БЕЙЕРЪ. *Дѣтская фортепьянная школа*, предназначенная исключительно для самыхъ малолѣтнихъ учениковъ, и посвященная матерямъ семействъ; содержащая въ себѣ начальныя правила музыки, 106 примѣровъ, этюдъ, упражненій, гаммъ и маленькихъ пьесъ. Съ прибавленіемъ 12 любимыхъ русскихъ романсовъ, переложенныхъ для фортепьяно. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (3 р.).

ГЮНТЕНЪ. *Полная школа для фортепьяно*, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. 10-е изданіе, просмотрѣнное, исправленное и дополненное новыми уроками, легкими и постепенно возрастающей трудности въ 2 и 4 руки (3 р. 50 к.).

КОНТСКІЙ. *Полная школа для фортепьяно* съ изложеніемъ теоріи музыки, дополненная примѣрами изъ произведеній классическихъ композиторовъ и руководствомъ къ изученію генералбаса. 3-е переделанное и умноженное изданіе съ портретомъ автора (3 р.). *Необходимый руководитель для пѣвиста.* Ежедневныя упражненія. Новое дополненное изданіе (3 р.).

ЧЕРНИ. *Лучшій фортепьянный учитель* или школа игры на фортепьяно. На русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Часть I (2 р.).

БЕРЮ. *Новѣйшая школа для скрипки.* На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Съ многими примѣрами, упражненіями, этюдами и пьесами для одной и двухъ скрипокъ (4 р.).

МАЗАСЪ. *Лучшій скрипичный учитель* или школа игры на скрипкѣ. Съ многими упражненіями и пьесами для одной и двухъ скрипокъ. На русскомъ и французскомъ языкахъ. Новое, просмотрѣнное и дополненное изданіе (3 р.).

РОДЕ, БАЛЬО И КРЕЙЦЕРЪ. *Скрипичный самоучитель* или полная школа для скрипки. Новое изданіе, просмотрѣнное и дополненное А. Квиндигеромъ. Съ прибавленіемъ 12 любимыхъ русскихъ романсовъ для одной или двухъ скрипокъ и изображенія скрипичнаго грифа, для облегченія при самоученіи (3 р.).

ЛИ. *Новѣйшая школа для виолончели.* На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (4 р.).

МОРКОВЪ. *Полная школа для семиструнной гитары*, съ объясненіемъ о вновь-усовершенствованной десятиструнной гитарѣ и приложеніемъ нѣсколькихъ для нея пьесъ. Въ этой школѣ, кромѣ подробно-изложенныхъ правилъ для изученія

музыки и игры на гитарѣ, даже безъ помощи учителя, помѣщено слишкомъ 50 упражненій, экзерцицій, прелюдій и разныхъ, нигдѣ еще непечатанныхъ новыхъ пьесъ и русскихъ романсовъ для гитары. При школѣ приложены два рисунка, кромѣ того, гитарный грифъ, для облегченія при самоученіи, и портретъ автора (3 р.).

МАЙЕРЪ-МАРИКСЪ. Школа для гармонифлейты, съ изъясненіемъ и описаніемъ сего инструмента, просмотрѣнная и дополненная новыми пьесами М. Бернардомъ. На русскомъ и французскомъ языкахъ (1 р.).

ЧАРДИ. Новѣйшая школа для флейты, составленная для инструментальныхъ классовъ, учрежденныхъ при придворной пѣвческой капеллѣ и театральномъ училищѣ (3 р.).

ПАНСЕРОНЪ. Музыкальная азбука, или первоначальная школа пѣнія (3 р.).

ГУНКЕ. *Руководство къ изученію гармоніи*, приспособленное къ самоученію (3 р.).

— *Полное руководство къ сочиненію музыки.* Отд. I. О мелодіи (2 р.). Отд. II. О контрапунктѣ (4 р.). Отд. III. О формахъ музыкальныхъ произведеній (4 р.). *Новое издание*, всѣ три отдѣленія въ одной книгѣ, печатается и выйдетъ къ 1-му октября (подписная цѣна 6 р., съ пересылкою 7 р.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцать-пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкальныя сочиненія, кромѣ изданій придворной капеллы и дешевыхъ изданій классической музыки и оперъ, цѣны которыхъ крайнія, и за пересылку которыхъ слѣдуетъ приложить особо.

Въ томъ же магазинѣ выйдетъ 1-го іюня шестая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXVI), содержащая въ себѣ: *Траурный маршъ* по случаю вончины Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича, сочиненный М. Бернардомъ; *Mayer: Méditation lugubre; Lichner: Idylle; Gane: Pièce de salon; Satter: La séduisante, Styrienne*— 2 польки — 2 русскіе романса — 2 легкія пьесы и литературное приращеніе въ видѣ музыкальной газеты (годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.). Желающіе подписаться на «Нувеллистъ», получаютъ сполна всѣ тетради, вышедшія сначала нынѣшняго года.

Вновь получены въ большомъ выборѣ: *рояли, скрипки, смычки, флейты, гитары, гармонифлейты, метрономы, камыфоль* и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Дено лучшихъ итальянскихъ струнъ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Мексиканскія дѣла. — Отзывъ о нихъ французскихъ газетъ — Разница между прежнимъ и настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Америкѣ. — Политика вашингтонскаго кабинета въ отношеніи Мексики. — Эмигранты-завоеватели. — Сѣверо-американская пресса и демократическая партія. — Вліяніе американскихъ событій на французскія дѣла. — Цѣль и послѣдствія испанско-англо-французской экспедиціи противъ Мексики. — Причины этой экспедиціи. — Настоящее положеніе Мексики. — Замѣтка о ней. — Судѣла съ банкиромъ Джекеромъ — Положеніе императора Максимиліана. — Временной статутъ мексиканской Имперіи.

Въ настоящее время, европейская журналистика весьма усердно занимается событіями, совершающимися въ Америкѣ. Тамошнія дѣла важны не только сами по себѣ, но и по тому громадному вліянію, какое они могутъ имѣть на политику первенствующихъ европейскихъ кабинетовъ. Прекращеніе четырехлѣтней междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ даетъ поводъ думать, что вашингтонское правительство не оставитъ безъ своего вмѣшательства мексиканскія дѣла. Тильрійскій кабинетъ озабоченъ этимъ и считаетъ его конечно важнымъ, если только справедливо извѣстіе, сообщаемое нѣкоторыми газетами о формированіи восьмидесяти-пятитысячнаго корпуса для отправки его въ Мексику. Понятно, что если мексиканскія дѣла и безъ вмѣшательства въ нихъ сѣверо-американцевъ представляли для императора Наполеона много хлопотъ и издержекъ, то вмѣшательство штатовъ усилитъ еще болѣе и тѣ и другія.

Полученныя изъ Нью-Йорка депеши сообщаютъ, что въ этомъ портѣ ожидаютъ флибустьеровъ, которые намѣрены подать помощь Хуаресу противъ мексиканской имперіи, созданной императоромъ Наполеономъ при обстоятельствахъ, неблагоприятныхъ для сѣверо-американской республики. Нельзя сказать, какъ поступитъ въ этомъ случаѣ вашингтонское правительство, но можно предугадывать, что оно, несмотря на дѣлаемыя имъ заявленія, непремѣнно, хотя бы косвеннымъ образомъ, будетъ благоприятствовать всѣмъ попыткамъ противъ монархіи, появившейся на американской территоріи вопреки ученію знаменитаго Монро. Распущеніе сѣверо-американскихъ

войскъ представить возможность къ образованію арміи волонтеровъ, готовыхъ идти противъ имперіи, установившейся въ Америкѣ изъ республики подъ властію иностранной династіи.

Правда, что «Мониторъ» разсѣваетъ эти опасенія, утѣшаясь мыслію, что храбрые ветераны Сѣверной Америки предпочтутъ спокойствіе и трудъ превратностямъ войны. Офіціальный органъ императорскаго правительства заявляетъ, что общественное мнѣніе въ Соединенныхъ Штатахъ смотритъ весьма неблагоприятно на вербовку людей въ армію Хуареса. По мнѣнію этой газеты, президентъ Джонсонъ не найдетъ изысканій въ отношеніи къ Мексикѣ политику Линкольна. На основаніи же этой политики, сѣверо-американскій союзъ будетъ по дѣламъ мексиканскимъ соблюдать самый строгій нейтралитетъ, если только не будетъ задѣта честь союза.

Не надобно однако забывать, что политика Линкольна въ отношеніи къ Мексикѣ обусловливалась событіями, ослабившими силу сѣверо-американскаго союза, и что, поэтому, она была скорѣе вынужденною, нежели добровольною. Въ настоящее же время обстоятельства измѣнились, а вмѣстѣ съ-ними если не должна, то все же очень легко можетъ измѣниться и политика вашингтонскаго кабинета. При томъ понятіе о національной чести слишкомъ широко и неопредѣленно, такъ что всегда можетъ представиться много случаевъ, которые, въ силу этого понятія, заставятъ Соединенные Штаты принять въ отношеніи къ Мексикѣ иную политику, несходную съ той, которой слѣдовалъ Линкольнъ, озабоченный междуусобною войною.

При томъ если взглянуть поближе въ самые факты, то окажется, что они противорѣчатъ успокоительнымъ заявленіямъ «Монитора». Вашингтонское правительство до сихъ поръ не признало мексиканской имперіи, при немъ находится посланникъ мексиканской республики сеньоръ Матіасъ Ромеро, который сообщилъ государственному секретарю Сьюарду протестъ касательно предлагаемой императоромъ Максимилианомъ уступки нѣкоторыхъ мексиканскихъ областей въ пользу Франціи. На протестъ мексиканскаго посланника г. Сьюардъ отвѣчалъ, что изъ этого документа «будетъ сдѣлано въ послѣдствіи употребленіе, соотвѣтственное обстоятельствамъ».

Между тѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ готовятся дѣятельно къ походу противъ мексиканской имперіи. Походъ этотъ устроивается такъ своеобразно, что нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ его особенностяхъ, которыя конечно и возможны только въ Сѣверной Америкѣ.

Въ Вашингтонѣ образовалась компанія эмиграціи въ Мексику и вскорѣ дѣятельность этой компаніи распространилась на значительную часть другихъ главныхъ городовъ республики. Компанія занимается подпискою между частными лицами на большую сумму. Собранныя такимъ образомъ деньги предназначены на отправленіе въ Сонору, въ одну изъ мексиканскихъ областей, 25,000 «эмигрантовъ». Компанія заявляетъ, что этихъ эмигрантовъ нужно воору-

жить, потому что въ настоящее время «положеніе Мексики таково, что даже мирные эмигранты могутъ быть вынуждены взяться за оружіе для личной своей защиты». При такой обстановкѣ похода въ Мексику, подъ видомъ мирной эмиграціи, президентъ Джонсонъ не можетъ предпринять ничего противъ ополченцовъ, хотя бы онъ по своимъ политическимъ соображеніямъ и не желалъ сталкиваться съ французами. Онъ даже не имѣетъ права запретить компаніи купить военныя суда, продаваемые теперь вашингтонскимъ правительствомъ и на которыхъ «эмигранты» могутъ очень удобно отправиться куда имъ угодно. Точно также вашингтонское правительство не можетъ запретить «эмигрантамъ» запастись оружіемъ и боевыми снарядами.

По извѣстіямъ, сообщеннымъ газетою «Times», число американскихъ волонтеровъ въ арміи Хуареса дойдетъ въ непродолжительномъ времени до 100,000 человекъ, а газета «Standar» положительно увѣряетъ, что число ихъ въ нѣсколько мѣсяцевъ возрастетъ до 200,000. По извѣстіямъ же, дошедшимъ изъ Вера-Круса, хуаристскія войска, ободряемы окончаніемъ сѣверо-американской войны, удвоили свои усилія и снова овладѣли Монтереемъ, Салтильо и другими пунктами. Монтерей объявленъ временною столицею мексиканской республики.

Вообще мексиканскія дѣла сильно занимаютъ французскую прессу, и дѣла эти сдѣлались какъ-бы исключительнымъ интересомъ Франціи въ настоящее время. Французскія газеты только что и толкуютъ о Мексикѣ, при чемъ благоприятные императорскому правительству органы объясняютъ по своему каждый фактъ, который, по видимому, подтверждаетъ прочность порядка, установленнаго въ Мексикѣ Франціей, и подаетъ надежду, что въ дѣла мексиканской имперіи не послѣдуетъ вмѣшательства со стороны Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Такъ упомянутыя газеты порадовали французскую публику извѣстіемъ, что всѣ органы демократической партіи въ Вашингтонѣ не одобряютъ вербованія въ армію Хуареса. Обстоятельство это было важно въ томъ отношеніи, что нынѣшній президентъ самъ принадлежитъ къ демократической партіи и въ ней главнымъ образомъ находитъ для себя поддержку. Слѣдовательно, надобно полагать, что штаты не предпримутъ ничего враждебнаго противъ мексиканской имперіи, если даже господствующая въ штатахъ партія и ихъ глава не противоудѣствуютъ порядку, водворившемуся въ сосѣдней странѣ. Въ сущности же, однако, соображенія эти лишены основанія. Демократическіе органы Сѣверной Америки дѣйствительно не одобряютъ эмиграціи или похода въ Мексику, задуманнаго въ Вашингтонѣ, но дѣлаютъ это только изъ опасенія, что подобное предпріятіе можетъ повлечь за собою упорную и продолжительную войну штатовъ съ Франціей, а быть можетъ, даже и съ другими европейскими державами, но и они не благоприятствуютъ вовсе тому порядку дѣлъ, который установился въ Мексикѣ при помощи французскихъ войскъ. Самая вліятельная изъ сѣверо-американскихъ газетъ «New-York-Herald» требуетъ со-

званія общаго конгресса, чтобъ согласить и утвердить ученіе Монро, которое, какъ мы видѣли, вовсе не благопріятствуетъ господству габсбургской династіи въ Мексикѣ.

Вообще извѣстія изъ Америки произвели во Франціи сильное впечатлѣніе. Парижскій корреспондентъ газеты «Standard» положительно увѣряетъ, что по полученіи въ Парижѣ этихъ извѣстій, былъ собранъ совѣтъ министровъ и вслѣдствіе его совѣщаній былъ отправленъ къ императору Наполеону нарочный съ депешами. Возвращеніе императора изъ Алжирія ранѣе назначеннаго для этого срока приписываютъ, не безъ основанія, тѣмъ извѣстіямъ, которыя доходятъ во Францію изъ Мексики. Бумаги прежняго мексиканскаго займа упали въ Парижѣ на 2—3%; бумаги же новаго займа принимаются въ дисконтъ на 20% ниже нарицательной ихъ стоимости.

Для сѣверо-американцевъ Мексика имѣетъ какую-то особую прелесть; они считаютъ ее такою страню, въ которой рано или поздно должно будетъ господствовать англо-саксонское племя. Молодежь въ большихъ городахъ союза смотритъ на Мексику, какъ на такой край, въ которомъ каждый отважный и энергическій челоувѣкъ, въ случаѣ войны, можетъ приобрѣсти себѣ такія обширныя владѣнія, какихъ не захватывали въ Англии норманскіе бароны, пришедшіе туда съ Вильгельмомъ-Завоевателемъ. Самая легкость французскаго завоеванія Мексики, при условіяхъ несравненно менѣе благопріятныхъ, нежели тѣ, которыя представляются въ этомъ случаѣ для союзнаго правительства, можетъ побудить сѣверо-американцевъ къ попыткѣ противъ мексиканской имперіи.

Оборотъ мексиканской экспедиціи съ исключительнымъ преобладаніемъ въ этомъ предпріятіи императора Наполеона, произошедъ въ противность союзному договору между тремя державами, которыя постановили между собою добиться отъ существующаго мексиканскаго правительства удовлетворенія за извѣстныя, опредѣленныя въ трактатѣ обиды и несправедливости, не касаясь вовсе государственнаго устройства страны, и не преслѣдуя какого либо плана относительно ея завоеванія или утвержденія въ ней иноземнаго господства. Между тѣмъ, военные и дипломатическіе представители Франціи стали открыто пренебрегать и нарушать данныя имъ инструкціи, конечно не безъ конфиденціальнаго одобренія императорскаго правительства, и наконецъ дали понять, что присутствіе французской арміи на мексиканской территоріи значитъ ни болѣе ни менѣе, какъ завоеваніе Мексики, уничтоженіе мексиканской республики и основаніе императорскаго трона, который будетъ предложенъ австрійскому эрцгерцогу. Согласіе же эрцгерцога на полученіе императорской мексиканской короны было получено — какъ это оказывается теперь — прежде, чѣмъ былъ подписанъ трактатъ, опредѣлившій и ограничившій вмѣшательство трехъ державъ въ мексиканскія дѣла.

Завоеваніе Мексики—страны, отдаленной отъ Франціи на разстояніи шести тысячъ миль, и находящейся въ сосѣдствѣ съ могуще-

ственной въ то время республикой, враждебной сосѣдству монархій—не представляло собственно для французскаго народа никакихъ матеріальныхъ выгодъ, и не могло увеличить политическое значеніе Франціи.

Предпріятіе противъ Мексики, весьма чувствительно истощившее финансовыя средства имперіи и вызвавшее сильныя нападки со стороны оппозиціи противъ правительства, можно объяснить только личными стремленіями императора Наполеона. Для его самолюбія, конечно, было весьма лестно создать въ Новомъ Свѣтѣ имперію и посадить на императорскій престолъ государя по своему выбору. Это должно было быть для него тѣмъ отраднѣе, что онъ не можетъ распоряжаться европейскими престолами, какъ распоряжался его дядя. Для представителя цезаризма пріятно было положить предѣлы могуществу сильной республики, указавъ ей, что владѣнія ея не могутъ распространиться на территорію, прикрытую императорскимъ знаменемъ Франціи. Политическое самолюбіе Наполеона не могло не торжествовать послѣ того, какъ онъ, поколебавъ въ Европѣ могущество австрійскаго императора, далъ его родному брату императорскую корону. Но это призрачное торжество стоило уже Франціи до ста милліоновъ рублей на наши деньги, и сорока или пятидесяти тысячъ человѣческихъ жизней, а между тѣмъ, дѣло некончено и въ половину.

Свѣдѣнія, получаемыя изъ Мексики, убѣждаютъ, что тамошнія дѣла приближаются къ кризису, который легко можетъ кончиться паденіемъ имперіи. Положеніе императора Максимилиана оказывается весьма затруднительнымъ, и новый государь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе долженъ тяготиться своимъ положеніемъ и соединенною съ нимъ отвѣтственностію. Одна изъ американскихъ газетъ замѣчаетъ, что не будетъ вовсе удивительно, если императоръ Максимилианъ отречется отъ престола и возвратится въ Европу еще до конца нынѣшняго года. Такимъ образомъ имперія исчезла бы безъ слѣда и показала бы неуспѣшность попытки водворить въ нынѣшнее время на американскомъ материкѣ монархическое начало. Замѣчаніе это тѣмъ справедливѣе, что масса мексиканскаго народа привержена къ республиканскому правленію, и самый выборъ на императорскій престолъ австрійскаго эрцгерцога, вовсе неизвѣстнаго мексиканскому народу, показываетъ, что народъ смотрѣлъ на совершившійся переворотъ не слишкомъ серьезно, считая его не болѣе, какъ случайнымъ событіемъ. Выборомъ австрійскаго эрцгерцога въ мексиканскіе императоры руководило въ сущности не желаніе націи, а внушеніе французскихъ военачальниковъ, захватившихъ въ свою власть столицу республики.

Хотя во французской прессѣ нѣкоторыя газеты, а въ законодательномъ корпусѣ приверженцы правительственной системы дѣйствій и увѣряютъ, что имперія, которую издали въ Мексику французскіе штыки, не только побѣдоносна оружіемъ, но и принята огромнымъ большинствомъ освобожденнаго и умиротвореннаго населенія, тѣмъ не менѣе однако каждая почта приносила и прино-

сильное известие об осаде, о правильной битве, или, по крайней мере, об отдельных, утомительных для французов стычках с регулярными или нерегулярными силами, находящимися въ распоряжении разбѣянныхъ, но упорныхъ приверженцевъ республики.

Что касается Мексики, то о ней немаловажнымъ будетъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія для того, чтобы познакомиться съ мѣстами событій, которыя очень легко могутъ отозваться и въ Европѣ.

До своего преобразованія въ имперію, Мексика представляла федеративную республику, раскинутую на огромномъ пространствѣ по направленію къ югу отъ Соединенныхъ Штатовъ, съ которыми она граничитъ. Южные ея предѣлы прилегаютъ къ гватемальской республикѣ, западные—къ Атлантическому океану и восточные — къ Тихому океану. На мексиканской территоріи, наибольшее протяженіе которой въ ширину достигаетъ до 2,500 верстъ и въ длину до 3,800 верстъ, считается до 8,000,000 населенія обо-его пола. Изъ нихъ болѣе половины туземцевъ, за тѣмъ осталшая половина раздѣляется такимъ образомъ: двѣ-трети мулатовъ или метисовъ и одна—бѣлыхъ испанскаго происхожденія.

Въ Мексикѣ существуетъ, по крайней мере, двадцать нарѣчій, изъ которыхъ четырнадцать имѣютъ свои словари и свои грамматики.

Мексиканская республика была устроена на подобіе сѣверо-американскаго союза, заключаая въ себѣ 18 штатовъ и 3 территоріи. Власть была ввѣрена сенату и палатѣ депутатовъ, президентъ былъ избираемъ на четыре года. Степень его власти и образъ его дѣйствій, на основаніи конституціи, сходствовалъ съ порядкомъ, установленнымъ въ этомъ отношеніи въ сѣверо-американскихъ штатахъ, конституція которыхъ и была принята за образецъ при учрежденіи мексиканской республики.

По Мексикѣ идутъ хребты чрезвычайно высокихъ горъ, составляющіе продолженіе южныхъ Кордильеровъ; хорошихъ рѣкъ въ Мексикѣ мало, но за то множество озеръ. Она изобилуетъ золотыми, и преимущественно серебряными рудниками, нѣкогда обогатившими Испанію; мѣдь, желѣзо, цинкъ, ртуть и соль составляютъ естественныя богатства этой страны,

Мексика, завоеванная Кортесомъ, представляла значительное развитіе цивилизаціи. Одно изъ населявшихъ ея племенъ, ацтеки, возвели замѣчательныя архитектурныя сооруженія; имъ были извѣстны живопись, скульптура и астрономія, они устроивали дороги и каналы, и имѣли свою гіероглифическую письменность. Изъ завоеванной Мексики испанцы образовали вице-королевство, и господствовали тамъ спокойно до 1810 года, въ которомъ начались попытки мексиканцевъ отложиться отъ испанской короны. Борьба продолжалась до 1824 года. Въ промежутокъ этого времени, именно въ 1821 году, въ Мексикѣ былъ провозглашенъ императоромъ Итурриде подъ именемъ Августина I. Вскорѣ мексиканцы лишили его престола, и онъ убѣжалъ изъ Мексики въ Италію, а потомъ уѣхалъ въ Лондонъ. Въ 1824 году онъ возвратился въ Мексику, надѣясь

снова присвоить себѣ императорскую власть, но былъ схваченъ приверженцами республики, и разстрѣлянъ въ Сан-Антоніо-ди-Падилья.

Побѣда, одержанная инсургентами въ 1829 году надъ королевскими войсками при Тампико, окончательно упрочила независимость Мексики, какъ федеративной республики. Присоединеніе Техаса къ Сѣверо-американскимъ Штатамъ, въ 1845 году, вовлекло республику въ обществленную войну со штатами. Мексиканцы всюду терпѣли пораженія, столица ихъ была взята, а въ 1848 году они принуждены были заключить миръ, уступивъ штатамъ Новую Мексику и Новую Калифорнію. Вскорѣ въ Мексикѣ начались междоусобныя войны, сопровождаемая анархіей, подавшей поводъ Франціи, Англіи и Испаніи вмѣшаться во внутреннія дѣла республики. Вмѣшательство это кончилось обращеніемъ республики въ имперію. Франція, какъ мы видѣли, издержала до ста миліоновъ рублей въ сущности для того, чтобъ принудить мексиканское правительство заплатить банкиру Джекеру около двадцати-пяти миліоновъ рублей на свои деньги. Кажется, что при этомъ условіи, если Франція считала почему либо себя обязанной помочь Джекеру свести счеты съ Мексикой, то ей выгоднѣе было бы заплатить банкиру изъ своихъ суммъ, избавивъ себя отъ огромной финансовой потери. Замѣчательно, впрочемъ, еще одно обстоятельство. Съ тѣмъ поръ, какъ французы овладѣли Мексикой, начались переговоры съ Джекеромъ объ уменьшеніи его претензіи къ мексиканскому правительству, болѣе чѣмъ на половину всей требуемой имъ суммы.

Что касается внутреннихъ дѣлъ Мексики, то они находятся въ положеніи, необщающемъ въ будущемъ много успокоительнаго. Императоръ Максимилианъ, какъ извѣстно, навлекъ на себя неудовольствіе весьма могущественной въ Мексикѣ клерикальной партіи, но въ то же время онъ не привлекъ на свою сторону и либераловъ, чего, впрочемъ, весьма трудно, или лучше сказать, невозможно достигнуть правительству, опирающемуся на иностранныя войска. Хотя главные массы противниковъ имперіи и разбѣяны маршаламъ Базеномъ, но партизанская война продолжается весьма энергически и безпрестанныя стѣчки происходятъ въ разстояніи какихъ-нибудь ста верстъ отъ императорской резиденціи. Индійское племя остается на сторонѣ Хуареса, такъ-какъ отряды императорскихъ войскъ, въ случаѣ неизявленія со стороны индійцевъ преданности новому правительству, и даже въ случаѣ какаго либо подозрѣнія, допускаютъ въ отношеніи къ нимъ чрезвычайныя жестокости, сожигая ихъ жилища въ видѣ устраненія всего племени. Австріяцы, прибывшіе въ Мексику съ императоромъ, считаютъ себя полновластными хозяевами, и тѣмъ самымъ раздражаютъ противъ новаго правительства не только его противниковъ, но и его и приверженцевъ.

Между тѣмъ до окончательной организациі имперіи изданъ теперь временной статутъ. Статутъ этотъ утверждаетъ въ Мексикѣ ограниченную наследственную монархію, подъ властію котоліческаго государя. По статуту, императоръ есть представитель вла-

сти націи и, въ ожиданіи новыхъ распоряженій по обончательной организаціи имперіи, онъ пользуется этою властью во всѣхъ отрасляхъ администраціи или лично, или посредствомъ государственныхъ властей и чиновниковъ. Мнѣнія государственнаго совѣта для императора необязательны, онъ выслушиваетъ ихъ только тогда, когда заблагоразсудитъ. Особый контроль будетъ ревизовать и сводить всѣ счета національныхъ учреждений, только въ такомъ случаѣ, если императоръ предоставитъ ему на это право по собственному усмотрѣнію. Императоръ, по собственному выбору, и на какой ему угодно срокъ, назначаетъ императорскихъ комисаровъ для управленія восьмью областями, на которыя будетъ раздѣлена имперія. Министры, въ числѣ одиннадцати, отвѣтственны передъ закономъ. Судьи будутъ несмѣняемы; ихъ можно будетъ отставлять отъ должности только на основаніи особыхъ постановленій. Засѣданія судовъ будутъ открытыя, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда гласность преній можетъ сдѣлаться опасною для сохранения порядка и добрыхъ нравовъ. Члены контроля, имѣющіе такую важность для правильнаго веденія дѣлъ по государственнымъ финансамъ, будутъ назначаемы императорскою властію.

Что же касается тахъ названныхъ «политическихъ префектовъ», то они будутъ управлять департаментами, и при каждомъ изъ нихъ будетъ состоять департаментскій совѣтъ, изъ высшаго мѣстнаго судебного чиновника, изъ завѣдывающаго мѣстными доходами, изъ землевладѣльца, изъ негоціанта, и изъ владѣльца рудниковъ или промышленника, сообразно съ интересами департамента. Впрочемъ, совѣтъ не иначе можетъ излагать свое мнѣніе, какъ только въ такомъ случаѣ, если ему будетъ предоставлено это самимъ префектомъ.

Муниципальнымъ совѣтамъ не предоставлено никакого значенія, такъ-какъ они въ самомъ существенномъ отпавленіи своей власти—въ опредѣленіи сборовъ и налоговъ—подчинены наблюденію префекта, который представляетъ императору относящіяся къ этому проекты съ своими собственными замѣчаніями.

Вся имперія будетъ раздѣлена на восемь военныхъ округовъ.

Вообще въ статутѣ замѣтно сильное вліяніе французскихъ правительственныхъ теорій и, конечно, трудно сказать, въ какой степени онѣ привьются къ Мексикѣ, имѣющей инныя преданія и инныя понятія о государственномъ управленіи, несходныя съ тѣми, которыя существуютъ во Франціи, водворившей въ Мексикѣ новый порядокъ въ замѣнъ прежняго.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Справочная книга для государственнаго человека на 1865 годъ.

Всякій образованный человекъ, всякій читатель газетъ, безъ сомнѣнія, въ настоящее время, долженъ ощущать весьма часто недостатокъ въ точной справочной книгѣ, которая заключала бы въ себѣ, такъ сказать, портреты, наглядныя изображенія состояній современныхъ странъ и государствъ, точно также какъ хорошо составленный біографическій словарь представлялъ бы характеристики и очерки жизни людей, болѣе или менѣе замѣчательныхъ. Въ современной политической жизни весьма часто упоминается о государствахъ какъ объ отдѣльныхъ существахъ, т.-е. употребляя слово Франція, Италия, Англія и даже Германія, подразумеваютъ всегда живыя личности, обладающія волею, силою, могуществомъ, количество и качество которыхъ предполагается всѣмъ извѣстнымъ.

Но лица, постоянно вращающіяся въ этой сферѣ дѣятельности, лица, которыя пишутъ и толкуютъ о политическихъ вопросахъ или принимаютъ участіе въ управленіи государствами, очень хорошо знаютъ, что подобныя существа далеко не всѣмъ извѣстны, а напротивъ того весьма часто, если и не вполне неизвѣстны, то, по крайней мѣрѣ, представляютъ собою много загадочнаго и немало трудностей въ ихъ разъясненію. Великій государственный мужъ Англіи Робертъ Пиль откровенно признавался въ томъ, что онъ часто ощущалъ недостатокъ въ справочной книгѣ, которая представляла бы въ сжатомъ видѣ и притомъ наглядно современное состояніе различныхъ государствъ образованнаго міра. Весьма удачная попытка удовлетворить этому недостатку сдѣлано Фредерикомъ Мартеномъ, издавшимъ подъ заглавіемъ *Ежегодникъ государственнаго человека* (*) книгу, которая заключала въ себѣ

(*) THE STATESMAN'S YEAR BOOK. FOR THE YEAR 1865, a statistical, genealogical and historical account of the states and Sovereigns of the civilized world, by *Frederick Martin*. London and Cambridge. 1865.

собранныя на основаніи официальных документовъ, а за недостаткомъ ихъ, на основаніи сочиненій, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, свѣдѣнія о всѣхъ государствахъ Европы, а также нѣкоторыхъ странахъ Азіи, Африки, Америки и Австраліи въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ. Книга эта, содержащая около 700 страницъ мелкой печати, снабжена алфавитнымъ указателемъ предметовъ и заключаетъ въ себѣ одни лишь факты съ необходимыми поясненіями, но безъ всякаго личнаго мнѣнія самаго составителя, который всѣ сообщаемыя имъ о каждомъ государствѣ свѣдѣнія группируетъ въ слѣдующихъ главныхъ отдѣлахъ, именно:

Отдѣлъ I. *Царствующія лица и ихъ семейства*—въ странахъ, имѣющихъ монархическую форму правленія, конечно. Тутъ же сообщаются также свѣдѣнія о родствѣ различныхъ царствующихъ домовъ между собою, играющемъ до сего времени не мажоранную роль въ судьбахъ государствъ, о происхожденіи династій, ихъ численномъ въ настоящее время составѣ, ихъ родовомъ богатствѣ и т. д.

Отдѣлъ II. *Форма правленія*, съ краткимъ указаніемъ государственнаго строя каждой отдѣльной страны и образа дѣйствій законодательной и исполнительной власти. Къ этому присоединены свѣдѣнія о числѣ и кругѣ дѣятельности главныхъ государственныхъ должностей и фамиліи лицъ, отправляющихъ эти должности.

Отдѣлъ III. *Церковь и народное образованіе*—какъ главные факторы политическаго могущества страны.

Отдѣлъ IV. *Доходы и расходы*. Составляя одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ государственной жизни, свѣдѣнія о нихъ сообщены очень подробно, при чемъ указаны также случившіяся въ различныя времена, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, увеличенія и уменьшенія въ доходахъ или расходахъ. Свѣдѣнія о происхожденіи, постепенномъ увеличеніи и настоящемъ размѣрѣ государственныхъ долговъ заключаютъ этотъ отдѣлъ.

Отдѣлъ V. *Войско и флотъ*. Тутъ сообщены подробныя свѣдѣнія о военныхъ силахъ государствъ, а въ главныхъ чертахъ, и о способахъ формированія арміи и флота, ихъ составѣ, организаціи и т. д.

Отдѣлъ VI. *Народонаселеніе*. Составляя основаніе всякаго государства, оно разсматривается не только въ одномъ количественномъ, но также и въ нравственномъ, политическомъ и общественномъ отношеніяхъ. Тутъ же сообщаются свѣдѣнія объ увеличеніи народонаселенія, его занятіяхъ, преступленіяхъ и тому подобныя.

Отдѣлъ VII. *Промышленность и торговля*.

Отдѣлъ VIII. *Колоніи европейскихъ государствъ*, при чемъ обширныя колоніи и владѣнія Англій, какъ-то: *Ост-Индія, Канада,*

Мысль Доброй Надежды, Наталь, Австралія, имѣющія свое политическое устройство и свои особенные интересы, разсматриваются отдѣльно.

Желая нѣсколько ближе ознакомить читателей съ этою вполне полезною справочною книгою, считаемъ неизлишнимъ сообщить при этомъ нѣкоторыя изъ свѣжихъ статистическихъ свѣдѣній, въ ней заключающихся.

Все народонаселеніе земнаго шара, составляя 1,221,000,000 жителей, распредѣлено на обитаемой нами планетѣ, представляющей площадь въ 51,403,438 квадратныхъ англійскихъ миль, слѣдующимъ образомъ:

Части свѣта.	Количество жителей.	Площадь твердой земли въ ☐ англ. миль.	Плотность населенія на одной ☐ миліи.
Въ Азіи	780,500,000	17,805,146	44 человекѣ
» Африкѣ	80,000,000	11,475,000	7 »
» Америкѣ	79,000,000	15,840,000	5 »
» Австраліи	1,500,000	2,582,070	1 »
» Европѣ	280,000,000	3,701,222	75 »
въ томъ числѣ приходится на долю:			
Европейской Россіи	65,845,324	2,043,399	32 »
Франціи	37,382,225	211,852	176 »
Австріи	35,019,058	236,311	148 »
Великобританіи съ Ирландіею	29,070,932	119,924	242 »
Италіи	21,777,334	98,784	221 »
Пруссіи	18,497,458	107,300	156 »
Германскаго Союза	18,071,286	95,347	189 »
Швейцаріи	2,534,242	15,233	176 »
Бельгіи	4,529,560	11,313	401 »
Швеціи и Норвегіи	5,351,073	291,903	18 »

Такимъ образомъ въ ряду европейскихъ державъ занимаютъ *первое мѣсто*: по пространству вообще—Россія, а по *плотности народонаселенія*: наибольшему—Бельгія, наименьшему—Швеція и Норвегія.

Не менѣе любопытны слѣдующія свѣдѣнія:

	Число членов царствующаго дома.	Величина государст. расходов послѣдн. го бюджета.	Величина государственнаго долга.	Количество платимыхъ по долгамъ процентовъ.	Размѣръ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе царствующаго дома.	Число войска по мирному положенію.	Расходы по военному управленію.
Россия	27	60,164,219 (*)	142,600,685	9,049,365	1,703,289	1,000,000	21,169,600
Франція	8	85,336,353	461,819,133	17,849,846	1,060,000	404,192	17,384,961
Австрія	32	38,442,715	224,222,501	11,596,272	760,787	269,100	10,916,306
Великобританія	13	66,890,000	799,802,139	25,958,135	470,000	148,242	15,060,237
Италія	9	39,023,703	152,698,839	7,896,689	674,009	196,100	11,566,500
Пруссія	23	20,542,055	36,264,079	2,237,555	460,964	208,576	6,156,220
Швейцарія	»	771,441	160,000	8,469	»	»	»
Бельгія	6	6,099,328	25,939,442	1,256,156	168,056	73,718	1,331,685
Швеція и Норвегія	10	7,797,120	11,883,099	760,972	335,177	81,550	2,137,691

(*) Примѣчаніе: 1) суммы означены въ фунтахъ стерлинговъ, который равняется 6 руб. 28,*** копейкамъ; шиллинговъ — около 31 копейки, нѣмецк. 12 пенсами.

Изъ сравненія двухъ вышеприведенныхъ таблицъ оказывается, что на каждого отдѣльнаго жителя приходится среднимъ числомъ:

	Общихъ госу- дарственныхъ расходовъ.			государст- вен. дол- га.			Процентовъ, ушачиваем. по долгамъ.		Войска (т.-в.) солдатъ.
	ф.	ст.	ш.	п.	ф.	ст.	ш.	п.	мл. пен.
Въ Россіи	0	16	3	2	0	5	2	7	$\frac{1}{67}$
» Франціи	2	5	8	12	7	1	9	6	$\frac{1}{93}$ (*)
» Австріи	1	1	10	6	14	3	6	8	$\frac{1}{130}$
» Великобританіи	2	6	1	27	15	2	17	8	$\frac{1}{105}$
» Италіи	1	15	11	7	0	9	7	3	$\frac{1}{112}$
» Пруссіи	1	2	2	1	19	4	2	5	$\frac{1}{89}$
» Швейцаріи	0	6	1	0	1	3	»	1	(**)
» Бельгіи	1	6	9	5	15	7	5	2	$\frac{1}{62}$
» Швеціи и Норвегіи	1	9	2	2	4	2	2	10	$\frac{1}{70}$

Нельзя не замѣтить, что г. Мартенъ, опредѣляя для Россіи количество войскъ по мирному положенію въ *милліонъ*, очевиднымъ образомъ ошибся; военное управленіе наше имѣетъ намѣреніе, путемъ ежегодныхъ общихъ рекрутскихъ наборовъ и одновременнымъ съ ними увольненіемъ нижнихъ чиновъ въ безсрочные отпуска, достигнуть того, чтобы въ случаѣ надобности, для военныхъ дѣйствій имѣть боевую силу въ милліонъ солдатъ, призывая для этого къ оружію всѣхъ находящихся въ безсрочномъ отпуску. Но настоящій численный составъ войскъ въ имперіи далеко не достигаетъ этой цифры, неизвѣстно откуда почерпнутой г. Мартеномъ. Онъ самъ, на стр. 404 своей книги, говоритъ: настоящій размѣръ войскъ въ Россіи неизвѣстенъ. По свидѣніямъ, сообщеннымъ въ журналъ «Tygodnik» 10 мая 1863 г., число войскъ въ Россіи достигаетъ цифры 510,000. Далѣе опять: дѣйствительное число регулярныхъ войскъ въ Россіи въ 1863 году было 385,000. Отъ этой цифры очень рѣзко отличается свидѣніе, сообщенное, какъ видно, газетою «Биржевыми Вѣдомостями» (Stock Exchange Journal of St.-Petersburg. September 18. 1863), что армія въ Россіи состоитъ всего изъ 36,674 офицеровъ и 1,161,958 нижнихъ чиновъ; итого 1,198,632 человѣка.

Признавъ справедливымъ замѣчаніе Мартена, что частное лицо не имѣетъ никакой возможности повѣрить основательность и вѣрность этихъ цифръ (а также и всѣхъ прочихъ, прибавимъ мы отъ себя), сообщаемыхъ официальными органами, мы оставимъ этотъ вопросъ о числѣ войскъ въ сторонѣ и обратимся къ другому отношенію, не менѣе занимательному, именно къ вопросу объ отношеніи размѣра (civil list) суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе царствующаго дома къ величинѣ государственныхъ расхо-

(*) Это другими словами выражаетъ то, что во Франціи на 93 жителей приходится одинъ солдатъ, въ Англіи же одинъ на 195 и т. д.

(**) Въ Швейцаріи, на основаніи § 13 ея конституціи отъ 12 сентября 1848 г., не полагается содержать постоянного войска въ предѣлахъ всего Союза.

довъ вообще. Отношеніе это составляетъ слѣдующее количество процентовъ съ суммы всѣхъ государственныхъ расходовъ:

Въ Россіи . . .	3 ⁰ / ₀	Бельгіи	3
» Франціи . . .	1 ⁴ / ₄	Швеціи	4
» Великобританіи	2 ² / ₃	Австріи	3
» Италіи	2	Баварія	7
» Пруссіи	2	Виртембергъ . . .	8 и т. д.

Всѣ эти цифры хотя и имѣютъ значеніе сами по себѣ, давая нѣкоторое понятіе о государственномъ устройствѣ странъ самихъ, однако утрачиваютъ немало своего истиннаго значенія при сравненіи съ подобными же расходами другихъ странъ. Цифры эти будутъ казаться слишкомъ великими или слишкомъ малыми, смотря по тому, будемъ ли мы брать въ сравненіе княжество Лихтенштейнъ, гдѣ на этотъ предметъ ничего не отпускается (civil list=0), или другія германскія владѣнія, въ которыхъ расходы по этому предмету немалы; такъ, напримѣръ, они составляютъ въ княжествѣ Вальдекъ 56⁰/₀; Шаумбургъ-Липпе 75⁰/₀ Рейсъ-Грейцъ 80⁰/₀, а въ Мекленбургъ-Стрелицъ 100⁰/₀, то-есть, другими словами, расходы на содержаніе герцогской фамиліи равняются всѣмъ прочимъ государственнымъ расходамъ сего самостоятельнаго княжества. Что же касается княжества Лихтенштейнъ, то владѣтель сего, самаго незначительнаго въ Европѣ государства, неимѣющаго, правда, и государственнаго долга, ничего не получаетъ для своего существованія отъ своихъ подданныхъ, а состоитъ на австрійской службѣ, живетъ своими доходами преимущественно въ Вѣнѣ или въ замкѣ своемъ Эйсгрубъ въ Моравіи. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подданные наши для себя выгоднымъ и удобнымъ обязать своего властелина непремѣнно проводить опредѣленную часть года въ своемъ княжествѣ и тамъ проживать свои собственные деньги.

Изъ двухъ вышеприведенныхъ сравнительныхъ таблицъ можно сдѣлать заключеніе, что въ ряду европейскихъ державъ занимають *первое мѣсто*:

по величинѣ государственнаго долга	}	Великобританія.
и по величинѣ ежегодно уплачиваемыхъ		
по долгамъ процентовъ.		
по величинѣ ежегодно производимыхъ государственныхъ расходовъ вообще.		Англія и Франція.

Такимъ образомъ оказывается, что воспѣваемая «*Имерія*» представляетъ собою форму правленія столь же дорогую, какъ и приятную для подданныхъ Наполеона!

по относительному количеству войскъ	Бельгія.
по относительному наибольшему размѣру ежегодного отпускаемой civil list.	Мекленбургъ-Стрелицъ.
по числу членовъ царствующаго дома, гдѣ число ихъ достигаетъ цифры 33.	Баварія.

по величинѣ ежегодно производимыхъ расходовъ по военному вѣдомству Россія.
по наибольшей стоимости ежегоднаго содержания каждаго солдата Великобританія.

гдѣ стоимость эта достигаетъ цифры 101 ф. и 12 ш., затѣмъ въ Италіи она составляетъ 59 ф. 1 ш., въ Португаліи 43 ф. 3 ш., во Франціи 43 ф. 1 ш. и т. д.

Всеобщее вниманіе, которое обращаютъ на себя современныя замѣшательства въ соединенныхъ сѣверо-американскихъ штатахъ, налагаетъ на насъ обязанность подѣлиться съ читателями нѣкоторыми объ этой странѣ статистическими свѣдѣніями изъ числа сообщаемыхъ Мартепомъ.

Народонаселеніе соединенныхъ штатовъ, состоявшее въ 1800 году изъ 4.304,439 бѣлыхъ и 108,395 цвѣтныхъ свободныхъ, а также 893,041 рабовъ, всего 5.305,925, достигло въ 1860 году слѣдующихъ цифръ: 26.975,575 бѣлыхъ и 488,005 цвѣтныхъ свободныхъ, а также 3.953,760 рабовъ, всего 31.445,089.

Изъ общаго числа рабовъ оказалось по переписямъ годовъ:

	1850 г.	1860 г.
бѣжавшихъ	1.011 челов.	803 челов.
освобожденныхъ владѣльцами	1.467 —	3,018 —

Война, порожденная стремленіемъ сѣверныхъ штатовъ иоложить конецъ рабству и освободить всѣхъ нынѣ состоящихъ въ рабствѣ, нисколько не подвинувъ до сего времени самаго разъясненія вопроса, имѣла уже слѣдующія послѣдствія:

Долгъ соединенныхъ штатовъ непоимѣрно увеличился: составляя къ 30 іюня 1860 года 13.299,733 фун. ст. съ уплатою 650,372 ф. ст. ежегодныхъ процентовъ, достигли:

	долгъ	проценты по нимъ.
въ 1861 году	18.658,991	821,390.
1862	105.587,509	2.708,485.
1863	225.624,883	5.077,997.
1864	346.397,667	12.148,898.
1865 (вѣроятно, по соображеніямъ вазначейства)	453.302,913	17.533,403.

Военныя же обстоятельства обусловили и чрезмѣрное увеличеніе войска вообще. Въ началѣ 1861 года вся армія соединенныхъ штатовъ состояла изъ 14,000 регулярныхъ войскъ, которыя и расположены были по преимуществу въ южныхъ штатахъ; часть ихъ передалась на сторону южанъ при началѣ несогласій, такъ что вся армія союза состояла всего изъ 5,000 человѣкъ. Уже въ апрѣлѣ 1861 года президентъ Линкольнъ призываетъ для

защиты столицы охотниковъ числомъ	75,000.
въ маѣ мѣсяцѣ еще	64,748.
въ теченіе времени отъ іюля до декаб- ря 1861	500,000.
въ іюль 1862 года	300,000.
— августъ 1862 года	300,000.
лѣтомъ 1863 года	300,000.
февраль 1864 года	500,000.
	<hr/>
	2.039 748.

Число негровъ въ рядахъ арміи сѣверныхъ штатовъ доходило въ октябрѣ 1863 года до 38,707 человекъ. Содержаніе этой арміи въ теченіе года (1863—64) обошлось въ 838.594,644 долларовъ, то-есть 174.607,261 фунт. стер.

Убыль людей этой арміи съ начала войны до конца іюля 1864 года исчислена въ 750,000 человекъ. Изъ отзыва губернатора штата Нью-Йоркъ видно, что этотъ небольшой штатъ съ народонаселеніемъ, недостигающимъ по переписи 1860 года четырехъ миліоновъ, выставилъ съ начала войны, въ ряды войска 222,836 человекъ охотниковъ, изъ числа которыхъ 125,000 уже пали жертвами, необходимыми для осуществленія великой задачи человечества.

Объ ирландской пенитенціарной системѣ. *Сочиненіе Ван-дер-Бруггена, изданное по смерти автора съ предисловіемъ и заключеніемъ Гольцендорфомъ* (*).

Бывшій министръ юстиціи въ Голандіи, Ван-дер-Бруггенъ оставилъ послѣ себя исполнѣ оконченную рукопись объ ирландской пенитенціарной системѣ, которую, по отзыву издателя и переводчика Гольцендорфа, профессора берлинскаго университета, онъ изучилъ во всѣхъ подробностяхъ. Подвергнувъ эту систему заключенія самому строгому и основательному разбору, Ван-дер-Бруггенъ отдаетъ ей полное предпочтеніе предъ всѣми другими видами заключенія, на томъ, исполнѣ справедливомъ основаніи, что она всего болѣе соотвѣтствуетъ цѣли самаго заключенія. Не заставляя заключенныхъ исключительно привыкать къ принужденію и къ пассивному, безучастному съ его стороны подчиненію тюремной дисциплинѣ, эта система по преимуществу стремится приучить ихъ къ законамъ дозволенному пользованію свободою. Различными отлічіями, а также пребываніемъ въ промежуточныхъ тюрьмахъ, система эта достигаетъ того, что обязательный трудъ въ глазахъ заключеннаго принимаетъ видъ добровольно исполняемой работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно сознавая, что заключенный не всегда будетъ находиться въ вѣдѣніи какихъ

(*) *ETUDES SUR LE SYSTÈME PÉNITENTIAIRE IRLANDAIS, par Van-der-Bruggen, revu après la mort de l'auteur et accompagné d'une préface et d'un appendice par Holtzendorf. Berlin. Libraire Luederitz. 1865.*

либо исправительныхъ заведеній, она не упускаетъ изъ виду того, что выйдя на свободу, заключенный встрѣтитъ вновь множество соблазновъ и искушеній, съ которыми онъ долженъ будетъ вновь вступить въ борьбу, къ которой и должно, еще во время самаго заключенія его, по возможности, приучить и дать необходимыя къ тому средства.

Впрочемъ, должно замѣтить, что какъ авторъ и ни выхваляетъ эту систему заключенія, онъ тѣмъ не менѣе сознаетъ не только всю трудность дѣйствительнаго и успѣшнаго ея осуществленія, затруднительность въ приисканіи необходимыхъ къ тому лицъ и такъ далѣе, но также и то, что нелегко найти даже *мгста*, столь же для этой системы удобныя, какъ представляемыя Ирландію, а именно для работъ трудныхъ, но невредныхъ для здоровья, которымъ подвергаются заключенные въ первое время заключенія или даже для промежуточныхъ тюремъ. На этомъ основаніи онъ не рѣшается дать положительный отвѣтъ о томъ, существуетъ ли въ настоящее время, конечно, возможность ввести эту систему заключенія во всѣхъ странахъ безусловно.

Книга эта вообще представляетъ чтеніе очень поучительное.

Объ улучшеніи уголовного законодательства. Бонневиль-де-Марсанжи (*).

Это—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ сочиненій, написанныхъ въ пользу смертной казни. Авторъ его, весьма извѣстный многими пользующимися большимъ уваженіемъ юридическими сочиненіями, принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя желаютъ, чтобы смертная казнь вообще была отмѣнена совсѣмъ въ скоромъ времени, но убѣждены при томъ, что удержаніе этого рода наказанія въ настоящее время можетъ быть допущено и оправдано. Въ доказательство этого онъ ссылается на дебаты, происходившіе 2-го мая 1864 года въ англійскомъ парламентѣ, въ которыхъ, правда, защищали удержаніе смертной казни, но для болѣе основательнаго рѣшенія вопроса назначили особую комисію. Авторъ, къ сожалѣнію, не приводитъ всѣхъ главныхъ доводовъ, высказанныхъ при этомъ противникамъ смертной казни и замѣчательнѣйшими поборниками ея отмѣны; онъ прямо переходитъ къ тому, что во французскомъ законодательномъ собраніи, въ маѣ 1864 года, разсматривался тотъ же самый вопросъ, и придаетъ особенное значеніе словамъ, высказаннымъ маркизомъ д'Авринкуромъ въ пользу удержанія смертной казни. Читатель, однако, тщетно ищетъ въ его словахъ ясныхъ доказательствъ въ пользу такого воззрѣнія; вмѣсто доводовъ онъ довольствуется громкими фразами, общими мѣстами и обвиняетъ противниковъ смертной казни въ расположеніи къ убійцамъ (*faveur des assa-*

(*) DE L'AMÉLIORATION DE LA LOI CRIMINELLE EN VUE D'UNE JUSTICE PLUS PROMPTE ET PLUS EDICACE, par *Bonneville-de-Marsangy*. Paris. 1864.

ains) въ то время, какъ онъ самъ имѣеть сочувствіе къ ихъ жертвамъ (*sympathie pour le victime*). По его мнѣнію, смертная казнь оправдывается тѣмъ, что вообще общество (государство) имѣеть обязанностію защищать себя и что законныя преступники могутъ быть воздержаны отъ преступленія лишь только страхомъ смертной казни. За тѣмъ авторъ говоритъ, что отгнѣвъ смертной казни въ Тосканѣ въ 1786 году объясняется мягкосердіемъ и еротостию характера тосканцевъ, но и они все-таки должны были вновь ввести это наказаніе. При этомъ онъ утѣшаетъ изъ виду читателей, что великій герцогъ Леопольдъ, самъ въ 1848 году снова отгнѣвилъ смертную казнь, и что вновь введенная въ 1853 году, но на дѣлѣ ни разу непримѣненная, она была опять отгнѣнена въ 1860 году. Важный доводъ въ пользу удержанія смертной казни авторъ видитъ въ томъ, что она, послѣдно и преждевременно отгнѣненная въ кантонѣ Фрейбургѣ, была снова введена въ немъ, но это ошибка. Смертная казнь не введена въ Фрейбургѣ; вопросъ о ней отложенъ до окончательнаго пересмотра всего уголовного устава. Всѣ благомыслящіе люди въ Фрейбургѣ не желаютъ вводить вновь смертную казнь. Къ чести автора должно впрочемъ сказать, что на стр. 479 онъ самъ говоритъ, между прочимъ: «христіанское общество рано или поздно отгнѣнитъ смертную казнь, какъ скоро народъ станетъ нравственнѣе и образованнѣе, но настоящій моментъ такой великой побѣды разума и справедливости можетъ быть, какъ выражается авторъ, указанъ лишь самимъ Богомъ».

Для большей части европейскихъ государствъ (какихъ именно—не означено и не объяснено), Бонневиль считаетъ смертную казнь необходимою, а потому и справедливою; онъ замѣчаетъ при этомъ, что хотя и должно сознаться въ томъ, что и до сего времени, постоянно, несмотря на существованіе смертной казни, совершается много тяжкихъ преступленій, но тѣмъ не менѣе несравненно большее число ихъ (почему онъ ихъ знаетъ?) предотвращается страхомъ смертной казни, которая считается самымъ страшнымъ наказаніемъ. Взглядъ этотъ, по мнѣнію автора, самымъ лучшимъ образомъ подтверждается тѣмъ, что защитники подсудимаго напрягаютъ всѣ свои силы къ тому, чтобы по возможности отклонить примѣненіе такого наказанія; величайшіе преступники предпочитаютъ смертной казни даже пожизненное заключеніе, и осужденные на смерть стараются отклонить примѣненіе ея хотя только на время подачею на апелляцію, часто безъ всякихъ основаній. Трудно, впрочемъ, усмотрѣть, какимъ образомъ изъ всего этого можетъ быть выведенъ аргументъ въ пользу устрашающаго вліянія смертной казни; совершенно понятно, что защитникъ будетъ употреблять всегда всевозможныя средства, чтобы достигнуть для обвиняемаго по возможности самого легкаго наказанія; осужденный же будетъ прибѣгать къ законамъ дозволеннымъ средствамъ обжалованія или кассации, чрезъ что онъ, по крайней мѣрѣ, всегда достигнетъ того, что исполненіе состоявшагося рѣшенія откладываетъ

ся на нѣкоторое время. Изъ страха смерти, ошущаемаго осужденнымъ къ смертной казни, не можетъ быть выведено заключеніе о томъ, что встрѣчающаяся въ законахъ угроза смертною казнію воздерживаетъ отъ совершенія преступленія лицъ, къ этому склонныхъ. Если же видѣть, какъ это дѣлаетъ авторъ, главный доводъ въ пользу смертной казни въ томъ, что она необходима потому, что является крайнимъ средствомъ къ защитѣ государствъ, то весь доводъ этотъ теряетъ свою силу, какъ скоро вспомнимъ, что нельзя смѣшивать право наказанія съ правомъ защиты или обороны, и что государство, за исключеніемъ случаевъ полной его несостоятельности, имѣетъ къ этому совсѣмъ другія средства, чѣмъ смертная казнь. Въ доказательство, что даже и нѣмецкіе юристы не единогласно признаютъ пользу и цѣлесообразность отгнѣны смертной казни, Бонневиль приводитъ то обстоятельство, что на сѣздѣ юристовъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ вопросъ въ пользу отгнѣны смертной казни рѣшенъ былъ большинствомъ только *одного* голоса; но и это уже—доказательство противъ необходимости удерживать смертную казнь. Далѣе авторъ ссылается также на то, что и присяжные во Франціи признаютъ необходимость смертной казни, ибо они довольно часто не принимаютъ никакихъ, смягчающихъ вину преступника обстоятельствъ, чрезъ что могли бы устранить самое примѣненіе смертной казни. Но онъ упускаетъ опять изъ виду тотъ фактъ, что присяжные въ несравненно большемъ числѣ случаевъ, даже при самыхъ ужасныхъ и наиболѣе возмутительныхъ преступленіяхъ, принимая смягчающія обстоятельства, имѣютъ въ виду этимъ самымъ устранить смертную казнь, и что причина, по которой таковыя обстоятельства не принимаются ими во вниманіе въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, поражающихъ своимъ злодѣйствомъ, объясняется легко тѣмъ, что присяжные не всегда желаютъ отбавиваться обходить законъ существующій и ставить себя выше его. Если авторъ, какъ доказательство голоса народа въ пользу удержанія смертной казни, приводитъ тѣ случаи, въ которыхъ народъ въ Америкѣ, возмущенный ужасомъ преступленія, самъ творитъ расправу и казнитъ преступника, подвергнувъ его только для виду суду, то мы замѣтимъ, что такое проявленіе дикости необузданной толпы не можетъ быть принято за выраженіе народнаго желанія въ государствѣ, которое имѣетъ энергически ограниченную судебную власть и систему карательныхъ законовъ. Въ заключеніе авторъ, впрочемъ, дѣлаетъ признаніе въ пламенномъ желаніи, чтобы наступили такіа времена, въ которыхъ можно было бы обойтись безъ этого рода наказанія; но считаетъ однако едва-ли возможнымъ изъ результатовъ и указаній, добытыхъ въ государствахъ незначительныхъ, дѣлать какія либо заключенія и выводы въ отношеніи государствъ болѣе обширныхъ, для которыхъ весьма достаточно уже и то, если примѣненіе смертной казни будетъ встрѣчаться въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Бонневиль, какъ видно, довольствуется малымъ для большихъ государствъ. Впрочемъ, онъ допускаетъ, что безъ всякаго вреда и опасности

для общества *можно уже отмѣнить* смертную казнь для женщинъ вообще и лицъ мужскаго пола моложе 21 года.

Но предложеніе это, основательность котораго трудно доказать, если только принять его относительно однихъ несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, влечетъ за собою довольно важное послѣдствіе: оно оскорбляетъ сознаніе правды и справедливости въ народъ, какъ скоро онъ увидитъ, что при совмѣстномъ совершеніи мужчиною и женщиною вмѣстѣ убійства, въ совершенію котораго женщина, въ силу самыхъ возмутительныхъ обстоятельствъ, быть можетъ, склонила мужчину, она—истинная виновница преступленія, будетъ подвергнута менѣе тяжкому наказанію, чѣмъ одинъ изъ соучастниковъ преступленія, который будетъ казненъ въ то время, какъ она, истинная виновница, подвергнута будетъ только тюремному заключенію. Гораздо послѣдовательнѣе отмѣнить смертную казнь для всѣхъ лицъ и относительно всѣхъ преступленій, чѣмъ дѣлать общее это правило исключеніемъ лишь для весьма немногихъ случаевъ.

Философія уголовного права, Франка (*).

Въ подобномъ духѣ написано сочиненіе Франка: Философія уголовного права. Членъ парижскаго института и профессоръ въ Collège de France, Франкъ въ этомъ новомъ своемъ сочиненіи является послѣдователемъ теорій возмездія и защиты, которыя онъ признаетъ абсолютно справедливыми, относительно принципа наказанія, и имѣющими свое основаніе въ правѣ самозащиты гражданскаго общества. Показавъ вкратцѣ, на основаніи историческихъ данныхъ, всю для самосохраненія государства безполезность смертной казни, Франкъ высказывается рѣшительно въ пользу ея безусловной отмѣны. Это небольшое, но прекрасно написанное сочиненіе, появившееся въ коллекціи Bibliothèque de philosophie contemporaine, отличается необычайною популярностію и простотою изложенія, при чемъ нисколько не нанесено ущерба научности содержанія самаго сочиненія, разсматривающаго съ необычайною ясностію, помимо всѣхъ громкихъ и пустыхъ разглагольствованій, всѣ вопросы, относящіеся до уголовного права вообще.

Уголовное право по священнымъ книгамъ Индіи (**).

Профессоръ католическаго университета въ Левенѣ (Louvain), городъ въ Брабантѣ) Тониссенъ представилъ въ высшей степени любопытное изложеніе началъ уголовного права, кроющихся въ самыхъ древнихъ источникахъ индійскаго права — въ священныхъ книгахъ

(*) PHILOSOPHIE DU DROIT PÉNAL, par A. Frank. Paris. 1864. Chez Baillière.

(**) LE DROIT CRIMINEL dans les livres sacrés de l'Inde, par Thonissen. Bruxelles. 1864.

этой первой страны цивилизаціи. Независимо отъ тѣсной связи, существующей между наказуемостію преступленій и раздѣленіемъ преступниковъ по различію вѣстъ, въ которыхъ они принадлежатъ, какъ жители Индіи вообще, Тоиссенъ представляетъ намъ очеркъ высоко развитой общественной культуры Индіи, и основанную на началѣ справедливости систему наказаній, весьма умѣренную и человѣколюбивую въ сравненіи съ прочими системами другихъ восточныхъ государствъ, и очень отдаленную даже отъ господствующаго въ законѣ Моисеевомъ начала безусловнаго возмездія (*jus talionis*), по которому воздавалось око за око и рука за руку. Весьма основательно также дѣлаемое авторомъ западнымъ европейскимъ государствамъ предостереженіе, не слишкомъ-то предаваться самодовольствію въ отношеніи современнаго положенія всѣхъ началъ уголовного права, ибо, какъ онъ показываетъ, индійская бамбуковая трость нѣсколько легче и менѣе щедро расточается по плечамъ индійцевъ, нежели закономъ установленная грабиновая палка въ Мекленбургѣ.

Психологическіе взгляды на смертную казнь, Донкерслоота (*).

Безъ сомнѣнія, никто не станетъ опровергать, что между общимъ уровнемъ человѣческаго развитія (или вообще всею цивилизаціею) и искусствомъ управлять людьми, существуетъ тѣсная связь, такъ что можно утвердительно сказать, что царь Давидъ былъ бы довольно плохимъ королемъ на тронѣ Лудовика-Филиппа, или обратно, точно такъ же какъ и Драконъ былъ бы весьма плохой законодатель въ странѣ либеральныхъ конституціонныхъ учрежденій.

Люди и нравы мѣняются вмѣстѣ съ временемъ; этой же самой переменѣ подлежатъ и сочиняемые людьми законы, что и подтверждается опытомъ и исторіею. Ежедневно, такъ-сказать, современные новые взгляды въ области права вообще смыкаютъ понемногу остатки прежнихъ понятій въ этой сферѣ человѣческаго знанія; новые законы и права постепенно замѣняютъ старыя, такъ что можно все болѣе и болѣе ожидать наступленія такого времени, въ которомъ все римское право и законодательство будетъ имѣть одно лишь чисто-историческое достоинство, потерявъ всякое значеніе дѣйствующихъ законовъ. Это совершающееся обновленіе законовъ преимущественно отличается болѣе человѣколюбивою кротостію и мягкостію постановленій, и болѣе разумною степенью ихъ строгости. Мечъ правосудія понемногу утрачиваетъ свой грозный и кровавый видъ, не переставая, однако, быть столь же полезнымъ и спасительнымъ для всего общественнаго устройства. Во всей системѣ уголовного

(*) *Psychologische Beschouwing der Doodstraf door Donkersloot*. Tiel. 1864. Переведено на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ: *Die Todesstrafe und Psychologie von Donkersloot*. Münster. 1865.

права по преимуществу проявляется предупредительное начало; жестокости и безчеловѣчія, совершавшіяся въ прежнія времена надъ виновными, понемногу исчезаютъ, уступая мѣсто мѣрамъ исправительнымъ, которыя никогда не упускаютъ изъ виду, что и самый ужасный преступникъ также такой же человекъ, и стараются не *истреблять* его, а по возможности *возстановить* его въ мнѣніи согражданъ путемъ исправленія. Стремленія всѣхъ народовъ и ихъ правительствъ направлены къ тому, чтобы улучшить и смягчить нравы, и придать все болѣе и болѣе уваженія человѣческому достоинству.

Но, несмотря на все это, всѣ почти народы сносятъ довольно спокойно въ сферѣ истинной гуманности существованіе смертной казни, разсмотрѣнію которой посвящено вышеприведенное сочиненіе голандца Донкерслота, врача дома умалишенныхъ въ Дортрехтѣ. Онъ старается показать, что всѣ теоріи, созданныя для доказательства необходимости и цѣлесообразности смертной казни, опровергаются опытами жизни; особенно же хорошо удалось ему показать несостоятельность теоріи примиренія, составленной для оправданія смертной казни; психологическія же изслѣдованія показали несостоятельность предположенія о внушеніи смертною казнью страха другимъ лицамъ. Авторъ за тѣмъ доказываетъ, что смертная казнь не можетъ считаться *наказаніемъ*, ибо она прямо противорѣчитъ истинному значенію наказанія, то-есть полной идеи раскаянія; приводитъ, заимствованныя изъ новѣйшихъ сочиненій, статистическія свѣдѣнія въ подтвержденіе того, что смертная казнь противорѣчитъ идеи христіанства и государства, и въ очень незначительной степени уменьшаетъ число совершаемыхъ преступленій; случаясь же при совершеніи казни самая ужасная сцена имѣютъ весьма вредное вліяніе на нравственность. Авторъ показываетъ, что именно рѣшенія объ убійцахъ бывають самыя несостоятельныя и ненадежныя; что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительная вина уменьшается до чрезвычайности, и что убійцы по указаніямъ опыта весьма часто вполне исправляются. По мнѣнію Донкерслота, смертная казнь можетъ быть вполне замѣнена наказаніемъ съ лишеніемъ свободы. Самая занимательная часть сочиненія та, гдѣ авторъ показываетъ несостоятельность рѣшеній въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ возникалъ о самой *вмѣлности* обвиняемаго въ преступленіи — тутъ авторъ разсуждаетъ, какъ полный экспертъ этого дѣла. Главныя заключенія, къ которымъ пришелъ Донкерслотъ относительно вопроса о смертной казни, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) всѣ теоріи, доказывающія необходимость и цѣлесообразность смертной казни, опровергаются опытомъ жизни.

2) смертная казнь не есть наказаніе.

3) она противорѣчитъ ученію христіанской религіи и идеи государства.

4) примѣненіе смертной казни столь же мало способствуетъ уменьшенію числа преступленія, какъ и отмѣна ея — ихъ увеличенію.

5) она дѣйствуетъ вредно на народную нравственность.

6) существующее право помилованія, не оправдывая смертной казни, уменьшаетъ лишь могущество закона вообще.

7) убійцы и тому подобныя тяжкіе преступники не всегда бываютъ худые люди; они могутъ исправиться.

8) судьи могутъ ошибаться въ своихъ приговорахъ; вѣрность преступленія также часто признается или отвергается совершенно ошибочно.

9) лишеніе свободы можетъ быть наказаніемъ болѣе тяжкимъ, нежели смертная казнь, относящимся прямо къ виновному преступнику, тогда какъ казнь налагаетъ наказаніе на другихъ, подвергая ихъ печали.

10) смертную казнь должно замѣнить наказаніемъ, лишаящимъ свободы.

Въ заключеніе еще разъ должны мы повторить, что это—весьма замѣчательное сочиненіе.

Справочная книга для присяжныхъ въ Германіи, Видмана (*).

Книга Видмана, бывшаго очень долго президентомъ суда присяжныхъ, по назначенію своему принадлежащая къ числу популярныхъ и общедоступныхъ сочиненій, тѣмъ не менѣе написана очень основательно и строго-научно. Баварія, какъ извѣстно, принадлежитъ, на основаніи всѣхъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, къ числу тѣхъ нѣмецкихъ земель, въ которыхъ судъ присяжныхъ наиболѣе прочно привился и укоренился; поэтому сдѣланное авторомъ, вслѣдствіе весьма многихъ случаевъ изъ его судебной практики, заключеніе, что очень многіе изъ присяжныхъ *весьма смутно сознаютъ* сущность судебного убѣжденія — тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе. Присяжные, по окончаніи засѣданій, выражали сожалѣніе, что имъ не довольно ясно была истолкована сущность убѣжденія, необходимаго для судебного, обвинительнаго приговора. Понятіе о нравственномъ убѣжденіи (*conviction intime*) у весьма многихъ присяжныхъ бродитъ въ общемъ кругу понятій, соединенныхъ со словами: ощущеніе, чувство, откровеніе, инстинктъ, знать, предполагать, думать, вѣрить, считать за вѣрное и т. д. Вопросъ, что должно считать истиннымъ—является не только вопросомъ богословскимъ и философскимъ, но и часто практическимъ вопросомъ, который присяжные имѣютъ полное право предложить суду, конечно, не ожидая получить достаточно яснаго и нагляднаго объясненія на это — въ заключительной рѣчи предсѣдателя суда. Книга Видмана имѣетъ цѣлю по возможности помочь этому печальному и недостаточному положенію дѣлъ. Если бы подвергнуть присяжныхъ экзамену, относительно различій, существующихъ между подозрѣніемъ, вѣроятностію и достовѣр-

(*) Das Geschwornenenbuch oder die begriffliche Ueberzeugung. Für die Geschwornen Deutschlands von Widmann. Würzburg. Verlag von Stahel. 1864.

ностию, то безъ сомнѣнія, легко было бы убѣдиться въ шаткости и неопредѣленности понятій, соединяемыхъ ими съ этими словами; потому не только въ высшей степени полезно, но даже и необходимо дать присяжнымъ возможность ознакомиться, хотя и въ главныхъ общихъ чертахъ, съ основными началами теоріи доказательствъ и всего уголовного процесса. Книга Видмана имѣетъ цѣлью удовлетворить такой потребности, излагая весьма популярно основныя начала уголовного права, сущность доказательствъ и уликъ, и дознанное правтнкою ихъ значеніе и силу.

Дѣла весьма лестный отзывъ объ этой книгѣ, Гольдендорфъ замѣчаетъ, что полезно было бы присоединить къ ней систематическое объясненіе главныхъ постановленій баварскаго кодекса, относящихся до суда присяжныхъ, и предлагаетъ себѣ вопросъ: будетъ ли достигнута главная цѣль ея издателя, то-есть проникнетъ ли эта книга въ тотъ кругъ читателей, для которыхъ она предназначена? Чтеніе разнаго рода легкихъ произведеній, все болѣе и болѣе отбиваетъ охоту къ усиленной умственной дѣятельности, и затрудняетъ доступъ полезныхъ сочиненій къ народнымъ массамъ. Поэтому, при такомъ въ высшей степени полезномъ предпріятіи, вакимъ является изданіе Видмана, въ настоящее время, самая форма изложенія составляетъ самое главное условіе для ознакомленія съ содержаніемъ. Еслибы вся политическая газетная преса Германіи была бы одушевлена желаніемъ поднять значеніе суда присяжныхъ и упрочить его, то не мѣшало бы ей *подумать*, не будетъ ли полезно, вмѣсто довольно пустыхъ фельетонныхъ романовъ и темныхъ эстетическихъ разборовъ, помѣстить одновременно во всѣхъ газетахъ ясное, общедоступное и по возможности привлекательно-составленное по одному общему плану изложеніе всѣхъ обязанностей, сопряженныхъ съ должностію присяжнаго. Но, къ сожалѣнію, мы видимъ, что преса газетная большею частію не считаетъ своею обязанностію дѣйствовать на народныя массы въ вопросахъ, относящихся непосредственно до интересовъ различныхъ партій, и не служить народу средствомъ къ его образованію. Въ своихъ пустыхъ хлопотахъ объ ежегодныхъ дрязгахъ, она упускаетъ изъ виду великія и постоянныя цѣли цивилизаціи.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, на сколько упрекъ, дѣлаемый Гольдендорфомъ нѣмецкимъ газетамъ, можетъ быть примѣненъ и къ нашимъ, мы скажемъ только, что весьма желательно было бы видѣть книгу Видмана въ переводѣ на русскій языкъ, съ примѣненіемъ, конечно, не только къ вновь изданнымъ уставамъ о гласномъ судопроизводствѣ, но и къ статьямъ Свода Законовъ вообще. Польза такого изданія на русскомъ языкѣ слишкомъ очевидна чтобы о ней распространяться. Чѣмъ-то вообще будутъ руководствоваться наши присяжные при составленіи нравственнаго убѣжденія о виновности подсудимаго!...

Задатки гегелизма во французской философии, соч. Боссира (*).

Эта небольшая книжка заключаетъ въ себѣ раскрытіе одного въ высшей степени любопытнаго факта изъ исторіи новой философіи. Оказывается, что Гегель имѣлъ въ прошломъ вѣкѣ очень близкаго предшественника своей системы. И что еще удивительнѣе, предшественникъ этотъ былъ монахъ бенедиктинецъ Дешанъ, совершенно открыто проповѣдывавшій ученіе, въ конецъ разрушающее христіанскую догматику, и его начальники терпѣли это, потому что онъ ревностно исполнялъ свой христіанскій долгъ. Мало того: монахъ-философъ взялся защищать религію отъ своихъ современниковъ, свѣтскихъ философовъ. Онъ полагалъ, что не должно потрясать зданіе христіанства прежде, чѣмъ умы не будутъ подготовлены къ принятію новыхъ ученій, и издалъ два сочиненія противъ господствовавшаго тогда противухристіанскаго направленія. Болѣе послѣдовательный даже, чѣмъ многие изъ современныхъ ему мыслителей, Дешанъ понималъ необходимость согласить социальныя условія со своей философской системой и задумывалъ реформу въ духѣ коммунизма. Но, боясь повредить успѣху своего проекта раннимъ его обнародованіемъ, онъ удовольствовался тѣмъ, что обсудилъ его принципы въ перепискѣ съ нѣкоторыми передовыми мыслителями — Вольтеромъ, Дидеро, д'Аламберомъ, Руссо и другими. Но они высказали ему очень мало участія, и бенедиктинецъ, обойдѣя и безъ ихъ помощи, устремился къ развитію своей теоріи съ ревностію ересiarха. У него было нѣсколько горячихъ послѣдователей, въ томъ числѣ маркизъ Вои д'Аржансонъ; благодаря его дружбѣ, рукописи Дешана сохранились по его смерти. Копія ихъ находится въ пугатьерской библиотекѣ, съ помѣткой Д. Д. Авторъ разбираемой книги, Боссиръ, нашелъ и подлинникъ сочиненія, въ бумагахъ семейства Вои д'Аржансона. Затѣмъ изслѣдователь отыскалъ и нѣкоторые другіе дополнительные, но очень любопытные документы — письма Руссо, Вольтера, Гельвеція и другихъ къ Дом-Дешану, прокурору бенедиктинцевъ въ Монтрейль-Белле, близъ Самюра. При помощи этихъ документовъ Боссиръ предлагаетъ изложеніе философской системы Дешана. «Она представляетъ собою — говоритъ онъ — самый смѣлый социализмъ, основанный на метафизическихъ началахъ — на началахъ самого Гегеля, въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ крайняя лѣвая сторона его школы. И дѣйствительно, радикальное отрицаніе собственности и семьи — вотъ практическая сторона ученія. Повсюду, какъ въ человѣчествѣ, такъ и въ природѣ, есть только прогрессивное движеніе идеи, которая есть то же, что существо, и которая, къ своему переходу черезъ различныя свои моменты, ставитъ и разрѣшаетъ поочередно всѣ противорѣчія. Всѣ эти выводы и многіе дру-

(*) *Antécédents de l'hégélianisme dans la philosophie Française; dom Deschamps, son système et son école, d'après un manuscrit et des correspondances inédites du XVIII siècle, par E. Beaussire. Paris. 1866.*

гіе, того же рода, создались раньше лекцій Гегеля и Карла Грюна. Они принадлежат нашему XVIII вѣку, и даже не были въ немъ случайностію темною и исключительною. Они были извѣстны Вольтеру, Руссо, д'Аламберу и Дидеро. Они сгруппировали вокругъ изобрѣтателя цѣлую школу, для которой онъ былъ учителемъ въ древнемъ, пифагорейскомъ смыслѣ этого слова». Нельзя не сказать, что явленіе подобнаго мыслителя среди католическаго монастыря въ высшей степени замѣчательно. Дидеро немало потѣшался «надъ тѣмъ добродушіемъ, съ какимъ этотъ проповѣдникъ утверждалъ, что его система, посягавшая на всѣ святыни міра, совершенно невинна и не подвергала философа никакой опасности, между тѣмъ, какъ въ ней за каждую фразу можно было притянуть на костеръ». Но монахъ зналъ, какъ дѣйствовать. Онъ не скрывалъ свой образъ мысли, и послѣдній былъ терпимъ вполне, что видно изъ слѣдующихъ словъ письма одного покровителя Дешана къ епископу пюатьерскому: «Вы были бы очень несправедливы къ нему, еслибы сочли его неспособнымъ уклониться отъ философскихъ размышленій для исполненія какой-нибудь общественной или духовной обязанности. Онъ, безъ сомнѣнія, умѣетъ мыслить съ мудрыми и дѣйствовалъ такъ, какъ прилично съ немудрыми и съ тѣми, которые не считаютъ нужнымъ быть мудрыми. Обращаю ваше вниманіе на его извѣстную вамъ скромность и благоразуміе». Эта скромность и благоразуміе философа состояли, впрочемъ, только въ желаніи «обезпечить религію всевозможными огражденіями, принимая ее за необходимое посредствующее звено между наивностію и сознаниемъ». Въ своихъ преніяхъ съ современными философами, Дешанъ особенно осуждаетъ ихъ страсть разрушать существующій порядокъ вещей, не имѣя ничего, чѣмъ бы его замѣнить. И онъ, и они шли къ одной цѣли и различались въ выборѣ выгодной минуты для приведенія его въ исполненіе. Замыслы бенедиктинца были даже еще шире и строже обдуманы. Онъ утверждалъ, что противники его готовятъ ужасный переворотъ, и самъ хвалился, что преобразуетъ міръ безъ потрясеній. Во всякомъ случаѣ эта мечта свидѣтельствуетъ о серьезности его характера и рѣдко въ тотъ вѣкъ уваженіи къ значенію нравственныхъ принциповъ, въ общественномъ организмѣ. Дешанъ, настолько проницательный, что предсказываетъ революціонную бурю, какъ будто не подозреваетъ, что за переворотъ влечетъ за собою его ученіе, отрицающее семью, собственность и личную отвѣтственность. Боссиръ очень вѣрно освѣщаетъ значеніе этого ученія въ связи съ современными ему явленіями, и потому его книжка достойна полнаго вниманія какъ по фактическимъ даннымъ, въ ней заключеннымъ, такъ и по взгляду и изложенію.

Исторія французской революціи, соч. Т. Карлейля.
Перев. на французскій языкъ Е. Реньо и Одисса Баро. Т. I. (*).

(*) HISTOIRE DE LA RÉVOLUTION FRANÇAISE, par Th. Carlyle, traduit de l'anglais par E. Regnault et Odysse Barot. T. I. Paris. 1865.

Карлейль извѣстенъ у насъ болѣе по наслышкѣ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, не пользуется симпатіями русскаго общества, поэтому мы считаемъ умѣстнымъ обратить вниманіе читателей на французскій переводъ одного изъ самыхъ капитальныхъ его произведеній. Сочиненіе это, можетъ быть, оправдаетъ его равнодушіе, съ которымъ относится къ Карлейлю наше общество.

Карлейль не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые возбуждаютъ безусловное сочувствіе трезвостью своего направленія; Карлейль человекъ чрезвычайно страстный, и въ его сужденіяхъ выражаются иногда взгляды до того исключительные, что нѣтъ возможности съ ними согласиться, и остается только отнестись къ нимъ вполне объективно; и такая объективность здѣсь возможна потому, что Карлейль — художникъ, и его характеристики и картинны, каковъ бы ни былъ ихъ смыслъ, нрѣдко поразительны по своей живости, меткости и рельефности. Въ характерѣ таланта у Карлейля есть тонкая пронизательность, любовь къ подробностямъ, оригинальность языка и слога; наконецъ, страсть къ великимъ личностямъ, а не массамъ, или демократизмъ на французскій манеръ. Кромѣ того у Карлейля есть злостная, безопаднаая иронія, которою онъ мастерски владѣетъ противъ своихъ историческихъ враговъ. Въ прогрессъ, въ саморазвитіе и творчество народовъ Карлейль не слишкомъ-то вѣритъ: онъ — скептикъ; можетъ быть, потому такъ и могущественна его иронія; но вмѣстѣ съ тѣмъ она заводитъ его слишкомъ далеко. Такъ, напримѣръ, Карлейль не вѣритъ въ руководящее значеніе литературы и науки. Вѣка литературнаго развитія онъ называетъ бумажными вѣками. Онъ говоритъ: «Книжная бумага, блистающая теоріями, философіей, чувствительностью; чудное искусство не только пробуждать мысль, но и дивнымъ способомъ скрывать ее отъ насъ». Онъ осмѣиваетъ анализъ, какъ въ наукѣ, такъ, и еще болѣе, въ его жизненномъ приложеніи. «Чтобы все починить и передѣлать—говоритъ онъ—у насъ есть торжествующій анализъ. Слава торжествующему анализу! Тѣмъ не менѣе, за предѣлами лавки в лабораторіи, что сдѣлалъ торжествующій анализъ? У насъ есть бездонныя пропасти туманной логики, въ которой крутятся и исчезаютъ сперва слово и потомъ дѣло. Посмотри въ глубь: что принимаютъ за основу надежды — есть въ сущности присутствіе отчаянія, съ вѣчными теоріями человека, разумомъ человека, прогрессомъ человека, философіей правленія и такъ далѣе. Время и Монтескье, Мабли, адвокаты времени, раскрыли безчисленное множество вещей; и вотъ Жан-Жакъ издалъ свое сочиненіе — «Общественный договоръ», объясняющее всѣ тайны правленія, и даже то, какъ оно устроилось по договору и къ общему удовольствію. Теоріи правленія! Все это бывало и будетъ всегда въ вѣка упадка... и т. д.». Слова эти составляютъ замѣчательный примѣръ того, какъ далеко увлекаетъ Карлейля его скептицизмъ. Относясь съ справедливой ироніею къ фантастическимъ ученіямъ о государствѣ и гражданскомъ обществѣ,

Карлейль увлекается до того, что не щадитъ и той умственной силы человѣка, посредствомъ которой и во имя которой создались эти ученія. Онъ не умѣетъ остановиться въ пору. Называя Монтескьё и Мабли адвокатами времени, съ сочувствіемъ выставляя на видъ, что они разоблачили тайныя стороны существовавшего въ ихъ время порядка вещей, Карлейль не знаетъ, однако, въ чемъ ему найти исходъ и исцѣленіе противъ этихъ справедливыхъ обличеній. Онъ отрицаетъ не только фантастическія теоріи государства, но и явленія государственной жизни, имѣющія практическое значеніе. Вотъ что говоритъ онъ о народномъ собраніи, о выборныхъ людяхъ народа, откровенныхъ и сознательныхъ его представителяхъ: «Что можетъ сдѣлать несчастное народное собраніе? Вспомните только, что ихъ столпилось тысячу-двѣсти человѣкъ, и у всякой единицы свой собственный снарядъ мысли, свой собственный снарядъ слова. Во всякой единицѣ есть какое нибудь свое особенное вѣрованіе, своя особенная надежда относительно необходимаго возрожденія Франціи, относительно лично ему предстоящей миссіи. Тысяча-двѣсти отдѣльныхъ силъ, безпорядочно прикованныхъ къ одному предмету, безпорядочно относящихся ко всѣмъ сторонамъ предмета и обязанныхъ стрѣлять—подъ страхомъ смертной казни! Или ужъ это такъ въ порядкѣ вещей, что народныя собранія, послѣ многого шума и безконечныхъ трудовъ, не приходятъ ни къ чему? Представительныя правительства, въ сущности, можетъ быть, то же тиранія? Не приходится ли сказать, что эти тираны, эти честолюбивые спорщики, пришедшіе со всѣхъ концовъ страны, собираются, такимъ образомъ, въ одну залу и здѣсь разными движеніями и противодвиженіями, съ шумомъ, парализуютъ другъ друга, и въ результатъ даютъ *нуль*? А между тѣмъ страна управляется и руководится признанною, или непризнанною, мудростью, тамъ-самъ находящаяся головъ разныхъ личностей. Но, впрочемъ, и это было большимъ прогресомъ: потому что въ старину, во время гвельфовъ и гибелиновъ, алой и бѣлой розы, партіи парализовали и всю страну. Да кромѣ того, эти дѣлаютъ дѣло на гораздо болѣе узкомъ полѣ битвы, въ четырехъ стѣнахъ залы, съ нѣсколькими передовыми постами на бочкахъ—работаютъ языкомъ, но не саблею, что, въ искусствѣ плодить пули, можетъ считаться великимъ успѣхомъ... Собраніе въ тысячу-двѣсти человѣкъ пригодно къ одному: что нибудь разрушить. А это есть только болѣе рѣшительное примѣненіе его таланта ничего не дѣлать. Не дѣлайте ничего или возбуждайте только и обсуждайте вопросы—все разрушится само собою».

Такова неутѣшительная политическая философія Карлейля. Народное собраніе бессильно, народное собраніе—нуль—тамъ, гдѣ слово должно перейти въ дѣло. И такъ, Карлейль убѣжденъ, что у людей совѣта нѣтъ на столько энергіи, чтобы они могли быть практическими дѣятелями. Но гдѣ же искать людей истинно энергическихъ и притомъ непосвящающихъ свою энергію осуществле-

нiю какихъ нибудь фантастическихъ пренiй, а энергическихъ практиковъ общественнаго и народнаго дѣла? Тутъ, наконецъ, мы доискиваемся до положительныхъ стремленiй Карлейля. Обязанность быть народными вожатами онъ исключительно предоставляетъ нѣсколькимъ великимъ людямъ, которыхъ называетъ героями челоуѣчества. «Все, что мы видимъ совершившагося въ мирѣ, собственно говоря, есть только внѣшнiй результатъ, практическое осуществленiе и воплощенiе идей, присущихъ великимъ людямъ, посланнымъ въ миръ». Эт ихъ людей онъ называетъ образцами, покровителями и, въ широкомъ смыслѣ этого слова, творцами того, что старалась сдѣлать или чего хотѣла достигнуть вся масса людей».

Недавно мы встрѣтились съ тѣмъ же ученiемъ въ Наполеоновой «Исторiи Юлиа Цезаря», и этого было довольно, чтобы раскрыть слабыя стороны подобной теорiи. Стало быть, снова исчислять ихъ лишнее. Даже допуская въ извѣстной степени это ученiе, любопытно было бы знать, чѣмъ челоуѣчество должно руководствоваться въ выборѣ своихъ героевъ. Карлейль не даетъ на это критериума, а между историческими личностями, предъ которыми онъ преклоняется, есть нѣсколько такихъ, которыя противоположны другъ другу по стремленiямъ. И такъ, стало быть, Карлейлевское ученiе о герояхъ челоуѣчества не выдерживаетъ критики; а принявъ это несомнѣнное положенiе, мы должны будемъ отвергнуть и другiя убѣжденiя, на которыхъ англiйскiй мыслитель строить свою теорiю.

Но хотя несостоятельна политическая система Карлейля, это не лишаетъ значенiя его книгу. Сила его мысли вызываетъ на работу мысль читателя, а сила его чувства и иронiи, при художественности изложенiя, живо сообщаетъ тому, кто слѣдитъ по его книгѣ за событiями революцiи. Онъ вполнѣ живетъ той жизнью, которую изображаетъ: такъ, онъ, вмѣстѣ съ французскимъ народомъ, ненавидитъ Лудовика XV. Когда онъ описываетъ приближенiе его смерти, онъ говоритъ: «Да, умереть ли онъ? Вотъ въ настоящую минуту величайшiй вопросъ для Францiи, вотъ ея надежды; только въ этомъ смыслѣ ей любопытна смерть короля». Говоритъ ли Карлейль о скандалахъ царствованiя Лудовика XV—гнѣвъ его напоминаетъ стихи Ювенала. Онъ ненавидитъ ложь; онъ показываетъ, какимъ образомъ сильные во всѣ вѣка обманывали слабыхъ и такимъ образомъ ихъ эксплуатировали; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибавляетъ: «Если въ вихрѣ возмущеннаго общества ложь со своимъ бременемъ стремится осѣсть, за то бѣды, которыя она приноситъ, восходятъ все выше и выше». Руководясь этой мыслью, Карлейль сосредоточиваетъ содержанiе перваго тома «Исторiи Революцiи» около знаменитаго перваго акта народной мести, взятiя Бастилии. Тщетно Марiа-Антуанета старается приобрѣсти себѣ популярность: «Молодое и нѣжное сердце призрѣваетъ сиротъ, даетъ приданое бѣднымъ дѣвушкамъ, помогаетъ нищему, всякому нищему, который живописно встрѣ-

чается на ея дорогѣ. Тщетно стараются, украшая Парижъ, привлечь народное раздраженіе. Народъ подъ стѣнами Бастиліи. Правительство встревожено и принимаетъ угрожающій видъ. Собираются войска. Но его же пушки обращаются противъ него, и Бастилія взята.

Мы не думали знакомить подробно съ книгой Карлейля, а только хотѣли вкратцѣ намекнуть на ея достоинства и недостатки.

Литературная исторія нравственнаго и религіознаго воспитанія во Франціи и романской Швейцаріи. Соч. Л. Бюрнье (*).

О воспитаніи писано очень много; но объ исторіи воспитанія, особенно во Франціи, французская литература не имѣетъ особенно хорошихъ сочиненій. Бюрнье даетъ исторію французской педагогикѣ съ кальвинистской точки зрѣнія. Онъ, разумѣется, не перечисляетъ весь составъ педагогической литературы, но все-таки называетъ двѣсти тридцать-шесть писателей, изъ которыхъ впрочемъ только шестеро раньше XVII вѣка. Первый—кавалеръ де-ла Туръ Ландрю, который въ 1372 году написалъ книгу, для поученія замужнимъ женщинамъ и дѣвицамъ на выданье; въ ней встрѣчается много любопытныхъ данныхъ о нравахъ и идеяхъ его времени, но немногое только относится къ педагогикѣ. Затѣмъ являются писатели эпохи возрожденія: Вивесъ, Эразмъ, Амю, Рабле, Монтанъ, Шаронъ. Отличительная черта ихъ—пренебреженіе религіознаго элемента въ воспитаніи. Съ XVII вѣка является послѣдній, но только у писателей католическихъ, потому что протестанты слишкомъ гонимы, и имъ некогда заниматься вопросами педагогики. Въ XVIII вѣкѣ опять упадокъ религіи и торжество философіи; наконецъ, въ наше время крайнее смѣшеніе всевозможныхъ направленій. Какъ ревностный кальвинистъ, Бюрнье между современными педагогами становится на сторону своихъ единовѣрцевъ. Онъ строго осуждаетъ и фампльно-набожные католическія тенденціи, и рационализмъ всѣхъ оттѣнковъ; даже между протестантскими педагогами, онъ хвалитъ только немногихъ и впадаетъ въ одностороннюю жесткость и нетерпимость; изъ этого видно, что авторъ не умѣлъ возвыситься до полнаго безпристрастія, и потому его сочиненіе представляетъ интересъ слишкомъ исключительный.

Женщина о женщинахъ, графини Дора д'Истрія (**).

Духъ женщинъ нашего времени, соч. Камиллы Сельдавъ (***).

(*) HISTOIRE LITTÉRAIRE DEL'ÉDUCATION MORALE ET RELIGIEUSE EN FRANCE ET DANS LA SUISSE ROMANDE, par L. Burnier. 2 vols. Lausanne. 1865.

(**) DES FEMMES PAR UNE FEMME, par m-me Dora d'Istria. Paris. 2 vols. 1865.

(***) L'ESPRIT DES FEMMES DE NOTRE TEMPS, par Camille Selden. Paris.

Тагъ-называемый женскій вопросъ есть, безъ сомнѣнія, одна изъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ задачъ, которыя поставила передъ собою современная Европа. Обиліе и противорѣчивость взглядовъ, крайности новыхъ требованій и крутое отстаиваніе преданій, неразработанность фактической стороны задачи — все это въ женскомъ вопросѣ до такой степени сильно, что онъ, несмотря на множество писаннаго по этому поводу, представляется очень далекимъ отъ практики. Хотя въ наше время и признано нравственное равенство женщины съ мужчиной, но, по большей части, оно не упрочено законодательствомъ и правами. Равенство умственное, напротивъ того, еще находить себѣ противниковъ. Но надо отдать справедливость женщинамъ, что въ этомъ случаѣ онѣ сами, живимъ фактомъ своей дѣятельности, постарались опровергнуть невыгодное о нихъ мнѣніе. Авторъ сочиненія, котораго заглавіе выписано выше, графиня Дора д'Истрія требуетъ справедливости въ сужденіяхъ о женщинахъ, разбираетъ и защищаетъ всѣ права ихъ, какъ на нравственное, такъ и на умственное равенство съ мужчиной. На книгѣ написанъ слѣдующій, заимствованный изъ Вольтера эпиграфъ: «идея справедливости кажется мнѣ истинной первостепенной важности». Впрочемъ, сочиненіе это, раздѣленное на двѣ части, изъ которыхъ первая посвящена обществу романскому, а вторая германскому, не есть полемическое: хотя авторъ и касается въ ней и психологической, и физиологической стороны вопроса, но говорить о нихъ лишь вкратцѣ. Гораздо болѣе занимаетъ современное состояніе вопроса, то-есть дѣйствительное положеніе европейской женщины, частное и общественное. Графиня Дора д'Истрія дѣлаетъ характеристику женщины во Франціи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Германіи, Англии, Бельгіи, Голландіи и Скандинавскихъ королевствахъ, изображаетъ ея юридическое положеніе и общественное вліяніе, перечисляетъ главныя женскія личности въ каждомъ народѣ и приводитъ сужденіе о женщинахъ изъ разныхъ литературъ. Это нѣчто въ родѣ справочной энциклопедіи по женскому вопросу. Авторъ не скрываетъ тѣхъ слабостей, которыя свойственны его полу, ни тѣхъ возраженій, которыя дѣлаются противъ эманципации женщинъ; поэтому и въ фактической части сочиненія мы встрѣчаемъ рядомъ съ женскими знаменитостями, личности, которыя обязаны своей славой одному скандалу; такъ напримѣръ, находится очеркъ жизни и походовъ извѣстной Лолы Монтесть. Тѣмъ не менѣе, точка зрѣнія и цѣль автора очевидны: госпожа Дора д'Истрія хочетъ, чтобы женщина въ частномъ и общественномъ быту получила равныя права съ мужчиной; что касается правъ политическихъ, то г-жа Дора д'Истрія о нихъ умалчиваетъ, хотя впрочемъ и тутъ она могла бы сослаться на авторитетъ Миля, который, какъ извѣстно, доказываетъ необходимость предоставлять женщинамъ равноправность и въ отношеніяхъ политическихъ. Франція, разумѣется, отведена въ сочиненіи наибольшее мѣсто; авторъ горячо оспариваетъ извѣстныя мнѣнія Прудона, Миля и

др. Книга вообще написана живо и интересно, хотя обиліе фактовъ дѣлаеть ея содержаніе нѣсколько сбитымъ.

Камилла Сельданъ есть псевдонимъ какой-то неизвѣстной особы, которая года два или три тому назадъ подарила французской литературѣ прекрасный романъ: «Даніель Влади», оставшійся однако совершенно незамѣченнымъ. Появленіе новаго сочиненія этого автора обратило на него вниманіе критиковъ и заставило ихъ вспомнить о забытомъ романѣ. И дѣйствительно, «Духъ женщинъ нашего времени»—книга очень любопытная. Впрочемъ, не должно ошибаться на счетъ истиннаго ея содержанія; это не общій очеркъ современной женщины, подъ вліяніемъ новѣйшей цивилизаціи, характеристики трехъ женскихъ личностей, наиболѣе симпатичныхъ автору и принадлежащихъ къ разнымъ народностямъ. Эти личности—Евгенія Геренсъ—французженка, типъ молодой дѣвушки, выросшей въ благочестивомъ католическомъ и дворянскомъ семействѣ, Рахиль Френгагенъ—нѣмецкая жидовка, свѣтская дама, и Шарлота Бранте—англичанка, извѣстная подъ псевдонимомъ Кореръ Белль, протестантка, родомъ изъ буржуазнаго семейства. Вѣрнымъ очеркомъ этихъ трехъ лицъ, г-жа Камилла Сельданъ хотѣла протестовать противъ ложнаго направленія, которое господствуетъ въ литературѣ, безъ сомнѣнія, французской, относительно воспроизведенія современнаго женскаго типа. Какъ въ романѣ своемъ она догадывала, что для развитія художественной натуры вовсе не необходимо исключительной обстановки жизни, такъ въ этихъ очеркахъ она проводитъ ту мысль, что женщина можетъ питать въ себѣ высшее развитіе, не оставляя своихъ домашнихъ житейскихъ заботъ. Умѣнье примирить то и другое составляетъ, по мнѣнію автора, лучшее украшеніе въ характерѣ его героинь, и потому-то онѣ и взяты образцами для опредѣленія современнаго женскаго типа. Несмотря на различіе условій происхожденія, религіи, національности этихъ женщинъ, онѣ отличаются одинаковымъ реальнымъ благородствомъ своей природы, которое и составляетъ отличительную идеальную черту женскаго типа нашего времени. Таковъ взглядъ автора. Что касается изложенія, то оно очень привлекательно: авторъ рассказываетъ очень живописно и чрезвычайно метко рисуетъ душевный міръ своихъ героинь.

Война и ея отношенія къ миру, К. Ф. Пфнора (*).

Авторъ этой книги, извѣстный въ нѣмецкой литературѣ своими философскими сочиненіями, принималъ участіе въ кровопролитныхъ войнахъ временъ Наполеона 1-го и, несмотря на всѣ труды и лишенія, вынашіе на его долю въ молодости, пользуется до сихъ поръ хорошимъ здоровьемъ и хранитъ бла-

(*) DER KRIEG, SEINE MITTEL UND WEGE, so wie sein Verhältniss zum Frieden. Von C. F. C. Pfnor, grossherzoglich badischen Oberlieutenant des Armeecorps. 1864.

городную любовь къ наукѣ. Вообще г. Пфноръ принадлежитъ къ числу людей, которыхъ нельзя не уважать, хотя съ ихъ мнѣніями можно и не соглашаться. Онъ познакомился съ войною во время испанской кампаніи, подъ предводительствомъ г. Дюпона. Въ составъ французскаго корпуса вошелъ тогда отрядъ голандской или батавской арміи, въ которой служилъ г. Пфноръ. По окончаніи этого похода онъ перешелъ на службу въ баденскому великому герцогу и былъ свидѣтелемъ бѣдствій, постигшихъ полчища Наполеона во время войны его съ Россіею. Сочиненіе г. Пфнора раздѣляется собственно на двѣ части — историческую и умозрительную. Первая названа имъ субъективною, потому что въ ней заключается личный взглядъ его на событія, въ которыхъ принималъ онъ участіе. По мнѣнію автора, причиною звѣрскаго характера испанской войны была извѣстная катастрофа, постигшая армію Дюпона. Этотъ человекъ не имѣлъ военнаго таланта, но такъ-какъ Наполеонъ желалъ наградить его маршальскимъ жезломъ за дипломатическую услугу, то и далъ ему случай отличиться, предполагая, что одержать нѣсколько побѣдъ надъ испанцами можно и неслишкомъ даровитому генералу. Это была съ его стороны огромная ошибка. Французы потерпѣли неудачу, вслѣдствіе которой ожесточеніе обонхъ воюющихъ народовъ достигло высшей степени. Авторъ полагаетъ даже, что поздѣйшая перемѣна въ судьбѣ Наполеона и Франціи имѣла здѣсь свое начало. Нашествіе на Россію признаетъ онъ также роковой ошибкою гениальнаго полководца, который былъ увѣренъ, что Австрія и Прусія ни въ какомъ случаѣ не посмѣютъ отложиться отъ него, и не понявъ характера Александра I-го, думалъ, что ему придется вести войну только съ старинной боярской партіею и англійской политикою. Впродолженіе этого похода г. Пфноръ получилъ орденъ почетнаго легіона и лестный отзывъ «Монитѣра». Въ лейпцигскомъ сраженіи земля вокругъ него была въ буквальномъ смыслѣ вспахана пушечными ядрами, и весь мундиръ на немъ залитъ кровью и обрызганъ мозгомъ убитыхъ товарищей. Г. Пфноръ увѣренъ, что Наполеонъ не былъ бы разбитъ подъ Лейпцигомъ, еслибы онъ присоединилъ къ своей арміи корпусъ Даву и отрядъ Сен-Сира, которые находились въ Гамбургѣ и Дрезденѣ. Съ этими силами онъ могъ бы побѣдить союзниковъ, принять угрожающее положеніе, отступить къ Рейну и, сдѣлавши его своимъ операціоннымъ базисомъ, заключить миръ совершенно на нныхъ условіяхъ. Блюхеръ, по его мнѣнію, обязанъ усиліемъ своего смѣлаго марша на Парижъ нерѣшимости маршала Мармона. Что же касается Шварценберга, то онъ увѣряетъ, что, за исключеніемъ австрійцевъ, вся союзная армія сомнѣвалась въ военныхъ способностяхъ этого фельдмаршала, и что его считали даже измѣнникомъ. За рассказомъ о событіяхъ слѣдуетъ изложеніе философскаго взгляда на войну. Авторъ признаетъ ее отрицательнымъ, а миръ положительнымъ

Т. СLX. — Отд. II.

принципомъ въ жизни націй. Посреди этихъ двухъ началъ находится индифференцпунктъ, общая, безразличная точка, которая бываетъ или реальная, заключающаяся въ какомъ нибудь спорномъ предметѣ націй, или идеальная, состоящая въ нравственныхъ и умственныхъ ея интересахъ и склонностяхъ Мысль свою выражаетъ онъ формулою — $0 \pm$. Процессъ человѣческаго развитія обнаруживается постоянно въ замѣнѣ другъ другомъ этихъ двухъ противоположныхъ началъ, которыя вращаются около индифференцпункта хорошо или дурно понятыхъ національныхъ интересовъ. Война есть темная, какъ ночь послѣ дня, и день послѣ ночи. Народы и государства представляютъ соединенія отдѣльныхъ лицъ, семействъ и племенъ. Въ нихъ заключается по необходимости принципъ исключительности и отрицанія, обнаруживающійся при всякомъ столкновеніи двухъ націй въ видѣ войны или мира. Дуализмъ этотъ проявляется материально въ простѣйшемъ орудіи движенія—въ рычагѣ, сила котораго имѣетъ идеальный, самоопредѣляющій и потому отталкивающій, отрицательный характеръ, входящій въ соотношеніе въ точкѣ опоры $= 0$ со всякою данною положительною, живой силою. Также и въ человѣческомъ сознаніи обнаруживается взаимное тяготѣніе обоихъ началъ къ этой безразличной точкѣ. Сама себя опредѣляющая отвлеченная сила, духъ, свобода составляютъ одно начало, тогда какъ тотъ же элементъ, заключенный въ мыслящемъ организмѣ, образуетъ другой принципъ. Народы и государства, для того чтобы совершить актъ тяготѣнія, должны встрѣчаться или на отрицательной сторонѣ (война), или на положительной (миръ). Промежуточное положеніе, чуждое войны и мира, этотъ индифференцпунктъ $= 0$, можетъ существовать только между государствами, которыя не имѣютъ никакихъ отношеній другъ къ другу, которыя, находясь въ изолированномъ положеніи, не живутъ, но прозябаютъ. Естественной цѣлью войны долженъ быть миръ, ведущій за собою господство разума, побѣду свободы и права надъ несправедливостью. Упомянувъ коротко о древнихъ и средневѣковыхъ войнахъ, которыя, за немногими исключеніями, не имѣли разумной цѣли, авторъ останавливается съ уваженіемъ на войнахъ Наполеона I-го, которыя были будто бы направлены къ достиженію «общаго мира». Наполеонъ завоеванныя имъ части Италіи обратилъ, по образцу французской республики, въ самостоятельныя, свободныя государства, изъ завоеванной Голандіи создалъ батавскую республику, къ Франціи присоединилъ онъ только тѣ рейнскія провинціи, которыя должны были принадлежать ей по вердюнскому договору, и которыя при началѣ войны сами бросились въ объятія его арміи. Онъ не овладѣлъ, какъ дѣлалось прежде, землями средней и южной Германіи, искавшими его покровительства, но составилъ изъ нихъ Рейнскій Союзъ и объявилъ себя его протекторомъ. Словомъ, авторъ убѣжденъ, что Наполеонъ во всѣхъ

своихъ войнахъ преслѣдовалъ «общую мирную цѣль», къ которой постоянно стремился. Только войну съ Россією не можетъ облагородить онъ мирными тенденціями, сознавая, что она была похожа болѣе «на походъ Атилы, или Тамерлана, нежели на военныя дѣйствія нашей эры». Пусть Наполеонъ остается во мнѣніи автора величайшимъ благодѣтелемъ Европы, но—да избавитъ судьба родъ человѣческій отъ такихъ ревнителей *мирнаго* прогреса! Авось и безъ нихъ дѣло обойдется. Далѣе г. Пфноръ говоритъ о войскахъ, какъ представителѣ силы и чести своей націи при ея столкновеніяхъ съ другими государствами, о военномъ вѣдомствѣ, крѣпостяхъ, арсеналахъ, артилеріи, дисциплинѣ, вооруженіи и т. д. 3-я глава 4-го отдѣла посвящена мыслямъ о военной наукѣ. Авторъ недоволенъ теоретическими книгами по этой части. Лучшимъ сочиненіемъ признаетъ онъ «Основанія стратегіи, объясненныя походомъ 1796 г. въ Германію», эрцгерцога Карла. Это, по его мнѣнію—единственное произведеніе, гдѣ авторъ отправляется отъ строго-опредѣленной точки зрѣнія, произведеніе не только интересное, но и полезное для всякаго образованнаго офицера. Книга заключается указаніемъ на дурныя послѣдствія разъединенія Германіи, на страсть къ удовольствіямъ, апатію, бездѣйствіе высшихъ и своеволие низшихъ классовъ общества. При такихъ условіяхъ, говоритъ г. Пфноръ, нація всегда будетъ чувствовать недостатокъ во внѣшнихъ средствахъ и внутренней энергіи для борьбы со страстями, которыя возстаютъ со всѣхъ сторонъ.

Исторія 1815 года, I-й томъ. Г. Бейтце (*).

Знаменитый историкъ германской войны за свободу г. Бейтце смотритъ на дѣйствія Наполеона I-го въ продолженіе извѣстныхъ ста дней едва-ли не снисходительнѣе всѣхъ другихъ изслѣдователей этого событія, непринлежащихъ къ лагерю бонапартистовъ. Въ отношеніи къ начитанности онъ, по собственному сознанию, уступаетъ многимъ изъ своихъ соперниковъ; но тонкая оцѣнка вихорившихся у него подъ рукою матеріаловъ, вѣрный взглядъ на факты, умѣнье живо изобразить ихъ, и то благородно-патриотическое чувство, которымъ пронизанъ его рассказъ, даютъ г. Бейтце огромное преимущество передъ большей частью другихъ историковъ. Онъ справедливо думаетъ, что самовольный возвратъ Наполеона во Францію представляетъ самое блестящее торжество силы генія надъ враждебными ему обстоятельствами. «Король плеебевъ» съ горстью преданныхъ ему спутниковъ, обнаживъ меча, завоевываетъ отнятую у него Францію—развѣ это не удивительный подвигъ? Бѣгство Наполеона съ Эльбы достойно не менѣе семилѣтней войны вардильскаго поклоненія героизму. Авторъ удивляется геніальности Наполеона, обнару-

(*) GESCHICHTE DES JAHRKS 1815. ERSTER BAND. VON DR. H. BEITZKE. 1865.

женой имъ во время трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ его царствованія. Не одинъ Бейтцке, но очень многіе историки признають войну 1815 года кампанією европейскихъ правительствъ противъ Наполеона, которая только вслѣдствіе безпредѣльной ненависти народовъ къ этому деспоту получила отчасти характеръ народной войны. Очень понятна также причина непріязненнаго чувства французомъ ко второму парижскому миру. Если самовольно присвоенная Наполеономъ верховная власть была вопіющимъ нарушеніемъ права, то представляется вопросъ: веденная лично противъ него война должна ли была кончиться отнятіемъ у Франціи законно-принадлежавшихъ ей владѣній? Можетъ быть, авторъ заходитъ слишкомъ далеко, считая войну противъ Наполеона заблужденіемъ легитимистовъ. Наполеонъ за годъ до этого объявилъ, что честь не позволяеть ему принять границы Франціи 1792 г. Эта гордость должна была рано или поздно повести къ новой войнѣ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ обязанъ престоломъ мечтавшему только о военной славѣ войску. Недовольные итальянцы имѣли сношенія съ императоромъ, когда жилъ онъ на Эльбѣ, и первое извѣстіе о его бѣгствѣ отсюда привело въ такое взволнованное состояніе всю южную Европу, что одна метко брошенная искра могла произвестъ страшный взрывъ. Если принять въ соображеніе эти обстоятельства, то нельзя не сознаться, что возвышеніе Наполеона было очень опасно для спокойствія Европы. Впрочемъ, трудъ г. Бейтцке неконченъ еще. Когда явится второй томъ, мы дадимъ болѣе подробный отчетъ о полномъ содержаніи этой замѣчательной книги.

Исторія Восточнофранкской Имперіи. II томъ. Послѣдніе каролинги. Конрадъ 1. Эрнста Дюмлера (*).

Г. Дюмлеръ почти вслѣдъ за первымъ томомъ издалъ второй, въ которомъ описывается царствованіе наслѣдниковъ Лудовика Нѣмецкаго и Конрада 1. Если продолженіе этой мастерской обработки историческихъ данныхъ и уступаетъ нѣсколько по своимъ достоинствамъ началу ея, то виновать не авторъ, но крайній недостатокъ источниковъ. Потому-то взаимныя отношенія между восточнофранкской имперією и другими землями, отдѣлившимися отъ общей монархіи Карла-Великаго, опредѣляются не вполне ясно. Авторъ и здѣсь нестрого держался хронологическаго порядка, но соединялъ факты въ сложныя картины на основаніи внутренней ихъ связи. Исторія Франціи, Италіи и формировавшейся Бургундіи въ царствованіе сыновей Лудовика Нѣмецкаго и внука его Арнульфа почти такъ же ясна, какъ политическое развитіе германскихъ племенъ. Но въ правленіе Лудовика-Дитяти и Конрада первыя три страны все глубже уходятъ на задній планъ. Разсказъ отличается тѣми же качествами, ко-

(*) GESCHICHTE DES OSTFRÄNKISCHEN REICHES. II Band. Die letzten Karolinger. Konrad 1. Von Ernst Dümmler. 1865.

тория заслужили общее одобрение критиковъ при одѣжкѣ перваго тома. Г. Дюмлеръ первый обратилъ вниманіе на многіе непечатанные еще матеріалы и нѣкоторые изъ нихъ сообщили очень подробно. Онъ не любитъ смѣлыхъ комбинацій и безпошадно возстаетъ противъ произвольныхъ приемовъ Гфрѣрера и Лео. Впрочемъ, эта осторожность не препятствуетъ ему смотрѣть на событія съ новой, удачно-избранной точки зрѣнія. Такъ, напримеръ, очень хорошо объяснилъ онъ политику законныхъ франкскихъ королей, направленную противъ похитителей власти Бозо и Гуго въ 879 г., и выдѣленіе отдѣльныхъ національностей изъ монархіи Карла III. Языкъ вообще хорошъ, и разсказъ чуждъ неумѣстнаго резонерства.

Суевѣріе и обычаи въ Богеміи и Моравіи, Іосифа Громана.

Г. Громанъ, извѣстный уже своими трудами по части богемскихъ древностей, говорить, что суевѣрные преданія и обычаи, удерживающіеся въ нѣмецкомъ населеніи Богеміи, были бы необъяснимы, если отдѣлить ихъ отъ славянской старины. Многіе обычаи тамошнихъ нѣмцевъ объясняются только миеологіею славянъ, которой нельзя не признать источникомъ нѣмецкихъ преданій. Книга его тѣмъ интереснѣе, что онъ умѣлъ соединить свои изслѣдованія съ историческими фактами. «Въ первые вѣка богемской исторіи — мншетъ онъ — между нѣмцами и славянами существовали такія духовныя сношенія, которымъ едва можно повѣрить, особенно если мы обратимъ вниманіе на то, что въ одиннадцатомъ столѣтнн нѣмецкнй элементъ богемскаго народонаселенія состоялъ только изъ нѣсколькихъ пражскихъ купцовъ и евреевъ». Знатокамъ русской старины не мѣшало бы, кажется, обратить вниманіе на эту книгу. Нельзя допустить, чтобы не было тѣсной связи между богемскими преданіями и тѣмъ, что удерживается до сихъ поръ въ памяти русскаго народа, что относится къ его суевѣрію, демонологіи и т. д. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Богемцы для укрощенія мелюзинны — такъ называютъ они вихрь, бурю — владуть на вѣтви сливы муку для того, чтобы вѣтеръ развѣялъ ее. У многихъ народовъ существуетъ повѣрье, что души умершихъ и духи носятя въ воздухѣ и живутъ на деревьяхъ и въ можжевельномъ кустарникѣ. Корни этого преданія таятся, вѣроятно, въ глубокой древности, слѣды которой до сихъ поръ остаются въ дѣйствительной жизни нецивилизованныхъ народовъ. Мы говорили недавно, что сингалурскіе аборигены живутъ на деревьяхъ. Въ Африкѣ, южной Америкѣ, Новой Зеландіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ дивари удерживаютъ привычку къ устройству такихъ воздушныхъ жилищъ. Вивьен-де-Сен-Мартенъ говоритъ, что въ южныхъ провинціяхъ Китая живутъ цѣлыя семьи подъ сводами переплетенныхъ кустовъ. Можетъ быть, въ глубокой древности такой способъ домостройства былъ несравненно въ большемъ употребленіи. Не-

даромъ же гласить наша сказка, что Соловей-Разбойникъ виталъ на дубу, или даже на двѣнадцати дубахъ. Самая архитектура жилья нашей Бабы-Яги, эта избушка на курьихъ ножкахъ, повертывающаяся къ лѣсу задомъ, а къ гостю передомъ; даже ступа, въ которой развѣзжала она, заметая слѣдъ свой—все это намекаетъ на исторію происхожденія и широкую общность богемскаго преданія. Тамъ держится еще обычай, вслѣдствіе котораго дѣти первую горсть собранной земляники кладутъ на древесный пенъ, въ даръ бѣднымъ душамъ. Въ одной моравской пѣснѣ говорится, что вылетѣвшая изъ тѣла душа садится на вершину роши. Въ Кёнигингоферской рукописи сказано, что душа Власлава взлетѣла на дерево и потомъ перепархивала съ одного изъ нихъ на другое. Можно бы, кажется, употребленіе можжевельника въ похоронномъ обрядѣ объяснить преданіемъ, по которому души умершихъ избираютъ именно можжевеловые кусты для своего загробнаго жилища. Для того, чтобы узнать мѣсто, гдѣ лежитъ подъ водою трупъ утопленника, въ Богеміи зажигаютъ освященную восковую свѣчу и, воткнувъ ее въ дощечку, пускаютъ по рѣкѣ. Гдѣ остановится она, тамъ и начинаютъ искать утопленника. Кажется, этотъ приемъ употребляется и въ нашихъ деревняхъ. Англичане, ирландцы и сѣверо-американскіе индійцы, вмѣсто свѣчи, употребляютъ съ той же цѣлью ртуть, положенную въ хлѣбный мякишъ. Въ богемскомъ повѣр'ѣ, что слезы, проливаемые объ умершемъ, неприяты или вредны ему, звучатъ также отголосокъ широко-распространеннаго преданія. Наши простолюдины и люди средняго сословія забираются, какъ извѣстно, на кладбища съ самоварчиками, водочкой, кулебякой и разными закусками. Поклонившись безмолвно, или съ причитаньями враку усопшаго, начинаютъ они пить и ѣсть за упокой души его, причемъ неумѣренные весьма часто напиваются до пьяна. Послѣ похоронъ приглашаются у насъ обыкновенно всѣ провожавшіе покойника «помянуть» его. Исключительно для этихъ поминковъ при кладбищахъ устроиваются гостиницы. Въ началѣ стола подаютъ обыкновенно блины, въ заключеніе кисель, или чтонибудь похитрѣе въ этомъ родѣ. Послѣ обѣда слѣдуетъ такъ-называемая «заупокойная чаша»: присутствующимъ разносятъ наполненные медомъ и пивомъ стаканы. Отказываться никто не долженъ, всякій обязанъ хоть немножко выпить. Богемцы вѣрятъ, что умершая мать не перестаетъ заботиться о своихъ дѣтахъ, что души принимаютъ порою видъ птицы, и что трава и цвѣты, вырастающіе на могилахъ—символь безсмертія души. Все это отзывается чѣмъ-то близкимъ, роднымъ русскому человѣку. Подождемъ, что скажетъ г. Громанъ во второй части, которая не вышла еще.

Проблема языка и исторія его развитія, г. Германа (*).

(*) *Das Probleme der Sprache und seine Entwicklung in der Geschichte*, von Pr. Dr. Hermann. 1865.

Г. Германъ начинаеть исторію философіи языка взглядомъ на этотъ предметъ Гераклита, Демокрита, Платона, Аристотеля, и потому уже переходитъ къ Монбеддо и новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Древніе греки слѣдили исключительно за отношеніемъ слова къ предметамъ, которые выражаетъ оно, тогда-какъ новѣйшіе филологи обращаютъ особенное вниманіе на внутреннюю связь его съ мышленіемъ. Отсюда обнаруживается ясно противоположность обонхъ направленій. Сверхъ того основаніе современныхъ изслѣдованій несравненно шире, потому что теперь принимаются во вниманіе всѣ извѣстные языки, на которыхъ говорятъ обитатели разныхъ частей земли. Очевидно, что въ наше время не существуетъ той узкой рамки, изъ-за которой не выступали греки, изучавшіе духъ и строеніе только своего роднаго языка. При этихъ преимуществахъ новѣйшаго взгляда, философія языка возведена въ самостоятельную науку, тѣсно связанную съ характеромъ духа человѣческаго. Греки шли отъ идеи языка и, при помощи умозрѣнія, достигали подраздѣленій рѣчи на ея составныя части. Этимъ логическо-грамматическимъ направленіемъ заключались труды александрійской школы. Въ средневѣковой Германіи эмпирическая обработка языковѣдѣнія началась тѣмъ же путемъ—отъ филологій перешла къ лингвистикѣ и, наконецъ, къ философскому взгляду, который былъ вызванъ мыслями о происхожденіи языка. Авторъ, объяснивъ теорію Гердера, В. Гумбольдта и Гримма, излагаетъ свое мнѣніе о томъ, что начало языка современно развитію мышленія, т.-е. тому періоду, когда чисто-животныя побужденія переходятъ въ ясное сознаніе. Это собственно взглядъ Штейнтала. Дальнѣйшія мнѣнія о языкѣ, высказанныя со времени Гумбольдта, изложены авторомъ съ той ясностью, какой отличаются и его собственные изслѣдованія. Вообще, какъ историческая, такъ и теоретическая часть этого ученаго труда заслужили очень лестный отзывъ критики.

Историческіе и философическіе опыты, В. Сеніора (*).

Г. Сеніоръ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей утилитарной и рациональной школы. Онъ признавалъ несовершенными всѣ доктрины, всѣ учрежденія, былъ убѣжденъ въ необходимости ихъ преобразованія и отвергалъ пользу вліянія авторитарности, потому что оно стѣсняетъ независимую дѣятельность разума. Едва-ли самъ Вольтеръ смотрѣлъ неприязненно на дѣла человѣческія. Впрочемъ, причиною этой неприязни былъ не абсолютный скептицизмъ и не сварливый характеръ г. Сеніора, но желаніе подвести людскія дѣянія подъ общій уровень здраваго смысла, хотя онъ и заходилъ порою слишкомъ далеко. Отличительный характеръ его ума и направленія обнаруживается осо-

(*) HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ESSAYS, by Nassau W. Senior. 1866.

бенно рѣзко въ статьѣ «Франція, Америка и Британія». Здѣсь, на 140 стр., вполне развитъ многосторонній взглядъ автора на эти три націи. Говоря о Франціи, онъ высказываетъ свои мнѣнія о ея политическомъ образованіи, тщеславіи, гордости, честолюбіи, безнравственности, дерзости, неосновательномъ опасеніи на счетъ нашествія на нее враговъ, о недостаткѣ въ ней симпатіи и великодушія. Въ американцахъ не нравятся ему національная ихъ гордость, ихъ слышомъ большая вѣра въ свое будущее, дурно-направленныя попытки приобрѣсти вліяніе на Англію, раздражительность, неблагоразумный обычай вѣрить высшую власть необразованнымъ людямъ и т. д. Своей родинѣ также не падить г. Сеніоръ. Статья эта богата указаніями на историческіе факты, которые хотя и многимъ извѣстны, но по большей части поверхностно, только по имени. Ее можно отнести къ числу самыхъ энергическихъ и умныхъ нападокъ вообще на человѣчество, какіе только можно найти въ новой литературѣ. Америка и преимущественно Франція осуждены въ ней окончательно. Англія хотя и заслужила строгое порицаніе, однако, пощажена нѣсколько за одну или двѣ хорошія черты ея національнаго характера. Но особенно замѣчательны статьи, написанныя авторомъ по поводу «Закона о бѣдныхъ». Онъ глубоко изучилъ исторію этого вопроса и даже принималъ участіе въ его юридической обработкѣ. Читая эти статьи, можно подумать, что большая часть англійскихъ законодателей состояла изъ поимѣшанныхъ людей, которыхъ слѣдовало бы заключить въ домъ сумасшедшихъ, еслибъ можно было найти смотрителей, которые превышали бы ихъ здравомысліемъ. Тутъ, разумѣется, многое преувеличено. Нельзя не сознаться, что авторъ порою принимаетъ на себя роль школьнаго учителя и распекаетъ за ошибки, какъ сержантъ. Однакоже, несмотря на это, онъ высказываетъ очень много дѣльныхъ мыслей и анализируетъ темную сторону вопроса съ неотразимой логикою. Цинизма и насмѣшекъ нѣтъ въ его анализѣ, но только чересчуръ силенъ тотъ педагогическій элементъ, котораго такъ не жалуютъ вообще взрослые люди. Чтѣ бы ни говорили, но утилитарная школа принесла Англіи большую пользу. Въ этомъ отношеніи Бентама и его послѣдователей никакъ нельзя сравнивать съ догматиками или идеалистами. Всѣ важнѣйшія социальныя реформы, измѣнившія строй англійскаго общества въ послѣднее время, были не только организованы при содѣйствіи утилитарной школы, но даже самая инициатива этихъ преобразованій принадлежитъ ей по преимуществу. И однакоже, едва ли существовали на свѣтѣ мыслители, которые возбуждали бы менше энтузіазма и были бы такъ мало вознаграждены за свои заслуги. Но обратимся къ книгѣ г. Сеніора. Начало закона о бѣдныхъ относится къ XIV столѣтію. Онъ явился впервые при Эдуардѣ III въ 1349 г., подъ видомъ «Земледѣльческаго устава». Главный предметъ его заключался въ опредѣленіи максимума заработной платы, которую земледѣлецъ обязанъ былъ принять, если ему

предлагають ее, въ строгомъ наказаніи за бродяжничество и въ припискѣ неспособныхъ работать бѣдняковъ къ тѣмъ приходамъ, гдѣ родились они и гдѣ должны оставаться до конца своей жизни. Цѣлый рядъ послѣдовательныхъ законодательствъ запрещалъ перемѣну занятія и самовольную отлучку изъ опредѣленной мѣстности для отыскиванія себѣ работы. Вслѣдствіе этихъ постановленій, англійскіе земледѣльцы обращались рѣшительно въ невольниковъ. Такова была первая система. Когда правительство сознало практическую невозможность установить опредѣленную цѣну за трудъ, оно отмѣнило прежніе законы и обратилось преимущественно къ облегченію участи убогихъ. Законъ не воспрещалъ уже бѣднякамъ отыскивать работы на чужой сторонѣ, но были учреждены особые надсмотрщики, обязанные удалять пришлыхъ работниковъ, еслибы вздумали они поселиться тамъ, гдѣ нашли для себя занятіе. Также была установлена такса на вспоможеніе неспособнымъ къ работѣ. Это — вторая система. Власть, данная надсмотрщикамъ удалять рабочихъ, вызвала очень естественный вопросъ — куда же удалять ихъ? Рѣшеніе этого вопроса привело послѣдовательно къ закону о припискѣ къ мѣсту жительства, объ осѣлости. Такса на пособіе бесильнымъ (impotent) была также причиною расширенія смысла, приданнаго слову бѣдный (poor), подъ которымъ стали разумѣть не только неспособныхъ къ работѣ людей, но вообще народъ, неимѣющій порядочной собственности. Вслѣдствіе этого земледѣльцы были систематически включены въ категорію пролетаріевъ. Каждый изъ нихъ принадлежалъ къ тому приходу, гдѣ находилось его законное мѣстожительство. Тамъ только могъ получить онъ такъ-называемыя «кормовыя» (allowance), и — говоря вообще — тамъ только могъ онъ достать себѣ работу. Законъ опредѣлялъ мѣсто его осѣлости, мѣстная власть исчисляла его валовой доходъ, община рѣшала, сколько долженъ получать онъ заработной платы и сколько кормовыхъ, а надсмотрщикъ назначалъ ему хозяина. Такова была третья система. Лаская земледѣльца, она дѣлала его такимъ же невольникомъ, какъ первая своей незамаскированной суровостью. Г. Сеніоръ принадлежалъ къ числу главныхъ организаторовъ четвертой системы, вслѣдствіе которой былъ учрежденъ департаментъ новаго устава о бѣдныхъ. Члены составленной по этому случаю комисіи, несмотря на оппозицію торіевъ и радикаловъ, очень сократили вышнее пособіе (out door relief) и значительно ослабили дурныя послѣдствія прежней системы снисхожденія. Но хотя ни одна изъ англійскихъ реформъ послѣдняго времени не была такъ богата выгодными для общества результатами, однакоже въ ней есть чувствительные недостатки, и вообще она незакончена. По новому закону почти ни одинъ бѣдный человѣкъ не имѣетъ въ Англии законной осѣлости, право на которую, не говоря уже о другихъ тонкостяхъ, приобрѣтается наймомъ квартиры въ 10 ф. ст., или ремесленнымъ занятіемъ. Но такъ-какъ хлѣбопашцы не ремесленники и никогда не платятъ за помѣщеніе по 10 ф. ст.,

то, слѣдовательно, они, по отношенію къ закону, остаются постоянно какимъ-то неосѣдлымъ, кочующимъ народомъ. Конечно, каждый изъ нихъ, проживъ три года въ общинѣ, становится ея членомъ, но эту привилегію снова терять онъ съ переминою мѣстожителства, причѣмъ, разумѣется, утрачивается право на равномѣрное съ другими жителями данной мѣстности пособіе со стороны прихода. Замѣтимъ, что издавныя теперь статьи г. Сеніора помѣщались въ разныхъ журналахъ и выходили особыми книжками отъ 1841 по 1850 г. Авторъ отчасти исправилъ, дополнилъ ихъ и хотѣлъ приступить къ новому изданію еще въ 1862 г., но умеръ. Потому-то въ этихъ двухъ томахъ, напечатанныхъ послѣ его смерти, есть статьи неполныя конченныя. Однако же, несмотря на этотъ недостатокъ, англійская критика не только ставитъ ихъ на ряду съ лучшими спекулятивными опитами Маболея и Милля, но даже отдаетъ имъ преимущество передъ послѣдними, въ отношеніи къ богатству специальныхъ свѣдѣній по тѣмъ предметамъ, о которыхъ говоритъ г. Сеніоръ.

Старая исторія (*).

Это—очень хорошій романъ. Онъ оставляетъ въ душѣ грустное, но не безплодное впечатлѣніе. Въ немъ много ума и много житейской правды. Авторъ его принадлежитъ къ талантамъ, надѣленнымъ способностью глубоко вглядываться въ самыя повидимому простыя явленія, и передавать ихъ въ такой художественной формѣ, съ такими характеристическими подробностями, которыя могутъ занять не одно праздное воображеніе, но дать пищу серьезной дѣятельности ума, какъ тонко развитые вопросы изъ науки дѣйствительной жизни. Завязка этого романа основана на взаимномъ недоразумѣніи непонимающихъ другъ друга характеровъ, которымъ хотѣлось бы дѣйствовать честно и справедливо, но у нихъ нѣтъ ключа къ той двери, которою прикрыты мысли и чувства другихъ людей, отчего и понимаютъ они ошибочно чужія слова и дѣйствія. Героиня этого романа—милая малютка, сдѣлавшаяся потомъ очаровательной дѣвушкою. Но всѣ благородныя качества, которыми надѣлила природа это прекрасное созданіе, обращены другими противъ ея же собственного счастья. Дѣйствительная жизнь богата подобными фактами. Счастливо организованная натура часто бываетъ неспособна употребить съ пользою тѣхъ силъ, которыя даны имъ природою. Эта неудача происходитъ повидимому отъ избытка хорошихъ началъ. Кажется, будь такой человекъ хоть нѣсколько побѣднѣе ими, тогда все пошло бы наоборотъ. Но, въ самомъ дѣлѣ, неуспѣхъ зависитъ отъ неумѣнья распорядиться экономически своимъ внутреннимъ богатствомъ. Неспособность отличать лишнее отъ недостатка въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ справедливость сталкивается съ великодушіемъ, влечетъ къ смѣшенію понятія о героическомъ

(*) *ONCE AND AGAIN, A NOVEL*, by the author of «Cousin Stella». 1865.

самопожертвованіи съ тѣмъ безпокойнымъ побужденіемъ, которое, такъ сказать, подстрекаетъ людей жертвовать собою героически. Когда недостаетъ человѣку того, что называется въпросту здравымъ смысломъ, который вырабатывается, впрочемъ, знакомствомъ съ жизнью и практическимъ навыкомъ, тогда тѣмъ больше богатъ онъ рѣдкими способностями, тѣмъ хуже для него, тѣмъ больше вреда могутъ онѣ нанести ему. Впрочемъ, если таковой благородный характеръ остается вѣрнѣе самому себѣ, то эти невзгоды не роковая еще бѣда для него. Промахи, основанные на благородныхъ, честныхъ побужденіяхъ, способствуютъ высшему развитію характера. Нехорошо только, что жизнь наша бываетъ иногда слишкомъ коротка, для того, чтобы можно было воспользоваться уроками опытности; притомъ же человѣкъ, потерпѣвшій разъ кораблекрушеніе въ этомъ морѣ дѣятельности, не всегда бываетъ довольно храбръ, чтобы снова отважиться на такой же подвигъ. Во мнѣніи недалекихъ людей подобныя неудачи равняются полному банкротству, хотя и очень извѣстно имъ, что простой успѣхъ не есть доказательство образцовыхъ дѣйствій, которыя могли бы служить примѣромъ безусловнаго подражанія. Такова главная мысль, положенная въ основаніе романа «Старая исторія».

Дѣйствіе начинается въ Парижѣ. Въ одномъ домѣ съ мистрисъ Темплъ, матерью героини романа Лауры, живутъ профессоръ Гастино и очень богатый, любезный, пожилой маркизь, большой другъ г-жи Темплъ. Пріязнь ихъ, далекая, впрочемъ, отъ взаимной любви и намѣренія сочтаться брачными узами, возбуждаетъ антипатію и зависть въ родственницѣ маркиза, г-жѣ Тильмонъ, которой хотѣлось бы имѣть исключительное вліяніе на своего богатаго зятя. У этой женщины есть сынъ — пустой малый. Мистрисъ Темплъ испытала много непріятностей въ своей жизни. Она вышла за человѣка безъ связей, безъ значительнаго положенія въ обществѣ, и этимъ поступкомъ отдала отъ себя родныхъ, которыхъ сословные предразсудки были сильно затронуты ея бракомъ. По смерти мужа она осталась бездѣтною, богатой вдовою и отдала свою руку въ другой разъ человѣку хорошей фамиліи, но моту, который не замедлил разстроить ея состояніе и скоро умеръ, оставивъ ее уже небогатой вдовою, и притомъ матерью очень милой малютки. Профессоръ Гастино, страшный деспотъ въ своей семьѣ, ухаживаетъ за мистрисъ Темплъ, которая отвѣчаетъ презрѣніемъ на его любезности и разыгрываетъ роль покровительницы жены и дѣтей этого господина. Маленькая Лаура производитъ сильное впечатлѣніе на старшаго сына профессора, мрачнаго и неуклюжаго мальчика, который начинаетъ обожать ее. У Гастино познакомилась мистрисъ Темплъ съ виконтомъ Грансономъ. Этотъ невзрачный и довольно грубый бѣднякъ долго жилъ въ Шотландіи. Его рассказы стали переносить воображеніе этой женщины на родную, давно покинутую сторону. Результатомъ пріятныхъ воспоминаній была любовь къ

человѣку, который умѣлъ вызвать ихъ. Г. Грансонъ сдѣлалъ предложеніе, мистрисъ Темплъ приняла его, и вслѣдъ за тѣмъ ввѣрила ему 5,000 ф. ст., въ видахъ увеличить свое маленькое состояніе какими-то выгодными операціями. Лаура была невиной причиною открытія, которое разъяснило гнусный характеръ этого человѣка почти наканунѣ предположенной свадьбы. Мать ея, столько же недалекая, сколько гордая, впечатлительная женщина, не можетъ забыть своего униженія и начинаетъ мстить дочери. Потерявъ отданныя Грансону деньги, она поселилась подлѣ маленькаго нѣмецкаго городка и, углубясь въ экономическія заботы и соображенія, предоставила нелюбимой уже дочери право безконтрольно распоряжаться собою. Между тѣмъ профессоръ Гастино тоже разорился, и старшій сынъ его, получивъ мѣсто въ книжной лавкѣ того городка, близъ котораго жила Лаура, снова сошелся съ нею. Ее обрадовала встрѣча съ другомъ своего дѣтства, и она стала учить его поанглійски, не говоря объ этомъ матери, которая постоянно отвергала ея довѣренность. Послѣ этого слѣдуетъ очень правдоподобная перемѣна декораціи. Лаура введена въ тотъ кругъ, куда имѣла право войти она по своему происхожденію. Ее окружаетъ толпа поклонниковъ, ей удивляются, ищутъ ея руки. Но она, не любя Гастино, дала ему слово не выходить замужъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, и теперь мысль о томъ огорченіи, которымъ заплатитъ она за его безпредѣльную преданность, если нарушить свое обѣщаніе, заставляетъ ее отклонять всѣ очень лестныя предложенія. На возвратномъ пути въ Парижъ, она объясняетъ матери причину своихъ отказовъ, и эта откровенность еще больше усиливаетъ антипатію къ ней мистрисъ Темплъ. Исторія кончается тѣмъ, что Гастино, этотъ умный и твердый молодой человѣкъ, рѣшившійся пробить себѣ дорогу въ жизни, несмотря ни на какія препятствія, былъ все-таки сынъ своего грубаго отца, совершенно чуждый деликатности, свойственной истинному джентльмену. Онъ низко пользовался своимъ вліяніемъ на Лауру. Когда выяснилось это, и она получила свободу располагать собою, безконечныя придирки неугомонно-сварливой матери заставили ее принять предложеніе пошлаго племянника маркиза, г. Тильмона, который смотрѣлъ на этотъ бракъ, какъ на вѣрнѣйшій путь къ наслѣдству дяди. За свадьбою Лауры тянется рядъ интересныхъ, очень хорошо рассказанныхъ происшествій, и наконецъ Лаура остается вдовою. Она молода еще; практическіе уроки, данныя ей жизнью, не пропали даромъ, и авторъ увѣряетъ, что она будетъ счастлива.

Новые рассказы изъ римской исторіи IV и V вѣковъ, соч. Ам. Тьерри (*).

Эти новые рассказы могли точнѣе быть названы «рассказами

(*) *NOUVEAUX RÉCITS D'HISTOIRE ROMAINE AU QUATRIÈME ET CINQUIÈME SIÈCLES*, par *M. Am. Thierry*, sénateur, Paris, 1865.

о первомъ періодѣ борьбы римскаго государства противъ готвъ. Во всемъ томъ рѣчь постоянно о готахъ, да о министрахъ, которые ведутъ съ ними переговоры. Эти министры — Руфинъ, Евтропій и Стиликонъ. Имъ посвящено каждому по разсказу; затѣмъ послѣдній очеркъ изображаетъ двѣ осады Рима Аларихомъ.

Мрачное впечатлѣніе выносишь изъ чтенія этой книги; непривлекательны ни римляне времянь упадка, ни германцы. Послѣдніе еще во всей свѣжести сохранили грубость своихъ нравовъ: они умѣютъ страдать, бороться и умирать; но это чистые дивары, которые жгутъ, грабятъ, насилуютъ женщинъ и пьянствуютъ. Нужны цѣлыя вѣва, чтобы ихъ пересоздало христіанство. Не лучше ихъ и византійскіе греки, и римскіе итальянцы: если германцы—это олицетворенная буря, то греки и римляне—смрадное болото, обитаемое ядовитыми гадами. Чтобы бороться противъ вторженій, у нихъ существуетъ одно только средство: хитрость, низкій, беззастѣливый обманъ, отвратительный до того, что радуешься его неудачѣ. Общественныхъ интересовъ больше нѣтъ; нравственныя узы порваны, каждый закутывается въ своемъ эгоизмѣ. Само христіанство безсильно въ такой средѣ; это—внутренняя религія, до которой не касаются внѣшнія политическія событія; при томъ, въ IV вѣкѣ христіанскую вѣру многіе исповѣдуютъ не искренно, а изъ видовъ политическихъ. Аларихъ, со своими диварями, грабитъ Римъ — нѣсколько семействъ спасаются бѣгствомъ, большинство жителей остается; вы думаете, что они возстанутъ на грабителей—нѣтъ, они откупаются дарами, да еще правительство и правители отнимутъ у нихъ то, что имъ осталось отъ грабежа вестготовъ. Такова среда, изображаемая историкомъ. Общій характеръ событій тутъ такъ ясенъ, что невозможно было освѣтить его какимъ-нибудь особеннымъ новымъ взглядомъ, не впадши въ ошибку. Поэтому и Тьерри остается при сужденіяхъ общепринятыхъ. Разбирая вражду трехъ министровъ-проходимцевъ, онъ отдаетъ справедливость дарованіямъ Руфина и Стиликона и порицаетъ евнуха Евтропія; но въ то же время онъ указываетъ на то, что одинъ личный интересъ руководилъ этими людьми. Любопытно, что Тьерри благосклонно отзывается о римской литературѣ этого времени: Клавдіана онъ счптаетъ первымъ послѣ *Virgilia* поэтомъ римскимъ; это какой-то капризъ старческаго вкуса, объясняемый лишь тѣмъ, что авторъ, вслѣдствіе долгого изученія писателей эпохи паденія, свылся съ испорченностью ихъ языка и скудостью ихъ содержания. Изложеніе Тьерри, какъ всегда, очень живо, и потому книга читается съ удовольствіемъ.

Очерки французскихъ моралистовъ, соч. Право-Парадоля (*).

(*) *ETUDES SUR LES MORALISTES FRANÇAIS, suivies de quelques réflexions sur divers sujets, par Prévost-Paradol. Paris. 1865.*

Прево-Парадолъ, недавно избранный въ члены французской академіи, незадолго до своего избранія издалъ книжку литературно-критическаго содержанія, какъ-бы для того, чтобы закрѣпить за собой право на кресло въ ареопагѣ французской словесности. Избраніе Прево-Парадола увѣнчалось успѣхомъ, и этимъ окончательно опредѣляется литературный характеръ этого писателя. Прево-Парадолъ въ полномъ смыслѣ французскій литераторъ. Онъ уменъ и взыщенъ; въ его образѣ мыслей и въ выраженіи много такту; онъ отличный стилистъ. Воспитанный въ школѣ редакціи *Journal des Débats*, онъ усвоилъ тотъ легкій и взыщный, хотя и очень неглубокій тонъ, которымъ искони отличался литературный отдѣлъ этого журнала. Обстоятельства развили въ немъ тонкость сужденій. Но не ожидайте найти въ немъ сильную оригинальность и мужественную смѣлость свободаго мыслителя. Его независимость чисто-относительная. Онъ возмущается противъ бремени политическаго и охотно несетъ бремя общественныхъ сужденій. Его «Очерки французскихъ моралистовъ» заключаютъ въ себѣ повтореніе мнѣній, уже не разъ высказанныхъ. Да и вообще тутъ мало критики: скептицизмъ Монтана, ограниченная вѣра Паскаля, анализъ Ларошфуко только охарактеризованы, но не обсуждены Прево-Парадоломъ. Конечно, авторъ видитъ ихъ слабыя стороны, но какъ будто считаетъ необходимымъ, чтобы похвальный тонъ преобладалъ въ его отзывахъ. Съ большою смѣlostью онъ могъ бы выставить на видъ, напримѣръ, ту важную черту, что всѣ эти мыслители не точно усваиваютъ себѣ истинный смыслъ христіанской нравственности, и именно потому, что находились въ кругу воззрѣній узко-католическихъ. Болѣе доступны Прево-Парадолю вопросы политическіе, и потому ему болѣе всего удалась характеристика Лабосси, автора рѣчи о добровольномъ рабствѣ или *Cont'ain*.

Мистицизмъ во Франціи, во время Фенелона, соч. Маттера (*).

Мистицизмъ, одна изъ очень важныхъ вѣтвей религіознаго сознанія, имѣлъ особенно сильное развитіе въ католичествѣ. А между мистиками католическими немногіе умѣли сдѣлать свое ученіе столь привлекательнымъ, какъ Фенелонъ. Мягкость характера, широта пониманія, возвышенность мысли, все соединилось въ немъ, и его набожность должна была производить особенно сильное впечатлѣніе на нѣжныя души, не увлекая ихъ однако въ движенія чрезчуръ экзальтированныя и не облакаясь въ проявленія двусмысленныя. И дѣйствительно, около Фенелона образовалась группа послѣдователей. Но онъ былъ челоюкъ искренній и скромный, постоянно охранявшій своихъ учениковъ отъ

(*) *Le mysticisme en France au temps de Fénelon, par Matter.* Paris. 1865.

того пути, на который ихъ влекло его сердце. Въ своихъ отношеніяхъ къ г-жѣ Гюйонъ, въ своихъ ссорахъ съ Боссюэтомъ онъ постоянно обнаруживалъ честность и благородство. Когда папское осужденіе произнесло приговоръ его мистическимъ стремленіямъ, Фенелонъ покорно склонился передъ высшимъ авторитетомъ католичества, и только это спасло его отъ окончательной гибели. Маттеръ заинтересовался этою замѣчательною личностью и изучилъ ее именно со стороны ея мистическихъ стремленій, которыми она взволновала на время французское общество и дворъ Людовика XIV. Маттеръ открыто становится на сторону Фенелона и, безъ сомнѣнія, поступаетъ совершенно основательно. Онъ высоко цѣнитъ нравственный характеръ архіепископа Камбрейскаго и придаетъ большое значеніе его религиознымъ и нравственнымъ идеямъ. Но, къ сожалѣнію, изложеніе въ этомъ интересномъ этюдѣ такъ скучно и утомительно, что книга, вѣроятно, не найдетъ большаго числа читателей.

Картины древняго міра.—Клеопатра.

Кому неизвѣстно имя Клеопатры, и кто не бросалъ камней въ эту удивительную женщину? Сладострастіе, честолюбіе, вѣтренность, кокетство, измѣна, трусость—вотъ качества, которыми постоянно надѣляли ее историки и поэты всѣхъ временъ. Клеопатру рисовали обыкновенно какою-то египетской камеліей, и цивилизованное челоуѣчество такъ свылось съ этимъ отзывомъ, что энергическій голось г. Штара, внезапно раздавшійся въ защиту этой египтянки, произвелъ очень пріятный для всѣхъ диссонансъ въ монотонномъ хорѣ этого—смѣшно сказать!—незлюбимаго, простодушнаго поруганія. «Цѣль моя—говоритъ авторъ «Картинъ изъ древняго міра» (*)—заключается въ желаніи смыть съ историческаго характера тѣ пятна, которыми интересы партій и бессмысленность древнихъ и новыхъ историковъ затемнили образъ Клеопатры». Возстановить честь несправедливо униженной женщины, кто бы ни была она—это такой благородный поступокъ, которому нельзя не сочувствовать, и мы повторили бы здѣсь главныя мысли автора, не дѣлая никакихъ замѣчаній, еслибы ограничился онъ характеромъ Клеопатры. Но г. Штаръ старается облагородить также Антонія—это уже слишкомъ смѣло. Антоній былъ жестокій, злой тиранъ и самый грубый циникъ. Онъ извлекъ сестру свою изъ храма, гдѣ искала она убѣжища, и умертвилъ ее. Такъ же поступалъ онъ и съ другими противниками. Склонности своей къ грязному разврату онъ не скрывалъ отъ римлянъ, и если Цицеронъ изображаетъ его чудовищемъ, то мнимую невѣрность этой характеристики нельзя объяснять политической враждою, потому что во второй филиппикѣ, описывая жизнь Антонія, ораторъ представилъ факты, извѣстные всему

(*) BILDER AUS DEM ALTERTHUME. CLEOPATRA. Von Adolf Stahr. 1864.

Риму. Еслибы онъ выдумалъ ихъ, онъ унизилъ бы только самого себя, и предположенная цѣль не была бы достигнута. Предпославши это необходимое замѣчаніе, мы можемъ обратиться къ главному характеру, и слѣдовать за рассказомъ автора. Когда Юлій Цезарь увидѣлъ въ первый разъ дочь Птолемея XI, Клеопатру, въ Александріи, ей было только семнадцать лѣтъ. Она явилась къ нему просить покровительства. «Пятидесятидвухлѣтній герой—говоритъ г. Штаръ—отдалъ свое сердце этой египетской волшебницѣ, которая была несравненно умнѣй и прекраснѣй всѣхъ женщинъ, дарившихъ его своей благосклонностью. Гибкость ума и самое утонченное образованіе, соединенныя съ красотой, прелестью и всѣми тайнами усовершенствованнаго кокетства, произвели на Цезаря такое впечатлѣніе, которому онъ не въ состояніи былъ противиться. Хотя знаменитый римлянинъ принадлежалъ къ записнымъ поклонникамъ прекраснаго пола, однакоже, онъ не отличался особенной разборчивостью, и — по словамъ древняго историка — пользовался во время своей долгой боевой жизни тѣмъ, что давалъ ему случай. Теперь, когда вступилъ онъ въ Александрію, передъ нимъ явилось такое существо, прекраснѣе котораго ничего, можетъ быть, не создавалъ онъ въ своемъ воображеніи. Прелестнѣйшая женщина того времени, полная молодой, свѣжей и величественной красоты, обращалась къ нему съ мольбою о защитѣ, о помощи. Удивительно-ли, что побѣдитель полміра не могъ устоять, вида гордую грусть этого очаровательнаго созданія — грусть, которая дѣлала ее вдвое привлекательнѣй и достойнѣе сожалѣнія? Удивительно-ли, что онъ не могъ слышать равнодушно ея мелодическаго голоса, о которомъ, по прошествіи двухъ столѣтій, отзывался одинъ историкъ, какъ о чарующей силѣ, противиться которой не могли самые холодные люди, даже злѣйшіе враги женщинъ? Это свиданіе рѣшило судьбу ихъ. Сердце Цезаря было завоевано. Шесть мѣсяцевъ прожилъ онъ неразлучно съ Клеопатрою, и успѣлъ въ это время убѣдиться въ ея умѣ, энергіи и твердости. Она осталась вѣрна ему, когда весь родъ ея принялъ участіе въ измѣнѣ. Хорошо зная Египетъ и людей, управлявшихъ имъ, она не разъ оказывала Цезарю важныя услуги своими совѣтами. Такимъ образомъ, связь, основанная на чувственномъ влеченіи, приняла иной характеръ, и политическому честолюбію Клеопатры открылось блестящее поприще. Съ этой поры задумала она сдѣлаться супругою повелителя вселенной, и неуклонно стремилась къ своей цѣли»... «Мысли Цезаря были постоянно обращены къ Востоку, и конечно, не безъ содѣйствія Клеопатры, которая думала, можетъ быть, о перенесеніи столицы изъ Рима въ свою милую Александрію. Самъ Цезарь былъ обвороченъ угонченнымъ характеромъ восточно-греческой жизни». Когда Клеопатра пріѣхала къ нему въ Римъ, ихъ связь не осталась безъ вредныхъ послѣдствій для Цезаря — она ускорила катастрофу, которая бичилась его смертию. Счастливая наружность Антонія подробно описана

авторомъ. Онъ былъ высокій, красивый, стройный и очень сильный мужчина. Плутархъ сравниваетъ его съ Геркулесомъ. Онъ отличался личной храбростью, и былъ страшенъ въ пылу сѣчи. Однакоже «Нильская Афродита» — такъ называетъ г. Штаръ Клеопатру — умѣла подчинить своей власти и этого героя. Грубый развратъ и безумное обжорство, съ запусканьемъ павлинаго пера въ горло не могли, конечно, смягчить и облагородить его характеръ. Потому-то александрийскій дворъ произвелъ на него совершенно новое впечатлѣніе. Когда очутился Антоній въ волшебномъ замкѣ нильской Афродиты, ему казалось, что онъ попалъ въ новый міръ, гдѣ таятся неизвѣданныя еще имъ, самыя роскошныя наслажденія. «До сихъ поръ—говоритъ авторъ—онъ былъ знакомъ только съ дивными оргіями и неразборчивымъ удовлетвореніемъ чувственныхъ побужденій; теперь же передъ нимъ открылась другая, болѣе заманчивая сфера облагороженныхъ удовольствій... Въ самомъ дѣлѣ, Клеопатра, замѣнивъ лагерныя грубости и отвратительный кутежъ остроуміемъ и легкой, мягкой шуткой, соединивши роскошь иѣги съ прелестью ума и красоты, облагородила характеръ его прежней чувственности.» Хотя Плутархъ называетъ эту связь «позорной слабостью», однакоже авторъ смотритъ на нее съ другой точки зрѣнія. Онъ говоритъ, что древность не представляетъ ничего подобнаго силѣ и глубинѣ привязанности Антонія къ этой женщинѣ. Любовь къ нему Клеопатры объясняетъ онъ также не однимъ чувственнымъ влеченіемъ. «Мужественная красота Антонія и его геройское, фантастическое появленіе должны были, конечно, произвести на нее сильное вліяніе. Но такъ-какъ она небезумно, нерабски покорилась ему, то, стало быть, въ этой игрѣ страсти, кромѣ чувственности и честолюбія, принимало участіе также сердце... Политика Клеопатры — несправедливо думать, чтобы такая умная женщина была только сладострастной кокеткою и безотчетно отдавалась минутнымъ порывамъ страсти—ея политика и честолюбіе стремились къ тому, чтобы возвратитъ державѣ своихъ предковъ былое величіе, и освободить ее изъ-подъ власти Рима, сдѣлать независимою отъ пареянъ и дальняго Востока... Съ этой поры Антоній и Клеопатра думала только о политической самостоятельности Египта и объ отдѣленіи его отъ Запада». Однакоже, политическія соображенія заставили Антонія жениться на сестрѣ Октавіа. Хотя связь его съ Клеопатрою была прервана, но взаимная любовь ихъ не охладѣла. Антоній не выдержалъ борьбы съ этой страстью. По прошествіи двухъ лѣтъ, онъ бросилъ жену, оставилъ Аенны, и прежнія отношенія между влюбленными были восстановлены. Этотъ роковой поступокъ рѣшилъ судьбу ихъ. Антоній давно уже поселилъ отвращеніе къ себѣ въ римлянахъ. Октавію умѣла воспользоваться этимъ чувствомъ, и битва при Акціумѣ сдѣлала его полновластнымъ повелителемъ древняго міра. Г. Штаръ доказываетъ, что Клеопатра не измѣнила Антонію, что она старалась вооружить Египетъ для новой борьбы съ побѣдителемъ, но ей

Т. CLX. — Отд. II. 18

не удалось достигнуть этой цѣли, потому что всѣ союзники и полководцы оставили Антонія. Послѣ неудачной попытки войти въ переговоры съ Октавіемъ, произошла извѣстная катастрофа — влюбленные лишили себя жизни. Авторъ слѣдующими словами заключаетъ свою монографію: «Жизнь Клеопатры, какъ царицы, была продолженіемъ храброй битвы за престолъ своихъ предковъ, даже ея послѣднія усилія были направлены къ тому, чтобы передать верховную власть надъ Египтомъ своимъ дѣтамъ. Когда же надежды ея рушились, она думала только о спасеніи своей царской чести, и этотъ вопросъ былъ рѣшенъ самоубійствомъ, которое привело въ изумленіе весь міръ. Дикая пѣснь побѣды враговъ ея и торжество побѣдителей, освободившихся отъ противницы, передъ которою трепеталъ гордый Римъ, служатъ лучшимъ доказательствомъ политическаго величія Клеопатры, съ гробницы которой до тѣхъ поръ, пока существуетъ исторія, не сладатся слова, сказанныя Гораціемъ: *Non humilis mulier!*» Представленный здѣсь очеркъ этой превосходной монографіи даетъ очень слабое понятіе о ея историческомъ и литературномъ достоинствахъ. Египетскій дворъ съ его блестящими празднествами и обаятельной роскошью, битвы, характеры замѣчательнѣйшихъ людей того времени — все это изображено авторомъ такъ художественно, что мысль и воображеніе читателя, перенесенныя имъ въ этотъ былой міръ, невольно увлекаются его дикою красотой и тонкой, роскошной чувственностью. Прибавимъ, что г. Штаръ подробно изучилъ древніе источники, на которыхъ основанъ его историческій рассказъ, и если порою увлекается онъ, то нельзя не согласиться, что причина этого увлеченія сокрыта не въ желаніи пошеголять дешевымъ либерализмомъ и приторной гуманностью, но въ томъ благородномъ чувствѣ, которое нерѣдко заставляетъ насъ смотрѣть снисходительно на человѣческія слабости и заблужденія.

Первобытный міръ Швейцаріи.

Горы можно, кажется, назвать нѣмою, но открытой лѣтописью тѣхъ переворотовъ, которымъ подвергалась наша планета вродолженіе своего существованія. Подземная, вулканическая сила, поднимая на огромную высоту мощные пласты земной коры, дала возможность видѣть постепенный порядокъ ихъ наслоенія и изучать органическую природу, которая развивалась на поверхностяхъ этихъ толщъ въ долгіе, тысячелѣтніе промежутки, раздѣлявшіе другъ отъ друга періоды ихъ образованія. Разработка швейцарскихъ горъ принесла большую пользу естественнымъ наукамъ. Г. Освальдъ-Геръ задумалъ описать «Первобытный міръ Швейцаріи» (*). Трудъ его не конченъ еще, но то, что успѣлъ уже сдѣлать онъ, заслужило полное одобреніе специалистовъ. Мы укажемъ на любопытнѣйшія мѣста этой книги. Каменно-

(*) *Die Urwelt der Schweiz*. 1—7 Liefer. Von *Oswald Heer*. 1864.

угольная земля Швейцаріи состоитъ изъ антрацита и песчаника. Приложенная къ книгѣ картинка ея флоры представляетъ удивительный пейзажъ. Ни цвѣтовъ, ни листьевъ нѣтъ на этихъ деревьяхъ, одна кора украшаетъ ихъ. Они не болѣе нашихъ березъ и сосенъ, но такъ-какъ эти дѣла принадлежали къ семейству низшихъ растений современной намъ природы, то они кажутся очень странными. Въ Швейцаріи добываютъ ежегодно около 60,000 центнеровъ антрацита. Микроскопическія наблюденія и химическій анализъ убѣдили автора, что каменноугольные массы образовывались всегда въ торфяныхъ болотахъ. Триасовая формація очень распространена по Швейцаріи. Въ составъ ея входитъ соль, которой добывается каждый годъ болѣе 320,000 центнеровъ. Однако же этого количества недостаетъ для потребления швейцарцевъ, и они почти столько же соли получаютъ изъ Бадена и Виртемберга. Представителями растительнаго царства этой формаціи служатъ саговыя деревья, нѣчто среднее между пальмой и лиственницею. Въ Европѣ ихъ нѣтъ уже, они растутъ теперь только въ южной Африкѣ. Ліасовая формація замѣчательна разнообразіемъ содержащихся въ ней органическихъ остатковъ, и потому къ этой главѣ приложено мною рисунковъ. Юрскій періодъ тянулся очень долго. Впродолженіе его земля была покрыта водою. Геологическое образованіе этого періода очень бѣдно окаменѣlostями. Изъ минераловъ замѣчательны особенно бѣлый известнякъ и желѣзная руда. Бѣглый взглядъ на приложенную къ тексту карточку знакомитъ читателя съ характеромъ отдѣленія земля отъ моря въ мѣловой періодъ, во время котораго понизился уровень моря и поднялись изъ него швейцарскія горы. Эоценовая, древнѣйшая изъ третичныхъ формацій доставляла Швейцаріи еще во времена римлянъ сланцовыя, аспидныя или шиферныя плиты. Въ 1862 г. изъ шифера было сдѣлано 29,500 аспидныхъ досокъ, около 85½ тысячъ квадратныхъ плитъ для столовъ, печей и половъ, и до 700,000 штукъ кровельной обшивки. Гора Платтенбергъ близъ Матта обратила на себя особенное вниманіе палеонтологовъ чрезвычайнымъ богатствомъ ископаемыхъ рыбъ (около 53 родовъ). Растеній и животныхъ не найдено въ ней. Изъ другихъ образованій эоценовой системы замѣчательны мощные пласты известняка, сланца и песчаника, извѣстные въ геологіи подъ общимъ названіемъ *флинса*, который вошелъ въ составъ Альпъ, тянется по долинамъ и восходитъ до горныхъ вершинъ, на нѣсколько тысячъ метровъ. Эти пласты богаты нуммулитами, брошечными, чичевицеобразными корненожками, изъ раковинъ которыхъ сформировались цѣлая горы. Египетскія пирамиды, напримѣръ, построены преимущественно изъ нуммулитоваго известняка. Въ шахтахъ третичныхъ формацій найдено множество костей и зубовъ позвоночныхъ животныхъ. Моласовая земля, принадлежащая къ средне-третичнымъ образованіямъ или миоценовому періоду, занимаетъ 152 квадратныя мили, то-есть почти 1/5 всей поверхности Швей-

парии. Она подраздѣляется на пять слоевъ. Молаассъ — это собственно песчаникъ, за нимъ слѣдуютъ мергель, известнякъ и другіе конгломераты, вошедшіе въ составъ нѣкоторыхъ горъ. Къ полезнѣйшимъ минераламъ молаассовой системы относится лигнитъ, низшій сортъ каменнаго угля. Очень часто находятъ его въ видѣ цѣлыхъ окаменѣлыхъ деревьевъ, съ корой и сучьями. Они бурога цвѣта, горятъ хорошо, довольно ярко, но даютъ менѣе тепла и больше неприятнаго запаха, сравнительно съ каменнымъ углемъ. Лигнитъ добывается во многихъ мѣстахъ Германіи, особенно въ Богеміи, на границахъ Саксоніи, и служить очень полезнымъ суррогатомъ дровъ. Изъ него въ послѣднее время стали выдѣлывать коксъ. Въ Швейцаріи находятъ его преимущественно въ Бель-Кепфахъ, на Цюрихскомъ озерѣ.

Переписка Фарнгагена фон-Энзе.

Г. Фарнгагенъ фон-Энзе принадлежалъ въ ранній періодъ своей жизни къ небольшому числу самыхъ энергическихъ патріотовъ, стремившихся освободить Пруссію отъ французскаго ига. Когда совершилось это событіе, онъ вмѣстѣ съ ними ревностно заботился о возрожденіи науки, литературы и искусства въ своемъ отечествѣ. Впрочемъ, государственная дѣятельность его была непродолжительна. Онъ прежде друзей своихъ сошелъ съ политическаго поприща и былъ болѣе зрителемъ несчастной распри двухъ партій, нежели участникомъ въ ней. Его нейтральное положеніе давало ему возможность слѣдить за ходомъ реакціи и знать тайны этой борьбы. Хотя онъ слылъ фронтёромъ, но аристократическія связи и отвращеніе отъ жесткихъ мѣръ, охраняли неприкосновенность его положенія посреди двухъ враждующихъ лагерей. Благородство и правдивость этого человѣка не подлежали ни малѣйшему сомнѣнію. Его умъ, краснорѣчіе и очень замѣчательное искусство владѣть перомъ, были признаны всѣми. Словомъ, онъ пользовался бы и теперь, по смерти своей, тѣмъ уваженіемъ, въ которомъ никто до сихъ поръ не отказывалъ ему, еслибы не повредила этому нескромность его наслѣдниковъ, которые слишкомъ поторопились издать дружескую переписку Фарнгагена. Многія изъ лицъ, о которыхъ говорится въ ней, живы еще; даже люди, писавшіе эти письма, не всѣ еще умерли. Потому-то неудивительно то неприятое впечатлѣніе, которое произведено этой книгою въ высшемъ кругу Германіи. Англичане также думаютъ, что ее слѣдовало бы напечатать лѣтъ черезъ пятьдесятъ, но не прежде. Впрочемъ, дѣло сдѣлано уже, и намъ остается только указать на эту часть «Изъ наслѣдства, оставшагося послѣ Фарнгагена» (*), въ составъ которой вошли дневникъ его и письма Штегемана, Меттерниха, Гейне и Беттины фон-Арнимъ. Имя Штегемана очень мало извѣстно въ

(*) AUS DEM NACHLASS VON Varnagagen's von Ense. Briefe von Stagemann, Metternich, Heine und Bettina von Arnim. 1865.

Пруссіи. Онъ служилъ подъ начальствомъ Штейна и Гарденберга, принималъ дѣятельное участіе въ восстановленіи независимости и въ національномъ возрожденіи своего отечества, но остался на службѣ послѣ реакціи, и умѣлъ ужиться съ новымъ порядкомъ. Его письма служатъ доказательствомъ того либеральнаго образа мыслей, которыми отличались бюрократы при Штейнѣ, Нибурѣ и Гумбольдтѣ. Впрочемъ, Фарнгагенъ неслестно отзывается объ этомъ человѣкѣ за то, что онъ свои личныя выгоды ставилъ постоянно выше интересовъ Пруссіи. «Когда — говоритъ онъ — я снова прочелъ его письма, по простетвию многихъ лѣтъ, они произвели на меня болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ прежде, когда я получалъ ихъ. Много наговорено здѣсь о конституціи, о свободѣ прессы и т. д. Но какъ измѣнился этотъ человѣкъ въ послѣдніе годы! Еслибы вздумалъ я напечатать письма г. Штегемана, какой вспыхнулъ бы пожаръ! Но я не хочу знакомить съ ними публику.» Онъ отказался даже написать его біографію, когда посланный къ нему съ этимъ предложеніемъ г. Эйхгертъ высказалъ очень невыгодное мнѣніе объ успшемъ, давши понять, что его біографія должна быть составлена въ этомъ духѣ. Въ перепискѣ Штегемана съ Фарнгагеномъ, находится подробное извѣстіе о замѣчательномъ письмѣ короля Фридриха-Вильгельма, по поводу жалобы мѣстныхъ властей одного города на злоупотребленіе свободой печати. Имъ хотѣлось подвергнуть отвѣтственности редактора газеты, описавшаго дурное состояніе моста черезъ рѣку Руръ. Король отвѣчалъ, что если гласность въ отношеніи къ подобнымъ предметамъ будетъ уничтожена, тогда высшее правительство лишится самаго простаго средства узнавать о неправильныхъ дѣйствіяхъ низшихъ властей, которыя пріобрѣтутъ такимъ образомъ весьма вредную для государства независимость. «Потому-то—прибавляетъ онъ—приличную гласность я признаю вѣрнѣйшей гарантіею, какъ для правительства, такъ и для управляемыхъ, противъ безпечности и злоупотребленій низшихъ чиновъ. Вслѣдствіе чего и должно поддерживать ее и покровительствовать ей всѣми средствами». Писемъ Меттерниха немного, но одно изъ нихъ очень замѣчательно въ историческомъ отношеніи. Благодаря г. Фарнгагена за его исторію вѣнскаго конгресса, онъ поправляетъ вкравшуюся въ нее ошибку. «Считаю долгомъ — пишетъ Меттернихъ — сдѣлать замѣчаніе относительно одного историческаго факта. Вы сказали, что г. Генцъ, по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, высказался въ пользу мирнаго соглашенія. Это не вѣрно. Впрочемъ, еслибы и дѣйствительно случилось такъ, то мнѣніе нашего друга нисколько не измѣнило бы приватаго рѣшенія. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ, и, замѣтите — вопросъ о войнѣ былъ рѣшенъ едва-ли не скорѣе, чѣмъ кончу я это краткое письмо къ вамъ. Я прежде всѣхъ получалъ извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона. Конференція уполномоченныхъ пяти державъ продолжалась въ моемъ кабинетѣ съ 6-го на 7-е марта, почти до трехъ часовъ пополудни. Я за-

претилъ камердинеру будить меня въ случаѣ, если курьеры пріѣдутъ ночью. Вопреки этому приказанію, онъ часовъ въ шесть утра принесъ ко мнѣ депешу, доставленную чрезвычайнымъ курьеромъ, съ надписью *urgent*. Увидавъ на конвертѣ слова: «Отъ Императорскаго Генеральнаго Консульства въ Генуѣ», я положилъ пакетъ, не вскрывъ его, на столъ, и хотѣлъ заснуть снова, потому что сонъ мой не продолжался двухъ часовъ. Однако же, такъ-какъ онъ былъ уже прерванъ, то трудно было возвратить его. Пробыло полчаса седьмого, и я рѣшился распечатать конвертъ. На шести строкахъ депеши было написано: «Англійскій комисаръ Кемпбелъ (sic) завѣзжалъ въ гавань спросить, не выдали ли въ Генуѣ Наполеона, который исчезъ съ Эльбы. Получивъ отрицательный отвѣтъ, англійскій фрегатъ отплылъ тотчасъ обратно въ море». Въ нѣсколько минутъ я былъ одѣтъ, и не пробыло еще восьми часовъ, какъ я находился уже во дворцѣ. Императоръ, прочитавъ депешу, сказалъ съ рѣшимостью и хладнокровіемъ, которыя никогда не повидали его въ трудныхъ обстоятельствахъ: «кажется, Наполеонъ задумалъ разыграть роль искателя приключеній. Это его дѣло. Что до насъ касается, то мы должны позаботиться о всеобщемъ спокойствіи, которое такъ долго нарушалъ онъ. Поѣзжайте немедленно къ русскому императору и прусскому королю, и скажите имъ, что я готовъ вестн самъ свою армію обратно во Францію. Не сомнѣваюсь, что оба монарха будутъ согласны съ моимъ мнѣніемъ. Въ четверть девятаго я былъ у императора Александра, который сказалъ мнѣ то же. Въ половинѣ девятаго такое же рѣшеніе слышалъ я отъ Фридриха-Вильгельма. Черезъ полчаса послѣ этого я былъ уже дома, куда пріѣхалъ по моему приглашенію фельдмаршалъ князь Шварценбергъ. Въ девять часовъ представители четырехъ державъ собрались у меня. Въ то же время адъютанты скакали по всѣмъ направленіямъ съ приказаніемъ остановить отряды возвращавшейся арміи. И такъ вы можете видѣть изъ этого, что на рѣшеніе вопроса о войнѣ было употреблено менѣе часа. Когда министры собрались у меня, имъ не было еще извѣстно о случившемся событіи. Талейранъ пріѣхалъ первый. Я дагъ прочесть ему депешу изъ Генуи. Она нисколько не встревожила его, и между нами произошелъ слѣдующій лавоническій разговоръ:

Талейранъ. — Savez-vous, où va Napoleon? (Знаете-ли вы, куда идетъ Наполеонъ?)

Я. — Le rapport n'en dit rien. (Донесеніе ничего не говоритъ объ этомъ).

Талейранъ. — Il débarquera sur quelque côte d'Italie et se jettera en Suisse. (Онъ выйдетъ на берегъ гдѣ-нибудь въ Италиі и бросится въ Швейцарію).

Я. — Il ira droit a Paris. (Онъ пойдетъ прямо въ Парижъ).

«Вотъ исторія этого происшествія во всей ея простотѣ. Черезъ нѣсколько дней Талейранъ, Веллингтонъ и я отправились

въ Пресбургъ, гдѣ, отъ имени конгресса, старались войти въ соглашеніе съ саксонскимъ королемъ, который жилъ тамъ.»

Сдѣлаемъ, съ своей стороны, небольшое поясненіе, основываясь на книгѣ, которая въ настоящую минуту находится у насъ подъ рукою.

Саксонскій король со дня лейпцигскаго сраженія жилъ, какъ военноплѣнный, въ Берлинѣ, и только въ первыхъ числахъ марта былъ перевезенъ оттуда въ Пресбургъ. Причиною этой перемѣны мѣстожителства было опасеніе со стороны союзниковъ, чтобы онъ, ссылаясь на плѣнъ свой, во время котораго заставили его жить въ столицѣ прусскаго короля, не объявлялъ въ послѣдствіи протеста противъ раздѣленія Саксоніи. А такъ-какъ Франція, Англія и Австрія защищали на вѣнскомъ конгрессѣ интересы Саксоніи, то представители этихъ трехъ державъ и отправились въ Пресбургъ въ надеждѣ, что Фридрихъ-Августъ приметъ ихъ совѣтъ и подтвердитъ своимъ согласіемъ постановленія конгресса. Однакоже, они опоздали. Извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона достигло уже до саксонскаго короля, и потому онъ не только отвергъ ихъ совѣты, но сдѣлалъ такіа неудобноисполнимыя предложенія, что Талейранъ, Веллингтонъ и Меттернихъ принуждены были тутъ же составить и сдѣлать своей подписью ноту, нисколько несогласную ни съ его требованіями, ни съ ихъ прежними тенденціями. И такъ повѣдва Меттерниха въ Пресбургъ была въ полномъ смыслѣ неудачнымъ предпріятіемъ (*).

Письма Гейриха Гейне, какъ ни интересны они, производятъ порою тяжелое впечатлѣніе. Для него не существовало идей правды и несправедливости въ общепринятомъ значеніи этихъ словъ, и хотя врожденное стремленіе къ прекрасному могло удерживать его отъ низкихъ поступковъ, однакоже оно не обуздывало страстей Гейне и не всегда управляло его дѣйствіями. Онъ, какъ-бы шута, просилъ Фарнгагена прислать ему опальный листъ, то-есть списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ почему-нибудь не взлюбилъ этотъ человекъ, обѣщаясь наказать ихъ такъ, какъ только одинъ онъ умѣлъ это дѣлать. Фарнгагенъ часто не сходился съ нимъ въ убѣжденіяхъ, и потому переписка ихъ иногда прерывалась. Но истинной пыткой для его терпѣнія была Беттина фон-Арнимъ. Онъ зналъ, что она—отчаянная лгунья и доказываетъ ея закоренѣлую привычку говорить то, что, по ея же собственному убѣжденію нисколько несогласно съ правдою. Но онъ извѣнчалъ ей эту непростительную слабость. «Беттина — пишетъ онъ — такое оригинальное, благородно-мыслящее и даровитое дитя, что еслибы можно было отдѣлать отъ нея эту темную примѣсь лувства и дикости, она была бы свѣтлымъ ангеломъ. И не то ли повторяется по большей части съ другими? Мы должны смот-

(*). См. Staatengeschichte der neuesten Zeit 7 Band. Von Theodor von Bernhardt. 1863. Стр. 177.

рѣтъ на лучшіе элементы, какъ въ насъ самихъ, такъ и въ другихъ людяхъ».

Историческіе этюды Меривала.

Хотя г. Мериваль говоритъ, что на его «Историческіе Этюды» (*) надо смотрѣть, какъ на развлеченіе человѣка, занятаго другимъ, болѣе серьезнымъ дѣломъ, однакоже въ этихъ очеркахъ, за весьма немногими исключеніями, видно присутствіе здоровой мысли, большая опытность и эрудиція. Стихи его не совсѣмъ удачны, но проза очень хороша. Въ первой статьѣ «Иосифъ II» авторъ говоритъ: «Никогда старыя обычаи и учрежденія не уничтожались съ такою полнотою, какъ въ первыя пять лѣтъ царствованія Иосифа. Даже самая французская революція дѣйствовала не такъ быстро и широко, особенно если принять въ соображеніе несходство духа и подготовительныхъ условій обѣихъ націй. Реформы эти походятъ на внезапный переходъ отъ тяжелыхъ, неповоротливыхъ дилижансовъ къ быстротѣ желѣзной дороги. У людей, привыкшихъ къ медленнымъ, постепеннымъ преобразованіямъ конституціонныхъ странъ, захватываетъ духъ при одномъ чтеніи длиннаго списка реформъ, предпринятыхъ австрійскимъ императоромъ. Въ эти пять лѣтъ были совершенно отмѣнены всѣ исключительныя права, привилегіи и монополіи. Крѣпостное право и барщина прекратили свое существованіе съ юридической точки зрѣнія; всѣ подданные стали, по теоріи, равноправны; прежніе, разнохарактерныя уставы разныхъ земель, входящихъ въ составъ Австрійской имперіи, не исключая Венгріи, были—по крайней мѣрѣ на бумагѣ—отмѣнены, или подвержены кореннымъ измѣненіямъ. Самыя границы ихъ исчезли съ карты, и вся монархія раздѣлилась на тринадцать большихъ частей. Половина монастырей была уничтожена; взаимное отношеніе между церковью и государствомъ подверглось важному преобразованію; установлена полная вѣротерпимость, или даже равенство религій; воспитаніе получило національный характеръ; печать стала свободнѣе; старинныя гильдіи, городскія корпораціи и другія стѣсенія внутренней торговли были отмѣнены совершенно, и вѣковое зданіе рухнуло, рассыпалось до послѣдняго камня». Едва-ли надобно прибавлять, что очень многія изъ этихъ реформъ остались въ проектѣ и никогда не были приведены въ исполненіе. Въ статьѣ «Паоли» очень хорошо разсказана исторія борьбы корсиканцевъ за свою свободу съ Генуей и Франціей. «Парижскія Улицы XVII столѣтія» даютъ читателю несравненно больше, чѣмъ объясняетъ заглавіе статьи, потому что въ ней живо изображено французское общество того времени. «Посѣщеніе Мальты» бросаетъ новый свѣтъ на познанія автора. Онъ трактуетъ здѣсь о характерѣ апостола Павла и о его посланіяхъ, какъ опытный теологъ.

(*) Historical Studies, by Herman Merivale. 1865.

Вообще книга г. Меривала очень разнообразна по своему содержанию и очень занимательна, хотя не всѣ статьи, вошедшія въ составъ ея, могутъ выдержать строгую критику.

Исслѣдованія первобытной исторіи человѣчества, Эдуарда Борнета.

Г. Эдуардъ Борнетъ, авторъ «Исслѣдованій въ области отдаленной исторіи человѣчества и развитія цивилизаціи» (*), принадлежитъ къ числу писателей, глубоко и добросовѣстно изучающихъ теоретическіе вопросы. Въ книгѣ его представлено много фактовъ для доказательства, что люди нескорѣ приобретаютъ способность отличать мысли и предметы отъ способа ихъ выраженія. Онъ говоритъ о языкѣ мимическомъ и словесномъ, о письмѣ фигурами и словами, о портретахъ и именахъ, о возвышеніи и упадкѣ культуры, о каменномъ вѣкѣ, огнѣ, приготовленіи пищи, о замѣчательныхъ обычаяхъ, преданіяхъ и мифахъ. Въ главѣ о мимическомъ языкѣ онъ объясняетъ системы, усвоенныя глухо-нѣмыми. Здѣсь помѣщенъ разсказъ объ англійскомъ земледѣльцѣ, который, будучи лишенъ слуха, дара слова, и не умѣя ни читать, ни писать, составилъ на случай своей смерти очень сложное духовное завѣщаніе. Оно было написано по его знакамъ и утверждено законнымъ порядкомъ послѣ того, какъ писавшіе объяснили, какимъ образомъ завѣщатель сообщилъ имъ свою волю. Въ Берлинѣ, въ училищѣ глухо-нѣмыхъ, каждое воскресенье совершается церковная служба посредствомъ пантомимъ, и—по увѣренію автора—нѣкоторыя притчи, представленныя въ дѣйствіи, производятъ болѣе глубокое впечатлѣніе, нежели простое чтеніе евангелія. Мы привыкли думать, что дикари пользуются большей свободой сравнительно съ образованными народами, что ихъ не сковываютъ тѣ условія, которымъ подчинена жизнь цивилизованныхъ націй. Это—величайшее заблужденіе. Невѣжество и предрассудки создаютъ для дикаря такіе стѣснительные законы, которые почти совершенно уничтожаютъ свободу дѣйствія. Онъ такъ боится колдовства, что этотъ страхъ виситъ густымъ облакомъ надъ всей его жизнью и отравляетъ всѣ его удовольствія. Въ Индіи, Новой Голландіи и другихъ странахъ мужчина не можетъ жениться на дѣвушкѣ, принадлежащей къ клану, который называется одинаково съ его кланомъ. Аравакъ не долженъ видѣть лица своей тѣщи; на островахъ Фиджи братьямъ запрещено разговаривать съ сестрами и даже ѣсть изъ одной посуды съ ними. У низшихъ расъ нѣтъ совсѣмъ религіи. Но какъ скоро идея божества коснется ихъ ума, они стараются дать ей вещественную форму. Потому-то несправедливо считаютъ идолопоклонство большимъ зломъ. Напротивъ, оно есть первый шагъ къ духовному прогрессу. Грубость и без-

(* *Researches into the early History of Mankind and the Development of Civilization*, by Edward Burnet Tyler. 1865.

образіе идоловъ, которымъ поклоняются дикари, вѣрѣдко возбуждали удивленіе. Но очень некрасивы бываютъ также и дѣтскія игрушки, однакожь, эта некрасивость не препятствуетъ имъ возбуждать игривость воображенія. Замѣчательно также, что дикари не позволяютъ снимать съ себя портретовъ. Они думаютъ, что человекъ, нарисовавшій ихъ, долженъ необходимо получить таинственную власть надъ ними. Г. Кенъ устрасилъ напавшихъ на него индійцевъ угрозою нарисовать ихъ, а г. Кетлина хотѣли убить за то, что онъ съ начальника дикарей снялъ портретъ въ профиль. Его заподозрѣли въ зломъ умыслѣ лишить этого человека половины лица. Въ Англии, лѣтъ триста назадъ тому, существовало мнѣніе, что бѣда, случившаяся съ портретомъ, должна пасть на оригиналь. Король Іаковъ увѣрялъ, что если растопить восковую фигуру, то человекъ, имя котораго дано ей, будетъ сохнуть или гаять отъ продолжительной болѣзни. На томъ же основаніи колдуны стараются добыть прядь волосъ, обрѣзки ногтей или слѣдъ, сдѣланный на землѣ ногою ихъ врага, думая, что вредъ, нанесенный этимъ предметамъ, непременно обратится на него. У многихъ нецивилизованныхъ народовъ строго соблюдается обычай скрывать собственныя имена и не называть умершихъ изъ опасенія, чтобы духъ не явился человеку, нарушившему это правило. Древніе не смѣли назвать по имени фуриі; тунгусы, лапландцы и жители Суматры, говоря о тигрѣ и медвѣдѣ, никогда не называютъ этихъ звѣрей попросту медвѣдемъ или тигромъ, но употребляютъ непременно иносказательныя выраженія. Нетолько произнесенному, даже написанному слову придается таинственная сила. Китайскіе доктора, если вѣтъ у нихъ подъ рукою лекарства отъ болѣзни, заставляютъ пациента проглотить пепель рецепта. Мусульмане убѣждены, что вода, въ которую будетъ погруженъ стихъ, выписанный изъ корана, получаетъ цѣлебное свойство. Здѣсь соединяются оба конца этой цѣли — выраженію идеи звукомъ или знакомъ приписывается та же сила, какъ и ей самой. Необразованный умъ стремится придать этимъ способамъ своей внутренней дѣятельности вѣшнюю реальность. Такое смѣшеніе объективнаго съ субъективнымъ можетъ объяснить всѣ отрасли професіи колдуновъ и предсказателей. Ихъ дѣйствія, несоединенныя съ умственнымъ процессомъ, можно считать исключеніемъ изъ общаго правила. Авторъ полагаетъ, что несходство цивилизаціи и умственнаго уровня въ различныхъ расахъ происходитъ скорѣе отъ несходства развитія, нежели происхожденія, и что исторія человечества, въ широкомъ смыслѣ, есть исторія его прогресса. Г. Уэллсъ подтвердилъ уже справедливость этой мысли удачнымъ приложеніемъ къ человечеству начала естественнаго подбора. Націи могутъ возвышаться и упадать, но все же людской родъ въ его полномъ составѣ стремится къ совершенствованію.

Мадагаскаръ и его населеніе.

Исторія Мадагаскара, которымъ нѣсколько разъ хотѣли овладѣть европейцы, описана довольно подробно г. Мак-Леодомъ (*). Этотъ островъ, отдѣленный отъ восточнаго берега Африки Мозамбикскимъ проливомъ, не принадлежитъ къ числу земель, случайно открытыхъ мореходцами, подобно Америкѣ, Австраліи, Новой Зеландіи и т. д. Онъ былъ извѣстенъ задолго до этихъ открытій. Еще Марко Поло слышалъ о немъ въ Китаѣ, но португальцы посѣтили его только въ началѣ XVI вѣка, на возвратномъ пути изъ Ост-Индіи. Съ тѣхъ поръ они, англичане и французы нѣсколько разъ пытались основать тамъ колоніи. Однакоже эти предпріятія не имѣли успѣха, пока не явился тамъ въ 1773 г. Беніовскій. Исторія этого человѣка очень замѣчательна. Онъ былъ полякъ, сосланный, вслѣдствіе своихъ политическихъ тенденцій, въ Камчатку. Тамъ попалось ему въ руки путешествіе Ансона, которое такъ сильно подѣйствовало на его воображеніе, что онъ рѣшился бѣжать. Былъ составленъ заговоръ, сосланные овладѣли русскимъ бригомъ, и послѣ разныхъ приключеній достигли Св. Маврыкія. Здѣсь Беніовскій составилъ проектъ колоніи, но встрѣтивъ недоброжелателя въ губернаторъ, этого острова, Пуавръ, долженъ былъ отправиться въ Парижъ гдѣ планъ его былъ одобренъ французскимъ правительствомъ. Послѣ это дѣло пошло на ладъ. Колонія была основана на берегу Антонгильскаго залива, въ сѣверовосточной части Мадагаскара. Были устроены дороги, каналы, и счастливый искатель приключеній умѣлъ такъ поправиться дикарямъ, что они провозгласили его королемъ. Этотъ успѣхъ еще сильнѣе раздражилъ самолюбіе Пуавра, и онъ нашель средство повредить окончательно смѣлому поляку во мнѣніи своего правительства. Не находя поддержки со стороны Франціи, Беніовскій предложилъ свои услуги англичанамъ. Встрѣтивъ и здѣсь отказъ, онъ отправился, по совѣту Франклина, въ Соединенные-Штаты, гдѣ и получилъ пособіе, позволившее ему возвратиться въ колонію съ надеждою на успѣхъ. Народъ принялъ его хорошо, но Пуавръ, справедливо признавая своего соперника измѣнникомъ Франціи, послалъ противъ него военный корабль. Произошла битва, и Беніовскій погибъ. Послѣ этого ироническаго, французскія колоніи въ Индѣйскомъ морѣ стали приходить въ упадокъ и были въ 1810 г. завоеваны англичанами. Въ то время, когда совершались эти событія на берегу Мадагаскара, *воасы*, жители внутренней возвышенности острова, усиливаясь постепенно, подчинили своей власти другія племена. Начальникъ ихъ Діанампонинъ, прославившійся многими побѣдами, сдѣлался мадагаскарскимъ королемъ, и послѣ 25-ти лѣтняго царствованія передалъ престолъ сыну своему Радамъ, который старался войти въ дружескія сношенія съ европейцами. Англійскій губернаторъ острова Маврыкія заключилъ съ нимъ договоръ, отмѣнявшій торговлю

(*) Madagascar and its People, by Lyons M'Leod. 1865.

невольниками, за что обязался отъ имени своего правительства платить ежегодно по 2,000 ф. ст. Вслѣдъ за тѣмъ явились миссіонеры, научившіе мадагаскарцевъ грамотѣ и разнымъ ремесламъ. По смерти Радамы, прозваннаго Великимъ, верховная власть перешла въ 1828 г. къ женѣ его Ранаволонѣ. Первымъ подвигомъ ея было уничтоженіе договора, заключеннаго съ Англією. Потомъ, возстановивъ идолопоклонство, изгнала она европейскихъ миссіонеровъ и воздвигла страшное гоненіе противъ обращенныхъ въ христіанскую вѣру мадагаскарцевъ. Ихъ жгли на кострахъ, распяливали пополамъ и подвергали самымъ жестокимъ пыткамъ. Въ 1842 г. болѣе двухъ тысячъ человѣкъ было приговорено къ смертной казни за религиозныя убѣжденія. Послѣ тридцати-трехъ лѣтъ царствованія этой свирѣпой женщины, на мадагаскарскій престолъ вступилъ сынъ ея Радама II. Начало его правленія было ознаменовано возстановленіемъ религиозной свободы и дружбы съ иностранными націями. Но онъ жилъ недолго. Расположеніемъ его умѣли воспользоваться недобрые люди, развили въ немъ дурныя склонности и потомъ убили его. 12 мая 1863 г. была провозглашена королевою Рабодо, давшая вѣтву не нарушать конститудіи. Послѣдствія покажутъ, каково будетъ ея царствованіе.

II. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Жизнь животныхъ или естественная исторія животнаго царства, популярно изложенная докторомъ Бремъ, директоромъ зоологическаго сада въ Гамбургѣ. Переведено подъ редакціею И. О. и В. М. Москва. Типографія Готье. 1865.

Несмотря на множество замѣчательныхъ сочиненій, посвященныхъ изслѣдованію животнаго царства, мало однако такихъ, которыя содержали бы свѣдѣнія о жизни звѣрей; обыкновенно ограничиваются подробнымъ до крайности описаніемъ внутренняго и внѣшняго организма животныхъ, считая какъ-бы несогласнымъ съ достоинствомъ науки говорить о жизни и характерѣ животнаго. Причина этого отчасти заключается въ томъ, что ученые, пользуясь богатыми матеріалами для анатомическихъ и систематическихъ изслѣдованій, не имѣютъ времени наблюдать непосредственно самихъ живыхъ животныхъ, для чего нужно быть или путешественникомъ или охотникомъ. Съ молодыхъ лѣтъ началъ свои наблюденія надъ всевозможными животными, сперва въ своихъ обширныхъ путешествіяхъ въ различныхъ странахъ сѣвера и юга, а потомъ при занятіяхъ какъ директоръ зоологическаго сада, Бремъ издалъ въ высшей степени увлекательное сочиненіе о птицахъ (*),

(*) DAS LEBEN DER VÖGEL, von Brem. Glogay. 1861.

а также и о животных, которое и является въ русскомъ переводѣ отдѣльными выпусками. Изданіе это вполне удовлетворительно; переводъ очень хорошъ и цѣна ему очень умѣренная; тетрадь мелкой убористой печати съ очень хорошими литографированными картинами (ихъ 4 въ первомъ выпускѣ) стоитъ 25 копеекъ. Первый до сего времени вышедшій выпускъ перевода заключаетъ въ себѣ жизнь обезьянъ. При этомъ мы замѣтимъ, что обезьянамъ у насъ везетъ. Независимо отъ этого изданія Брѣма, въ той же самой Москвѣ общество распространенія полезныхъ книгъ издаетъ такъ-называемые *Разказы изъ естественной исторіи: обезьяны (переводъ съ нѣмецкаго. Москва. Въ типографіи Грачева. Выпускъ 1—3. 1865)*. По нашему мнѣнію, это тотъ же самый Брѣмъ, переведенный съ весьма небольшими измѣненіями (если только подобныя замѣщенія словъ, какъ мы сейчасъ покажемъ, могутъ быть названы измѣненіями) и изданный хуже и *дороже*, хотя цѣна выпуску назначена и дешевле, именно 15 копеекъ вмѣсто 25. Это изданіе не имѣетъ литографированныхъ рисунковъ, печать и бумага хуже, и менѣе компактно, такъ что 1-й выпускъ издаваемого Брѣма содержитъ въ себѣ весь 1-й выпускъ и 17 страницъ 2-го выпуска (то-есть половину его), издаваемыхъ обществомъ распространенія полезныхъ книгъ *Разказовъ изъ естественной исторіи*. Намъ совершенно непонятно, почему общество сообщаятъ, что это *переводъ съ нѣмецкаго*, не сочло нужнымъ указать, съ какого же именно сочиненія оно переводило эти разказы. Мы полагаемъ, что это тотъ же Брѣмъ, и для большаго подтвержденія нашего предположенія и въ видахъ предостереженія публики отъ покупки въ двухъ экземплярахъ одного и того же сочиненія, но изданнаго на русскомъ языкѣ подъ двумя разными заглавіями, мы сдѣлаемъ нѣкоторые выписки изъ обоихъ переводовъ, замѣтивъ при этомъ, что общество распространенія полезныхъ книгъ нѣсколько опередило изданіе перевода собственно Брѣма; оно уже напечатало 3-й выпускъ, гдѣ говорятъ все объ обезьянахъ конечно, но называемыхъ мирики, зауцины, мормозеть, индри и златошерстый маки, тогда какъ послѣднее, то-есть Брѣмъ въ переводѣ вышло пока въ одномъ 1-мъ выпускѣ, остановившемся на буденгахъ и разноцвѣтной обезьянѣ.

Жизнь животныхъ Брѣма.

Стр. 34. Гиббоны составляютъ небольшую группу обезьянъ; въ настоящее время насчитываютъ ихъ семь видовъ и т. д.

Стр. та же. Изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ родовъ длиннорукихъ обезьянъ и т. д.

Разказы изъ естественной исторіи, переводъ съ нѣмецкаго.

Выпускъ 2-й стр. 3. Гиббоны образуютъ небольшое семейство обезьянъ; въ настоящее время извѣстно только семь видовъ и такъ далѣе.

Изъ извѣстныхъ до сихъ поръ видовъ длиннорукихъ обезьянъ и т. д.

Стр. 36. Однако, несмотря на всё эти неблагоприятныя обстоятельства, гиббонъ представилъ такія доказательства своей способности, что присутствующіе были внѣ себя отъ удивленія и т. д.

Стр. 38. Она начинала основною нотою и потомъ полутонами доходила до полной октавы, пробѣгая такимъ образомъ хроматическую гамму.

(туть *отдѣлъ* не означенъ).

Стр. 39. Тошавки (*semnopithecus*) водятся въ Южной Азій; обитаютъ въ мѣстахъ, возвышающихся отъ 10 — 11 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря.

Стр. 40. Гульманъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между 30 милліонами боговъ у индусовъ и пользуется этою честью съ незапамятныхъ временъ.

Окончивъ съ гиббонами, рассказъ переходитъ у Брэма (русскаго) къ буденгамъ и ничего не говоритъ о носатой обезьянѣ, свѣдѣнія о которой помѣщены на страницахъ 12 — 13 изданія Рассказовъ изъ естественной исторіи. Затѣмъ они опять входятъ въ стройное гармоническое согласіе, такъ напримѣръ:

Стр. 42. Въ старости онъ (буденгъ) блестяще-чернаго цвѣта, лицо и руки какъ бархатъ, а спина шелковиста.

Стр. 42. Буденгъ въ молодости питается нѣжными листьями разныхъ растеній, въ старости всякаго рода дикими плодами, которыхъ очень много въ тѣхъ необитаемыхъ лѣсахъ.

Когда я увидѣлъ живаго буденга въ первый разъ въ зоологическомъ саду и т. д.

Стр. 5. Однако, несмотря на всё эти неблагоприятныя обстоятельства, гиббонъ *представлялъ* (?) такое доказательство своей способности къ прыганью, что всё посѣтители приходили въ крайнее удивленіе и т. д.

Стр. 7. Она начинала съ основного тона *и* и полутонами возвышала его до цѣлой октавы, пробѣгая хроматическую гамму.

Семнопитеви (*Semnopithecus*).

Стр. 9. Всѣ семнопитеки живутъ въ Южной Азій; они живутъ въ странахъ, находящихся на десять и на *пятнадцать* (въ этомъ большая разница) тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря.

Стр. 9. Гульманъ занимаетъ первое мѣсто между тридцатью милліонами индусскихъ божествъ и пользуется этою честью уже съ незапамятныхъ временъ.

Стр. 13. Въ старости буденгъ имѣетъ блестящую, черную шерсть, на лицѣ и на рукахъ похожую на бархатъ а на спинѣ шелковистую.

Стр. 15. Въ молодости буденги питаются молодыми листьями, а въ старости дикими плодами, въ большомъ количествѣ произрастающими въ необитаемыхъ лѣсахъ.

Когда я въ первый разъ увидѣлъ въ амстердамскомъ зоологическомъ саду живаго буденга и т. д.

Стр. 44. Въ Антверпенѣ бу-денгъ жилъ въ одной кѣлтѣ съ мартышками и макаками и т. д.

Стр. 17. Въ Антверпенѣ бу-денгъ жилъ между маленькими мартышками и макаками и т. д.

Мы полагаемъ, что эти небольшія выписки вполне убѣдятъ въ правильности высказаннаго нами выше предположенія объ истинномъ авторѣ того нѣмецкаго сочиненія, съ котораго и сдѣланъ переводъ разсказа изъ естественной исторіи объ обезьянахъ. Только къ чему же такая таинственная скрытность со стороны издателей въ отношеніи дѣйствительнаго имени автора того сочиненія, которое служило оригиналомъ для ихъ перевода?

Иллюстрированная жизнь животныхъ. Изд. г Ковалевскаго.

Тѣ же самыя обезьяны, то-есть то же самое сочиненіе Брэма обратили на себя вниманіе въ С.-Петербургѣ г. Ковалевскаго, который издалъ уже 1-й выпускъ, хотя въ этой такъ названной иллюстрированной жизни животныхъ менѣ картинъ и рисунковъ, нежели въ изданіи Готье. Переводъ сдѣланъ подъ редакцію В. А. Зайцева, какъ заявлено на заглавномъ листѣ. Но къ чему же служить подобное заявленіе? и можетъ ли оно способствовать успѣху самаго изданія? Едва-ли. Извѣстенъ ли г. В. А. Зайцевъ публикѣ, какъ человекъ, обладающій основательными свѣдѣніями въ естественныхъ наукахъ, единственно представляющими гарантію вполне, что переводъ будетъ грамотный и толковый? И чѣмъ г. Зайцевъ заявилъ такія познанія въ такой мѣрѣ, что присутствіе его фамиліи представляло бы уже и ручательство за точность перевода? Читателямъ «Русскаго Слова», конечно, г. Зайцевъ извѣстенъ какъ критикъ, публицистъ, естествоиспытатель, философъ, агрономъ, историкъ и многихъ другихъ художествъ мастеръ; но вѣдь это же еще ничего не добавляетъ для тѣхъ, кто не имѣетъ терпѣнія читать «Русское Слово»; а потому, по нашему мнѣнію, рѣшительно все равно для публики, будетъ ли заявлено, что переводъ сдѣланъ подъ редакцію Зайцева, Аскоченскаго, Старчевскаго или другаго неизвѣстнаго естествоиспытателя.

По поводу *двухсотлѣтняго* юбилея нашего почтового вѣдомства, мы имѣли удовольствіе читать слѣдующую книгу:

Почта и народное хозяйство въ Россіи въ XVII столѣтіи. Историческій очеркъ А. К. Фабриціуса. С.-Петербургъ. 1864 года. Въ типографіи императорской академіи наукъ.

Книга эта, несодержащая въ себѣ даже полныхъ ста страницъ, но изданная съ большимъ изяществомъ въ типографскомъ отношеніи, возбуждала въ насъ большое любопытство даже однимъ своимъ заглавіемъ, нѣсколько для насъ страннымъ. *Почта и народное хозяйство.* Почему же непременно вмѣстѣ разсматриваются оба эти предмета, которые въ жизни и въ учрежденіяхъ яв-

ляются совершенно отдѣльными; *почта*, какъ всѣмъ извѣстно, составляетъ *отрасль* такъ-называемаго государственнаго хозяйства, то-есть финансоваго управленія страны, и въ большей части государствъ принадлежитъ къ числу государственныхъ регалій, состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣнн и зависимости отъ правительственной власти, управляется ея органами, чиновниками и т. д.—короче, является нѣчто отдѣльнымъ отъ *хозяйства народнаго*, разумѣя (г. Фабриціусъ же не опредѣляетъ слово народное хозяйство) подъ этимъ вообще непрерывную и послѣдовательную дѣятельность народа, съ цѣлю удовлетворить своимъ потребностямъ, которая возникаетъ, растетъ, процвѣтаетъ и падаетъ вмѣстѣ съ народомъ. Поэтому очередь народнаго хозяйства въ Россіи, хотя бы и въ XVII столѣтн, самъ по себѣ одинокъ, безъ всякой *почты*, служить уже очень обипрною тѣмою для сочиненія въ 98 страницъ.

Но отложимъ въ сторону вопросъ о заглавіи и выборѣ тѣмъ для сочиненія: это вполне зависитъ отъ автора; посмотримъ лучше, какъ авторъ исполнилъ свою задачу, что онъ предлагаетъ публикѣ въ своемъ сочиненн, содержаніе котораго, какъ означено въ оглавленн, слѣдующее:

1) начало почты, 2) путешествіе графа Карлейля, 3) дневникъ Гордона, 4) народное хозяйство, 5) первая конвенція и первый почтмейстеръ, 6) газеты. Это, какъ видите, довольно пестрое содержаніе, мы и рассмотримъ. Первую главу своего сочиненія г. Фабриціусъ начинаетъ словами: «Въ 1664 году было основано въ Россіи почтовое вѣдомство». Почему же именно въ 1664 году? Графъ Толстой, въ своемъ извѣстномъ сочиненн: «Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи», говоритъ: «основаніе почтамъ положено было въ Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ 1665 году» (стр. 221), и въ подтвержденіе своихъ словъ ссылается на Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ част. IV стр. 629. Въ прекрасной своей монографіи, помѣщенной въ Юридическомъ сборникѣ Мейера «Историческое развитіе русскаго законодательства по почтовой части», Бржозовскій на стр. 359 говоритъ: впрочемъ, настоящая почта возымѣла начало свое въ 1665 году или, можетъ быть, даже немного раньше, принимая въ основаніе этому предположенн показаніе экономиста Шторха, будто бы почта *письменная* учреждена была въ Москвѣ Иоанномъ фон-Шведеномъ (Johann von Schweden, а не *Сведень*, какъ переименовалъ его г. Фабриціусъ) уже въ 1663 году! Опять-таки не 1664 годъ!

Фабриціусъ приводитъ этотъ годъ безъ всякихъ ссылокъ и, повидному, не подозрѣваетъ существованія означенныхъ двухъ сочиненій, которыя бы ему пригодились; онъ же, при составленн историческаго очерка о *русскихъ* почтахъ, пользовался тремя *иностранными* сочиненнями (O relation of three embassies performed by the earl of Carlisle. London. 1669; Tagebuch des Generalen Gordon; Killburger: Uber den russischen Handel). Изъ рус-

скихъ жѣ источниковъ, упоминаетъ онъ только о сочиненіи Пегарскаго: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ-Великомъ (какъ разъ XVII столѣтіе—не правда ли?) и о Полномъ собраніи законовъ, которое можетъ служить матеріаломъ только для второй половины XVII столѣтія, а не для всего же.

Что разумѣть г. Фабриціусъ подь словомъ: почты? Онъ нигдѣ этого не объясняетъ, а дѣлаетъ краткій историческій очеркъ, на трехъ страницахъ, только о какихъ-то почтахъ у афинянъ, персовъ, французовъ и германцевъ; замѣчаетъ, что испанцы, открывъ Перу, были изумлены, найдя тамъ правильно организованное *почтовое ведомство* (какое же? неужели такое, какое помѣщается у насъ въ зданіяхъ почтамта?) и говорить (стр. 6): «въ Россіи также основаніе почты было вызвано потребностями царя, имѣть постоянныя сношенія съ правящими». Это можетъ сказать г. Фабриціусъ, неподозрѣвающій сочиненій графа Толстого, Карамзина, Гагемейстера, Бржозовскаго; въ противномъ случаѣ, ему слѣдовало бы выразиться иначе, именно: «что для провоза гонцовъ—посланниковъ и разныхъ должностныхъ лицъ, князя (а не царя, которые въ нашей исторіи появляются позднѣе уже) наши, съ самыхъ древнихъ временъ устраивали особенныя *слободы* (а не почты), называемыя *ямы*, появленіе которыхъ въ нашемъ отечествѣ относится къ концу XIII и къ началу XIV столѣтія».

Въ старину же въ Россіи за государевыми дѣлами посылались обыкновенно особенныя лица, которыя ѣздили или на своихъ или наемныхъ лошадяхъ; только иностраннымъ посламъ и гонцамъ, по особому каждаго разъ распоряженію мѣстныхъ начальниковъ, давались отъ города до города обывательскія подводы, съ выдачею за то хозяевамъ ихъ отъ казны небольшого вознагражденія денежнаго. Монголы, въ первыя еще времена своего владычества, ввели въ Россіи, существовавшую у нихъ издавна, постоянную обязанность всѣхъ жителей доставлять лошадей для всѣхъ проезжающихъ по дѣламъ великаго и удѣльныхъ князей—это и была ямская повинность.

Для чего г. Фабриціусъ посвятилъ цѣлую треть своего очерка выпискамъ и разнымъ извлеченіямъ изъ дневниковъ Карлейля и Гордона, и почему именно этихъ двухъ путешественниковъ, а не какихъ либо другихъ—намъ рѣшительно непонятно; собственно объ устройствѣ и состояніи почтовой части въ Россіи въ то время мы, изъ сдѣланныхъ Фабриціусомъ выписокъ, не приобрутаемъ никакихъ свѣдѣній, хотя и узнаемъ, что Чанселеръ (а не Ченслеръ, какъ пишутъ обыкновенно) былъ занесенъ бурей въ Сѣверную Двину, что Карлейль нашелъ удобною русскую одежду, а русскій народъ—красивымъ, что женщины отличаются миловидностію и нѣжностію, что пожары бывають часто въ Россіи, что по ту сторону Самары растутъ особаго рода тывы, называемыя баранцами, что тревожили ихъ очень комары и мухи, что дороги плохи и т. д.

Хотя дороги и теперь далеко еще нехороши; но затѣмъ о нихъ упомянуть, говоря о почтахъ? Дороги состоятъ въ вѣдомствѣ не почтоваго управления, и г. Фабриціусъ не показалъ, чтобы онъ въ XVII столѣтіи завѣдывался тѣмъ же учрежденіемъ, которое имѣло въ своемъ распоряженіи почту. Сдѣлавъ всякія бесполезныя выписки, онъ не счелъ даже нужнымъ сказать, какъ были устроены почты, какъ содержались и т. д., хотя изъ тѣхъ же самыхъ названныхъ нами сочиненій графа Толстого и Бржозовскаго, онъ могъ бы узнать, что вновь устроенныя почты были ввѣрены содержанію частныхъ лицъ, получавшихъ за это извѣстное вознагражденіе отъ казны, но что въ царствованіе императора Петра I, правительство взяло въ свое исключительное завѣдываніе управленіе почтами, и съ этого времени почтоваго сношенія внутри Россіи стали значительно умножаться и улучшаться (стр. 222).

Въ главѣ IV «Народное Хозяйство» сообщается, что первая почта отправлялась разъ въ недѣлю, именно во вторникъ вечеромъ изъ Москвы въ Новгородъ, Псковъ и Ригу, употребляя на этотъ путь 11 дней (стр. 469). Спрашивается: но какой этотъ путь? или неужели Фабриціусъ полагаетъ, что почта, выйдя изъ Москвы, шла равнымъ образомъ одинадцать дней что въ Новгородъ, что въ Ригу? Сказавъ, что одинъ золотникъ porto стоилъ въ то время въ Новгородъ 6 копеекъ, а въ Ригу 10, авторъ замѣчаетъ, что «эти цѣны за письма не соответствовали цѣламъ народнаго хозяйства (каково это опять?), если взять въ соображеніе, что 25 копеекъ составляли тогда полефимка, полталера». Какъ мы много выиграли, читатель, принявъ въ соображеніе для составленія понятія о величинѣ денежной цѣнности 25 русскихъ копеекъ въ Россіи въ XVII столѣтіи иностранныя монеты? Что же составляли эти полефимки и полталеры въ то время и въ какомъ отношеніи находятся они къ современнымъ полталерамъ по ихъ цѣнности въ обращеніи—опять неизвѣстно. Затѣмъ г. Фабриціусъ подробно начинаетъ излагать предметы вывоза изъ Россіи и количество ихъ, стоимость главныхъ съѣстныхъ припасовъ въ 1674 году, и къ чему же все это?—къ тому, чтобы сдѣлать слѣдующее заключеніе на стр. 57-й: «Сдѣланный нами очеркъ доказываетъ, что при учрежденіи почтоваго вѣдомства въ Россіи народная производительность и мѣры, придуманныя въ то время для развитія ея, были далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Потому первоначальное устройство почтъ соответствовало потребностямъ торговли, такъ-какъ послѣдняя, при условіяхъ того времени, была весьма незначительна». Неправда ли, вотъ что называется у людей умъ за разумъ заходить, и они ученымъ образомъ начинаютъ писать великолѣпнѣйшую глупость. Мы сознаемъ, что народная производительность была въ то время далеко не въ цвѣтущемъ состояніи; мѣры, предпринятыя для развитія ея, можно сказать, не соответствовали своей цѣли, были нераціональны, неудовлетворительны и т. д.; но кто же когда либо говорить о цвѣту-

щемъ состояніи предпринятыхъ мѣръ? Но съ мнѣніемъ автора, что первоначальное устройство почты *соотвѣтствовало* потребностямъ торговли, такъ-накъ послѣдняя при условіяхъ того времени была весьма незначительна — согласиться нельзя; оно рѣшительно бездоказательно. Мы думаемъ, что торговля, сколь бы она незначительна ни была, нисколько не обуславливаетъ собою худое и неисправное устройство почты; правильная организація почты, исправное и дешевое доставленіе корреспонденціи всякаго рода, удовлетворительное содержаніе почтовыхъ дорогъ и т. д.—все это можетъ способствовать и быть благопріятно всякой торговлѣ, какъ значительной такъ и незначительной, которая нисколько своими размѣрами не обуславливаетъ извѣстное состояніе почты. Мы понимаемъ, что устройство почты, какъ и вообще всякое учрежденіе, находится въ зависимости отъ всего экономическаго и умственнаго состоянія гражданскаго общества, то-есть что во владѣніяхъ африканскаго короля Дагомея нельзя устроить точно такую же почтовую систему вообще, какъ въ Англии, это такъ; но одна торговля не представляетъ собою все состояніе страны. Иначе мы придемъ къ такому бессмысленному выводу: малая, незначительная торговля допускаетъ, извиняетъ и обуславливаетъ худую почтовую систему, хотя бы по другимъ причинамъ можно было бы устроить и хорошую.

Вообще говоря, весь очеркъ г. Фабриціуса крайне неудовлетворителенъ, до крайности переполненъ вытекаками, между которыми лишь изрѣдка авторъ говоритъ кое-гдѣ отъ себя, и это оказывается обыкновенно или общими мѣстамъ, или неосновательно.

Невольно задаешь себѣ вопросъ, что побудило автора написать сочиненіе, которое не доставитъ ему, какъ надо желать и надѣяться, ни литературной славы, ни экономической выгоды, ибо, по всей вѣроятности, книга эта лишь увеличитъ собою печатный баластъ книжныхъ лавокъ, что она исполнѣ и заслуживаетъ. Болѣе безкорыстное стремленіе вдохновило автора написать эту плохую книгу; онъ написалъ ее въ память 200-лѣтія почтоваго вѣдомства и посвятилъ ее главноначальствующему надъ почтовыми департаментами. Мы, по правдѣ сказать, упустили изъ виду подобный юбилей почтоваго вѣдомства, прошедшій незамѣтно, и сожалѣемъ, что онъ былъ ознаменованъ лишь появленіемъ этого очерка г. Фабриціуса, а не какими либо болѣе полезными, существенными явленіемъ, если не въ области литературы, то по крайней мѣрѣ въ ежедневной жизни, напримѣръ, хотя бы отгнѣною подорожныхъ, совершенно бесполезныхъ въ настоящее время. Намъ очень желательно, чтобы намъ объяснили и доказали, для какой пользы и надобности, при современныхъ условіяхъ всей общественной жизни, а слѣдовательно и средствъ сообщенія, заставляютъ частныхъ лицъ подвергаться немалымъ хлопотамъ, сопряженнымъ какъ съ денежнымъ расходомъ, такъ и значительною тратой времени, и все это для того, чтобы вы-

ѣхать, на примѣръ, за 40 верстъ, тогда какъ въ Астрахань, Таганрогъ, Варшаву и проч. мѣста уѣзжаетъ всякій безъ подорожной. Она ему вовсе ненужна, ибо онъ преспокойно ѣдетъ по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ, не подвергаясь никакимъ хлопотамъ и неприятностямъ, повидимому, неизбѣжно сопряженнымъ у насъ съ ѣздой на почтовыхъ лошадяхъ. Чтобы получить подорожную, вы должны сказать или дать записку дворнику того дома, гдѣ жевете, когда и куда желаете ѣхать; онъ отправляется въ кварталъ и получаетъ свидѣтельство о неимѣннн со стороны полиціи препятствій на выѣздъ изъ города, и только въ силу этого свидѣтельства вамъ дадутъ подорожную. Время уйдетъ немало, хлопотъ для частнаго лица много, а что за польза всего этого, какая цѣль достигается этимъ и существуетъ ли настоящая, безусловная необходимость въ сохраненіи безъ измѣненія этого порядка?

При выдачѣ подорожной, какъ извѣстно, взимается съ получателя по $\frac{1}{2}$ копейки за версту и лошадь (о 30 копейкахъ, которыя берутся за самую подорожную, то-есть бумагу, мы умалчиваемъ); весь этотъ сборъ поступаетъ на покрытие расходовъ, совершаемыхъ государствомъ по устройству и содержанию почтъ.

Такимъ образомъ частное лицо, проѣзжая на почтовыхъ лошадяхъ по тракту, на которомъ, на примѣръ, взимается прогонныхъ денегъ по $2\frac{1}{2}$ копейки на версту и лошадь, уплачиваетъ собственно говоря на версту и лошадь:

На самой станціи	$2\frac{1}{2}$ копейки.
И при полученіи подорожной въ установленномъ для этого мѣстѣ	$\frac{1}{2}$ " "

Итого . . . . . 3 копейки.

Очевидно, что величина расходовъ при ѣздѣ на почтовыхъ будетъ совершенно одинакова для частнаго лица—будутъ ли съ него взимать за разъ *три* копейки или сперва *полкопейки*, потомъ двѣ съ половиною копейки; первое только представляетъ для него болѣе удобства, ибо въ такомъ случаѣ нѣтъ причины заставлять его брать подорожную. Доходъ же государства также нисколько не измѣняется, ибо сборъ съ частныхъ лицъ, какъ мы сказали, остается тотъ же самый.

Если же по какимъ либо особымъ государственнымъ соображеніямъ необходимо вести особый счетъ этимъ полкопейкамъ, взимаемымъ при выдачѣ подорожной за версту и лошадь, то весьма легко достигъ этого слѣдующимъ путемъ, нисколько не затрудняя частныхъ лицъ добываніемъ подорожныхъ. На каждой почтовой станціи имѣется особая шнуровая книга со многими графами, въ которыхъ при всякомъ отпускѣ проѣзжающему лошадей отмѣчается: сколько и когда отпущено лошадей, когда онѣ должны вернуться, число верстъ до слѣдующей станціи и количество причитающихся и уплаченныхъ проѣзжающимъ прогонныхъ денегъ. Кто мѣшаетъ къ этимъ графамъ прибавить еще

одну для означенія тѣхъ дополнительныхъ полукопеевъ, которыя, по нашему предположенію, взимались бы на каждой станціи при самомъ полученіи лошадей, вмѣсто взимаемыхъ нынѣ при выдачѣ подорожной?

Но позвольте, безъ сомнѣнія, возразятъ намъ: выдача подорожной, кромѣ этого чисто-фискальнаго значенія, имѣетъ еще и другое, чисто-полицейское; не имѣя подорожной, частное лицо не можетъ ѣхать на почтовыхъ и тѣмъ укрыться, хотя бы на время только, отъ преслѣдованія закона. Отказавъ кому либо въ выдачѣ подорожной, вы тѣмъ самымъ оставляете его на томъ мѣстѣ, въ которомъ пребываніе его считается необходимымъ.

Признавъ даже полную справедливость и основательность этого возраженія, нельзя не замѣтить, что въ такомъ случаѣ слѣдовало бы постановить правиломъ выдавать подорожныя всѣмъ, по ихъ требованію, за исключеніемъ только тѣхъ, о которыхъ заявлено было бы, что они, по какимъ либо обстоятельствамъ, не могутъ отлучиться изъ извѣстнаго мѣста, а не обременять всѣхъ и cadaго полученіемъ свидѣтельства изъ полиціи о неимѣніи препятствія на выѣздъ изъ города. Право переѣзда, перемѣщенія изъ одного мѣста въ другое по усмотрѣнію или желанію, принадлежитъ къ числу такихъ же естественныхъ правъ всякаго человѣка, какъ мыслить, говорить, ходить, располагать своей особой и своимъ имуществомъ и т. д.; всякое же ограниченіе въ этомъ, дѣлаемое вслѣдствіе какихъ либо особенныхъ причинъ, составляетъ исключеніе, ограниченіе права, безусловно всѣмъ принадлежащаго.

На основаніи этого, рациональнѣе, казалось бы, и отмѣнить эти свидѣтельства полиціи, которыя притомъ весьма часто не достигаютъ своей цѣли и составляютъ только стѣснительную формальность. Вообразите, что вы, проѣздомъ въ какомъ либо городѣ, находите нужнымъ взять подорожную. Ступайте сперва въ полицейское управленіе, которое и не знаетъ ничего о вашемъ существованіи, всего въ первый разъ видѣть, и то только потому, что вы лично зашли за свидѣтельствомъ, а то и не видѣло бы въ глаза, еслибы вы прислали человѣка, но тѣмъ не менѣе преспокойно удостовѣряетъ, что препятствія вамъ на выѣздъ нѣтъ.

Но нельзя не замѣтить, что отказъ въ выдачѣ подорожной *нисколько не препятствуетъ* къ выѣзду: можно безъ всякой подорожной уѣхать съ помощью той же почты и тѣхъ же почтовыхъ лошадей, только уплачивая двойныя или тройныя прогонныя деньги, ибо нѣтъ да и не можетъ быть (по полной невозможности наблюдать за исполненіемъ такого запрещенія, еслибы оно даже и было) никакихъ правилъ, воспреещающихъ почт-содержателямъ возить кого бы то ни было безъ подорожной, по взаимному соглашенію въ цѣнѣ провозной платы. Помимо почтъ, вы, съ помощью разныхъ правительственныхъ же учреждений, можете уѣхать не волочивъ изъ полиціи свидѣтельства на безпре-

платственный выѣздъ; вы можете ѣхать по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ, въ *почтовыхъ экипажахъ*, учрежденныхъ тѣмъ же почтовымъ вѣдомствомъ на различныхъ трактахъ, гдѣ не требуютъ предъявленія полицейскаго свидѣтельства для полученія билета на проѣздъ, да и требовать нѣтъ никакой возможности, ибо послѣдовательность требовала бы тогда такого же свидѣтельства отъ всѣхъ отправляющихся на пароходахъ въ Ижору или Колонію или по желѣзной дорогѣ въ Павловскъ и Петергофъ, хотя только на фейервергъ и музыку.

Такимъ образомъ та полицейская цѣль, которая, можетъ быть, и достигалась выдачею подорожной въ то время, когда ѣзда на почтовыхъ представляла собою единственное средство сообщенія, въ настоящее время, при существованіи другихъ, болѣе удобныхъ и дешевѣйшихъ средствъ переѣзда, нисколько не осуществляется, а потому и самая выдача подорожныхъ должна быть, по нашему мнѣнію, совершенно отмѣнена, какъ мѣра, которая напрасно стѣсняетъ публику, не принося ни малѣйшей пользы видамъ правительства.

КУРЬОЗЫ.

«Русское Слово» о методахъ изученія и изложенія исторіи.

Я русскихъ лѣтописей не читаю, и никогда не буду читать.

Д. Писаревъ. (Р. Сл. мартъ 1865, отг. II, стр. 17).

Нижеслѣдующія отроки гораздо лучше могли бы быть озаглавлены словомъ: *Открытие*. Но мы думали, что это было бы не довольно скромно. Между тѣмъ, фактъ состоитъ въ томъ, что мы сдѣлали именно открытіе, и одно изъ самыхъ интересныхъ и неожиданныхъ. Мы открыли возможность примиренія между здравымъ смысломъ и «Русскимъ Словомъ».

Не спѣшите, читатель, улыбаться такъ адовито; не спѣшите говорить вслухъ: «здравый смыслъ и Русское Слово — что за нелѣпное сочетаніе словъ?»

Сочетаніе словъ, дѣйствительно, довольно странное. И однако, мы не успѣемъ окончить этого краткаго, даже очень краткаго этюда, не успѣемъ, быть можетъ, довести его до половины, какъ во взглядѣ читателя на эту странность должна произойти радикальная перемена: здравый смыслъ и «Русское Слово» ему не будутъ болѣе казаться отрицающими одинъ другой терминами.

Да не снѣшите же, читатель, улыбаться такъ ядовито, или, не подумайте объяснить намъ комплиментъ «Русскому Слову» однимъ только нашимъ деликатнымъ пристрастіемъ къ этому почтенному органу общечеловѣческой (*) гласности.

Правда, относительно послѣднаго пункта, можетъ быть, нужна оговорка. «Русское Слово», тронутое всѣми прославленіями, какія воздаются ему въ «Отеч. Запискахъ», недавно заплатило этому журналу долгъ вѣжливости: оно удостоило самаго лестнаго отзыва одну изъ его статей; самый этотъ отзывъ оно выразило не вратцѣ, но посвятило ему цѣлую главу («Русское Слово» отличается многоглавіемъ), которая начиналась словами: «Свѣжая волна новой мысли плеснула недавно на сухія страницы «Отеч. Записокъ...» Скромность запрещаетъ намъ продолжить эту хвалебную выпеску. И конечно, одна уже деликатность могла бы вызвать насъ на взаимный обмѣнъ чувствъ съ «Русскимъ Словомъ». Но мы можемъ сослаться на все наше прошлое, и доказать, что прославленіе «Русскаго Слова» мы всегда включали въ число нашихъ обязанностей: выхвалять его сотрудниковъ, удивляться его наборщикамъ, намъ всегда казалось дѣломъ далеко небезполезнымъ для развитія и укрѣпленія общественнаго смысла. Слѣдственно, и настоящее открытіе наше должно быть объясняемо не столько деликатными отношеніями нашими къ «Русскому Слову», сколько нашимъ пониманіемъ своихъ обязанностей.

Итакъ, намъ стѣитъ сказать нѣсколько словъ—и въ общественное сознаніе Россіи, а также и всего человѣчества, прольется новая струя свѣта; намъ стѣитъ сказать нѣсколько словъ—и человѣчество перестанетъ видѣть въ здравомысліи — съ одной стороны, и въ «Русскомъ Словѣ» — съ другой, отрицающія другъ друга крайности. Намъ удалось открыть ларчикъ, и будь это въ ущербъ не только намъ самимъ, но и журналистамъ всего человѣчества, мы все-таки обязаны открыть всѣмъ — какъ онъ открывается?

Для того, кто этотъ секретъ уже знаетъ, ничто не можетъ быть проще, хотя для того, кто его не знаетъ... впрочемъ, и для того едва-ли что-нибудь можетъ быть проще. Секретъ въ томъ, что вы не такъ читали и не такъ понимали «Русское Слово». Вы разсматривали его со стороны его сущности и читали его отъ начала къ концу. Но его нужно разсматривать со стороны его цѣли и читать отъ конца къ началу. Распространять здра-

(*) Извѣстно, что самые почтенные сотрудники «Русскаго Слова», какъ м-сье Ремю и м-сье Жакъ-Лефрэнъ—французы; г. Шелгуновъ—вологжанинъ; остальные—съ гордостью говорятъ о своей солидарности со всѣмъ человѣчествомъ, англичанинъ изъ сего послѣдняго только поэтъ Амалова и г. Антоновича.

вня понятія есть два способа: одинъ прямой, другой—окольный. Первый—тотъ, когда вы прямо высказываете и доказываете то, что вамъ кажется истиннымъ: это пока общепринятый способъ, но съ успѣхами цивилизаціи онъ едва-ли удержится, какъ все первобытное. Второй тотъ, когда подь маской добродѣтельнаго лицемѣрія, вы преднамѣренно становитесь на сторону нелѣпости, защищаете ее, доводите до послѣднихъ выводовъ, и хотя въ концѣ не прибавляете нравоченія, но только изъ уваженія къ дальновидности вашихъ ближнихъ: это—способъ Макиавелли, особенно употребленный имъ въ извѣстномъ его сочиненіи «*Il principe*»; къ этому способу постоянно обращался также авторъ «*Философіи бѣдности*», защитившій на-смерть столько вопіющихъ нелѣпостей; и этому способу, съ умноженіемъ деликатныхъ свойствъ въ человѣчествѣ, мы полагаемъ, предстоитъ будущность. «Русское Слово», прозрѣвая впередъ, проводитъ свои здравыя мнѣнія именно этимъ окольнымъ путемъ. Вы до сихъ поръ понимали его буквально, вы шли по немъ отъ начала къ концу, и вы смѣялись надъ всѣми его буквами, стоящими и въ концѣ и въ началѣ. Но попытайтесь понимать его какъ аллегорію, пройдите по немъ отъ конца къ началу, и тѣ же самыя буквы вамъ представятся совершенно въ другомъ свѣтѣ, конечно, при томъ условіи, если вы не вспомните про бѣлаго медвѣдя. Чтобы не вдругъ перейти къ нашему главнѣйшему аргументу, который способенъ поразить читателя, мы представимъ сперва самый ничтожный. Читаю «Русское Слово» по старому способу, вы встрѣчали, напримѣръ, въ его политикѣ, которая съ тѣмъ вмѣстѣ есть политика Жака-Лефрена, слѣдующія достопримѣчательныя слова:

«*Ради любознѣтства замѣтимъ, что возбужденъ вопросъ о сооруженіи желѣзной дороги между Жоппъ (Joppé) и Иерусалимомъ*». (Февраль 1865, Полит. стр. 11).

Что вы могли подумать при этихъ словахъ? Вы, конечно, принимали ихъ за либеральную выходку со стороны «Русскаго Слова», которое даже *Яффу* не хочетъ называть *Яффой*, а называетъ ее чортъ-знаетъ почему *Жоппъ* (*Joppé*). И безъ сомнѣнія, какъ бы эта выходка, употребленная на двухъ языкахъ, ни казалась либеральной «Русскому Слову», вы признавали ее вполне бессмысленной. Но взгляните на эту самую выходку съ той точки зрѣнія, которую мы открыли, и что вамъ представляется? Вы прежде всего поймете, что Жакъ-Лефрень не могъ написать въ своей рукописи ни *Жоппъ*, ни *Joppé*, а написалъ *Jaffa* (*);

(*) Хотя могъ написать еще *Joppé*, такъ-какъ во французскихъ учебникахъ

но только написал так неразборчиво, что можно было принять и за *Jorre*. При этомъ, какъ вы тоже не можете не понять, онъ думалъ: «накажу я этихъ бессмысленныхъ людей, которые въ своемъ «Русскомъ Словѣ» проводятъ мою французскую политику». Вовторыхъ, для васъ становится ясно, что переводчикъ, которому сдана была рукопись Жака-Лефрена, хотя и могъ бы справиться у умныхъ людей, что такое это *Jorre*, но тоже, въ свою очередь, подумалъ: «никажу я эту бессмысленную редакцію, которая получаетъ свою политику изъ Парижа; вставляю я ей *Жонтъ* (*Jorre*); пусть разбираетъ, какъ хочетъ». Наконецъ, сама редакція, какъ вы уже догадываетесь, хотя и могла бы снести съ Жакомъ-Лефренемъ на счетъ истиннаго значенія начертанныхъ имъ буквъ, но тоже себя подумала: «*Жонтъ* — *Jorre* — оставлю такъ, какъ есть; если окажется вранье, пусть оно послужитъ урокомъ этому бессмысленному переводчику». И такимъ образомъ, въ концѣ всего вы получаете уже не либеральную бессмыслицу, надъ которой вамъ хотѣлось смѣяться, а видите, напротивъ, что и Жакъ-Лефрень, и переводчикъ «Русскаго Слова», и даже само «Русское Слово» стремятся неукоснительно и съ своей стороны къ обличенію этой самой бессмыслицы.

Способъ чтенія и пониманія «Русскаго Слова», развитый въ этомъ примѣрѣ, мы намѣрены, въ этомъ же отдѣлѣ нашего журнала, примѣнить en gros ко всѣмъ научнымъ взглядамъ «Русскаго Слова», по всѣмъ отраслямъ знанія. Но на первый разъ останавливаемся на его воззрѣніи, относящемся до различныхъ способовъ изученія и изложенія исторіи. Статья, подавшая намъ поводъ къ настоящему упражненію, напечатана въ мартовской книгѣ «Рус. Слова», въ библиографическомъ отдѣлѣ. Вызвана эта статья переводомъ на русскій языкъ «Исторіи нидерландской революціи» Дж. Лотропа Мотлея. Подъ статьею подписано: *В. Зайцевъ*. И это-то именно произведеніе мы и назвали, въ одной изъ предъидущихъ строчекъ, главнѣйшимъ аргументомъ въ пользу нашего открытія. Но вы поймите, но вы проникнитесь, читатель, что въ нашемъ аргументѣ вамъ будетъ предложенъ цѣлый и совершенно законченный взглядъ «Русскаго Слова» на цѣлую науку. Поймите это и оцените нашу заслугу.

«Русское Слово» находитъ, что понимать и излагать исторію

географія обыкновенно встрѣчается: *Jaffa, Joppé, ville et port de la Syrie, sur la Méditerranée*. Но даже соединенный авторитетъ всѣхъ иностранныхъ сочинителей «Русскаго Слова» все-таки давалъ «Русскому Слову» право лишь на одно то, чтобы поставить французское слово (конечно, съ соблюденіемъ орфографіи) въ скобкахъ, а никакъ не на то, чтобы и въ русскомъ текстѣ вѣнчать *Жонтъ* вмѣсто *Яффа*.

существуетъ три метода: первый оно называетъ объективнымъ, второй — *Боклемъ*, даже не методомъ *Бокаля*, а такъ-таки просто *Боклемъ*, третій — субъективнымъ. Его мудрости предстояло рѣшить: который изъ нихъ предпочтительнѣй? Вопросъ весь въ этомъ; и понятно, что если вопросъ поставленъ такимъ образомъ, то вы имѣете право не сомнѣваться, что которому нибудь изъ этихъ трехъ методовъ «Русское Слово» должно отдать преимущество; должно, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если оно не рѣшится открыть новый. Но мы скажемъ заранѣе, что новаго метода оно не открываетъ. Который же оно предпочитаетъ изъ старыхъ? Въ разрѣшеніи этого вопроса мы усвоиваемъ себѣ методъ — снять показанія съ самого «Русскаго Слова».

Книгу Дж. Лотропа Мотлея оно находитъ написанной по первому изъ трехъ означенныхъ методовъ. А свою оцѣнку этого способа — излагать исторію оно выражаетъ въ слѣдующихъ строчкахъ:

«Для тѣхъ, кто уважаетъ объективный методъ въ исторіи, сочиненіе это (Мотлея) покажется вполнѣ безукоризненнымъ, потому что авторъ судитъ лица и событія съ современной имъ точки зрѣнія, и въ добавокъ, сочиненіе читается какъ романъ. Но слишкомъ много можно сказать противъ самаго метода. Можно утверждать, что объективность въ историческихъ сочиненіяхъ лишаетъ ихъ всякаго серьезнаго значенія. Разказъ, написанный съ объективной точки зрѣнія объ интереснѣйшихъ событіяхъ, можетъ быть, конечно, очень занимателенъ. Но трудно сказать (слушайте!), чѣмъ отличается занимательность этого рода отъ той, которую представляютъ романы и повѣсти, хорошо, то-есть занимательно, написанные. Я не вижу никакой разницы между, наприимѣръ, «Исторіей Филиппа II» Прескотта и романами Вальтеръ-Скотта, и многихъ другихъ. Чтò изъ того, что въ первой вѣтъ ни одного слова, неподтвержденнаго актами, хрониками и компетентными авторами; а во вторыхъ многое или даже все принадлежитъ фантазій сочинителя. Вѣдь какъ то, такъ и другое относится къ области искусства и ни на какія житейскія цѣли непригодно. Для читателя можетъ быть равно интересно описаніе какъ вымышленнаго сраженія, такъ и самаго достовѣрнаго и подтвержденнаго всѣми источниками. Вѣдь все равно (слушайте! слушайте!), подробности какого нибудь аустерлицкаго сраженія, какъ бы онѣ ни были вѣрны, никакого серьезнаго значенія имѣть не могутъ».

Но здѣсь мы должны на одну секунду остановиться. Мы были столь самонадѣяны, что рассчитывали покончить съ объективнымъ методомъ безъ перерыва, мы полагали, что на это доставитъ нашего терпѣнія. Однако, противъ жару — какъ говорить

пословица—и камень лопается. Потому намъ понадобилось спросить «Русское Слово»: полагаетъ ли оно, что въ случаѣ опасности отечества, все равно—довѣрять ли армію такому генералу, который изучалъ бы одни только вымышленныя сраженія и невѣрныя описанія подлинныхъ, или такому, который упражнялъ свой умъ на однихъ подлинныхъ сраженіяхъ и руководствовался при этомъ самыми вѣрными описаніями? Положимъ, что «Русское Слово» отвѣтитъ на это, что его отечество—миръ и солидарность со всѣмъ человѣчествомъ, и что, поѣтому, ему все равно, какой бы генералъ ни одержалъ побѣду, нашъ или непріятельскій. Но предположимъ, что у «Русскаго Слова» на самой границѣ, со стороны нашествія непріятели, находится помѣстье, или его бумажная фабрика или типографія, или, наконецъ, оно само находится на этомъ пунктѣ, или еще лучше, тамъ находятся всѣ помѣстья всѣхъ его подданныхъ: согласилось ли бы оно и тогда довѣрять нашу армію такому романтику, въ глазахъ котораго, наиримѣръ, *Жюппъ-Жорре* или Яффа, Аустерлицъ или «заколдованная роща» были бы одно и то же? Кстати мы вспомнили и про эту штуку: въ житейскихъ отношеніяхъ мирнаго времени, конечно, очень мало можно придавать значенія тому—называется ли Яффа Яффой, или Жюппъ-Жорре.—Но случись нашему генералу вести въ той мѣстности войну, тогда точность терминовъ, какъ историческихъ, такъ и географическихъ, будетъ нужна до безконечности. То же надобно связать и объ истинномъ направленіи желѣзныхъ дорогъ; потому что въ предположенномъ нами случаѣ рѣшительно не все равно—думать ли, что желѣзная дорога лежитъ между Жюппъ—Жорре и Иерусалимомъ, или быть съ точностію увѣрену, что она находится между этимъ послѣднимъ и Яффой. Продолжаемъ прерванную цитату объ объективномъ методѣ:

«Какими мыслями я обогащусь, какіе результаты извлеку, если достоверно узнаю, что честь побѣды при Сен-Кентенѣ принадлежитъ именно Эгмонту? Не все ли равно мнѣ, еслибы я полагалъ, что честь эта принадлежитъ какому-нибудь герою романа, одаренному всѣми талантами и совершающему подвиги, чтобы покорить сердце героини. Знаніе или незнаніе такихъ фактовъ рѣшительно ни къ чему не ведетъ».

Нѣтъ, «Русское Слово», позвольте васъ опять приостановить pour un petit moment, какъ выражается вашъ Жакъ-Лефрэнъ—въ одномъ мѣстѣ: знаніе подобныхъ фактовъ кое-къ чему ведетъ; наиримѣръ, хотъ къ тому, чтобы вы не вереносили «стѣну Кароагена» въ Италію, чтобы «Помѣть эвксинскій» не принимали за гору, чтобы не полагали, будто «Аониа-Паллада» есть на-

звание города, чтобы нимфу «Эгерію» не смѣшивали съ княжествомъ Монако, и не называли «счастливымъ, милымъ уголкемъ». Да и мало ли къ чему ведетъ вообще знаніе фактовъ. Конечно, чтѣ касается собственно «Русскаго Слова», мы, пожалуй, согласны, что его сотрудники безопасно могутъ думать, что, напримѣръ, съ Порожъ — царемъ индійскимъ сражался не Александръ Македонскій, а Наполеонъ *двадцатый*; но «Русское Слово» не имѣетъ никакого права обобщать это явленіе. Ибо, случись его сотрудникамъ перейти въ какую-нибудь другую редакцію, и напиши они тамъ такую штуку, завтра же и откажутъ. Вотъ вамъ и не имѣетъ никакого серьезнаго житейскаго значенія.

Далѣе, «Русское Слово» разбиваетъ въ пухъ самую прочную, по видимому, опору объективнаго метода, опору, извѣстную подъ именемъ такъ называемаго «справедливаго суда исторіи». Опровергнувъ мнѣніе ретроградныхъ историковъ о томъ, будто нельзя судить людей, жившихъ за тысячу и болѣе лѣтъ, съ нашей точки зрѣнія, доказавъ вдобавокъ къ этому, что подобное мнѣніе было прилично развѣ египтянамъ, а никакъ не европейцамъ XIX вѣка, «Русское Слово» торжественно заключаетъ ссылкой на великій авторитетъ одного изъ великихъ своихъ сотрудниковъ:

«Г. Писаревъ—вѣщаетъ оно—въ одной изъ своихъ статей говорилъ о нецѣлостности историковъ, которые проводятъ всю жизнь, занимаясь какъ-будто чѣмъ-то серьезнымъ и важнымъ, отмѣчиваямъ балловъ за поведеніе разнымъ историческимъ лицамъ. Это вполне вѣрно относительно объективныхъ историковъ, для которыхъ кажется чѣмъ-то необыкновенно важнымъ поставить данной личности именно тотъ баллъ, который она заслужила. Такое занятіе дѣйствительно праздно; но необходимо замѣтить, что замѣчаніе г. Писарева можетъ распространяться только именно на то, чтѣ носить величавыя названія «справедливаго суда исторіи» и «объективности въ исторіи».

Это, позвольте вамъ доложить, тотъ самый г. Писаревъ, которому принадлежитъ великое изреченіе, поставленное нами въ эпиграфъ: «я русскихъ лѣтописей не читалъ, и никогда читать не буду». Стало-быть, судья—полнѣ компетентный. Потому компетентный, что свою общечеловѣческую точку зрѣнія не засорилъ изученіемъ какихъ бы ни было фактовъ. Но во всякомъ случаѣ, дѣло ясное, что объективный методъ въ исторіи, на взглядъ «Русскаго Слова», оказывается нигуда годнымъ.

Переходимъ къ методу, который «Русское Слово» такъ замисловато называетъ *Боклемъ*. Заранѣе предупреждаемъ читателя — не поддаваться на удочку утонченныхъ выраженій «Русскаго Слова». Съ историческимъ методомъ, который съ этихъ поръ бу-

детъ называться *Боклемъ*, оно, повидимому, деликатничаетъ; но тѣмъ не менѣе этотъ *Бокль* — или этого *Бокля*? — ну, однимъ словомъ, этотъ методъ оно порицаетъ. Вотъ его собственныя выраженія:

«Очень жаль, что у многихъ развилась, отъ увлеченія Боклемъ, охота распространять его (то-есть *Бокля*) на всякій историческій трудъ. Нѣтъ сомнѣнн, что переворотъ, произведенный въ историографіи Боклемъ, громаденъ. Но было бы очень печально, еслибы значеніе Бокля, хотя на время, заслонило значеніе прежней историографіи. Весьма ошибаются тѣ, которые полагають, что послѣ Бокля всѣ прежніе историки совершенно лишились своего значенія».

Дѣйствительно, нельзя не пожалѣть о тѣхъ безумцахъ (конечно, если они только существуютъ, чтò, однако, весьма сомнительно, по крайней мѣрѣ, сомнительно относительно тѣхъ странъ, гдѣ уровень просвѣщенія на столько высокъ, что туда могли проникнуть сочиненія Бокля) — нельзя не пожалѣть о тѣхъ безумцахъ, которые съ появленіемъ Бокля отвернулись отъ всѣхъ прежнихъ историковъ; ибо, говоря откровенно, имъ остается пребывать навсегда во мракѣ неисходнаго невѣжества. Бокль, какъ извѣстно, предпринялъ-было написать исторію Англіи, и былъ застигнутъ смертію на половинѣ предисловія къ этой исторіи. Пршу покорно довольствоваться и непопадаться въ ловушку всякій разъ, когда дѣло коснется событія изъ исторіи Рима, Греціи, Каролингскаго или всякаго другаго государства — древняго или новаго. Но «Рус. Слово» сожалеетъ о безумцахъ не съ этой стороны, на которую оно само хромаетъ, а съ той, что они увлекаются историческимъ методомъ, который ему — «Русскому Слову» — не кажется наилучшимъ. Оно совершенно справедливо разсуждаетъ, что Бокль смотритъ на исторію, какъ на науку, а въ наукѣ видитъ какую-то богиню; тогда какъ оно — «Русское Слово» — полагаетъ, что время прекрасныхъ богинь миновало и наступила пора распрекрасныхъ кухарокъ. Намъ остается, слѣдственно, записать послѣднее показаніе «Русскаго Слова», показаніе о томъ, какъ оно думаетъ о субъективномъ методѣ. Вотъ его строчки, относящіяся къ этому предмету:

«Объективная историческая школа, конечно, теперь не имѣетъ никакого значенія, но нельзя сказать того же о тѣхъ историкахъ, которые пользуются историческимъ матеріаломъ такъ, какъ, напри- мѣръ, Макиавели и Шлоссеръ. У такихъ писателей исторія теряетъ свой научный характеръ (вотъ такъ исторія!), но за то приобретаетъ важное общественное значеніе (вотъ такъ колѣно!). Изъ богини она дѣлается служою, но въ повседневной жизни слуги полезнѣе богонъ. Правда, изъ Шлоссера читатель не вынесетъ *такою* богатства идей и знанія, *сколко* изъ Бокля (похвала Боклю),

но за то никогда не впадетъ въ филистерство (узвлєніе Бокля). Такіе исторіи приносятъ громадную пользу, заставляя науку сходиться съ нѣдестада и служить ежедневнымъ нуждамъ людей. Для этого они пользуются ею не для изысканія вѣчныхъ истинъ и законовъ, а для того, чтобы примѣрами научать людей избѣгать вреднаго и злого, выбирать и находить полезное и хорошее, цѣнить доброе, презирать и преслѣдовать дурное.»

Конецъ этого разсужденія, очевидно, взятъ изъ какой-нибудь прописи, хотя въ то же время очевидно, что субъективный методъ въ исторіи, методъ Макиавели и Шлоссера приходится «Русскому Слову» по душѣ, преимущественно передъ всѣми другими методами. Но дѣло въ томъ, что черезъ пять строчекъ — этому похвальному методу произносится такой приговоръ:

«Само собою разумѣется, что такой историческій разсказъ (то-есть въ родѣ того, какъ у Шлоссера и Макиавели) носитъ непременно на каждой страницѣ прямой отпечатокъ личныхъ взглядовъ автора (какъ жаль, что этого достоинства нѣтъ у авторовъ «Русскаго Слова!»). Эта субъективность, когда личныя воззрѣнія автора узки, умъ ограниченъ, характеръ мелоченъ, дѣлаетъ многія историческія сочиненія совершенно нелѣпыми, крайне вредными и безобразными. Примѣромъ такого рода произведеній могутъ служить сочиненія Маколея, *о которыхъ я когда-нибудь поговорю подробно* (то-есть спишу изъ «Современника», гдѣ ужъ эти подробности были). Для англичанина консервативно-либеральнаго (или либерально-консервативнаго) образа мыслей, какъ большинство англійской публики (то-есть либерально-консервативной или консервативно-либеральной), сочиненія Маколея могутъ казаться неопѣненными. Но для человѣка, неспособнаго увлекаться интересами англійскихъ либеральныхъ консерваторовъ (или консервативныхъ либераловъ) и даже понимать ихъ, *трудно представить что-нибудь нелѣпѣе* сочиненій этого писателя (а ваши собственные разговоры, «Русское Слово?»). — Примѣровъ такого безобразія, художественныя историческія сочиненія, разсматривающія свой предметъ объективно, не представляютъ. Но это потому, что они ни рыба ни мясо».

Ужъ хуже этого метода, кажется, ничего и быть не можетъ, исключая, можетъ быть, положенія читателя, которому бы хотѣлось уразумѣть—на что такое бьетъ «Русское Слово»? Въ самомъ дѣлѣ, въ итогѣ всего—(конечно, если вы еще упорствуете понимать «Русское Слово» буквально) — вы имѣете такія положенія: методъ, называемый (съ марта текущаго года) *Боклемъ*, нигуда не годится, потому что дѣлаетъ изъ исторіи богиню, тогда какъ «Русскому Слову» нужна, для его страши, кухарка; объективный былъ бы сносенъ, еслибъ онъ былъ менѣе занимателенъ, и еслибы притомъ не былъ ни рыба ни мясо; субъективный имѣлъ бы преимущество передъ обоими, если бы въ этомъ

родѣ писали только Макиавели и Шлоссерь и никогда не писаль Маколей. И отъ васъ требуется разсудить теперь, который же лучше? Вы, можете быть, очерта голову, скажете: субъективный. Но почему же? Наука не можетъ довѣряться случайностямъ. А довѣряя этому методу, она не избавляется отъ какого-нибудь Маколей; слѣдственно, не избавляется отъ того, чтобы не быть «крайне вредной и безобразной».

Такимъ образомъ—ясно, при буквальной пониманіи «Русскаго Слова», при чтеніи его отъ начала къ концу, вамъ нѣтъ выхода; вы должны признать, что оно написало абракадабру. Вы должны пойти далѣе и признать его дѣликомъ за чудовище абравадабры. Но можете ли вы это сдѣлать? Впрочемъ, вы это ужъ и сдѣлали, и подобный вопросъ отчасти неумѣстенъ. Но въ правѣ ли вы были сдѣлать это? То-есть: въ правѣ ли вы приписывать одному «Русскому Слову» столько нелѣпости, сколько могло бы достать, по крайней мѣрѣ—на десять самыхъ либеральныхъ и занимательныхъ журналовъ? Съ одной стороны, вы какъ-будто въ правѣ, потому что имѣете достаточное основаніе; но съ другой, вамъ приходится допустить, что «Русское Слово» сочиняется сверхъестественными существами, и слѣдственно, вы не въ правѣ. Можете вы выдти изъ этой альтернативы?

Этими общими соображеніями вы уже достаточно затруднены; но возвратимся на минуту къ наиболее частному. Вообразите, что «Русское Слово» говоритъ вамъ (и оно, дѣйствительно, это самое и говоритъ вамъ): если вы будете подѣзжать къ исторіи объективнымъ путемъ, то сами будете дѣлы, коня лишитесь; если зайдете съ субъективной стороны, коня сбережете, но самихъ себя лишитесь; если, наконецъ, повернете по Боклю, то и себя лишитесь, и коня не сбережете.—Можете ли вы допустить, чтобы это такъ именно и слѣдовало понимать, какъ это написано въ «Русскомъ Словѣ»?

Этимъ соображеніемъ, мы надѣмся, вы стѣснены уже до послѣдней возможности, и вамъ волею-неволею приходится обратиться къ нашему открытію. Но какая же тутъ можетъ быть неволя, когда передъ вами открывается свѣтъ, когда въ приведенныхъ сужденіяхъ «Русскаго Слова», если вы прочтаете ихъ съ конца къ началу и поймете навыворотъ, вы не только не увидите предостереженія отъ котораго нибудь изъ вышеозначенныхъ путей, а услышите, напротивъ, вопіаніе во всю мочь: «валяй по всѣмъ тремъ!»

PS. Въ этомъ краткомъ этюдѣ дано, между прочимъ, обѣщаніе. Открытый нами способъ—читать и понимать «Русское Слово»—мы

обѣщали оправдать и доказать, примѣнивъ его ко всѣмъ другимъ взглядамъ «Русскаго Слова» на всѣ другія науки. Это обѣщаніе наше мы просимъ считать серьезнымъ, хотя бы для выполненія его намъ пришлось выписывать цѣликомъ прекрасныя статьи «Русскаго Слова», какъ мы и поступили въ этомъ скромномъ этюдѣ. При этомъ мы просимъ читателя даже съ нѣкоторою настойчивостью — не вѣрить утвержденіямъ «Русскаго Слова», обращеннымъ къ г. Антоновичу, будто оно не можетъ сочинить такую статью, которая бы могла быть напечатана въ «Отеч. Запискахъ», и напротивъ, вѣрить г. Антоновичу, утверждающему, что оно сочиняетъ такія статьи гораздо чаще, чѣмъ воображаетъ. И дѣйствительно, вышензложенную статью, кажется, «Русское Слово» не можетъ не признать своею. Оно могло бы вспомнить, кромѣ того, про нѣкоторыя свои поѣмы, которыхъ «Отеч. Записки», къ полному удовольствію ихъ читателей, тоже съ охотою удѣляли мѣсто на своихъ страницахъ. Но цѣлая вереница статей, уже отмѣченныхъ нами въ «Русскомъ Словѣ», для вышензясненной цѣли, и какъ разъ подходящихъ къ этому самому отдѣлу нашего журнала, въ которомъ мы теперь бесѣдуемъ, обнаружить яснѣе всего, правъ ли былъ г. Антоновичъ, утверждавшій, что нѣкоторыя міросозерданія «Русскаго Слова» (мы думаемъ, что всѣ), такъ и просятся въ «Отеч. Записки».

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛИЯ.

VI

О КОМАРАХЪ И СНОВИДѢНІЯХЪ.

Настало утро. На гисбахской пристани толпился народъ. Отъ Бриенца приближался, усердно пыхтя, небольшой пароходикъ. Наши русскіе были въ числѣ ожидающихъ. Пароходъ ударился о дебаркадеръ, и толпа повалила на палубу. Русская молодежь усѣлась на табуреткахъ въ тѣсный кружокъ.

— Какъ вы почивали? обратился къ барышнямъ Левъ. — Не помѣшали вамъ водопадъ?

Наденька, казалось, совѣстилась начать разговоръ и смолчала; Моничка не считала нужнымъ отвѣчать на вопросъ «долговязаго университета». Отвѣтъ остался за Лизой.

— Помѣшали-таки, сказала она: — шумить такъ, что стекла дрожать. Съ непривычки трудно заснуть. Болѣе, однако, надоѣдали комары, и еслибы не одна уловка съ моей стороны...

— C'est vrai, подхватилъ Куницынъ: — комаровъ здѣсь легіонъ. Воевалъ я съ ними, воевалъ — просто мочи не стало

— А, такъ это ты билъ такъ звонко въ ладоши? спросилъ Левъ. — Я думалъ: неужто Александръ?

— Нѣтъ, я; да вѣдь вплоть до зари, бестіи, не давали сомкнуть глазъ! Кусаются, какъ собаки. Вѣроятно и послѣ кусали, да усталость одолѣла, заснулъ. Жужжать у тебя надъ самымъ ухомъ; въ темнотѣ ихъ и не разглядишь. Съ перваго-то начала, я отмахивался платкомъ, да никакого толку: только отгоню, опущусь на подушки — а они уже тутъ какъ тутъ, юлятъ около самага носу. Я, наконецъ, вышелъ изъ себя, и давай рубить сплеча и праваго, и виноватаго; поутру весь полъ около моей кровати былъ усѣянъ трупами, какъ *champ de bataille*.

— Вы человекъ горячій, замѣтилъ Александръ: — и принимаете все къ сердцу; а съ своей стороны не вижу, чего тутъ беспокоиться? Пусть пососутъ маленько: насъ отъ этого не убудетъ, имъ же надо чѣмъ-нибудь пропитаться. Къ чему хлѣбъ отнимать? Мое правило: *Leben und leben lassen*.

— Хорошо вамъ говорить! обросли кругомъ непроходимымъ муромскимъ лѣсомъ; тутъ и самому отчаянному комару-разбойнику не проникнуть.

— Ничего, проникали; только я не удостоивалъ вниманія. Одинъ изъ самыхъ бойкихъ запутался даже въ моихъ бабахъ и давай пщать благимъ матомъ. Я человекъ съ сердцемъ и не могу видѣть чужихъ мученій: взялъ, высвободилъ осторожно ножи шалуна и пустилъ его на волю. Потомъ, въ сознаніи, что сдѣлалъ доброе дѣло, заснулъ безмятежно сномъ праведныхъ.

— Вы, должно быть, большой лимфатикъ, замѣтила теперь Наденька:—большая часть людей не можетъ вынести писка этихъ неотвязчивыхъ пѣвуновъ. Звенить комарикъ, распѣваетъ вокругъ васъ гдѣ-то въ воздухѣ, все ближе и ближе; вотъ-вотъ, кажется, сядетъ; но нѣтъ, отлетаетъ и снова заводитъ свою задорную серенаду. Это ожиданіе бѣды мучительнѣе самой бѣды.

— Совершенно справедливо, сказалъ Левъ. — Но если защититься отъ нихъ какъ слѣдуетъ, то можно слушать ихъ весьма хладнокровно. Такъ я, ложась ввечеру, придвинулъ къ изголовью стулъ, распустилъ черезъ ручку его и свою голову пледъ, и обезпечилъ себя такимъ образомъ отъ дальнѣйшихъ нападеній маленькихъ вампировъ. Дышать я могъ свободно, потому что между изголовьемъ и стуломъ оставался еще промежутокъ; выдыхаемая углекислота опускалась по тяжести къ полу и замѣнялась отсюда немедленно струею чистаго воздуха. Комары распѣвали вокругъ моей головы попрежнему, но проникнуть до меня не имѣли уже физической возможности. Съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ внималъ я ихъ концерту, слагая изъ напѣвовъ ихъ, то глубокобасистыхъ, то пронзительно-звонкихъ, мелодіи штраусовскаго вальса, и, убаюканный, въ нѣсколько минутъ задремалъ.

— Я распорядилась пообстоятельнѣе, сказала Лиза. — Я имѣю обыкновеніе читать въ постели; вчера, когда начали докучать комары, я пошла со свѣчою въ смежную комнату, гдѣ почивали Моничка и Наденька, и поставила свѣчу на полъ. Дѣвушки спали, какъ убитыя, потому комары не могли обезпечить ихъ. Когда, по моему расчету, всѣ комары изъ нашей спальни перелетѣли къ

нимъ, къ свѣту, я задула свѣчу. Потомъ вернулась къ себѣ и плотно притворила дверь. Средство оказалось радикальнымъ: въ комнатѣ не осталось ни одного комара.

— А мы удивлялись, сказала Моничка: — откуда взялась у насъ поутру такая пропасть ихъ и свѣчка на полу.

— Она всегда такъ, замѣтила Наденька: — вотъ какъ искушали — просто ужаси! прибавила она, разглядывая свои красивыя, полныя руки, испещренныя до локтей красными пятнами.

— *En vérité!* подхватила Моничка, осматривая и свои руки: — и меня тоже! *C'était bien méchant, Lise!* Я думаю, и на лицѣ есть слѣды?

— Есть-таки! засмѣялась Наденька: — но тебѣ это къ лицу.

— *Grand merci!* Въ наши лѣта можно, кажется, обойтись и безъ косметическихъ средствъ. Ты впрочемъ не радуйся очень, *ma chère*, ты сама въ пятнахъ.

— Это ничего, пройдетъ. Пройдетъ, господа натуралисты?

— Пройдетъ, отвѣчалъ Левъ. — Комары принесли вамъ даже пользу: не пусти они вамъ крови, я увѣренъ, вы бы не выспались такъ славно, не видали такихъ вещей во снѣ.

— Какихъ вещей?

— Да всего того, что молодыя дѣвушки любятъ видѣть во снѣ; гдѣ же намъ знать!

— А интересно бы знать, сказалъ Куницынъ. — Говорятъ, что если спишь въ первый разъ *sous le toit d'une maison*, то все, что приснится, и сбудется на дѣлѣ. *Mesdames*, будьте великодушны, расскажите ваши сегоднешніе сны.

— Какой вы любопытный! улыбнулась кокетливо Моничка. — Если *вы* приснились мнѣ — неужели также рассказывать?

— *Eh certainement: franchise avant tout.* Мы въ Швейцаріи, въ странѣ откровенности и свободы.

— Вишь, вы какой!

— Да вамъ-то, *ma-lle*, я пожалуй и не приснился...

— А! такъ вы думаете, что приснились одной изъ другихъ дѣвицъ? Поздравляю васъ, *mesdames!* Кому жъ-то изъ васъ приснился *м-г* Куницынъ?

— Не мнѣ, послѣшила увѣрить Наденька.

— А мнѣ и подавно нѣтъ, сказала Лиза.

— Вотъ видите ли, *Ома* невѣрующій? А мнѣ-то вы и приснились!

— Такъ расскажите, какъ и что.

Маленькая брюнетка лукаво засмѣлась. — Я думаю, лучше не рассказывать.

— Eh pourquoi pas?

— Вѣроятно ты предстагъ не въ очень лестномъ для тебя свѣтѣ, замѣтилъ Левъ.

— Cela ne fait rien: d' une demoiselle tout est лестно. Racontez, m-lle, je vous en prie.

— Eh bien, m-g, si vous l'exigez infailliblement...

Фантазія у Монички оказалась довольно бойкая. Не задумываясь, сложила она тутъ же цѣлый волшебный сонъ.

Ей снилась — рассказывала она — тѣнистая роща при серебряномъ мерцаніи луны. Подъ прохладнымъ навѣсомъ деревъ, на бархатной муравѣ, пляшетъ группа нимфъ, облеченныхъ въ воздушныя, коротенькія платьица, на подобіе балетныхъ танцовщицъ. Является молодой, прекрасный рыцарь, съ зеленымъ, стоячимъ воротникомъ, въ треуголкѣ, и спящая узнаетъ въ немъ—m-g Куницына. Хороводъ нимфъ окружаетъ его и въ звучныхъ пѣсняхъ упрекаетъ его въ невѣрности: «И на мнѣ обѣщался жениться, и на мнѣ, и на мнѣ!» Рыцарь въ смущеніи клянется, что съ своимъ бы удовольствіемъ женился на любой изъ нихъ, но какъ многоженство въ благоустроенномъ государствѣ нетерпимо, то онъ, достойный сынъ богини правосудія, не желаетъ обидѣть ни одной изъ нихъ и лучше отрекается отъ всей честной компаніи; говоря это, онъ пытается улизнуть. Дѣвы съ крикомъ удерживаютъ его за фалды и увлекаютъ съ собою. «Къ Писіи, къ великой жрицѣ!» вопіютъ онѣ: «она разрѣшитъ сомнѣніе, кому изъ насъ владѣтъ коварнымъ измѣнникомъ.» Надъ пещерой, изъ которой валитъ густой, смрадный дымъ, возсѣдаетъ на треножникѣ, въ облакахъ дыма, древняя, поросшая мохомъ старушонка. Рыцарь падаетъ граціозно ницъ. Но, странное дѣло! вглядываясь пристальнѣе въ черты жрицы, спящая узнаетъ въ ней—m-g Куницына! Значитъ, двое m-гs Куницыныхъ: и судья, и подсудимый. Судья собирается только что изречь роковой приговоръ надъ своимъ двойникомъ—какъ вдругъ Гисбахъ, богъ-вѣсть откуда взявшійся, низвергается съ высоты съ глухимъ, ошеломительнымъ ревомъ и заливаешь собою и Писію, и рыцаря, и обиженныхъ дѣвъ. Буря понемногу улегается, изъ-за тучъ выплываетъ ясный мѣсяцъ и надъ зеркаломъ водъ начинаютъ порхать чайки. Картина въ родѣ послѣдней въ *Корсаръ*. Вотъ выгнула голова, вотъ другая, третья, десятая. Это души утопшихъ, но преобразенныя: онѣ въ тѣхъ же коротенькихъ, газовыхъ платьяхъ, но лица ихъ—

фотографическіе снимки съ облива м-г Куницына: онъ умерли любя, и потому въ смерти приняли образъ возлюбленнаго. Апоеоза: весь хоръ новорожденныхъ м-гс Куницыныхъ выходитъ на берегъ и, отряхнувшись отъ воды, затѣваетъ кадрили, дивную, достойную первыхъ львицъ мабиля. Мѣсяцъ, принявшій на радостяхъ также образъ м-г Куницына, спустился на землю и, умильно ухмыляясь, любитъ изъ-за кустовъ трогательной сценой.

— Un songe remarquable... промолвилъ недовѣрчиво правовѣдъ, когда Моничка окончила свой разсказъ.— Et vous l'avez effectivement vu?

— Eh sans doute! смѣялась въ отвѣтъ новая Шехеразада. — Кто изъ васъ, mesdames и messieurs, разрѣшитъ его?

— Наденька разрѣшитъ, сказала Лиза: — она вѣчно воображаетъ себя героиней какого-нибудь романа, и одно время, когда считала себя Татьяной Пушкина, обзавелась даже гадательной книгой, чуть ли не Мартыномъ Задевой. Повѣрите ли: восемь разъ перечла Онѣгина!

— Совсѣмъ не восемь! возразила обиженная гимназистка.

— А сколько же?

— Семь.

— Да, это, конечно, меньше. Она у меня олицетворенная поэзія, сама даже садится на Пегаса, и еще вчера...

— Ну, что это, Лиза? вишь, какая ты гадная! Никогда тебѣ больше не буду показывать!

— Вы со Львомъ, значить, одна колбаса, какъ говорятъ нѣмцы, замѣтилъ Александръ: — онъ тоже еще вчера прочелъ мнѣ пьеску, въ которой встрѣчаются и «розы» и «слезы», и «созвучіе сердець».

Наденька встрепенулась.

— Ахъ, Левъ Ильичъ, прочтите ее намъ!

— Съ условіемъ, чтобы и вы прочли свою.

— Ни за что въ мірѣ!

— M-lle Nadine, вмѣшался Куницынъ: — оставьте на минуту поэзію и помогите намъ разрѣшить сонъ вашей подруги.

— Нѣтъ, нѣтъ, Лиза пошутила. Кто изъ насъ здѣсь старше? Тотъ пусть и разрѣшитъ.

— Старше всѣхъ, кажется, м-г Змѣинъ. Eh bien, сударь, разрѣшайте.

— Разрѣшить значеніе сна, сказалъ Александръ: — я не могу, потому что сны вообще чепуха; но почему именно вы, Куницынъ, приснились Соломонидѣ Алексѣевнѣ—берусь объяснить.

— Да это все равно. Объясняйте.

— Вы, Соломонида Алексѣвна, вѣроятно поужинали вчера довольно плотно?

— Не скажу. Чашки двѣ чаю, бутерброта съ медомъ — три, да жаркого и сыру ломтика по три.

— Гм! недурно; по вашему это мало? На ночь вообще много ѣсть не годится. Мнѣ, однако, помнится, что, послѣ чаю, вы ѣли и землянику?

• — Ахъ, да, я и забыла. Ее я, въ самомъ дѣлѣ, съѣла изрядную порцію. Она здѣсь такая сочная, и сливки къ ней были такіа густыя...

— Вотъ видите ли. Обазывается, что вы легли съ переполненнымъ желудкомъ. Желудокъ, въ переполненномъ состояніи, производитъ давленіе на окружающіе кровеносные сосуды. Кровь, не имѣя возможности идти къ нижнимъ конечностямъ, гонится въ *arteriae carotae*, въ голову; оттого и грезы.

Моничка, замѣтно недовольная такимъ объясненіемъ натуралиста, съ неудовольствіемъ отвернулась.

— А цѣлый вечеръ, подхватила экс-студентка:—благодаря краснорѣчію г-на Куницына, ты не видѣла и не слышала ничего, кромѣ него; понятно, что и присниться тебѣ долженъ былъ онъ.

— Но я, хотъ и слышала цѣлый вечеръ одного м-г Куницына, брякнула необдуманно Наденька:—а видѣла во снѣ не его...

— Кого же? усмѣхнулась старшая сестра.

Гимназистка замѣтила тутъ свою наивность, и, не зная, какъ поправиться, зардѣлась.

Между тѣмъ пароходъ, загнувъ въ голубую Ааръ, приближался къ интерлакенской пристани. Шипя и качаясь, причалилъ онъ къ берегу, и все засуеилось около мостика, переброшеннаго съ пристани.

VII.

Двѣ кокетливыя альпійскія дѣвы.

Отель *R.*, въ которой остановились Липецкія и Куницынъ, въ которой искали теперь пристанища и наши натуралисты, принадлежитъ къ интерлакенскимъ гостиницамъ, наиболѣе посѣщаемымъ сезонными гостями, такъ что, хотя при ней и имѣется нѣсколько второстепенныхъ строеній (такъ-называемыхъ *dépendances*) и по сю, и по ту сторону дороги, однако, въ описываемый нами день, оказалась въ ней свободной лишь одна комната, которую друзья и

рѣшились удовольствоваться на первое время, но въ которой они оставались и до самаго отъѣзда изъ Интерлагена.

Левъ отправился на другую сторону Ааръ, на почту, узнать, не пришло ли изъ Россіи писемъ, да кстати захватить чемоданы, свой и Александровъ, пересланные ими сюда уже изъ Базеля. Писемъ не оказалось. Взяли въ чемоданы на плеча первому попавшемуся ему на углу носильщику, поэтъ вернулся въ отель, не давая себѣ еще времени осмотрѣть хорошенько окружающій міръ. Дома они съ Александромъ занялись разборкою своего имущества, вываливъ его предварительно въ живописнѣмъ беспорядкѣ на кровать и диванъ.

Скринула дверь, и на порогѣ показалась молодая горничная, съ огромнымъ фоліантомъ подъ мышкой.

— Извините, если я обезпокою господъ, проговорила она, по-нѣмецки, на твердомъ, характерномъ діалектѣ дѣтей Альповъ. — У насъ уже такое заведеніе, чтобы пріѣзжіе вписывались въ общую книгу.

— Отличное заведеніе, красавица моя, отвѣчалъ Левъ, съ удовольствіемъ разглядывая дѣвушку. Полная, прекрасно сложенная, имѣла она глаза большіе, бархатно-черные; на здоровыхъ, румяныхъ щекахъ восхитительныя ямочки, носъ слегка вздернутый, но тѣмъ самымъ придающій всему лицу выраженіе милого лукавства. Одѣта она была въ національный бернскій костюмъ, съ пышными бѣлыми рукавами, съ серебряными цѣпочками на спинѣ.

— Вотъ чернила и перо, сказала она, переноса съ комода на столъ письменный приборъ, и раскрывая книгу. — Не угодно ли?

Левъ укладывалъ въ это время въ комодъ бѣлье.

— Распишись ты, Александръ, сказалъ онъ: — я послѣ.

Тотъ взялъ перо, обмануль его и посмотрѣлъ въ книгу.

— Ага! правовѣдъ-то твой какъ расписался: «Sergius von-Kunizin, Advocat aus St.-Petersburg». Намъ послѣ этого естественно нельзя назваться иначе, какъ «Naturforscher».

Сказано — сдѣлано.

Къ столу подошелъ въ свою очередь Левъ, наклонился надъ книгой и усмѣхнулся. Зачеркнувъ въ писаніи друга слово «Naturforscher», онъ надписалъ сверху: «Naturfuscher», и самъ расчеркнулъ снизу: «Leo Lastow, dito».

— Naturfuscher? спросила съ сдержаннымъ смѣхомъ швейцарка, глядѣвшая ему черезъ плечо.

— Да, голубушка моя, Naturfuscher. Мы портимъ природу сколь-

ко силѣ хватить; затѣмъ вѣдь и къ вамъ въ Швейцарію пожаловали.

— Какъ же это вы портите природу?

— Да такъ: разрушаемъ скалы, рѣжемъ животныхъ, срываемъ безжалостно душистые цвѣточки, довимъ блестящихъ насѣкомыхъ; бѣда душистымъ цвѣтамъ и блестящимъ насѣкомымъ! И васъ я предостерегаю. Уничтожать — наша профессія, и самое великое — ну, что выше вашихъ Альповъ, воздымающихся гордо въ самую облаку — и тѣ трепещутъ насъ: дерзко пожираемъ мы ихъ... глазами, и вызываемъ ярій румянецъ на бѣлоснѣжныхъ ланитахъ ихъ. А вы какъ объясняли себѣ сіяніе Альповъ?

— Да, кажется, ваша правда, отвѣчала дѣвушка, невольно раскраснѣвшаяся подъ неотвязчивымъ взоромъ молодого *Naturforscher'a*: — вотъ и я покраснѣла; вѣроятно отъ того-же.

Левъ наклонился надъ чемоданомъ.

— Не краснѣйте, я не буду смотрѣть. Кстати или, вѣрнѣе, не кстати: въ которомъ часу обѣдаютъ у васъ? Я проголодался.

— Обѣдаютъ? въ два. Но я бы попросила васъ, господа, сойти въ садъ, тамъ вы найдете другихъ русскихъ; а бы тѣмъ-временемъ прибрала ваши вещи.

— Чтобы вамъ потомъ не пенять на себя, предостерегалъ Левъ: — товаровъ у насъ гибель.

— Вы очень милы, *tamsel*, вмѣшался тутъ Александръ: — у меня ужъ и поясницу заломило. Вѣдь вы уложите вонъ въ этотъ ящикъ, гребенку и щетку отнесите на комодъ... Да вамъ, я думаю, нечего объяснять: нѣмки на счетъ порядка собаку съѣли. Я вамъ за то и ручку поцалую — если, само собою разумѣется, вамъ это доставить удовольствіе, ибо, что касается специально меня, то я лишь въ крайнихъ случаяхъ рѣшаюсь на подобныя любезности.

— А я въ губки поцалую, подхватилъ Левъ: — если, само собою разумѣется, вамъ это доставить удовольствіе, въ чемъ я впрочемъ ни чуть не сомнѣваюсь, ибо самъ записной охотникъ до подобнаго времяпрепровожденія.

— Проню, сударь, безъ нѣжностей, отвѣчала съ достоинствомъ молодая швейцарка: — не то уйду.

— Ой-ой, не сердитесь.

— Ну, такъ убирайтесь отсюда; я ужъ уложу все куда слѣдуетъ.

— Но какъ зовутъ васъ, милая недотрога? Надо же знать, какъ величать.

— Marie.

— *Magie*? прелестно! я очень люблю это имя, хотя у насъ, на Руси, зовутъ такъ обыкновенно кошекъ: «Манка, Машка!» Да кто васъ знаетъ: можетъ быть, и вы маленькая кошечка?... Знаете, я буду называть васъ: «*Magisches*»; можно? Опять насупились! Не гнѣвайтесь, о грозная дѣва! Мы идемъ, идемъ. Александръ, живѣй: какъ разъ еще въ уголь поставять.

Уходя, Левъ хотѣлъ ухватить швейцарку за подбородокъ, но та увернулась и стала серьёзно въ сторонѣ. Смѣясь, молодые люди спустились съ лѣстницы и пошли бродить по Интерлакену.

Интерлакенъ—не то городъ, не то деревня. Нѣсколько грандіозныхъ отелей, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, *пансіоновъ*, нѣсколько небольшихъ обывательскихъ домиковъ, также приспособленныхъ къ принятію «пансіонеровъ»—вотъ и весь Интерлакенъ. Отели, окруженные цвѣтущими садами, почти всѣ расположены по правой сторонѣ главной алеи (если ѣхать отъ Бриенца); за ними бѣжитъ быстрая, бирюзовая Ааръ, а непосредственно за Ааръ, возвышаются Гобюль (*Hohbühl*) и крутизны Гардера. По лѣвую сторону улицы тянется рядъ вѣковыхъ лиственныхъ деревьевъ: дубовъ, ясеней, липъ, и невысокая каменная ограда, за которою разстилаются тучныя нивы, ограничиваемыя вдали синевато-зелеными горами: Брейтлауененомъ, Зулебомъ, Абендбергомъ и Ругенами, большимъ и малымъ. Въ промежуткѣ между двумя первыми гордо воздымается неприступная, прекрасная царица бернскихъ Альповъ, Юнгфрау, покрытая вѣчными снѣгами, отъ которыхъ по всему ландшафту разливается какое-то чудно-свѣтлое сіяніе. Особенно хороша она въ солнечный полдень, когда чистое, бѣлое тѣло ея, ничѣмъ неприкрытое, тихо млѣетъ и искрится подъ горячими лучами свѣтила, и только тамъ и сямъ игривое облачко легкой кисеи скользитъ по изящному склону ея плечъ. Но едва-ли она не лучше еще часу въ 8-мъ вечера, когда заходящее солнце окрашиваетъ блѣдныя красы ея теплымъ румянцемъ и вся она какъ-бы одушевляется, оживаетъ. Смотрите вы, смотрите, любуетесь безъ конца. Наглядѣлись наконецъ, пошли своей дорогой—и опять оглядываетесь, и, какъ прикованные къ мѣсту, начинаете снова любоваться—такую неодолимую притягательную силу оказываетъ на смертныхъ неземная дѣва горъ. Своенравная, однако, какъ всякая дѣва, она, если не захочетъ показаться вамъ, то и не покажется, напрасно вы будете и искать ее: съ вечера, плутовка, задернетъ передъ собою ночной пологъ, и такъ и скрывается до утра; глядите, сколько угодно, въ направленіи къ ней, на-

дѣясь высмотрѣть хоть очеркъ тѣла—ничего не увидите, какъ только прозрачный горизонтъ, слегка задернутый бѣловатой дымкой. Вы не можете никакъ сообразить, что на этомъ самомъ мѣстѣ вадѣи вчера цѣлую снѣжную гору, и начинаете мучиться сомнѣніемъ, не исчезла ли она и взаправду... А тутъ выглянуло солнце, разсѣялся пологъ ночныхъ тумановъ—и пышныя, яркія плечи дѣян обнажаются передъ вами во всей своей дѣвственной красѣ. И мужчины, и женщины съ одинаковымъ удовольствіемъ любятъ ея: мужчинъ плѣняетъ она, какъ красавица, недокучающая пустою болтовней и необижаящая, если по часамъ и не заниматься ея; женщинъ—какъ прелестное созданіе, къ которому однако нѣтъ повода ревновать. Неудивительно, что Интерлакенъ, пользующійся сосѣдствомъ такого очаровательнаго существа, сдѣлалась любимымъ мѣстопробиваніемъ туристовъ. Отсюда предпринимаются экскурсіи въ романтическія окрестности; здѣсь отдыхаютъ на волѣ отъ этихъ экскурсій, нерѣдко довольно утомительныхъ. Игрнаго дома въ Интерлакенѣ нѣтъ, общественныхъ баловъ не дается; вся жизнь сложилась на патріархальный, деревенскій ладъ: знакомства завлекаются весьма легко, такъ-какъ всякій знаетъ, что, по выѣздѣ отсюда, вѣроятно уже никогда не встрѣтится съ здѣшними знакомыми; спать ложатся часу въ 10-мъ, потому что многіе собираются спозаранку на экскурсіи; а фізіономіи, даже по утру свѣжія и веселія, не наводятъ унынія, подобно измятымъ лицамъ горожанъ.

А какъ хороши въ Интерлакенѣ вечера! Смеркнется; въ воздухѣ, напоенномъ теплою, благоухающею сыростью, тихо, неслышимо-тихо; развѣсистыя деревья, не шевеля ни листомъ, какъ-бы притая дыханіе, сплелись въ вышніи густымъ шатромъ. Темно, такъ темно, что не будь освѣщенныхъ оконъ отелей, изъ которыхъ льется трепетный полусвѣтъ, въ алеѣ не было бы ничего видно, такъ-какъ уличныхъ фонарей въ Интерлакенѣ не полагается. Но сумракомъ еще увеличивается уютность вечера. Балтаа, хохоча, прохаживаются взадъ и впередъ праздыя толпы, оставившаяся грудами то тамъ, то здѣсь, послушать тирольцевъ или странствующихъ музыкантовъ, упражняющихся, среди кучки туземцевъ въ національныхъ нарядахъ, то передъ той, то передъ другой стелю. Уставшіе бродить располагаются у входа кондитерской, гдѣ выставлено нѣсколько плетеныхъ столиковъ и стульевъ, и велятъ подать себѣ, по желанію, мороженого, шоколаду, грогу.

Первый день пребыванія ихъ въ Интерлакенѣ прошелъ для друзей-натуралистовъ рѣшительно незамѣтно.

Въ садикъ пансіона R. выходитъ небольшой, двухэтажный флигель. Одна изъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ носитъ названіе *садовой*—Gartenzimmer, и служитъ мѣстомъ собранія пансіонеро́въ въ свободное отъ ѣды и прогулокъ время. Есть въ ней фортепьяно, есть диваны по стѣнамъ и полка книгъ (по преимуществу французскихъ романовъ), есть на окнахъ горшки съ цвѣтами, заслоняющими своей густою зеленью даже наружный свѣтъ, отчего въ комнатѣ царствуетъ и въ свѣтлый полдень отрадный полусумракъ. Надъ входомъ въ Gartenzimmer распустился навѣсъ, весь изъ зелени: на желѣзныхъ, вертикальныхъ прутьяхъ, обвитыхъ широколиственнымъ ползучимъ растеніемъ, покоится желѣзный же скелетъ крыши, скрытый въ сочно-зеленый пологъ того же растенія.

Подъ этимъ-то навѣсомъ, въ ожиданіи послѣобѣденнаго вожделѣннаго аравійскаго напитка, сразились впервые на шахматномъ полѣ Александръ и Лиза. Первый убѣдился вскорѣ, что имѣетъ дѣло съ достойнымъ противникомъ. Куницынъ собралъ около себя цѣлую компанію слушателей, въ томъ числѣ и двухъ нашихъ героинь, въ Gartenzimmer: съ талантомъ и вкусомъ съигралъ онъ на фортепьяно нѣсколько блестящихъ салонныхъ пьесъ. Левъ усѣлся въ одной изъ садовыхъ бесѣдокъ рисовать интерлакенскій монастырь.

Насталъ вечеръ. Началось обычное фланированіе по главной алеѣ, а тутъ уже и 10-й часъ, законное время къ отдохновенію отъ тяжелыхъ дневныхъ трудовъ.

Когда Левъ проходилъ коридоромъ въ свою комнату, мимо него шелестило женское платье. Онъ оглянулся и узналъ, при свѣтѣ лампы, Мари, молоденькую горничную, взявшуюся поутру прибрать ихъ вещи. Онъ назвалъ ее по имени; она остановилась.

— Чего прикажете?

— Мнѣ бы хотѣлось поболтать съ вами, Мари.

— Мнѣ некогда.

— Ну вотъ! Для меня найдется минутка. Я долженъ сказать вамъ откровенно, что немножко уже влюбленъ въ васъ; вы и не воображаете, что вы за прелесть.

— Къ чему такіе плоскіе комплименты, которыми и повѣрить-то нельзя? Придумали бы хоть что поостроумнѣе.

— Да? ну, такъ дайте сюда вашу руку.

— Это къ чему?

— Да подайте; будетъ остроумнѣе.

— Извольте — если ужъ необходимо нужно.

Схвативъ протянутую къ нему руку, Левъ поднесъ ее къ губамъ.

— Ай! вскрикнула Мари, отдергивая съ быстротою руку, и продолжала, понизивъ голосъ: — какъ же это можно, сударь! онъ у меня такія грубыя отъ работы...

— А губки у васъ негрубыя отъ работы?

И молодой Дон-Жуанъ наклонился къ ней, чтобы удостовѣриться въ спрашиваемомъ. Дѣвушка отскочила и ретировалась на лѣстницу:

— Gute Nacht, Herr Naturfischer!

Утро глядѣло уже свѣтло и жарко въ обитель Naturfischer'овъ, когда проснулся одинъ изъ нихъ—Левъ. Онъ вскочилъ съ постели, протеръ глаза, взглянулъ на часы, лежавшіе на столѣ и показывавшіе 8, и подошелъ къ окну; цѣлую ночь оно оставалось настезь, и жгучіе поцалуи солнца обдавали теперь поэта попеременно съ свѣжими струями утренней прохлады. Окно выходило на Юнгфрау, и, очарованный дивною картиной, юный сынъ Аполлона провелъ нѣкоторое время въ безмолвномъ созерцаніи ея.

— Александръ, проговорилъ онъ наконецъ: — вставай, посмотри, какая душа.

Пріяель пробудился, потянулся и приподнялся на локоть.

— Душка? Кто, не ты ли? Хорошъ, чечего сказать decolté, какъ наши дѣвы.

— Какія дѣвы?

— Дѣ, я и забылъ, что обѣщался не рассказывать. Но въ костюмъ Адама ты вовсе не особенный душа.

— Нѣтъ, я говорилъ не про себя, а про настоящую душу, про Юнгфрау, прелестную дѣву горъ.

— Однако, у тебя жажда любви должна быть неодолима: даже въ гору влюбляешься, потому единственно, что она называется Jungfrau. Ты, конечно, написалъ уже ей хвалебный гимнъ?

— Нѣтъ, не успѣлъ еще; какъ одѣнусь, не премину.

— И я бы совѣтовалъ тебѣ напередъ одѣться. Пора однао вставать; народы вѣроятно стекаются уже къ кофею.

Полчаса спустя друзья сходили въ столовую. Здѣсь застали они одну Лизу: она лечилась сыворотками и вставала правильно въ 6 часовъ; выпивъ въ кургаузѣ свою порцію всецѣлебныхъ Molken, она прогуливалась, согласно предписанію доктора, часовъ до 8-ми, и долѣе. Перебросившись съ нею двумя-тремя незначущими фразами, молодые люди, отпивъ кофе, вышли на улицу. У ограды воз-

сѣдала продавица черешень, столь же сочная и розовая, какъ плоды въ корзины передъ нею. За полфранка отсыпала она друзьямъ въ шляпы по грудѣ спѣлыхъ черешень, и, отягощенные этимъ, въ полномъ значеніи слова сладкимъ бременемъ, вернулись они во свояси.

Комнатка ихъ была уже убрана. На столѣ красовался въ стаканѣ воды букетъ рододендроновъ, aliter—альпійскихъ розъ.

Александръ взялъ книгу и разлегся на диванѣ. Левъ сѣлъ къ раскрытому окну, писать—вѣроятно хвалебный гимнъ неземной дѣвѣ. Иногда одинъ изъ друзей сдѣлаетъ теоретическій вопросъ, другой отвѣтитъ—и снова воцаряется молчаніе, прерываемое только скрипомъ пера или жужжаніемъ нечаянно влѣтѣвшей въ окошко пчелы. Пишетъ Левъ, пишетъ, вдругъ задумается, возьметъ нѣсколько черешень изъ лежащей на сосѣднемъ стулѣ кучки ихъ, вложитъ ихъ глубокомысленно въ ротъ, сложитъ головою на руку и глядитъ долго-долго, въ сладостной разсѣянности, на отдаленную горную красавицу. Изъ сада вносятся въ окошко теплымъ вѣтеркомъ благовопія акацій, левкоевъ, розъ—больше же розъ, которыми такъ изобилуетъ хорошенквій садикъ пансіона. Гардины надъ головою поэта чуть колышутся, а стора то надуется парусомъ, то опустится въ безсиліи, не смѣя пошевельнуть ни складкой.

Около полдня растворилась дверь; въ комнату глянуло привѣтливое личико Мари.

— Господь приглашаютъ къ прогулкѣ, промолвила она.

— Приглашаютъ? повторилъ разсѣянно поэтъ:—кто приглашаетъ?

— Барышни—Липецкія.

Левъ повернулся на стулѣ къ товарищу.

— Александръ, предметы наши стосковались по насъ.

— Очень радъ. Не мѣшай, пожалуйста.

— Да вѣдь насъ зовутъ; пойдемъ.

— Иди, если хочешь. Я на самомъ интересномъ мѣстѣ; нельзя же бросить.

— Вотъ тутъ-то и слѣдуетъ бросить: все время, пока не раскроешь опять книги, ты будешь въ пріятномъ ожиданіи; а какъ возьмешься читать, такъ сряду начнешь съ интереснаго мѣста. Двойная выгода.

— Резонно. Иди же, я сейчасъ буду; дочестъ только главу.

— Знаемъ мы васъ! Ужь лучше я обожду.

Левъ обернулся къ посланницѣ, дожидавшейся еще у дверей отвѣта.

— Чтò жь вы не взойдете, Мари? Мы васъ не съѣдимъ.

— Я и здѣсь постою.

— Да не бойтесь, не трону; мнѣ надо сказать вамъ...

— Ну, да, какъ вечеръ!...

Дѣвушка, однако, сдѣлала два коротенькихъ шага въ комнату.

— Ну-съ?

— Ну-съ, прежде всего — здравствуйте! Вѣдь мы съ вами еще не здоровались.

Мари засмѣялась.

— Здравствуйте-съ.

— Это вы принесли намъ альпійскихъ розъ?

— Какихъ альпійскихъ розъ?

— Да вонъ, на столѣ.

— Н-нѣтъ, не я.

— Да кто жь убиралъ нашу келью?

— Я.

— Такъ цвѣты, вѣроятно, сами влетѣли въ окошко?

Мари опять засмѣялась.

— Вѣроятно! А еслибы и я принесла ихъ, чтò жь за бѣда?

— Бѣды бы тутъ никакой не было; я бы почелъ только своимъ долгомъ разцаловать васъ.

— Вотъ еще!

— А вы чтò думали?

— У васъ въ Россіи, видно, поцалуи ни по чемъ.

— А у васъ ими торгуютъ? Нѣтъ, мы, русскіе, на этотъ счетъ, какъ и вообще на всякій счетъ, народъ щедрый, особенно съ такими милашками, какъ вы. Да вѣдь и милый вашъ цалуетъ васъ безъ разбора, когда придется.

— Какой милый? У меня нѣтъ милаго.

— Рассказывайте! А съ кѣмъ вы шушукались вечеръ у барьера, противъ *Hôtel des Alpes*?

— Это была не я, ей-богу не я; мало ли здѣсь дѣвушекъ. Я слишкомъ дорожу своей репутаціей, чтобы позволять себѣ подобные поступки.

— Да какъ же? на головѣ у васъ былъ голубой платочекъ, на шеѣ пунцовый шарфъ, продолжалъ сочинять поэтъ: — развѣ неправда?

— Ха, ха! Платва я и въ жизнь не пошу, а шарфъ у меня хотъ и есть, да не пунцовый, а оранжевый.

— Пунцовый ли, оранжевый — все одно; въ котемкахъ всѣ кошки сѣры. Не заирайтесь! Я догадываюсь, отъ кого вы научились скрытничать,

— Отъ кого-съ?

— Отъ Лотты въ *Вертеръ*; вѣдь вы читали *Вертера*?

Мари кивнула важно головой:

— Еще бы!

— А вѣдь она была прехитрая, точно вы, продолжалъ Левъ: — любить въ душѣ Вертера, а все удерживается, не выдаетъ себя; въ финалѣ только растрогалась.

— Ужъ эта мнѣ Лотта! перебила съ сердцемъ молодая швейцарка. — Не понимаю, чтѣ хорошаго находятъ въ ней мужчины? Всякая другая на ея мѣстѣ была бы безъ ума отъ Вертера, а она, какъ дерево, какъ ледь.

— Ага, такъ вы вотъ изъ какихъ! По вашему, примѣръ Вертера достоинъ подражанія?

— Я думаю. Такихъ, какъ Вертеръ, нынче и съ фонаремъ не отыщешь.

— Гм, да; и я полагаю, что такой нынче и съ фонаремъ не отыщешь. Въ сущности вѣдь онъ малый даровитый, неглухой, могъ бы приносить еще пользу человечеству, а чтѣмъ занимается? Носится съ нелѣпнѣйшею страстію къ чужой женѣ, и хотъ бы пытался подавить это чувство, а то нѣтъ! находить еще какое-то тайное удовольствіе въ растравленіи своихъ сердечныхъ ранъ, какъ докторъ, слѣдящій съ сладостнымъ трепетомъ за ходомъ заразной болѣзни, или какъ нищій, показывающій вамъ на улицѣ свои отвратительныя язвы, чтобы возбудить этимъ ваше сочувствіе: «Если не дашь ничего, такъ похнычь хотъ для компаніи». Нечего сказать, примѣръ достойный подражанія.

— У всякаго свой взглядъ, г-нъ Ластовъ.

— А вы знаете, какъ меня зовутъ?

— Какъ же не знать, когда при мнѣ же расписались: Leo Lastow, dito.

— Могли бы забыть.

Дѣвушка, ничего не отвѣчая, потушилась.

— Я готовъ, сказалъ въ это время Александръ, приподнимаясь съ дивана. Подойдя къ столу, онъ оторвалъ уголокъ отъ хвалеб-

наго гимна поэта, заложилъ имъ книгу и опустилъ послѣднюю въ карманъ.—Идемъ.

— Идемъ. Мы съ вами, Мари, норатуемъ еще изъ-за Вертера.

— Дай-богъ вамъ успѣха! потому что надежды на него для васъ очень мало-съ.

И она выпорхнула изъ комнаты.

VIII.

Корпорентъ, янки и эмансипированная.

Внизу уже цѣлое общество дожидалось друзей. Знакомства, какъ мы выше замѣтили, заключаются въ Интерлакенѣ необычайно скоро; потому неудивительно, что настоящее общество состояло изъ людей, познакомившихся только на дняхъ или даже сегодня. Каждая страна прислала сюда своего представителя: были тутъ наши русскіе и нѣмецъ студентъ изъ Дерпта; были коренные нѣмцы изъ Гамбурга, изъ Франкфурта, была молодая чета парижанъ, проводившая, по издревле принятому обычаю, медовый мѣсяцъ въ путешествіи по чужимъ краямъ; былъ наконецъ и кровный янки изъ американскаго запада. Для полноты коллекціи недоставало только англичанина; но англичанинъ въ Интерлакенѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, свѣтоненавистничаетъ и дичится общества. Есть въ Интерлакенѣ даже привилегированныя отели, обитаемы исключительно бѣлокурными сынами Альбіона; но тамъ, говорятъ, такая тоска, что хоть вонъ бѣги: «торжественно безмолвно совершается обѣдъ, торжественно безмолвно утренній и вечерній чай (впрочемъ, нѣкоторые пьютъ и кофе или джинъ); если околѣешь не отъ хандры, то отъ голода, ибо въ обществѣ этихъ кавалеровъ спѣси и сплина всякій аппетитъ уходитъ къ чорту», рассказывалъ вышеупомянутый дерптскій студентъ, имѣвшій несчастье поселиться сначала въ Hôtel Jungfrau, одной изъ этихъ привилегированныхъ отелей.

Руиня Уншпунненъ, къ которой потянулся нашъ караванъ, лежитъ въ $\frac{3}{4}$ часа ходьбы отъ Интерлакена и есть одно изъ самыхъ, такъ сказать, казенныхъ мѣстъ прогулокъ интерлакенскихъ пансіонеровъ. Дорожка къ ней пролегаетъ сначала между полсадиками хорошеенькихъ обывательскихъ домиковъ, потомъ по орѣховой алеѣ и, обогнувъ малый Ругенъ, вступаетъ въ сосновый лѣсъ.

Броннъ, дерптскій корпорентъ, въ цѣтной корпоративной фуражкѣ, занималъ общество разсказомъ о своемъ поднятїи на Риги. Эпитетъ «fabelhaft» — «баснословно» употреблялся имъ, по обыкновенїю дерптцевъ, послѣ наждато второго слова.

— И вотъ, подають мнѣ счетъ. Читаю и морщусь: цѣны баснословныя! Вдругъ — стой, батюшка, это чтѣ? «Bougies — deux francs». Теку къ хозяину. «Объясните, молю, за чтѣ, про что? Легъ я въ потьмахъ и не зажигаю свѣчей». «Да, это, говорить, все одно: зажжете или нѣтъ, дѣло вкуса; мы не смѣемъ стѣснить гостей; платили бы только». Я покажь плечами; чтѣ съ нимъ подѣлываешь? Полиція здѣсь въ области облаковъ и не лица, а поднимать гвалтъ изъ-за двухъ франковъ не приходится — игра свѣчъ не стоить. «Дѣло вкуса!» Ну, если дѣло вкуса, такъ дѣло вкуса; я расслатился. Но постой, голубчикъ, такъ-то ты! Свѣчи, значить, мое благопрїобрѣтенное достоянїе; не оставляю же ихъ тебѣ. Возвращаюсь въ свой номеръ, вынимаю свѣчи изъ подсвѣчниковъ и въ карманъ. Въ коридорѣ вростааетъ передъ моимъ носомъ гаускнехтъ. «Я, дескать, такой-сякой; не изволите ли сообщить чтѣ за труды». «За какїе тамъ труды? Я заплатилъ хозяину счетъ сполна, въ томъ числѣ и за прислугу». «Да, мы, говорить, съ портѣе не входимъ въ число прислуги. Обблагодолите же...» «Но опять-таки за чтѣ?» «За чистку башмаковъ.» «А, за чистку башмаковъ?» Я поднимаю къ фizioномїи его ногу съ баснословнопыльнымъ башмакомъ, котораго явно не касалась щетка. «Соблагодолите взглянуть, такъ-то у васъ чистятъ?» Гаускнехтъ замаялся. «Да вы ихъ не выставили за дверь, а войти къ вамъ я не посмѣлъ, чтобы не обезпокоить...» «Такъ за что же наконецъ награждать васъ?» «Да у насъ уже такъ заведено.» «Ну, хорошо, говорю, будетъ съ васъ одного франка?» Гаускнехтъ просїалъ; онъ не ожидалъ такой баснословной щедрости. «О, да!» воскликнулъ онъ, ослабляясь. Я извлекаю изъ кармана свѣчу и подаю ему: «Примите, мой милый, это франкъ; можете справиться у хозяйна». Машинально взявъ онъ въ руки свѣчу, вытаращилъ на меня баснословно глаза, и такъ и остолбенѣлъ съ открытымъ ртомъ. Не имѣя болѣе надобности оставаться, я направился къ выходу. Тутъ дожидался уже портѣе; но онъ былъ свидѣтелемъ предъидущей сцены, и, не нуждаясь вѣроятно въ освѣщенїи, далъ мнѣ свободный пропускъ. Выйдя на улицу, я занялся баснословнымъ смѣхомъ.

— Ну, а другую свѣчу куда вы дѣжи? спросилъ одинъ изъ
T. CLX. — Отд. I.

слушателей.—Вѣроятно везете съ собой, какъ раликвию, и, воротившись домой, накроете стекляннымъ колпакомъ?

— То-то, что нѣтъ; теперь жалъ. Я отдалъ ее тутъ же мальчику, который несъ мою поклажу. Онъ баснословно обрадовался подарку и обѣщался снести домой матери.

— Вы русскій? спрашивалъ между тѣмъ американецъ Александра.

— Да, русскій.

— Догадались же вы наконецъ освободить своихъ рабовъ; наши южане и по сю пору не уразумѣли истины, что съ людьми нельзя обращаться, какъ съ вещью, какъ съ неразумнымъ скотомъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ Александръ:—что ваши рабы и въ самомъ дѣлѣ не настоящіе люди.

— Какъ такъ?

— Они составляютъ переходное состояніе отъ обезьянъ къ людямъ; лучшимъ тому доказательствомъ ихъ черепъ, который несравненно площе нашего; негръ никогда не можетъ достигнуть одного развитія съ бѣлокурнымъ.

— Будто? А Toussaint-Louverture?

— Toussaint—исключение; не всякій и у насъ Гумбольдтъ, Гёте. Да чѣмъ же необыкновеннымъ отличился Toussaint? Онъ былъ хорошимъ полководцемъ, и только.

— Такъ по вашему, плантаторы совершенно правы, обращаясь съ неграми, какъ съ животными?

— Все въ мірѣ относительно: съ своей точки зрѣнія плантаторы правы. Только толстокожее, коренастое племя чернокожихъ способно исполнять подъ знойнымъ солнцемъ юга тяжкія плантаторскія работы, которыя не подъ силу бѣлымъ. Да и нужно же дѣлать что нибудь неграмъ? Для головной работы они слишкомъ тупы, такъ пусть работаютъ, покрайней-мѣрѣ, тѣлесно, доставляютъ человечеству почтенные запасы грѣющего хлопка.

— Ну, и пусть работаютъ; но къ чему же изъ-подъ палки? Освободите ихъ — и они будутъ работать попрежнему, только добровольно, для дневного пропитанія.

— Вы думаете? Какъ же вы мало знаете чернокожихъ. Они рады скорѣе умереть съ голода, чѣмъ добывать кусокъ хлѣба вольнымъ трудомъ. Только авторитетъ господской палки подвигалъ ихъ до сихъ поръ на трудъ.

— Александръ Александровичъ! воскликнула съ изумленіемъ Лиза:—неужели вы такой консерваторъ, что стоите за рабство

— Я, Лизавета Николаевна, привожу только въгладъ южанъ; по моему, негровъ все-таки слѣдуетъ освободить. Понятно, что и негры разовьются современемъ, если дать имъ на то возможность, и мы, бѣлые, какъ высшія существа, должны споспѣшествовать ихъ развитію, освобождая ихъ прежде всего отъ тѣлеснаго гнета, съ которымъ такъ неразрывно связанъ и гнетъ моральный. Пусть оттого цвѣтушія плантаціи американскаго юга въ началѣ даже заглохнутъ—плантаторы стануть изобрѣтать свой умъ для изобрѣтенія мертвыхъ машинъ взаимѣнъ прежнихъ, одушевленныхъ, и по всему вѣроятію изобрѣтуть.

— Messieurs! возвала тутъ Моничка къ Куницыну и Льву, внимавшимъ, подобно другимъ, предъидущему спору:— *sauvez nous de cette trombe sauvage de radotage savante d'un savant sauvage sur des sauvages savants!*

— Avec plaisir, m-lle, отвѣчалъ правовѣдъ и, шепнувъ Льву на ухо:—помни нашъ уговоръ, обратился къ Наденьгѣ. Левъ не замедляя приблизиться къ Моничкѣ.

— Не посѣщали ли вы, подобно старшей Липецкой, нашихъ университетскихъ лекцій? спросилъ онъ ее.

Барышня насмѣшливо взглянула на него.

— Вашихъ лекцій-то? Какъ же, разъ Лиза уговорила меня пойти съ нею; читалъ знаменитый вашъ Костомаровъ; ну, ужъ веселилась, нечего сказать! Ни за что болѣе не пойду.

— Отчего же, что онъ плохо читалъ?

— Не берусь судить; должно быть, по вашему, не очень плохо, потому что ему аплодировали; одной шивать не пришлось; но скука, mon Dieu, что за скука! Рассказывалъ онъ про древнихъ русскихъ, вѣжета про новгородцевъ; ну, сами посудите, чтó мнѣ въ древнихъ новгородцахъ? C'est plus, que ridicule! Если понадобятся ужъ очень, то чего же проще—справиться въ тоненькомъ Устряловѣ? А то сидѣтъ битый часъ въ душной, жаркой залѣ, не смѣтъ пошевелиться, comme un automate; поневолѣ раззѣваешься. Знаете, вѣдь я чуть не заснула? Ха, ха! жаль, что не заснула, было бы прелестно! Душка Костомаровъ, я думаю, былъ бы въ восхищеніи отъ магическаго дѣйствія своихъ лекцій. Прекрасное заведеніе для людей, у которыхъ бессонница. Если я разъ буду страдать ею, то можете быть увѣрены, не забуду вашего университета. До тѣхъ же поръ въ вамъ ни ногой.

Левъ слушалъ ее съ улыбкой.

— А, скажите пожалуйста, что другія слушательницы также заснули подъ снотворнымъ обаяніемъ лекціи?

— То-то, что нѣтъ. Это меня и удивило. Однѣ сидѣли какъ вкопаныя, съ разинутыми ртами, точно проглотить хотѣли профессора; другія даже записывали! Я не иначе могла объяснить себѣ такую пассивность, какъ долгой привычкой: вѣдь и люди, нюхающіе табакъ, не чихаютъ болѣе отъ табаку. Что мнѣ однако менѣе всего понравилось у васъ, такъ это то... Не знаю, говорить-ли?

— Говорите; вы вѣдь эмансипированная, если не ошибаюсь?

— Схи... Да, такъ, видите-ли, мнѣ было и удивительно и досадно, что студенты не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на дѣвицы, точно ихъ тамъ и нѣтъ.

— Да, мы этимъ гордимся! выразился съ нѣкоторою горячностью Левъ.—Чтобы дѣвицы чувствовали себя вполне несущественными въ занятіяхъ, мы нарочно не замѣчаемъ ихъ.

— Какъ вы, милостивый государь, смѣшно рассуждаете. Если дѣвица удостоиваетъ ваши лекціи своимъ посѣщеніемъ, то первый долгъ вашъ, я думаю, какъ *galants cavaliers*, показывать покрайней-мѣрѣ глубокое вниманіе.

— Вотъ какъ вы, Соломонида Алексѣвна, хотите видно сдѣлать изъ университета нѣчто въ родѣ Лѣтняго сада съ его майскимъ парадомъ невѣсть? Покорно благодаримъ за незаслуженную честь! Если дѣвушка жаждетъ просвѣщенія — мы не помѣха ей, пусть посѣщаетъ наши лекціи — но и только.

— Очень нужно намъ ваше просвѣщеніе! Истинное просвѣщеніе заключается не въ томъ, чтобы знать, когда жили древніе новгородцы, какъ назвать по имени и фамиліи всякую букашку; это дѣло особой касты чернорабочихъ—касты ученыхъ. Да, господа университетскіе, вы—черный народъ. Истинно-просвѣщенный пользуется вашими открытіями, пользуется желѣзными дорогами, телеграфами и т. д., но самъ не станеть марать себѣ рукъ университетскимъ трудомъ.

— Никакой трудъ неунизителенъ, отвѣчалъ Левъ:—менѣе всего умственный. Это уже до того общепризнано, столько разъ перевторено, что отзывается даже общимъ мѣстомъ. Такъ, по вашему, истинно-просвѣщенные тѣ, которые сидятъ сложа руки, загребаютъ жаръ чужими руками, то-есть паразиты? Bravo!

— Вы не дали досказать мнѣ! Эмансипація прекраснаго пола—вотъ что главнымъ образомъ характеризуетъ истинное просвѣ-

еще. Il n'y a plus pour nous des fruits interdits! Свобода во всемъ. Прежде, бывало, ни за что не дадутъ въ руки дѣвицѣ Поль-де-Кока.

— А вамъ дадутъ?

Моничка расхохоталась.

— Que vous êtes naïf! Я сама беру его. Отчего же и не читать Поль-де-Кока? Вслухъ прочитывать конечно—un peu gênant, ну, а про-себя...

— Поль-де-Кокъ—писатель очень хорошій, замѣтилъ Левъ:—рисуетъ прекрасно парижскій бытъ; но все-таки я того мнѣнія, что чтеніе его въ ваши лѣта болѣе вредно, чѣмъ полезно: очень молодые люди имѣютъ обыкновеніе вычитывать изъ романовъ именно то, чего не слѣдуетъ.

— Ну, да! Послушайте, вѣдь вы уважаете Лизу, какъ вашу же студентку?

— Положимъ, что уважаю; а что?

— Да то, что она и Наденькѣ позволитъ читать, что той вздумается...

— Не можетъ быть!

— Я же вамъ говорю; что мнѣ за выгода лгать?

— Надо переговорить объ этомъ серьезно съ Лизаветой Николаевной.

— Можете.

Моничка ускорила шаги, чтобы поровняться съ Куницикимъ, который объяснялъ въ это время Наденькѣ что-то съ особеннымъ жаромъ; но осторожный правовѣдъ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ вопроса, съ которымъ обратилась къ нему Моничка; и чтобы не возбудить общаго вниманія, эта послѣдняя нашла въ необходимости вернуться въ своему буфѣ—«университету».

— Еслибы вы знали, m-g Lastow, какой вы случный—ужасн! Какъ разъ еще заснешь съ вами.

Левъ засмѣялся.

— Спасибо, по крайней мѣрѣ, за откровенность.

— Не за что. Maintenant, que le progrès universel réveille l'émancipation de notre sexe, откровенность—первое дѣло. Ну, какъ же, сами согласитесь, ходить съ молоденькой дѣвицей и не умѣть занять ее?

Левъ зѣвнулъ въ руку.

— О чемъ говорить прикажете?

— Мало ли о чемъ. Если не можете ни о чемъ другомъ, такъ

говорите хоть о театрѣ. Часто вы бываете въ оперѣ? Говорите, острите, ну!

— Бываю.

— А, скажите пожалуйста, бываете! Какая же опера болѣе всего нравится вамъ? Каждое слово приходится выжимать изъ васъ, какъ изъ мокраго платка.

— Какая мнѣ опера болѣе всѣхъ нравится? Еслибы я былъ хвастливъ, то сказалъ бы: «Разумѣется *Дон-Жуанъ*!» Но я откровененъ и сознаю, что и музыку Верди слушаю съ большимъ удовольствіемъ; напримѣръ Трубадура, Травиату...

— Травиату? Да вѣдь всѣ наши примадонны *inexcusable* толсты, а Травиату умираетъ отъ чахотки? Да и декорацин въ Травиатѣ очень незавидны.

— Опять-таки должны сознаться, что ни пѣвицы, играющей Травиату, ни декорацин не видѣлъ.

— Какъ не видѣли, гдѣ жъ вы сидѣли?

— Въ парадизѣ, и притомъ на второй скамьѣ. Первая скамья, какъ извѣстно, искони абонирована, и абонементы эти переходятъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, такъ что нашему брату, постороннему, неродившемуся подъ счастливой абонементной звѣздой, приходится удовольствоваться второй скамейкой; а съ этой ничего не видно, если съ опасностью жизни не перегибаться всѣмъ корпусомъ черезъ головы впереди сидящихъ. Я сажусь обыкновенно лицомъ къ стѣнѣ, чтобы не ослѣпить отъ яркаго блеска люстры, висящей передъ самымъ носомъ, закрываю глаза и обращаюсь весь въ ухо.

— Все-таки не понимаю, зачѣмъ вы ходите наверхъ, а не въ партеръ?

— Очень просто, потому что по скудности финансовъ не имѣю доступа въ преисподнюю; поневолѣ возлетишь въ высшія сферы.

Моничка посмотрѣла на него съ быстрымъ взглядомъ и сжала иронически губки.

— Вы, какъ поэтъ, вездѣ, кажется, возлетаете въ высшія сферы. «Окончательно провалился!» подумалъ Левъ.

IX.

Ржаной хлѣвъ и везе.

Не болѣе успѣха имѣлъ и правовѣдъ у гимназистки.

— Поѣдете вы отсюда въ Парижъ? спросилъ онъ ее пофранцузски.

— Не думаю, отвѣчала она на томъ же языкѣ:—сестра пьетъ сыворотки и вѣроятно придется пробыть здѣсь все лѣто. Да въ Парижъ въ это время года, я думаю, и не стоитъ: жарко, душно, какъ во всякомъ большомъ городѣ; да и вообще туда, кажется, не стоитъ.

— Ай, ай, m-lle Nadine, какія вы вещи говорите! Парижъ—центръ всемірной цивилизаціи, всякаго прогресса: науки, искусства, высшее салонное образованіе, всевозможныя безобразія наконецъ—все это сосредоточено въ новомъ Вавилонѣ, какъ въ оптическомъ фокусѣ, и всякаго мало-мальски образованнаго человѣка влечетъ туда съ неодолимой силой, какъ магнитная гора въ арабской сказкѣ. Приблизится къ такой горѣ на извѣстное разстояніе корабль—и все желѣзо корабля: гвозди, обивка и проч., вырывается само собою изъ стѣнъ его и мчится на встрѣчу волшебной горѣ.

— То-то, подхватила Наденька:—что когда желѣзные части корабля отрывались отъ него, существенныя составныя его части, какъ-то бревна и доски, лишались взаимной связи, распадались, и бѣдные пассажиры судна погибали въ волнахъ. Молодежь, стремящаяся на всѣхъ парусахъ въ Парижъ, лишается тамъ своихъ гвоздей и распадается въ ничто. Не даромъ гласитъ нѣмецкая поговорка: «Nach Paris gehen Narren, davon—kommen Gecken».

Правовѣдъ усмѣхнулся, подбросилъ себѣ въ глазъ стеклышко (въ чемъ достигъ настоящей виртуозности) и посмотрѣлъ на собесѣдницу съ боку.

— Съ вашихъ, m-lle, хорошенькихъ губъ какъ-то странно слышать такой рѣзкій приговоръ. Вѣрно Добролюбова начитались?

— Не скрываю, начиталась.

— А проговоръ: какъ вы смотрите на танцы? Добролюбовъ, по своей неуклюжести, не танцовалъ, а поклонники его ненавидятъ танцы.

— Видите, m-g Куницынъ: я люблю побѣсноваться, покружиться; какъ-то особенно весело, точно улетаешь куда-то; но все-таки танцы—ребячество, глупость. Лиза тоже не танцуетъ.

Куницынъ расхохотался.

— Потому и глупость, что m-lle Lise не танцуетъ? Такъ она для васъ авторитетъ? Въ настоящее время авторитеты—нуль, всякій имѣетъ обо всемъ свое собственное мнѣніе.

— Да и я имѣю свое мнѣніе о танцахъ, отвѣчала серьезно гимназистка:—ну, сами посудите: въ огромныя, празднично-освѣ-

щенный залъ сходитса въ пухъ и прахъ разряженная толпа—для чего, спрашивается? чтобы попрыгать, какъ марionетки, подъ тактъ музыки! Неужели это не глупо? ✕

— А, нѣтъ, m-me, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ музыка рѣшительно незамѣнима. Она заглушаетъ задушевный разговоръ, такъ-что изливайса передъ любимымъ существомъ сколько угодно — никто не услышитъ. Потому она даетъ случай обнять это любимое существо, прижать отъ глубины души къ сердцу, что во всякомъ другомъ случаѣ было бы преступленіемъ.

— Все это вздоръ! перебила Наденька. — Вы говорите про любимое существо, а любовь—негѣпость!

— Вотъ какъ! такъ вы и любви не признаете?

— Еще бы признавать. Въ сентиментальный періодъ романтиковъ она была въ модѣ; нынче она брошена, какъ шляпка стараго фасона.

— Такъ-съ. И всякая привязанность вздоръ?

— Привязанность? нѣтъ, разумная—не вздоръ. Разумная привязанность рождается вслѣдствіе долгаго знакомства съ предметомъ нашей привязанности, когда мы усѣли вполнѣ убѣдиться въ душевныхъ достоинствахъ его. Любовь же, въ томъ смыслѣ, какъ вы ее понимаете, въ смыслѣ влюбленности, безотчетнаго, глупаго влеченія, разлетается, какъ дымъ, воль скоро любимое существо сойдетъ съ пьедестала, на который вознесено нашей же фантазіей, и разоблачится въ свою обиденную, человѣческую форму.

— Прошу извиненія за откровенность, сказалъ смѣясь Кунцинь:—но слова ваши такъ и пахнутъ риторикой. Вѣрно цитируете Добролюбова?

— Съ чего вы взяли, что у меня нѣтъ собственныхъ убѣжденій? Впрочемъ, если не у Добролюбова, то у Бѣлинскаго, учителя его въ дѣлѣ критики, дѣйствительно есть нѣчто подобное: кажется, въ 8-мъ томѣ, гдѣ онъ разбираетъ Пушкина.

— Ха-ха!

— Чему обрадовались? Бѣлинскій, кажется, уважительный авторитетъ?

— Я только-что говорилъ вамъ, что не признаю авторитетовъ. Впрочемъ, смѣялся я не тому; меня забавляетъ, что вы запомнили такъ хорошо и томъ, и статью.

— Не диво вспомнить, когда въ 8-мъ томѣ всего двѣ статьи.

— Что же говорить Бѣлинскій о привязанности?

✕ Этобы зароботать урками ногами

— Онъ не отвергаетъ ея, однако, считаетъ ее возможною только въ случаѣ взаимности. Любить васъ (разумѣется, чувствомъ привязанности, а не влюбленности) — и это до такой степени льститъ вашему самолюбію, что вы начинаете самъ благоволять къ любящему, пока не полюбите его такъ же нѣжно, какъ онъ васъ. Станетъ онъ опять пренебрегать вами — и вы, какъ охлажденные холодною водою, остываете мгновенно. Привязанность безъ взаимности и вѣрность до гроба могутъ быть допущены только, какъ натяжка воли или — разстройство мозга!

— Сами вы себѣ противорѣчите, сударыня: только что говорили, что любовь не въ модѣ, а теперь допускаете ее въ случаѣ взаимности; вѣдь Бѣлинскій говоритъ же о любви между мужчиною и женщиною, а не между лицами одного пола?

— Ну, да...

Наденька замалась.

— А все виновать сенъоръ Бѣлинскій! Я хоть сознаюсь откровенно, что не могу одолѣть его: больно фразистъ и ученъ; вы же цитируете его, да сами сбиваетесь на немъ.

Наденька покачала головой.

— Вы не понимаете меня... вы слишкомъ молоды. Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ.

Правовѣдъ усмѣхнулся.

— Читали вы *Вичнаю Жида*?

— Читала — порядочная дрянъ.

— Дрянъ? А характеры?

— Ну, ужъ характеры. Развѣ есть такіе изверги, какъ Rodin?

— Я въ своемъ родѣ, наприимѣръ, тоже Rodin.

— Вы? Чтѣ вы въ своемъ родѣ левъ, никто не усомнится, но свѣтскіе львы нестрашны...

— Нѣтъ, я и въ душѣ левъ.

— Не повѣрю; вы или ягденокъ, или заяцъ въ львиной шкурѣ.

Кунницынъ закусилъ губу. «Кажется, острить надо мной?» разсуждалъ онъ самъ съ собою, скимстывая тросточною пыль съ своихъ свѣтлыхъ, широкихъ панталонъ. «Чѣмъ же разалеча, привлечь ее? О Парижѣ, о танцахъ, о романахъ говорить не хочется; о чемъ же, наконецъ, толковать съ ней? Sacrebleu!» Онъ не догадывался, что гимназисты вообще не хотѣлись говорить съ нимъ.

— Вы не думайте, m-Ne, началъ онъ опять: — что я не беру въ руби серьѣзныхъ книгъ. Напротивъ: я прочелъ всего Мале-

шота, всего Фейербаха, Прудона... Знаете, главный принцип Прудона: «Le vol c'est la propriété»...

— Что такое? Воровство—имущество?

— Да, имущество всякаго... то-есть всякому предоставляется воровать, сколько угодно, не попадись только.

— И это главный принцип Прудона?

— Схи! это принцип всѣхъ вообще коммунистовъ...

— Знаете, м-г Кунницынъ, мнѣ сдастся, что вы не читали никого изъ этихъ господъ.

Правовѣдъ обидѣлся.

— Что жъ тутъ необыкновеннаго? Современному человѣку надо ознакомиться со всѣми отраслями знанія. Я вѣдь и не говорю, что философія—вещь интересная, матерія скучнѣйшая, суше которой едва-ли что сыскать; но возьмите жъ опять—долгъ всякаго человѣка образоваться... Если философы и посвящали лучшіе годы жизни сочиненію отвлеченныхъ теорій, не слыша около себя вѣянія окружающей жизни, то обязанность современнаго человѣка—дышать одною грудью со всею вселенною, мыслить со всѣми и за всѣхъ, а слѣдовательно, и съ философами. Понятно, однако, что философія для нашего брата лишь дѣло второстепенное, одно изъ звеньевъ всей цѣпи нашихъ знаній. А какъ философія такая непроходимая сушь, то чѣмъ скорѣе отдѣлаться отъ нея, тѣмъ и лучше; вѣдь все равно ничего путнаго, реальнаго не вынесешь. И могу похвалиться: перелистагъ на своемъ вѣку столько философскихъ переливаній, что на всю жизнь хватить.

Наденька безмолвствовала.

«Странное дѣло!» думалъ Кунницынъ: «и это не дѣйствуетъ... Ударимъ опять по нѣжнымъ струнамъ».

— Такъ вы положительно никогда не любили? началъ онъ вслухъ: — что-то невѣроятно. Вѣдь обожали же въ гимназій когонибудь изъ учителей?

— Были у насъ глупенькія, которыя обожали; а слишкомъ умная для того.

— Погодите немножко, придетъ и ваша пора, будете сами глупенькой.

— А вы уже глупенькій?

— Къ вашимъ услугамъ.

— То-то я замѣтила. — Наденька засмѣялась.

— Смѣйтесь, смѣйтесь! Помните мое слово: не успѣете оглянуться, какъ окажетесь глупенькой. Вы еще ребѣнокъ...

— Ребёнок! Извините, мнѣ скоро 16, а дѣвѣцѣ развиваются несравненно ранѣе мужчинъ; вамъ сколько лѣтъ?

— Двадцать-первый.

— То-есть 20; дѣвушка въ 16 лѣтъ считается уже взрослой, а мужчина въ 20 все еще недоросль.

— Не хочу спорить, произнесъ съ достоинствомъ правовѣдъ:— пусть за меня говорятъ факты: въ чемъ, спрашивается, заключается развитость 16-ти-лѣтней дѣвушки, чѣмъ превосходитъ она насъ: тѣлеснымъ или умственнымъ развитіемъ? Дѣвушка въ 16-ть лѣтъ еще большая невѣжда въ наукахъ, чѣмъ мальчикъ тѣхъ же лѣтъ, потому что начинаетъ уже выѣзжать на балы, тогда какъ мальчикъ еще продолжаетъ учиться; слѣдовательно развитость 16-ти-лѣтней дѣвушки только тѣлесная; что жъ, собаки взрослые уже восьми мѣсяцевъ. Я, положимъ, еще недоросль, а между тѣмъ окончилъ уже курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, а между тѣмъ уже имѣю 9-й классъ.

— Что это: 9-й классъ?

— Это значить: титулярный совѣтникъ. Даже кандидаты университета получаютъ только 10-й.

— Да такъ и слѣдуетъ, сказала Наденька:— они знаютъ несравненно больше васъ.

— Да нѣтъ, вы, кажется, не такъ понимаете: 9-й классъ выше 10-го.

— Какъ выше?

— Конечно, выше. Самый высшій—первый классъ, потомъ 2-й, и т. д.; 14-й или китайскій императоръ—низшая степень.

— Какъ же я этого не сообразила! замѣтила насмѣшливо Наденька. — Станутъ студентамъ давать ту-же степень, какъ правовѣдамъ! Помните, у Добролюбова:

Правый брегъ Волги гористъ, а лѣвый брегъ низменъ,
Тамъ и все на Руси—что выше правѣе бываетъ.

Въ университетъ поступаетъ народъ немущій, низкій, парій, народъ печеный изъ грубаго, ржанаго тѣста. Ржаной хлѣбъ пожалуй и сытнѣе, и здоровѣе кондитерскихъ пирожковъ, но цѣна пирожкамъ всегда выше.

— Оттого выше, что они идутъ на столъ образованнаго сословія, тогда какъ ржаной хлѣбъ годенъ для однихъ мужиковъ.

— Неправда; и я люблю ржаной хлѣбъ—съ жаркимъ, съ супомъ. Посмотрѣла бы я, какъ бы вы сами стали заѣдать эти блюда сладкимъ пирожкомъ!

— Но подь конець обѣда, въ видѣ десерта, всегда же пріятно что-нибудь сладкое, напริมѣръ безе; или нѣтъ?

— Чтѣ касается специально меня, то я охотница до безе, но вкусъ у меня еще неразвѣтъ. Спросите-ка бывалыхъ людей, испробовавшихъ всего въ жизни — они пренебрегаютъ пирожнымъ, и вѣроятно недаромъ.

— Пренебрегаютъ кандитерскимъ безе, потому что вкушали уже безе болѣе сладостное — съ прелестныхъ устъ. Вы пока знаете только безе перваго рода; но сдѣлайте глупенькой, то-есть полюбите, и найдете вкусъ и въ безе втораго рода.

— Вы, м-г Кундацннъ, какъ я вижу, большой эгоистъ: сами изъ породы безе, такъ и расквашиваете свою братью...

Х.

Сннй чулокъ.

Мы видѣли, что правовѣдъ и поэтъ, оба занялись своими «предметами». Понемногу все общество раздѣлилось на нары. Александръ и Лиза составляли послѣднюю изъ нихъ.

— Не взыщите, если я не займу васъ хорошенько, говорилъ Александръ: — но я не мастеръ толковать съ барышнями.

— А съ мужчинами мастеръ?

— Мастеръ — не мастеръ, а знаю, покрайней мѣрѣ, о чемъ говорить.

— Такъ, по вашему, женщина неспособна на разумный разговоръ? Себя же вы, вѣроятно, какъ всякій человѣкъ, считаете очень умнымъ? Знаете ли, что вы грубите?

— Очень можетъ быть; я вѣдь радууредѣлъ васъ, что него-раздъ на комплименты.

— Да отъ комплиментовъ до грубостей «дистанція огромнаго размѣра». Развѣ разговоръ мужчины съ женщиной долженъ ограничиваться комплиментами? Я думаю, если женщина собирается сдѣлать на кандидата...

— И то! я было даже забылъ. Но позвольте узнать, по какой вы это части?

— Сначала я занималась исторіей, но послѣ, когда естественныя науки получили такое большое значеніе въ общемъ образованіи, я перешла къ естественнымъ. Чтѣ вы смотрите такъ насмѣшливо? Вы, какъ Курторга, думаете, что мозгу у женщинъ менѣе, чѣмъ у мужчинъ? Такъ знайте же, что я хочу убѣдить

вась на себѣ, что женщина на все такъ же способна, какъ вашъ братъ, мужчина. Какой бы стороною ума прежде всегда блеснуть передъ вами?

— Да хоть сметливостью. Сметливость у женщинъ развита болѣе всего.

— Извольте. У вась есть теперь въ карманѣ книга?

— Есть.

— Видите, такая сметливость; ни вы, ни то не говорилъ мнѣ, что вы взяли съ собою книгу, а я узнала.

— Какъ же вы узнали?

— По простой, логической дѣли мыслей: вы пренебрегаете женскимъ обществомъ; вамъ предстояло гулять съ женщинами, вы знали, что будете скучать. «Возьму-ка съ собою книжку, сказали вы себѣ: при первомъ удобномъ случаѣ улизну въ сторону и расположусь подъ сѣнью струй». Вѣдь такъ?

— Положимъ, что такъ.

— Я вамъ скажу даже, какая у вась книга.

— Едва-ли.

— Бельетристичной вы заниматься не станете; значить, это не романъ. Ученаго сочиненія также не станете читать, потому что путешествуете для развлечения и не захотите скоромную жизнь туриста отравить постнымъ блюдомъ учености. Книга ваша должна быть изъ полуученыхъ, популярно-ученыхъ. Но вы натуралистъ и выбрали конечно сочиненіе по своей части... Парн: у вась что-нибудь Карла Фохта?

Александръ не могъ скрыть нѣкотораго изумленія.

— Логика у вась дѣйствительно не женская!

— Что жъ, угадала? Фохта?

— Фохта.

— Покажите.

Александръ подалъ ей книгу.

— «*Bilder aus dem Thierleben*», прочла она.—Какъ кончите, такъ одолжите мнѣ. Я давно желала прочесть это сочиненіе, да неоткуда было взять. Въ библіотекахъ не даютъ: запрещено, молъ; студенты же знакомые хотя и обѣщались достать, да по обыкновенію забывали вѣчно.

— Можете взять хоть сейчасъ.

— Благодарю вась.

Перелистывая книгу, Лиза остановилась на одной страницѣ и прочла вслухъ:

— «Das Werden der Organismen hat für mich stets einen weit grösseren Reiz gehabt, als das Bestehen derselben und der Prozess der Selbsterhaltung. Es liegt etwas stabil-Langweiliges in der Erhaltung des thierischen Organismus—in dieser doppelten Buchführung, die über Einnahme von Nahrungstoffen und Ausgabe verbrauchten Materiales von dem Organismus mit ermüdender Gleichförmigkeit geführt wird, und wo sich das Haben als Fett ansetzt, während das Soll sich durch Abmagerung kundgibt und endlich ein Bankerott oder der zunehmende Iduchersins, welchen der Organismus zahlen muss, das ganze Geschäft endigt und die Firma zu den Todten wirft» (*).

— Остроумнѣ, какъ всегда, сказала Лиза, по прочтеніи отрывка.—Но я не вполне раздѣляю вкусъ Фохта. Его томить монотонное прозябаніе земныхъ тварей; меня тоже; но есть случай, гдѣ такое прозябаніе дѣлается въ высшей степени интереснымъ: это, если аклиматизировывать какую-нибудь животную или растительную породу. Существо экзотическое, выросшее подъ знойнымъ небомъ юга, вы начинаете перевоспитывать для своей холодной родины, холите его, защищаете отъ рѣзкихъ вліаній климата, и вотъ—старанія ваши увѣнчиваются успѣхомъ: вашъ протѣжѣ перерождается на вашихъ глазахъ, и вы дарите отечеству новую породу! Жаль, что у насъ въ Россіи эта статья обращаетъ на себя еще такъ мало вниманія. Главная трудность заключается конечно въ натурализаціи животныхъ: растеніе, аклиматизируясь, въ то же время и натурализуется; животное же, перенесенное въ другой градусъ широты, хотя и существуетъ въ началѣ съ грѣхомъ пополамъ, какъ степной помѣщикъ, пріѣхавшій въ столицу пожуировать жизнью—однако это не болѣе, какъ прозябаніе, существованіе болѣзненное, отъ котораго еще далеко до полной натурализаціи. Что жъ вы молчите, Александръ Александровичъ? Вы развѣ не интересуетесь этимъ вопросомъ?

На Александра краснорѣчивый монологъ экс-студентки не произвелъ почему-то того благоприятнаго впечатлѣнія, который она

(*) «Образованіе организмовъ имѣло для меня всегда несравненно болѣе прелесть, чѣмъ существованіе ихъ и процессъ самосохраненія. Неодолимо скучно это поддержаніе животнаго организма—это двойное веденіе книгъ о приходѣ питательныхъ веществъ и расходѣ истраченного матеріала, исполняемое организмомъ съ такою утомительною равномѣрностью; при чемъ кредитъ осаживается въ видѣ жира, а дебетъ выражается худѣніемъ, покажется окончательное банкротство или лихонные проценты, платимые организмомъ, не остановить торговли и не закрыть фирмы».

объясала себѣ отъ него. Наммурившись и смавъ губы, натуральность отвѣчала прямо:

— Нѣтъ!

— Что нѣтъ?

— Нѣтъ, то-есть я несогласенъ съ вами.

— На счетъ чего?

— Гм... Да хоть на счетъ того, что можетъ найтись разумный человѣкъ, который возьмется акклиматизировать мнозоземную ради одного плезира, безъ всякаго вознагражденія.

— Отчего же, Александръ Александрычъ? На столько же всякій безкорыстенъ въ дѣлѣ общаго блага.

— Общаго блага? Что такое общее благо? Всякій человѣкъ печется только о себѣ — вотъ вамъ и общее благо. Да что жъ? Пусть каждый печется хорошенько о себѣ—и всѣ будутъ счастливы. Но тагъ-вагъ кулачное право—основной законъ природы и жизни, то кто сильнѣе, тотъ и счастливѣе.

— Зарапортовались! перебила Лиза. — Скажите на милость, что тагъ встревожило вашу жолчь?

— Да развѣ не правда? Эгоизмъ — этотъ рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ вывести землю изъ ея настоящаго положенія, составляетъ основу всякаго существа, потому что если мы сами не станемъ печется о себѣ, такъ кто же возьметъ на себя эту заботу? А слѣдовательно повсемѣстно и кулачное право. Котлету, приготовленную изъ филе невинно-закоматаго быка, я слѣдаю съ тѣмъ же звѣрскимъ хладнокровіемъ, съ какииъ волкъ улетать ягвенка, и ни его, ни меня нельзя обвинять за нашу кровожадность. Логика голода — неотразимая логика. Умники-баснописцы, конечно, совѣтуютъ волкамъ довольствоваться травой; но еслибы такого баснописца оборотить въ волка — посмотрѣлъ бы я, какъ бы онъ плотоядными зубами, плотояднымъ желудкомъ пережевывалъ, переваривалъ растительную пищу! Иадохъ би, неразумный, съ голоду, а все по незнанію анатоміи. Весь кодексъ нашей гуманности сводится къ одному правилу: «Не тронь меня—и я тебя не трону». Кто дошелъ до пониманія этого правила, тотъ считается человѣкомъ просвѣщеннымъ: уважаетъ, молъ, личность. Если же мы помогаемъ кому въ бѣдѣ, то изъ чистаго эгоизма, въ надеждѣ поживиться когда нибудь отъ него; или по-крайней-мѣрѣ изъ омонстическаго побужденія: устранить отъ себя неприятное впечатлѣніе при видѣ несчастнаго. *Вотъ*

— То-есть изъ привладнаго эгоизма? сострила Лиза. — Вы

чьмъ-то раздражены, Александръ Александричъ; в судите голо-слобно. Подумайте хорошенько: не дѣлали вы развѣ когда-нибудь въ жизни добра?

— Какъ не дѣлать—если понимать подъ добромъ оказываніе помощи—но все изъ прикладнаго эгоизма. Я приготовилъ, на примѣръ, бѣдныхъ молодыхъ людей безвозмездно въ университетъ. Но чтѣ побуждало меня къ тому? Мое человѣческое достоинство было оскорблено видомъ людей, одаренныхъ отъ природы одними со мной мозговыми орудіями и немѣющимися случая развиваться. Чтобы избавиться отъ этого тягостнаго чувства, я брался учить бѣдняковъ.

— Такъ это очень похвальный эгоизмъ; дай-Богъ, чтобы всѣ эгоистическія побужденія на свѣтѣ были такъ же безкорыстны.

— Да, я согласенъ, что подобный эгоизмъ не вреденъ; но онъ все-таки эгоизмъ, то-есть чувство, заставляющее насъ дѣлать добро другимъ — только для удовольвенія самихъ себя. Все на свѣтѣ дѣлается вслѣдствіе эгоизма; но эгоизмъ бываетъ трехъ сортовъ: вредный, безразличный и полезный.

— Такъ и я, значить, дѣйствовала подъ вліяніемъ эгоизма, когда обучала въ воскресныхъ школахъ?

— А то какъ же?

— Какъ вы уникаете меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Бывало, какъ окончишь урокъ, всегда такъ довольна собой: «внѣш, говоришь себѣ, бабая ты хорошая!»

— И вы имѣли полное право говорить себѣ это. Своимъ «добрымъ дѣломъ» вы дѣйствительно возвышались надъ уровнемъ толпы, но опять-таки вы не можете вмѣнять себѣ это въ достоинство. Развѣ вы сами сдѣлали себя такой, какъ вы есть? Обстоятельства сложили вашъ характеръ: вы воспитывались, развивались въ такой средѣ, гдѣ было понятно, что помогать ближнему выгоднѣе, чѣмъ оставаться къ нему безразличнымъ — уже изъ видовъ спокойствія совѣсти.

— Ваши софизмы довольно убѣдительно, согласилась экс-студентка.—Грустно подумать, какъ поддаешься иногда силѣ обстоятельствъ, какъ теряешь иногда всякую силу воли. Помнится, въ Петербургѣ... идешь въ воскресную школу; зима, морозъ; спѣшишь по набережной Фонтанки и кутаешься въ салонъ, въ муфту. Стоишь на дорогѣ, прислонившись къ фонарю, оборванный пролетарій, дрожить, бѣдняжка, посянѣлъ отъ холода, простираетъ къ тебѣ руку съ жалобнымъ воплемъ: «Жена, дѣти... по-

можете!» Взглянешь, бывало, на него, завернешься теплѣе и поспѣшишь мимо, успокоивая себя мелочнымъ доводомъ: остановись, такъ опоздала бы на урокъ.

— А между тѣмъ поступокъ вашъ былъ совершенно естественъ и вы напрасно раскаиваетесь въ немъ: вы не могли поступить иначе, обстоятельства принудили васъ поступить такъ, а не иначе.

— Полноте! Сколько же тутъ требовалось воли? Еслибы я и опоздала минутою на урокъ—что жъ за бѣда! а одинъ или даже нѣсколько изъ моихъ ближнихъ были бы спасены отъ мученій голода. Стоило только остановиться.

— Вы говорите: *только*; но это *только* и есть, быть можетъ, та лишняя гирька на вѣсахъ вашего состраданія, которая перетянула на сторону «неподанія помощи». Помочь велить вамъ чувство униженнаго человѣческаго достоинства, вопиющее вмѣстѣ съ несчастнымъ: «Жена, дѣти... помогите!» Въ пользу же неоказанія помощи говорятъ несравненно большее число данныхъ, хотя и не столь полновѣсныхъ: предчувствіе, что если вы выпете ругу изъ муфты, то не отогрѣете ее скоро—разъ; предположеніе, что нищій, носъ котораго и безъ того превратился, отъ неумѣренныхъ возліаній Бахусу, въ нѣкотораго рода сливу, пропьеть ваши деньги въ первой распивочной—два; мысль, что проходяшіе почтутъ вашъ поступокъ фарисейскимъ—три. И вотъ, приближаясь къ нищему, вы колеблетесь: помочь или не помочь? Но тутъ является внезапно новое данное въ пользу неоказанія помощи: вы вспоминаете, что поздно, что пожалуй опоздаете въ школу—и гордо проходите мимо. Будь климатъ въ Петербургѣ умѣреннѣе—однимъ неблагопріятнымъ даннымъ было бы менѣе, и вы вѣроятно помогли бы бѣдняку; но въ суровой климатической обстановкѣ и сердце человѣка черствѣетъ: жители юга всегда общительнѣе, добродушнѣе нашего брата, сѣверанина.

— Всякую волю въ человѣкѣ однако нельзя отрицать, возразила Лиза:—если я пересиливаю себя, если во мнѣ происходитъ борьба, то тутъ-то и дѣйствуетъ сила воли. Возьмемъ тотъ же примѣръ съ нищимъ. Положимъ, я отошла отъ него на нѣсколько шаговъ. Вдругъ мнѣ дѣлается жаль; я начинаю колебаться, обирачиваюсь наконецъ и возвращаюсь къ несчастному надѣлать его милостыней. Чѣмъ же я заставила себя преодолѣть свою неохоту вернуться, какъ не силою воли?

— Никакой тутъ воли не было. Что вы колебались, что вамъ пришлось, какъ вы выражаетесь, пересилить себя—это явленіе са-

мое обыкновенное, наблюдаемое во всѣхъ случаяхъ, гдѣ происходитъ борьба, вслѣдствіе большей или меньшей равности борющихся силъ. На вѣсахъ вашего человѣческаго достоинства чаши нагружены въ разсматриваемый моментъ почти одинаково и колеблются то въ одну, то въ другую сторону, оставляя васъ въ неизвѣстности, которая перетянетъ. Ваше положеніе здѣсь совершенно страдательное, и вы вовсе непричастны тому своей волей, если наконецъ одна изъ чашъ перетянетъ. Всякая воля—химера.

— Вы убѣдили и побѣдили меня, господинъ философъ; а между тѣмъ... Лиза лукаво засмѣялась:—между тѣмъ и я выхожу побѣдительницей!

— Какъ такъ?

— Да такъ. Помните, въ началѣ прогулки вы объявили, что скучаете во всякомъ женскомъ обществѣ; теперь вы съ жаромъ спорите съ женщиной, значить находите интересъ въ бесѣдѣ съ ней.

— Гм... да.

— Ваше жолчное настроеніе, кажется, прошло; скажите теперь по совѣсти: чему вы такъ разсердились, когда я говорила про акклиматизацію?

— Нѣтъ, зачѣмъ...

— Ну, однако? Не на меня ли извоили гнѣваться?

— А еслибы и на васъ?

— А! это интересно. Но за чтò? говорите, за чтò?

— Сами напрашиваетесь на откровенность. Видите: въ началѣ нашего знакомства вы произвели на меня пріятное впечатлѣніе, какъ умная, разсудительная дѣвушка. Легкая взбалмошность такъ обыкновенна въ ваши лѣта, что я не придалъ ей значенія въ васъ. Когда же вы заговорили объ акклиматизаціи, я сталъ убѣждаться, что имѣю дѣло съ синимъ чулкомъ...

— И я горжусь этимъ названіемъ! Пожалуйста, не измѣняйте своего мнѣнія; я хочу быть синимъ чулкомъ.

Александръ пожалъ съ сожалѣніемъ плечами.

— Вольному воля.

XI.

Гроза. О французскихъ романахъ и патриотизмѣ. SCHLOSS UNSPRUNGEN.

Прогулка въ лѣтній полдень имѣетъ свои пріятности; но всѣ онѣ взвѣшиваются одною непріятностью—зноемъ: солнце, стоя-

щее въ зенитѣ, жгетъ изо всѣхъ силъ, словно получаетъ за то богъ-вѣсть какое жалованье, такъ что и дыханіе у васъ спираетъ, и въ глазахъ рябитъ. Задыхаясь и обтираясь платками, общество наше едва обогнуло Ругень, какъ набѣжала тучка и раздался первый, внушительный рокоть грома. Все засуетилось. Вдругъ—«ахъ, а!» Золотая, съ голубоватымъ отливомъ, молнія, дивно-ловко извиваясь, ворвалась съ неистовствомъ въ средину общества; лица какъ мѣлъ побѣлѣли—нельзя было сказать: отъ отблеска молніи, или отъ испуга. Вслѣдъ затѣмъ глухо загрохотало. Въ сосѣднихъ горахъ задрезбуждало въ отвѣтъ Трава, вѣтви деревьевъ, платья дамъ—все зашелестило подъ крупными каплями лѣтнаго дождя. «Sauve qui peut!» Дамы въ своихъ воздушныхъ одѣяніяхъ, съ крохотными зонтиками, недающими ни малѣйшей защиты отъ капитальнаго ливня, мужчины въ однихъ сюртукахъ, всякій бѣжалъ спастись. «Юнгфрауенблик!» былъ общій лозунгъ: изъ-за ближнихъ деревъ виднѣлась крыша этой отели.

— М-г Куницынъ, крикнула Моничка во слѣдъ правовѣду, искавшему, подобно другимъ, спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ: — *soyez si aimable, prêtez moi votre chapeau et votre surtout.*

Молодой человекъ остановился и снялъ съ себя то и другое. — *Voilà, mademoiselle.*

— *Grand merci.*

Она торопливо накрылась соломенной шляпой правовѣда и пиджакъ его одѣла въ накидку.

— *Prenez, défendez vous par ceci, comme vous pouvez,* прибавила она налету, оставляя въ рукахъ его свой маленькій зонтикъ, и уже мчалась къ спасительной кровлѣ.

Распустивъ надъ собою зонтикъ барышни, правовѣдъ поскакалъ во слѣдъ ей.

Левъ, такъ неожиданно покинутый своей собесѣдницей, отсбивалъ глазами мѣсто, гдѣ бы укрыться, когда завидѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, подъ густолпственнымъ орѣшникомъ, Наденьку. Понятно, что въ мгновеніе оба онъ былъ у ней. Гимназистка встрѣтила его съ привѣтливой, дѣтской улыбкой и указала ему около себя, подъ деревомъ, сухое мѣсто.

— Какъ славно, Левъ Ильичъ, не правда ли? Чувствуешь, что живешь... Помните, у Майкова...

— Помню; оно такъ и начинается:

Помнишь—мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома...

— Нѣтъ, я думала про другое. Но и это, кажется, преми-
ленькое. Дальше, кажется:

Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью?

«— Не было конца тутъ страху и веселью», подхватила Левъ:

Дождикъ лиль сквозь солнце и подъ елью мшистой
Мы стояли точно въ клеткѣ золотистой...

— Ахъ! вскрикнула тутъ Наденька, хватаясь бессознательно
за руку молодого человѣка: вся окрестность вспыхнула мгновенно
ослѣпительнымъ огнемъ, сопровождаемымъ гульнявыми раскатами.

«— Вдругъ надъ нами прямо громъ перевалялся», цитировалъ
поэтъ:

Ты ко мнѣ прижалась, въ страхѣ очи жмура...
Благодатный дождикъ! золотая буря!

— Какъ я испугалась! вздохнула изъ глубины души гимна-
зистка, отодвигаясь отъ сосѣда. — А я, кажется, не трусиха...
Вы, Левъ Ильичъ, любите грозу?

— Островскаго?

— Ха, ха, ха! Нѣтъ, я говорю про настоящую грозу. Я еще
ребенкомъ была безъ ума отъ грозы; меня такъ и называли:
маленькой колдуньей. Чуть блеснетъ первая молнія, брызнетъ
дождикъ, я — въ садъ, и стою тамъ съ непокрытой головой.
Дождь заливааетъ меня, гроза бушуетъ, а я стою, какъ очаро-
ванная. Явлюсь домой — маменька и гувернантка только ахнутъ:
волоса вселокочены, платье какъ губка: «Наденька, Наденька,
что съ тобой?» А я тряхну головой да бѣгомъ опять подъ
дождь. Знаете, про какое майковское стихотвореніе я вамъ хо-
тѣла сказать?

— Про какое?

— Оно совсѣмъ коротенькое, но прелесть:

Жизнь безъ тревогъ — прекрасный, свѣтлый день;
Тревожная — весны младая гроза.
Тамъ — солнца лучъ и въ зной оливы сѣнь,
А здѣсь — и громъ, и молнія, и слезы...
О, дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ,
И горечь слезъ, и сладость слезъ!

— И вы, Надежда Николаевна, вполне сочувствуете этому?
спросила тихимъ голосомъ поэтъ. — Вы понимаете горечь и сла-
дость слезъ?

— Н-да... — Наденька замаялась. — Ахъ, да вотъ и наши
философы! подхватила она съ живостью, увидѣвъ приближаю-

шихся Александра и Лизу.—Перемокли какъ, бабушки! Гдѣ это вы пропадали?

— Какъ видишь, подъ дождемъ, отвѣчала, отряхиваясь, экс-студентка.—Отстали немножко. Что жъ, теперь можно и далѣе; дождя нѣтъ.

Гроза дѣйствительно унялась. Тамъ и самъ бродили еще на яркой синевѣ легкія облачка, но подъ жгучими лучами блестящаго солнца высыхали уже и дорожки, и зелень.

Молодежь поднялась опять въ путь къ первоначальной цѣли прогулки.

— Да! вспомнилъ Левъ:— правда, Лизавета Николаевна, что вы сестрицѣ своей даете читать французскихъ романистовъ?

— Правда.

— Да вѣдь увлекательныя переливанія Дюма, Сю, Февала, не имѣютъ ничего общаго съ нагою дѣйствительностью?

— Также правда.

— Такъ какъ-же давать ихъ въ руки невзрослой дѣвочкѣ, фантазія которой и безъ того черезчуръ прытка, а при помощи этихъ небылицъ можетъ разыгратъ до безобразія?

— Невзрослой! обидѣлась Наденька.— Мнѣ 16.

— Зачѣмъ прибавлять, милая? замѣтила Лиза:—тебѣ всего въ маѣ минуло 15.

Наденька покраснѣла.

— Ну, да, минуло, значить уже нѣтъ.

— Положимъ, успокойся. Вы, Левъ Ильичъ, удивляетесь, что я Наденькѣ не воспрещаю читать французскихъ романовъ? Но для полнаго образованія всякому человѣку надо ознакомиться и съ нелѣпницами міра сего.

— Съ дѣтства-то? Для дѣтей это положительно ядъ. Я очень хорошо еще помню, какъ будучи гимназистомъ 2-го—3-го класса, бралъ съ собою въ классы *Монте-Кристо* или тому подобную дрянъ, чтобы читать во время уроковъ, подъ скамьей. Зато, какъ вызовутъ къ доскѣ—идешь шатаясь словно пьяный, станешь у доски и нетолько не знаешь чтò отвѣчать—не понимаешь даже заданнаго тебѣ вопроса. А какъ ядовито дѣйствуютъ романы на расположеніе духа, на характеръ ребенка! Ходивъ всегда въ какомъ-то чаду, дѣлаешься сварливымъ, всѣмъ недовольнымъ: «Чтò я за несчастный! повтораешь себѣ: отчего со мною не происходитъ никакихъ приключеній? Миновало золотое время...» И начинаешь хандрить, дѣлаешься безучастнымъ ко всему обру-

жающему, бросаешь заниматься: «Что пользы? вѣдь все равно ни къ чему не послужить...» Является даже мысль о самоубійствѣ...

— Ну, вы слишкомъ поэтизируете, господаиъ поэтъ, перебила экс-студентка.—До какого возраста, скажите, упивались вы романами?

— До 14-ти, можетъ быть и до 15-ти лѣтъ.

— И вы недовольны, что такъ рано отдѣлялись отъ пагубной страсти къ этому сладкому яду? А я скажу вамъ, почему онъ вамъ такъ скоро опротивѣлъ: вы допились до омерзѣнія. Чѣмъ скорѣе дойти до этой стадіи, тѣмъ лучше. Послѣ періода романовъ наступаетъ періодъ отечественныхъ журналовъ. Съ какою гордостью, бывало, возвращалась я изъ конторы редакціи *Современника* или *Русскаго Слова* съ новымъ номеромъ журнала подъ мышкой! Нарочно повернешь его еще заглавнымъ листомъ наружу, чтобы всѣ проходящіе видѣли, что вотъ ты, молъ, баваа—прогресистка! Для Наденьки, видите ли, кончается и этотъ періодъ. Она въ журналахъ читаетъ уже ученые отдѣлы, и вскорѣ, подобно мнѣ, заинтересуется вѣроятно и самими науками, такъ что бросить и журналы.

— Напрасно. Журналы всегда полезны, хотя уже тѣмъ, что знакомать васъ съ современными интересами. Что же до французскихъ романовъ, то я долженъ вамъ еще вотъ что замѣтить. Вы смѣтрите на нихъ, какъ на неизбѣжное зло, съ которымъ чѣмъ скорѣе познакомиться, тѣмъ лучше, чтобы получить скорѣе отвращеніе къ нему?

— Схм!

— Я же вижу въ нихъ зло, котораго можно избѣгнуть, если во-время изощрить вкусъ болѣе удобоваримыми вещами. Человѣкъ, испившій разъ хорошаго рейнвейну, не пристрастится уже къ шампанскому. Давайте молодежи Диккенса, Гейне, Тургенева, Бѣлинскаго—и французская шипучка не прельститъ ихъ.

— Такъ, 12-ти, 13-ти лѣтнимъ ребятишкамъ и давать Гейне, Бѣлинскаго? Да они половины не поймутъ.

— Нѣтъ, въ эти лѣта вообще не годится читать что-либо бельетристическое. До 16-ти лѣтняго возраста человѣкъ достаточно занять собраніемъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, и только съ этого времени, когда понятія у него приведены въ нѣкотораго рода систему, онъ можетъ безъ большаго для себя вреда оглядѣться и въ мірѣ литературы. Мнѣ живо вспоминается Einwohner - Mädchenschule Фрѣлиха въ Бернѣ, которую мы съ

Александромъ посѣтили проѣздомъ. Главныя старанія Фрѣлиха обращены на развитіе въ ученицахъ эстетическаго чувства. Для этого онъ уже снѣзжала учить ихъ музыкѣ, устраиваетъ прогулки по романтическимъ окрестностямъ Берна, а въ высшихъ классахъ знакомить и съ литературой. При этомъ онъ заставляетъ и самихъ ученицъ сочинять стихи.

— Какъ это должно быть весело! не могла удержаться воскликнуть Наденька.

— Мнѣ удалось присутствовать на такомъ урокѣ. Одна изъ ученицъ, 17-тилѣтняя, красивая дѣвушка, прочитывала элегію своего произведенія.

— А какимъ размѣромъ была написана эта элегія? перебила опять Наденька.

— Гекзаметрами; вѣдь это самый легкій размѣръ: въ семнадцать слоговъ да безъ рѣемъ. Содержаніе стихотворенія была любовь къ родинѣ. Живописную природу Швейцаріи, поэтическія легенды, гдѣ высказалась швейцарская доблесть, надежду на будущее благосостояніе отечества, твердую увѣренность, что народъ ея, самъ собою правящій и никому неотдающій отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, никогда не запятнаетъ своей чести— все это соединила она въ звучное поурн, отъ котораго растрогались и она, и товарки ея. Самъ Фрѣлихъ прослезился и наградилъ поэтесу поцалуемъ въ лобъ. Сцена была самая трогательная, такъ что подѣйствовала раздражительно даже на слезныя желѣзки сѣвернаго скиѣа, присутствовавшего тутъ постороннимъ зрителемъ. Невольно вспомнились ему родные разсадники женской премудрости, откуда, вмѣсто живыхъ цвѣтовъ, душистыхъ, свѣжихъ, выпускаются въ свѣтъ колекція цвѣтовъ красивыхъ, но бумажныхъ, на проволокахъ...

— Грустно въ самомъ дѣлѣ положеніе нашихъ дѣвицъ, замѣтилъ Александръ. — Онѣ скажутъ вамъ, пожалуй, когда и зачѣмъ почесалъ себѣ за ухомъ Александръ Македонскій, или какъ извлечъ квадратный корень изъ... кубической селитры; а между тѣмъ въ состояніи при видѣ пожатой жнивы всплеснуть радостно руками: «Ахъ, теперь я знаю, какъ растутъ спички!» Самое же горькое то, что имѣя о Россіи такія-же смутныя понятія, какъ о Сандвичевыхъ островахъ, онѣ дѣлаются совершенно равнодушными къ благу своей родины, дѣлаются космополитами, въ самомъ жалкомъ значеніи слова.

— А вы развѣ не космополитъ, Александръ Александровичъ?

спросила Лиза. — Вы, кажется, такой холодный, что не можете быть патриотомъ, привязаться къ чему-нибудь серьёзно.

— О, космополитизмъ — заманчивая вещь, согласился Александръ: — «Отказаться отъ всякихъ личныхъ симпатій, жить не для отдѣльнаго народа, а для цѣлаго человѣчества!» Какія громкія фразы! Люди, шитые на живую нитку, какъ Куницынъ, прельщаются ими. Но нашъ братъ — глубокая, тяжелая натура, сросшійся съ своимъ отечествомъ всѣми фибрами своего существа, не можетъ оторваться отъ того, что составляетъ его жизнь, его плоть и кровь. Если человѣкъ родился въ Россіи, воспитывался въ русскихъ заведеніяхъ, между русскими, вскормленъ русскимъ хлѣбомъ, русскими понятіями — какъ ему не любить Россіи? Любовь къ роднѣ совершенно такъ же естественна, какъ любовь къ родителямъ, къ братьямъ и сестрамъ.

Въ такихъ разговорахъ путники наши вышли въ свѣтлую, прелестную долину. Справа и слѣва воздымались утесистыя громады, впереди искрились снѣжные хребты Юнгфрау и Мѣнха. По близости, изъ-за купы густого орѣшника, глядѣла зубчатая стѣна развалины.

— Вотъ, кажется, и Уншпунненъ, сказалъ одинъ изъ молодыхъ людей.

Около руины, между деревъ, мелькнули фигуры мальчика и нѣсколькихъ козъ.

— Сейчасъ узнаемъ, сказала Наденька, и подбѣжала къ пастушку.

— Послушайте, какая это руина?

Мальчуганъ съ любопытствомъ разглядывалъ молоденькую барышню, такъ неожиданно выросшую передъ нимъ изъ земли. Она должна была повторить вопросъ.

— Это Уншпунненъ, отвѣчалъ мальчикъ.

— Какія же у васъ о немъ легенды? Говорите, рассказывайте, молодой человѣкъ, куда не подошли другіе.

— Что значитъ легенда?

— Легенда?...

Наденька смолкла: на шляпѣ мальчика увидѣла она большую, пышную розу, и забыла уже о своемъ вопросѣ.

— Ахъ, какая прелесть! воскликнула она: — подарите мнѣ ее.

И не дожидаясь согласія владѣльца цвѣтка, она сорвала шляпу съ кудрявой головы его, и отцѣпила розу. Потомъ достала портмоне и подала мальчику франкъ.

— На-те.

Пастушокъ съ радости разинулъ ротъ, и забылъ даже поблагодарить щедрую дательницу. Когда же та обратилась къ другимъ, похвастаться своей добычей, осторожный мальчуганъ, опасаясь угрызений совѣсти барышни, за ея великую расточительность, заблагоразсудилъ скрыться съ своими питомцами.

— Руина, какъ руина, говорила Лиза, озирая башнеобразную, весьма необширную развалину замка.

— Только прежніе обитатели этой Burg, были вѣроятно липпуты, потому что иначе не объяснить себѣ, какъ въ такомъ тѣсномъ пространствѣ умѣщалась широкая жизнь рыцарей.

— Да, они и были липпуты, подтвердилъ Александръ: — въ прежніе вѣка и Швейцарія кишѣла мелкотравчатыми еоодалами. Всякій изъ «благороднаго» сословія рыцарей, считалъ необходимою принадлежностью своего сана неограниченное самоуправство, хотябъ на пространствѣ квадратной сажени; вотъ начало этихъ липпутскихъ замковъ.

— А что, умѣщалась Наденька: — можетъ быть, и не всѣ липпуты этого замка вымерли? Пойдемте, поищемте: можетъ быть, вытащимъ изъ какой-нибудь щели карапуза-Зигфрида.

— Непремѣнно вытащите: здѣсь раздолье мышамъ и крысамъ.

— Ахъ, какой вы гадкій, Александръ Александрычъ! Недаромъ Моничка называетъ васъ матеріалистомъ. Левъ Ильичъ, вы хоть натуралистъ, но поэтъ; побѣжимте, догоните меня.

Наденька, и за нею Левъ, взбѣжали на холмикъ, на которомъ возвышалась развалина, и, отыскавъ на противоположной сторонѣ ея безформенное отверстіе, служившее когда-то дверью, спустились въ самый замокъ. Ихъ обдало прокладою и сыростью. Крышу зданія, богъ-вѣсть когда уже снесло, и ласково млѣло въ вышинѣ отдаленное, лазурное небо. Въ ногахъ у нихъ валялись кирпичи и камни, обломавшіеся отъ стѣнъ; по волѣ разцвѣтали кругомъ чертополохъ, папоротникъ, крапива.

— Какъ бы взобраться вонъ туда? сказала Наденька, указывая глазами на верхушку стѣны:—какой, я думаю, оттуда видъ!

— Посмотримъ, сказалъ Левъ и, ухватившись обѣими руками за край висоаго окна, немѣвшаго, какъ само собою разумѣется, ни стеколъ, ни рамы, вскочилъ на самое окно. — Ну, Надежда Николавна, теперь вы...

Онъ опустился на одно колѣно, и протянулъ къ ней руки.

— Да страшно...

— Ничего, не бойтесь, держитесь только крѣпче.

Наденька взялась за поданныя руки, оперлась носкомъ на выдавшійся изъ стѣны кирпичъ, Левъ приподнял ее — и она стояла уже на окнѣ воялѣ него.

— Ахъ, какой видъ! вѣдь я говорила!

Подъ ногами молодыхъ людей разстиралась во всей своей лѣтней красѣ лаутербрунненская долина, залитая лучами полуденнаго солнца.

— Послушайте, Надежда Николавна, когда вы вглядываетесь въ такой ландшафтъ, не находить на васъ неодолимое желаніе броситься изъ окошка на встрѣчу всей природѣ, заключить въ объятія цѣлый міръ?

Дѣвушка засмѣялась.

— А на васъ находить? Ну, бросьтесь.

— Слушаю-сь.

Онъ готовился уже соскочить съ окна; Наденька во-время удержала его за руку.

— Чтѣ за ребячество! вѣдь расшиблись бы.

— Наденька! Левъ Ильичъ! домой! послышался снизу голосъ Лизы.

— Уже? сказала Наденька. — Надо бы какъ-нибудь увѣковѣчить свое пребываніе на этой высотѣ... Нѣтъ ли у васъ карандаша?

— Есть. — Левъ вынулъ бумажникъ. — Но стѣна слишкомъ шероховатая, сказалъ онъ: — ничего не напишешь. Вотъ у меня визитная карточка — распишите на оборотѣ.

— Гуси-лебеди, домой! раздалось опять снизу. — Гдѣ вы пропастились? Обѣдать пора, скоро два часа.

— Ахъ, скорѣй, скорѣй! заторопила Наденька, выхватила изъ рукъ молодого человѣка карандашъ и карточку и, приложивъ послѣднюю къ стѣнѣ, расчеркнулась на ней: «Н. Липецкая, $\frac{2}{14}$ іюля 186 — г.»

— Спрячьте же куда-нибудь, да подальше, чтобы никто не нашелъ.

Левъ приподнялся на цыпочки, и втиснулъ карточку въ глубокую разщелину надъ окномъ.

— Здѣсь и дождемъ не захватить.

Онъ соскочилъ внутрь развалины.

— А я-то какъ? сказала гимназистка: — вѣдь высоко, я боюсь.

— Упритесь на мое плечо.

— А вы закройте глаза.

— Могу.

Едва коснувшись плеча его, ловкая барышня въ мигъ соскользнула на землю.

XII.

КАКОЕ НАЗНАЧЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ?

— Такъ вы, Александръ Александрычъ, о насъ одного мнѣнія съ Наполеономъ?

— Съ Наполеономъ?

— Да, съ I-мъ. Помните, какъ онъ выразился на вопросъ *m-me Staël*, какую женщину онъ уважаетъ болѣе всего?

— Онъ сказалъ: «Безъ сомнѣнія, *la respectable femme, qui a fait le plus d'enfants*». Со стороны француза подобный отвѣтъ былъ, конечно, не совсѣмъ дѣлвѣтень, тѣмъ болѣе, что женщина, предлагавшая его, явно запрашивалась на любезность: «Вась, мошь, сударыня, я уважаю болѣе всѣхъ». Но съ своей точки зрѣнія, Наполеонъ разсуждалъ весьма логично.

— А съ вашей точки зрѣнія? Впрочемъ, что жъ я спрашиваю: вѣдь вы ученикъ Куторги.

— Во взглядѣ на женщинъ, я дѣйствительно схожусь съ нимъ отчасти.

— Значить, и по вашему, человѣческія самки только пищать, не поють?

— Гм, казусный вопросъ. Мнѣ нравится, признаться, женское пѣніе; но какъ знать — можетъ быть, изъ пристрастія? Вѣдь и птичьимъ самцамъ, я увѣренъ, пискъ ихъ самокъ кажется очаровательнѣйшимъ пѣніемъ.

— Ну, пошли! Птичьи самцы одѣты всегда въ пестрое, праздничное платье, самки — въ сѣрое, будничное, слѣдовательно онѣ сандрильоны, назначеніе которыхъ сидѣть дома, производить себѣ подобныхъ, и т. д., и т. д.

— Совершенно справедливо. И назначеніе человѣческихъ самокъ — семейная жизнь.

Лиза сдѣлалась серьезною.

— Вотъ вы, мужчины, какіе деспоты, что не хотите въ насъ признать даже равныхъ съ вами умственныхъ способностей! И все только потому, что вы тѣломъ сильнѣе. Смѣются надъ средневѣковымъ кулачнымъ правомъ, а что же это, какъ не вопиющее кулачное право? Я не отрицаю факта, что нынче много пустыхъ

женщинъ; но отчего ихъ много? Оттого, что вы, мужчины, сдѣлали изъ нихъ этихъ вуколь и рабынь, что вы не даете развиться имъ, что вы столько разъ напѣвали имъ: «волось бабы дологъ, умъ коротокъ», что онѣ, наконецъ, и сами тому повѣрили.

— Такъ вы, Лизавета Николавна, затѣмъ вѣроятно и остриглись, чтобы показать, что не подходите подъ общую мѣрку?

— Да, затѣмъ! отвѣчала съ сердцемъ экс-студентка. — Такъ какъ вы уже затронули этотъ вопросъ, то знайте же, что я пожертвовала своими волосами въ пользу недавнихъ питерскихъ погорѣльцевъ.

— Честе вамъ и слава; вы уподобились, значить, карагенскимъ женщипнамъ. Но спрашивается, куда дѣтъ погорѣльцамъ такой небольшой кусокъ каната? Развѣ съ горя повѣситься?

— Ваши остроты, Александръ Александрычъ, совершенно неумѣстны. Въ жалкомъ положеніи погорѣльцевъ, и какіе-нибудь 8 рублей, которые я получила отъ парикмахера за свою шевелюру, немаловажная помощь.

— Ну, 8 рублей у васъ, пожалуй, и такъ бы нашлось; для такой суммы не стоило лишаться волосъ, этой истинной красы женщинъ.

— Хорошо, оставимъ этотъ вопросъ. Такъ, по вашему, только замужня женщина достигаетъ своего назначенія?

— Схм! незамужняя — незрѣлый плодъ...

— Который, въ ожиданіи великаго счастья быть выбранной въ сожительницы однимъ изъ васъ, долженъ сидѣть сложа руки и помирать съ голода?

— Нѣтъ, и незамужняя женщина должна трудиться. Я даже допускаю, что силамъ женщины довѣряютъ до сихъ поръ слишкомъ мало, что кругъ дѣятельности ея могъ бы быть обширнѣе нынѣшняго. Зачѣмъ бы ей не быть, напримѣръ, конторщикомъ, управляющимъ домою или имѣніемъ, фотографомъ, женскимъ врачомъ, и проч.? При незначительной семьѣ подобныя обязанности она могла бы исполнять даже во время замужества.

— А! вотъ видите ли: значить, замужество только помѣха, значить, незамужняя женщина еще лучше замужней можетъ исполнять свой человѣческій долгъ. Чтò жъ вы говорили о незрѣломъ плодѣ?

— И повторяю: незамужняя женщина — незрѣлый плодъ. Пусть ее ставитъ себя по возможности независимо, зарабатывая свой собственный хлѣбъ; но положеніе ея выжидательное. Уже по-

этому (не говоря о ея меньшихъ умственныхъ способностяхъ) женщина не можетъ занимать должностей, болѣе важныхъ: профессорскихъ, чиновничьихъ, потому что въ этихъ должностяхъ она не могла бы выдти замужъ.

— Почему жь такъ? въ Нью-Йоркѣ же есть профессорши...

— Которыя вѣроятно всѣ холосты, подхватилъ Александръ.

— Изъ чего вы это заключаете?

— Да представьте себѣ положеніе слушателей замужней профессорши. Сидятъ они, въ ожиданіи ея, въ аудиторіи — вдругъ объявляютъ имъ, что г-жа профессорша намѣрена подарить отчизнѣ новаго гражданина, почему не смѣетъ въ продолженіе столькихъ-то недѣль выходить изъ комнаты. Слушатели и на бобахъ! Наконецъ, является она, начинаетъ только-что привѣтственную рѣчь — а тутъ изъ-за дверей доносится жалобный пискъ; стремглавъ видается профессорша за дверь, утолить жажду маленькаго пискуна, котораго оставила тамъ съ нянькой. Слушатели опять на бобахъ!

— Зачѣмъ ей кормить самой? возразила экс-студентка: — есть мамки.

— Добросовѣстная мать всегда кормить сама.

— Да, наконецъ, къ чему выходить ей вообще замужъ? Докажите мнѣ, что семейная жизнь необходима, что безъ нея женщина — незрѣлый плодъ...

— Извольте. Вы вѣдь допускаете, что основаніе всего органическаго міра — жизнь?

— Да. Такъ что жь?

— Какъ произведенія законовъ природы, мы не имѣемъ права нарушать эти законы, и, рожденные однажды, не смѣемъ самовольно пресѣкать свое существованіе, а напротивъ всѣми силами должны поддерживать его.

— Такъ. Но кто же говорить о самоубійствѣ?

— Я говорю не о самоубійствѣ, а объ убійствѣ тѣхъ существъ, которымъ мы могли бы дать жизнь, и не даемъ. Умирая бездѣтно, мы дѣлаемся убійцами нашихъ потомковъ, членовъ будущаго поколѣнія. Хотя садовники и взращиваютъ съ особенною заботливостью махровые цвѣты, плѣняющіе насъ своимъ пышнымъ видомъ, но кому неизвѣстно, что всякій махровый цвѣтокъ въ сущности не что иное, какъ болѣзненное состояніе цвѣтка, какъ аномалія, такъ-какъ плодородныя части его: пестики и тычинки, превращены искусственнымъ образомъ въ болѣе низкіе органы — въ лепестки. Что же сказать о людяхъ, которые отказываются

отъ семейной жизни для того, чтобы сдѣлаться махровыми? Цвѣты махровые не теряютъ хоть своего натурального запаха, получаютъ болѣе роскошный видъ; а махровые люди?

— Такъ и мужчины же бываютъ махровыми?

— Бываютъ. Только мужчина и женщина вмѣстѣ пзятце составляютъ цѣлаго человѣка. Мужчина — умъ, женщина — чувство.

— Старая пѣсня!

— Старая, но меткая, правдивая. Можете ли вы указать мнѣ на женщину, прославившуюся, напримѣръ, какъ скульпторъ, живописецъ?

— Гм... не припомню сейчасъ.

— И не припомните, еслибы даже стали припоминать. Женщина не можетъ сдѣлаться ни тѣмъ, ни другимъ. Вы занимались анатоміей, и замѣтили, можетъ быть, различіе въ формѣ ключицъ мужской и женской?

— Да, женская гораздо прямѣе.

— А что изъ того слѣдуетъ? что у женской руки не можетъ быть той ловкости, того «размаха». Скульптурныхъ произведеній женщинъ я даже и не встрѣчалъ; но отчего же женщины въ живописи не доходятъ далѣе цвѣтовъ и плодовъ? Даже нѣтъ попытокъ изобразить историческій, всемірный сюжетъ. Тутъ виновато нѣчто болѣе важное...

Александръ указалъ на лобъ.

— Мозгъ! спросила Лиза. — Такъ вы думаете, что онъ у насъ другой, какъ у васъ? Химія этого не показала.

— Не показала; но не потому, что вашъ мозгъ одинаковъ съ нашимъ, а просто потому, что химія стоитъ еще довольно низко. Надо разсматривать вопросъ съ отрицательной стороны: чего вы, женщины, не можете. Что вы не можете быть живописцами, скульпторами, съ этимъ и вы согласились. Посмотримъ, на сколько вы способны къ другимъ умственнымъ занятіямъ, въ которыхъ требуется болѣе ума. Составила ли себѣ когда женщина громкое имя, какъ первоклассный литераторъ?

— Сафо, Жорж-Зандъ...

— Все звѣзды второй величины. Если женщины имѣли еще нѣкоторый успѣхъ на литературномъ поприщѣ, то потому, что могли выказать здѣсь чувство: Сафо — лирикъ, Зандъ — повѣствовательница любовныхъ интригъ. И такъ, и въ литературѣ женщина — пась. А раскройте исторію наукъ, изобрѣтеній — найдете ли вы хоть одно женское имя?

— Н-нѣтъ; но вѣроятно потому, что женщина была до сихъ поръ слишкомъ угнетена, что ей не давали случая развернуться.

— Пустяки! Такъ же можно бы сказать, что женщина ростомъ менѣе мужчины, потому что ей не даютъ развернуться. Возьмите известныхъ мужчинъ: Шиллеръ цѣлый вѣкъ боролся съ бѣдностью, Ломоносовъ, Линкольнъ — дѣти мужиковъ, и т. д. Сила всегда возьметъ свое; а гдѣ ея нѣтъ, тамъ нечего ее и искать. Очевидно, что дѣятельность женщины должна вращаться въ другой сферѣ, не интелектуальной...

— Ну, да! перебила Лиза: — чувство у нея развито несравненно глубже, и т. д.; та же пѣсня.

— Точно такъ. Чувство состраданія, способность переносить съ твердостью горе, мученія — отличительныя черты тѣлесно слабѣйшаго пола. Въ случаяхъ, гдѣ главную роль играло чувство, хоть бы любовь въ родинѣ, женщины нерѣдко обезсмертивались высокими подвигами, напримѣръ, Жанна д'Аркъ, Шарлота Кордэ. Но само собою разумѣется, что назначеніе женщины не можетъ ограничиваться выжиданіемъ случая спасти родину, или' сотворить иной подвигъ. Назначеніе ея слѣдуетъ искать гораздо ближе, и сама природа ея указываетъ намъ на него. Мужчина достигаетъ возмужалости не ранѣе двадцати-двадцати-двухлѣтняго возраста, женщина — взрѣсла въ шестнадцать, много-много въ восемнадцать лѣтъ. Такимъ образомъ, до супружества женщина имѣетъ на приобрѣтеніе элементарныхъ свѣдѣній нѣсколькими годами менѣе мужчины; замужемъ же она и подавно не можетъ серьезно заняться науками...

— Почему? Вы думаете, что дѣти займутъ у нея столько времени...

— Да, думаю. Только женщина, съ ея податливой, мягкой натурой, способна взлелѣвать первый возрастъ малютки. А сколько разнообразныхъ занятій ждетъ ее при тщательномъ воспитаніи дѣтей до тѣхъ годовъ, гдѣ они могутъ быть отданы въ школу! Да и въ періодѣ школы мать оказываетъ на нихъ свое благотворное вліяніе. А если ко всему этому Господь надѣляетъ ее чѣмъ годъ новымъ дѣтищемъ, какъ то и должно быть при нормальномъ образѣ жизни? Тутъ ей ужъ не до возвышенныхъ мечтаній, не до общежитейскихъ вопросовъ: самый близкій для нея вопросъ — тѣлесное и душевное здравіе ея Ваньчи, ея Машеньки. Между прочимъ она, конечно, поддерживаетъ и связь съ общественною всемірною жизнью — чтеніемъ журналовъ, избраннымъ кругомъ

знакомыхъ, дружескими бесѣдами со своимъ вторымъ я, мужемъ, который совѣтуется съ ней во всѣхъ трудныхъ случаяхъ своей многоподвижной жизни. Свѣтлымъ взглядомъ, ласковымъ словомъ сглаживаетъ она морщины заботъ на лицѣ друга жизни, а это, говорятъ, для истинной женщины удовольствіе не изъ послѣднихъ! Да, воспитывая отечеству въ своихъ дѣтахъ нѣсколько достойныхъ гражданъ, она въ нѣкоторомъ отношеніи дѣлается даже важнѣе своего благовѣрнаго: онъ приноситъ пользу только какъ отдѣльный индивидуумъ, она—даритъ отчизнѣ цѣлую коллекцію полезныхъ индивидуумовъ. Чтò же до безбрачной жизни женщины, то она почти такъ же неполна, какъ жизнь дѣвушки, и сколько ни трунить надъ старыми дѣвами — при видѣ этихъ бѣдныхъ, безцѣльныхъ существъ, беретъ меня только жалость, тогда-какъ одностороннія выходки стараго холостяка, имѣвшаго, какъ мужчина, безъ сомнѣнія, не одинъ случай найти себѣ подходящую пару, возбуждаютъ во мнѣ жолчный смѣхъ.

ХІІІ.

Гдѣ искать поэзіи въ природѣ?

Тихонько насвистывая про себя модный въ то время романсъ *Скажите ей*, Левъ разсѣянно шелъ радомъ съ Наденькой, отбивая тростью пушистыя головки одуванчиковъ, усгилавшихъ край дорожки.

— Чтò вы казните несчастныхъ? промолвила гимназистка.

— Виновать! очнулся поэтъ, и тутъ же замѣтивъ, о чемъ просить извиненія, разсмѣялся.—А вы думаете, имъ больно?

— Больно не больно, а все-таки жаль убивать хорошенькія созданія природы, которыя ни въ чемъ неповинны. Вы, я вижу теперь, по истинѣ натуралистъ, холодный, безсердечный, и если сочиняете стихи, то вѣроятно только саркастическіе; мнѣ не вѣрится, что вы и въ душѣ поэтъ.

— Какая вы невѣроятная. Почему же вамъ это не вѣрится? объяснитесь ближе.

— Потому что, видите ли... — Наденька замолегла и опустила личико въ знакомую намъ уже розу, похищенную у пастушка.— Потому что человекъ, погружившійся, такъ - сказать, по-уши въ сухой анализъ жизненныхъ процессовъ, долженъ поневолѣ потерять уваженіе ко всему прекрасному: встрѣтится ему чтò пре-

красное, возбуждающее въ немъ своей безукоризненной изящностью смутное, пріятное чувство—съ кровожадностью хищнаго звѣря бѣжить онъ за ножичкомъ, за микроскопомъ, съ холодною любознательностью разлагаетъ прекрасное на составныя части: надо же допытаться до основной причины пріятнаго чувства; ну, и допытается, найдетъ, что виновата во всемъ какая-нибудь мелочь, «недостойная разумаго человѣка!» Усмѣхается онъ съ сожалѣніемъ надъ самимъ собою и прочтетъ себѣ мысленно мораль, впредь быть осмотрительнѣе и не увлекаться всякой милой бездѣлушкой.

— Зачѣмъ же читать себѣ мораль? возразилъ Левъ. — Если бездѣлушка мила, то не грѣхъ и увлечься ею. Надо пользоваться всѣмъ въ сей жизни брэнной; *Man lebt nur einmal*, *Walzer von Straus*.

— Это ужасно! Съ возмутительнымъ прилежаніемъ размысливаете вы значеніе всякаго винта, всякой пружинки въ механизмѣ прекраснаго творенія, а, опрофанировавъ его, извлекаете изъ него еще практическую пользу... Да это—уголовное преступленіе, это низ... непростительно!

— Что жъ вы недоговорили? Вы высказываете чистосердечное убѣжденіе, а не имѣю права обижаться.

— Все равно... Эта роза напоминаетъ мнѣ одну мысль у Бѣлинскаго. Читали вы его статью о Лермонтовѣ?

— О стихотвореньяхъ его?

— Да.

— Читалъ; одна изъ лучшихъ статей Бѣлинскаго.

— Тамъ онъ даетъ опредѣленіе слова «поэзія». «Поэзія, говоритъ онъ, описывая розу, не заботится о ея химическомъ составѣ. Поэзіи нѣтъ дѣла до клѣтчатки, красильнаго вещества и проч.; она беретъ лишь изящный очеркъ цвѣтка, нѣжные переливны красокъ, сладостный ароматъ его — и создаетъ изъ всего этого новую розу, которая еще лучше, еще прекраснѣе настоящей». Представьте же себѣ, что мы станемъ разрывать цвѣтокъ на части...—И, говоря это, Наденька приводила уже слова свои въ исполненіе:—на части, вотъ такъ—сперва лепестки, потомъ чашечку... Видите, какъ этотъ лепестокъ измялся, посинѣлъ въ моихъ пальцахъ? Гдѣ его чистый, розовый колоритъ, гдѣ его запахъ? Понюхайте... — Дѣвушка поднесла лепестокъ къ носу молодого человѣка, губы котораго по какому-то странному случаю прикоснулись къ пальчикамъ ея. Но не показывая вида, что она

подозрѣваетъ въ этомъ тайный умыселъ, гимназистка, удалитъ руку на приличное разстояніе отъ опасныхъ для нея губъ, продолжала: — чувствуете, чѣмъ пахнетъ? Какою-то сыростью, простой травой. Значитъ, ужъ отъ немногосложнаго анатомированія такими простыми орудіями, какъ человѣческіе пальцы, роза лишилась природной красоты и свѣжести. Если же изрѣзать ее ножикомъ на маленькіе кусочки, разсматривать эти кусочки подъ стеклышкомъ, то улетучится и послѣдняя доля поэзіи, которую можно было бы найти еще въ увяданіи нѣжнаго, душистаго цвѣточка отъ грубыхъ рукъ человѣка... Ахъ, боже мой! опомнилась тутъ барышня:—что жъ я сдѣлала? ощипала мою душу, миленькую, прекрасную розу! А все по вашей милости, господинъ натуралистъ! извольте доставать мнѣ новую!

— Сію минуту?

— Да, разумѣется. А вы что думаете?

— Слушаемъ-съ. А если здѣсь, въ лѣсу, нѣтъ розъ?

— На нѣтъ и суда нѣтъ. Доставайте хоть чтонибудь. Только поскорѣе, чтобы не отстать отъ другихъ.

Левъ скрылся въ чащѣ. Минуту спустя онъ уже вернулся съ торжествующимъ видомъ, съ ландышемъ въ рукѣ. Надежда Николавна! *convalaria majalis!*

— Я — *convalaria majalis!*

— Да, и вы, и вотъ...

— О, первый ландышъ! изъ-подъ свѣга
Ты просишь солнечныхъ лучей;
Какая дѣвственная нѣга
Въ душистой чистотѣ твоей!

продекламировала Наденька, принимая цвѣтокъ и упиваясь его нѣжнымъ благоуханіемъ.

— Первый ландышъ—въ іюль-то мѣсяцѣ? засмѣялся Левъ.

— Ну да, вамъ бы все критиковать. И ландышъ-то окрестили полатыни: *convalaria!* вотъ онъ и потерялъ половину своего природнаго запаха. Эхъ, вы, натуралисты!

— Натуралисты, Надежда Николавна, глубже всякаго ненатуралиста понимаютъ поэзію природы.

— Скажите! Мы — дѣти въ естественныхъ наукахъ, такъ и не можемъ постичь всѣхъ затаенныхъ красотъ природы; такъ, что ли?

— Вы вотъ шутите, а не знаете, что высказываете глубокую истину. Послушайте, Надежда Николавна: если вы ребѣнку про-

чтете что нибудь изъ Гейне, изъ Шиллера, доставите ли вы ему этимъ большое удовольствіе?

— Напротивъ; ребёнокъ зазѣвается и заснетъ.

— А прочтите ему сказку — онъ заслушается васъ съ такимъ упоеніемъ, что и не отвяжется отъ него. И мы, взрослые, не можемъ отррпать въ фантастическихъ небылицахъ сказокъ извѣстной доли поэзіи, но эта доля гомеопатична и поэзія изъ самыхъ наивныхъ, самыхъ простыхъ; тогда какъ Шиллеръ и Гейне читаются нами съ такимъ же энтузіазмомъ, съ какимъ дитя слушаетъ глупую сказку.

— Ну, а если Шиллеръ или Гейне, изъ которыхъ, сколько я знаю, ни тотъ, ни другой не былъ натуралистомъ, воспѣваютъ природу, то и это — поэзія дѣтская, наивная, въ сравненіи съ вашей поэзіей, натуралистовъ?

— Безъ сомнѣнія.

— Ха-ха-ха! Какое бы стихотвореніе взять для примѣра? Да вотъ хоть, помните, у Майкова есть переводы изъ Гейне; такъ одинъ изъ нихъ начинается такъ:

Отъ солнца лилія пугливо
Головкой прячется своей.

— Ну-съ?

— Ну-съ, эта самая лилія въ лунномъ свѣтѣ

Глядитъ, горитъ, томится, блещетъ,
И, всё раскрывши лепестки,
Благоухаетъ и трепещетъ
Отъ упоенья и тоски.

— Это ли не поэзія, это ли не чувство? А по вашему, это только наивно?

— А то какъ же? Лилія, по словамъ поэта,

Глядитъ, горитъ, томится, блещетъ —

«Глядитъ?» Да чѣмъ же, позвольте узнать, какими органами глядитъ она, когда у нея нѣтъ глазъ? «Горитъ»? Отъ чего ей разгораться? отъ луннаго-то свѣта? Ужь если возвысится температурѣ вращающихся въ ней соковъ, то отъ знойнаго солнца, отъ котораго она

пугливо
Головкой прячется своей.

— Ну, пошли анатомировать! Такъ вы, пожалуй, скажете, что она и «упоенья и тоски» не можетъ чувствовать?

— А неужто можетъ? У нея нѣтъ нервной системы. И послѣ этого стихи эти не наивны? Да они, говоря по-просту, ерунда!

Краска выступила на щекахъ Наденьки.

— Любопытно бы знать, какую поэзію натуралисты находятъ въ цвѣтѣхъ? Чтò видите вы въ микроскопъ, когда подложите туда кусочекъ растенія?

— Растительныя клѣточки.

— Растительныя клѣточки! Скажите, какъ поэтично! Я ужь представляю себѣ, какъ вы, сидя надъ микроскопомъ, затагиваете гимнъ:

Растительныя клѣточки
 Любезныя мои!
 Все въ ровныя фасеточки
 Сложившись вы, какъ въ сѣточки,
 Блондиночки, брюнеточки,
 На голосъ: ай-люли, люли,
 Ай-люли!

— Брависимо! засмѣялся Левъ.—Но, шутки въ сторону: растительныя клѣтки—вещь весьма интересная. Прослѣдивъ зарожде- ніе, развитіе клѣтки, опредѣливъ ея значеніе въ каждой части растенія, вы прозрѣваете, вамъ раскрывается новый, невѣдомый міръ внутренней жизни растенія: процессъ питанія, движеніе со- ковъ по жиламъ растенія, обмѣнъ въ нихъ веществъ, дыханіе по- средствомъ устьицъ на нижней поверхности листьевъ—все это для васъ полно поэзіи. Вамъ дѣлается понятной эта трепетная жад- да тепла и свѣта, съ которою цвѣтокъ обращается всегда въ сто- рону солнца: какъ сердце человѣка наливается и зрѣетъ подъ лу- чами любви, такъ растеніе созрѣваетъ подъ живительнымъ огнемъ солнца. Наблюдайте и любуйтесь! Здѣсь также жизнь, также поэ- зія. Поэтъ, съ его тонкимъ чувствомъ, подмѣтилъ эту жизнь, эту поэзію, но, слѣдуя общей людской слабости—мѣрять по своей мѣр- кѣ, одушевилъ растеніе человѣческими ощущеніями: упоеньемъ и тоской. Это мило, но сказочно мило, наивно.

Мечтательно слушала Наденька поэта-натуралиста.

— Такъ послѣ этого, сказала она:—вы не только растеніе, но и всякое произведеніе природы, какогонибудь червяка или бу- вашку, должны найти прекраснымъ и поэтическимъ?

— Да. Чтò жь изъ того, что вамъ, можетъ быть, непріятно сѣсть съ малиной полеваго клопа, проглотить муху или взять въ руку таракана? Вѣдь не могутъ же нѣкоторые люди ѣсть землянику — развѣ отъ того земляника что-нибудь дурное?

— Такъ вы любите таракановъ?

— Да чѣмъ же они нехороши? Если разглядѣть ихъ повнимательнѣе, то нельзя не признать извѣстной изящности въ очеркѣ ихъ крыльевъ, въ лихоскрученныхъ усикахъ.

— Такъ, что наконецъ они оважутся даже прекраснѣйшими произведениями природы?

— Схи!

Наденька луваво засмѣялась.

— Хорошо же, примемъ къ свѣдѣнiю.

XIV.

Привраснѣйшія произведенія природы.

За нѣсколько минутъ до вечерняго чаю, Наденька удалилась въ свою комнату поправить прическу. Въ окошко увидѣла она проходящую мимо, съ блюдомъ земляники, Мари. Она подозвала къ себѣ молодую швейцарку. Та подошла къ окошку:

— Чего прикажете, фрейлейнъ?

— Послушайте, есть у васъ здѣсь тараканы?

Мари посмотрѣла на гимназистку съ непритворнымъ удивленіемъ.

— Тараканы?

— Да, прусаки, въ кухнѣ, что ли!

— Нѣтъ, фрейлейнъ, мы слишкомъ опрятны, чтобы терпѣть въ домѣ этихъ грязныхъ животныхъ.

— Какъ различны вкусы! Я знаю одного господина, который отъ нихъ безъ ума. Не можете ли вы, право, достать мнѣ ихъ?

— Таракановъ? Да на что они вамъ?

— Это мое ужъ дѣло. Послѣ увидите. Достанете?

— Достать-то почему не достать; здѣсь недалеко, у сосѣдей...

— Такъ пожалуйста, Мари. Да смотрите, побольше, цѣлюю коробку. И никому не сказывайте.

— На этотъ счетъ будьте покойны. Куда же прикажете принести ихъ вамъ?

— Да мы сейчасъ будемъ чай пить; такъ вызовите меня.

— Слушаю-съ.

Качая головой, швейцарка отправилась исполнять странное порученіе.

За чаемъ Наденька была развязнѣе всѣхъ, шутила съ молодыми людьми, шушукалась съ Моничкой. Вскорѣ показалась въ

дверяхъ Мари, и кивнула головой гимназисткѣ. Та вскочила и торопливо послѣдовала за ней изъ комнаты.

— Чтò жь, достали?

— Какъ же, воть... отвѣчала посланница, подавая ей небольшую коробочку. Наденька подняла осторожно уголокъ коробки: оттуда высунулось нѣсколько подвижныхъ усиковъ.

— Отлично! Какъ я вамъ благодарна, Мари! Теперъ еще одно: есть у васъ свѣжее тѣсто?

— Да вы нивакъ хотите изъ нихъ пирогъ спечь?

— Схм!

Мари отвернулась съ отвращеніемъ.

— Тьфу, мерзость! и вы ѣдите таракановъ? у васъ это національное блюдо?

— Нѣтъ, я не ѣмъ, смѣялась въ отвѣтъ Наденька.

— Такъ тотъ баринъ, про котораго мы говорили?

— Не знаю, ѣсть ли онъ ихъ; но онъ говорилъ, что очень любить таракановъ; воть я и хочу сдѣлать ему сюрпризъ.

— Кто жь это такой?

— Да знаете, этотъ длинный, бѣлокурый.

— Г-нъ Ластовъ?

— Онъ самый.

— Нѣтъ, фрейлейнъ, я не хочу... Отдайте мнѣ коробку, я выброшу ее.

— Зачѣмъ же! Я хочу ему только доказать, какъ тараканы противны..

— Да вѣдь и другихъ бы тутъ же стошнило. И чтò бы подумали пансіонеры о нашей отели, еслибы у насъ допускались подобныя вещи?

Наденька сдѣлала плачевную гримасу.

— Да какъ же быть мнѣ, душенька?

— Если г-нъ Ластовъ такъ любить таракановъ, то отдайте ихъ ему въ коробкѣ.

— Да я хотѣла бы, чтобы они были ему сюрпризомъ... Ахъ, знаете чтò, Мари? Суньте ихъ ему въ карманъ! Вамъ оно удобнѣе: какъ станете обносить чай...

— Нѣтъ, фрейлейнъ, увольте меня.

— Марихенъ, миленькая, пожалуйте!

— Отвѣтственность вы всю возьмете на себя?

— Всю, всю.

— Ну, хорошо. Обязать коробку розовымъ шнуркомъ?

— Да, хоть розовымъ. Только стойте — надо еще сдѣлать надпись. Гдѣ бы достать чернила и перо?

— Пойдемте въ контору.

Минуты двѣ спустя, Наденька сдѣла опять въ столовой, возлѣ Монички. Мари, вошедшая вслѣдъ за гимназисткой, наклонилась черезъ плечо Льва, чтобы поставить на столъ хлѣбную корзинку. Когда за тѣмъ Левъ сталъ доставать изъ кармана платокъ, то ощущалъ тамъ нѣчто четырехугольное. Вытащивъ это нѣчто на свѣтъ, онъ съ недоумѣніемъ увидѣлъ въ своихъ рукахъ голубую коробочку, обвязанную розовою лентою; на крышкѣ были начертаны красивымъ женскимъ почеркомъ слова: «Прекраснѣйшія произведенія природы». Съ любопытствомъ развязалъ поэтъ ленту и раскрылъ коробку... Вкругъ стола поднялся общій гвалтъ:

— Schwaben, Russen!

По скатерти разбѣжалось стадо прусаковъ. Болѣе другихъ, однако, перепугалась сама виновница маленькой катастрофы, Наденька: ей не безъ основанія мерещилось, что буря всеобщаго недовольства сейчасъ разразится надъ нею... Къ счастью ея, Левъ, замѣтившій ея крайнее смущеніе, великодушно отвелъ роковой ударъ съ больной головы на свою — здоровую. Онъ спѣшилъ переловить краснокожихъ бѣглецовъ, а потомъ обратился къ присутствующимъ съ извинительнымъ спачемъ: «Онъ, дескать, натуралистъ, и приобрѣлъ прусаковъ для физиологическихъ опытовъ». Гимназистка вздохнула свободнѣе и, чтобы отблагодарить поэта, была съ нимъ цѣлый вечеръ необычайно любезна. Правовѣду это нисколько не пришлось по сердцу, и когда стали послѣ чаю расходиться, онъ взялъ Льва подъ руку и вывелъ его на улицу. Рука объ руку побрели они внизъ по алеѣ.

— Мнѣ надо переговорить съ тобою серьезно, началъ Куницынъ: — ты, cher ami, забываешь нашъ гисбахскій уговоръ; а уговоръ лучше денегъ.

— Какъ-такъ забываю?

— Да такъ: ты напропалую ухаживаешь за Наденькой.

— Ухаживаю? ни чуть. Что я хаживалъ съ нею, напримѣръ, къ Уншпуннену—не откреваюсь, но хаживать не значитъ еще ухаживать. Да и кто жъ велѣлъ тебѣ давича бросить насъ?

— Кто! Развѣ ты не видѣлъ, какъ эта Соломонида взяла у меня почти насильно скюртугъ и шляпу, и давай-богъ ноги? Поневолѣ побѣжишь за нею. Да еще и угощай ее: выпила на мой счетъ три чашки шоколаду.

— Я не зналъ, что ты такъ разсчетливъ. Пожалуй, я заплачу тебѣ за эти три чашки. Вѣдь, по твоему, и въ этомъ случаѣ виноватый — я?

— Разумѣется, ты. Ты не смѣлъ вовсе покидать ее...

— А если *она* меня покинула? Да и кто васъ знаетъ: можетъ быть, вы раньше уже сговорились съ нею; я имѣю въ свою очередь полное право ревновать къ тебѣ.

— А что жь, замѣтилъ политичный правовѣдъ: — вѣдь Моничка и впрямь весьма, и весьма аппетитный кусочекъ: ножка самая граціозная, миниатюрная, и *соu-de-pied* высочайшій. Умомъ она также перещеголяла Наденьку: отпускаетъ такіе каламбуры и эквивоки...

— Такъ она тебѣ нравится?

— Да какъ же не нравится...

— Такъ слушай: по старой дружбѣ я готовъ принести тебѣ жертву: помѣняемся нашими предметами: ты возьми себѣ Моничку, я возьму Наденьку.

— Нѣтъ, къ чему? отвѣчалъ въ томъ же шутовскомъ тонѣ правовѣдъ: — я жертвъ не люблю. Но послушай, другъ мой, продолжалъ онъ серьезно: — опять-таки повторяю: ты слишкомъ волочишься за Наденькой; когда я во время грозы побѣждалъ спастись въ Юнгфрауенбликъ, ты также долженъ былъ оставить Наденьку: этого требовала уже деликатность.

— Какую ты дичь городишь, душа моя! Есть ли въ этомъ сколько-нибудь логики: ты побѣждалъ спастись — бѣги, значить, и я. Да не хочу, мнѣ пріятно подъ дождемъ. А кто жь виновать, что и Наденька случайно находитъ ту же пріятность въ дождѣ?

— Такъ ты долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, держаться отъ нея въ сторонѣ.

— Какое тутъ держаться въ сторонѣ! Только мы сошлись съ нею подъ деревомъ, какъ подоспѣли Александръ съ Лизой; вчетверомъ мы и отправились далѣе. Самъ ты знаешь, какъ неразлучны тѣ двое. На мою долю оставалась, значить, одна Наденька, на ее долю — одинъ я. Да что жь я отдаю тебѣ отчетъ! очень нужно!

— Но ты наговорилъ ей вѣроятно кучу комплиментовъ: за чаемъ она такъ и увивалась около тебя.

— А знаешь, почему?

— Почему?

— Потому, что это она подсунула мнѣ тѣхъ таракановъ, что

надѣлали столько шуму. Въ благодарность, что я не выдалъ ея, она полюбезничала немножко со мной.

— Нѣтъ, не немножко. Что она подсунула тебѣ таракановъ, доказываетъ только, что она обращаетъ на тебя вниманіе, и я бы самъ былъ не прочь...

— Чтобы она подсунула тебѣ таковыхъ же? Чтò жь, я, пожалуй, скажу ей.

— Нѣтъ, зачѣмъ... Но въ томъ-то и дѣло, что она не только обращаетъ на тебя вниманіе, а явно благоволяетъ къ тебѣ...

— Ты находишь?

— Да это должно броситься всякому въ глаза.

— Это меня радуетъ: и она мнѣ нравится.

Куницынъ высвободилъ руку изъ-подъ руки пріятеля.

— Чтò съ тобой, Ластовъ! Она тебѣ не смѣетъ нравиться!

— Ха, ха, ха! не смѣши. Развѣ можно кому воспретить восхищаться чѣмъ-нибудь? Еслибы она была твоей женой, то и тогда бы я имѣлъ полное право находить ее милой, любезной, прекрасной. А теперь подавно. Знаешь, я хочу сдѣлать тебѣ предложеніе: давай ухаживать за нею поочереди — ты сегодня, я завтра, ты послѣ-завтра, и т. д.; въ нѣсколько дней окажется, на чьей сторонѣ перевѣсъ; тогда другой отступится добровольно. Чтò жь, по рукамъ?

— Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ. Она уже по уговору моя, значитъ—и толковать нечего.

— Такъ вотъ чтò, милый мой. Вѣдь ты согласенъ, что я нравлюсь Наденькѣ болѣе твоего?

— Н-да.

— Къ чему же тогда поведетъ нашъ уговоръ? Ты ей будешь только надоѣдать...

— Да ужь она по контракту моя, а всакіе контракты должны считаться свято.

— Какіе ты пустяки говоришь. Для чего заключаются контракты? для какой-нибудь же цѣли?

— Ну, да.

— А если цѣль ими не достигается? Значить, они распадаются сами собой.

— Это все парадоксы, софизмы!

— Ни то, ни другое, а строгая логика. Такъ, значить, и знай, что нашъ контрактъ для меня уже не существуетъ, и я впередъ не намѣренъ избѣгать Наденьку.

— Ты говоришь это серьезно?

— Да, даже съ сжатыми губами, съ сдвинутыми бровями; въ потемкахъ тебѣ только не видно.

— Въ такомъ случаѣ... До сегодняшняго дня я считалъ тебѣ человѣкомъ порядочнымъ, благороднымъ; теперь принужденъ измѣнить свое мнѣніе.

— Ты позволяешь себѣ личности; но такъ-какъ ты разгорченъ, то на сей разъ не взыскиваю. Сегодня намъ, видно, не сойтись, такъ лучше—разойтись. Addio.

Левъ протянулъ обиженному руку. Тотъ не взялъ ея и, пробормотавъ:

— Хорошо же, отошелъ поспѣшными шагами.

Весело посвистывая, поэтъ побрелъ ему во слѣдъ. Нѣсколько шаговъ не доходя до отели, увидѣлъ онъ сквозь окружающую темь особу въ криволиніи, слѣдовательно, женскаго пола, прислонившуюся спиной къ оградѣ. Онъ хотѣлъ пройти мимо.

— Негг Lastow, послышался робко тоненькій голосокъ танцовственной особы.

Левъ остановился.

— Вы это, Мари?

— Я...

Говорящая подошла къ нему на полшага, и при помощи слабого свѣта, падавшаго изъ ближнихъ оконъ, онъ различилъ черты молодой горничной.

— Простите меня, господинъ Ластовъ, начала она: — но я, право, не такъ виновата, какъ вы, можетъ быть, думаете...

— Виноваты? въ чемъ же? Я рѣшительно не понимаю.

— Я говорю насчетъ таракановъ.

— А! такъ это вы имѣли любезность препроводить ихъ мнѣ въ карманъ?

— Я не отъ себя, а только по неотступной просьбѣ младшей Липецкой... Пожалуйста, простите!

— Великодушно прощаю! отвѣчалъ смѣясь Левъ, дѣлая видъ, будто хочетъ обнять ее. Къ удивленію его, дѣвушка не тронулась съ мѣста, а прошептала только:

— Ахъ! увидать...

— Темно, никто не увидитъ, успокоилъ онъ ее, и уже смѣло обнялъ и поцаловалъ ее. Пылая и трепеща, какъ осиновоѣ листъ, она съ любовью жалась къ нему.

— Милая моя, неглядная! шептала онъ, цалуя ее и въ лобъ, и въ глаза, и въ губы. Робко отвѣчала она его ласкамъ.

— Такъ вы меня немножко любите? спросила она чуть внятно.

— Отъ всей души, отвѣчалъ онъ, глядя ее съ нѣжностью по щекѣ.

— Но я простая, вы — баринъ... вы не можете любить меня искренно, какъ слѣдуетъ... за чтò же вамъ и любить меня?

— Да какъ же не любить? такую милую, добрую? Вѣдь ты не случайно встрѣтила меня, ты нарочно обождала меня?

— Да; но я хотѣла только попросить у васъ извиненія за таразановъ, и не знала, что вы такой неуправимый...

И ова стыдливо припала къ нему. Въ верхушкахъ деревъ зашелестилъ вѣтеръ. Дѣвушка переполошилась.

— Ахъ, кто-то идетъ! Прощай, мой милый, безцѣнный!

Она исчезла въ темнотѣ. Простоявъ нѣсколько времени, какъ ошеломленный, на одномъ мѣстѣ, Левъ невѣрными шагами направился къ отели. Тихо поднялся онъ по лѣстницѣ и вошелъ въ свой номеръ. Александръ, съ книжкою въ рукахъ, лежалъ уже въ постели.

— Ты откуда? встрѣтилъ онъ поэта, когда тотъ, бросивъ на столъ трость и шляпу, опустился, тяжело дыша, на диванъ. — Красный, какъ изъ бани; вѣрно пилили или въ горѣлки играли?

— Да, то-есть нѣтъ...

Но Александръ, не дожидаясь отвѣта, углубился ужь въ свою книгу.

XV.

Естественнoисторическія наблюденія надъ улиткой и неожиданный исходъ ихъ.

Сама судьба, казалось, взяла Кунницына подъ свое крылышко, ибо на слѣдующій же день доставила ему благовидный предлогъ въ открытому антагонизму съ его болѣе счастливымъ соперникомъ.

Около полудня нѣсколько гостей пансіона R., въ томъ числѣ и наши русскіе, предприняли, по обыкновенію, маленькую прогулку съобща. На этотъ разъ, конечно, точкою странствія былъ избранъ Гольдсвиль—небольшой холмикъ, также съ развалиной на вершинѣ, съ которой имѣется живописный кругозоръ на ин-терлакенскую долину.

Левъ, желая задобрить разревновавшагося правовѣда, даже не поздоровавшагося съ нимъ поутру, занялся-было Моничкой, но та безъ околичностей препроводила его къ Наденькѣ, а къ себѣ подозвала Куницына.

— Вчера при такой же прогулѣ вы занимали Наденьку; à présent il n'est plus que juste de changer les rôles.

Что могъ отвѣтить на это молодой, благовоспитанный человекъ? Разумѣется, онъ могъ лишь увѣрить, что нимало не сучалъ, и почитаетъ за большую честь оказываемое ему барышней предпочтеніе.

Достигнувъ Гольдсвила, общество, какъ рѣзвое стадо дикихъ козъ, принялось въ разсыпную взбираться на лѣсистую вершину холма.

— Паладинъ мой, за мной! крикнула своему кавалеру Наденька и, приподнявъ край платья, побѣжала вверхъ по самому грутому мѣсту ската. Когда поэтъ поровнялся съ ней, она слегка смутилась.

— Вы, Левъ Ильичъ, не удивляйтесь титулу, которымъ я осчастливила васъ; но вѣдь каждая изъ насъ, дѣвицы, имѣетъ своего кавалера: Лиза — Александра Александрыча, Моничка — Куницына, а я — васъ.

— И я официально могу называть себя вашимъ паладиномъ?

— Нѣтъ, къ чему... Достаточно, если вы знаете это про себя, чтобы тѣмъ усерднѣе прислуживаться...

— Какъ бы то ни было, обожаемая дама моя, но первый долгъ вашъ теперъ — сорвать цвѣтокъ и вдѣть мнѣ его въ петличку.

— Вишь, какой вы ненасытный! Протянула вамъ палець — такъ подай вамъ и всю руку. Когда вы окажетесь паладиномъ въ полномъ смыслѣ слова — un chevalier sans peur et sans reproche, тогда, быть можетъ... Вы какъ долго остаетесь здѣсь, въ Интермакенѣ?

— Недѣлю, я думаю, еще пробуду.

— Ну, значить, есть время, когда испытать ваше паладинство... А! вотъ и тѣнь; какъ славно!

Молодые люди добрались до опушки лѣска, и, вступивъ въ его прохладную сѣнь, должны были наклониться и отбиваться руками отъ густыхъ вѣтвей, заграждавшихъ имъ дорогу. Сквозь золотистыя, солнечныя верхушки синѣло кротко безоблачное небо. Въ одиночномъ солнечномъ лучѣ, пробившемся сквозь гу-

стую листву и стоявшемъ свѣтлой полосой въ воздухѣ, ронялись весело мошки. Кругомъ разливался свѣжій, смолистый запахъ.

Наденька остановилась. Вдыхая полною грудью душистую прохладу чащи, она взглядомъ знатока окинула окружающую зелень, игравшую въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ зеленого цвѣта, отъ золотистаго гумигута до темнѣйшаго индиго. Тутъ замѣтила она на стволѣ стройной березы раковину, плотно присосавшуюся къ корѣ.

— Ахъ, Левъ Ильичъ, посмотрите: улитка. Какъ она взобралась сюда? и для чего?

— Дневное пропитаніе добываетъ. Въ настоящую минуту она предается, послѣ тяжкихъ трудовъ, полуденной сіестѣ. Подъ своимъ известковымъ щиткомъ она, какъ страусъ, запрятавшій голову въ песокъ, считаетъ себя въ полной безопасности.

— И лежитъ вѣроятно свернувшись, какъ младенецъ въ люлькѣ, подхватила Наденька: — крошечные глазки закрыты... Ахъ, Левъ Ильичъ, какъ бы это увидѣть ее?

— Нѣтъ ничего проще: дотронитесь до щитика; какъ выглянетъ — вы ее и цапъ-царапъ.

— А! вотъ вы какіе. А если укусить?

Левъ расхохотался.

— Развѣ у младенцавъ есть зубы? Это самыя безвредныя существа.

Наденька вооружилась смѣлостью, и коснулась пальцемъ до верхушки раковины; потомъ въ страхѣ отдернула руку.

— А ну, все-таки укусить?

— А увѣряли, что не трусиха. Позвольте, я покажу вамъ, какъ обходиться съ ними.

Онъ отодралъ раковину отъ кожи дерева; слизень, пуская пузырьки, регировался во внутренность своего каменнаго жилища.

— И спряталась, m-lle улитка! А вы, Левъ Ильичъ, говорили, что выглянетъ?

— Погодите немножко; надо оставить ее только въ покоѣ — непремѣнно выглянетъ. Любопытство свойственно и этимъ крошкамъ: оправившись отъ перваго испуга, она захочетъ познакомиться ближе съ невѣдомой силой, оторвавшею ее отъ родной почвы.

— Такъ мы вотъ какъ устроимъ, сказала Наденька, садясь въ траву, и раскладывая передъ собою платокъ.

— Вотъ такъ, положите сюда...

Левъ, опустившись на колѣни противъ гимназистки, погнѣлъ раковину на средину платка.

Улитка не дала ждать себя: соскучившись въ крайнемъ углу своей узкой раковины, она, къ немалому удовольствію Наденьки, стала пятиться назадъ.

— Смотрите, смотрите, лѣзетъ, говорила дѣвуха шовотеръ, какъ-бы страшась испугать слизня: — почти совсѣмъ высунулся. Дохнуть на нее?

— Дохните.

Наденька наклонилась надъ слизнемъ, и осторожно подулъ на него. Животное перестало вылѣзать.

— Что жь остановилась, голубушка? вснужалась?

— Нѣтъ, она нѣжится въ нашемъ дыханіи.

— Полно вамъ глупости говорить. Дайте-ка какой-нибудь стебель. Мерси. Пощекотать ее...

Жончиномъ подавшаго ей стебля, гимназистка дотронулась въ бѣлой, слизистой спинки животнаго. Уколотое вѣроятно довольно чувствительно, оно, пуская пузыри, опять юркнуло въ глубинъ своего домика.

— Ахъ, бѣдная! сказала сострадательно Наденька. — Что, если я уколола ее до смерти? вѣдь шкура у нея такая нѣжная...

— Нѣтъ, до смерти ей еще далеко; только испугали не шутку; молоски нервозны.

Наденька принялась опять дышать на раковину:

Молоскъ, молоскъ, выставь рога,
Я дамъ тебѣ на пирожки.

— Видите, какой послушный; должно быть, пирожка захотѣлось.

Слизень, дѣйствительно, высунулся до половины и, выставивъ впередъ свои четыре маленькіе рога, началъ осторожно ощупывать ими около себя воздухъ. Убѣдившись, что врага, настраивавшаго его, нѣтъ уже по близости, онъ рѣшился окончательно выползти изъ убѣжища.

— Послушайте, начала Наденька: — это у нихъ въ своемъ дѣлѣ рога, какъ напимѣръ, у коровъ, или что другое?

— Нѣтъ, не рога. Два верхнихъ рожка — глаза; видите: черныя точки на кончикахъ? это зрачки.

— Да улитки должны быть очень близоруки: эта даже насъ не видитъ.

— Да, глаза у нихъ не столько для зрѣнія, какъ для тѣни.

— Для тѣни?

— Да, какъ очень многое въ природѣ, какъ, напримѣръ, клыки у людей. Мы — млекопитающія, а у большей части млекопитающихъ есть зубы всѣхъ трехъ родовъ: коренные, рѣзцы и клыки, потому и намъ даны клыки. Употреблять же ихъ въ дѣло намъ никогда не придется, потому что клыкъ—зубъ хищный, служащій для удержанія добычи, а когда же мы ловимъ добычу зубами?

— А можетъ быть, клыки даны намъ для красоты? Представьте себѣ, что у человѣка не было бы клыковъ — на ихъ мѣстѣ образовалось бы пустое пространство?

Левъ улыбнулся.

— Если даже вырвать зубъ, то пустое мѣсто его понемножку зарастаетъ. Слѣдовательно, красота не нарушается.

— И то правда. Но мы отделились отъ нашего предмета. Вы не изволили еще объяснить мнѣ, что такое нижніе рожки у улитки?

— Это щупальцы, которыми она, какъ слѣпецъ палкою, реконструируетъ окрестность. Они у нея необычайно чувствительны; видите: чуть дотронется случайно до платка, какъ втягиваетъ ихъ опять въ себя, точно обжогшись.

Наденька не отвѣчала: все вниманіе ея сосредоточилось на искусныхъ эволюціяхъ слизня. Небезпокоиваемый болѣе своими зрителями, онъ почти весь выкарабкался изъ своей раковины, повернулся брюшкомъ къ землѣ, потянуль себѣ домигъ насередину спинки и поползъ по платку, верхними рожками повода въ воздухъ, нижними ощупывая почву, на которую собирался ступить. Раковина, какъ паланкинъ на хребтѣ слона, колыхалась на немъ мѣрно вправо и влево.

— Еслибы и мы могли носить свои дома на себѣ, промовила тихо Наденька: — всегда бы былъ случай укрыться отъ опасности...

Она и не подозрѣвала, какую глубокую истину высказывала этими словами, какъ ей самой въ эту самую минуту было бы необходимо убѣжище. Молодой поэтъ глядѣлъ на нее такими нѣжными глазами... Да и какъ было не любоваться! Отъ наклоненнаго положенія тѣла, кровь поднялась въ голову дѣвушки, и разлила по всему лицу ея свѣтлое сіяніе; ожиданіемъ полураскрытыя, свѣжія губки, показывали блестящій рядъ перламутровъ; темно-синіе глаза свѣтились изъ-подъ длинныхъ, густыхъ рѣсницъ дѣтскимъ любопытствомъ, дѣтскою невинностью; широкополая шляпка, небрежно насаженная на остриженныя въ кружокъ,

пышныя кудри, отгъняла верхнюю половину лица; одинъ рѣзвигъ локонъ, отдѣлившійся своевольно отъ толпы товарищей, колыхался равномерно въ воздухъ, ударяясь всякій разъ тихонько о цвѣтущую, пылающую щеку...

Жаръ и трепеть пробѣжали по жиламъ юноши, въ глазахъ у него зарыбило.

— Какъ вы хороши! прошепталъ онъ, сильною рукою обвилъ станъ дѣвушки, и съ горячностью поцаловалъ ее. Наденька вскрикнула, отбросилась назадъ, и въ тотъ же мигъ была на ногахъ. Не успѣлъ молодой человѣкъ опомниться, какъ ее уже какъ не бывало, и только легкій шелестъ вѣтвей говорилъ, въ какую сторону скрылась она.

«Такъ-то творятся глупости!» разсуждалъ самъ съ собою поэтъ, мрачно насунивъ брови, и не двигаясь съ мѣста: «ну, кто велѣлъ цаловать? никакой надобности не было. Сидитъ она противъ тебя такъ довѣрчиво, такъ спокойно, и вдругъ ты, ни съ того, ни съ сего... Тыфу ты пропасть! непростительно глупо!»

Разсуждая такъ, Левъ видно не обдумалъ, что по его натуралистической теоріи, всякое дѣйствіе простительно, ибо не въ волѣ человѣка, и если онъ, Левъ, повинуваясь обстоятельствамъ, сдѣлалъ глупость, то глупость простительную.

Страхнувъ съ забытаго Наденькою платка слизня съ его раковинной, и спрятавъ платокъ въ карманъ, герой нашъ, для приданія себѣ смѣлости, заломилъ на бекрень шляпу и, бойко распѣвая залихватскую пѣсню, вышелъ изъ опушки. Но когда онъ сталъ подходить къ обществу, расположившемуся на сватѣ, подъ руиной, и глянулъ въ нѣсколько лицъ, озиравшихъ его подозрительными, чуть не недружелюбными взглядами, пѣсня невольно замерла на губахъ его.

Дѣло въ томъ, что когда Наденька выбѣжала изъ лѣска, то тутъ же бросилась къ сестрѣ, обвила ее руками, прошептала что-то, и залилась слезами.

Подбѣжала Моничка.

— Чтò съ нею?

— Ничего, ребячество, отвѣчала Лиза: — онъ поцаловалъ ее.

— Кто? Куницынъ?

— Какой тамъ Куницынъ! Ластовъ.

Глядя плачущую по головкѣ, экс-студентка старалась утѣшить ее.

— Изъ чего жь тутъ убиваться, глупенькая? Ну, поцаловалъ — большая бѣда! Чтò такое поцалуй? Привосновеніе губъ — и только.

Но аргументъ сестры нимало не успокоилъ гимназистку; слезы ея текли даже какъ-будто обильнѣе.

Подошли другіе, пошли разспросы. Ни Лиза, ни Моничка не выдали истинной причины горя плачущей, но всё и безъ того догадывались, что тутъ замѣшанъ какъ-нибудь молодой поэтъ, съ которымъ, какъ замѣтили они, дѣвушка вошла въ чашу. Веселое настроеніе общества разстроилось. Броннъ тщетно расточалъ свои доморощенные остроты — разговоръ не клеился. Собрались домой.

По обѣ стороны геронни дня шли Лиза и Моничка. Последняя, для вѣщаго успокоенія подруги, изливалась цѣлымъ потокомъ обвиненій на «необтесаннаго университетанта».

— Еслибы ему au moins позволили, заключила она: — а то самъ, безъ спроса!

Непосредственно за дѣвицами, шелъ правовѣдъ. Изъ рѣчей ихъ подхватилъ онъ нѣсколько крохъ и, тонкимъ чутьемъ обуянаго ревностью сердца, безъ дальнѣйшихъ объясненій, смекнулъ въ чемъ дѣло. Молніеносные взгляды, съ которыми онъ обращивался на шедшаго сзади соперника, краснорѣчиво свидѣтельствовали о вулканѣ, клокотавшемъ въ глубинѣ души его.

Арьергардъ шествія составляли натуралисты, рѣчь которыхъ вращалась около той же тѣмы.

— Только-то? говорилъ Александръ.—А я думалъ не вѣсть чтò.

— Да развѣ этого мало? Дѣвушка дѣвушка рознь, милый мой. Вотъ хоть Мари, чтò убираетъ нашу комнату — прехорошенькая, да и преблагонравная, а цаляется такъ, чтò любо.

— Да? ты испыталъ?

— Схм! Но тутъ мнѣ и передъ собою стыдно, и за Наденьку обидно... Слезы ея такъ вотъ и жгутъ, такъ и душатъ меня.

— Это отъ созвучія: она льетъ слезы, а его онѣ душатъ!

— Нѣтъ, не шути, мнѣ страшно досадно за нее. Можетъ же человекъ при всемъ хладнокровіи дѣлать такія несообразности!

— Зато какая великолѣпная тѣма для элегій, подхватилъ Александръ. — Счастливы вы народъ, сочинители, изъ всякой напасты извлекаете прибыль. Вотъ тебѣ и начало:

О, слезы женщины любимой!

или

О, слезы дѣвы дорогой!

смотря по климату, какая потребуется рѣма.

— Остри, братъ, остри! Элегію-то я и такъ вѣротно напишу, кстаги воспользуюсь даже однимъ изъ предлагаемыхъ тобой стиховъ; но я увѣренъ: будь ты на моемъ мѣстѣ — самъ бы ты испыталъ угрызения совѣсти.

— Не думаю; угрызений совѣсти вообще никогда не слѣдуетъ имѣть, потому что во всемъ виноваты обстоятельства, не ми. Но ты вовсе не испортилъ своего дѣла, напротивъ, даже подвинулъ его: поцалуй — лучший посредникъ между влюбленными.

— Да кто же влюбленъ!

— Оба влюблены. Ты жаждалъ любви, и вотъ нашелъ источникъ для утоленія этой жажды. Чтò Наденька влюблена въ тебя...

— Тс! пожалуйста, не такъ громко.

— Чтò она влюблена въ тебя, явствуетъ изъ всего ея обращенія съ тобой. Стала бы она такъ безутѣшно плакать, еслиби человекъ, обидѣвшій ее, по ея мнѣнію такъ кровно, не былъ ей дорогъ? Маленькій дисонансъ, вкравшійся въ ваше сердечное созвучіе, дастъ тѣмъ рельефнѣе выказаться послѣдующей гармоніи. Насильно похитивъ у нея поцалуй, ты какъ-бы далъ ей этимъ право и на себя; увидишь, какъ она теперь сама станетъ бѣгать за тобой.

— Не вѣрится что-то.

— Смѣло вѣрь. Послѣ дождя—извѣстное дѣло—выходитъ солнышко. Не разразись надъ вами этой грозы, вы бы, пожалуй, скоро наскучили другъ другу; теперь атмосфера опять очистилась до поры до времени, и благодушничанья могутъ возобновиться. Если не видно пока солнышка, то только потому, что оно кокетливо прячется за облачкомъ.

XVI.

Перчатка брошена.

Подложивъ себѣ подъ ухо, вмѣсто изголовья, руку, Александръ отдыхалъ, послѣ сытнаго пансіонскаго обѣда, на своемъ диванѣ. Теплый солнечный воздухъ, вливавшійся изъ сада въ открытыя окна мягкими волнами, располагалъ къ лѣни и нѣгѣ. На полу около дивана лежали недорѣзанная книга и орѣховый ножъ. Но молодому матеріалисту не суждено было на этотъ разъ воспользоваться послѣобѣденнымъ покоемъ: въ коридорѣ раздались быстрые шаги, съ шумомъ растворилась дверь и вбѣжалъ Куницынъ.

Окинувъ комнату быстрымъ взоромъ, онъ приблизился къ отды- хавшему и тронулъ его за плечо. Александръ открылъ глаза и вопросительно взглянулъ на неожиданнаго гостя.

— Прошу извиненія, если помѣшалъ вамъ выспаться, начать правовѣдь:—но дѣло спѣшное, нетерпящее отлагательствъ.

Александръ оперся на локоть.

— Пожаръ?

— Нѣтъ, не пожаръ, но...

— Такъ померь кто скоропостижно?

— И то нѣтъ...

— Такъ что же? Не хотите ли присѣсть? у насъ, какъ видите, есть стулья.

— Нѣтъ, благодарю-сь, не до того. Чтобы обратиться прямо къ дѣлу: я надѣюсь, что вы не откажете мнѣ быть моимъ секундантомъ?

Александръ съ непритворнымъ удивленіемъ вымѣрилъ говорящаго: не шутить ли онъ; но темная туча, облежавшая чело правовѣда, увѣрила его въ противномъ.

— Я—секундантомъ? да это два понятія несовмѣстныя.

— А я рассчитывалъ именно на васъ.

— Но, послушайте: если вамъ уже пришла такая охота драться, то почему бы вамъ не обратиться съ вашимъ предложеніемъ къ Льву?

— Да съ нимъ-то я и дерусь.

— Гм! въ такомъ случаѣ оно, конечно, неудобно: драться и быть въ то же время азашитникомъ противника—какъ-то странно. Но почему бы вамъ не взять себѣ въ секунданты одного изъ здѣшнихъ нѣмцевъ—они всѣ любители дуэльныхъ упражненій. Да чего лучше Броня, деритскій студентъ?

— Нѣтъ, я съ этой нѣмчурой не знаюсь. Такъ я могу рассчитывать на васъ, ш-г Змѣинъ?

— Пожалуй, можете; не знаю только, чѣмъ я заслужилъ такое предпочтеніе съ вашей стороны: кажется, не давалъ вамъ къ тому никакого повода. Но позвольте узнать, изъ-за чего у васъ началось съ нимъ дѣло?

— Дѣло еще не начиналось, я только собираюсь вызвать господина Ластова.

— Такъ скажите причину, зачѣмъ и почему? Вѣдь есть какая-нибудь причина?

— Это до васъ не касается; это мое дѣло.

— Какой вы забавникъ. Послѣ этого вы, пожалуй, и противника своего не посвятите въ тайну своей ненависти: «Дерись, моль, да и кончено, осерчалъ да и все тутъ, а ужъ за что, про что— узнаеть могила одна».

— Вы, м-г Зѣбинъ, развѣ не знаете, чтѣ милый другъ вашъ позволилъ себѣ съ младшей Липецкой?

— Знаю—поцаловалъ ее. И отлично сдѣлалъ: она премиленькая дѣвочка.

— Ахъ, вы нарочно не хотите понять меня! Пусть бы онъ цаловалъ ее, еслибы имѣлъ на то право; а то вѣдь мы заключили контрактъ—помните, на Гисбахѣ...

— Оно конечно! Зачѣмъ же вы не заключили этого контракта по установленной формѣ, на бумагѣ соотвѣтственнаго достоинства? Сами виноваты: кому жъ, какъ не правовѣду, знать чиновныя вляузы?

— Да и съ общечеловѣческой точки зрѣнія такой поступокъ былъ въ высшей степени не деликатенъ, негуманенъ, когда со стороны дѣвицы не было дано къ тому ни малѣйшаго повода.

— А почему вы знаете? Да она уже тѣмъ виновата, что такъ мила. Губки у нея свѣжія, полныя, такъ и просятся на поцалунъ—вотъ вамъ и поводъ. Признайтесь-ка откровенно, любезнѣйшій, что вамъ только до смерти завидно, что вы не первый догадались поцаловать такую душку? Да-съ, чтѣ дѣлать, опоздали. Теперь она уже такъ скоро не поддастся.

Куницынъ скосилъ презрительно губы.

— Остро, необыкновенно остро! И такъ, позвольте же наконецъ узнать, могу я рассчитывать на васъ, или нѣтъ, согласны вы быть моимъ секундантомъ?

— И такъ, согласенъ; то-есть согласенъ *быть* имъ, но не *буду* имъ.

— Какъ понимать ваши слова? опять остроумничаете.

— Я хочу только сказать, что при всемъ моемъ желаніи, имѣ не придется быть вашимъ секундантомъ, потому что Левъ на столько все-таки разсудителенъ, что не станетъ рисковать жизнью изъ-за такихъ пустяковъ.

— Ну, такъ я найду себя принужденнымъ прибѣгнуть къ инымъ средствамъ!

— Другими словами: «Двонимъ намъ тѣсно на сей планетѣ—или онъ, или я! А не хочеть драться, такъ заколю изъ-за угла». Такъ?

— Если угодно, такъ.

— Ни чуть не угодно! Закадычнаго моего друга собираются зарѣзать ни съ того, ни съ другаго, и чтобы мнѣ это было угодно? вотъ новости! Нѣтъ, ужъ лучше драться; тамъ хоть шансы равны. Но вамъ, я думаю, все равно, теперь ли я схожу за нимъ, или послѣ, немного погодя?

— А что?

— Да такъ, соснулъ бы маленько. Вѣдь драться Левъ не будетъ; такъ раньше, позже ли не драться...

— М-г Змѣинъ! вы, какъ я вижу, изволите смѣяться надо мной; это можетъ обойтись вамъ дорого!

— Ой-ой, не буду, не замайте! сказалъ Александръ, поднимаясь съ дивана. — Я не зналъ, что вы такъ кровожадны. Сію секунду несусь къ Льву. Позволите ли вы мнѣ хоть одѣться?

— Одѣньтесь, отвѣчалъ угрюмо правовѣдъ, отходя къ овну.

— Гдѣ бы найти его? проговорилъ послѣ небольшого молчанія Александръ.

— Онъ, кажется, отправился по алеѣ, съ какой-то тетрадью.

— А, да—съ альбомомъ. Онъ хотѣлъ срисовать Интерлабенъ съ того берега Ааръ. Ну-съ, скажите-ка на прощанье: не совѣстно вамъ посягать на жизнь юноши во цвѣтѣ лѣтъ, подающаго великія надежды, котораго сами еще такъ недавно считали своимъ лучшимъ пріятелемъ?

— Увольте меня отъ вашихъ нравоучительныхъ сентенцій, ш-г Змѣинъ. Вы, надѣюсь, взялись серьезно исполнить мою просьбу?

— Еще бы! нарочно надѣлъ башмаки, сюртукъ...

— Такъ до свиданья. Теперь три четверти четвертаго, прибавилъ онъ, глядя на часы:—ровно черезъ часъ, въ три четверти пятаго, я захожу опять сюда.

— Можете. Для вѣщаго удостовѣренія Льва въ серьезности вашихъ намѣреній, не дадите ли вы мнѣ съ собою перчатку?

Но не удостоивая вопрошающаго отвѣта, Куницынъ вышелъ съ важностью изъ комнаты.

Виновника предстоящаго кровопролитія Александръ отыскалъ дѣйствительно на той сторонѣ Ааръ, лежащимъ подъ тѣнистымъ деревомъ и рисующимъ въ альбомъ женскую головку. Полюбовавшись въ некоторое время черезъ плечо пріятеля рождающимся произведеніемъ, принимавшимъ все болѣе и болѣе знакомыя черты, Александръ промовилъ:

— Недурно.

Живописецъ вздрогнулъ и рукавомъ покрылъ рисунокъ .

— А! это ты?

— Какъ видишь. Ты Интерлакенъ срисовываешь?

Легкій румянецъ окрасилъ щеки Льва.

— Такъ, отъ нечего дѣлать...

— Что жь, очень можетъ быть, что весь Интерлакенъ слиса для тебя въ одну эту личность. Знаешь, вѣдь я къ тебѣ съ уморительнымъ предложеніемъ.

— Да?

— Все этотъ шутъ гороховый, Куницынъ. Вообрази... да ну, отгадай для смѣха, съ чѣмъ онъ прислалъ меня къ тебѣ? Ни за что не угадаешь.

— Вѣроятно, съ вызовомъ?

— Какъ это ты догадался? И вѣдь что все милѣе — меня онъ прочитъ себѣ въ секунданты! а что жь ты не помираешь со смѣху?

— Я этого ожидалъ: онъ сильно влюбленъ и вспыльчиваго темперамента. Передай ему, что я согласенъ, что я принимаю его вызовъ.

— Левъ, поэтъ, что съ тобой? не для новой ли ужъ элегій? Дуэль уже сама по себѣ нелѣпность, а тутъ и причины порядочной нѣтъ.

— Причины-то нѣтъ, но есть цѣль: пустить себѣ кровь. Я очень доволенъ, что не нахожусь въ необходимости обращаться за этимъ къ цирюльнику: тотъ, пожалуй, пустилъ бы ея слишкомъ много; здѣсь количество ея въ моихъ рукахъ.

— Другими словами, ты хочешь дать ранить себя?

— Схм! Кровь все выдается въ голову, какъ разъ еще сдѣлается ударъ. Да хочется и ощутить нѣкоторую боль—хоть этимъ способомъ наказать тебя.

— Это въ подражаніе средневѣковымъ монахамъ, истязавшимъ свое тѣло? Что жь, вольному воля. Ты дерешься, конечно, на холодномъ оружіи?

— Конечно. Изъ-за одного поцалуя жертвовать собою не приходится, прибавилъ онъ съ печальной улыбкой.

— Ну, и изъ-за нѣсколькихъ бы не стоило. А если правовѣдъ будетъ настаивать на пистолетахъ?

— Онъ не имѣетъ на то права: я вызванный и имѣю потому выборъ оружія. Притомъ замѣтъ: я дерусь не на рапирахъ, а на эспадронахъ — оно безопаснѣе.

— Ну, за это люблю. Въ секунданты себѣ ты, вѣроятно, возьмешь Бронна?

— Да, а то кого же? Сейчасъ отыскать его...

Удалый корпорентъ, котораго друзья нашли въ пивной, за кружкой пѣнистаго мюнхенскаго, былъ видимо тронуть сдѣланнымъ ему предложеніемъ.

— Вотъ за что спасибо, такъ спасибо! Позвольте угостить васъ за то цимомъ. Kellner, posh zwei Schoppen! Пускаясь въ дальнія странствованія, я съ баснословнымъ сокрушеніемъ сердца оставлялъ родныя поля брани, плохо надѣясь на свою счастливую звѣзду; но провидѣніе сжалилось, и послало мнѣ васъ. Съ вѣмъ же, господинъ Ластовъ, у васъ дѣло?

— А съ Куицинымъ.

— Съ этою ходячею модною картинкою? Bravo! надѣюсь, вы поддержите нашего брата-студента? Я на него немножко золъ: онъ какъ-то назвалъ мою корпоративную шапку армянскимъ колпакомъ, я потребовалъ отъ него объясненія; онъ извинился незнаніемъ моего студентскаго званія, ибо никогда, говорить, не видалъ еще такихъ баснословно-пестрыхъ шапокъ, но говорилъ онъ это съ такой иронической улыбкой, что не могло быть никакого сомнѣнія, что онъ подтруниваетъ. Я махнулъ рукой: что связываться со всякою дрянью! Но теперь я полагаюсь на васъ, господинъ Ластовъ: вы отомстите за меня, да?

— Извольте.

— Благодарю васъ. Кто жъ секундантъ картинки?

— Вотъ, Змѣинъ.

— А!...

Корпорентъ отвелъ поэта въ сторону.

— Вы, конечно, на пистолетахъ?

— Нѣтъ, на эспадронахъ.

— Ай, что вы! Ну, хоть на рапирахъ!

— Нѣтъ, я на эспадронахъ дерусь лучше, и потому выбралъ ихъ.

— Ничего съ вами не подѣлаешь. Извиненія просить вы, разумѣется, не намѣрены?

— Нѣтъ.

— А во сколько ударовъ вы полагаете назначить свою стычку? Конечно, не менѣе, какъ въ семь?

— Мнѣ все равно. Я уполномочиваю васъ въ этомъ отношеніи устроить дѣло по благоусмотрѣнію.

— Ужь положитесь на меня: выторгую наибольшее число. Теперь оставьте насъ однихъ съ секундантомъ вашего противника: надо сговориться съ нимъ на счетъ мѣста и времени поединка.

— Да развѣ мнѣ нельзя быть при томъ?

— Положительно нельзя; удивляюсь, какъ это вы, пробивъ четыре года въ университетѣ, не знаете еще этого. Можете, впрочемъ, допить свою кружку.

Левъ послѣдовалъ послѣднему совѣту и потомъ вышелъ.

— Итакъ, началъ Броннъ, садясь противъ Александра:— прежде всегда позволяете предложить вамъ вопросъ: не раздумалъ ли вашъ дуэлянтъ драться?

Александръ улыбнулся.

— Еслибы онъ раздумалъ, я бы такъ и объявилъ Ластову и васъ бы вовсе не потребовалось. Поэтому вопросъ вашъ, по крайнему моему разумѣнью, совершенно лишній.

— Все своимъ чередомъ, сударь мой, все своимъ чередомъ; безъ формальностей нельзя.

— Почему же нельзя?

— Потому, что онъ главный букетъ дуэли.

— Для меня это слишкомъ высоко. Ну, да все равно, давайте по пунктамъ. Вопросъ теперь вѣроятно за мной?

Корпорентъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Не знаю, чему учать въ вашемъ петербургскомъ университетѣ? Вы должны спросить меня: не рѣшился ли мой дуэлянтъ просить извиненія у вашего?

— Хорошо-съ: не рѣшился ли мой дуэлянтъ просить извиненія у вашего?

— Да не то! Съ какой стати вашему дуэлянту, обиженному, просить извиненія у обидчика?

— А! значитъ наоборотъ: не рѣшился ли вашъ дуэлянтъ просить извиненія у моего? Но опять-таки, къ чему этотъ вопросъ! Я и безъ того знаю, что Левъ не хочетъ просить извиненія. Да и еслибы хотѣлъ—вы думаете, Куницынъ бы удовлетворился? «Извини, молъ, что поцаловалъ красотку, до которой ни тебѣ, ни мнѣ равно дѣла нѣтъ; никогда не буду.»

— А! такъ вотъ причина ихъ ссоры: въ этомъ случаѣ Ластову, конечно, неприходится просить извиненія. Теперь новая статья: Ластовъ, какъ вызванный, имѣетъ выборъ оружія, и выборъ его палъ на эспадроны. Я надѣюсь, что вашъ дуэлянтъ не можетъ имѣть ничего противъ этого?

— Если Ластовъ имѣеть выборъ, то что же можетъ имѣть противъ этого противникъ его? По моему, опять лишній вопросъ.

Броннъ, нѣсколько обиженный насмѣшливымъ тономъ собесѣдника, насупилъ брови, однако воздержался отъ прямыхъ знаковъ неудовольствія.

— Теперь о числѣ ударовъ, сказалъ онъ. — Я думаю, проще всего положить обычные семь?

— Къ чему такую вучу? одного болѣе чѣмъ достаточно, какъ выражается нашъ профессоръ химіи.

— Да видано, слыхано ли, чтобы дрались люди на одинъ ударъ? Эдакъ насъ всякій осмѣетъ.

— Осмѣетъ-то осмѣетъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но осмѣетъ не за число ударовъ, а за самые удары, то-есть за дуэль. Ну, да чтобы живѣе покончить, накинёмъ еще одинъ: пусть будетъ два, и дѣло съ концомъ.

— И я сбавлю маленько, сказалъ корпорентъ:—хоть семь ударовъ самое законное число, но такъ-какъ вы человѣкъ столь не-сговорчивый, то надо уступить: порѣшимъ на шести—по три на брата.

— Къ чему же по три? Достаточно по одному.

— А если одинъ изъ нихъ будетъ побить оба раза?

— Такъ тѣмъ хуже для него: значить, дерется слабѣе противника; неужели и въ третій разъ подставлять спину?

— Нѣтъ, какъ хотите, перебилъ Броннъ:—а два удара—скандалъ; совѣстно и секундантомъ быть. Куда ни шло—пять.

— Мы какъ торговли на рынкѣ, сказалъ Александръ: — развѣ еще прибавить? Богъ любить тронцу, такъ и быть...

— Ну, да еще одинъ? четыре? тогда уступка будетъ одинакова съ каждой стороны.

Александръ махнулъ рукой.

— Будь по вашему!

— Насилу-то поладили! вздохнулъ изъ глубины души удамый корпорентъ и сдѣлалъ глубокой глотокъ изъ стоявшей передъ нимъ кружки. — Теперь о мѣстѣ стычекъ.

— Проще всего, предложилъ Александръ:—устроить на дому, въ нашей комнатѣ: недалеко по крайней мѣрѣ ходить.

— Нѣтъ, противъ этого я протестую. Вопервыхъ, во всякой комнатѣ тѣсно и низко, а потомъ—что за дуэль въ четырехъ стѣнахъ? Поединоку долженъ происходить гдѣ нибудь въ баснословной просѣлкѣ, тѣнистой, душистой; хоть бы за Ругеномъ.

— Можно и въ Ругеномъ. Только бы насъ не накрыли. Вѣдь и здѣсь подобныя шалости запрещены.

— Ужь будьте покойны, я отыщу такое мѣсто, куда никто не пойдетъ. А въ которомъ часу назначить стычку?

— Да, этакъ послѣ кофе...

— Не поздно ли будетъ? Тогда уже много гуляющихъ.

— По миѣ, хоть въ четыре, въ пять.

— Вотъ это такъ; возьмемъ же среднее: въ половинѣ пятого. Еще одинъ пунктъ: взять съ собою пива, и сколько?

— Это для отпразднованія примиренья?

— Нѣтъ, настоящее примиренье совершится уже дома, со всѣмъ комфортомъ. Но надо же подрѣбляться и въ антрактахъ?

— Справедливо. Такъ возьмите по парѣ бутыловъ на брата, всего значить восемь.

— Десять, хотите вы сказать?

— Какъ десять?

— А посредника вы и забыли?

— Да къ чему же намъ посредникъ?

— Какъ къ чему? Я, положимъ, буду увѣрять, что вашъ дуэлянтъ раненъ; вы будете настаивать, что не раненъ; вотъ тутъ-то и нуженъ посредникъ.

— Да раненъ или нѣтъ—я всегда буду согласенъ, что раненъ.

— Э, такъ вы вотъ какъ! Теперь я положительно требую, чтобы былъ посредникъ.

— А гдѣ вы возьмете его?

— И точно гдѣ его взять?...

Броннъ погрузился въ размышленія надъ этимъ немаловажнымъ вопросомъ.

— Блестящая мысль, промолвилъ Александръ:— отчего бы не пригласить нашего же брата-студента?

— Кого же это?

— Да старшую Липецкую.

Насмѣшливая улыбка появилась на губахъ корпорента.

— Я и забылъ, что у васъ есть студентки. Да умѣетъ ли она пиво пить?

— А развѣ это такъ необходимо? Да кътому же она лечится здѣсь сыворотками, а такимъ больнымъ воспрещаются всякіе спиртуозныя напитки.

— Для нея, пожалуй, можно сдѣлать исключеніе. Хотите взять

на себя трудъ переговорить съ ней? Остальныя заботы я возьму на себя.

— Вене. Но теперь и я съ своей стороны намѣренъ возбудить вопросъ: не взять ли съ собою доктора?

— Не стоитъ. Безъ надобности къ чему замѣшивать постороннихъ лицъ? Я въ случаѣ нужды съумѣю такъ же перевезать; непервой. Пожалуй, можно взять даже экипажъ, нусть дожидается по близости.

— А я, подхватывая Александръ:—запасусь квадратною саженью англійскаго пластыря и наличнымъ количествомъ носовыхъ платковъ. Но гдѣ вы возьмете эскадроны?

— Гдѣ нибудь да выкопаю. Пойду сейчасъ отыскивать, прибавить онъ, вставая и бросая на столъ должны за пиво деньги.— До свиданья.

— Смотрите, чтобъ были потупѣе.

— Напротивъ, чѣмъ будутъ они острѣе, тѣмъ легче потечетъ кровь.

— И то правда. Кланяйтесь же и благодарите.

Александръ пошелъ отыскивать экс-студентку. Нечего, конечно, прибавлять, что та приняла его предложеніе—быть посредницей—какъ нѣчто подобающее, вполне естественное.

В. АВЕНАРИУСЪ.

ДИКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПЕДАГОГІИ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ВАКАЦІОННЫХЪ ЗАМЪТЪОБЪ.

Въ послѣднее время вопросъ о пансіонахъ, институтахъ и вообще интернатахъ разнаго рода сильно занималъ педагоговъ. Разныя мѣры принимались разными учреждениями и лицами для излеченія той огромной несостоятельности, въ которой справедливо были обвинены почти всѣ наши интернаты безъ исключенія.

Полумѣры принесли свой естественный плодъ, то-есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ привели къ буквальной невозможности вести педагогическое дѣло.

Отчаявшись даже въ теоретической возможности интернатовъ, значительное число нашихъ педагоговъ склонилось въ пользу ихъ совершеннаго уничтоженія. Къ счастью, эти убѣжденія не повлекли за собою рѣшительныхъ правительственныхъ мѣръ въ такомъ смыслѣ. Допущены были частные случаи закрытія интернатовъ, необходимыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ, но теоретическое и законодательное рѣшеніе вопроса предоставлено было времени. Однако, споры и сомнѣнія относительно этого важнаго вопроса не остались и безъ положительнаго результата. Естественно, что для окончателнаго рѣшенія дѣла необходимо было предпринять серьезныя опыты. Новый уставъ гимназій замѣнилъ надзирателей—чисто-полицейскихъ чиновниковъ, безъ всякой гарантіи образованія—воспитателями университетскаго образованія; уставъ военныхъ гимназій развилъ это учрежденіе, сообразно матеріальнымъ средствамъ военно-учебнаго вѣдомства, еще съ большою широтою.

И такъ, проба предпринята при довольно благопріятныхъ условіяхъ; смѣлость перехода отъ дрессировки къ воспитанію совершенно соотвѣтствуетъ щедрости средствъ, предназначенныхъ для этого перехода.

Говоря вообще, безъ практической оцѣнки этой пробы, ей нельзя не порадоваться отъ всего сердца. Стоявшіе за закрытіе

всякихъ интернатовъ—стояли не болѣе, не менѣе, какъ за уничтоженіе общественнаго воспитанія. Имъ казалось, что лекціи, класы будутъ достаточною замѣною этого воспитанія; что дѣти, избавленные отъ неестественныхъ условій пансіонской жизни, гораздо лучше воспользуются сообщаемыми имъ свѣдѣніями, гораздо свѣжѣе поддадутся вліянію педагогическихъ приѣмовъ своихъ учителей. По моему мнѣнію, это была бы важная ошибка, которая непременно отозвалась бы на нашей общественной жизни. Класы далеко не вся педагогія, а для маленькихъ они даже далеко не главная часть педагогіи. Пока дѣло въ гомъ, какъ пойдетъ важная педагогическая проба, о которой мы говорили. Весьма много капитальныхъ интересовъ общества связано съ ея результатами. Никакія траты, никакія усилія нежалки, если ихъ плодомъ будетъ правильно воспитанный человѣкъ. Это—дорогой и рѣдкій продуктъ; возможность его добыванія скоро вознаградитъ всѣ пожертвованія, употребленныя на достиженіе этой возможности. Въ виду такой важности задачи, я считаю небезплоднымъ изложить нѣсколько практическихъ замѣчаній своихъ о пансіонскомъ воспитаніи. Я знаю, что существуютъ цѣлыя стройныя системы этого воспитанія, въ которыхъ вопросы, здѣсь едва затронутые, анализированы съ исчерпывающей подробностью, и гдѣ всѣ части системы пригнаты ладно и ловко другъ къ другу.

Но я гонюсь совсѣмъ не за совершенствомъ и цѣльностью вѣмедкой системы; она-то пока можетъ быть особенно опасна для нашихъ интернатовъ. Мнѣ хочется, забывъ теоретическія свѣдѣнія свои, отрѣшившись отъ патентованныхъ положеній науки, высказать нѣсколько мыслей, выработавшихся въ моемъ убѣжденіи во время шестидѣятнаго занятія пансіонскимъ воспитаніемъ. Поэтому мнѣ въ настоящую минуту рѣшительно нѣтъ дѣла до того, кто и какъ говорилъ это самое до меня, лучше меня и полнѣе меня.

I.

Противъ прометеевъ.

Прежде всего мнѣ хочется сдѣлать замѣчаніе касательно тѣхъ преувеличенныхъ надеждъ, которыя многіе возлагаютъ на педагогію. Постараюсь немного выяснитъ этотъ вопросъ. Я прямо отрицаю способность школы (понимая это слово въ самомъ обширномъ его смыслѣ, какъ практическое олицетвореніе педагогіи), даже самой совершенной, снабдить человѣка тѣмъ или другими

силами, освободить отъ тѣхъ или другихъ. Это—гордыя претензіи, постоянно осмѣиваемыя жизнью—претензіи, неосуществленіе которыхъ составляетъ между тѣмъ предметъ мученій и разочарованія многихъ благородныхъ умовъ. Нѣмецкая педагогія по преимуществу страдала и страдаетъ этою прометеевскою самонадѣянностью, плодомъ органической теоретичности нѣмецкаго мозга. Нѣмецкая голова—беззавѣтная раба логики; а можно ли давать господство логикѣ въ такомъ живомъ, подвижномъ и неуловимомъ для категорій фактѣ, какъ воспитаніе человѣка? Я совершенно согласенъ въ этомъ случаѣ со взглядомъ почти забытаго теперь Песталоцци, который, при всѣхъ практическихъ ошибкахъ своихъ, обладалъ драгоценнымъ преимуществомъ передъ большинствомъ извѣстныхъ педагоговъ нашихъ; это преимущество—былъ его педагогическій *genius*, который далеко не всегда сопутствуетъ европейской извѣстности. Песталоцци былъ художникъ педагогическій, а не ученый и не ремесленникъ ея; у него было педагогическое вдохновеніе, педагогическое прозрѣніе, педагогическое призваніе, хотя ему и недоставало многихъ необходимыхъ педагогическихъ свѣдѣній и приемовъ. Оттого у него иногда прорывались гениальныя мысли, разработанныя потомъ и примѣненныя къ дѣлу болѣе трезвыми, за то и болѣе должными дѣятелями. Вотъ чтò говоритъ онъ, между прочимъ, на своемъ восторженномъ языкѣ о силахъ воспитанія: «совсѣмъ не воспитатель влагаетъ въ человѣка ту или другую силу, совсѣмъ не воспитатель сообщаетъ этой силѣ жизнь и дыханіе. Онъ заботится только о томъ, чтобы никакое внѣшнее насиліе не нарушило и не остановило ходъ развитія природы въ ея отдѣльныхъ силахъ; заботится о томъ, чтобы развитіе каждой отдѣльной силы, по существу ей законамъ, находило себѣ безпрепятственный путь», и въ другомъ мѣстѣ: «нравственныя, умственныя и художественныя силы нашей природы равнымъ образомъ должны выростать изъ самихъ себя, а ни въ какомъ случаѣ изъ послѣдствій искусства, которое вмѣшалось въ ихъ образованіе. Вѣра должна воспроизводиться самою вѣрою, а не знаніемъ и пониманіемъ увѣровавшаго, мышленіе — самимъ мышленіемъ, а не знаніемъ и пониманіемъ продуманнаго, или законовъ мышленія; также любовь должна истекать изъ любви, а не изъ знанія и пониманія достойнаго любви или самой любви, и искусство—изъ умѣнья, а не изъ тысячекратной болтовни объ этомъ умѣньи». Вотъ краткая, но меткая програма границъ педагогическія—програма, которую, къ несчастію, такъ старательно нарушалъ самъ знаменитый авторъ ея.

И такъ, слѣдуетъ помириться съ мыслию о невозможности формировать душевныя качества, какъ кусокъ глины. Эта мысль очень

проста и естественна, но между тѣмъ и до нея не всякій легко доходить. Человѣку, совсѣмъ неопытному въ воспитаніи дѣтей, приходится переживать много тягостныхъ минутъ. Если онъ не принадлежитъ къ числу фантазёровъ, которые принимаютъ свои планы за добытые результаты, то онъ часто будетъ въ уныніи и отчаяніи смотрѣть на безсиліе своихъ воспитательныхъ мѣръ; годы бьется, тратитъ онъ свою душу, свои силы, ухаживаетъ, какъ за нѣжнымъ растеніемъ; столько любви и старанія должны, кажется, вызвать то, къ чему они стремились. Два-три неожиданныхъ случая вдругъ провѣряютъ на опытѣ его ожиданія.—Господи! гдѣ же сѣмена, мною сѣянные, и такъ мнѣ дорогія? И мимолетнаго слѣда ихъ часто не найдешь. Тамъ, гдѣ надѣялся покать любимыя свои розы, приходится пожинать самыя антипатичныя сорныя травы. противъ которыхъ преимущественно направлялъ свои усилія. Къ чему же послѣ этого мой трудъ и мои знанія, къ чему вообще педагогія? Ужь, по крайней мѣрѣ, не мучить дѣтей, не срамиться и не разочаровываться самому, думается тогда.—Какъ это объяснить? Дѣйствительно ли такъ трудно, почти недостижимо воспитательное вліяніе? Мнѣ кажется, что дѣйствительно чрезвычайно трудно. Человѣку какъ-то не хочется увѣрять въ ограниченность своей воспитательной власти; но между тѣмъ какъ же можетъ быть иначе. Пробовали ли вы когда нибудь заняться воспитаніемъ растенія, не вполнѣ вамъ извѣстнаго, хотя самаго обыкновеннаго? Сколько разъ меня мучило мое неумѣнье сдѣлать цвѣтку то, что ему было нужно. Знакомый вообще съ ботаникой, я, кромѣ того, пытался обыкновенно напрягать все свое вниманіе на ходъ развитія воспитываемаго растенія, подмѣчала его зависимость отъ различныхъ вліяній, устранилъ одно, сообщалъ другое, и все-таки такъ часто приходилъ втупить, когда послѣ всѣхъ моихъ мѣръ и расчетовъ происходило именно то, чего одного я не ожидалъ. Это часто повторявшееся безсиліе сообщать жизни простого растенія то направленіе, котораго мнѣ хотѣлось, раскрыло мнѣ, между прочимъ, съ особенною очевидностью всю нелѣпость нашихъ претензій—оперировать надъ живыми людьми, какъ надъ анатомическимъ препаратомъ. Другое явленіе изъ сферы чисто-педагогической еще болѣе освѣтало для меня этотъ вопросъ. Къ намъ въ гимназическій пансіонъ поступаютъ дѣти 10-ти и 11-ти лѣтъ. Многіе еще говорятъ не совсѣмъ умѣютъ, и складъ ихъ тѣла такъ еще живо напоминаетъ тотъ періодъ ихъ жизни, когда они не могли сложить пальцевъ своей руки и не имѣли во рту ни одного зуба. Изъ нихъ ли еще нельзя ничего сдѣлать? Ихъ душевный матеріалъ представляется мягкимъ и впечатлительнымъ, какъ воскъ; кажется,

будто и кости-то ихъ еще такія же мягкія. Съ жадностью обращается педагогъ въ такой свѣжей, нетронутой сферѣ для своей воспитательной дѣятельности.

Онъ собирается чертить на бѣлоснѣжныхъ листахъ ума и совѣсти юнаго питомца высокіе догматы, которыхъ считаетъ себя хранителемъ, и вдругъ къ своему изумленію застаётъ на этихъ листахъ твердо начертанныя, незнакомыя ему письма. Въ этомъ полузародышѣ онъ вдругъ встрѣчаетъ дѣлаго человѣка съ рѣзко опредѣлившимися привычками и вкусами—человѣка, который даже умѣетъ бороться для защиты этихъ привычекъ и вкусовъ, который не желаетъ ихъ уступать и не уступить ихъ вамъ дешево. Съ виду кажется, онъ только чихнулъ первый разъ на свѣтъ божій, кажется такимъ невиннымъ и дѣвственно-безхитростнымъ звѣрькомъ: а ужъ онъ проводитъ васъ и надуваетъ васъ, сознательно кокетничая тою именно наивностью, которая васъ такъ плѣняетъ. Вы можете встрѣтить среди этого микроскопическаго народа такихъ закоренѣлыхъ лгунишекъ, ворешекъ, льстецовъ, сластолюбцевъ, эгоистовъ, что потеряетесь въ догадкахъ—когда и откуда успѣли они запасться такъ прочно всѣмъ этимъ душевнымъ добромъ. Въ истинѣ этого наблюденія можно сослаться на всѣхъ воспитателей. По моему убѣжденію, даже въ родившемся ребенкѣ уже почти нельзя найти того пункта, откуда начинается зарождење его различныхъ духовныхъ свойствъ. Я присоединяюсь въ этомъ случаѣ къ тому мнѣнію, что качества будущаго организма болѣе всего опредѣляются въ періодъ его зародышнаго существованія и, можетъ быть, даже ранѣе, физиологическимъ состояніемъ организма его родителей. Поэтому правы тѣ врачи и педагоги, которые утверждаютъ, что воспитаніе начинается съ грудью матери. На грудныхъ дѣтахъ замѣчается рѣзкая разница уже въ первые мѣсяцы ихъ существованія, несмотря на одинаковость условій, въ которыхъ они часто стоятъ. Привычки у нихъ составляются иногда такъ неожиданно, какъ будто онѣ существовали издавна въ глубинѣ ихъ души и только теперь сбросили съ себя таинвую ихъ оболочку. Можетъ быть, впрочемъ, это уже крайности; не спорю. Но во всякомъ случаѣ для меня аксіома, что воспитаніе ребенка можетъ направляться сколько нибудь сообразно съ стремленіями воспитателя только въ ранній періодъ его дѣтства, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, то-есть успѣшнѣе. Какой психологическій взглядъ ни имѣйте на первобытное состояніе ребенка, считайте его при появленіи на свѣтъ настоящею *tabula rasa*, или раздѣляйте болѣе физиологическое убѣжденіе относительно разныхъ потенцій, присущихъ ему еще въ зародышѣ—педагогическій результатъ дѣла мало будетъ

разнитися въ обоихъ этихъ случаяхъ. Какъ *tabula rasa* будетъ впечатлительнѣе въ моментъ своего неоформленнаго, неотвердѣвшаго состоянія, такъ и духовныя потенціи, присущія организму, могутъ тѣмъ легче принимать для своего развитія тотъ или другой путь, чѣмъ онѣ ближе находятся къ исходной точкѣ этого развитія. Извѣстно, что старики часто безслѣдно забываютъ недавно случившееся и съ юношескою ясностью припоминаютъ даже незначительныя подробности изъ своей молодости. Я самъ, хотя далеко не старикъ, до сихъ поръ могу говорить на память длинныя тирады стиховъ, когда-то читанныхъ или ученыхъ; помню всякія имена и числа, интересовавшія меня во время дѣно, а между тѣмъ забываю самыя знакомыя вещи послѣднихъ лѣтъ. Это обстоятельство, общее, кажется, всѣмъ намъ, съ особенною осязательностью указываетъ на то, что впечатлѣнія дѣтства врѣзываются на мягкомъ, податливомъ матеріалѣ чертами глубокими до неизгладимости. Формирующійся матеріалъ постепенно остываетъ въ сообщенныхъ ему формахъ, со всѣми нарѣзками, на немъ сдѣланными, и остываетъ довольно рано. Впечатлѣнія слѣдующаго возраста уже ударяются о болѣе твердый, какъ-бы окостенѣвшій матеріалъ, и успѣваютъ врѣзаться въ него только поверхностно. Поэтому они легче и прежде другихъ изглаживаются; впечатлѣнія ранняго дѣтства становятся какъ-бы самою природою, такими же незыблемыми, какъ свойства организма, и оттого впечатлѣніямъ позднѣйшимъ, исключительно называемымъ у насъ воспитаніемъ, такъ трудно бываетъ бороться съ ними. Я касаюсь этого вопроса слегка и только въ общихъ чертахъ. Но всякій внимательный читатель можетъ понять, на какомъ прочномъ историческомъ фундаментѣ основано высказанное мною мнѣніе. Каждому изъ насъ легко тотчасъ же привести рядъ біографій и доказать ими — какъ мало положительныхъ слѣдовъ часто оставляли различныя воспитательныя тенденціи на многихъ историческихъ характерахъ, имъ подвергавшихся. Столько сходства въ судьбѣ и дѣлахъ людей, находившихся подъ совершенно различными вліяніями, и такая поразительная разница въ продуктахъ одного и того же метода воспитанія, одной и той же сферы вліяній... Но это неудивительно, если мы будемъ понимать подъ воспитательнымъ вліяніемъ одно положительное и буквальное отраженіе въ воспитанникѣ той воспитательной системы, которую ему навязывали въ школѣ или (распространяя это сужденіе далѣе), во всей его юной жизни. Этимъ объясняются, между прочимъ, и тѣ рѣзкіе, многими неповѣртливые факты, которые часто приводятъ въ недоумѣніе отцовъ и воспитателей—*факты*, если такъ можно выразиться, *безсмія школъ*.

Ребѣнокъ идетъ плохо въ извѣстномъ заведеніи, его берутъ оттуда, приписывая неуспѣхъ тѣмъ или другимъ недостаткамъ заведенія, и переводятъ, иногда съ большими жертвами, въ другое заведеніе, въ характерѣ котораго вполне увѣрены. Обозначается вдругъ, что дѣло тамъ не только не поправляется, но окончательно портится; опять нареканья, жалобы и очень часто опять несправедливыя. Рѣдко ли мы видимъ, что дѣти, живущія у педагоговъ съ прекрасною репутаціею, даже братья, сыновья этихъ педагоговъ, принадлежать къ числу отъявленныхъ и упорныхъ дикарей? Ребѣнокъ—матеріаль такой живой, сложный и тонкій, что никогда не поддастся вашему грубому и однообразному рецепту, въ томъ положительномъ смыслѣ, въ которомъ вы рассчитываете на него. Производите совершенно одинаковыя впечатлѣнія на различныя части физическаго организма человѣка. Вы думаете, что дождетесь столь же одинаковыхъ результатовъ? Всякій школьникъ знаетъ, что этого не будетъ; отъ прижатія нерва оптического блеснетъ въ глазу свѣтъ, въ ухѣ отъ этого же самаго послышится звонъ, въ носу—запахъ, въ однихъ частяхъ тѣла ощутится боль, въ другихъ проявится содраганіе мускула. Столько разносоставности и столько разнообразныхъ функций въ такомъ сравнительно-простомъ и грубомъ предметѣ. Понятно, во сколько разъ больше и тоньше должно проявиться это разнообразіе въ психическомъ организмѣ человѣка! Бурсаковъ усиленно учатъ латыни, гомиетикѣ, риторикѣ, теологіи—всему тому, что способно убить чувство жизненной правды, художественное чутье, реализмъ. А между тѣмъ въ воскресныхъ рисовальныхъ классахъ нашей гимназіи сидитъ по 50, 60, часто 80 бурсаковъ, изъ которыхъ болѣе половины приходятъ въ чужихъ тулупахъ, изъ далекихъ кварталовъ города, нѣсколько, можетъ быть, рискуя навлечь на себя нерасположеніе своего начальства, преданностію чисто-свѣтскому дѣлу. Ихъ уже никто не побуждаетъ, не уговариваетъ, хотя многіе отговариваютъ. И ученіе въ этихъ классахъ не богъ-знаетъ какое привлекательное, и воскресеніе другой разъ въ недѣлю не повторится для юнаго труженика. А между тѣмъ, нашихъ собственныхъ гимназистовъ собираются на эти самые классы, устроенные въ зданіи гимназіи, человѣкъ по шести и по восьми, и мы еще убѣждаемъ ихъ, да и вся наша свѣтская педагогія, какъ извѣстно, не мало работаетъ надъ эстетическимъ развитіемъ человѣка, *для сообщенія ео духу всесторонности*, какъ говорятъ педагоги. Прошу предвидѣть такіе результаты. Точно также мало теоретичности обнаруживаетъ въ своей жизни воспитанный на голыхъ теоріяхъ какой-нибудь сельскій попъ или дьяконъ, имѣющій изъ всей деревни всегда лучшую корову въ хлѣвѣ и продающій на фили-

повки самыя жирныя свинны туши. Кому изъ насъ незнакомы наши институты, взрослія въ такомъ же цѣломудренномъ зато ченіи, въ которомъ живутъ кармелитки, да жили, говорятъ, сорокъ дочерей пушкинскаго царя Никиты, и которыя однако чаще другихъ и скорѣе другихъ поддаются неизбѣжному жребію этихъ бѣдныхъ сказочныхъ дочерей царя Никиты? А между тѣмъ вѣдь нельзя сомнѣваться, чтобы онѣ не говорили вмѣсто «*амура*» — «*там-бура*», и чтобы онѣ не краснѣли до сихъ поръ при словѣ «юбка». Въ школьной практикѣ своей, я сначала былъ очень удивленъ тѣмъ явленіемъ, что нѣкоторые мальчики необыкновенно легко и успѣшно поддавались мѣрамъ кротости, вразумленью, обращенію въ нихъ добрымъ чувствамъ. Другіе же, напротивъ, эксплуатировали нашу склонность къ этимъ мѣрамъ съ искусствомъ парижскихъ уличныхъ плутовъ; въ то же время, какъ было достаточно простой солдатской строгости, чтобы разомъ обезкуражить ихъ и заставить покориться нашей волѣ. Послѣ я узналъ ихъ домашнія обстоятельства, которыя пролили нѣкоторый свѣтъ на это странное различіе. Одни были ведены по теоріи воспитанія лягавыхъ щенковъ, на *милъ*, на *тубо!* на сокрушеніе реберъ; ихъ впечатлительность ко всякаго рода взываніямъ совѣтъ притупилась, но ласка къ нимъ и интересъ къ нимъ были имъ совершенно незнакомы и нежданны, такъ что они врывались въ ихъ душу со стороны, незащищенной никакими барикадами упорства или недоуверія. О другихъ и говорить нечего, что это были капризники-барчуки и всякаго рода ребятишки, избалованные преимущественно женщинами; сыночки, которымъ мать безсилна отказать въ чемъ-нибудь; ученики, которые на столько умнѣ своихъ гувернантокъ, чтобы водить ихъ за носъ всякій разъ, какъ того требуетъ ихъ выгода. Они теряли вѣру въ себя и свои средства, когда видѣли ихъ безсиліе и ненужность, когда убѣждались, что новые воспитатели не гувернантки и не мамы, отъ которыхъ такъ дешево можно было отдѣлаться. Строгое взываніе потрясло ихъ своею неожиданностію, своимъ несходствомъ со всѣмъ тѣмъ, что они до тѣхъ поръ привыкли испытывать.

Впрочемъ, и этотъ примѣръ я привелъ только для уясненія своей мысли, нисколько не придавая ему абсолютнаго практическаго значенія. Такихъ простыхъ категорій не можетъ существовать въ истинной педагогіи; исключеній всегда такъ много, что очень опредѣленные правила большею частью дѣлаются смѣшною и неискреннею формулою, рѣшительно непримѣнимою къ даннымъ случаямъ. Съ точки зрѣнія, нами сейчасъ высказанной, особенно антипатично приходится смотрѣть на всѣ исключительныя, фанатическія убѣжденія въ педагогіи.

Такия убѣжденія и въ другихъ сферахъ жизни постоянно приносили міру величайшія несчастія, потому что по существу своему ошибочны. Всякій фанатизмъ есть ужь непремѣнно односторонность, слѣдовательно заблужденіе.

Стремясь доставить своему заблужденію господство надъ міромъ, фанатики истребляютъ съ спокойной совѣстью все нераздѣляющее этого заблужденія, или мѣшающее его распространенію. Въ свою очередь, новое заблужденіе вытѣсняетъ старое и очищаетъ себѣ тронъ тѣми же роковыми средствами и съ тѣми же плачевнымъ результатомъ. Въ этихъ случаяхъ истребленіе слѣдуетъ за истребленіемъ, какъ въ политической исторіи древняго міра, гдѣ одна имперія возставала на развалинахъ другой, и старые властелины поочереды дѣлались рабами новыхъ. Кто вознаградитъ человѣчеству вѣка инквизиціи, преслѣдованія вѣдьмъ и сожженія мыслителей? А между тѣмъ трудно сомнѣваться, чтобы какой-нибудь Шпрегеръ, авторъ знаменитаго *Malleus maleficarum*, не считалъ себя избранникомъ неба для спасенія рода человѣческаго; точно также крѣпко и искренно было убѣжденіе Марѣ, требовавшего тридцати тысячъ головъ для торжества своей идеи; Сен-Жюсть обѣщаль заколотъ самого себя, если убѣдится въ невозможности перевоспитать людей кровью и огнемъ въ того идеальнаго человека, который мерещился этому до жалости ограниченному, до злодѣйства послѣдовательному и честному фанатику. И они заставили-таки поработать гильотину во славу своихъ идей!...

Такихъ ограниченныхъ педантовъ, такихъ Сен-Жюстовъ въ мѣщанскомъ размѣрѣ и мѣщанской одеждѣ, зло бичуетъ иногда несравненный поэтъ Дикенсъ въ лицѣ своихъ Томасовъ Градгриндовъ. Да мы и сами всѣ хорошо познакомились съ ними въ нашемъ дѣтствѣ въ лицѣ тѣхъ безпощадно-исполнительныхъ и безпощадно-грозныхъ нѣмцевъ, безъ которыхъ такъ недавно еще казалась невозможною русская педагогія. Жавѣръ, въ романѣ Гюго, развѣ не напомнилъ каждому изъ насъ кого-то вродно-знакомаго и давно знакомаго?

Нѣтъ, читатель, мы не имѣемъ права обольщать себя слишкомъ сильною вѣрою въ школу. Педагогу, какъ рудокопу, необходима крайняя умѣренность желаній и крайняя терпѣливость добыванья. Золото находятъ не въ готовыхъ слиткахъ въ десять пудовъ вѣсу, а мучительнымъ трудомъ вырубаютъ, выколачиваютъ, вымолочиваютъ, вымываютъ и осаждаютъ по песчинкамъ изъ тяжелыхъ каменныхъ глыбъ. Или душа человѣка дешевле золота? Кто хочетъ очень многого и очень скорого отъ педагогіи—тотъ романтикъ, теоретикъ, бесполезный революціонеръ; тотъ пусть идетъ дальше отъ педагогіи. Воспитаніе, захватывающее человѣка въ обыкно-

венномъ возрастѣ учебныхъ заведеній, не имѣеть возможности, а слѣдовательно обязанности и права—ожидать отъ своихъ усилій радикальнаго пересозданія дѣтей, составляющихъ предметъ этихъ усилій. Нужно быть довольну, если со всѣмъ трудомъ, искусствомъ и терпѣніемъ успѣешь добиться до самого повидимому незначительнаго, но несомнѣннаго результата.

Нечего бояться этой незначительности. Впервыхъ, это все—что заключается въ нашихъ силахъ (я считаю этотъ доводъ весьма успокоительнымъ); вовторыхъ, вы не должны преувеличивать эту незначительность. Положимъ, что эта незначительность есть отклоненіе отъ прежней линіи движенія только на $\frac{1}{10}$ градуса; вы понимаете, какъ вдругъ выростаеъ значеніе этого ничтожнаго отклоненія, если представить себѣ, что двѣ линіи, раздѣленныя въ началѣ такимъ чуть примѣтнымъ разстояніемъ, при продолженіи своемъ очутятся далеко другъ отъ друга, даже если послѣ этого перваго отклоненія не послѣдуетъ никакого другаго. Практика вполнѣ оправдываетъ такое разсужденіе; нерѣдко приходится замѣчать несомнѣнный результатъ разныхъ педагогическихъ вліаній на учениковъ не во время ихъ школьной жизни, а только впоследствии, по вступленіи ихъ въ болѣе самостоятельную жизнь. Аузнется рано—отъликнется позже, потому что всему нуженъ ростъ, и всякому росту время.

II.

PAS DE ZÈLE.

Исходя изъ этой мысли, мы, конечно, совершенно не одобряемъ тотъ, самъ по себѣ прекрасный, идеалъ воспитанія, который въ послѣднее время преслѣдуется нѣкоторыми заведеніями. Воспитатели тамъ обязываются внѣдряться въ голову и сердце ребѣнка, доставшагося имъ на долю, безъ усталы и прерыва. Вмѣстѣ съ ребѣнкомъ, воспитатели учатъ уроки, отстраняя всякое препятствіе, облегчая ему всякое встрѣчающееся затрудненіе. Ребѣнокъ виситъ болѣе на рукахъ воспитателя, чѣмъ идетъ на собственныхъ ногахъ, какъ-будто вмѣсто костей у него были младенческіе хрящи. Ребѣнокъ ничѣмъ не вынуждается напрягать мышцы своей воли или своего ума для усвоенія незнакомыхъ ему вещей во время класнаго преподаванія. Если онъ просчитаетъ мухъ въ класѣ, все-таки вечеромъ придетъ къ нему на помощь неутомимый воспитатель, разжуетъ ему всѣ, сколько нибудь твердые куски и, волею-неволею, почти безъ всякаго труда со стороны гарантированнаго питомца, вложитъ въ его голову то, что мы привыкли изъ вѣж-

ливости называть знаніемъ. Воспитательная польза такого легкаго приобрѣтенія знаній такого рода, мнѣ кажется, очевидна. Всюду разстелена солома—ушибиться не обо что; и этому нельзя бы было не порадоваться, еслибы такая гарантированная школа продолжалась бы черезъ всю жизнь человѣка до его гробовой доски. Но въ томъ-то и дѣло въ несчастію, что длинный и суровый путь жизни, котораго не устелешь всего соломою, нуждается въ вѣрнѣйшихъ ногахъ болѣе, чѣмъ въ мягкой подстилкѣ. Но этого мало. И внѣ ученія воспитатель не избавляетъ своего питомца отъ своего наблюденія и вліянія даже на одинъ часъ. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ каждый мѣсяць, а можетъ быть и чаще, онъ обязанъ давать письменный отчетъ начальству о ходѣ развитія тѣхъ или другихъ качествъ, о всѣхъ колебаньяхъ душевной погоды ребенка за истекшее время. Любопытно читать эти полунаивные и, конечно, полушарлатанскіе отчеты. Читая, право, думаешь, будто воспитатели эти изобрѣли втайнѣ отъ всѣхъ насъ свои особые психологическіе термометры, барометры, гигрометры, вѣсы и реактивы.

Какъ ему ясно все въ дѣтской душѣ! Съ какою прозорливостію онъ предвидѣлъ всѣ пути внутренняго движенія чувствъ и идей, и съ какою расторопностію онъ обнаружилъ это движеніе передъ начальствомъ. И, что всего удивительнѣе — ему примѣтны мѣсячныя, чуть не недѣльныя стадіи этого движенія. Для него какъ дважды два понятно, чѣмъ отличается прилежаніе Иванова за ноябрь отъ прилежанія его же за октябрь, и какаѧ педагогическая мѣра побуждаетъ Петрова придать своему дерзкому характеру въ послѣдней половинѣ марта мѣсяца (то-есть послѣ педагогической мѣры) нѣсколько иное направленіе, чѣмъ въ первой половинѣ того же мѣсяца, сирѣчь до этой знаменательной мѣры. Эти отчеты пишутся краснорѣчиво, съ употребленіемъ всѣхъ педагогическихъ терминовъ и иногда отсылаются, вѣдется, въ С.-Петербургъ, на разсмотрѣніе высшаго начальства. Но и мимо этихъ отчетовъ, мимо рапортовъ начальству, воспитателю нѣтъ никакой нужды (хотя часто есть большой вредъ) постоянно торчать на глазахъ дѣтей, искусственно снѣясь внѣдриться въ ихъ жизнь. Воспитатель не отецъ, а и отецъ беснѣленъ въ этомъ дѣлѣ. Полное сближеніе двухъ возрастовъ обоюдо-неестественно.

Кто нибудь долженъ лгать передъ собой—или воспитатель или воспитанникъ. Или тотъ или другой должны быть въ накладѣ; то-есть воспитатель долженъ надуваться до взглядовъ и цѣлей воспитателя, или воспитатель долженъ играть въ маленькіе. Отца всегда берутъ въ примѣръ педагога, и семью—въ образецъ школы. Я съ этимъ готовъ согласиться тѣмъ болѣе, что въ отноше-

ніяхъ отца къ сыну вы найдете полное подтвержденіе истины, мною защищаемой. Отецъ далеко не такъ близокъ къ своему сыну, далеко не такъ глубоко впивается въ его жизнь своимъ наблюденіемъ и совѣтомъ, какъ хочется этого добиться черезчуръ ревностнымъ педагогамъ. «*Pas de zèle, messieurs*», это классическое изреченіе Талейрана особенно идетъ къ настоящему случаю. Я такъ бы перевелъ его порусски для фанатиковъ-педагоговъ: не надоѣдайте дѣтмятъ, Господа; ради Христа, дайте имъ вздохнуть отъ вашего благоразумія и отъ вашей благонамѣренности.

Прямое вмѣшательство воспитателя въ жизнь дѣтей, должно быть судебно-полицейское—полицейское впрочемъ въ англійскомъ, а не во французскомъ смыслѣ. Какъ милый лондонскій полицменъ, воспитатель долженъ едва зримо присутствовать при различныхъ отправленіяхъ дѣтской жизни. Пусть она волнуется и кипитъ свободно въ тѣхъ предѣлахъ, которые начерчены здравой педагогикою и уставами заведенія. Пусть инициатива всякаго рода по возможности не выпадаетъ изъ дѣтскихъ рукъ и переходитъ въ руки воспитателя только по требованію самихъ дѣтей, которые, въ случаѣ нужды, не преминутъ конечно воспользоваться этою наличною силою. Пусть онъ превращаетъ большіе беспорядки, разбираетъ, судить тяжущихся, навазываетъ виновныхъ, наблюдаетъ за исполненіемъ формальныхъ обязанностей. Характеръ его суда и расправы скоро станетъ понятенъ дѣтямъ; дѣти, какъ простой народъ, скоро съумѣютъ различить въ судѣ Шемяку или Соломона и съумѣютъ также по своему отнести къ нему. Правда, внимательность, теплота сердца—не нуждаются въ логическихъ доводахъ и научныхъ свѣдѣніяхъ, чтобы дойти до другого живого сердца. Нетолько дѣти, собаки узнаютъ честныхъ людей. Творя судъ и расправу, на самомъ фактѣ воспитываешь ребѣнка. Приучите ребѣнка восемь-десять лѣтъ сряду видѣть кругомъ себя строгое соблюденіе справедливости, неумышленное отношеніе къ своему долгу, сочувствіе къ благородному и полезному и презрѣніе ко всякой нравственной дряни—какъ вы думаете—замѣнить это ему мораль прописей и гувернеровъ? Вѣдь мораль, какъ тебѣ читатель извѣстно, читаютъ намъ давно, и какую возвышенную, святую мораль! Я думаю, накануне кончины міра, она будетъ еще въ пору человѣческой души. «И остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», съ сокрушеніемъ говорили навѣрное, вставая и отходя ко сну, всякіе преслѣдователи и губители душъ человѣческихъ, наполняющіе страницы старой европейской исторіи... Неужели же мораль нашихъ педагоговъ окажется сильнѣе евангельской морали?

Дѣти самобытны, какъ отдѣльные люди. Но человѣкъ есть животное, столько же упрямое, сколько подражательное. Я съ удивленіемъ наблюдалъ это поразительное двойственное качество человѣка на самыхъ маленькихъ дѣтяхъ.

Вы разговариваете съ кѣмъ нибудь и взмахиваете, положимъ, рукою; а двухлѣтній мальчуганъ, вашъ сынишка, ужъ слѣдитъ за вами, какъ мышонокъ, своими широкораскрытыми глазенками и повторяетъ въ своемъ уголку вашъ жестъ, или ваше восклицаніе. Всякая случайная гримаса ваша тотчасъ же переходитъ и на его розовую мордочку; вы потребуете чашку кофе — онъ не отстанетъ, пока ему не дадутъ другой чашки. Вы надѣваете, уходя изъ дома, перчатки — онъ останавливаетъ васъ за ногу, и лепечетъ на своемъ неизобразимомъ нарѣчьи: «папа, и мнѣ перчатки»... Для него первымъ наслажденіемъ — быть такимъ же, какъ вы, дѣлать то же, что вы; другихъ идеаловъ онъ не можетъ имѣть, потому что не можетъ знать ихъ. Но съ другой стороны, попробуйте овладѣть сколько-нибудь грубо этою обезьянническою склонностью его. «Вѣдь это большая тѣтя, а это маленькая?» спрашиваетъ вы его, скромно хвастаясь геніальностью вашего ребѣнка, передъ двумя чужими тѣтями. «Это маленькая», лукаво отвѣчаетъ вамъ полуаршинный плутъ, намѣрен'ю указывая пальцемъ на большую... И уже вы не переспорите его тогда. «Попалуй дядю, дядя добрый», увѣщеваетъ его нянька, поднося его къ какому-нибудь домашнему гостю, котораго онъ нѣсколько уже разъ самъ цаловалъ. — «Дядя гадкій, дядя ляка», вопить ребѣнокъ, отмахиваясь головою, руками и ногами. Вы его зовете гулять, а онъ вдругъ упрется обѣими ногами, и требуетъ, чтобы вы танцовали съ нимъ; вы нарочно, краснорѣчиво расхваливаете ему куриный бульонъ, для него приготовленный, и просите его покушать, а онъ отталкиваетъ тарелку, и лѣзетъ съ ложкою въ ваши кислые щи, которыхъ ему не даютъ.

Всѣ подобныя сцены слишкомъ хорошо знакомы отцамъ, матерямъ и нянькамъ, но не всякій выводитъ изъ нихъ одинаковое заключеніе. По моему мнѣнію, эти факты убѣдительно доказываютъ высказанное сейчасъ положеніе, что въ воспитаніи гораздо болѣе дѣйствуетъ на дѣтей характеръ, привычки и поступки воспитателя, чѣмъ его поученіе. «Скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу, кто ты таковъ» — говоритъ старая иностранная пословица; стало быть, и народъ издавна считалъ главнымъ воспитательнымъ элементомъ человѣка — характеръ окружающихъ его людей. Это — немаловажное указаніе для педагогіи.

Простое сожителство порядочнаго человѣка съ дѣтьми — есть уже воспитаніе. Въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ сыщется много

случаєвъ, въ которыхъ фактически раскроются характеръ и взгляды этого человѣка, безъ всякой наязчивости его къ дѣтямъ. Слова его должны только уяснить имъ его дѣло, и поэтому должны быть въ такой же правильной пропорціи съ этимъ дѣломъ, какъ количество асигнацій какого-нибудь банка — съ количествомъ его наличнаго капитала. Человѣкъ, говорящій сто хорошихъ поученій, и дѣлающій одно хорошее дѣло, такъ же легко очутится банкротомъ, какъ банкъ, выпускающій 100,000 асигнацій на одну тысячу звонкой монеты.

III.

За шалуновъ.

Я предложу вамъ вопросъ: отчего всегда бываютъ сильнѣе люди, которые терпѣли и шалили въ школахъ? Чтѣ за польза предупреждать всякое поползновеніе къ шалостямъ, постоянно отводить въ землю то электричество, которое скопившись, могло бы дать иногда опасную, но всегда красивую и выразительную искру? Это безцвѣтитъ человѣка. *Теряя способность къ вреднымъ выдумкамъ, къ антидисциплинарному риску, онъ теряетъ способность вообще къ выдумкамъ, предпріятымъ, и риску.* Постоянно предупреждаемый, постоянно подкрѣпляемый благоразуміемъ взрослого, не достояя ни до какой страсти, ни до какого рѣзкаго желанія, онъ не можетъ познакомиться даже съ естественными послѣдствіями своихъ увлеченій, и долженъ только вѣрить пророчествамъ и морали воспитателя. Это, вопервыхъ, досадуетъ, какъ приставаніе комаровъ на болотѣ; вовторыхъ, усыпляетъ дѣятельность ребѣнка, лишаетъ его самостоятельности.

Уничтоженіе наказаній не есть идеаль, и не есть даже благопріятный признакъ. Дѣти первые не любятъ уничтоженія наказаній, для меня это вѣрно, какъ дважды-два — четыре; простой народъ тоже не любитъ уничтоженія наказаній; и тѣ и другіе нѣсколько презираютъ мягкое начальство, говорящее жалкія слова, но неумѣющее строго и быстро взыскивать. Ученики часто съ любовью вспоминаютъ даже то время, когда имъ было нѣсколько трудно жить. У нихъ является кабая-то гордость, при мысли о перенесенной трудной борьбѣ, о своей неустрашимости, о своей настойчивости и изобрѣтательности. Большею частью, они не поминаютъ лихомъ даже очень суровыхъ людей, если только они не были низки. Они будто любятъ въ нихъ память о собственныхъ своихъ силахъ и подвигахъ, ими когда-то вызванныхъ. Мнѣ нѣсколько разъ приходило въ голову — чѣмъ будутъ вспоминать

наши воспитанники добрыхъ и кроткихъ воспитателей своихъ, всегда постулавшихъ съ ними терпѣливо, кротко, тихо, увѣщательно. Никакихъ происшествій, никакого напряженія, памятнаго надолго. Право, рѣшительно нечѣмъ вспоминать! Добрый былъ, да и только; да развѣ еще прибавить кто: «скучный такой, все жалкое говорилъ». А между тѣмъ, сколько неизгладимыхъ и веселыхъ воспоминаній о разныхъ оригинальныхъ учителяхъ, строгихъ или взбалмошныхъ начальникахъ. Съ какою свѣжестью живутъ и передаются эти полныя жизни исторіи, блестящія такъ часто добрымъ юморомъ и наблюдательностью. Я увѣренъ, что у каждаго изъ насъ, безъ исключенія, есть запасъ такихъ юношескихъ или дѣтскихъ исторій своего рода, не разъ, вѣроятно, заставляющихъ отъ души посмѣяться и вздохнуть о прошедшемъ. Богъ-знаетъ, право, кто больше пользы принесъ намъ: эти ли смѣшные оригиналы и строгіе преслѣдователи наши, волновавшіе на всѣ манеры все наше существо—или добрые моралисты, подъ ласковый шопотъ которыхъ засыпали наши молодые силы?

Я во всякомъ случаѣ поставилъ бы при этомъ немножко дерзкомъ парадоксъ большой вопросительный знавъ. Признаюсь, я не понимаю, какъ ребѣнокъ можетъ избѣжать наказанія? Его можно не воспитывать, оставить навѣки дичкомъ, но это все-таки не избавить его отъ жестокихъ возмездій разнаго рода, со стороны ли другихъ людей, неимѣющихъ причины щадить его, со стороны ли просто обстоятельствъ, неимѣющихъ вообще привычки щадить кого бы то ни было. Да наконецъ, рѣчь теперь идетъ исключительно о воспитаніи. *Воспитаніе, какъ всѣ вѣроятно соглашаются, есть чистѣйшее, абсолютнѣйшее насиліе, какія бы благія дѣли оно ни имѣло въ виду.*

Я вовсе не противъ этого насилія, вовсе не за одно съ *Ясной Полянкой* графа Толстаго. Я считаю это насиліе и необходимымъ, и полезнымъ. Но могу ли я или другой воспитатель требовать, чтобы жертва моего насилія не только слушалась меня, когда я въ состояніи принудить ее, но еще понимала бы необходимость этого послушанія, охотно бы покоряла свои естественные вкусы моимъ искусственнымъ требованіямъ. *Умный, общающийся ребѣнокъ, не можетъ быть особенно послушенъ*; ему надо быть слишкомъ вальнымъ и безжизненнымъ, чтобы легко отказываться отъ собственныхъ позывовъ, во имя непонятной ему дѣли. Приучить ребѣнка къ дѣйствительно-сознательному послушанію—мнѣ кажется, нельзя; я по крайней-мѣрѣ считаю это неимѣющимъ смысла. Но можно испортить ребѣнка; сдѣлать его до такой степени фальшивымъ, что онъ станетъ васъ слушаться самъ собою, притворяясь понимающимъ, убѣжденнымъ, раздѣляющимъ вполне ваши тен-

денціи по отношенію къ его личности. Чтѣ это за безобразіе, чтѣ за нелѣпность? а между тѣмъ и вы, и я, мы всѣ слышали не разъ умненькихъ мальчиговъ, которые покорнымъ голоскомъ объясняютъ вамъ, «что они чувствуютъ всю важность своей вины и понимаютъ необходимость заслуженнаго ими наказанія, что, впрочемъ, это они дѣлають въ послѣдній разъ, ибо горько раскаяваются въ необдуманномъ поступкѣ». Нѣкоторые изъ такихъ выдержанныхъ дѣтокъ обладаютъ кромѣ того искусствомъ краснорѣчиво усовѣщевать своихъ товарищей, подпѣвая старшимъ: «вы не таятесь, NN» говорить это *artiges Kind*, столь цѣнное гувернантками-нѣмками и гувернерами-нѣмцами: «это нехорошо таяться передъ старшими; лучше все сказать откровенно; X. X. добрые, они васъ такъ скорѣе простятъ, вѣдь они для нашей же пользы съ насъ взыскивають» и т. п.. Поэтому, каюсь, во все время своей и ученической, и педагогической дѣятельности, я въ особенности не любилъ такихъ іезуитски-устроенныхъ мальчугановъ, которые обыкновенно становились на сторону старшихъ противъ своихъ товарищей, охотно вызывались быть цензорами, дежурными и т. п. Ихъ чиновнически-фарисейская натура сказывалась уже тогда во всякой мелочи: и стойтъ, какъ начальникъ, вздернувъ носъ, и заносчиво постукиваетъ своимъ опрятнымъ карандашикомъ, которымъ записываются на жертву столько славныхъ ребятъ, шалуновъ и неслуговъ, какъ имъ и слѣдуетъ быть. Такія противныя дѣти всегда опрятны и исполнительны; портфѣльчики ихъ безукоризненны до гадости; въ тетрадкахъ углушка не завернуто, и каждая страница переложена прозрачной бумажкой; у насъ, бывало, карандаши изгрызены, день и ночь живутъ въ карманахъ шароваръ, въ одной квартирѣ съ резинковымъ мячикомъ, кускомъ булки и оторванной гербовою пуговицею; а поиски за перомъ начинались только по приходѣ въ классъ, частью способомъ мѣны, а частью военнымъ манеромъ. А у него—бестіи—всегда съ собой жестяной раскрашенный пэналь, наполненный правильно очиненными карандашами и свѣжими, еще необмокнутыми гъ чернилами перьями. Смотрѣть было досадно. Оттого, каюсь еще, будучи школьникомъ, я значительную часть своихъ досуговъ посвящалъ на таску этого зарождающагося начальства и, могу сказать безъ преувеличенія, приобрѣлъ въ этомъ занятіи не только достаточный навыкъ, но даже серьезную репутацію. Даже и при отправленіи своихъ педагогическихъ обязанностей, я невольно вспоминалъ, прикасаясь къ подобнымъ ребятамъ, подвиги своей юности и жалѣлъ объ утраченной репутаціи.

Въ этомъ вопросѣ я—совершенный послѣдователь Руссо: я со-

гласенъ съ нимъ, что ребѣнку послушанье въ большей части случаевъ должно гзаться зломъ, а непослушаніе.— добромъ. Я согласенъ, что онъ долго неспособенъ понять нивакихъ отвлеченій, кромѣ своихъ непосредственныхъ позывовъ, такъ что даже въ дѣлѣ религиозныхъ вопросовъ, отъ него нечего ждать какихъ нибудь самостоятельныхъ побужденій, какого нибудь искренняго усвоенія тѣхъ или другихъ правилъ. «*Все блаженство рая онъ отдастъ за кусочекъ сахара, и проскучать въ вечернѣ для него страшнѣе, чѣмъ мучиться въ аду*», сказалъ Руссо. У одного изъ близкихъ мнѣ воспитателей, завѣдывавшихъ гимназическимъ пансіономъ, былъ въ этомъ пансіонѣ родной братъ, мальчакъ лѣтъ пятнадцати, бойкій, даровитый и бывший въ большой дружбѣ съ старшимъ братомъ до поступленія своего подъ его начальство. Родные ожидали несбытвенныхъ результатовъ для мальчика, рассчитывая, что вліаніе на него старшаго брата, хорошаго педагога и вмѣстѣ добраго родного, будетъ особенно ощутительно въ такихъ обстоятельствахъ. Но вышла весьма странная вещь, изумившая столько же всѣхъ насъ, сколько родныхъ. Юный братецъ мало по малу сдѣлался совершенно чуждъ брату-воспитателю—воспитателю, поступавшему, надо сказать, въ отношеніи къ нему съ большою осмотрительностью. Вмѣсто прежнихъ простыхъ, задушевныхъ отношеній, онъ его сталъ называть «вы» и побатюшкѣ, сталъ бѣгать его такъ, какъ не бѣгалъ ни одинъ изъ худшихъ его товарищей. Воспитатель, между тѣмъ, принадлежалъ къ числу мягкихъ педагоговъ и находился вообще въ хорошихъ отношеніяхъ съ воспитанниками; онъ пробовалъ все, что только могъ, для сближенія съ братомъ, для возобновленія своего вліанія. Но мальчуганъ оставался вѣренъ себѣ, вѣренъ преданіямъ школярства. Въ начальникѣ онъ не видѣлъ брата; онъ не былъ до такой степени испорченъ, чтобы ребенкомъ опѣнить всю мудрость и всѣ благія послѣдствія педагогическихъ мѣръ, предпринимаемыхъ братомъ. Онъ видѣлъ его *змя дѣла*, то-есть его вмѣшательство въ жизнь его самого и его товарищей; видѣлъ, что отъ него идутъ всѣ стѣсненія и кары; видѣлъ, что противъ него ведется потаенная борьба всѣхъ этихъ славныхъ мальхъ, друзей и товарищей, съ которыми такъ легко, весело и свободно живется. Естественно, чью сторону ему приходилось принять; а принявъ ее—приходилось стать во главѣ, отличиться даже отъ другихъ враждующихъ упорствомъ своей вражды; надо же въ глазахъ товарищей совсѣмъ очиститься отъ тяжелаго подозрѣнія, невольна сопряженнаго съ званіемъ начальника брата—вотъ вамъ и загадка, вотъ и вѣрьте въ педагогическія системы, глады и полированные, какъ зеркало. И знаете, что я, съ своей

стороны, смекнуть, въ чемъ дѣло, сталъ нѣсколько уважать этого неподатливаго мальчугана. Въ этой дикости, въ этомъ послѣдованіи своимъ органическимъ инстинктамъ—больше силы и самобытныхъ задатковъ, чѣмъ въ благоразумномъ послушаніи искусственно выдержанныхъ мальчиковъ. Послѣдніе всегда лжецы, и—что хуже всего—лжецы не внѣшнимъ образомъ, напротивъ, они большею частью никогда не лгутъ въ обыденномъ смыслѣ этого слова—но они зато лжецы передъ самими собою. Дикій мальчикъ совретъ, недорого возьметъ; онъ даже перекрестится и побожится иногда, если чувствуетъ, что увернется этимъ отъ педагогическаго вразумленія; но эта ложь у него только на концѣ языка; это одно изъ его диварскихъ орудій, которымъ онъ защищается въ опасности. Въ одномъ мѣстѣ кулакъ, а гдѣ кулаку нѣтъ хода—подчасъ враньемъ пробуетъ. Но эта ложь не такъ оскорбляетъ его собственныя, нравственныя чувства, не такъ унижаетъ передъ самимъ собою. Онъ все-таки остался вѣренъ своимъ природнымъ наклонностямъ, не отступилъ отъ своей обязанности, такъ, какъ онъ самъ ее понимаетъ—словомъ, онъ не позволилъ чужой волѣ осѣдлатъ его волю, и чужому вкусу—вести на арканѣ его собственный вкусъ. Было бы вовсе нежелательно такое процвѣтаніе педагогіи, при которомъ исчезли бы дикіе мальчижи, проказники, смѣльчаки; было бы очень грустно, еслибы вмѣсто этой разнообразной и сильной растительности, на педагогическихъ градахъ нашихъ прозябли бы пряминыя и блѣдненькія былиночки, вытянутыя рядами, въ ровномъ разстояніи другъ отъ друга, похожія другъ на друга какъ два глаза, доступныя въ равной степени однимъ и тѣмъ же орудіямъ педагогической обработки; недаромъ замѣчательные люди были замѣчательные и въ школѣ; но замѣчательные чѣмъ именно? Кто чѣмъ придется: иной былъ неисправимый лѣнтяй и повѣса, между тѣмъ предводитель товарищей во всѣхъ предпріятіяхъ; другой обгонялъ въ наукахъ цѣлую школу и поправлялъ учителей; третій не хотѣлъ знать латыни ни за какія розги, а ослѣпалъ надъ карандашомъ; мало ли какихъ было! Всякій изъ насъ тотчасъ вспомнить кучу примѣровъ, коли подумаетъ минуту.

Изгнавъ шалости, исторіи, борьбу противъ воспятателей, мы превратимъ милое время дѣтства со всѣми сладкими воспоминаніями его въ какую-то унылую жизнь методистовъ, все понимающихъ, все принимающихъ, отъ всего воздерживающихся. Мы оснуемъ царство скуки, безцвѣтности и безсилія. Дитя не старикъ и не взрослый. *Si la jeunesse savait!* говорятъ старики; но вѣдь они же сами понимаютъ, что надо выбирать одно чтонибудь: *savoir* или *pouvoir*. *Si la vieillesse pouvait!* Эти пословицы

весьма психологичны. Знаніе есть вѣнецъ, результатъ всякой мочи. Сначала сможешь, потомъ узнаешь. Дайте же сперва ребѣнку смочь, и не спѣшите навязывать ему ваше знаніе, которое даже васъ самихъ тяготитъ. «Много будешь знать, скоро состаришься»—это цѣлый курсъ педагогій, чуть ли не отъ всемірнаго потопа. Всѣ бабушки постоянно грозятъ своимъ внучкамъ бѣдою отъ мужчинъ; но какой былъ до сихъ поръ прокъ въ этихъ угрозахъ, и какая была въ нихъ правда? Первый естественный результатъ ихъ предупреденій есть, безъ сомнѣнія, желаніе поскорѣе ознакомиться съ предметомъ ихъ. Какъ-будто можетъ имѣть малѣйшее значеніе безжизненный и фальшивый лепетъ нравоученій, когда въ свое время раздается въ сердцѣ человѣка могучій голосъ его природы? Помните ли вы въ *Декамеронѣ* знаменитый анекдотъ о чортигѣ, подъ ужаснымъ именемъ котораго женщина была показана въ первый разъ юному пустынноику? Это вѣдь не анекдотъ, а исторія человѣческаго сердца. Или вспомните въ шекспировской *Бурѣ* удивительно поэтическую картину, когда Миранда, взрослая въ сообществѣ духовъ и Калибана, неожиданно встрѣчается съ Фернандо? Въ этой сценѣ я вижу всю генеалогію человѣческой любви. Такова сила всякихъ природныхъ голосовъ, и великіе поэты понимали это.

Меня могутъ, пожалуй, понять такъ, какъ будто я проповѣдую уничтоженіе всякаго воспитанія, предоставленіе дѣтямъ совершенно свободнаго роста, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства. Но я этого не хочу проповѣдывать. Я думаю, что воспитаніе полезно и необходимо. Мы должны готовить своихъ дѣтей для себя или для нихъ самихъ, но, во всякомъ случаѣ, такъ, какъ мы понимаемъ. Они будутъ жить въ нашемъ гражданскомъ обществѣ, въ нашей семьѣ, подъ нашими законами и обычаями, стало быть намъ естественно приурочить ихъ ко всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, ожидающимъ ихъ впереди.

Хорошо ли дурно ли, вѣрно ли или ошибочно, но мы не можемъ отказаться отъ стремленія внушить имъ, что именно мы считаемъ зломъ, и что добромъ, за что у насъ уважаютъ, и за что преслѣдуютъ; мы естественно силится подѣлиться съ ними всѣмъ своимъ приобрѣтеннымъ сознаніемъ, точно такъ же, какъ стараемся оставить имъ въ наслѣдство землю, домъ, или денежный капиталъ. Дѣти — часть насъ, переживающая остальные наши части — и мы изъ одного ужъ эгоизма хлопочемъ о передачѣ въ эту уцѣлѣвшую часть насъ самихъ всего духовнаго и вещественнаго добра, скопленнаго нашими трудами.

И такъ мы должны дѣйствовать; должны учить, останавливать, вразумлять и наказывать. Эта работа наша не можетъ быть без-

слідна; это—елементъ, который, какъ всѣ другіе елементы жизни, содѣйствуетъ направленію ребѣнка. Одинъ елементъ — природныя качества ребѣнка, другой елементъ — вліяніе его товарищей, третій елементъ — наше вліяніе на него; есть, конечно, и четвертый, и пятый, и двадцатый елементъ—нашь нѣтъ до нихъ дѣла—мы только утверждаемъ, что вліяніе на ребѣнка взрослыхъ вообще, а школы въ частности, не можетъ не быть ощутительнымъ, точно также, какъ не можетъ не быть ощутительнымъ вліяніе его органическаго устройства. Но тутъ-то и вся разница. Мы должны помнить, что одинъ елементъ — не есть все; что одна сторона не должна претендовать на исключительное господство; и даже еще болѣе: если она можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигнуть этого господства — то результатъ происходитъ весьма плачевный, весьма противоестественный, котораго поэтому никакъ не слѣдуетъ добиваться, но всячески слѣдуетъ избѣгать. То, что необходимо и полезно въ общемъ ходѣ дѣла, какъ одна изъ многихъ пружинъ, то дѣлается вреднымъ въ односторонней своей дѣятельности, ибо всѣ расчеты на эту силу основаны только въ виду противодѣйствія ей другихъ силъ, безъ участія которыхъ она будетъ, конечно, дѣйствовать непропорціонально потребности.

Сдерживать дикіе позымы мальчика, постепенно пріучать его руководствоваться тѣми правилами, которыми мы руководимся—это и возможно и законно. При всемъ упорствѣ своихъ природныхъ вкусовъ, онъ все-таки кончить тѣмъ, что такъ или иначе приспособитъ ихъ къ требованіямъ старшаго поколѣнія. Но въ этомъ приспособленіи онъ не обязанъ будетъ потерять свою самостоятельность, свою оригинальную складку; не столько мы вдвинемъ его въ наши рамки, сколько онъ самъ вдвинется въ нихъ, на сколько будетъ ему нужно и какъ ему будетъ половчѣе. Онъ не потеряетъ нужды въ своемъ собственномъ руководствѣ, подвергшись нашему, если только онъ боролся съ нимъ, а не висѣлъ у него на помочахъ, какъ разслабленный. Многие отъ насъ согласятся онъ взять, многое мы сорвемъ съ него во время долгой взаимной возни нашей; поэтому всякому понятно—какая можетъ быть разница между умною и глупою, добросовѣстною и безчестною, просвѣщенною и рутинною педагогіею. Несмотря на ограниченность ихъ вліянія вообще, относительная сила той и другой будетъ слишкомъ различна.

Но какъ та, такъ и другая, и третья, всѣ будутъ только частью дѣйствовать на ребѣнка: одна лучше, другая хуже, одна вреднѣе, другая полезнѣе. Какъ ни совершенна сдѣлается современемъ педагогія, все-таки она не должна стремиться исказить возрастъ ребѣнка, сдѣлать его мудрецомъ и самообладателемъ въ пятнадцать

лѣтъ, замѣнить рѣзвыя выходки его скучнымъ резонерствомъ, и истреблять *соль его личности*, безумно подавляя всякія проявленія личныя вкуса. Хоть бы то подумали: «не нами міръ начался, и не нами кончится»; были люди и до насъ не хуже насъ; и когда до насъ! во времена Геродотовъ и Лигурговъ, и даже прежде гораздо, при Авраамѣ и Лотѣ. И все существенно-человѣческое въ нихъ было: и сила характера, и высота духа, чувство соревнованія и любознательность, терпѣніе и доброта, и уваженіе къ добру. И дѣти были тогда дѣтьми, а старцы мудрыми. И мудрые учили дѣтей, а дѣти не слушали мудрыхъ. Сынъ Сираховъ сокрушалъ во гнѣвѣ ребра чадъ своихъ, а за пророками бѣгали уличные мальчишки, и швыряли въ нихъ грязью. Все было какъ теперь, только на свой образецъ. Борьба повѣсь съ учителями кипѣла, какъ и у насъ, за тысячу лѣтъ до Р. Х., и изъ повѣсь выходили мужи совѣта и разума. Стало быть, педагогу прежде всего слѣдуетъ помириться съ тѣми неизбѣжными явленіями педагогіи, которыя въ послѣднее время многими стали считаться за явленія ненормальныя, подлежащія истребленію. Ихъ такъ же нельзя, и не слѣдуетъ истреблять, какъ волны, производящія бурю въ океанѣ; положимъ, что бури не особенно пріятны, но что же бы вы стали дѣлать, вычерпавъ эти безпобойныя волны? Или для васъ отраднѣе видѣть сухую и неподвижную, но за то покойную пустыню, вмѣсто этого живого моря, несущаго ваши корабли во всѣ страны міра, и орошающаго ваши поля своими дождями? Педагогія должна очищать и облагораживать свое вліяніе; качество этого явленія должно дѣлаться все прочтѣе и дороже; но границъ своихъ она не должна переступать, не должна такъ непрактически увеличивать самое количество этого вліянія. Шалость и непослушаніе, несочувствіе къ воспитательнымъ мѣрамъ — все это не есть нарушеніе дѣтской природы, не безпорядочныя и беззаконныя явленія въ сферѣ воспитанія, а напротивъ того — *самыя существенныя, неизбѣжныя, такъ сказать, органическія составныя части всякаго воспитанія* и всякой дѣтской природы.

Еслибы можно было изгнать изъ жизни дѣтей всю обширную область шалостей — не нужна бы была и педагогія, то-есть вліяніе старшихъ; дѣти тогда прямо изъ пеленокъ становились бы взрослыми, и пожалуй бы сами годились въ воспитатели.

«*Un pays, où personne n'éluderait les lois et n'abuserait de la magistrature, n'aurait besoin ni de magistrats ni de lois*» (*), говоритъ Руссо въ своей *Discours sur l'origine etc.* Эти остроумныя слова еще легче примѣняются къ занимающему насъ вопросу.

ЕВГЕНІЙ МАРКОВЪ.

(*) Страна, въ которой бы никто не отступалъ отъ закона и не злоупотреблялъ властью, не нуждалась бы ни во властахъ, ни въ законахъ.

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

IV.

Годовщина счастливаго дня.

Мистеръ и мистрисъ Вильферъ насчитывали со дня своей свадьбы ровно двадцатью-пятью годовщинами болѣе, чѣмъ мистеръ и мистрисъ Ламль; но несмотря на то, они ежегодно торжественно справляли этотъ день въ лонѣ своего семейства. Правда, торжество это никому не приносило удовольствія, да никто, по правдѣ сказать, и не ожидалъ отъ него чего-либо пріятнаго, такъ что и разочаровываться было не въ чемъ. Оно соблюдалось какъ нравственная обязанность, скорѣе какъ постъ, чѣмъ праздникъ, и доставляло мистрисъ Вильферъ удобный случай явиться во всемъ ея мрачномъ величїи.

Поведеніе этой почтенной дамы въ эти трогательные дни было полно геройскаго терпѣнія и всепрощающаго великодушія. Несмотря на своитор жественную покорность судьбѣ, она ясно намекала на всѣ прекрасныя партїи, которыя она могла бы сдѣлать на своемъ вѣку, и выставляла херувимчика, какъ маленькое чудовище, неизвѣстно за что покровительствуемое небомъ и обладающее сокровищемъ, котораго другіе, болѣе достойные, тщетно искали. Это положеніе относительно обладаемаго имъ сокровища, было такъ за нимъ упрочено, что при наступленїи каждой годовщины, онъ считалъ себя нравственно-вынужденнымъ приносить покаяніе. Весьма возможно, что его самоуничженіе порою доходило до того, что онъ дѣлалъ себѣ строгіе выговоры за дерзновенную мысль — сдѣлать такое возвышенное существо своей женой.

Что же касается до дѣтей этого брака, то опытъ многихъ лѣтъ заставлялъ ихъ ежегодно, при приближенїи этого радостнаго дня,

сожалѣть, что мама вышла не за кого другого, а не за папу, и что папа не нашелъ себѣ другой мамы. Однажды, когда дома оставалось всего двѣ сестры, смѣлая Белла даже задала себѣ, по поводу подобнаго случая, вопросъ: «что такое папа нашелъ въ мамѣ, чтобы рѣшиться играть такого жалкаго дурачка, жениась на ней?»

Когда обычной чередой наступилъ радостный день, Белла явилась въ экипажѣ Бофиновъ, чтобы участвовать въ торжествѣ. Въ этотъ день, по обычаю семейства, на алтарь Гименея приносились въ жертву пара куръ, и Белла предупредила родителей, что на этотъ разъ она доставитъ требуемое жертвоприношеніе. Согласноми усиліями двухъ лошадей, двухъ людей и четырехъ колесъ, Белла и пара куръ были доставлены въ отеческому порогу. Онѣ были встрѣчены самой мистрисъ Вильферъ, обычное достоинство которой, на этотъ разъ (какъ въ большей части исключительныхъ случаевъ), было увеличено таинственной зубной болью.

— Мнѣ вечеромъ не нужно кареты, сказала Белла: — я возвращусь пѣшкомъ.

Лакей приюжился къ шляпѣ, и удалился сопровождаемый грознымъ взглядомъ мистрисъ Вильферъ, долженствовавшимъ вселить въ его дерзновенную душу убѣжденіе, что ливрейные лакеи были ей вовсе не въ рѣдкость.

— Ну-съ, какъ вы поживаете, милая мама? сказала Белла.

— Хорошо, какъ только можно ожидать, отвѣчала мистрисъ Вильферъ.

— Что это вы, мама, говорите, словно мы только что родились.

— Это ужъ мама съ самаго утра въ такомъ настроеніи, вмѣшалась Лавви черезъ плечо матери: — тебѣ-то хорошо смѣяться, Белла, но я думаю, трудно придумать чтонибудь болѣе досадное.

Мистрисъ Вильферъ бросила взглядъ слишкомъ величественный, чтобы нуждаться въ словесномъ поясненіи, и провела своихъ дочерей въ кухню, гдѣ должноствовало приготовляться жертвоприношеніе.

— Мистеръ Ровсмитъ, сказала она смиренно: — предоставилъ свою гостиную въ наше распоряженіе, такъ что ты, Белла, будешь принята въ убогомъ жилищѣ твоихъ родителей, согласно твоимъ теперешнимъ привычкамъ, то-есть найдешь и гостиную и столовую. Твой папа пригласилъ мистера Ровсмита на нашу скромную трапезу, но онъ отказался, по случаю какого-то необходимаго дѣла, и предложилъ свои комнаты.

Белла знала, что онъ не имѣлъ никакого дѣла у Бофиновъ, которое бы заставляло его не быть въ этотъ день дома, но вполне

одобрила его отказъ. «Мы только бы конфузили другъ друга», думала она: «а это и безъ того слишкомъ часто случается».

И, однако, его комната настолько интересовала ее, что она не замедлила заглянуть въ нее и познакомиться со всѣмъ, что въ ней находилось. Комната была убрана съ большимъ тщаніемъ и вкусомъ, хотя весьма скромно. На полкахъ были разставлены книги: англійскія, французскія и итальянскія, а въ портфелѣ, на письменномъ столѣ, валялось множество записокъ и счетовъ, очевидно касавшихся до управленія дѣлами Бофиновъ. На томъ же столѣ лежало тщательно наклеенное на холстѣ, покрытое лакомъ и скатанное въ трубку, какъ географическая карта — объявленіе съ примѣтами убитаго человѣка, пріѣхавшаго неизвѣстно откуда, чтобы сдѣлаться мужемъ Беллы. Она съ ужасомъ отшатнулась, при видѣ этого страшнаго документа, и поспѣшно свернула и перевязала его. Переходя отъ одной вещи къ другой, она наткнулась на гравюру, висѣвшую въ углу около покойнаго кресла. Гравюра эта была въ изящной рамкѣ, и изображала граціозную головку хорошенькой женщины.

— Ага, сэръ, воскликнула она, останавливаясь передъ картиной: — я догадываюсь, на кого *это*, по вашему мнѣнію, похоже. Только я вамъ скажу, что это болѣе похоже — на вашу наглость! И съ этими словами она выпорхнула изъ комнаты, не столько вслѣдствіе оскорбленія, сколько потому, что уже все осмотрѣла.

— Ну-съ, мама, сказала Белла, возвратясь въ кухню съ раскраснѣвшимся лицомъ: — вы съ Лавви полагаете, что я ни на что путное не гожусь, а я вотъ намѣрена доказать противное. Я буду сегодня стряпать у васъ.

— погоди! вступилась ея величественная мать: — я не могу этого позволить. Стряпать, въ этомъ платьѣ!

— А что ему сдѣлается? возразила Белла, весело роясь въ комодѣ: — я надѣну передникъ, и навѣшаю на себя полотенецъ; а что касается до вашего позволенія, то я и безъ него обойдусь.

— Ты будешь стряпать — *ты*, которая никогда не стряпала, даже когда была дома?

— Да, я, мама, отвѣтила Белла: — именно я, а никто другой.

Она подвязала передникъ, и при помощи булавокъ, закрыла п весь лифъ до самаго подбородка. Подъ этимъ уборомъ, ея фигурка была такъ же изящна, какъ и всегда, а ея свѣжее личико съ ямочками на щочкахъ, казалось еще миловиднѣе.

— Ну, мама, сказала Белла, отбывая назадъ свои локоны: — съ чего начинать?

— Прежде всего, торжественно начала мистрисъ Вильферъ: — если ты уже намѣрена упорствовать въ своемъ намѣреніи, ко-

торое я не могу не находить совершенно несогласнымъ съ тѣмъ экипажемъ, въ которомъ ты пріѣхала...

— Положимъ, мама, что я этого не нахожу.

— Прежде всего надо поставить куръ жариться.

— Да, да, да — сперва слѣдуетъ повалить въ мукѣ, и пусть ихъ жарятся! (Пуская въ ходъ вертель съ неимовѣрной быстротой).—Ну, что же далѣе?

— Далѣе, отвѣтила мистрисъ Вильферъ, дѣлая величественный жестъ своими перчатками, выразавшей вынужденное отречение отъ кухоннаго престола: — я бы посоветовала изслѣдовать съ помощью вилки состояніе ветчины и картофеля, которые стоятъ въ кастрюлѣ на огнѣ; затѣмъ, понадобится приготовить зелень, если только ты намѣрена упорствовать въ твоемъ неприличномъ поведеніи.

— Какъ я и намѣрена, мамà.

Продолжая упорствовать, Белла обращала вниманіе на одно дѣло и забывала другое, хваталась за другое, и запускала третье, вспомнивъ третье, развлекалась четвертымъ, и каждый разъ желая чѣмъ нибудь загладить упущеніе, неистово пускала въ ходъ вертель, что дѣлало весьма сомнительной участь жаркого. За то стряпня была веселая. Между тѣмъ мисъ Лавинія то и дѣло какъ маятникъ моталась изъ кухни въ гостиную, гдѣ она накрывала столъ. Она исполняла эту службу съ обычной нескотой и грубостью, подымая сватертью вѣтеръ на всю комнату, гремя стекломъ, стуча и звеня приборами, словно въ рукопашной схваткѣ.

— Посмотри-ка на маму, шепнула она Беллѣ, когда онѣ обѣ, окончивъ свою работу, присматривали за жарившимися курицами. — Ну, будь ты тутъ самой почтительной дочерью въ мірѣ, а какъ помотришь на нее, какъ она сидитъ себѣ словно аршинъ проглотила, то, право, такъ вотъ и хочется хватить ее чѣмъ нибудь въ бокъ.

— Да, представь себѣ, еслибъ papà вздумалъ торчать, какъ она, въ другомъ углу, отвѣтила Белла.

— Онъ никогда не въ состояніи этого сдѣлать, возразила Лавви:—онъ тотчасъ же развалится въ креслѣ. Но я, право, думаю, что нѣтъ второго существа на свѣтѣ, которое стумѣло бы торчать такъ прямо, какъ мамà, я съ такимъ неприятнымъ выраженіемъ! Что съ вами, мамà? Здоровы ли вы, мамà?

— Безъ сомнѣнія, я здорова, возразила мистрисъ Вильферъ, обращая свои взоры на младшее дѣтище съ выраженіемъ геройскаго, нѣсколько презрительнаго терпѣнія. — Что жъ можетъ со мною сдѣлаться?

— Да такъ, вы что-то не очень прытки сегодня, возразила смѣлая Лавви.

— Прытка? повторила ея родительница.—Прытка? Откуда это ты набираешься такихъ низкихъ выраженій, Лавинія? Я не жа-
луюсь, я смиренно довольствуюсь своею участью—надѣюсь, что этого достаточно для моей семьи.

— Ну, мамà, возразила Лавинія:—какъ вы уже сами вызвали меня, такъ позвольте же почтительно замѣтить вамъ, что ваше семейство очень обязано вамъ за то, что у васъ каждый годъ въ этотъ день бываетъ зубная боль. Это съ вашей стороны очень безкорыстно, а для нихъ истинное счастье. Но все же и такимъ благодѣяніемъ не надо черезчуръ хвастаться.

— Ахъ ты, олицетворенная дерзость! воскликнула мистрисъ Вильферъ: — и это мнѣ ты смѣешь говорить такія вещи? И въ какой день? въ самый торжественный день въ году! Да знаешь ли ты, что сталося бы съ тобой, еслибъ я не согласилась въ этотъ день отдать свою руку Р. Вильферу, твоему отцу?

— Нѣтъ, мамà, отвѣтила Лавви:—право, не знаю, и при всемъ моемъ уваженіи къ вашимъ способностямъ и знаніямъ, я сомнѣ-
ваюсь, чтобы и вы знали.

Неизвѣстно, дорого ли бы обошлась побѣдительницѣ эта смѣ-
лая вылазка противъ самой слабой стороны траншей мистрисъ Виль-
феръ, потому что военныя дѣйствія были вдругъ прекращены съ
появленіемъ парламентаря, въ лицѣ мистера Джорджа Самсона,
котораго поклоненіе было теперь перенесено съ Беллы на Лави-
нію и котораго Лавинія—должно быть, въ наказаніе за прошлое
предпочтеніе къ ея сестрѣ—держала теперь въ черномъ тѣлѣ.

— Поздравляю васъ, мистрисъ Вильферъ, съ радостнымъ
днемъ, произнесъ мистеръ Джорджъ Самсонъ, заранѣе пригото-
вившій свое привѣтствіе.

Мистрисъ Вильферъ поблагодарила его великодушнымъ вздо-
хомъ и снова погрузилась въ свою зубную боль.

— Меня весьма удивляетъ, нервѣшительно началъ мистеръ Сам-
сонъ:—что мисъ Белла рѣшилась стрипать.

Лавинія тотчасъ же сразила его убійственнымъ замѣчаніемъ,
что это во всякомъ случаѣ не его дѣло. Вслѣдствіе этого онъ
впалъ въ меланхолическое самозерцаніе, пока не появился хе-
рувимчикъ, который былъ также крайне изумленъ, заставъ Беллу
среди стряпни.

Но она настояла на томъ, чтобы не только приготовить, но и
подать обѣдъ, и затѣмъ только снявъ передникъ и полотенце,
сѣла за обѣдъ какъ важный гость. Мистрисъ Вильферъ, отвѣ-
чая гробовымъ «аминь» на передобѣденную молитву мужа, поста-

ралась произнести это слово такимъ могильнымъ голосомъ, чтобы всякому отбить аппетитъ.

— Отчего это онѣ, папа, красноваты внутри? замѣтила Белла, слѣдя за отцомъ, рѣзавшимъ куръ.— Ужъ не отъ начинки ли?

— Нѣтъ, не отъ начинки, моя милая; я скорѣе думаю, что онѣ недожарены.

— Нѣтъ, онѣ должны быть дожарены.

— Я знаю, моя милая, что онѣ должны бы быть, но, къ сожалѣнію, онѣ недожарены.

Тотчасъ появился на сцену рапперъ, и добродушный херувимъ, привыкшій исполнять въ своемъ домѣ всякія службы, столь же мало согласныя съ его названіемъ, какъ тѣ, которые его прототипъ исполнялъ на картинахъ древнихъ мастеровъ, принялся поджаривать куръ. Дѣйствительно, за исключеніемъ празднаго глазѣнія по сторонамъ (отрасли общественной дѣятельности, къ которой весьма склонны живописные херувимы), этотъ домашній херувимъ справлялъ столько же смѣшныхъ обязанностей, какъ и его прототипъ, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ исполнялъ музыкальныя пьесы не на громадныхъ басахъ и духовныхъ инструментахъ, а щеткой на сапогахъ всего семейства, и что вообще вся его дѣятельность была несравненно полезнѣе безпутнаго летанія по воздуху безъ всякой опредѣленной цѣли.

Белла помогла ему и въ этой добавочной стряпнѣ, чѣмъ доставила ему немало удовольствія, но смертельно перепугала его, спросивъ неожиданно, какъ жарили куръ на гриничскихъ обѣдахъ и точно ли эти обѣды такъ замѣчательны, какъ иные увѣряютъ? Его таинственныя киванія и подмигиванія до того разсмѣшили шалунью, что она подавилась косточкой, и Лавинія принуждена была бить ее по спинѣ, что доставило новый источникъ смѣха.

Но мать была лучшимъ средствомъ, умѣрившимъ это веселіе. Мистеръ Вильферъ съ самымъ невиннымъ добродушіемъ неоднократно обращался къ ней съ вопросомъ: — моя милая, я боюсь, что тебѣ недовольно весело?

— Почему же такъ, Реджи Вильферъ? звонко отвѣчала та.

— Потому что, моя милая, вы, кажется, не совсѣмъ въ духѣ.

— Нисколько, возражала она тѣмъ же голосомъ.

— Хотите, моя милая, переломимъ душку?

— Благодарю васъ. Если это вамъ нравится, Робертъ Вильферъ.

— Но вѣдь, моя милая, я спрашиваю, угодно ли это вамъ самимъ?

— Я смотрю на это точно такъ же, какъ на все на свѣтѣ, Робертъ Вильферъ. Ивеличаява женщина продолжала обѣдъ съ выра-

женіемъ полнѣйшаго самопожертвованія, словно она кормила не себя, а кого другого и ради общаго блага.

Белла привезла съ собою десертъ и двѣ бутылки вина, что общію празднеству еще невиданную торжественность. Мистрисъ Вильферъ взяла стаканъ и провозгласила тостъ: — Робертъ Вильферъ, за ваше здоровье.

— Благодарю, моя милая. А я за ваше.

— За папу и маму! подхватила Белла.

— Позволь, позволь, вступелась мистрисъ Вильферъ, протягивая свою перчатку: — я, вѣжета, пила за здоровье твоего отца. Впрочемъ, если ты хочешь включить туда и меня, я вонечно могу быть только благодарна.

— Господи Боже мой, мама, вмѣшалась смѣлая Лавви: — развѣ нынче не тотъ день, въ который вы и папа стали одна плоть? Право, съ вами никакого терпѣнія не хватить.

— Чѣмъ бы ни былъ этотъ день ознаменованъ, я не допущу, чтобъ мои же дѣти возставали на меня. Я прошу, я приказываю, чтобы ты замолчала: я надѣюсь, что теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь здѣсь слѣдуетъ напомнить Робертъ Вильферъ, что вы должны повелѣвать, я — повиноваться. Это вашъ домъ и вы полный хозяинъ за своимъ столомъ. За здоровье насъ обоихъ! (Залпомъ).

— Я, право, боюсь, моя милая, смиренно намекнулъ херувимъ: — что вамъ недовольно весело?

— Напротивъ, отвѣтила мистрисъ Вильферъ: — вполне. И почему бы мнѣ могло быть невесело?

— Я думалъ, моя милая, потому, что ваше лицо...

— Мое лицо можетъ выражать муки, но кому какое до того дѣло, если я улыбаюсь.

И она улыбнулась. Отъ этой улыбки у бѣднаго Джорджа Самсона кровь застыла въ жилахъ. Этотъ юный джентльменъ, встрѣтивъ ея улыбку, былъ такъ ею встревоженъ, что невольно сталъ перебирать въ умѣ своемъ, въ чемъ бы онъ могъ провиниться, чтобы навлечь ее на себя.

— Въ подобный день, сказала мистрисъ Вильферъ: — умъ невольно погружается, не знаю какъ собственно сказать, въ мечты или въ воспоминанія.

Лавви, сидѣвшая съ скрещенными руками и вызывающимъ выраженіемъ лица, пробормотала едва внятно:

— Да ну, ужъ рѣшите, одно или другое.

— Умъ, продолжала мистрисъ Вильферъ, ораторскимъ голосомъ: — естественно стремится къ родителямъ, я разумію своихъ родителей, когда еще не было помину о нынѣшнемъ днѣ.

Всѣ находили, что я высока. Должно быть, это и дѣйствительно было. Батюшка и матушка были, безъ сомнѣнія, высокаго роста. Я мало встрѣчала женщинъ величавѣ моей матери, и рѣшительно никого лучше моего отца.

Неугомонная Лавви замѣтила вслухъ :

— Какое бы онъ тамъ ни былъ, дѣдушка-то, но онъ, конечно, не могъ быть женщиной.

— Вашъ дѣдушка, продолжала мистрисъ Вильферъ, съ зловѣщимъ взглядомъ и зловѣщимъ тономъ:—былъ таковъ, какииъ я его описываю, и заставилъ бы прикусить языкъ всякаго изъ своихъ внуковъ, который бы въ томъ усомнился. Завѣтной мыслью моей матушки было выдать меня за высокаго человѣка. Быть можетъ, это была слабость, но если я не ошибаюсь, она раздѣляла эту слабость съ королеиъ Фридрихомъ прускииъ. (Замѣчанія эти относились къ мистеру Самсону, который, не рѣшаясь вступить съ ней въ единоборство, спустился какъ можно ниже подъ столъ и опустилъ глаза, почему мистрисъ Вильферъ продолжала еще болѣе строгимъ и выразительнымъ голосомъ, какъ-бы намѣреваясь принудить его къ сдачѣ). У матушки, повидимому, было смутное предчувствіе того, что послѣ случилось, потому что она не разъ говорила мнѣ: Только не выходи за маленькаго. Общай мнѣ, дѣтя мое, что ты не выйдешь замужъ за маленькаго человѣка. Ни за что, ни за что за маленькаго! Батюшка также иногда замѣчалъ мнѣ, что «семейство китовъ не должно родниться съ салакушками». Онъ былъ необыкновенно остроуменъ и всѣ блестящіе умы того времени искали его знакомства и нашъ домъ былъ для нихъ сборнымъ мѣстомъ. Я помню, въ одно время у насъ собиралось не менѣе трехъ граверовъ на мѣди, которые блистали другъ передъ другомъ остроумными выходками и отвѣтами. (Здѣсь мистеръ Самсонъ сдался военноплѣннымъ, и безпокойно ворочался въ креслѣ, замѣчаетъ, что три—очень много, и что это, должно быть, было весьма занимательно). Въ числѣ самыхъ видныхъ представителей этого кружка, былъ одинъ джентльменъ въ шесть футовъ четыре дюйма. Онъ не былъ граверъ (мистеръ Самсонъ безъ всякой видимой причины замѣтилъ: о, конечно!). Этотъ джентльменъ оказывалъ мнѣ лестное вниманіе, которое я не могла не понять (мистеръ Самсонъ замѣтилъ, что когда дѣло доходить до того, то всякій можетъ догадаться). Я тотчасъ же объявила обоимъ родителямъ, что это ухаживаніе было тщетно, потому что я не могу согласиться на его предложеніе. Они спросили, не потому ли, что онъ слишкомъ высокъ? Я отвѣтила, что не ростъ, а умъ его слишкомъ величественъ. Въ нашемъ домѣ, говорила я имъ, господствуетъ тонъ до того блестящій, и наши знакомства тагъ

высказаны, что я, женщина, не надѣюсь ихъ поддержать въ обыденной жизни. Я очень хорошо помню, какъ матушка всплеснула руками и воскликнула: — это кончится маленькимъ челобѣкомъ! (Мистеръ Самсонъ бросилъ торопливый взглядъ на своего амфитріона и грустно покачалъ головой). Она послѣ дошла до прямого предсказанія, что я выйду замужъ за маленькаго человѣка, котораго умственныя способности будутъ ниже обыкновеннаго уровня, но это было въ придачу материнскаго сожалѣнія. Черезъ мѣсяцъ, продолжала мистрисъ Вильферъ, понижая тонъ, какъ будто бы рассказывая какую нибудь повѣсть о привидѣніяхъ: — черезъ мѣсяцъ я въ первый разъ увидала мистера Вильфера, моего мужа. Черезъ годъ я вышла за него замужъ. Совершенно естественно припоминать въ этотъ день всѣ эти мрачныя совпаденія.

Мистеръ Самсонъ, избавившись наконецъ отъ надзора мистрисъ Вильферъ, вздохнулъ свободнѣе и сдѣлалъ оригинальное и глубокомысленное замѣчаніе, что рѣшительно невозможно объяснить себѣ эти предчувствія. Робертъ Вильферъ почесалъ въ затылкѣ, обвелъ весь столъ взоромъ, просившимъ прощенія, снисхожденія, и остановивъ его наконецъ на женѣ, которая, казалось, была еще въ болѣе мрачномъ настроеніи духа, чѣмъ прежде, снова попытался намекнуть: — моя милая, я право думаю, что вамъ не довольно весело? На что она еще разъ отвѣтила: — напротивъ, Робертъ Вильферъ, вполне.

Положеніе несчастнаго мистера Самсона на этомъ веселомъ празднествѣ было по истинѣ достойно сожалѣнія. Онъ долженъ былъ беззащитный нетолько выносить одинъ весь напоръ краснорѣчія мистрисъ Вильферъ, но и выдерживать градъ обидныхъ насмѣшекъ со стороны Лавиніи, которая отчасти для того, чтобы доказать Беллѣ, какую она имѣетъ надъ нимъ власть, отчасти для того, чтобы наказать его за прежнее поклоненіе красотѣ Беллы, рѣшительно отравляла его существованіе. Просвѣтленный съ одной стороны блестящимъ краснорѣчіемъ мистрисъ Вильферъ, омраченный съ другой стороны насмѣшками и шпильками молодой женщины, которой онъ вполне предался послѣ первой неудачи, мистеръ Самсонъ испытывалъ муки, одинъ видъ которыхъ раздиралъ душу. Если его бѣдный умъ совершенно подкосился подъ этимъ двойнымъ гнетомъ, то въ защиту его можно сказать, что онъ никогда не былъ твердъ на ногахъ.

Часы незамѣтно пролетѣли въ подобной пріятной бесѣдѣ и Белла стала собираться въ обратный путь. Херувимчикъ долженъ былъ ее провожать. Выполнивъ обрядъ прощанія, они очутились

на свободѣ, и мистеръ Вильферъ глубоко потянулъ въ себя чистый воздухъ, какъ-бы находя въ немъ большое наслажденіе.

— Ну, милый папа, теперь день можно считать оконченнымъ, сказала Белла.

— Да, моя милая, отвѣтилъ херувимъ:—еще одинъ миновалъ.

Белла брѣще прижала его руку, на которую опиралась, и нѣсколько разъ съ сочувствіемъ погладила ее.

— Спасибо, моя милая, отвѣтилъ онъ, словно она что-нибудь ему сказала: — я совершенно счастливъ. А какъ ты поживаешь, Белла?

— Я ничуть не исправилась, папа.

— Не можетъ быть?

— Право, папа. Я даже, напротивъ, стала хуже прежняго.

— Господи! воскликнулъ херувимъ.

— Я стала хуже, папа. Я такъ часто считаю, сколько мнѣ нужно будетъ годового дохода, когда я выйду замужъ, что у меня на носу уже появились морщины. Замѣтилъ ты, папа, морщины у меня на носу?

Папа засмѣялся въ отвѣтъ, за что Белла его нѣсколько разъ потрепала по плечу.

— Нечего смѣяться, сэръ, когда красавица становится безобразной. Лучше заранѣе приготовьтесь къ тому. Еще нежножко, и моя страсть къ деньгамъ начнетъ проглядывать и въ глазахъ; а когда вы это увидите, вамъ станетъ жалко, и это будетъ подѣломъ, зачѣмъ не позаботились въ-время. Ну-съ, сэръ, если мы пустились уже на откровенности, не найдется ли и у васъ какихъ-нибудь секретовъ.

— Я думалъ, что ты хотѣла что-то мнѣ рассказать, душа моя.

— Будто бы вы это думали — такъ зачѣмъ же вы тотчасъ не спросили, какъ мы вышли изъ дому. Довѣріемъ хорошенькихъ женщинъ не шутятъ. Ну, ужъ такъ и быть, я васъ на этотъ разъ прощаю. Повернитесь-ка сюда—и приложивъ къ губамъ указательный пальчикъ правой руки, она дотронулась имъ до губъ отца: — вотъ вамъ поцалуй. Ну-съ, и теперь я намѣрена не въ шутку сообщить вамъ, погодите-ка, я сосчитаю сколько — да, четыре секрета. Да смотрите, секреты-то важные, и должны остаться между нами.

— Номеръ первый, душа моя? сказалъ отецъ, съ довѣріемъ прижимая ее руку.

— Номеръ первый, папа, проговорила Белла: — поразить васъ, какъ громомъ. Кто бы вы думали — и здѣсь, несмотря на свой шутивый тонъ, она немного замялась — сдѣлалъ мнѣ предложеніе?

Папа взглянулъ ей въ лицо, потомъ въ землю, потомъ снова ей въ лицо, и объявилъ, что онъ рѣшительно не въ состояніи отгадать.

— Мистеръ Роксмитъ.

— Быть не можетъ, душа моя!

— Мис—теръ Рок—смитъ, папа, повторила Белла, растягивая слова для большей выразительности. — Ну, что вы на это скажете?

Папа очень спокойно отвѣтилъ на это, контр-вопросомъ:

— Что жъ ты на это сказала, душа моя?

— Я сказала: нѣтъ, рѣзко отвѣтила Белла. — Разумѣется.

— Да, разумѣется, задумчиво повторилъ отецъ.

— И я сказала ему, что считаю это нарушеніемъ довѣрія, которымъ онъ пользовался, и оскорбленіемъ для меня, сказала Белла.

— Да, разумѣется. Я, право, удивляюсь, какъ это онъ могъ рѣшиться, не вывѣдавъ прежде, куда ли вѣтеръ дуетъ. Впрочемъ, подумавъ немного, мнѣ кажется, что онъ всегда восхищался тобой.

— Извощикъ можетъ восхищаться мною, замѣтила Белла, съ величавостью, свойственною ея матери.

— И это очень возможно, душа моя. Нумеръ второй, моя милая?

— Нумеръ второй, папа—на ту же тѣму, только не такъ нелѣпъ. Мистеръ Лайтвудъ сдѣлалъ бы мнѣ предложеніе, еслибъ я допустила его до того.

— Понимаю; значить, ты не намѣрена допускать до этого?

Белла опять съ нетерпѣніемъ отвѣтила: разумѣется, нѣтъ! такъ что отецъ почелъ себя вынужденнымъ тоже откликнуться:—о, да, разумѣется.

— Я совершенно равнодушна къ нему, сказала Белла.

— Этого достаточно, замѣтилъ отецъ.

— Нѣтъ, папа, вовсе недостаточно, подхватила Белла:—развѣ я не сказала тебѣ сейчасъ только, какое продажное маленькое существо я теперь стала. Оно достаточно только потому, что у него нѣтъ ни денегъ, ни кліентовъ, ни ожиданій въ будущемъ—ничего, кромѣ долговъ.

— Ого! замѣтилъ херувимъ, съ легкимъ оттѣнкомъ грусти.— Нумеръ третій, моя милая?

— Нумеръ третій будетъ лучше. Важное дѣло, благородное, чудное дѣло. Мистрисъ Бофинъ сама сказала мнѣ подъ секретомъ—а такой правдивой души, я думаю, не сыщется другой на свѣтѣ — сказала мнѣ, что они хотятъ меня прилично пристроить, и что если я выйду замужъ съ ихъ согласія, то дадутъ мнѣ хорошенькое приданое. — При этихъ словахъ благодарная дѣвочка непритворно заплакала.

— Не плачь, душа моя, началъ отецъ, поднося руку къ глазамъ: — это позволительно мнѣ, когда я вижу, что мое дорогое дѣтище, послѣ столькихъ разочарованій, наконецъ будетъ хорошо пристроено и будетъ имѣть успѣхъ въ свѣтѣ, но *тебѣ* — то зачѣмъ плакать, *тебѣ* зачѣмъ плавать. Я очень благодаренъ. Поздравляю тебя отъ всей души. — Добрый, мягкосердечный человѣчекъ утеръ свои слезы, и Белла, несмотря на то, что они были на улицѣ, обняла его, нѣжно поцаловала, приговаривая, что онъ лучшій отецъ и лучшій другъ, и что въ день своей свадьбы она на колѣняхъ будетъ просить у него прощенія за то, что она когда нибудь въ своей жизни досаждала ему и не знала цѣну такой терпѣливой, сочувственной, вѣчно юной и свѣжей души. При каждомъ прилагательномъ она снова и снова принималась его цаловать, и наконецъ зацаловала его до того, что у него свалилась шляпа и покатила по вѣтру, такъ что онъ былъ принужденъ пуститься въ погоню, что послужило ей неистощимымъ источникомъ смѣха.

Возвратясь со шляпой и едва переведа духъ, онъ спросилъ ее:

— А нумеръ четвертый, моя милая?

Лицо Беллы изъ веселаго вдругъ сдѣлалось скучнымъ.

— Можетъ быть, мнѣ лучше было бы отложить четвертый нумеръ до другого раза. Попытаюсь-ка я еще нѣсколько времени не вѣрить своимъ подозрѣнїямъ.

Внезапная перемяна, происшедшая въ ней, еще сильнѣе заинтересовала херувима.

— Не вѣрить — не вѣрить, чему моя милая?

Белла задумчиво посмотрѣла на него и покачала головой.

— И однако, я увѣрена, папа, я слишкомъ увѣрена.

— Душа моя, замѣтилъ отецъ: — я, право, начинаю беспокоиться. Не отказала ли ты еще кому нибудь?

— Нѣтъ, папа.

— Или, можетъ быть, дала кому свое согласіе? продолжалъ онъ, поднимая брови.

— Нѣтъ, папа.

— Можетъ быть, есть кто нибудь, которому ты еще не сказала ни да ни нѣтъ, душа моя?

— Нѣтъ, на сколько я знаю.

— Не можетъ же быть, чтобы нашелся кто-нибудь, кто не ищетъ этого согласія и которому однако ты дала бы его? замѣтилъ херувимъ въ видѣ послѣдняго возможнаго предположенія.

— Конечно, нѣтъ, папа! воскликнула Белла.

— Конечно, согласился онъ: — и потому, душа моя, мнѣ остаетъ

ся или не спать эту ночь, или я долженъ выпытать у тебя четвертый номеръ.

— Ахъ, папа, мало въ немъ хорошаго въ этомъ четвертомъ номерѣ. Я такъ сожалѣю о немъ, такъ неохотно вѣрю ему, такъ искренно старалась какъ можно долѣе скрывать его отъ себя, что, право, больно упоминать о немъ даже тебѣ. Мистеръ Бофинъ съ каждымъ днемъ мѣняется, счастье рѣшительно испортило его.

— Милая моя Белла, я надѣюсь, я увѣренъ, что этого быть не можетъ.

— Я также надѣялась, я также была увѣрена, папа, но онъ съ каждымъ днемъ ведетъ себя хуже и хуже. Не со мной.— Со мной онъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ — но съ другими, его окружающими. На моихъ глазахъ онъ становится подозрителенъ, капризенъ, жестокъ, несправедливъ. Если когда либо хорошій человекъ былъ испорченъ неожиданнымъ счастьемъ—то это мой благодѣтель. И однако, подумай только, папа, какъ страшно обаяніе денегъ! Я вижу это, и боюсь этого и ненавижу это, а сама не знаю, не сдѣлаютъ ли деньги изъ меня чтонибудь еще хуже. Деньги постоянно у меня въ мысляхъ, и во всей жизни передъ собой я вижу только деньги, деньги, деньги и то, что деньги могутъ сдѣлать изъ жизни.

V.

Золотой мусорщикъ попадаетъ въ дурное общество.

Ошибалась ли свѣтлая, умная головка Беллы Вильферъ, или дѣйствительно золотой мусорщикъ не выдержалъ тяжелаго испытанія? Злыя вѣсти быстро распространяются, и потому мы скоро узнаемъ всю правду.

Въ тотъ же вечеръ, когда она возвратилась домой съ семейнаго праздника, случилось нѣчто такое, что она видѣла собственными глазами и слышала собственными ушами. Въ одномъ углу бофинскаго дома была небольшая комната, извѣстная всѣмъ подъ названіемъ собственной комнаты мистера Бофина. Далеко уступая въ великолѣпїи остальному его дому, эта комната отличалась гораздо большимъ комфортомъ и удобствомъ, въ ней царствовала какая-то уютность, которая была изгнана торжественною роскошью изъ остальныхъ блестящихъ покоевъ, несмотря на всѣ старанія и мольбы мистера Бофина. Такимъ образомъ, хотя она была очень скромная комната, но окна ея выходили на тотъ уголь, гдѣ сживалъ прежде съ своимъ лоткомъ Сайлесъ Вегъ, и

хоти въ ней не видать было ни бархату, ни шелку, ни позолоты, она сдѣлалась такимъ любимымъ учрежденіемъ для отдыха и покоя, какъ напримѣръ старый, обносившійся халатъ или туфли, которыхъ вы ни на что не промѣняете. Поэтому, когда Бофинамъ приходило въ голову провести вечерокъ спокойно, счастливо въ своемъ домашнемъ кружкѣ, они вѣчно отиравались въ комнату мистера Бофина и располагались около его уютнаго камина.

Входя на лѣстницу, Белла узнала, что мистеръ и мистрисъ Бофинъ сидятъ въ своемъ любимомъ уголкѣ. Отиравшись прямо туда, она нашла тамъ и секретаря, повидимому, бывшаго тамъ по должности, ибо онъ почтительно стоялъ съ бумагами въ рукахъ передъ мистеромъ Бофиномъ, который сидѣлъ разваливъ въ своемъ покойномъ креслѣ.

— Вы заняты, сэръ, сказала Белла, остановившись въ нерѣшительности у дверей.

— Ни мало, моя милая. Вѣдь ты не гостя, а членъ нашего семейства. Войди, войди, и старуха тутъ сидитъ на своемъ всегдашнемъ мѣстѣ.

Мистрисъ Бофинъ съ улыбкой кивнула головой, и Белла, взявъ книгу, усѣлась на стулъ подлѣ рабочаго столика рядомъ съ мистрисъ Бофинъ и прямо противъ золотого мусорщика.

— Ну, Роксмитъ, сказалъ послѣдній, такъ вѣрно ударяя рукою по столу, что Белла вздрогнула: — на чемъ бишь я остановился.

— Вы говорили, сэръ, отвѣчалъ секретарь очень неохотно и бросая взглядъ на обѣихъ дамъ: — что, по вашему мнѣнію, настало время назначить мнѣ содержаніе.

— Не гнушайтесь, любезный, называть платимыя вамъ деньги жалованьемъ, сказалъ рѣзко мистеръ Бофинъ: — чортъ возьми, я никогда не толковалъ о содержаніи, когда самъ служилъ.

— Настало время назначить мнѣ жалованье, повторилъ секретарь.

— Я надѣюсь, вы негорды, Роксмитъ? замѣтилъ Бофинъ, смотря на него искоса.

— Я надѣюсь, что нѣтъ, сэръ.

— Я никогда не былъ гордъ, когда находился въ бѣдности, продолжалъ Бофинъ: — гордость не къ лицу бѣдности. Помните это всегда. Да это очень понятно. Бѣдному человѣку нечѣмъ и гордиться. Это просто — глупость.

Наклонивъ слегка голову и съ видомъ нѣкотораго удивленія, секретарь, казалось, хотѣлъ подтвердить замѣчаніе своего хо-

заяна, шевеля губами, точно повторяя его послѣднее слово «глупость».

— Ну, поговоримъ же о вашемъ жалованьи, продолжалъ Бофинъ:—присядьте.

Секретарь сѣлъ.

— Отчего вы прежде не сѣли? спросилъ подозрительно мистеръ Бофинъ: — я надѣюсь, что не изъ гордости? Но возвратимся къ жалованью. Я обдумалъ это дѣло, и полагаю достаточнымъ для васъ двѣсти фунтовъ въ годъ. Что вы на это скажете? Довольно ли вамъ?

— Благодарствуйте, ваше предложеніе очень приличное.

— Я не говорю, чтобъ оно было болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и я вамъ скажу, почему, Роксмитъ. Человѣкъ съ состояніемъ, какъ я, обязанъ всегда брать въ соображеніе рыночную цѣну. Сначала я на это смотрѣлъ не совсѣмъ такъ, какъ бы слѣдовало, но впоследствии я познакомился съ другими людьми, имѣющими состояніе, и понялъ всѣ обязанности, которыя налагаютъ на челоуѣка состояніе. Я не долженъ возвышать рыночную цѣну, по той только причинѣ, что не дорожу деньгами. Баранъ стѣбитъ на рынкѣ столько-то, и я долженъ за него заплатить именно столько, и ни гроша болѣе. Секретарь стѣитъ столько-то, и я долженъ заплатить за него столько-то, и ни гроша болѣе. Впрочемъ, я не прочь и прибавить вамъ.

— Вы очень добры, мистеръ Бофинъ, отвѣчалъ секретарь съ нѣкоторымъ принужденіемъ.

— Такъ мы рѣшили, двѣсти фунтовъ въ годъ, снова началъ Бофинъ:—это дѣло конченное. Но теперь надо, чтобъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, что я покупаю за двѣсти фунтовъ въ годъ. Если я плачу за барана, то покупаю его совсѣмъ, цѣликомъ; точно такъ же если я плачу за секретаря, то я его покупаю совсѣмъ, цѣликомъ.

— То-есть, другими словами, вы покупаете все мое время.

— Конечно. Это не значить, чтобы я хотѣлъ навалить на васъ столько работы, чтобы вы были заняты весь день, нѣтъ — вы всегда можете на минуту, на двѣ взять книгу почитать, если вамъ нечего дѣлать болѣе полезнаго, хотя я думаю, вы всегда найдете занятіе поважнѣе. Но я хочу, чтобъ вы всегда, всегда были у меня подъ рукою. Потому я желаю всегда васъ видѣть, когда ни пошлю, отъ вашего завтрака и до вашего ужина.

Секретарь молча поклонился.

— Въ то время, когда я самъ служилъ, продолжалъ Бофинъ:— я не могъ дѣлать что хотѣлъ, потому и вы не можете ожидать, чтобы вы были въ состояніи все дѣлать по своей волѣ. Вы

взяли въ послѣднее время эту привычку, но это, быть можетъ, произошло отъ недостатка правильной системы въ нашихъ отвѣщеніяхъ. Теперь мы все это распредѣлимъ, и когда вамъ нужно будетъ куда отлучиться, то спрашивайте у меня позволенія.

Секретарь снова поклонился, но его манеры ясно выражали безпокойство, удивленіе и сознаніе собственнаго униженія.

— Я велю провести колольчикъ отсюда въ вашу комнату, и буду звонить, когда вы мнѣ понадобитсяъ. Вотъ все, кажется, что я вамъ хотѣлъ сказать.

Секретарь всталъ, собралъ свои бумаги и молча вышелъ изъ комнаты. Белла проводила его глазами до двери, и потомъ взглянувъ на мистера Бофина, развалившагося въ своемъ покойномъ креслѣ, опустила голову и сосредоточила свое вниманіе на книгѣ, бывшей у нея въ рукахъ.

— Я далъ этому мальчишкѣ, моему молодому человѣку, слишкомъ много воли, произнесъ Бофинъ вставая, и пройдя раза два по комнатѣ:—онъ зазнался. А этого не должно быть. Его надо немного осадить. Человѣкъ съ состояніемъ имѣетъ обязанности по отношенію къ другимъ людямъ съ состояніемъ и долженъ строго смотрѣть за тѣми, кто поставленъ гораздо ниже его.

Белла чувствовала, что мистрисъ Бофинъ было какъ-то вежливо и что глаза доброй женщины старались вывѣдать, какое впечатлѣніе произвели на нее слова золотого мусорщика, поэтому она опустила голову и углубилась въ книгу.

— Нодди, задумчиво произнесла мистрисъ Бофинъ, бросаю работу.

— Что, милая? отвѣчалъ Бофинъ, останавливаясь посреди комнаты.

— Прости меня, Нодди; но мнѣ кажется, что не слишкомъ ли ты строгъ былъ сегодня съ мистеромъ Роксмитомъ? Право, ты какъ-будто совсѣмъ измѣнился и не тотъ, что бывало.

— Надѣюсь, старуха, отвѣчалъ мистеръ Бофинъ весело, даже хвастливо.

— Какъ, надѣешься?

— Быть здѣсь такими, какъ мы были въ старину, не пристаю. Неужели ты этого еще не поняла? Быть такими, какъ мы были въ старину, значить — отдать себя въ добычу мошенникамъ и грабителямъ. Мы въ старину не имѣли состоянія, а теперь имѣемъ; это большая разница,

— Ахъ! промолвила мистрисъ Бофинъ, снова откладывая свою работу и тяжело вздыхая:—большая разница.

— И мы обязаны идти въ уровень съ переменной, продолжалъ золотой мусорщикъ: — мы не должны ударить лицомъ въ грязь—

вотъ что. Мы должны теперь вѣрно держать то, что имѣемъ, ибо всё силится опустить руку поглубже въ нашъ карманъ, а мы должны не забывать, что деньги дѣлаютъ деньги, точно такъ же какъ я все на свѣтѣ.

— А помнишь ли, Нодди, замѣтила мистрисъ Бофинъ, устремивъ глаза на каминъ: — какъ ты говорилъ мистеру Роксмигу, когда онъ въ первый разъ посѣтилъ насъ въ Павильонѣ, что еслибъ небу было угодно сохранить жизнь Джона Гармона, то мы бы совершенно довольствовались одной кучей, достававшейся намъ по наслѣдству, и никогда не желали бы большаго?

— Какъ же, я помню это, старуха; но вѣдь мы тогда еще не попробовали, что значить владѣть всѣми кучами. Мы еще тогда не примѣряли новыхъ башмаковъ, а они пришлось намъ какъ разъ впору. Мы носимъ ихъ теперь и должны выступать согласно новой обуви.

Мистрисъ Бофинъ молча принялась за работу.

— Что же касается до моего молодого человѣка, до Роксмита, продолжалъ мистеръ Бофинъ, понижая голосъ и бросая подозрительные взгляды на дверь, словно боясь, что его подслушиваютъ:— то онъ все равно, что лакей. Я нашель, что или господа должны ихъ прижимать, или они будутъ прижимать господъ. Если не обходишься съ ними свысока, то они не считаютъ васъ выше себя, особливо если имъ извѣстна ваша первоначальная жизнь. Вѣрь мнѣ, старая барыня, что надо принять на себя гордый видъ или совершенно пропадешь.

Белла взглянула изъ-подъ своихъ опущенныхъ рѣсницъ на золотого мусорщика, и на нѣбогда открытомъ, добромъ лицѣ его увидѣла ясныя слѣды подозрительности, скрытности, корыстолюбія.

— Однако, прибавилъ онъ:—этотъ разговоръ не долженъ быть интересенъ для мисъ Беллы. Не правда ли, Белла?

Хитрая Белла взглянула на него задумчивымъ взглядомъ, словно весь ея умъ былъ сосредоточенъ на ея книгѣ и она не слыхала ни слова изъ общаго разговора.

— А! Ты занята! Это, конечно, лучше, чѣмъ слушать нашу болтовню. Къ тому же, тебя-то нечего учить самоуваженію.

— Я надѣюсь, вы не считаете меня надменной, отвѣчала Белла, покраснѣвъ отъ комплимента.

— Нимало, моя милая. Но по мнѣ, это очень похвальная черта, что въ твои годы ты такъ хорошо знаешь свѣтъ, и на что бить. Ты совершенно права. Бей на деньги, милая моя. Деньги—лучшая цѣль въ жизни. Ты сдѣлаешь большія деньги твоей красотой и тѣми деньгами, которые мы съ мистрисъ Бофинъ будемъ имѣть удовольствіе тебѣ назначить въ приданое — такъ что ты

будешь жить и умрешь богатой. Вотъ лучшее положеніе для человѣка, и въ жизни и передъ смертію — быть богатымъ! торжественно прибавилъ золотой мусорщикъ.

Мистрисъ Бофинъ взглянула съ безпокойствомъ на своего мужа, и обернувшись къ Беллѣ, промолвила:

— Не обращай на него вниманія, моя милая.

— Чтò? воскликнулъ мистеръ Бофинъ:—не обращать на меня вниманія?

— Я не это хотѣла сказать, отвѣчала мистрисъ Бофинъ: — я только просила ее быть вполне увѣренной, что ты, несмотря на свои слова, остаешься добрымъ, благороднымъ человѣкомъ, ибо ты — лучший изъ людей; да, Подди, ты все же и всегда будешь лучшимъ изъ людей.

Она произнесла эти слова такимъ тономъ, точно онъ не соглашался съ нею, чего, конечно, ему никогда и въ голову не приходило.

— Чтò же касается до тебя, милая Белла, прибавила мистрисъ Бофинъ, все тѣмъ же безпокойнымъ голосомъ:—то онъ, право, какъ отецъ любить тебя, интересуется тобою, все равно, чтò бы ни говорилъ.

— Да, да! Все равно, чтò бы ни говорилъ! воскликнулъ Бофинъ:—я открыто въ этомъ сознаюсь. Ну, поцалуй меня, милая, и позволь мнѣ подтвердить слова моей барыни. Я очень тебя люблю и совершенно раздѣляю твои мысли; будь увѣрена, что мы вмѣстѣ съ тобою постараемся нажить для тебя богатства. Твое красивое личико (которымъ ты могла бы совершенно справедливо гордиться, хотя ты этого и не дѣлаешь) стоитъ много денегъ и ты обратишь его въ деньги. На эти деньги ты наживешь еще большія деньги. У твоихъ ногъ золотой клубокъ, который, ватаясь, все будетъ болѣе и болѣе увеличиваться. Ну, прощай, голубушка.

По какому-то странному случаю, Белла далеко не была такъ довольна увѣреніями и планами золотого мусорщика, какъ можно было бы ожидать. Прощаясь съ мистрисъ Бофинъ, она не могла не замѣтить безпокойства на лицѣ доброй женщины и очевиднаго желанія извинить своего мужа; Беллѣ сдѣлалось какъ-то странно неловко, и идя въ свою комнату, она спрашивала себя: «Зачѣмъ она старается его извинить? Точно это нужно? Все, чтò онъ говорилъ, я увѣрена, очень умно и справедливо. Я сама повторяю себѣ то же самое каждый день. Развѣ оно мнѣ теперь не нравится? Да, не нравится, и я осуждала его за эти слова, несмотря на то, что онъ мой благодѣтель. Чтò же значить это противорѣчіе?» спрашивала она себя, смотрясь въ зеркало.

Зеркало, храня торжественное молчаніе, не удостоило ее отвѣтомъ, и Белла долго не могла уснуть въ эту ночь, но не отъ одной бессонницы, какой-то гнетъ тяготилъ ее сердце. На другое утро она снова стала слѣдить за мрачнымъ облакомъ, ежеминутно увеличивавшимся на челѣ золотого мусорщика.

Съ нѣкотораго времени она постоянно сопутствовала ему въ его утреннихъ прогулкахъ по улицамъ и принимала участіе въ довольно странномъ препровожденіи времени. Проведя почти всю свою жизнь въ мрачной дырѣ, мистеръ Бофинъ теперь съ дѣтскимъ восторгомъ любилъ глазѣть въ окна магазиновъ, что составляло также большое счастье и его доброй женѣ. Впродолженіе многихъ лѣтъ они выходили на лондонскія улицы только по воскресеньямъ, когда магазины закрыты, и потому теперь, когда каждый день въ недѣлѣ былъ для нихъ праздникомъ—они находили огромное удовольствіе въ разсматриваніи блестящихъ, великолѣпныхъ, вѣчно обновляющихся выставокъ въ окнахъ магазиновъ. Мистеръ и мистрисъ Бофинъ смотрѣли на улицы точно какъ на театръ, гдѣ давали постоянно новыя, неизвѣстныя имъ пьесы, которымъ они съ дѣтскимъ восторгомъ рукоплескали. Но теперь, повидимому, все вниманіе мистера Бофина сосредоточивалось на книжныхъ лавкахъ, и притомъ на одномъ родѣ книгъ.

— Посмотри, милая, говорилъ Бофинъ, останавливая Беллу передъ каждымъ книжнымъ магазиномъ:—у тебя глаза отличные, и ты можешь читать издали. Посмотри, пожалуйста, и скажи мнѣ: нѣтъ ли тутъ какой книжки о скупыхъ.

Если отвѣтъ Беллы былъ утвердительный, то мистеръ Бофинъ тотчасъ стремительно бросался въ магазинъ и покупалъ указанную книгу. И все же, точно ничего не нашли, они отправлялись далѣе, отыскивали новый книжный магазинъ, и опять мистеръ Бофинъ говорилъ:

— Посмотри хорошенько, Белла, нѣтъ ли тутъ «Жизни Скупяго» или какойнибудь другой подходящей книги, жизни какихънибудь странныхъ, эксцентричныхъ людей, которые могли быть и скупыми.

Белла, получивъ такое приказаніе, со вниманіемъ разсматривала всѣ книги, выставленныя въ окнѣ, пока мистеръ Бофинъ пристально слѣдилъ за ее глазами. Какъ только она указывала пальцемъ на книгу, подъ названіемъ «Біографія эксцентричныхъ людей», «Анекдоты о странныхъ личностяхъ» или что-нибудь въ этомъ родѣ, лицо Бофина тотчасъ сіяло радостью и онъ бросался въ лавку. Ему было все равно до величины, достоинства и цѣны книги, благо бы только онъ надѣялся найти въ ней біографію

какогонибудь скупого — онъ тотчасъ покупалъ ее и тащилъ въ себѣ домой. Услыхавъ случайно отъ книгопродавца, что въ «Статистическомъ Ежегодникѣ» есть отдѣлъ, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія о характеристическихъ занатіяхъ людей, онъ купилъ всю коллекцію ихъ за нѣсколько лѣтъ, надѣясь непременно найдти тамъ богатую поживу; въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль онъ таскалъ къ себѣ «Ежегодники», томъ за томомъ, и когда эта работа кончилась и оказалась вполнѣ напрасной, онъ принялся съ еще большею жаждою за прежніе поиски.

Вскорѣ стало совершенно излишне говорить Беллѣ, чего исвать; она уже прямо подходила къ каждому книжному магазину и отыскивала нужную вещь. Утро за утромъ ходили они по улицамъ Лондона все съ одной и той же цѣлью, и такъ-какъ литература о скупыхъ не очень обильна, то, конечно, успѣхъ въ ихъ поискахъ относился къ неудачѣ какъ 1 къ 100. Несмотря на то, мистеръ Бофинъ не успокоивался и все съ прежнимъ увлеченіемъ охотился за скупыми. Всего замѣчательнѣе во всей этой исторіи было то, что Белла никогда не видала въ домѣ купленныхъ ими книгъ, и мистеръ Бофинъ съ своей стороны никогда не упоминалъ о ихъ содержаніи. Онъ, казалось, пряталъ своихъ скупыхъ такъ же бережно, какъ тѣ прятали деньги; какъ они жаждали денегъ и сохраняли ихъ въ тайнѣ, такъ и онъ жаждалъ ихъ самихъ и сохранялъ ихъ въ тайнѣ. Но не было никакого сомнѣнія, особливо для Беллы, что чѣмъ болѣе онъ доставалъ этихъ мрачныхъ книгъ, тѣмъ менѣе и неохотнѣе сталъ самъ выдавать деньги. Часто, когда онъ выходилъ изъ магазина, неся въ рукахъ описаніе жизни одного изъ такихъ сумасшедшихъ, Белла невольно содрогалась отъ сухой, отвратительной улыбки, искажавшей его лицо. Повидимому, мистрисъ Бофинъ ничего не знала о новомъ вкусѣ своего мужа; онъ самъ никогда не говорилъ объ этомъ иначе какъ съ Беллой, и то лишь во время ихъ утреннихъ прогулокъ, а Белла съ своей стороны не упоминала ничего изъ деловитости, чтобъ не измѣнить довѣрію, которое оказывалось ей, а также изъ опасенія причинить безпокойство бѣдной женщинѣ, огорченное лицо которой въ описанный нами случай не выходило изъ ея головы.

Между тѣмъ, пока все это происходило, мистрисъ Ламль сдѣлала важное открытіе, именно, что Белла имѣла на нее какое-то чарующее вліяніе. Сначала Ламли, представленныя Венерингами, посѣщали Бофиновъ только по важнымъ случаямъ, и мистрисъ Ламль не имѣла ни малѣйшаго понятія о чарующемъ вліяніи Беллы, но теперь она вдругъ сдѣлала это великое открытіе. — Это вліяніе необычайное, странное, удивительное, говорила она мистрисъ Бофинъ: — меня ужасно привлекаетъ красота, но это не то: я ни-

когда не могла устоять передъ изящными, граціозными манерами, но и это не то: тутъ что-то больше, что-то неизъяснимое. Нельзя разсказать или опредѣлить, какъ этотъ прелестный ребенокъ очаровалъ меня.

Прелестный ребенокъ, узнавъ объ этомъ отъ мистрисъ Вофинъ, которая чрезвычайно гордилась когда хвалили Беллу, очень естественно призналъ въ мистрисъ Ламль много вкуса и проникательности. Желая отплатить ей той же монетой, Белла начала обходиться съ мистрисъ Ламль чрезвычайно любезно, и тѣмъ дала возможность этой почтенной баринѣ такъ обойти себя, что вскорѣ сама почувствовала чарующее вліяніе Софроніи, хотя никогда не выражала этого чувства такъ восторженно, какъ пламенная мистрисъ Ламль. Какъ бы то ни было, онѣ стали такъ часто видаться, такъ близко подружиться, что впродолженіе нѣкотораго времени въ блестящихъ экипажахъ Бофиновъ гораздо чаще каталась Софронія, чѣмъ сама мистрисъ Вофинъ. Добрая женщина нимало не жаловалась на это предпочтеніе, а очень спокойно замѣчала, что мистрисъ Ламль гораздо болѣе товарищъ Беллѣ по годамъ, чѣмъ она, и притомъ она гораздо приличнѣе.

Хотя дружба Беллы Вильферъ съ Софроніей Ламль и походила на дружбу этой послѣдней съ Джорджіаной Подзнайтъ, но была одна большая разница: Беллѣ нечего было опасаться чарующаго вліянія Альфреда. Она очень не жаловала его и питала къ нему большое недовѣріе; даже—такова была ея сметливость и наблюдательность—она подозрительно смотрѣла и на самую Софронію, но изъ тщеславія поборола въ себѣ это чувство и замкнула его въ самомъ отдаленномъ уголѣ своего ума.

Мистрисъ Ламль приняла самое горячее участіе въ судьбѣ Беллы; съ жаромъ толковала она о томъ, какую выгодную партію ей надо сдѣлать, и увѣряла, что должна непременно показать своей очаровательной Беллѣ всѣхъ ея знакомыхъ богачей, которые бросятся тотчасъ къ ея ногамъ съ мольбою принять ихъ сердце и миліоны. Дѣйствительно, при первомъ удобномъ случаѣ, мистрисъ Ламль представила Беллѣ самаго приличнаго изъ пріятелей Альфреда, одну изъ тѣхъ хвастливыхъ, безпокойныхъ, мрачныхъ личностей, которыя вѣчно хлопотали на биржѣ по дѣламъ греческаго, испанскаго, индѣйскаго и мексиканскаго займовъ, и возмись съ дисконтомъ, преміями, акціями и т. д. Этотъ баринъ разсыпался въ любезностяхъ передъ Беллой, но такимъ тономъ, словно передъ нимъ было вѣчто, соединяющее въ себѣ и хорошенькую дѣвушку, и кровную лошадь, и модный кабриолетъ, и отличную сигару. Всѣ его старанія пропали даромъ,

даже всѣ прелести очаровательнаго Фледжеби не произвели никакого впечатлѣнія на Беллу.

— Я боюсь, милая Белла, сказала однажды мистрисъ Ламль, катаясь съ нею въ бофинскомъ экипажѣ:—что вамъ очень трудно понравиться.

— Я вовсе не ожидаю, чтобъ мнѣ ктонибудь понравился, милая, отвѣчала Белла, томно опуская глазки.

— Конечно, голубушка, замѣтила Софронія, съ улыбкой качая головой: — нелегко найти человѣка, который былъ бы вполне достоинъ васъ.

— Вопросъ не въ человѣкѣ, моя милая, отвѣчала Белла очень сухо:—а въ состояніи и положеніи въ свѣтѣ.

— Ахъ, голубушка, какія вы благоразумныя! право, я удивляюсь, гдѣ вы успѣли такъ хорошо изучить свѣтъ. Да, вы совершенно правы, для васъ главное—состояніе и положеніе въ свѣтѣ. Вы не можете выйти замужъ изъ дома мистера Бофина, за перваго встрѣчнаго, и потомъ, еслибы одна ваша красота, но такъ-какъ мистеръ мистрисъ Бофинъ...

— Ахъ, это уже давно рѣшено, перебила ее молодая дѣвушка.

— Какъ, неужели?

Оскорбленная тѣмъ, что мистрисъ Ламль подозрѣвала, не прибавила ли она, Белла рѣшилась не отступать.

— То-есть, поспѣшно объяснила она:—они мнѣ говорили, что намѣрены назначить мнѣ приданое, какъ усыновленному ребѣнку. Но, пожалуйста, не говорите никому объ этомъ.

— Сказать, повторила мистрисъ Ламль, какъ-бы не понимая, что это даже возможно:—сказать комунибудь!

— Я вамъ говорю это, мистрисъ Ламль, начала-было снова Белла, но та перебила ее.

— Называйте меня Софроніей, или мнѣ придется тоже звать васъ мисъ Вильферъ, голубушка моя Белла.

— О! возразила Белла съ нетерпѣніемъ:—хорошо. Такъ, Софронія, я вамъ могу сказать, что я убѣждена, что у меня нѣтъ сердца и такой вещи вообще нѣтъ на свѣтѣ, несмотря на всѣ пустяки, которыя кричатъ и проповѣдуютъ.

— Храбрая дѣвочка! промолвила мистрисъ Ламль.

— И такъ, продолжала Белла: — я вовсе не ищу, чтобъ мнѣ ктонибудь понравился, исключая, конечно, въ одномъ отношеніи.

— Но вѣдь ты не можешь запретить себѣ нравиться другимъ, Белла, замѣтила мистрисъ Ламль съ улыбкой: — вы не можете запретить, чтобы вашъ будущій мужъ восхищался и гордился вами. Вамъ, можетъ быть, все равно, нравитесь ли вы ему или нѣтъ, и нравится ли онъ вамъ или нѣтъ, но вы не можете за-

ставить себя не нравиться другимъ, это совершенно невозможно, и потому вопросъ въ томъ, нельзя ли такъ устроить, чтобы и вашъ мужъ вамъ нравился.

Грубая простота этой лести возбудила въ Беллѣ желаніе доказать ей, что она дѣйствительно нравилась, вопреки своему желанію. Она инстинктивно сознавала, что нехорошо дѣлаетъ и что ея откровенность можетъ въ послѣдствіи ей повредить, но мало она предчувствовала, какія именно будутъ послѣдствія отъ ея небдуманыхъ словъ.

— Не говорите лучше о томъ, что можно нравиться, нисколько этого не желая, сказала она:—ужь я довольно этого испытала.

— Ага! воскликнула мистрисъ Ламль:—значить, я угадала.

— Но, лучше не будемъ объ этомъ говорить, не спрашивайте меня ни о чемъ болѣе.

Ясно понимая, что это запрещеніе спрашивать значило въ сущности: пожалуйста, спроси—мистрисъ Ламль отвѣчала:

— Нѣтъ, милая Белла, скажите мнѣ непременно, какая это колючая вѣтвь прицѣпилась къ прелестному вашему платью, такъ-то вамъ трудно было страхнуть ее?

— Досадно, право, что этой колючкой нельзя гордиться, лучше не спрашивайте.

— Хотите, я догадаюсь?

— Никогда не догадаетесь. Что вы скажете, напримѣръ, про нашего секретаря?

— Какъ, вашъ секретарь, который лазаетъ себѣ вверхъ и внизъ по черной лѣстницѣ и никогда не показывается въ люди?

— Я не знаю, какъ онъ лазаетъ по чернымъ лѣстницамъ, презрительно отвѣчала Белла:—но очень простой причинѣ, что онъ никогда этого не дѣлаетъ. Что же касается до того, что онъ никогда не показывается въ люди, то я была бы этому очень рада, но увы, онъ слишкомъ часто бываетъ на виду. Какъ бы то ни было, я по несчастью понравилась ему и онъ имѣлъ дерзость мнѣ въ этомъ признаться.

— Но вѣдь онъ никогда не дѣлалъ прямого объясненія, Белла! воскликнула мистрисъ Ламль.

— Увѣрены ли вы въ этомъ, Софронія? отвѣчала Белла:—я, съ своей стороны, нисколько. Дѣло въ томъ, что я увѣрена въ совершенно-противоположномъ.

— Онъ долженъ быть сумасшедшій, замѣтила мистрисъ Ламль спокойно.

— Онъ, кажется, былъ въ ту минуту въ полномъ разумѣ и имѣлъ многое сказать въ свою пользу. Я объяснила ему, что думала о немъ, о его поступкахъ и объясненіи и прогнала его. Ко-

нечно, все это было мнѣ очень неприятно, и до сихъ поръ это для всѣхъ всѣхъ тайна, потому я надѣюсь, Софронія, что вы никому объ этомъ не расскажете.

— Я комунибудь рассказать! повторила мистрисъ Ламль съ ожесточеніемъ.

На этотъ разъ столько было искренности въ ея восклицаніи, что она нашла нужнымъ нагнуться и поцаловать Беллу. Поцалуи этотъ походилъ на поцалуи Иуды предателя, ибо вѣрно пожимая руку Беллы, она думала про себя: «Но теперь, когда ты себя выказала въ настоящемъ свѣтѣ надменная, бездушная дѣвчонка, взлелѣванная безумной глупостью мусорщика, мнѣ нечего жалѣть тебя. Если мой мужъ, подославшій меня къ тебѣ, захочетъ тебя сдѣлать жертвой какихънибудь низкихъ плановъ, то, конечно, я уже на этотъ разъ ему мѣшать не стану».

Въ эту самую минуту Белла думала съ своей стороны: «Отчего я всегда колеблюсь, всегда веду борьбу сама съ собою? Зачѣмъ я рассказала то, что, какъ я очень хорошо сознаю, должно было бы остаться тайною? Зачѣмъ я дружусь съ этой женщиной, когда сердце мнѣ шепчетъ не знаться съ нею?»

Эти же самыя вопросы она снова задала зеркалу, пріѣхавъ домой, и снова зеркало не дало ей никакого отвѣта. Быть можетъ, еслибъ она спросила у другого, лучшаго оракула, то результатъ былъ бы удовлетворительнѣе, но она этого не сдѣлала, и все, что могло отъ этого измѣниться, продолжало идти своимъ путемъ.

Продолжая слѣдить пристально за мистеромъ Вофиномъ, Белла очень занята была вопросомъ, слѣдить ли за нимъ также секретарь и видитъ ли въ немъ такую же перемѣну, какъ она? Вопросъ этотъ ей было очень трудно разрѣшить, ибо она очень мало имѣла теперь столкновеній съ мистеромъ Рокситомъ. Ихъ сношенія ограничивались только поддержкой приличій передъ мистеромъ и мистрисъ Бофинъ; если же когда случалось, что они оставались вдвоемъ, то секретарь тотчасъ уходилъ. Она часто тайкомъ смотрѣла пристально на его лицо, стараясь такимъ образомъ угадать его мысли, но всѣ ея усилія ни къ чему не приводили. Онъ, казалось, совершенно покорно переносилъ свою судьбу и обладалъ такой силой воли, что у него не двигался ни одинъ мускулъ лица, что бы ни говорилъ ему Вофинъ въ присутствіи Беллы, какъ бы ни выказывалъ себя въ дурномъ свѣтѣ. Слегка насушенные брови, означавшія только усиленное вниманіе, и вѣрно сжатія губы, быть можетъ, сдерживавшія презрительную улыбку — вотъ все, что она видѣла на этомъ лицѣ, холодномъ, неподвиж-

номъ, какъ-бы выточенномъ изъ мрамора. И это продолжалось утро за утромъ, день за днемъ, недѣля за недѣлей.

Всего же досаднѣе во всей этой исторіи было для Беллы то, что она, слѣдя за мистеромъ Бофиномъ, вѣчно слѣдила и за Роксмитомъ. Она себя за это очень упрекала, и постоянно, по нѣсколькx разъ въ день, задавала себѣ все одни и тѣ же вопросы: «Не заставить ли его *это* измѣнить хоть на минуту его выраженіе? Неужели *это* не производитъ на него никакого впечатлѣнія? Неужели онъ такъ низокъ, что продалъ самую свою натуру за двѣсти фунтовъ въ годъ?»

— «Отчего же и нѣтъ?» отвѣчала она сама себѣ повременамъ: «вѣдь и у другихъ, кромѣ него, все сводится къ вопросу о деньгахъ. Мнѣ кажется, и я продала бы себя, еслибъ дали хорошую цѣну».

И снова она начпнала думать о себѣ, снова предавалась внутренней борьбѣ.

Мало по малу выраженіе лица мистера Бофина начало замѣтно измѣняться, старинная простота и чистосердечіе теперь ступшевались какой-то маской хитрости. Даже въ его добродушной улыбкѣ было теперь что-то хитрое, словно онъ изучалъ улыбки скупыхъ по ихъ портретамъ. Исключая немногихъ случаевъ, когда онъ выходилъ изъ себя или проявлялъ свою неограниченную власть, онъ сохранялъ свое прежнее, веселое, добродушное расположеніе духа, но оно теперь какъ-то постоянно говорило о недовѣрїи и подозрительности; даже въ минуты шумной веселости, когда онъ хохоталъ во все горло и глаза его блестяли удовольствїемъ, онъ какъ-то странно охватывалъ себя руками, словно охраняя себя отъ вѣчно грозившихъ ему нападенїй.

Слѣдя постоянно за двумя лицами и сознавая вполне, что подобное занятїе должно было отражаться и на ея собственномъ лицѣ, Белла вскорѣ пришла къ тому убѣжденїю, что изъ всѣхъ ихъ у одной только мистрисъ Бофинъ выраженіе лица было естественное, чистосердечное, хотя и оно далеко не было столь покойное и счастливое, какъ бывало; нѣтъ, на немъ отражалось вѣрнымъ признакомъ горя и сожалѣнія каждая новая перемѣна въ золотомъ мусорникѣ.

— Роксмитъ, сказалъ однажды вечеромъ мистеръ Бофинъ, когда они всѣ по обыкновенїю сидѣли въ его комнатѣ и онъ провѣрялъ какїе-то счеты съ секретаремъ: — я слишкомъ много проживаю денегъ или, по крайней мѣрѣ, вы слишкомъ ихъ много расходуете для меня.

— Вы богаты, сэръ.

— Нѣтъ, нямало, отвѣчалъ Бофинъ.

Рѣзкій отвѣтъ этотъ почти прямо говорилъ въ лицо секретарю, что онъ лжетъ, но его лицо все же сохранило свое обыкновенное, неизмѣняемое ничѣмъ выраженіе.

— Я вамъ говорю, я небогатъ, продолжалъ Бофинъ: — и не хочу этого болѣе терпѣть.

— Вы небогаты, сэръ? повторилъ секретарь очень почти-тельно.

— Ну, если и богатъ, то это мое дѣло, возразилъ Бофинъ. — Я не намѣренъ расходовать столько денегъ для вашего или чьего бы то ни было удовольствія. Вамъ бы небось это не понравилось, еслибъ эти деньги были ваши.

— Даже въ этомъ случаѣ, совершенно невозможно, сэръ, я...

— Молчать! крикнулъ золотой мусорщикъ: — вамъ не должно это нравиться во всякомъ случаѣ. Ну, вотъ я и всплилъ; право, я не хотѣлъ вамъ сказать грубость, но вы вывели меня изъ терпѣнія, да и потомъ я здѣсь господинъ. Я, право, не хотѣлъ вамъ сказать, чтобъ вы замолчали, извините меня, и сдѣлайте одолженіе, не молчите, но только не поперечите мнѣ. Читали ли вы когда нибудь «Жизнь мистера Эльвса?» прибавилъ Бофинъ, неожиданно обращаясь къ своему любимому предмету.

— Знаменитаго скупца?

— Да, его называли скупымъ, но вѣдь злые языки чего не говорятъ. Читали ли вы когда нибудь его жизнь?

— Кажется.

— Онъ никогда не сознавался, что онъ богатъ, однако, онъ могъ бы меня купить со всѣмъ, что у меня есть, и все еще у него осталось бы болѣе моего. А слышали ли вы когда нибудь о Даниелѣ Дансерѣ?

— Другой знаменитый скупецъ!

— Да.

— Вотъ былъ такъ молодецъ, и онъ имѣлъ еще достойную себѣ сестру. Они никогда не называли себя богатыми, и, вѣроятно, еслибъ они въ этотъ признавались, то никогда не были бы такими богатыми.

— Ихъ жизнь и смерть были самыя несчастныя, не такъ ли?

— Нѣтъ, я этого не знаю, рѣзко отвѣчалъ Бофинъ.

— Такъ это не тѣ скупцы, о которыхъ я говорю. Тѣ были презрѣнные нег...

— Не ругайтесь, Роксмитъ, прервалъ его Бофинъ.

— Тѣ образцовые братъ и сестра жили и умерли въ самомъ презрѣнномъ и унижительномъ положеніи.

— Они были довольны, и я полагаю, что бдѣщаго они никогда не добились бы, еслибы и сорили своими деньгами. Ну, вагъ бы

10 ни было, я не намѣренъ бросать свои деньги на вѣтеръ. Уменьшите расходы. Дѣло въ томъ, Роксмитъ, что вы слишкомъ мало времени здѣсь бываете. Надо слѣдить зорко за всякой бездѣлицей, или вы доведете насъ до богадельни. Но не въ томъ дѣло теперь. Вы отказались отъ своей квартиры?

— Да-съ, по вашему указанію, сэръ.

— Такъ знаете ли, что я вамъ скажу, продолжалъ Бофинъ:— заплатите впередъ за треть и переѣзжайте прямо къ намъ, такъ чтобъ вы могли во всякое время дня и ночи наблюдать за всѣмъ въ видахъ пониженія расходовъ. Вы, конечно, поставите деньги за треть на мой счетъ, мы ихъ постараемся воротить какойнибудь экономіей. У васъ, кажется, есть прехорошенькая мѣбель?

— Да-съ, вся мѣбель въ моей комнатѣ—моя собственность.

— Значить, намъ не придется ничего покупать вамъ. Если же вы съ благородной совѣстливостью захотите себя успокоить и переведете свою мѣбель на мое имя, какъ-бы въ уплату за полученныя вами деньги, то-есть въ уплату за вашу квартиру, то не церемоньтесь и успокойте вашу совѣсть. Конечно, я этого не требую, но и не намѣренъ вамъ помѣшать, если вы сочтете это своимъ долгомъ. Что касается до комнаты, то выберите себѣ какую хотите въ верхнемъ этажѣ.

— Миѣ все равно, хоть первая попавшаяся, отвѣчалъ секретарь.

— Вы можете себѣ выбрать любую и не забывайте, что такимъ образомъ ваше жалованье увеличится восемью или десятью шиллингами въ недѣлю. Я не намѣренъ ихъ вычитать у васъ, но надѣюсь, что вы ихъ воротите съ лихвою значительнымъ уменьшеніемъ въ расходахъ. Ну, теперь если вы миѣ посвѣтите, то я пошелъ бы въ контору и продиктовалъ бы вамъ письма два.

Во время этого разговора Белла замѣтила на лицѣ доброй мистрисъ Бофинъ такіе ясные слѣды отчаянія, что она не смѣла взглянуть на нее, когда онѣ остались одни въ комнатѣ. Подъ предлогомъ, что она очень занята, Белла не подымала головы отъ своей работы и быстро водила иглой пока ея рука не была неожиданно остановлена вѣрнымъ пожатіемъ. Она чувствовала, какъ добрая, честная женщина поднесла ея руку къ своимъ губамъ, чувствовала какъ слеза омочила ее.

— О, милый мой Нодди! промолвила мистрисъ Бофинъ:— тяжело, грустно это видѣть и слышать! Но вѣрь миѣ, Белла, что, несмотря на всю эту перемѣну, онъ все же лучшій изъ людей.

Мистеръ Бофинъ возвратился въ эту самую минуту и воскликнулъ, смотря подозрительно на нихъ обѣихъ:

— Чтò это она тебѣ говорить, Белла?

— Васъ хвалить, сэръ.

— Меня хвалить? Да полно такъ ли? Не бранить ли скорѣе за то, что я защищаюсь всѣми силами отъ толпы грабителей, сляпшихся высосать изъ меня послѣднюю копейку?

Съ этими словами онъ подошелъ къ женѣ, и та, положивъ руки къ нему на плечо, грустно покачала головой.

— Ну вотъ, барыня, очень нужно, промолвилъ онъ довольно нѣжно.

— Я не могу видѣть тебя такимъ, Нодди, милый.

— Глупости! Помни, что мы не тѣ теперь, что были прежде. Помни, что мы должны жать, или насъ прижмутъ. Помни, что мы должны сохранять то, что имѣемъ, и никогда на забывай, что деньги дѣлаютъ деньги. А ты, Белла, дитя мое, не безпокойся: чѣмъ болѣе я сохранию, тѣмъ болѣе ты получишь.

Какъ хорошо для доброй женщины, подумала Белла, что она припала головой къ плечу горячо любимаго мужа и не видитъ его лица. Въ глазахъ его блестѣло столько коварной хитрости, что перемѣна, происшедшая въ немъ, казалась еще уродливѣе, еще отвратительнѣе въ нравственномъ отношеніи.

VI.

Золотой мусорщикъ попадаетъ еще въ худшее общество.

Въ послѣднее время мистеръ Сайлестъ Вегъ очень рѣдко являлся въ домъ баловня судьбы, а ожидалъ его въ павильонѣ въ извѣстные часы. Это распоряженіе очень не нравилось мистеру Вегу, ибо часы эти вышали на вечернее время, которое онъ считалъ самымъ удобнымъ для разработки дружескаго предпріятія. Но это совершенно въ характерѣ выскочки, замѣчалъ съ горечью Вегъ своему другу: совершенно естественно, что человекъ, вошедшій подъ свои ноги великія личности, мисъ Елисавету, мистера Джорджа, тѣту Анну и дядю Паркера, сталъ притѣснять теперь своего литературнаго человѣка.

Когда римская имперія окончательно выработала свое паденіе, мистеръ Бофинъ явился въ павильонъ съ древней исторіей Роллена, но этотъ почтенный трудъ сталъ скоро грозить слушателю летаргическимъ сномъ и вдругъ прервался въ ту самую минуту, когда армія Александра Македонскаго, числомъ въ 40,000 человекъ, неожиданно разразилась горькими воплями, узнавъ, что ихъ предводителя затрясла лихорадка послѣ купанія въ какой-то рѣкѣ. Войны евреевъ, также не имѣя успѣха подъ предводительствомъ Вега, были неожиданно прекращены, и мистеръ Бофинъ привезъ

въ кэбѣ Плутарха, жизнеописанія котораго ему очень пришлось по вкусу, хотя онъ и надѣялся, что Плутархъ не обидится, если онъ не всему будетъ въ немъ вѣрить. Но тутъ-то и явился самый трудный вопросъ: чему вѣрить и чему не вѣрить; долго онъ колебался между тремя путями, вѣрить ли ему всему или половинѣ или ничему; наконецъ, когда онъ даже рѣшился, какъ человѣкъ умѣренный, на среднюю мѣру, то все же оставался роковой вопросъ, которой половинѣ вѣрить? И черезъ этотъ послѣдній камень преткновенія, онъ, несмотря на всѣ свои усилія, никакъ не могъ перешагнуть.

Однажды, когда Сайлесъ Вегъ привыкъ уже къ ежедневному появленію своего покровителя въ кэбѣ въ обществѣ съ какимъ нибудь изысканнымъ историкомъ, который описывалъ нескончаемыя войны безчисленныхъ армій съ неизвѣстными народами, за крайними предѣлами географическаго міра, прошли назначенные часы и покровитель не явился. Продавъ еще лишнѣхъ полчаса, мистеръ Вегъ тихонько направился къ воротамъ и тамъ протяжно свиснулъ, давая тѣмъ знать мистеру Винесу, если таковой находился случайно вблизи, что онъ, Вегъ, дома и свободенъ. Въ ту же минуту изъ-за сосѣдней стѣны показалась фигура Винеса.

— Братъ по оружію, сказалъ Вегъ весело:—привѣтствую тебя!

Въ отвѣтъ на это Винесъ поздоровался съ нимъ нѣсколько холдно.

— Взойди, братъ, продолжалъ Сайлесъ, ударяя его по плечу:— и садитесь на свое мѣсто у камина, ибо, какъ говорить баллада:

Ты злобныхъ ковъ не бойся,
И жи, измѣны не страшися!
Очагъ сей правдой свѣтитъ
И чѣмъ-то веселитъ,
И чѣмъ-то руководитъ,
Но, право, позабылъ,
Но, право, позабылъ.

Съ этимъ поэтическимъ изліяніемъ, болѣе прелестнымъ по мысли чѣмъ по исполненію, мистеръ Вегъ проводилъ посѣтителя къ своему гостепріимному очагу.

— И вы походите, братъ, воскликнулъ Вегъ съ восторгомъ:— ужъ я, право, не знаю на что, но отъ вашего чела сіяегъ лучезарный свѣтъ.

— Какой свѣтъ? спрашиваетъ мистеръ Винесъ.

— Свѣтъ надежды, сэръ, отвѣчаетъ Сайлесъ.

Мистеръ Винесъ, казалось, усумнился въ этомъ предположеніи и съ неудовольствіемъ взглянулъ на огонь.

— Мы посвятимъ нашъ вечеръ, братъ, дальнѣйшей разработ-

кѣ дружескаго предпріятія, продолжалъ Сайлесъ:—а потомъ примемся и за бутылочку, прибавилъ онъ, стараясь быть какъ можно веселѣе и гостепріимнѣе, такъ-какъ онъ замѣтилъ, что Винесъ былъ въ очень дурномъ расположеніи духа.

— Что касается до разработки дружескаго предпріятія, замѣтилъ почтенный Винесъ, потирая волѣнки: — то я долженъ сознаться, что оно вовсе не разрабатывается.

— Братъ, отвѣчалъ торжественно Вегъ: — Римъ—городъ, начавшій близнецами и волчицей и окончившій императорскими мраморами, не былъ выстроенъ въ одинъ день.

— А развѣ я это говорилъ? спросилъ Винесъ.

— Нѣтъ, братъ, какъ вы ловко замѣчаете.

— Но, я говорю, продолжалъ Винесъ:—что меня оторвали отъ трофеевъ анатоміи и заставили возиться не съ человѣкомъ, а съ мусоромъ, и изъ этого ничего не выходитъ. Я думаю, что мнѣ придется бросить это дѣло.

— Нѣтъ, сэръ, воскликнулъ съ энтузіазмомъ Сайлесъ:—нѣтъ!

Впередъ, Честеръ, впередъ!

Впередъ, мистеръ Винесъ, впередъ!

Никогда не говорите этого, сэръ! Никогда!

— Мнѣ рѣшительно все равно чтò говорить, но я не хочу дѣлать, отвѣчалъ Винесъ:—я не могу такъ терять времени и безъ толку возиться въ мусорѣ.

— Но, подумайте, сэръ, какъ мало времени вы посвятили на разработку дружескаго предпріятія, возразилъ Вегъ: — сдѣлайте итогъ всѣмъ вечерамъ, которые вы употребили на это дѣло, и посмотрите, чтò выйдетъ? И подумать, что вы, которые разделяете всѣ мои понятія, чувства и мнѣнія—вы, которые имѣете терпѣніе нанизать на проволоку цѣлаго человѣка—вы такъ скоро бросите наше дѣло!

— Мнѣ не нравится оно, отвѣчалъ мистеръ Винесъ мрачно, и опустивъ голову взбилъ свои запыленные волосы.—И потомъ ничто не поощряетъ насъ продолжать.

— И эти горы не поощряютъ васъ къ дальнѣйшимъ трудамъ! Эти горы, чтò смотрятъ на насъ! торжественно произнесъ Вегъ, указывая рукой на мусорныя кучи, виднѣвшіяся въ окно.

— Онѣ слишкомъ велики, возразилъ нахмурившись мистеръ Винесъ:—чтò значитъ для нихъ, если мы пороемся въ одномъ мѣстѣ, да посребремъ въ другомъ? Да въ тому же, чтò мы нашли?

— Чтò мы нашли? воскликнулъ Вегъ, очень довольный, что онъ наконецъ могъ согласиться со своимъ другомъ:—я совершенно со-

гласенъ, товарищъ—ничего. Но что мы можемъ найти? Вы должны согласиться со мною, что—*все*.

— Я не люблю этого дѣла, снова возразилъ мистеръ Винсъ:— я принялся за него, не подумавъ хорошенько. А вѣдь поразмыслите. Не знаетъ ли эти кучи лучше насъ съ вами самъ мистеръ Бофинъ? Не былъ ли онъ близко знакомъ съ покойникомъ, съ его нравомъ и привычками? И все же выказалъ ли онъ хоть разъ надежду найти чтонибудь въ этихъ кучахъ?

Въ эту минуту на улицѣ раздался шумъ экипажа.

— Я не думаю, чтобъ онъ уже дошелъ до того, чтобъ прѣхать въ такой поздній часъ ночи, воскликнулъ Сайлесъ съ видомъ терпѣливой жертвы:—но это, кажется, онъ.

У воротъ раздался звонокъ.

— Это онъ, промолвилъ Вегъ:—ну, признаюсь, я не ожидалъ, чтобъ онъ былъ способенъ на такую штуку, и право мнѣ это очень жаль, ибо я желалъ бы сохранить хоть тѣнь уваженія къ нему.

— Эй, Вегъ! раздался голосъ Бофина за воротами.

— Оставляйтесь на своемъ мѣстѣ, мистеръ Винсъ, сказалъ поспѣшно Вегъ:— онъ, можетъ быть, ненадолго. — Иду, сэръ! Иду, закричалъ онъ во все горло, выбѣгая къ воротамъ съ фонаремъ въ рукахъ.— Подождите минутку, мистеръ Бофинъ! Я лечу, какъ только позволяетъ мнѣ моя нога!

Отворивъ ворота съ веселымъ, радостнымъ видомъ, Сайлесъ увидѣлъ сквозь окно кэба мистера Бофина, заваленнаго со всѣхъ сторонъ книгами.

— Помогите, Вегъ, воскликнулъ мистеръ Бофинъ, взволнованнымъ голосомъ:—я не могу тронуться, пока вы не очистите мнѣ немного мѣста. Это «Статистическій Ежегодникъ», а вонъ тамъ Музей рѣдкостей—Кирби, «Замѣчательныя личности»—Кальфильда и Вильсона. И ужъ какія личности-то, я вамъ скажу! Надо вамъ выбрать штуки двѣ изъ лучшихъ и прочитатъ сегодня же. Просто удивительно, куда они, голубчики, ухитрились запрятать свои грѣхи. Вонъ, возьмите ту кучу книгъ, или дверца отворится и я выпаду въ грязь. Да нѣтъ ли когонибудь вамъ помочь?

— У меня сидитъ одинъ пріятель, который пришелъ провести со мною вечеръ, такъ-какъ я уже не надѣялся имѣть счастье васъ видѣть сегодня.

— Позовите его, воскликнулъ мистеръ Бофинъ:— пускай онъ поможетъ, да не уроните книги, что у васъ въ рукахъ. Это Дансеръ. Онъ съ сестрою питался однажды пирогами изъ падали, которую они нашли на дорогѣ. Гдѣ вашъ пріятель? А вотъ онъ!

Сдѣлайте одолженіе, помогите намъ перенести эти книги въ домъ. Но не берите Джеми Тейлора и Джеми Вуда. Я ихъ понесу самъ.

Мистеръ Бофинъ не переставалъ говорить и суетиться, пока наконецъ книги не были уложены рядами на полу и взбѣ отпущенъ.

— Ну, вотъ они теперь всѣ тутъ рядышкомъ, съ восторгомъ произнесъ мистеръ Бофинъ, пожирая глазами свои сокровища.— Достаньте свои очки, Вегъ, и я вамъ укажу, гдѣ найти самого лучшаго человѣчка, такъ что мы сразу поймемъ всю прелесть этихъ книгъ. А какъ зовутъ вашего друга?

Вегъ тотчасъ представилъ своего друга.

— А! мистеръ Винесъ! воскликнулъ Бофинъ:—изъ Клеркенвела?

— Да, сэръ, отвѣчалъ Винесъ.

— Я объ васъ много слышалъ, продолжалъ тѣмъ же взволнованнымъ тономъ Бофинъ:— во времена старика. Вы его хорошо знали. А покупали вы у него чтонибудь? вдругъ спросилъ онъ съ необычайной живостью.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ Винесъ.

— Но онъ вамъ показывалъ нѣкоторыя вещи, не правда ли?

Мистеръ Винесъ, перемигнувшись съ своимъ пріателемъ, отвѣчалъ утвердительно.

— Чтѣ же онъ вамъ показывалъ? спросилъ съ пламеннымъ любопытствомъ мистеръ Бофинъ:—ящики, шкатулки, бумажники или какойнибудь свертокъ, завязанный, запечатанный?

Мистеръ Винесъ покачалъ головой.

— Вы знатокъ въ фарфорѣ?

Мистеръ Винесъ снова покачалъ головой.

— Я это спрашиваю потому, что если онъ вамъ показывалъ когданибудь чайникъ, то я очень радъ былъ бы это узнать, продолжалъ Бофинъ.—Сказавъ это, онъ приложилъ правую руку къ губамъ и очень задумчиво повторилъ нѣсколько разъ:— чайникъ! чайникъ! При этомъ онъ такъ пристально глядѣлъ на книги, разложенныя на полу, словно въ нихъ было нѣчто очень интересное, касательно чайниковъ.

Мистеръ Вегъ и Винесъ посмотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ, и Сайлесъ, надвывая очки, значительно взглянулъ черезъ нихъ и хлопнулъ себя рукой по носу, въ знакъ того, что надо держать ухо востро.

— Чайникъ, чайникъ, снова повторилъ Бофинъ, продолжая глядѣть съ любовью на книги:—ну, что жъ вы готовы, Вегъ?

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ, отвѣчалъ почтенный джентльменъ, занимая свое обычное мѣсто у стола и пряча подъ него свою ногу:—мистеръ Винесъ, будьте такъ добры, присядьте подлѣ меня и окажите намъ услугу, снимая со свѣчей.

Винсъь тотчасъ исполнилъ желаніе своего друга, который сильно толкнулъ его ногой, чтобъ обратить все его вниманіе на мистера Бофина, задумчиво стоявшаго у камина между двухъ свамеекъ, на которыхъ помѣщались наши друзья.

— Гм! Гм! произнесъ Вегъ, чтобъ обратить на себя вниманіе Бофина:—съ чего прикажете начать?

— Какъ называется эта книга, Вегъ? спросилъ Бофинъ, доставъ изъ своего бокового кармана маленькую книжонку и осторожно подавая ее своему литературному человѣку.

— Это—сэръ, отвѣчалъ Сайлесъ, открывая заглавный листокъ:— «Жизнеописанія знаменитыхъ свуцтовъ». Мистеръ Винсъь, сдѣлайте одолженіе, подвиньте свѣчки, прибавилъ Вегъ, и пользуясь этимъ случаемъ, взглянулъ съ изумленіемъ на своего товарища.

— О комъ изъ нихъ тутъ писано? спросилъ мистеръ Бофинъ:— вы можете это найти?

— Да, сэръ, отвѣчалъ Сайлесъ, отыскивая оглавленіе. — О, да тутъ, я думаю, они всѣ описаны, порядочная коллекція — вотъ Джонъ Оверсъ, Джонъ Литль, Дикъ Джарель, Джонъ Эльвсъ, пасторъ Джонсъ, Даниель Дансеръ...

— Ну-ка Дансера, Вегъ, прервалъ его мистеръ Бофинъ.

Бросивъ еще разъ удивленный взглядъ на Винеса, Сайлесъ отыскалъ нужную страницу.

— Глава восьмая. Содержаніе. «Его рожденіе и состояніе. Его одежда и внѣшній видъ. Мисъ Дансеръ и ея красота. Замокъ скупца. Находка влады. Исторія о пирогахъ изъ падали. Мысли скупца о смерти. Бобъ, собака скупца. Грифитъ и его господинъ. Какъ ставить копейку ребромъ? Чѣмъ замѣнить огонь? Преимущества табакерки. Скупецъ умираетъ безъ рубашки. Сокровища, скрытыя въ навозной кучѣ...»

— Что? Что? воскликнулъ Бофинъ.

— Сокровища, скрытыя въ навозной кучѣ, повторилъ очень явственно Сайлесъ.—Мистеръ Винсъь, сдѣлайте одолженіе, снимите со свѣчки, прибавилъ онъ только для того, чтобъ имѣть возможность произнести шопотомъ—*мусорной!*

Мистеръ Бофинъ подвинулъ къ камину кресло, и усѣвшись въ него, произнесъ, потирая руки:

— Ну-ка, послушаемъ про Дансера.

Мистеръ Вегъ началъ читать біографію этого замѣчательнаго человѣка; мнѣновавъ всѣ различныя фазисы скупости, смерть мисъ Дансеръ, долго питавшейся однимъ холоднымъ пудингомъ, и смерть мистера Дансера, который согрѣвалъ себѣ обѣдъ тѣмъ, что садился на него и умеръ голый, Вегъ продолжалъ:

«— Домъ, или лучше, груда развалинъ, въ которыхъ жилъ

мистеръ Дансеръ, досталась послѣ его смерти капитану Гольмсу. Это было самое несчастное жилище, ибо оно не поправлялось въ продолженіе полулѣтѣа».

Тутъ Вегъ взглянулъ на своего друга и на стѣны комнаты, которая также не видала поправокъ уже многіе годы.

«— Но хотя нищенское по вѣншему виду, это жилище скрывало внутри огромныя богатства. Нѣсколько недѣль потребовалось для того, чтобъ отыскать все, что находилось въ этомъ домѣ, и капитанъ Гольмсъ считалъ очень пріятнымъ занятіемъ эти поиски тайныхъ кладовъ».

Вегъ повторилъ «тайныхъ кладовъ» и толкнулъ ногой своего пріятеля.

«— Одной изъ самыхъ полныхъ шкатулокъ мистера Дансера, оказалась навозная куча на скотномъ дворѣ, гдѣ нашли до двухъ тысячъ пятисотъ фунтовъ. Также въ одной старой фуфайкѣ, старательно свернутой и приколоченной внутри ясель въ конюшнѣ, открыли до пятисотъ фунтовъ золотомъ и банковыми билетами».

Вегъ снова толкнулъ ногой мистера Винеса, но такъ сильно, что тотъ привскочилъ.

«— Найдено было также нѣсколько горшковъ, полныхъ монетами, и въ углахъ дома между досками вытаснено нѣсколько свертковъ банковыхъ билетовъ. Нѣкоторые изъ нихъ засунути были въ трещины стѣнъ».

Тутъ мистеръ Винесъ взглянулъ пристально на стѣны.

«— Свертки такіе же были спрятаны подъ подушками кресель и зашиты въ нихъ».

Винесъ подозрительно взглянулъ подъ свою скамейку.

«— Нѣсколько банковыхъ билетовъ преспокойно лежали въ концѣ отверстій для ящиковъ, а на шестьсотъ фунтовъ найдено ихъ было въ старинномъ чайникѣ. Трубы также не оставили безъ подробнаго осмотра, и онѣ съ лихвой заплатили за всѣ хлопоты, ибо въ сажѣ отыскано до двухсотъ фунтовъ различными монетами».

Въ эту минуту чтеніе было прервано самымъ неожиданнымъ образомъ. Вегъ такъ высоко поднялъ свою деревянную ногу и такъ сильно толкнулъ рукой въ бокъ Винеса, что потерялъ равновѣсіе и упалъ на своего друга. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ ни тотъ, ни другой не могли очнуться отъ нашедшаго на нихъ столбняка.

Увидавъ, однако, что мистеръ Вофинъ попрежнему, ничего не замѣчая, покачивается въ своемъ креслѣ, устремивъ глаза на огонь, Вегъ сдѣлалъ страшное усиліе и приподнявшись самъ,

приподнял и своего бѣднаго друга. Чтобъ скрыть все это отъ Бофина, онъ сильно раскашлялся, словно это заставило его прекратить чтеніе.

— Ну-ка, еще, сказалъ Бофинъ съ жадностью голоднаго человѣка.

— Слѣдующій Джонъ Эльвсъ, сэръ. Желаете вы Джона Эльвса?

— Да, отвѣчалъ Бофинъ:— послушаемъ, что дѣлалъ Джонъ.

Оказалось, что этотъ скупой ничего не пряталъ въ потаенныхъ мѣстахъ, и потому его жизнь была прочитана безъ большого интереса. Потомъ слѣдовала примѣрная барыня, по имени Вилькокъ, которая сохранила свои деньги въ маленькой банкѣ, вложенной въ *футляръ отъ часовъ*, въ свою очередь скороненный подъ лѣстницей—эта барыня нѣсколько поддержала охладѣвшій интересъ. Затѣмъ на сцену явились еще двѣ барыни: одна, прикидывавшаяся нищей, и по смерти которой нашли огромную сумму денегъ, зашитыхъ въ лохмотьяхъ, и другая, торговавшая яблоками, оставившая послѣ себя десять тысячъ фунтовъ, спрятанныхъ подъ поломъ. Этихъ барынь смѣнилъ какой-то французъ, который изловчился записать въ трубу камина большой чемоданъ съ огромнымъ количествомъ драгоценныхъ камней и золотыхъ монетъ, всего на двадцать тысячъ фунтовъ, и, наконецъ, Вегъ пришелъ къ слѣдующему примѣру человѣческой сороки-воровки:

«— Много лѣтъ тому назадъ жилъ въ Кэмбриджѣ одинъ скупой и скупая, по имени мистеръ и мистрисъ Джардинъ; они имѣли двухъ сыновей, и по смерти отца найдено было въ его постели, зашитыхъ въ матрасъ, тысяча гней. Оба сына стали такими же скупыми и на двадцатомъ году отроду открыли лавку въ Кэмбриджѣ, которую и содержали до своей смерти. Эта лавка была извѣстна, какъ самая грязная во всемъ городѣ; никто у нихъ ничего не покупалъ, развѣ только иногда заходили изъ любопытства. Оба брата были на взглядъ отвратительны донельзя, ибо хотя ихъ окружали нарядныя матеріи въ лавкѣ, они сами ходили въ самыхъ грязныхъ лохмотьяхъ. Говорятъ, что они изъ экономіи не имѣли постели, а спали на товарныхъ тюкахъ въ лавкѣ. Что касается до ихъ ѣды, то они въ продолженіе двадцати лѣтъ не видывали куска мяса. И, несмотря на все это, когда старшій изъ нихъ умеръ, то младшій былъ очень удивленъ найдя большую сумму денегъ, которую тотъ съумѣлъ спрятать даже отъ него.

— Вотъ! воскликнулъ Бофинъ:—каково, ихъ было двое и то одинъ изъ нихъ съумѣлъ скрыть отъ другого.

Мистеръ Винсъ, который со времени разказа о французѣ нагнулся и пристально засматривалъ въ трубу камина, обратилъ

особенное вниманіе на послѣднюю фразу Бофина и даже взялъ на себя смѣлость повторить ее.

— Вамъ это нравится? спросилъ вдругъ Бофинъ, поворачиваясь къ нему.

— Простите, сэръ, что вы изволили сказать?

— Я спрашиваю, нравится ли вамъ то, что читалъ Вегъ?

Мистеръ Винесъ отвѣчалъ, что онъ нашелъ это чтеніе очень интереснымъ.

— Такъ приходите и въ другой разъ, сказалъ мистеръ Бофинъ:—приходите послѣ-завтра, но пораньше. А тутъ есть, что послушать—этихъ личностей безъ конца.

Мистеръ Винесъ съ благодарностью принялъ приглашеніе.

— Удивительно, сколько вещей скрываютъ, замѣтилъ Бофинъ задумчиво:—просто удивительно.

— Разумѣя подъ этимъ, сэръ, деньги? замѣтилъ Вегъ, желая вывѣдать какъ можно болѣе отъ мистера Бофина.

— Да, деньги, отвѣчалъ мистеръ Бофинъ:—и бумаги.

Мистеръ Вегъ снова перекосялся на бокъ и едва не упалъ на Винеса, но тотчасъ поправился.

— Вы сказали, что и бумаги прятали, сэръ? спросилъ онъ.

— Прятали и потомъ забывали, отвѣчалъ Бофинъ:—да вотъ книгопродавецъ сказалъ мнѣ, что въ Музеѣ рѣдкостей... да гдѣ же Музей рѣдкостей?

И съ этими словами онъ поспѣшно опустился на колѣна и сталъ перебирать книги, разложенныя на полу.

— Не могу ли я вамъ помочь, сэръ? спросилъ Вегъ.

— Нѣтъ, я нашелъ уже, вотъ она, отвѣчалъ Бофинъ, доставая одну изъ книгъ и сдувая съ нея пыль:—это четвертый томъ, я очень хорошо помню, что книгопродавецъ прочелъ мнѣ этотъ рассказъ изъ четвертаго тома. Поищите, Вегъ.

Сайлесъ взялъ книгу и сталъ перевертывать страницы.

— Замѣчательный случай оцѣпененія, сэръ?

— Нѣтъ, это не то, отвѣчалъ Бофинъ:— это не могло быть оцѣпененіемъ.

— Жизнь генерала Джона Рида, прозваннаго Блуждающимъ Огонькомъ? Съ портретомъ, сэръ?

— Нѣтъ, все не то.

— Исторія о господинѣ, проглотившемъ золотую монету, сэръ?

— Чтобъ скрыть ее? поспѣшно спросилъ Бофинъ.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ Сайлесъ, пробѣжавъ страницу:— это была чистая случайность. А вотъ должно быть то, что мы ищемъ: «Удивительная находка завѣщанія, пропадавшаго въ продолженіе двадцати-одного года».

— Это, это самое! воскликнулъ Бофинъ: — читайте поскорѣе.

«— Очень странное, удивительное дѣло было рѣшено на послѣднихъ ассизахъ въ Мариборо, въ Ирландіи. Оно заключалось въ слѣдующемъ: Робертъ Болдвинъ сдѣлалъ завѣщаніе въ мартѣ 1782 г., по которому онъ раздѣлилъ свои земли, за владѣніе которыми теперь тягнутся, дѣтямъ своего младшаго сына; вскорѣ послѣ этого онъ лишился своихъ умственныхъ способностей и умеръ осьмидесяти лѣтъ отроду, впадъ въ совершенное дѣтство. Тенерешній отвѣтчикъ, старшій сынъ его, объявилъ, что старикъ уничтожилъ свое завѣщаніе и потому, на основаніи законовъ, вступилъ во владѣніе землями, и владѣлъ ими впродолженіе двадцати-одного года. Но по истеченіи этого времени умерла жена отвѣтчика, и онъ вскорѣ, несмотря на свои семьдесятъ-восемь лѣтъ, женился на очень молодой дѣвушкѣ, чему очень противились его два сына; эти неудовольствія между дѣтьми и отцомъ дошли до того, что онъ, въ порывѣ своего гнѣва, написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ старшаго сына лишилъ наслѣдства. Но онъ до того увлекся своимъ гнѣвомъ, что показалъ это завѣщаніе своему сыну, который, рѣшившись во что бы то ни стало уничтожить этотъ документъ, сломалъ шпатулку отца, но, къ своему великому удивленію, нашелъ не завѣщаніе отца, которое искалъ, но завѣщаніе дѣда, о которомъ всѣ въ семействѣ уже давно позабыли».

— Вотъ! воскликнулъ Бофинъ:—какіе бываютъ случаи. Люди прячутъ вещи, да потомъ и забываютъ, вѣрятъ что нибудь уничтожить и не дѣлаютъ этого! Уди...ви...тельно! прибавилъ онъ протяжно и окинулъ взглядомъ всю комнату.

Его примѣру послѣдовали Вегъ и Винесъ и также внимательно обвели глазами комнату. Послѣ этого Вегъ устремилъ свои глаза на Бофина такъ пристально, словно онъ хотѣлъ броситься на него съ угрозою убить его, если тотъ не откроетъ все, что знаетъ или думаетъ.

— Однако, уже поздно, промолвилъ Бофинъ послѣ нѣкотораго молчанія:—мы побольше прочитаемъ послѣ-завтра. Книги вы хорошо разставите на полкахъ, Вегъ; вѣроятно, мистеръ Винесъ будетъ такъ добръ, что поможетъ вамъ.

Говоря это, онъ сунулъ руку въ боковой карманъ своего пальто и, послѣ долгихъ усилій, вынулъ, къ величайшему удивленію обоихъ друзей, маленький глухой фонарь, очень старый и истертый. Не обращая никакого вниманія на ихъ изумленіе, Бофинъ поставилъ себѣ фонарь на колѣни, вынулъ спичечницу, зажегъ спичку, потомъ свѣчу въ фонарь и бросилъ кончикъ спички въ каминъ.

— Я пройдуся, Вегъ, по двору, сказалъ онъ:—мнѣ васъ вовсе не нужно. Мы съ этимъ фонаремъ сотни и тысячи разъ дѣлали подобныя обходы.

— Но я, право, не могъ думать... никакъ не могъ... началъ-было очень учтиво Вегъ, но Бофинъ, который уже въ это время подошелъ къ дверямъ, остановилъ его.

— Я уже вамъ сказалъ, Вегъ, что вы мнѣ вовсе не нужны.

Вегъ задумался, словно онъ не сразу понялъ смыслъ этихъ словъ, но ему ничего не оставалось сдѣлать, какъ выпустить молча мистера Бофина и закрыть за нимъ дверь. Не уснѣвъ, однако, онъ это исполнить, какъ схватилъ Винеса обѣими руками и произнесъ задыхающимся шопотомъ, словно его кто нибудь душилъ:

— Мистеръ Винесъ, за нимъ надо слѣдить, его надо караулить, его не надо выпускать изъ глазъ ни на минуту.

— Отчего не надо? спросилъ Винесъ, также едва перевода духъ.

— Товарищъ, вы могли замѣтить, входа сюда сегодня вечеромъ, что я былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Я нашелъ что-то.

— Чтò вы нашли? спросилъ Винесъ, схватывая его также обѣими руками, такъ-что они теперь представляли группу двухъ сдѣпившихся гладиаторовъ.

— Теперь не время говорить. Я полагаю, что онъ пошелъ именно искать то, чтò я нашелъ. Мы должны тотчасъ идти за нимъ.

Выпустивъ другъ друга изъ своихъ мощныхъ объятій, они тихонько подкрались въ двери, открыли ее безъ малѣйшаго шума и очутились на дворѣ. Ночь была темная, и громадная тѣнь, бросаема мусорными кучами, увеличивала еще общій мракъ.

— Если онъ сюда пришелъ не съ дерзкой цѣлью, то зачѣмъ же глухой фонарь? шепнулъ Сайлесъ на ухо своему товарищу:— будь это обвиненный, то мы бы легко увидѣли все, чтò онъ дѣлаетъ. Тихонько, сюда.

И оба друга очень медленно, осторожно слѣдовали за мистеромъ Бофиномъ по узенькой тропинкѣ, усѣянной по сторонамъ черепками разбитой посуды. Они слышали очень явственно, какъ онъ бѣжалъ передъ ними своей любимой рысдой, какъ хрустѣлъ угольный мусоръ подъ его ногами.

— Онъ знаетъ эти мѣста нанзустъ, промолвилъ Сайлесъ:— ему ненужно и фонаря поворачивать, провлятому!

Но въ эту самую минуту Бофинъ навелъ свѣтъ фонаря на первую изъ мусорныхъ кучъ.

— На этомъ мѣстѣ? спросилъ шопотомъ Винесъ.

— Да, близко, отвѣчалъ Сайлесъ:—должно быть, онъ заѣтимиъ пришесть. Но что это у него въ рукахъ?

— Заступъ, отвѣчалъ Винесъ:—и онъ умѣеть съ нимъ обходиться въ тысячу разъ лучше любого изъ насъ.

— Если онъ будетъ искать и найдетъ, что намъ дѣлать? замятилъ Вегъ.

— Прежде всего, подождемъ и посмотримъ, отвѣчалъ Винесъ.

Этотъ совѣтъ былъ очень разумный, ибо Бофинъ вскорѣ отвернулъ свой фонарь въ другую сторону и перешелъ ко второй кучи; тогда онъ снова освѣтилъ пространство передъ собою и сталъ такъ высоко приподнимать фонарь, словно хотѣлъ обозрѣть однимъ взглядомъ всю поверхность кучи.

— Не можеть же быть, чтобъ и это было данное мѣсто, сказалъ Винесъ.

— Нѣтъ, онъ теперь далеко, отвѣчалъ Вегъ.

— Мнѣ кажется, что онъ старается узнать, не возилса ли кто въ этихъ кучахъ.

— Тише! возразилъ Вегъ:—онъ удаляется все болѣе и болѣе. Ну, совсѣмъ чутье потерялъ!

Это восклицаніе вырвалось изъ груди Вега, когда фигура Бофина показалась у подножія третьей кучи.

— Онъ взбирается на нее! произнесъ Винесъ.

— Да и съ заступомъ! подхватилъ Вегъ.

Скорой рысью—словно заступъ, лежавшій у него на плечѣ, придавалъ ему новыя силы, воскрешая старинныя воспоминанія—мистеръ Бофинъ взобрался наверхъ кучи по извилистой дорожкѣ, о которой онъ говорилъ Сайлесу при самомъ началѣ ихъ знакомства. При этомъ онъ отвернулъ фонарь, но наши друзья все же слѣдовали за нимъ, сгибаясь въ дугу, чтобы ихъ фигуры не обрисовались на фонѣ неба, когда онъ направитъ лучъ свѣта на кучу. Мистеръ Винесъ шелъ впередъ и тащилъ на буксирѣ за собою Вега, чтобъ имѣть возможность вытянуть его деревянную ногу изъ всякой трещины, въ которую она провалится.

Вотъ золотой мусорщикъ остановился, чтобъ перевести духъ, и они сдѣлали то же.

— Это его собственная куча, шепнулъ Вегъ своему товарищу.

— Да вѣдь онѣ всѣ три—его, возразилъ Винесъ.

— Такъ онъ думаетъ; но онъ потому называетъ ее своею, что она ему оставлена, даже и въ томъ случаѣ, когда все состояніе перейдетъ прямому наслѣднику.

— Когда онъ повернетъ фонарь, сказалъ Винесъ, пристально

слѣдя за фигурой Бофина:—нагнись пониже и держись во мнѣ поближе.

Бофинъ шелъ все далѣе вверхъ по кучѣ, и они слѣдовали за нимъ. Достигнувъ верха, онъ поставилъ на землю фонарь подлѣ голаго шеста, съ давнихъ временъ торчавшаго тутъ посреди окружающаго мусора. Фонарь освѣщаль нижнюю часть шеста, окружающую поверхность кучи, и бросалъ совершенно бесполезную полосу свѣта на воздухъ.

— Онъ не станетъ же вырывать шеста! шепнуть Винесъ, когда они согнулись въ дугу, и вѣрно прижались другъ къ другу.

— Пожалуй, онъ выдолбленъ и чѣмъ-нибудь наполненъ, отвѣчалъ Вегъ.

Съ какой-бы то ни было цѣлью, но Бофинъ, дѣйствительно, принялся копать, передъ тѣмъ, какъ слѣдуетъ, засучивъ рукава и поплевавъ на руки. Онъ не имѣлъ никакихъ видовъ на шестъ, а только отсчиталъ отъ него разстояніе, равное длинѣ засова, точно также онъ нимало не намѣревался копать глубоко. Ему совершенно достаточно было съ дюжину ловкихъ ударовъ. Послѣ этого, онъ посмотрѣлъ въ углубленіе, нагнулся, и вынулъ изъ него обыкновенную несесерную стѣлянку, плоскую, широкую, съ узенькимъ горлышкомъ. Покончивъ съ этимъ, онъ повернулъ фонарь, и сталъ въ темнотѣ засыпать сдѣланное отверстіе. Наши друзья-шпіоны тотчасъ поняли, что имъ пора убраться, и мистеръ Винесъ побѣжалъ внизъ первый, потащивъ за собой внизъ на бусирѣ и Вега. Но этотъ спускъ подъ гору не обошелся для Вега безъ нѣкоторыхъ непріятныхъ ощущеній: его упрямая, деревянная нога, завязла посреди дороги, и Винесъ, видя, что терять времени нельзя было ни секунды, такъ сильно дернулъ его зашиворотъ, что тотъ упалъ, и всю остальную дорогу сдѣлалъ на спинѣ, спрятавъ свою голову въ полахъ своего сюртука. мистеръ Вегъ былъ такъ пораженъ этимъ новымъ способомъ путешествія, что когда достигнувъ плоссти его поставили на ноги, онъ никакъ не могъ прийти въ себя, и никогда не нашель бы своего жилища, еслибъ Винесъ не насильно втолкнулъ его въ дверь. Даже и тогда онъ нѣсколько минутъ шатался со стороны на сторону, и какъ-то дико, безсознательно смотрѣлъ вокругъ себя, пока, наконецъ, Винесъ не привелъ его въ чувство, проѣхавшись въ волю по всей его запыленной фигурѣ вѣрной щеткой.

Мистеръ Бофинъ не торопился своимъ возвращеніемъ, и далъ время всему прийти въ порядокъ, даже Винесъ успѣлъ перевести духъ. Не было никакого сомнѣнія, что стѣлянка была на мистерѣ Бофинѣ, но гдѣ—это было неизвѣстно. На немъ былъ надѣтъ ши-

рокій, теплый пальто, застегнутый доверху такъ, что стѣлянка могла находиться въ любомъ изъ подмышны его кармановъ.

— Чтѣ съ вами, Вегъ? сказалъ Бофинъ, входя: — вы блѣдны какъ стеариновая свѣча.

Вегъ отвѣчалъ съ удивительной точностью, что онъ чувствуетъ, словно его оттаскали.

— Это желчь, замѣтилъ Бофинъ, погасивъ свѣчу въ фонарѣ, и спрятавъ его въ карманъ. — Вы страдаете желчью, Вегъ?

Мистеръ Вегъ отвѣчалъ, точно также строго придерживаясь истинѣ, что онъ, кажется, никогда не чувствовалъ ничего подобнаго въ головѣ, какъ въ эту минуту.

— Примите завтра лекарства, Вегъ, сказалъ Бофинъ:—чтобъ быть здоровымъ къ слѣдующему чтенію. Да, я и забылъ сказать, что этой мѣстности предстоитъ большая потеря, Вегъ.

— Потеря, сэръ?

— Да, она потеряетъ мусорныя кучи.

Наши друзья съ такими явными усиліями побороли въ себѣ желаніе переглянуться, что рѣшительно было бы все равно, еслибъ они вылупили другъ на друга глаза.

— Развѣ вы разстались съ ними, мистеръ Бофинъ? спросилъ Сайлесъ.

— Да, онѣ уходятъ изъ моихъ рукъ. Моя-то уже въ сущности все равно, что ушла.

— Вы говорите о маленькой кучѣ съ зоткнутымъ въ нее шестомъ?

— Да, отвѣчалъ мистеръ Бофинъ, потирая постарому свое ухо, хотя уже съ нѣкоторымъ отгѣнкомъ хитрости:—она принесла копѣйку и ее начнутъ свозить завтра же.

— Тамъ вы ходили прощаться со старымъ другомъ? спросилъ съ улыбкой Сайлесъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бофинъ:—какой дьяволъ вложилъ вамъ въ башку такой вопросъ?

Эти слова были такъ неожиданны, такъ грубы, что Вегъ, который все вертѣлся вокругъ Бофина, стараясь какимъ нибудь образомъ ощупать гдѣ находится стѣлянка, въ ту же минуту отскочилъ на нѣсколько шаговъ.

— Я нимало не хотѣлъ васъ оскорбить, сэръ, произнесъ онъ очень смиренно.

Бофинъ посмотрѣлъ на него подобно тому, какъ собака смотритъ на другую собаку, силящуюся отнять у ней кость; онъ даже заворчалъ, точно какъ ворчатъ собаки.

— Прощайте, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, въ продолженіе котораго очень подозрительно смотрѣлъ на Вега.—

Нѣтъ, не провожайте меня: нечадо, оставайтесь тутъ, а знаю дорогу и мнѣ свѣта нечадо.

Скупость, рассказы о скупости, прочитанные въ этотъ вечеръ, сильное вліяніе того, что онъ видѣлъ, и наконецъ, быть можетъ, приливъ крови къ головѣ во время его быстрого путешествія—привели Сайлеса Вега въ такое бѣшенство, что не успѣвъ дверь затвориться за Вофиномъ, какъ онъ бросился къ ней, таща съ собою и Винеса.

— Мы недолжны отпустить его! дико кричалъ онъ:—мы не должны отпустить его! стѣпанка на немъ. Мы должны имѣть ее.

— Вы не захотите же взять ее силой? возразилъ Винесъ, стараясь его удержать.

— Не захочу? нѣтъ, захочу. Я возьму ее силой, во что бы то ни стало! Развѣ вы, трусь, такъ боятесь старика, что дадите ему уйдти.

— Я такъ боюсь васъ, что не дамъ вамъ итти, промолвилъ Винесъ, схватывая его обѣими руками.

— Развѣ вы не слышали, что онъ сказалъ? возразилъ Вегъ:—развѣ вы не слышали, что онъ рѣшился итти противъ насъ? Развѣ вы не слышали, что мусорныя кучи будутъ свезены и тогда конечно здѣсь обшарятъ каждый уголокъ? Если вы трусь и не хотите защищать свои права, то я нетрусь, пустите меня, и догоню его.

Съ этими словами онъ такъ сильно рванулся, что мистеръ Винесъ нашель всего удобнѣе повалиться съ нимъ влѣтъ на полъ, зная очень хорошо, что въ лежачемъ положеніи Вега будетъ очень трудно встать съ его деревянной ногой. Такимъ образомъ они валялись по полу, до тѣхъ поръ, пока не раздался визгъ воротъ, затворяемыхъ мистеромъ Вофиномъ.

ГИЗО, О СУЩНОСТИ ХРИСТИАНСТВА.

MÉDITATIONS SUR L'ESSENCE DE LA RELIGION CHRÉTIENNE, par M. Guizot. 1864. 1 vol. Размышления о сущности христіанской вѣры. Сочиненіе Гизо. Переводъ священника *И. Сергиевскаго*, ординарнаго профессора богословія въ московскомъ университетѣ. М. 1865.

Не прошло еще двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ самыхъ товкихъ и проніцательныхъ по уму дѣятелей русскаго просвѣщенія доказывалъ, что русскій народъ рожденъ атеистомъ; разумѣется, что подобный парадоксъ, порожденный ослѣпленіемъ ума, загнаннаго обстоятельствами, не могъ быть ни для кого убѣдительнымъ; но замѣчательно самое появленіе его: оно характеризуетъ ту степень религіознаго интереса, которою отличалось еще недавно, да отличается, можетъ быть, и нынѣ русское образованное меньшинство. Дѣйствительно, ничто не можетъ быть печальнѣе того невниманія, которое у насъ оказывается религіознымъ вопросамъ.

«Всякое народное просвѣщеніе — говоритъ Хомяковъ—опредѣляется народною личностью, то-есть живою сущностью народной мысли; болѣе же всего опредѣляется оно тою вѣрою, которая въ немъ является предѣломъ его разумѣнія». Таково значеніе религіи въ связи съ другими сторонами народнаго развитія, и вотъ именно въ этомъ-то смыслѣ религіею бѣдно наше общество. Очевидно, что религія, чтобы быть предѣломъ народнаго разумѣнія, должна быть не только наивнымъ вѣрованіемъ, но и вполне осмысленнымъ и прочувствованнымъ жизненнымъ элементомъ; стало быть, необходимо постоянное движеніе религіозной мысли. Но, по странному обстоятельству, такое движеніе обнаруживается у насъ не въ сознательной части народа, то-есть не въ обществѣ, а въ народной массѣ, бѣдной развитіемъ и образованіемъ: это свидѣлствуется дѣятельною жизнью русскаго раскола. Въ нашемъ образованномъ обществѣ нѣтъ ничего подобнаго той оживленности религіозныхъ интересовъ, которою отличается вниманіе нашего народа въ расколу. Причины такого безучастія понятны: умственная жизнь

нашего образованнаго общества зависитъ отъ западнаго умственнаго движенія; если тамъ притихаютъ религіозные интересы, то и мы остаемся къ нимъ безучастны. Но нельзя не сказать, что это подчиненное безучастіе — крайне печально, и что выходъ изъ него необходимъ. Выходъ изъ него неизбеженъ — и въ скоромъ времени, какъ слѣдствіе общаго обновленія нашей умственной и общественной жизни; еслибы мы и сохраняли въ значительной степени бремя чуждыхъ просвѣтительныхъ вліяній, въ настоящую минуту на Западѣ совершается своего рода религіозный кризисъ, который является преимущественно какъ реакція разнымъ противорелигіознымъ ученіямъ; если могли отозваться у насъ эти ученія, то неужели мы останемся чужды этой замѣчательной реакціи противъ нихъ, и не внесемъ ни одной своей самобытной мысли въ ихъ анализъ и опроверженіе? Далѣе, въ настоящее время у насъ только и твердятъ, что о сближеніи съ народомъ: но возможно ли такое сближеніе, возможно ли вліяніе на народъ со стороны образованнаго общества, если послѣднее будетъ оставаться безучастнымъ къ верховнымъ интересамъ народной жизни, интересамъ религіознымъ? Изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, что мы должны, сближаясь съ народомъ, лицемерить и поддѣлываться къ нему въ дѣлѣ религіи; но несомнѣнно, что, подходя къ народу, мы должны быть готовы раздѣлить съ нимъ его интересъ къ вопросамъ религіознымъ и, въ силу своего образованія, должны, не оскорбляя наивнаго народнаго чувства, вносить осмысленіе и разумность въ народныя вѣрованія. Наконецъ, въ настоящую минуту передъ нашими глазами совершается еще одинъ фактъ, обязывающій насъ не оставаться безучастными къ религіознымъ интересамъ: мы разумѣемъ стремленіе представителей англиканской и американской церкви къ соединенію съ церковью православною: неужели и на это явленіе мы будемъ смотрѣть, какъ на официальную дипломатическую сдѣлку, которая можетъ совершиться или не совершиться, и успѣхъ которой мы не должны поддержать авторитетомъ нашего религіознаго сознанія.

Таковы обстоятельства, вызывающія къ пробужденію въ настоящую минуту религіозные интересы въ нашемъ обществѣ. Посмотримъ теперь на пользу и возможные слѣдствія этого явленія, еслибы оно состоялось (*). Есть вѣроятіе, что пробужденіе у насъ религіозныхъ интересовъ повлекло бы за собой дробленіе мнѣній общества по этимъ предметамъ. И вотъ этого-то нѣкоторые боятся

(*) Для объясненія этого явленія мы пользуемся нѣкоторыми соображеніями одной замѣчательной статьи «Дня» (№ 1 нынѣшняго года): «О движеніи религіозной мысли образованнаго класса въ Россіи».

у насъ; но вамъ кажется это опасеніе несправедливымъ. Всякій процессъ умственной жизни всякаго общества состоитъ въ большемъ обособленіи личныхъ мнѣній, но въ то же время это еще не знаменуетъ полнаго распадена общества относительно своихъ идей. Напротивъ того, опытъ неопровержимо доказываетъ, что вообще, при всякомъ движеніи мысли впередъ, единство ея, то-есть истина, выигрываетъ, и что при этомъ даже между отдѣльными личностями является гораздо больше точекъ соприкосновенія, чѣмъ было прежде. Въ этомъ отношеніи времена поздняго существованія общества, поздняго періода его цивилизаціи нѣсколько похожи на его первобытныя эпохи — съ тою только разницею, что во времена позднія единство болѣе осмысленно, чѣмъ въ младенческій періодъ общества. Всего тяжеле пережить обществу моментъ своего пробужденія къ умственной дѣятельности, къ уясненію своего сознанія: тутъ, отъ недостаточной полноты въ представленіяхъ, отчасти отъ неумѣренной энергіи новыхъ идей или пробуждающихся стремленій, отъ недоразумѣній и поспѣшности въ сужденіяхъ являются рѣзкости и крайности въ воззрѣніяхъ отдѣльныхъ лицъ. Но и онѣ съ теченіемъ времени сглаживаются, а между тѣмъ общественная мысль начинаетъ работать на большемъ просторѣ и примиряетъ внутреннія свои противорѣчія. Такой путь умственнаго развитія, въ отношеніи религіозномъ, прошелъ нѣкогда греческій востокъ. Было время, когда и онъ кипѣлъ разнообразіемъ сектъ и расколовъ, а между тѣмъ, подъ конецъ существованія греческой имперіи, когда уже подрывались всѣ другіе общественные элементы, одно православіе, какъ вполне сознанный и уясненный всѣмъ обществомъ, связующій принципъ, одно православіе сохраняло свою жизненную крѣпость, и даже въ виду опасности не хотѣло идти на сдѣлку съ католичествомъ, предлагавшимъ ему свою помощь. Русское общество въ настоящее время выходитъ изъ младенчества мысли въ отношеніи религіозномъ и вступаетъ въ періодъ сомнѣній, колебаній, анализа своихъ религіозныхъ стремленій; стало-быть, чтобы дать имъ правильное развитіе, необходимо не стѣснять, ихъ, а напротивъ того предоставить просторъ для критики разногласій, внутри ихъ возникающихъ; въ концѣ концовъ — это самоизученіе приведетъ къ прочному и осмысленному признанію тѣхъ религіозныхъ началъ, которыя дѣйствительно свойственны русскому народу.

Итакъ, возбужденіе религіозной мысли въ русскомъ обществѣ крайне желательно; можно надѣяться, что расширеніе университетской программы богословія и основаніе новыхъ кафедръ каноническаго права в церковной исторіи будетъ сопровождаться расширеніемъ большей противъ прежняго массы богословскихъ

свѣдѣній въ нашемъ обществѣ. Но все это въ будущемъ; а что касается настоящаго, то нужно сознаться, что наша духовная литература несомнѣнно-то богата сочиненіями, которыя были бы вполне доступны и привлекательны для свѣтскихъ читателей по простотѣ своего изложенія, по силѣ своего интереса и пр. Нѣкоторые признаки оживленія замѣчаются въ нашей духовной журналистикѣ, и это не можетъ не остаться безъ вліянія на общество; но чтобы вліяніе это становилось сильнѣе и прочнѣе, необходимо, чтобы и лица, руководящія духовной журналистикой, короче узнавали и тверже помнили высокія потребности какъ современнаго просвѣщенія, такъ и современныхъ религіозныхъ обстоятельствъ. Наконецъ, мы полагаемъ, что для разумныхъ усилій нашего религіознаго сознанія небезполезно намъ и знакомство съ религіозной литературой Запада. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія нѣкоторые лица изъ нашего блага духовенства посвящали свои труды переводу западно-европейскихъ богословскихъ сочиненій — не внося, однако, въ общество ложнаго пониманія христіанскихъ истинъ и не унижая своего сана; такъ и въ наше время, мы видимъ — и съ сочувствіемъ встрѣчаемъ — дѣятельность профессора богословія въ московскомъ университетѣ, о. Сергіевскаго, который перевелъ въ прошломъ году сочиненіе кальвиниста Навила «Вѣчная жизнь», а въ нынѣшнемъ — сочиненіе Гизо: «Размышленія о сущности христіанской вѣры». Подобныя труды далеко небезполезны, и значеніе ихъ очень вѣрно указано самимъ о. Сергіевскимъ въ его предисловіи къ книгѣ Гизо, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ высказывается и его сужденіе объ этомъ сочиненіи: «Нельзя похвалиться достаткомъ у насъ книгъ общаго богословскаго содержанія, которыя могли бы возбуждать къ себѣ вниманіе людей свѣтскихъ и которыя были бы для нихъ сообразнымъ съ потребностями времени руководствомъ къ большому и большому, разумному знакомству съ тѣми важными предметами религіознаго познанія, изученіе которыхъ у большей части заваничивается годами юношескаго воспитанія. Между тѣмъ, временемъ и обстоятельствами въ наше общество не мало внесено идей, болѣе или менѣе противорелигіозныхъ, путемъ и книжнымъ, и не книжнымъ, которыя овладѣютъ вниманіемъ не однихъ юношей — тѣмъ легче, чѣмъ менѣе эти идеи встрѣчаютъ себѣ противодѣйствія мысли, полной инымъ содержаніемъ и твердо въ себѣ устроенной. При такомъ положеніи вещей, предлагаемая въ русскомъ переводѣ книга извѣстнаго французскаго ученаго и писателя можетъ принести довольноую пользу большинству нашего общества. Правда, она не исчерпываетъ своего предмета вполне, сколько онъ можетъ быть исчерпанъ человѣческимъ разумомъ и

сердцемъ, но она можетъ возбудить живой интересъ къ религіозному знанію, можетъ дать нѣкоторое руководство противъ современныхъ антирелигіозныхъ идей, отклонить отъ слѣпой вѣры въ нихъ. Она не обставлена всооружіемъ учености, но и не забывается дознанныхъ и оправданныхъ выводовъ науки, представляя ихъ самымъ доступнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи она можетъ быть назидательна и не для однихъ свѣтскихъ людей. Мы не отдали бы должной справедливости этой книгѣ, еслибы не сказали о ея глубоко-искреннемъ и благородно-спокойномъ тонѣ. Таково и должно быть истинное свидѣтельство вѣчнымъ истинамъ вѣры.»

Мы охотно соглашаемся съ этимъ отзывомъ почтеннаго переводчика и охотно присоединяемъ свой голосъ къ выраженному имъ желанію, чтобы книга Гизо нашла себѣ многихъ читателей у насъ въ Россіи. Это сочиненіе истинно замѣчательное по силѣ своего религіознаго воодушевленія и очень поучительное по стройно-гармоническому соединенію въ немъ строго-религіозныхъ принциповъ съ либеральными стремленіями новаго времени. Эту черту читатель замѣтитъ въ сочиненіи Гизо, съ первыхъ страницъ ея предисловія, гдѣ авторъ высказываетъ свой взглядъ на современный религіозный кризисъ въ Европѣ и на тѣ потребности религіознаго общества, которыя имъ вызваны. Гизо настаиваетъ на сохраненіи христіанской вѣры во всей ея цѣлости—во имя самой свободы. По его мнѣнію, кризисъ этотъ, замечательный рѣзкими нападеніями на христіанскую религію, есть одно изъ слѣдствій того великаго умственнаго и общественнаго переворота, который послѣ многовѣковаго броженія и подготовленія разразился и совершается нынѣ. Еще съ прошлаго вѣка этотъ переворотъ ознаменовался развитіемъ идеи терпимости, которыя въ наше время привели къ тому, что утвердили почти во всей Европѣ болѣе или менѣе полную религіозную свободу. Въ другихъ сферахъ существенныя черты этого переворота—духъ науки, преобладаніе демократическаго начала и политическая свобода. Эти начала такъ прочно утвердились въ современномъ обществѣ, что теперь уже къ нимъ должны приспособляться и всѣ политическія учрежденія, и съ ними необходимо жить въ мирѣ всѣмъ властямъ нравственнымъ. Но какъ же именно относятся къ нимъ представители христіанской церкви (именно *всей* христіанской церкви, ибо нападеніе направлено противъ всего христіанства, безъ различія исповѣданій), какъ смотрятъ они на тѣ крупныя вопросы, о которыхъ имъ приходится препираться со свободнымъ и смѣлымъ умомъ человѣческимъ? «Можно опасаться—отвѣчаетъ самъ себѣ Гизо—что чувство этой общей опас-

ности не во всѣхъ христіанскихъ церквахъ такъ ясно, такъ живо и сильно, какъ требуется существомъ дѣла. Можно опасаться, что въ виду однихъ и тѣхъ же повсюду поднятыхъ вопросовъ и однихъ и тѣхъ же нападеній, повсюду направленныхъ противъ жизненныхъ фактовъ и догматовъ христіанской вѣры, христіане различныхъ исповѣданій не въ той мѣрѣ, какъ бы слѣдовало, сосредоточиваютъ всѣ свои силы на предстоящей имъ великой борьбѣ. Впрочемъ, этому нечего много удивляться. Хотя опасность одинакова для всѣхъ, но преданія, привычки, а вслѣдствие этого и настоящія расположенія различны. Многіе изъ латинянъ убѣждены, что вѣра была бы спасена, еслибъ она была избавлена отъ свободы мысли. Многіе изъ протестантовъ воображаютъ, что они, отрываясь отъ основаній и удаляясь отъ источниковъ вѣры, только пользуются правомъ свободнаго изслѣдованія и тѣмъ не менѣе остаются христіанами. Латинство не имѣетъ достаточно довѣрія къ своимъ корнямъ и слишкомъ держится за свои вѣтви; всякое дерево нуждается въ заботливомъ уходѣ за нимъ, смотря по климату и времени года, но забота должна быть о томъ, чтобы корни дерева были цѣлы и живы. Протестанство забываетъ слишкомъ часто, что у него есть корни, отъ которыхъ оно не можетъ оторваться, не погибнувъ—что вѣра не есть годовалое растеніе, которое можно воздѣлывать по произволу, и которое, если пропадетъ, то легко можетъ быть опять посажено. Латиняне слишкомъ трусятъ свободы, протестанты слишкомъ трусятъ авторитета. Одни думаютъ, что такъ-какъ вѣра имѣетъ неизмѣнныя основанія, то и общество религіозное не можетъ терпѣть никакого прогресса; другіе воображаютъ, будто религіозное общество не можетъ имѣть никакихъ неизмѣнныхъ сторонъ, будто религія заключается въ религіозномъ чувствѣ и въ индивидуальномъ вѣрованіи. Что стало бы съ христіанствомъ, еслибъ оно съ самаго своего рожденія было обречено на такую неподвижность, за которую стоятъ латиняне, и чѣмъ бы было теперь христіанство, еслибы, по мысли протестантовъ, оно было отдано на произволь каждаго ума и на волю духа всякаго времени? Къ счастью, Богъ не попускаетъ, чтобы въ такомъ кризисѣ истинныя начала и истинныя блага вѣры христіанской оставались безъ добрыхъ защитниковъ. Есть и между латинянами люди, понимающіе свое время и новый общественный бытъ и умѣющіе здраво относиться къ религіозной и политической свободѣ. Есть и между протестантами люди, съ неутомимою ревностію употребляющіе во благо пріобрѣтенную протестанствомъ свободу; имъ обязаны всѣ тѣ общества и всѣ тваренія, въ которыхъ выражается жизнь и дѣятельность протестан-

стантской церкви; они провозгласили и постоянно провозглашают необходимость восстановления соборовъ (снудовъ) въ церкви, ~~то-есть~~ необходимость ея релігіозной автономіи. Изъ среды этихъ протестантовъ люди, не находящіе полного удовлетворенія своимъ убѣжденіямъ въ протестантской церкви, поддерживаемой государствомъ, выдѣляются и основываютъ свободныя церкви. И это именно люди, открыто исповѣдающіе догматы вѣры христіанской и твердо стоящіе за права законнаго авторитета въ нѣдрахъ церкви. Либеральнѣе латиняне нашего времени суть самые ревностные защитники преданій и основныхъ установленій католицизма. Изъ протестантовъ самые ревностные къ свободѣ протестанства суть самые твердые охранители его ученій и его жизненныхъ уставовъ. Мирный исходъ современнаго кризиса въ христіанствѣ зависитъ, говоря почеловѣчески, именно отъ вліянія этихъ истинно просвѣщенныхъ членовъ церкви того или другаго исповѣданія. Такъ-какъ христіанская релігія живетъ нынѣ въ присутствіи свободы, то тѣ единственно и могутъ назваться въ наше время дѣйствительными защитниками релігіи, которые въ одно и то же время проповѣдуютъ во всей полнотѣ христіанскую вѣру и столь же искреннимъ сердцемъ пріемлютъ испытаніе свободы. Впрочемъ, совершая свой благой и спасительный трудъ, эти люди пусть не обольщаютъ себя скорымъ и полнымъ успѣхомъ; они утверждаютъ, они распространяютъ христіанскую вѣру, но не уничтожатъ въ нѣдрахъ общества невѣрія и сомнѣнія; въ царствѣ свободы по необходимости переищаны добро и зло, истина и заблужденіе; здѣсь мысли и расположенія противоположны являютъся и развиваются одновременно. «Не думайте, сказалъ Иисусъ Христосъ своимъ апостоламъ, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ» (Матѣ. X, 34). Этотъ мечъ Христовъ есть христіанская истина, поборающая заблужденіе и несовершенство челоувѣческое; побѣда, но побѣда всегда неполная среди постоянной борьбы — вотъ условіе, которому должны подчиняться защитники христіанской истины въ средѣ свободы. Но если эти мужественные и разумные защитники христіанской вѣры будутъ отринуты тѣми церквами, къ которымъ они принадлежатъ; если латинство не перестанетъ дѣйствовать существенно враждебно внутреннимъ началамъ и правамъ новаго общества; если съ другой стороны противники сверхъестественнаго, боговдохновенности исанія и божества Иисуса Христа возобладаютъ въ протестанствѣ, которое тогда выродится изъ релігіи въ философію, какъ ни медлятъ оно принять на себя это настоящее свое имя—тогда, хотя христіанство конечно не погибнетъ, и свѣтъ его не отойдетъ вовсе отъ

человѣковъ, но тѣмъ не менѣе, чтобы люди опять смогли выйдти изъ таинхъ заблужденій, чтобы свѣтъ озарилъ ихъ души, и мьръ снизошелъ на современное общество, надлежитъ страшнымъ смутамъ поразить человѣческія души и общество, разразиться ужасной переверотной бурь, уроками которой люди воспользуются, только выстрадавши всѣ бѣдствія, ею внесенныя.»

Приведа эти строки, мы не можемъ опустить и того замѣчанія, которое присоединяетъ къ нимъ о. Сергіевскій: «Читатели замѣтятъ—говоритъ онъ—что, изображая современный кризисъ въ христіанствѣ, авторъ смотритъ только на латинство и протестанство. Это общій недостатокъ всѣхъ западныхъ писателей; и этимъ обуславливается ихъ взглядъ на вѣру и церковь, съ которымъ мы, православные, не можемъ быть вполне согласны. Впрочемъ, хотя Гизо и не говоритъ ни слова о православіи, тѣмъ не менѣе взглядъ его на отношеніе современныхъ идей и христіанства можетъ имѣть назидательное значеніе и для насъ: ибо, если характеръ и судьбы православія иные, чѣмъ — латинства и протестанства, то современные идеи и въ нашемъ обществѣ тѣ же самыя, что на Западѣ.» Это совершенно справедливо, и потому-то и можно считать полезнымъ знакомство русскихъ читателей съ книгой Гизо, что въ ней есть повсюду одинаково поучительное сопоставленіе современныхъ идей съ вѣчными истинами христіанства.

Не имѣя въ виду исчерпать все содержаніе «Размышлений», мы позволимъ себѣ однако, пользуясь переводомъ о. Сергіевского, познакомить нашихъ читателей съ нѣкоторыми частями этого прекраснаго сочиненія. Постараемся выбрать именно то, что Гизо говоритъ о значеніи христіанскихъ идей по отношенію къ современности.

Исходную точку и основу «Размышлений» составляетъ та вѣчная истина, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, существуетъ и нѣсколько вопросовъ, задачъ, лично ему свойственныхъ и вѣчно его занимающихъ, вопросовъ не только науки, но и жизни, бытія: «Откуда происходятъ мѣръ и человѣкъ среди міра? Какъ они начались и къ чему идутъ? Какіе ихъ начало и конецъ? Есть законы, которые управляютъ ими, есть-ли законодатель? Подъ властью этихъ законовъ человѣкъ чувствуетъ и считаетъ себя свободнымъ; дѣйствительно ли онъ свободенъ? Какъ примирить его свободу съ законами, которые управляютъ имъ и міромъ? Есть-ли онъ нѣкоторое слѣдное орудіе или дѣятель отвѣтственный? Какія его связи и отношенія съ законодателемъ міра? Мѣръ и самъ человѣкъ представляютъ странное и скорбное зрѣлище.

Добро и зло, нравственное и материальное, порядок и безпорядок, радость и скорбь тут совершенно перемѣшаны и въ постоянной борьбѣ. Отъ чего это смѣшеніе и эта борьба? Добро и зло—что составляетъ условіе и законъ человѣка и міра? Если добро, то какъ привзошло сюда зло? Откуда страданіе и смерть? Откуда нравственный безпорядокъ — столь часто встрѣчающееся несчастіе добрыхъ и столь смущающее счастье злыхъ? Нормальное и рѣшительное ли такое состояніе человѣка и міра? Человѣкъ чувствуетъ себя съ разу великимъ и малымъ, крѣпкимъ и слабымъ, сильнымъ и бессильнымъ. Онъ давленъ себѣ, онъ любитъ себя; и однако онъ недоволенъ собою; онъ ищетъ опоры, помощи вѣ и выше себя; онъ проситъ, призываетъ, молится. Что высказывается этими внутренними смущеніями, этими пережѣванными порывами, то гордости, то слабости? Имѣютъ ли они смыслъ и соотвѣтствуетъ ли имъ дѣйствительность? Что значить молитва?»

Этими вопросами и всѣмъ, что съ ними соприкасается, человѣчество не только вѣчно занято, но только одно оно и можетъ заниматься. Только для него эти вопросы доступны; изъ всѣхъ живыхъ существъ только человѣкъ можетъ ихъ понять и волноваться ими. Тѣмъ не менѣе, эти вопросы, которые Гизо называетъ *естественными проблемами*, далеко не вполне ясны человѣку; они представляются ему въ какихъ-то неопредѣленныхъ, туманныхъ образахъ, и потому толкуются имъ различно. Но какія бы различія ни проводили мы въ человѣчествѣ — по племенамъ, по поламъ, по возрастамъ, по степенямъ цивилизаціи, по климатамъ и мѣстнымъ условіямъ—повсюду эти задачи являютъ болѣе или менѣе грозными и требующими себѣ послѣднаго разрѣшенія. Это законъ—общій, вѣчный и повсемѣстный. Но что же даетъ человѣку разрѣшеніе этихъ тайнъ? Мы видѣли уже всю важность этихъ «естественныхъ проблемъ» и ихъ неотразимое значеніе. Тѣмъ не менѣе, въ кругу человѣческаго мышленія существуютъ философскія системы, которыя стараются извратить смыслъ этихъ проблемъ, обратить ихъ въ случайность, чисто-личную, въ порожденіе темперамента, въ слѣдствіе обстоятельствъ. До нашего времени философія не шла дальше по этому пути. Никто не осмѣливался отрицать извѣчное существованіе самыхъ задачъ. Старались только подорвать ихъ значеніе. Но нынче сдѣланъ новый шагъ. Чтобы упразднить разрѣшеніе этихъ задачъ, стараются подорвать самыя вопросы. Такова отличительная черта системы, которая имѣетъ успѣхъ въ наше время, хотя и повторяетъ вещи, много разъ отвергнутыя, но которой новизна состоитъ въ томъ, что она не страдаетъ туманностью, а высказывается

вполнѣ точно и откровенно. Система эта есть такъ-называемая «положительная философія», позитивизмъ. Какъ извѣстно, онъ общаетъ человѣчеству освободить его отъ тѣхъ тревожныхъ вопросовъ жизни, которые отъ вѣка смущаютъ человеческое сознание. По понятіямъ позитивистовъ, «міръ существуетъ отъ вѣчности и притомъ самъ по себѣ, какъ и законы, въ силу которыхъ онъ поддерживается и развивается. Въ своихъ началахъ и въ своей цѣлости, всё вещи всегда были тѣмъ, что онъ есть и чѣмъ будутъ. Въ этой вселенной нѣтъ никакой тайны; есть только событія (факты), и законы, которые связываются естественно, необходимо, и надъ ними-то трудится человѣческая наука, неуклонная, но безпрестанно прогрессивная въ своемъ могуществѣ и въ своемъ дѣланіи». Представивъ въ этихъ словахъ profession de foi позитивизма, Гизо не вдается въ подробный разборъ этого ученія; онъ ограничивается тѣмъ, что указываетъ на его слабыя стороны. «Такимъ образомъ — говоритъ Гизо — твореніе, божественное провидѣніе и человѣческая свобода, происхожденіе зла, смѣшеніе и борьба добра и зла въ мірѣ и человѣкѣ, несовершенство настоящаго порядка и судьбы человѣка, надежда возстановленія этого порядка, все это — мечты, игра человѣческой мысли; въ дѣйствительности нѣтъ такихъ вопросовъ; міръ, будучи вѣчнымъ, въ своемъ настоящемъ положеніи есть міръ полный, нормальный, окончательный и въ то же время прогрессивный; начала премірнаго нѣтъ никакого; потому исцѣленія отъ зла нравственнаго и вещественнаго, отъ котораго страдаетъ человѣческій родъ, надобно ожидать только отъ успѣховъ науки и просвѣщенія. Уже при первомъ и самомъ простомъ взглядѣ видно, какое позитивизмъ оказываетъ презрѣніе къ свободнымъ и всеобщимъ влеченіямъ человѣка! Какое въ немъ забвеніе событій, которыхъ полна всеобщая и пребывающая исторія человѣчества! Несмотря ни на что, тутъ предлагается не такое или другое рѣшеніе, но рѣшительное отрицаніе тѣхъ естественныхъ задачъ, надъ которыми неутомимо и неуклонно трудится духъ человѣческій — и это предлагается ему вмѣсто всякаго удовлетворенія и успокоенія. Будьте математикомъ, физикомъ, механикомъ, химикомъ, критикомъ, романистомъ, поэтомъ; только не входите въ сферу религіи и богословія; тутъ нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ вопросовъ къ рѣшенію, нѣтъ ничего для изслѣдованія, тутъ нѣчего дѣлать, нечего надѣяться...» Словомъ, Гизо старается выяснитъ, что позитивизмъ, требуя, чтобы человѣчество забыло о раскрытіи основныхъ и конечныхъ принциповъ своего бытія, требуетъ невозможнаго. На этомъ-то и обнаруживается несостоятельность названной системы: чело-

вѣческое сознаніе не можетъ вытерпѣть тѣхъ стѣсненій, которыя хочетъ наложить на него «положительная» философія.

Рядомъ съ этой попыткой отрицанія религіи, Гизо указываетъ на другую попытку, повидимому, не столь смѣлую, но также стремящуюся упразднить то, что онъ называетъ «естественными проблемами». Это не система, но душевное состояніе, часто замѣчаемое у людей возвышеннаго ума (теоретически этотъ взглядъ рѣзче всего высказанъ Ренаномъ); оно выражается стремленіемъ «полагать религію собственно, можно сказать—единственно, въ религіозномъ чувствѣ, въ тѣхъ прекрасныхъ, но неопредѣленныхъ порывахъ, которые называютъ поэзію души, порывахъ вѣи и выше предѣловъ дѣйствительной жизни». Здѣсь не отрицаются великія тайны жизни; напротивъ того, имъ дается важное мѣсто, но на эти запросы не выставляется никакихъ опредѣленныхъ рѣшеній; вмѣсто нихъ одни впечатлѣнія, однѣ мечты: «Посредствомъ религіознаго чувства душа входитъ въ отношеніе съ божественнымъ порядкомъ; и это отношеніе воплѣтъ личное, воплѣтъ внутреннее, воплѣтъ независимое отъ всякаго положительнаго догмата, говорить, достаточно, и должно быть достаточно человѣку; въ этомъ и состоитъ для него религія истинная и необходимая». Какъ видно, это обожаніе религіознаго чувства составляетъ полную противоположность позитивному. Противъ такого взгляда, Гизо возражаетъ такъ: религія не исчерпывается личнымъ отношеніемъ души къ божественному порядку; человѣкъ не только чувствуетъ и мечтаетъ, не только порывается за предѣлы видимаго міра, но онъ еще мыслитъ. «Для него мало, что душа его восторгается и восхищается: ему нужно установить и успокоить ее въ извѣстныхъ убѣжденіяхъ, сообразныхъ съ ея стремленіями. Этого-то человѣкъ и ищетъ въ религіи; онъ проситъ у нея, кромѣ благородныхъ и чистыхъ радостей, просить еще свѣта. Если она не разрѣшаетъ ему тѣхъ нравственныхъ задачъ, которыя обступаютъ его мысль, то она можетъ быть поэзіей, но не религіей.» Стало-быть, и здѣсь человечество не можетъ удовлетвориться красотой своихъ сомнѣній и мечтаній; «естественныя проблемы всегда будутъ тревожить души, и неопредѣленное чувство идеала не сдѣлается религіей, достаточною для человѣческаго рода».

Итакъ, что же нужно человѣку, чтобы удовлетворить высшія потребности его духа? Сознаніе человѣка не есть одинъ голый разумъ и не одно чувство; въ немъ соединяется то и другое. Стало быть, чтобы разрѣшить естественныя проблемы, человѣку необходима иная стройная система идей, внушеній, вѣрованій, которая удовлетворяла бы и мысль его, и чувство, указывала бы

ему нравственный путь, поддерживала бы въ немъ храбрость, воодушевляла бы его надеждой и воспламеняла бы любовью, которая бы, наконецъ, давала разрѣшеніе на всѣ запросы бытія, врожденные человѣческому сознанию. Изъ какихъ же элементовъ составится эта система?...

Прежде всего надобно взглянуть на то, что можетъ въ этомъ случаѣ дать человѣку наука. Благо наукѣ, если она отвѣтитъ на всѣ основные вопросы человѣческаго духа и, какъ точная и надежная руководительница человѣческаго ума, раскроетъ человѣку и цѣль жизни, и начало, и конецъ всего сущаго. Но, къ сожалѣнію, силы науки далеко не такъ велики. Авторитетъ ея вовсе не такъ неоспоримъ; она можетъ возбуждать большее или меньшее довѣріе, смотря по тому, какіе предметы она изучаетъ.

Нужно, стало быть, говоря о средствахъ науки, обращать вниманіе на тѣ предѣлы, дальше которыхъ она не распространяется. Но что это за предѣлы? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ французскій мыслитель приводитъ глубокомысленныя слова шотландца Чальмерса. «Истинная философія новаго времени—говоритъ послѣдній—никогда не обнаруживаетъ яснѣйшимъ образомъ свой основной характеръ, какъ въ томъ случаѣ, когда она касается предѣла, отдѣляющаго извѣстное отъ неизвѣстнаго. Тутъ она является двоякимъ образомъ: съ одной стороны—съ полнымъ вниманіемъ и уваженіемъ ко всѣмъ открытіямъ опыта по сю сторону этого предѣла, съ другой—съ недоувѣріемъ ко всѣмъ умозрѣніямъ остроумнымъ и благовиднымъ, касающимся области идеальной по ту сторону предѣла. Употребляя языкъ болѣе кроткій, можно сказать, что долгъ истинной философіи состоитъ въ томъ, чтобы она болѣе искала, чѣмъ гадала. Ея произведенія суть копія, а не творенія. Она можетъ открыть систему въ природѣ, но не изобрѣсти ее. Она починаетъ наблюденіемъ отдѣльных фактовъ, и если эти факты ей удастся привести въ систему, то это лишь вслѣдствіе болѣе обширныхъ наблюденій. Въ своемъ трудѣ къ построению системы, истинная философія не выступаетъ внѣ области дѣйствительной природы, ибо дѣйствительныя явленія природы представляютъ собою первые матеріалы для науки, и дѣйствительныя отношенія этихъ явленій образуютъ связь, цементъ, которому построенія современной науки одолжены своею прочностію и твердостію. Этимъ существенно отличается философія нашего времени отъ древней философіи: та старалась избрѣтать, наша по преимуществу описываетъ; ея описательный трудъ одинаково прилагается и къ однороднымъ, сходнымъ отношеніямъ вещей, и къ ихъ отличительнымъ чертамъ, и при помощи этихъ-то отношеній, наблюдаемыхъ въ дѣйствительности,

новая наука часто приходитъ къ гармоніи болѣе величественной и болѣе славной, чѣмъ блестящія картины, нѣкогда изобрѣтенныя воображеніемъ теоретиковъ.

«Въ томъ и состоитъ одинъ изъ разумныхъ признаковъ этой философіи, что она соединяетъ силу зрѣлаго возраста съ скромностію младенчества. Она идеаломъ жертвуетъ дѣйствительности, и какъ бы ни была блестяща и заманчива какая-либо гипотеза, но если въ дѣйствительной исторіи природы хотя одно явленіе противорѣчитъ ей, гипотеза оставляется. Для нѣкоторыхъ умовъ — это оставленіе можетъ быть столько же болѣзненнымъ, какъ отсѣченіе своей правой руки или лишеніе себя глаза; тѣмъ не менѣе, кто остается вѣрнымъ началу школы Бэкона, тотъ переноситъ эту болѣзнь. Для учениковъ этой школы, одно твердое доказательство имѣетъ болѣе вѣса, чѣмъ тысяча вѣроятныхъ догадокъ, и твердость, съ какою они отвергаютъ теоріи воображенія, у нихъ равняется послушанію, съ какимъ они подчиняются урокамъ опыта. То же самое начало, которое управляетъ здоровою философіею во всемъ, чтó дано въ области человѣческаго наблюденія, внушаетъ ей полную и терпѣливую скромность въ отношеніи ко всему, чтó находится за предѣлами этой области. Если какой-либо новыи свѣтъ откроется тамъ, куда не достигъ глазъ наблюдателя, можно быть увѣреннымъ, что изъ всѣхъ людей — ученики Бэкона и Ньютона окажутъ самое высокое почтеніе къ этимъ неожиданнымъ откровеніямъ; ихъ умъ не предзанатъ и безъ предразсудка, и твердость ихъ увѣренности въ утвержденныхъ фактахъ *земли отдаленой* находится въ совершенной гармоніи съ ихъ скромною осторожностію относительно всѣхъ понятій, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, касающихся *міра невидимаго*».

Проведя такимъ образомъ черту раздѣла между міромъ конечнымъ и безконечностію, Чальмерсъ объясняетъ, что наукѣ доступны только первый: «Чѣмъ болѣе наши познанія въ естественныхъ наукахъ расширяются — говоритъ онъ — тѣмъ болѣе они должны не увеличивать нашу надменность, а давать намъ болѣе глубокое чувство нашего невѣдѣнія и нашей естественной неспособности въ отношеніи къ знанію вещей божественныхъ. Представимъ, что изучая политику какого-нибудь земного государя, мы сдѣлали бы дотогѣ неизвѣстныя открытія отдаленныхъ областей и земель, которыя ему принадлежатъ и относительно которыхъ мы узнали бы только то, что онѣ существуютъ, и такъ-то называются; конечно, наше изученіе стало бы слишкомъ сложнымъ, а главный его предметъ оттого не сдѣлался бы болѣе понятнымъ и болѣе яснымъ. Точно то же бываетъ при всякихъ но-

выхъ чудесахъ, какія открываетъ наука предъ взорами своихъ адентовъ; они могутъ значительно увеличить предъ нами отдаленные виды творенія, но въ то же время они бросаютъ болѣе густую тѣнь на пути и намѣренія Творца. Телескопы, открывая намъ путь къ солнцамъ и безчисленнымъ системамъ, оставляютъ въ глубочайшей тайнѣ нравственное управленіе міровъ; болѣе и болѣе открывающееся зрѣлище вещественной вселенной болѣе и болѣе научааетъ насъ, какъ мало мы знаемъ о духовной вселенной; относительно міровъ, обращающихся въ пространствѣ, мы узнаемъ только объ ихъ движеніи, ихъ величинѣ и ихъ числѣ, но при этомъ относительно управленія божественнаго остаемся еще въ болшемъ затрудненіи, чѣмъ когда говоримъ о нашей землѣ, какъ о вселенной, и о человѣческомъ родѣ, какъ единственномъ духовномъ семействѣ, которое Богъ облекъ плотію и поставилъ среди вещественной системы. Знать, что есть нѣкоторые предметы, которыхъ мы не можемъ знать, это само по себѣ — познаніе драгоценное и вѣрное, и самая высшая заслуга въ отношеніи къ знанію состоитъ въ вѣрномъ опредѣленіи его границъ.»

Итакъ, по согласному мнѣнію Чальмерса и Гизо, предѣлы науки не выходятъ за предѣлы конечнаго міра; разумѣется, что подъ этими словами не должно разумѣть одну физическую природу: жизнь отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ также подлежитъ научному изученію: и здѣсь могутъ быть опредѣляемы научные законы. Но дѣло въ томъ, что и этимъ еще не исчерпываются потребности человѣческаго духа. «Человѣкъ — говоритъ Гизо — носитъ въ себѣ самою понятія и желанія, которыя простираются гораздо дальше и устремляются гораздо выше міра конечнаго — понятія и желанія безконечнаго, идеала, полнаго, совершеннаго, неизмѣннаго, вѣчнаго. Эти понятія и эти желанія сами есть факты, которые признаетъ умъ человѣка; но признавая ихъ, онъ останавливается; они даютъ ему предчувствовать или, говоря точнѣе, они открываютъ ему порядокъ иныхъ вещей, нежели каковы событія и законы міра конечнаго, которые онъ наблюдаетъ; но въ то же самое время, какъ человѣкъ истинно представляетъ себѣ въ отдаленіи этотъ высшій порядокъ, онъ не имѣетъ и не можетъ имѣть о немъ знанія. Что душа его предвидать безконечное и стремится къ нему — въ этомъ заключается высота его природы; а что его знаніе ограничивается міромъ конечнымъ, гдѣ онъ живетъ — въ этомъ немощь его дѣйствительнаго состоянія.» И вотъ, соприкосновеніе человѣка съ этимъ міромъ безконечнаго, и заключаетъ въ себѣ разрѣшеніе естественныхъ проблемъ его жизни. Правда, человѣкъ

облежъ и это рѣшеніе въ научную форму метафизики; но тутъ наука, по свойству своего содержанія, имѣла совершенно особую судьбу: «Умъ человѣческій, относительно высшихъ вопросовъ, очень рано дошелъ до такихъ опытовъ рѣшенія, которые нѣкоторымъ образомъ истощили его, не давши ему удовлетворенія... И метафизика осталась въ сущности неподвижною, великою при своемъ рожденіи, но какъ-бы предназначенною не расти, тогда какъ другія науки, называемыя естественными, существенно прогрессивны и, сначала слабыя, постепенно дѣлають пріобрѣтенія, сохраняють ихъ, и со дня на день расширяють и утврѣждаютъ свою область.»

Выше было уже упомянуто о той философской школѣ, которая стремится упразднить то, что Гизо называетъ естественными проблемами. Извѣстно, что позитивизмъ отрицаетъ и метафизику, потому что и ея содержаніемъ служитъ безконечное, неподлежащее опытному изученію человѣка. И вотъ, Гизо спѣшитъ опровергнуть приговоръ позитивизма противъ метафизики: «Умъ человѣческій — говоритъ онъ — никогда не приметъ его; великія проблемы, превосходящія міръ конечный, поставлены предъ нимъ; онъ никогда не откажется отъ попытки рѣшать ихъ; непреодолимый истинный побуждаетъ его къ тому, истинный полный вѣри и надежды, несмотря на повторяющійся неуспѣхъ его усилій. Человѣкъ одинаковъ въ области мысли и въ области дѣйствія; онъ стремится выше того, чего можетъ достигнуть; въ этомъ состоитъ его существо и его слава, и если онъ откажется отъ этого, то самъ засвидѣтельствуетъ о своемъ паденіи. Но нужно, чтобы не дѣлая такого отреченія, онъ позналъ себя; надобно, чтобы онъ зналъ, что его настоящая сила безконечно меньше его стремленій, и что ему не дано научно познать тотъ міръ безконечнаго и идеала, къ которому онъ порывается. Факты и проблемы, какіе онъ встрѣчаетъ здѣсь, суть такого свойства, что методы и законы, управляющіе человѣческимъ разумомъ при изученіи міра конечнаго, неприменимы къ нимъ. Безконечное для насъ есть предметъ вѣрованія, а не науки, равно неспособной ни отвергнуть, ни проникнуть его.»

Путемъ такихъ разсужденій мы необходимо приходимъ къ тому, что единственной сферой, въ которой возможно разрѣшеніе естественныхъ проблемъ человѣческаго бытія, является религія. Гизо въ слѣдующихъ словахъ опредѣляетъ эту связь: «Изъ этихъ естественныхъ и собственныхъ человѣку задачъ родились всѣ религіи; всѣ онѣ имѣють предметомъ удовлетворить жадъ человѣка рѣшеніемъ этихъ задачъ. Какъ самыя задачи составляютъ источникъ религіи, такъ тѣ или другія рѣшенія ихъ составляютъ ея сущность

и основу.» Но здѣсь, на самомъ ходѣ своей мысли, мыслитель встрѣчается еще съ однимъ вопросомъ, требующимъ настоятельнаго разрѣшенія—съ вопросомъ о сверхъестественномъ. Гизо беретъ его подъ свою защиту. «Нинѣ—говоритъ онъ—имѣютъ притязаніе низвести сверхъестественное въ ничтожество и отогнать его отъ міра и человѣка, во имя науки, во имя человѣческихъ наукъ—физическихъ, историческихъ и философскихъ». Противъ этого Гизо вооружается не безъ ироніи: «Мы глубоко уважаемъ науку и желаемъ, чтобы она была столько же свободна, сколько и уважаема. Но желали бы также, чтобы она какъ можно менѣе затрудняла сама себя, чтобы она не была исключительно преданята своими особенными (спеціальными) работами и своими взаимными успѣхами, чтобы она была болѣе внимательна, не забывала и не упустила изъ вида ни одной изъ идей, ни одного изъ фактовъ, которые имѣютъ связь съ вопросами ея изслѣдованія, и которые она должна принимать въ расчетъ при рѣшеніяхъ, ею постановляемыхъ.» Нѣкоторые возражаютъ противъ сверхъестественнаго указаніемъ, что простые, мало образованные классы народа перестаютъ вѣрить въ сверхъестественное. «Значить—отвѣчаетъ Гизо возражателямъ—вы не знаете, что такое народъ, что такое народы, живущіе на землѣ! Значить, вы никогда не проникали въ среду этихъ миллионовъ душъ, у которыхъ вѣрованіе въ сверхъестественное есть и остается присущимъ и дѣйствующимъ, даже когда на словахъ оно повидимому не признается. Значить, вы не знаете, какое безмѣрное разстояніе существуетъ между основаніемъ и поверхностью этихъ душъ, между измѣнчивыми вліяніями, возбуждающими умъ человѣка, и неизмѣнными инстинктами, присущими его жизни! Правда, въ наше время есть и въ народѣ нѣсколько отцовъ, матерей, дѣтей, считающихъ себя невѣрующими и посмѣивающихся чудесамъ: но послѣдите за ними внутри ихъ жилищъ, среди испытаній ихъ жизни; что дѣлаютъ эти родители, когда болитъ ихъ дитя, эти земледѣльцы, когда воляютъ ихъ угрожаетъ опасность, эти матросы, когда плывутъ они по морю во время бури? Они возводятъ очи къ небу, молятся, взываютъ къ тому сверхъестественному могуществу, которое вы считаете уничтоженнымъ въ ихъ мысли. Своими дѣйствіями, волеями и недолимыми, они даютъ рѣшительное опроверженіе вашимъ словамъ и своимъ собственнымъ рѣчамъ.» Но и не только въ простомъ народѣ замѣчается постоянное стремленіе къ чудесному; мы видимъ постоянно, что и люди образованнаго общества изобрѣтаютъ себѣ новыя чудеса и тайны и привлекаютъ къ нимъ тысячи зрителей.

Доказавъ такимъ образомъ, что вѣра въ сверхъестественное

врождена человѣку, что это — «фактъ естественный, изначальный, всеобщій, постоянно пребывающій въ жизни и исторіи человѣческаго рода», Гизо приходитъ и къ тому, что человѣкъ, постоянно стремясь выйдти изъ предѣловъ конечной природы, въ этомъ стремленіи, которое всегда было источникомъ религіи, никогда не обходитъ вѣри въ сверхъестественное. Итакъ связь сверхъестественнаго съ религіей—необходимая, и именно изъ этой связи возникаетъ вѣра въ Божество личное.

Съ другой стороны, Гизо опредѣляетъ отношенія сверхъестественнаго къ естеству, природѣ. «Смыслятся—говоритъ онъ—на твердость, неизмѣнность законовъ природы; это—говоритъ, фактъ осязательный и неоспоримый, оправдываемый опытомъ рода человѣческаго. Въ виду пребывающаго порядка природы и ея законовъ, невозможно допустить въ ней никакихъ частныхъ и временныхъ нарушеній этого порядка и этихъ законовъ, и потому нельзя вѣрить въ сверхъестественное чудо.

«Правда, всеобщіе и постоянные законы управляютъ природою. Но значить ли это, что эти законы необходимы, и что никакое нарушеніе ихъ невозможно? Никто не можетъ не признать, что между всеобщимъ и необходимымъ есть существенное и безусловное различіе. Постоянство настоящихъ законовъ природы есть фактъ, утверждаемый опытомъ, но не единственный возможный и не единственный постижимый разуму; эти законы могли бы быть иными и могутъ подлежать измѣненію. Многіе изъ нихъ не всегда были такими, каковы они теперь, ибо сама наука утверждаетъ, что состояніе природы было иное, чѣмъ каково оно теперь; всеобщій и пребывающій порядокъ, который намъ современенъ, и которому мы ввѣряемся, не всегда былъ таковъ, какимъ мы его видимъ; онъ имѣлъ начало; твореніе дѣйствительнаго порядка природы и ея законовъ есть столь же достовѣрный фактъ, какъ и фактъ самого этого порядка. А что такое твореніе, какъ не фактъ сверхъестественный, актъ могущества или силы, высшей настоящихъ законовъ природы—силы, которая можетъ измѣнить ихъ такъ же, какъ утвердить ихъ? Первое чудо, это—Богъ.

«Есть еще второе чудо, это—человѣкъ. Повторимъ прежде сказанное: какъ существо нравственное и свободное, человѣкъ живетъ внѣ и выше общихъ и пребывающихъ законовъ природы; онъ творитъ своею волею факты, которые не суть необходимое слѣдствіе предшествующаго закона; и эти факты занимаютъ мѣсто въ порядкѣ рѣшительно отличномъ и независимомъ отъ видимаго порядка, управляющаго вселенной. Нравственная свобода человѣка есть фактъ столько же достовѣрный, столько же естественный, какъ и порядокъ природы, и между тѣмъ свобода есть

фактъ сверхъестественный, то-есть существенно чуждый порядку природы и ея законамъ. Богъ есть существо нравственное и свободное по преимуществу, то-есть существо по преимуществу способное дѣйствовать какъ первая причина, внѣ причинъ, которыя связываются одна съ другой. А человѣкъ, какъ существо нравственное и свободное, находится во внутреннемъ отношеніи съ Богомъ. Кто опредѣлитъ возможныя событія и измѣрить тайны этого отношенія? Кто скажетъ, будто Богъ не можетъ измѣнить и никогда не измѣняетъ, сообразно своимъ намѣреніямъ въ порядкѣ нравственномъ и касающемся человѣка, законовъ, которые онъ установилъ и поддерживаетъ въ вещественномъ порядкѣ природы?»

Такимъ образомъ, христіанское вѣрованіе въ Божество, во всей его полнотѣ, составляетъ конечный результатъ философскихъ соображеній Гизо, дающій вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленный отвѣтъ на выставленныя имъ «естественныя проблемы» человѣческаго бытія.

Останавливаемся здѣсь, такъ сказать, на порогѣ христіанскихъ догматовъ и не послѣдуемъ за Гизо въ ихъ изложеніи и въ тѣхъ двухъ очеркахъ, которые у него озаглавлены «Богъ по Библии» и «Иисусъ Христосъ» по Евангелію». Эти части его «Размышленій», въ которыхъ онъ, не принимая богословскаго тона, прямо подходятъ къ самымъ глубокимъ истинамъ вѣры и излагаютъ ихъ во всей простотѣ и величіи, имъ присущихъ, эти части надобно читать цѣликомъ; иначе онѣ много теряютъ отъ отрывочности. Мы хотѣли только возстановить и прослѣдить для читателей, интересующихся предметомъ, логическій путь мысли автора, возводящій его отъ идей современной цивилизаціи къ истинамъ христіанства.

«Размышленія о сущности христіанской вѣры» составляютъ только первый отдѣлъ большого сочиненія о христіанствѣ, задуманнаго Гизо. Въ дѣломъ это произведеніе должно заключать въ себѣ и изложеніе основныхъ идей христіанской религіи (что и видимъ мы въ нынѣ вышедшемъ томѣ), и ея исторію, прежнюю и современную, и наконецъ, попытку представить будущее развитіе христіанской вѣры. Несомнѣнно, что позднѣйшіе томы могли бы многое разъяснить и дополнить въ этой книгѣ «Размышленій».

Н. И—овъ.

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

РОМАНЪ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ (*).

Боги справедливы и нашими пороками
насъ же бичуютъ.

Шекспиръ.

I.

Всякій кто находился, въ пятницу 24-го августа 185... года, посреди Атлантическаго океана или точнѣе на равномъ разстояніи отъ мыса Мантокскаго и мыса Яснаго—могъ видѣть почтовый пароходъ *Ассирію*, летѣвшій на западъ съ обоюдной быстротой своей громадной машины и попутнаго вѣтра. День клонился къ вечеру, одинъ изъ тѣхъ жаркихъ, душныхъ дней, навѣвающихъ, особливо на морѣ, тоскливую томность, которая какъ-бы усиливаетъ веселую реакцію, когда послѣ захода солнца наступаетъ живительная прохлада. Море въ продолженіе всего дня было спокойно, колыхаясь лишь одной широкой, безпредѣльной лентой, ясно говорившей объ отдаленныхъ буряхъ и такъ часто замѣняющей при отсутствіи вѣтра чистый штиль. Теперь

(*) Переведенный нами романъ американскаго автора имѣлъ большой успѣхъ, особливо въ Англіи, какъ живая, разносторонняя картина нравовъ и обычаевъ образованнаго класса Америки. Авторъ, искренно преданный демократіи, указываетъ, однако, чистосердечно на ея злоупотребленія и на слабыя стороны американской конституціи, на рабство, на преобладаніе честолюбивыхъ крикуновъ, представителей необразованной, деспотической черни и слѣшкомъ сильное вліяніе иностранныхъ переселенцевъ, по большей части искателей приключеній. Первое изъ этихъ золъ—рабство, уже исчезло, благодаря той грозѣ, которую авторъ даетъ предчувствовать въ романѣ (дѣйствіе романа происходитъ до войны). Побѣда Сѣвера надъ Югомъ, въ ея послѣдующихъ результатахъ, должна совершенно преобразовать и пересоздать великое зданіе американской свободы. Но чтобы постигнуть все громадное значеніе *грозъ* (войны) и всю прелесть слѣдующихъ за нею лучшихъ дней, надо прежде видѣть картину того, что было передъ грозой. Эту-то картину, какъ рисуетъ ее нашъ авторъ, мы и представляемъ читателямъ, обращая ихъ вниманіе на его разсужденія, отличающіяся строгимъ, трезвымъ политическимъ тактомъ.—*Переводчикъ.*

же, когда солнце склонилось все болѣе и болѣе къ горизонту, забѣгали волнистые барашки, задуть свѣжій юго-восточный вѣтеръ, и *Ассирия*, величественно разрѣзывая синія воды и подымая цѣлое облако блестящихъ брызговъ, летѣла съ быстротою шестнадцати узловъ въ часъ.

Полчаса тому назадъ, широкая палуба парохода была безмолвна и почти пуста; но теперь, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, она представляетъ самую оживленную, веселую картину. Мужчины оставили обѣденный столъ и бутылки вина, дамы не ищутъ болѣе въ темныхъ каютахъ защиты отъ палищаго солнца. Большинство публики столпилось въ кучки, весело разговаривая и смѣясь; нѣкоторые попарно ходили взадъ и впередъ; а были и такіе, хотя очень немного, которые удалившись поодиначкѣ въ отдаленные углы, предавались чтенію или безмолвному созерцанію голубой дали. Общество пассажировъ было многочисленное и самое разнородное, какъ по возрастамъ и положенію въ свѣтѣ, такъ и по національности. Въ одно мгновеніе можно было услышать съ дюжину различныхъ языковъ и почти столько же нарѣчій одного и того же языка. Тутъ были и лондонскіе зѣваки съ ихъ уродливымъ выговоромъ, и янки, издѣвавшіеся надъ ними, сами произнося всѣ слова въ носъ; юные англичане съ изящными манерами и въ мѣшковатыхъ широкихъ пальто, и молодые люди съ тѣми манерами и тономъ, которые отпечатлѣваются на своихъ сынахъ «Современные Аяны запада». Жиды, банкиры и мѣнялы съ ихъ обычнымъ полудержкимъ, полууниженнымъ видомъ, ясно доказывающимъ, что они помнятъ свое прошлое униженіе и сознаютъ настоящую силу денегъ, перемѣшивались съ американцами, отличающимися жесткими чертами, грубымъ ртомъ, влочковатымъ подбородкомъ и хитрымъ выраженіемъ, и съ англичанами, которыхъ гладко выбритыя, откормленныя физиономіи не выражаютъ рѣшительно ничего. Вотъ южный плантаторъ, рядомъ съ манчестерскимъ фабрикантомъ; далѣе нѣсколько нью-йоркскихъ адвокатовъ, пара исхудалыхъ, загорѣлыхъ калифорнцевъ, литераторъ изъ Бостона и почтенный пасторъ, возвращающійся къ своей паствѣ послѣ продолжительнаго леченія въ Европѣ. Тутъ же и Слаймеръ, который вѣчно ѣздитъ взадъ и впередъ даромъ въ качествѣ курьера съ депешами. Въ эту самую минуту онъ бесѣдуетъ съ мистеромъ Спригомъ, корреспондентомъ *Нью-Йоркскаго Глашатая* васаательно хвалебной статейки о немъ, Слаймерѣ, которая должна появиться въ газетѣ на другой день послѣ прибытія *Ассирии* въ Нью-Йоркъ. Господинъ въ желтомъ жилетѣ, съ раскраснѣвшимся лицомъ и крашенными усами, не кто иной, какъ Мак-Свиндль, членъ муниципальнаго совѣта Нью-Йорка,

ѣздившій въ Великобританію для свиданія съ друзьями. Тридцать лѣтъ тому назадъ, онъ чистилъ сапоги въ Саквилльской улицѣ, но вскоре поднялся въ странѣ свободы. Полная, торжественная барыня, которая сидитъ на кормѣ у самой лодки съ двумя хорошенькими барышнями—генеральша Ван-Донкъ, а барышни—ее дочери. Это, по счету—пятый ихъ переездъ по океану въ нынѣшнемъ году. Генеральша Ван-Донкъ впервые заявила о себѣ свѣту въ качествѣ драчки. Она стирала рубашки канраду Ван-Донку, служившему въ миллионѣ и содержавшему мелочную лавку. Благодаря ея такту и ловкости, онъ вышелъ въ люди, и потому вовсе не сдѣлалъ никакой глупости, женившись на ней, какъ утѣрали сосѣди. Немногіе теперь помнятъ эти старыя, темныя времена; они совершенно затѣваются блескомъ роскошнаго дома въ Пятой улицѣ, красотой Церлины и Віолеты, чванствомъ и роскошью юнаго Госсамера Ван-Донка и политическимъ значеніемъ толстаго генерала. Въ одномъ только теперь нуждается это почтенное семейство—въ смѣшеніи своей крови съ хорошей, аристократической; *mater familias* знаетъ это лучше насъ, ибо это-то и составляетъ тайную дѣль ея вѣчныхъ передвиженій по морямъ и твердой землѣ. Она ищетъ англичанина съ хорошимъ именемъ, или жителя континента съ громкимъ титуломъ. Она охотится за этимъ прелестнымъ незнакомцемъ всюду: недѣлю тому назадъ она бѣгала по лондонскимъ магазинамъ, теперь сидитъ на налубѣ *Ассирии*, черезъ нѣсколько дней вы ее увидите въ Нью-Йоркѣ, потомъ въ Ньюпортѣ, Саратогѣ, а въ октябрѣ она уже снова будетъ въ Европѣ.

Вотъ нѣкоторые изъ примѣчательныхъ пассажировъ, придававшихъ такое оживленіе еще недавно-пустынной, безмолвной налубѣ. Но чтобъ найти тѣхъ лицъ, которыми мы исключительно теперь интересуемся, надо пойти далѣе къ небольшой группѣ у самага гака борта.

Всего болѣе выдавался въ этой группѣ мужчина лѣтъ шестидесяти, благородной, открытой наружности, который сидѣлъ безъ шляпы. Его серебристо-сѣдые волосы и окладистая широкая борода придавали ему старческій видъ, тогда какъ его щоки покрыты были здоровымъ румянцемъ, а на высокомъ лбу не видать было еще морщинъ. Его фигура также, хотя худощавая, была очень статная, мускулистая и на нѣсколько вершковъ выше средняго роста. Платье на немъ было темнаго цвѣта, но отличалось изысканностью, рѣдко встрѣчаемой у людей его лѣтъ, а маленький кисейный галстухъ изящно обнималъ его шею. Его манеры и осанка представляли то смѣшеніе достоинства и граціи, которыя въ наше грубое время отличаютъ «джентльмена старой

школы»; что же касается до выраженія его лица, то оно было удивительно шжо и кротко, и рѣдко, очень рѣдко выказывало безволеество или страданіе. Таковъ былъ Оливеръ Вернонъ, который, оставшись на своей родинѣ, вѣроятно былъ бы однимъ изъ передовыхъ англійскихъ законодателей и мудрецовъ, но теперь, послѣ тридцатилѣтняго пребыванія въ Америкѣ, онъ довольствовался спокойной, мирной жизнью философа, окруженный книгами, художественными произведеніями, друзьями и всѣми удобствами, которыя могло доставить большое состояніе, нажитое имъ счастливыми торговыми оборотами. Зачѣмъ онъ оставилъ свою родину и общество, въ которомъ долженъ былъ занять видное мѣсто по своему положенію и воспитанію—никому не было извѣстно, даже его собственному семейству. Когда, бывало, кто-нибудь изъ любопытства или случайно спрашивалъ его объ этой таинственной сторонѣ его жизни, онъ тотчасъ, несмотря на всю свою доброту, принималъ гордый, серьезный видъ и сразу отбивалъ охоту задавать ему подобные вопросы.

По обѣимъ сторонамъ мистера Вернона сидѣли двѣ молодыя дѣвушки, его дочь и воспитанница, присутствіе которыхъ объясняло, почему онъ, наконецъ, рѣшился посѣтить Европу, чего до сихъ поръ ни за что не хотѣлъ сдѣлать. Откладывая съ года на годъ удовольствіе, котораго онъ постоянно жаждал и въ которомъ отказать имъ окончательно онъ считалъ себя не вправѣ, мистеръ Вернонъ, наконецъ, пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, оставилъ свое веселое жилище на зеленыхъ берегахъ Гудзона, и спустившись въ многолюдный градъ при его устьѣ, доставилъ своимъ дѣвочкамъ неизяснимое счастье повидать всѣ чудеса стараго свѣта. Пожилая женщина, взнянчившая его дочь—живой образъ и единственный завѣтъ безпредѣльно любимой жены, умершей въ родахъ—сопровождала скорѣе въ качествѣ друга, чѣмъ слуги, это счастливое семейство, которое возвращалось теперь домой, послѣ своего веселаго путешествія.

Элинора Грѣзбрукъ и Грѣсъ Вернонъ такъ были не похожи другъ на друга, какъ только могли два созданія, имѣвшія столько общаго въ чувствахъ и мысляхъ. Элинора, которой недавно минуло двадцать-два года, видѣла въ жизни до осьмнадцати лѣтъ только горе и страданія. Она была дочь чрезвычайно умнаго, но очень нервнаго и чувствительнаго человѣка, который, испытавъ жестокаго разочарованія въ жизни, предался пьянству еще до рожденія Элиноры. Его жена, прелестная, но своенравная женщина, изъ которой рѣшительный и стойкій человѣкъ могъ бы сдѣлать самое благородное, восхитительное созданіе, потеряла наконецъ всякое терпѣніе, и послѣ двѣнадцати лѣтъ каторжной

жизни, бѣжала съ бывшимъ товарищемъ своего мужа, мистеромъ Кирквудомъ. Пять лѣтъ спустя, она въ свою очередь была брошена, и ея любезный скрылся въ Калифорнію. Несчастливая женщина бросилась искать мужа, чтобы выпросить у него прощеніе и позволеніе взглянуть хоть разъ на своего ребѣнка, но Грѣзбрукъ уже умеръ за нѣсколько дней передъ тѣмъ отъ *delirium tremens*. Несмотря на всю свою безумную жизнь, онъ скопилъ нѣсколько тысячъ для своей бѣдной Элиноры, которую очень любилъ, хотя и заставлялъ вести самую несчастную жизнь. За нѣсколько времени до своей смерти, предчувствуя ея приближеніе, онъ упросилъ Оливера Вернона, во имя ихъ прошлой дружбы, взять его дочь на свое попеченіе и держать какъ можно далѣе отъ всѣхъ сношеній съ погибшей матерью. Вернонъ очень охотно взялъ на себя отвѣтственность, хотя и сомнѣвался въ законности послѣдняго условія. Прошло однако пять или шесть лѣтъ съ того дня, какъ Мари Грѣзбрукъ узнала о смерти своего мужа; и никто не видалъ и не слышалъ о ней; потому всѣ, кто интересовались ея участью, вполнѣ согласились съ мнѣніемъ Вернона, что она, должно быть, умерла.

Горькія испытанія, перенесенныя въ жизни Элинорой, оставили скорѣе слѣды на ея характерѣ, чѣмъ на ея наружности. Обладая въ сущности чрезвычайно чувствительной натурой, она казалась всегда холодной, безчувственной. Живо воспринимая всѣ внѣшнія и внутреннія впечатлѣнія, она какъ-бы оставалась одинаково равнодушной ко всему. Горестныя обстоятельства ея дѣтства и удручливо-гнетущая атмосфера, которой она дышала въ то время, до того поразили и унизили въ собственныхъ глазахъ бѣдную молодую дѣвушку, что она теперь очень естественно искала спасенія въ гордомъ, безмолвномъ спокойствіи, походившемъ даже иногда на чрезмѣрную надменность. Ея красота увеличивала еще впечатлѣніе, производимое ея обхожденіемъ и манерами. Внеокаго роста, статная, она, быть можетъ, показалась бы слишкомъ худощавой, еслибъ ея бюстъ не былъ вполнѣ изящно развитъ. Черты ея были бы чисто-греческія, еслибъ хорошенькій носикъ не смахивалъ немного на орлиный. Губы ея можно было бы назвать слишкомъ полными, еслибъ онѣ не были сжаты тѣмъ тономъ рѣшимости, который, ступенчатая всяку тѣнь чувственности, напротивъ, придаетъ губамъ интеллектуальное выраженіе. Цвѣтъ лица ея поражалъ своей бѣлизной, а глаза, почти черные, казались совершенными угольками изъ-подъ темныхъ, густыхъ рѣсницъ. Чудные, длинные волосы свѣтло-каштановаго цвѣта переливали въ различныя оттѣнки, чѣмъ ближе къ головѣ, тѣмъ свѣтлѣе, и спереди казались совершенно

русскими отъ прически, введенной въ моду императрицей Евгеніей. Руки Элиноры, хотя и не очень маленькія, были чисто-аристократическія, а прелестныя ножки съ ихъ высокимъ подъемомъ и миниатюрнымъ каблучкомъ, были до того граціозны, что всякій невольно благодарилъ услужливый вѣтерокъ, когда онъ волновалъ складки ея широкаго платья.

При первомъ взглядѣ на Грэсъ Вернонъ, вы тотчасъ замѣчали нѣчто въ ея тонѣ и манерахъ, ясно говорившее, что она еще никогда не испытала ни горя, ни страданій. Дѣйствительно, привыкнувъ съ малолѣтства быть вѣчно окруженной любовью и попеченіями, она не имѣла ни малѣйшаго понятія о горькихъ минутахъ въ жизни; даже несчастье, котораго не могутъ избѣгнуть самые счастливые и богатые люди, то-есть смерть милыхъ людей—миновало ее, ибо ея мать скончалась въ минуту ея рожденія, а потомъ она даже не лишилась ни одной изъ своихъ подругъ. Вся ея жизнь прошла въ веселой прогулкѣ по тихому, прелестному морю подъ безоблачнымъ голубымъ небомъ. Чистая, невинная, неподозрѣвавшая ничего дурнаго въ свѣтѣ, Грэсъ была часто легкомысленна и безразсудна, но никогда не выказывала ни малѣйшаго эгоизма или себялюбія. Она наслѣдовала отъ отца не только его гуманности, но и ясное сознаніе истины и справедливости — качество, столь облагораживающее и уравновѣшивающее умъ. Страстно привязанная къ отцу, она горячо сочувствовала его идеямъ и мнѣніямъ, которыя всегда были человѣчны, а иногда до того впереди нашего утилитарнаго вѣка, что ихъ называли съ усмѣшкой «крайними и радикальными». Не имѣя матери, она сосредоточила ту любовь, которая выпала бы на ея долю, на своей старой нянѣкѣ Мерси Тредвелъ, прозванной «тѣкой Мерси», почтенной и доброй женщиной, вдовѣ бѣднаго фермера изъ Масачусета. Грэсъ съ восторгомъ привѣтствовала переѣздъ въ ихъ домъ Элиноры, и мало по малу между обѣими дѣвушками возникла самая пламенная дружба. Мы уже сказали, что между ними была огромная разница, и дѣйствительно различіе во внѣшнемъ видѣ было такъ же велико, какъ и въ характерахъ. Гораздо ниже ростомъ Элиноры, Грэсъ не имѣла ни одной правильной черты, но все же, безъ всякаго сомнѣнія, была очень хороша собою. Ея фигура была прелестная, глазки нѣжно-голубые, а густые темно-каштановыя волосы окаймляли личико, на которомъ вѣчно играла оборожительная улыбка, выказывавшая блестящій рядъ бѣлыхъ зубовъ.

Обѣ молодыя дѣвушки были въ легкихъ висейныхъ платьяхъ и круглыхъ шляпкахъ, только-что тогда входившихъ въ моду.

Вокругъ трехъ описанныхъ нами лицъ, собрался цѣлый кру-

жокъ мужчинъ, частію принимавшихъ участіе въ общемъ разговорѣ, частью просто слушающихъ, что другіе говорятъ. Оживленная бесѣда эта вдругъ была прервана восклицаніемъ, обратившимъ всеобщее вниманіе на молодого человѣка, торчавшаго на мачтѣ съ громадной зрительной трубой въ рукахъ.

— Ну, что это по вашему, мистеръ Мидльтонъ? воскликнулъ капитанъ Станченъ, останавливаясь у мачты.

— Большой пароходъ, сэръ, на три румба съ навѣтренной стороны, и идетъ прямо на насъ, отвѣчалъ юноша.

— А, а! Мистеръ Эдвардсъ, приготовьте частный сигналъ. Это не можетъ быть вест-индійскій пароходъ: мы слишкомъ близки къ землѣ янки.

— Новости изъ Нью-Йорка, господа, прибавилъ капитанъ, подходя къ нашимъ друзьямъ.

— Насколько онѣ позже послѣднихъ извѣстій, полученныхъ нами, капитанъ? спросилъ Вернонь.

— Около пятнадцати дней, сэръ. Мы вышли восемнадцатаго, а нашъ пріятель, вѣроятно, оставилъ Нью-Йоркъ днемъ раньше. Наши же послѣднія извѣстія изъ Америки были отъ 2-го.

— Нельзя ли бы намъ остановиться и взять газеты? спросилъ Спригъ, поспѣшно подходя къ капитану.

— Мы веземъ почту ея величества, которая ни для кого не останавливается, отвѣчалъ, качая головой, капитанъ.

— Ничего, Спригъ, замѣтилъ Слаймеръ: — намъ еще ѣхать не болѣе недѣли, а если до тѣхъ поръ республика исчезнетъ съ лица земли, то, вѣрно, раздастся на небѣ гласъ трубный.

— Нечего объ этомъ беспокоиться, торжественно произнесъ Максвиндль: — великая республика переживетъ насъ съ вами.

— Великая республика — неудачная ошибка, замѣтилъ вполголоса Госсамеръ Ван-Донкъ: — знаете ли, мистеръ Эліотъ, и теперь уже ни одинъ джентльменъ не можетъ подавать голоса въ Нью-Йоркѣ? Человѣкъ хорошей фамиліи и въ приличномъ платьѣ, не можетъ пробраться къ избирательнымъ урнамъ отъ толпы низкой, оборванной черни, особливо ирландцевъ.

— Неужели это правда, мистеръ Вернонь? спросилъ Эліотъ, молодой агличанинъ съ очень либеральными мнѣніями и впервые переѣзжавшій Атлантическій океанъ: — неужели ваша общая подача голосовъ такъ худо примѣняется?

— Увы, эта система имѣетъ много слабыхъ сторонъ, отвѣчалъ очень серьезнымъ тономъ Вернонь: — еслибъ все могло остаться въ томъ видѣ, какъ оно было въ первые тридцать лѣтъ республики, то эта система была бы какъ нельзя болѣе полезна. Юная нація тогда только-что вышла изъ страшнаго испытанія, очищенной, возвышенной, и ея основатели рассчитывали, что

всеобщее распространение образования будетъ сопровождать всеобщую подачу голосовъ, и такимъ образомъ, люди, благодаря воспитанію, сдѣлаются вполне достойными этого права, прежде чѣмъ они воспользуются имъ. Но послѣдовавшее за этимъ громадное, непредвидѣнное, матеріальное благосостояніе послѣло первня сѣмена развращенія и упадка. Это привлекло гигантскую эмиграцію, состоявшую большею частью изъ самаго необразованнаго класа иноземцевъ. Эти люди, какъ бы они, впрочемъ, ни были честны, не могли въ одинъ день научиться, что демократія не значитъ безпорядокъ и своеволіе. Часто подверженные на своей родинѣ очень тяжелому гнету, они по большей части не привыкли къ свободѣ и не знали, какъ съ нею обращаться.

— Но, конечно, туземное населеніе многочисленнѣе иноземцевъ, и всегда въ состояніи держать ихъ въ порядкѣ, обуздывать, замѣтилъ Эліотъ.

— Туземцы многочисленнѣе, правда; но что касается до обузданія иностранцевъ, то это невозможно, ибо при естественномъ раздѣленіи американцевъ на партіи, иностранный элементъ придаетъ той партіи первенство, къ которой онъ присоединяется, а очевидно онъ примкнетъ къ той сторонѣ, гдѣ ему выгоднѣе, то-есть къ неправой.

— Но зачѣмъ же имъ непремѣнно пристать къ неправой сторонѣ? спросилъ Эліотъ:—отчего же имъ, по незнанію, точно такъ же не попасть и на истинный путь?

— Потому что ихъ невѣжество и незнаніе не простираются до такой степени. Тѣ, которые выселяются въ Америку, особливо изъ Великобританіи, претерпѣли или воображаютъ, что претерпѣли на себѣ жестокой гнетъ законовъ и общества. Поэтому они питаютъ ненависть ко всякому закону, который стремился бы ихъ ограничить, и не терпятъ никакого общества, которое было бы немного выше ихъ среды. Они постоянно смѣшиваютъ политическое равенство съ социальнымъ, или, по крайней мѣрѣ, они упорствуютъ въ подобномъ толкованіи того принципа, который только тогда справедливъ, когда онъ выражаетъ равенство для всѣхъ людей политическихъ и юридическихъ правъ. На этомъ основаніи они сочувствуютъ всему, что понижаетъ уровень общества, и всякому революціонному движенію, не обращая никакого вниманія на то, не нарушаются ли такимъ образомъ права другихъ людей.

— Однако, Соединенные Штаты никогда не достигли бы своего теперешняго положенія безъ наплыва иноземныхъ работниковъ.

— Очень вѣроятно, но и иноземные работники, съ своей стороны, были очень рады случаю получить хорошую плату и хоро-

шій кормъ. Впрочемъ, и сама Европа выиграла отъ этого, по крайней мѣрѣ, въ матеріальномъ отношеніи.

— Какимъ образомъ?

— Да потому, что фабричная промышленность—главный источникъ силы въ Западной Европѣ, особливо въ Англии, а эта промышленность наиболѣе зависитъ отъ хлопчатки, которая въ свою очередь зависитъ отъ рабства. Вотъ почему иноземцы въ Америкѣ, во всякомъ случаѣ большая часть ихъ, именно пришельцы изъ Великобританіи, всегда были и есть самой твердой опорой всѣхъ мѣръ, стремящихся къ упроченію и распространенію позорнаго невольничества.

— Но вѣдь это—странная аномалія, что люди угнетенные дѣлаются сторонниками угнетателей?

— Какъ ни странно, но это дѣйствительно такъ; природа человѣка такова, что однажды вступивъ на дурной путь, онъ не такъ-то легко съ него сходитъ. Конечно, есть благородныя исключенія, но большинство ирландцевъ и жидовъ питаютъ дружескія чувства къ *домашнему учрежденію*. Мысль, что цѣлая раса или класъ людей подверженъ систематическому угнетенію, ихъ не устрашаетъ, какъ только дѣло касается не лично до нихъ. Эти люди еще не дозрѣли до свободы въ нашемъ широкомъ значеніи этого слова; они не готовы для ея принятія точно такъ же, какъ были бы негры, еслибъ ихъ вдругъ освободили въ одинъ день. Въ обоихъ случаяхъ перерожденіе можетъ совершиться медленно и постепенно.

Тутъ разговоръ былъ прерванъ общимъ волненіемъ, произведеннымъ быстрымъ приближеніемъ парохода, шедшаго на встрѣчу *Ассирии*; однако дамы были очень рады этой остановкѣ, ибо онѣ замѣтили, что Максвиндль, подслушавъ мелькомъ нѣсколько замѣчаній Вернона, преисполнился негодованіемъ, что ясно было видно по его лицу, которое грозило непріятной исторіей. Дѣйствительно, онъ только что хотѣлъ воскликнуть: «Такъ вы хотите сравнить насъ съ неграми?» какъ всѣ бросились къ бакинскому шканцеву и онъ долженъ былъ проглотить свое неудовольствіе.

Незнакомецъ, отстоявшій теперь не болѣе какъ полмили отъ *Ассирии*, былъ большой винтовой пароходъ, походившій своими изящными снастями на военный фрегатъ. Онъ шелъ на всѣхъ парусахъ, хотя по необходимости на крутой бейдевиндѣ. Но вотъ онъ спустилъ грот-марсъ и остановилъ машину. Съ каждой минутой разстояніе между пароходами убавлялось; на обоихъ развѣвался благородный англійскій флагъ, и толпа народа высыпала на палубы, смотря на друга съ интересомъ и любопытствомъ. Вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, что новый пришелецъ спускаетъ лодку.

— Они хотятъ идти на абордажъ, сэръ, сказалъ мистеръ Эдуардъ, подходя къ капитану и прикладываясь къ козырьку.

— Я знаю, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ капитанъ.— Мы не можемъ остановиться, но вы задержите ходъ, мистеръ Эдуардъ; море тихо, и они, конечно, легко передадутъ намъ что нужно.

— Слушаю, сэръ.

Черезъ минуту громадное чудовище подвигалось уже съ четвертью своей прежней скорости. Къ этому времени лодка съ незнакомаго парохода была спущена, и четыре здоровыхъ молодыхъ налегли на весла. Пока они лавировали чтобъ подойти къ *Ассири* съ кормы, публика съ обѣихъ шканцевъ вела переговоры. Оказалось, что незнакомецъ былъ *Стромболи*, вышедшій изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль 17-го числа, а теперь остановилъ *Ассирию* чтобъ передать ей одного пассажира, желавшаго возвратиться съ полдороги снова въ Америку. Этотъ баринъ ѣхалъ въ лодкѣ, и дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ маленькая лодочка заплесала въ волнистомъ слѣдѣ, оставляемомъ громаднымъ винтомъ «Ассири», и послѣ шумныхъ криковъ и размѣна газетъ и писемъ, были перекинуты черезъ бортъ два чемодана, и вслѣдъ за ними влѣзъ на палубу и мистеръ Стивенъ Дангерфильдъ.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, очень загорѣлый, съ черными, блестящими глазами и бѣлоснѣжными зубами. Его лицо и вся фигура были вполне достойны служить образцомъ для Аполлона—такъ все въ немъ было соразмѣрно и изящно, развѣ только плечи были слишкомъ полны. На немъ былъ бѣлый шерстяной сюртукъ и такіе же жилетъ и панталоны. Въ его манерахъ выказывалась та смѣсь беззаботной небрежности съ удивительнымъ тактомъ хорошо воспитаннаго человѣка—смѣсь, которую такъ трудно поддѣлать и которая обыкновенно есть результатъ хорошей крови, прошедшей уже черезъ многія опасности.

— Добраго вечера, капитанъ Станченъ, воскликнулъ молодой человѣкъ, снимая соломенную шляпу:—надѣюсь, что вы меня примете и дадите мнѣ уголокъ, хотя я появился совершенно неожиданно.

— Клянусь своей жизнью, мистеръ Дангерфильдъ, отвѣчалъ капитанъ:—что вы послѣдній человѣкъ, котораго я думалъ увидѣть сегодня! Привѣтствую васъ отъ всей души, хотя, признаться сказать, ваше появленіе нѣсколько странно.

— Ничего, мы уладимъ, со смѣхомъ возразилъ молодой человѣкъ.—Я боюсь, однако, прибавилъ онъ, обращаясь съ учтивымъ поклономъ къ собравшимся въ кучу пассажирамъ:—боюсь, что я здѣсь совершенно чужой.

— Не совершенно чужой для меня, мистеръ Стивенъ Дангерфильдъ, сказалъ Оливеръ Вернонъ, подходя къ нему:—по край-

ней мѣрѣ, вашъ отецъ не былъ мнѣ чужимъ, хотя я васъ и видѣлъ въ послѣдній разъ еще ребѣнкомъ.

— Вы хотите сказать, прежде чѣмъ я бѣжалъ изъ дома и пошелъ въ моряки, отвѣчалъ молодой человекъ, нѣсколько покраснѣвъ:—я васъ помню, сэръ, хотя, если вы дѣйствительно мистеръ Вернонъ, то вы очень измѣнились въ эти пятнадцать лѣтъ.

— И въ лучшему, я надѣюсь, весело замѣтилъ Вернонъ.—Но пойдемте со мною, я имѣю на васъ права, какъ сосѣдъ.

Съ этими словами онъ повелъ его къ заколдованному кругу, главнымъ привлеченіемъ котораго служили его хорошенькая дочь и воспитанница.

Такимъ образомъ, благодаря случайности, встрѣтились эти люди, которые должны были имѣть такое сильное вліяніе на будущность другъ друга. Вечеръ прошелъ весь въ разговорахъ, безъ сомнѣнія, очень пріятныхъ для всѣхъ участвующихъ; но, быть можетъ, Стивенъ Дангерфильдъ нашелъ въ нихъ всего болѣе удовольствія. Однако, эти разговоры не сдѣлали на него столь сильнаго впечатлѣнія, чтобъ побудить его лечь спать непрочитавъ внимательно двѣ бумажки: одну писанную, другую—печатную, которыхъ онъ перечитывалъ съ полсотни разъ въ послѣдніе четыре дня. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ очень осторожно сложилъ и спряталъ бумажки въ свой портфель, который въ свою очередь положилъ подъ подушку. Первая изъ нихъ была слѣдующая телеграмма:

Филадельфія, 17-го августа.

«Мистеру Стивену Дангерфильду. Кларендонскій оттель. Н. Г. Что-то неладно. Не уѣзжайте.»

Другая бумажка была вырѣзка изъ одной нью-йоркской газеты, изъ отдѣла частныхъ объявленій:

«— К. не вышелъ въ море въ А. — Уѣхалъ на Сѣверъ, въ Пріютъ.»

II.

— Я надѣюсь, вамъ понравится Америка, сказала Грѣсъ Вернонъ Роберту Эліоту, который, стоя подлѣ нея, смотрѣлъ задумчиво на голубую даль:—то-есть не водопадъ ніагарскій, не большія озера и другія живописныя мѣстности, этимъ, конечно, всякій человекъ поневолѣ будетъ восхищаться; но я надѣюсь, что народъ не покажется вамъ такимъ непріятнымъ, какъ его изображаютъ ваши соотечественники въ книжкахъ. Они всегда какъ-то выбираютъ худшіе типы, съ которыми имъ случилось встрѣтиться, и потомъ выдаютъ ихъ за образцы цѣлаго класа людей.

Разговоръ этотъ происходилъ тотчасъ послѣ восхода солнца, на третій день послѣ описанной сцены въ предъидущей главѣ.

Легкій южный вѣтеръ едва округлялъ паруса, и пароходъ шелъ одной силой пара. Благоухающая влага разливалась въ воздухъ, а солнце тускло мерцало сквозь влочковатая облага тумана, отражавшія всевозможные цвѣта радуги. Сѣрватая хладная полуса еще виднѣлась на западѣ, и послѣдняя звѣзда догарала передъ рождающимся днемъ. Вновь вымытая палуба блестяла чистотой и свѣжестью. Каждая веревка была на своемъ мѣстѣ, всѣ бѣгучія снасти убраны какъ-бы на военномъ кораблѣ, вся мѣдъ сіяла и искрилась, какъ золото. Море было усѣяно небольшими, но быстро перекатывающимися волнами, которыя набѣгали другъ на друга подъ прямымъ угломъ, ясно указывая на переѣмну вѣтра. Изрытая волнистая поверхность не давала разглядѣть блестящихъ дельфиновъ, рѣзвившихся вокругъ, но за то мірады морскихъ свинокъ, ловко лавирующихъ, то выказывая свои черныя мордочки, то исчезая подъ пѣной парохода, придавали жизнь и оживленность этой сценѣ.

Молодежь вышолзла изъ своихъ душныхъ каютъ, чтобъ подышать воздухомъ; утро на морѣ—лучшее время дня, и къ тому же палуба почти совсѣмъ пуста, нѣтъ ни шума, ни давки. Дѣйствительно, кромѣ Эліота и Грэсъ, на ней было три человѣка, исключая немногихъ матросовъ, которые однако своимъ постояннымъ присутствіемъ какъ-бы ступеньваютъ свою индивидуальность. Элинора Грезбрукъ въ своемъ бѣлоснѣжномъ утреннемъ платьѣ сидѣла неподвижно какъ статуя, въ безмолвномъ созерцаніи безпредѣльной дали; тѣтка Мерси что-то усердно вазала, а Стивенъ Дангерфильдъ ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ, очищая апельсинъ и разсуждая самъ съ собою, кому его поднести—Эливоръ или Грэсъ.

— Бѣлая часть путешественниковъ находятъ выгоднымъ для себя критиковать все, что они видѣли, сказалъ Эліотъ, продолжая начатый разговоръ:— главное для нихъ, чтобъ книга вышла занимательная, а порицаніе гораздо остроумнѣе похвалъ. Писаки французы ругаютъ Англію, писаки англичане ругаютъ Францію, и тѣ и другіе поддаются одному и тому же соблазну; но вѣдь то, что дѣйствительно хорошо въ той или другой странѣ, отъ этого ни мало не терпится.

— Ахъ! воскликнула молодая дѣвушка:—это вамъ кажется потому, что Англія и Франція такъ недалеко другъ отъ друга и что клевета скорѣй опровергается, когда разстояніе ничтожно. Но дѣло совершенно иное, когда васъ раздѣляетъ широкій океанъ.

— Я съ вами согласенъ; но въ этомъ случаѣ не перевѣшиваетъ ли то обстоятельство, что мы говоримъ однимъ языкомъ по обѣ стороны океана?

— Это только увеличиваетъ легкость обоюднаго порицанія.

— Но виѣсть съ тѣмъ это помогаетъ и объясненіямъ, которыя всегда слѣдуютъ рано или поздно.

— Ну, продолжала Грэсъ: — я полагаю, что газеты служатъ главнымъ средствомъ объясненія между Англіей и Америкой; однако наврядъ ли, чтобъ онѣ поддерживали дружескія чувства между той и другой страной?

— Пожалуй, и нѣтъ въ настоящее время, отвѣчалъ Эліотъ: — это по той же самой причинѣ, которую я указалъ относительно путешественниковъ. Въ газетѣ главное—красное словцо, острая статейка, и потому журналисты по большей части поддаются соблазну кадить самымъ закоренѣлымъ предразсудкамъ своихъ читателей. Но этому вскорѣ настанетъ конецъ, и все блестящее остроуміе *Saturday Review* не спасетъ журналъ отъ презрѣнія, если въ немъ истиной будутъ жертвовать ради остраго словца.

— Ничто не можетъ быть хуже нашей прессы, замѣтилъ Стивенъ Дангерфильдъ, останавливаясь и разрѣшивъ свои сомнѣнія раздробленіемъ апельсина на двѣ половины:—ваши журналы и газеты хоть издаются образованными людьми, которые, по крайней мѣрѣ, когда хотятъ, высказываютъ глубокія знанія и начитанность. У насъ же совершенно противоположное, конечно, за небольшими исключеніями. Если, какъ мистеръ Вернонъ говоритъ, иностранные поселенцы отличаются грубой дикостью по пріѣздѣ къ намъ, то, конечно, *Нью-Йоркскій Глашатай* и ему подобныя газеты дѣлаютъ все, что только могутъ, чтобы поддерживать въ нихъ эту дикость.

— Вѣроятно, спрость, какъ всегда, обусловливаетъ и тутъ предложеніе, отвѣчалъ Эліотъ:—ваши газеты очень дешевы и предназначены для самыхъ разнородныхъ читателей, поэтому и журналисты, какъ актеры, «должны нравиться, чтобъ жить».

— Да, но вѣдь благодаря этимъ газетамъ, взводятъ клевету на весь народъ. Европа принимаетъ ихъ за выраженіе американской цивилизаціи, американскихъ идей и американскаго духа. Въ сущности же приморскій городъ, наполненный торгашами и иноземными бродягами, никакъ не можетъ служить образцомъ всей страны; уже скорѣе въ этомъ отношеніи можетъ служить Бостонъ, несмотря на всѣ его предразсудки и провинциализмы.

— Но вѣдь если это такъ, то оно должно быть извѣстно образованнымъ класамъ, а газеты, о которыхъ вы говорите, имѣютъ огромный сбытъ во всѣхъ слояхъ общества, слѣдовательно и большее вліяніе?

— Мы судимъ совершенно иначе. Всякій видитъ и понимаетъ зло; но мы слишкомъ заняты и хладнокровны, чтобъ принятыся за его искорененіе. Да и потомъ мы читаемъ газеты только для новостей, а въ этомъ отношеніи нѣтъ лучше нью-Йоркскихъ; что же ка-

сается до вліянія газетъ, то оно почти не существуетъ, то-есть я говорю объ образованныхъ класахъ.

— Поистинѣ странное положеніе.

— Да, но вы убѣдитесь сами въ истинѣ моихъ словъ. Это одно изъ косвенныхъ слѣдствій того горестнаго факта, что переселенцамъ позволяютъ оставаться въ приморскихъ городахъ, вмѣсто того, чтобы ихъ селить на западѣ, гдѣ бы имъ можно было отводить огромныя земли и гдѣ бы они, вмѣсто теперешняго вреда, приносили бы только пользу и вскорѣ обратились бы въ отличныхъ гражданъ. Все это доказывается какъ нельзя яснѣе статистическими цифрами.

— А какъ вы думаете, мистеръ Эліотъ, воскликнула вдругъ Грѣсъ съ прелестной улыбкой:—если мы такъ гостепріимны, что даемъ право всѣмъ нашимъ гостямъ участвовать въ общей подачѣ голосовъ, то не должны ли бы и американки, по крайней мѣрѣ образованныя, пользоваться тѣмъ же правомъ?

— Отвѣтъ очень легковъ, отвѣчалъ Эліотъ, съ восхищеніемъ смотря на обѣихъ красавицъ:—кто можетъ сомнѣваться въ немъ, имѣя счастье видѣть передъ собою такіе образчики вашихъ соотечественницъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, воскликнула Грѣсъ, вспыхнувъ:—вы не должны прикрываться такими комплиментами; извольте отвѣчать серьезно.

— Въ такомъ случаѣ я скажу вамъ, что вопросъ этотъ очень трудный, щекотливый, мисъ Вернонъ, до того трудный, что я сердечно благодаренъ благодѣтельной судьбѣ, посылающей намъ вашего отца; онъ гораздо лучше моего разрѣшить эту задачу.

Въ эту минуту Оливеръ Вернонъ подошелъ къ разговаривающимъ. Нѣжная, кроткая улыбка играла на его благородномъ лицѣ. Знавшіе его близко дорого цѣнили эту улыбку, которая все болѣе и болѣе привязывала ихъ къ нему: какъ дороже и милѣе была бы она для нихъ, еслибъ они знали еще, что эта улыбка была внѣшнимъ признакомъ и выраженіемъ той умственной, душевной зрѣлости, до которой достигла эта благородная, широкая натура, несмотря на всѣ обстоятельства его жизни, которыя сдѣлали бы большую часть людей злыми мизантропами, а нѣкоторыхъ даже преступниками.

Оливеръ Вернонъ поквнулъ свою родину, чтобы избѣгнуть позорныхъ послѣдствій преступленія, совершеннаго тридцать лѣтъ тому назадъ. Младшій сынъ, потомокъ древняго, аристократическаго рода, онъ рано вкусилъ горькую чашу униженія — результатъ закона первородства. Его мать, слабая, легкомысленная женщина, сосредоточила всю свою любовь на старшемъ сынѣ Вильямѣ, а меньшого почти совсѣмъ забросила и обходилась съ нимъ съ презрѣніемъ. Отецъ былъ слишкомъ занятъ

политическими дѣлами, чтобъ обратить хоть малѣйшее вниманіе на семейство; однако, желая помѣстять Вильяма въ парламентъ, онъ съ неудовольствіемъ видѣлъ праздную, легкомысленную жизнь, которую тотъ велъ съ самой юности, несмотря на свои блестящія способности. Всѣмъ было извѣстно, что Вильямъ Вернонъ держалъ огромныя пари на скачкахъ, но никто кромѣ его и жидовъ, дававшихъ ему деньги, не подозрѣвали, до какихъ громадныхъ размѣровъ доходили его долги. Оливеръ, найдя наконецъ жизнь въ родительскомъ домѣ невыносимой, оставилъ его, и имѣя единственнымъ средствомъ къ пропитанію небольшой капиталъ, оставленный бабушкой, началъ жить своими трудами; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ трудной борьбы съ жестокой судьбой, онъ, наконецъ, поступилъ въ секретари къ одному богатому аристократу — дальнему своему родственнику.

На этого лорда С., старикъ Вернонъ рассчитывалъ всего болѣе, для вывода въ свѣтъ своего старшаго сына-наслѣдника; поэтому Вильямъ постоянно ухаживалъ за лордомъ, старался снискать его благосклонность, и очень часто посѣщалъ его домъ. Однажды, во время поѣздки лорда въ отдаленную провинцію Англіи, его лондонскому банкиру была представлена чека въ пять тысячъ фунтовъ. Сумма хотя была и большая, но такъ-какъ эту чеку представили вмѣстѣ съ другими меньшими, которыя прошли черезъ руки Оливера Вернона, то банкиръ выплатилъ требуемую сумму безъ малѣйшаго подозрѣнія. Вскорѣ оказалось, однако, что подпись лорда С. была подложная, и это открытіе сопровождалось такими явными уликами противъ Оливера Вернона, что его преступность была всѣми признана, особливо послѣ его неожиданнаго бѣгства изъ Англіи.

Это всеобщее убѣжденіе было окончательно подтверждено несомнѣннымъ фактомъ, когда черезъ два года лордъ С. получилъ отъ неизвѣстнаго изъ Америки чеку въ тысячу фунтовъ, что было повторяемо ежегодно до тѣхъ поръ, пока вся похищенная сумма была уплачена. Хотя это дѣло не было публично судимо, и оставалось извѣстнымъ только кружку знакомыхъ преступника, но съ той минуты Верноны уже болѣе никогда постарому гордо не поднимали головы. Старикъ умеръ черезъ три года послѣ бѣгства Оливера, какъ говорили, съ горя и стыда. Послѣ этого, Вильямъ Вернонъ сталъ вести жизнь еще болѣе разгульную, и надѣлалъ столько долговъ, что, наконецъ, совершенно разорился, и всѣ его помѣстья были взяты подъ опеку, для уплаты кредиторамъ. За годъ передъ этимъ умерла и несчастная мать, съ которой онъ въ послѣднее время обходился самымъ жестокимъ образомъ; она, говорятъ, на одрѣ смерти проклинала Вильяма, и жалобно звала Оливера, умоляя простить ее. Оставшись безъ гроша, Вильямъ бѣжалъ въ Аме-

риву — къ брату, который, между тѣмъ, нажилъ хорошенькое состояніе. Оливеръ всѣми силами старался втянуть его въ какое-нибудь занятіе, однако, напрасно: дурныя привычки слишкомъ вкоренились въ немъ; онъ продолжалъ вести свою прежнюю жизнь, предался игрѣ, пьянству. Десять лѣтъ спустя послѣ своего бѣгства изъ Англіи, Оливеръ женился и купилъ великолѣпное помѣстье на берегу Гудсона, гдѣ съ тѣхъ поръ постоянно и жилъ. Одною изъ причинъ, побудившихъ его удалиться изъ города, была боязнь поселить свою нѣжную, молоденькую жену съ развратнымъ братомъ; но и тутъ онъ не рѣшился прогнать Вильяма, ибо все еще любилъ его, несмотря на все горе, претерпѣнное по его милости.

Въ слѣдующемъ году онъ лишился обоихъ, и жены и брата; первая умерла, родивъ на свѣтъ Грэсъ; второй — пропалъ безъ вѣсти. Одни полагали, что онъ вернулся въ Англію, другіе — что погибъ въ дракѣ съ такими же пьяницами, какъ онъ; третьи — что онъ потонулъ, но всѣ поиски полиціи ни къ чему не привели и, наконецъ, Оливеръ пересталъ его разыскивать, приди къ тому убѣжденію, что вѣрнѣе всего, Вильямъ въ пьяномъ видѣ спотыкнулся и упалъ въ рѣву. Прошло пять-десять, пятнадцать лѣтъ, и наконецъ страховыя компаніи, въ которыхъ была застрахована жизнь Вильяма Вернона, выдали слѣдующія съ нихъ суммы его прямому наслѣднику Оливеру, который, выплативъ всѣ долги брата, выкупилъ отцовскія помѣстья и впервые посѣтилъ передъ началомъ нашего разказа.

Но возвратимся къ нашимъ друзьямъ, на палубѣ *Assurini*.

— Я боюсь, что мистеръ Вернонъ возстанетъ противъ вашего вывода, сказалъ съ улыбкой Стивенъ Дангерфильдъ: — вы предлагаете исправить зло, происходящее оттого, что нѣкоторые пользуются правомъ подачи голосовъ, котораго бы они не должны имѣть, дарованіемъ этого же права другимъ, неимѣющимъ его.

— Я припомню вамъ, господа, ваши комплименты, отвѣчала Грэсъ: — теперъ же я надѣюсь на папу, онъ за меня вступится.

— Я сомнѣваюсь, чтобы вашъ отецъ поддержалъ васъ на этотъ разъ, замѣтилъ Эліотъ: — на сколько я замѣтилъ, и я признаю въ этомъ съ удивленіемъ, онъ скорѣе въ пользу ограниченія, чѣмъ увеличенія числа избирателей.

— Опять политика, и избиратели! воскликнулъ Оливеръ Вернонъ, нѣжно цалуя молодыхъ дѣвушекъ

— Не слушайте ее, мистеръ Эліотъ, а то она васъ обратитъ въ радикала, прежде чѣмъ вы попадете въ Новый-Свѣтъ. Намъ же интересно будетъ узнать ваши мнѣнія, какъ человѣка свѣжаго, нормальнаго, безъ предрассудковъ и предвзятыхъ идей.

— Я только выразилъ, сэръ, мое удивленіе, возразилъ Эліотъ: — что вы, повидимому сторонникъ такъ-называемыхъ прогрессивныхъ

миѣній, въ то же время противникъ, конечно, въ нѣкоторой степени, всеобщей подачи голосовъ.

— А изъ этого, подхватила Грэсъ: — мистеръ Стивенъ Дангерфильдъ выводитъ, что вы точно такъ же будете противиться и распространенію этого права на женщинъ.

— Я—самый искренній сторонникъ всеобщей подачи голосовъ, началъ Вернонъ: — но я бы ввелъ ее только послѣ того, какъ повсемѣстно распространится образованіе, которое можетъ сдѣлать всеобщую подачу голосовъ дѣйствительно полезною для человѣчества. Для истиннаго прогресса *названіе вещи* ничто, важно — самое *существо вещи*. Сказавъ, что всеобщая подача голосовъ существуетъ въ какой-нибудь странѣ — вы этимъ нимаю не говорите, чтобъ эта страна пользовалась наибольшимъ благосостояніемъ, но это само собою подразумѣвалось бы, еслибъ мы знали, что въ той странѣ царствуетъ повсемѣстное, всеобщее образованіе. Еслибъ можно было доказать, что дѣти въ пятнадцать лѣтъ достаточно развиты, чтобъ вполне понимать значеніе и обязанности избирателя, то я готовъ тотчасъ дать имъ право голоса; точно также, до тѣхъ поръ, пока нельзя будетъ доказать, что сотни тысячъ необразованныхъ выходцевъ изъ странъ, гдѣ нѣтъ народныхъ школъ, имѣютъ подобное, необходимое развитіе—я бы не давалъ имъ права голоса. Я въ пользу ценза не по имуществу, а по образованію. Распространеніе избирательнаго права, если оно что нибудь означаетъ, то, конечно, распространеніе благосостоянія и счастья; но въ практикѣ, за отсутствіемъ всеобщаго образованія, оно приводитъ постоянно къ совершенно инымъ результатамъ. Возьмемъ примѣръ: самый невѣжественный класъ въ Южныхъ Штатахъ—это бѣлые бѣдняки; самый невѣжественный класъ на Сѣверѣ — иностранные переселенцы. Оба эти класа, впродолженіе долгихъ лѣтъ, подавали голоса вмѣстѣ, и упорно придерживались той политики, которая діаметрально противоположна ихъ благосостоянію и счастью. Они подавали голоса въ пользу сохраненія и распространенія рабства, которое, дѣлая трудъ презрѣннымъ, заставляетъ бѣлыхъ бѣдняковъ на Югѣ оставаться нищими и невѣжественными, и въ то же время закрываетъ доступъ въ самыя богатыя страны континента бѣлыми бѣднякамъ Сѣвера. И, однако, замѣтите, непремѣнное послѣдствіе, къ которому ведетъ наше примѣненіе принципа всеобщей подачи голосовъ, будетъ то, что когда, по волѣ провидѣнія, неминуемая борьба вспыхнетъ между двумя принципами свободы и рабства, эти самые люди, по своему положенію, должны будутъ вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть битвы, которую начать безъ ихъ помощи, рабство никогда бы не имѣло довольно силы.

— Что же касается до женщинъ, продолжалъ Вернонъ, въ минутнаго молчанія: — то нѣтъ сомнѣнія, что есть тысячи женщинъ въ Америкѣ, которыя въ состоянїи подать голосъ гораздо сознательнѣе и благоразумнѣе массы иноземцевъ. Поэтому вопросъ этотъ дѣлается лишь вопросомъ времени и обстоятельствъ. Что женщины будутъ современемъ избирателями—это очень вѣроятно, но въ настоящую минуту я сомнѣваюсь, созрѣло ли наше общество для такого нововведенія. Теперь еще очень мало женщинъ, которыя дѣйствительно желаютъ воспользоваться этимъ правомъ; но предположимъ, что ихъ одна на десять, то остальные девять будутъ поставлены въ самое неловкое и несчастное положеніе честолюбїемъ одной.

— Но отчего же, папа, спросила Грэсъ:—женщинамъ не пользоваться правомъ мужчинъ подавать свой голосъ или нѣтъ, какъ заблагоразсудится?

— Я думаю, это будетъ невозможно, по крайней мѣрѣ при существующемъ общественномъ порядкѣ. Мужья, отцы и братья, конечно, стануть претендовать, чтобъ ихъ жены, дочери и сестры подавали голосъ, за кого они желаютъ, или вовсе не подавали бы, такъ что результатъ выборовъ не измѣнится.

— Одно достовѣрно, замѣтилъ Эліотъ:—что участіе женщинъ въ политикѣ и особливо въ выборахъ, произвело бы много хорошихъ перемѣнъ: такъ навѣрно уничтожились бы нѣкоторые грубые обычаи и уменьшились подкупы и взяточничество.

— Но, возразилъ Дангерфильдъ:—не потеряли ли бы отъ этого женщины своей нѣжности, скромности и утонченной деликатности?

— Я не думаю, отвѣчала Грэсъ:—турки и другіе восточные народы полагаютъ, что къ такимъ результатамъ должны привести многія права, данныя западными государствами женщинамъ; но мы видимъ, какъ ошибочно это мнѣніе. Во Франціи, женщины торгуютъ въ магазинахъ и имъ открыты многія другія отрасли промышленности, которыя въ Америкѣ для насъ недостижимы, и нельзя сказать, чтобъ отъ этого женскій полъ понижался въ какомъ бы то ни было отношеніи.

— Вопросъ о женскомъ трудѣ у насъ еще находится въ младенствѣ, сказалъ мистеръ Вернонъ:—но довольно о серьезныхъ вопросахъ, мы совсѣмъ убаюкали Нелли. Она, кажется, преспокойно спитъ. Однако! воскликнулъ онъ, обращаясь къ Элиноръ:—что съ ней!

Молодая дѣвушка сидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ разговаривавшихъ на подвѣтренной сторонѣ палубы. Она во все время ихъ разговора молчала, только раза два сказала шопотомъ нѣсколько словъ тѣткѣ Мерси, вазавшей подлѣ нея; теперь же она вдругъ

вскрикнула, и устремивъ пламенный взглядъ на западъ, указала пальцемъ на что-то чернѣвшееся вдали.

— Клянусь, это лодка, воскликнула Грѣсъ, бросаясь къ Элиноръ и смотря по указываемому ею направленію:—это лодка—на боку и со сломаннымъ парусомъ.

— Лодка, воскликнулъ смѣясь Стивенъ Дангерфильдъ:—это большая шкуна, потернѣвшая крушеніе.

— Часовой просналь, вѣрно, сердито пробормоталъ мистеръ Эдуардъ, появляясь на палубѣ:—дай ходу, Максвелъ!

— Есть!

— Большая шкуна... мачтъ нѣтъ... стойкамъ на бимсѣ... продолжалъ Эдуардъ, смотря въ зрительную трубу:—Джэкобъ, позови капитана Станчена.

— Есть, сэръ.

— Нѣтъ ли признаковъ людей на палубѣ, мистеръ Эдуардъ? спросилъ поспѣшно Вернонъ:—матросовъ или пассажировъ?

— Нѣтъ, на сколько я вижу. Судно, вѣроятно, брошено и, пожалуй, находится въ такомъ положеніи уже съ мѣсяць.

Черезъ нѣсколько минутъ выбѣжалъ на палубу капитанъ въ бѣлыхъ панталонахъ и впопыхахъ застегивая сюртукъ. Онъ взглянулъ на погибавшій корабль вдали, потомъ на компасъ и наконецъ скомандовалъ уклониться отъ вѣтра.

— На нѣсколько румбовъ! прибавилъ онъ:—надо посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ людей. Лодку на готовъ, мистеръ Эдуардъ. Хорошо, Максвелъ! Держи такъ!

— Есть!

Пароходъ теперь быстро подходилъ къ разбитому кораблю, который оказался красивой, длинной шкуной, въ сто или пятьдесятъ тоннъ. Обѣ ея мачты исчезли, отъ грот-мачты остался пень футовъ въ десять, а бизань-мачту оторвало у самого основанія. Бортъ былъ проломанъ спереди и сзади, и все, чѣмъ находилось на палубѣ, было смито. Одинъ только бугшпритъ оставался на мѣстѣ и висѣвшіе съ него обрывки линей колыхались въ волнахъ. Палуба склонялась къ водѣ подъ очень крутымъ угломъ, какъ-бы показывая, что весь грузъ или баластъ сбило въ одну сторону, когда судно легло стойкомъ на бимсѣ, и что даже облегченное потерей мачтъ, оно не могло уже прійти въ нормальное положеніе. Множество морскихъ растений и всякаго рода наносовъ нѣсколькими слоями покрывало несчастные обломки.

Опытный глазъ капитана Станчена однимъ взглядомъ обнялъ всѣ эти подробности и вывелъ надлежащее заключеніе.

— Ни одной живой души, ни малѣйшаго признака, воскликнулъ онъ.—Я боюсь, мы только даромъ теряемъ время. Кажется, нестоитъ и спускать лодки.

— Конечно, некого спасать, отвѣчалъ Эдуардъ:—на палубѣ не видать ни одной тряпки, а конечно никто не ушелъ бы внизъ на такомъ судиѣ, не оставивъ какого нибудь знава наверху.

— Не стоять, не стоять, повторилъ рѣшительно капитанъ съ шумомъ закрывая зрительную трубу: — мы не можемъ попустому терять время.

— Прикажете идти впередъ, сэръ?

— Да. Но прежде дадимъ имъ сигналъ. Зарядить пушку! Если тамъ кто есть, такъ пускай воспользуется этимъ послѣднимъ средствомъ къ спасенію.

Оба приказанія были исполнены въ одно и то же время. Сдѣлавъ ловкій поворотъ, *Ассирия* стала подъ вѣтеръ и въ то же мгновеніе раздался выстрѣлъ. Дымъ на секунду скрылъ отъ любопытныхъ обломки шкуны. Настутило мертвое молчаніе, выродоженіе котораго обѣ молодыя дѣвушки смотрѣли другъ на друга съ какимъ-то горькимъ разочарованіемъ. Но вотъ Элинора громко воскликнула:

— Нѣтъ, сэръ! Капитанъ Станченъ! Посмотрите! Посмотрите!

Дымъ разсѣялся въ прихотливыхъ, фантастическихъ струйкахъ, и снова показалось несчастное судно на разстояніи не болѣе трети мили отъ *Ассирии* съ подвѣтренной стороны. Изъ задняго люка показалась палка съ доскутомъ разорваннаго американскаго флага; очевидно, ее держала человѣческая рука, ибо она дрожала и подымалась все выше и выше, пока, наконецъ, сила, поддерживавшая ее, казалось, вдругъ истощилась и древно съ флагомъ покатилося по палубѣ.

Всѣ на *Ассирии* поняли эту безмолвную мольбу. Почти безъ всякихъ привязаній, пароходъ снова уклонился отъ вѣтра, матросы бросились на корму, и послѣ нѣсколькихъ движеній винта, лодка была снущена. Инстинктивно вслѣдъ за командой прыгнули въ нее Стивенъ Дангерфильдъ и Эліотъ, и шесть здоровыхъ молодцовъ навалили со всей силой на весла. Тѣ, кто остались на палубѣ, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали результата, который не заставилъ себя долго ждать, хотя Элиноръ это время показалось цѣлой вѣчностью.

Догрестъ до шкуны, взобраться на нее и прыгнуть обратно въ лодку, заняло не болѣе нѣсколькихъ минутъ. Вотъ они уже возвращаются — пристають. Всѣ глаза обращены съ лихорадочнымъ ожиданіемъ на ту сторону палубы, откуда должны появиться прибывшіе. Ихъ теперь десятеро вмѣсто восьми. Трое или четверо матросовъ перепрыгиваютъ черезъ бортъ, вслѣдъ за ними Эліотъ съ помощью одного матроса втаскиваютъ негритянку среднихъ лѣтъ съ истощеннымъ, омертвѣвшимъ лицомъ и посинѣвшими губами. Тутъ Оливеръ Вернонъ проталкивается впередъ къ швафуту и принимаетъ въ свои объятія изъ рукъ Стивена Дангерфильда—маленькаго ребенка.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Замѣтка объ американскихъ событіяхъ. — Засѣданіе законодательнаго корпуса. — Рѣчь Тьера противъ расходовъ второй имперіи. — Какъ составляется государственный бюджетъ Франціи. — Вліяніе воинственности на финансы Франціи. — Безцеремонность преній во второй пруской палатѣ. — Столкнове- ніе Бисмарка съ Вирховымъ. — Мысль объ устройствѣ прусскихъ колоній на островѣ Формозѣ. — Шлезвиг-голштинскій вопросъ. — Кандидатура великаго герцога Ольденбургскаго. — Поддержка его правъ Россіей. — Значеніе вопроса о пьянствѣ въ экономическомъ и нравственномъ бытѣ Россіи. — Доходъ государства отъ питейной акцизной системы. — Содержаніе чиновъ питейно-акцизнаго управленія. — Вознагражденія мѣстамъ и частнымъ лицамъ за потерю или убыль питейныхъ доходовъ. — Постановленія нашего законодательства о пьянствѣ. — Необходимость ихъ измѣненія. — Открытіе комисіи для пересмотра правящъ о продажѣ крепкихъ напитковъ. — Цѣль этой комисіи. — Недостаточность ея личнаго состава. — Необходимость болѣе широкой совѣщательности по этому дѣлу.

Въ настоящую пору ходъ политическихъ событій въ Европѣ не представляетъ ничего замѣчательнаго, такъ что общее вниманіе европейской журналистики сосредоточивается, попрежнему, на дѣлахъ Сѣверныхъ штатовъ и Мексики. Отъ исхода этихъ дѣлъ будетъ зависѣть одно весьма важное обстоятельство для всѣхъ европейскихъ кабинетовъ, а именно — сближеніе Англіи и Франціи по дѣламъ американскимъ, или взаимное ихъ охлажденіе. Между тѣмъ, насчетъ этого нельзя связать пока ничего опредѣленнаго, такъ-какъ политика вашингтонскаго правительства въ отношеніи къ мексиканской имперіи еще недостаточно опредѣлилась. Особенное вниманіе обращаетъ на себя процессъ лицъ, которые обвиняются въ убійствѣ президента Линкольна.

Засѣданія французскаго законодательнаго корпуса продолжаютъ ся, но въ общемъ своемъ ходѣ засѣданія эти не представляютъ

ничего особеннаго. Можно только остановиться на рѣчи Тьера, и на размовкѣ депутата Вирхова съ министромъ фон-Бисмаркомъ.

Рѣчь Тьера важна въ томъ отношеніи, что она направлена противъ веденія финансовыхъ дѣла Франціи со времени учреженія имперіи. Онъ указываетъ на то, что въ послѣдніе годы расходы правительства, какъ обыкновенные, такъ и чрезвычайные, возрасли отъ 1,500 миліоновъ до 2 миліардовъ 300 миліоновъ. Онъ обращаетъ вниманіе законодательнаго корпуса на тотъ фактъ, что въ продолженіе двухъ недѣль потребовали увеличеніе бюджета на 360 миліоновъ для Франціи вообще, и на 250 миліоновъ собственно для Парижа; къ этому онъ добавилъ, что въ государственномъ совѣтѣ приготавливается проектъ закона о дополненіи бюджета еще на 100 или даже на 200 миліоновъ. Увеличеніе французскаго бюджета г. Тьеръ объясняетъ, съ полною откровенностію, такимъ образомъ:

Съ того времени, сказалъ г. Тьеръ, когда новыя наши учрежденія уменьшили то участіе, какое принимала нація въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, стали опасаться, чтобы та дѣятельность разсудка, въ которой укоряютъ французовъ, не сдѣлалась бы вредною, если не будутъ присланы такія средства, которыя заняли бы вниманіе страны. Эти средства, иногда опасныя и всегда дорого стоящія, были: война внѣ государства, а внутри его огромныя издержки и громадныя предпріятія.

Такимъ образомъ, Франція вела двѣ большія войны: въ Крыму и въ Италіи. Послѣ этого слѣдовали войны незначительныя по количеству употребленнаго войска, но потребовавшія большихъ издержекъ и неустранившія тѣхъ столкновеній, которыя могутъ произойти во всякое время. Г. Тьеръ указываетъ на то, что война въ Мексикѣ стоила Франціи дороже, нежели война въ Италіи, а по встрѣченнымъ въ мексиканской войнѣ затрудненіямъ, она такъ же важна, какъ и война итальянская. Военные расходы были покрыты займами, вслѣдствіе которыхъ государственный долгъ Франціи значительно увеличился въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Что же касается громадныхъ работъ, производимыхъ во Франціи, то, какъ замѣчаетъ г. Тьеръ, каждый благоразумный человѣкъ долженъ согласиться, что подобныя работы могутъ быть предприняемы только въ мирное время. Онъ возражаетъ противъ мнѣнія о пользѣ такихъ работъ, замѣчая, что только часть сбереженныхъ государствомъ суммъ должна идти на постройку дорогъ и каналовъ, и что должно держаться крайней разсчетливости при расходахъ на украшеніе городовъ. Значительную же долю сберегаемыхъ суммъ слѣдуетъ обращать на улучшеніе земледѣлія, и на развитіе промышленной дѣятельности.

Въ особенности г. Тьеръ нападаетъ на производимыя нынѣ перестройки Парижа, посредствомъ которыхъ въ сущности разрушаютъ столицу Франціи, для того только, чтобы имѣть случай построятъ ее снова. Полуслушливымъ тономъ онъ замѣтилъ, что

слава сенскаго префекта г. Гаусмана мѣшаетъ спать другимъ префектамъ, изъ которыхъ одинъ уже построилъ для себя помѣщеніе на подобіе тюльрійскаго дворца, стоящее государству до 14 миліоновъ.

За префектами тянутся подпрефекты, которые, если и не перестраиваютъ занимаемыхъ ими отелей, то все же требуютъ отдѣлки и новой мебели для своихъ помѣщеній. Гдѣ же остановится этого рода соревнованіе? спрашиваетъ г. Тьеръ, и отвѣчаетъ, что если данный свѣше толчокъ остановится, то онъ сдержитъ и ниже. Нужно, продолжаетъ г. Тьеръ, чтобы министръ публичныхъ работъ, пресмыщенный, наконецъ, славою, сдѣлался чувствителенъ къ заботамъ министра финансовъ; но явится новый министръ публичныхъ работъ—для него нужна будетъ новая слава, и тогда требованія увеличатся на миліоны.

Не церемонясь слишкомъ много, знаменитый министръ замѣтилъ, что такая система заимствована изъ бывшихъ бурбоновскихъ временъ, и что если министръ финансовъ успѣетъ защитить свою кассу отъ подобныхъ расходовъ, то тогда обратятся къ государственнымъ имуществамъ. Удержать такой потокъ издержекъ г. Тьеръ считаетъ обязанностію членовъ законодательнаго корпуса, которые въ этомъ случаѣ должны руководиться патриотизмомъ, благородіемъ и прямотіемъ. Онъ говоритъ, что отвѣтственность за финансы Франціи прямо падаетъ на законодательный корпусъ, хотя и можно до нѣкоторой степени оспаривать у этого учрежденія право вліянія на дѣла политическія.

Далѣе г. Тьеръ прочелъ своимъ сотоварищамъ весьма вразумительное поученіе на счетъ образа ихъ дѣйствій, какъ представителей законодательной власти: онъ прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ къ притчѣ о двухъ отцахъ—притчѣ, весьма ясной по содержанию въ ней намеку на нынѣшнее положеніе Франціи. Изъ рѣчи г. Тьера видно, что законодательному корпусу представляется на разсмотрѣніе пять бюджетовъ, съ постепеннымъ въ каждомъ изъ нихъ уменьшеніемъ расходовъ, но вслѣдъ за тѣмъ представляютъ еще бюджетъ непредвидимыхъ расходовъ, которые вдругъ увеличиваютъ государственныя траты на сотни миліоновъ, такъ что онѣ достигаютъ до 2,200,000. Неправильности французскаго бюджета, по указаніямъ г. Тьера, содѣйствуетъ причисленіе предвидимыхъ расходовъ къ непредвидимымъ. Такъ, на примѣръ, въ бюджетѣ 1865 года внесено непредвидимыхъ расходовъ 82 миліона, и изъ нихъ 60 назначено на содержаніе французской арміи въ Римѣ, Кохинхинѣ и Мексикѣ, какъ будто — замѣчаетъ г. Тьеръ — правительство не предвидѣло, что ему въ этомъ году придется оплачивать занятіе французской арміей Рима, Кохинхины и Мексики.

Особеннымъ нападкамъ со стороны г. Тьера подверглось непогашеніе долговъ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Не погашать долговъ въ продолженіе этого срока и, быть можетъ, еще въ продолженіе слѣдующихъ пятнадцати лѣтъ, словомъ, неуплатить никакъхъ долговъ въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ — значитъ —

сказалъ г. Тьеръ — идти, замуря глаза, къ банкротству. Единственное средство, по его мнѣнію, къ сокращенію расходовъ — сбереженія по мексиканской экспедиціи и по публичнымъ работамъ.

Возраженія, сдѣланныя г. Тьеру, были слабы. Одинъ изъ сторонниковъ императорской финансовой системы, г. Латуръ-Дюмуленъ, старался доказать, что нападенія, направляемыя противъ финансовъ имперіи, ничего незначать въ сравненіи съ нападеніями, которыя направлялись противъ финансовъ во времена короля Луи-Филппа. Здѣсь, конечно, было не столько опроверженія мнѣній, высказанныхъ г. Тьеромъ, сколько личной колкости на счетъ того положенія, которое занималъ г. Тьеръ во время царствованія орлеанской династіи. Прочія же возраженія заключались въ томъ, что облегченіе бюджетныхъ тягостей слѣдуетъ искать не въ внезапномъ оставленіи Мексики французскими войсками — что можетъ совершиться только цѣною униженія Франціи — и не въ превращеніи огромныхъ публичныхъ работъ, а въ общихъ разумныхъ сокращеніяхъ военнаго бюджета, и, главное, въ принятіи такихъ мѣръ, которыя не дозволили бы сдѣлать какой-либо издержки безъ предварительнаго одобренія со стороны законодательнаго корпуса. Такой порядокъ придалъ бы палатѣ дѣйствительный контроль надъ финансами имперіи. Съ своей стороны, комисія, занимавшаяся разсмотрѣніемъ бюджета, признала, что финансовыя соображенія, вмѣстѣ съ политическими причинами, заставляютъ желать возможно-скорѣйшаго окончанія мексиканской экспедиціи. Отказавшись отъ военныхъ предпріятій, Франція будетъ въ состояніи посвятить всю свою дѣятельность развитію внутреннихъ экономическихъ силъ, что необходимо для всѣхъ отраслей промышленности, торговли и земледѣлія. Увеличивать же размѣръ долга неплатежемъ прежняго было бы неудобно, а прибѣгать къ займу для продолженія разныхъ публичныхъ работъ, значило бы не соображаться съ настоящими финансовыми условіями. Оживить публичныя работы можно — по мнѣнію комисіи — другимъ способомъ, а именно, помогая личнымъ предпріятіямъ, и поддерживая торговыя и промышленныя асоціаціи.

Вообще надобно замѣтить, что рѣчь г. Тьера произвела большое впечатлѣніе. На другой день послѣ этой рѣчи, палата приступила къ преніямъ объ отдѣльныхъ бюджетахъ, и отвергла кредиты, которыхъ требовало правительство по устройству Парижа.

Что же касается прусскихъ палатъ, то тамъ раздраженіе оппозиціи противъ министерства дошло уже до слухомъ безцеремонныхъ объясненій. Главными представителями продолжающейся между ними борьбы, является въ настоящее время съ одной стороны депутатъ Вирховъ, а съ другой — министръ Бисмаркъ. Они договорились наконецъ до того, что вѣроятной развязкой ихъ преній считали дуэль, которая, конечно, засвидѣтельствовала бы о личной храбрости парламентскихъ борцовъ, но не разрѣшила бы государственныхъ вопросовъ, вызвавшихъ вооруженное столкновеніе.

веніе. Первенствующимъ вопросомъ въ пруской палатѣ продолжаетъ быть попрежнему вопросъ объ устройствѣ приэльбскихъ герцогствъ, и соединенный съ ними вопросъ объ усиленіи прускаго флота, а также объ устройствѣ укрѣпленной гавани на шлезвиг-голландской территоріи. Чтобы показать, до какой безпременности доходятъ въ прускихъ палатахъ въ своихъ объясненіяхъ представители обѣихъ сторонъ, правительственной и оппозиціонной, можно привести слѣдующія заявленія, дѣлаемые въ палатѣ.

Депутатъ Дунверъ, осуждая внутреннюю и виѣшнюю политику берлинскаго кабинета, заключилъ свою рѣчь словами: «министерство имѣетъ на своей сторонѣ силу, но умные и опытные люди могутъ обойтись безъ помощи сильныхъ, а сильнымъ необходимо нужна помощь умныхъ и опытныхъ». Истинный смыслъ такого политическаго афоризма слишкомъ понятенъ, чтобы нужно было истолковывать его. Другой депутатъ Блакенбургъ сказалъ, что «министерство хотеть дѣйствовать самовластно и намѣрено заключить заемъ для того только, чтобы продолжать подобный образъ дѣйствій. Заимы, да все заимы! а гдѣ же остатки? До сихъ поръ всякій годъ увѣряли, что бюджетъ нашъ въ равновѣсіи. слѣдовательно все это были фразы» — заключилъ депутатъ.

Въ свою очередь президентъ министровъ сказалъ народнымъ представителямъ, что «они ничего не понимаютъ, въ предлагаемыхъ имъ вопросахъ по технической части, на что депутатъ Вирховъ отвѣтилъ замѣчаніемъ, что и самъ г. Бисмаркъ ничего въ этомъ не понимаетъ. Къ этому впоследствии Вирховъ добавлялъ, что «если министръ читалъ докладъ, то онъ не знаетъ, что и думать о любви министра къ истинѣ». Обиженный этимъ министръ обратился къ палатѣ съ вопросомъ: куда ведетъ этотъ тонъ и не хотятъ ли довести его споръ съ Вирховымъ до боя Гораціевъ и Куриацевъ? Если вамъ этого хочется, добавилъ Бисмаркъ, то можно идти и до этого. Если же нѣтъ, то что же мнѣ остается? Развѣ противъ сильнаго выраженія употребить еще болѣе рѣзкое. Такъ-какъ жаловаться суду на депутатовъ нельзя, то это единственный для насъ путь, чтобы доставить себѣ удовлетвореніе — добавлялъ министръ. Наконецъ дѣло дошло до выраженій, дѣйствительно слишкомъ рѣзкихъ. Говоря о разсчитываніи техническихъ бюджетовъ, Вирховъ замѣтилъ, что члены комисіи, занятые вопросомъ о флотѣ, похожи на животныхъ отгрыгающихъ жвачку; а одинъ изъ депутатовъ, принявшій такое выраженіе на свой счетъ, поблагодарилъ Вирхова за это сравненіе потому, что эти животныя, по словамъ его, составляютъ контрастъ съ породою нечистыхъ, то-есть, просто сказать, хрюкающихъ животныхъ.

Само собою разумѣется, что подобныя перебранки не только мѣшаютъ правильному, спокойному обсужденію внутреннихъ и виѣшнихъ вопросовъ по дѣламъ государственнымъ, но и роняютъ во мнѣніи страны достоинство, какъ правительственной власти, такъ и народнаго представительства. Предложенный г. Бисмаркомъ

способъ рѣшать спорные вопросы, не поведетъ къ цѣли, да и общественное мнѣніе поставляетъ нынѣ преграду кулачной расправѣ. На предложеніе министра-президента депутату Вирхову соznаться, что онъ, Вирховъ, не имѣлъ въ виду оскорбить его, Бисмарка, или, въ случаѣ отказа представить такое объясненіе, дать г. Бисмарку обычное удомствореніе, самъ г. Вирховъ, какъ увѣряютъ, готовъ былъ исполнить первое изъ этихъ предложеній, но политическіе его друзья настояли на томъ, чтобъ онъ прежде потребовалъ объясненія отъ г. Бисмарка: не имѣлъ ли онъ въ виду оскорбить его, Вирхова, нѣкоторыми отзывами о составленномъ г. Вирховымъ докладѣ по вопросу о флотѣ? Заносчивый г. Бисмаркъ счелъ такой оборотъ дѣла оскорбительнымъ для своей чести и послалъ г. Вирхову прямо вызовъ на дуэль. Тогда г. Вирховъ отвѣтилъ, что онъ, какъ депутатъ, не можетъ принять этотъ вызовъ, и что въ настоящемъ случаѣ онъ не отступить никакъ отъ своего рѣшенія.

Тогда члены той партіи, къ которой принадлежитъ Вирховъ, прислали къ нему депутацію благодарить его за «гражданское мужество», выраженное имъ въ неприятіи вызова, сдѣланнаго г. Бисмаркомъ.

Въ свою очередь, члены консервативной партіи внесли въ палату предложеніе, что если президентъ палаты и не найдетъ въ рѣчахъ депутатовъ нарушенія порядка, то сама палата въ слѣдующемъ засѣданіи обязана заняться обсужденіемъ этого вопроса, если только онъ будетъ поднятъ 15 членами. Основаніемъ такого предложенія послужило со стороны сдѣлавшихъ его лицъ, крайнее, по ихъ мнѣнію, пристрастіе президента къ членамъ партіи прогрессистовъ. Пристрастіе это — замѣтили упомянутыя лица — доходитъ нынѣ до того, что выраженія въ родѣ тѣхъ, что преобразованія арміи носятъ на себѣ печать клятвопреступленія, что судьи въ Пруссіи отличаются рабскою покорностію министрамъ, что министръ юстиціи поддупаетъ судей, что нѣкоторые члены палаты похожи на животныхъ со жвачкой, что, наконецъ, министру-президенту недостаетъ правдивости и т. д. — остаются безъ малѣйшаго замѣчанія со стороны президента. Большинство палаты не оказало, однако, сочувствія къ этому предложенію, и остается полная вѣроятность, что рѣзкія выраженія, какъ съ той, такъ и съ другой стороны будутъ принадлежностію палатскихъ преній въ Берлинѣ.

Кого, однако, приходится винить въ такомъ ненормальномъ ходѣ преній—г. Бисмарка ли и его приверженцевъ, или Вирхова и его сторонниковъ? Полная справедливость требуетъ сказать, что теперь вообще депутаты объясняются въ палатѣ безцеремоннѣе, нежели представители министерства; но къ этому надобно прибавить, что самый образъ дѣйствій со стороны министерства и его невниманіе къ представленіямъ палаты, когда они отличались еще благоразумною сдержанностію, довели до такого раздраженія партію прогрессис-

товъ, что она въ своихъ заявленіяхъ переходитъ уже границы парламентскихъ приличій.

Между тѣмъ палата, попрежнему, продолжаетъ противиться предложеніямъ правительства, и составленная при ней комісія, по докладу г. Твестена, отвергла проектъ закона о расходахъ на войну, а на другой день палата огромнымъ большинствомъ голосовъ окончательно отвергла проектъ реорганизации арміи, изъ-за чего собственно и начались всѣ нынѣшнія несогласія между палатой и правительствомъ. Нынѣшняя сесія прускихъ палатъ не привела ни къ какому результату. 3-го іюня засѣданія закрыты. Въ тронной рѣчи, прочитанной по этому случаю г. Бисмаркомъ, сказано, что взаимное дѣйствіе народнаго представительства и правительства тогда только привели бы дѣла къ желанному исходу, когда, даже при борьбѣ политическихъ партій, благо отечества считалось бы выше всего.

«Но этого не случилось — сказано далѣе въ тронной рѣчи. — Ясно выраженное намѣреніе большинства палаты депутатовъ создать затрудненія министерству, повело къ нанесенію ущерба матеріальному благу страны. Непринятіемъ закона о военномъ преобразованіи, отказомъ въ займѣ для флота, неутвержденіемъ расходовъ войны и государственнаго бюджета палата депутатовъ отказала въ требованіяхъ, которыя правительство вынуждено было заявить, и постановила такія рѣшенія, которыя не могутъ быть приняты правительствомъ. вмѣсто желаемаго соглашенія, сесія оканчивается подъ впечатлѣніемъ взаимнаго отчужденія. Правительство сохранить однако правильный ходъ дѣлъ, защитить интересы страны какъ извнѣ такъ и внутри, и надѣется, что недалекъ уже тотъ день, когда народъ черезъ своихъ представителей выразитъ за то королю свою благодарность и признательность».

Вмѣстѣ съ тѣмъ палатѣ господъ изъявлено королевское благоволеніе за ея вѣрность и преданность.

Забываясь объ устройствѣ флота, Прусія стремится къ тому, чтобъ сдѣлаться морскою державою. Кромѣ старанія упрочить за Прусіей Кильскую гавань, въ Прусіи начинаютъ думать объ основаніи колоній, и указываютъ на островъ Формозу, какъ на самую удобную для этого мѣстность, потому что на этомъ островѣ нѣтъ европейскихъ поселеній. Нѣкоторое время владѣли имъ голландцы, переселившіеся потомъ въ Японію и Индію. Во время послѣдней войны съ Китаемъ, французы располагали овладѣть Формозою, но вскорѣ отказались отъ этого предпріятія, потому что флотъ ихъ былъ отозванъ въ Анамскую имперію и въ Мексику. Формоза занимаетъ пространство въ 12,600 квадратныхъ верстѣ. Только нѣкоторая часть острова находится въ слабой зависимости отъ Китая. Въ другой же части живутъ дикари, считаемые людьми. Впрочемъ, прусскія газеты, заявляющія мысль о колонизации Формозы, отвергають это свойство у будущахъ сосѣдей прусской колоніи. Торговый договоръ, заключенный между Китаемъ и нѣкоторыми европейскими государствами, откры-

ваетъ нѣмецкой торговлѣ единственныя, доселѣ извѣстныя порты порты Формозы, Тай-ванъ и Тамчунъ.

Прусское министерство поддерживаетъ мысль о колонизаціи Формозы, заявляя въ официальномъ своемъ органѣ, что если прусская политика въ отношеніи колоній приметъ за образецъ Голландію, то островъ Формоза, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, можетъ сдѣлаться ядромъ «Германской Индіи», потому что пруссаки, упрочившись однажды на островѣ, могутъ воспользоваться слабостію Китая и посредствомъ различныхъ завоеваній и завладѣть не только всѣмъ островомъ, но и частію твердой земли, подвластной китайскому императору. Безъ всякаго сомнѣнія, подвиги французовъ въ отдаленныхъ частяхъ свѣта не даютъ покоя пробудившейся въ пруссакахъ воинской славѣ. Въ Европѣ для нея мало пищи, такъ-какъ другаго похода, подобнаго походу на Данію, нельзя придумать. Между тѣмъ и этотъ походъ принимается въ соображеніе при вопросѣ о заведеніи прусскихъ колоній въ со-сѣдствѣ съ Китаемъ и, быть можетъ, даже при завоеваніи китайской территоріи. Газеты, сочувствующія осуществленію предполагаемой колонизаціи, рассчитываютъ, что планъ о прусскихъ колоніяхъ не можетъ возбудить неудовольствіе въ Англіи, если эта держава не видѣла повода къ разрыву съ Пруссіей въ завоеваніи прусскими приальбскихъ герцогствъ и въ водвореніи прускаго господства на берегахъ Сѣвернаго моря. По соображеніямъ упомянутыхъ газетъ, Англія никогда не начнетъ войны изъ-за приобрѣтенія, сдѣланнаго на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль отъ Лондона. Кромѣ того, замѣчаетъ одна изъ прусскихъ газетъ — Англія всегда признаетъ совершившіеся факты.

Кажется, однако, что прускіе политики ошибаются въ своихъ расчетахъ. Англія не вмѣшалась въ войну Пруссіи и Австріи съ Даніей по весьма дальновидному расчету. Она предвидѣла, что Пруссія не воспользуется безусловно результатами этого похода, встрѣтивъ въ Европѣ соперничество со стороны другихъ державъ, а не исключительно одной Англіи. Между тѣмъ, колониальный вопросъ коснется ближайшимъ и непосредственнымъ образомъ коммерческихъ выгодъ одной Англіи. При томъ самая дальность разстоянія будетъ способствовать Англіи для противодѣйствія Пруссіи на счетъ колонизаціи. Въ этомъ случаѣ Англіи не нужно будетъ предвидѣть сухопутной войны. Небольшой англійской эскадры и нѣсколькихъ отдѣльныхъ крейсеровъ будетъ достаточно, чтобъ истребить прусскую колонизацію въ со-сѣдствѣ съ Китаемъ въ самомъ ея зародишѣ, прежде нежели совершится фактъ. Наконецъ, при разрывѣ Англіи съ Пруссіей по колониальному вопросу, англичанамъ нечего будетъ опасаться какихъ либо столкновеній съ другими европейскими державами или какихъ либо коммерческихъ затрудненій, такъ-какъ Пруссія не найдетъ въ этомъ случаѣ никакой посторонней поддержки, и британскій флотъ достаточно силенъ самъ по себѣ для того, чтобы разстроить весь прусскій флотъ, который заводится теперь

съ такимъ противодѣйствіемъ со стороны берлинской палаты депутатовъ.

Что же касается шлезвиг-голлштинскаго вопроса, съ которымъ до сихъ поръ не могутъ окончательно справиться, то въ послѣднее время въ переговорахъ, происходившихъ между правительствами германскихъ державъ, выступило впередъ и поддерживалось мнѣніе на счетъ созванія государственныхъ чиновъ шлезвигскаго и голштинскаго герцогствъ. вмѣстѣ съ этимъ предполагалось, чтобъ прусское правительство вошло въ непосредственное соглашеніе съ претендентами, предъявившими право на шлезвиг-голлштинскую корону. При этомъ Австрія должна была оставаться въ сторонѣ, и вмѣшательство свое въ разрѣшеніи шлезвиг-голлштинскаго вопроса ограничить заявленіемъ формальнаго общанія признать кандидата, избраннаго Пруссіей, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы органическія основанія конституціи Германскаго Союза оставались неизмѣнными въ сношеніяхъ будущаго шлезвиг-голлштинскаго герцога съ сѣверо-германскими государствами.

Несмотря на такое уклоненіе вѣнскаго кабинета отъ вмѣшательства въ шлезвиг-голлштинскія дѣла, упомянутое предложеніе было сдѣлано самой Австріей. Принимая это предложеніе, Пруссія, въ лицѣ г. Бисмарка, отвѣчала, что она вовсе не прочь вступить въ соглашеніе съ претендентами на шлезвиг-голлштинскій престолъ, и даже согласна съ Австріею по многимъ другимъ вопросамъ относительно будущаго устройства герцогствъ. Но такъ-какъ означенныя лица—замѣтилъ г. Бисмаркъ— не могутъ принять на себя какихъ-либо обязательствъ, не истребовавъ предварительно по этому предмету мнѣнія населеній Шлезвига и Голштиніи, то было бы небезполезно спросить сначала эти населенія и ознакомиться съ настоящимъ ихъ образомъ мыслей посредствомъ національнаго собранія, составленнаго изъ представителей шлезвиг-голлштинскаго населенія. Въ такомъ случаѣ— замѣтилъ прусскій министръ— окончательные результаты этой мѣры могутъ быть приняты впоследствии въ основаніе дальнѣйшихъ переговоровъ прускаго правительства съ претендентами на шлезвиг-голлштинскую корону. вмѣстѣ съ тѣмъ Пруссія высказалась въ пользу правъ, предъявленныхъ на герцогства великимъ герцогомъ ольденбургскимъ. Особенный вѣсъ этимъ правамъ придаетъ г. Бисмаркъ вслѣдствіе нейтральнаго положенія, которое великій герцогъ сохранялъ по настоящее время относительно различныхъ политическихъ партій, дѣйствующихъ въ герцогствахъ, тогда какъ принцъ аугустенбургскій принималъ на себя множество обязательствъ въ отношеніи къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ членамъ Германскаго Союза, отъ которыхъ ему трудно будетъ уклониться.

Замѣтимъ при этомъ, что по извѣстіямъ, сообщеннымъ «Кельнской Газетой», Россія въ недавнее время особенно сильно высказалась въ пользу кандидатуры великаго герцога ольденбургскаго, и общалась облечь въ законныя формы актъ объ уступкѣ ему

со стороны Россіи правъ на герцогства. Въ то же время, по мнѣнію нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетъ, весьма сомнительно, чтобы великій герцогъ безусловно подчинился требованіямъ Пруссіи, заявленнымъ въ депешѣ отъ 22-го февраля настоящаго года. Какъ бы то ни было, но теперь вѣроятность достиженія шлезвиг-голландскаго престола остается на сторонѣ великаго герцога ольденбургскаго. Что же касается принца аугустенбургскаго, то одна изъ вѣнскихъ газетъ, «Neue Freie Presse», сообщаетъ, что Австрія, въ угоду Пруссіи, согласилась даже и на то, чтобы обратиться въ принцу аугустенбургскому съ дружескимъ совѣтомъ оставить Голштинію на время сесіи тамошнихъ членовъ, и отказала Пруссіи только въ требованіи берлинскаго кабинета удалить изъ герцогствъ австрійскую бригаду. Между тѣмъ берлинскія газеты не совсѣмъ согласны съ этими сообщеніями вѣнской газеты, утверждая, что отношенія между Австріей и Пруссіей по поводу герцогствъ стали до такой степени натянуты, что австрійскій посланникъ графъ Кароли проситъ о перемѣщеніи его изъ Вѣны къ какому либо другому двору.

Извѣстія о поѣздѣ императора Наполеона въ Алжиръ, о поѣздѣ въ короля прускаго сперва въ Ахенъ и потомъ въ Стральзундъ для празднованія пятидесятилѣтней годовщины присоединенія къ Пруссіи, въ первомъ изъ этихъ городовъ, рейнскихъ провинцій, а въ другомъ—Помераніи; о поѣздѣ принца Наполеона въ Аяціо для присутствія при открытіи памятника фамиліи Бонапарте, сказанная имъ тамъ рѣчь, письмо императора къ принцу по поводу этой рѣчи, просьба принца объ отставкѣ отъ занимаемыхъ имъ должностей; свѣдѣнія о поѣздѣ императора Франца-Иосифа въ Пештъ; описаніе празднованія шестисотлѣтняго юбилея со смерти Данте—наполняли въ послѣднее время столбцы европейскихъ газетъ. Въ сущности, однако, всѣ эти поѣздки и празднества не представляютъ такой политической важности, чтобы слѣдовало останавливаться на ихъ подробностяхъ. Наибольше знаменательнымъ фактомъ должно считать пріемъ, сдѣланный венгерцами въ Пештѣ австрійскому императору. Если въ газетныхъ объ этомъ извѣстіяхъ нѣтъ особыхъ преувеличеній и прикрасъ, то надобно сказать, что въ политическомъ настроеніи Венгріи произошелъ крутой переворотъ. Венгерцы остаются теперь въ ожиданіи общаго юбилея императоромъ сейма, но что будетъ происходить на этомъ сеймѣ?—вотъ вопросъ.

Между разными вопросами, обусловливающими степень благосостоянія нашего народнаго быта, занимаетъ непоследнее мѣсто вопросъ о пьянствѣ. Вслѣдствіе того значенія, какое имѣютъ въ общей нашей государственной экономіи винокурение и продажа крѣпкихъ напитковъ, вопросъ объ этомъ предметѣ принимаетъ характеръ не только вопроса нравственнаго, но и политико-эконо-

мическаго. Употребленіе вина въ Россіи должно доставлять государственной казнѣ важную отрасль доходовъ; и въ то же время— поддержаніе этого дохода въ значительной цифрѣ зависитъ прежде всего отъ употребленія вина въ большомъ количествѣ, что, конечно, никомъ образомъ не можетъ содѣйствовать развитію въ народѣ воздержности и трезвости, и соединеннаго съ ними благосостоянія. При поднятомъ нынѣ самимъ правительствомъ вопросѣ объ уменьшеніи пьянства въ Россіи, представляются въ сущности двѣ крайности: или государству нужно лишиться болѣе или менѣе значительной части дохода, получаемаго отъ питейной продажи, въ надеждѣ поднять ограниченнымъ употребленіемъ вина народную нравственность, весьма замѣтно ослабляемую сильнымъ развитіемъ пьянства; или же нужно смотрѣть на это явленіе съ нѣкоторымъ равнодушіемъ, предпочитая денежныя выгоды казны не только нравственному, но и матеріальному благосостоянію массы народа. Надобно однако сказать, что къ чести нашего времени, первое изъ этихъ предположеній беретъ замѣтно верхъ надъ послѣднимъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ и министерство финансовъ признаютъ неумѣренное развитіе пьянства въ нашемъ народѣ, и стараются противопоставить этому пороку разныя административныя мѣры.

Въ первой майской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», мы коснулись вопроса о пьянствѣ, и привели мнѣніе объ этомъ предметѣ, высказанное шестьдесятъ-пять лѣтъ тому назадъ, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ дѣятелей, графомъ Мордвиновымъ. Между тѣмъ, вопросъ о пьянствѣ въ Россіи представляетъ теперь много новыхъ условій, на которыхъ нужно остановиться, чтобъ вполне ознакомиться съ этимъ предметомъ и оцѣнить достоинство и умѣстность мѣръ, нынѣ предлагаемыхъ относительно этого дѣла.

Изъ «Приложенія къ государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1865 годъ» видно, что валовой питейный доходъ въ означенномъ году простирается до 129.439,500 рублей, и за отчисленіемъ изъ этой суммы издержекъ взиманія, въ количествѣ 9.447,634 руб. 24¹/₄ коп., чистый питейный доходъ, ожидаемый въ настоящемъ году, восходитъ до 119.991,865 руб. 75¹/₄ коп. Кроме того, въ питейный доходъ этого года должны еще поступить откупныя недонмы прежнихъ лѣтъ, въ количествѣ 2.810,062 руб. 49³/₄ коп., такъ что общая сумма чистаго дохода по питейной части будетъ простираться до 122.801,928 руб. 25 копеекъ.

Сближивъ цифру питейнаго дохода съ цифрою всѣхъ государственныхъ доходовъ, достигающею въ общей сложности только 315.511,042 руб. ¹/₂ коп., мы увидимъ, что питейный доходъ составляетъ болѣе трети всѣхъ денежныхъ средствъ, находящихся въ распоряженіи правительства. Такой размѣръ питейнаго дохода заставляеть дѣйствовать въ отношеніи его источниковъ съ крайнею осмотрительностію. Легко можетъ быть, что разныя мѣры, предполагаемыя къ ограниченію пьянства, не достигнутъ волежъ

своей прямой цѣли, но только, уменьшивъ цифру питейнаго дохода, заставитьъ правительство, въ возмѣщеніе причиненной потери, обратиться къ другимъ прямымъ или косвеннымъ налогамъ, которые въ свою очередь будутъ тоже вліять невыгодно на развитіе народнаго благосостоянія. Вообще вопросъ о питейной продажѣ является слишкомъ сложнымъ, такъ-какъ при разрѣшеніи его приходится въ одно и то же время преслѣдовать двѣ цѣли—матеріальныя выгоды государства, и нравственное развитіе народа.

Главной статьей въ росписи питейныхъ доходовъ обазываются акцизы съ питей, раздѣляющіеся на три вида: акцизы со спирта и вина, въ количествѣ 120.000,000 руб.; съ водокъ, выдѣляемыхъ изъ виноградныхъ випъ, винограда, фруктовъ, сахарныхъ остатковъ и такъ-называемыхъ пейсаховыхъ, приготовляемыхъ изъ изюма и употребляемыхъ евреями въ праздникъ пасхи или пейсаха—въ количествѣ 200,000 рублей; съ портера, пива всѣхъ родовъ и меда 1.583,700 руб. Всего акцизный сборъ съ питей простирается въ настоящее время до 121.783,700 рублей, за исключеніемъ издержекъ по его взиманію. Другой значительной статьей питейнаго дохода служитъ патентный сборъ съ заведеній, для выдѣлки питей и издѣлій изъ вина и спирта и съ заведеній, открываемыхъ для продажи напитковъ. Патентный сборъ долженъ въ 1865 году доставить дохода 7.000,000 рублей. Сравнительно съ предыдущимъ годомъ онъ увеличился на 2.500,000 рублей; этимъ увеличеніемъ доказывается, между прочимъ, размноженіе такихъ заведеній, въ которыхъ выдѣляются и продаются крѣпкіе напитки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность удовлетворить съ большей легкостію желанію, выпить при каждомъ удобномъ случаѣ. Случайныя поступленія по питейному доходу весьма незначительны, ихъ полагается въ нынѣшнемъ году 241,800 рублей. Замѣчательно при этомъ, что цифра взысканій за нарушеніе постановленій о питейномъ сборѣ, простирается только до 30,800 рублей. Если же сравнить количество существующихъ у насъ мѣстъ винной продажи, а также принять въ соображеніе, что у насъ разныя правила вообще, а по торговлѣ въ особенности, соблюдаются весьма плохо, то нельзя не придти къ тому заключенію, что или и углошенія за нарушенія постановленій о питейномъ сборѣ преслѣдуются весьма слабо, или что размѣръ взысканій слишкомъ ничтоженъ, если на всю Россію приходится, по упомянутой статьѣ, такая незначительная цифра.

Расходы по взиманію питейныхъ доходовъ, представляютъ весьма почтенную цифру, достигая до 10.000,000 рублей. Такъ на содержаніе штатныхъ чиновниковъ питейно-акцизнаго управленія, въ числѣ 351 лица, требуется 695,392 рубля, слѣдовательно круглымъ числомъ на каждого изъ нихъ приходится до 2,000 рублей въ годъ, не считая вознагражденія должностныхъ лицъ акцизнаго управленія 2⁰/₁₀ изъ всего питейнаго дохода, что составитъ 2.487,189 руб. На содержаніе штатныхъ чиновниковъ питейно-акцизнаго окружнаго управленія, въ числѣ 1,669 лицъ, расходуется

1.850,234 руб. 25 коп., такъ что здѣсь на вѣдѣнаго изъ нихъ, кромѣ наградныхъ процентовъ, приходится 1,200 рублей въ годъ. Положительно можно сказать, что ни одно изъ существующихъ у насъ вѣдомствъ не представляетъ такого обезпеченія служащихъ, какъ питейно-акцизное управление. Конечно, опытъ долженъ показать, въ какой мѣрѣ возможны сокращенія по этой статьѣ на будущее время; но нельзя не замѣтить, что при введеніи акцизной системы, когда участіе или завѣдываніе питейными дѣлами, при существованіи откуповъ, представляло весьма выгодную статью занятій, необходимо было предоставить матеріальныя выгоды тѣмъ лицамъ, которые принимались за подобное занятіе по новой системѣ. Во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что современемъ представится возможность произвести нѣкоторое сокращеніе по этой статьѣ. Съ предполагаемымъ уменьшеніемъ пьянства, должно будетъ убавиться число заведеній для выдѣлки и продажи вѣрпкихъ напитковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ будетъ уменьшиться и размѣръ надзора со стороны питейно-акцизнаго вѣдомства за заведеніями этого рода. Обстоятельство это, безъ всякаго сомнѣнія, дастъ возможность сократить въ болѣе или менѣе значительной степени расходы по взиманію питейнаго дохода, и уменьшить расходы по содержанію лицъ упомянутаго вѣдомства.

Кромѣ издержекъ, сопряженныхъ съ взиманіемъ питейныхъ доходовъ, на эти доходы падаетъ еще вознагражденіе мѣстъ и лицъ за отошедшіе въ казну питейные доходы, а также вознагражденіе и тѣхъ и другихъ за убыль въ питейномъ доходѣ, происшедшую отъ введенія въ привилегированныхъ губерніяхъ положенія объ откупахъ. На вознагражденіе за отошедшіе въ казну питейные доходы расходуется въ годъ 2.699,771 руб. 50¹/₂ к., изъ нихъ временные расходы простираются только до 8,178 руб., прочіе же причислены къ расходамъ постояннымъ. Самое большое вознагражденіе получаютъ казаки войска, а изъ нихъ донское, въ пользу котораго назначено къ постоянному отпуску 1.239,000 рублей. Города получаютъ однопроцентное вознагражденіе, простирающееся въ общей сложности до 359,747 руб. 37¹/₂ коп. Вознагражденіе за убыль питейныхъ доходовъ не требуетъ большихъ издержекъ; на этотъ предметъ назначено къ отпуску всего 28,961 руб. 72¹/₂ коп., и изъ нихъ 21,375 руб., асигнованные въ пользу городовъ и мѣстечекъ, отнесены къ расходамъ временнымъ, такъ что въ этомъ случаѣ цифра постоянныхъ расходовъ не превышаетъ 7,586 руб. 72¹/₂ копейекъ.

Хотя главный доходъ казны и извлекается у насъ изъ употребленія вѣрпкихъ напитковъ, тѣмъ не менѣе законодательство наше издавна преслѣдовало пьянство какъ общественный, и даже домашній порокъ. Еще при Петрѣ Великомъ, въ то время, когда пьянство было принадлежностію увеселеній самаго высшаго класса, былъ изданъ указъ, въ силу котораго повелѣвалось полиціи смотрѣть, чтобы по улицамъ и переулкамъ пьяныхъ не было и чтобъ тѣ, которые по улицамъ и переулкамъ кричатъ и пѣсни

поутѣ и въ пьяномъ видѣ шатаются, были забираемы подъ стражу. Указъ этотъ, съ двумя дополнительными подтвержденіями, введенъ въ книгѣ дѣйствующій уставъ о предупрежденіи преступленій. Императрица Екатерина II издала 8 апрѣля 1782 года указъ, въ которомъ сказано: «воспрещается всѣмъ и каждому князю». Запрещеніе это было подтверждено 23 марта 1839 года и 15 августа 1845 года, и было введено въ Сводъ Законовъ. Одна изъ статей закона говоритъ: «кто, предаваясь пороку пьянства, будетъ въ публичныхъ мѣстахъ или многочисленныхъ собраніяхъ являться въ безобразномъ, противномъ приличію или даже соблазнительномъ видѣ, или же будетъ найденъ на улицѣ или въ другомъ общенародномъ мѣстѣ пьянымъ до безпамятства, того брать подъ стражу и подвергать отвѣтственности по статьѣ 1345 уложенія о наказаніяхъ». По силѣ же этой статьи, виновный подвергается: аресту въ первый разъ на время отъ одного до трехъ дней; во второй на время отъ трехъ до семи дней и въ третій разъ на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ.

Непрактичность и скажемъ даже бесполезность этихъ узаконеній, въ смыслѣ мѣръ для прекращенія пьянства, слишкомъ очевидны. Они относятся только къ нарушенію благочинія пьяными на улицахъ и въ публичныхъ мѣстахъ, не препятствуя въ сущности развитію пьянства, какъ пороку самому по себѣ. Строгости закона скорѣе подвергается только подгулявшій человекъ, нежели завзятый пьяница. При томъ извѣстно, что и эти постановленія вовсе не приводятся въ исполненіе. Кромѣ того, имъ недостаетъ главной принадлежности исправительныхъ наказаній—постепенности, которая является въ данномъ случаѣ не болѣе, какъ мертвою буквою закона. Спрашивается, какъ можно узнать, въ который разъ забираютъ пьянаго подъ стражу, чтобы сообразно съ этимъ подвергнуть его аресту на срокъ, установленный закономъ? Очень понятно, что нѣтъ никакой возможности слѣдить за этимъ, а извѣстно, что законоположеніе, непримѣнимое на практикѣ, теряетъ свою силу не только въ частностяхъ, но и въ самомъ основаніи. Вѣдь нужно согласиться, что было бы крайне несправедливо подвергать кого либо взысканію, не имѣя возможности опредѣлить мѣру, требуемую закономъ, а между тѣмъ законъ о преслѣдованіи пьянства ведетъ прямо къ подобной несправедливости.

Въ виду всего этого, необходимо, при разсмотрѣніи вопроса о пьянствѣ вообще, составить такіа законоположенія, которыя, преслѣдуя этотъ порокъ, могли бы имѣть практическое значеніе.

Въ настоящее время открыта въ Петербургѣ комисія для пересмотра правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками. Комисія эта составлена изъ лицъ, служащихъ въ различныхъ вѣдомствахъ. Сверхъ того, въ эту комисію приглашаются нѣкоторые помѣшники, винные заводчики, домовладѣльцы и лица, служащія по абцизнопитейному вѣдомству. Само собою разумѣется, что еслибы дѣль комисіи состояла только въ регламентаціи питейной торговли, какъ одной изъ такихъ отраслей промышленной дѣятельности,

ходъ которой соединенъ съ выгодами казны, то такой личный составъ комисіи можно бы было признать удовлетворительнымъ. Между тѣмъ комисія учреждена не исключительно для этой цѣли. Необходимость пересмотра дѣйствующихъ нынѣ уставовъ по продажѣ крѣпкихъ напитковъ вызвана, между прочимъ, и въ видахъ установленія «болѣе умѣреннаго и равномернаго употребленія вина». При томъ, по замѣчанію г. председателя, неумѣренность въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ обуславливается не одною недостаточностію дѣйствующихъ правилъ о торговлѣ ими, но происходитъ также и отъ многихъ другихъ причинъ, каковы, на примѣръ, разныя послѣдовавшія въ послѣднее время измѣненія, какъ въ экономическихъ отношеніяхъ, такъ и въ самомъ гражданскомъ бытѣ крестьянскаго населенія.

Эта обусловленность вопроса о питейной продажѣ заставляетъ смотрѣть на него не только какъ на казенное, но какъ на общенародное дѣло. Не отвергая нисколько достоинствъ лицъ, призванныхъ къ участию въ комисіи, нельзя однако не подумать о томъ, въ какой мѣрѣ они могутъ быть знакомы съ практическимъ знаніемъ этого вопроса по примѣненію его къ массѣ населенія, поставленнаго въ разныхъ мѣстахъ Россіи не въ одинаковыя условія матеріальнаго и нравственнаго быта?

Такъ, на примѣръ, члены комисіи отъ департамента удѣловъ и министерства государственныхъ имуществъ едва-ли могутъ удовлетворить частностямъ разсматриваемаго въ комисіи вопроса, будучи такъ-сказать истолкователями того положенія, въ которомъ находятся удѣльные и государственные крестьяне. Крестьяне же, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, не имѣютъ собственно своего представителя въ лицѣ чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, а между тѣмъ, какъ замѣчено выше, вопросъ о продажѣ крѣпкихъ напитковъ или, вѣрнѣе сказать, часть его—вопросъ о пьянствѣ обуславливается измѣненіемъ экономическихъ отношеній и гражданскаго быта прежнихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Наконецъ, участіе духовныхъ лицъ, а не чиновника духовнаго вѣдомства, было бы весьма важно для успѣшнаго обсужденія дѣла въ комисіи во всѣхъ его частностяхъ. Духовенство соприкасается къ народу не посредствомъ своей администраціи, но посредствомъ лицъ, принадлежащихъ къ церкви. Сельскіе священники, знакомые съ бытомъ крестьянъ, могли бы сообщить комисіи такія свѣдѣнія и такіе доводы, которыхъ очень легко можетъ не имѣть въ виду лицо, служащее въ качествѣ чиновника при центральной духовной администраціи.

Мы позволяемъ себѣ думать, что приглашеніе въ комисію нѣсколькихъ выборныхъ изъ среды городскаго и сельскаго духовенства, а также изъ среды крестьянъ удѣльныхъ, государственныхъ и вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, весьма бы много облегчило труды комисіи и доставило бы ей практическія свѣдѣнія, столь необходимыя, въ тѣхъ случаяхъ, когда обсуждается дѣло, имѣющее прямо отношеніе къ народной жизни. Нельзя также исключить

и многочисленное мѣщанство, населяющее наши города, среди котораго пьянство причиняетъ вреда не менѣе, какъ и среди сельскаго населенія.

Призывъ этихъ лицъ въ комисію не противорѣчилъ бы нисколько той главной цѣли, съ которою она учреждена, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время представители всѣхъ сословій, въ качествѣ членовъ земскихъ собраній и управъ, получили право обсуживать вопросы, касающіеся земства. Голоса такихъ лицъ были бы, безъ всякаго сомнѣнія, весьма полезны въ тѣхъ случаяхъ, когда сужденія комисіи касались бы разныхъ сторонъ быта городскихъ и сельскихъ обывателей.

До настоящаго времени происходили два засѣданія упомянутой комисіи, но въ нихъ не было еще высказано такихъ мнѣній, которыя поставили бы обсуждаемый ею вопросъ на вѣрную исходную точку. Такъ одинъ изъ членовъ комисіи поддерживалъ мнѣніе, предварительно выраженное предсѣдателемъ, о томъ, что было бы полезно установить такія правила, на основаніи которыхъ возникающіе вопросы относительно разстоянія, для открытія питьевыхъ заведеній отъ мѣстъ, близъ которыхъ помѣщеніе этихъ заведеній будетъ признаваемо вреднымъ, могли бы быть разрѣшаемы акцизными управленіями по соглашенію съ мѣстами и лицами другихъ подлежащихъ вѣдомствъ.

Мы находимъ, что такой порядокъ былъ бы крайне неудобенъ для достиженія одной изъ главныхъ цѣлей, которую должна преслѣдовать комисія, а именно: онъ не способствовалъ бы къ уменьшенію пьянства. Надобно замѣтить, что чины акцизнаго вѣдомства являются первыми охранителями питьейно-акцизныхъ выгодъ казны и, слѣдовательно, они всегда будутъ находиться въ затрудненіи, когда имъ нужно будетъ сокращать эти выгоды недовольствіемъ учреждать питьевыя заведенія, увеличивающія доходы питьейно-акцизнаго вѣдомства. Мы не говоримъ уже здѣсь о томъ, что съ развитіемъ питьейно-акцизныхъ доходовъ, увеличивается, вслѣдствіе наградныхъ процентныхъ денегъ, и содержаніе, получаемое упомянутыми лицами, и что, слѣдовательно, въ увеличенномъ пространеніи винной продажи заключаются и ихъ собственныя выгоды. Мы не говоримъ этого потому, что предполагаемъ въ чинахъ питьейно-акцизнаго управленія полную готовность жертвовать своими удобствами общественному благу; но не примѣняя къ этому обстоятельству ни чьихъ личныхъ качествъ, а смотря на это дѣло отвлеченно, нельзя не согласиться, что подобное право, предоставленное акцизнымъ управленіямъ, поставитъ весь вопросъ въ положеніе, несоотвѣтственное его сущности.

Во второмъ засѣданіи комисіи обращаетъ на себя вниманіе только слѣдующее обстоятельство. Одинъ изъ членовъ комисіи предъявилъ приговоръ крестьянъ села Большаго Паволока (С.-петербургской губерніи) о желаніи ихъ не имѣть въ этомъ селѣ никакой питьейной продажи, въ видахъ уничтоженія соблазна, который представляетъ для крестьянъ подобная продажа. Казалось бы нужно бы-

ло, въ видахъ улучшенія народной нравственности, воспользоваться такимъ заявленіемъ, выходящимъ изъ такой части населенія, которую всего болѣе упрекаютъ въ пьянствѣ. Но такъ-какъ съ питейной продажей соединены не только выгоды казны, но и частныхъ лицъ, то этому благому стремленію крестьянъ противопоставили въ комисіи особма соображенія. Одинъ изъ присутствовавшихъ винокуренныхъ заводчиковъ, конечно, и лично заинтересованный въ сбытѣ вина, возразилъ, что если будетъ дозволено сельскимъ обществамъ составлять приговоры о запрещеніи имѣть какую бы то ни было питейную продажу въ ихъ селахъ и деревняхъ, то такихъ обществъ найдется весьма много, и въ такомъ случаѣ, главная статья нашего государственнаго дохода будетъ въ опасности... Впрочемъ, по этому вопросу не было постановлено никакого рѣшенія, а жаль будетъ, если попытка къ водворенію трезвости, исходящая изъ среды народа, пройдетъ бесслѣдно. Тогда, безъ всякаго сомнѣнія, труды комисіи ограничатся въ сущности регламентаціею продажи крѣпкихъ напитковъ, а нравственная сторона этого дѣла выиграетъ слишкомъ мало отъ новыхъ порядковъ...

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ И У НАСЪ.

Воздухъ, вода и огонь—публичныя лекціи въ Парижѣ.—Объ мвовыхъ листьяхъ, Сетки и Гершеля.—Аргитическіе горцы.—Записки лондонскаго этнологическаго общества.—Мюнхенская историческая гѣтопись за 1865 г.—«Африканка», опера Мейербера.—Почтовая конференція въ Парижѣ.—Диспутъ г. Неллюдова въ петербургскомъ университетѣ.

Воздухъ, вода и огонь.—Вслѣдъ за наступленіемъ весны прекратились въ Парижѣ публичныя лекціи, которыя были замѣчательны тѣмъ особенно, что на нихъ съѣзжалось по вечерамъ очень много дамъ въ сорбонскую аудиторію. Професоры, замѣчая вниманіе, съ которымъ слушательницы слѣдили за ихъ словами, сочли долгомъ поддержать это полезное направленіе умовъ, а потому, избѣгая слишкомъ сухихъ и трудныхъ подробностей, ограничились легкимъ, популярнымъ объясненіемъ предметовъ, неразрывно связанныхъ съ условіями нашей дѣйствительной жизни. Г. Эйро помѣстилъ въ «Grand Journal» краткій отзвѣвъ о трехъ лекціяхъ. Специалисты не встрѣтятъ, конечно, здѣсь ничего особенно замѣчательнаго; но не для нихъ читались эти лекціи, не для нихъ написана и статья г-мъ Эйро. Полагая, что у насъ тоже найдутся люди, которыхъ не менѣе французовъ могутъ интересовать вопросы объ огнѣ, водѣ и воздухѣ, въ томъ видѣ, какъ изложены они въ «Grand Journal», мы считаемъ несомнѣнно полезнымъ дѣломъ познакомиться ихъ съ содержаніемъ этой статьи.

Профессоръ политехническаго училища г. Ринъ, читая о физическихъ свойствахъ атмосферы, о ея химическомъ составѣ и томъ участіи, какое принимаетъ она въ отравленіяхъ органической жизни. Онъ напомнилъ своимъ слушателямъ, что древніе считали воздухъ духомъ, и что много послѣ того прошло времени, пока были узнаны вѣсъ, эластичность и другія его качества. Полагають, что толстота окружающаго землю атмосфернаго слоя имѣеть около пятнадцать миль. Плотность его неодинакова. Выснія или дальнѣйшія отъ земли части атмосферы рѣже тѣхъ, которыя находятся ближе къ ней. Еслибы воздухъ былъ одинаково плотенъ снизу доверху, тогда толстота его слоя не превышала бы $7\frac{1}{2}$ верстъ. Вѣсъ его опредѣленъ Галилеемъ въ 1630 г. Атмосфера давить съ тяжестью $16\frac{1}{3}$ ф. на каждый квадратный дюймъ земной поверхности и, стало быть, всего, что находится на ней. Это зависитъ отъ притяженія земли, которому подвержено все близкое къ ней, не исключая и воздуха. Если мы примемъ въ соображеніе, что на квадратную четверть аршина давленіе атмосферы равняется 20 пудамъ, то насъ нисколько не удивить извѣстный опытъ Отто-фон-Герике. Онъ сдѣлалъ два большія металлическихъ полушарія и, плотно сложивъ ихъ краями другъ съ другомъ, вытянулъ воздушнымъ насосомъ изъ внутренняго пространства ихъ воздухъ. Послѣ этого двадцать лошадей не могли разорвать ничѣмъ, повидимому, нескрѣпленныхъ между собою частей этого складнаго шара. Понятно, что ихъ сжимало внѣшнее давленіе атмосферы съ такой силою, которой не могли преодолѣть 20 лошадей. Эти полушарія называются *магдебургскими*, потому что опытъ былъ произведенъ въ городѣ Магдебургѣ. Доказано также, что воздухъ въ 770 разъ легче воды, и что давленіе атмосферы равняется тяжести водянаго столба въ 34 фута вышиною. Въ этомъ убѣдились очень просто. Погрузили въ прудъ однимъ концомъ длинный насосъ съ опущеннымъ внутри его поршнемъ. Когда стали за рукоятку или стержень подымать поршень, подъ нимъ начало образовываться безвоздушное пространство; а такъ-какъ атмосфера на всю остальную поверхность пруда, за исключеніемъ той маленькой части ея, которая находилась внутри насоса, давила съ тяжестью слишкомъ 16 фунтовъ на каждый квадратный дюймъ, то вслѣдствіе этого давленія вода, бывшая подъ поршнемъ и нажимаемая снизу подвижною, ничѣмъ неотдѣленною отъ нея массою остальной воды, стала возвышаться въ безвоздушной пустотѣ вслѣдъ за поршнемъ, по мѣрѣ того, какъ посторонняя механическая сила, подымавшая его, отражала въ этомъ мѣстѣ напоръ воздуха. Поднявшись, такимъ образомъ, на 34 фута надъ уровнемъ пруда, она не пошла выше, и при дальнѣйшемъ возвышеніи поршни между нимъ и ею осталось безвоздушное пространство. Причина остановки ясна: тяжесть искусственно поднятаго столба воды, сравнявшись съ давленіемъ атмосферы на всѣ остальныя точки поверхности пруда, вполне замѣнила и въ этомъ мѣстѣ безъискусственный нажимъ воздуха. Но въ началѣ XVII вѣка не былъ еще извѣстенъ этотъ законъ, и потому, ученыхъ того времени чрезвычайно

удивило настойчивое упрямство воды, которая никакъ не хотѣла идти вверхъ выше 34 футовъ, когда вздумали поднять ее при помощи такихъ насосовъ въ верхній этажъ дворца герцога флорентинскаго.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, Торичелли, ученикъ Галилея, объяснилъ настоящую причину этого упрямства. Онъ же изобрѣлъ барометръ, сообразивъ, что если атмосферное давленіе на поверхность воды подымаетъ въ безвоздушномъ пространствѣ часть ея на 34 фута или на 408 дюймовъ, то, слѣдовательно, оно подыметъ ртуть, которая слишкомъ въ 13 разъ тяжелѣе воды, только на 30 дюймовъ. Предположеніе это оправдалось опытомъ. Торичелли взялъ стеклянную трубку длиннѣе 30 дюймовъ, съ одного конца запааялъ ее, потомъ внутрь этой трубки налилъ ртути и, зажавъ пальцемъ другой, опрокинутый внизъ конецъ, опустил его въ чашку, наполненную тоже ртутью. Когда былъ отнятъ палецъ — ртуть, находившаяся внутри стеклянной трубки, понизилась и остановилась дѣйствительно на высотѣ 30 дюймовъ надъ уровнемъ ртути, наполнявшей чашку. Очевидно, что здѣсь насосъ замѣнила стеклянная трубка, а прудъ — чашка съ ртутью (*). Эластичность воздуха доказывается слѣдующимъ образомъ. Ненадутый, сморщенный пузырь, въ которомъ почти нѣтъ воздуха, кладутъ, съ завязаннымъ отверстіемъ, въ приемникъ пневматической машины, и начинаютъ выкачивать воздухъ. По мѣрѣ того, какъ рѣдѣетъ онъ въ приемникѣ, часть его, заключенная внутри пузыря, начинаетъ расширяться. Съ каждымъ движеніемъ поршня внутреннее давленіе все болѣе пересиливаетъ наружное, и наконецъ, разрываетъ пузырь. Воздухъ же передаетъ звукъ. Колокольчикъ не звенитъ въ безвоздушномъ пространствѣ, какъ бы сильно ни сотрясали его. Звукъ распространяется въ воздушной средѣ съ быстротою 160 сажень въ секунду. Хотя воздухъ кажется безцвѣтнымъ, однакоже значительная масса его имѣетъ голубоватый цвѣтъ, вслѣдствіе котораго мы видимъ надъ собою какъ-бы небесный сводъ.

Древніе считали воздухъ простой, несложной стихіею. Это мнѣніе удерживалось до конца прошлаго вѣка. Въ 1775 г. французскій физикъ Лавуазье открылъ, что онъ состоитъ изъ кислорода и азота. Несмотря на то, что первый изъ этихъ двухъ газовъ составляетъ только пятую часть окружающей насъ атмосферы, онъ играетъ въ природѣ главнѣйшую роль. Думаютъ, что назначеніе азота заключается въ томъ, чтобы умѣрять силу дѣятельности кислорода, разбавлять его, какъ вино разбавляется водою. Кислородъ, соединясь съ водородомъ или углеродомъ тѣмъ, производитъ процессъ горѣнія. Если онъ соединенъ съ водородомъ, то слѣдствіемъ горѣнія бываетъ водяной паръ; если же съ углеродомъ, то — углекислота. Горѣнія дерева или каменнаго угля, особенно же дыханіе людей и животныхъ производитъ большое количество угле-

(*) Безвоздушное пространство, остающееся въ трубкѣ надъ ртутью, называется *торичеллиевой пустотою*.

кислоты. Замянивъ поглощенный кислородъ, она прекратила бы органическую жизнь, еслибы растительному царству природы не суждено было дѣйствовать въ обратномъ направленіи. Мы, поглощая кислородъ, выдыхаемъ углекислоту; растенія же, напротивъ, поглощая углекислоту, оставляютъ въ себѣ углеродъ и выдыхаютъ кислородъ. Такимъ образомъ, восстанавливается равновѣсіе, поддерживающее органическую жизнь нашей планеты.

Г. Вурцъ (Wurtz), говоря о водѣ, упомянулъ, что до 1791 г. не имѣли о ней вѣрнаго понятія. Англійскій физикъ Кэвендишъ, первый открылъ начала, входящія въ составъ воды, а черезъ два года послѣ этого открытія г. Лавуазье доказалъ окончательно, что она состоитъ изъ двухъ частей водорода и одной части кислорода. Когда соединяются эти газы при помощи электрической искры, то изъ нихъ высвобождается блестящая теплота, сопровождаемая сильнымъ звукомъ, послѣ котораго водяной паръ наполняетъ внутренность сосуда и охлаждается на его стѣнкахъ. Электрическая искра, соединяя эти газы, можетъ также раздѣлять ихъ, то-есть разлагать воду, равно какъ очень высокая температура (около 1,500°) и нѣкоторые химическіе агенты. Если, напримѣръ, положить на кусокъ льда нѣсколько потасія или калия, то этотъ металлъ мгновенно поглотитъ кислородъ и освободитъ водородный газъ, который воспламенится. Содій, фосфористый кальцій и нѣкоторые другіе вещества обладаютъ въ разной мѣрѣ тѣмъ же свойствомъ, какъ и потасій. Мы видимъ воду въ трехъ состояніяхъ: твердомъ, жидкомъ и газообразномъ. Твердымъ тѣломъ становится она при температурѣ ниже 0, и тогда объемъ даннаго ея количества значительно увеличивается. Отъ этого, замерзая въ герметически закрытыхъ сосудахъ и внутри камней, вода разрываетъ ихъ.

Слѣдовательно французское выраженіе «il gèle à pierre fendre» вѣрно въ ученое отношеніи. По той же причинѣ не тонетъ ледъ—онъ легче равнаго съ нимъ по объему количества воды. Ею покрыто почти $\frac{3}{4}$ земной поверхности. Хотя глубина моря очень различна, но можно допустить, что вся масса морской воды могла бы обрушить земной шаръ сплошнымъ слоемъ въ 300 сажень глубиною. Исландскій шпатель, горный хрусталь и много другихъ кристаллизованныхъ минераловъ образовались изъ осадковъ той смѣси, которая въ эпоху формировація земныхъ пластовъ была растворена водою. Многіе изъ этихъ минераловъ теперь не растворяются въ водѣ, и человекъ не можетъ искусственно создать ихъ, потому что природа творила при недоступныхъ для насъ условіяхъ. Мы употребляемъ стаканъ воды, тогда-какъ она дѣйствуетъ океанами; мы ждемъ часть, годъ, она же измѣряетъ свою дѣятельность вѣками. Можетъ быть, алмазь, который такъ часто пробовали воспроизвести при помощи огня, образовался мокрымъ путемъ, подобно вышеназваннымъ кристалламъ (?). Извѣстно, какое важное участіе принимаетъ вода въ жизни растений и животныхъ. Она образуетъ главную составную часть растительныхъ соевоу, и при ея помощи питаются растенія. Она же есть главный элементъ крови и другихъ жидкостей,

постоянно поддерживающихъ влажностъ, необходимую для внутреннихъ органовъ нашего тѣла. Нѣкоторые инфузоріи, будучи вынуты изъ воды, засыхаютъ и, кажется, окончательно лишаются способности къ дальнѣйшему существованію. Но если, по прошествіи даже нѣсколькихъ лѣтъ, снова опустятъ ихъ въ воду — жизнь и движеніе снова возвращаются къ нимъ. Поверхность воды испаряется при всякой температурѣ; но ея нижніе слои, подверженные сравнительно сильнѣйшему давленію, обращаются въ паръ только при 80° Реом. или 100° Цельс. выше 0. Пузырки, образующіеся на болѣе нагрѣтыхъ частяхъ сосуда, подымааясь вверхъ, производятъ такъ называемое кипѣніе. Точка кипѣнія воды (80° Реом.) отличается отъ прочихъ температуръ тѣмъ собственно, что упругость пара, который образуется при ней, равна атмосферному давленію. Вслѣдствіе этого она всегда постоянна. Вода можетъ достигнуть высшей температуры только въ герметически закрытыхъ сосудахъ. Чѣмъ выше температура воды, тѣмъ болѣе упругъ паръ, образуемый изъ нея при помощи огня, а потому онъ можетъ разорвать сосудъ, который не въ состояніи выдержать давленія, происходящаго отъ общей способности къ расширенію всѣхъ газообразныхъ тѣлъ, вслѣдствіе того, что частицы ихъ взаимно отталкиваютъ другъ друга. На законахъ природы, относящихся къ переходу воды при разныхъ температурахъ изъ жидкаго въ газообразное состояніе, основано устройство паровыхъ машинъ. Замѣтимъ, однакоже, что главный дѣятель въ этомъ случаѣ все-таки огонь, безъ котораго не могла бы вода обратиться въ паръ, способный производить полезную работу и быть могучимъ механическимъ двигателемъ.

Профессоръ бонапартовскаго лицея г. Тростъ, назвавъ огонь сліяніемъ теплоты и свѣта, которые не всегда бывають соединены между собою, но существуютъ и отдѣльно другъ отъ друга. Горячая вода, напримеръ, не испускаетъ свѣта, и наоборотъ, лунный свѣтъ, фосфорный блескъ моря и т. д. не производятъ теплоты. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ нѣтъ того, что называется *огнемъ*. Изученіе механическихъ средствъ, при помощи которыхъ можно производить теплоту, дало начало совершенно новой теоріи, отъ которой ученый міръ ожидаетъ очень важныхъ результатовъ. Предметъ ея заключается въ опредѣленіи *механическаго эквивалента теплоты*. Пушечное ядро, внезапно остановленное въ своемъ полетѣ препятствіемъ, раскалется до-красна. Наука объясняетъ это явленіе тѣмъ, что движеніе, сообщенное ядру, не пропало безслѣдно, но обратилось въ тепло. Думаютъ, что еслибы земной шаръ былъ остановленъ вдругъ при своемъ движеніи вокругъ собственной оси и около солнца, онъ распался бы до такой степени, что всѣ составныя части его улетучились бы мгновенно. Теплота въ свою очередь обращается въ движеніе, и точнѣйшее изученіе этого вопроса можетъ привести огромную пользу динамитѣ. Огонь блещетъ потому только, что онъ накапливаетъ до-бѣла твердыя частицы, выходящія изъ горючихъ матеріаловъ во время процесса ихъ горѣнія. Производимый двумя соединенными токами кислорода и

водорода — огонь имѣеть блѣдно-голубоватый цвѣтъ, но жаръ этого огня такъ силенъ, что въ состояніи расплавить самыя твердые металы. Если же хотимъ мы сдѣлать этотъ огонь блестящимъ, то стоитъ только ввести въ него кусокъ мѣлу, который, достигши очень высокой температуры, начнетъ испускать блескъ, подобный электрическому свѣту. Однакоже, вмѣстѣ съ тѣмъ поглощающій мѣломъ кислородъ, обратившись въ пламя, утратитъ свою прежнюю температуру. Этимъ объясняется причина, почему жаръ пламени далеко не соотвѣтствуетъ его блеску — пламя охлаждается по мѣрѣ того, какъ становится оно ярче. Первобытныя люди освѣщало и согрѣвало только солнце. Впрочемъ, несмотря на прогрессъ цивилизаціи, и мы недалеко ушли отъ похитителя солнечныхъ лучей Прометея, потому что и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, свѣтъ и тепло болѣе или менѣе непосредственно похищаются у солнца. Мы заимствуемъ ихъ изъ углерода, заключеннаго въ горючихъ веществахъ. Но углеродъ не могъ бы образоваться въ нихъ безъ помощи солнца, лучи котораго даютъ возможность растеніямъ поглощать углекислоту, и обращать ее въ уголеродъ. Всѣ животныя усваиваютъ этотъ газъ, питааясь растительной, или мясною пищею, и освобождаютъ изъ себя часть его — при процессѣ дыханія. Слѣдовательно, безъ солнечнаго свѣта не существовало бы углерода. И такъ, солнце есть начало всякаго тепла и всякаго свѣта, и — стало быть — всей органической жизни, свойственной условіямъ нашей планеты.

Новые листья. — Извѣстный итальянскій астрономъ, отецъ Секки, пишетъ къ г. Варрену де-ла-Рю: «Последнее пятно, которое наблюдалъ я, дало мнѣ возможность всмотрѣться хорошо въ явленіе, извѣстное подъ именемъ «ивовыхъ листьевъ». Если ихъ именно хотѣли изобразить на заглавномъ листѣ «Руководства къ астрономіи» г. Чэмберса, то, признаюсь, я не видалъ ничего подобнаго. Эта картинка представляетъ темный фонъ, покрытый множествомъ маленькихъ бѣлыхъ штриховъ. Мой телескопъ не показываетъ такой фигуры. Но, я полагаю, она изображаетъ другое явленіе — именно, оконечности пенумбры и ея внутреннюю часть, которая дѣйствительно походитъ на кисть, сдѣланную изъ верблюжьей шерсти. Что же касается «ивовыхъ листьевъ», то они представляютъ массу бѣлыхъ, продолговатыхъ тѣлъ, имѣющихъ $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ секунды дуги въ ширину, и очень разнообразной длины. Трудно сравнить ихъ съ какимъ-нибудь существующимъ на землѣ предметомъ; но названіе «листья» придумано для нихъ недурно. Только со словомъ *листья* соединяютъ обыкновенно понятіе о нѣкоторой правильности и однообразіи формы, которыхъ въ ивовыхъ листьяхъ не замѣчалъ я».

Джонъ Гершель пишетъ къ тому же лицу: «Пологаю, что г. Нэсмитъ хочетъ лишить правильной формы и опредѣленнаго объема «ивовые листья», извѣстныя вообще подъ именемъ *облаковъ*. Но я несогласенъ съ нимъ. Кажется, мною найденъ ключъ къ объясненію

ихъ природы. Я признаю ивовые листья *постоянно плотной (solid) матеріею*, состоящею изъ фибръ или волоконъ, которыя, будучи приближены другъ къ другу, способны соединяться въ комья, какъ пухъ. Однакоже представляется вопросъ: почему они, и только одни они, блестятъ такъ ярко? На это я отвѣчу: потому, что это плотныя тѣла, и притомъ плавающія (на уровнѣ, опредѣленномъ ихъ плотностью) въ *изообразной средѣ*, или въ *прозрачной жидкости* или, наконецъ, въ *среднѣ между ними* (и тоже прозрачномъ) *веществѣ* неизмѣримо высокой температуры. «Среднимъ» я называю то состояніе между газомъ и жидкостью, которое обнаружено опытами г. Каньяра де-ла-Тура. Отсутствие блеска въ окружающей ихъ средѣ, кажется мнѣ, намекаетъ очень ясно на ея *безцвѣтную прозрачность*. Безцвѣтные газы, или прозрачныя жидкости не испускаютъ изъ себя свѣта. Убѣдиться въ этомъ очень просто. Сопоставьте въ тиглѣ, раскаленномъ до-красна, нѣсколько селитры. Вы увидите сквозь нея *однообразный* блескъ dna тигля, отчего вся площадь расплавленной селитры будетъ свѣтиться *одинаково*, тогда какъ болѣе глубокія части этой жидкости (которыя нетрудно обнаружить мѣстами) свѣтились бы сравнительно ярче, еслибы испускала она блескъ изнутри себя. *Поверхность* же солнечной атмосферы не блестятъ потому — такъ по крайней мѣрѣ думаю я — что у нея нѣтъ собственно такой опредѣленной поверхности. Плотность фотосферы уменьшается снизу до 0 въ высшихъ слояхъ ея, гдѣ совсѣмъ нѣтъ давленія».

АРКТИЧЕСКІЕ ГОРЦЫ. — Г. Маркгамъ прочелъ въ лондонскомъ этнографическомъ обществѣ записку, въ которой собраны всѣ свѣдѣнія объ арктическихъ горахъ, самыхъ близкихъ къ сѣверному полюсу жителей земного шара, по крайней мѣрѣ на сколько извѣстно это въ настоящее время. Къ числу ихъ авторъ относитъ не всѣхъ вообще эскимосовъ, но только изолированное племя ихъ, живущее къ востоку отъ Бафинова залива и Смитова Зунда, въ странѣ, граничащей къ югу Мельвилемъ, а къ сѣверу большими гумбольдовыми глетшерами. Эту землю посѣтили слѣдующіе путешественники: первый Бафинъ въ 1616 г., на кораблѣ «Открытие». Однако неизвѣстно, выходилъ ли онъ на берегъ. Черезъ двѣсти лѣтъ послѣ него, въ 1818 г., былъ тамъ Джонъ Россъ. Онъ первый изъ европейцевъ вошелъ въ сношенія съ арктическими горами. Въ 1849 г. пароходъ «Сѣверная Звѣзда» прозимовалъ въ Вольстенгольскомъ проливѣ, и англійскіе матросы все это время жили очень дружно съ эскимосами. Въ 1850 г. капитанъ Омманей познакомился съ ними на мысѣ Йоркъ. Пароходъ «Неустрашимый», заходившій также въ Вольстенгольскій проливъ, взялъ на палубу молодого арктическаго горца. Капитанъ Ингльфильдъ посѣтилъ этихъ эскимосовъ на петоваскомъ глетшерѣ, и былъ въ ихъ селеніи миль за двадцать отъ мыса Парри. Докторъ Гейнъ, одинъ изъ офицеровъ доктора Кэна, прожилъ съ ними нѣсколько мѣсяцевъ отъ 1853 до 1855 г. Наконецъ, сэръ Леопольдъ Мак-Клинтонъ

входилъ въ сношенія съ восемью урожденцами миса Йорка въ 1858 г. Флора этой страны состоитъ изъ 44 родовъ и 76 видовъ, открытыхъ до сихъ поръ. Къ числу арктическихъ растений принадлежатъ четыре вида ранункула или жабника, четырнадцать крестовидныхъ злаговъ, къ которымъ относится скорбутная трава, нѣсколько маленькихъ, очень красивыхъ астръ, лапчатныя растенія, верескъ, низенькіе, стелящіеся ивы, папоротникъ и множество мховъ. Впрочемъ, пригодность арктической страны для жизни человѣка обуславливается близостью моря. Гренландія, напримѣръ, несравненно богаче растеніями и животными, нежели сухой архипелагъ къ западу отъ нея, но безъ открытаго моря — зимою она была бы необитаема. Ледъ, идущій весною на югъ, оставляетъ за собою впродолженіе лѣта открытое море въ сѣверной части Баффинова залива, извѣстное подъ именемъ «сѣверной воды», тогда какъ зимою морскія теченія и ледяныя горы, плавающія во всѣхъ направленіяхъ, производятъ полыньи, и поддерживаютъ ими же образованные каналы. Такова эта страна, гдѣ находится множество живыхъ существъ при температурѣ, доходящей въ самые жаркіе мѣсяцы до 38°, а въ самые холодные до — 38°. Въ зимнее время бывають здѣсь страшныя вьюги. Годъ раздѣленъ на долгій день, и еще болѣе длинную ночь. Лѣтомъ, въ покоѣ и безмолвіи свѣтлыхъ ночей, можно видѣть здѣсь такія картины, какихъ нигдѣ нѣтъ. Безлѣсность и однообразіе земли, не заключаютъ въ себѣ ничего особенно-привлекательнаго, но ледъ, вода, наклонные утесы и особенный колоритъ воздуха, придають чрезвычайную эффектность этимъ пейзажамъ. На пространствахъ между берегомъ и глетчерами живутъ сѣверные олени, волки, медвѣди, лисицы, зайцы, вороны, сокола, совы, глухари, черноногіе зуйки и турухтаны. На островахъ и утесахъ гнѣздятся огромныя стаи водяныхъ птицъ. Въ полыньяхъ и каналахъ плаваютъ множество моржей, тюленей и китовъ, привлекаемыхъ сюда мириадами моллюсковъ, мелкой рыбы и маленькихъ морскихъ животныхъ. Эта страна имѣетъ не болѣе 140,000 жителей, которые проводятъ зиму въ построенныхъ ими селлахъ, а лѣтомъ ставятъ свои походныя налатки тамъ, гдѣ найдутъ лучшее мѣсто для охоты. Г. Марегамъ утверждаетъ, что эти эскимосы азіатскаго происхожденія. Они строятъ жилища изъ камня, а не изъ снѣга, какъ американское племя. Ихъ каменные *малу* совершенно схожи съ разрушенными юртами, которые находятся на сѣверныхъ берегахъ Сибири и на островахъ Парри. Это одинъ изъ многихъ признаковъ сибирскаго происхожденія арктическихъ горцевъ.

По прочтеніи этой записки, докторъ Ре (Ree) сказалъ, что онъ былъ въ Гренландіи, Чорчилѣ, Гудзоновомъ заливѣ, въ устьяхъ Магензи и Мѣдной рѣки, на арктическомъ берегу, и прожилъ два года близъ Ренюльсеа. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ видѣлъ онъ эскимосовъ, и могъ сравнить ихъ. Земля къ югу отъ Чорчилья, ниже 59° сѣверной широты — признаются страной индійцевъ, и потому сюда заходятъ только эскимосы, состоящіе на службѣ у

гудсон-бейской компаніи. Они носятъ европейское платье, и употребляютъ по торговымъ дѣламъ. Это — трезвый и честный народъ. Никогда не просятъ они милостыни, какъ краснокожіе индійцы, и очень заботятся, какъ о своей, такъ и ввѣренной имъ чужой собственности. Ростомъ невысоки они, но все же не карлики, хорошо сложены и сильны. У нихъ низкій и широкій лобъ, высокоприподняты скулы, лицо плоское, но довольно-пріятное, и внутренніе углы глаза направлены, какъ у китайцевъ, нѣсколько книзу. Волосы черные, прямые и грубые. Мужчины коротко стригутся; бороды почти не растутъ у нихъ. Голодъ и гриппъ произвели въ послѣднее время большое опустошеніе между эскимосами. Г. Ре, въ доказательство ихъ доброты и честности, сообщилъ слѣдующій случай. Онъ, для присмотра за своими вещами, оставилъ на зимней квартирѣ трехъ человекъ — по сосѣдству съ нѣсколькими семействами жившихъ тамъ эскимосовъ. Вещи, прикрытыя только клеенкою, лежали на камняхъ, и никто не тронулъ ихъ. Когда весною сталъ таять снѣгъ, то эскимосы, находя потерянные или унесенныя водою вещи, доставляли ихъ сторожамъ, которымъ во все это время не было нанесено ни малѣйшей обиды, хотя двое изъ нихъ часто находились въ отлучкѣ. Другое племя, живущее на рѣкѣ Макензи, отличается совершенно инымъ характеромъ. Когда въ 1848 г. Ре сопровождалъ экспедицію, отыскивавшую Франклина, эскимосы помянутой рѣки преслѣдовали англичанъ на своихъ *оміакахъ*, напали на отставшую шлюпку и ограбили ее. Это — чрезвычайно-отважные и дерзкіе люди. Вѣроятно, ихъ предки истребили нормановъ, поселившихся въ южной Гренландіи. Всѣ мужчины этого племени носятъ на щекахъ украшенія, сдѣланныя изъ камня, мамонтовой кости, или большихъ разноцвѣтныхъ бусъ.

Зависки лондонскаго этнологическаго общества (*). — Къ отличительнымъ чертамъ этого журнала, который пользуется большимъ уваженіемъ ученаго міра, должно отнести совершенную свободу его сотрудниковъ. Ихъ нисколько не стѣсняетъ програма, или какое-либо опредѣленное направленіе этихъ «Записокъ». Почти въ каждомъ номерѣ можно найти діаметрально-противоположныя мысли объ одномъ и томъ же предметѣ. Напримѣръ, въ III томѣ, который вышелъ въ апрѣлѣ, помѣщено нѣсколько статей, направленныхъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи рода человѣческаго. Г. Ферраръ говоритъ, что фізіологическое различіе людскихъ расъ объяснялось прежде вліяніемъ климата, пищи, образа жизни и т. д., но что въ настоящее время большинство натуралистовъ совершенно оставило эту мысль и признаетъ нѣсколько отдѣльныхъ другъ отъ друга центровъ первоначальнаго появленія людей. Г. Кристи, напротивъ, высказывается въ пользу единства происхожденія человѣческаго рода, удлинняя только періодъ его существованія. Г. Уэллсъ также думаетъ, что гипотезу о разнолѣт-

(*) Transactions of the ethnological Society of London. Vol. III. 1865.

номъ появленіи на землѣ многихъ паръ можно опровергнуть не иначе, какъ допустивъ глубочайшую древность происхожденія человѣка. Наконецъ, вице-президентъ общества г. Крауфордъ рѣшительно возражаетъ противъ населенія земли изъ одной точки ея поверхности, отъ одной родоначальной четы. Сравнить другъ съ другомъ отдѣльные номера «Записокъ» было бы послѣ этого совершенно лишнимъ трудомъ; потому что сравненіе подтвердило бы только то, что вполнѣ доказывается ихъ послѣдней книжкою. Впрочемъ, мы указываемъ на эту странность, какъ на фактъ, нисколько не придавая ему похвальнаго значенія. Изъ помѣщенныхъ въ третьемъ томѣ статей, особенно замѣчательны: «О первыхъ попыткахъ къ прирученію домашнихъ животныхъ», г. Галтона, «О жителяхъ малайскаго архипелага», г. Уэллеса, и «О доисторическихъ обитателяхъ пещеръ южной Франціи», г. Кристи. Галтонъ думаетъ, что прирученіе животныхъ началось исподоволь, полусознательно, и что къ нему приступили не цивилизованные люди, какъ полагаютъ нѣкоторые мыслители, но еще грубое, нисколько необразованное чело-вѣчество, которому послѣ очень медленнаго выбора удалось наконецъ сдѣлать домашними нѣкоторыхъ животныхъ. На время, когда начались эти попытки, можетъ, по мнѣнію автора, указать сравнительная этимологія. Въ большей части арианскихъ нарѣчій названія быка, собаки и лошади сходны, тогда какъ имена дикихъ звѣрей очень различны. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что помнута животныя были приручены арианами еще задолго до переселенія ихъ въ Европу изъ средней Азіи. Трудно допустить мысль о возможности прогресса цивилизаціи безъ прирученія человекомъ по крайней мѣрѣ собаки и коровы. Собака названа «le premier élément du progrès de l'humanité», и это въ нѣкоторомъ отношеніи вѣрно. Востокъ, по мнѣнію г. Тусснеля, былъ колыбелью цивилизаціи, потому что онъ родина собаки. Краснокожіе индѣйцы, у которыхъ нѣтъ собакъ, не могутъ собирать животныхъ въ стадо, также въ продолженіе охоты должны они тратить много времени на отысканіе дичи. Азіатцы, напротивъ, держа большія стада, не имѣли надобности употреблять особенныхъ усилій для надзора за ними, потому что имъ помогала въ этомъ собака. Они не унижали своего чело-вѣческаго достоинства излишней заботою о развитіи чувства обонянія, которое довела американскіе индѣйцы до тонкости собачьяго чутья. Хотя мнѣніе г. Тусснеля о существованіи каннибализма только у народовъ, немнѣвшихъ собакъ, можетъ показаться слишкомъ смѣлою гипотезою, однако же его подтверждаютъ дикари Америки и большей части острововъ Малайскаго архипелага. Въ Америкѣ только вскиномъ владѣютъ собаками, и только у нихъ никогда не существовало людоедства.

Г. Уэллесъ прожилъ восемь лѣтъ на островахъ Малайскаго архипелага, переѣзжая съ одного изъ нихъ на другой. Его описанія картинъ природы, животныхъ и особенно людей чрезвычайно живы и типичны. Читатель какъ-будто видитъ гладковолосаго, смуглаго, низенькаго и безбородаго *малайца*, гордо-крутишаго

минимъ усы, или едва замѣтный влохъ бороды, пробившіяся у него съ одной стороны подбородка. Такъ же отчетливо рисуются въ его воображеніи высокой, чернокожій, курчавый, брадатый и весь поросшій волосами *папуанъ*, помирающій со смѣху при видѣ всякаго новаго предмета. Первый широколицъ, съ маленькимъ носомъ и плоскими бровями, у другаго продолговатое лицо, длинный носъ и выпуклыя брови. Малаецъ робокъ, холоденъ и молчаливъ; папуанъ смѣлъ, горячъ и любитъ пошумѣть. Кромѣ этихъ двухъ расъ, на островахъ Жилоло, Церамъ и Буро живутъ *альфуру*, похожіе тѣлосложениемъ на папуановъ, но цвѣтомъ кожи на малайцевъ. *Негритовъ*, этихъ почти карликовъ съ маленькимъ плоскимъ носомъ и черными, курчавыми волосами, живущихъ на Филиппинскихъ островахъ, смѣшиваютъ съ папуанами, тогда какъ они походятъ болѣе на малайцевъ. Г. Уэллсъ говоритъ, что если провести черту отъ восточнаго берега Филиппинскихъ острововъ на западъ къ Жилоло, продолжить ее черезъ Буро и окончить островомъ Ротти, тогда архипелагъ раздѣлится на двѣ части: западную и восточную. Въ первой будутъ находиться малайская и азиатская расы, а во второй папуаны и раса большого олена. Эта линія раздѣлитъ архипелагъ въ зоологическомъ отношеніи на индо-малайскую и австромалайскую страны. Индо-малайская раса имѣетъ физическое сродство съ восточно-азиатскимъ населеніемъ отъ Сіама до Манджурии. Хотя негрнты или негритосы очень отличаются отъ малайцевъ, однако же ихъ можно встрѣтить на андаманскихъ островахъ и на азиатскомъ континентѣ. Къ востоку же отъ проведенной линіи живетъ, напротивъ, племя, сходное съ папуанами на всѣхъ островахъ до Фиджи, за которыми по всему Тихому океану разбѣяна смуглая полинезійская раса, очень похожая на альфуру, живущихъ на островахъ Жилоло и Церамъ. Авторъ полагаетъ, что это племя, равно какъ папуаны, фиджіане, жители Сандвичевыхъ острововъ и Новой-Зеландіи, суть разные виды одной полинезійской расы, которая вѣроятно населяла большой континентъ, скрытый теперь отчасти подъ водою. Хотя это мнѣніе основано преимущественно на гипотезѣ, однако же оно принадлежитъ г. Уэллсу, который хорошо знакомъ съ фактами, относящимися къ этнологіи Малайскаго архипелага, а потому наука не можетъ не дорожить имъ.

Г. Кристи собралъ орудія каменнаго вѣка со всѣхъ концовъ земли. Берега арктическаго моря, Скандинавія, Великобританія, Франція, Россія, Греція, Китай, Японія, Синай, ливанскія и египетскія пещеры, вавилонская долина, Индія, индійскій архипелагъ, Нубія, сѣверные и южные сваты Атласа, мѣсть Доброй-Надежды, Вест-Индія и американскій материкъ — словомъ, всѣ страны, гдѣ находили каменные орудія первобытнаго человѣчества, внесли обильную дань въ его богатый музей. Замѣчательно, что всѣ они, какъ самыя простыя, такъ и болѣе замысловатые по формѣ, чрезвычайно сходны между собою. Вслѣдствіе этого нельзя опредѣлить по нимъ тѣхъ ископаемыхъ остатковъ, вмѣстѣ съ которыми были они найдены, а напротивъ по костюмъ животныхъ

можно расположить ихъ въ хронологическомъ, или палеонтологическомъ порядкѣ. Древнѣйшіе образцы этихъ орудій лежали въ пластахъ, гдѣ преобладали кости мамонтовъ и носороговъ, были здѣсь также нецѣлые остовы лошадей и порою сѣверныхъ оленей. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ пещеръ, въ продолженіе котораго преобладающими животными былъ сѣверный олень. Каменные топоры здѣсь нешлифованы, и нѣтъ никакого слѣда тѣаней и гончарнаго ремесла. Далѣе идетъ *кюкенмѣдинскій* періодъ Даніи—сѣверныхъ оленей нѣтъ, полированныхъ топоровъ также, но остались признаки гончарнаго мастерства и кости домашнихъ животныхъ. Послѣ этого тѣнется вѣкъ озерныхъ или свайныхъ построекъ—топоры по большей части шлифованные, горшечныхъ остатковъ множество, вмѣстѣ съ ними попадаются тѣани, сѣверный олень окончательно смѣненъ домашними животными, есть признаки обработки пшеницы. Наконецъ мы достигаемъ періода верхняго слоя земли, гдѣ уже остатки фауны наиболѣе приближаются къ существующимъ теперь животнымъ, и бронзовыя орудія свидѣтельствуютъ о концѣ каменнаго вѣка.

Мюнхенская историческая лѣтопись 1865 года. (*)—Много было говорено въ свое время о желаніи короля баварскаго Лудовика сдѣлать столицу своего государства чѣмъ-то въ родѣ новыхъ Аѳинъ, лучшимъ въ Европѣ пріютомъ науки и искусства. Преемникъ его, недавно умершій Максимилианъ II, былъ ученикомъ Шеллинга, и до конца жизни сохранилъ теплую вѣру въ утопію своего наставника. Умиротвореніе враждебныхъ началъ, раздѣлившихъ западную церковь, казалось ему возможнымъ дѣломъ. Онъ думалъ, что Баварія, населенной тремя германскими расами: франконцами, швабами и баварцами, суждено быть исходной точкою движенія, о которомъ мечталъ Лейбницъ. Вѣрнѣйшимъ путемъ къ этой цѣли онъ признавалъ исторію, и едва-ли кто изъ покровителей науки умѣлъ съ большимъ тактомъ отстранить тотъ вредный элементъ протекціи, который препятствуетъ свободной дѣятельности ученыхъ людей, получающихъ постороннее пособіе. Профессоръ Деллингеръ очень хорошо объяснилъ это въ панегирикѣ покойному королю. Наука не искусство. Она неспособна доставлять ожидаемаго отъ нея удовольствія и находится въ совершенно-гармоническомъ отношеніи къ духовной атмосферѣ, которая окружаетъ ее. Покровитель науки дѣйствуетъ скорѣе для будущаго, чѣмъ настоящаго, и его усилія, не рѣшая окончательно задуманнаго дѣла, бывають преимущественно только содѣйствіемъ къ достиженію результатовъ, которые, можетъ быть, никогда не будутъ дѣйствительно достигнуты. Король Максимилианъ, покровительствуя ученымъ трудамъ, никогда не вмѣшивался въ нихъ. Онъ избиралъ только главный предметъ занятій, нисколько не стараясь дать имъ опредѣлен-

(*) Münchener historisches Jahrbuch für 1865. Herausgegeben von der historischen Classe der königlichen Akademie der Wissenschaften.

наго заранѣе направленія. Онъ былъ гакже далеку отъ несбыточной мысли сдѣлать Мюнхенъ центромъ европейской, или даже германской науки. Его желаніе заключалось въ томъ только, чтобы столица Баваріи была школою ученикъ швейцарской истины. Съ этою цѣлью учредилъ онъ академію наукъ и художествъ, состоящую изъ пятидесяти членовъ, уполномоченныхъ замѣщать открывающіеся вакансіи по своему собственному выбору. Въ составъ первой академіи вошли два отдѣленія: физическое и историческое, управляющія своими трудами тоже безъ посторонняго вмѣшательства. Физическимъ отдѣленіемъ были добыты богатые результаты не частіи астрономіи, геологіи и ботаники. Но особеннымъ сочувствіемъ покойнаго короля пользовалось историческое отдѣленіе, къ трудамъ котораго принадлежитъ, между прочимъ, изданный теперь первый томъ «Мюнхенской исторической лѣтописи». Цѣль этого журнала заключается въ томъ, *чтобы знакомить публику съ трудами академіи*. Предсѣдатель историческаго отдѣленія—Леопольдъ Ранке; въ числѣ его членовъ находятся извѣстные историки: Лаппенбергъ, Корнелиусъ и Деллингеръ. На это отдѣленіе, сверхъ особыхъ премій, отпускается ежегодно 40,000 флориновъ. Имъ были собраны и изданы пять томовъ германскихъ лѣтописей, съ критической отбѣнкою, акты имперскаго сейма со времени золотой буллы, отдѣльными хрониками нѣкоторыхъ городовъ и много другихъ, весьма важныхъ историческихъ матеріаловъ. Въ первомъ томѣ «Мюнхенской лѣтописи» помѣщена очень замѣчательная статья г. Деллингера объ имперіи Карла Великаго и его преемниковъ. Въ ней объяснены взаимныя отношенія, существовавшія между императоромъ и папою. Хотя папство обязано своей духовной и свѣтской властью Григорію VII, но неоспоримо, что папа призналъ своимъ главою императора, и что Карлъ, получивъ императорскую корону, сталъ такимъ же повелителемъ Рима, какъ и папы, который обратился въ подданнаго. Орлеанскій епископъ Теодольфъ говоритъ, что Петръ апостолъ вручилъ ключи церкви королю, который управляетъ ею и господствуетъ надъ духовенствомъ. Замѣчательна также статья г. Корнелиуса о германской лѣтѣ въ первые годы тридцатилѣтней войны, основанная на источникахъ, найденныхъ въ архивахъ Мюнхена, Вюрцбурга и другихъ баварскихъ городовъ. Впрочемъ, этотъ ученый трудъ образумитъ нео-католиковъ, которые, изображая защитниковъ протестантизма искателями приключеній, желавшими основать свое счастье на развалинахъ германской имперіи, представляютъ австрійскій домъ безкорытнѣйшимъ поборникомъ католицизма. Огромная масса германцевъ не стала бы поддерживать ни Христіана IV, ни Густава-Адольфа, елибы корысть и личное честолюбіе были главными причинами дѣятельности этихъ монарховъ; притомъ же божеское возстаніе, подавшее непосредственный поводъ къ войнѣ, имѣло чисто-религіозный характеръ. Несчастіе XVII вѣка заключалось въ томъ, что какъ отдѣльныя лица, такъ и націи, стоявшія въ главѣ движенія, не могли не имѣть смѣшанныхъ побужденій. При самомъ началѣ тридцатилѣтней

войны, австрийскій домъ принялъ столько же сторону богатыхъ земель, сколько и католической религiи, руководствуясь корыстными тенденціями. Авторъ доказываетъ неопровержимо, что бовария политика Австрiи была понята другими государствами, и что баварскій герцогъ сталъ дѣйствовать вслѣдствіе этого независимо. Онъ стремился составить лигу безъ участія въ ней Австрiи. Находясь подъ вліяніемъ папы и Испанiи, онъ часто измѣнилъ образъ своихъ дѣйствій, но все же до тѣхъ поръ не протянулъ руки Габсбургамъ, пока не уничтожили они его недовѣрія на счетъ своихъ религіозныхъ намѣреній, поземельнымъ обезпеченіемъ. Теперь известно, что наканунѣ вестфальскаго мира Максимилианъ хотѣлъ слугавить, какъ выражаются негодующіе на него имперіалисты, вопреки интересамъ императора и католической церкви, которую Габсбурги привыкли сливать съ своей личностью. Но онъ былъ въ правѣ заключить особый миръ, потому что велъ войну отдѣльно отъ Австрiи, поддерживаемый своими союзниками. Еслибы герцогъ баварскій исполнилъ это, въ такомъ случаѣ вѣнскій дворъ пожалъ бы только плоды политики, которой слѣдовалъ онъ такъ часто и совершенно безнаказанно.

«Африканка», опера Мейербера. — «Композиторъ отвѣчаетъ за избранный имъ сюжетъ; не думайте, чтобы композитору можно было сунуть въ руки либрето, какъ ребѣнку сюжетъ яблоко.» Такъ говорилъ еще Веберъ, и съ тѣхъ поръ это убѣжденіе постоянно возростало и приобрѣтало все болѣе и болѣе силы. Въ наше время всѣми признано, что одна музыка не исчерпываетъ интереса оперы; необходимо, чтобы въ соотвѣтствіи съ музыкальною частью произведенія былъ и сюжетъ его. И хотя мы полагаемъ, что для композитора нѣтъ неизбѣжной необходимости быть самому и либреттистомъ, но твердо убѣждены въ томъ, что работа либретиста должна вполнѣ зависѣть отъ тѣхъ требованій, которыя заявляетъ фантазія композитора. Такъ понималъ это дѣло Мейерберъ, и потому-то онъ такъ и дорожилъ Скрибомъ, какъ человѣкомъ, который умѣлъ вполнѣ подчинять себя его творческимъ замысламъ и облекать ихъ въ стройную словесно-драматическую форму. Такимъ образомъ Мейерберъ всегда былъ полновластнымъ творцомъ и господиномъ своихъ музыкальныхъ драмъ. Такъ создались нѣкогда «Робертъ», «Гугеноты»; такъ создались и «Африканка». Либретистъ далъ для нея только канву, по которой уже композиторъ создалъ образы сценично-пластическіе и музыкальные. Итакъ, чтобы понять это произведеніе, нужно сперва взглянуть на основную сѣть его сюжета, и затѣмъ уже рассмотреть узоры, вышитые по ней рукою композитора.

Сюжетъ «Африканки» заключается въ слѣдующемъ:

Васко-де-Гама, молодой офицеръ португальскаго флота, возвращается въ отечество послѣ неудачной попытки капитана Бартоломео Диаса обогнуть южную оконечность Африки, и предлагаетъ королевскому совѣту планъ новаго путешествія, которое должно довести мореплавателей до Индіи. Рассказывая о богатствахъ видѣн-

нихъ имъ странъ южной Африки, онъ есмляется на свидѣтельство двухъ рабовъ, которыхъ онъ привезъ съ собою, купивъ ихъ на базомъ-то невольничьемъ рынкѣ. Это—Селика, царица Мадагаскара, и Нелюско, ея рабъ. Но плѣнники поклялись не говорить ни слова; тогда совѣтъ рѣшаетъ отвергнуть планы Васко, и несчастный мореплаватель рѣзко изливаетъ свой гнѣвъ и оскорбляетъ все собраніе, за что великій инквизиторъ произноситъ противъ него проклятіе и приказываетъ заключить его въ тюрьму. Сюда сопровождаетъ его Селика, которая любитъ его. Она стережетъ сонъ Васко, который въ бреду произноситъ имя Инесы, любимой имъ дочери адмирала Дом-Диего. Проснувшись, Васко предается своимъ проклятіямъ и вычислениямъ и отбѣчаетъ на картѣ тотъ путь, котораго имѣть; когда онъ доходитъ до мыса Буръ, Селика говоритъ ему: «Ты идешь не тѣмъ путемъ: сюда, сюда! Здѣсь островъ Мадагаскаръ, котораго я царица.» Это извѣстіе есть цѣлое открытіе для Васко; онъ вѣдъ себя отъ радости и, принимая свою благодарность за любовь, объявляетъ Селикѣ, что любитъ ее. Селика отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Въ эту минуту Нелюско приходитъ и объявляетъ о сватбѣ Инесы съ Дом-Педро, предсѣдателемъ королевскаго совѣта. По этому случаю Васко прощенъ и освобожденъ изъ темницы. Онъ находитъ случай объяснить новобрачной, что вовсе не любитъ Селику, но попрежнему вѣреть ей, Инесѣ. Затѣмъ Дом-Педро рассказываетъ, что онъ назначенъ начальникомъ экспедиціи, которой такъ добивался Васко, и увозить съ собою и жену. Нелюско предлагаетъ ему себя въ кормчіе, и Дом-Педро имѣетъ неосторожность принять это предложеніе. Они плывутъ; Нелюско имѣетъ намѣреніе направить корабль на родной свой берегъ, окруженный подводными скалами. Командиру корабля даютъ знать о приближающемся небольшомъ суднѣ; оказывается, что это—легкое судно, которое Васко снарядилъ съ помощью своихъ друзей, и на которомъ онъ послѣдовалъ за Дом-Педро, чтобы не уступить ему чести открытія новыхъ земель. Васко вступаетъ на корабль Дом-Педро и предупреждаетъ капитана, что его судно направлено на ложную дорогу. Между нимъ и Дом-Педро, ревнующимъ его къ своей женѣ, происходитъ ссора. За послѣдняго заступаетъ Селика, сопровождающая Инесу; по просьбѣ жены Дом-Педро прощаетъ Васко, но въ то же время приказываетъ Нелюско избавить его отъ соперника. Селика, напротивъ того, приказываетъ Нелюско спасти любимаго ею Васко. Нелюско общается ей это, съ тѣмъ однако, что онъ утопитъ остальныхъ европейцевъ. Внезапно разражается страшная буря; въ то же время множество дней, на пирогахъ, осаждаютъ судно, и оно товетъ: спасены Селика, Нелюско, Васко и еще немногіе. Дикіе — жители Мадагаскара—признаютъ Селику своей царицею; она приказываетъ жрецамъ, чтобы они вѣнчали ее съ европейцемъ. Между тѣмъ оказывается, что Инеса тоже спасена; при видѣ ея въ сердцѣ Васко возгорается прежняя любовь къ ней. Между двумя соперницами происходитъ взрывъ ревности. Но Селика, несмотря на свою страсть, понимаетъ, что Васко сталъ ея мужемъ по необходимости, и что

она никогда не получить отвѣта на свою любовь. Ей остается только умереть... Она призывает Нелюско и приказывает ему отвезти Инесу и Васко на берегъ, гдѣ приготовленный къ отплытію корабль отвезетъ ихъ въ отечество. Сама же она рѣшается умереть подъ сѣнью ядовитаго дерева; и въ то время, когда выстрѣлъ возбуждаетъ отплытіе португальскаго мореплавателя, Селика испускаетъ духъ, отравленная смертоносными испареніями маиценіи.

Такова програма, которую Скрибъ сообщилъ Мейерберу. Нечего и говорить, что она не страдаетъ точностью историческихъ подробностей. Въ этомъ отношеніи Мейерберу оставалось только ограничиться общими чертами мѣстности и времени, чтобы создать нѣчто живое и рельефное, и дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, это удалось ему вполне. Точно также богатства его творчества сгладили и другіе недостатки либрето (какъ напримѣръ, натянутость, искусственность положеній). Наименѣе удался Мейерберу характеръ самого героя. Въ чертахъ, которыми онъ отмѣченъ, есть чрезмѣрное усложненіе, какая-то двойственность. По существу своего характера, разумѣется, не историческаго, а вымышленнаго композиторомъ, Васко де-Гама есть вдохновенный мечтатель, весь преданный своей идеѣ и преслѣдуемый за нее тѣми, кто не въ состояніи понять ея значенія. И вотъ, этотъ мученикъ своего открытія—такимъ мы видимъ его въ первыхъ дѣйствіяхъ оперы — во второй половинѣ произведенія является жертвою любви двухъ соперницъ и самъ отдается нѣжной страсти. Нельзя не сказать, что съ этой переибытой окружающихъ условий зритель перестаетъ обращать вниманіе на лицо мореплавателя: подобная личность только и интересна на сценѣ, что исключительными обстоятельствами своей борьбы съ судьбой; иначе это просто дюжинный jeune premier. Но если не удовлетворяетъ зрителя герой, за то личность героини, личность Нелюско созданы превосходно; много движенія и выразительности даже во второстепенныхъ лицахъ пьесы, какою-нибудь великомъ инквизиторѣ или великомъ жрецѣ Брамы, этихъ двухъ столь противоположныхъ типахъ фанатизма. Въ подобныхъ персонажахъ Мейерберъ обнаружилъ поразительное разнообразіе и богатство своего таланта.

Могущественное впечатлѣніе первокласнаго художественнаго произведенія дало себя почувствовать съ первой же сцены. Здѣсь, послѣ пріятнаго романа и изящнаго трио, зритель прямо вступаетъ въ міръ творчества по истинѣ гениальнаго. Композиторъ изображаетъ засѣданіе королевскаго совѣта, обсуждающаго вопросъ объ эскадриціи Васко де-Гама; сюжетъ почти не музыкальный, но что сдѣлалъ изъ него Мейерберъ! Члены совѣта появляются на сцену подъ звуки важнаго торжественнаго марша; затѣмъ епископы произносятъ воззваніе къ Богу, призывающее лучъ его мудрости на труды совѣщанія: унисонная фраза изумительной простоты и величія, нѣсколько разъ повторяющаяся въ теченіе всей сцены и всегда вполне уместная какъ въ драматическомъ, такъ и музыкальномъ отношеніи. Среди ея входитъ Васко де-Гама. Онъ рассказываетъ ве-

удачу предъидущей экспедиціи и излагаетъ свой планъ; это не бойкая каватина, а речитативъ сжатый и исполненный спокойствія и достоинства. Свидѣтели, на которыхъ Васко ссылается, упорствуютъ молчать: мореплаватель умоляетъ ихъ страстными звуками. Совѣтъ приказываетъ имъ удалиться: вотъ начинаются пренія, духовныя лица (басы) составляютъ оппозицію градамъ (тенорамъ). Вражда между старымъ и новымъ возгорается, растетъ; наступаетъ минута крайняго раздраженія, какъ вдругъ епископы внезапно встаютъ со своей скамьи и снова произносятъ воззваніе къ Божеству, и послѣдніе его такты звучатъ съ торжественностью церковныхъ возглашеній. Васко снова появляется на сценѣ, слышитъ отказъ, высказываетъ свой гнѣвъ, и великій инквизиторъ произноситъ ему проклятіе, которое епископы повторяютъ унисономъ. Вообще, вся эта сцена поражаетъ историчностью своихъ красокъ. Тайны ритма и гармоническихъ сочетаній были извѣстны Мендельсону и Шпору точно такъ же, какъ Мейерберу; высокое искусство оркестровки не менѣе поразительно у Вагнера; Россини неистощимо богатъ мелодією; но нѣтъ сомнѣній, что никто лучше Мейербера не могъ бы очертить драматическое положеніе, придать жизнь дѣйствующимъ лицамъ, сообщить драматическому дѣйствию всю историческую живописность, требуемую сюжетомъ. Въ сценѣ засѣданія совѣта композиторъ съ удивительною силою переноситъ зрителей въ своеобразную жизнь средневѣковой Европы и внутреннюю борьбу ея еще разъ изображаетъ съ тѣмъ же могуществомъ, съ которымъ далъ ее почувствовать въ знаменитомъ «благословеніи мечей» въ «Гугенотахъ».

Совсѣмъ иной музыкальный характеръ второго акта, дѣйствіе котораго происходитъ въ темницѣ Васко. Здѣсь, въ колыбельной пѣснѣ Селики, въ мечтаніяхъ заключеннаго, идиллическіе и элегическіе звуки сливаются съ мягкими, тягучими мелодіями, рисующими подавленное чувство любви въ душѣ Инесы. Въ третьемъ актѣ, дѣйствіе котораго происходитъ на кораблѣ Дом-Педро, опять преобладаетъ грандіозное. Но справедливость требуетъ сказать, что это слабѣйшая часть въ произведеніи Мейербера. Начало акта, изображающее вообще корабельную жизнь, пробужденіе матросовъ, молитву и т. д., лишено драматическаго интереса, равно какъ и балада о духѣ бурь, которую поетъ Нелюско. Впрочемъ, интересъ возбуждается съ появленіемъ Васко-де-Гама, но финалъ акта, прекрасный въ музыкальномъ отношеніи, затмѣвается декоративнымъ эффектомъ бури и гибели корабля.

Четвертое дѣйствіе происходитъ въ царствѣ Селики—собственно на Мадагаскарѣ; но либреттистъ сообщилъ этому острову индійскую обстановку, и Мейерберъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы начертать превосходную картину Индіи. Передъ зрителемъ брамины и баядерки, весь религіозный пантеизмъ индійскаго міра. А извѣстно, какой мастеръ Мейерберъ въ музыкальномъ изображеніи религіознаго элемента. Нѣтъ возможности передать словами всю оригинальность звуковъ, которыми рисуется суровый, до-

ходящій до безсознательности экстазъ великаго брамина. У этого лица всего двѣ сцены, но оно вполне жизненно и носить на себѣ печать удивительной оригинальности. Есть что-то священное даже въ музыкѣ, сопровождающей пляску. Появленіе Васко среди этого новаго міра тоже даетъ композитору случай новымъ счастливымъ способомъ обнаружить свое дарованіе: мореплаватель, ступая на открытую имъ землю, созерцаетъ окружающую его природу и какъ-бы отдается весь райскимъ очарованіемъ: дивная мелодія его *cantabile*, покоясь на легкомъ аккомпаниментѣ флейтъ и скрипокъ, передаетъ зрителю его восторги.

Но главная сцена четвертаго акта—это дуэтъ между Селинкой и Васко де-Гама, послѣ того, какъ ихъ повѣчали, и какъ Селинка отдается вся порывамъ своего чувства, которые минутно увлекаютъ и Васко. Эта сцена могла бы напомнить знаменитую сцену «Гугенотовъ», но въ томъ и другомъ случаѣ есть разница въ положеніяхъ. Любовь Рауля не будетъ знать конца раньше смерти; чувство Васко де Гама—мгновенный порывъ, для котораго нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго; и среди ласкъ Селинки его не возбуждаетъ воспоминаніе объ Инесѣ, и въ этой-то борьбѣ чувствъ композиторъ нашель лучшей мотивъ своего произведенія. Трудно вообразить себѣ что-нибудь соразмѣрнѣе, изящнѣе, колоритнѣе этого дуэта. Въ его богатой мелодіи высшее выраженіе чувственнаго восторга сверва вырывается изъ устъ Селинки страстной фразой, которую она произноситъ всѣмъ голосомъ, и которую какъ-бы въ бреду Васко повторяетъ въ *mezzo voce*; подъ конецъ дуэта мелодія испаряется въ какой-то шопотъ подъ тихіе звуки оркестра.

Въ пятомъ актѣ особенно замѣчательнымъ дуэтъ Селинки и Инесы, гдѣ ревность африканки прорывается великолѣпными вокальными фразами, и сцена смерти Селинки подъ тѣнью манцины. Блестящій колоритъ музыки, соответствующій роскошной обстановкѣ индійской природы, здѣсь мгновенно измѣняется, и предсмертныя чувства африканской красавицы надрываютъ сердце мелодіей, пронзительной, какъ горе, и въ то же время трогательной и нѣжной.

Трудности этой сцены въ исполненіи вполне объясняютъ—почему Мейерберъ такъ долго не могъ отыскать нѣвицы, по силамъ которой онъ считалъ бы роль «Африканки». Въ музыкѣ этой сцены—говоритъ музыкальный рецензентъ *Revue de deux Mondes*—чувствуется воспоминаніе то объ одной, то о другой гениальной нѣвицѣ, которыя прославились исполненіемъ мейерберовскихъ оперъ; видно, что композиторъ въ этихъ живыхъ образахъ олицетворялъ свою героиню. Между современными представительницами драматическаго пѣнія, можетъ быть, и трудно было бы прискать для этой роли исполнительницу вполне совершенную. А потому французскіе рецензенты не навзлалась исполненіемъ г-жи Маріи Савезъ, которая постаралась возможно ближе подойти къ идеалу, намѣченному Мейерберомъ. Телору Нодену, исполнившему роль Васко де-Гама, эта трудная партія удалась не вполне. Но говорятъ, что лучшимъ эпизодомъ его роли былъ дуэтъ въ четвертомъ актѣ. Баритонъ

Форъ (Нелюско) особенно хороше бьетъ въ третьемъ дѣйствіи, гдѣ его роль выступаетъ особенно рельефно. Наконецъ басъ Обенъ, великій браминъ, соблюлъ чрезвычайно типично характеръ этого оригинальнаго лица.

Вообще, исполненіе «Африканки» было очень тщательное, мѣстами даже прекрасное, но все-таки не вполне достойное самаго произведенія. Большая часть исполнителей не могутъ быть названы истинными художниками и, стало-быть, не соотвѣтствуютъ той идее, которую составилъ себѣ самъ композиторъ о созданныхъ имъ лицахъ. Что касается постановки, то она была удивительная; только корабль не удовлетворилъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя за-долго до представленія обнаруживала публика.

Но все это—вещи второстепенныя и исправимыя рано или поздно. Главное же дѣло въ томъ, что наконецъ завѣтное созданіе Мейербера сдѣлалось доступно публикѣ и обнаружило передъ ней красоты первоклассныя. Дѣйствительно, подводя итогъ всему связанному, нельзя не признать, что «Африканка» есть произведеніе образцовое, вполне достойное стать наряду съ «Робертомъ», «Гугенотами» и «Пророкомъ». Больше, чѣмъ гдѣ нибудь, въ этой послѣдней своей оперѣ Мейерберъ является, по словамъ *Revue de deux Mondes*, великимъ музыкальнымъ колористомъ и щедро пользуется этой своей способностью, чтобы отгнѣнить драматизмъ сценическихъ положеній. Это главное и самое рельефное достоинство «Африканки». Въмѣстѣ съ тѣмъ композиторъ обнаруживаетъ въ ней такое богатство мелодій, котораго до сихъ поръ не бывало въ его произведеніяхъ. Какъ то, такъ и другое съ перваго разу обезпечило успѣхъ его произведенія въ Парижѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что съ тѣмъ же успѣхомъ «Африканка» обойдетъ и всѣ другія главныя оперныя сцены—и достигнетъ Петербурга.

О восточной международной конференціи въ Парижѣ. — Въ 1862 году главноуправляющій почтами въ Соединенныхъ сѣверо-американскихъ штатахъ Блеръ (Blair) представилъ государственному секретарю Сьюарду докладъ о пользѣ назначенія международной конференціи для возможнаго отстраненія различныхъ неудобствъ, недостатковъ и затрудненій; встрѣчающихся въ почтовыхъ учрежденіяхъ современныхъ государствъ, чрезъ что, какъ извѣстно, происходитъ излишняя потеря времени въ доставленіи всякаго рода корреспонденціи и значительно увеличивается стоимость провозной платы.

Одобривъ вполне предложеніе Блера, Сьюардъ сдѣлалъ циркулярное приглашеніе всѣмъ государствамъ принять участіе въ предполагаемой конференціи, которая и открыла свои засѣданія въ Парижѣ еще въ 1863 году, при участіи уполномоченныхъ отъ многихъ европейскихъ государствъ, какъ-то Англіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Австріи, Пруссіи, Италіи, Испаніи, Даніи, Португаліи, Швейцаріи, а также уполномоченныхъ отъ Соединенныхъ сѣверо-американскихъ штатовъ, Коста-Рики, и даже острововъ Сандвичевыхъ. Помѣщенная объ этомъ обширная статья, въ «Deutsches

Vierteljahres-Schrift № 109, Januar-März 1865, откуда мы и сдѣлали заимствование это, не упоминаетъ, впрочемъ, чтобы въ конференціяхъ этихъ участвовали Швеція, Норвегія, Греція, Турція и Россія.

Засѣданія конференціи продолжались очень долго, и только весьма недавно она покончила всѣ свои занятія, при чемъ Кассонъ, главный представитель на этой конференціи Сѣверо-американскихъ штатовъ, въ заключительной своей рѣчи сказалъ, между прочимъ, о значеніи почтъ вообще слѣдующее: «Почты занимаютъ доставленіемъ корреспонденціи, которая весьма много способствуетъ торговлѣ странъ, дѣятельности торговаго флота и развитію промышленности въ народѣ—корреспонденціи, которая составляетъ необходимую потребность для всѣхъ родственныхъ и дружественныхъ связей и отношеній, и очень много содѣйствуетъ благосостоянію рода человѣческаго. Тѣ же почты, разсылая печатные журналы, распространяютъ элементы цивилизаціи, прогресса и образованія, и чрезъ это служатъ сильнымъ и полезнымъ орудіемъ къ уничтоженію преградъ и непріязненныхъ отношеній, воздвигнутыхъ между различными народами еще въ прежнія времена по невѣжеству, а также по неакуратности и даже недостатку средствъ сообщеній. Короче сказать, почтовыя учрежденія служатъ предвѣстниками какъ постояннаго или продолжительнаго мира и спокойствія, такъ и взаимнаго процвѣтанія народовъ (*de prosperité internationale*).

«Непосредственно способствуя удобствамъ общества, комсія наша имѣла своею цѣлью достиженіе вышешюименованныхъ сейчасъ интересовъ и послѣдствій. Мы являемся представителями болѣе нежели 400 милліоновъ людей, принадлежащихъ къ числу самыхъ образованныхъ и промышленныхъ народовъ земнаго шара. Вполнѣ сожалѣя объ отсутствіи представителей нѣкоторыхъ странъ, нами на конгрессъ приглашенныхъ, мы тѣмъ не менѣе представляемъ собою, въ отношеніи почтовыхъ учреждений, конечно, девять-десятихъ всей міровой торговли и девятнадцать-двадцатыхъ корреспонденціи всего земнаго шара. Начертать простыя, общія и однообразныя правила для всей этой корреспонденціи во взаимныхъ ея отношеніяхъ между различными странами, и въ то же время значительно понизить провозную плату—составляетъ дѣйствительно задачу, вполнѣ достойную внимательныхъ обсужденій лучшихъ умовъ всѣхъ народовъ. Мы можемъ надѣяться, милостивые государи, что возвратясь каждый въ свою родину, мы не упустимъ изъ виду значенія лежавшей на насъ здѣсь обязанности и тѣсной ея связи съ благополучіемъ и цвѣтущимъ, счастливымъ развитіемъ всего человѣчества; заявленные же во время засѣданій мнѣнія, чуждыя всякимъ своекорыстнымъ интересамъ, и взгляды вполнѣ свободные и глубокие даютъ намъ полное основаніе надѣяться на приведеніе въ весьма непродолжительномъ времени въ исполненіе на дѣлѣ всѣхъ тѣхъ предположеній, осуществленія которыхъ мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ.»

Сообщаемъ здѣсь о главныхъ заключеніяхъ конференціи въ

возможно кратко извлеченіи, предоставляя желающимъ поближе ознакомиться съ этимъ вполне важнымъ предметомъ обратиться непосредственно къ вышеназванному журналу, гдѣ онѣ напечатаны со всею полнотою на стр. 248 — 328. Заключенія конференціи слѣдующія:

1) Предметы, которые могутъ или должны быть пересылаемы посредствомъ международныхъ почтовыхъ учреждений, дѣлятся на шесть классовъ, а именно:

а) Обыкновенныя письма.

б) Страховыя (Recommandirte) письма безъ означенія цѣнности содержанія ихъ (Werthisinhalt).

в) Страховыя письма всякаго рода съ означеніемъ цѣнности содержанія ихъ.

г) Коректуры, дѣловыя бумаги и всякаго рода написанныя бумаги, неимѣющія характера собственно личной корреспонденціи.

д) Образцы товаровъ—до извѣстнаго вѣса и не представляющіе собою собственно стоимости какъ товары.

е) Всякаго рода произведенія печати, въ листахъ, тетрадахъ, книгахъ, ноты, литографіи, рисунки, карты, планы и т. д.

2) Ввести раздѣленіе мѣстъ корреспонденцій по поясамъ (зонамъ), приписавъ къ каждому возможно большее количество странъ.

3) Избѣгать по возможности самую пересылку денегъ между различными мѣстами, принадлежащими къ международной почтовой системѣ. вмѣсто денегъ пересылать лишь увѣдомленія о выдачѣ денегъ по принадлежности.

4) Предоставить полному свободному усмотрѣнію отправителя письма франкировать его или нѣтъ, то-есть уплачивать деньги, причитающіяся за доставку онаго по назначенію, или нѣтъ, предоставляя взимать ихъ съ получателя письма; но постановить, однако, правиломъ, чтобы за нефранкированныя при отправленіи письма взималось бы нѣсколько болѣе, нежели за франкированныя. За письма вполне франкированныя, въ размѣрѣ, закономъ определенномъ, не должно ничего взимать и ни подъ какимъ видомъ уже съ получателя.

Письма, отправляемыя особенно, экстренно, съ надписью объ этомъ на письмѣ, должны подвергаться дополнительному, нѣсколько высшему платежу, нежели обыкновенныя письма.

5) Отправителю предоставляется право означать на письмѣ, какимъ путемъ желаетъ онъ его отправить; почтовое же вѣдомство, не имѣя такого особеннаго указанія, отправляетъ письма путемъ, *наиболѣе выгоднымъ въ интересахъ публики (а не почтовою службой?)*

6) Принимая во вниманіе, что слишкомъ высокая плата за корреспонденцію была бы рѣшительнымъ препятствіемъ для учрежденія международной почты, полагается принять за правило, что транзитныя письма, то-есть проходящія лишь по странѣ, для достиженія своего назначенія по адресу, подвергаются въ такой странѣ платѣ, составляющей отнюдь не болѣе половины той цѣны, ко-

торую оплачиваютъ письма внутренней корреспонденціи страны; въ странахъ незначительныхъ по пространству — эта транзитная плата писемъ должна быть еще болѣе уменьшена.

7) Письма оплачиваются по вѣсу, за единицу котораго принимается 15 граммовъ съ десятичною системою въ дальнѣйшихъ расчетахъ.

8) Письма и корреспонденція *обратная*, то-есть недоставленные по назначенію, должны быть отправлены назадъ въ мѣсто ихъ первоначальнаго отправленія — *безденежно* (не взявъ уже платы за обратную доставку, какъ это дѣлается теперь въ нѣкоторыхъ странахъ).

Вообще можно пожелать полнаго успѣха всѣмъ принятымъ конференціею заключеніямъ, которыя ясно выражаютъ, что она руководилась исключительно прямымъ назначеніемъ подобнаго рода государственныхъ учреждений, то-есть имѣла въ виду не одну лишь фискальную сторону, и выгоду отъ нихъ проистегающую для государственнаго казначейства, но прежде всего заботилась о благѣ общественномъ, объ удобствахъ и выгодахъ, доставляемыхъ почтами частнымъ лицамъ, для удовлетворенія различныхъ потребностей которыхъ и сложилась вся государственная организация, а отнюдь не обратно, въ чемъ повидимому еще очень сильно убѣждены еще многіе, хотя подобныя взгляды могутъ въ наше время смѣло быть причислены къ различнаго рода *prejugés gothiques!*

Диспутъ г. Неклюдова. — 9-го мая нынѣшняго года въ стѣнахъ здѣшняго университета происходилъ диспутъ; г. Неклюдовъ защищалъ написанную имъ диссертацию для полученія степени магистра, на тѣму: «Статистическій опытъ изслѣдованія фізіологическаго значенія различныхъ возрастовъ человѣческаго организма по отношенію къ преступленію». Диспутъ этотъ прошелъ, кажется, еще менѣе замѣченный, чѣмъ многіе другіе менѣе интересные по важности предмета. Въ свое время мы говорили о самой книгѣ, теперь скажемъ о диспутѣ. Диспуты у насъ мало обращаютъ на себя вниманіе публики потому, что они ведутся слишкомъ формальнымъ образомъ; официальные опоненты считаютъ своею исключительною обязанностію сдѣлать нѣсколько вагивъ бы то ни было возраженій, даже иногда самыхъ незначительныхъ, въ родѣ указанія мелкихъ промаховъ или опечатокъ; посторонніе наблюдатели рѣдко принимаютъ участіе въ спорѣ. Намъ, пожалуй, возразятъ на это, что диспуты существуютъ не для забавы публики, а съ чисто-ученою цѣлію, для испытанія защищающаго диссертацию. Но сущности дѣла это такъ должно бы было предположить, но въ дѣйствительности выходитъ иначе: диспутъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на участь диспутанта, относительно признанія и не признанія его достойнымъ той степени, которой онъ ищетъ. Но еслибы это было и такъ, то диспуты, по нашему мнѣнію, все-таки могли бы имѣть болѣе серьезное значеніе. Мы помнимъ, что они дѣйствительно пользовались таковымъ одно время у насъ: когда именно въ раду

профессоровъ нѣкоторыхъ университетовъ находилось нѣсколько очень даровитыхъ и замѣчательныхъ личностей. Таковы именно были диспуты въ московскомъ университетѣ, когда въ числѣ представителей науки были такія личности, какъ Грановскій и Кудрявцевъ; а между тѣмъ, общественная обстановка въ то время вовсе неблагоприятствовала какому бы то ни было способу развитія идей, устными или печатными образомъ. Тогда нерѣдко вопросы, поднятые въ стѣнахъ университета, переходили въ литературу и рѣшались тамъ болѣе полнымъ образомъ. На страницахъ «Отеч. Записокъ» не разъ появлялись ученые разборы диссертаций, написанные самими официальными оппонентами, или отзывы о самыхъ диспутахъ. Намъ пожалуй скажутъ, что не всякая диссертация заслуживаетъ серьезнаго опроверженія, или что бывають даже такіе случаи, когда оппоненту нечего возражать диспутанту, что они сходятся положительно въ своихъ мнѣніяхъ. Но намъ кажется, что человекъ, истинно-преданный своему дѣлу, воспользовался бы, во всякомъ случаѣ, представляющимъ ему поводомъ для разъясненія вопроса публично. Мы помнимъ одинъ случай, когда официальный оппонентъ употребилъ болѣе полутора часа времени для подобнаго дѣла. Намъ кажется, что диссертация г. Невлюдова затрогиваетъ именно такой вопросъ, который можетъ интересовать не только специально ученыхъ, но и всѣхъ. И однакожъ, никто изъ оппонентовъ г. Невлюдова не сталъ на высоту вопроса.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Проектъ новаго устава императорской публичной библиотеки. — Министерство народнаго просвѣщенія опубликовало въ своемъ журналѣ (*) означенный проектъ, съ цѣлью вызвать о немъ мнѣнія нашихъ ученыхъ и специалистовъ, и нашего общества. Предметъ, дѣйствительно, касается интересовъ всего ученаго и литературнаго міра, а слѣдовательно и умственныхъ интересовъ цѣлаго общества. Главныя преобразованія, вводимыя проектомъ новаго устава, можно опредѣлить двумя общими чертами: увеличеніе денежныхъ средствъ библиотеки, для приобрѣтенія рукописей и книгъ, и увеличеніе содержанія чиновниковъ.

До сихъ поръ бібліотека имѣла весьма недостаточныя штатныя средства на содержаніе управленія, а для приобрѣтенія книгъ пользовалась только случайными, болшею частію незначительными отпусками изъ государственнаго казначейства, и щедрыми, ежегодными подарками изъ собственныхъ суммъ государя импера-

(*) 1886 г. № 1.

тора, а также частными пожертвованиями и деньгами, выручаемыми от продажи дублетовъ. Въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ бібліотека ежегодно расходовала, среднимъ числомъ, на приобрѣтеніе книгъ и рукописей, перенѣтъ ихъ и печатаніе каталоговъ и отчетовъ 18,965 р. 6 к., а считая отпуски изъ государственнаго казначейства на покупку цѣлныхъ коллекцій, какъ напримѣръ, Погодина, кн. Долгорукова, Каратаева, Аделунга, Фирковичей и др., ежегодный расходъ бібліотеки на приобрѣтеніе составлялъ 43,456 р. 58 к. На содержаніе чиновниковъ, всего 25 человекъ, расходуется ими ежегодно 21,354 р. 93 к., на содержаніе зданій 12,194 р. 26 к. и на прислугу 2,368 р. 14 к., всего 79,374 р. 1 к.; испрашивается же по новому штату всего 84,377 р. 76 к., следовательно, болѣе существующаго на 5,003 р. 75 к.—цифра ничтожная и неспособная внушить надеждъ на обогащеніе бібліотеки. Новый штатъ распределяетъ такимъ образомъ текущіе расходы бібліотеки: на содержаніе чиновниковъ, въ числѣ 24, на иванъ дежурныхъ для читальной залы и добавочныхъ прислужъ 38,697 р. 76 к. (болѣе прежняго на 17,252 р. 83 к.), на приобрѣтеніе и перенѣтъ рукописей, книгъ и проч. и на печатаніе каталоговъ, отчетовъ и проч. 26,500 р. (менѣе прежняго на 16,956 р. 58 к.), на содержаніе зданій 13,770 р. (болѣе прежняго на 1,575 р. 74 к.), и на содержаніе слугителей, швейцара, служанокъ для дамской комнаты, и на одежду имъ 5,500 р. (болѣе прежняго на 3,131 р. 86 к.). Такимъ образомъ, увеличеніе расходовъ на личный составъ и хозяйственныя надобности отнесено на счетъ цифры расходовъ на приобрѣтеніа; впрочемъ, эти послѣднія цифры, хотя и были до сихъ поръ болѣе ожидаемыхъ въ будущемъ, но онѣ не были постоянными, штатными, а представляли единовременные крупныя расходы изъ государственнаго казначейства, какъ напримѣръ, 150,000 за приобрѣтенное бібліотечкой книгохранилища Погодина, и 100,000 р. за коллекцію еврейскихъ рукописей Фирковичей, купленную въ 1862 г., и т. п.; теперь же бібліотека будетъ имѣть ежегодный, штатный доходъ, изъ государственнаго казначейства, въ 25,500 р., на приобрѣтеніе рукописей и книгъ и печатаніе каталоговъ, независимо отъ частныхъ пожертвованій; следовательно, текущіе расходы бібліотеки на эти существенныя ея потребности будутъ уменьшены, сравнительно съ прежними 18,965 р., болѣе чѣмъ на 8,000 руб. Реформа въ личномъ составѣ ограничивается увеличеніемъ содержанія, и замѣной однихъ должностей другими.

Наша публичная бібліотека давно уже вполнѣ обеспечена относительно приобрѣтенія всего, что только печатается, гравировается, литографируется, и даже фотографировается въ предѣлахъ Россіи. По закону, два экземпляра каждаго изданія представляются въ бібліотеку, и это, конечно, составляетъ существенное богатство бібліотеки; следовательно, отечественныя изданія требуютъ отъ насъ лишь перенѣта и каталогизаціи; приобрѣтать остается развѣ только древнія произведенія русской литературы и рукописи нѣвѣстныхъ писателей, ученыхъ и знаменитыхъ русскихъ людей. Что касается

иностранныхъ литературъ, то кромѣ специальныхъ ученыхъ изданий періодическихъ и одновременныхъ, для полноты библіотеки необходимы и собранія сочиненій иностранныхъ класиковъ; но эти послѣдніе не требуютъ ежегодныхъ и постоянныхъ расходовъ. Такимъ образомъ, можно надѣяться, что даже коллекціи рукописей и рѣдкия иностранныя изданія будутъ доступны нашей библіотекѣ.

Но какими средствами администрація библіотеки будетъ каталогизировать свои сокровища? Отвѣта на этотъ вопросъ мы не находимъ въ публикуемыхъ документахъ. А между тѣмъ каталоги, особенно отечественнымъ произведеніямъ всѣхъ родовъ и временъ, вполне необходимы. Безъ каталога существованіе библіотеки не приноситъ и сотой доли той пользы, какая была бы возможна при полномъ каталогѣ. Если до сего времени 25 штатныхъ чиновниковъ, кромѣ вольно-трудившихся, не довели своихъ трудовъ по составленію каталога до того, чтобы хоть часть его могла быть напечатана для публики, то почему можно будетъ ожидать успѣха въ этомъ дѣлѣ отъ 24 чиновниковъ, назначаемыхъ новымъ штатомъ? Ихъ текуція занятія, безъ сомнѣнія, будутъ достаточно велики для того, чтобы они могли удѣлять довольно времени для составленія каталога, особенно если эти чиновники будутъ служить въ другихъ вѣдомствахъ, какъ это допускаетъ уставъ. По составленію каталога новый уставъ не представляетъ никакихъ надеждъ, такъ же, какъ и нынѣ существующій.

Если каталогъ составляется чиновниками библіотеки, то не было ли бы полезно испросить по новому уставу временный штатъ этихъ чиновниковъ. По крайней мѣрѣ, этотъ важный трудъ получилъ бы организацію въ законодательномъ порядкѣ, что могло бы служить ручательствомъ за его успѣхъ.

Изъ числа статей устава мы считаемъ обязанностью обратить особенное вниманіе на относящіеся къ журналамъ. По ст. 183—108, открытъ доступъ для занятій *получаемыми библіотекой поврежденными изданіями ученаго содержанія*. Намъ кажется нѣсколько тѣсно это опредѣленіе: наши губернскія вѣдомости и другія подобныя мѣстныя изданія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы *учеными* изданіями; но они весьма многимъ и очень часто могутъ надобиться для журнальныхъ обзоровъ, статей и даже для ученаго статистическаго и этнографическаго труда. По уставу, эти изданія не могутъ быть доступны, если администрація библіотеки строго будетъ держаться правила давать лишь *ученыя* изданія. Всѣ политическія газеты также не суть ученныя изданія, но онѣ бываютъ необходимы для каждаго литератора и публициста, если трудъ ихъ касается современныхъ фактовъ.

По ст. 94, не выдаются въ читальную залу поврежденныя изданія за текущій годъ, то-есть до тѣхъ поръ, покада они не будутъ переплетены. Этими ограниченіями администрація, повидимому, имѣетъ цѣлью устранить изъ библіотеки людей, ищущихъ легкаго чтенія, безъ всякой серьезной цѣли. Библіотека имѣла основаніе убѣдиться, какъ видно изъ ея отчета, что легкое чтеніе

привлекать болѣе, чѣмъ серьезное; мы скажемъ объ этомъ свое слово ниже.

Въ объяснительной запискѣ къ проекту говорится, между прочимъ, что въ большей части общественныхъ книгохранилищъ Европы существуетъ правило, по которому книги, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, выдаются для занятій на домъ. Ввести у насъ такое правило, при всей очевидной пользѣ, которая можетъ произойти отъ того, едва-ли не преждевременно. У насъ, къ сожалѣнію, *большинство* считаетъ общественную собственность личнымъ своимъ достояніемъ, и пока не измѣнится этотъ ложный взглядъ, слѣдуетъ ее всемирно оберегать. Примеры вырванные листовъ, рисунковъ, гравюръ и проч. въ довольно большомъ числѣ книгъ, бывшихъ въ рукахъ нашихъ читателей, не дозволили ввести въ проектъ правило, на основаніи котораго читатели могли бы брать изъ библиотеки книги на домъ для занятій; тѣмъ не менѣе найдено возможнымъ разрѣшить пользоваться ими лицамъ, которыхъ званіе служитъ *мажорнымъ* (?) ручательствомъ въ сохраненіи книгъ и въ должномъ къ нимъ уваженіи, а именно: академикамъ, профессорамъ и доцентамъ высшихъ учебныхъ заведеній, и всѣмъ служащимъ въ библиотекѣ по учебной части.

Нельзя не замѣтить, что проектъ устава уже слѣшкомъ ограничиваетъ разрядъ людей, которымъ можно бы было довѣрить на домъ книгу изъ общественной библиотеки. Вполнѣ справедливо, что *большинство* продолжаетъ еще считать общественную собственность личнымъ достояніемъ, но и заслуживающее полного довѣрія *меньшинство* не такъ же незначительно, чтобы не считать въ себѣ никого, кромѣ академиковъ, профессоровъ и доцентовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Притомъ же эти лица менѣе всѣхъ нуждаются въ пособіяхъ библиотеки, потому что имѣютъ у себя подъ руками богатія библиотеки тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, при которыхъ служатъ. По нашему мнѣнію, исключеніе въ пользу лицъ, имѣющихъ право получать книги на домъ, должно быть значительно расширено, разумѣется, съ условіемъ объ отвѣтственности за утрату или поврежденіе книги, и даже съ требованіемъ соответственнаго залого. Залогъ, устанавливающий это исключеніе, необходимо сообразить съ насущными потребностями лицъ, нуждающихся въ полученіи книгъ на домъ, по роду своихъ занятій. Преподавателю каждаго средняго учебнаго заведенія, какъ напр. гимназій, прогимназій, даже частныхъ пансіоновъ, можетъ встрѣтиться надобность въ книгѣ, чтобы прочесть извлеченіе изъ нея своимъ ученикамъ, но ни директоры этихъ заведеній, ни преподаватели, по уставу, не будутъ вправе получать книгъ на домъ даже на нѣсколько дней и съ залогомъ, а дѣлать выписки—потребуется значительнаго расхода и трата времени. Всякому частному человеку, занимающемуся какою либо болѣе или менѣе обширнымъ литературнымъ трудомъ, всякому журналисту встрѣчаются неизбежно-необходимые случаи, когда нужно имѣть книгу, которой почему бы те ни было нельзя получить

отъ книгопродавца; такъ напримѣръ, всякій русскій, и тѣмъ болѣе иностранный журналъ прежняго времени и т. п. Нужно отправляться въ публичную бібліотеку. Но какія удобства ожидаютъ тамъ всякаго посѣтителя? Читальныя залы, согласно уставу, открыты лишь до 9-ти часовъ вечера, а по праздникамъ до 3-хъ часовъ поволудня. Надо замѣтить, что у насъ еще весьма мало людей, занимающихся исключительно ученымъ или литературнымъ трудомъ, безъ другихъ постороннихъ занятій по государственной службѣ или какимъ-либо другимъ практическимъ отраслямъ дѣятельности; къ тому же, обычаи нашего времени относительно распредѣленія часовъ дня нисколько не похожи на обычаи прошедшаго столѣтія: обѣдъ современнаго человѣка кончается въ 5—6 часовъ, а вечернія занятія начинаются въ 8—9 часовъ вечера, то-есть тогда, когда публичная бібліотека уже близка къ закрытію, или закрыта; утромъ же, то-есть до обѣда, занятія въ бібліотекѣ возможны лишь для людей, неимѣющихъ никакихъ общественныхъ или служебныхъ обязанностей, а такихъ людей у насъ, какъ мы уже замѣтили, мало; даже студентъ и гимназистъ, занятый до обѣда лекціями, не имѣетъ достаточно времени для занятій въ бібліотекѣ вечеромъ. Такой отрывочный трудъ не только не привлекаетъ, но отталкиваетъ всякаго энергическаго и любознательнаго человѣка. Для чтенія серьезной книги въ 30—40 печатныхъ листовъ въ читальной залѣ бібліотеки, всякому, кто не имѣетъ времени до обѣда, необходимо двѣ-три недѣли. У кого же достанетъ на это терпѣнья? А если съ чтеніемъ необходимы еще выписки и замѣтки, то и мѣсяца мало; тогда какъ для занятій дома безъ траты притомъ времени на сообщеніе съ бібліотекой, напримѣръ съ Выборгской стороны, Песковъ, Васильевскаго острова и т. п., на тотъ же трудъ достаточно не болѣе одной недѣли. Такимъ образомъ, кромѣ академиковъ, профессоровъ и приватъ-доцентовъ, есть еще весьма много людей, нуждающихся въ полученіи книгъ на домъ; если не всѣ изъ этихъ лицъ могутъ быть извѣстны начальству бібліотеки, для того, чтобы безъ риска могли быть выдаваемы имъ книги на домъ, то вполне возможно требовать отъ нихъ денежнаго обезпеченія и установить правила о томъ, какія именно книги могутъ быть даваемы на домъ, на какой срокъ и какой долженъ быть залогъ. Все это не представляется не только невозможнымъ, но и особенно труднымъ.

Официальные отчеты бібліотеки о количествѣ посѣтителей и числѣ и родѣ потребованныхъ ими въ теченіе года книгъ, конечно, не могутъ считаться полнымъ выраженіемъ оказываемой бібліотечной пользы обществу. Къ этимъ отчетамъ необходимо присоединить свѣдѣнія, получаемыя изъ наблюдений частныхъ лицъ, потому что наблюденія эти идутъ гораздо далѣе статистики. Мы надѣемся, что никто не признастъ естественнымъ то обстоятельство, что въ такомъ многолюдномъ городѣ какъ Петербургъ—городѣ, преимущественно наполненномъ чиновнымъ пролетаріатомъ,

весьма много людей одиноких, недостаточных, неэнергических, ни къ чему неспособных, и живущих или скуднымъ казеннымъ жалованьемъ, или еще болѣе скуднымъ пенсіономъ; при этихъ условіяхъ, конечно, трудно имѣть и теплую сухую квартиру, и домашнія удобства, и общество, и даже матеріаль для чтенія. Публичная бібліотека, снабженная тепломъ, свѣтомъ, покойной мебелью и всевозможными книгами, дѣлается естественнымъ приютомъ, на цѣлую осень и зиму, всѣхъ подобныхъ людей въ Петербургѣ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, кромѣ публичной бібліотеки, могутъ болѣе удобно проводить свои дни, безъ малѣйшихъ расходовъ, такіа бездоходныя существа, какъ чиновные пролетаріи, неимѣющіе средствъ даже на самыя скромныя удобства и развлечения? Всякій, посѣщающій публичную бібліотеку, дѣлая наблюденія надъ большинствомъ ея посѣтителей, невольно усумнится въ томъ, что ученый трудъ или любознательность привлекаетъ ихъ въ читальную залу. Кромѣ нѣсколькихъ студентовъ, работающихъ надъ диссертациями, кромѣ немногихъ лицъ разныхъ званій, приготовляющихся къ экзамену, и кромѣ весьма немногихъ литераторовъ, все остальное ищетъ въ бібліотекѣ своего собственнаго развлечения и теплаго, свѣтлаго, покойнаго и чистаго помѣщенія. Подтвержденіе этого можно видѣть и въ отчетѣ бібліотеки, гдѣ самое значительное требованіе книгъ относится къ литературнымъ журналамъ, и въ отсутствіи какъ въ періодической, такъ и неперіодической литературѣ такихъ статей и сочиненій, которыя свидѣтельствовали бы о развитіи въ Петербургѣ ученой или даже серьезной журнальной дѣятельности.

Было бы бесполезно изыскивать какія либо средства противъ посѣщенія бібліотеки бѣднымъ класомъ Петербурга, ищущимъ въ ней не столько чтенія, сколько приюта, потому что всякія сколько нибудь стѣснительныя мѣры или опросы относительно объясненія цѣли посѣщенія, не соответствовали бы общедоступности нашего книгохранилища, и не имѣли бы никакой существенной цѣли: гонимые непривѣтливостью своего жилища въ читальную залу, и даже отводящіе свою душу благоуханными страницами «Современника» и «Русскаго Слова», не дѣлаютъ никому никакого зла, ни у кого ничего не отнимаютъ, и если причинять бібліотекѣ излишекъ расхода на освѣщеніе на 100 рублей въ годъ, то все-таки перевѣсъ будетъ на сторонѣ добра, потому что всякое чтеніе спасаетъ отъ праздности, которая издавна почитается матерью всѣхъ пороковъ. Еслибы бібліотека не служила отчасти благотворительнымъ заведеніемъ, то дѣятельность ея по снабженію книгами была бы очень скромная, потому что, повторяемъ, она не представляетъ для дѣтельно и дѣйствительно трудящихся тѣхъ удобствъ, которыя требуются привычками и положеніемъ большинства этихъ людей. О главнымъ изъ этихъ неудобствъ, заключающемся въ невозможности получать книги на домъ, мы уже говорили. Другое, не менѣе значительное неудобство заключается въ томъ, что въ 9 часовъ вечера бібліотека закрывается. Назначеніе этого часа для закрытія, по

всей вѣроятности, относится къ самымъ отдаленнымъ временамъ, когда еще обѣдали въ 2 часа, а въ 10 ложились спать. При нынѣшнихъ привычкахъ людей, занимающихся умственными трудами, порядокъ этотъ является анахронизмомъ. Дежурные чиновники въ читальныхъ залахъ и прислуга, конечно, чередуются, такъ что до обѣда одни, а вечеромъ другіе, почему и не было бы невозможнымъ продлить срокъ для занятій въ библіотекѣ до 11 часовъ вечера. Во всѣхъ театрахъ чиновники остаются же и далѣе 11 часовъ, а жалованье ихъ, какъ извѣстно, весьма скромно въ сравненіи съ окладами, предположенными для чиновниковъ библіотеки. Къ числу неудобствъ библіотеки также слѣдуетъ отнести отсутствіе въ зданіи библіотеки такой комнаты, гдѣ можно бы было, занимаясь нѣсколько часовъ сряду, выкурить папиросу и найти стаганъ чаю. Было бы весьма полезно обязать швейцара, или кого либо изъ живущихъ въ домѣ библіотеки, содержать въ особой комнатѣ буфетъ, въ родѣ тѣхъ, какіе существуютъ во всѣхъ театрахъ. При продолжительныхъ занятіяхъ, какъ всякому извѣстно, необходимо и куреніе, кто къ нему привыкъ, и стаганъ чаю или что нибудь подобное; теперь же занятія въ библіотекѣ сопряжены съ такими физическими лишеніями, которыя переносить болѣе или менѣе продолжительное время крайне тяжело самому преданному ученымъ занятіямъ и самому любознательному посѣтителю. Конечно, это послѣднее неудобство не касается проекта устава, но мы сочли приличнымъ указать на него, какъ на одну изъ причинъ, дѣлающихъ занятія въ библіотекѣ весьма непривлекательными. Никакое сравненіе въ этомъ случаѣ нашей библіотеки съ другими европейскими учрежденіями не можетъ имѣть мѣста, потому что, какъ мы замѣтили выше, въ Россіи еще весьма мало людей, преданныхъ исключительно ученому или литературному труду и, слѣдовательно, свободно располагающихъ своимъ временемъ.

Самой существенной реформой выставляется въ проектѣ устава назначеніе 13 библіотечарей (вмѣсто прежнихъ 9) *собственно для учета работъ* и для завѣдыванія отдѣленіями; эти же библіотечари, подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ, составляютъ и совѣтъ библіотеки. Вся инициатива въ дѣлѣ наполненія библіотеки, наблюденіе за составленіемъ каталоговъ, избраніе кандидатовъ на всѣ вакантныя мѣста *по ученой части* библіотеки и проч., возлагаются на совѣтъ. Такимъ образомъ библіотечари, каждый отдѣльно—является исполнительнымъ лицомъ, а всѣ вмѣстѣ—властью разрѣшающей, ревизующей и направляющей. Съ совѣщательнымъ голосомъ допускаются къ присутствованію въ совѣтѣ и почетные члены и корреспонденты библіотеки. Служебныя преимущества библіотечарей самыя привлекательныя: содержаніе — старшимъ по 2,500 р., младшимъ—1,750 р.; при чемъ предоставляется право занимать въ то же время должности и по другимъ вѣдомствамъ. Права на пенсію присвоиваются служащимъ въ библіотекѣ по ученой части такія же, какъ университетскимъ профессорамъ, то-есть полная пенсія за 25 лѣтъ, и въ случаѣ продолженія службы—полученіе жало-

важны и пенсін, съ прибавкой къ оной $\frac{1}{5}$ части за каждыи ить лѣтъ, прослуженныи свыше 25 лѣтъ.

При всемъ желаніи нашеть уяснить себѣ, въ чемъ будутъ состоять *ученые* труды гг. бібліотекарей и почему они сравнены по службѣ съ профессорами университетовъ, мы не могли почерпнуть объ этомъ никакихъ свѣдѣній ни изъ проекта устава, ни изъ объяснительной записки; поэтому за разрѣшеніе этого вопроса и принимаемъ непосредственно сами.

Бібліотекарство, какъ извѣстно, не составляетъ особой науки и даже не входитъ ни въ одну науку какъ отрасль, слѣдовательно невозможно никакія научныя, ученые труды по бібліотекарской части. Библиотека совмѣщаетъ въ себѣ всевозможныя произведенія человѣческаго ума и слова; изучить всю эту массу неестественно и немислимо; знаніе же заглавій и обертокъ этихъ произведеній не составляетъ науки и также невозможно, потому что и для этого нужны невообразимыя филологическія и бібліографическія познанія. Но какъ всякое произведеніе человѣческаго ума принадлежить къ какой либо отрасли знаній, такъ сказать, подвѣдомо какой либо наукѣ, то возможно изученіе литературы какаго либо предмета; относительно же словесности народовъ возможно изученіе произведеній ея за извѣстные періоды исторіи народа, или даже всей — какъ древней, такъ и новой. Такъ напримѣръ, можно знать греческую, латинскую литературу, славянскую и т. и., можно знать литературу астрономіи, философіи, физики, химіи, политической экономіи и проч. слѣдовательно, при невозможности быть всезнающимъ, можно быть специально-знающимъ съ литературой извѣстнаго народа, или съ литературой извѣстнаго предмета, и быть въ этомъ болѣе или менѣе свѣдущимъ. Каждая отрасль человѣческихъ знаній, каждый народъ, извѣстный въ исторіи, имѣють свою литературу; такимъ образомъ число литературъ, требующихъ знакомства съ ними, значительно болѣе числа ученыхъ бібліотекарей, предложенныхъ для нашей бібліотеки. Если допустить, что каждый изъ 13 бібліотекарей обладаетъ знакомствомъ съ 10 или болѣе специальностями, то и тогда знанія ихъ не достанетъ для того, чтобы объять всѣ предметы книгохранилища. Было бы неестественно требовать, чтобы эти бібліотекари были знаемы съ литературой всѣхъ отраслей знаній, напримѣръ, на столько, на сколько знакомство это возможно и даже присуще *каждому* профессору университета по его специальности. Поэтому мы думаемъ, что бібліотекари, въ особенности при своихъ текущихъ занятіяхъ во заглавныи отдѣленіяхъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть достаточно компетентными въ самыхъ существенныхъ обязанностяхъ по бібліотекарству, именно: въ наполненіи бібліотеки наиболѣе полезными и достойными произведеніями иностранныхъ литературъ, по разнымъ отраслямъ знаній и въ составленіи хорошихъ систематическихъ каталоговъ. Въ первомъ случаѣ бібліотекари будутъ страдать полнымъ незнаніемъ многихъ специальныхъ литературъ, а во второмъ — недостаточнымъ знакомствомъ съ

произведеніями для размѣщенія ихъ по отраслямъ знаній, систематически. Однимъ словомъ, мы сомнѣваемся, чтобы бібліотекари могли хорошо выполнить обязанности, возлагаемыя уставомъ на совѣтъ бібліотеки, состоящей изъ бібліотекарей. Еслибы этотъ совѣтъ составляла колегію болѣе разнообразную и слѣдовательно болѣе многочисленную, чѣмъ 13 бібліотекарей, и имѣлъ бы въ себѣ компетентныхъ представителей отъ всѣхъ отраслей знаній, то пополненіе бібліотеки и систематизированіе каталоговъ, по указаніямъ совѣта, могло бы быть несравненно рациональнѣе, чѣмъ слѣдуетъ ожидать отъ совѣта, организуемаго настоящимъ уставомъ.

Профессоры университета и другихъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, какъ знакомые съ литературой своего предмета по обязанности, только и могутъ быть, по нашему мнѣнію, истинно-полезными членами совѣта бібліотеки, въ особенности указанными по наполненію ея книгами. Составленіе систематическаго каталога, конечно, должно относиться къ обязанностямъ бібліотекарей, но всѣ возбуждаемые по этому труду вопросы, весьма важные для правильнаго систематизированія, должны бы подлежать также разрѣшенію совѣта бібліотеки, болѣе компетентнаго, чѣмъ составляемый изъ 13 бібліотекарей. Трудъ по назначенію къ приобрѣтенію для бібліотеки книгъ и опредѣленію имъ надлежащаго мѣста въ систематическомъ каталогѣ, весьма простъ для всякаго знакомаго съ предметомъ профессора, и потребуетъ въ теченіе года столь ничтожнаго количества времени, что едва-ли возможно ожидать съ стороны профессоровъ возраженія, еслибы они, по оставаемой министру просвѣщенія власти, могли быть назначаемы членами совѣта публичной бібліотеки, за особое вознагражденіе, во всякомъ случаѣ незначительное, судя по свойству и размѣру труда. Затѣмъ бібліотекари, назначаемые для завѣдыванія отдѣленіями, получили бы другое значеніе: они были бы хранителями книгъ и составителями каталоговъ, трудъ же научный по составленію бібліотеки и систематической регистраціи книгъ былъ бы отдѣленъ отъ нихъ, какъ несвойственный имъ по незнакомству съ литературой каждой отрасли наукъ, чего нельзя и требовать ни отъ кого, кромѣ ученыхъ спеціалистовъ. Выстѣ съ этимъ устранилось бы весьма важное неудобство, допускаемое проектомъ устава, именно смѣшеніе въ лицѣ бібліотекарей двухъ властей: исполнительной—въ качествѣ бібліотекарей, и разрѣшающей, наблюдающей и контролирующей—въ качествѣ членовъ совѣта.

Для того, чтобы выбрать книги цѣлесообразно и систематизировать каталогизацію ихъ, нужно быть ученымъ спеціалистомъ, а для того, чтобы тщательно хранить книги и составлять разные каталоги, нужно быть только привыкшимъ къ дѣлу бібліотекаремъ. Не отнимая нисколько значенія у этого послѣдняго труда, мы рѣшаемся, однако, замѣтить, что находимъ совершенно излишнимъ присвоивать бібліотекарямъ права и преимущества ученаго званія и назначеніе имъ жалованья, почти равнаго съ жалованьемъ про-

фесоровъ университета, тѣмъ болѣе, что предоставленіе права служащимъ въ бібліотекѣ быть въ то же время на службѣ и въ другихъ вѣдомствахъ, можетъ быть очень выгодной и привлекательной привилегіей для этихъ чиновниковъ, въ ущербъ такъ давно ожидаемымъ каталогамъ.

О СПОСОБАХЪ СОДЕРЖАНІЯ РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ. — Въ историческомъ изслѣдованіи по этому предмету, извлекаемомъ нами изъ духовнаго журнала «Православный Собесѣдникъ», издающагося въ Казани (*), наложены способы содержанія нашего духовенства въ означенномъ періодѣ и послѣдствія каждаго изъ этихъ способовъ. Изслѣдованіе это указываетъ на всю важность современнаго вопроса объ улучшеніи быта православнаго духовенства, и потому заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ изслѣдованіи этомъ мы найдемъ объясненіе и того обстоятельства, почему религиозный элементъ въ Россіи не оказалъ достаточно дѣйствительнаго и смягчающаго вліянія на нравственное воспитаніе народныхъ силъ.

Въ древности содержаніе русскаго духовенства не было определено закономъ. Источники духовенства опредѣлялись отхоженіемъ цѣлѣй въ приходскія общины. Церкви соборныя состояли на цѣлой области, церкви приходскія—одного общества; церкви дѣвовы содержались частными лицами и, кромѣ того, были церкви, состоявшія подъ покровительствомъ царей—ружныя. Соборное духовенство пользовалось частію архіерейскихъ пошлинъ, сборами съ приходскаго духовенства и мирянъ—за треби, а также помѣстями и разными угодьями. Одну изъ пошлинъ—вѣчную (за свидѣтельство на вступленіе въ бракъ) Петръ I отнялъ у духовенства, обративъ ее, указомъ 3-го іюня 1714 г., въ государственный доходъ; въ Малороссіи же, на которую указъ этотъ не простирался, уже носилъ, указомъ Екатерины II 10-го іюня 1765 г., прекращая сборъ вѣчныхъ денегъ. Самыя вѣрныя и богатѣйшія источники доходовъ для соборнаго духовенства были вотчины, земли и угодья, то-есть луга, рощи, строевой лѣсъ, мельницы, рыбныя ловли, пустошорожныя мѣста, земли, отдаваемые холопамъ, и т. п. Въ XVII вѣкѣ недвижимыя имѣнія духовенства не были умножаемы новыми приобрѣтеніями; имѣнія соборовъ были незначительны сравнительно съ имѣніями монастырскими. Права и условія, съ которыми соединено было владѣніе вотчинами для священноцерковно-служителей, были тѣ же самыя, какія существовали и для другихъ вотчинниковъ (разумѣется, кромѣ наследственныхъ правъ на эти имѣнія). Впослѣдствіи князья стали думать о передачѣ церковныхъ вотчинъ въ казенное управленіе. Первую мысль объ отнятій ихъ у духовенства высказалъ еще Іоаннъ III. Іоаннъ IV, на соборѣ 1580 г., постановилъ впредь не умножать церковныхъ имѣній ни куплею, ни даромъ; Федоръ Іоанновичъ утвердилъ во

(*) 1865 г. Мартъ.

всей силѣ постановленіе своего отца, но оба они, слѣдую древнему обычаю, нерѣдко жаловали духовенству новыя имѣнія; почти такъ же дѣйствовали и государи XVII вѣка. Въ XVIII вѣкѣ владѣніе вотчинами подверглось разнымъ перемѣнамъ. Петръ I, указомъ 31-го января 1701 г., повелѣлъ графу Мусину-Пушкину взять всѣ церковныя имѣнія подъ свое вѣдѣніе, приставить къ нимъ свѣтскихъ управителей, доходы съ нихъ распредѣлить на благолѣніе церковное и приличное содержаніе служащихъ алтарю, а остатки отъ доходовъ употреблять на учрежденіе духовныхъ училищъ и на пропитаніе старыхъ, раненыхъ и больныхъ воиновъ и другихъ бѣдныхъ и немощныхъ. Въ 1724 г. учреждена при синодѣ камер-контора изъ свѣтскихъ лицъ, для завѣдыванія всѣми церковными имуществами, а духовенству выдавалось опредѣленное жалованье. Въ 1726 г. Екатерина I, преобразовавъ эту контору въ коллегію экономіи, поставила ее въ нѣкоторую зависимость отъ севата. При Аннѣ Ивановнѣ духовное вѣдомство совсѣмъ было устранено отъ управленія церковными имуществами. Въ 1745 г. Елисавета Петровна, вмѣсто коллегіи, учредила при синодѣ канцелярію экономіи, и всѣ доходы съ церковныхъ имѣній предоставила въ распоряженіе членовъ синода. Петръ III возстановилъ коллегію экономіи, а духовенству положилъ назначить жалованье, но мѣра эта не была исполнена за смертію Петра III. Екатерина II опять уничтожила коллегію экономіи, учредивъ особую комисію изъ двухъ духовныхъ и пяти свѣтскихъ лицъ, для разсужденія о содержаніи духовенства. Комисія эта представила докладъ объ отобраніи церковныхъ имуществъ въ вѣдѣніе государства и о штатахъ денежнаго жалованья духовенству. Указомъ 26-го февраля 1764 г. императрица повелѣла привести въ исполненіе докладъ комисіи. Состоявшіе за духовенствомъ крестьяне съ землями и угодьями перешли въ вѣдомство коллегіи экономіи, учрежденной на новыхъ основаніяхъ, а взамѣнъ доходовъ съ имѣній назначено денежное жалованье: на первоклассныя кафедральныя соборы по 820 р. въ годъ, на второклассныя 500 р. и третьеклассныя 356 р. ас. на весь причтъ; изъ этихъ суммъ причталось на протоіереевъ отъ 60 до 100 р., на священниковъ отъ 60 до 30, дьяконовъ — отъ 40 до 25 р. Соборамъ некафедральнымъ также положено было жалованье отъ 50 до 115 р. въ годъ на весь причтъ. Прочимъ соборамъ, имѣвшимъ не болѣе 20 душъ крестьянъ (то-есть мелкопомѣстнымъ), въ жалованьѣ отказано; они остались при доходахъ, которые получали прежде отъ своихъ небольшихъ приходовъ (некафедральныя соборы имѣли свои приходы) и отъ земель и угодьевъ, принадлежавшихъ имъ прежде. Указъ этотъ распространенъ на Малороссію въ 1786 г., а вотчины церковныя отданы въ вѣдомство казенныхъ палатъ. Въ 1797 г. императоръ Павелъ I удвоилъ окладъ жалованья соборному духовенству.

Особенный разрядъ церквей, по средствамъ содержанія, составляли церкви ружныя, которыхъ, по словамъ Кошкина, было въ царствованіе Алексѣя Михайловича до 1,500. Онѣ получали отъ

царей ругу, состоявшую въ однихъ деньгахъ, или въ деньгахъ, хлѣбѣ и другихъ житейскихъ предметахъ. Деньги получались духовенствомъ ружныхъ церквей изъ мѣстныхъ таможенныхъ доходовъ, а за хлѣбомъ они должны были ѣздить въ Москву; иногда же и хлѣбъ выдавался на мѣстахъ изъ казенныхъ сборовъ. Ружное духовенство, какъ состоявшее подъ особеннымъ покровительствомъ царя, преимущественно предъ прочимъ духовенствомъ обязано было совершать царскія службы (ванихиды, молебны и т. п.), и за это получало особое жалованье, по 4—6 руб. въ годъ на протоиерея съ братьемъ. При особыхъ торжествахъ давались также, сообразно съ годовыми окладами жалованья, деньги и подарки вещами, какъ, напримѣръ, сукно. По словамъ Кошкина, въ царствованіе Алексѣя Михайловича давались такіе подарки ружному духовенству ежегодно, инымъ чрезъ два, три и пять лѣтъ. Число служебниковъ при церквахъ, содержимыхъ ругою, было болѣе 18,000 человекъ.

Въ XVIII вѣкѣ содержаніе духовенства ругою продолжалось, но съ значительными измѣненіями, какъ въ числѣ ружныхъ причтовъ, такъ и въ количествѣ руги. Еще въ 1699 г. Петръ I прекратилъ выдачу руги тѣмъ соборамъ и церквамъ, за которыми были приходскіе дворы, земли, покосы, мельницы, рыбныя ровни, и оставилъ ихъ при однихъ доходахъ отъ угодій и приходовъ. Въ 1764 г. руга сравнена была съ жалованьемъ духовенства кафедральныхъ соборовъ; а тѣмъ соборамъ и церквамъ, которыя получали ружнаго жалованья не болѣе 10 р., положено не производить жалованья, отдавъ духовенство этихъ церквей на попеченіе епархіальныхъ архіереевъ.

Приходское духовенство содержалось: частными приношеніями прихожанъ, хлѣбною ругою съ нихъ же, по количеству земли, находившейся у прихожанъ, и разными мелкими доходами, какъ, напримѣръ, сборъ яицъ, масла и др. два раза въ годъ—лѣтомъ и осенью; также имѣло земли, а прежде и вотчины, съ отобраніемъ которыхъ въ 1764 г. было положено имъ жалованье наравнѣ съ соборами третьяго класса; тѣмъ изъ приходскихъ церквей, которыя не имѣли постоянныхъ и вѣрныхъ доходовъ, отмежевывались, по царскимъ грамотамъ, небольшіе участки земли; кромѣ земель, приходскія церкви часто имѣли другія недвижимыя имущества—лавки, сады, огороды, мельницы и др. Для сельскаго духовенства издавна служила однимъ изъ средствъ содержанія земля, даваемая прихожанами, какъ даръ, въ пособіе; но въслѣдствіе земля отмежевывалась отъ правительства. Частныя приношенія за требы поддерживали вездѣ скудныя средства духовенства, скудныя съ того времени, какъ отъ него отобраны были помѣстья. Петръ I имѣлъ намѣреніе вовсе прекратить эти приношенія, обезпечивъ содержаніе духовенства другими средствами. Онъ повелѣлъ синоду, по совѣщаніи съ сенаторами, опредѣлить для приходскаго духовенства именную подать съ прихожанъ, но это повелѣніе не было приведено въ исполненіе. Екатерина II установила опредѣленную плату за требы для немущихъ: за

молтву родильницѣ 2 к., за крещеніе 3 к., вѣнчаніе 10 к., погребеніе взрослыхъ 10 к., младенцевъ 3 к., за исповѣдь же и причастіе не брать ничего; людая же состоятельнымъ представлялось платить за всѣ требы по своему состоянію и усердію.

Духовенство при домовныхъ церквахъ получало жалованье отъ тѣхъ лицъ, которымъ принадлежали церкви. Кошкинъ говоритъ о содержаніи священниковъ при такихъ церквахъ слѣдующее: «и дають они, бояре и ближніе люди, попомъ своимъ жалованье, по сговору, погодно, и дается женатымъ людямъ попомъ помѣсячный кормъ и ѣствы и питье, и вдовы пона ѣдятъ съ боярами: своимъ вмѣстѣ за столомъ, у кого что прилучилось».

Всѣ вышеисчисленныя средства содержанія духовенства не были повсемѣстными и постоянными. Они существовали не вездѣ, не во всѣхъ епархіяхъ, и не всѣ вмѣстѣ, а въ разныхъ мѣстахъ Россіи порознь: гдѣ духовенство пользовалось одними средствами, тамъ не было другихъ. Они часто измѣнялись: одни были отмѣняемы, другія были вводимы снова. Поэтому не было повсемѣстно равномернаго распредѣленія средствъ содержанія духовенства; въ иныхъ мѣстахъ духовенство имѣло достаточное содержаніе, а въ иныхъ, и большею частію, жило въ крайней бѣдности. Екатерина II говорила о своемъ времени: «соборы и бѣлое духовенство такъ были не уравнины, что одни передъ другими весьма малые доходы, а другіе и никакихъ не имѣли». Достаточными способами содержанія пользовалось только соборное, особенно кафедральное духовенство, и то не само по себѣ, а потому что получало часть доходовъ архіерейскихъ, обильныхъ и даже богатыхъ, и, кромѣ того, пользовалось особыми, посторонними доходами. Такъ, напримѣръ, причтъ новгородскаго софійскаго собора получалъ вѣнечныя пошлны въ четырехъ пятинахъ новгородскихъ, пошлны съ выдачи антиминсовъ и отъ освященія церковей около Новгорода и др.; но съ XVIII вѣка и доходы соборовъ постепенно были ограничиваемы и сокращаемы. Положенное жалованье было несоразмѣрно мало съ прежними доходами и вообще недостаточно. Одинъ священникъ ружной церкви писалъ въ челобитной къ государю: «хочется, государь, мнѣ нищему богомольцу твоему государеву съ тобою государемъ въ твоемъ государевѣ селѣ Болтинѣ по старинѣ, гдѣ прежде сего живалъ, жити и кормится отъ твоей государевой царской милости; заводцу нивагого, ни хлѣбца, ни влячки иѣту, вляти негдѣ, а купити нечѣмъ... Милостивый государь, пожалуй меня нищаго богомольца твоего своимъ царскимъ жалованьемъ на хлѣбецъ и на влячку... и ябъ нищей твой богомолецъ съ женишкой и дѣтишками межъ дворъ волочасъ въ конецъ не погибъ».

При надѣленіи духовенства землею, помѣщики и крестьяне не хотѣли уступать части своей земли въ пользу духовенства, или вовсе не давали земли, а если и давали, то землю неплодную, негодную къ обработкѣ. Для сельскихъ церковей руга не была опредѣлена закономъ, такъ-что прихожанинъ могъ дать и не дать

ругу, а духовенство не могло требовать, тѣмъ болѣе, что руга не была ничѣмъ обезпечена. Назначеніе на церковныя должности зависѣло не столько отъ власти духовной, сколько отъ выбора прихожанъ, а прихожане для своихъ выгодъ часто выбирали въ духовныя должности такихъ людей, которые соглашались какъ можно менѣе требовать себѣ отъ нихъ обезпеченія въ содержаніи. Это было тѣмъ удобнѣе для прихожанъ, что въ конку XVII в. духовенство слишномъ умножилось. Искателей церковныхъ мѣстъ время отъ времени становилось больше и больше, а самыя мѣста прибывали единицами. Въ XVIII в. начались разборы духовенства, лишннихъ стали отдавать въ солдаты. Тогда всякій, кому грозила опасность, готовъ былъ согласиться на самую ничтожную ругу.

Вотъ что говоритъ Посошковъ о нашемъ духовенствѣ того времени: «У насъ въ Россіи сельскіе поны питаются своею работою, и ничѣмъ они отъ ватажныхъ мужиковъ не отмѣнены; мужикъ за соху, и пошъ за соху, мужикъ за косу, и пошъ за косу, а церковь святая и духовная паства обсаега въ сторонѣ. И отъ таково вхъ земледѣлія многіе христіане умирають не токмо не сподобившимся пріятія тѣла Христова, но и покаянія лишаются и умирають яко своть. И сіе какъ бы поисправити, не вѣмъ; жалованья государева имъ нѣтъ, отъ міру никакого подавнія имъ нѣтъ же, и чѣмъ имъ питатися, богъ-вѣсть».

Духовенство находилось слишкомъ въ большой зависимости отъ прихожанъ, особенно тамъ, гдѣ оно состояло на ругѣ отъ прихода; чтобы поддержать расположеніе къ себѣ прихожанъ, отъ священника иногда требовалась немалая жертва нетолько въ отношеніи къ собственному достоинству, но и въ отношеніи къ долгу: онъ вынужденъ былъ иногда постоянно унижаться, рабствовать предъ своими прихожанами. Какъ скоро священникъ былъ настойчивъ въ своихъ требованіяхъ относительно условленнаго содержанія, прихожане отказывали ему отъ мѣста и избирали другаго, часто безъ вѣдома духовной власти. Митрополитъ Марвелъ, въ 1685 г., писалъ къ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, что «въ Псковѣ и пригородѣхъ съ уѣзды сто шестьдесятъ церквей, и надъ тѣми де церквами архіереи воли не имѣють... владѣють мужики и корчемствуютъ церквами, на всякій годъ стовариваются со священниками на дешевую ругу, кто менши ругу возьметъ, хотя которые попы и піанцы и бѣчинники... и отъ того архіерею великое преобидѣніе и безчестіе, что церквами архіерей не владѣеть, а владѣють мужики, а священники бѣдные и причетники у нихъ вмѣсто рабовъ и говорятъ противъ нихъ ничего не смѣють». Въ наибольшей зависимости были священники въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ они часто дѣлаемы были изъ крѣпостныхъ, оставаясь почти въ тѣхъ же отношеніяхъ къ помѣщику, въ какихъ были въ крѣпостномъ состояніи. Помѣщикъ, уволившій своего крестьянина для священства, видѣлъ въ немъ, какъ и прежде, своего раба и слугу; и если священникъ имѣлъ несчастіе впасть въ немилость господина, ему

приходилось испытать всю тяжесть барскаго гнѣва; съ нимъ была та же расправа, какъ и съ грѣвостными людьми, для него были тѣ же наказанія и побои. «Нѣкоторые помѣщики — говорится въ сенатскомъ указѣ 15 апрѣля 1769 г. — священно-церковно-служителей не только побоями, но и наказаніями на тѣлѣ оскорбляютъ; напротивъ того обиженные нима отъ свѣтскихъ командъ по просьбамъ своимъ удовлетворенія не получаютъ, а другіе по причинѣ своего неимущества отъ суднаго по формѣ процесса отрицаются».

Такое положеніе, естественно, убивало духовенство нравственно и лишало его возможности имѣть вліяніе на развитіе религіознаго чувства и воспитанія въ народѣ. Стѣсненное снизу и сверху, духовенство не могло не чувствовать своего униженія передъ обществомъ, и не имѣя средствъ подняться на высоту общественнаго положенія, нравственно слабѣло, забывало свое назначеніе, грубѣло само въ невѣжествѣ и нерѣдко вдалось въ самыя мрачныя дѣла.

Приведенный нами очеркъ исторіи духовенства за два предшествовавшія столѣтія объясняетъ причины, почему на массахъ народа не видно вліянія духовенства и почему оно само находится и нынѣ еще на недостаточной степени развитія и образованности. Оно пахало землю и нищенствовало болѣе чѣмъ два вѣка, поэтому ему было не до теологіи, не до проповѣди. Теперь духовенство имѣетъ весьма многихъ представителей въ земскихъ учрежденіяхъ, среди прочихъ сословій, и можно ожидать, что, независимо отъ вопроса о матеріальныхъ средствахъ его, самое общественное положеніе духовенства значительно измѣнится и болѣе не будетъ причинъ, ослаблявшихъ вліяніе его на массы народа къ смягченію нравовъ и распространенію христіанскихъ истинъ.

О военныхъ приготовленіяхъ Турціи. — «Военный Сборникъ» (№5) сообщаетъ слѣдующее объ усиливающемся вооруженіи Турціи: Несмотря на разстроенное положеніе финансовъ Турціи, не смотря на государственнй долгъ, простирающійся до 280 м. руб. и ежегодно возрастающій вслѣдствіе постоянныхъ займовъ, заключаемыхъ при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, вооруженія не перестаютъ усиливаться, и усиливаются они какъ-бы подъ вліяніемъ толковъ иностранныхъ газетъ, будто бы Россія угрожаетъ Турціи. Какъ ни ложно подобное предположеніе, въ виду сосредоточеннаго вниманія нашего правительства на внутреннемъ развитіи государства, но во всякомъ случаѣ усиленіе вооруженій Турціи въ видахъ охраненія себя отъ Россіи — фактъ дѣйствительно существующій: въ нынѣшнемъ году турецкое военное министерство послало на малоазіатскую границу Россіи спеціальную комисію изъ высшихъ инженерныхъ и артилерійскихъ офицеровъ, для того, чтобы произвести разсмѣтанія относительно необходимыхъ предложенныхъ преждею подобною комисіею укрѣпленій и составить въ возмож-

но-свербѣнскнхъ времени смуту расходовъ на укрѣпленія. Устройство прочныхъ и соотвѣтственныхъ цѣли укрѣпленій на этомъ обширномъ пространствѣ потребуетъ весьма много времени и нѣсколькихъ миліоновъ рублей, которыхъ турецкому правительству неоткуда взять. Оно и безъ того уже тратитъ огромныя суммы на вооруженія силы и въ улучшеніи ихъ сдѣлало въ послѣднее время большіе успѣхи, но крайней мѣрѣ, гораздо большіе, чѣмъ при прежнихъ султанахъ. На военныя школы обращено вниманіе; весь корпусъ офицеровъ преобразованъ; гарнизонамъ дѣлаются частые смотры; всякое злоупотребленіе наказывается гораздо строже, чѣмъ прежде; армія снабжена 40 т. англійскихъ штуцеровъ; такіе же штуцера, въ количествѣ 240 т., частію уже заготовлены, а частію заготавливаются на турецкихъ заводахъ; на литейныхъ заводахъ изготавливается большое число нарѣзныхъ орудій самыхъ большихъ калибровъ; заботятся также о снаряженіи броненоснаго флота. Во всѣхъ приговореніяхъ особенно дѣятельное участіе принимаютъ англичане; управленіе турецкимъ флотомъ вѣрено англійскому капитану Слану, состоящему теперь въ турецкой службѣ адмираломъ, подъ именемъ Мухавер-паши. Въ послѣднее же время, изъ Англій прибыли въ Константинополь, съ офиціальными рекомендательными письмами, нѣсколько молодыхъ людей, получившихъ военное образованіе, и всѣ они тотчасъ же были приняты въ турецкую армію штаб-офицерами. Вліяніе этихъ инструкторовъ должно обнаружиться на самомъ образованіи турецкихъ войскъ, въ составъ которыхъ теперь влечены и два польскіе полка—казацкій и драгунскій. Полки эти существовали до сихъ поръ лишь временно и ожидали, что ихъ распускаютъ, но теперь они окончательно присоединены къ гвардіи. Это—первый опытъ допущенія христіанъ въ военно-сухопутную турецкую службу. Рядомъ этихъ полковъ большею частію состоятъ изъ албанцевъ, болгаръ и сербовъ.

По нашему мнѣнію, на вооруженія эти нельзя смотрѣть такъ индифферентно, какъ смотритъ нашъ военный журналъ. Указаніе его на то, что Россія занята внутренними дѣлами, вполнѣ основательно, но начало войны можетъ зависѣть и не отъ Россіи. Вооружившись и приготовившись къ войнѣ, Турція, можетъ быть, найдетъ для себя выгоднымъ начать войну; слѣдовательно, опасенія Турціи, будто Россія угрожаетъ ей, скорѣе слѣдуетъ признавать предлогомъ вооруженій для нея, скрытой цѣли. Въ минувшую войну, Турція была орудіемъ Франціи и Англій; роль эта остается за ней и нынѣ; такимъ образомъ, вооруженія Турціи въ сущности всегда будутъ усиленіемъ операціоннаго пункта Наполеона III и Англій на Востокъ. Иначе мы не можемъ и не должны ихъ разсматривать; всякая другая точка зрѣнія будетъ ложной и опасной. Борьба *одной* Турціи съ Россіей невозможна, но мы не можемъ оставаться равнодушными къ военнымъ приготовленіямъ Турціи потому, что приготовленія эти могутъ обнаруживать скрытыя цѣли другихъ, могущественныхъ соперницъ Россіи.

Исследование воды с.-петербургскихъ каналовъ д-ромъ Дракидорфомъ. Вода петербургскихъ каналовъ, при своемъ теченіи чрезъ городъ, безспорно, принимаетъ въ себя значительное количество постороннихъ веществъ, которыя, хотя и не могутъ быть прямо признаны за яды, тѣмъ не менѣе должны считаться источниками разложеній, способныхъ разрушительно дѣйствовать на человѣческіе организмы. Въ обширномъ изслѣдованіи состава воды разныхъ петербургскихъ каналовъ, помѣщенномъ въ «Архивѣ судебн. медиц. и обществен. гигиены» (№ 1), конечно, самой любопытной частью слѣдуетъ считать результаты изслѣдованій и основанныя на нихъ положенія, изъ которыхъ наиболѣе существенныя мы и извлекаемъ въ наше обозрѣніе. Быстрота теченія Невы 3.38 фута въ секунду, а при глубинѣ въ 40 футовъ и ширинѣ 2,400 футовъ — 86.728,437 нудъ въ секунду. Приращеніе постороннихъ веществъ увеличивается, по мѣрѣ увеличенія пути, пройденнаго каналомъ по городу, и пропорціонально густотѣ населенія, живущаго въ окружности канала и движенію, происходящему на его набережныхъ. Продукты выдѣленій и разложеній животныхъ организмовъ увеличиваютъ въ водѣ каналовъ азотистыя вещества, изъ которыхъ замѣчена *мочевина*. Жидкихъ изверженій отъ 500 т. жителей изслѣдователь вычислилъ 1,830,000 фунтовъ въ сутки; слюны и слезы 2,500 фунтовъ. Банный бульонъ и отдѣленія человѣческія на бѣльѣ также поступаютъ частію въ почву, а частію непосредственно въ воду каналовъ. На 100 фунтовъ воды причитается $\frac{1}{25}$ фунта мочи, или на 25 ф. 1 золотникъ, на 1 ф. отъ 3 до 4 капель, на большой чайный стаканъ по 1 каплѣ. Кромѣ многихъ растворенныхъ органическихъ веществъ, въ водѣ нашихъ каналовъ встрѣчаются еще другія, только плавающія въ ней живыя вещества, которыя населяютъ воды каналовъ въ видѣ грибовъ или надпочечныхъ животныхъ, микроскопическіе зародки и яйца новыхъ существъ, какъ напримѣръ яички ленточной глисты, содержащіяся въ большомъ количествѣ въ человѣческихъ испражненіяхъ, и стада вертячекъ, зарождающихся изъ твердыхъ испражненій собаки. Вода нашихъ каналовъ, какъ содержащая громадное количество разлагающихся веществъ, вредно дѣйствуетъ на здоровье. Вода Невы, текущая у береговъ вплоть до сенатской площади, немногимъ лучше воды каналовъ. Одна лишь вода въ средній рѣки столь же чиста, какъ вода, взятая въ верхнихъ частяхъ ея.

Чтобы ограничить употребленіе воды каналовъ, есть два исхода: артезианскіе колодцы и водопроводы. Объ этихъ послѣднихъ говорится, что вода, протекающая чрезъ нихъ, различается составомъ отъ чистой невской воды, что слѣдуетъ отнести на счетъ самыхъ трубъ. Въ будущемъ водопроводы должны подвергнуться обстоятельствамъ, ведущимъ къ ухудшенію воды, потому что мѣсто для собранія воды выбрано не совсѣмъ удобное, не на достаточномъ разстояніи отъ города. По мѣрѣ того, какъ будетъ наростать населеніе въ частяхъ, лежащихъ выше водопроводной башни, по мѣрѣ того, какъ будутъ тамъ устроиваться фабрики и т. п. заведе-

и я; правда чудовитая мало не талану и самая вода! Дѣло медицинскон полиции будетъ отъ времени до времени поспѣдовать свойство водн водопроводовъ. Не же дѣло стараться устранить обстоятельство, производящн временную порту водн. Изъ этихъ обстоятельствъ относится недостатокъ чнстотн въ водопроводахъ (чего въ настоящее время не существуетъ) и накопленне веществъ, извѣдывающнхъ качество водн, вблизи мѣста, гдѣ оканчиваются всасывающнхъ трубы водопроводной банинн. Весьма полезно бы было для этого предпрнятн устранить выгрузку дровъ около банинн, а также отвести другое мѣсто для знкровки баркамъ съ сѣномъ. Во всякомъ случаѣ, вода водопроводовъ всегда останется неяскою водою, со всѣми преимуществами и недостатками, принадлежащими этой бѣдой соли мн водѣ; она всегда останется текущей жидкостью, въ которой будутъ плавать инфузори, икъ зародыши и проч., такъ какъ эта вода собственно не процѣживается, и только пропускается снвозъ проволоочннхъ рѣшотъ. Дѣло администрацнн будетъ—изыскывать средства для настоящаго процѣживання водн, чего до сихъ поръ нельзя было сдѣлать.

Что касается водн, прнтекающей въ каналн изъ почвн, то въ будущемъ представляется еще вредъ отъ наснщення ея газомъ отъ сѣтн газовыхъ трубъ, протягнваемыхъ по Петербургу. Абсолютная плотность этихъ трубъ невозможна: всегда найдутся въ нихъ маленькня снвалнны, чрезъ которы, хоть бы онѣ въ опредѣленную единицу времени пропускали едва замѣтны количества газа, въ теченне годовъ перейдутъ въ почву, въ которой заложены трубы, чрезвычайно значнтельными массн освѣтительнаго газа; газъ этотъ большеню частнр будетъ задержанъ въ почвѣ до тѣхъ поръ, пока, по прошествнн извѣстнаго времени, не настанетъ моментъ наснщення, то-есть когда составныя частн почвн не будутъ больше въ состояннн поглощать новыя количества этого газа. Тогда вода, находящаяся въ почвѣ, овладѣетъ этимъ избыткомъ непоглощеннаго газа, и современенъ, по-крайней-мѣрѣ отчасти, переведетъ его въ каналн.

Въ геродахъ, гдѣ газозое освѣщенне давно существуетъ, это несчастне уже наступило. Вода колодезей и прнтокомъ Шпре и т. п. въ Берлннѣ имѣетъ запахъ и вкусъ составныхъ частей освѣтительнаго газа. Полагаютъ также, что потребители этихъ водъ обязаны нмъ многими страданнями. Въ Петербургѣ этотъ вредъ еще не обнаружился, потому что въ то короткое время, въ которое имъ пользуемся освѣтительнымъ газомъ, почва не успѣла наснтиться нмъ; но что современенъ онъ обнаружится—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣння. Умнранне деревъ вблизи газоваго освѣщення, на что уже обратнлн вниманне въ Гамбургѣ, Берлннѣ и Парнжѣ, объясняется, по мнѣнню автора, пропитанностью почвн виступающнмъ изъ трубъ освѣтительнымъ газомъ.

Нена, по быстротѣ своего течення, проноситъ большеню часть плавающихъ въ ней веществъ мимо города и, только ннвываясь

въ Финскій заливъ, гдѣ движущая сила ея парализуется напо-
ромъ воды изъ моря и мелями, осаждаетъ значительное коли-
чество этихъ веществъ; въ каналахъ же теченіе замедляется
вслѣдствіе тренія объ узкіе берега и дно, почему здѣсь пре-
исходятъ значительныя отложенія отчасти органическихъ, отчасти
неорганическихъ веществъ, и тѣмъ въ большихъ количествахъ,
чѣмъ площе каналъ, и чѣмъ больше онъ дѣлаетъ оборотовъ.
Эти отложенія, не говоря о веществахъ, прямо попадающихъ въ
каналъ, какъ, напримѣръ, трупы животныхъ и т. д. и подвер-
гающихся гніенію, представляютъ главные фокусы химическихъ
превращеній, центръ самаго обширнаго гніенія, въ которомъ раз-
лагаются не только органическія вещества, но и другія, какъ, на-
примѣръ, сѣрниокислыя соли, которыя восстанавливаются въ сѣрно-
кислые металы, въ свою очередь служащіе источниками сѣро-во-
дорода. Въ то же время газообразныя и растворимыя продукты
этихъ разложеній переходятъ въ воду. Въ доказательство того,
что вода каналовъ дѣйствительно находится въ состояніи гніенія,
и проинтана продуктами этого гніенія, можно указать на то, что
въ каналахъ, вслѣдствіе окисленія органическихъ веществъ, является
недостатокъ въ кислородѣ, такъ-что легко разлагающіяся азотно-
кислыя соединенія, отдавая свой кислородъ, весьма быстро раз-
рушаются, между тѣмъ какъ количество органическихъ веществъ
все болѣе возрастаетъ. Зимой отъ льда быстрота теченія еще
болѣе замедляется, и матеріалы для гніенія скопляются болѣе,
чѣмъ лѣтомъ, вслѣдствіе чего зимой, хотя процессъ гніенія въ
это время года превосходитъ гораздо медленнѣе, недостатокъ
кислорода сильнѣе, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда воздухъ не-
посредственно соприкасается съ поверхностію воды. По недо-
статку кислорода, рыба изъ Невы не переходить въ каналы, не-
смотря на то, что во время метанія перы она ищетъ воды съ
медленнымъ теченіемъ. Для развитія своихъ яицъ рыбы нуждаются
въ большемъ количествѣ кислорода, чѣмъ во всякое другое время
своей жизни, и потому удаляются каналовъ, зная, что каналъ от-
равитъ ихъ, какъ отравляетъ людей наполненная угаромъ комната.

Таковы непривлекательныя свойства петербургскихъ водовмѣ-
стителей, снабжающихъ водою большинство дѣшняго населенія.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Человѣкъ и развитіе его способностей или опытъ общественной физики. Сочиненіе А. Кетле. С. Петербургъ. Изданіе Бабста. Томъ I. 1865 г.

Никто, безъ сомнѣнія, не станетъ отвергать, что для весьма многихъ и важныхъ государственныхъ цѣлей безусловно необхо-

даны точныя и по возможности новѣйшія числовыя данныя о народонаселеніи вообще, а также и правильно, съ надлежащею полнотой составленные выводы о его движеніи. Такъ напримѣръ, государство по числу общаго своего народонаселенія можетъ заключать о количествѣ войска, которыхъ оно можетъ располагать въ данное время, предполагая, конечно, что имѣются свѣдѣнія о распредѣленіи народонаселенія по возрастамъ. Свѣдѣнія о числѣ дѣтей, которые по возрасту своему обязаны посѣщать школы, служатъ основаніемъ для устройства государствомъ школъ въ необходимомъ числѣ и размѣрѣ, для назначенія потребнаго числа учителей или учительницъ и т. д. Число ежегодно рождающихся въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ можетъ привести къ заключенію о числѣ необходимыхъ для этого повивальницъ, которое будетъ тѣмъ точнѣе и тѣмъ лучше удовлетворять истинной, дѣйствительной потребности, чѣмъ болѣе будетъ обращено вниманія на то обстоятельство, что число рожденій не бываетъ равномерно въ теченіе всего года, что, напротивъ того, вліяно оно достигаетъ наибольшей цифры, а потому и обуславливается усиленное, хотя на это время только, назначеніе акушеровъ. То же самое скажемъ мы и о докторахъ, число которыхъ для каждой мѣстности должно быть опредѣлено не только по одному числу народонаселенія, но по числу заболѣвающихъ и умирающихъ. Нередко число выборныхъ для отправленія государственныхъ или общинныхъ должностей опредѣляется по числу жителей извѣстной мѣстности; не зная этого числа, нельзя опредѣлить числа избирателей и выборныхъ и можно легко впасть въ ошибку при назначеніи избирательныхъ округовъ.

Но не менѣе извѣстно, что одни лишь свѣдѣнія о положеніи или движеніи народонаселенія еще весьма недостаточны для многихъ обстоятельствъ государственной жизни и не высказываютъ непосредственно всѣ тѣ выводы и результаты, которые въ свѣдѣніяхъ этихъ дѣйствительно заключаются. Поэтому является необходимость всѣ данныя эти обработать научнымъ образомъ, отыскать тѣ естественные законы, по которымъ слагаются различные отношенія и явленія въ народонаселеніи и которыя, однажды найденныя, могутъ служить не только кратчайшимъ выраженіемъ собранныхъ фактовъ, но и постоянною ихъ причиною.

Выраженіе «законы народонаселенія» не можетъ, конечно, считаться совершенно правильнымъ, ибо при этомъ идетъ рѣчь не объ открытіи или точномъ оправданіи той силы, которая причиняетъ извѣстныя явленія въ народонаселеніи вообще, но только о правильномъ и постоянномъ проявленіи ея. Такъ, напримѣръ, при этомъ не отыскиваютъ и не изслѣдуютъ ту силу природы, вліяніе которой число рождающихся мальчиковъ или дѣвочекъ находится въ извѣстной пропорціи, или ту причину, по которой число умирающихъ находится въ связи съ возрастомъ и т. д., но стараются только найти и опредѣлить отношеніе числа рождающихся мальчиковъ къ числу рождающихся дѣвочекъ и т. д. и найти,

сколько изъ известнаго числа лицъ вообще умираеть, на 20, 30 и 40-мъ году и т. д. Безспорно, знаніе законовъ народонаселенія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ правильное проявленіе производительной силы природы, было бы столь же любопытно, какъ и желательно; но изслѣдованіе оныхъ, оставивъ въ сторонѣ вопросъ, увѣнчались ли бы они успѣхомъ, принадлежить физиологич., а не политическимъ наукамъ, которыя довольствуются и тѣмъ, что могутъ считать несомнѣнными правилами, законами, какія либо опредѣленные явленія, или состоянія, встрѣчающіяся въ различныхъ отношеніяхъ народонаселенія. Явленія эти принимаютъ для насъ характеръ закона, потому что встрѣчаются неизмѣнно и не поддержаны вліанію чедовѣческаго произвола.

Попытки отыскать эти законы, были дѣлаемы довольно давно уже, и притомъ прежде, нежели подготовлены были достаточные для этого матеріалы. Первые труженныя, какъ-то Граунтъ, Петти, Галлей, Эдсмильхъ, Шортъ, Махо и проч. должны были довольствоваться при своихъ изысканіяхъ радомъ весьма незначительныхъ наблюденій, относительно небольшимъ количествомъ числовыхъ данныхъ и при томъ не всегда точныхъ; развитіе же и усовершенствованіе всѣхъ статистическихъ матеріаловъ въ послѣднее время дали возможность многимъ ученымъ, занимавшимся подобными изысканіями, представить весьма обстоятельные выводы. Въ ряду подобныхъ изслѣдованій, одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ безспорно принадлежить трудамъ Кетле. Будучи еще профессоромъ математики въ Гентѣ, гдѣ онъ и родился въ 1796 году, а потомъ въ Брюсселѣ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ учреждений для статистики, и по приказанію голландскаго короля Вильгельма, написалъ въ то время свои статистическія изслѣдованія о голандскомъ королевствѣ. Послѣ революціи 1830 года, онъ былъ назначенъ, по распоряженію бельгійскаго правительства, сперва директоромъ главнаго статистическаго бюро при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ, при учрежденіи въ 1841 году центральной статистической комисіи—ея президентомъ. Занимая эти должности, онъ воспользовался находящимися подъ рукою богатыми статистическими матеріалами и написалъ весьма важныя изслѣдованія, какъ-то о рождаемости и смертности бельгійскаго народонаселенія, объ уголовной статистикѣ въ Бельгій, теоріи вѣроятности въ примѣненіи къ наукамъ нравственнымъ и политическимъ, объ организаціи общества и законовъ, управляющихъ имъ (*) и т. д. Всѣ сочиненія эти отличаются необычайною математическою точностію, обширными изысканіями для достиженія правильныхъ приемовъ вычисленій и ихъ выводовъ, а также многочисленными и весьма

(*) Recherches sur la reproduction et la mortalité et sur la population de la Belgique. 1832. V. I. Statistique criminelle de la Belgique. 1832. Sur la theorie des probabilités appliquées aux sciences morales et politiques. 1846. Du système social et des lois qui la régissent. 1848.

точными данными, которые были собраны въ Бельгии подъ непосредственными наблюденіями и указаніями самого Кетле. Это все дало ему возможность не только составить первыя таблицы смертности для городского и сельскаго населенія, но и явиться основателемъ дѣлой школы, известной въ статистикѣ подъ именемъ математической.

Желая съ математическою точностію опредѣлить границы статистики, какъ науки, и сдѣлать невозможнымъ всякую неопредѣленность и шаткость въ мнѣніяхъ и изображеніяхъ, относящихся до статистики, Кетле въ своихъ статистическихъ послѣдованіяхъ принялъ числа за исходную точку и, на основаніи ихъ, сталъ анализировать законы единичной жизни человѣка и дѣлаго ряда общественныя состоянія. Онъ хотѣлъ посредствомъ изслѣдованій длиннаго ряда числовыхъ фактовъ показать, что въ разныхъ физическихъ и нравственныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, какъ-то въ рожденіяхъ, бракахъ, смертныхъ случаяхъ, преступленіяхъ, состояніи образованности и т. п., существуетъ большая правильность, обнаруживающаяся, конечно, не въ отдѣльныхъ явленіяхъ, но въ ихъ совокупности, и найти причины этой правильности. Для этого онъ пользуется средними числами и средними состояніями; а изъ отношеній однородныхъ фактовъ заключаетъ о причинахъ, ихъ обуславливающихъ. Статистика, по его опредѣленію, есть наука, которая учитъ изъ аналогическихъ рядовъ цифръ выводить законы для послѣдовательности общественныхъ фактовъ. Если на это и можно замѣтить, что въ фактахъ, выраженныхъ числами, а поэтому и способныхъ къ вычисленію, никакимъ образомъ не заключается все содержаніе статистики, что открывая порядокъ явленій и его причины, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что порядокъ этотъ до тѣхъ поръ остается незамѣненнымъ, пока существуютъ однѣ и тѣ же причины, и что въ различныхъ странахъ или въ одной и той же странѣ, но въ разныя времена, могутъ оказаться другіе результаты и другой порядокъ явленій, тѣмъ не менѣе должно признать, что Кетле разсмотрѣлъ вопросы о народонаселеніи съ необычайнымъ талантомъ. Въ своемъ самомъ главномъ, въ этомъ отношеніи, сочиненіи *Sur l'homme et le developpement de ses facultés ou essai de physique sociale*, 1835 г., переводъ котораго лежитъ предъ нами, Кетле доказываетъ всю необходимость большаго количества числовыхъ данныхъ, путемъ которыхъ и можно только составить себѣ вѣрную систему вѣроятностей и придти къ точнымъ предположеніямъ и заключеніямъ. Не входи въ разборъ этого классическаго сочиненія, составившаго эпоху въ исторіи статистики, мы укажемъ на главныя пункты ученія, съ которыми тѣсно связано направление школы, основанной бельгійскимъ ученымъ. Доказавъ, что главнѣйшія явленія человѣческой жизни—рожденіе человѣка, постепенное возрастаніе его и смерть—подчиняются опредѣленнымъ естественнымъ законамъ, Кетле спрашиваетъ, подчиняются ли также и законамъ произвольна дѣйствія человѣка, и рѣ-

шаетъ вопросъ этотъ утвердительно. Чтобы открыть эти законы, нужно отрѣшиться отъ представленія чловѣка и всего случайнаго и подвергнуть наблюденію большое количество фактовъ; чѣмъ болѣе лицъ будетъ подвергнуто наблюденіямъ, тѣмъ болѣе будутъ стираться и исчезать индивидуальныя, личныя особенности физической природы каждаго изъ нихъ, и тѣмъ яснѣе будутъ выступать тѣ общія условія, на которыхъ основано существованіе общества. Путемъ такихъ-то наблюденій открывается то, примѣнимое одинаково къ физической и духовной природѣ чловѣка, основное положеніе, что дѣйствіе однихъ и тѣхъ же причинъ предполагаетъ всегда возвращеніе однихъ и тѣхъ же слѣдствій. Путемъ указанныхъ изслѣдованій можно всегда открыть не только эти причины, но и самые законы, въ нихъ обнаруживающіеся. Въ предупрежденіе возраженія, что если законъ, дѣйствуя постоянно и вызывая рядъ однихъ и тѣхъ же слѣдствій, остается неизмѣннымъ, то чловѣкъ, слѣдовательно, представляетъ собою одну лишь бездушную машину, Кетле далѣе говоритъ, что причины эти не заключаютъ въ себѣ ничего непреодоимаго; напротивъ того, онѣ измѣняются вмѣстѣ съ развитіемъ чловѣческаго общества и успѣхами цивилизаціи. Онъ различаетъ въ этомъ отношеніи два рода причинъ: физическія и духовныя. Первыя обнаруживаютъ всегда постоянное дѣйствіе, а вторыя — оказываютъ вліянія какъ-бы случайныя, измѣняющіяся. Такимъ образомъ, при постоянно-дѣйствующихъ физическихъ и измѣняющихся духовныхъ причинахъ, самый результатъ ихъ можетъ быть различенъ въ различные періоды общественной жизни. Характеръ изслѣдованій и способъ воззрѣнія Кетле на общественную систему заключаетъ въ себѣ нѣчто положительное, могущее на первый взглядъ испугать извѣстнаго сорта умы. Одни увидятъ здѣсь наклонность къ матеріализму, а другіе, ложно толкуя его мысли, заподозрятъ въ немъ излишнюю претевзію расширить область положительныхъ наукъ и перевести геометра на чуждую для него почву. «Кто можетъ сказать (выражаясь словами самого Кетле, на стр. 19), что оскорбляется божество, когда изощряется самая благородная способность, какую только вложило оно въ насъ, обращеніемъ ея дѣятельности на изслѣдованіе самихъ высочайшихъ законовъ вселенной, затѣмъ, чтобы уяснить для всѣхъ удивительную экономію и безконечную мудрость, руководившихъ ея устройствомъ? Гениальный умъ только съ благоговѣніемъ осмѣливается изслѣдовать глубины необозримой вселенной. Безъ сомнѣнія, знаніе удивительныхъ законовъ, управляющихъ системой міра—знаніе, которымъ мы обязаны изслѣдованіямъ философовъ, даетъ несравненно болѣе высокое понятіе о могуществѣ божества, чѣмъ то слѣпое суевѣріе, которое хотѣлъ втѣснить намъ старый міръ. Наблюдая путь, которымъ шла наука въ дѣлѣ изученія міровъ, мы не понимаемъ, почему бы намъ не идти той же дорогой въ дѣлѣ изученія чловѣка? Не нелѣпо ли думать, что въ то время, какъ все совершается по извѣстнымъ законамъ, одинъ чловѣче-

свѣтъ родъ остается сѣбно предоставленнымъ самому себѣ и не имѣетъ никакого охраняющаго начала? Мы не боимся сказать, что это предположеніе дѣйствительно было бы оскорбительно для божества, но вовсе не то изслѣдованіе, которое мы хотимъ предпринять».

Въ означенномъ сочиненіи Кетле имѣлъ намѣреніе разсмотрѣть:

1) Законы, по которымъ человекъ воспроизводитъ себѣ подобнаго и развивается относительно роста, физической и нравственной силы, въ отношеніи большей или меньшей склонности къ добру и злу — законы, по которымъ развиваются его страсти и наклонности, по которымъ совершается производство и потребление, по которымъ онъ умираетъ и пр. пр.

2) Какое дѣйствіе природа оказываетъ на человека; какаѣ мѣра ея вліянія; каковы нарушающія силы и каковы были ихъ дѣйствія въ продолженіе того или другаго періода, и какъ общественные элементы были имъ главнымъ образомъ затронуты?

3) Наконецъ, могутъ ли силы человека дѣйствовать подрывающимъ образомъ на прочность общественной системы?

Убѣжденный въ великой важности и полезности подобныхъ изслѣдованій, не виѣстѣ съ тѣмъ сознавая всю ихъ трудность, Кетле не считаетъ своего сочиненія окончательнымъ отвѣтомъ на предложенныя имъ изысканія, а напротивъ того, желаетъ, чтобы на его сочиненіе смотрѣли бы только какъ на эскизъ огромной картины, рамки которой могутъ быть наполнены посредствомъ огромныхъ трудовъ и обширнѣйшихъ изслѣдованій.

Вышедшій въ настоящее время въ русскомъ переводѣ первый томъ этого замѣчательнаго сочиненія, содержитъ въ себѣ лишь первую книгу, въ которой разсматривается все, что относится до жизни человека, его воспроизведенія и смертности. Разсмотрѣвъ подробно вопросы о рожденіяхъ вообще и плодovitости, о вліяніи естественныхъ причинъ на число рожденій, о вліяніи нарушающихъ причинъ на число рожденій, о мертворожденныхъ, о вліяніи естественныхъ причинъ на смертные случаи и о вліяніи нарушающихъ причинъ на число смертныхъ случаевъ, Кетле разсматриваетъ вопросъ о народонаселеніяхъ и его приращеніяхъ, и всю теорію о народонаселеніи сводитъ къ двумъ слѣдующимъ принципамъ, на которые и смотритъ, какъ на долженствующіе служить главными основаніями анализа относительно развитія народонаселенія и причинъ, на него вліяющихъ (стр. 193), а именно: 1) народонаселеніе стремится къ увеличенію въ геометрической прогрессіи; 2) сопротивленіе или сумма препятствій, мѣшающихъ его развитію, равняется при одинаковыхъ условіяхъ квадрату скорости, съ которой народонаселеніе стремится увеличиться. Такимъ образомъ видимъ мы, что Кетле принимаетъ безусловно первую часть известной теоремы знаменитаго Мальтуса, котораго въ настоящее время у насъ также произвели въ безвозможные дурни, въ узкоболые и т. д. Онъ признаетъ, что англійскій великій экономистъ очень тонко изслѣдовалъ главныя пре-

питствія въ размноженію народонаселенія, и не менѣе удачно (стр. 192) опредѣлялъ тѣ границы, которыя еще не слѣдуетъ переступать подъ опасеніемъ большаго ущерба. Но говоря, что средства существованія не развиваются такъ быстро, какъ народонаселеніе, и что при обстоятельствахъ самыхъ благопріятныхъ для промышленности они могутъ развиваться только въ прогрессіи арифметической, Мальтусъ и его послѣдователи не опредѣляли, по мнѣнію Кетле, довольно ясно способъ дѣйствія этихъ препятствій къ увеличенію народонаселенія въ геометрической прогрессіи; тотъ законъ, въ силу котораго эти препятствія дѣйствуютъ, остался неопредѣленнымъ; словомъ, не дано средствъ перенести теорію народонаселенія въ область математическихъ наукъ, въ которой она, по мнѣнію Кетле, повидимому, специально должна быть отнесена. Съ этою цѣлью Кетле измѣнилъ вторую часть мальтусовской теоремы, замѣстивъ оную выраженіемъ или формулою, выше нами приведенною, для степени сопротивленія, оказываемаго развитію народонаселенія различными къ тому препятствіями.

При этомъ мы считаемъ неизлишнимъ напомнить гг. читателямъ, что извѣстный Робертъ фон-Моль, пользующійся большимъ авторитетомъ въ области политическихъ наукъ, признавая вполне справедливымъ, что увеличеніе средствъ существованія не происходитъ вездѣ и всегда по одной и той же арифметической прогрессіи, замѣчаетъ однако (въ 3-мъ томѣ своей исторіи и литературы политическихъ наукъ), что и выставленная Кетле для ея замѣны новая формула, не можетъ быть также принята; онъ не приводитъ никакихъ доказательствъ и доводовъ въ подтвержденіе своей формулы, въ которой вообще трудно добиться истиннаго смысла и значенія. Нельзя никакъ понять, какимъ образомъ могутъ быть математически вычислены и измѣрены всѣ препятствія, мѣшающія развитію народонаселенія въ геометрической прогрессіи; и вся формула, вообще говоря, ничего новаго и особеннаго собою не выражаетъ, а только то, что препятствія, мѣшающія развитію народонаселенія, становятся все сильнѣе и ощутительнѣе по мѣрѣ того, какъ народонаселеніе само все болѣе и болѣе увеличивается въ отношеніи къ средствамъ, для его существованія необходимымъ. Но это же всѣмъ давно уже знали.

Если въ сочиненіи Кетле могутъ быть найдены и другія неточности, несогласныя съ общимъ состояніемъ экономической науки въ настоящее время, тѣмъ не менѣе книга Кетле не утратила для насъ своего достоинства и значенія по тому глубоко-научному методу и приему, съ которымъ Кетле приступилъ къ разработкѣ статистическихъ данныхъ. Это и заставляетъ насъ съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣтить появленіе этого сочиненія у насъ въ переводѣ на русскій языкъ, сдѣланномъ, правда, спустя 30 лѣтъ послѣ перваго изданія книги, и пожелать г. Баксту успѣха въ его предпріятіи и попросить по возможности поспѣ-

шить окончаніемъ предпринятаго перевода, не откладывая его, по примѣру другихъ переводныхъ сочиненій, въ слишкомъ долгій ящикъ.

Слуги желудка. Исторія пяти чувствъ. Сочиненіе Массе. Передѣлка съ французскаго и изданіе Сувориной и Лихачевой. С.-Петербургъ. 1865 г.

Далше говоритъ о той важности и занимательности, которыя представляетъ собою физиологія; что же можетъ быть для чловека ближе и интереснѣе, какъ не знакомство съ дивнымъ устройствомъ его собственнаго организма и различными его отправленіями? Этимъ объясняется тотъ успѣхъ, которымъ пользуются извѣстныя, общедоступныя сочиненія по части физиологіи. Конечно, трудно составить популярное, общедоступное изложеніе по какой бы то ни было отрасли знаній; но, при добромъ желаніи и немаломъ талантѣ, правда, можно излагать понятно и образно самыя сухія повидимому вещи, чему примѣромъ служатъ французскій писатель Массе. Онъ попробовалъ рассказать дѣтямъ нѣкоторые факты изъ физиологіи въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Histoire d'une bouchée de pain» (переведенномъ на русскій языкъ подѣ заглавіемъ «Исторія кусочка хлѣба»), и имѣлъ блистательный успѣхъ какъ на французскомъ языкѣ, такъ и у насъ. Какъ бы продолженіемъ этому сочиненію, Массе написалъ другое, переведенное теперь также на русскій подѣ заглавіемъ «Слуги желудка», въ которомъ онъ старается передать читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ анатоміи, начавъ самымъ сухимъ ея отдѣломъ—остеологіею (ученіемъ о костяхъ, о скелетѣ человѣческомъ вообще), которой и посвященъ весь лежащій предѣ нами первый выпускъ этого сочиненія. Упомянувъ вкратцѣ о составныхъ частяхъ всякой кости, именно о гелатинѣ (то-есть хрящъ или студенистомъ веществѣ) и постепенно проникающемъ ее все болѣе и болѣе, каменистомъ веществѣ (фосфорно-кислой извести), выдѣляющемся изъ нашей крови, Массе переходитъ къ разсмотрѣнію жизни костей, то-есть тѣхъ процесовъ, путемъ которыхъ кости питаются, растутъ и разрушаются—измѣняются въ своемъ составѣ. Во всѣхъ этихъ процессахъ принимаетъ главное и самое дѣятельное участіе такъ называемая надкостная плева, облекающая всякую кость на подобіе того, какъ кора, заболонь облекаетъ всякое дерево. Въ эту пlevу входятъ самыя мелкія развѣтвленія сосѣднихъ артерій, наполняютъ ее кровью и питаютъ такимъ образомъ самую кость, то-есть хрящъ, который постепенно окостенѣваетъ снаружы, въ то время какъ снаружы продолжаетъ выдѣляться хрящъ, пока кость совершенно выростетъ. Позже дѣятельность надкостной плевы ограничивается лишь тѣмъ, что она наполняетъ снаружы кости то, что утрачивается во внутреннихъ ея слояхъ; благодаря ей же, послѣ вырѣзанной кости изъ надкостной плевы, оставшейся въ видѣ пустаго мѣшка, вырастаетъ новая кость, а два конца сломанной кости опять весьма крѣпко срачиваются, оставаясь

нѣкоторое время въ совершенно спокойномъ положеніи, безъ всякаго движенія. Подъ микроскопомъ мы легко увидимъ, что кость состоитъ изъ безчисленнаго множества костныхъ пластинокъ или волоконъ, вездѣ одинаковыхъ, которыя мѣстами сжаты вмѣстѣ и образуютъ *плотную ткань*; мѣстами же перекрещиваются между собою по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, образуя легкое вещество — *клеточную, сѣтчатую или губчатую ткань*; сія послѣдняя находится внутри костей, а первая — на наружной ихъ поверхности непосредственно надъ надкостною плевою. Въ костяхъ черепа обѣ наружныя пластинки плотной ткани такъ плотно и близко сходятся между собою, особенно въ старости, что трудно отыскать слѣды губчатой ткани; отъ этого и сами кости становятся очень хрупкими. Въ самой серединѣ каждой кости проходитъ артерія съ веною, приносящая пищу мозгу, заключенному какъ-бы въ каменной трубочкѣ. Войдя въ эту трубочку, артерія и вена развѣтвляются до безконечности и обертываютъ мозгъ такой сѣтью, что онъ принимаетъ красноватый оттѣнокъ, особенно у молодыхъ существъ, у которыхъ питаніе, а слѣдовательно и кровообращеніе гораздо дѣятельнѣе. Костный мозгъ, наполняющій собою все пустое пространство внутри костей, есть родъ маслянистаго, жирнаго вещества, о назначеніи котораго ученые еще сильно спорятъ. Одни утверждаютъ, что онъ служитъ для питанія и роста кости, какъ и надкостная плева; другіе говорятъ, что она сама образуется вслѣдствіе всасыванія кости, какъ продуктъ отживанія, т.-е. прямо сказать, костный мозгъ есть не что иное, какъ разложившаяся кость; во всякомъ случаѣ значеніе костнаго мозга неясно.

Какъ только человѣкъ достигаетъ зрѣлаго возраста, кости его перестаютъ расти, т.-е. достигаютъ извѣстныхъ размѣровъ, и тѣ хрящи, которые должны окостенѣть — окостенѣваютъ. Но тутъ жизнь не оканчивается еще: кости продолжаютъ безпрерывно измѣняться, но уже незамѣтнымъ для обыкновеннаго наблюдателя образомъ. На всемъ протяженіи кости происходитъ постоянное замѣщеніе отжившихъ частицъ новыми; по мѣрѣ разрушенія и удаленія отжившихъ частичекъ, вырастаютъ новыя, для того, чтобы въ свою очередь разрушиться и уступить мѣсто другимъ. Вотъ въ этихъ-то постоянныхъ замѣщеніяхъ смерти и рожденія заключается вся загадка жизни, въ какихъ бы формахъ и размѣрахъ ни проявлялась эта жизнь — въ формѣ ли историческихъ переворотовъ, смѣняющихъ одно государство другимъ, въ формѣ ли міровыхъ переворотовъ, измѣняющихъ поверхность нашей планеты, или въ формѣ переворотовъ духовно-нравственныхъ, какъ-то въ области религіи, наукъ, или въ микроскопической дѣятельности постоянного умиранія и возрожденія въ какомъ нибудь ничтожномъ кусочкѣ нашей кости.

Сказавъ о строеніи костей, Массе переходитъ къ разсмотрѣнію различныхъ сочлененій, посредствомъ коихъ нашъ скелетъ, составленный изъ множества отдѣльныхъ кусковъ, представляетъ собою

нѣчто цѣлое, вполне стройное, дѣйствующее такъ дивно хорошо, что люди до сихъ поръ не изобрѣли еще ни одной машины, которая могла бы выдержать сравненіе съ человѣческой машиною, состоящею изъ простыхъ косточекъ, на концахъ которыхъ находятся *связки*, то-есть сочлененія или составы.

Сочлененія эти бываютъ двоякія:

Неподвижныя — при чемъ кости лишь плотно соединены одна съ другою, и не могутъ двигаться одна независимо отъ другой, какъ напримѣръ сочлененія костей черепа.

Подвижныя — какъ напримѣръ у насъ въ рукахъ и въ ногахъ; они устроены иначе; каждая отдѣльная кость, связанная съ другою посредствомъ сочлененія, въ силу онаго можетъ дѣйствовать и двигаться самостоятельно, независимо отъ той кости, съ которою соединена.

Подвижныя сочлененія напоминаютъ собою маленькій закрытый мѣшокъ, внутри котораго концы костей двигаются свободно до извѣстныхъ границъ, но не переходятъ ихъ, это имъ не позволяетя; этотъ мѣшокъ, называемый фиброзная (волоконистая) сумка или сумочная связка, не позволяетъ кости смѣщаться съ своего мѣста. Но это сопротивление связокъ, удерживающихъ кости на мѣстѣ, неодинаково во всѣхъ возрастахъ: у дѣтей связки эти гораздо гибче, потомъ постепенно крѣпнуть, и наконецъ, рѣшительно отказываются принимать всякое неестественное положеніе, становясь въ старости словно окаменѣлыми, то-есть пропитанными известковымъ слоемъ. Снявъ сочлененіе, мы увидимъ на обоихъ концахъ костей, бывшихъ во взаимной связи между собою, точно выточенные возвышенія и впадки, которыя вкладываются другъ въ друга съ замѣчательною точностію; края ихъ заканчиваются хрящами, которые не должны смѣшиваться съ тѣми, о которыхъ выше говорено. Эти хрящи сочлененій или *составные* хрящи, находятся у человѣка во всѣхъ его возрастахъ; они неподвижны, и составляютъ существенную часть всей системы сочлененій; они очень упруги, а главное ихъ назначеніе заключается въ томъ, чтобы ослабить взаимное давленіе костей, и предупредить переломы.

При этомъ должно еще замѣтить, что два суставныхъ хряща, соприкосновеніе которыхъ ничѣмъ не облегчается, мало-по-малу сдѣлаются вмѣстѣ, то-есть сочлененіе изъ подвижнаго становится неподвижнымъ, а слѣдовательно, кость члена не можетъ болѣе дѣйствовать. Для отвращенія подобнаго несчастнаго обстоятельства, подъ сумочною связкою лежитъ другая *оболочка*, выделяющая постоянно изъ себя клейкую жидкость, извѣстную подъ названіемъ синовиальной или членосуставной влаги. Эта оболочка некрѣпка, похожа на мокрый пузырь, и принадлежитъ къ числу *серозныхъ*, то-есть выделяющихъ изъ себя жидкость, взятую ими изъ *своротки* (*serum*, полатини) крови; жидкость эта или влага, подобно маслу или жиру въ машинѣ, имѣетъ своимъ назначеніемъ способствовать движенію членовъ и костей, находящихся между

собою въ подвижномъ сочлененіи. Послѣ бездѣйствія, въ первыя минуты трудно двигать членами, что происходитъ оттого, что синовиальная влага слишкомъ сгустилась въ сочлененіи, такъ сказать, застыла его. Но дѣло становится весьма серьезнымъ, когда эта влага совсѣмъ засыхаетъ, что происходитъ отъ продолжительной неподвижности, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и годовъ, какъ это и случается при весьма опасныхъ болѣзняхъ, сильныхъ ушибахъ, ранахъ, и т. д. Тогда является страшная болѣзнь — неподвижность суставовъ, или лучше сказать, *спалміе* ихъ, обозначаемое греческимъ словомъ — анкилозъ (*ankylosis* — спайка).

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, устройство костей вообще, относящееся до *общей* анатоміи, Массе переходитъ къ такъ называемой *описательной* анатоміи костей, которая рассматриваетъ каждую кость отдѣльно, одну за другою, и съ такою же ясностію и занимательностію излагаетъ устройство позвоночнаго столба и составляющихъ его различныхъ позвонковъ, также черепа, зубовъ, груди, рукъ и ногъ, что и занимаетъ остальную, большую часть всего выпуска.

Русскій переводъ этого сочиненія вполне удовлетворителенъ, и намъ остается только благодарить переводчицъ-издательницъ за столь же полезный, какъ и прекрасно выполненный трудъ. Онѣ не только перевели, но и мѣстами значительно измѣнили самый текстъ, избавивъ его съ одной стороны отъ той чрезмѣрной болтливости, которая обнаруживается у Массе, съ другой же — дополнивъ тѣ мѣста, которыя были слишкомъ поверхностно изложены. Онѣ при томъ же старались сдѣлать по возможности полнымъ и самостоятельнымъ это сочиненіе, которое могъ бы безъ затрудненія прочесть всякій, даже незнакомый съ *Исторіею кусочка хлеба*, и написали вполне хорошую и обстоятельную статью о зубахъ, о которыхъ Массе говорить чрезвычайно поверхностно. Вообще говоря, подобное изданіе сочиненій Массе въ русскомъ переводѣ, обогащая небольшое число истинно полезныхъ и толковыхъ книгъ, существующихъ въ нашей литературѣ для популярнаго чтенія, составляетъ явленіе, которому нельзя не сочувствовать. Безъ сомнѣнія, публика оцѣнитъ подобный трудъ издательницъ-переводчицъ; мы же съ своей стороны думаемъ, что наше сочувствіе къ переводу г-жъ Сувориной и Лихачевой можетъ быть всего болѣе выражено желаніемъ не только полного успѣха ихъ изданію, но чтобы и другія переводчицы послѣдовали ихъ примѣру, издавая одинаково полезныя, какъ и толковыя книги, чуждыя всякой пустой болтовни и вполне неумѣстнаго фразѣрства, столь же непонятнаго для читателей, которымъ оно предназначается, какъ и вполне вреднаго.

Надѣемся, что издательницы не замедлятъ подарить русской публикѣ и послѣдующіе выпуски Массе, по мѣрѣ ихъ выхода.

Исторія Польши. Сочин. И. Кулжинскаго. Изданіе Бредихина. Кіевъ. 1864 г.

Появленіе этого сочиненія составляет въ области нашей литературы явленіе столь же замѣчательное, какъ и горестное. Горестное оно потому самому, что мы вынуждены заглядывать о явленіи сочиненія Кулжинскаго, названнаго имъ же самимъ *очеркомъ*, которое даже не на полныхъ 200 страницахъ вмѣщаетъ въ себѣ исторію Польши—государства, прежде столь же обширнаго, какъ и замѣчательнаго, въ продолженіе безъ малаго тысячи лѣтъ, то—естъ отъ доисторическихъ временъ Польши до возстановленія Царства Польскаго въ 1815 году. Очень горестно, что наши различные отечественные историки, тратившіе время на вслѣдованія и характеристики изъ сферы исторіи западныхъ государствъ, очень мало или даже вовсе неотнoснцлсь до нашего отечества, не возннхлн благодѣтельнаго желанія составить намъ, русскимъ читателямъ, общедоступную исторію Польши—страны, которая, вслѣдствіе различныхъ событій мировой исторіи, составляетъ одну изъ частей цѣлаго нашего государства въ настоящее время. Въ курсахъ гимназій или университета, и въ литературѣ всегда слышали мы о Польшѣ урывками; о ней говорили при случаѣ, и то вкратцѣ. Такъ, напримѣръ, рассказывая о Дмитрѣй Донскомъ и битвѣ его съ Мамаемъ, скажутъ, что былъ у сего послѣдняго союзникъ Ольгердъ и два слова о немъ, и еще болѣе краткій очеркъ о его предшественникахъ, о вторыхъ иногда и вовсе ничего не скажутъ, только развѣ Ягелло съ Ядвигою помянутъ; говорить о войнахъ Іоанна III съ Казиміромъ IV, но едва-ли кто слышалъ когда либо отъ учителя или профессора о вислицкихъ статутахъ. Тамъ, потомъ являются Лжедмитрій, Владиславъ Жолкевскій, а что было въ самой Польшѣ во время всего этого періода—мимо; потомъ сѣверная война, Петръ-Великій, Карлъ XII и Станиславъ Лещинскій, король польскій, тутъ—какъ—тутъ, а потомъ смотришь—Польша является со своими конфедерациями—барскою, тарговицкою, а Суворовъ очутился въ Прагѣ, и пошли раздѣлы и т. д. Короче, все это выходитъ безъ склада и лада, какою-то фантазмагоріею, совершенно непонятною, подъ вліяніемъ которой, однако, и въ настоящее время слышатся взгляды и сужденія о такъ называемомъ польскомъ вопросѣ, столь же дико-фантастическія, сколько и неслышныя съ ходомъ польской исторіи, которой бѣльшая часть нынѣ насъ не учила, потому что не учили, и о которой не читала, ибо порусски о ней не писали, а мы попольски не разумѣемъ.

Поэтому намъ крайне необходимо имѣть разумную, общедоступную исторію Польши, своеобразная жизнь и странная судьба которой для насъ, русскихъ, владѣющихъ нынѣ прежнимъ этимъ королевствомъ, едва-ли не любопытнѣе, и во всякомъ случаѣ воучительнѣе судебъ и исторій многихъ другихъ племенъ, которыя, однако, въ силу какого-то страннаго и непонятнаго каприза, случая, мы знаемъ гораздо лучше, точнѣе и обстоятельнѣе, нежели исторію страны, не только намъ союемеиной, но и вполнѣ связанной съ судьбою и жизнью нашего отечества.

Но можете ли намъ указать кто либо на полную исторію Польши, написанную на русскомъ языкѣ? Едва-ли: мы не рѣшаемся сказать положительно *нѣтъ*, и желаемъ очень для вѣщей славы нашей исторической литературы даже ошибиться и въ этомъ сомнѣніи. Правда, въ началѣ 1864 года появился первый томъ перевода исторіи польскаго народа— Генриха Шмитта, молодого польскаго ученаго, занимающагося разработкою польскихъ историческихъ памятниковъ; но переводъ этого сочиненія, сдѣланный очень удовлетворительно Шрейеромъ, доведенъ только до 1496 года, то-есть до царствованія Іоанна-Альбрехта; затѣмъ, для самаго поверхностнаго только знакомства съ дальнѣйшими, послѣдующими событіями въ Польшѣ, оставалось обратиться къ краткимъ очеркамъ исторіи польскаго народа Іоахима Лелевеля, переводъ Я. Ивановскаго 1862 г., которые также не обнимали всей исторіи Польши, а остановились, почему только, неизвѣстно, на третьемъ раздѣлѣ Польши въ 1796 году. Вновь вышедшая исторія Польши и представляетъ явленіе, замѣчательное въ томъ отношеніи, что сообщая читателю довольно ясный очеркъ всей политической жизни польскаго королевства, она доведена уже до 1815 года, когда императоръ Александръ даровалъ полякамъ 12 декабря учредительную хартію, и единогласно, отъ искренняго сердца, названъ былъ ими *Воскресителемъ Польши*; они сами не вѣрили своему счастью, получивши новое бытіе, увидѣвъ возстановленіе Польскаго Царства (стр. 195).

Сочиненіе это читается очень легко; въ раздѣленіи исторіи Польши на періоды Кулжинскій не придерживается ни Лелевеля, ни Шмитта; онъ принималъ свое, нелишнее, впрочемъ, оригинальности, и едва-ли строго научное, именно слѣдующее: 1) до-историческое время Польши до 965 года; 2) Польша подъ управленіемъ государей изъ дома Пястовъ, отъ 965—1386 года; 3) подъ правленіемъ королей изъ дома Ягеллоновъ, отъ 1386—1572 годъ; 4) подъ правленіемъ королей изъ разныхъ домовъ (1572—1796 г.). Въ заключеніе авторъ говоритъ о варшавскомъ герцогствѣ (1807—1815 г.) и возстановленіи Царства Польскаго, предоставляя исторію позднѣйшаго времени обязанность разсказать, какъ воспользовалась Польша благосостояніемъ подъ мирною сѣнью своей единоплеменницы Россіи.

Разсказы о старинныхъ людяхъ. 4 выпуска. С.-Петербургъ. 1864—65 г. Тип. Бакста.

Намъ рѣшительно непонятно, почему разсказы, написанные для простаго народа или дѣтей очень молодого возраста, о древнихъ индійцахъ, египтянахъ, финикіянахъ, персахъ, грекахъ и римлянахъ, приняла названіе разсказовъ *о старинныхъ людяхъ*, хотя точнѣе было бы сказать *народовъ* и сообщить о нихъ свѣдѣнія болѣе интересныя, понятныя и точныя, нежели сдѣлано это означеннымъ *изданіемъ переводчицъ*, какъ напечатано это начиная со 2-го выпуска. Что значитъ собственно «изданіе переводчицъ»? Издали ли

онѣ на свой счетъ *переводъ* этихъ разсказовъ, сдѣланный другими, или общество переводчицъ, если такое существуетъ только издали, а не переводило эти разсказы, представляющіе собою трудъ самобытный или переводный? Въ послѣднемъ случаѣ не мѣшало бы, конечно, указать, съ чего именно переводъ сдѣланъ. Какъ бы тамъ ни было, мы только замѣтимъ, что вполнѣ сочувствуя благой цѣли переводчицъ — дать народу возможность познакомиться съ главными народами, повлиявшими на театрѣ всемірной исторіи, мы тѣмъ не менѣе не считаемъ ихъ трудъ удовлетворительнымъ. Разсказы на двухъ самыхъ маленькихъ страничкахъ о финикіянахъ, асиріянахъ и вавилонянахъ дадутъ объ этихъ народахъ понятіе едва-ли иное, чѣмъ самое смутное, мало чѣмъ отличающееся отъ извѣстной фразы «исторія финикійцевъ темна и баснословна». Мы думаемъ, что взявъ въ основаніе исторію Дункера, или даже просто всеобщую исторію Вебера, можно составить весьма краткую и тѣмъ не менѣе наглядную и занимательную исторію древнихъ государствъ для простаго народа, не вдаваясь, конечно, въ объясненіе ихъ вѣронсповѣданій и міеологіи, крайне непонятной и рѣшительно безъ всякаго значенія, какъ скоро она излагается на полустраницѣ. Да и разсказъ вратцѣ греческихъ драмъ (?) «Прометей» и комедіи Аристофана «Птицы» (какъ это сдѣлали издательницы въ 3-мъ выпускѣ разсказовъ) не дасть ровно никакого понятія о греческой литературѣ, а если и дасть, то самое невѣрное, подобно тому, какое получить читатель разсказовъ о римскихъ кліентахъ, прочитавъ на стр. 6 и 9 четвертаго выпуска, напримѣръ, «Отецъ съ нѣсколькими слугами (*клиентами*) обрабатывалъ землю»; или «война доставляла добычу *дворянцѣмъ-патриціямъ*, а дома земли ихъ обрабатывали ихъ слуги (*клиенты*)». Ужъ не считаютъ ли переводчицы патриціевъ такими же дворянами, какъ и нашихъ помѣщиковъ, а бывшихъ рѣшительныхъ, а нынѣ временно-обязанныхъ крестьянъ — кліентами! Да лучше было бы справиться о значеніи кліентовъ и патриціевъ хотя бы въ сочиненіи Момзена, чѣмъ писать подобныя вещи; переводчицы могли бы воздержаться такъ же, что бы не писать въ введеніи къ 1-му выпуску слѣдующаго: «листь да наземъ сталъ на землю падать да гнить — вотъ и черноземъ сдѣлался!» Каково объясненіе? Или: «а пожалуй скоро высчитаетъ (т.-е. человекъ), когда какая погода будетъ, когда дождь, а когда ненастье...» или стр. 8 предисловія къ 3-му выпуску: «въ наше время народы *достигли* (замѣчательно! жаль что не указано, кто же именно) или по-крайней-мѣрѣ стремятся достигнуть совершенной отмѣны рабства, *полной* свободы мысли и слова, *полнаго* равенства всѣхъ половъ и сословіи, и мечтаютъ (кто эти народы-мечтатели?) о братскомъ союзѣ народовъ». Желательно очень знать, какую пользу можно ожидать отъ сообщенія и распространенія въ народѣ какихъ-то неопредѣленныхъ понятій о полной свободѣ мысли и слова (что же, и ругаться можно?), полнаго равенства всѣхъ половъ и т. д. Для чего упоминать въ предисловіи къ народному изданію

о такихъ понятіяхъ, въ опредѣленіи, а также размѣрахъ и степени возможнаго осуществленія которыхъ едва-ли можно найти двухъ мыслящихъ людей, вполне между собою согласныхъ; переводчицы же и не думаютъ дать опредѣленіе всѣмъ этимъ громкимъ фразамъ, предоставляя это собственному соображенію тѣхъ читателей, которымъ, однако, объясняютъ, что «въ Греціи было не очень жарко и не холодно»... «Вотъ дерево растетъ красиво, а съ мѣста сойти не можетъ... А у рыбы хоть ни рукъ, ни ногъ нѣтъ и голосу нѣтъ, а только одинъ пискъ какой-то да чавканье (у рыбы-то), а все она развитѣе *деревя*: плавать можетъ, куда ни захочетъ, да и глаза у ней есть. А у птицы двѣ ноги *да вмѣсто рукъ*—крылья. Звѣрь реветъ (*всякій ли?*), а птица пѣть можетъ... Обезьяна, такъ та всѣхъ звѣрей *хитрѣе*; можетъ *все* сдѣлать, что увидитъ какъ люди дѣлаютъ» (будто бы и все уже? и рассказы о старинныхъ людяхъ написать можетъ?) и т. д. «Въ самую глубокую старину люди-то и пахать не умѣли, какъ дикіе жили (а какъ жили дикіе?), каждая семья врозь, городовъ не было и т. д. (все это въ предисловіяхъ къ выпускамъ IV и VI)... Вотъ это такъ послѣдовательно! Словно такіе читатели понимаютъ сами, безъ всякаго объясненія, значеніе полной свободы слова, мысли, полного равенства половъ, сословіи, имуществъ и т. д.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время появились въ печати слѣдующія сочиненія:

ÄGYPTRISCHE PERSOHNEN NAMEN BEI DEN KLASSIKERN, gesammelt von G. Parthey. (Египетскія собственные имена людей у классическихъ писателей, собранныя Г. Партейемъ). 1864.

ALLGEMEINE ÄSTHETIK ALS FORMWISSENSCHAFT, von Pp. Dr. R. Zimmermann. (Общая эстетика, какъ наука о формѣ, Р. Циммермана). 1865.

BILDUNGSABWEICHUNGEN BEI EINIGEN WICHTIGEREN PFLANZENFAMILIEN, von Dr. C. Crater. (Уклоненія отъ нормальнаго образованія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ семействъ растений, К. Крамера) 1864.

ELEMENTARBUCH DER DIFFERENTIAL-UND INTEGRALRECHNUNG, von Fr. Autenheimer (Элементарная книга дифференціальныхъ и интегральныхъ вычисленій, Ф. Аутенгеймера). 1865.

FORM UND INHALT IN DER ÄSTHETIK, von Dr. T. Vogt. (Форма и содержаніе въ эстетикѣ, Т. Фогта). 1865.

LEBENSERINNERUNGEN UND DENKWÜRDIGKEITEN, von C. G. Carus. (Воспоминанія К. Г. Каруса). 1865.

LEITFADEN FÜR DEN UNTERRICHT IN THEORIE UND PRAXIS DER RATIONELLEN Bienenzucht, von A. Schmit und G. Kleine. (Теоретическое и практическое руководство къ рациональному пчеловодству, Э. Шмидта и Г. Клейне). 1865.

LEITFADEN DER NATURGESCHICHTE DES MINERALREICHES, von W. Kükula. (Руководство къ естественной исторіи, царство ископаемыхъ, В. Кукюли). 1865.

- G. E. LESSING, von Pr. Dr. W. Loebell. (Г. Е. Лессингъ, В. Лёбелла). 1865.
- OESTERREICH'S BETHEILIGUNG AM WELTHANDEL, von P. Revoltella (Участіе Австріи въ мировой торговлѣ, П. Револьтелла). 1864.
- POPULÄRE ÄSTHETIK, von Dr. C. Lemcke. (Популярная эстетика К. Лемке). 1865.
- PREUSSISCHE GESCHICHTE, von W. Pierson. (Пруская исторія, В. Пирсона). 1865.
- ATALANTA IN CALYDON. A tragedy. By A. C. Swinburne. (Аталанта въ Каллидонъ; трагедія А. Ч. Свинборна). 1865.
- SAWYRE, by G. O. Trevelyan. (Каунпоръ, Г. О. Тревелиана). 1865.
- THE HISTORY OF PLAYING-CARDS, with Anecdotes of their Use in Conjur-ing, Fortune-Telling and Card-Sharpping, by S. Taylor and Others. (Исторія игорныхъ картъ, съ анекдотами относительно ихъ употребленія при ворожбѣ, гаданіи и шулерствѣ, С. Тэйлора и другихъ). 1865.
- A LADY'S WALKS IN THE SOUTH OF FRANCE IN 1863, by Mary Eyre. (Разъѣзды леди по южной Франціи въ 1863 г., Мери Эйръ). 1865.
- THE LIFE, Times and Scientific Labours of the second marquis of Worcester, by Henry Dircks. (Жизнь, время и ученые труды втораго маркиза Уорчестерскаго, Г. Диркса). 1865.
- MODERN WARFARE AS INFLUENCED BY MODERN ARTILLERY by Colonel Macdougall. (Новая война, обусловленная новой артилеріею, полковника Макдугалла). 1865.
- NOTICES ILLUSTRATIVE of the Drama and other popular amusements chiefly in the 16 and 17 centuries. By W. Kelly. (Пояснительныя свѣдѣнія о драмѣ и другихъ народныхъ увеселеніяхъ преимущественно въ 16 и 17 столѣтіяхъ, В. Келли). 1865.
- PUBLIC RESPONSIBILITY AND VOTE by Ballot, by an Elector. (Общественная отвѣтственность и выборъ посредствомъ балотированія). 1865.
- VILLAGE LIFE IN SWITZERLAND, by Sophia Delmar. (Сельская жизнь въ Швейцаріи, Софія Дельмаръ). 1865.
- HISTOIRE DE L'ESPAGNE DEPUIS LES PREMIERS TEMPS JUSQU'À NOS JOURS, par Mary Lafon. (Исторія Испаніи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней, соч. Мари Лафона). 2 vols. Paris.
- LA FAMILLE. LA MÈRE, par Eugène Pelletan. (Семейство. Мать. соч. Ем. Пеллетана). Paris.
- CAUSERIES SUR LES FEMMES ET LES LIVRES, par G. Merlet. (Бесѣды о женщинахъ и книгахъ, соч. Г. Мерле). Paris.
- LA HAUTE-SAVOIE, recits d'Histoire et de voyage, par Francis Wey. (Верхняя Савойя, историческія и путевыя замѣтки, соч. Ф. Вей). Paris.
- LES GRANDS HOMMES DE L'ORIENT, par Alph. de Lamartine. (Великіе люди Востока, соч. Альф. Ламартина). Paris.
- DRAMES POLITIQUES, par Alfred Michiels (Политическія драмы, соч. Альфреда Мишельса) Paris.
- LES MYSTÈRES DES VIEUX CHATEAUX DE FRANCE, par une société d'archivistes, sous la direction de A. B. Lefrançois. (Тайны старинныхъ французскихъ замковъ; собраны обществомъ архивариусовъ, подъ редакціею А. Б. Лефрансуа). Т. I. Paris.
- ESSAI D'ULTIMUM ORGANUM ou constitution scientifique de la méthode, par J. de Strada. 1-ere Série Bases de la méthaphysique. (Система философскаго метода, соч. Ж. Страды. Отдѣлъ I. Основы метафизики). Tomes I et II. Paris.
- LA SCIENCE PHILOSOPHIQUE. MM Taine, Renan, Littré et Vacherot. Par Paul Janet. (Философскій кризисъ. Тэнъ, Ренанъ, Литре, Вашеро). Paris.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

«АФРИКАНКА».

Опера въ 5-ти дѣйствіяхъ; музыка Г. Мейербергера.

Полная опера для пѣнія съ фортепьяно въ большомъ форматѣ
Net 16 руб.

Полная опера для пѣнія съ фортепьяно въ маломъ форматѣ (in 8-vo);
роскошное издание Net 12 руб.

Полная опера для пѣнія съ фортепьяно въ маломъ форматѣ
(in 8-vo); обыкновенное издание Net 8 руб.

Отдѣльные номера для пѣнія съ фортепьяно, и для
одного фортепьяно арранжированные «A. Croisez» и
одобренные Ф. И. Фетисомъ (arrouvéés par F. J. Fétis).

	ц. р.	к.	ц.	к.
№ 1. Romance «Adieu mon doux rivage» (pour Soprano ou Mezzo-Soprano)	75	к.	60	к.
» 2. Terzettino «Ou par devoir»	85	»	60	»
» 3. Choeur des évêques.	60	»	60	»
» 3-bis Quintetto, extrait du Final	75	»	—	»
» 4. Air du sommeil «Sur mes genoux»	85	»	60	»
» 5. Air «Fille des roix, à toi l'hommage» pour Bariton, Tenor ou Basse à.	85	»	60	»
» 6. Du «En vaion leur impuissante rage, pour Soprano et Tenor.	1 —	»	85	»
» 7. Septuor, extrait de Final «Moi seul il m'aime»	1 —	»	60	»
» 8. Choeur des femmes «Le rapide et léger navire»	60	»	60	»
» 9. Quatuor et choeur de matelots . . . . . «Debout matelots, l'équipage debout	1 —	»	60	»
» 10. Prière (Double choeur) «O, grand saint Dominique»	60	»	60	»
» 11. Ballade «Adamastor, roi des vagues profondes»; pour Basse, Bariton ou Tenor. . . . . à	75	»	60	»
» 12. Duo «Quel destin, ou plutôt quel aveugle délire»	1 15	»	60	»
» 13. Choeur des Indiens «Brahma, Brahma».	60	»	60	»
» 14. Choeur de Sacrificateurs «Soleil qui sur nous t'élèves brûlant»	60	»	60	»
» 15. Grand air, Ô Paradis sorti de l'onde, pour Tenor ou Baryton. . . . . à	75	»	75	»
» 15-bis Mélodie extraite de l'air, pour Tenor ou Baryton. . . . . à	60	»	—	»

	Для двухъ съ фортепьяно.	Для одного фортепьяно.
» 16. Cavatine «L'avoir tant adorée», pour Baryton ou Basse . . . . . à	p. 60 к.	60 к.
» 17. Grand Duo «Eh bien fuis loin de nous»	1 30 »	75 »
» 18. Chœur dansé «Remparts de gaze, cachez l'extase» . . . . . »	85 »	60 »
» 19. Arioso «Fleurs nouvelles, arbres nou- veaux», pour Soprano et Mezzo-Soprano ou Contralto. . . . . à	» 75 »	60 »
» 20. Grand Duo «Avant que ma vengeance»	1 45 »	75 »
» 21. Grande Scène du mancenillier «D'ici je vois la mer immense» . . . . . }	1 30 »	75 »
» 21-bis Cavatine extraite de la Scène précé- dente. «La haine m'abandonne», pour Soprano, ou Mezzo-Soprano . . . . . à	» 60 »	— »
» 22. Air extrait de la Scène précédente «O délices qui m'inondent», pour So- prano, ou Mezzo-Soprano . . . . . à	» 75 »	60 »
» 23. Chœur aérien «C'est ici le séjour de l'éternel amour» . . . . . »	75	60 »

**Разныя сочиненія на мотивы, изъ оперы
«АФРИКАНКА».**

- A. JAELL, Trois paraphrases brillantes, pour piano à 4 mains . . . . . 1 r. 50 c.
 AUG. VINCENT, Fantaisie Transcription, op. 18. 1 r. 10 c.
 E. KETTERER, Fantaisie de Salon, op. 170. 1 r. 45 c.
 CRAMER, Bouquet de mélodies, mosaïque 1 r. 75 c.
 GRANDE marche Indienne, édition originale, pour piano 1 r. 45 c.
 La même, arrangée à 4-mains par E. Wolff 2 r. 30 c.
 MARCHE religieuse, arrangée pour le piano, par Vauthot 75 c.
 La même, arrangée à quatre mains, par Ed. Wolff 1 r. 15 c.
 Dernière pensée musicale de G. Meyerbeer: Prélude de la scène du
 Mancenillier, au 5-e acte de l'opéra «l'Africaine»; pour piano
 (avec accomp.) de Violon et Violoncelle ad lib. 50 c.

Для одного фортепьяно.

- ВИЛЬМЪ, Н. фонъ. Траурный маршъ . . . . . 75 c.
 LEWY, Ch. «Le 12 Avril», Méditation . . . . . 75 »
 STRAUSS. «Homage au public russe» — большое пюжурн на любя-
 міе русскіе мотивы . . . . . 1 р. 50 к.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать *все* ~~самыя~~ *самыя се-
мьдесятъ, сто и какъ бы то ни было издавныя или объявленныя*
 въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе ноть на три руб. сер.,
 получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. 25 проц.; на
 десять руб. 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ
 того, не платятъ за пересылку. Требования гг. иногороднихъ
 исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

А. ВИТТИНГЪ.

H. X

668

290

15

JUN 15 1937

JUN 15 1937

